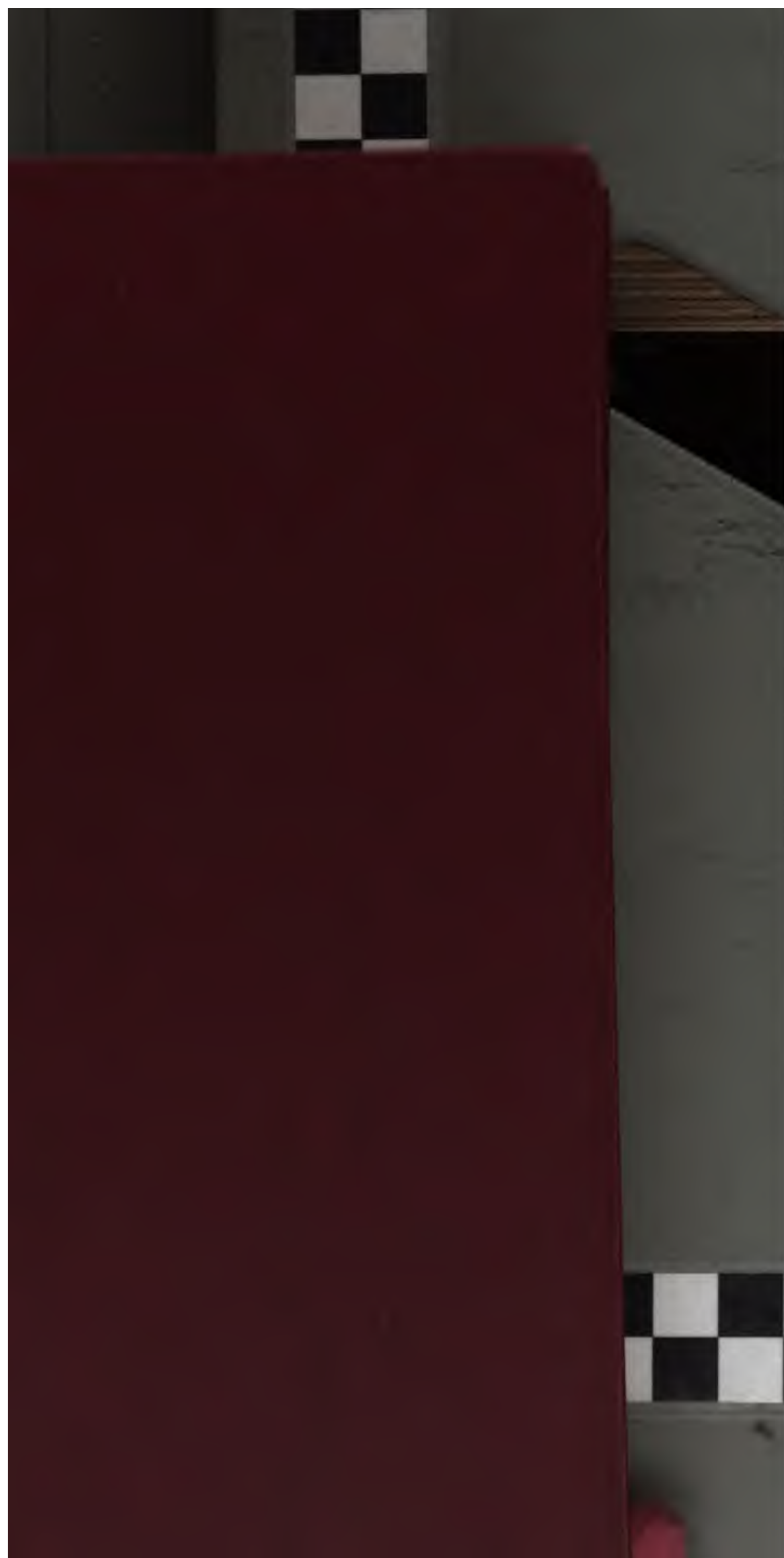

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ III.

ЭТНОГРАФІЯ МАЛОРУССКАЯ

А. Н. Пыпина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28
1891.

(1833)

Въ изложеніи малорусской этнографіи также сдѣланы значительныя дополненія, такъ что оно является иногда болѣе подробнымъ, чѣмъ другія части моей работы. Это возможно было между прочимъ потому, что объемъ предмета былъ здѣсь гораздо тѣснѣе, а притомъ и мало извѣстнѣе внѣ круга малорусскихъ спеціалистовъ и любителей. Значительную долю дополненій заняли подробности біографическія. Мы указывали прежде (т. II, стр. 422), какой интересъ подобныя черты могли бы представить для объясненія развитія самой науки,—даже еслибы шла рѣчь не только о руководящихъ, но и второстепенныхъ дѣятеляхъ науки: не лишено исторической важности, именно въ изученіяхъ народныхъ, и особливо мѣстныхъ, опредѣлить, въ какихъ условіяхъ возникало влеченіе къ изслѣдованіямъ народности, какъ взаимно питались и вліяли чувство личное и общественное съ одной стороны, и съ другой—чисто научный интересъ; присоединялся наконецъ и общій вопросъ литературной біографіи. Къ сожалѣнію, мы не могли въ желательной степени указать эту сторону предмета; многое, отчасти и по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, должно было остаться одинокой чертой и намекомъ, — по крайней мѣрѣ мы обращаемъ вниманіе на эту сторону въ развитіи народныхъ изученій. Приведенныя свѣдѣнія доставлены большею частію самими учеными писателями; но въ особенности мы обязаны въ собираніи этихъ свѣдѣній В. П. Горленку и А. А. Русову.

Въ первоначальномъ изложеніи, составлявшемся въ разное время, мнѣ приходилось иногда возвращаться съ новыми данными къ предмету, затронутому раньше по другимъ отношеніямъ; я

счелъ возможнымъ оставить это изложеніе въ прежнемъ видѣ, такъ какъ читатель безъ труда можетъ прослѣдить предметъ по подробному оглавленію.

Къ судьбамъ малорусской этнографіи имѣетъ весьма близкое отношеніе вопросъ о такъ-называемомъ украинофильствѣ. Я предпочелъ не вводить его въ эту книгу: нѣсколько обстоятельное изложеніе его должно было бы завлечь далеко отъ предмета настоящей работы, предназначенной больше для фактовъ собственной этнографіи и, можетъ быть, внѣшнимъ образомъ было бы трудно въ данное время. Мой взглядъ, давно сложившійся и доселѣ не измѣнившійся, былъ не однажды изложенъ, и я ограничусь ссылкой на „Исторію слав. литературъ", т. I, на относящіяся сюда прежнія статьи въ „В. Евр.", а для литературы предмета на посвященный ей отдѣлъ въ „Покажчикѣ" г. Комарова (1883).

Настоящая книга вызвала нѣсколько разборовъ, между прочимъ враждебныхъ; избѣгая вносить полемику въ книгу, я въ концѣ моей работы сдѣлаю въ послѣсловіи обзоръ тѣхъ замѣчаній, которыя заслуживаютъ вниманія.

А. Пыпинъ.

Іюнь, 1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ историческомъ очеркѣ русской этнографіи мы только мимоходомъ коснулись развитія этнографіи малорусской. Естественно, что послѣдняя должна представить многія общія или параллельныя черты съ великорусской; но въ то же время въ ея развитіи были особенности, только ей принадлежавшія. Общность являлась въ самомъ единствѣ племенъ, языкъ, бытъ и поэтическія созданія которыхъ, несмотря на долгое историческое раздвоеніе, сберегли много общихъ основъ; древность обѣихъ племенныхъ отраслей была одна и та же— кіевская. Новѣйшій интересъ къ народному одинаково и одновременно одушевлялъ ученыхъ и любителей, работавшихъ на сѣверѣ и на югѣ: они чувствовали свою солидарность, находили взаимно опору въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣдко однѣ и тѣ же лица трудились въ обѣихъ областяхъ, какъ напр. Срезневскій, Бодянскій, Максимовичъ, Костомаровъ... Но, съ другой стороны, были отличія, происходившія изъ самого положенія малорусской народности. Русская по своей глубочайшей основѣ, она цѣлые вѣка прожила раздѣльно отъ другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихіей русскаго міра; и тѣ особенности этнографическія, которыя можно угадывать еще въ древнемъ характерѣ южно-русскаго племени сравнительно съ сѣвернымъ, развились подъ вліяніемъ исторіи въ такія своеобразныя формы, которыя бросались въ глаза самому народу и рѣзко отличили „хохла" отъ „москаля". Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности—а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ (формы земледѣльческой и вообще хозяйственной культуры); племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народ-

ности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи на югѣ (какъ напр. давнія восточныя, а затѣмъ польскія вліянія XV—XVII в.); національная историческая борьба XVI—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при „возсоединеніи". въ половинѣ XVII-го столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ оттѣнкомъ. Нѣкогда княжества удѣльной Руси, подпадавшія московскому объединенію, при всѣхъ (какія бывали иногда) отличіяхъ отъ московскаго люда, сливались съ нимъ въ одной великорусской основѣ; въ крайнихъ случаяхъ, какъ въ Новгородѣ, московская власть помогала объединенію простыми истребленіями неподдающихся населеній, выведеніемъ туземцевъ и переводомъ на ихъ мѣста московскихъ жителей, установленіемъ московскихъ порядковъ управленія и быта. Здѣсь подобныя мѣры были невозможны: слишкомъ велика была масса, которую нужно было бы приводить къ одному знаменателю; самое возсоединеніе сопровождалось политическими условіями, согласіемъ московскаго правительства на сохраненіе мѣстнаго права и обычая, когда притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кіевскій бытъ стоялъ выше московскаго, напр., въ школѣ и извѣстномъ развитіи образованія. Но присоединеніе къ сильному государству, притомъ одноплеменному, не могло не сглаживать племенныхъ различій. Въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го столѣтія объединеніе шло большими шагами: мѣстныя особенности не имѣли настолько внутренней силы, чтобы удержаться подъ властью могущественной имперіи, при подавляющемъ господствѣ администраціи, нравовъ, а затѣмъ новаго просвѣщенія и литературы, развивавшихся съ XVIII-го столѣтія. Малорусская старина политическая, „малороссійскія права", исчезали окончательно; малорусскіе люди шли въ русскую службу, военную и гражданскую, поставляли іерарховъ, чиновниковъ, государственныхъ дѣльцовъ и даже фаворитовъ; старая войсковая и земельная аристократія стала русскимъ дворянствомъ, какъ народъ, наравнѣ съ русскимъ, дѣлался крѣпостнымъ; умственныя силы вступали въ потокъ русской науки и литературы;—но на мѣстѣ еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы. Въ тѣ времена, до самыхъ 1860-хъ годовъ, не задавались тѣми задачами абсолютнаго обрусѣнія, какія ставились въ послѣднія десятилѣтія; правительство довольствовалось полнымъ объединеніемъ административнымъ и не думало, чтобы внѣ этого еще слѣдовало гнаться за истребленіемъ мѣстныхъ бытовыхъ

отличій, языка, нравовъ и книжности. Въ литературѣ, развивавшейся съ Петровской реформы подъ разными европейскими вліяніями, малорусскія силы участвовали вмѣстѣ съ великорусскими, работали надъ тѣми же общими образовательными вопросами и литературными направленіями, какъ ложный классицизмъ, сентиментальная школа, романтизмъ, и долго совсѣмъ не возникало вопроса о мѣстныхъ народныхъ элементахъ, которые однако продолжали жить,—точно также ихъ долго еще не касалась и наука.

Такимъ образомъ, вопросъ этнографическій оставался незатронутымъ въ старой литературѣ, не былъ возбуждаемъ какими-нибудь внѣшними толчками; въ жизни шелъ постепенно процессъ племенного объединенія, и если съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка возникли и стали все больше расширяться этнографическія изученія и выростать стремленіе къ своенародному, то побужденіе къ нимъ лежало въ глубокихъ основаніяхъ самой внутренней жизни народности. Говоря объ исторіи русской этнографіи, мы указывали, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ складывалось то направленіе, которое съ тридцатыхъ годовъ получило названіе „народности". Самымъ глубокимъ источникомъ былъ тотъ элементъ русскаго содержанія, который не былъ никогда заглушенъ въ самыхъ искусственныхъ и натянутыхъ произведеніяхъ прошлаго вѣка, и напротивъ былъ только усиливаемъ новыми нравственными и общественными понятіями, какія приходили изъ классическихъ произведеній европейской литературы. Соціальная мысль о народѣ, а съ нею и мысль о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы возникаетъ еще съ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи выростала въ цѣлое направленіе, подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ (двѣнадцатый годъ), романтической школы и политическаго либерализма; наконецъ, интересъ народности поднятъ былъ дошедшими къ намъ отголосками славянскаго возрожденія и вліяніями нѣмецкой историко-филологической науки. Всѣ эти элементы, нравственные, политическіе, литературные, научные, имѣли свое дѣйствіе и на развитіе этнографіи малорусской: когда разъ въ образованныхъ литературныхъ кругахъ выдѣлилась ясно мысль о народѣ, то особность малорусской стихіи представлялась тотчасъ сама собой—оставалось въ нее вникнуть. При первыхъ этнографическихъ приступахъ къ малорусской народности, ярко выступалъ фактъ, что при всемъ единствѣ племенъ исторія провела между ними рѣзкую разницу во всемъ народно-бытовомъ характерѣ, въ языкѣ, преданіи, народной поэзіи и обычаѣ. Все оригинальное, самобытное бросалось въ глаза, и когда этнографическій интересъ сталъ серьезнымъ литературнымъ вопросомъ, онъ естественно расширился съ одной стороны до научнаго изученія народной старины и

современности, съ другой—до общественной постановки вопроса. Первымъ серьезнымъ началомъ даны были всѣ послѣдующія развѣтвленія этого движенія. Этнографическій интересъ, *какъ всегда*, переходитъ въ стремленіе къ извѣстнаго рода реставраціи народности.

Этнографическая наука, вытекая изъ желанія познать народъ, доставляетъ обыкновенно матеріалъ для народническихъ стремленій (въ прежнее время романтическихъ, въ новѣйшее—болѣе реальныхъ), оживляетъ и усиливаетъ ихъ; такъ малорусскія этнографическія изученія уже вскорѣ соединились съ стремленіями поднять общественное и нравственное состояніе самого народа, съ этой цѣлью создать для него литературу на народномъ языкѣ; рядомъ съ этимъ шла идеализація малорусской старины. Чѣмъ сильнѣе становилось это народническое стремленіе, тѣмъ больше въ глазахъ энтузіастовъ выростала особенность родного племени, даже противорѣчіе двухъ отраслей русской народности; въ тѣмъ болѣе увлекательныхъ очертаніяхъ вставала малорусская старина или патріархально-идиллическая современность, украшенная изящными произведеніями народной поэзіи... Возникновеніе интереса къ малорусской народности и начатки новой малорусской литературы казались возрожденіемъ старины, паденіе которой являлось какъ бы несправедливостью исторіи. Отсюда рождалось представленіе о томъ, что новое малорусское движеніе вообще равнозначительно съ славянскимъ возрожденіемъ (съ которымъ и дѣйствительно имѣло многія связи и параллельныя явленія). Въ послѣднее время этнографическая ревность нѣкоторыхъ южно-русскихъ (особливо галицкихъ) ученыхъ настаивала на полной раздѣльности великорусскаго и малорусскаго племени и языка, какъ особыхъ, независимыхъ отраслей славянскаго корня...

Такія ступени проходило, въ общихъ чертахъ, изученіе малорусской народности. Первоначальный интересъ къ народному, какъ и въ развитіи русской этнографіи, исходилъ изъ простого продолженія стараго, еще незабытаго обычая, изъ привычки къ той или другой старинѣ, изъ вкуса къ народной пѣснѣ; когда позднѣе этотъ интересъ получилъ мѣсто въ кругу литературныхъ понятій, т.-е. занялъ людей образованныхъ, перешелъ въ книгу, то народность сначала привлекала элементомъ патріархальности (которую давно превозносила псевдо-классическая идиллія и эклога, а потомъ теоріи Руссо́), потомъ внушала сочувствія соціально-филантропическія (какъ это было и въ русской литературѣ), затѣмъ прошла стадіи сантиментальной и романтической школы и оффиціальной народности. Въ послѣднія десятилѣтія, этнографическое движеніе, какъ русское, такъ и малорусское, опять было въ извѣстной связи съ новыми направленіями литературы, западничествомъ и славянофильствомъ, совпадая

то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, между прочимъ, московская исключительность новѣйшаго славянофильства не мало способствовала развитію того малорусскаго историческаго патріотизма, который (подъ названіемъ украинофильства) въ послѣднее время вызывалъ крайнее раздраженіе не только газетныхъ публицистовъ, но даже и нѣкоторыхъ людей ученыхъ и, по нашему мнѣнію, вовсе не требовалъ бы этого раздраженія.

Племенную своеобразность двухъ народныхъ отраслей видѣлъ издавна, и съ обѣихъ сторонъ, самъ народъ: съ обѣихъ сторонъ былъ русскій народъ, издавна раздѣлившійся, по политическому положенію и политической мѣркѣ, на *великую* и *малую Русь*, но эта Русь на одной сторонѣ были „хохлы", на другой „москали" или „кацапы"—простонародныя клички, имѣвшія для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ. Пунктомъ очевиднаго историческаго дѣленія двухъ племенъ былъ XII—XIII вѣкъ, начало политическаго объединенія на сѣверѣ, и особенно татарское нашествіе. Съ тѣхъ поръ исторія обѣихъ отраслей разошлась на многіе вѣка и политически, и культурно: онѣ стали принадлежать двумъ разнымъ государствамъ, и вступили въ совершенно различныя культурныя условія. Историческія обстоятельства были таковы, что это государственное дѣленіе не казалось удивительнымъ или неправильнымъ, потому что было неизбѣжно и вынуждено силою вещей. Обѣ стороны, великое княжество московское, великое княжество литовское, были русскія; русская стихія уже вскорѣ возобладала въ строѣ литовскаго княжества; князья-литвины стали русскими по вѣрѣ и языку—какъ будто произошла только смѣна династій; но затѣмъ положеніе осложнилось: сближеніе, потомъ окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ Польшей ввели южно-русское племя въ связь и вмѣстѣ столкновеніе съ инороднымъ элементомъ племеннымъ и религіознымъ. Высшій классъ, сначала понемногу, потомъ почти поголовно отпалъ въ чужую народность и чужую вѣру, отпалъ отчасти по доброй волѣ, соблазненный матеріальными выгодами и блескомъ общественнаго положенія польскаго магнатства и шляхетства, отчасти вынужденный; но народная масса осталась вѣрна преданію, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выносила страшный гнетъ религіозный и соціальный, не уступивъ ни своей вѣры, ни народности. Кончилось тѣмъ, что Малая Русь присоединилась къ Москвѣ, съ которой въ томъ и другомъ отношеніи сознавалась давняя связь. Москва приняла политическія условія „возсоединенія", но крайне исключительная, вслѣдствіе вѣковыхъ условій *своей* исторіи, съ недовѣріемъ смотрѣла на новую для нея разновидность русскаго племени. Отчасти это недовѣріе было понятно: отпаденіе высшаго малорусскаго класса въ католичество, принятіе польскихъ обычаевъ и, наконецъ, языка,

заставили москвичей думать, что и вообще западное православіе слабо; но москвичи вообще не могли понять ни несходства иныхъ обычаевъ юго-западной Руси, даже православной, съ московскими, ни южно-русскаго образованія. Это недовѣріе, равнявшееся недружелюбному предубѣжденію, какъ будто обновилось опять въ литературныхъ и административныхъ врагахъ малорусскаго народническаго движенія, но съ русской точки зрѣнія должно было бы признать, что „возсоединеніе" было великой побѣдой южно-русскаго племени надъ исключительно тяжелыми обстоятельствами и было заслугой въ самомъ русскомъ смыслѣ: приходилось бороться съ врагомъ очень сильнымъ и упорнымъ въ своихъ стремленіяхъ, притомъ вооруженнымъ гораздо болѣе высокою культурою, и побѣда принесла великую пользу *всему* русскому цѣлому, потому что та же борьба на западной границѣ предстояла бы самóй московской Россіи. Правда, сожительство съ польскимъ обществомъ—кромѣ той потери, которая испытана была отпаденіемъ высшихъ классовъ—оставило и на православной массѣ извѣстный оттѣнокъ польскаго вліянія; но, во-первыхъ, бытовое отличіе южной Руси (приписывавшееся москвичами только этому вліянію) на дѣлѣ выходило вовсе не изъ одного польско-католическаго вліянія, а изъ всѣхъ историческихъ условій южно-русской жизни, а во-вторыхъ, рядомъ съ тѣмъ, чтó казалось не національно-русскимъ для москвичей, были пріобрѣтены изъ польскаго источника важныя культурныя выгоды, опять послужившія для цѣлой русской народности. Церковная борьба создала потребность въ образованіи; стали заводиться школы по латинско-польскому схоластическому образцу; южно-русскіе дѣятели XVI—XVII вѣка внесли въ латино-польскій обиходъ своей школы греко-русское православное содержаніе, и новое образованіе уже вскорѣ проникло въ самую Москву, гдѣ кіевскіе ученые стали его первыми представителями и начинателями. Языкъ, которымъ говорила южно-русская ученость и книга, былъ своеобразной амальгамой церковно-славянскаго съ формами рѣчи южно-русской, съ отдѣльными добавками изъ латинскаго и польскаго; въ церковныхъ предметахъ онъ, конечно, больше пользовался церковной стихіей, въ предметахъ историческихъ и житейскихъ ближе подходилъ къ народной рѣчи. На этомъ языкѣ составилась съ XVI-го вѣка цѣлая литература, удовлетворявшая популярнымъ потребностямъ, такъ что новѣйшее возникновеніе малорусской литературы со времемъ Котляревскаго, собственно говоря, было только подновленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ стараго книжнаго преданія [1]). Выученики Кіевской Академіи имѣли свою историческую

[1]) Въ газетѣ „Кіевлянинъ", 1885, явился цѣлый рядъ статей по поводу моихъ замѣчаній о происхожденіи украинофильства, высказанныхъ въ статьѣ: „Волга и Кіевъ"

роль въ московской умственной жизни XVII-го вѣка, были дѣятелями въ Никоновскомъ исправленіи книгъ, въ установленіи Славяно-греко-латинской Академіи, были придворными учеными и піитами, отъ временъ Алексѣя Михайловича и до Петра; въ эпоху реформъ, это были ревностные сотрудники Петровскаго преобразованія; въ теченіе прошлаго вѣка, изъ ихъ среды вышелъ цѣлый рядъ значительныхъ іерарховъ; они были главными дѣятелями въ установленіи духовныхъ школъ. Наконецъ, въ Малороссіи все еще были свои гетманы; до половины царствованія Екатерины II цѣла была Запорожская Сѣчь.

Въ концѣ XVIII и даже началѣ XIX столѣтія старый, спеціально малорусскій бытъ былъ еще цѣлъ, и начинатели новой литературы были еще окружены живыми остатками оригинальной родной старины. Въ то время еще не ставили утонченныхъ національныхъ

(„В. Е.“, 1885, іюль). Между прочимъ, мысль о малорусскомъ литературномъ преданіи съ XVI вѣка, котораго я тамъ коснулся, показалась газетѣ „просто глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ“ и „дѣтски неловкой передержкой“. И для блистательнѣйшаго опроверженія, „Кіевлянинъ“ указывалъ на великую разницу между писателями кіевскаго періода, работавшими будто бы надъ обще-русскимъ языкомъ, и новѣйшими украинофилами, стремящимися обособить малорусскій языкъ.

Остановимся на этомъ возраженіи, потому что оно является однимъ изъ множества другихъ подобныхъ, направляемыхъ противъ историческаго права малорусской литературы. Оно заключаетъ въ себѣ простую путаницу или извращеніе фактовъ. Чтобы кіевскіе ученые въ XVII стол. именно заботились объ обще-русскомъ языкѣ, это есть нелѣпость: въ то время не было идеи о русскомъ книжномъ языкѣ въ нашемъ смыслѣ; они просто писали на языкѣ, который образовался въ южной книжной практикѣ—на церковно-славянской основѣ. Но что впослѣдствіи, когда ихъ дѣятельность стала простираться и на сѣверъ, ихъ труды имѣли свою долю участія въ образованіи книжнаго языка обще-русскаго, это извѣстный фактъ, не однажды и мною указанный. А въ данномъ случаѣ, у меня шла рѣчь совсѣмъ о другомъ, именно о присутствіи въ южной письменности чисто *малорусской стихіи* не только языка, но и содержанія, и о продолженіи ея съ XVI до XIX вѣка. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Напр., писатель, котораго газета не рѣшится, вѣроятно, обвинить въ попущеніи украинофильству, находитъ, что малорусское литературное движеніе въ концѣ прошлаго вѣка (съ Энеиды Котляревскаго), которое проложило путь новѣйшей украинской литературѣ, „*не есть что-либо новое и является только непосредственнымъ отзвукомъ предыдущаго развитія кіевской искусственной литературы XVIII вѣка* (Петровъ, Очерки изъ ист. укр. литерат. XVIII в., стр. 149),—такимъ же образомъ литература XVIII вѣка была продолженіемъ и отзвукомъ предыдущей, —что я и говорилъ.

Какъ странно прямое, безъ всякихъ историческихъ церемоній, сопоставленіе XVII-го вѣка съ XIX-мъ, нечего и говорить.

Подробное и строго научное обоснованіе упомянутыхъ мною связей новой малорусской литературы съ старымъ книжнымъ преданіемъ сдѣлано было потомъ въ замѣчательной книгѣ Н. П. Дашкевича, представляющей „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, въ XXIX-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1888, стр. 37—301.

вопросовъ, не считали малоруссовъ какъ будто за чужое племя и не думали видѣть ущерба для достоинства русскаго народа въ признаніи извѣстной малорусской особности: это былъ фактъ, который странно было оспаривать или въ заявленіи его видѣть сепаратизмъ. Такимъ образомъ, съ самой эпохи возсоединенія до начала нашего столѣтія, когда явились первые опыты научной этнографіи и первыя сознательныя попытки литературы на народномъ языкѣ, племенное и бытовое малорусское преданіе хранилось еще и въ языкѣ, и въ особенностяхъ типа, и въ своеобразномъ обычаѣ, и въ прекрасныхъ произведеніяхъ народной поэзіи, и въ близкихъ еще воспоминаніяхъ историческихъ.

Но исторія дѣлала свое. Старина политическая была уничтожена окончательно съ прекращеніемъ гетманства и Запорожской Сѣчи,— послѣдняя теряла и смыслъ съ завоеваніемъ Крыма, съ раздѣлами Польши; никакихъ протестовъ это паденіе политической старины не вызвало; Малороссія вживалась спокойно въ общіе гражданскіе порядки. Объединеніе совершалось и въ области образованія и литературы съ неоспоримымъ первенствомъ господствующей народности. Сколько ни ушло малорусскихъ силъ на служеніе русской школѣ и литературѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи это были школа и литература русскія. Сначала, съ половины XVII-го вѣка, когда началось сильное воздѣйствіе Кіевской Академіи, и почти до Ломоносова, сама русская литература переживала безформенное переходное состояніе, когда и въ содержаніи ея мѣшались отголоски старины съ начатками новыхъ знаній и общественныхъ интересовъ, и въ языкѣ еще стояло смѣшеніе церковнаго и русскаго языка, съ примѣсями словъ иностранныхъ или тяжело переведенныхъ съ иностраннаго; но уже съ Петровской реформы новая литература пріобрѣтаетъ черты, которыя должны были утвердить за ней полное господство. Это былъ притокъ новыхъ реальныхъ знаній всякаго рода, общественныхъ идей и поэтическихъ элементовъ, заимствованныхъ изъ западно-европейскихъ литературъ, и этотъ новый матеріалъ, развивавшійся на широкой государственной почвѣ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, какъ напр., Академія наукъ, позднѣе Московскій Университетъ и спеціальныя школы, на господствующемъ языкѣ имперіи, въ трудахъ разнородныхъ представителей ея населенія, составилъ умственную силу, у которой должна была заимствоваться сама Малороссія [1]). Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, русская литература дѣлала все болѣе широкія пріобрѣтенія и въ запасѣ научныхъ знаній, и въ развитіи

---

[1]) Ср. Петрова, Очерки изъ украинской литературы XVIII вѣка. Кіевъ, 1880, стр. 11—13.

художественныхъ элементовъ, и полагала все болѣе прочныя основы для своего будущаго національнаго значенія; то, что нѣкогда принесено было малорусскими силами, поглощалось въ цѣломъ русскомъ движеніи, а мѣстная малорусская книжность или была застарѣлой схоластикой, или становилась провинціализмомъ. Самъ малорусскій языкъ,—когда образованіе распространялось уже на русскомъ языкѣ,—все больше дѣлался языкомъ низшаго класса, простонародья, и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, по наставленіямъ тогдашнихъ піитикъ, этотъ „деревенскій, мужицкій слогъ" могъ быть употребляемъ только въ низшихъ родахъ литературы, напр., въ комедіяхъ. Итакъ, еще съ прошлаго вѣка высшіе интересы науки, общественности, художества выражались уже на болѣе широкомъ поприщѣ русской литературы: на это поприще сами собой переходили и писатели, которые были уроженцами юга; ихъ образованіе бывало уже русское, ихъ литературный языкъ—русскій.

Въ такомъ броженіи были двѣ народныя силы. Повидимому, южно-русскій племенной элементъ сдѣлалъ свое историческое дѣло, и ему оставалось окончательно слиться съ господствующей народностью и затеряться въ ней. Вмѣсто того, съ той самой поры, когда повидимому истощились ея послѣднія литературно-образовательныя стихіи, мы видимъ живое, оригинальное возрожденіе, которое выразилось—началомъ южно-русской этнографіи и попытками литературы на народномъ языкѣ. Гдѣ источникъ этого возрожденія?—Глубочайшій источникъ его заключается въ жизненной силѣ народнаго существа, въ томъ новомъ соціальномъ и литературно-поэтическомъ интересѣ къ народному, который составляетъ знаменательное историческое явленіе не только русско-славянской, но всей европейской жизни новаго времени... Въ то время, когда, какъ мы сказали, стихіи народности казались истощенными, онѣ продолжали жить въ скрытомъ состояніи и обнаружились, какъ скоро явилась возможность ихъ дѣйствія... Этнографическое изученіе указало богатую оригинальность южно-русской народности, исторія раскрывала ея старыя преданія: передъ научнымъ изслѣдованіемъ возставалъ цѣлый особый элементъ русскаго народа, его характера и содержанія, и ихъ изученіе являлось дѣломъ не только мѣстнаго патріотизма, но глубокимъ вопросомъ науки и цѣлаго національнаго самосознанія. Южно-русскіе элементы вступали въ общую русскую жизнь не безъ своего особеннаго дѣйствія; они неуловимо присутствовали и въ трудѣ тѣхъ людей, которые, повидимому, работали только на обще-русской почвѣ, покидая свою мѣстную,—но именно силою своей мѣстной оригинальности они и могли иногда оказывать великія услуги этому обще-русскому дѣлу. Таковъ былъ Гоголь.

Итакъ самый ходъ исторіи пробуждалъ эти народныя силы и вниманіе къ нимъ общества, научное и практическое. Въ средѣ самихъ малоруссовъ создавался этимъ горячій интересъ къ своей старинѣ и народности, и естественное чувство любви къ мѣстной родинѣ стремилось собрать сокровища ея историческаго преданія и поэзіи. Высокое достоинство малорусской народной поэзіи оцѣнено было не одними малоруссами, и не было ничего мудренаго, что у мѣстныхъ патріотовъ съ поэтическимъ настроеніемъ рождалась мысль создать новую литературу для своего народа на языкѣ этой поэзіи, воспользоваться имъ для своихъ новыхъ произведеній, навѣянныхъ жизнью этого же народа—хотя бы не было опредѣленной мысли о томъ, чѣмъ должна стать дальше эта новая литература. Если бы въ ней явился сильный талантъ, способный увлечь земляковъ и быть вмѣстѣ проводникомъ общечеловѣческаго чувства и идеала, это было бы уже оправданіемъ существованія подобной новой литературы. Такимъ оправданіемъ малорусской литературы былъ Шевченко.

Мы не разъ объясняли, что подобное развитіе мѣстныхъ элементовъ не только не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ значитъ умалять внутреннее достоинство самой господствующей народности. Ея преобладаніе не уменьшится отъ ихъ развитія, а напротивъ ея собственное содержаніе обогатится свободной дѣятельностью ея отраслей.

ГЛАВА I.

Князь Н. А. Цертелевъ.—М. А. Максимовичъ.

Разнообразныя проявленія малорусской народности въ прошломъ вѣкѣ: еще хранившаяся до Екатерины II память политической старины, сберегавшіеся обычаи. малорусскій языкъ въ литературныхъ памятникахъ прежнихъ и попыткахъ новыхъ, естественно могли наводить и на мысль объ описаніи этого быта, объ этнографическомъ наблюденіи [1]). Идущая издавна и продолжавшаяся въ XVIII вѣкѣ малорусская лѣтопись начинаетъ переходить въ опыты историко-географическихъ описаній, какъ у Рубана, Шафонскаго, Якова Марковича; являются и описанія этнографическія, какъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“ и проч., Григорія Калиновскаго (Спб. 1777), и др. Когда въ русскомъ литературномъ кругу проявился впервые вкусъ и любопытство къ произведеніямъ народной поэзіи, началось собираніе народныхъ пѣсенъ или печатаніе рукописныхъ сборниковъ, ходившихъ ранѣе по рукамъ (изданія Чулкова, Новикова), то въ эти сборники тогда уже вносимы были и пѣсни малорусскія. Повидимому, въ самомъ русскомъ обществѣ былъ уже тогда интересъ къ малорусскимъ пѣснямъ и оцѣнивалась ихъ оригинальность: вѣроятно, онѣ и пѣвались въ русскихъ кружкахъ, какъ это было и послѣ [2]).

---

[1]) О малорусской печатной и письменной литературѣ прошлаго вѣка см. названную книгу Н. Петрова (Кіевъ, 1880).

[2]) Укажемъ, напр., находящійся у насъ подъ руками: „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пѣсенъ лучшихъ въ семъ родѣ сочинителей, въ шести частяхъ съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ оперъ и пр. П. Ш“. Спб. 1819, въ тип. И. Глазунова. Во 2-й части, отдѣленіе 2-е: „Пѣсни малороссійскія“, 147 — 175, № 148—186.

Первый этнографъ, обратившійся къ изученію народной малорусской поэзіи, былъ князь Н. А. Цертелевъ: онъ остановился именно на одной изъ ея любопытнѣйшихъ сторонъ — эпической думѣ [1]). Издавая произведенія малорусскаго эпоса, кн. Цертелевъ руководится двумя побужденіями — своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и первыми неясными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода. Малорусскій патріотизмъ издателя выразился эпиграфомъ, который онъ поставилъ на первой страницѣ (изъ трагедіи „Пожарскій“):

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, я сердцу чту святымъ.

Книжка посвящена Дм. Прок. Трощинскому, который, живя на покоѣ въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины. Кн. Цертелевъ видимо питаетъ теплую привязанность къ малорусской народной поэзіи,—думы записывалъ онъ самъ отъ слѣпого бандуриста, — но не знаетъ, какъ помирить народную пѣсню съ псевдо-классической піитикой и вообще какое мѣсто опредѣлить ей въ словесности.

„Собирая старинныя малороссійскія пѣсни,—говоритъ онъ,—я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Иліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни, сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ, могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни греки и римляне умѣли видѣть и чувствовать... Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но есть ли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ малороссійской исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ піитическій геній народа, духъ его, обычаи описываемаго времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіяне и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ!“

Въ понятіяхъ кн. Цертелева борются естественныя красоты ма-

---

[1]) „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“. Спб. 1819. 8 ненум. и 64 стр. 8°. Предисловіе „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ и замѣчанія читателю, не знающему малороссійскаго нарѣчія, стр. 1 — 20; десять думъ и эпическихъ пѣсенъ, стр. 21—58; въ концѣ объясненіе малорусскихъ словъ. — Краткая біографія (онъ умеръ въ 1869) и свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ его по народной поэзіи см. въ статьѣ г. Безсонова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, іюнь, стр. 867—871. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ помощникомъ попечителя Харьковскаго университета и, въ какомъ-то соучастіи съ извѣстнымъ Иннокентіемъ, игралъ роль въ дѣлѣ запрещенія диссертаціи Костомарова объ уніи. Кн. Цертелеву принадлежатъ между прочимъ весьма цѣнныя замѣчанія о метрикѣ русской народной поэзіи.

лорусской народной поэзіи съ школьнымъ представленіемъ о „слогѣ“; онъ старается смягчить ожидаемое осужденіе критиковъ, недоумѣваетъ, какъ будетъ принятъ самый языкъ, — но увлеченіе родною поэтическою стариной очевидно беретъ въ немъ верхъ надъ литературными привычками:

„Языкъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, конечно, далеко отошелъ отъ своего народа и еще болѣе отъ языка россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ, и политическими переворотами, и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученыхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части русскихъ покажется, можетъ быть, страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самихъ малороссіянъ): но изъ того несправедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ, при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшіе писатели. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдѣльнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихотвореніе малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

„Касательно достоинства старинныхъ малороссійскихъ пѣсенъ, какъ піитическихъ произведеній, можно назвать оныя счастливымъ отпечаткомъ первыхъ временъ стихотворства—поэзіи безъискусственной, естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко, очень рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ, убѣжавшимъ отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженія, и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающій отголосокъ гармоніи, слышанной нѣкогда на берегахъ Днѣпровскихъ!“

Онъ приводитъ примѣры дѣйствительно прекрасныхъ поэтическихъ картинъ изъ собранныхъ имъ пѣсенъ: „малороссійскій сочинитель, —прибавляетъ онъ еще разъ, — безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но *законы природы* общи и неизмѣнны“.—Оканчивая предисловіе, онъ говоритъ: „...боюсь наскучить читателю предметомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ“.

Итакъ, на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности; научная важность ея изученія полагалась въ томъ, что она можетъ „удовлетворить любопытству нашему касательно протекшаго“; литературный ея

характеръ приходилось оправдывать въ виду сравненія съ Гомеромъ, извинять „необработанность слога“, „странности“ языка—ту самую „необработанность“ и „странности“, которыя уже вскорѣ, въ слѣдующемъ поколѣніи этнографовъ, казались верхомъ оригинальнаго поэтическаго изящества.

Книжка кн. Цертелева была первымъ приступомъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ чуждъ литературѣ русской и малорусской, но самая мысль о народномъ поэтическомъ преданіи и въ то время была уже не нова. Въ это самое время наши любители старины были особенно заинтересованы Словомъ о полку Игоревѣ; Калайдовичъ переиздавалъ „Древнія Россійскія стихотворенія“ (1818), которыя еще раньше (1804), но не сполна напечаталъ Якубовичъ, посвятивъ „сей простой гласъ славенской музы“ тому же Трощинскому; въ это же время дошли до нашей литературы свѣдѣнія о сербскихъ пѣсняхъ Вука Караджича и о чешской Краледворской рукописи, которую сталъ переводить Шишковъ (1820). Къ интересу литературному прибавлялся уже и научный: памятники разныхъ народовъ сравнивались и подводились подъ одинъ разрядъ, и угадывалась древняя эпоха народнаго поэтическаго творчества.

Самъ Цертелевъ не ограничился изданіемъ пѣсенъ. Въ 1820 г. онъ напечаталъ (въ „Сынѣ Отечества“): „Взглядъ на старинныя русскія сказки и пѣсни“, „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“, „О стихосложеніи старинныхъ русскихъ пѣсенъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заинтересовался появлявшимися тогда памятниками народной поэзіи славянской, и въ 1824 помѣстилъ (въ „Сѣверномъ Архивѣ“) замѣтку о сборникѣ славянскихъ пѣсенъ, изданныхъ Челяковскимъ. Онъ перепечаталъ изъ Челяковскаго восемь пѣсенъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, прибавилъ русскій переводъ и по поводу малорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ этомъ сборникъ, замѣчалъ: „Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка славянскаго не имѣетъ столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе малороссійское“,—и въ концѣ: „Весьма желательно, чтобы сей примѣръ нашелъ себѣ послѣдователей между нашими соотечественниками. Намъ Русскимъ, старшимъ потомкамъ Славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славѣ Сербамъ и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ“.

Впослѣдствіи еще разъ кн. Цертелевъ изложилъ свои мысли о значеніи народной поэзіи, въ письмѣ къ Максимовичу (въ „Вѣстн.

Европы", 1827). Взглядъ его становится уже болѣе опредѣленнымъ. Онъ опять указываетъ на то, что русскіе отстали отъ просвѣщенныхъ европейцевъ во вниманіи къ народной поэзіи; между тѣмъ она имѣетъ важное значеніе: „Знаете ли, что сію безъискусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ, и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ... Скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого". „Не только отечественные нравы и обычаи, — замѣчаетъ Цертелевъ, — не только характеры и происшествія, но самая мѣстность, даже языкъ и особенности его, сильно дѣйствуютъ на душу читателя".

Указывая эту статью, г. Дашкевичъ замѣчаетъ, что изъ нея видно, что кн. Цертелевъ „проникался все болѣе и болѣе воздѣйствіемъ романтическаго движенія и примыкалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя народности Цертелевъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ и послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка. Съ того времени украинскіе литераторы стали этнографами подобно Котляревскому и примыкали къ романтическому увлеченію народностью. Въ такомъ направленіи трудились Квитка и выдающіеся дѣятели молодого поколѣнія: Бодянскій, Срезневскій и выступившіе нѣсколько позже Могила (Метлинскій) и Галка (Костомаровъ). Ближайшимъ преемникомъ Цертелева на поприщѣ украинской этнографіи явился Максимовичъ" [1]).

Не болѣе какъ черезъ восемь лѣтъ послѣ „Опыта" Цертелева, вышла новая книжка, посвященная малорусской народной поэзіи, въ которой находимъ вторую ступень малорусской этнографіи, и именно гораздо болѣе опредѣленный взглядъ на сущность и исто-

[1]) Н. П. Дашкевичъ, въ XXIX-мъ присужденія Уваровскихъ наградъ, стр. 116—122. Эта рецензія сочиненія г. Петрова, составляющая цѣлую книгу, есть вообще лучшій трудъ по объясненію источниковъ и развитія новѣйшей малорусской литературы, съ многостороннимъ изученіемъ предмета, причемъ разсѣяны въ ней также важныя и новыя замѣчанія по исторіи малорусской этнографіи.

рическое значеніе народной поэзіи. Издателемъ этой книжки былъ извѣстный Михаилъ Александровичъ Максимовичъ (1804 — 1873).

Уроженецъ полтавской губерніи, Максимовичъ происходилъ изъ стараго рода козацкой старшины, превращенной потомъ въ русское дворянство. Многіе предки его бывали въ свое время извѣстными людьми: родоначальникъ фамиліи, Максимъ изъ Василькова, обновилъ Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году; одинъ изъ сыновей Максима былъ извѣстный въ свое время плодовитый писатель, Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ тобольскій; другіе Максимовичи бывали войсковыми товарищами, сотниками и т. д. [1]). Изъ новгородъ-сѣверской гимназіи, онъ поступилъ въ 1819 въ московскій университетъ, сначала на словесный факультетъ, потомъ на физико-математическій, куда влекла его рано развившаяся любовь къ ботаникѣ. Окончивъ курсъ въ 1823, онъ былъ оставленъ на службѣ при университетѣ; въ 1827, получилъ магистерскую степень и началъ чтеніе лекцій по ботаникѣ; въ 1829, получилъ званіе адъюнкта, а въ 1833—ординарнаго профессора по этой каѳедрѣ. Такъ какъ труды

---

[1]) Подробная біографія Максимовича написана была С. Пономаревымъ по случаю 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, въ 1871 г.: „М. А. Максимовичъ. Біографическій и историко-литературный очеркъ“, въ Журн. минист. просв. 1871, октябрь, стр. 175—249.

— Краткая, съ подробнымъ перечисленіемъ сочиненій, въ „Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владиміра“. Кіевъ, 1884, стр. 379—397.

— „Юбилей М. А. Максимовича. 1821 -1871“. Спб. 1872 (второе изданіе).

— Некрологъ его, М. П. Драгоманова, Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 442—453.

— Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884, стр. 177—183, и дополненія и исправленія къ нимъ въ разборѣ Дашкевича.

— „Альбомъ М. А. Максимовича“, С. Пономарева (и здѣсь же указанія разныхъ статей о немъ и некрологовъ), въ Кіевской Старинѣ, 1882, т. I, стр. 152—173.

— „Изъ писемъ къ Максимовичу“ (С. Аксакова и др.), сообщ. С. Пономаревъ въ К. Старинѣ, 1883. т. V, стр. 829—852.

— „Три письма Квитки къ Максимовичу“, тамъ же, 1883, VI, стр. 346—352.

— „Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку“, тамъ же, 1884, VIII, стр. 644—648, и друг.

— Упоминанія (очень враждебныя) о началѣ литературной дѣятельности Максимовича, въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Спб. 1888 (см. въ указателѣ).

Въ 1875 г. Кіевскій (нынѣ не существующій) отдѣлъ Географ. Общества предпринялъ изданіе полнаго собранія сочиненій Максимовича (кромѣ устарѣвшихъ естественно-научныхъ): по закрытіи Отдѣла, 2-й томъ этого изданія вышелъ подъ вѣдѣніемъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи; 3-й томъ изданъ на счетъ Кіевскаго университета: „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“. Томъ I, отдѣлъ историческій (подъ ред. В. Б. Антоновича). Кіевъ, 1876; Томъ II, отдѣлы: историко-топографическій, археологическій и этнографическій (подъ ред. того же лица), 1877; Томъ III: языкознаніе, исторія словесности (подъ ред. А. А. Котляревскаго), 1880.—Невошедшія сюда статьи перечислены въ „Біографическомъ Словарѣ“.

Максимовича по русской словесности дали ему уже тогда извѣстность и въ этой области, то въ 1834, при основаніи Кіевскаго университета, министерство предложило ему занять здѣсь каѳедру русской словесности; въ то же время онъ былъ сдѣланъ ректоромъ новаго университета. Но здѣсь онъ оставался недолго: въ слѣдующемъ году онъ уже отказался отъ ректорства, а въ 1841, оставилъ и профессуру, по разстроенному здоровью. Впослѣдствіи, въ 1843—45 годахъ, онъ снова занялъ ту же каѳедру въ качествѣ сторонняго преподавателя—и затѣмъ окончательно простился съ университетскою дѣятельностью и поселился въ своемъ небольшомъ имѣньѣ, „Михайловой Горѣ", золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на высокомъ берегу Днѣпра, откуда открывались широкія картины края. Онъ дѣлалъ потомъ отсюда нѣсколько поѣздокъ въ Кіевъ и Москву, гдѣ проживалъ нѣкоторое время, но большею частью пребывалъ въ своемъ уединеніи, поглощенный своими изученіями малорусской старины. Здѣсь онъ и умеръ въ ноябрѣ 1873 г.

Максимовичъ былъ живой, талантливый человѣкъ; пристрастившись въ молодости къ ботаникѣ, онъ не ограничивался этимъ однимъ предметомъ: очень рано развились у него также литературные интересы, и во вкусѣ того времени, самая ботаника не была для него тѣсной спеціальностью, но расширялась до натуръ-философскихъ теорій о жизни природы. Его изложеніе подобныхъ предметовъ, ясное и образное, на первыхъ же порахъ обратило вниманіе въ литературномъ кругу, съ которымъ онъ скоро сошелся. Еще студентомъ, Максимовичъ былъ знакомъ съ Полевымъ, и потомъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ „Московскомъ Телеграфѣ"; позднѣе, онъ разошелся съ Полевымъ и примкнулъ къ возникшему тогда „Телескопу", журналу его товарища по профессурѣ, Надеждина, съ которымъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ и который, — какъ человѣкъ, гораздо болѣе крупнаго дарованія и учености, — имѣлъ повидимому немалое вліяніе на дальнѣйшее направленіе трудовъ Максимовича. Связи съ этими журналами ввели Максимовича въ лучшій литературный кругъ того времени, звѣздою котораго былъ Пушкинъ. Когда Максимовичъ, по тогдашней модѣ, задумалъ издавать альманахи („Денница", 1830, 1831, 1834), въ числѣ его вкладчиковъ были самъ Пушкинъ, его ближайшій другъ—Жуковскій, кн. Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, затѣмъ Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, кн. Одоевскій, С. Т. Аксаковъ, Лажечниковъ, Вельтманъ и др. Впослѣдствіи, онъ вступилъ въ очень дружескія отношенія съ Гоголемъ, съ которымъ соединяла его общая любовь къ малороссійской родинѣ и ея народной поэзіи, далѣе съ Погодинымъ, а въ Кіевѣ съ извѣстнымъ іерархомъ, Иннокентіемъ

Борисовымъ; связи съ славянофилами были такъ близки, что одно время его вызвали изъ Михайловой Горы, чтобы быть редакторомъ „Русской Бесѣды“.

Эти личныя отношенія близко характеризуютъ самый складъ литературныхъ понятій Максимовича. Это было то народно-романтическое направленіе, которое процвѣтало у насъ особливо въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда оно внушало Жуковскому и Пушкину ихъ экскурсіи въ народно-поэтическую старину, когда съ другой стороны Рылѣевъ въ этой старинѣ отыскивалъ и поэтизировалъ политическіе мотивы древней народной свободы и между прочимъ поэтизировалъ и старую Украйну. „Народность“ была въ воздухѣ; мы указывали прежде, какой различный смыслъ получало тогда это направленіе въ разныхъ оттѣнкахъ нашего общественнаго мнѣнія и литературы,—до того, что наконецъ оно вошло и въ извѣстную оффиціальную программу, опредѣлявшую обязательный характеръ нашего просвѣщенія, литературы и общественности: православіе, самодержавіе и народность. Мы разсказывали также, что въ первое время по заявленіи этой программы литература стремилась примыкать къ ней въ вѣрующемъ предположеніи, что наступила эпоха, когда „народность“ дѣйствительно получитъ свое право въ общественно-политической жизни и въ просвѣщеніи; литература привѣтствовала наступленіе національной самобытности, которой такъ давно не доставало русской жизни и образованности. Литературные толки о народности даже задолго предшествовали оффиціальной программѣ. Такія идеи о необходимости самостоятельнаго развитія національныхъ началъ, объ освобожденіи отъ европейскаго ига и т. п. проповѣдовалъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ“ и, говоря объ его дѣятельности, мы упоминали, что рядомъ съ нимъ тѣ же мысли излагалъ и Максимовичъ.

Эти призывы къ самобытности соединялись у Надеждина иной разъ съ слишкомъ самоувѣренными оцѣнками настоящаго, съ преувеличенными ожиданіями, но онъ справедливо угадывалъ (1832), что въ нашей литературѣ „близокъ долженъ быть поворотъ отъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности“. Его оправдало появленіе разсказовъ Гоголя, которымъ Надеждинъ восхищался и который дѣйствительно своей дѣятельностью ознаменовалъ поворотъ нашей литературы на новую, болѣе обѣщавшую, дорогу. Въ томъ же смыслѣ говоритъ университетская рѣчь Максимовича „О русскомъ просвѣщеніи“, читанная на актѣ 12 января 1832 г. [1]). Основная

---

[1]) Телескопъ, 1832, кн. I, стр. 167—190.

мысль рѣчи заключается въ томъ, что европейское просвѣщеніе, котораго мы искали, стало нашей потребностью; но это самое стремленіе, дошедши до своего предѣла, должно было привести къ „отчетному сознанію, которое столь прилично европейской просвѣщенности“, и именно проявиться въ обращеніи къ своему народному. „Самобытность непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія“. Со временъ Петра Великаго, „русскій духъ“ заимствовался отъ европейскаго просвѣщенія, но не увлекался окончательно ни однимъ одностороннимъ направленіемъ и только на-время принималъ чуждую физіономію; въ этомъ Максимовичъ видѣлъ ручательство его жизненной крѣпости и способности къ самобытному развитію, при величайшей понятливости и переимчивости. По его мнѣнію, въ русской натурѣ заключается не только способность къ опытному мышленію европейскому, но и та „восточно-пламенная способность, съ которою онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину“. Уважая чужое, мы не должны забывать своенароднаго; должны не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человѣчеству можно, только служа Россіи. Авторъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣческаго духа. Средствомъ къ этому должно было служить просвѣщеніе, „органически цѣльное“ и многостороннее, основанное на религіозно-нравственномъ образованіи сердца и воли...

Взглядъ, выраженный въ рѣчи Максимовича, заключалъ въ себѣ справедливую мысль, что вліяніе европейской образованности въ концѣ концовъ должно было возбудить самостоятельную дѣятельность русскаго образованія въ національномъ смыслѣ. Но какъ у Надеждина, такъ и здѣсь оставались открытыми вопросы: какъ достигнуть этой самобытности, въ чемъ спеціальныя особенности „русскаго духа“, въ чемъ состоитъ и какъ достигается „органическая цѣльность“ и т. д. Максимовичъ ближе не опредѣлялъ этихъ вопросовъ, и это общее, довольно туманное заявленіе идеальныхъ цѣлей русскаго просвѣщенія въ сущности вѣрно отражало дѣйствительную туманность этого перваго нашего народничества—въ тѣ времена, да и много послѣ: подъ это обозначеніе новыхъ стремленій подходила и народность оффиціальная (Максимовичъ, вѣроятно, искренно въ нее вѣрилъ, предполагая въ ней тѣже мысли, какія имѣлъ самъ),—которая на дѣлѣ была однако очень казенная и чиновническая,—и настоящее исканіе „многосторонняго просвѣщенія“ въ прогрессивныхъ направленіяхъ литературы, и наконецъ зародыши будущаго славянофильства. Эти

разные элементы, сходившіеся около 1830 годовъ на темѣ „народности“, впослѣдствіи, и даже весьма скоро, обособились въ совершенно разныя направленія, которыя не замедлили обнаружить взаимную несовмѣстимость. Но въ Максимовичѣ они, повидимому, остались навсегда нераздѣленными. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣтимъ въ его тогдашней и послѣдующей дѣятельности то, и другое, и третье.

Что касается до перваго, то Максимовичъ по всему характеру, воспитанію, литературнымъ связямъ былъ человѣкъ, не понимавшій иначе своей дѣятельности, какъ въ условіяхъ оффиціально предначертанной программы, въ которую вполнѣ вѣрилъ. Когда основался Кіевскій университетъ, которому ставилась оффиціально задача насаждать въ южномъ краѣ русское просвѣщеніе въ противодѣйствіе польскимъ вліяніямъ, Уваровъ не ошибся, назначивъ еще молодого тогда Максимовича ректоромъ этого университета, получавшаго воинствующую роль распространителя русской народности и просвѣщенія. Правда, Максимовичъ, собственно говоря, не былъ воинственнаго характера,—но пока въ этомъ не настояло надобности. Человѣкъ мягкаго, гуманнаго характера, онъ мирно уживался съ профессорами-поляками (въ первые годы ихъ было огромное большинство), переведенными въ Кіевъ изъ закрытаго передъ тѣмъ Кременецкаго лицея; по слабости здоровья, онъ не долго остался и ректоромъ; но весь его образъ мыслей, и въ частности взгляды на русское значеніе Кіева, были именно тѣ, какихъ желало министерство. Въ 1837 году, когда въ Кіевъ неожиданно пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, въ университетѣ происходилъ актъ, на которомъ Максимовичъ читалъ свою рѣчь „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“ [1]). „Выборъ темы былъ какъ нельзя болѣе кстати,— замѣчаетъ біографъ Максимовича,—ибо возникавшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Кіевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не служителю науки, профессору университета съ русскою миссіей? Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человѣка, какъ кіевлянина, и выполнилъ ее блистательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этою рѣчью, что когда произнесъ ораторъ послѣднія слова,—онъ былъ уже у каѳедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями“. Иннокентій былъ также отъ этой рѣчи въ полномъ восторгѣ. Уваровъ не былъ изъ людей чувствительныхъ, и его удовольствіе означало полное совпаденіе рѣчи Максимовича съ оффиціальными требованіями [2]).

---

[1]) Собраніе сочиненій, т. II, стр. 5—23.

[2]) Пономаревъ, стр. 217. „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“, Макси-

Но, совпадая съ народностью оффиціальной, Максимовичъ съ другой стороны остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ. Эти сторонники дѣлались обыкновенно ея панегиристами, забѣгали, такъ сказать, ей впередъ и брали на себя роль охранителей истинной русской народности противъ литературныхъ направленій, которыя, по ихъ мнѣнію, не отвѣчали ея духу. Со времени провозглашенія оффиціальной народности (1833), эти литературные охранители получили болѣе прочную опору, чѣмъ имѣли прежде; въ подтвержденіе своихъ нападеній на своихъ противниковъ другого лагеря они стали пользоваться и ссылками на оффиціальную программу, изображая себя самыми подлинными ея истолкователями. Такую роль играли „Маякъ" и нерѣдко „Москвитянинъ" въ рукахъ Погодина и Шевырева. Максимовичъ былъ въ большой дружбѣ съ Погодинымъ по ихъ общимъ историко-археологическимъ интересамъ, но не увлекался въ тѣ рискованныя полемическія кампаніи, которыя давали нѣкогда „Москвитянину" не весьма благовидную репутацію. Максимовичъ не сходилъ съ научной почвы и остался свободенъ отъ нареканій, которыя тяготѣли надъ его друзьями.

Подобнымъ образомъ, онъ издавна былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ славянофильскимъ кружкомъ, главныхъ представителей котораго зналъ еще въ своей и ихъ молодости. Въ складѣ понятій Максимовича до послѣднихъ дней было много общаго съ славянофильскими положеніями. Для него, какъ и для этой школы народная самобытность была высшей цѣлью, къ которой должны были стремиться усилія русской науки и литературы; эта народность освящалась православіемъ и становилась съ нимъ тождественной. „Русская Бесѣда", основавшаяся въ 1856 году, была для него открыта не какъ для гостя, а какъ для своего человѣка; но и здѣсь опять Максимовичъ не увлекался въ преувеличенія славянофильства; не въ характерѣ его ума были ухищренныя философскія и теологическія теоріи, какъ вѣроятно совсѣмъ не въ характерѣ его общественныхъ и литературныхъ понятій были бы тѣ обрусительныя крайности, въ которыя впадало славянофильство позднѣе. Для этого послѣдняго Максимо-

---

мовича, Спб. 1871 (не вошедшія въ „Собраніе сочиненій"), стр. 75. Тамъ же Максимовичъ разсказываетъ (стр. 85—86), что Уваровъ, при отъѣздѣ, прощаясь со студентами, говорилъ въ такомъ тонѣ: „Университетъ св. Владиміра—*мое созданіе*; но я первый *наложу на него руку*, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства. А назначеніе университета,—говорилъ министръ во всеуслышаніе,—распространять русское образованіе и русскую народность въ ополяченномъ краѣ западной Россіи".

вичъ былъ слишкомъ человѣкомъ стараго вѣка, приверженцемъ романтической народности, для которой всякое народное право было священно: если въ рѣчи о Кіевѣ онъ явился врагомъ полонизма, то это относилось къ захватамъ и притязаніямъ послѣдняго на малорусской землѣ, право которой было несомнѣнно; но ему вѣроятно въ голову не приходило отрицать польскую народность тамъ, гдѣ она была у себя дома, на своей этнографической и исторической почвѣ. Быть можетъ, присутствіе Максимовича въ славянофильскомъ кругу было отчасти причиной, что этотъ старый кругъ относился сочувственно къ самому малорусскому движенію, къ которому позднѣйшее славянофильство было крайне недружелюбно.

Но господствующей чертой во всемъ учено-литературномъ характерѣ Максимовича были его малорусскія стремленія. Онѣ овладѣли имъ съ самыхъ первыхъ шаговъ его на книжномъ поприщѣ. Біографъ его разсказываетъ, что „тоска по родинѣ“ побуждала Максимовича въ 30-хъ годахъ оставить московскую службу [1],—и назначеніе въ Кіевъ явилось очень кстати. Съ тѣхъ поръ старая страсть къ ботаникѣ, повидимому, совершенно удаляется; Максимовичъ попалъ въ ту народно-историческую и народно-поэтическую область, изъ которой уже не выходилъ потомъ никогда и труды въ которой дали ему одно изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа.

Еще въ разгарѣ своихъ ботаническихъ трудовъ, готовясь къ магистерству и ботанической профессурѣ, Максимовичъ работалъ надъ изданіемъ малорусскихъ пѣсенъ. Эта первая работа вышла подъ названіемъ: „Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ“ (М., 1827. XXXVI, 234 и 9 стр. баллады „Твардовскій“). Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ его первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, которыя даютъ историческій образчикъ тогдашнихъ взглядовъ малорусской этнографіи.

„Наступило, кажется, то время,—говорилъ Максимовичъ въ предисловіи,—когда познаютъ истинную цѣну *народности*; начинаетъ уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши Поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поставляютъ произведенія иноплеменныя, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность; это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствитель-

---

[1]) Пономаревъ, стр. 197.

нія, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: сказка—складка, а пѣсня—быль, говоритъ пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а посему достойны вниманія и уваженія были бы разысканія слѣдовъ народной миеологіи, обрядовъ, собраніе пѣсенъ, пословицъ и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно, чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ Славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ *изяществомъ*. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть его *собственнымъ* произведеніемъ.

„Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссіи и на первый разъ издаю выборъ пѣсень сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей Словесности—будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство и между пѣснями племенъ Славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ“...

Общій характеръ малорусскихъ пѣсенъ въ связи съ характеромъ народа Максимовичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Возникшая, подобно кометѣ, Малороссія долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и безпокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена Славянскія, но и другіе Европейцы, а еще болѣе, кажется, Азіятцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на малороссіянина въ его костюмѣ, съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства коренного племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней сельской жизни.

„Скоропостижное [1]) соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда *наѣздническойб* буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудостію жизни *пастушеской* и осѣдлостію *земледѣльческой*—вотъ что составило потомъ особенность малороссіянъ, замѣтную еще и до нынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсень“.

Онъ указываетъ затѣмъ различные разряды пѣсенъ по ихъ содержанію. Такъ, есть пѣсни, посвященныя собственно козацкому боевому быту—изображающія отъѣздъ на чужбину, тоску по родинѣ, смерть козака, тоску матери о сынѣ, сестры о братѣ; „любовь отцов-

---

[1]) Т. е. одновременное. А. П.

скую едва ли гдѣ встрѣтите". Здѣсь же пѣсни о гайдамакахъ, и особенно думы. Далѣе, пѣсни о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козаковъ, составляющія переходъ отъ думъ къ „повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ" (какъ пѣсня о Твардовскомъ, о построеніи Кіева и др.). Пѣсни женскія, находящія содержаніе въ разныхъ положеніяхъ и условіяхъ женской жизни, отличаются глубокимъ, страстнымъ чувствомъ; въ числѣ ихъ есть какъ бы повѣствовательныя; мужскія пѣсни любовнаго содержанія кажутся автору болѣе поздними. Къ пѣснямъ женскимъ могутъ быть отнесены праздничныя или обрядныя,—„кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской миѳологіи, но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изящной, естественной идилліи", какъ веснянки, пѣсни троицкія, свадебныя, на обжинки и проч. Далѣе, пѣсни „заклинательныя", которымъ онъ придаетъ особенное археологическое значеніе; наконецъ, пѣсни веселыя и каррикатурныя.

По формѣ, малорусскія пѣсни, какъ и самый языкъ, занимаютъ, по мнѣнію Максимовича, средину между русскими и польскими: съ первыми онѣ сходны своимъ тоническимъ размѣромъ, сообщающимъ стиху движеніе, какого не имѣютъ польскія; съ послѣдними—частымъ употребленіемъ риѳмы или, по крайней мѣрѣ, созвучія, уменьшительными словами.

Укажемъ, наконецъ, какъ Максимовичъ сравниваетъ пѣсни русскія и малорусскія по ихъ содержанію и тону.

„Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ. Русскій не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ сдружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. Посему Русскія пѣсни отличаются глубокою унылостію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши (исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ Русскими и другими: почему такъ—видно изъ предъидущаго) и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, *сжатою* твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечаталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драматическою формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ [1]), что въ Русскихъ превосходнѣе описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ разсказъ сочинителя,

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1827. № 12, 276.

между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драматическое изложеніе предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самаго ихъ языка.

„Тоска, которая составляетъ важнѣйшее *свойство* Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проницаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже иронія, къ коей весьма склонны Малороссіяне, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсень...

„Пѣсни нѣжныя отличаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ безпрерывныя сравненія. Духъ, не находя еще въ себѣ самомъ особенныхъ формъ для полнаго выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. Посему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашенною природою— столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными тучами. Унылая, вѣщая зозуля, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ—сіи эмблемы отдѣльныхъ состояній духа невольно ему напоминаютъ его самого, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе; когда напротивъ въ метафорахъ Русскихъ пѣсень замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ и желаніе прикрасъ...

„Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поютъ мужчины— это какъ бы ихъ принадлежность; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высшей степени, обладаетъ полъ женскій.

„Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ Русскихъ, и въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ Малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть".

Далѣе, Максимовичъ продолжаетъ свой комментарій къ пѣснямъ замѣтками объ ихъ собираніи, о выборѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха, о принятомъ у него правописаніи (онъ дѣлалъ нѣкоторыя нововведенія, стараясь дать правописанію характеръ историческій), наконецъ, объ особенностяхъ малорусскаго языка. Въ концѣ книжки онъ прибавилъ словарь малорусскихъ словъ, указывая на сходство ихъ съ другими славянскими нарѣчіями, особенно съ польскимъ, — но еще въ предисловіи оговаривается, что при этомъ имѣлъ въ виду „показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторились слова малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ малороссійскій". Его мнѣніе объ этомъ языкѣ было вообще таково, что „во многихъ свойствахъ малороссійскій языкъ ближе великороссійскаго и польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ".

Ученая литература, которою могъ тогда воспользоваться Максимовичъ относительно русской народной поэзіи и малорусскаго языка, была очень невелика [1]).

---

[1]) Статья „О народныхъ пѣсняхъ славянъ" К. Бродзинскаго, очень извѣстнаго

Если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ, что̀ работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія дѣла. Какая громадная разница, напр. съ Сахаровымъ, первыя работы котораго явились нѣсколькими годами позднѣе. Максимовичъ отчетливо представляетъ себѣ тѣ стороны предмета, которыя замѣчены были тогдашней начинающей этнографіей; у него нѣтъ ни пустыхъ, притомъ самохвальныхъ фразъ, ни путаницы въ понятіяхъ о дѣлѣ. Точка зрѣнія его значительно ушла впередъ отъ взглядовъ его предшественника: онъ ждетъ еще отъ изученія народной поэзіи успѣховъ литературнаго романтизма (въ чемъ и не совсѣмъ ошибся); но понимаетъ и его самостоятельное значеніе—содержаніе малорусской поэзіи для него есть живое историческое и бытовое явленіе, въ своемъ родѣ единственное, потому что отражаетъ спеціально единичный народъ, съ его особенной судьбой и нравами. Сравненіе съ великорусской поэзіей представляется само собой, и Максимовичъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, не весьма отчетливыхъ для нашего времени, но важныхъ въ свое и не лишенныхъ истины. Онъ замѣчаетъ археологическую цѣнность народныхъ пѣсенъ, ихъ поэтическую символику (которую потомъ разработывалъ Костомаровъ); его краткія бытовыя объясненія къ нѣкоторымъ пѣснямъ были зачаткомъ этнографическаго комментарія, и т. д.

Сборникъ Максимовича знакомилъ съ новымъ отдѣломъ малорусской поэзіи, лирическо-бытовымъ и обряднымъ. Онъ былъ встрѣченъ въ литературѣ съ большими сочувствіями и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для извѣстности Максимовича. Всего больше радовалъ его отзывъ Пушкина; сборникъ его привлекъ также вниманіе Гнѣдича, Шишкова, и повелъ къ дружескимъ связямъ съ Гоголемъ.

тогда и у насъ польскаго поэта, археолога и критика, переведенная въ „Вѣстн. Европы“, 1826, № 13 (о Бродзинскомъ см. въ Исторіи слав. литературъ, въ изложеніи польской литературы, т. II, стр. 611—615); статья кн. Цертелева, тамъ же въ В. Евр. 1827, № 12: статья Глаголева „О русскихъ народныхъ пѣсняхъ“, въ Трудахъ Общества любителей росс. словесности, М. 1818, ч. XI; замѣчанія Гнѣдича въ „Простонар. пѣсняхъ нынѣшнихъ грековъ“, Спб. 1825. По языку передъ нимъ была только книга Алексѣя Павловскаго („Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями“. Спб. 1818, и „Прибавленіе къ Грамматикѣ малор. нарѣчія или отвѣтъ на рецензію“ и пр. Спб. 1822). Въ своемъ второмъ сборникѣ 1834 г., Максимовичъ упоминаетъ вышедшія у галичанъ малорусскія грамматики Левицкаго и Лозинскаго, 1833, но онъ зналъ о нихъ только по извѣщенію въ Журналѣ министерст. просвѣщенія, 1834.

Послѣ изданія 1827 года, Максимовичъ продолжалъ усердно собирать матеріалъ для новаго собранія. Этотъ второй сборникъ [1]) вышелъ также еще въ Москвѣ, и въ предисловіи Максимовичъ указывалъ, что собраніе его простиралось тогда уже до $2^1/_2$ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ. Собраніе его обогатилось сообщеніями другихъ любителей и собирателей, въ ряду которыхъ онъ называетъ кн. Цертелева, Гоголя—„новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки", Срезневскаго—издателя „Запорожской Старины" [2]), А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, Бодянскаго; кромѣ того, Максимовичъ пріобрѣлъ собраніе умершаго передъ тѣмъ археолога-народника Зоріана Ходаковскаго, богатое пѣснями обрядными и особенно свадебными. Изданіе предполагалось въ четырехъ частяхъ (1—пѣсни былевыя и бытовыя; 2—женскія; 3—„гулливыя"; 4—обрядныя), но вышла только первая часть. занятая думами и бытовыми, собственно козацкими пѣснями. Дальше мы скажемъ подробнѣе о томъ, что въ новомъ сборникѣ оказались и нѣкоторыя поддѣльныя пѣсни, именно заимствованныя изъ „Запорожской Старины". Тогда никто не замѣтилъ этихъ поддѣлокъ, которыя стали ясны только позднѣе при внимательномъ изученіи стиля думъ; но по своему времени поддѣлки были искусны и производили впечатлѣніе, даже болѣе сильное, чѣмъ думы настоящія [3]).

Знакомство Максимовича съ Гоголемъ началось въ 1829 въ Петербургѣ и стало особенно тѣснымъ съ 1832, послѣ того, какъ они свидѣлись ближе въ Москвѣ. Самъ Гоголь въ это время былъ увлеченъ Малороссіей, ея стариной и поэзіей, мечталъ писать ея исторію, приходилъ въ восторгъ отъ украинскихъ пѣсенъ. Въ этомъ настроеніи, пѣсни завязали тѣснѣйшую связь между „земляками", одинаково увлекавшимися родиной; Гоголя тянуло къ Максимовичу, имѣвшему въ рукахъ драгоцѣнное сокровище и готовившему тогда второй свой сборникъ. Одинъ отрывокъ изъ ихъ переписки дастъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи Гоголя:

„Теперь я принялся за исторію нашей Украины,—писалъ онъ къ Максимовичу въ ноябрѣ 1833 года.—Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ

---

[1]) Украинскія народныя пѣсни, изданныя Мих. Максимовичемъ. Часть первая. (Книга I. Украинскія Думы. Книга II. Пѣсни козацкія былевыя. Книга III. Пѣсни козацкія бытовыя). М. 1834. Второй части не было.

[2]) „Запорожская Старина" была только-что начата въ это время и продолжалась послѣ (Харьковъ, 1833 - 1838).

[3]) Въ томъ же 1834 г. Максимовичъ издалъ „Голоса украинскихъ пѣсенъ", положенныхъ на ноты для пѣнія и фортепьяно Алябьевымъ (25 пѣсенъ). Въ 1849 г. въ Кіевѣ вышелъ послѣдній „Сборникъ украинскихъ пѣсень" — разсчитанный на шесть частей, изъ которыхъ опять вышла только одна первая.

кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелесть!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ... Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже п... онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе— —прошедшую жизнь и— —прошедшихъ людей... Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые" [1])...

Въ другомъ письмѣ, Гоголь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно распредѣленія пѣсенъ, принятаго Максимовичемъ въ его второмъ сборникѣ, и даже совсѣмъ считаетъ ненужными какія-нибудь раздѣленія... „По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія" [2]). Гоголя влекла не этнографія, а поэтическое дѣйствіе пѣсенъ.

Впечатлѣніе, произведенное сборниками Максимовича на первостепенныя силы русской литературы, было фактомъ большого историческаго значенія. Тогдашніе энтузіасты народности, ожидавшіе литературнаго переворота отъ вліянія этнографическихъ изученій, полагали, что въ поэзіи этотъ переворотъ произойдетъ въ томъ народно-романтическомъ направленіи, какое они сами исповѣдовали. Въ это самое время и дѣйствительно совершался глубокій переворотъ въ нашей литературѣ—подъ вліяніемъ цѣлой совокупности общественно-историческихъ и литературныхъ причинъ: въ ряду ихъ и

---

[1]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, т. V, стр. 188—189.

[2]) Тамъ же, стр. 203.

реставрація народной поэзіи имѣла свое обширное дѣйствіе, потому что принесла живой, глубоко поэтическій отзывъ народа на интересы, возникшіе среди образованнаго класса, въ высшихъ сферахъ литературнаго развитія,—и эта реставрація подѣйствовала не тѣмъ только, что дала новые поэтическіе сюжеты и краски, но тѣмъ, что указала нравственное содержаніе народной жизни, ранѣе едва или совсѣмъ не подозрѣваемое, внушила къ ней уваженіе и потребность вниманія къ ней и въ соціальномъ смыслѣ...

Одинъ изъ біографовъ Максимовича указываетъ на это явленіе слѣдующими замѣчаніями:

„Максимовичъ разсказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ:—„А я обираю ваши пѣсни",—сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву", вышедшую въ 1829 г. „Полтава"—одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія — одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Максимовичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ 1834 г.: „я похвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ" [1]).

По мнѣнію біографа, еще болѣе тѣсная нравственная связь и аналогія существовала между Максимовичемъ и Гоголемъ. Хотя дѣятельность обоихъ возникала безъ всякаго внѣшняго соотношенія и у каждаго была своя дорога труда и таланта, но внутреннее настроеніе обоихъ въ первые годы было аналогично и можетъ послужить къ объясненію того значенія, какое имѣли для нашего общественнаго и литературнаго развитія малорусскія пѣсни и преданія, увлекавшія Максимовича и Гоголя. Петербургъ въ первый разъ произвелъ на Гоголя тяжелое впечатлѣніе своей сухой безплодностью, отсутствіемъ національнаго характера; ему припомнилась народная жизнь на его родинѣ, и онъ пишетъ домой просьбы присылать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы— „какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ". Въ результатѣ этнографическихъ поисковъ Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки", одинъ изъ первыхъ фактовъ произведеннаго имъ лите-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 447.

ратурнаго переворота. Извѣстно, что Пушкинъ живо его почувствовалъ, повѣсти Гоголя „изумили" его: „все это такъ *необыкновенно* въ нашей литературѣ, — писалъ онъ, — что я доселѣ не образумился". Есть факты, намекающіе, что дружба Пушкина, плодотворная для Гоголя, сопровождалась и обратнымъ вліяніемъ Гоголя не только на Пушкина, но и на Жуковскаго, старѣйшаго и консервативнаго, и именно, болѣе пристальнымъ вниманіемъ къ народной поэзіи.

Есть и другая сторона въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя создавалъ этнографическій интересъ, возбужденный малорусской народной поэзіей. Гоголь мечталъ написать исторію Малороссіи, даже немного хвастался ею впередъ; исторіи этой онъ не написалъ,—за то въ этотъ періодъ онъ создалъ „Тараса Бульбу". „Но —говоритъ біографъ Максимовича, взглядъ котораго мы приводили, — въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу", „Ревизора" и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а, слѣдовательно, не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя,—не поймемъ, чтó дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія „Ревизора" и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи,—и не оцѣнимъ того контраста, каковой представляютъ симпатическіе и грандіозные образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь", какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ, то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и Максимовича" [1]).

Эта доля участія выразилась его любящимъ отношеніемъ къ преданіямъ малорусской исторіи и народной поэзіи, и добросовѣстнымъ ихъ изученіемъ. Кромѣ второго и третьяго сборника пѣсенъ [2]), у Максимовича, со времени пребыванія въ Кіевѣ, начинается рядъ разнообразныхъ работъ по древностямъ, исторіи, топографіи, литературѣ и языку южной Руси, работъ, которыя въ свое время, при

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 443—450. Этотъ взглядъ на вліяніе малорусскихъ источниковъ и отголосковъ на складъ дѣятельности Гоголя въ русской литературѣ, развитъ въ предисловіи къ вышедшему нѣсколько лѣтъ назадъ малорусскому переводу повѣстей Гоголя („Переклады зъ Н. Гоголя. Два розмаитыхъ зразки". Олены Пчилкы. Кіевъ, 1881).

[2]) Послѣдній вышелъ въ 1849 г., но цензурованъ еще въ 1845.

малой извѣстности источниковъ и маломъ числѣ дѣятелей, имѣли большую цѣну, какъ начало критической разработки фактовъ и возбужденія научныхъ вопросовъ.

Въ первый годъ кіевской жизни, Максимовичъ опять встрѣтился съ Гоголемъ, на котораго Кіевъ и его старыя мѣстности и святыни произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Максимовичъ думалъ впослѣдствіи, что именно къ этому пребыванію въ Кіевѣ надо отнести начало извѣстнаго крутого переворота въ мысляхъ Гоголя [1]). Въ Кіевѣ же Максимовича навѣстили Погодинъ, Петръ Кирѣевскій, Надеждинъ; онъ еще засталъ здѣсь и послѣдніе годы знаменитаго митрополита Евгенія Болховитинова (ум. 23 февр. 1838). Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей стараго ученаго круга Александровскихъ временъ: всегда готовый дѣлиться своими учеными богатствами, митрополитъ Евгеній любилъ подолгу бесѣдовать о старинѣ, снабжалъ Максимовича книгами и рѣдкими рукописями, и этотъ живой примѣръ неутомимаго труда снова побуждалъ Максимовича заняться изученіемь своего южнаго края, и особенно Кіева.

Максимовичъ уже вскорѣ становился необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій. Къ концу 1835 г. основался здѣсь комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя университета; Максимовичъ былъ членомъ этого комитета; тогда же онъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ статистическаго отдѣленія въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1839 онъ выбранъ былъ въ члены дѣятельнаго тогда Одесскаго Общества исторіи и древностей. Въ началѣ 1841, Максимовичъ, вмѣстѣ съ его другомъ, Иннокентіемъ, пришли къ мысли, что и въ Кіевѣ пора быть своему историческому обществу; мысль эта нашла отголосокъ, собрался кружокъ любителей старины, составилась даже программа будущей дѣятельности, — но какія-то, повидимому, оффиціальныя, препятствія не дали основаться этому обществу; притомъ, Максимовичъ и Иннокентій въ это время оставили Кіевъ... Взамѣнъ общества и упомянутаго комитета о древностяхъ учреждена была при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", куда приглашенъ былъ и Максимовичъ (съ Н. Д. Иванишевымъ и Домбровскимъ); онъ принималъ дѣятельное участіе въ ея архивныхъ работахъ и издалъ первые томы ея „Памятниковъ". Позднѣе, въ 1847, по порученію кіевскаго губернатора Фундуклея, Максимовичъ редактировалъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева" (текстъ котораго былъ составленъ С. П. Крыжановскимъ), а потомъ другую книгу, изданную тѣмъ же Фундук-

---

[1]) Пономаревъ, стр. 211.

леемъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи“ (текстъ былъ составленъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ). Не входя въ подробности трудовъ Максимовича, отмѣтимъ лишь главные предметы, на которыхъ останавливались его изслѣдованія. Въ собраніи его сочиненій (къ сожалѣнію, не заключающемъ нѣкоторыхъ статей, любопытныхъ для его литературной біографіи), труды его распредѣлены на слѣдующіе отдѣлы.

Во-первыхъ, сочиненія историческія. Начиная съ изслѣдованія „Откуда идетъ Русская земля?“ (изданнаго въ Кіевѣ, 1837), гдѣ Максимовичъ утверждалъ славянское происхожденіе варяго-руссовъ противъ норманской теоріи,—въ историческихъ изысканіяхъ Максимовича излагаются разные частные вопросы изъ древней русской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ и козацкой эпохи южной Руси. Укажемъ особенно статьи: О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новопришлымъ народомъ, 1857; о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ,—письмо къ М. Грабовскому, 1857; изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ, 1843, 1850; письма о Богданѣ Хмельницкомъ, 1859; сказаніе о Коліевщинѣ, написано 1839, напечатано 1875; Бубновская сотня, 1848—вездѣ богатый матеріалъ свѣдѣній по политической и бытовой исторіи южной Россіи, весьма цѣнный и до настоящаго времени.

Во-вторыхъ, сочиненія историко-топографическія, гдѣ собрано множество отдѣльныхъ изысканій о самомъ Кіевѣ, его старыхъ памятникахъ, урочищахъ, старыхъ городахъ кіевскаго края, и пр.

Въ-третьихъ, отдѣлъ археологическій,—нѣсколько статей, между прочимъ о предметахъ ископаемой древности, найденныхъ въ южной Россіи.

Въ-четвертыхъ, отдѣлъ этнографическій, гдѣ помѣщены вводныя статьи Максимовича о малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ изъ его сборниковъ 1827 и 1834 г., и замѣчательная статья: „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“ (1856), со множествомъ этнографическихъ фактовъ объ украинскомъ бытѣ, народномъ календарѣ, повѣрьяхъ, примѣтахъ, преданьяхъ и т. д.

Въ пятомъ отдѣлѣ, языкознанія, особенно интересны „Письма къ Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчія“ (1856, 1863) противъ мнѣнія, утверждавшаго, что жители древняго Кіева были великоруссы, а что племя малорусское, и съ нимъ его языкъ, являются только послѣ XIII столѣтія, когда въ опустошенную татарами южную Русь надвинулись новые поселенцы изъ-за Карпатъ. Мы дальше возвратимся къ этимъ статьямъ, тема которыхъ продолжаетъ быть предметомъ ученой полемики и до послѣднихъ годовъ.

Въ шестомъ отдѣлѣ, исторіи словесности, рядъ трудовъ, весьма замѣчательныхъ по своему времени, какъ напр., „Исторія древней русской словесности“, 1839, первая попытка освѣтить древній періодъ нашей литературы; далѣе нѣсколько работъ надъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, русскій и малорусскій переводъ его, и комментарій; наконецъ, нѣсколько статей о старой малорусской литературѣ.

Многіе изъ трудовъ Максимовича уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время, напр., его филологическія теоріи, его сужденія о древней литературѣ и пр. Это и не могло быть иначе при быстромъ развитіи нашей филологической и этнографической науки съ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, когда она воспользовалась готовыми уроками цѣлой науки европейской и когда новѣйшая усиленная разработка старой письменности и живой народной словесности открыла множество памятниковъ, не только неизвѣстныхъ, но даже совсѣмъ не подозрѣваемыхъ пятьдесятъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ; но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области. Наконецъ, рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ. Наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и пріемовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понялъ это, покинулъ старые теоретическіе пріемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки, а его преданность своему дѣлу, живое чувство своей мѣстной народности, остались тѣ же и образовали ту нравственную связь съ новыми поколѣніями, которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей „ученой республикѣ“, чѣмъ должно бы быть.

Въ Кіевъ, кромѣ внѣшнихъ обстоятельствъ, привела Максимовича „тоска по родинѣ“, той родинѣ, гдѣ, по его позднѣйшему выраженію, была „земля и небо его предковъ“. Изъ переписки съ нимъ Гоголя видно, что, когда шелъ вопросъ о кіевской профессурѣ, Максимовичъ зазывалъ туда и Гоголя. „...Туда, туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! — отвѣчалъ Гоголь. — Тамъ, или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами“ [1])... Гоголь не попалъ въ Кіевъ, но на Максимовича Кіевъ произвелъ это сильное одушевляющее

[1]) Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 192—193. Письмо отъ конца 1833 или начала 1834 года.

дѣйствіе. Онъ, видимо, вступилъ въ свою настоящую сферу. Съ первыхъ шаговъ здѣсь его литературная роль опредѣляется навсегда: изученіе родного края, его древности, исторіи, языка становится его исключительнымъ интересомъ, отъ котораго онъ уже ничѣмъ и никуда не отвлекается. Его литературная предпріимчивость продолжается, но пріобрѣтаетъ мѣстную складку. Онъ затѣваетъ сборникъ „Кіевлянинъ" (три книги, 1840, 1841, 1850), гдѣ допущены были, для оживленія изданія, стихи и повѣсти, но основнымъ содержаніемъ были историческія изслѣдованія и матеріалы о Кіевѣ и всей южной Руси, гдѣ главнымъ работникомъ былъ самъ Максимовичъ. Онъ обращался ко всѣмъ, живущимъ въ южно-русскомъ краѣ, прося доставлять ему статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи, старинныя записки, грамоты, универсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни, рисунки значительныхъ изданій и предметовъ. Съ просьбой о содѣйствіи Максимовичъ обращался и къ своимъ литературнымъ друзьямъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и Хомяковъ, между прочимъ, писалъ ему: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ — городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями". Увидимъ далѣе, насколько удобно было даже Максимовичу дѣйствовать „словомъ и мыслью"... Появленіе „Кіевлянина" встрѣчено было въ нашей исторической литературѣ съ большимъ сочувствіемъ, — между прочимъ, въ критической статьѣ Соловьева [1]), который высказывалъ желаніе, чтобы за „Кіевляниномъ" послѣдовалъ Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Казанецъ, — „но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія".

Біографъ Максимовича прибавляетъ, что кромѣ своего значенія для исторической науки, „Кіевлянинъ" замѣчателенъ и тѣмъ, что былъ первымъ историко-литературнымъ періодическимъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и послѣ него еще долго не появлялось въ Кіевѣ ни литературныхъ сборниковъ, ни газетъ [2]).

Позднѣе, опять въ тѣхъ же интересахъ мѣстнаго изученія, Максимовичъ издаетъ „Украинца" (двѣ книги, 1859, 1864). И всю свою жизнь, въ Кіевѣ, онъ посвятилъ собиранію южно-русской старины, изученію ея мѣстности, памятниковъ вещественныхъ письменныхъ остатковъ, исторіи старыхъ малорусскихъ фамилій, которыхъ такъ много затерялось въ охватившей южную Русь польской волнѣ, собиранію этнографическому и т. д. Онъ не сомнѣвался, что древнѣйшая

[1]) Въ Москвитянинѣ, 1844, ч. VI, № 12.

[2]) Пономаревъ, стр. 223—224.

русская исторія была дѣломъ южно-русскаго племени и его гордостью, что въ наши средніе вѣка та же южная Русь оказала великія услуги русскому цѣлому, когда съ послѣднимъ напряженіемъ силъ защищала свою вѣру и народность въ XVI—XVII столѣтіяхъ, когда въ Кіевской Академіи полагала первыя основы русскому просвѣщенію, въ связи съ европейской образованностью. „Слово о полку Игоревѣ“ было въ глазахъ Максимовича памятникомъ спеціально южно-русскимъ; оттого онъ съ особенною любовью занимался изученіемъ этого единственнаго поэтическаго остатка нашей древности и никто до него не съумѣлъ указать его внутренней связи съ чувствомъ и образами еще живущей поэзіи народной, и именно украинской. Наконецъ, Максимовичъ перевелъ его на малорусскій языкъ, чтобы возвратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ...

Эта привязанность къ своей родинѣ и народной жизни, руководившая его историко-этнографическими интересами, соединялась и съ живой потребностью послужить народному образованію, хотя на обще-русскомъ, а не украинскомъ языкѣ. Результатомъ этого желанія былъ извѣстный трудъ Максимовича: „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ“, 1833, одна изъ лучшихъ книгъ нашей популярной литературы, много разъ потомъ переизданная. Спеціально для украинскихъ народныхъ читателей, онъ переложилъ позднѣе псалмы на малорусскій языкъ (Москва, 1859).

При всемъ томъ, Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, какія читались па 50-лѣтнемъ юбилеѣ его литературной дѣятельности въ 1871 году, Максимовичъ говорилъ о себѣ: „Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я такъ же любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же *святой Владиміровой Руси*, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ другой, недостаточны, односторонни“ [1]... Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли его старыя литературныя связи, отвѣчавшія и тогдашнему складу его идей: онъ развивался въ школѣ русскаго романтизма, начинавшаго принимать народный колоритъ, и съ своей стороны прибавилъ къ нему оттѣнокъ малорусскій, какъ чисто областной, не выдѣляясь нимало изъ общаго литературнаго движенія. Украинофильство выростало изъ иныхъ историческихъ возбужденій—

[1] Юбилей, стр. 61.

послѣ болѣе или менѣе успѣшныхъ попытокъ литературы на народномъ языкѣ (съ 1830—40 годовъ), въ ряду которыхъ была поэзія Шевченка, послѣ вліяній славянскаго возрожденія, послѣ либеральныхъ увлеченій правительства и общества вслѣдъ за Крымской войной, послѣ освобожденія крестьянъ, наполнившаго довѣрчивыхъ людей самыми оптимистическими ожиданіями; и когда въ новыхъ поколѣніяхъ жила мечта о болѣе дѣятельномъ служеніи своему народу и о поднятіи его образованія возвышеніемъ его литературной рѣчи, Максимовичъ оставался вѣренъ своимъ старымъ взглядамъ: онъ былъ убѣжденъ, — говоритъ его біографъ, — что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ *поэзіи* и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ [1]).

Внѣшнія условія дѣятельности Максимовича не всегда однако были благопріятны. Мы видѣли прежде въ біографіи Сахарова, что, при всей его благонамѣренности, при всемъ патріотическомъ усердіи, онъ встрѣчалъ не только препятствія, но, по словамъ его, даже небезопасныя угрозы. У Максимовича дѣло, кажется, не доходило до такихъ крайностей; тѣмъ не менѣе и ему привелось испытывать большія цензурныя неудобства. Онъ, котораго самъ Уваровъ привѣтствовалъ какъ писателя и оратора, блестящимъ образомъ изложившаго програму оффиціальной народности относительно значенія Кіева,—долженъ былъ быть очень осмотрителенъ. Біографъ его разсказываетъ, что когда Максимовичъ занятъ былъ своимъ „Кіевляниномъ", то другъ его, Иннокентій Борисовъ, очень интересовавшійся изданіемъ, самъ исправлялъ статьи это сборника, опасаясь цензуры, которая была очень строга. Дѣйствительно, цензура не пропустила стихотворенія: „Кіевъ", присланнаго Хомяковымъ; статьи историческія печатались „съ великими ущербами"; статья Максимовича о Коліевщинѣ 1768 года, по его мнѣнію, самая интересная для читателей, не только не была пропущена цензоромъ, но, по его настоянію, отправлена была мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ [2]). При всей осторожности, какая требовалась въ то время, Максимовичъ однажды въ письмѣ къ Иннокентію изъ своей Михайловой Горы (въ 1840) говорилъ о печальномъ упадкѣ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ съ 1783 года. Иннокентій, посылая отвѣтъ по почтѣ и опасаясь говорить о мудреномъ предметѣ, отвѣчалъ Максимовичу на латинскомъ языкѣ [3]).

---

[1]) Пономаревъ, стр. 241.
[2]) Пономаревъ, стр. 221.
[3]) Тамъ же, стр. 222.

На этихъ примѣрахъ подтверждалось еще разъ, какъ мало оффиціальная народность тѣхъ временъ могла удовлетворить самымъ умѣреннымъ идеямъ о народномъ интересѣ. Эта „народность" была народность крѣпостного права, и въ Кіевскомъ краѣ ея обоюдный смыслъ сказывался тѣмъ болѣе странными противорѣчіями. Само правительство считало необходимымъ защищать интересы русской народности и просвѣщенія противъ полонизма; но русскую народность представляла здѣсь малорусская крѣпостная масса, а полонизмъ представляемъ былъ многолюднымъ польскимъ помѣщичьимъ сословіемъ, интересы котораго охранялись защитой крѣпостного права. Хомяковъ совершенно справедливо находилъ, что слово и мысль дѣйствовали бы здѣсь всего лучше; но въ силу указанныхъ обстоятельствъ, слово и мысль не могли не столкнуться съ внутреннимъ противорѣчіемъ положенія вещей, и цензура относилась ко всякому слову и мысли съ крайней подозрительностью. Статья Максимовича о Коліевщинѣ касалась именно больного мѣста въ отношеніяхъ южнаго края, и цензоръ былъ къ ней особенно суровъ: статья, писанная въ 1839 году, напечатана была (по смерти автора) только въ 1875, въ „Русскомъ Архивѣ", какъ архивный матеріалъ. Мы видѣли въ то же время, какимъ угрожающимъ тономъ говорилъ министръ народнаго просвѣщенія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1837 году; въ 1839, университетъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ закрытъ—вслѣдствіе того, что нѣсколько польскихъ студентовъ были замѣшаны въ заговорѣ, открытомъ въ сѣверо-западномъ краѣ; извѣстно, какъ атмосфера доноса, вмѣстѣ съ произволомъ администраціи, господствовала здѣсь въ сороковыхъ годахъ, когда была такъ раздута исторія Костомарова, и т. д.

Въ такихъ условіяхъ шла работа Максимовича. Едва ли сомнительно, что они стѣснили эту работу, отклонили ее отъ извѣстныхъ сторонъ южно-русской исторіи и дѣйствительности; но Максимовичъ продолжалъ трудиться и былъ въ тѣ десятилѣтія наиболѣе авторитетнымъ представителемъ южно-русской исторической и этнографической науки.

ГЛАВА II.

Зоріанъ Доленга-Ходаковскій.

Имя Ходаковскаго пользовалось большою славой въ двадцаты и тридцатыхъ годахъ, да и долго послѣ ставилось въ ряду зам чательныхъ изслѣдователей славянской и русской народной старин тѣхъ, которые, въ первое время этихъ изученій, пролагали нов пути, бросали свѣтъ на темное еще поле древности и народна преданія. Литературное поприще Ходаковскаго было очень кратк при жизни онъ успѣлъ напечатать лишь нѣсколько небольши статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ е смерти; иное осталось въ рукописяхъ, которыя частью неизвѣст гдѣ обрѣтаются; самая біографія его до послѣдняго времени ост валась темной и загадочной, — но это не мѣшало его извѣстност Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его замѣчаніямъ; поздн Погодинъ, въ рукахъ котораго собрались его рукописи и котор напечаталъ значительную ихъ часть въ изданіяхъ московскаго Общ ства исторіи и древностей, былъ великимъ его почитателемъ; польской литературѣ Ходаковскій (родомъ полякъ) до послѣдня времени сохранилъ великую славу, какъ одинъ изъ первыхъ нач нателей народныхъ изученій и какъ человѣкъ, который своимъ обр щеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому напра ленію польской поэзіи, давшему ей Мицкевича и поэтовъ украинск школы. Пересматривая теперь труды Ходаковскаго, можно не ра вынести впечатлѣніе, что его значеніе было преувеличено его с временниками, русскими и польскими, и до сихъ поръ преувелич вается въ новѣйшей польской литературѣ [1]; но такое впечатлѣн

[1]) Относительно перваго укажемъ, напр., русскіе отзывы Погодина, Старч скаго; относительно второго — отзывы Д. Ходзько, Скимборовича, Лелевеля, „В Общей Энциклопедіи" и т. д.

вообще легко получается, когда, послѣ цѣлаго періода научной и литературной исторіи, мы обращаемся къ ея первымъ начинаніямъ: бросаются въ глаза всѣ несовершенства этихъ первыхъ начатковъ, всѣ ошибки, давно отстраненныя позднѣйшими работами; съ другой стороны, высокое мнѣніе составлялось подъ вліяніемъ оригинальной личности Ходаковскаго. Намъ осталось мало современныхъ свѣдѣній объ этой личности, о характерѣ, о способѣ работы, — но по всему видно, что это былъ энтузіастъ, говорившій о своей любимой древности и народности съ такимъ одушевленіемъ, которое дѣйствовало даже на людей равнодушныхъ, такъ что, при всѣхъ преувеличеніяхъ проповѣдника, видѣлся, однако, въ его словахъ какой-то новый міръ неизвѣстныхъ дотолѣ понятій; современникамъ казалось, что они имѣютъ передъ собой открытіе. И дѣйствительно, въ этихъ идеяхъ было нѣчто новое, что̀ должно было занять мѣсто въ наукѣ и принести богатые результаты, хотя зерну, изъ котораго выросталъ новый плодъ, надо было исчезнуть [1]).

Ходаковскій былъ, или хотѣлъ быть, археологомъ и этнографомъ. Онъ умеръ въ 1825 г. (лѣтъ сорокà), когда только-что начиналъ свои работы Шафарикъ, когда высказывались первыя неясныя мысли о значеніи до-исторической старины и томъ важномъ содержаніи, которое скрыто въ народно-поэтическомъ преданіи. Ходаковскій, какъ говорятъ, еще съ юношескихъ лѣтъ, при скудномъ школьномъ образованіи, проникся страстью къ этой темной старинѣ и сталъ рьянымъ проповѣдникомъ ея изученія и восторженнымъ любителемъ живой народной поэзіи. Какъ развились въ немъ эти стремленія; что̀ внушило ему эту страсть, когда его собственныя научныя средства были очень умѣренны, когда его окружала искусственная литература совсѣмъ иного склада, когда подобные вопросы были совсѣмъ чужды его средѣ? Передъ нами стоитъ вопросъ, не разъ повторяющійся въ исторіи литературы и общества, когда мы наблюдаемъ первое неясное возникновеніе понятій, которымъ суждено впослѣдствіи стать великой движущей силой, и когда, повидимому, данная среда не даетъ никакихъ поводовъ къ зарожденію новыхъ стремленій: онѣ являются какъ будто безъ достаточной причины; на дѣлѣ причина, конечно, есть—въ извѣстныхъ общихъ условіяхъ и въ частныхъ обстоятельствахъ біографіи новаго дѣятеля. Потому біографіи людей открывающихъ новыя направленія литературы, бываютъ особенно любопытны: къ сожалѣнію, вопросъ о біографіи Ходаковскаго именно представляется довольно смутнымъ.

---

[1]) Мы оставляемъ эту главу почти въ прежнемъ ея объемѣ (В. Е. 1886), въ виду малой извѣстности біографіи Ходаковскаго.

Еще недавно тотъ, кто желалъ бы познакомиться съ біографіей Ходаковскаго, могъ встрѣтить въ исторіяхъ польской литературы [1]) и энциклопедіяхъ совершенно разнорѣчащія свѣдѣнія о томъ, гдѣ родился Ходаковскій, какую проходилъ школу, вообще какъ прожилъ первыя тридцать лѣтъ своей жизни. Согласіе біографическихъ источниковъ начиналось только съ послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ окончательно предался своимъ археологическимъ и этнографическимъ изысканіямъ и выступилъ съ ними въ литературѣ. При жизни Ходаковскаго, біографія его была мало извѣстна или извѣстна въ превратномъ видѣ, даже людямъ, которые были съ нимъ близки; и впослѣдствіи, долго спустя по смерти Ходаковскаго, его ранняя біографія передавалась въ двухъ разныхъ видахъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго и, что̀ приводило въ особое недоумѣніе, обѣ біографіи опирались на *личныхъ показаніяхъ* самого Ходаковскаго.

Когда Ходаковскій умеръ, то первыя біографическія свѣдѣнія о немъ даны были въ извѣстныхъ „Библіографическихъ Листахъ" Кёппена (1826), въ слѣдующемъ видѣ:

„Польскій дворянинъ, Зоріанъ Яковлевичъ Долуга-Ходаковскій (Zorijan Dolęga Chodakowski), родился въ Комовѣ, что̀ въ Хелмской землѣ (Царства Польскаго) 24-го дек. 1784 года. Съ 1796 по 1803 г. онъ обучался въ межирецкомъ училищѣ ксендзовъ піаровъ; потомъ, продавъ доставшееся ему (въ Восточной Галиціи) послѣ родителей небольшое имѣніе, онъ съ 1806 по 1810 г. обучался въ волынской гимназіи (въ Кременцѣ). Состоя поручикомъ въ польской военной службѣ, онъ съ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ 1812 г. былъ въ Курляндіи, подъ начальствомъ Макдональда. Взятъ въ плѣнъ казаками при ретирадѣ изъ Москвы, подъ Борисовымъ, и отправленъ съ прочими плѣнниками въ черниговскую губернію. Тутъ сталъ онъ искать отрады въ книгахъ, и съ сего времени совершенно посвятилъ себя ученымъ изслѣдованіямъ. Варшавское Общество Любителей наукъ избрало его своимъ членомъ, еще до выѣзда его изъ Польши въ Россію, когда онъ занимался частными дѣлами князя А. Чарторыжскаго; а Имп. Виленскій университетъ снабдилъ его открытымъ листомъ, рекомендуя его, какъ изыскателя словенскихъ древностей, наипаче всѣмъ обладателямъ библіотекъ и архивовъ. Представленный имъ въ 1819 году проектъ его путешествія (на совершеніе котораго ему, по Высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 г., отпущено три тысячи руб. сер.), былъ предварительно разсмотрѣнъ нѣкоторыми отличными учеными, и приведеніе онаго въ дѣйствіе, по мнѣнію

---

[1]) Въ исторіи русской литературы его имя было очень забыто.

Главнаго Правленія училищъ, могло принести пользу наукамъ. Не взирая на нѣкоторыя странности или предубѣжденія г-на Ходаковскаго, знатоки умѣли цѣнить въ немъ усердіе къ любопытнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для первобытной исторіи Россіи и всѣхъ вообще словенъ. Особенное вниманіе онъ всегда обращалъ на такъ-называемыя городища, небольшіе окопы, которые онъ обрѣталъ по всему пространству, нѣкогда обитаемому словенами. Неоднократно бесѣдуя съ нимъ, мы, между прочимъ, замѣтили, что, по его наблюденіямъ, таковыя городища имѣли, по большей части, выходъ къ востоку, — что оныя одно отъ другого нерѣдко находились въ опредѣленномъ разстояніи (которое, однако, разнствовало по разнымъ странамъ),—что около таковыхъ городищъ урочища весьма часто и почти постоянно имѣли одни и тѣ же названія, наконецъ, и самыя городища, которыя, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами, имѣли свои названія. Намъ даже и самимъ, при случаѣ, удавалось по примѣтамъ г-на Ходаковскаго, развѣдывать и узнавать о таковыхъ городищахъ (помнится, въ тверской губерніи), почему и не сомнѣваемся въ томъ, что замѣчанія его заслуживаютъ уваженія ревностныхъ изслѣдователей отечественныхъ древностей, которые, впрочемъ, не оставятъ безъ вниманія и сужденій о семъ предметѣ К. Ѳ. Калайдовича. Къ отличнымъ свойствамъ нашего изслѣдователя причислить должно способность его *бесѣдовать съ простолюдинами*. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители, онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ, онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда, съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминали *о географическихъ его фоліантахъ и собраніи народныхъ пѣсней,* подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ. Сказываютъ, что бумаги сего необыкновеннаго изслѣдователя, который въ теченіе послѣднихъ годовъ управлялъ имѣніями одного помѣщика тверской губерніи, въ коихъ онъ и скончался въ ноябрѣ 1825 г., будутъ пріобрѣтены Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что съ оныхъ и въ С.-Петербургъ, къ одному изъ почтеннѣйшихъ изслѣдователей отечественной исторіи, будутъ доставлены списки. Говоря откровенно, мы не думаемъ, чтобы г. Ходаковскій могъ систематическимъ образомъ воспользоваться собранными имъ матеріалами; но потеря его, во всякомъ случаѣ, для наукъ весьма значительна, ибо безъ его собственныхъ показаній и постояннаго содѣйствія, едва ли кто успѣетъ привести все въ над-

лежащій порядокъ и приготовить къ изданію, дабы тѣмъ принести существенную пользу наукамъ?" [1])

Издатель „Библіографическихъ Листовъ" съ самаго начала своей ученой дѣятельности отличался какъ трудолюбивый и точный собиратель фактовъ; между тѣмъ, хотя Кёппенъ лично зналъ „необыкновеннаго изслѣдователя" и его свѣдѣнія шли, какъ увидимъ, изъ собственныхъ показаній Ходаковскаго, оказывается, что приведенная біографія вплоть до послѣднихъ годовъ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ: напр., отецъ Ходаковскаго и самъ онъ не были Ходаковскіе, онъ не учился въ межирецкой школѣ и въ Кременцѣ, не былъ подъ Борисовымъ взятъ въ плѣнъ козаками и т. д.

Въ 1835 году было переиздано въ Краковѣ небольшое сочиненіе Ходаковскаго (напечатанное первоначально по-польски, въ 1818) „О славянщинѣ передъ христіанствомъ", съ примѣчаніями и біографическими замѣтками извѣстнаго польскаго изслѣдователя славянской древности, Суровецкаго; здѣсь повторены факты, сообщенные Кёппеномъ [2]).

Первымъ источникомъ этихъ свѣдѣній была, повидимому, та самая автобіографическая записка, которую Ходаковскій сообщилъ (кажется, въ 1822 году) Н. А. Полевому, съ которымъ былъ тогда близокъ. Полевой только долго спустя, именно въ 1839, напечаталъ эту записку, гдѣ заключаются, нѣсколько съ бóльшими подробностями тѣ данныя о начальной жизни Ходаковскаго, которыя были приведены Кёппеномъ въ его некрологѣ.

„Жаль,—писалъ Полевой,—что до сихъ поръ никто не описалъ жизни и трудовъ Ходаковскаго—оригинала, добраго, страннаго и достойнаго памяти. Я коротко зналъ его, любилъ, и у меня сохраняется собственноручная его записка объ его жизни, которую просилъ я составить мнѣ для воспоминанія нашей дружбы. Предлагаю здѣсь упомянутую записку слово въ слово" [3])... Здѣсь именно говорится, что Ходаковскій родился въ селѣ Комовѣ, въ Хелмской землѣ которая, по послѣднему раздѣлу Польши, перешла во владѣніе австрійское и заключалась въ новой Галиціи, а съ 1809 г. принадлежала къ герцогству Варшавскому, переименованному послѣ въ Царство Польское (выходило, такимъ образомъ, что Ходаковскій

---

[1]) Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кёппеномъ. № II. Библіографическіе Листы 1825 года. Спб. 1826, стр. 562—564.

[2]) Z. D. Chodakowskiego, O Słowiańszczyznie przed Chrześćianstwem, i W. Surowieckiego Zdanie o pismie témże z dodaniem krótkiéj wiadomości o Chodakowskim i korrespondencyi jego. W Krakowie, 1835. Малое 8°, 51 стр.

[3]) „Сынъ Отечества", 1839, томъ, 8, отд. VI, стр. 89—90.

родился свободнымъ полякомъ, а потомъ былъ австрійскимъ подданнымъ). О родителяхъ его говорится, что они были дворянскаго состоянія и назывались Яковъ и Анна Долуга-Ходаковскіе; мать была изъ рода Кореневскихъ, т.-е. по-польски Корженёвскихъ. „Они, — продолжаетъ Ходаковскій,—въ томъ селѣ имѣли небольшое владѣніе, состоящее въ 7-ми дворахъ крестьянскихъ; 1790 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волынь къ дядьямъ и природнымъ опекунамъ моимъ; одинъ изъ нихъ, Антоній Ходаковскій, бывшій судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острожскомъ повѣтѣ, отдалъ меня въ училище Межирецкое Ксендзовъ Піяровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище. 1804 года возвратился я въ Новую Галицію, гдѣ, по смерти моей матери, долженъ я былъ управить разстроенное хозяйство, уплатить долги, и ради того въ будущемъ году 1806-мъ продалъ оное вѣчно. Отъ 1806 до 1810 года, въ волынской губернской гимназіи въ Кременцѣ, которая на особенномъ положеніи, слушалъ наукъ въ высшихъ курсахъ, и по оныхъ, 1810 года, въ осени, поѣхалъ къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, и послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ полковую военную службу. По желанію моему, я былъ назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, стоявшій въ Пруссіи, и послѣ на предѣлахъ прусскихъ. 1811 года, въ Бытгощи, произведенъ былъ въ адъютанты подъ-офицеры. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ, открывшейся противъ Россіи, я былъ въ корпусѣ маршала Макдональда, въ Курляндіи, и оттуда отправленъ въ Москву. Въ ретирадѣ, подъ Борисовымъ, взятъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ казачьимъ, и заведенъ въ Черниговъ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ прочими плѣнными. Послѣ того, какъ государь императоръ, всемилостивѣйшимъ манифестомъ своимъ, уволилъ всѣхъ поляковъ изъ плѣна, возвратился я на Волынь. Бывъ прежде свидѣтелемъ величайшихъ событій, скучая въ неизвѣстности, я искалъ утѣшенія въ книгахъ, полюбопытствовалъ знать начала того государства, которое менѣе всѣхъ намъ было извѣстно и столь сильно дѣйствовало въ нашихъ глазахъ; къ тому же послѣ присоединилась надежда, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство, я занялся извѣстнымъ изслѣдованіемъ“.

За исключеніемъ послѣдней фразы, здѣсь опять нѣтъ ни слова правды. Но еще раньше напечатанія этой автобіографической записки Полевымъ, въ польской литературѣ были уже намѣчены настоящіе факты біографіи Ходаковскаго [1]), которые потомъ получали

[1]) Encyklopedya Powszechna, издав. Одыньцомъ въ Вильнѣ, 1838, IV, стр. 270—272.

все новыя подтвержденія. Нѣкто Л. Войниловичъ [1]), обративъ вниманіе на то, чтó писалось о „Ходаковскомъ“, заявилъ, что имѣетъ о немъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, какъ самый близкій его сосѣдъ (по словамъ его, только одна межа отдѣляла его отъ того мѣста, гдѣ первоначально воспитывался *мнимый* Ходаковскій), какъ свидѣтель его дѣтства и ревностный читатель оставшихся послѣ него бумагъ. Войниловичъ заявлялъ, что Зоріанъ Доленга-Ходаковскій на самомъ дѣлѣ былъ *Адамъ Чарноцкій*, что родился онъ въ минскомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, что учился онъ въ слуцкой школѣ, жилъ потомъ въ Слуцкѣ и въ новогрудскомъ уѣздѣ, въ 1813 году былъ въ Галиціи, гдѣ, „неизвѣстно по какому поводу“, перемѣнилъ свою фамилію и назвался сначала Хржановскимъ, а потомъ принялъ имя Зоріана Доленги-Ходаковскаго. „Я не имѣлъ цѣли оцѣнить и разобрать сочиненія Ходаковскаго,—писалъ Войниловичъ,—но хотѣлъ только *сорвать завѣсу заблужденія*, и голосомъ правды произнести надъ могилою заслуженнаго соотечественника *его настоящее имя*, чтобы позднее потомство могло съ благодарностію сохранить это имя“. Но здѣсь все-таки осталось недосказаннымъ главное.

Новая біографія Ходаковскаго явилась въ 1841 г. въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара [2]). Біографъ зналъ о статьѣ Войниловича, явившейся „къ общему удивленію“ (такъ всѣ увѣрены были въ прежней біографіи); но такъ и остался въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить данныя *собственноручной* записки Ходаковскаго, не предназначавшейся вовсе для печати, съ неожиданными показаніями Войниловича.

Между тѣмъ явилось нѣсколько писемъ Ходаковскаго въ „Атенеѣ“ Крашевскаго [3]), которыя опять бросали свѣтъ на дѣйствительную біографію Ходаковскаго, но гдѣ повторяется и прежнее жизнеописаніе, несмотря на то, что оно опровергалось новыми фактами. Такъ, оно было опять повторено въ статьѣ Старчевскаго: „Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX-го вѣка“ [4]). Старчевскій, не зная статьи въ „Энциклопедіи“ Одыньца, зналъ (вѣроятно, по „Лексикону“ Плюшара) о статьѣ Войниловича и уже называетъ Ходаковскаго Черноцкимъ („если вѣрить Войниловичу“), но опять не умѣлъ помирить противорѣчія. Что „открытіе“ Войниловича о

---

[1]) Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Варшавской Утренней Газетѣ“, 1840, № 15, статья подъ названіемъ: „Кто именно былъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій?“

[2]) Томъ XVII, стр. 97—102, подписано: Н. В. С., вѣроятно: Савельевъ-Ростиславичъ.

[3]) Athenaeum, 1842, oddz. II, zeszyt II, стр. 204—218.

[4]) „Карамзинскій періодъ съ 1800 до 1825 года“, въ „Библ. для Чтенія“ 1852, томъ 112, Науки, стр. 49—108. О Чарноцкомъ стр. 95 и слѣд.

настоящей фамиліи Ходаковскаго было вѣрно, доказательство этому Старчевскій видѣлъ въ томъ, что еще въ 1823 году Ходаковскій сообщилъ въ „Сѣверный Архивъ" одну статью — подъ видомъ статьи г-жи Черноцкой [1]),—но г. Старчевскій былъ все-таки въ недоумѣніи. „Сообразивъ все сказанное о Черноцкомъ или Ходаковскомъ,—говоритъ онъ,—нельзя заключить о причинахъ, по которымъ онъ скрывалъ настоящую фамилію; можетъ быть, это была *безпричинная манія*, отъ которой несвободны даже и ученые люди. Во всякомъ случаѣ, мы считали нужнымъ изложить и его собственныя показанія, и показанія о немъ другихъ".

Недоумѣнія разрѣшены были въ концѣ 1850-хъ годовъ лицами, которыя имѣли въ рукахъ другія, скрывавшіяся до тѣхъ поръ въ тайнѣ, также *личныя* показанія самого Чарноцкаго. Это были статьи Доминика Ходзьки, Ипполита Скимборовича и особливо Іоахима Лелевеля [2]). Не повторяя ихъ разнорѣчій, приведемъ основные факты, какъ они были выяснены новыми вышедшими на свѣтъ документами и личными воспоминаніями Лелевеля. Два главныхъ документа, которые не оставляютъ сомнѣнія о дѣйствительной біографіи Ходаковскаго, были, во-первыхъ, его письмо къ оффиціальному лицу, минскому губернатору З. Я. Карнѣеву, писанное въ 1809 году (у Д. Ходзьки), и собственноручный дневникъ, веденный многіе годы и высланный Ходаковскимъ въ 20-хъ годахъ къ одному изъ друзей на родину въ пакетѣ, который онъ просилъ раскрыть только послѣ его смерти (у Скимборовича и Лелевеля). Лучшій сводъ извѣстій о біографіи Ходаковскаго находится въ статьѣ Лелевеля, который самъ былъ современникомъ Ходаковскаго и имѣлъ въ рукахъ его бумаги. Изъ сравненія этихъ источниковъ и другихъ свѣдѣній подлинная біографія Ходаковскаго представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Настоящее его имя было Адамъ Чарноцкій. Онъ родился въ мин-

---

[1]) Такая статья дѣйствительно была помѣщена въ „Сѣв. Архивѣ", какъ переводъ съ польскаго (подъ заглавіемъ: „Остатки славянской миѳологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ", Сѣв. Арх. IV, стр. 463—473), но она не имѣетъ никакого отношенія къ Ходаковскому. Въ подлинникѣ она была напечатана въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Wileński" 1817, и авторша названа Маріей Чарновской; характеръ статьи вовсе не въ духѣ Ходаковскаго.

[2]) Wzmianka o życiu i pismach Adama Czarnockiego, przez Dominika C. Chodźkę,—въ журналѣ „Teka Wileńska". 1857, Numer drugi, стр. 27—53, или 277—303.

— Jeszcze o Zoryanie Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim,—Koresp. z Warszawy Hip. Skimborowicza,— тамъ же, 1858, Numer szósty, стр. 243—253 или 457—467.

— Adam Czarnocki, przez Joachima Lelewela,—въ львовской газетѣ Dziennik Literacki, 1859, № 79, стр. 941—944.

— Другіе біографическіе матеріалы о Чарноцкомъ указаны въ статьѣ Скимборовича, стр. 252 (466).

скомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, отецъ его назывался Якобъ; мать была не Корженевская, а Бородзичъ. Она умерла довольно рано; отецъ съ 1792 до 1795 г. жилъ въ Мазовшѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; потерявши много отъ политическихъ волненій края, онъ занимался управленіемъ имѣніями; но средства его были такъ скудны, что онъ не могъ дать сыну никакого обученія. Поэтому отецъ отвезъ Адама къ болѣе богатымъ родственникамъ, жившимъ въ слуцкомъ уѣздѣ; Ксаверій Чарноцкій, витебскій подстолій, помѣстилъ Адама въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ и прошелъ первую школу; потомъ онъ продолжалъ ученіе въ тогдашнемъ уѣздномъ слуцкомъ училищѣ. Одинъ изъ біографовъ разсказываетъ, что Чарноцкій съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался большими способностями и особенно громадной памятью, и изъ наукъ всего больше любилъ исторію и географію; говорятъ, что еще юношей онъ задавалъ себѣ историческіе вопросы и спорилъ противъ застарѣлыхъ, общепринятыхъ тогда понятій, и чтеніе старыхъ книгъ и рукописей было для него любимымъ занятіемъ. Біографы удивляются, что въ то время, когда польская литература еще не знала настоящей исторической критики, когда польская поэзія жила искусственной жизнью въ тѣсныхъ рамахъ рутиннаго стихотворства, Чарноцкій, еще небогатый знаніями, не владѣвшій иностранными языками, кромѣ нѣкотораго знанія школьной латыни, не встрѣчая никакого особеннаго поощренія и, напротивъ, навлекая на себя осужденіе старшихъ и насмѣшки, говоритъ однако съ жаромъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія исторіи, о воскрешеніи національной поэзіи, о собираніи народныхъ пѣсенъ, объ изслѣдованіи преданій и обычаевъ, освященныхъ древностью. Говорятъ, что уже въ 1800 году онъ составилъ карту одного имѣнія съ исторической записью всѣхъ его владѣтелей съ 1591 года до 1800, отъ Олельковичей до Ксаверія Чарноцкаго. Отецъ Чарноцкаго женился во второй разъ, живя въ минскомъ краѣ, но вскорѣ умеръ (1-го февраля 1800). Черезъ годъ по смерти отца, Адамъ кончилъ свое школьное ученье (30-го іюня 1801); потомъ прожилъ два года у разныхъ знакомыхъ людей и практически изучалъ право у адвоката въ Новогрудкѣ; затѣмъ оставался въ Минскѣ до 1807 г. Еще не выбравши себѣ никакого постояннаго занятія, онъ посвящалъ все это время изученію мѣстнаго права, рылся въ архивахъ, пересматривалъ старые документы и пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большое знаніе. Въ Минскѣ онъ частнымъ образомъ помогалъ многимъ обывателямъ, имѣвшимъ въ судахъ процессы, и хотя получилъ (20 декабря 1805) „инструментъ", т.-е. патентъ на „земскую регенцію" въ Слуцкѣ, но не хотѣлъ сдѣлать адвокатуры своей профессіей и не хотѣлъ занять какого-нибудь мѣста при судахъ. На рукахъ его оста-

вались еще малолѣтніе братъ и сестра (кажется, отъ второго брака отца); онъ помѣстилъ ихъ у родныхъ, но и самъ заботился объ ихъ обезпеченіи, хотя его личныя средства были весьма ограничены.

Въ 1807 г., 2-го марта онъ взялъ частную должность, кажется, помощника управляющаго у гр. Несѣловскаго, воеводы новогрудскаго, въ тогдашней гродненской губерніи, новогрудскаго уѣзда; затѣмъ, по смерти управляющаго, онъ одинъ занялся обширными и запутанными дѣлами своего довѣрителя. Здѣсь онъ неутомимо работалъ, разобравъ запутанный архивъ, и хотя біографъ упрекаетъ его въ излишней ревности, вслѣдствіе которой онъ затѣвалъ процессы тамъ, гдѣ можно было бы улаживать дѣло мирнымъ соглашеніемъ, но рядомъ съ тѣмъ біографъ восхваляетъ его неутомимое трудолюбіе, способность быстро схватывать сущность дѣлъ и всегда руководившее имъ чувство справедливости. Въ позднѣйшихъ замѣткахъ Ходаковскій высказывалъ, однако, что эта жизнь на чужой службѣ очень его тяготила.

Но здѣсь ожидали его и бѣдственныя обстоятельства, бросившія мрачную тѣнь на всю его жизнь. Между прочимъ, онъ близко сдружился съ однимъ молодымъ родственникомъ Несѣловскаго. Этотъ молодой человѣкъ, обуреваемый патріотизмомъ, перебрался черезъ границу и поступилъ въ войско, которое формировалось тогда въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ, и письмомъ звалъ къ себѣ Чарноцкаго. Послѣдній отвѣчалъ, что желалъ бы сколько можно скорѣе покинуть Литву, и въ неосмотрительной торопливости послать отвѣтъ, отправилъ его почтой. Въ то время тайный выѣздъ изъ края строго преслѣдовался; письмо Чарноцкаго, перехваченное на почтѣ, навлекло на него суровое преслѣдованіе. Ночью, 25-го марта 1808 г., онъ былъ арестованъ въ имѣньѣ Ворончѣ, гдѣ онъ жилъ, и отвезенъ былъ подъ стражей въ Гродно; отсюда, послѣ допроса, его отвезли въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи отъ 30-го апрѣля до 31-го декабря, послѣ чего, вмѣстѣ съ другими заключенными, отправленъ былъ въ Новгородъ. Здѣсь только каждый изъ нихъ узналъ о рѣшеніи своей участи. Чарноцкій былъ лишенъ дворянства и отданъ въ солдаты во 2-ю дивизію, генерала Глазенапа, стоявшую въ Омскѣ, тобольской губерніи [1]).

---

[1]) Ходзько, излагая эти данныя, замѣчаетъ: „Всѣ до сихъ поръ помѣщенныя подробности жизни Чарноцкаго я взялъ изъ его собственной записки. Эту записку Чарноцкій писалъ въ Новгородѣ, въ первыхъ дняхъ января 1809 г., къ бывшему минскому губернатору Карнѣеву, прося его о заступничествѣ для смягченія его наказанія. Я имѣлъ въ рукахъ экземпляръ этой записки, писанный собственною рукою Чарноцкаго, частью по-польски, частью по-русски, но больше по-польски, потому что въ то время онъ еще очень мало зналъ русскій языкъ. Дальнѣйшія подробности,—

Отсюда, новый источникъ для біографіи Чарноцкаго является въ другомъ, также собственноручномъ документѣ, извлеченія изъ котораго сообщаютъ Скимборовичъ и Лелевель; это — записная книжка или дневникъ, начатый Чарноцкимъ на пути въ Сибирь и доведенный потомъ, повидимому, до 1821 года.

Біографы говорятъ, что Чарноцкій съ мужествомъ переносилъ постигшее его бѣдствіе (ему было тогда 24 года). Прибывши на мѣсто, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе своего начальника, что̀ должно было очень облегчить его положеніе. Онъ пробылъ въ Омскѣ [1]) четыре года, и это по крайней мѣрѣ принесло ему ту пользу, что онъ хорошо научился русскому языку.

Въ своемъ дневникѣ Чарноцкій отмѣчаетъ свой путь черезъ Новгородъ, Москву, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Казань, Пермь и т. д. Печаль охватила его, когда онъ переѣзжалъ Волгу, какъ будто последнюю границу Европы. И тогда уже въ немъ сказался любознательный наблюдатель и выносливый путешественникъ. По дорогѣ онъ записываетъ что̀ приходилось слышать, напр., о черемисахъ, чувашахъ, вотякахъ, вогулахъ, киргизахъ и пр. Въ полгода онъ сдѣлалъ почти четыре тысячи верстъ; въ одномъ мѣстѣ записной книжки онъ, по замѣчанію Скимборовича, „помѣщаетъ рядъ именъ земляковъ" (imion krajowych), т.-е., разъясняетъ Лелевель, польскихъ сосланныхъ семействъ отъ временъ Пулавскаго: онъ описываетъ ихъ положеніе, занятія отцовъ, сыновей и внуковъ, для нѣкоторыхъ устроилъ сношенія съ родными, оставшимися дома, особливо на Волыни, пишетъ за нихъ письма и т. п. Онъ замѣчаетъ, гдѣ что̀ ростетъ и чего нѣтъ, записываетъ обычаи, которые случалось наблюдать, выписываетъ мысли изъ читанныхъ сочиненій (напр. эклогу о обычаяхъ сѣверныхъ народовъ J. U. N.,—указываетъ Скимборовичъ, а Лелевель объясняетъ: Нѣмцевича); записываетъ мѣстные лечебные секреты; отмѣчаетъ, къ кому въ то время писалъ, вноситъ извѣстія о горныхъ рудахъ, татарскіе стихи, названія славянскихъ мѣстностей, теперь переиначенныя, наконецъ, слова и выраженія или словарикъ на языкѣ черемисъ, чувашъ, татаръ, вотяковъ и т. д.

Полкъ, въ которомъ служилъ Чарноцкій, получилъ приказъ двинуться къ Литвѣ. Маршъ начался въ понедѣльникъ 12-го сентября 1810 года; на зимовку полкъ расположился въ Перми, отъ 7-го ноября 1810 года до 18-го февраля 1811 г. [2]). Въ лагерѣ подъ Бобруй-

---

прибавляетъ Ходзько,—я почерпнулъ изъ подлинныхъ писемъ Чарноцкаго и изъ разсказовъ хорошо его знавшихъ лицъ".

[1]) Т.-е. собственно въ заключеніи и въ солдатствѣ; въ самомъ Омскѣ онъ жилъ недолго.

[2]) Лелевель замѣчаетъ, что въ Омскѣ Чарноцкій пробылъ только іюль и августъ,

скомъ стояли два мѣсяца, отъ 21-го іюня до 21-го августа. Здѣсь, по выраженію Скимборовича, Чарноцкій „устроилъ себѣ выѣздъ въ Польшу“ [1]), и вещи его, какъ умершаго, отосланы были въ слуцкій уѣздъ, а по словамъ Лелевеля, Чарноцкій, исполняя одно служебное порученіе, *пропалъ;* доказано, что его смерть была засвидѣтельствована оффиціально [2]). Говоря проще, Чарноцкій бѣжалъ.

Такимъ образомъ Чарноцкій былъ, что называется, военнымъ дезертиромъ; вотъ причина, почему съ этого времени онъ мѣняетъ свое имя и тщательно скрываетъ свое прошедшее; съ этой цѣлью, когда потомъ доспрашивались у него объ его жизни, онъ придумалъ ту автобіографію, которую передалъ Полевому и которую зналъ Кёппенъ. Эта поддѣльная біографія долго и считалась самой подлинной, не только у русскихъ, но и у польскихъ его почитателей, пока не явились объясненія Одыньца, Войниловича и новѣйшихъ біографовъ.

Въ декабрѣ 1811 года Чарноцкій пишетъ уже изъ Варшавы. Въ дневникѣ помѣщены черновыя письма къ князю Іосифу Понятовскому—„съ объясненіемъ плана одного изъ городовъ“, по словамъ Скимборовича; письма къ Соболевскому и другимъ, съ разными проектами. Въ 1812 году, 18-го февраля, онъ доноситъ князю Радзивиллу, что назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ адъютантомъ подъофицеромъ, что̀ Ходаковскій, вѣроятно не безъ цѣли, правильно отмѣчаетъ и въ автобіографической запискѣ, данной Полевому.

Лелевель говоритъ прямо, что, „появившись въ Варшавѣ, Чарноцкій передалъ тамошнимъ военнымъ властямъ нарисованный имъ планъ Бобруйска: онъ не записалъ этого въ своей книжкѣ, но мнѣ извѣстно объ этомъ отъ военныхъ, которые его знали и видѣли планъ, а именно, отъ А. Р.“.

Дальше, Скимборовичъ опять сообщаетъ отрывочныя свѣдѣнія изъ дневника Чарноцкаго.

„Въ письмѣ къ о. Ипполиту греческаго обряда (т.-е. уніату) Чарноцкій подписался Зоріаномъ Любраньскимъ“ (это былъ первый его псевдонимъ).

„Маршаломъ Даву онъ былъ посланъ на Нѣманъ и, по данному ему порученію, подавалъ рапорты 4-го и 19-го мая 1812 г., которыми командиръ былъ доволенъ, какъ говоритъ самъ Адамъ или также Зоріанъ Любраньскій, Хржановскій, Ходаковскій, а собственно Чарноцкій.

и что пребываніе въ Перми объясняетъ, какъ онъ могъ заниматься чувашами и черемисами.

[1]) „Tam wyrobił sobie wyjazd do K. i L.“, т.-е. въ Корону и Литву.

[2]) Замѣтимъ, что Скимборовичъ писалъ въ виленскомъ изданіи, подъ русской цензурой, а Лелевель—въ львовскомъ журналѣ.

„Мая 30-го онъ по собственной просьбѣ получилъ увольненіе отъ службы и, имѣя неограниченный отпускъ, находился при главной квартирѣ корпуса, принимая на себя, вѣроятно, особенныя порученія. По отступленіи Наполеоновской арміи и своемъ отъ Смоленска, послѣ приключенія подъ Борисовымъ (?), онъ по многимъ обстоятельствамъ долженъ былъ укрываться около Кезгаловицъ, у С.

„Наконецъ онъ записываетъ въ дневникѣ, гдѣ онъ былъ отъ 15-го апрѣля до 10-го сентября 1814 года (?)...

„Имя Хржановскаго онъ принялъ на себя въ Галиціи, гдѣ былъ обломкомъ, оставшимся отъ французской арміи".

Эти неясныя данныя понятнѣе излагаетъ Лелевель. „Въ недолгое пребываніе свое въ Варшавѣ,—говоритъ онъ,—Чарноцкій пріобрѣлъ личныя знакомства. Онъ исполнилъ какую-то тайную военную услугу и былъ также употребленъ и для услуги иного рода. Наполеонъ намѣренъ былъ устроить славянскую іерархію греческаго обряда (т.-е. уніатскую). Съ этой цѣлью прибыло въ Варшаву нѣсколько духовныхъ лицъ изъ Далмаціи. Чарноцкій, подъ вымышленнымъ именемъ, велъ съ ними дѣло и также „бѣгалъ" въ русскія губерніи къ духовенству греческаго обряда. Именъ духовныхъ лицъ онъ не называетъ, а свое прибранное записалъ въ книжку (имя Любраньскаго). За эти различныя услуги онъ получалъ отъ князя Іосифа Понятовскаго и отъ Даву благодарственныя письма, которыя вписалъ въ свою книжку. Когда подготовлялся Наполеоновскій походъ, онъ былъ захваченъ тяжкой болѣзнью. Слабый отъ болѣзни онъ былъ въ Торуни, и тамъ зрѣлище Наполеона быстро сдѣлало его здоровымъ, не зрѣлище извѣстной его низкой шляпы, но появляющіяся надежды на возрожденіе Польши.

„Онъ бросается опять въ службу; ему хотѣли дать офицерскій рангъ, но онъ заявилъ, что можетъ оказать бóльшія услуги какъ волонтеръ въ солдатскомъ мундирѣ, если въ этомъ будетъ надобность. Такимъ образомъ онъ пошелъ съ великой арміей до Смоленска. Когда наступила ретирада, онъ остался въ новогрудскомъ уѣздѣ... На амнистію, великодушно данную Александромъ, онъ разсчитывать не могъ: Чарноцкій не могъ ожить. Болтливость женщинъ дѣлала жизнь его тамъ небезопасной, и онъ скрылся тогда въ Галицію, гдѣ явился подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго".

Лелевель ничего не говоритъ „о приключеніи подъ Борисовымъ". Припомнимъ, что по поддѣльной біографіи Ходаковскій былъ взятъ въ плѣнъ подъ Борисовымъ козаками и отведенъ въ Черниговъ, гдѣ потомъ воспользовался амнистіей Александра [1]). Повидимому, этого

[1]) Ходзько (стр. 33 — 283) вѣритъ еще въ эту амнистію для Ходаковскаго и недоумѣваетъ, почему онъ измѣнилъ теперь свою фамилію.

плѣна подъ Борисовымъ вовсе не было, и обстоятельство это придумано (въ подложной біографіи) только для того, чтобы подвести Ходаковскаго подъ амнистію и тѣмъ покрыть его прошлое. Дальше увидимъ, что „приключеніе подъ Борисовымъ“ послужило, однако, темой для легендарныхъ разсказовъ.

Повидимому, съ этого времени онъ въ первый разъ отдался со страстью той народной археологіи, которая заняла вторую половину его жизни [1]). Какъ собственно шли его странствія и изслѣдованія, чѣмъ онъ существовалъ, объ этомъ извѣстно мало точнаго. Мы упоминали, что для своихъ соотечественниковъ Ходаковскій остался чрезвычайно популярнымъ изслѣдователемъ народности, которому они приписываютъ великую заслугу, какъ начинателю новаго отношенія къ народности. О немъ шла молва, какъ потомъ шла подобная молва и въ Россіи, гдѣ у него были не менѣе ревностные почитатели, чѣмъ въ Польшѣ. Лелевель разсказываетъ такъ:

„Въ Галиціи Ходаковскій отдался начатымъ, въ его молодые годы, изслѣдованіямъ народныхъ пѣсенъ и преданій, урочищъ, могилъ, древнихъ кладбищъ, городищъ и ихъ названій. Поддержка, какую онъ могъ получить отъ Чарторыйскаго или изъ какого иного частнаго источника, была бы во всѣхъ отношеніяхъ недостаточна. Онъ мечталъ о гораздо болѣе широкомъ изслѣдованіи славянщины, о пріисканіи средствъ къ этому. Онъ посѣтилъ Волынь, гостилъ въ Кременцѣ, бывалъ въ Кіевѣ и въ полтавской губерніи. Плоды своихъ трудовъ онъ посылалъ въ „Общество друзей наукъ“ (Towarzystwo przyjaciół nauk) въ Варшавѣ, гдѣ Сташицъ говорилъ о пособіи на путешествіе, настаивая на томъ, чтобы изслѣдователь началъ прежде всего съ обозрѣнія Мазовіи. Ходаковскій не могъ отважиться ходить въ области великаго князя (Константина), гдѣ знали Адама Чарноцкаго. Кураторъ (виленскаго учебнаго округа) Чарторыйскій могъ располагать денежными средствами, назначенными на путешествіе, но не торопился тронуть ихъ самъ для Ходаковскаго, и только представилъ дѣло университету, гдѣ рѣшеніе оказалось также неспѣшнымъ.

„Зоріанъ отчаявался, что найдетъ что-нибудь въ кругу земляковъ. Въ 1819 году онъ отправился въ Петербургъ. Пока онъ былъ на польской землѣ, онъ могъ все достать на дорогѣ; но едва онъ миновалъ границу Польши, ему пришлось плохо. На почтовыхъ станціяхъ ни хлѣба и никакого подкрѣпленія. Утомленный и наскучившій этимъ, онъ встрѣтилъ между проѣзжими живую и ловкую

[1]) Въ 1818 и 1819 г. онъ ссылается на четыре и пять лѣтъ своихъ археологическихъ и этнографическихъ изысканій.

панну, которая каждый разъ умѣла себѣ что-нибудь найти, что-нибудь сварить и устроить такъ, что не оставалась голодна. Смотря на это, Ходаковскій подумалъ, что именно такую и нужно было ему жену для задуманныхъ странствій. Началось знакомство, ухаживаніе и освѣдомленія; они были приняты любезно. Это была панна Констанція Флемингъ, инфляндка, возвращавшаяся къ родителямъ въ Петербургъ. Во Псковѣ нашелся католическій ксендзъ; онъ повѣнчалъ ихъ, а въ Петербургѣ родители не отказали молодымъ въ своемъ благословеніи...

„Зоріанъ развернулся въ столицѣ имперіи. Онъ имѣлъ, конечно нѣкоторыя рекомендаціи, но пріобрѣталъ знакомства самъ даже съ тѣми, которые разбирали дѣло Адама Чарноцкаго и полагали его рѣшеніе"...

Нѣсколько иначе разсказываетъ другой біографъ. „Въ Галиціи,— пишетъ Ходзько,—не имѣя никакого постояннаго занятія, Ходаковскій отдался любимой склонности къ изысканію древней славянщины и добыванію изъ преданій народа болѣе чистыхъ историческихъ понятій. Привыкнувъ къ неудобствамъ, любя странствовать, онъ задумалъ обозрѣть цѣлое славянское племя и изъ него вывести рядъ новыхъ представленій, столь необходимыхъ для объясненія древней исторіи сѣвера. Не разъ, онъ одинъ, съ тростью въ рукѣ, съ мѣшкомъ съѣстныхъ припасовъ за плечами, ходилъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, говорилъ со стариками, записывалъ народныя пѣсни, раскапывалъ старыя могилы, которыя мѣтко называлъ „жальниками" отъ слова „żal" [1]), пересматривалъ старые документы и рукописи, словомъ—пользовался всѣми способами, чтобы открыть помраченные вѣками слѣды давней сѣверной исторіи.

„Среди этихъ ученыхъ странствій, онъ посѣтилъ Пулавы [2]) и далъ узнать себя ближе опекунамъ наукъ, князьямъ Чарторыйскимъ, которые тотчасъ оцѣнили его дарованія и стремленія. Съ ихъ помощью онъ обозрѣлъ остальную Галицію и нѣсколько ближайшихъ польскихъ воеводствъ, затѣмъ отправился на Волынь въ Кременецъ. Чарторыйскіе, видя необычайную жажду Чарноцкаго посвятить себя исторической наукѣ, дѣятельнѣе и усерднѣе всѣхъ оказывали ему помощь; наконецъ, рекомендовали его вниманію и покровительству истиннаго любителя, опекуна и знатока наукъ, канцлера графа Румянцова. Чарноцкій, въ 1819, отправился въ Петербургъ. Тамъ, любезно принятый канцлеромъ, онъ вскорѣ познакомился съ лучшими русскими учеными, какъ, напр., съ исторіографомъ Карамзинымъ

[1]) Это названіе вовсе не было придумано Ходаковскимъ; это—народное русское названіе древнихъ кладбищъ.

[2]) Знаменитое имѣніе и резиденція Чарторыйскихъ.

адмираломъ Шишковымъ, Уваровымъ, попечителемъ казанскаго университета Магницкимъ [1]), профессоромъ права Кукольникомъ и многими другими, а также съ ученымъ землякомъ, католическимъ митрополитомъ Станиславомъ Сестренцевичемъ. Наконецъ, Румянцовъ представилъ его императору Александру I, который утвердилъ поданный Чарноцкимъ проектъ путешествія по славянскимъ землямъ, приказалъ зачислить его въ число чиновниковъ министерства просвѣщенія, одарилъ значительной пенсіей, поручилъ ему изслѣдованіе давняго славянства по цѣлой Россіи, а для наибольшаго облегченія его въ такомъ громадномъ трудѣ, онъ издалъ приказы всѣмъ губернаторамъ государства и другимъ высшимъ чиновникамъ, чтобы при каждомъ обращеніи ему доставляемо было всякое содѣйствіе"... Біографу представляется, наконецъ, что Ходаковскаго „окружилъ всеобщій почетъ", что предъ нимъ открылись двери цесарскія и важнѣйшихъ русскихъ пановъ; нѣсколько ученыхъ обществъ, польскихъ и русскихъ, приняли его въ число своихъ членовъ...

На дѣлѣ это было вовсе не такъ великолѣпно. Лелевель изображаетъ исторію Ходаковскаго въ Россіи проще, гораздо болѣе мрачно и болѣе близко къ истинѣ. Здѣсь есть уже опредѣленныя русскія свѣдѣнія, на которыя мы указывали. Явившись въ Петербургъ съ рекомендаціями отъ Чарторыйскаго, Ходаковскій встрѣтилъ интересъ къ своимъ предпріятіямъ у графа Румянцова и князя Голицына, тогда министра народнаго просвѣщенія; составленный имъ проектъ археологическаго путешествія по Россіи и славянскимъ землямъ переданъ былъ на разсмотрѣніе Карамзина и главнаго управленія училищъ и, бывъ одобренъ, представленъ былъ Голицынымъ на усмотрѣніе императора Александра и былъ принятъ. По высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 года, на издержки путешествія назначено было Ходаковскому 3,000 руб. Кромѣ того, его снабдили открытыми листами отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, къ мѣстнымъ начальствамъ объ оказаніи содѣйствія его изслѣдованіямъ. Ходаковскій видѣлъ исполненіе своихъ давнишнихъ желаній. „Слѣдствіемъ того насталъ въ моей жизни праздничный годъ, jubileus annus", писалъ онъ объ этомъ времени [2]). Путешествіе должно было продолжаться четыре года. Ходаковскій намѣренъ былъ проѣхать Россію съ сѣвера на югъ въ четырехъ линіяхъ, а потомъ съ востока на западъ, отъ Уральскихъ горъ до устья Дуная [3]). Когда путешествіе было рѣшено, онъ напечаталъ въ журналахъ подробный его планъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ на разсмотрѣніи

[1]) Одинъ изъ „лучшихъ ученыхъ"!

[2]) Р. Историческій Сборникъ, т. I, кн. 3, стр. 5.

[3]) „Сынъ Отечества". 1820, ч. 63-я, стр. 527—528.

Карамзина и получилъ оффиціальное одобреніе. Печатая планъ, онъ хотѣлъ познакомить „благомыслящихъ россіянъ" съ своимъ предпріятіемъ и просилъ „всѣхъ внуковъ Радогоста содѣйствовать ему въ изысканіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ ихъ знаменитыхъ предковъ".

Но путешествіе не было счастливо.

Въ 1820 году, 17-го августа, онъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ женой, „неразлучной товаркой" его путешествія. Ходаковскій осмотрѣлъ мѣста по Невѣ и около Ладоги, раскапывалъ старые курганы и могилы около Новгорода, между прочимъ такъ называемую могилу Гостомысла [1]), потомъ около Твери, и въ 1821 г. прибылъ въ Москву. Въ Ладогѣ у него родился сынъ: Ходаковскій хотѣлъ дать ему какое-то древне-славянское имя [2]), но священникъ (повидимому, православный) не согласился на это, и ребенка окрестили подъ именемъ Александра. Они отдали его на руки какой-то знакомкѣ, но ребенокъ, вѣроятно, отъ невнимательнаго ухода, умеръ, и Ходаковскій похоронилъ его „середи древней церкви въ замкѣ Старой Ладоги". Въ Москвѣ, съ разрѣшенія межевой канцеляріи, Ходаковскій занялся изученіемъ подробныхъ картъ, разсмотрѣлъ планы двадцати-одной губерніи, составилъ общую карту славянскаго „городства" и огромный географическій словарь, о которомъ скажемъ дальше. Въ 1822 г., 13-го іюля, онъ послалъ изъ Москвы „Донесеніе" о результатахъ своего путешествія, и разсмотрѣніе его (въ какой-то коммиссіи) поручено было извѣстному Калайдовичу. Около этого времени Калайдовичъ самъ занимался археологическими изслѣдованіями въ рязанской губерніи; какъ ученый, это былъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Ходаковскій; онъ отнесся несочувственно къ выводамъ послѣдняго (собственно къ теоріи городищъ), въ которыхъ находилъ слишкомъ много произвольнаго, и его отзывъ имѣлъ фатальныя послѣдствія для Ходаковскаго: послѣдній потерялъ правительственную поддержку, остался безъ всякихъ средствъ не только къ продолженію своихъ трудовъ, но и къ самому существованію. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ пріобрѣлъ знакомства въ ученомъ и литературномъ кругу и особенно сблизился съ Полевымъ, который, повидимому, относился къ нему съ искреннимъ участіемъ и помогалъ ему. По смерти первой жены, онъ женился во второй разъ, кажется, на русской, но это, кажется, не устроило его домашняго благополучія. Наконецъ, нужда заставила его принять на себя должность управителя у одного земляка, тверского помѣщика. Онъ

[1]) Ср. Лелевеля, Polska średnich wiek. IV.

[2]) „Nazwaliśmy go Olesiem, bo protorej nie chciał chrzcić go pod imieniem sławiańskim" (O Słow. przed Chrześć., стр. 49).

продолжалъ еще работать: въ его громадномъ рукописномъ словарѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, мы видѣли дополнительныя замѣтки отъ 1824 года. Здѣсь, въ тверской губерніи, въ селѣ Петровскомъ, Ходаковскій умеръ скоропостижно 17 ноября 1825 г. на сорокъ-первомъ году жизни [1]).

Передъ поѣздкой въ Петербургъ, Ходаковскій оставилъ въ рукахъ своихъ друзей, а по другимъ свѣдѣніямъ, выслалъ имъ изъ Петербурга записную книжку, о которой мы выше говорили и которая заключала его подлинную біографію. По словамъ Скимборовича, Чарноцкій, живя долго на Волыни, оставилъ эту книгу у домашняго учителя своего пріятеля, извѣстнаго археолога и этнографа Луки Голембёвскаго (этого учителя, кажется, звали Cieszej). Рукопись была запечатана, и на пакетѣ Ходаковскій надписалъ: „можно открыть только послѣ моей смерти". Голембёвскій убѣждалъ владѣльца, чтобы онъ принесъ эту драгоцѣнную память въ даръ „Обществу друзей наукъ", въ Варшавѣ. Сдѣлалъ ли это упомянутый Цѣшей, и если сдѣлалъ, то находится ли эта книга въ бывшей библіотекѣ Общества, объ этомъ Скимборовичъ не зналъ. Онъ утверждалъ только, что Голембёвскій лично зналъ Чарноцкаго по библіотекамъ, сначала Порыцкой, а потомъ Пулавской, въ которыхъ тотъ проводилъ не мало времени, и очень интересовался узнать подробности его жизни, и когда въ 1826 и 1827 годахъ всѣ уже знали, что Ходаковскій умеръ, тогда Цѣшей распечаталъ рукопись, а Голембёвскій, не ожидая того неопредѣленнаго времени, когда рукопись дойдетъ до библіотеки Общества друзей наукъ, выписалъ изъ нея наиболѣе любопытныя вещи и въ 1840 г. собственноручно переписалъ ихъ для Скимборовича, какъ своего пріятеля [2]).

Лелевель разсказываетъ объ этомъ такъ. Упомянувши о жизни Ходаковскаго въ Петербургѣ, онъ замѣчаетъ: „Въ то время Адамъ-Зоріанъ, кажется, сходилъ съ польскаго свѣта. Онъ запечаталъ свою записную книжку и переслалъ Обществу друзей наукъ, съ просьбою, чтобы она была открыта только по его смерти. Воля его была исполнена. По его смерти мы открыли рукопись; я выписалъ, что̀ въ ней находилось, и теперь повторяю по памяти. Мое воспоминаніе, можетъ быть, не полно, но въ цѣломъ съ увѣренностью повторяю то, что̀—не Зоріанъ, а Адамъ Чарноцкій записалъ о себѣ въ теченіе 1810—1820 годовъ"... Лелевель считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Чарноцкій разстался съ своей книжкой на Волыни въ 1818 или 1819 г., пускаясь въ путь въ Петербургъ... „Мнѣ неизвѣстно, какъ эта книжка

---

[1]) „Podobno zabity", замѣчаетъ Лелевель.
[2]) Teka Wileńska, 1858, VI, стр. 249—463.

попала въ Общество друзей наукъ, но я имѣлъ ее въ рукахъ въ библіотекѣ Общества, запечатанную, съ предостереженіемъ открыть ее только послѣ смерти. Когда книжка была открыта, я дѣлалъ изъ нея замѣтки въ библіотекѣ Общества, но онѣ пропали и остались только въ памяти... Чарноцкій разстался съ своей книжкой развѣ только послѣ 1821 года, а не раньше. До Общества она дошла, может быть, черезъ посредство Луки Голембёвскаго... Всѣ разсказы его, противорѣчащіе этой книжкѣ, были выдумкою; и повѣсть Ходаковскаго, написанная для дорогого пріятеля, Николая Полевого есть слишкомъ явная выдумка. Въ своемъ положеніи *Ходаковскій* не могъ говорить о *Чарноцкомъ*".

„Теперь скажу, что случилось мнѣ знать о Зоріанѣ еще при жизни Чарноцкаго; быть можетъ, это пригодится на что-нибудь тѣмъ кто займется біографіей и плодами трудовъ знаменитаго нашего соотечественника. Ходаковскій, потерявши свою первую жену Флемингъ, женился потомъ на русской и не былъ такъ счастливъ, как прежде: по этому поводу говорили, что ему недоставало его ежегодного пособія [1]); подвинувши успѣшно свои свѣдѣнія, онъ могъ обдумать и начертать общіе выводы своихъ изысканій. Съ этой цѣлью онъ приготовилъ прекрасную общую карту округовъ городищъ в Россіи и, съ краткимъ описаніемъ, листахъ на двухъ, прислалъ въ Общество друзей наукъ въ Варшаву. Изъ Варшавы этотъ интересный трудъ пересланъ былъ къ Твардовскому, ректору виленскаго университета. „Я иду отъ ректора и видѣлъ эту работу,—сказалъ мнѣ профессоръ гимназіи Шидловскій, порядочно выпивавшій:—но панъ ректоръ говорилъ мнѣ, что это—не Ходаковскій, а Чарноцкій". Меня проняла дрожь. Кромѣ столь распространенныхъ слуховъ, опасность не переставала грозить Чарноцкому.

„Я видѣлъ эту прекрасную работу, какъ бы суммировавшую его изысканія, и хотѣлъ скопировать ее себѣ, но она пропала у Твардовскаго. Тѣмъ временемъ положеніе Ходаковскаго омрачалось. Были люди, къ нему нерасположенные, а онъ не умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Довольно долго онъ прожилъ въ Москвѣ. Днемъ онъ ходилъ по площадямъ и рынкамъ, разспрашивалъ людей, сходившихся съ разныхъ сторонъ, и, получивъ разрѣшеніе, даже со свѣчей разсматривалъ многія подробныя топографическія карты. Быть можетъ, съ такого разсматриванія картъ и слѣдовало всего лучше начать путешествіе, но нашлись просвѣщенные россіяне, ворчавшіе что водить пальцемъ по картѣ—не значитъ ходить по землѣ, и упрекавшіе Ходаковскаго, что онъ пренебрегаетъ путешествіемъ.

[1]) Это кажется, не точно, потому что это пособіе Ходаковскій имѣлъ, повидимому, только на одинъ годъ и въ 1823 году уже потерялъ его.

„Въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши. Въ своихъ письмахъ онъ иногда весело задѣвалъ Карамзина, который раздражителенъ, но отъ котораго, однако, зависитъ все будущее [1]). Я знаю это отъ Лобойки [2]) и видѣлъ записки этого рода.

„Надо было, наконецъ, приготовить донесеніе о результатахъ минувшихъ двухлѣтнихъ усилій; оно было огромное... Посылая его, Зоріанъ выразился съ особеннымъ уваженіемъ о Карамзинѣ, отдавая свою работу только на его судъ, потому что хотя и есть въ коммиссіи просвѣщенные мужи, но что это слишкомъ бы ихъ утрудило, а онъ легко можетъ оцѣнить дѣло и положить рѣшеніе. Черезъ три дня по представленіи донесенія въ коммиссію, положено было оффиціальное мнѣніе, что трудъ Ходаковскаго очень хорошъ, но что издержки на него излишни. Это съ удовольствіемъ выразилъ Калайдовичъ. Этимъ все было прервано. Ходаковскій остался на мели (osiadł na koszu“).

До сихъ поръ еще не было, кажется, сообщено подробностей о ходѣ этого дѣла; наши извѣстія говорятъ только, что Калайдовичъ дѣйствительно принималъ участіе въ разсмотрѣніи донесенія Ходаковскаго, и отрицательное рѣшеніе приписывается именно ему. Около того же времени Калайдовичъ высказался и въ литературѣ противъ изслѣдованій Ходаковскаго, и въ бумагахъ послѣдняго остался обширный отвѣтъ, напечатанный Погодинымъ послѣ смерти обоихъ противниковъ.

„Всѣ рукописи Ходаковскаго остались у Полевого,—продолжаетъ Лелевель.—Начальство припомнило о нихъ и довѣрило ихъ Погодину [3]), который напечаталъ въ „Наблюдателѣ“ сочиненіе Зоріана о системѣ могилъ славянскихъ, обнимающихъ въ извѣстной связи всю древнюю славянщину. Шло дѣло объ изданіи собранныхъ Ходаковскимъ малорусскихъ пѣсенъ. Меня спрашивали, будутъ ли онѣ имѣть сбытъ въ Польшѣ; я отвѣчалъ, что будутъ, если будутъ напечатаны латинскими буквами. Максимовичъ напечаталъ ихъ своими. Латинскія буквы въ Москвѣ были бы поражающею ересью, и, можетъ быть, вызвали бы перуны [4])...“

---

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о томъ времени, когда шелъ вопросъ о первомъ устройствѣ путешествія.

[2]) Лобойко былъ тогда профессоромъ виленскаго университета и былъ въ сношеніяхъ съ русскими учеными.

[3]) Нѣкоторыя подробности о судьбѣ бумагъ Ходаковскаго см. между прочимъ въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Спб. 1888.

[4]) Максимовичъ, печатая малорусскія пѣсни русскими буквами, руководился

„Изъ переписки Ходаковскаго кое-что уже издано. Изъ многихъ писемъ не одно заслуживаетъ быть сообщеннымъ свѣту и, конечно, будетъ сообщено. Къ сожалѣнію, Адамъ велъ свои изслѣдованія на почвѣ нетвердой и темной,—не старой, а болѣе новой славянщины, въ странахъ, позднѣе заселенныхъ славянами, и притомъ уже крещенными. Можно ли было тамъ искать чисто языческихъ элементовъ? Книжка собственныхъ записокъ Адама Чарноцкаго, о которой я вспомнилъ, можетъ быть, отыщется въ Петербургѣ. Она заслуживаетъ изданія цѣликомъ. Въ ней нѣтъ ничего, что̀ оскорбляло бы русскихъ, но, конечно, она имъ не понравится. Для насъ она будетъ неоцѣненна, потому что даетъ узнать мысль и сердце дорогого Адама Чарноцкаго".

Приведенные отзывы Лелевеля, который былъ не только горячій польскій патріотъ, но и большой ученый, даютъ понятіе о сильномъ впечатлѣніи, какое производила дѣятельность Ходаковскаго еще при его жизни и которое потомъ надолго окружило его имя уваженіемъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ сильнымъ толчкомъ была эта дѣятельность Ходаковскаго и въ польской, и въ русской литературѣ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Припомнимъ отзывъ Вацлава Залѣскаго. „Ходаковскій,—пишетъ Залѣскій о двадцатыхъ годахъ,—внушалъ мнѣ истинное почитаніе. Его разсужденіе о „Славянщинѣ передъ христіанствомъ", полное глубокихъ мыслей, свидѣтельствовало объ основательномъ знаніи дѣла, о рѣдкомъ дарѣ изслѣдованія, наконецъ о любви къ предмету и долгихъ занятіяхъ имъ. Я слышалъ о его способѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, какъ онъ, въ коротенькомъ кожухѣ, съ котомочкой за плечами и фляжкой водки подъ мышкой, ходитъ отъ деревни до деревни, отъ ксендза до ксендза, отъ органиста до органиста, отъ дьяка до дьяка, отъ одной бабы-пѣвуньи до другой, отъ одного сельскаго музыканта или дѣда-лирника до другого, и какъ онъ вездѣ, то просьбой и уговорами, то угощеніемъ и принужденіемъ, то самъ запѣвая пѣсни, умѣетъ извлечь все, что̀ только касается славянства. Это есть единственный и настоящій способъ собиранія пѣсенъ".

Люди новыхъ поколѣній говорили о Ходаковскомъ съ не меньшимъ удивленіемъ: „Есть люди великаго сердца и души,—писалъ одинъ изъ польско-русинскихъ народниковъ 1860 годовъ,—которымъ дана была сила опережать настоящую минуту, чтобы понять будущее и, предавая себя въ жертву, служить тому дню будущаго, который

просто тѣмъ соображеніемъ, что малоруссы вообще употребляютъ русскую азбуку, которою писана вся ихъ литература.

закрытъ для другихъ таинственнымъ покрываломъ. Бѣдные пророки!—Ихъ судьба быть побитымъ каменьями отъ тѣхъ, которымъ они хотятъ объяснить вѣщую истину... Этотъ день будущаго есть *народная жизнь*... Гдѣ же тѣ, которые вѣрили бы ему? Гдѣ люди, которые не покрывали бы насмѣшками имѣющихъ это убѣжденіе? Лучшіе изъ нихъ—усмѣхнутся съ состраданіемъ; и мало, очень мало такихъ, которые повѣрятъ вѣщимъ словамъ и поднимутъ на себя трудъ—прольютъ потъ и кровь, готовя пути святой будущности! Человѣкъ, которому будущее будетъ ставить памятники, нашъ племенной апостолъ и пророкъ, есть Адамъ Чарноцкій, иначе называемый Зоріаномъ Ходаковскимъ. Онъ первый развернулъ знамя будущности, первый указалъ намъ его конечную цѣль—народъ; первый взялся за вѣковой трудъ и всѣхъ призывалъ къ нему. Честь ему и слава на вѣки! И несмотря на свою великость, онъ сошелъ со свѣта неузнанный, безъ признанія его генія, и теперь еще люди, занимающіе высокое положеніе въ научномъ мірѣ, говорятъ о Зоріанѣ съ нѣкотораго рода сожалѣніемъ, точно о капризномъ ребенкѣ, котораго своевольная шалость не требуетъ наказанія, но все-таки есть капризная шалость. И, однако, славянство имѣло не много подобныхъ людей" [1]).

Панегирикъ слишкомъ восторженный, но Ходаковскій не безъ нѣкотораго основанія могъ считаться пророкомъ народности, человѣкомъ, указывавшимъ новый путь для науки и для національнаго сознанія. Его вліяніе, хотя бы и не прямое вліяніе самыхъ его работъ, но нравственное вліяніе личности, поэтизированной молвою, не подлежитъ сомнѣнію, и не только въ польской, но и въ русской литературѣ. Имя его уже вскорѣ стало окружаться легендой, чему не мало помогла долгая и заботливо оберегаемая тайна, окружавшая жизнь этого человѣка, которому пришлось съ молодости испытать много тяжелыхъ невзгодъ, сохранить подъ ихъ гнетомъ неодолимое влеченіе въ народную среду, собирать усиленнымъ трудомъ тѣ знанія, какія обезпечиваетъ обыкновенная школа, и, наконецъ, искать опоры для своего труда тамъ, гдѣ открытіе его тайны могло навлечь ему величайшую опасность. Извѣстно было, что Ходаковскій—не даромъ прибравшій себѣ такой псевдонимъ—любилъ и умѣлъ жить и говорить съ народомъ, чего тогда не умѣлъ никто, особливо въ польской средѣ, и эта черта была разработана его почитателями до цѣлаго грандіознаго подвига: Ходаковскій представлялся исходившимъ чуть не всю славянщину—„отъ Камы до Эльбы и отъ Балтійскаго

---

[1]) См. въ воспоминаніяхъ о Вагилевичѣ, Стахурскаго-Свенцицкаго—въ журналѣ „Sioło", Львовъ, 1866, вып. 1, стр. 79—80.

моря до Дуная“: фигура его рисовалась такъ, какъ напримѣръ представлялась она Вацлаву Залѣскому: это былъ образецъ народнаго изыскателя и другъ народа. Такую легенду о Ходаковскомъ выразилъ напр., одинъ изъ очень извѣстныхъ польскихъ писателей той новой группы тридцатыхъ годовъ, которая подъ вліяніемъ перваго расцвѣта славянскаго возрожденія увлекалась этнографическими интересами и питала въ себѣ извѣстную долю панславизма—Луціанъ Сѣменскій. Въ его сочиненіяхъ есть разсказъ подъ названіемъ „Приключеніе путника“ [1]), написанный въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Считаемъ нелишнимъ привести вкратцѣ его содержаніе, чтобы дать понятіе о томъ, какъ представлялся Ходаковскій его соотечественникамъ въ то время, когда факты его біографіи еще не были выяснены.

Дѣйствіе происходитъ, повидимому, гдѣ-то на Волыни, гдѣ живутъ польскіе помѣщики съ малорусскими крестьянами. Молодой польскій панычъ, сынъ изъ богатой семьи, отправляется на охоту и чуть не тонетъ въ озерѣ, желая достать подстрѣленную птицу. Его спасаетъ какой-то прохожій, который совершаетъ этотъ подвигъ очень просто, съ большимъ хладнокровіемъ и добродушнымъ юморомъ. Панычъ собирался уже умирать и долго не могъ опомниться, когда путникъ вытащилъ его изъ воды съ его ружьемъ, собакой и бекасомъ; путникъ, взявши свою палку и дорожный кошель, хотѣлъ уже идти своимъ путемъ, когда панычъ, опамятовавшись, сталъ высказывать ему свою благодарность и непремѣнно хотѣлъ зазвать его въ свой домъ и представить матери, которая, по его мнѣнію, сама захотѣла бы его благодарить. Путникъ, подшучивая надъ изнѣженнымъ панычемъ (едва для него замѣтно), соглашается. Домъ былъ важный панскій, въ немъ господствовали свѣтскія церемоніи и французскій языкъ; путникъ совсѣмъ не подходилъ ни къ этой обстановкѣ своимъ грубымъ костюмомъ, ни къ этимъ людямъ съ ихъ спѣсью и французскими манерами. Хозяйка дома, какъ ни была обязана незнакомцу за спасеніе сына, никакъ не могла переварить его демократической простоты, которая представилась ей невыносимою грубостью. Путникъ относится ко всему этому съ философскимъ спокойствіемъ, подсмѣиваясь въ душѣ надъ нелѣпыми людьми, надъ спѣсивой барыней, надъ французомъ гувернеромъ и, между прочимъ, намѣренно скрываетъ свое знаніе французскаго языка. Хозяйка не могла понять, куда причислить этого человѣка; узнавши отъ сына, что это, кажется, антикварій, она выразила сожалѣніе, что въ ихъ краѣ нѣтъ ни готическихъ костеловъ, ни зáмковъ. — „Этого рода памятники, — сказалъ, какъ будто съ пренебреженіемъ, путникъ,—нисколько меня не интересуютъ; наша земля съ ея могилами, урочищами, вотъ мои древности, мои сокровища; а народное слово, преданіе, сказка, пѣсня... въ этомъ цѣлое прошедшее, котораго не найдешь въ писанныхъ книгахъ, и этого-то я ищу“.

Хозяйка все еще думаетъ удержать у себя незнакомца; дѣло идетъ къ ночи, и она спрашиваетъ, гдѣ его лошади, его слуга.

— Мои лошади? мой слуга?—Путникъ разсмѣялся и, ударивъ себя по обоимъ

---

[1]) „Przygoda podróżnika“. См. Dzieła Lucyana Siemieńskiego, Warszawa, 1881, VI. стр. 213—238; этотъ разсказъ (помнится, не вполнѣ) переведенъ былъ въ „Денницѣ“ П. П. Дубровскаго. Варш. 1843.

колѣнямъ, прибавилъ:—мои кони всегда со мною, а мой слуга никогда не потребуетъ ѣсть,—и онъ указалъ на суковатую палку, стоявшую въ углу.

— Неслыханное дѣло! Панъ вояжируетъ пѣшкомъ, какъ нѣмецкій студентъ.

— Да; чтобы поѣсть и переночевать, я захожу къ честнымъ хлопамъ, отъ которыхъ, кромѣ гостепріимства, я заимствуюсь еще многимъ.

— Но, кажется, только не хорошимъ тономъ и приличными манерами?— прервала панн маршалкова, когда какъ разъ въ эту минуту панъ Доленга протянулъ ноги и оперся головой на руку.

— О, нѣтъ, не этимъ, но честной простотой и здравымъ разсудкомъ, что̀, по моему мнѣнію, стоитъ больше, чѣмъ какой-нибудь этикетъ и модныя гримасы.

Кончилось тѣмъ, что путникъ (это былъ, конечно, Ходаковскій) ушелъ изъ панскаго палаца, къ большому смущенію панычa, который чувствовалъ невольное уваженіе къ незнакомцу, искренно желалъ его чѣмъ-нибудь отблагодарить и недоумѣвалъ, не слѣдуетъ ли, напримѣръ, подарить ему за свое спасеніе часы. Вышедши изъ палаца, путникъ направился въ деревню, къ корчмѣ, въ надеждѣ, что найдетъ тамъ у кого переночевать, и какъ разъ попалъ на человѣка, который по дорогѣ къ дому сталъ напѣвать „маршъ Домбровскаго". Съ первыхъ словъ оказалось, что этотъ хлопъ бывалъ на войнѣ, и когда они оба вглядѣлись другъ въ друга, путникъ и крестьянинъ оказались старыми знакомцами; у нихъ нашлись общія воспоминанія—„приключеніе подъ Борисовымъ", гдѣ они были оба. „Ни одинъ отецъ съ сыномъ или другъ съ другомъ не могли бы свидѣться сердечнѣе". Дѣло въ томъ, что они были сподвижниками въ 1812 году. Старый Остафій (такъ звали крестьянина) жилъ теперь въ достаткѣ, съ семьей, и, конечно, предложилъ гостю полное гостепріимство. Они вспоминали старое. Остафій проклиналъ „предателя, который подвелъ тогда непріятелей", жаловался на судьбу, которая такъ печально разлучила его съ „паномъ поручикомъ"; путникъ успокоиваетъ его, что „когда-нибудь будетъ лучше", и Остафій молится, чтобы дали это „святой Іезусъ Бороиельскій и святая панна Почаевская"... Путникъ проситъ Остафія, чтобы онъ не звалъ его ни паномъ, ни поручикомъ, а выдавалъ его за своего брата хлопа, Грицька или Ивася. Въ этотъ самый вечеръ въ хатѣ у Остафія оказались гости; путникъ попадаетъ какъ разъ на вечерницу. Остафій стѣснялся этимъ, но путникъ былъ именно тѣмъ доволенъ: онъ скоро съумѣлъ сойтись съ парнями и дѣвчатами, съ наслажденіемъ смотритъ ихъ игры и слушаетъ ихъ пѣсни, угощаетъ ихъ и, тѣмъ временъ, тайкомъ вноситъ свои замѣтки въ записную книжку; наконецъ, является и старая баба Макрина, обладающая громаднымъ запасомъ всякихъ сказокъ о короляхъ и королевахъ, трехъ дочеряхъ и трехъ сыновьяхъ, волшебникахъ, зачарованныхъ дворцахъ, о разбойникахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, и все это она разсказываетъ. Разошлись съ вечерницы поздно. Между тѣмъ путникъ успѣлъ выспросить своего хозяина объ окружающей мѣстности и съ утра уже отправляется съ Остафіемъ раскапывать оказавшійся въ сосѣдствѣ курганъ. Остафій лучше Макрины знаетъ объ этихъ могилахъ. „Еще покойникъ отецъ сказывалъ мнѣ, что была какая-то княгиня Ольга, и что когда шелъ Батый, она убѣгала изъ одного зймка въ другой, превративши себя и войско въ мышей, которыя, роясь подъ землей, на много миль накопали такой валъ; только гдѣ-то въ городѣ Плѣсньскѣ она сильно укрѣпилась и побила поганыхъ... Ахъ, кумъ, въ этой землѣ должны быть дорогія вещи, потому что тамъ каждый вечеръ свѣтятся деньги". Раннимъ утромъ они отправились вдвоемъ на работу.

Тѣмъ же утромъ, но позже, въ палацѣ пани маршалковой, въ ея покояхъ велись толки о вчерашнемъ незнакомцѣ; пришли къ заключенію, что это человѣкъ подозрительный, и старая приживалка полагала, что это, пожалуй, изъ шайки Кармелюка, а можетъ быть, и самъ Кармелюкъ. Панычъ Эмиль объяснялъ своему французу, что это, должно быть, ученый, но тотъ находилъ это невозможнымъ, потому что всѣ ученые ходятъ въ пудрѣ и носятъ манжеты, какъ графъ Бюффонъ. Какъ разъ въ это время является еврей-шинкарь и разсказываетъ съ большимъ волненіемъ, что Остафій съ какимъ-то другимъ человѣкомъ, въ короткомъ кожухѣ и пестромъ платкѣ, нашли богатый кладъ на панской землѣ и что Остафій приходилъ въ шинокъ мѣнять старыя серебряныя деньги. Извѣстіе произвело страшный переполохъ; надо, конечно, захватить грабителя—послали тотчасъ за экономомъ и за капитанъ-исправникомъ, а тѣмъ временемъ дѣлаются предположенія о томъ, какъ поступить съ найденными сокровищами: если денегъ много, то вся семья отправится въ Парижъ, если меньше, то въ Петербургъ. Между тѣмъ привели грабителей и привезли кладъ; экономъ снялъ съ воза огромный горшокъ; незнакомецъ кричалъ ему, чтобы онъ снималъ осторожнѣе, потому что это кладъ неоцѣненный. Пани увѣрилась, что ее ограбили, и толкнула ногою горшокъ, который разсыпался. Незнакомецъ пришелъ въ ужасъ: „чѣмъ же виноватъ этотъ горшокъ?—сказалъ онъ почти со слезами:—знаешь ли ты, чего стоитъ цѣлый „жальникъ" съ пепломъ? Знаешь ли ты, что я раскопалъ много могилъ отъ Волги до Буга и нигдѣ не могъ найти цѣлаго? Желалъ бы я лучше, чтобы твоя злость пала на меня, чѣмъ на этотъ памятникъ славянской тризны". Между тѣмъ послышался звонъ колокольчика: подъѣхалъ капитанъ-исправникъ и дѣло выяснилось неожиданнымъ образомъ: на вопросъ исправника, путникъ, не говоря ни слова, подалъ ему свои бумаги.—„Что я вижу,—воскликнулъ чиновникъ, вставая съ почтеніемъ:—рекомендательное письмо отъ канцлера Румянцова, паспортъ для свободнаго путешествія по цѣлой имперіи для изслѣдованія славянскихъ древностей".—Исправникъ очень извинялся за непріятность, происшедшую только отъ незнанія. Ходаковскій не заявлялъ на это никакой претензіи; онъ требовалъ только, чтобы не дѣлали ничего Остафію и не мѣшали ему самому искать другого подобнаго клада.

„И на этомъ кончилось приключеніе, которымъ нашъ путникъ воспользовался такъ, что изъ собранныхъ на этой вечерницѣ преданій построилъ свою несравненную поэму—разсужденіе о „предхристіанской славянщинѣ", а въ палацѣ произошла та великая реформа, что Эмиль часто вступалъ въ споры со своимъ менторомъ, доказывая ему свое знаніе людскихъ характеровъ, когда причислилъ пана Доленгу къ ученымъ, съ чѣмъ его французъ никогда не могъ вполнѣ согласиться, говоря, что это былъ ученый à la manière tartare".

Въ одномъ письмѣ Ходаковскій упоминаетъ о какой-то польской госпожѣ, которая, подобнымъ образомъ, удивлялась его пристрастію къ деревенскимъ пѣснямъ; вѣроятно, былъ съ нимъ какой-либо подобный случай, какъ бывали позднѣе въ самой Россіи, но самый разсказъ Сѣменьскаго носитъ всѣ черты легенды. Герой его есть воображаемый Ходаковскій, въ которомъ авторъ хотѣлъ совмѣстить и военныя его дѣянія, и любовь къ поэзіи и старинѣ, и ученыя странствія подъ эгидою Румянцова. Но разсказъ исполненъ неточностями. „Приключеніе подъ Борисовымъ", поставленное, впрочемъ,

авторомъ въ какой-то неопредѣленной тѣни, принадлежитъ вѣроятно къ выдуманнымъ фактамъ біографіи. Изображеніе малорусскаго крестьянина (Остафій — несомнѣнный малоруссъ; на его вечерницѣ поются малорусскія пѣсни) польскимъ патріотомъ есть извѣстная фикція польской украинской школы. Изображеніе вечерницы опять не точно: обыкновенно, на вечерницахъ молодежь собирается одна, безъ старшихъ, и идетъ вечерница не совсѣмъ такъ, какъ разсказываетъ авторъ. Есть и несообразности хронологическія: бумага отъ канцлера Румянцова и открытый листъ для путешествія по Россіи получены Ходаковскимъ только въ 1820 году, и въ южной Россіи онъ этими бумагами не пользовался, а книжка „о Славянщинѣ передъ христіанствомъ" написана и напечатана въ 1818. Наконецъ, легендарна и та подробность, гдѣ Ходаковскій изображается странствующимъ отъ Камы до Эльбы и роющимъ курганы отъ Волги до Буга: дѣйствительныя работы Ходаковскаго не были такъ обширны.

Такимъ образомъ, разсказъ Сѣменьскаго ничего не прибавляетъ къ фактической біографіи и имѣетъ интересъ лишь какъ отраженіе легенды [1]). Но есть и черты вѣрныя—въ изображеніи самого Ходаковскаго: его увлеченія всѣмъ, въ чемъ видѣлась ему древняя славянщина, умѣнья странствовать среди народа и говорить съ нимъ, его народнической простоты, которая могла поражать въ гостинныхъ, какъ грубость.

Эти черты подтвердитъ, съ другой точки зрѣнія, еще одинъ біографическій матеріалъ, который находимъ въ жизнеописаніи Н. А. Полевого. Авторъ этого жизнеописанія, Ксенофонтъ Полевой, относился свысока, къ „грубому" чудаку и „невѣждѣ", но въ разсказѣ проглядываетъ и невольное уваженіе къ „достопамятному Зоріану Ходаковскому". Приведемъ нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ другимъ біографамъ Ходаковскаго [2]).

„Въ наше время, софизмовъ и мнѣній, внушаемыхъ корыстолюбіемъ, изображаютъ этого человѣка непризнаннымъ геніемъ [3]),—говоритъ К. Полевой:—

---

[1]) Укажемъ еще такія же сочувственныя упоминанія о Ходаковскомъ въ другой статьѣ Сѣменьскаго: „Książyć w archeologii, poezyi, sztuce", см. Dzieła, t. I, Warzs. 1881, стр. 61, гдѣ Ходаковскій называется „отцомъ теперь многолюдно расплодившейся семьи археологовъ, странствовавшимъ по славянщинѣ отъ Вислы до Волги", и т. д.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, составленныя братомъ его К. Полевымъ. Часть первая. Спб. 1860, стр. 87—94. „Записки К. А. Полевого" (въ трехъ частяхъ). Спб. 1888, стр. 71—77, 213—219.

[3]) Непонятно, къ кому могъ относиться этотъ укоръ: какому корыстолюбію могло быть выгодно „въ наше время" (въ 1860 г. прошло уже 35 лѣтъ по смерти Ходаковскаго), изображать Ходаковскаго непризнаннымъ геніемъ? Въ нашей литературѣ

я опишу его, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Происхожденіе его покрыто таинственностью. Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ даже представлена, въ видѣ исторической загадки, двойственная его біографія. Несомнѣнно то, что онъ былъ польскаго происхожденія и даже не зналъ порядочно никакого другого языка, кромѣ польскаго. По-русски онъ писалъ плохо, а говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, и самымъ простонароднымъ нарѣчіемъ. Онъ самъ разсказывалъ намъ много разъ, что, во время нашествія Наполеоновыхъ армій на Россію, онъ служилъ въ корпусѣ Даву, былъ взятъ въ плѣнъ около Москвы, но вообще не любилъ распространяться объ этомъ времени своей жизни, и отклонялъ всѣ вопросы, какъ и что происходило въ глазахъ его. Казалось, ему совѣстно было представлять себя непріятелемъ русскихъ, отъ которыхъ видѣлъ онъ впослѣдствіи ласку и гостепріимство [1]). Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, то-есть небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанныя на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагаетъ Ходаковскій, означающія древнѣйшее мѣстопребываніе славянъ, такъ что по нимъ думалъ онъ опредѣлить пространство, которое занимали славяне, а изъ сохранившихся названій городковъ вывести нѣкоторыя филологическія и историческія заключенія. Огласивши въ журналахъ свой проектъ и получивъ денежное пособіе отъ нашего правительства, Ходаковскій началъ свои изслѣдованія съ новгородской губерніи; но въ два года не сдѣлалъ ничего [2]), и ему прекратили выдачу назначенной на путешествіе его суммы. Онъ кой-какъ добрался до Москвы и былъ въ затруднительномъ положеніи. Не только продолжать свое фантастическое (?) путешествіе, но и жить ему было нечѣмъ. Оправдать возбужденныхъ имъ надеждъ онъ не могъ, и въ разговорахъ давалъ разумѣть, что правительство перестало давать пособіе для ученыхъ трудовъ его—по интригѣ Карамзина, будто бы ненавидѣвшаго его за нѣкоторыя критическія замѣтки на „Исторію государства Россійскаго“. Знакомые равнодушно выслушивали многорѣчивыя его разглагольствія, но со свойственнымъ русскому человѣку радушіемъ оказывали ему гостепріимство и пособіе. Надобно сказать, что личныя потребности Ходаковскаго были чрезвычайно умѣренны. Всегдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка и сѣрые шаровары, а на головѣ что-то въ родѣ колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду, и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Всѣхъ дамъ, безъ различія съ простолюдинками, называлъ онъ „матушка“, всѣхъ мужчинъ „батюшка“. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изы-

---

едва-ли не самые горячіе отзывы о немъ сдѣланы были Погодинымъ, и на этотъ разъ онъ былъ совершенно безкорыстенъ. Повидимому, у автора была какая-то, непонятная намъ, задняя мысль.

[1]) Мы выше указывали, что дѣло было не въ этомъ: онъ не боялся представлять себя непріятелемъ русскихъ (по словамъ того же Полевого, онъ вовсе не скрывалъ своего участія въ походѣ 1812 года), но ему серьезно опасно было сказать правду, состоявшую въ томъ, что онъ былъ дезертиромъ изъ русскаго войска.

[2]) Это невѣрно, потому что онъ представилъ обширное донесеніе, изданное впослѣдствіи Погодинымъ, а прекращеніе пособія, какъ выше упомянуто, было слѣдствіемъ того, что отвергнутъ былъ теоретическій взглядъ Ходаковскаго,—и не совсѣмъ основательно отвергнуты самые поиски, которые, тѣмъ не менѣе, могли быть полезны.

ссаннымъ костюмомъ и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза фанфаронами [1]). Но никто не сердился на него за выраженія и обращеніе, которыя другому стоили бы дуэли: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена.

„Таковъ былъ онъ по наружности, таковъ и умомъ, и образованностью. Дерзкій циникъ, онъ бранилъ всѣхъ и не смущался отъ своего невѣжества. Не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя понятія о необходимой для историка учености, онъ, однакожъ, иногда довольно мѣтко и проницательно критиковалъ Карамзина (!) и открывалъ смыслъ въ событіяхъ, затруднявшихъ другихъ изслѣдователей. Онъ почти ничего не читалъ и у него не было никакихъ книгъ, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ обыкновенныхъ, польскихъ, засаленныхъ какъ онъ самъ. Пять, шесть разрозненныхъ томовъ „Исторіи" Карамзина были у него исписаны замѣтками, иногда самыми циническими. Драгоцѣнностью своею почиталъ онъ карту Россіи, на которой были означены открытые имъ городки или имена, напоминавшія городки. Почти во всякомъ разговорѣ онъ склонялъ рѣчь на этотъ предметъ, и объяснялъ, что въ Россіи множество мѣстъ и урочищъ носятъ названія, которыя скороговоркой произносилъ онъ неизмѣнно: „городъ, городокъ, городецъ, городня, городище".—„Да, кромѣ того („батюшка" или „матушка", прибавлялъ онъ), гдѣ есть названія отъ попа, отъ бабы, отъ березы, отъ дида (и еще исчисленіе нѣсколькихъ именъ), тамъ вѣрно есть или было городище". Съ такою рѣчью обращался онъ ко всякому, кого встрѣчалъ, особливо въ первый разъ... Иногда, онъ точно добивался такимъ образомъ желанныхъ свѣдѣній, изумлялъ знаніемъ мѣстностей, которыхъ никогда не видывалъ [2]), и, услышавши о новомъ городкѣ, вносилъ его въ свой алфавитный списокъ городковъ и отмѣчалъ на картѣ. Въ этомъ состояло его занятіе въ Москвѣ. Онъ обращался съ разспросами ко всякому, нарочно ходилъ на Болотный Рынокъ, куда съѣзжаются обозы съ разными припасами изъ ближайшихъ губерній, и умѣлъ выспрашивать у русскихъ мужичковъ о городкахъ. Съ нимъ случались даже пресмѣшныя исторіи. Однажды, онъ разговорился съ мужиками, стоявшими при господскомъ обозѣ, и, замѣтивъ, что они не очень подаются на его разспросы, пригласилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ трактиръ, гдѣ, при помощи водки и чаю, распалялъ ихъ сердца и выспросилъ, что было ему нужно. Продолжая разговаривать, воротился онъ съ ними къ ихъ обозу, гдѣ уже былъ приказчикъ, завѣдывавшій этимъ обозомъ, и уже знавшій, что какой-то баринъ увелъ нѣсколькихъ мужиковъ въ трактиръ. Зоріанъ съ жаромъ разспрашивалъ ихъ о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ знакомой имъ мѣстности. Вдругъ приказчикъ хватаетъ его за воротъ, громко восклицая: „Пойдемъ-ка, братъ, на съѣзжую!.. Вишь, баринъ, въ кургузой курткѣ!.. Не первый ты подсыльный отъ—такихъ-то". Тутъ онъ назвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, съ которыми господинъ его велъ нескончаемый процессъ за тѣ самыя земли, о которыхъ разспрашивалъ Зоріанъ. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, Ходаковскій хотѣлъ объяснить, для чего онъ разспрашивалъ мужиковъ, повторяя, что онъ ученый; но приказчикъ тащилъ его на съѣзжую, приговаривая: „Ученый! А вотъ мы тебя выучимъ!.. Станетъ ли добрый человѣкъ шпіонить у мужиковъ, да водить ихъ пьянствовать въ трактиръ!.. Баринъ! въ морозъ ходитъ по рынку въ кургузомъ кафтанѣ, да мужиковъ подговариваетъ! На съѣзжей скажешь правду!" И онъ дѣйстви-

---

[1]) Та-же черта демократической нетерпимости, которую изображаетъ Сѣменьскій.

[2]) Припомнимъ подобное замѣчаніе въ біографической статьѣ Кёппена.

тельно привелъ его на съѣзжую, гдѣ объяснилось дѣло и гдѣ уже знали Ходаковскаго, потому что это приключеніе было повтореніемъ двухъ-трехъ прежнихъ, когда также принимали его то за вора, то за шпіона, и таскали на съѣзжую. Такому подозрѣнію способствовали его странный видъ, его костюмъ и не-русскій выговоръ.

„Надобно согласиться, что такой способъ собирать историческія свѣдѣнія и подробности не представлялъ никакого ручательства: многое, если не все, надлежало бы повѣрить личнымъ обозрѣніемъ [1]). Но Ходаковскій былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ въ разысканіяхъ о городкахъ, и, приходя къ намъ часто, почти каждый разъ начиналъ рѣчь словами: „Открывается много новаго!“.. Иногда происходили въ глазахъ нашихъ истинно-комическія сцены съ его разспросами. Входитъ въ комнату человѣкъ, вовсе ему незнакомый, и еще не успѣлъ этотъ человѣкъ сказать, зачѣмъ пришелъ, какъ Зоріанъ начинаетъ допрашивать его. Кой-какъ отдѣлавшись отъ допросчика, тотъ спрашиваетъ: „Что это, помѣшанный, что-ли?“ Другіе принимали его за пьянаго, иные воображали, что встрѣтились съ слѣдственнымъ приставомъ; наконецъ, большая часть ровно ничего не понимала въ словахъ его... Безспорно, что такая страсть, имѣющая хотя отдаленною цѣлью пользу науки—почтенна; однако, по способу Ходаковскаго, это была самая грубая, и, что хуже, смѣшная обработка ученаго предмета, который и оставался у Ходаковскаго въ такомъ грубомъ видѣ. Къ оправданію (!) его можно сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ заниматься иначе... Къ тому еще онъ находился въ это время въ самомъ стѣсненномъ положеніи. У кого только могъ, онъ занималъ деньги. Еще съ самаго начала знакомства съ Николаемъ Алексѣевичемъ (Полевымъ), онъ продалъ ему словарь Линде, единственную хорошую и цѣнную книгу свою, говоря, что она ему не нужна и даже въ тягость. Потомъ онъ сталъ занимать у него деньги: наконецъ, когда сумма занятыхъ денегъ возрасла уже до нѣсколькихъ сотенъ рублей, онъ просто выпрашивалъ по полуимперіалу! Видя самъ необходимость заняться чѣмъ-нибудь для насущнаго хлѣба и слѣдуя совѣту искренно желавшихъ ему добра, Ходаковскій искалъ какой-нибудь должности, и, наконецъ, опредѣлился управляющимъ въ имѣніе одного помѣщика тверской губерніи. Мы разстались съ нимъ на-всегда—но при отъѣздѣ онъ увѣрялъ, что непремѣнно заплатитъ деньги, взятыя въ разное время у Ник. Алексѣевича. Осталась и росписка его въ этихъ деньгахъ (!). Кажется, еще въ Москвѣ женился онъ на единственной своей прислужницѣ, которую называлъ своей благодѣтельницею. Это обстоятельство надобно замѣтить, какъ необходимое для объясненія слѣдствій знакомства Николая Алексѣевича съ Ходаковскимъ“ [2]).

Жаль, что помощь, которую Н. Полевой оказывалъ несчастному Ходаковскому, испорчена этими запоздалыми упреками послѣднему за его бѣдность...

---

[1]) Но Ходаковскій лишенъ былъ физической возможности это исполнить. Напротивъ, чрезвычайно характерно то, что, не имѣя средствъ на путешествіе, онъ хотя этимъ способомъ хотѣлъ добиться желанныхъ свѣдѣній.

[2]) Дѣло шло о бумагахъ Ходаковскаго, которыя, по его распоряженію, по смерти его были доставлены Полевому; бумаги навлекли послѣднему разныя непріятности вслѣдствіе претензій вдовы Ходаковскаго, и послѣ перешли къ Погодину, который многое изъ нихъ издалъ, какъ дальше скажемъ.

Итакъ Кс. Полевой довольно щедръ на описаніе всякихъ недостатковъ Ходаковскаго; но, въ чемъ же былъ интересъ этого человѣка и для Николая Полевого, и для многихъ другихъ образованныхъ людей того времени? Онъ начертилъ намъ внѣшнюю грубоватость Ходаковскаго, которая была естественнымъ слѣдствіемъ всей его біографіи; но въ ней, кромѣ демократической грубости, была и независимость, вмѣстѣ съ любовью къ завѣтной идеѣ. Ту же черту можно встрѣтить у другихъ народныхъ изслѣдователей, которымъ интересъ къ народу внушалъ въ то же время антипатію къ свѣтской пустотѣ и извѣстное чудачество; это указываетъ и Сѣменьскій въ своемъ разсказѣ. Нѣчто подобное было, говорятъ, у нашего Сахарова; добродушнымъ, хотя не весьма привлекательнымъ цинизмомъ отличались Якушкинъ, Щаповъ и другіе практическіе этнографы и народники; но ихъ значеніе и характеръ не исчерпываются однимъ этимъ.

Собирая подробности біографіи Ходаковскаго и его легенды, получаемъ слѣдующій выводъ. Это была оригинальная и даровитая личность, какія не разъ встрѣчаются въ исторіи славянскаго возрожденія и первыхъ проявленій народности—съ тѣми или другими чертами общаго типа. Выходя, большею частью, изъ среды самого народа, эти люди влекутся къ нему страстнымъ, хотя неяснымъ инстинктомъ; они сохраняютъ съ нимъ внѣшнюю связь—въ простотѣ нравовъ, поддерживаемой постояннымъ общеніемъ, и связь внутреннюю: имъ дороги особенности народнаго быта и міровоззрѣнія, которыя они стремятся воспринять и внести въ область литературы, гдѣ имъ хочется замѣнить народными образами и красками искусственную чуждую поэзію, и въ область исторіи, которая кажется имъ неполной и ошибочной безъ ея народнаго элемента, въ чемъ они часто угадывали истину. Подобные люди представляютъ иногда какую-то загадку своимъ появленіемъ на литературномъ поприщѣ. Что̀ вызываетъ ихъ дѣятельность, когда, повидимому, ни обстановка, ни скудная школа не вели ихъ на эту дорогу? Остается объяснять это стихійной исторической силой, которая вызываетъ людей, когда созрѣваетъ потребность въ новомъ нравственномъ направленіи общества.

Ходаковскій былъ именно такой стихійный человѣкъ. Родившись въ убогой обстановкѣ, онъ не получилъ никакого правильнаго образованія. Въ своей подложной автобіографіи онъ говорилъ, что будто бы учился у отцовъ піаровъ (извѣстныхъ педагоговъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка) и въ кременецкой гимназіи (извѣстномъ тогда учебномъ заведеніи),—онъ хотѣлъ этимъ показать свою литературную правоспособность; но это была неправда; его образованіе не равнялось даже гимназическому; онъ успѣлъ только усвоить ла-

тинскій языкъ, и недостатокъ знаній школьныхъ дополнялъ, сколько могъ, чтеніемъ. Въ тогдашней польской литературѣ уже бродили первыя смутныя мысли объ историческомъ интересѣ археологическихъ изученій, но заслугой Ходаковскаго было то, что этотъ интересъ къ древности онъ изъ сухого книжнаго антикварства перенесъ на живую почву народности. Древніе люди, о которыхъ археологи могли говорить только цитатами изъ старинныхъ писателей, для Ходаковскаго были живыми людьми, которыхъ память сбереглась въ реальныхъ остаткахъ ихъ старыхъ жилищъ съ ихъ именованіями, и въ преданіи, живущемъ въ народѣ до сихъ поръ. Эти два предмета онъ и сдѣлалъ цѣлью своихъ изысканій.

Это былъ, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ самоучка, и нечего удивляться тому, что въ своей любимой теоріи о городищахъ, какъ языческой святынѣ, онъ выходилъ за предѣлы, допускаемые строгой критикой; удивительнѣе, что, при своей скудной подготовкѣ, онъ могъ возъимѣть многія мысли несомнѣннаго научнаго достоинства Народная археологія была въ то время дѣломъ, въ которомъ всѣ были новичками; но другіе изслѣдователи были по крайней мѣрѣ подготовлены на другой сосѣдней почвѣ—на классической древности, на общей исторической критикѣ. Ходаковскій былъ лишенъ того и другого. Одна отгадка направила его на непосредственное народное преданіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ съ истинной проницательностью подмѣчалъ такія стороны предмета, которыя впослѣдствіи, въ самомъ дѣлѣ, вошли въ область науки. Кромѣ соображенія фактовъ, орудіемъ его выводовъ была и чистая фантазія, и это было весьма естественно: онъ жадно стремился нарисовать себѣ полную картину народной древности,—какъ увидимъ, онъ жалѣлъ даже, что христіанство пришло слишкомъ рано!.. Въ ту пору было еще слишкомъ мало точныхъ данныхъ, чтобы возстановить картину далекой старины; между тѣмъ только то или другое общее представленіе могло объяснить массу подробностей, иначе непонятныхъ. Эта сторона дѣятельности Ходаковскаго, то, что онъ сживался съ народной стариной и поэзіей, именно и произвела дѣйствіе на его современниковъ и имѣла свою долю въ установленіи того этнографическаго стремленія, которое внушало искать въ средѣ народа и изъ устъ народа откровеній объ его исторической судьбѣ и національной сущности. Строгіе судьи укоряли его за увлеченія и крайности, за недостаточность доказательствъ, но въ томъ и была сила его вліянія, что онъ былъ энтузіастъ своего дѣла, чуть не мономанъ; онъ первый настойчиво говорилъ, что *надо идти въ народъ* не только для того, чтобы собрать въ немъ этнографическій матеріалъ, но и сжиться съ нимъ, понять народную душу и природу, которыя создаютъ народный ха-

рактеръ и поэзію. Все это вмѣстѣ и заставляло потомъ съ уваженіемъ повторять имя Ходаковскаго,—несмотря на всѣ его ошибки, несмотря на то, что реальный вкладъ въ науку, оставшійся послѣ него, былъ очень невеликъ.

Въ чемъ же состояли литературныя работы Ходаковскаго? Немногое было напечатано имъ при жизни; гораздо больше издано было послѣ его смерти Погодинымъ; наконецъ, иное осталось въ рукописи и, кажется, должно считаться потеряннымъ.

Первая и самая характерная работа Ходаковскаго явилась въ то время, когда онъ еще занимался своими разысканіями въ южной Россіи, Польшѣ и Галиціи. Это была нами упомянутая прежде небольшая статья (20 страничекъ небольшого формата): „О Славянщинѣ передъ христіанствомъ“. Эта статья, впослѣдствіи изданная вновь Суровецкимъ въ 1835, появилась первоначально въ 1818 г. [1]). Основная мысль ея была повторена потомъ въ его русскихъ статьяхъ о которыхъ скажемъ далѣе. Статья написана очень оригинально, какъ послѣ самъ Ходаковскій выражался, „желѣзнымъ стилемъ“—мало выработаннымъ, угловатымъ; Суровецкій, перепечатывая ее въ своемъ изданіи, упрекалъ автора въ неточностяхъ выраженія, даже въ неправильностяхъ языка, и упрекалъ совершенно справедливо: въ изложеніи и въ языкѣ видѣнъ именно самоучка, не разсчитывающій своихъ мыслей и выраженій, но посреди фантазій говорящій и такое, что̀ было ново и плодотворно [2]).

Передъ наукой,—начинаетъ Ходаковскій,—исчезли исторія, обряды и обычаи наши изъ эпохи многобожія. Европейское просвѣщеніе не благопріятствовало тѣмъ временамъ, когда христіанство стало распространяться среди обширной и раздѣленной славянщины. Первые проповѣдники новой вѣры не отличались умѣренностью, не хотѣли ничего пощадить для исторіи, и тѣмъ же духомъ отличаются до нашего времени ихъ преемники. Властители нашего племени одинъ за другимъ разрушали зданіе, созданное врожденнымъ вдохновеніемъ, и рядомъ съ новыми правилами вѣры не хотѣли сберечь земской особенности. Это обстоятельство есть самое главное въ исторіи славянства, потому что съ теченіемъ времени распространилось на все племя и все болѣе умножало его раздѣленіе. Новая вѣра вводила насъ въ остальную Европу, на которую мы не были похожи. Славянинъ, по своимъ религіознымъ потребностямъ, сталъ обращаться

---

[1]) „Cwiczenia naukowe“, 1818, издававшіяся въ Кременцѣ, т. II.

[2]) По-польски онъ писалъ, слѣдовательно, также, какъ и по-русски, поспѣшно и небрежно.

въ Римъ или въ Царьградъ и, проникаясь взаимной ненавистью столицъ христіанства, зажигалъ факелъ вѣковыхъ междоусобныхъ войнъ. Можно было бы не вспоминать этихъ, слишкомъ долгихъ, заблужденій, еслибы онѣ не имѣли губительнаго вліянія на тотъ періодъ нашей исторіи и не были первымъ подкопомъ подъ все-таки намъ милую народность. „Будущія времена выяснятъ ту истину, что отъ слишкомъ ранняго облитія насъ водою стали смываться всѣ отличающія насъ особенности; во многихъ нашихъ странахъ ослабѣлъ духъ независимости и, просвѣщаясь по чужому образцу, мы стали, наконецъ, чужими самимъ себѣ".

Въ чьихъ рукахъ было первое изображеніе исторіи Сѣвера—не всѣ знаютъ, но до-христіанская эпоха, если не совсѣмъ у нихъ опущена или не забросана вымыслами, выставляетъ намъ въ ихъ изображеніи только грубые обычаи, дикость и слѣпоту нашихъ отцовъ. По разсказамъ этихъ историковъ, перемѣна вѣры происходитъ съ одинаковою легкостью въ Познани, Кіевѣ и Новгородѣ. По ихъ словамъ, достаточно было примѣра и воли властителя, чтобы въ одинъ день или въ одинъ годъ народы исполнили приказаніе. Но лѣтописцы, думая такимъ образомъ, не знали упорной славянской души, не знали исторіи первобытнаго народа, у котораго жизнь и управленіе, обычаи и самый языкъ были тѣсно связаны съ наукою о богахъ. Быстраго и счастливаго преобразованія быть не могло и, въ дѣйствительности, не было.—Ходаковскій вспоминаетъ при этомъ факты изъ древней польской исторіи, изъ исторіи Литвы, вспоминаетъ Нестора—о радимичахъ и вятичахъ, жизнеописаніе св. Войтѣха—о чехахъ, и жизнеописаніе св. Беннона, епископа мейссенскаго —о поморянахъ, и приходитъ къ заключенію, что человѣкъ, живущій въ своей средѣ, никогда не можетъ быстро измѣниться. „Потому что не легко возстать противъ самого себя, измѣнить способъ жизни, мышленія, покинуть все, что́ есть милаго, и, въ особенности, дать иной оборотъ языку, привыкшему чтить многообразныя божества и полному тѣхъ метафоръ, присловій и прирожденныхъ особенностей, которыя наполняли его обрядовыя пѣсни, игрища, обычную рѣчь и всегда дышали его вѣрой".

Въ давней исторіи,—продолжаетъ Ходаковскій,—наше племя занимаетъ уже свое мѣсто. Оно не собралось изъ изгнанниковъ, изъ остатковъ какихъ-нибудь упавшихъ царствъ, но было всегда племенемъ первобытнымъ, особеннымъ и единымъ. Еще неизвѣстны время и причины, когда нашъ народъ оставилъ сосѣдство „Индійскаго стана", какъ долго былъ на великомъ пути, пока вступилъ въ Европу и занялъ половину ея съ азіатской стороны. Извѣстно только, что славяне заняли огромныя пространства отъ Балканъ и Адріатики до

скандинавскаго Сѣвера. Съ этимъ различіемъ земель произошли нѣкоторыя измѣненія въ почитаніи небесныхъ свѣтилъ, измѣненія въ метафорическомъ языкѣ, взятомъ отъ природы; но славяне подѣлились на одинаковыя *сотни* [1]), подчиняясь однимъ уставамъ, обрядамъ и обычаямъ.

Вездѣ въ ту эпоху мы видимъ начальниковъ съ предводительскимъ знаменемъ въ мирѣ, на войнѣ и въ священныхъ обрядахъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ такой разнородной власти открывало столько способовъ дѣятельности, что славяне въ томъ положеніи вещей и направляемые рукою чтимой природы не могли быть народомъ недѣятельнымъ и усыпленнымъ. Война для обезпеченія и расширенія жилищъ, а въ мирѣ—охота, земледѣліе, нѣкоторыя ремесла, обряды, соединенные съ великими играми и пиршествами, составляли ихъ всеобщее занятіе и увеселеніе, одинаковое для обоихъ половъ. Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ мы довольно часто встрѣчаемся съ словами: роля, плугъ, соха, коса, коваль, столяръ, тесло, ткать, долбить, долото и даже писарь и маляръ [2]),—все это было нужно и было въ употребленіи, все это находило свою честь и хвалу. Нигдѣ не видать слѣда, чтобы, предъ эпохой нашей „полировки", на Сѣверѣ были рабы: ихъ не могло быть на переходѣ черезъ Азію въ Европу; и до сихъ поръ въ другой части свѣта не знаютъ, чтó значитъ работать на вѣчнаго пана, который, въ глазахъ своего монарха, имъ равенъ.

„Врожденныя славянамъ простота, веселость, искренность, бросались въ глаза даже врагамъ; мужество, любовь, гостепріимство, которыя служили предметомъ удивленія и похвалъ для старыхъ саксовъ, были божествами цѣлой нашей земли, взаимно себя вознаграждающими. Когда мы будемъ меньше ждать и полагаться на писателей иноземныхъ и будемъ искать свѣдѣній о старой жизни среди себя, на собственной почвѣ, въ гнѣздѣ нашихъ отцовъ, то, быть можетъ, найдемъ больше, чѣмъ до сихъ поръ гдѣ-либо было писано. Всмотримся только въ нашу землю. Быть можетъ, славяне оставили ее для насъ какъ самую прочную книгу; быть можетъ, закляли ее, чтобы она никогда не выходила изъ наслѣдства потомковъ, и съ этой цѣлію заворожили ее тогдашнимъ способомъ, чтобы она могла служить для самыхъ позднихъ внуковъ свидѣтельствомъ ея вѣковой принадлежности... Познакомимся ближе съ нашей землей, перечислимъ всѣ ея имена или урочища. Мы увидимъ, что, несмотря на девять вѣковъ, несмотря на столько военныхъ разрушеній, несмотря

[1]) Sta: по этимологіи Ходаковскаго, конечно, ошибочной, „старосты" были именно старшины этихъ сотенъ; онъ и послѣ употреблялъ этотъ терминъ: „Stare-sta".

[2]) О послѣднемъ словѣ Ходаковскій ошибался: оно было и новое, и чужое.

на незнаніе и самохвальное тщеславіе въ уничтоженіи старыхъ названій, все-таки сохранились и дошли до насъ имена боговъ, имена, принадлежащія къ ихъ почитанію, имена ихъ служителей и того земного существа, которое на пространствѣ вѣковъ, сопровождаемое великимъ добромъ и зломъ, на гордость человѣческаго рода и нашего языка, названо „челомъ вѣковъ“ [1]). На той же землѣ мы прочтемъ названія всѣхъ звѣрей и птицъ, какъ оставленныхъ въ Индіи, такъ и узнанныхъ въ здѣшнемъ климатѣ; всякихъ деревъ лѣсныхъ и плодовыхъ, цвѣтовъ и злаковъ, а также и растеній, которыя могли служить для леченія и мнимаго волшебства; обозначенія всякихъ металловъ, извѣстныхъ въ то время; названія войны со всѣми ея тогдашними орудіями, а также и мира, ведущаго съ собой длинный рядъ трудовъ и забавъ; урочища морскія, со всѣми отдѣлами воды и судовъ для водяныхъ сообщеній; всякія перемѣны воздушныя, извѣстныя завѣтныя числа и всякіе другіе предметы, злые и добрые, члены тѣла, всякія движенія мысли; наконецъ — мысль, память и слово, какъ связь и цѣль человѣческаго быта, короче, всю энциклопедію и весь нашъ словарь въ простомъ и переносномъ значеніи его словъ, въ единичномъ или сложномъ ихъ складѣ, раскинутый на нашей землѣ и наполняющій ея старыя „ста“ въ извѣстномъ порядкѣ. Въ старой славянщинѣ нѣтъ пяди земли, которая бы не принадлежала къ этому словесному порядку; онъ покрываетъ какъ осѣдлыя, такъ и пустыя мѣста, полезныя и дикія, возвышенныя и низменныя, горы и долы, чистыя поля и темные лѣса; словомъ, вся поверхность земли была столицею нашихъ боговъ и одною таблицею нашей вѣры“.

Ходаковскій уже здѣсь излагаетъ ту теорію о значеніи мѣстныхъ названій и городищъ, которую онъ развивалъ потомъ, изслѣдуя мѣстныя названія въ Россіи. „Кому удастся,—говоритъ онъ,—сосчитать на этомъ обширномъ пространствѣ тѣ остатки сооруженій, называемые городками или городищами, находящіеся почти на каждой милѣ, обнесенные вокругъ валомъ и при которыхъ всегда находятся вблизи „лысыя“ или „ясныя горы“, обыкновенно господствующія надъ мѣстностью и возвышающіяся при рѣкахъ и вообще при водѣ. Во многихъ мѣстахъ, даже при отсутствіи возвышенности, на равнинахъ, среди низинъ и болотъ Полѣсья, все-таки можно найти подобныя мѣстности въ наиболѣе удобномъ положеніи. Кто слыхалъ повсюду распространенныя повѣрья о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, улетающихъ на „Лысую гору“ въ четвергъ послѣ новаго мѣсяца, тотъ не будетъ удивляться многочисленности подобныхъ названій“. Ходаковскій при-

[1]) Такъ Ходаковскій производитъ слово: человѣкъ.

ходитъ къ убѣжденію, что въ славянскихъ поселеніяхъ, слѣдъ которыхъ остался именно въ городищахъ, была система, что онѣ дѣлились на извѣстныя доли и въ нихъ было по сту земельныхъ названій, среди которыхъ наиболѣе видныя мѣста удѣлялись для „лысой горы“ и „святого городка“ и вокругъ нихъ совмѣщались остальныя названія.

Онъ не думаетъ, чтобы рѣшилъ вопросъ: никакая система, по словамъ его, не можетъ быть высказана за-разъ во всей своей обширности, и „трудно на слабыхъ крыльяхъ перелетѣть отдаленныя мѣста и быстро проникнуть ихъ тайны“. Только время и усиленный трудъ, послѣ внимательнаго обозрѣнія множества отдаленныхъ мѣстностей, могутъ принести объясненіе, какимъ образомъ одно чувство или чья-нибудь воля умѣли основать на такомъ пространствѣ вездѣ себѣ подобную ткань, или придать ей то разнообразіе, которое повторяется, какъ бы переносимое цѣликомъ съ одного мѣста на другое. Осматривая почву старой славянской жизни, сколько можно найти этихъ повтореній—мы найдемъ вездѣ и Новгороды и Старгороды, Кіевы, Краковы, Гнѣзны, Москвы [1]), Познани, Премыслы, Бѣлгороды, съ присоепиняющимися къ нимъ тѣми же или однозначащими названіями. Сколько открывается пустословія и ошибокъ въ нашихъ описаніяхъ, которыя изъ названій странъ или поселеній выводили столько основателей!—„Опираясь на этой обширной и всюду передо мною присутствующей системѣ нашей сѣдой старины,—говоритъ Ходаковскій,—я спокойно смотрю, какъ въ моихъ глазахъ исчезаетъ рой льстивыхъ мечтаній, которыя, имѣя въ виду какое-нибудь укрытое лицо, силились—въ чешскихъ хроникахъ—создать тьму богатырей изъ разныхъ мѣстныхъ названій“.

Въ этихъ славянскихъ мѣстныхъ названіяхъ Ходаковскій видѣлъ иное—видѣлъ оригинальный порядокъ, свойственный только нашимъ славянскимъ предкамъ; здѣсь выражались ихъ общность, единство, здѣсь „они покрывались всѣ вѣнцомъ и названіемъ славы“. Онъ говоритъ, что эта картина внушала ему великое почтеніе къ мысли предковъ и возбуждала въ немъ стремленіе къ дальнѣйшему разысканію и довершенію этого образа старины.

Другимъ богатымъ источникомъ осталось преданіе, которое, за недостаткомъ современныхъ свидѣтельствъ, можетъ открыть многое. „Но кто не опредѣлилъ себѣ извѣстнаго плана, не приготовилъ извѣстныхъ вопросовъ, и также, въ мѣру обширности славянской земли, не имѣетъ запаса отваги, выдержки и знакомства съ нѣсколь-

---

[1]) Имя Москвы онъ считалъ самымъ славянскимъ; корень ея, по его позднѣйшимъ объясненіямъ, былъ „мостъ“: „Мосткова“.

кими нарѣчіями, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій; онѣ не приплывутъ къ его берегу и не явятся сами. Необходимо пойти и спуститься (zniżyc się) подъ кровлю селянина въ разныхъ далекихъ краяхъ, надо спѣшить на его пиры, забавы и разные случаи его жизни. Тамъ, въ дымѣ, носящемся надъ головами [1]), еще снуются старые обряды, напѣваются давнія пѣсни и, среди пляски простонародья, отзываются имена забытыхъ боговъ [2]). Въ этомъ горькомъ сумракѣ можно распознать свѣтящіеся имъ *три мѣсяца, три зари денницы, семь звѣздъ возовыхъ* [3]). Тамъ заря Лелева приближается къ молодому *мѣсяцу* и возвѣщаетъ любовь новобрачныхъ и свадьбу; тамъ заря, огражденная мѣсяцемъ или прикрытая облакомъ, означаетъ брачную клятву. До сихъ поръ еще *три рѣки* текутъ подъ сѣни любовниковъ и даютъ святой воды для (свадебнаго) коровая и пироговъ. До сихъ поръ на тѣхъ же рѣкахъ въ подольскихъ пѣсняхъ водутся гаданья, какъ упоминаютъ византійскія хроники. Тихій Дунай все еще, какъ индійскій Гангъ, есть священная вода, полная чаръ любви и счастья... Вообще, эти обрядовыя пѣсни, которыя отчасти были собираемы надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сяномъ и верхней Вислой, вездѣ дышатъ милой простотой, грустью, полной метафоръ и древнихъ образовъ".—Надо думать, что когда онѣ, еще во время цѣлости стараго быта, пѣлись на народныхъ сборищахъ, на глазахъ у князей, жрецовъ и т. д., онѣ были еще характернѣе. „Къ сожалѣнію, наша земля не была защищена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы могла, несмотря на вѣка, сохранить столько, сколько Шотландія. Но чего не мало надо жалѣть, это—того, что въ Чехіи при Карлѣ IV, а въ Польшѣ въ вѣкъ Сигизмундовъ, благопріятный для наукъ и отечественнаго языка, въ вѣкъ не такъ подавленной хаты селянина, не подумали о цѣльномъ собраніи пѣсенъ". Такое собраніе сберегло бы намъ время и работу, въ настоящее время гораздо болѣе трудную. Ходаковскій жалуется на польское духовенство и іезуитовъ, а также на людей, какъ Иннокентій Гизель, которые топтали все то, что́ теперь становится цѣлью нашей любознательности. „Рядомъ съ этими винами въ западномъ краѣ, мы отдаемъ невольную похвалу русскому духовенству. Греческіе и уніатскіе попы были братья своего народа, молившіеся Богу на славянскомъ языкѣ, свободные отъ высокомѣрія, не вносившіе раздора въ среду жителей

---

[1]) Т.-е. въ курныхъ избахъ.

[2]) И послѣ, въ „Планѣ путешествія", онъ скорбитъ, что ученые изслѣдователи не знаютъ народа, и зоветъ ихъ въ поля, луга и дубравы, „подъ сельскую кровлю", „въ черныя хижины", гдѣ они найдутъ историческій кладъ. „Сынъ Отеч." 1820, ч. 63, стр. 298 и др.

[3]) Малая Медвѣдица.

своими реформами,—у нихъ было больше снисхожденія и мягкости. Послѣдствія показали это, потому что русскія мѣстности несравненно больше сохранили старыхъ пѣсенъ и больше меня научили".

Выше упомянуто, что Лелевель, по поводу петербургской жизни Ходаковскаго, замѣчалъ, что онъ начиналъ тамъ „сходить съ польскаго свѣта". Это было не совсѣмъ точно, потому что Ходаковскій гораздо раньше питалъ идеи и сочувствія обще-славянскія, и въ статьѣ 1818 г., которую теперь передаемъ, онъ уже высказываетъ свое сочувствіе русскому складу быта въ отношеніи этнографическомъ. Лелевель думалъ, далѣе, что Ходаковскій ошибочно искалъ больше старины на славянскомъ Востокѣ, занятомъ позднѣе славянами; Ходаковскій, напротивъ, находилъ, что славянскій Востокъ болѣе научилъ его въ этомъ отношеніи, чѣмъ славянскій Западъ, одинъ край котораго онъ зналъ въ Польшѣ. Дѣйствительно, въ славянствѣ православномъ, вслѣдствіе большей первобытности отношеній, вслѣдствіе отсутствія католической нетерпимости къ народнымъ элементамъ, народная поэзія сохранилась въ гораздо большемъ богатствѣ своихъ архаическихъ преданій. Ходаковскій ошибался только въ томъ, если предполагалъ, что здѣсь совсѣмъ не было преслѣдованія народнаго обычая и „языческихъ" пѣсенъ; приведенный имъ примѣръ Гизеля не былъ единичнымъ. Ходаковскій продолжаетъ:

„Въ сѣверной Россіи, въ концѣ восемнадцатаго вѣка собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое однообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т.-е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ Полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ не видать ясной цѣли; заботились больше о массѣ пѣсенъ, чѣмъ о самой сущности; занимались этимъ лица неизвѣстныя и выбора у нихъ не сдѣлано никакого. Относительно пѣсенъ силезскихъ, чешскихъ, моравскихъ и венгерско-славянскихъ, не могу ничего сказать, еще не зная ихъ [1]), но забочусь объ этомъ".

Ходаковскій находилъ еще одинъ слѣдъ славянской старины: онъ думалъ, что она отразилась въ славянской, особливо польской, геральдикѣ. Нѣсколько изображеній въ шляхетскихъ гербахъ напоминали ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды далекой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался, и мы можемъ не останавливаться на этомъ эпизодѣ его разсужденій. Въ концѣ своей

---

[1]) Тогда почти и не было еще никакихъ печатныхъ сборниковъ этихъ пѣсенъ.

статьи Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо проситъ о собираніи и сохраненіи остатковъ старины. „Сбережемъ,—говоритъ онъ,—случайныя, но довольно нерѣдкія открытія, какія дѣлаются въ землѣ,—эти разныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, горшки съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ большія могилы, которыя насыпаны были нѣкогда въ честь одному лицу и одиноко прожили цѣлые вѣка. Охранимъ отъ уничтоженія надписи, начертанныя въ подземныхъ скалахъ и большей частью намъ невѣдомыя. Снимемъ планы съ положенія мѣстностей, пользующихся давнею извѣстностью, для объясненія стараго ста, не дозволяя ни одному урочищу впасть въ забвеніе. Узнаемъ всѣ названія, какія деревенскій людъ или его лекарки въ разныхъ краяхъ даютъ растеніямъ. Соберемъ, сколько возможно, пѣсни и старые гербы, опишемъ главнѣйшіе обряды. Внесемъ все это въ одну книгу и убѣдимся несомнѣнно о происхожденіи нашемъ изъ Индіи [1]) и получимъ болѣе любящее представленіе о нашихъ предкахъ“.

„Я никогда не думалъ писать объ этомъ раньше, чѣмъ соберу всѣ запасы. Я набросалъ только нѣкоторыя мысли, вынесенныя изъ моего четырехъ-лѣтняго странствованія и труда для дальнѣйшаго его продолженія. Поставивши себя въ мысли за девятью валами отдаленныхъ вѣковъ, передъ обличіемъ сѣдой и важной бороды нашихъ предковъ, я не могъ уже говорить безъ нѣкотораго почтенія къ нимъ и—какъ будто отъ ихъ имени—безъ нѣкоторой смѣлости, которая, опираясь на очевидной истинѣ, выведенной изъ принадлежащихъ сюда фактовъ, всегда должна быть свойствомъ сѣверной души“.

Таковъ былъ первый археологическій и этнографическій трудъ, въ которомъ Ходаковскій на нѣсколькихъ страницахъ изложилъ свои выводы или мечты о славянской старинѣ, которая была для него и стариной, и современнымъ нравственно-поэтическимъ содержаніемъ его собственнаго народа. Очевидно, это—то самое панславистическое одушевленіе, какое, нѣсколько лѣтъ спустя, наполняло Коллара, возстановлявшаго въ „Дочери Славы“ великое поэтическое прошедшее своего племени; какое наполняло Шафарика въ его широкихъ археологическихъ изысканіяхъ, наполняло потомъ цѣлые ряды первыхъ дѣятелей возрожденія у разныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ одушевленіи соединялись и научная потребность, часто бродившая на-угадъ въ потьмахъ, и живое чувство любви къ народу, чувство, которому предстояло совершить дѣйствительныя пріобрѣтенія для политической и нравственной пользы этого народа. Ходаковскій инте-

---

[1]) Ходаковскій опять берется за этимологію или за игру словъ: „o pochodzie naszym z Inąd, czyli Indostanu“...

ресенъ именно тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ выразителей этого настроенія, гдѣ начиналось и этнографическое движеніе, которое впослѣдствіи совсѣмъ измѣнило характеръ исторіографіи и самой литературы. Дѣятельность Ходаковскаго принадлежала всего больше русской литературѣ, и здѣсь всего больше должна быть признана его заслуга. Наиболѣе свѣдущіе современники (Карамзинъ, Кёппенъ, Полевой, Погодинъ) понимали эту заслугу. Новѣйшіе ученые, которымъ пришлось опровергать любимую теорію Ходаковскаго относительно городищъ, говорили, однако, съ уваженіемъ объ этомъ человѣкѣ, потому что понимали и трудность возникавшаго вопроса, и энтузіазмъ изыскателя. Для другихъ (какъ Кс. Полевой) это былъ невѣжественный чудакъ, едва не шутъ, притомъ нищій, которому надобно было помогать; какое же онъ могъ внушать уваженіе?

Въ статьѣ 1818 года набросаны главныя мысли Ходаковскаго; дальнѣйшіе труды были ихъ продолженіемъ и развитіемъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ трудовъ, принадлежащихъ только исторіи науки, замѣтимъ, что въ нихъ разбросаны мѣстами мѣткія замѣчанія объ исторической и народной старинѣ, свидѣтельствующія объ оригинальномъ умѣ и историческомъ талантѣ.

Первой работой Ходаковскаго, напечатанной на русскомъ языкѣ, была статья: „Разысканія касательно русской исторіи", помѣченная въ Гомелѣ 19 липца (т.-е. іюля) 1819 года [1]. Статья начата такими словами: „Не было примѣра, чтобы ляхъ имѣлъ особенное любопытство къ дѣяніямъ древней Руси, и, ради того, охотно бы вступалъ на неизмѣримое пространство ея земли. Причина тому была въ взаимной нелюбви двухъ народовъ. Но царь Александръ удовлетворилъ младшихъ братьевъ, примирилъ со старшими и показалъ имъ общее благо. Въ такое время, которое много обѣщаетъ для грядущихъ поколѣній... [2], я осмѣлился, съ своей стороны, услужить нѣкоторымъ образомъ сему великому предназначенію, желая сдѣлать историческую развязку: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный? по крайней мѣрѣ, не было ли сего до принятія нами христіанскаго закона?" — Авторъ увѣренъ въ этомъ послѣднемъ, и, повторяя основныя мысли изложеннаго выше польскаго разсужденія, развиваетъ его новыми подробностями изъ русской древности. Онъ не вѣритъ иноземнымъ писателямъ, что „славянское младенчество окружено туманомъ грубаго невѣжества и дикости",—и думаетъ, что есть другіе источники для сужденій о нашей древности. „Уважая всегда ученыя разсужденія, совѣтуясь со старыми и новыми авторами

---

[1] „Вѣстн. Европы", 1819, ч. CVII, октябрьская книжка, стр. 277—302.

[2] Точки въ подлинникѣ.

на моемъ пути, увидѣлъ я, однако-жъ, что не всѣ они на землѣ нашей повѣряются и что много есть такого, къ чему ученая рука еще не прикоснулась". Это, во-первыхъ—тѣ городища, которыя разсѣяны по нашей землѣ отъ Камы до Эльбы и отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адріатическаго моря. Ходаковскій видитъ въ нихъ остатки священныхъ оградъ, въ которыхъ совершались нѣкогда языческіе обряды и которыхъ имена напоминаютъ цѣлый кругъ древней народной жизни. Онъ настаиваетъ на необходимости признать самобытную жизнь древняго славянства и Руси, объяснять ихъ изъ нихъ самихъ и, между прочимъ, указываетъ, сколько важныхъ объясненій даютъ древнія мѣстныя названія, часто тождественныя въ разныхъ краяхъ стараго племени.

Между прочимъ, авторъ не разъ дѣлаетъ возраженія Карамзину, и повидимому, эту статью принимали именно за начало разбора „Исторіи",—но дальнѣйшаго разбора не могло быть, потому что всѣ интересы Ходаковскаго кончались эпохою далекой древности. Біографы разсказываютъ подробности (которыхъ нечѣмъ провѣрить) объ отношеніяхъ Карамзина къ Ходаковскому,—что первый не любилъ критическихъ замѣчаній и, будто для умиренія Ходаковскаго, принялъ участіе въ его планахъ и содѣйствовалъ устройству его путешествія; съ другой стороны, говорили, что тотъ же Карамзинъ содѣйствовалъ и дальнѣйшей неудачѣ дѣла. Извѣстно, что Карамзинъ, познакомившись съ Ходаковскимъ, былъ заинтересованъ его сообщеніями и не разъ пользовался ими въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи" (во 2-мъ изданіи). О какомъ-либо участіи Карамзина въ обсужденіи позднѣйшаго „Донесенія" пока ничего неизвѣстно [1]).

Прибывши въ Петербургъ и успѣвши получить оффиціальное разрѣшеніе и пособіе для своего путешествія, Ходаковскій напечаталъ въ журналахъ свой „Проектъ ученаго путешествія по Россіи, для объясненія древней славянской исторіи" [2]), помѣченный 18-го марта

---

[1]) Лелевель (Dzienn. Lit., стр. 943) выражается такъ: „W ów czas (1819) wielkie sobie imie jednał ten co niespodzianie a zręcznie o Karamzina dzieło zaczepił. Karamzin tego nie lubił. Zorjan puścił pisemko, w Wiestniku Jewropy 1819 umieszczone, które groziło częstszym wyskokiem. Aby takowy odwrócić i uciszyć, Karamzin wziął Zorjana w opiekę i życzenia jego poparł". Къ этимъ обстоятельствамъ относятся нѣсколько строкъ въ письмѣ Карамзина отъ 29 декабря 1819, въ „Письмахъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву" (съ примѣчаніями Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 279). Примѣчаніе издателей къ этому письму (на стр. 0129) не точно, потому что упоминаемое ими письмо Карамзина къ самому Ходаковскому (напечатанное Погодинымъ въ „Москвитянинѣ", 1843, ч. I, № 1, стр. 278) относится уже къ другому времени, а именно къ 1822—23 г.

[2]) Въ полномъ составѣ этотъ проектъ напечатанъ былъ въ „Сынѣ Отечества", 1820, ч. 63—64, или № XXXIII—XXXVI, XXXVIII—XL, всего около ста стран.

1820-го года. Это цѣлый трактатъ, въ которомъ Ходаковскій излагаетъ много подробностей своей теоріи, гдѣ, несмотря на несомнѣнное преувеличеніе его взгляда на значеніе городищъ,—какъ пунктовъ языческой религіи, окруженныхъ будто бы единообразно другими городищами въ правильномъ распредѣленіи чуть не на каждой квадратной милѣ, —разбросано не мало любопытныхъ замѣчаній о старыхъ географическихъ названіяхъ. Свою программу онъ изложилъ въ слѣдующихъ чертахъ:

„Въ заключеніе повторяю все, что̀ я прежде говорилъ о моемъ занятіи, то-есть, скажу, что̀ вообще составляетъ мой предметъ:

„1. Сообразить во всѣхъ странахъ насыпи городищныя по той чертѣ, какъ показалъ я въ письмѣ изъ Гомля отъ 29-го іюня 1819-го года, и повѣрить, сколько возможно, будутъ ли онѣ на всякой квадратной милѣ. Посредствомъ оныхъ же границъ, смотря, гдѣ онѣ кончатся, узнать предѣлы древней Руси и на планѣ означить.

„2. Внутри Россіи осмотрѣть лично мѣста, по которымъ назвалися округи: Вотская, Волоховская, Деревская, Голяды, Вятичи, Сѣвера, Семь, Мурома, Меря, Весь, Мѣщера, и прочія, уважая въ томъ правило самого Нестора, который пишетъ: *и прозвашася имены своими, идѣ сѣдши на которомъ мѣстѣ, тако и прозвашася* (Шлецеръ Русскій, I, стр. 113).

„3. Обратить вниманіе на главныя нарѣчія провинціальныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что̀ могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ; какая будетъ разница въ одеждѣ, строеніи домовъ и земледѣльческихъ снарядахъ.

„4. Какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ, и произведеніямъ природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ.

„5. Обряды, свадьбы, игры, пѣсни, суевѣрія, и все, что будетъ происходить изъ древнѣйшихъ временъ.

„6. Наконецъ, все, что̀ служить можетъ не только къ моему предмету, но и въ общую пользу ученаго свѣта, какъ-то: древнія монеты, особенно принадлежащія къ русской нумизматикѣ, и другія металлическія фигурки и посуды, нерѣдко открывавшіяся въ землѣ и могилахъ, письменныя и всякія другія достопамятности—все буду стараться получить, или доносить объ ономъ“ [1]).

Въ извлеченія онъ явился въ „Вѣстн. Европы“, 1820, ч. CXIII, № XVII—XVIII, стр. 30—56, 99—118 (сентябрь).

[1]) „Сынъ Отечества“ 1820, ч. 64, стр. 297—299. Просьбы Ходаковскаго о сообщеніи свѣдѣній вызвали нѣкоторыя статьи, напр. „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIII; стр. 306—310 „Письмо къ редактору“ М. Макарова и тамъ же (стр. 311) замѣтку

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1822-го года помѣщено извѣстіе о начатомъ путешествіи Ходаковскаго, по его письмамъ [1]), и письмо изъ Москвы, гдѣ Ходаковскій самъ разсказываетъ о своихъ наблюденіяхъ въ тверской и московской губерніи [2]). Здѣсь, извиняясь за долгое молчаніе, онъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ: „Не знаю, найдете ли вы въ нашемъ славянскомъ племени подобнаго стоика и упрямца, который бы, отказавшись отъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, погрузился, подобно мнѣ, въ своемъ предметѣ! И потому неудивительно, что я, блуждая по лѣсамъ, полямъ и уединеннымъ селамъ, не могу удовлетворять обязанностямъ свѣтскихъ обществъ и дружбы“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Я также могу ошибаться, подобно другимъ, съ тою только разницею, что я всѣмъ происшествіямъ нахожу причины дома, которыхъ тщетно другіе ищутъ на далекихъ распутіяхъ и за всѣми границами“.

Въ томъ же журналѣ, 1823 помѣщена Ходаковскимъ небольшая замѣтка о Гуляй-городѣ [3]), гдѣ онъ объясняетъ, что Гуляй-городъ не есть обозное укрѣпленіе, которое можно перевозить съ мѣста на мѣсто, какъ толковалъ его въ данномъ случаѣ Карамзинъ, а мѣстное урочище, гора около Серпухова. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ тамъ же, съ нѣкоторыми примѣчаніями, двѣ грамоты Свитригайла и Витовта изъ пулавской библіотеки Чарторыйскихъ [4]). Наконецъ, тамъ же напечатана статья Ходаковскаго: „Опытъ изъясненія слова: князь, Xiądz“ [5]).

Это была, кажется, послѣдняя печатная работа Ходаковскаго.

Судьба рукописей Ходаковскаго разсказана отчасти въ запискахъ Ксенофонта Полевого. Передъ смертью Ходаковскій распорядился, чтобъ его бумаги переданы были Н. А. Полевому; такъ и было сдѣлано. Вдова, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, думала, кажется, что ей досталось въ этихъ рукописяхъ цѣлое богатство; но Полевой, не очень самъ заинтересованный трудами Ходаковскаго,

---

А. Бояркина; „Записку о городищахъ, курганахъ и другихъ старинныхъ насыпяхъ въ тульской губерніи“, А. Глаголева, „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIV, стр. 184—191, и „Другую Записку для г-на Ходаковскаго“ (о рязанской, тамбовской, воронежской, тульской, владимірской губ.), М. Макарова, тамъ же, стр. 191—204, и „Поправки“, стр. 317—318. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1821, ч. CXVI (№ 4, февраль), стр. 322—326, помѣщено письмо Ходаковскаго по поводу статей Макарова и Бояркина и отвѣтъ Макарова.

[1]) Часть II, стр. 314—318.

[2]) Тамъ же, стр. 465—471.

[3]) „Гуляй-городъ съ лѣвой стороны Оки, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Серпухова“, Сѣв. Архивъ, 1823, ч. V, стр. 369—371.

[4]) Сѣв. Архивъ, 1824, часть IX, стр. 14—18.

[5]) Тамъ же, 1824, ч. X, стр. 219.

затруднился что-нибудь сдѣлать изъ этихъ рукописей. Кончилось тѣмъ, что вдова Ходаковскаго подала на него формальную жалобу генералъ-губернатору, обвиняя Полевого, что онъ сначала обѣщалъ издать рукописи въ свѣтъ, а теперь предлагаетъ ей взять ихъ обратно, конечно потому, что выбралъ изъ нихъ все лучшее и достопримѣчательное: вдова взывала къ правосудію, прося оградить ея собственность отъ вѣроломства. Полевой объяснилъ дѣло генералъ-губернатору, доказалъ цѣлость книгъ и рукописей Ходаковскаго, и, наконецъ, просилъ, чтобы отъ него приняты были эти бумаги. Тѣмъ дѣло и кончилось въ судебномъ смыслѣ [1]). Впослѣдствіи, эти бумаги оказались въ распоряженіи Погодина. Погодинъ началъ печатать ихъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ", изданіи московскаго Общества исторіи и древностей.

Въ первой книжкѣ сборника Погодинъ напечаталъ любопытную статью Ходаковскаго: „Пути сообщенія въ древней Россіи", гдѣ разъясняются именно пути водяные [2]).

„Предложенныя драгоцѣнныя извѣстія, — говорилъ Погодинъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ,—найдены мною въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ покойнаго Ходаковскаго, которыя попались мнѣ только въ прошломъ 1836 году, послѣ продолжительныхъ мытарствъ, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто. Рукопись очень запутана, испещренная послѣ перваго листа, особенно же въ концѣ, прибавленіями, переносками, помарками. Я старался разобрать извѣстія, сколько возможно, и, считая грѣхомъ держать ихъ долѣе подъ спудомъ, рѣшился напечатать въ трудахъ Общества, коего Ходаковскій былъ членомъ, увѣренный, что всѣ любители исторіи прочтутъ съ удовольствіемъ и пользою это сочиненіе, проливающее большой свѣтъ на древнюю русскую исторію и объясняющее наши лѣтописи.

„Нѣтъ ли гдѣ-нибудь лучшаго, обработаннѣйшаго списка?

---

[1]) Ксен. Полевой пишетъ, что все это было дѣломъ враговъ его брата, которые написали и самую жалобу. „Дѣйствительно, Николай Алексѣевичъ зналъ и могъ бы даже назвать людей, которые уговорили невѣжественную женщину подать низкій навѣтъ, и забыть всѣ одолженія, которыя оказывалъ Полевой мужу ея и самой ей".

Но и тогда, когда дѣло кончилось—„враги Н. А. Полевого не умолкли: они не переставали разглашать и даже печатно намекать и утверждать, что онъ тайкомъ присвоилъ себѣ драгоцѣнныя рукописи Ходаковскаго, и выдаетъ его изысканія по русской исторіи за свои собственныя. Нелѣпое это обвиненіе повторялось много лѣтъ сряду: московскій Воейковъ, Надеждинъ, не посовѣстился употребить это обвиненіе орудіемъ противъ Н. А.; позднѣе его повторилъ М. А. Максимовичъ, который за многолѣтнее доброжелательство и гостепріимство заплатилъ моему брату враждою и желаніемъ повредить"... („Записки", Спб. 1888, стр. 213—219). Имя Воейкова, употребленное здѣсь нарицательно, должно означать недобросовѣстнаго кляузника и ругателя.

[2]) Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и древностей россійскихъ. Редакторъ профессоръ Погодинъ. М. 1837 (1838). Томъ I, кн. 1, стр. 1—50.

„Въ бумагахъ нашелъ я еще отвѣтъ Калайдовичу на его мнѣніе о городищахъ и вообще разборъ его археологическихъ писемъ о Рязанской губерніи. Исключа изъ него все бранное и временное, я помѣщу его въ слѣдующихъ книжкахъ, дабы изслѣдователи могли еще короче познакомиться съ примѣчательнымъ ученіемъ Ходаковскаго.

„Кромѣ сихъ двухъ сочиненій, у меня находятся три части (изъ четырехъ) словаря Географическаго или лучше номенклатурнаго, городищъ и принадлежащихъ къ нимъ урочищъ и мѣстъ, словарь растеній и нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и миѳологіи, русской и литовской. Вотъ все, чтò уцѣлѣло изъ бумагъ Ходаковскаго".

Въ третьей книжкѣ того же тома Погодинъ помѣстилъ обширную статью подъ названіемъ: „Историческая система Ходаковскаго" (стр. 2—109). Эта статья, представляющая опять замѣчанія о географическомъ матеріалѣ нашей старины и о городищахъ, предназначена была служить отвѣтомъ на книгу Калайдовича: „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ рязанской губерніи" (М. 1823), слѣдовательно, писана уже въ то время, когда планы Ходаковскаго о дальнѣйшемъ путешествіи разрушились. Какъ и статья о древнихъ путяхъ сообщенія, это была только черновая работа, опять съ большой начитанностью въ памятникахъ русской исторіи и иногда любопытными для своего времени попытками археологической этнографіи.

Къ этой статьѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Эта статья есть собственно отвѣтъ Ходаковскаго, найденный мною въ его бумагахъ, Калайдовичу, по поводу неблагопріятнаго отзыва сего послѣдняго объ основной мысли перваго касательно городищъ, и подробный разборъ его книги „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи", 1822. Исключивъ все временное и бранное, я представляю статью Ходаковскаго въ нашемъ Сборникѣ, потому что она заключаетъ въ себѣ ясное представленіе замѣчательной системы этого знаменитаго географа-историка, и множество частныхъ драгоцѣнныхъ историческихъ извѣстій. Замѣчу еще, что статья досталась мнѣ въ черновой тетради, которую было очень трудно разбирать. Притомъ самъ авторъ не успѣлъ отдѣлать ея окончательно, что особенно примѣтно по пропускамъ" [1]).

Въ третьей книжкѣ III-го тома „Историческаго Сборника" Погодинъ напечаталъ еще „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковскаго по Россіи—Ладога, Новгородъ" [2]). Здѣсь, кромѣ описанія путешествія, описанія наличной старины, опять разсѣяны замѣтки о древ-

---

[1]) Сужденія Калайдовича о Ходаковскомъ далеко не всѣмъ казались справедливыми. Сергѣй Строевъ, въ разборѣ „Р. Историч. Сборника", писалъ: „Должно признаться, что Калайдовичъ слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на систему Ходаковскаго, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы дѣйствительно предпріятіе послѣдняго не имѣло полнаго успѣха". Журн. Мин. Народ. Просв. 1839, т. 22, отд. VI, стр. 15—16.

[2]) М. 1839, стр. 131—200. Отрывокъ помѣченъ Новгородомъ 14-го марта 1821. Этотъ отрывокъ не вошелъ въ послѣдующее „Донесеніе".

ней географіи и о современномъ новгородскомъ нарѣчіи, все это съ немалой начитанностью въ старыхъ лѣтописяхъ и граматахъ.

Седьмая книга Сборника [1]) вся занята „Донесеніемъ о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріяна Долуга-Ходаковскаго, изъ Москвы 13-го Липца (іюля) 1822". Въ началѣ замѣчапія о племенахъ древней Руси, причемъ Ходаковскій по своей славянской ревности хотѣлъ зачислить въ славянъ и нѣкоторыя финскія племена; но главную часть „Донесенія" составляетъ оригинальная работа, которой Ходаковскій далъ названіе „Сравнительнаго словаря". Это огромное собраніе географической номенклатуры, собранной изъ русскихъ и славянскихъ мѣстностей, предметъ, къ которому Ходаковскій обращался не разъ и въ „Проектѣ путешествія", и въ „Исторической системѣ"; наконецъ, здѣсь онъ представилъ массу географическихъ названій, расположенныхъ по кореннымъ словамъ, напр., имена городовъ, мѣстностей, урочищъ отъ словъ: баба, береза, бѣда, бѣгъ, бѣль, бью, болото, боръ, борода, бортъ, босъ, брага, брусъ и т. д., и т. д. [2]).

Рукописи Ходаковскаго попали въ 1836 году къ Погодину, какъ онъ говоритъ, „послѣ продолжительныхъ мытарствъ". Впослѣдствіи вмѣстѣ съ древлехранилищемъ Погодина онѣ перешли въ Публичную Библіотеку въ Петербургъ. Укажемъ здѣсь, что̀ видѣли въ Публичной Библіотекѣ, сравнительно съ тѣмъ, что̀ упомянуто о рукописяхъ Ходаковскаго въ обстоятельной статьѣ „Энциклопедическаго лексикона", 1841, писанной Савельевымъ-Ростиславичемъ.

Въ статьѣ Савельева, въ ряду рукописей Ходаковскаго, на первомъ планѣ поставленъ: 1) Словарь собственныхъ именъ городищъ и селеній, на польскомъ языкѣ, четыре тома, причемъ разсказывается, что московское историческое Общество хотѣло пріобрѣсть всѣ бумаги своего трудолюбиваго сочлена, въ томъ числѣ и Словарь, что во время переговоровъ о покупкѣ одинъ томъ, по словамъ вдовы Ходаковскаго, остался у генерала Писарева, такъ что сохранилось только три тома Словаря и они были пріобрѣтены Погодинымъ. Въ настоя-

---

[1]) Т. VII. М. 1844, 378 страницъ.

[2]) Упомянемъ еще статью: „Путевыя записки Ходаковскаго", въ Журналѣ Мин. Проск., 1838, т. 20 (декабрь), стр. 479—527. Это какъ бы черновая одной части „Донесенія"; до стр. 517-ой статья почти дословно сходна съ „Донесеніемъ"; дальше помѣщены отдѣльныя замѣтки, отчасти находящіяся уже въ „Проектѣ Путешествія".

Къ сожалѣнію, мы не могли найти упоминаемой Лелевелемъ статьи, о системѣ могилъ славянскихъ, такъ какъ не нашли полнаго экземпляра „Моск. Наблюдателя" въ тѣхъ библіотекахъ, какими пользовались,—если только вѣрна цитата.

Г. Дашкевичъ (въ XXIX-мъ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, Спб. 1889, стр. 168) упоминаетъ еще статью Ходаковскаго въ „Украинскомъ Вѣстникѣ", которой у насъ не было подъ руками.

щее время въ Публичной Библіотекѣ находятся сполна всѣ четыре тома (вѣроятно, Погодинъ разыскалъ потомъ недостававшій томъ). Это—четыре громадныхъ фоліанта съ полустершимися заглавіями на каждомъ томѣ: „Stare Sta"; здѣсь по польскому алфавиту заключается тотъ самый словарь, который позднѣе по русскому алфавиту сообщенъ былъ въ „Донесеніи". Словарь, очевидно, представляетъ давнюю прилежную работу, съ пробѣлами для вписыванія новыхъ свѣдѣній; но это не была первая черновая, потому что разнородная номенклатура, кромѣ алфавита коренныхъ словъ, размѣщена уже въ извѣстной системѣ, и, повидимому, въ „Донесеніи" не исчерпанъ весь матеріалъ рукописи.

Далѣе у Савельева названа: 2) Тетрадь малороссійскихъ пѣсенъ, безъ дальнѣйшихъ указаній,—вѣроятно, та самая тетрадь, которая была пріобрѣтена впослѣдствіи Максимовичемъ. Въ предисловіи къ своему изданію малорусскихъ пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ по поводу пѣсенъ заклинательныхъ замѣчаетъ: „образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный Зоріанъ Ходаковскій, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія малороссійскихъ пѣсенъ". Въ предисловіи къ изданію 1834 года, Максимовичъ упоминаетъ, что пріобрѣлъ „извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными". Мы скажемъ далѣе объ этомъ собраніи. 3) Замѣчанія географическія и миѳологическія, о которыхъ отмѣчено, что онѣ находятся у Погодина. Послѣдній упоминаетъ „нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и миѳологіи русской и литовской" [1]; этихъ листковъ въ Публичной Библіотекѣ мы не видѣли. 4) Подробная карта съ отмѣтками, гдѣ, однако, недостаетъ четырехъ или пяти важныхъ картъ. Эта карта есть подробная карта Россійской имперіи, изданная на многихъ десяткахъ листовъ при Александрѣ I, съ именами Сухтелена и Оппермана, и находится въ Публичной Библіотекѣ. Ходаковскій отмѣтилъ на ней географическія названія, которыя его интересовали, подчеркивая ихъ краснымъ на самой картѣ и приписывая замѣтки и цитаты на поляхъ. Карта представляетъ въ переплетѣ большой атласъ. 5) Гербовникъ съ изслѣдованіями, о которомъ замѣчено, что онъ хранится у Максимовича. Далѣе, упомянуто еще, что должны находиться у кого-нибудь „Тетрадь славянской миѳологіи" и „Карта славянскихъ племенъ"; о томъ и другомъ ничего неизвѣстно. Припомнимъ, наконецъ, что, по мнѣнію Лелевеля, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ должна храниться (если только уцѣлѣла) та записная книжка, которая раскрыла біографію Чарноцкаго-Ходаковскаго [2]).

---

[1]) Русск. Ист. Сборн., т. I, кн. 1, стр. 50.

[2]) Въ Публичной Библіотекѣ хранится еще экземпляръ „Донесенія", писанный

Впослѣдствіи теорія Ходаковскаго относительно городищъ оказалась слишкомъ поспѣшной. Городища, въ дѣйствительности, не были такъ однообразны и не могли имѣть одного того значенія языческихъ святилищъ, какое онъ имъ придавалъ, — хотя вопросъ и донынѣ остается не вполнѣ яснымъ. Не входя въ исторію этого предмета, укажемъ только, что мнѣнія Ходаковскаго были приняты Погодинымъ [1]); затѣмъ, послѣ первой критики Калайдовича и недоумѣній Кёппена, на этотъ вопросъ обратили вниманіе Срезневскій [2]), г. Самоквасовъ, въ своей книгѣ о древнихъ русскихъ городахъ [3]) и, наконецъ, Н. П. Барсовъ [4]); но вопросъ о древней славянской географіи, какъ мечталъ о ней Ходаковскій, едва ли можетъ считаться исчерпаннымъ въ наукѣ, а въ развитіи этнографіи за Ходаковскимъ останется заслуга, какъ одного изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народнаго достоинства.

Упомянемъ наконецъ, что рукопись Ходаковскаго, заключающая его сборникъ пѣсенъ, была отыскана въ 1880 годахъ малорусскимъ этнографомъ, В. П. Науменкомъ,—въ малорусской переписи и въ по-

---

четкимъ, крупнымъ почеркомъ самого Ходаковскаго (265 стр., въ листъ), и черновая письма отъ 19-го іюля 1823 года, адресованнаго къ какому-то Михаилу Ѳадѣевичу, управлявшему гродненской губерніей. Письмо очень рѣзкое: въ немъ говорится, что 9-го октября 1822 года Ходаковскій посылалъ въ Гродно свои бумаги для удостовѣренія своихъ археологическихъ занятій и просилъ о присылкѣ подробной гродненской карты, недостававшей ему въ межевой канцеляріи; не только просьба его не была уважена, но ему не возвратили даже высланныхъ бумагъ, и Ходаковскій осыпаетъ Михаила Ѳадѣевича, своего соотечественника, укорами за невниманіе къ интересамъ науки и несоблюденіе простыхъ приличій. Въ письмѣ упоминается, что Ходаковскій обращался съ подобными просьбами къ губернаторамъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ губерній.

[1]) Погодина, Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи, т. II, стр. 390, 400—414. Въ своей „Древней Русск. Исторіи до Монгольскаго ига“, М. 1871, т. III (атласъ) Погодинъ помѣстилъ слѣдующія работы Ходаковскаго: 1) карта, подъ названіемъ: „Указаніе славянскаго городства въ сѣверо-западной части Россіи по первому опыту въ 1822 г. Ходаковскаго“; 2) „Славянскія городища по изслѣдованіямъ З. Я. Доленги-Ходаковскаго“ (карта); 3) „Образчикъ городища по рисунку Ходаковскаго“ (у села Дякова, на Москвѣ-рѣкѣ).

[2]) Въ статьѣ „О городищахъ въ земляхъ славянскихъ преимущественно западныхъ“, въ „Запискахъ одесскаго Общества исторіи и древностей“, 1850, томъ II, стр. 532—549.

[3]) „Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе“. Спб. 1873, стр. 100—109. Обзоръ ученыхъ мнѣній о городищахъ, стр. 94 и слѣд.

[4]) „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной, Несторовой, лѣтописи“. Изд. 2-е. Варшава, 1885. Стр. 25, 240 и др. Барсовъ сообщаетъ между прочимъ, что нѣсколько тетрадей Географическаго Словаря Ходаковскаго хранится въ библіотекѣ Варшавскаго университета.

длинной польской транскрипціи. Приводимъ сообщеніе самого г. Науменка.

Максимовичъ въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ 1834 г. упомянулъ, что онъ пріобрѣлъ извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковскаго, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными. Немного раньше этого печатнаго заявленія писалъ онъ объ этомъ же собраніи Гоголю, что̀ видно изъ письма Гоголя къ нему отъ 9-го ноября 1833 г., а именно: „я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собранія Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ... Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ" (Письма Гоголя къ Максимовичу, по подлин. исправл. и дополнен. С. Пономаревымъ. Спб. 1877 г., стр. 3). Дѣйствительно, рукопись Ходаковскаго была затѣмъ переписана, но спеціально ли для Гоголя, или же Максимовичъ заказалъ переписать ее для удобства пользованія пѣснями при своемъ изданіи, рѣшить не берусь; но вѣрнѣе послѣднее, такъ какъ въ переписанномъ экземплярѣ сдѣланы поправки текста, и съ этими поправками напечатаны эти же пѣсни въ изданіи. Когда же рукопись была переписана, она была обѣщана Гоголю, что̀ видно изъ письма послѣдняго отъ 29-го марта 1834 г.: „Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что̀ получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ" (тамъ же, стр. 8). Вскорѣ, впрочемъ, Максимовичъ исполнилъ свое обѣщаніе, такъ какъ въ письмѣ Гоголя отъ 20-го апрѣля читаемъ: „Благодарю тебя за пѣсни. Я теперь читаю твои толстыя книги: въ нихъ есть много прелестей" (тамъ же, стр. 9). Что именно этотъ экземпляръ переписанный былъ у Гоголя въ рукахъ, видно изъ нѣсколькихъ пѣсенъ циничнаго содержанія, собственноручно имъ вписанныхъ въ рукопись на оборотѣ листовъ. Рукопись повидимому долго оставалась у Гоголя; въ письмѣ его къ матери, изъ Рима, отъ 5-го февраля 1838, говорится: „Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ" и пр. (Сочин. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 303—304). Г. Кулишъ пишетъ въ примѣчаніи, что рѣчь идетъ о „малороссійскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Зоріаномъ Ходаковскимъ".

Самъ Максимовичъ объ этомъ экземплярѣ въ первый (да кажется—и въ послѣдній) разъ сказалъ въ предисловіи къ изданію пѣсенъ 1849 г.

Но если хоть что-нибудь было извѣстно о переписанномъ экземплярѣ, то о подлинной рукописи Ходаковскаго ничего опредѣленнаго никто нигдѣ не сказалъ, и даже самый слѣдъ ея былъ потерянъ. Разбирая библіотеку Максимовича въ началѣ 80-хъ годовъ, я нашелъ только переписанный экземпляръ въ 2-хъ большихъ частяхъ, писанныхъ in-folio, русской транскрипціей, при чемъ каждая пѣсня писана на отдѣльномъ листѣ, и листы переплетены въ алфавитномъ порядкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого мнѣ удалось пріобрѣсть изъ частныхъ рукъ и самый *подлинникъ*, о которомъ и сообщу пока нѣсколько наиболѣе характерныхъ данныхъ.

Рукопись заключается въ 2-хъ переплетенныхъ тетрадяхъ, писанныхъ польской транскрипціей. Одна, писанная in 4°, сохранилась вполнѣ и носитъ заглавіе „Śpiewy Sławiańskie pod strzechą wiejską zbierane". Эпиграфъ взятъ изъ Красицкаго: „Święta prostoto, ktoż cię uwielbić zdoła". Всѣхъ номеровъ въ этой тетради 1017, изъ которыхъ только нѣкоторыя пѣсни великорусскія, польскія

и чешскія, а остальныя всѣ малорусскія. Записаны пѣсни почеркомъ твердымъ, довольно красивымъ, но общій видъ тетради производитъ впечатлѣніе черновой записи: записываются пѣсни въ два столбца; очень тѣсно идетъ одна за другой, такъ что можно было бы подумать, что въ записи соблюдена хронологическая послѣдовательность, въ какой Ходаковскій наталкивался на данныя пѣсни, а въ такомъ случаѣ была бы соблюдена и послѣдовательность мѣстности, что было бы очень важно для установленія самаго пути, по которому прошелъ Ходаковскій. Къ сожалѣнію, ни хронологической послѣдовательности, ни топографической нѣтъ, такъ какъ пѣсни, записанныя въ одной и той же мѣстности, разбросаны по разнымъ страницамъ тетради; хронологическихъ же датъ въ цѣломъ собраніи нѣтъ ни одной. Это приводитъ къ выводу, что записывалъ Ходаковскій пѣсни первоначально или на листочкахъ, или въ какихъ-нибудь записныхъ книгахъ, откуда впослѣдствіи чернилами уже переносилъ въ данную тетрадь, смѣшивая разновременныя записи. Далеко не всякая пѣсня имѣетъ указаніе, гдѣ записана, но все же датъ этихъ достаточно, такъ что въ концѣ концовъ можно будетъ составить приблизительную карту тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ побывалъ Ходаковскій.

Другая тетрадь, писанная in-folio, сохранилась едва на половину, такъ какъ представляетъ почти истрепанный экземпляръ, на которомъ кто-то сдѣлалъ помѣтку номеровъ пѣсенъ, причемъ на послѣдней изъ сохранившихся страницъ стоитъ 887-я пѣсня, а на первой изъ уцѣлѣвшихъ 273-я. Характеръ записи такой же точно, какъ и въ первой тетради, при чемъ совершенно одинаковъ и характеръ пѣсенъ. (Въ переписанномъ экземплярѣ этого собранія далеко не всѣ пѣсни, такъ какъ тамъ въ обѣихъ частяхъ только до 1000 пѣсенъ). Что касается послѣдняго, то пѣсни встрѣчаются самыя разнородныя, при чемъ историческихъ—меньше всего, а обрядовыхъ, и особенно свадебныхъ—громадное большинство. Подробную характеристику этому собранію можно будетъ дать только тогда, когда, какъ я разсчитываю, черезъ годъ мнѣ удастся приготовить все собраніе къ печати. Сомнѣваться въ томъ, что изданіе это необходимо, кажется, не приходится, въ виду того, что сборникъ Ходаковскаго является поучительной страничкой изъ исторіи нашей этнографіи, такъ какъ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда микроскопическое собраніе Цертелева считалось вкладомъ научнымъ, уже можно было издать громадный сборникъ, заключавшій до 2000 пѣсенъ, но въ силу случайности этому сборнику суждено явиться въ свѣтъ (да и то явится ли?) только черезъ 70 лѣтъ въ качествѣ матеріала, имѣющаго уже относительную цѣнность больше для историко-литературныхъ соображеній.

Считаю обязаннымъ сообщить и причину медленности подготовляемаго мною изданія. Такъ какъ матеріалъ этотъ въ громадномъ большинствѣ уже напечатанъ [1]), будучи записанъ впослѣдствіи другими собирателями, то я считаю необходимымъ, печатая все собраніе, снабдить каждую пѣсню полнымъ библіографическимъ аттестатомъ, т.-е. указать, гдѣ, когда и какъ она напечатана. Расположить пѣсни думаю по отдѣламъ, для удобства справокъ. Въ настоящее время у меня почти готовъ отдѣлъ историческихъ пѣсенъ.

---

[1]) Максимовичъ въ свои изданія внесъ самое незначительное число пѣсенъ изъ собранія Ходаковскаго.

ГЛАВА III.

И. И. Срезневскій.—О. М. Бодянскій.

Срезневскій прошелъ долгое и исторически любопытное научно-литературное поприще, на которомъ успѣлъ совершить много важныхъ трудовъ, дающихъ ему почетное мѣсто въ развитіи нашей науки. Обзоръ этого поприща не входитъ въ нашу настоящую задачу [1]), и мы коснемся дѣятельности Срезневскаго лишь по отношенію къ малорусской этнографіи, гдѣ нѣкогда одинъ изъ его первыхъ трудовъ произвелъ большое впечатлѣніе [2]).

Ученое поприще Срезневскаго началось въ другой области, именно въ области политической экономіи и статистики, но уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его влекло къ народной старинѣ и поэзіи; затѣмъ Срезневскій вскорѣ получилъ возможность направить свои труды на

---

[1]) Мы говоримъ о немъ въ „Исторіи русскаго славяновѣдѣнія".

[2]) По смерти его, явился рядъ некрологовъ; одинъ былъ напечатанъ въ „Вѣстн. Евр." 1880. Объ его дѣятельности см.:

— „Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія". Спб. 1870.

— „Библіографическій списокъ сочиненій и изданій ордин. академика Импер. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности". Спб., 1879, 4°; и въ особенности:

— Отчетъ о дѣятельности Второго отдѣленія имп. Акад. Наукъ за 1880 годъ, составленный А. Ѳ. Бычковымъ („Сборникъ" II Отд., т. XXII, № 6, Спб. 1881), гдѣ стр. 18—79 посвящены (до сихъ поръ наиболѣе обстоятельному) обзору ученыхъ трудовъ Срезневскаго, а затѣмъ, стр. 79—126, повторенъ библіографическій списокъ его сочиненій и изданій, но съ бо̀льшими подробностями противъ изданія 1879 г.

— Лучшая, очень тепло и живо написанная, біографія Срезневскаго принадлежитъ В. И. Ламанскому, его ученику, а потомъ сотоварищу по каѳедрѣ: „Измаилъ Ив. Срезневскій (1812—1880). Оттискъ изъ Исторической Записки о дѣятельности Импер. Моск. Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ существованія". М. 1890.

любимые предметы, и съ тѣхъ поръ до конца жизни работалъ въ русской этнографіи, археологіи, филологіи и славистикѣ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій (1812—1880) былъ великоруссъ по происхожденію (онъ родился въ Ярославлѣ, а родъ его шелъ изъ рязанской губерніи), но все дѣтство и юность провелъ въ Малороссіи, особливо въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ россійскаго краснорѣчія и поэзіи и вмѣстѣ инспекторомъ казенно-коштныхъ студентовъ. Онъ рано потерялъ отца, и послѣ домашняго воспитанія очень рано, 14 лѣтъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ и кончилъ, 17 л., тогдашній трехлѣтній курсъ. Харьковскій университетъ [1]), основанный въ первые годы царствованія Александра I, всего больше благодаря усиліямъ извѣстнаго патріота-мечтателя, Каразина, университетъ Харьковскій, какъ и другія подобныя учрежденія того времени, въ первыя десятилѣтія своего существованія носилъ довольно странный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что русская жизнь нуждалась въ просвѣщеніи, что основаніе новаго высшаго учебнаго учрежденія было величайшей заслугой тѣхъ, кто его осуществилъ, и было дѣломъ, въ высокой степени благотворнымъ: нужно было, наконецъ, разбудить людей отъ умственной спячки, дать общественной жизни запасъ необходимыхъ научныхъ средствъ, дать основу для работы сознанія. Первые шаги на этомъ пути были неловки и неувѣренны, и желчные консерваторы не упускали указывать на слабыя стороны новыхъ университетовъ, для которыхъ надо было выписывать иностранныхъ профессоровъ, и для которыхъ пока не было приготовлено учениковъ. Такова была филиппика противъ университетовъ, основанныхъ при Александрѣ I, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи" Карамзина. Неловкости и затрудненія дѣйствительно случались: первые слушатели бывали мало приготовлены къ университетской наукѣ; профессоровъ русскихъ недоставало и ихъ выписывали изъ-за границы не только въ первое время, но и позднѣе, — какъ долго еще выписывали ученыхъ для императорской Академіи наукъ. Но эти затрудненія были неизбѣжны при первой постановкѣ науки въ обществѣ, ранѣе ея не имѣвшемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не откуда было взять русскихъ ученыхъ; новая наука должна была когда-нибудь бросать свои первые корни, но позднѣйшее ея развитіе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія пришлось ей испытывать съ разныхъ сторонъ, и при всѣхъ ея недостаткахъ, указываетъ, что это было, однако, дѣло жизненное и для русскаго общества необходимое. Новое обра-

---

[1]) Любопытный и богатый характерными чертами разсказъ о старомъ харьковскомъ университетѣ далъ Де-Пуле, въ momentum lucidum его писательства („Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій", въ „Вѣстн. Европы", 1874, январь и февраль).

зованіе пролагало себѣ дорогу и овладѣвало умами; новый кругъ людей съ научными понятіями мало-по-малу собрался и, наконецъ, заявилъ интересы знанія въ мѣстной литературѣ и общественной жизни замѣчательными трудами.

Положеніе провинціальнаго университета въ ту пору, когда провинція гораздо больше, чѣмъ теперь, была отдалена и отрѣзана отъ центровъ и вела свою замкнутую жизнь,—это положеніе съ своей стороны отражалось на складѣ мѣстной образованности. Историкъ Харьковскаго университета отмѣчаетъ какъ черту этого мѣстнаго просвѣщенія извѣстный мечтательный (слегка поверхностный) идеализмъ, который былъ понятенъ въ средѣ образованныхъ людей, удаленныхъ отъ болѣе сильнаго движенія литературныхъ и научныхъ центровъ. Предоставленные самимъ себѣ, находя мало отвѣта на свои идеи въ окружающей средѣ, эти люди естественно впадали въ отвлеченность, въ сантиментальныя мечтанія на тему своихъ новыхъ идей. Уединенность университета дѣлала и другое. Въ немъ издавна бывали люди, искренно преданные наукѣ и ревностно для нея работавшіе, какъ филологъ и эстетикъ Кронебергъ, какъ позднѣе историкъ Лунинъ, оставившій по себѣ память талантливаго профессора и рѣдко чистаго характера; но большинство или дѣлались чиновниками,—какъ однимъ изъ примѣровъ этого былъ профессоръ и ректоръ университета, и малорусскій поэтъ, Гулакъ-Артемовскій,—или излѣнивались: университетская наука, въ такихъ рукахъ, очень запаздывала.

Но надо представить себѣ незатѣйливую простоту провинціальнаго быта, слишкомъ скромный уровень обычнаго „просвѣщенія“, чтобы оцѣнить то оживляющее вліяніе, какое производила и эта небольшая наука. Она во всякомъ случаѣ была глубоко благотворна для воспріимчивыхъ, живыхъ умовъ, открывала для нихъ разумную дѣятельность и, въ частности, будила интересы къ мѣстной исторической и народно-поэтической старинѣ. Въ этомъ университетѣ воспитывались Срезневскій и Костомаровъ.

Въ тѣ годы, когда Срезневскій проходилъ свою университетскую школу, сама окружающая жизнь была еще преисполнена отголосками малорусской старины. Еще жило много историческихъ воспоминаній; эпическая поэзія бандуристовъ и богатая лирика были еще въ полномъ цвѣту; малорусскій обычай хранился не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ классѣ, и въ быту малорусскихъ помѣщиковъ; въ кругу людей стараго вѣка ходила по рукамъ малорусская книжная старина, лѣтописи и иные историческіе памятники, и изъ ихъ рукъ эти памятники начинали прямо переходить въ руки людей новаго ученаго образованія, которые вывели ихъ потомъ и въ лите-

ратурный свѣтъ... Съ конца прошлаго вѣка вступилъ въ литературу и живой малорусскій языкъ, сначала въ рѣдкихъ произведеніяхъ, иногда несомнѣнно талантливыхъ и оригинальныхъ, съ народнымъ колоритомъ и юморомъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ своей публикѣ, потому что затрогивали чувствительную струну еще незаглохшей мѣстной народности въ образованномъ кругу... Въ малорусскомъ обществѣ конца прошлаго и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка очевидно шло какое-то броженіе: въ концѣ прошлаго столѣтія были еще живыя воспоминанія старой малорусской особенности; эти воспоминанія ходили еще въ образѣ живыхъ людей стараго порядка и съ ихъ идеями, и съ архаической внѣшностью. Эти бытовыя явленія кончили, конечно, свою роль и должны были отойти въ могилу исторіи; но была еще крѣпка любовь къ бытовой старинѣ; ея любителями бывали и большіе паны, важные люди въ родѣ упоминавшагося выше Трощинскаго. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія къ этимъ малорусскимъ патріотическимъ интересамъ, — на которыхъ оперлась и возрождавшаяся въ новомъ видѣ малорусская литература, —присоединились (намъ кажется, не вполнѣ еще разъясненнымъ образомъ) интересы панславистическіе. Такъ, когда въ Кіевъ проникла мода на масонскія ложи, тамошняя ложа (1818) приняла названіе „Соединенныхъ Славянъ"; въ 1823, основывается, опять съ тѣмъ же именемъ, особое тайное общество, примкнувшее потомъ къ южному обществу. Въ „Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи" 30 мая 1826 г. упоминаются показанія о какихъ-то „малороссійскихъ обществахъ" съ политическими цѣлями [1]). Здѣсь же въ Харьковѣ, носился съ панславистическими планами упомянутый Каразинъ, предлагавшій свои мечтанія о панславянскомъ царствѣ правительству императора Александра I.

Чрезвычайно любопытнымъ памятникомъ того же броженія мѣстныхъ историческихъ воспоминаній и политическихъ идеаловъ осталась знаменитая „Исторія Руссовъ", ходившая по рукамъ подъ именемъ архіепископа Георгія Конисскаго и лишь въ недавнее время признанная подложною. Не принадлежа вовсе Конисскому, эта „Исторія", наполненная или живыми еще преданіями, или тенденціознымъ изложеніемъ южно-русской исторіи, остается характернымъ произведеніемъ, рисующимъ задушевныя понятія и мечты мѣстныхъ патріо-

[1]) Одно малороссійское общество основывалось какимъ-то Новиковымъ при масонской ложѣ; другое малороссійское общество „будто бы имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству польскому". Послѣднее показаніе, въ самомъ „Донесеніи" (стр. 17), признано, впрочемъ, основаннымъ на догадкахъ и найдено несправедливымъ. Любопытно все-таки, что бродили мысли подобнаго рода.

товъ. Другимъ, болѣе раннимъ любопытнымъ фактомъ того же настроенія остается великая мѣстная популярность извѣстнаго „философа“ Сковороды, о которомъ, между прочимъ, не разъ писалъ и говорилъ Срезневскій... Эти воспоминанія о старинѣ представлялись тѣмъ живѣе, что бытовыя особенности края бросались въ глаза, говорили о другомъ оттѣнкѣ племени, о другой исторіи. Замѣчательно, что, какъ именно здѣсь па югѣ показались первые темные намеки на панславизмъ, такъ здѣсь же потомъ развивался особый интересъ къ славянскому національному возрожденію, къ изученію другихъ славянскихъ народностей. Послѣ мечтаній о „Соединенныхъ Славянахъ“ въ Кіевѣ, послѣ всеславянскихъ мечтаній Каразина, здѣсь же на югѣ, или въ средѣ малорусскихъ уроженцевъ и патріотовъ, встрѣчаемъ и первые опыты научныхъ славянскихъ интересовъ. Въ тридцатыхъ годахъ, когда у насъ еще не было никакихъ прямыхъ средствъ изученія славянства, Вадимъ Пассекъ, обжившійся въ Харьковѣ, соединяетъ малорусскій патріотизмъ съ философско-историческими разсужденіями о судьбахъ славянства; Артемовскій худо ли, хорошо ли знаетъ о новомъ славянскомъ движеніи; Бодянскій пишетъ книгу о славянской народной поэзіи; Срезневскій въ Харьковѣ записываетъ и издаетъ словацкія пѣсни, переводитъ и объясняетъ чешскіе памятники; при посылкѣ за границу первыхъ будущихъ славистовъ, два послѣдніе являются въ числѣ посылаемыхъ, и къ нимъ присоединяется еще южанинъ, Григоровичъ; еще нѣсколько лѣтъ спустя, натурализованный въ малороссы Костомаровъ основываетъ свое панславистское Кирилло-Меѳодіевское общество... Надо думать, что въ этомъ первомъ пробужденіи славянскихъ сочувствій играло извѣстную роль нѣкоторое сходство въ самомъ положеніи народностей: возникавшая литература на малорусскомъ языкѣ; богатая народная поэзія, которую начали теперь изучать какъ памятникъ старой и источникъ оживающей въ литературѣ народности, имѣли несомнѣнно точки сближенія съ славянскимъ возрожденіемъ, особливо ежели вспоминалась Галиція, гдѣ это народное движеніе было вполнѣ тождественно съ возрожденіемъ другихъ славянскихъ народностей на югѣ и западѣ. Быть можетъ, отозвался здѣсь, какъ нѣкоторые думали, и отголосокъ старыхъ связей Малороссіи съ южнымъ славянствомъ, когда сербы приходили учиться въ Кіевскую академію или когда направлялись въ Малороссію сербскія поселенія въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе съ польскимъ обществомъ и литературой было возможно (какъ разсказываетъ Де-Пуле) въ самомъ Харьковѣ, гдѣ жило много поляковъ, и т. д.

Срезневскій, не бывши малоруссомъ по рожденію, благодаря всей обстановкѣ увлекся, какъ истый малоруссъ, народными преда-

ніями и поэзіей края, и его, еще юношескія, работы по этому предмету надолго дали ему авторитетъ въ малорусской этнографіи. „Запорожская Старина“ долго была источникомъ обильныхъ цитатъ въ изслѣдованіяхъ о малорусской старинѣ и изданныя въ ней думы переносились отсюда въ другіе сборники, какъ перлы южно-русскаго эпоса... То обстоятельство, что не-малоруссы (какъ былъ Срезневскій, а, пожалуй, и Костомаровъ) бывали ревностными дѣятелями въ области малорусской этнографіи и исторіи, — это обстоятельство, какъ извѣстно, послужило какимъ-то образомъ у враговъ украинофильства новымъ обвиненіемъ противъ него: это будто бы указывало ненормальность движенія, поддержаннаго силами чужихъ дѣятелей (въ которыхъ надо было предположить какое-то заблужденіе); но Котляревскій, Квитка, Артемовскій также поддерживающіе это движеніе, не были чужими, и приведенный фактъ доказываетъ совсѣмъ противное, а именно оригинальную силу той мѣстной исторической и этнографической стихіи, которая дѣйствовала даже на людей собственно ей чуждыхъ, и увлекала ихъ къ изученію этой мѣстной жизни. И это нимало не было заблужденіемъ съ ихъ стороны: Малороссія—не чужая страна, а свой для насъ край, и сдѣланное ими изученіе и усвоеніе ея историческаго и поэтическаго наслѣдія есть заслуга для „обще-русскаго“ цѣлаго.

Въ своей біографіи Срезневскаго, г. Ламанскій такъ обобщаетъ славянскіе и малорусскіе этнографическіе и народолюбивые интересы его первой поры. „Съ отрочества знакомый съ Квиткою, Артемовскимъ-Гулакомъ, съ ихъ друзьями и пріятелями, Срезневскій въ своихъ привязанностяхъ, вкусахъ и направленіи совершенно естественно сталъ пламеннымъ украинцемъ. По примѣру видныхъ представителей тогдашней нашей украинской школы, сильно увлекавшейся Бродзиньскимъ, Мицкевичемъ и другими польскими поэтами, особенно такъ называемой украинской школы (Богд. Залѣсскимъ, Сев. Гощинскимъ, Мальчевскимъ), а также подъ вліяніемъ высокочтимаго Срезневскимъ ученаго и умнаго профессора Даниловича, Срезневскій наравнѣ съ своими товарищами-ровесниками и нѣсколько младшими пріятелями: Корсуномъ, Боровиковскимъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, рано ознакомился съ польскимъ языкомъ и литературою, съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ трудами разныхъ польскихъ ученыхъ по польской исторіи и славянской старинѣ и древностямъ (Потоцкаго, Нарушевича, Раковецкаго, Чацкаго, Мацѣевскаго, Войцицкаго и пр.). Сверхъ знакомыхъ уже юному Срезневскому замѣчательнаго путешествія Фортиса по Далмаціи и нѣкоторыхъ книжекъ В. Караджича, интересъ къ южному славянству могъ пробудить въ даровитомъ юношѣ проживавшій въ Харьковѣ и близкій

къ его университету, извѣстный своими давними симпатіями къ сербамъ, Каразинъ. И въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ Срезневскій могъ не разъ встрѣчаться съ разными стариками-поселенцами сербами, еще не забывшими родного языка. Девятнадцатилѣтній юноша, Срезневскій уже знакомился съ заѣзжавшими въ Харьковъ ходебщиками словаками-турчанами, и, еще не подготовленный, съ грѣхомъ пополамъ, записывалъ однако пѣсни, какія могъ отъ нихъ услышать... Та же любовь и энергія, но уже соединенныя съ пониманіемъ и умѣніемъ сказались въ его позднѣйшей замѣчательной работѣ: „Афинскій языкъ въ Россіи“ [1]). Въ теченіе 1833—1838 г. въ рядѣ книжекъ задуманнаго и изданнаго имъ сборника „Запорожская Старина“ Срезневскій выступаетъ ревностнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ памятниковъ народной словесности и старины украинской. Въ 1838 году онъ начинаетъ издавать родъ украинской библіотеки въ „Украинскомъ Сборникѣ“... Когда Вадимъ Пассекъ предпринялъ изданіе своихъ замѣчательныхъ для того времени „Очерковъ Россіи“, близкій его пріятель Срезневскій поспѣшилъ дать ему въ первую же книжку нѣсколько статей [2])... Срезневскій былъ горячимъ славянолюбцемъ еще въ Харьковѣ, до отъѣзда своего въ славянскія земли“.

Далѣе. „Пламенный украинецъ сказался въ немъ, сверхъ выше названныхъ статей и изданій, въ его довольно ранней, весьма любопытной статьѣ: „Взглядъ на памятники Украинской народной словесности“—письмо къ проф. И. М. Снегиреву, съ эпиграфомъ: Pauca paucis [3]). Въ настоящее время,—писалъ 22-лѣтній Срезневскій,—нечего доказывать, что языкъ украинскій (или какъ угодно называть другимъ, малороссійскимъ) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые, и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ богемскому въ обиліи словъ и выраженій, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный. Срезневскій вѣритъ въ его литературное будущее. „И почему же глубокомысленный Сковорода, простодушный Котляревскій, богатый фантазіею Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1839, т. V, смѣсь, стр. 1—12.

[2]) Здѣсь были статьи о древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ, объ извѣстномъ Судѣ Любуши, эпизодъ изъ старой малорусской исторіи.

[3]) Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. 1834, VI, окт., стр. 134—150.

что-нибудь достойное Украйны—почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустынѣ украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкаря, Дорошенки, Палія, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣры передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины".

„Эта замѣчательная статья,—продолжаетъ г. Ламанскій,—вмѣстѣ съ живо и доровито написаннымъ предисловіемъ къ „Запорожской Старинѣ" о народной украинской поэзіи, двѣ повѣсти, многочисленныя историческія примѣчанія и біографическіе очерки разныхъ великихъ людей Украины (XVII—XVIII в.) въ Запор. Старинѣ, Очеркахъ Россіи, съ отдѣльными эпизодами изъ исторіи казачества вмѣстѣ съ особымъ прекраснымъ трудомъ: „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украйны" (Харьковъ, 1839, 8°, 93 стр.) и разными небольшими статьями въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара (Войсковая скарбница, Ворскла и пр.) обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ, большую начитанность, внимательное изученіе украинской исторіи. Всѣ эти труды и изданія высоко ставятъ молодого Срезневскаго въ ряду писателей и дѣятелей нашей украинской школы 30-хъ годовъ, давшей Россіи не мало людей даровитыхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Какъ во всякой школѣ и новомъ направленіи, въ ней были двѣ стороны: здоровая, вѣчно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь къ народности и родной старинѣ воспитывала въ представителяхъ и приверженцахъ школы пониманіе и ревностное изученіе народной рѣчи, поэзіи, уваженіе къ народной жизни, ея нравамъ и свободѣ, но эта же любовь нерѣдко выражалась въ одностороннихъ, болѣзненныхъ увлеченіяхъ, неизбѣжныхъ впрочемъ спутникахъ всѣхъ новыхъ, самыхъ даже плодотворныхъ, направленій въ литературѣ, наукѣ, жизни".

Направленіе, въ которомъ съ самаго начала и надолго сложились его литературныя и народолюбивыя воззрѣнія, была та романтическая народность, которая въ тѣ годы господствовала въ литературномъ отношеніи къ народу (Пушкинъ, Гоголь, Жуковскій; во второмъ ряду — романисты и поэты: Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Вельтманъ и пр.), и начиналась въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ (Максимовичъ, Вадимъ Пассекъ; частію Даль и др.). Мы указывали при другомъ случаѣ достоинства и недостатки этой романтической народности. Большой заслугой ея было то, что она предчувствовала великую научную и нравственно-общественную важность изученія народа и будущее вліяніе идеи народа въ сознаніи общества и въ самой дѣйствительной жизни. Романтики народности угадывали — иногда какъ бы только инстинктомъ (потому

что не всегда умѣли этого теоретически объяснить) — недостаточность одной чисто-государственной исторіи народа и того отношенія къ народной жизни, которое господствовало тогда въ понятіяхъ большинства и въ житейской рутинѣ и, въ сущности, съ одной стороны было оффиціальное и канцелярское, съ другой помѣщичье; они угадывали также пошлость и ложь той пустой сантиментальности, съ которою начинали-было обращаться къ народу ихъ предшественники, писатели карамзинской школы. Заслугой романтиковъ было стремленіе искать въ народной жизни ея внутренняго смысла, историческаго и бытового; но въ выполненіи этой задачи они дѣлали ошибки, потому что разрѣшеніе вопроса, какъ они его ставили, было имъ еще не по силамъ, не по средствамъ нашего тогдашняго знанія. Тотъ результатъ, какого они искали, могъ быть достигнутъ только цѣлымъ рядомъ историко-филологическихъ наукъ, которыя только-что основывались, а кромѣ того постановкой серьезнаго и нимало не идеалистическаго соціальнаго вопроса; они думали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ поэзіей и чувствомъ; — не знаемъ, насколько для большинства ихъ ясенъ былъ вопросъ соціальный и даже представлялся ли онъ имъ.

„Несомнѣнная даровитость и большая начитанность,—говоритъ далѣе г. Ламанскій о той порѣ біографіи, — обнаруженныя въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ, не прикрываютъ недостатка въ трезвомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ и риторически-морализующаго и сентиментальнаго характера, въ манерѣ Нѣмцевича или его подражателя у насъ Рылѣева, въ изображеніи запорожцевъ и разныхъ великихъ людей Украйны. Эта манера въ изображеніи предковъ или національной жизни и у насъ была свойственна Карамзину, особенно въ первыхъ частяхъ его исторіи, и вообще его школѣ. Она была вытѣснена изъ нашей литературы лишь Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Но она еще долго господствовала во всѣхъ западно-славянскихъ литературахъ, съ которыми наша украинская школа имѣла много внутренняго сродства, быть можетъ, вслѣдствіе общаго съ ними характера провинціальности. Этой манеры не чуждъ былъ самъ Мицкевичъ не только въ талантливыхъ, хотя исполненныхъ ходульности и фальши, Валенродѣ, Дзядахъ, Редутѣ Ордона, даже въ лучшемъ его созданіи „Панъ Тадеушъ“, гдѣ на всей картинѣ быта старосвѣтскихъ польскихъ помѣщиковъ въ Литвѣ, ихъ отношеній къ крѣпостнымъ и отношеній евреевъ къ населенію, разлитъ сильный идиллистическій тонъ, не лишенный дѣланности и неправды. Въ этомъ отношеніи вся польская поэзія съ Мицкевичемъ во главѣ была гораздо ближе, сроднѣе и понятнѣе всѣмъ западно-славянскимъ литературамъ, не только 30-хъ го-

довъ, но и позднѣйшихъ десятилѣтій, чѣмъ русская, съ исхода 20-хъ и въ 30-хъ годахъ имѣвшая уже Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Каменнаго Гостя, Русалку, Скупого Рыцаря, повѣсти Бѣлкина, Дубровскаго и Капитанскую Дочку, и вслѣдъ затѣмъ получившая отъ той же Украйны, нашею украинскою школою вполнѣ не представленной и не исчерпанной, Гоголя съ его Шинелью, Записками сумасшедшаго, Женитьбою, Тяжбою, Ревизоромъ и Мертвыми Душами".

Срезневскій не любилъ Гоголя; г. Ламанскій вѣрно объясняетъ, что Гоголь былъ несочувственъ ему за свой реализмъ; Срезневскій въ этомъ случаѣ сходился съ другими романтиками, также не выносившими Гоголя, какъ напр., Полевой и другіе. Въ этомъ отношеніи украинскій романтизмъ сходился съ западно-славянскимъ. „Не только Одыньцу и Залѣскому или Красиньскому и Словацкому,—продолжаетъ г. Ламанскій, — но и самому Мицкевичу, Гоголь, авторъ Ревизора, Мертвыхъ Душъ, какъ художникъ, не могъ рѣшительно нравиться, точно также какъ и Коллару, Шафарику, Воцелю, Маху, Эрбену, Фричу, или представителямъ такъ называемой иллирской школы. Не только въ 40-хъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. У нихъ давно самымъ любимымъ и наиболѣе читаемымъ изъ русскихъ писателей былъ Булгаринъ. Наша украинская школа даже въ высшемъ и позднѣйшемъ своемъ представителѣ Шевченкѣ была въ иныхъ отношеніяхъ ближе и родственнѣе Мицкевичу, Словацкому, чѣмъ Пушкину или Гоголю (Гайдамаки, Катерина, Кавказъ)" [1]. Относительно западно-славянскихъ литературъ должно прибавить, что непониманію Пушкина и особливо Гоголя вообще содѣйствовало и малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни.

Укажемъ еще замѣчаніе біографа. „Украинское направленіе молодого Срезневскаго, его украинскія сочувствія, пристрастія и занятія чрезвычайно помогли ему сразу вступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго славянства и живо ввели его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Срезневскому умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западно-славянскихъ".

Съ этихъ поръ началась другая область дѣятельности Срезнев-

[1]) „И. И. Срезневскій", Ламанскаго, стр. 2—7. Объ этихъ украинско-польскихъ литературныхъ отношеніяхъ см. также обильныя указанія въ названной книгѣ г. Дашкевича.

скаго—широкіе интересы славяновѣдѣнія и изученія русской старины, письменности и языка. Спеціально украинскіе интересы уже не возвращались.

Въ 1833—38 годахъ Срезневскій издавалъ „Запорожскую Старину“ [1]).

Это была, въ полномъ смыслѣ слова, юношеская работа, живая, своеобразная, но и стоившая не малыхъ изученій. Книга посвящена была собиранію малорусскихъ историческихъ преданій и пѣсенъ, пересказу событій южно-русской, по термину Срезневскаго, „запорожской“ исторіи (по малорусскимъ лѣтописямъ и инымъ источникамъ), опытамъ критики и т. д.

Предисловіе Срезневскаго къ „Запорожской Старинѣ“ рисуетъ романтическое настроеніе, съ которымъ онъ приступаетъ къ своему дѣлу:

„Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ,—говорилъ онъ,—я имѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую,—бытъ, нравы, обычаи, подвиги этого народа воиновъ, который своею храбростію и смѣлостію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни, и характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства... Бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

„Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ вольниковъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями (?), подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

„И доселѣ на Украинѣ есть какъ бы особенный цѣхъ стариковъ, кои то подъ названіемъ и ремесломъ нищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музыкантовъ, бродятъ изъ села въ село и тѣшатъ народъ своей игрой на бандурѣ, своими печальными напѣвами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разсказами про былое.

„Въ памяти сихъ стариковъ живетъ старина Запорожская, и въ семъ отношеніи сіи старики важнѣе всякихъ лѣтописей. Хотя преданія о старинѣ, ими разсказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе почти необходимы для всякаго, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже остальной Украины. Что касается до событій, до внѣшней исторіи народа—

[1]) Запорожская Старина. MD-MDCXL. Изданіе Измаила Срезневскаго. Часть первая. Три книжки. Харьковъ, 1833—1834.—MDCXL—MDCCIX. Часть II. Т[illegible] книжки, 1834, 1835, 1838, 12°.

какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь, ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вымысла. Другой родъ преданій бандуристовъ — о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т.-е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоцѣнны, ибо единственны въ своемъ родѣ по содержанію, и по обширности. Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другого рода суть пѣсни и думы.

„И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками,—старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто подобно полету урагана степного, подъ глухія завыванья котораго онѣ взлелѣяны,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожья. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, но какъ кипучая волна Ненасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую,—пробивается, и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствѣвши для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — питается однимъ желаніемъ битвъ,—юноши, который, неравнодушно взирая на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отмщевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью.—То думы старца: убѣленная лѣтами голова его покоится на изголовьѣ могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сновидѣній; но его душѣ осталась еще одна услада,—то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе буйнымъ пламенемъ воинственности, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва внятный, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческая вялость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго...

„Таковъ общій характеръ думъ и пѣсенъ Запорожскихъ, кои, будучи любопытны для всякаго литератора-беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мнѣній, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о повѣствуемыхъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоящихъ...

„Сіе первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмѣльницкаго.

„Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣсенъ и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ—около двадцати пѣсенъ; всего не болѣе 40 пьесъ, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ—побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною; большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее,—наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ“.

Если читатель сравнитъ этотъ отрывокъ съ тѣмъ, что̀ мы приводили въ другомъ мѣстѣ изъ Вадима Пассека, онъ найдетъ чрезвычайное сходство въ возбужденномъ настроеніи обоихъ писателей, которое стремилось въ прошедшемъ къ поэтическимъ картинамъ больше, чѣмъ къ опредѣленію самыхъ фактовъ, и напр., въ данномъ случаѣ къ первоначальной критикѣ сообщаемыхъ текстовъ. Правда, Срезневскій дѣлалъ нѣчто въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—по его словамъ онъ сличалъ тексты, исправлялъ ошибки и т. п.; но впослѣдствіи именно въ этой сторонѣ дѣла оказались крупные недостатки. Изданіе думъ и преданій имѣло всѣ признаки достовѣрности; при думахъ обозначалось, что собиратель или „самъ“ списалъ пѣсню „со словъ бандуриста“ (что̀ отмѣчается при большомъ числѣ пѣсенъ думъ), или получилъ отъ такого-то, имъ называемаго лица; издатель не однажды призывалъ критику и изъявлялъ желаніе воспользоваться ея указаніями. Провѣрять не думали. Если вспомнить, что Срезневскій, по словамъ его въ предисловіи 1833 г., приступилъ къ изданію послѣ „семилѣтняго труда“, т.-е. началъ этотъ трудъ, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, можно найти объясненіе, почему въ его работѣ такъ звучитъ романтическая струна, и почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ сборникѣ могли оказаться найденные потомъ прорухи относительно самаго существеннаго пункта, т.-е. относительно подлинности изданныхъ имъ народныхъ памятниковъ. Была неточность въ его утвержденіи, что онъ „со словъ бандуриста“ записывалъ не существовавшія у бандуристовъ думы, и впослѣдствіи онъ не вывелъ изъ заблужденія тѣхъ, кто ими пользовался.

Въ первое время не было никакой мысли о возможности подделки. Думы изъ книги Срезневскаго переходили въ сборники другихъ авторитетныхъ собирателей: такъ Максимовичъ во второмъ сборникѣ

своихъ пѣсенъ, выходившемъ вслѣдъ за первыми книжками „Запорожской Старины“, воспользовался ея матеріаломъ; она цитировалась учеными, содѣйствуя славѣ малорусскаго народнаго эпоса. Нѣкоторыя изъ поддѣлокъ не были лишены литературнаго достоинства напр., дума: „Походъ на поляковъ“ [1]), которая была взята Максимовичемъ въ сборникъ 1834 г., очень нравилась Гоголю, Бѣлинскому [2]), попала въ „Историческую христоматію“ г. Буслаева, какъ превосходная дума и образецъ малорусскаго нарѣчія [3]). Самому Срезневскому, съ тридцатыхъ годовъ, кажется, не приходилось возвращаться къ предмету его давнихъ сочувствій и занятій. Разъ, въ 1854, ему случилось говорить, по поводу новаго сборника, Метлинскаго, о собираніи малорусскихъ пѣсенъ; онъ припомнилъ свои старыя работы, но говорилъ о текстахъ собранныхъ имъ думъ безъ малѣйшаго сомнѣнія объ ихъ полной пригодности [4]). Съ шестидесятыхъ годовъ началось опять болѣе пристальное изученіе малорусской народной поэзіи — съ появленіемъ журнала „Основа“, съ открытіемъ юго-западнаго отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ; явились новые собиратели; само собой представилось сличеніе вновь собираемаго матеріала съ прежнимъ, и тогда возникли первыя сомнѣнія въ авторитетѣ старыхъ сборниковъ. Срезневскій предварилъ критику „запорожскихъ“ думъ полу-признаніемъ сомнительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ высказаннымъ темно, вскользь, въ примѣчаніи [5]).

---

[1]) „Запор. Старина“, I, стр. 102—109.

[2]) Сочиненія, т. V, стр. 86—90.

[3]) Истор. Христ., М. 1861, стр. 1625—32; ср. „Истор. Очерки“, 1861: „объ эпическихъ выраженіяхъ украинской поэзіи“, т. I, стр. 210 и дал.

[4]) См. „Извѣстія“ II отд. Акад. наукъ, т. III, 1854, стр. 192: „Обративъ вниманіе на историческій элементъ южно-русской поэзіи, я успѣлъ собрать довольно большое количество думъ и пѣсенъ, относящихся къ событіямъ XVI и XVII вѣка, стараясь объяснить ихъ помощію лѣтописныхъ сказаній и преданій, и ихъ самихъ употребить въ дѣло, какъ историческій источникъ для объясненія лѣтописей. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и опытъ юноши, едва учившагося оцѣнять дотолѣ еще не подвергавшіяся оцѣнкѣ произведенія народной эпопеи русской, мое изданіе было годно только на время. Съ меня довольно было и того, что послѣ моей попытки историческое значеніе пѣсенъ и думъ, и главныя черты характера думъ, какъ особеннаго рода народной поэзіи эпической, принадлежащаго во всемъ славянскомъ мірѣ исключительно Украинѣ, не могли уже подвергаться сомнѣнію и что хоть нѣкоторыя изъ нихъ не погибли безвозвратно (?) подобно многимъ другимъ, исчезнувшимъ изъ памяти народной. Позже продолжая собирать думы и пѣсни историческія, я готовъ былъ платить за каждую новую думу по червонцу; но почти постоянно получалъ только варіанты уже извѣстныхъ“.

Нѣтъ ни слова о томъ, что самые тексты могли оказаться сомнительными.

[5]) „Подъ названіемъ Запорожской Старины я издалъ... шесть книжекъ малорусскихъ былевыхъ думъ и пѣсенъ въ повременномъ порядкѣ съ историческими объясненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ

Категорическое заявленіе подложности многихъ думъ въ „Запорожской Старинѣ“ сдѣлано было въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ изданію „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, гг. Антоновича и Драгоманова (2 т. Кіевъ, 1874—75). „Съ малорусскою народною поэзіей,—говорили издатели,—повторилось то же, что со всѣми почти другими: ея памятники не только подправляли издатели... но иныя пѣсни совсѣмъ передѣлывались, а другія поддѣлывались. Подобный примѣръ въ западной Европѣ представляютъ признанныя теперь всѣми знатоками передѣлки и поддѣлки въ произведшемъ въ свое время столько шуму и представляющемъ дѣйствительно большія достоинства, литературныя и этнографическія, сборникѣ бретонскихъ пѣсенъ Barzaz-Breiz, Виллькаркè... Кромѣ какого-то страннаго инстинкта къ фальсификаціи, передѣлывать и поддѣлывать пѣсни и думы малорусскія заставляли многихъ своеобразный патріотизмъ русскій и польскій, стремленіе показать въ народныхъ пѣсняхъ слѣды памяти о глубокой древности... то провести пріятныя авторамъ мысли, напр., доказать поддѣльною думою симпатіи козаковъ къ Стефану Баторію и польскому правительству—напр., въ думѣ, *сообщенной* для Запорожской Старины I, стр. 77“, и т. д. [1]). Цѣлый рядъ такихъ поддѣлокъ издателя указывали въ „Запорожской Старинѣ“ [2]). Только въ двухъ думахъ этого сборника, которыхъ „поддѣльность“ издатели „считали возможнымъ доказать“, они нашли извѣстныя литературныя достоинства, но—„остальныя поддѣлки (какъ въ другихъ сборникахъ, такъ особенно въ Запорожской Старинѣ) до того полны ошибокъ въ языкѣ, до того различаются отъ народныхъ пѣсенъ въ характерѣ, что даже странно, какъ могли они такъ долго вводить въ заблужденіе людей, знакомыхъ съ характеромъ неподдѣльно-народныхъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ. Большая часть поддѣльныхъ пѣсенъ и думъ (надо сказать, что въ этихъ поддѣлкахъ смѣшиваются весьма неумѣло внѣшнія особенности пѣсни и думы) говоритъ о времени козачества отъ Наливайка до Хмельницкаго—и тутъ мы видимъ занесенными въ эти quasi-народные памятники всѣ заблужденія и ошибки историковъ 30-хъ го-

---

другія мнѣ доставлены пріятелями и благопріятелями“. Сборникъ II отд. Акад. т. V (Переписка Востокова). Спб. 1873, стр. 461—462.

[1]) Истор. пѣсни малор. народа, I, стр. XVIII—XXXII; ср. стр. 159—168; т. II, Кіевъ, 1875, стр. VII—VIII.

[2]) Въ томъ числѣ дума: „Дары Баторія“, Запор. Старина, I, стр. 77—82. Издатели „Истор. пѣсенъ“ обозначаютъ ее „сообщенной“ въ Запор. Старину, но въ примѣчаніи къ ней Срезневскаго (I, стр. 123) сказано прямо: „списана мною со словъ бандуриста“. И при нѣкоторыхъ другихъ поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ—та же отмѣтка!

довъ, а именно довѣріе къ „Исторіи Руссовъ", съ которою большинство поддѣльныхъ думъ согласно въ разсказѣ фактовъ въ противность другимъ источникамъ и актамъ,—чего въ народныхъ думахъ именно и не замѣчается,—перенесеніе Савы Чалаго изъ XVIII-го вѣка въ XVI-й, во время Наливайка, которому поддѣльныя думы дѣлаютъ современникомъ и современника Чалаго, Гнатка Голаго, дѣлая въ то же время изъ *кравчины*, т.-е. отряда, лицо, которое издатели принимаютъ за Наливайка, и т. д."

Наконецъ, подробный разборъ заподозрѣнныхъ пѣсенъ сдѣлалъ Костомаровъ [1]), и относительно цѣлаго ряда думъ и пѣсенъ, пущенныхъ въ ходъ особливо „Запорожскою Стариной", собралъ тѣ основанія, которыя заставляютъ убѣждаться въ справедливости подозрѣній (стр. 611—628). „Наиболѣе вводили насъ въ заблужденіе,—говорилъ Костомаровъ,—сборники русскихъ собирателей, какъ „Запорожская Старина" Срезневскаго, сборникъ Максимовича (который пользовался предыдущимъ), да и отчасти сборники другихъ собирателей. Область народной поэзіи представлялась намъ нагруженною невѣдомыми сокровищами, народный языкъ былъ недостаточно изученъ—все казалось возможнымъ, никто не чувствовалъ въ себѣ столько силъ и столько знанія, чтобы изречь приговоръ надъ тѣмъ, что̀ въ ней существуетъ и что̀ можетъ существовать, и что̀ противорѣчитъ ея духу, языку и пріемамъ. Поэтому неудивительно, что собиратели заносили въ свои изданія даже такія произведенія, о которыхъ положительно извѣстно, кѣмъ они написаны—какъ, напр., „Віють вітри" Котляревскаго, или „За Німанъ иду" Писаревскаго и т. п... Теперь почти невозможны тѣ заблужденія, въ какія впадали прежніе собиратели и изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе изданныя прежде пѣсни не-народнаго происхожденія, принимавшіяся за дѣйствительно народныя, успѣли уже оставить вредныя вліянія въ наукѣ и литературѣ"...

Переходя къ самому разбору этихъ подозрительныхъ произведеній, Костомаровъ замѣчаетъ, что главное, что̀ заставляетъ сомнѣваться въ ихъ подлинности, это—полное ихъ отсутствіе въ народномъ обращеніи въ настоящее время: до сихъ поръ не было встрѣчено не только ни одной изъ этихъ пѣсенъ, но и никакого слѣда ихъ. „Могутъ намъ возразить, что онѣ могли существовать прежде, но теперь забылись, тѣмъ болѣе, что были достояніемъ однихъ бандуристовъ, а не всего народа. Дѣйствительно, можно найти примѣры, какъ старинныя пѣснопѣнія исчезали. Но не страннымъ ли покажется то обстоятельство, что разомъ исчезло безслѣдно столько думъ и пѣсенъ

---

[1]) „Историческая поэзія и новые ея матеріалы", статья по поводу изданія гг. Антоновича и Драгоманова, въ „Вѣстникѣ Евр.", 1874, декабрь.

тогда какъ другія до сихъ поръ продолжаютъ еще пѣться между бандуристами? Притомъ, почему исчезли именно такія, которыя такъ отличны отъ оставшихся и представляютъ черты, возбуждающія подозрѣніе въ дѣйствительно-народномъ ихъ происхожденіи?"

Но подобная отговорка или возраженіе теряютъ всякую важность при разборѣ самаго содержанія пѣсенъ и ихъ формы. Въ содержаніи оказываются или съ книжною историческою тенденціей придуманные сюжеты, или совершенно противные духу народной поэзіи пріемы, обороты и сравненія, а въ языкѣ—не народныя слова и выраженія. И Костомаровъ приводитъ примѣры, убѣждающіе въ невозможности извѣстныхъ пѣсенныхъ оборотовъ и выраженій въ устахъ настоящаго народнаго пѣвца.

„Мы не ставимъ,—кончаетъ Костомаровъ, —вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлію выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе". По словамъ Костомарова, Максимовичъ, послѣ того какъ прожилъ десятки лѣтъ на родинѣ, самъ признавалъ заподозрѣнныя пѣсни подложными и къ замѣчаніямъ Костомарова о признакахъ поддѣльности прибавлялъ и собственныя; Максимовичъ говорилъ, что когда жилъ еще въ Москвѣ, вдали отъ родины, онъ обманулся думами „Запорожской Старины",—тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онѣ составлены были „даровитымъ авторомъ".

Не было ли отголоскомъ этой старой исторіи то, что въ послѣдующее время, когда онъ, хотя про себя, сознавалъ значеніе „Запорожской Старины", Срезневскій бывалъ особенно требователенъ къ изданіямъ произведеній народной словесности, легко подвергалъ ихъ сомнѣнію и, напр., заподозривалъ труды Рыбникова, когда тотъ впервые выступилъ съ своими открытіями памятниковъ древняго русскаго эпоса, встрѣченнаго имъ въ Олонецкомъ краѣ? Но на указанныя замѣчанія о „Запорожской Старинѣ" онъ ничѣмъ не отозвался.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій (1808—1876) родился въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Варвѣ, лохвицкаго уѣзда [1]). Онъ про-

[1]) Для біографическихъ свѣдѣній, см.:
— Біографическій Словарь профессоровъ московскаго университета. М. 1855.
— Воспоминанія студентства, 1832—1835 г., К. Аксакова, въ „Днѣ", 1862, № 39—40.

исходилъ изъ духовнаго званія и учился въ полтавской семинаріи, находившейся тогда въ г. Переяславѣ, и затѣмъ, уволившись изъ духовнаго званія, поступилъ въ 1831 г. въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ половинѣ 1837 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ".

Въ то время возникла мысль объ основаніи въ нашихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ, и Бодянскій первый былъ выбранъ и отправленъ за границу, въ августѣ 1837 года, „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ-либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву". Онъ посылался на два года, но потомъ срокъ его пребыванія въ славянскихъ земляхъ былъ продолженъ, такъ что Бодянскій возвратился въ Москву лишь въ половинѣ 1842 года. Въ концѣ октября этого года онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

— Некрологи: „Вѣстн. Евр.", 1877, № 10, стр. 899—904; Газета Гатцука, 1877, № 38—40; „Голосъ", 1877, № 212—213.

— О. М. Бодянскій, историко-библіографическая поминка, А. А. Котляревскаго, въ „Славянскомъ Ежегодникѣ", 1878, стр. 343—352.

— На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. Срезневскаго, въ „Сборникѣ" II Отдѣленія Академіи, т. XVIII. 1878, стр. 1—47.

— О. М. Бодянскій. Д. Д. Языкова, „Древн. и Новая Россія", 1878, № 1.

— Рѣчи и отчеты моск. Университета, 12 января 1878, стр. 27—32, ст. А. Дювернуа.

— О. М. Бодянскій. М. Семевскаго, „Р. Старина", 1879, май, стр. 205—218.

— Статья Н. А. Попова, тамъ же, ноябрь, стр. 461—480.

— Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Н. Барсукова. Спб. 1880.

— Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. А. Попова. Три выпуска. М. 1879—80. Вып. I: письма О. М. Бодянскаго.

— Отрывки изъ дневника Бодянскаго были сообщены А. А. Кочубинскимъ въ „Историч. Вѣстникѣ" и г. Павловскимъ въ „Р. Старинѣ", 1888, ноябрь, стр. 394—416, и 1889, окт., стр. 123—141.

— Для біографіи Бодянскаго много матеріала въ собраніи А. А. Титова, который многое пріобрѣлъ изъ библіотеки Б—го по его смерти, въ томъ числѣ его переписку. См. „Охранный Каталогъ", Ростовъ, 1881—88, три выпуска (въ указателѣ). Отсюда сообщены между прочимъ оригинальныя письма къ Бодянскому Максимовича, изданныя Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ" Моск. Общества ист. и древн. 1887, кн. I. („Матеріалы для исторіи Имп. Общества ист. и древн. россійскихъ. Переписка гг. дѣйств. членовъ Общества, 1830—1876").

— Въ названной книгѣ Дашкевича (отчетъ о XXIX-мъ присужденіи Увар. наградъ) есть замѣчанія и о дѣятельности Бодянскаго.

Съ этихъ поръ начинается его неустанная, плодотворная дѣятельность въ области русской исторіи и славянскихъ изученій. Въ 1843 г. онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика: „Славянское Народописаніе", которая вмѣстѣ, съ его же „Древностями", впослѣдствіи также переведенными Бодянскимъ, имѣли великое значеніе въ изученіяхъ славянства, какъ первые цѣльные труды, обнимавшіе весь славянскій міръ и исполненные съ обширнымъ знаніемъ. Такое значеніе имѣли эти книги Шафарика и въ нашей литературѣ.

Въ 1845 году Бодянскій перевелъ съ польскаго книгу Дениса Зубрицкаго: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси" (М. 1845).

Еще съ 1837 года Бодянскій выбранъ былъ членомъ въ „Общество исторіи и древностей россійскихъ" при московскомъ университетѣ. Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ выбранъ въ секретари этого Общества, и съ тѣхъ поръ оно впервые пріобрѣло важное значеніе въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всего больше, почти исключительно, Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Чтенія" этого Общества, которыя съ перваго раза стали богатымъ запасомъ изслѣдованій и матеріаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Съ 1846 г. до октября 1848 г. Бодянскій успѣлъ издать 23 книги этого замѣчательнаго историко-филологическаго сборника. Но тутъ и съ изданіемъ и съ издателемъ произошла катастрофа. Изданіе остановилось; Бодянскій потерялъ и мѣсто секретаря въ Обществѣ, и профессуру въ московскомъ университетѣ.

Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ юбилейномъ „Словарѣ московскихъ профессоровъ" 1855 г., этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ стилемъ формулярнаго списка: „по распоряженію г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія (гр. Уварова), Бодянскій перемѣщенъ въ казанскій университетъ тѣмъ же званіемъ, съ содержаніемъ, положеннымъ по штату того университета, и съ сохраненіемъ обязанности по службѣ по назначенію начальства не менѣе 12 лѣтъ, 1848 г., октября 28-го; съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, 1849 г., января 2-го; въ отставкѣ былъ, *безъ награжденія чиномъ*, съ 1849 г., января 9-го дня по 22 декабря того же года; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству опредѣленъ по прежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго [illegible]та, 1849 г., декабря 22-го дня".

Въ переводѣ съ формуляра на обыкновенный языкъ, это означало слѣдующее. Въ послѣдней приготовленной тогда Бодянскимъ книгѣ „Чтеній", онъ помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описаніе его путешествія въ Россію XVI вѣка. Въ то время, т.-е. не въ шестнадцатомъ, а въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, у насъ происходило особенное цензурное движеніе; разсказываютъ, что, кромѣ того, между попечителемъ московскаго учебнаго округа (въ вѣдѣніи котораго было и Общество исторіи и древностей) и министерствомъ просвѣщенія происходили пререканія, и что въ жару этихъ пререканій противъ московскаго попечителя было употреблено дѣйствительное оружіе—обвиненіе въ цензурномъ упущеніи (цензура изданій Общества принадлежала тогда самому начальству округа). Corpus delicti найденъ былъ въ путешествіи XVI-го вѣка, которое—замѣтимъ—считается одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ во всей литературѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Книга „Чтеній" была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянскій вдругъ потерялъ оба свои мѣста, и профессуру, которая давала ему средства существованія, и секретарство въ Обществѣ, гдѣ онъ былъ самымъ ученымъ и самымъ ревностнымъ дѣятелемъ... Впрочемъ, онъ не совсѣмъ былъ лишенъ профессуры, а переведенъ изъ Москвы въ Казань. Одно сравненіе двухъ городовъ и двухъ университетовъ показываетъ, что этотъ переводъ былъ такъ сказать дисциплинарнымъ наказаніемъ профессора; мѣстное самолюбіе, свойственное москвичу, дѣлало наказаніе еще болѣе оскорбительнымъ. Бодянскій (обязанный службой за свое заграничное путешествіе) рѣшительно отказался выѣхать изъ Москвы,—сославшись, кажется на то обстоятельство, что его обязывали заслуживать свое путешествіе въ московскомъ, а не въ другомъ учебномъ округѣ. Казанскій профессоръ Григоровичъ тогда же былъ переведенъ на его мѣсто въ Москву,—но, при этихъ странныхъ обстоятельствахъ, Григоровичъ не читалъ курса, и къ концу 1849 года оба профессора возвратились къ своимъ прежнимъ мѣстамъ.

Но „Чтенія" возстановились только черезъ десять лѣтъ, уже въ новое царствованіе. Вмѣсто „Чтеній", въ этотъ промежутокъ издавался „Временникъ", подъ редакціей И. Д. Бѣляева,—далеко уступавшій изданію Бодянскаго.

Въ 1855 г. Бодянскій издалъ замѣчательное изслѣдованіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ".

Возобновленныя, наконецъ, „Чтенія" Бодянскій продолжалъ до конца своей жизни. Это изданіе составляетъ величайшую заслугу Бодянскаго. Равно извѣстное въ нашемъ и славянскомъ ученомъ мірѣ, оно представляетъ богатый складъ историческихъ свѣдѣній

Бодянскій умѣлъ издавна указывать новые и рѣдкіе матеріалы, появленіе которыхъ давало новую пищу и новое направленіе изслѣдованіямъ, или знакомить русскую ученую публику съ историческими трудами другихъ славянскихъ литературъ; онъ умѣлъ,—хотя и не всегда счастливо, какъ мы видѣли,—пользоваться особеннымъ положеніемъ спеціальнаго изданія, и вводить въ литературу историческіе памятники, новые и старые, которымъ иначе не легко было проходить черезъ обычныя препятствія, окружающія литературу.

Какъ характеръ, Бодянскій былъ человѣкъ очень независимый,— качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Упомянутый эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣтельствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева: Бодянскій не подчинялся ему, и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства Бодянскій былъ забалотированъ по выслугѣ срока, — забалотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того: въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были „Чтенія", Бодянскій не усумнился напечатать знаменитую „Трилогію".

Въ первые годы своей литературной дѣятельности Бодянскій, принадлежавшій тогда къ дружескому кружку Станкевича, а также къ „скептической" школѣ Каченовскаго, былъ между прочимъ заинтересованъ историческимъ вопросомъ о южно-русской древности и современными опытами малорусской этнографіи и литературы на народномъ языкѣ. Такъ въ 1835 году онъ пишетъ свою кандидатскую диссертацію „О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси" [1]) и послѣ трактатъ „О древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ [2]), въ духѣ Каченовскаго. Раньше, въ 1833, онъ помѣщаетъ въ „Молвѣ" малорусскія стихотворенія, подъ псевдонимомъ Боды Варвинца, и въ томъ же году печатаетъ отдѣльной книжкой „Наськы украинскы казкы", подъ псевдонимомъ „запорожца" Иська Матерынки. Въ „Телескопѣ", издававшемся Надеждинымъ, Бодянскій помѣстилъ рецензію сборника малорусскихъ пословицъ [3]), подъ псевдонимомъ І. Ма-

---

[1]) Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ, 1839, № 37—39.

[2]) Ученыя Записки Моск. Унив. 1839, № 3.

[3]) „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. П. С.", Харьковъ, 1834. См. „Телескопъ", 1834, т. XXI, критика, стр. 336—348; Бодянскій строго относится къ сборнику, какъ плохо и бѣдно составленному. „Въ разсмотрѣнномъ нами собраніи малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, — заключаетъ онъ, — находится ихъ (т.-е. пословицъ) всего на всего 67; въ томъ числѣ поговорокъ 105; пословицъ русскихъ 18; загадокъ 3 и столько же стиховъ изъ пѣсенъ".

стака, и по этому поводу съ удовольствіемъ отмѣчаетъ особенную литературную дѣятельность „на нашемъ русскомъ югѣ". Указавъ тогдашнія литературныя новости по этому предмету, онъ прибавляетъ: „слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря. Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, не брежетъ о своей національной словесности?" Этотъ „одинъ изъ малороссіянъ", судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, едва ли не былъ самъ писавшій,—но эти предпріятія не осуществились. Къ тому же вопросу о малорусской литературѣ Бодянскій возвращается въ разборѣ появившихся тогда впервые „Малороссійскихъ повѣстей" Грицька Основьяненка [1]). Указавъ богатство малорусской народной поэзіи, за собираніе которой „при теперешнемъ всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности, малороссіяне съ похвальною ревностію принялись", авторъ находитъ въ появленіи повѣстей Основьяненка доказательство, что „малороссіяне, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи отстоять себѣ учетное мѣстцо, могутъ, если захотятъ, не ударить лицомъ въ грязь, могутъ создать свою прозу. Матеріаловъ бездна: была бы только охота да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ". Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о стилѣ и языкѣ повѣстей, гдѣ критикъ находилъ ошибки противъ народности, онъ надѣется, что авторъ избѣгнетъ ихъ въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ, и продолжаетъ: тогда — „все будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украйны, гдѣ „небо весьма тихо есть и лихаго повѣтрія не слыхать, не видать",—ея народность, сама Украйна въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живаго существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальныхъ звуковъ, національныхъ напѣвовъ національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнитъ сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напослѣдокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе зани-

---

В. Н. С. былъ Смирницкій, какъ это раскрылъ Срезневскій, въ „Учен. Запискахъ Моск. Унив.", 1834, ч. VI, ученыя извѣстія, стр. 149.

[1]) Ученыя Зап. Моск. Унив., 1834, ч. VI, стр. 287 — 313, съ подписью І. Мастака.

мательнымъ, *интереснымъ*, хоть и своими *развалинами*, остановить— и заставить *призадуматься*"...

Мы привели эти слова, чтобы дать понятіе объ одушевленіи, съ какимъ Бодянскій относился къ народности своего племени. Съ такою же любовью говоритъ онъ о малорусской народной поэзіи въ своей магистерской диссертаціи [1].

Бросается въ глаза прежде всего рѣзкое противоположеніе поэзіи сѣверныхъ и южныхъ руссовъ. Онъ характеризуетъ пѣсни сѣверно-русскія или великорусскія „глубокою унылостью, величайшимъ забвеніемъ, покорностью своей судьбѣ, какимъ-то раздольемъ и плавной протяженностью", происходящими отъ унылой природы сѣвера, отъ пассивной покорности народнаго характера, такъ что за немногими исключеніями, когда и сѣверная кровь волновалась въ великія историческія эпохи, ихъ поэзія есть „поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, ita tamen, ut flectamur, non frangamur",—и затѣмъ продолжаетъ:

„Совсѣмъ другое—народная поэзія Южныхъ Руссовъ (украинцевъ, малороссіянъ), поэзія всѣмъ своимъ составомъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, e diametro противоположная поэзія Руссовъ сѣверныхъ. Да иначе и быть не могло. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ сѣверные и южные Руссы — самые несходственные между собою, не смотря на одинакость ихъ общаго названія, названія, обращая вниманіе на происхожденіе ихъ, въ истинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ тѣмъ, такъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, нѣкогда сильно дѣйствовавшаго на нашемъ югѣ и владѣвшаго тамошними славянами [2]). Но сколько сѣверъ и югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обитатели: тутъ географическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, мѣстности и странъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда привтекшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій"... За девять и больше вѣковъ русскій югъ представлялъ только картину безсмысленныхъ ссоръ князей между собой; народъ оставался къ нимъ равнодушенъ и это доказывается тѣмъ, что онъ предалъ ихъ забвенію, когда, напротивъ, помнилъ времена гораздо болѣе далекія, которыя онъ цѣнилъ, какъ напр. времена князя Владиміра. Когда обезсиленная Русь стала жертвою татарскаго нашествія, то сѣверъ съ покорностію повиновался своей судьбѣ; южные князья пытались сопротивляться, но тѣснимые отовсюду врагами, мало по малу перевелись. „Но народъ не потерпѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась на-

---

[1]) О народной поэзіи славянскихъ племенъ. Разсужденіе на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія, кандидата моск. унив. Іосифа Бодянскаго. М. 1837, стр. 122—139.

[2]) Онъ ссылается здѣсь на свою статью въ „Сынѣ Отеч. и Сѣв. Архивѣ", 1835, гдѣ онъ объяснялъ, что черноморская Русь было племя, въ которомъ были смѣшаны турки съ славянами, откуда и получился особый племенной типъ южно-русскаго народа.

всегда за *погаными*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: „Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ татарвѣ служиты"... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ печенѣгами, половцами и пр. азіятскими ордами, безпрерывно нападавшими на Русичей, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ Сѣчь".

Слѣдуетъ картина бурной жизни стараго козачества съ его энергической поэзіей,—причемъ на этомъ изображеніи отразился тотъ особый романтическій тонъ, который распространяла тогда „Запорожская Старина". Основной характеръ этой старой поэзіи господствуетъ и въ поэзіи бытовой: „Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться громкія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце".

Отсюда, изъ всей исторической судьбы южно-русскаго народа, проистекала отличительная черта его поэзіи—драматизмъ. „Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойства жизни, вездѣ почти *драматическое*, что̀, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни... Въ этомъ отношеніи пѣсни южно-русскія единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни украинскія столько выше пѣсенъ другихъ славянъ, сколько драма выше прочихъ родовъ поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ и описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только—изъ древнихъ съ греческимъ, изъ новыхъ съ итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риему, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ своею многочисленностію и разнородностію и т. д. Поэтому мы не думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ славянъ, могъ быть столько *пѣснелюбивымъ, пѣсеннымъ*, какъ южные Руссы (украинцы, малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни... Наконецъ еще разъ повторимъ: знакомые съ народной славянской поэзіей, въ этихъ словахъ нашихъ не найдутъ никакого преувеличенія, оправдаютъ нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды всякихъ корыстныхъ видовъ, чьего бы то ни было вліянія, не возвышали одного на счетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе нѣтъ, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, составляющаго все наличное его благо, то, чѣмъ оно красно и добро".

Годы путешествія за границу и первые годы по возвращеніи заняты были у Бодянскаго славянскими предметами. Съ 1846 года онъ

дѣлается редакторомъ „Чтеній“ московскаго Общества исторіи и древ ностей и показалъ здѣсь необычайную дѣятельность: книги „Чте ній“ слѣдовали быстро одна за другою, съ массою изслѣдованій рус скихъ и переводныхъ (особливо изъ славянской ученой литературы и множествомъ памятниковъ языка, народной поэзіи и исторіи. Здѣс опять сказалась его ревность къ изученію южно-русской старины Съ первой же книги „Чтеній“ онъ началъ печатаніе знаменито „Исторіи Русовъ“, приписанной архіепископу бѣлорусскому Георгі Кониссокому, чему Бодянскій тогда вѣрилъ вмѣстѣ съ другими мало русскими патріотами и чтó впослѣдствіи было совершенно опровер нуто [1]). Въ тѣ времена подобныя вещи надобно было отвоевыват для науки. Посылая Сахарову книгу „Чтеній“, гдѣ окончено был печатаніе Конисскаго, Бодянскій пишетъ: „Все самородное да домо родное... Теперь, словно, увидѣлъ новый свѣтъ!.. Слава Богу, чт удалось провесть сквозь Термопилы своихъ Руссовъ, въ полном смыслѣ цѣлыхъ и невредимыхъ, безъ малѣйшей раночки, даже оця рапочки. А, признаюсь, начиная, самъ душой болѣлъ впередъ о тѣх ударахъ и потеряхъ, какія они должны будутъ понесть впослѣдствіи. Спасибо тому, кто понялъ важность Конисскаго вполнѣ и далъ мн возможность издать его такъ, какъ самъ сочинитель, можетъ быт не мечталъ видѣть себя въ такомъ видѣ раньше ста, полтораст лѣтъ“ [2]). Такъ горячо относился Бодянскій къ этому возсоздані историко-литературной старины. Впослѣдствіи, въ 1868 году, когд онъ вынужденъ былъ покинуть университетъ и ожидалъ, что, может быть, придется покинуть и „Чтенія“, онъ писалъ къ одному из своихъ знакомцевъ: „Статься можетъ, помянутъ когда-нибудь и тог чудака, что почти безъ всякихъ средствъ съумѣлъ, однакоже, всѣм забытое „Общество“, спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудит къ жизни, но и поставить его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученых обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ сво труды и подвизанія также ни гроша.

„Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчетливый вѣкъ рѣдки переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, non fiunt, sed nas cuntur, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайны годы на дурней“ [3]).

---

[1]) Наиболѣе подробный разборъ „Исторіи Русовъ“ сдѣланъ былъ въ книгѣ Ген надія Карпова: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источников до исторіи Малороссіи относящихся“ и пр. М. 1870.

[2]) Барсуковъ, Палеологи, стр. 82. Рѣчь идетъ о гр. Строгоновѣ, тогдашнем предсѣдателѣ Общества. Дальнѣйшая дѣятельность этого мецената была совсѣмъ в иномъ родѣ; см. дневникъ Никитенка подъ 1848 г., „Р. Старина“, 1888- 1890.

[3]) „Русская Старина“, 1879, май, стр. 216.

По отзыву Срезневскаго, „Чтенія" Московскаго Общества исторіи и древностей, за время изданія ихъ Бодянскимъ, „составили библіотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской". Можно прибавить, что въ этой библіотекѣ появилось также множество матеріаловъ для южно-русской исторіи и этнографіи. Послѣ „Исторіи Русовъ" онъ напечаталъ здѣсь „Лѣтопись Самовидца", старыя и новѣйшія лѣтописныя и историческія сочиненія Симоновскаго, Зарульскаго, Гер. Фрид. Миллера, А. Ригельманна, сочиненія объ уніи Георгія Конисскаго и Зубрицкаго, малороссійскую переписку изъ архива Оружейной Палаты, діаріушъ Ханенка, источники малороссійской исторіи Бантыша-Каменскаго, различные матеріалы, относящіеся къ управленію Малороссіей при Екатеринѣ II изъ архива гр. Румянцова, о запорожскомъ войскѣ и т. д. Наконецъ, Бодянскимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изданъ былъ въ „Чтеніяхъ" обширный сборникъ галицкихъ и угорско-русскихъ пѣсенъ, Головацкаго, о которомъ скажемъ далѣе.

Въ молодые годы и самъ Бодянскій былъ собирателемъ пѣсенъ. Говоря въ своей диссертаціи о превосходствѣ малорусской народной поэзіи, Бодянскій замѣчаетъ (стр. 136): „Кто хорошо знакомъ съ языками славянскими и ихъ народною и искусственною литературой, тотъ безъ сомнѣнія не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важный предметъ во всей его обширности и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ украинскихъ, то скажемъ, что въ *нашемъ собраніи* ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатымъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсень". Что сталось съ этимъ сборникомъ, мы не знаемъ.

ГЛАВА IV.

Польскіе и галицко-русскіе этнографическіе сборники тридцатыхъ годовъ.

Сказавъ о трудахъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ, мы должны еще разъ вернуться назадъ, къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ. Съ тридцатыхъ годовъ у нашихъ этнографовъ, изучавшихъ малорусскую народно-поэтическую старину, въ ряду важныхъ источниковъ являются труды польскихъ собирателей и комментаторовъ, въ особенности Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Войцицкаго и другихъ. Откуда взялись эти труды польскихъ писателей о малорусской поэзіи—повидимому столь имъ чуждой, а иногда столь враждебной къ польскому народу; чѣмъ эти труды были внушены, какое ихъ достоинство?

Это участіе польскихъ собирателей въ малорусскомъ этнографическомъ вопросѣ приводитъ насъ къ любопытному литературному періоду, до недавнихъ поръ мало обращавшему на себя вниманіе историковъ русской литературы. Именно, было время, когда между двумя литературами, русской и польской, возникали взаимныя связи, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременныя, но которыхъ развитіе могло бы быть плодотворно для обѣихъ сторонъ. Эти отношенія начинаются во времена императора Александра и держались до тридцатыхъ годовъ, когда слѣды ихъ заглохли.—Въ ту пору можно было нерѣдко встрѣтить эти дружелюбныя влеченія, когда въ извѣстномъ кругу обѣихъ литературъ существовалъ взаимный ученый и даже поэтическій интересъ, когда у насъ знакомы были и пользовались почетомъ имена польскихъ ученыхъ, какъ Снядецкій, Сестренцевичъ, Нарушевичъ, Почобутъ, Линде, Лелевель, Раковецкій, Мацѣевскій; когда Мицкевичъ былъ съ любовью и уваженіемъ принятъ въ лучшемъ литературномъ кругу Петербурга и Москвы; когда съ другой

стороны польскимъ писателямъ бывали знакомы главнѣйшіе труды въ области русской исторіи, археологіи и этнографіи.

Разныя причины дѣлали подобныя отношенія возможными или прямо вызывали ихъ. Во-первыхъ, условія внѣшнія, когда въ царствованіе императора Александра между Россіей, или русскимъ правительствомъ, и Польшей установились дружественныя связи, какихъ не было прежде и которыя, послѣ враждебнаго эпизода 1812 года, возобновились по благодушію императора. Въ началѣ царствованія, Адамъ Чарторыйскій, впослѣдствіи знаменитый глава польской эмиграціи, былъ въ числѣ ближайшихъ друзей императора, игралъ роль въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; большое число поляковъ или западно-русскихъ уроженцевъ польскаго образованія разсѣяно было на разныхъ ступеняхъ русской чиновничьей іерархіи; очень часто они не забывали своихъ особыхъ племенныхъ интересовъ, но сближеніе тѣмъ не менѣе происходило, угловатости стирались, являлась возможность общихъ понятій. Позднѣе, это время и эти люди стали предметомъ самыхъ ожесточенныхъ обвиненій; съ послѣдняго польскаго возстанія въ усиленной степени возобновилась старая вражда, которая мѣшаетъ взглянуть хладнокровнѣе какъ на весь польскій вопросъ, такъ въ частности на ту историческую пору, и оцѣнить ту ея сторону, которая представляетъ и съ русской точки зрѣнія много сочувственнаго. Поляковъ, пользовавшихся расположеніемъ или участіемъ императора Александра, изображаютъ почти только предателями, которые, эксплуатируя слабость и недогадливость русскаго правительства, вели дѣятельную пропаганду полонизма, не только въ царствѣ, но и въ западномъ русскомъ краѣ, и успѣли нанести много вреда дѣлу русской народности. Пропаганда полонизма не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы правильно судить или осудить ее, надо вспомнить всѣ условія времени и государственныхъ отношеній. Въ первые годы императора Александра еще не далеко было время, когда западный и юго-западный край былъ польскимъ государствомъ; это было памятно не только по какому-нибудь политическому упорству и сепаративному духу поляковъ или ополяченныхъ русскихъ западнаго и юго-западнаго края, но по всему бытовому складу этихъ земель, гдѣ польское вліяніе, худо ли, хорошо ли, возъимѣло громадную силу еще съ XVI—XVII столѣтій, гдѣ жизнь всего высшаго и средняго класса сложилась по польскому образцу и гдѣ польскій языкъ и обычай были господствующими. Народъ оставался, конечно, русскимъ, т.-е. малорусскимъ и бѣлорусскимъ; но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена объ этомъ народѣ, какъ и о самомъ русскомъ народѣ въ Россійской имперіи, думали очень мало: и для польскихъ или ополяченныхъ

пановъ, и для самого русскаго правительства, это были просто крѣпостные, принадлежавшіе своимъ господамъ, и сколько ни мечтали о необходимости освобожденія лучшіе умы (не только между русскими, но и между поляками), обычная практика жизни считала эти отношенія совершенно правильными, — изъ-за этихъ помѣщичьихъ взглядовъ на крѣпостныхъ не приходило въ голову тревожить себя вопросами о русской народности этихъ крѣпостныхъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Если въ прежнее время эта русская народность, интересы которой не находили достаточной опоры въ русскомъ національномъ центрѣ, уступала болѣе или менѣе легко передъ полонизмомъ, который въ разныхъ отношеніяхъ представлялъ болѣе высокую степень культуры, то естественно, что и теперь смотрѣли на дѣло точно также. Правда, съ нашей нынѣшней точки зрѣнія эта болѣе высокая культура была въ сущности еще очень грубая: съ одной стороны она не доросла до какого-нибудь здраваго пониманія политическихъ отношеній и тѣмъ довела самое государство до полнаго распаденія; съ другой, она не выработала пониманія необходимѣйшихъ потребностей соціальнаго положенія народа и вообще слишкомъ увлеклась узко-сословными интересами, слишкомъ мало давала мѣста свободному просвѣщенію и, напротивъ, слишкомъ легко поддавалась племенному и церковному фанатизму, — но опять, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія у насъ мало это замѣчали или не замѣчали вовсе, и поляки тѣмъ удобнѣе могли оставаться при своей точкѣ зрѣнія. Безъ мысли о политическомъ упорствѣ, о культурной несправедливости, то, что мы называемъ теперь злостной пропагандой полонизма, было для нихъ совершенно естественнымъ дѣломъ, и эту пропаганду, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, они могли считать правильнымъ и настоящимъ дѣломъ просвѣщенія. Теперешнія обвиненія забываютъ, что съ русской стороны этому не только не оказывалось тогда противодѣйствія, не ставилось иного равносильнаго или высшаго принципа ни въ правительственныхъ мѣрахъ, ни въ мнѣніяхъ самого общества, но самое дѣло казалось какъ будто безспорнымъ и, слѣдовательно, нынѣшнее обвиненіе должно постигнуть не одну только польскую пропаганду, но и тогдашнюю неразвитость русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго сознанія. Карамзинъ, Энгельгардтъ, члены тайнаго общества протестовали противъ приписываемыхъ тогда императору Александру плановъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній, но у нихъ у всѣхъ шла рѣчь только о политической сторонѣ дѣла,—они не имѣли представленія объ его сторонѣ культурной и народной. Прибавимъ, наконецъ, что дѣло польскаго образованія въ западномъ краѣ имѣло за себя на мѣстѣ много за-

мѣчательныхъ научныхъ силъ, которыя особенно собрались тогда въ виленскомъ университетѣ. Понятно, что имъ могли быть противопоставлены лишь равныя силы съ другой стороны, которыя могли бы представить противовѣсъ ихъ авторитету,—а у насъ въ дѣлѣ просвѣщенія хозяйничали тогда кн. А. Н. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, адмиралъ Шишковъ, дѣлались предложенія о „разрушеніи“ (буквально) университетовъ и т. п.

Итакъ, въ ту пору, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, еще не было такой вражды двухъ сторонъ, какая теперь распространяется на это время заднимъ числомъ; вражда политическая еще не созрѣла; обѣ стороны, напротивъ, могли думать о мирномъ сожительствѣ въ предѣлахъ одного государственнаго цѣлаго; не рѣдки бывали проявленія дружественныхъ отношеній между поляками и русскими; для послѣднихъ Варшава не была военный станъ среди враждебнаго населенія, а скорѣе веселая столица, еще не получившая чистой отставки, гдѣ можно было жить въ дружбѣ съ недавними врагами. Мирныя отношенія отражались и въ связяхъ литературныхъ. Польскіе историки слѣдили за вопросами русской исторіи (Раковецкій, Лелевель, Кухарскій и др.); русскіе ученые съ интересомъ, чуждымъ нетерпимости, знакомились съ ихъ трудами и политическое участіе къ дѣламъ Польши соединяли съ вниманіемъ къ польской литературѣ; любопытно, напр., что „Думы“ Рылѣева, по его собственнымъ словамъ, были внушены отчасти „Историческими пѣснями“ Нѣмцевича [1]); мы упомянули сейчасъ, съ какимъ высокимъ дружелюбіемъ и уваженіемъ встрѣчаемъ былъ Мицкевичъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Другимъ условіемъ, которое установляло мирныя и союзныя отношенія между русской и польской литературой, было явленіе совсѣмъ иного, не политическаго, свойства, но которое имѣло также свое большое значеніе и давало этимъ связямъ нравственно-поэтическую опору. Это были отголоски славянскаго возрожденія, въ двадцатыхъ годахъ едва дѣлавшаго свои первые шаги, но уже производившаго своимъ энтузіазмомъ впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, русскомъ и польскомъ. Около того времени стекается рядъ важныхъ событій въ

---

[1]) „Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для бою ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.—Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ „Историческихъ пѣсенъ“ (Spiewy Historyczne): эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя думы“. („Думы“, Рылѣева, 1825, предисловіе).

западныхъ и южныхъ славянскихъ литературахъ, событій, полупонятыхъ тогда на первый взглядъ при малой извѣстности дѣла, но тѣмъ не менѣе оказавшихъ обширное вліяніе, потому что за ними открылась новая, невѣдомая до тѣхъ поръ сила—идея славянскаго единства, и виднѣлся широкій горизонтъ чисто славянской жизни, старины и поэзіи. Такими событіями были: изданіе сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича; открытіе древнихъ поэтическихъ памятниковъ чешской литературы (сомнѣніямъ въ подлинности которыхъ никто тогда не хотѣлъ вѣрить, а большинство и не знало объ этихъ сомнѣніяхъ); появленіе знаменитой поэмы Коллара „Дочь Славы"; рядъ открытій въ старой славянской письменности; возникновеніе и распространеніе поэтической литературы на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и новой ученой литературы, изслѣдовавшей первобытную славянскую старину и ея отголоски въ современномъ быту славянства, съ его преданіями, обычаями, богатой народной поэзіей и т. д. Славянская „взаимность" была еще весьма ограниченна, но уже указывалась какъ идеальная цѣль; не много было людей, слѣдившихъ и способныхъ слѣдить за проявленіями новаго движенія во всемъ его объемѣ, но тѣ, кто знакомился по крайней мѣрѣ съ главными изъ этихъ проявленій (между прочимъ производившихъ впечатлѣніе на самихъ корифеевъ европейской поэзіи и науки, какъ нѣкогда Гердеръ, потомъ Гёте, Гриммъ и пр.), не могъ остаться чуждымъ тому одушевленію, которое наполняло представителей возрожденія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ: для этихъ представителей новая идея была залогомъ будущаго, надеждой на спасеніе народной цѣльности.

Польская литература, изъ всѣхъ славянскихъ, вообще говоря, всѣхъ меньше отзывалась на этотъ энтузіазмъ славянскаго возрожденія, а позднѣе становилась къ нему и прямо враждебно—именно, когда возникъ призракъ панславизма, въ которомъ видѣли скрытую тенденцію, замаскированный планъ Россіи подчинить себѣ славянскія племена въ одномъ деспотическомъ русскомъ царствѣ. При новизнѣ славянскаго національнаго возбужденія, предѣловъ и возможностей котораго не умѣли опредѣлить, при темномъ представленіи о могуществѣ Россіи, о которой также не знали, куда она можетъ направить свои громадныя силы, этотъ призракъ казался самой реальной опасностью, и польское общество и литература отшатнулись надолго отъ славянскаго движенія въ смыслѣ племенного сближенія,—особенно когда съ русской стороны была выставлена славянофильская программа со всей ея исключительностью. Но не то было тогда, въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ, когда славянское движеніе представлялось въ поэтическихъ, симпатичныхъ чертахъ воз-

рожденія подавленныхъ дотолѣ племенъ, стремленія ихъ мирно завоевать себѣ признаніе своей нравственной личности; когда Россія являлась въ лицѣ императора Александра съ освободительными планами, еще безъ всякихъ притязаній въ славянскомъ мірѣ, и особливо съ либеральнымъ отношеніемъ къ самой Польшѣ. По всѣмъ этимъ условіямъ, въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ польской литературѣ обнаруживалось гораздо больше связей и солидарности съ славянскимъ возрожденіемъ, чѣмъ было когда-нибудь послѣ,—и надо было бы желать, чтобы столько этого интереса сохранилось и впослѣдствіи.

Славянское возрожденіе выразилось въ литературѣ особенной ревностью къ изученію своей народной старины, исторіи, преданій, поэзіи, языка, и вмѣстѣ къ сопоставленію всего этого съ народнымъ содержаніемъ другихъ племенъ, къ сравненію и отысканію родственныхъ элементовъ, которые свидѣтельствовали о первобытномъ единствѣ и должны были помочь взаимному уразумѣнію и союзу въ настоящемъ. Польская литература тѣхъ десятилѣтій представила обильные примѣры трудовъ въ этомъ направленіи, какъ въ томъ же направленіи работали потомъ и ученые болѣе молодого поколѣнія, успѣвшіе въ немъ воспитаться,—и эти труды вошли въ общую сумму фактовъ славянскаго возрожденія. Таковы были, напримѣръ, труды Суровецкаго о славянской древности, послужившіе основой для одной изъ первыхъ ученыхъ работъ Шафарика [1]); труды Зоріана Доленги-Ходаковскаго, сочиненіе котораго о славянствѣ до-христіанскомъ было предчувствіемъ новѣйшей археологіи; труды знаменитаго лексикографа Линде, котораго монументальный польскій словарь стоитъ наравнѣ съ чешскимъ словаремъ Юнгманна, сербскимъ Караджича, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на славянскомъ западѣ предпринимались труды обще-славянскаго значенія, напримѣръ, вслѣдъ за Добровскимъ, работы Шафарика, Палацкаго, Челяковскаго, польскіе ученые примыкали къ этому направленію въ трудахъ Лелевеля, Раковецкаго, Кухарскаго, позднѣе Мацѣёвскаго. Общій тонъ работъ поддерживался личными связями, которыя соединяли польскихъ ученыхъ какъ съ западно-славянскими, такъ и русскими учеными—историками, археологами. Труды Ходаковскаго въ неменьшей мѣрѣ принадлежали русской наукѣ, чѣмъ польской.

Въ польской литературѣ отозвались и изученія этнографическія, которыя занимали такое важное мѣсто въ литературномъ развитіи славянскаго возрожденія.

Это была опять новая черта. Польская литература издавна но-

---

[1]) Ueber die Abkunft der Slaven, nach Surowiecki.

сила на себѣ отпечатокъ господствующаго общественнаго склада: ея „народомъ“ была собственно многочисленная шляхта; народа дѣйствительнаго она не знала, или не считала его, ставя свои политическіе и образовательные вопросы; тѣмъ менѣе она хотѣла знать народъ бѣлорусскій и малорусскій—народъ иного племени, иной вѣры и народъ крѣпостной. Теперь опять явилось иное. Конецъ прошлаго вѣка не остался безъ вліяній въ болѣе правдивомъ демократическомъ смыслѣ; затѣмъ въ литературу и умы проникли романтическія идеи, увлеченіе поэтической стариной, воспроизведеніе народнаго преданія, вкусъ къ патріархальной простотѣ народнаго быта. Наряду съ романтическими обращеніями къ народности въ поэтической литературѣ (какъ напр., „украинская“, „литовская“ школы польскихъ поэтовъ), начался научный интересъ къ народной жизни, собираніе и толкованіе ея памятниковъ и преданій. Славянское возрожденіе и здѣсь доставило произведенія, гдѣ находились занимательныя и поучительныя параллели, не оставшіяся безъ вліянія. Въ польской литературѣ, въ прежнее время наименѣе расположенной нисходить къ народу, является рядъ писателей, которые и въ этомъ отношеніи становятся вполнѣ наряду съ лучшими дѣятелями славянскаго возрожденія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ по содержанію своихъ трудовъ они заняли не послѣднее мѣсто въ развитіи малорусской этнографіи.

Обратившись къ изученію народнаго быта и поэтическаго преданія своего края, они встрѣтили въ немъ кромѣ польскаго и русскій народъ, жившій въ областяхъ старой Польши и до сихъ поръ остававшійся или подъ прямымъ польскимъ вліяніемъ, или въ ближайшемъ сосѣдствѣ и бытовыхъ связяхъ. Частью по старой привычкѣ считать этотъ русскій народъ своимъ, частью по этнографической любознательности, которую такъ возбуждало славянское возрожденіе, они обратили вниманіе и на русское населеніе и занялись имъ тѣмъ усерднѣе, что нерѣдко этотъ русскій народный бытъ давалъ имъ гораздо болѣе богатую и привлекательную жатву стараго преданія, чѣмъ польское крестьянство. Такими писателями были въ особенности Вацлавъ изъ Олеска (или Залѣскій), Жегота Паули и Войцицкій.

Намъ не встрѣчалась подробная біографія Вацлава Залѣскаго. Знаемъ только, что онъ родился въ 1800 году, прошелъ университетскій курсъ во Львовѣ, былъ австрійскимъ чиновникомъ, въ 1848 г. назначенъ губернаторомъ Галиціи и умеръ 1849 г. въ Вѣнѣ. Свое литературное поприще онъ началъ въ двадцатыхъ годахъ, участвуя во львовскомъ журналѣ „Rozmaitości“, и занялся тогда же собираніемъ галицкихъ народныхъ пѣсенъ, польскихъ и русскихъ, которыя

издалъ въ книгѣ, теперь отчасти забытой, но въ свое время хорошо извѣстной всѣмъ спеціалистамъ и любителямъ малорусской этнографіи [1]). Къ сборнику пѣсенъ прибавлено обширное введеніе, изъ котораго можно познакомиться съ характеромъ его идей: это введеніе любопытнымъ образомъ изображаетъ настроеніе этнографовъ-любителей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, то чувство, которое влекло этихъ первыхъ основателей этнографической науки къ изслѣдованію народно-поэтическаго преданія,—и по указаннымъ выше условіямъ, еще болѣе любопытно наблюдать этотъ этнографическій интересъ въ польскомъ писателѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ указанные выше мотивы, которые сошлись въ новомъ стремленіи къ народности.

Сборникъ пѣсенъ былъ дѣло новое, и нужно было объяснить читателямъ, какъ онъ произошелъ, въ чемъ его интересъ литературный, общественный, научный. Въ своемъ введеніи Вацлавъ Залѣскій указываетъ прежде всего свою личную любовь къ народнымъ пѣснямъ. Онъ родился въ деревнѣ; первые годы жизни провелъ въ укромномъ затишьѣ; пѣсни убаюкивали его дѣтство, остались воспоминаніемъ впервые пробуждавшагося чувства. Любовь къ нимъ онъ всосалъ съ молокомъ, вдыхалъ съ воздухомъ. Когда пришлось переселиться въ городъ, ему было тоскливо по деревнѣ, по родному дому, лугамъ и полямъ, и только пѣсня могла успокоить тоску. Пѣсни становились тѣмъ дороже, какъ память о родинѣ; чтобъ свято сберечь ихъ, онъ мало-по-малу перенесъ ихъ на бумагу,—это и было началомъ сборника. Онъ сталъ потомъ говорить о нихъ съ школьными товарищами: не одинъ изъ товарищей сообщилъ ему свои пѣсни; уѣзжавшимъ въ деревню поручали собирать новыя, другихъ вызывали на то письмами. Наконецъ, авторъ сталъ знакомиться съ литературой древней и новой, читалъ французовъ, любилъ учиться у нѣмцевъ, восторгался Шекспиромъ, и въ концѣ концовъ возвращался къ отечественной нивѣ...

Очень любопытно, хотя послѣдовательно, что изученіе чужихъ литературъ навело писателя на печальныя мысли о своей собственной. „По этой моей любви къ роднымъ пѣснямъ,—говоритъ онъ,—легко догадаться, что въ литературѣ каждаго народа меня не мало занимала его поэзія. Съ какой болью я долженъ былъ сознаться самому себѣ, насколько и въ этомъ отношеніи,—не говоря о другихъ, которыя сюда не относятся,—мы отстали почти отъ всѣхъ народовъ Европы". Главнымъ недостаткомъ всѣхъ польскихъ поэтовъ авторъ считаетъ отсутствіе *народности*, и это въ особенности бросалось въъ

---

[1]) Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833.

глаза въ нашемъ вѣкѣ. Поэзія другихъ народовъ,—по словамъ Залѣскаго,—похожа на дерево, выросшее на отечественной почвѣ и питающееся его соками; польская поэзія есть что-то чужое, не имѣющее корня въ родной землѣ, не вышедшее изъ народнаго духа; она осталась чужда польскому народу, какъ онъ самъ былъ чуждъ для нея. Въ этомъ отношеніи сборникъ народныхъ пѣсенъ казался автору неоцѣненнымъ, такъ какъ въ нихъ высказывался духъ истинно-славянскій и народный, котораго такъ недоставало польской литературѣ.

Достаточно всмотрѣться въ успѣхи европейскихъ литературъ, говорилъ авторъ, чтобы увидѣть, съ какимъ вниманіемъ заботились тамъ обо всемъ, что̀ касается народности. Онъ указываетъ труды по изученію народной поэзіи и старины у французовъ и особенно у англичанъ, и спрашиваетъ, что̀ подобнаго имѣютъ поляки? „Наша исторія есть только патологія народа или лучше патологія его головы,—о здоровой его жизни мы едва имѣемъ представленіе"; то же самое и въ поэзіи. У поляковъ не было поэзіи трубадуровъ, но лѣтописцы вспоминаютъ о давнихъ пѣсняхъ народа, слышанныхъ и ими самими; однако они не сохранили ихъ для насъ,—можетъ быть, не хотѣли сохранить, и не трудно было бы видѣть, сколько этимъ они сдѣлали намъ вреда. Польскіе поэты, отъ Кохановскихъ до Красицкаго и Нарушевича, только изрѣдка и кое-гдѣ носятъ на себѣ черты народности; они писали только польскими словами чувства и мысли римскія, французскія или иныя, только не польскія; поэтому они были и остаются чужими для массы польскаго народа,—„а образованная часть народа, послѣ появленія поэтовъ истинно народныхъ—Бродзинскаго, Мицкевича, Богдана Залѣскаго и другихъ, забыла о прежнихъ поэтахъ, какъ народъ и совсѣмъ о нихъ не зналъ. Только изъ уваженія, внушеннаго намъ съ дѣтства, въ родѣ того, какое мы имѣемъ къ священнымъ реликвіямъ, мы иногда заглядываемъ въ нихъ и, отдавая справедливость ихъ несомнѣннымъ дарованіямъ, жалѣемъ только, что они пошли ложной дорогой". Правдивые поэты желая быть народными, изслѣдовали духъ народа, усвоивали себѣ его взглядъ на вещи или просто сливались съ нимъ,—и сколько въ этомъ отношеніи поэтъ могъ бы извлечь изъ подробныхъ описаній народнаго обычая, особливо изъ сборниковъ пѣсенъ, которые являются результатомъ первоначальныхъ силъ народа, а потомъ самою вѣрною характеристикой народности!

Авторъ разсказываетъ, что эти соображенія еще болѣе усилили его любовь къ народнымъ пѣснямъ и заботу объ ихъ собираніи, а со временемъ эта личная любовь его превратилась въ убѣжденіе что на этой дорогѣ надо искать духа народной поэзіи и первона-

чальныхъ ея основъ. „Ближайшей цѣлью моего сборника,—продолжаетъ онъ,—была собственная польза. Я не думалъ никогда выдавать его въ свѣтъ; потому что, *кто же бы осмѣлился у насъ помыслить объ этомъ*, когда все, что не было французское или вообще чужое, считалось еще варварскимъ и отвергалось? И у родственныхъ славянъ не было тогда еще ничего подобнаго. Хотя и начали распространяться подражанія народнымъ пѣснямъ, баллады и романсы, и сверхъ ихъ достоинствъ приходятся по вкусу народу, но все еще никто не смѣлъ выступить въ свѣтъ съ самими пѣснями, какъ онѣ есть, какъ онѣ живутъ въ устахъ народа. Долго спустя, въ 1826 г., когда Бродзинскій—достопочтенный Бродзинскій, котораго самое значеніе его могло заслонить отъ всякихъ упрековъ,—рѣшился выдать въ варшавскомъ журналѣ нѣкоторыя народныя пѣсни славянскихъ племенъ, съ какой несмѣлостью онъ это дѣлалъ! Все его письмо, написанное объ этомъ предметѣ къ редактору журнала и помѣщенное въ этомъ журналѣ, есть какъ будто большое извиненіе, salva venia; и однако онъ далъ тогда только нѣкоторыя женскія пѣсни, очень гладко обдѣланныя и приноровленныя къ такъ-называемому высшему вкусу. Что же было бы, еслибы онъ далъ ихъ такъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ, или еслибы онъ захотѣлъ перевести нѣкоторыя юнацкія сербскія пѣсни въ ихъ настоящемъ видѣ?“

„Но въ это самое время обстоятельства стали измѣняться: у родственныхъ славянскихъ племенъ стали появляться сборники пѣсенъ“, —и Залѣскій пересчитываетъ многочисленные сборники, съ которыми, видимо, былъ хорошо знакомъ. Любопытно, что въ ряду этихъ сборниковъ польскій писатель особенно много знаетъ русскихъ. Такъ минуя старые сборники, онъ упоминаетъ „Древнія россійскія стихотворенія“ Кирши Данилова, изданныя Калайдовичемъ; „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ“ Попова, въ шести томахъ, 1819; „Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ“, 1820; малорусскій сборникъ Цертелева; „Новѣйшій всеобщій пѣсенникъ“ Калатилина, 1810, и пр. Онъ знаетъ также чешскіе сборники Челяковскаго и Риттерсберга; моравскій—Галаша и Фричая; словацкій—Шафарика; далматинскій—Качича-Міошича; сербскій—Караджича. Знакомство съ ними убѣдило автора въ необходимости издать и польскій сборникъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ сборникъ Залѣскаго сталъ потомъ въ ряду извѣстнѣйшихъ славянскихъ пѣсенныхъ собраній. Но пока онъ все еще колебался относительно печатанія своего сборника, считая его недостаточно полнымъ и надѣясь, что дѣло можетъ быть сдѣлано лицомъ болѣе компетентнымъ. Такимъ лицомъ онъ именно считалъ Ходаковскаго, который, въ глазахъ Залѣскаго, былъ идеаломъ собирателя. „Былъ тогда слухъ, что Ходаковскій занимается собираніемъ

народныхъ пѣсенъ въ Польшѣ и Малороссіи. Ходаковскій, извѣстный мнѣ только по книгѣ: Cwiczenia naukowe, печатанной въ Кременцѣ, внушалъ мнѣ истинное почитаніе". Выше мы привели его слова о Ходаковскомъ. Но Ходаковскій умеръ (въ 1825) и авторъ не зналъ, чтó сталось съ его сборникомъ. Наконецъ, Залѣскій рѣшился издать свое собственное собраніе. Онъ судилъ о немъ съ большой скромностью, видѣлъ его недостатки, особливо неполноту по разнымъ отдѣламъ и мѣстностямъ, но тѣмъ не менѣе за безуспѣшностью прежнихъ попытокъ считалъ и свое собраніе важнымъ въ условіяхъ польской литературы. Его поощряло и то, что упомянутыя славянскія пѣсни, переведенныя Бродзинскимъ, были приняты въ литературѣ очень охотно.

Эти прежнія попытки въ польскомъ кругу, отчасти упомянутыя Залѣскимъ, были вообще слѣдующія. Первымъ начинателемъ этого дѣла въ Галиціи былъ упомянутый Ходаковскій (1784—1825), который уже въ своемъ сочиненіи о до-христіанской славянщинѣ, 1818, указывалъ важность народныхъ пѣсенъ и первый подавалъ примѣръ и образчикъ ихъ собиранія. Въ „Пилигримѣ Львовскомъ" [1]) профессоръ Гюттнеръ (Hüttner) говорилъ опять о народныхъ пѣсняхъ галицкихъ, у краковяковъ, мазуровъ и русскихъ, и въ примѣръ русскихъ приведены двѣ пѣсни съ нѣмецкимъ переводомъ и нотами [2]), Въ томъ же „Пилигримѣ", изданномъ уже на польскомъ языкѣ профессоромъ I. Маусомъ, Д. Зубрицкій помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній о русскихъ и польскихъ пѣсняхъ въ Галиціи, и опять напечатано двѣ пѣсни съ напѣвами [3]). Въ сборникѣ славянскихъ пѣсенъ Челаковскаго (2-я и 3-я книги, 1825—27) помѣщено опять нѣсколько образчиковъ пѣсенъ малорусскихъ. Въ первомъ сборникѣ Максимовича, 1827, двѣ пѣсни взяты изъ „Пилигрима Львовскаго", и въ прибавленіи помѣщено пять галицкихъ пѣсенъ, сообщенныхъ профессоромъ виленскаго университета Лобойкомъ. Далѣе, въ томъ же 1827 году, по указанію Залѣскаго, вышла во Львовѣ книга: „Pątnik narodowy", который долженъ былъ составить 12 томиковъ, но вышелъ только одинъ; здѣсь помѣщена была статья „о народныхъ пѣсняхъ польскихъ и русскихъ", которая была какъ будто предисловіемъ къ готовому уже сборнику пѣсенъ,—но продолженія изданія не послѣдовало [4]).

[1]) 1821 или 1822 года.

[2]) „Не ходи, Грицю, на вечорницѣ", и „Козакъ коня напоювавъ".

[3]) „Шумить, шумить дубрóвонька", и „Вже три дни и три недѣли".

[4]) Не есть ли это—та же книга, которая названа „Pamiętnik narodowy" и отнесена къ 1829 году въ предисловіи Бодянскаго къ изданію „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси", Головацкаго („Чтенія" Моск. Общ. ист. и древн. 1863, кн. III, стр. V)?

Возвращаемся къ Залѣскому. Далѣе онъ сообщаетъ свои мысли вообще о значеніи народной поэзіи и, во-первыхъ, указываетъ тогдашнюю литературу объ этомъ предметѣ. Эта литература была не велика. Онъ могъ назвать: упомянутую статью Бродзинскаго, 1826 другую статью польскаго писателя Жуковскаго, 1830; отдѣльныя замѣчанія у Воронича, въ статьѣ о „народныхъ пѣсняхъ" [1]), въ книгѣ Шафарика объ исторіи славянскихъ литературъ, въ книгѣ Голэмбевскаго: Lud polski, jego zwyczaje, zabobony и пр. (Варшава, 1830) и т. д. Онъ вспоминаетъ также разсужденіе Форіеля о новогреческихъ пѣсняхъ, рецензію Копитара о сборникѣ Вука Стефановича [2]); замѣчанія о древней поэзіи славянской въ сочиненіи Раковецкаго о „Русской Правдѣ"; въ „Галичанинѣ", 1830, Вал. Хлендовскаго. Въ нѣмецкой литературѣ онъ съ великимъ почтеніемъ указываетъ „святыя, неопровержимыя и непоколебимыя истины великаго Гердера, этого главнаго столпа нѣмецкой литературы, имени котораго не слѣдуетъ произносить безъ уваженія". Напомнимъ, что именно такъ относились къ Гердеру вообще представители и начинатели славянскаго возрожденія съ конца прошлаго столѣтія, когда Гердеръ впервые съ пламеннымъ одушевленіемъ заговорилъ о правахъ народной личности (въ томъ числѣ и славянства) и о великомъ историческомъ и нравственномъ значеніи народной поэзіи [3]).

Переходя къ опредѣленію важности народной поэзіи для современной литературы и исторической науки, Залѣскій устраняетъ тѣ преувеличенія, съ которыми говорилъ объ этомъ Ходаковскій, но тѣмъ не менѣе широко оцѣняетъ значеніе народной поэзіи въ этихъ отношеніяхъ. Это мысли теперь общеизвѣстныя, но въ то время ихъ надо было впервые внушать и доказывать. Народная поэзія,—говоритъ Залѣскій,—есть та глубокая основа, забвеніе которой дѣлало и дѣлаетъ литературу искусственнымъ насажденіемъ, чуждымъ и непонятнымъ для народной массы, основа, которая одна можетъ сообщить литературѣ жизненное и истинно народное достоинство. Для исторіи народная пѣсня не дастъ точныхъ историческихъ фактовъ, но она дастъ драгоцѣнные отголоски стараго народнаго быта, понятій, нравовъ; она укажетъ, въ чемъ народъ сохранилъ сходство съ другими родственными племенами или отличался отъ нихъ. „Кто будетъ оспаривать, что народныя пѣсни, будучи образами, въ которыхъ каждый народъ всего вѣрнѣе рисуетъ и представляетъ свой характеръ, выражая свои чувства, описывая всякіе обычаи, являются *точнѣйшимъ*

[1]) Roczniki towar. warzs. przyj. nauk, t. 6, стр. 308.

[2]) Въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1825, т. XXX.

[3]) Неоднократныя ссылки на Гердера и выписки изъ него дѣлаются и въ названной выше диссертаціи Бодянскаго.

изображеніемъ народной жизни? Это—ключи къ святынѣ народности, но надо научиться отпирать ими; въ нихъ, какъ въ тѣхъ египетскихъ іероглифахъ, заключены священныя истины, но надо умѣть читать ихъ; для этого нужно какъ знаніе языка, такъ и народнаго быта; но для кого идетъ рѣчь о познаніи человѣчества, тотъ не можетъ обойтись безъ этихъ знаній... Не нужно, кажется, припоминать, что исторія литературы не можетъ и не должна миновать народныхъ пѣсенъ, которыя составляютъ ея настоящее начало, какъ древнѣйшая и до сихъ поръ живая литература. Многіе, конечно, пошли бы инымъ путемъ въ оцѣнкѣ поэзіи, въ объясненіи ея основаній и въ разборѣ образцовъ, еслибы обратили свое вниманіе на эту живущую въ народѣ поэзію и въ ней замѣтили, какъ она, будучи необходимымъ произведеніемъ природы, имѣетъ въ себѣ всѣ, но вмѣстѣ и тѣ только черты, какія ей слѣдуетъ имѣть изъ природы. Такой теоріи и такой исторіи литературы мы *еще ожидаемъ**.

Взглядъ, для своего времени весьма замѣчательный. Исторія литературы съ тѣхъ поръ совершила уже громадные труды для выясненія народной поэзіи и ея элементовъ, проникавшихъ въ литературу книжную,—но цѣлое теоретическое ученіе о сущности и развитіи поэзіи, съ этой исходной точки зрѣнія, не построено и до сихъ поръ.

Вообще предисловіе любопытно для исторіи этнографическихъ понятій какъ въ польской литературѣ, такъ и въ русской, гдѣ книга Залѣскаго была давно извѣстна. Его отношеніе къ народной поэзіи не есть одна романтическая чувствительность, съ которой еще долго послѣ обращались у насъ къ народнымъ пѣснямъ; это—еще несовершенное, по новости дѣла, но сознательное пониманіе важности народной поэзіи для изслѣдованія исторіи, языка и т. д., и ея живого значенія для литературы современной, какъ проводника истинной народности. Конечно, такъ-называемая „народность" на самомъ дѣлѣ пріобрѣтается литературой не одними этнографическими вкусами и усиліями (какъ это думали въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), а болѣе сложнымъ и глубокимъ общественнымъ интересомъ,—но Залѣскій умѣлъ вѣрно подмѣтить многія стороны народной поэзіи, плодотворныя для науки и литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ уже отмѣчалъ въ народныхъ пѣсняхъ источникъ для пониманія народной жизни и средство дать литературѣ національный характеръ; теперь онъ указывалъ громадное различіе поэзіи народной отъ книжной въ выраженіи чувства—напр., любви, ненависти и т. п., и, находя причину этого различія въ самомъ складѣ народнаго быта, полагаетъ, что изученіе этихъ особенныхъ выраженій чувства даетъ важный матеріалъ для *психологіи*,—къ чему въ самомъ

дѣлѣ и пришла этнографія впослѣдствіи. Относительно языка, онъ указывалъ въ народныхъ пѣсняхъ богатый запасъ матеріала и формъ драгоцѣнныхъ для филолога и забытыхъ въ обыкновенномъ книжномъ и разговорномъ языкѣ, и этотъ послѣдній можетъ только освѣжиться и обновиться въ живомъ источникѣ народной пѣсни. Далѣе, изученіе пѣсенъ можетъ привести къ правильному пониманію самой поэзіи. Мы смотримъ обыкновенно на поэзію какъ на искусство, съ готовыми законами и правилами, которыя считаются ненарушимыми; изъ-за этихъ формальныхъ правилъ мы не усматриваемъ сущности поэзіи, и оттого въ литературѣ является подъ именемъ поэзіи столько ложнаго и натянутаго. Существа поэзіи надо искать именно въ изученіи народной пѣсни—въ ея свободномъ, естественномъ, правдивомъ творчествѣ... Въ этихъ разсужденіяхъ, изложеніе которыхъ отзывается терминами тогдашней нѣмецкой философіи, авторъ цитируетъ однажды Гёте—„этого архигенія человѣческаго рода"... Наконецъ, онъ предчувствовалъ, что въ вопросѣ о народности въ литературѣ кроется и соціальная сторона быта: высшій классъ, угнетавшій народную массу, осужденъ былъ на безплодіе своей литературы, на отсутствіе самостоятельности, повтореніе чужого, и поворотъ къ лучшему и оригинальному возможенъ только при обращеніи къ народному источнику.

Переходя къ классификаціи пѣсенъ, авторъ указываетъ недостатки такой классификаціи въ русскихъ сборникахъ, гдѣ помѣщались и пѣсни совсѣмъ ненародныя, и въ словацкомъ сборникѣ Шафарика; и собственную классификацію вѣрно основываетъ на самомъ народномъ бытѣ, пріурочивая пѣсни къ тѣмъ обстоятельствамъ и случаямъ, въ какихъ онѣ поются. Раздѣливъ пѣсни на два главные отдѣла—мужскія и женскія, онъ располагаетъ послѣднія, наиболѣе многочисленныя, по событіямъ и урочнымъ временамъ народной жизни: А, пѣсни при домашнихъ торжествахъ (сговоръ; свадьба; крестины; похороны); В, при обрядахъ и праздникахъ (гаилки; соботки; коляда); С, при деревенскихъ работахъ и развлеченіяхъ, пѣсни разныхъ сословій (пѣсни земледѣльческія, при обжинкахъ и толокахъ; пастушескія; на вечерницахъ; охотничьи, матросскія, рыбацкія и пр.); Д, при деревенскихъ увеселеніяхъ; Е, пѣсни любовныя. Составъ мужскихъ пѣсенъ гораздо проще; онѣ дѣлятся на пѣсни, касающіяся событій цѣлой страны или собственно историческія, и пѣсни, касающіяся событій единичныхъ.

Въ своемъ сборникѣ Залѣскій помѣстилъ рядомъ пѣсни польскія и русскія, причемъ пѣсенъ русскихъ оказалось у него гораздо больше, чѣмъ польскихъ, и онъ считалъ нужнымъ отвѣтить на два вопроса: откуда происходитъ сравнительная малочисленность пѣсенъ поль-

скихъ (кромѣ краковяковъ), и почему онъ соединилъ въ одномъ сборникѣ пѣсни разныхъ племенъ?

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ,—замѣчаетъ онъ,—у поляковъ всего меньше женскихъ пѣсенъ, а мужскихъ или историческихъ едва можно услышать. Нельзя допустить, чтобы причина этого заключалась во внутреннихъ свойствахъ польскаго народнаго характера, т.-е. въ какой-нибудь неспособности къ поэзіи; слѣдовательно, надо искать объясненія во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Оглянувшись на положеніе польскаго народа въ его прошедшемъ, мы легко встрѣтимъ эти печальныя причины. Онъ приводитъ мнѣніе Бродзинскаго, который приписывалъ этотъ фактъ вліянію шляхетства, такъ угнетавшаго народную жизнь, что народу было не до поэзіи; и дѣйствительно, положеніе польскаго народа было таково, что трудно было ожидать широкаго развитія поэзіи, которое предполагаетъ извѣстный просторъ и самодѣятельность народной жизни. Польскій народъ всего бѣднѣе старыми бытовыми обрядами и обрядовыя пѣсни чрезвычайно малочисленны. Меньше можно удивляться отсутствію историческихъ пѣсенъ: безправный народъ не имѣлъ никакого участія въ событіяхъ національной исторіи; онъ не могъ дорожить и сохранить въ пѣсняхъ историческія преданія, по той простой причинѣ, что не имѣлъ этихъ преданій. „Взвѣсивши все, что̀ мы сказали до сихъ поръ, — замѣчаетъ Залѣскій,—скорѣе можно было бы спросить, какимъ чудомъ этотъ бѣдный народъ совсѣмъ не онѣмѣлъ, чѣмъ спрашивать, почему у него теперь такъ мало пѣсенъ“.

Но эти доводы еще не кажутся Залѣскому достаточными. Развѣ въ лучшемъ положеніи былъ русскій народъ (т.-е. народъ русскій, принадлежавшій Польшѣ), не испытывалъ ли онъ тѣ же, или даже худшія, притѣсненія, и однако, какое множество онъ имѣетъ пѣсенъ, какъ свято сохранялъ обычаи и поэтическую память о давнихъ событіяхъ! Откуда же эта разница? Возвращаясь къ замѣчаніямъ Бродзинскаго, авторъ припоминаетъ бурную исторію Польши, постоянныя военныя столкновенія съ крестоносцами, ятвягами, Москвою, нападенія козаковъ и татаръ, войны съ турками, гайдамацкія возстанія, бурную внутреннюю жизнь Польши, безпокойную шляхту, волновавшуюся на сеймахъ, элекціяхъ, трибуналахъ—все это отзывалось на народѣ всякими тягостями, не давало ему бытового покоя, который способствовалъ бы развитію поэзіи; и дѣйствительно, онъ не выработалъ такой полной, законченной пѣсни, которою такъ богатъ русскій народъ. Но отсутствіе *такой* пѣсни вовсе еще не означаетъ, чтобы народъ польскій былъ совсѣмъ неспособенъ къ пѣсенному творчеству: оно только сложилось у него въ особую форму, сообразно съ его обстоятельствами. Ему некогда было складывать длинныя,

завершенныя произведенія; пѣсня выливалась у него какъ будто второпяхъ, въ коротенькіе пѣсенные мотивы въ двѣ, четыре строчки, гдѣ въ одномъ стихѣ обозначается какой-нибудь образъ изъ окружающей природы, а затѣмъ высказаны мысль или чувство, которыя собственно хотѣли высказать. Это — извѣстный *краковякъ*, который, по мнѣнію Залѣскаго, и составляетъ единственную поэзію польскаго народа, единственный результатъ его поэтической наклонности. Нерѣдко картинка изъ природы не имѣетъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ и какъ будто служитъ только для риѳмы: это авторъ и приписываетъ торопливости творчества. Обычная черта краковяка есть веселость, которая указываетъ, что внѣ упомянутыхъ тревогъ въ старой Польшѣ жилось, однако, весело [1]; но распущенность высшихъ классовъ отразилась и на краковякахъ, которыхъ эротическое содержаніе не всегда прилично. На Руси (т. е. въ русскомъ населеніи старой Польши) дѣло стояло иначе. Сельскій житель, утѣсненный еще больше, былъ, однако, больше предоставленъ самому себѣ. Мелкая шляхта въ русскихъ краяхъ не была разсыпана такъ, какъ въ Польшѣ; народъ не былъ такъ безпрестанно отрываемъ отъ своего дѣла, отъ исполненія своихъ обычаевъ, которые и сохранялись у русскихъ гораздо крѣпче. Залѣскій придаетъ значеніе тому обстоятельству, что у русскихъ богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ.

Можно было бы прибавить скорѣе, что русское духовенство отъ старыхъ и до новыхъ временъ никогда не фанатизировало своей паствы такъ, какъ это дѣлали ксендзы католическіе; какъ духовенство женатое, оно всегда стояло въ болѣе простыхъ отношеніяхъ къ быту; въ эпохи религіозныхъ гоненій, дѣлило съ народомъ одну судьбу, а наконецъ, было близко къ нему и по скудости своего образованія; вслѣдствіе всего этого оно гораздо меньше, чѣмъ католическое, вмѣшивалось въ ежедневный бытъ народа, гдѣ такимъ образомъ на ряду съ церковнымъ благочестіемъ могла сохраняться старина, сначала въ прямой формѣ до-христіанскаго суевѣрія, потомъ въ видѣ народно-поэтическаго праздника и развлеченія.

Но тамъ,—продолжаетъ Залѣскій,—гдѣ обстоятельства складывались такъ же, какъ въ самой Польшѣ, онѣ создали и на Руси подобную поэтическую форму. Это — такъ - называемыя коломыйки, которыя, такъ же какъ краковяки, состоятъ изъ двухъ, четырехъ стиховъ, также съ поэтическимъ сравненіемъ изъ природы и съ выраженіемъ того или другого чувства; но здѣсь сравненіе обыкно-

[1]) Другіе критики польской пѣсни несогласны съ этимъ замѣчаніемъ, и находятъ, что эта „веселость" натянутая, напускная или торопливая, за которой должна опять наступить совсѣмъ невеселая дѣйствительность.

венно гораздо болѣе выдержано, чѣмъ въ польскихъ краковякахъ; веселость сказывается рѣдко, онѣ всегда болѣе скромны и вообще проникнуты какимъ-то печальнымъ, тоскливымъ чувствомъ, нерѣдко выраженнымъ съ глубокой силой [1]).

Переходя къ другому вопросу: почему въ его сборникѣ соединены пѣсни польскія и русскія, Залѣскій соглашается, что было бы лучше представить два особые сборника, но тогда нужно бы было собирать пѣсни по цѣлой Польшѣ и по цѣлой Руси, а этого онъ не считалъ удобнымъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Не ставя себѣ подобной задачи, онъ хотѣлъ собрать только пѣсни галицкія, и такъ какъ Галиція населена народомъ польскимъ и русскимъ, то онъ собиралъ пѣсни польскія и русскія. Сборникъ тѣхъ или другихъ пѣсенъ отдѣльно не былъ бы великъ, и соединивъ ихъ, онъ въ своихъ рубрикахъ смѣшалъ ихъ, какъ смѣшано самое населеніе. Авторъ дѣлаетъ при этомъ еще любопытное замѣчаніе. „Рѣзко раздѣлять ихъ не казалось мнѣ нужнымъ, когда и безъ того, поставленныя однѣ рядомъ съ другими, онѣ лучше отличаются въ своихъ характерахъ. Я не думаю, чтобы черезъ это я сдѣлалъ свой сборникъ менѣе пригоднымъ для поляковъ и для русиновъ; думаю, напротивъ, что черезъ это онъ становится для тѣхъ и другихъ гораздо полезнѣе. Каждый русинъ понимаетъ польскія пѣсни и полякъ пойметъ русскія, если только захочетъ и приложитъ къ этому какое-нибудь стараніе; кромѣ того, историческія русскія пѣсни воспѣваютъ событія изъ польской исторіи и въ этомъ отношеніи онѣ опять принадлежатъ къ польскому сборнику.—Съ болѣе широкой точки зрѣнія, это отлученіе русиновъ изъ нашей литературы кажется мнѣ очень вреднымъ для цѣлой славянской литературы, къ которой мы всегда обязаны стремиться. Словаки, слезаки въ Силезіи, моравяне пристали къ чехамъ; къ кому же могутъ пристать русины? Неужели же мы должны желать, чтобы русины имѣли свою особую

[1]) Ср. объ этомъ замѣчаніи Бодянскаго, въ его диссертаціи (стр. 93—98): „Пѣснямъ, подобнымъ краковякамъ, нельзя было явиться у южнаго русина, такъ какъ недоставало причинъ и поводовъ къ тому. А то, что нѣкоторые (ссылка на В. Залѣскаго) разумѣютъ надъ ними (коломійки), суть просто на выдержку взятые куплеты изъ другихъ пѣсенъ, начало коихъ гг. собиратели не знаютъ, и потому выдаютъ эти куплеты за нѣчто цѣлое, въ родѣ краковяковъ. Не споримъ, многіе куплеты изъ пѣсенъ поются и отдѣльно, примѣняя ихъ къ какому-нибудь случаю; но все же они части другого цѣлаго и отнюдь не похожи на краковяки. Равнымъ образомъ у русиновъ есть довольно плясовыхъ пѣсень, состоящихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшаго числа куплетовъ; при всемъ томъ грѣшно бы было называть такія пѣсни — краковяками, приписывать имъ одинакое происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, такъ-называемымъ, *коломійкамъ*, указать, къ какой онѣ относятся пѣснѣ, откуда именно взяты“.

литературу? Что же сталось бы съ нѣмецкой литературой, еслибы отдѣльныя германскія племена усиливались имѣть каждая свою литературу? Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому помочь я не могу, такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе".

Наконецъ, въ послѣдней части предисловія Залѣскій останавливается на объясненіи разныхъ родовъ пѣсенъ и подробностей ихъ содержанія.

Таковы были этнографическія и литературныя идеи польскаго собирателя. Нельзя вообще не замѣтить въ его трудѣ любопытный образчикъ вліянія какъ европейскаго романтизма, такъ и славянскаго возрожденія. Это двоякое вліяніе навело писателя на идеи, не совсѣмъ обычныя въ тогдашней (да и позднѣйшей) польской литературѣ, на критическое отношеніе къ прошлому и настоящему своего народа, на славянскія симпатіи, на интересъ къ простому сельскому люду и его пѣсенному творчеству. Отношенія его къ русскому народу въ Галиціи показываютъ, какъ слабы еще были зачатки возрожденія у самихъ русиновъ, какъ слабо чувство общности съ одноплеменной массой русскаго народа. Съ другой стороны, тотъ взглядъ, что русинамъ именно слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ и народности, до послѣдняго времени былъ распространенъ у польскихъ писателей и публицистовъ, которые наклонны были считать или настойчиво утверждали, что малорусскій народъ есть вообще только отрасль польскаго и малорусскій языкъ есть польское нарѣчіе. Такое отождествленіе малорусскаго народа съ польскимъ представляетъ, въ другой области, такъ-называемая украинская школа польской поэзіи, которая вдохновлялась малорусской природой, бытомъ, преданіями—какъ бы своими собственными... Источникъ этого представленія весьма понятенъ, и не всегда онъ—только злостный; это—не простое намѣренное отрицаніе малорусской народности, которымъ прикрывается желаніе господствовать надъ малорусскими землей и народностью въ качествѣ польскихъ. Это могло быть, и бывало, также совсѣмъ искреннее представленіе, унаслѣдованное отъ временъ, когда Польшѣ дѣйствительно принадлежало это господство.

Странно встрѣчаться съ такимъ пониманіемъ дѣла теперь, когда всѣмъ достаточно ясно, что ни въ малорусскомъ языкѣ и народности нѣтъ никакого тождества съ польскими, ни въ исторіи нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба, ни въ литературѣ русинамъ никакъ нельзя „пристать" къ литературѣ польской,—но пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Галиціи, эта мысль могла не казаться несообразностью. Русская народность въ Галиціи въ тридцатыхъ годахъ едва дѣлала первые шаги литературнаго возрожденія. Первая книжка, съ которой можно считать новую галицкую литературу,

вышла уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сборника Залѣскаго; послѣдній, увлекшись мыслью объ изученіи народности своей родины, былъ первымъ собирателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточилось большое количество малорусскихъ пѣсенъ, и у себя дома, не видя другихъ изданій, вѣроятно, не ожидая, чтобы сами галицкіе русскіе скоро сдѣлали что-нибудь по этому предмету, и полагая, наконецъ, что они могли бы, за неимѣніемъ своей, пристать къ польской литературѣ,—внесъ русскія пѣсни въ свой сборникъ, написавши ихъ польской азбукой. Любопытно, что эта мысль употребленія польской азбуки нашла-было себѣ сторонника въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ патріотовъ, но, какъ скажемъ дальше, эта проба не имѣла никакихъ послѣдствій, потому что вскорѣ у самихъ русскихъ галичанъ началось броженіе въ духѣ народности.

Какъ бы то ни было, сборникъ Залѣскаго былъ самымъ замѣчательнымъ трудомъ въ ряду польскихъ этнографическихъ изысканій, которыя, кромѣ собственно польскаго матеріала, разработывали и русскій (или малорусскій). Сборникъ Залѣскаго сталъ важнымъ пособіемъ для малорусскихъ этнографовъ, и напр. книга Костомарова 1843, о которой скажемъ далѣе, не обошлась безъ указаній Залѣскаго относительно историческаго значенія народныхъ пѣсенъ.

Много лѣтъ спустя, строгій судья, Бодянскій, говоритъ о книгѣ Залѣскаго: „Собраніе Залѣскаго сильное имѣло вліяніе, какъ на земляковъ его, такъ равномѣрно и русскихъ въ Галиціи и Угріи; онъ самимъ дѣломъ уже показалъ тѣмъ и другимъ, какое неоцѣненное сокровище имѣютъ они въ своемъ народномъ творчествѣ, особливо русскіе, превосходя имъ безспорно не только сосѣдей своихъ, но и всѣ вообще славянскія племена. Августинъ Бѣлёвскій, разбирая этотъ сборникъ въ № 3-мъ „Rozmaitości“ того же года, открыто признаетъ высокое достоинство и очаровательную красоту южно-русскихъ пѣсенъ, и, сравнивая ихъ съ сербскими (особенно свадебныя), охотно отдаетъ имъ преимущество не только передъ сими послѣдними, но и передъ пѣснями прочихъ славянъ“ [1]).

Другой трудъ подобнаго рода въ 1830 годахъ представляетъ сборникъ Жеготы (собственно Игнатія, поляка родомъ) Паули [2]). Такъ же какъ Залѣскій, онъ собиралъ одинаково пѣсни польскія и русскія, но издалъ въ двухъ отдѣльныхъ сборникахъ; онъ располагалъ

---

[1]) Предисловіе къ „Народнымъ пѣснямъ“, Головацкаго; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1863, III, стр. VI).

[2]) Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1838.—Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1839—1840. 2 тома.– Предисловіе къ польскимъ пѣснямъ помѣчено апрѣлемъ 1838 г., къ русскимъ — маемъ 1836 года.

пѣсни почти въ томъ же порядкѣ, но сопроводилъ ихъ обстоятельными, по своему времени, объясненіями; даетъ описаніе обрядовъ, къ которымъ пріурочиваются извѣстные разряды пѣсенъ, и при этомъ пользуется какъ свидѣтельствами старой литературы, такъ и сравненіями съ народной поэзіей другихъ славянскихъ племенъ.

Такимъ же образомъ малорусская народная поэзія, обычаи, преданія и т. д. излагаются въ трудахъ другихъ извѣстныхъ польскихъ этнографовъ того времени, какъ Казиміръ-Владиславъ Войцицкій, очень плодовитый, но недостаточно критическій собиратель [1]); какъ историкъ, статистикъ и этнографъ Лука Голембёвскій [2]), у котораго подъ народомъ польскимъ опять разумѣются также бѣлоруссы и малоруссы [3]).

Польскіе этнографы того времени не владѣли еще критическимъ методомъ, котораго недоставало, впрочемъ, русскимъ и инымъ славянскимъ изслѣдователямъ того времени; у этихъ первыхъ начинателей этнографіи еще не было заботы о строгой точности при самомъ собираніи матеріала и, вслѣдствіе того, его подлинность, мѣстность и нарѣчіе и т. д., на нынѣшній взглядъ, часто являются неудостовѣренными. Такъ, Жегота Паули обвиняетъ Войцицкаго, что тотъ выписалъ многія польскія пѣсни изъ рукописей Паули и придалъ имъ произвольное обозначеніе мѣстности. Подобное обвиненіе было выставлено потомъ противъ самого Паули. Народныя преданія у старыхъ польскихъ собирателей рѣдко являются въ своей подлинной формѣ и всего чаще въ литературныхъ пересказахъ, болѣе или менѣе прикрашенныхъ, отчего теряютъ самое значеніе этнографическаго матеріала. При всемъ томъ работы польскихъ этнографовъ принесли свою большую пользу для малорусской этнографіи, открывая много новаго матеріала, затрогивая новыя стороны быта (напр., у Голембёвскаго, Войцицкаго), такъ что малорусскіе изслѣдователи въ этихъ трудахъ имѣли уже или поставленные вопросы, или нѣкоторыя готовыя указанія; въ особенности сборникъ Вацлава Залѣскаго, явившійся одновременно съ началомъ изданія „Запорожской Старины“, до второго сборника Максимовича, до сборника Лукашевича, до га-

---

[1]) Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu. Warszawa. 1836, 2 ч.; Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Zebrał i spisał K. W. Wóycicki. Warsz. 1837, 2 тома; Zarysy Domowe. Warsz. 1842, 4 тома, и др. Ср. еще въ тридцатыхъ годахъ замѣчаніе Ж. Паули, Pieśni ludu pol., въ концѣ.

[2]) Gry i zabawy różnych stanów etc. Warsz. 1831, и др.

[3]) О работахъ по польской этнографіи см. въ книжкѣ г. Ивацевича: „Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ. Библіографическое обозрѣніе“. Спб. 1838, стр. 122 и слѣд.

лицкихъ изданій, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи этого вопроса.

Между прочимъ, сборникъ Залѣскаго произвелъ впечатлѣніе въ средѣ галицкихъ русиновъ. Первые признаки національнаго возрожденія въ русской Галиціи относятся къ 1830-мъ годамъ. Отголоски славянскаго движенія достигаютъ тамъ въ среду учащейся молодежи и пробуждаютъ интересъ къ изученію собственной народности и по связи съ ней—русской литературы и этнографіи. Скудость матеріальныхъ средствъ, трудность имѣть русскія книги, подозрительность цензуры и полиціи обставляли дѣло большими препятствіями, но молодые энтузіасты добывали кое-какъ русскія книги, изучали страну, пускались въ археологію, собирали пѣсни и въ результатѣ положили начало новой галицкой литературѣ и этнографіи [1]).

И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ славянскаго возрожденія и какъ въ нашихъ первыхъ стремленіяхъ въ народности, исторически созрѣвавшее направленіе сказывалось нерѣдко чисто инстинктивно въ людяхъ молодого поколѣнія, которые стремились къ народности, не имѣя яснаго представленія о томъ, куда оно можетъ привести ихъ, и не останавливаясь передъ самой ограниченностью своихъ литературныхъ средствъ [2]). Въ галицкомъ молодомъ поколѣніи влеченіе къ народности было такимъ же инстинктивнымъ и вмѣстѣ романтическимъ. Трое изъ тогдашнихъ молодыхъ писателей, Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Вагилевичъ, еще студентами, на школьной скамьѣ, думали о необходимости новой литературы для своего народа, собирали пѣсни, изучали старину, дѣлали собственные литературные и поэтическіе опыты, и къ концу 30-хъ годовъ издали книжку, которая была однимъ изъ первыхъ опытовъ ввести въ книгу языкъ галицко-русскаго народа, была началомъ

---

[1]) См. о галицкомъ возрожденіи въ „Исторіи слав. литературъ“, т. I, стр. 410 и дал. Другія подробности см. въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, изд. Н. Попова, М. 1879—1880, стр. 538—666; „Литературний Сборникъ“, издаваемый галицко-русскою матицею, Львовъ, 1885, вып. 1—2 (воспоминанія Я. Головацкаго, автобіографія Іос. Лозинскаго); „Кіевская Старина“, 1885, іюль: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“, стр. 453—472, и августъ: „Къ исторіи галицко-русской письменности“, стр. 645—663.—Въ послѣдней статьѣ частію повторены разсказы „Литер. Сборника“; въ первой сообщены особыя подробности о Вагилевичѣ.

[2]) Головацкій въ разныхъ своихъ воспоминаніяхъ не однажды разсказываетъ о томъ, какой рѣдкостью были въ ихъ кругу русскія книги и съ какимъ трудомъ они ихъ добывали. Это подтверждается современной перепиской и свидѣтельствами нашихъ путешественниковъ (см., напр., въ „Очеркѣ путешествія по славянскимъ землямъ“ въ 1840 г., А. Терещенка,—цитата въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, стр. 562); но съ другой стороны, мы видѣли, что Вацлавъ Залѣскій имѣлъ въ рукахъ русскіе этнографическіе сборники.

новой галицко-русской литературы и вмѣстѣ однимъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи [1]).

Однимъ изъ возбужденій къ этой новой дѣятельности послужили польскія этнографическія книги, и особливо книга Залѣскаго. Народному патріотизму русскихъ галичанъ льстило то, какъ польскій писатель отзывался о богатствѣ и оригинальности русской народной поэзіи сравнительно съ польской, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ задѣвало за живое то мнѣніе этого писателя, что русскимъ галичанамъ не по силамъ, да и ненужно имѣть свою литературу и слѣдуетъ просто пристать къ литературѣ польской; ихъ задѣвало то, что Залѣскій прямо смѣшивалъ русскія пѣсни съ польскими и печаталъ ихъ латинской азбукой польскаго языка, что такимъ образомъ малорусскій языкъ и малорусская народность не считались чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, а просто причислялись къ польской стихіи, какъ ея мелкій оттѣнокъ. Для нѣкоторыхъ это мнѣніе о пригодности польскаго письма для малорусской рѣчи показалось однако довольно убѣдительнымъ и, напр. одинъ изъ молодыхъ патріотовъ, впослѣдствіи заслуженный дѣятель галицкой литературы, Іосифъ Лозинскій, дѣйствительно принялъ польскую азбуку и издалъ книжку: „Ruskoje Wesile, opysannoje czerez J. Lozinskoho“ (Перемышль, 1835) — описаніе обрядовъ „веселья“, т.-е. свадьбы, со сборникомъ свадебныхъ пѣсенъ. Лозинскій долго былъ защитникомъ этой азбуки — именно до 1848 года, когда общій отпоръ его системѣ со стороны большинства дѣятелей русской народности въ Галиціи и обстоятельства національной борьбы съ поляками привели его къ другому взгляду на этотъ предметъ [2]). Русская азбука для галицкихъ патріотовъ была символомъ самой русской народности, и борьба за нее была первой защитой національнаго дѣла: она олицетворяла собой все племенное различіе, всю историческую разницу, всю настоящую противоположность интересовъ польскихъ и русскихъ. Но даже научиться этой азбукѣ было тогда нелегко: не было образчика русскаго письма — его копировали съ курсива печатныхъ азбукъ и грамматикъ. Когда патріоты начали печатать свои новыя книжки, то многихъ людей стараго вѣка непріятно поражало даже употребленіе гражданской русской печати вмѣсто единственно знакомой церковной. Прибавлялся, наконецъ, вопросъ о самомъ языкѣ—писать ли на ломанномъ церковно-русскомъ языкѣ, привычномъ до сихъ поръ, или на настоящемъ народномъ, томъ языкѣ, который молодые патріоты узна-

---

[1]) Русалка Днѣстровая. У Будимѣ. Письмом корол. Всеучилища Пештанского. 1837. Мал. 8°. XX, 133 и 2 ненум. стр. Эпиграфъ изъ Коллара: „Ne z mutného oka, z ruky pilné naděje kwitne“—и далѣе изъ Богдана Залѣскаго.

[2]) См. въ „Литер. сборникѣ“ Дѣдицкаго, 1885, автобіографію Лозинскаго.

вали съ дѣтства въ народной рѣчи и въ пѣсняхъ и который поя вился уже въ малорусскихъ книжкахъ въ Россіи (потому что эт былъ одинъ и тотъ же языкъ съ галицко-русскимъ). Какъ извѣстн этотъ вопросъ не рѣшенъ въ галицкой литературѣ и до сихъ пор и галицкіе писатели все еще колеблются между русскимъ книжным языкомъ (которымъ овладѣть хорошенько не могутъ и который не знакомъ народной массѣ) и народной рѣчью (которая требовала б болѣе обширной литературной обработки). Издатели „Днѣстрово Русалки" не усумнились принять для своего сборника языкъ народны Книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: народныхъ пѣсенъ, собра ныхъ молодыми патріотами съ вводнымъ разсужденіемъ Вагилевич и изъ поэтическихъ опытовъ ихъ и Шашкевича. Молодые писател въ своемъ патріотическомъ кружкѣ, подобрали себѣ имена въ древн русскомъ вкусѣ: одинъ назвался Далиборомъ (Вагилевичъ), другой—Русланомъ (Шашкевичъ), третій — Ярославомъ (Головацкій); потом явились и еще древніе русины — Мирославъ (Илькевичъ, издател пословицъ), Велеміръ, Мстиславъ и т. д. Собраніе пѣсенъ въ „Р салкѣ" невелико, но пѣсни были новы и характерны.

По позднѣйшимъ разсказамъ Головацкаго, у него уже въ т время составился обширный сборникъ пѣсенъ, и что именно этот сборникъ былъ изданъ Жеготой Паули. Упомянувъ о томъ, какъ в времена его студенчества во Львовѣ, за трудностью имѣть русскі книги, онъ списалъ въ библіотекѣ всю книжку пѣсенъ Максимович (въ изданіи 1827 года), онъ прибавляетъ: „Игнатій-Жегота Паул мазуръ, слушавшій вмѣстѣ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ универ ситета, *вымапилъ* у меня черновыя тетради этихъ и другихъ на родныхъ пѣсенъ и издалъ въ Перемышлѣ (Львовѣ) 1839 г. въ II то махъ „Piesni ruskiego ludu w Galicyi"; самъ то онъ плохо понимал по-русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ" [1]).

[1]) „Кіев. Старина", 1885, авг., ст. 647. Тоже, нѣсколько подробнѣе, въ „Литер Сборникѣ", вып. 1, стр. 13—14: „Вмѣстѣ съ нами (т.-е. еще съ Шашкевичемъ и Ва гилевичемъ) колегіи посѣщалъ небольшій человѣчекъ (?), нѣкто Игнатій Паули, ма зуръ, пріѣхавшій изъ Сандечской гимназіи въ университетъ. Онъ постарался позна комитись съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научитись по-русски и по славянски, удавалъ Славянина (т.-е. выдавалъ себя за славянскаго патріота) и под писывался даже *Жегота* Паули. Я не довѣрялъ ему; но Вагилевичъ былъ больш откровеннымъ, а Шашкевичъ радъ былъ, что идея Славянства пускаетъ корени н польской почвѣ и что Паули стоитъ за демократическій принципъ, такъ якъ онъ со биралъ пѣсни польского люда, и потому онъ считалъ его безвреднымъ (?), находя что будто на основаніи демократическаго устройства ляхи намъ неопасны. Паули вымапилъ *отъ насъ* не только тетрадки народныхъ пѣсень, но и переписалъ *отъ мене* пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу К. Яблонскому, который ихъ издалъ—и пр.,—хота онъ вовсе не собиралъ пѣсень, а переписалъ таковыи.—Паули ввелъ насъ въ польскіи кружки и познакомилъ съ Бѣлевскимъ, Сѣминским Войцицкимъ, Туровскимъ", и проч.

Не знаемъ, какъ было это дѣло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ тогдашнемъ интересѣ Паули къ славянству, кажется, не было основанія сомнѣваться. Ранѣе сдѣланное изданіе польскихъ пѣсенъ свидѣтельствовало, что этнографія занимала его и независимо отъ пѣсенъ Головацкаго; онъ обставлялъ пѣсни объясненіемъ народныхъ обычаевъ, и не только „удавалъ славянина“, но зналъ тогдашнюю славянскую литературу, занимавшуюся истолкованіемъ народной старины, и самъ, какъ умѣлъ, работалъ въ ея духѣ и пріемахъ. Если онъ никогда не „сообщался“ съ русскимъ народомъ, то чѣмъ объясняется, что онъ составилъ однако словарикъ, приложенный имъ къ изданію русскихъ пѣсенъ? [1]).

Болѣе точное, хотя опять неблагопріятное для Жеготы Паули, указаніе на источники его пѣсеннаго собранія сдѣлано было позднѣе Бодянскимъ въ его предисловіи къ „Народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго [2]). Изъ указаній Бодянскаго видно, что Паули пользовался не одними только тѣми пѣснями, которыя „выманилъ“ у Головацкаго, но и разными печатными источниками. Но дѣло все-таки остается не вполнѣ яснымъ: во-первыхъ,

---

[1]) Настоящая глава, при первомъ появленіи въ печати, и другіе отзывы мои о галицко-русской литературѣ и этнографіи вызвали злобное нападеніе, нынѣ покойнаго, ветерана галицкой литературы изъ лагеря „твердыхъ“, Я. Ѳ. Головацкаго, въ „Р. Вѣстникѣ“ и потомъ въ отдѣльной книжкѣ: „Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. П—на, напечатаннымъ въ Вѣстн. Европы за 1885 и 1886 годы“ (Вильна, 1888). Въ этой книжкѣ есть не лишенныя интереса воспоминанія о прошломъ галицкой литературы, но полемика наполнена мало приличнымъ вздоромъ, который разбирать не стòитъ; укажу отвѣтъ мой на первую изъ статей Головацкаго (въ Р. Вѣстникѣ, 1886, ноябрь), помѣщенный въ „В. Евр.“ 1887, январь, стр. 440—444; на продолженіе я уже не счелъ нужнымъ отвѣчать.

Въ книжкѣ вылилась давно собиравшаяся желчь противъ всего польскаго. Для Головацкаго, какъ извѣстно, съ 1867 г. перешедшаго въ русское подданство и службу, спокойное, безпристрастное отношеніе къ польскому было немыслимо, и достаточно было ему увидѣть такое отношеніе въ моихъ статьяхъ, чтобы причислить меня въ польскую партію. Если я не браню поляковъ—я „стою за нихъ горой“; если нѣкоторые факты старыхъ русско-польскихъ отношеній въ Галиціи возбуждали во мнѣ недоумѣніе (я между прочимъ указывалъ, что въ 1830-хъ годахъ галицко-русскіе писатели и въ томъ числѣ самъ Головацкій не были съ поляками въ такой враждѣ, какъ впослѣдствіи), я совершалъ „клеветы и инсинуаціи“, чтò не мѣшало врагу клеветъ и инсинуацій обвинять меня въ томъ, чего я вовсе и не говорилъ (примѣры приведены въ „Вѣстникѣ Евр“. 1887, январь). Сличивъ указанные у меня литературные факты съ опроверженіями Головацкаго, читатель увидитъ, что послѣднія (между прочимъ, со ссылками на „неизвѣстныя“ мнѣ письма) хотя злобны, но далеко недостаточны; неточности Головацкаго замѣтилъ и г. Дашкевичъ (въ XXIX отчетѣ о прис. Увар. наградъ, стр. 168).

[2]) Чтенія Моск. Общ. исторіи и древностей, 1863, т III, стр. VII—VIII. Этого предисловія не находимъ въ отдѣльномъ изданіи собранія Головацкаго. М. 1878, —или оно было только въ „Чтеніяхъ“?

сравнивая сборникъ Паули съ „Днѣстровой Русалкой“ (гдѣ находится нѣсколько тождественныхъ пѣсенъ), встрѣчаемъ не однаждь разнорѣчія [1]); во-вторыхъ, какимъ образомъ, издавая впослѣдствіи свое цѣлое собраніе въ московскихъ „Чтеніяхъ“, Головацкій въ числѣ разныхъ своихъ источниковъ цитируетъ этого самаго Паули? Наконецъ, если Паули совершилъ плагіатъ, отчего Головацкій предоставилъ Бодянскому заявить о немъ лѣтъ черезъ двадцать-пять, а самъ сказалъ о немъ только лѣтъ черезъ пятьдесятъ?

Относительно того, что Паули „удавалъ славянина“, припоминается указаніе самого Головацкаго, что Паули свелъ его и его друзей съ кружкомъ Бѣлёвскаго, Луціана Сѣменьскаго, Войцицкаго и Туровскаго. Но это былъ именно кружокъ польскихъ писателей, заинтересованныхъ славянскимъ движеніемъ и работавшихъ для польско-малорусской этнографіи. Выше мы упоминали восторженные отзывы Бѣлёвскаго (авторитетнаго польскаго историка и археографа) о малорусскихъ пѣсняхъ; Сѣменьскій принадлежалъ къ числу немногихъ польскихъ литературныхъ панславистовъ [2]); о Войцицкомъ говорено выше; Казиміръ Туровскій издалъ во Львовѣ въ 1835 году: „Uwagi nad niektórymi piesniami poetów ludu“, гдѣ для примѣра приводитъ и русскія пѣсни... Итакъ, былъ цѣлый польскій кружокъ, заинтересованный малорусской народной поэзіей. Тогда думали (какъ В. Залѣскій), что русскія пѣсни могутъ быть изданы и въ польской книгѣ, притомъ это сдѣлано было скорѣе, чѣмъ русскіе любители успѣли сдѣлать свое изданіе (дѣйствительно, печатаніе „Днѣстровой Русалки“ стоило издателямъ большихъ хлопотъ).— Почему иначе было не заявить тогда же о плагіатѣ?

О большомъ новѣйшемъ сборникѣ Головацкаго скажемъ далѣе.

---

[1]) Вотъ напр. варіанты въ колядкѣ у Жеготы Паули, I, стр. 3—5, и въ „Русалкѣ Днѣстровой“, стр. 36—37:

...Odnomu bude Zołotyj persteń — Zołotyj persteń Z biloho palci	Одному буде золотий перстень,
Druhomu bude Chustka szoukowa — Chustka szoukowa Z biłeji szeji, и пр.	Другому буде хустка від боку и пр.

Есть варіанты и въ записи пѣсни о взятіи Варны: Паули, I, стр. 135 — 136; „Русалка“, стр. 118—119. При нѣкоторыхъ ошибкахъ, варіанты Паули представляются иногда болѣе точными.

Въ сборникъ Паули вошли не всѣ пѣсни, находящіяся въ „Русалкѣ“.

[2]) Позднѣе онъ издалъ, напр: „Podania i Łegendy polskie, ruskie, litewskie“. Познань, 1845.

ГЛАВА V.

П. А. Лукашевичъ.—А. Л. Метлинскій.

Въ 1836, вышелъ въ Петербургѣ новый сборникъ малорусскихъ пѣсенъ подъ названіемъ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни“, безъ имени собирателя, которымъ былъ Платонъ Лукашевичъ. Эта небольшая книжка составляла потомъ необходимое пособіе малорусскихъ этнографовъ; ея думы и пѣсни цитировались до настоящаго времени, какъ напр., въ послѣднихъ работахъ Костомарова. Впослѣдствіи собиратель не возвращался къ этому предмету, а въ сороковыхъ годахъ пріобрѣлъ особаго рода извѣстность какъ авторъ книги, носившей такое заглавіе: „Чаромутіе или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ“ (Спб. 1846), за которою послѣдовала другая: „Примѣры всесвѣтнаго славянскаго чаромутія, астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ греческаго и коптскаго“ (М. 1855), и затѣмъ еще цѣлый рядъ подобныхъ книжекъ, идущій до послѣднихъ годовъ, съ такими же странными заглавіями и не менѣе страннымъ содержаніемъ, гдѣ авторъ съ большой самоувѣренностью дѣлалъ самыя фантастическія открытія въ таинственной древности, до него никому неприходившія въ голову. „Чаромутіе“ надолго сдѣлалось басней въ литературѣ, между тѣмъ, какъ сборникъ пѣсенъ, гдѣ собиратель не поставилъ своего имени, оставался, какъ мы сказали, одной изъ наиболѣе замѣтныхъ книгъ по малорусской этнографіи.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 года, въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ некрологѣ въ первый разъ сообщены были о немъ немногія біографическія свѣдѣнія [1]). Лукашевичъ учился въ нѣжин-

[1]) Кіевская Старина, 1887, кн. 1, стр. 245—246. Кромѣ этого намъ разъ только, еще при жизни Лукашевича, встрѣтилось о немъ нелѣпое извѣстіе, изображавшее его какъ непризнаннаго русскаго Меццофанти: онъ якобы зналъ 220 языковъ и на-

ской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ товарищемъ Гоголя, и оканчивалъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ въ Одессѣ. Въ молодости онъ сдѣлалъ поѣздку за границу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Ганкой и Колларомъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ.

Сборникъ пѣсенъ, изданный Лукашевичемъ, остался его единственнымъ трудомъ въ этой области.

Книжка начинается небольшимъ предисловіемъ, которое можетъ странно поразить рядомъ съ другими тогдашними отзывами о малорусской народной поэзіи: въ то время какъ другіе собиратели и критики превозносили богатство и тонкое изящество этой поэзіи, Лукашевичъ давалъ совсѣмъ иную картину ея состоянія въ данную минуту, говорилъ объ ея упадкѣ, предсказывалъ ея близкую гибель, и свой собственный сборникъ представлялъ какъ немногое, что можно еще спасать отъ ея крушенія.

„Мы имѣемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсенъ, гг. Срезневскаго и Максимовича, — говорилъ Лукашевичъ — Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это, можетъ быть, послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи,—тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно замѣнены солдатскими, или великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себѣ почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихого солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ малороссіяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по малороссійскому селенію, въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу—страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжущимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалѣ—и вы въ опасности потерять органъ слуха... невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя, томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлука съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ неизъяснимымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Тôлькô минѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу!—*или*:
Ой не видно того села -только видно хрести,
Туда минѣ любо, мило оченьками сьвести!

„Нѣтъ, теперь ужъ этого пѣнія не услышите на вечерницахъ, и между ними есть запѣвалы и писклывый хоръ и какой! не скажу о немъ ни слова. Не зная великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т.-е. солдатскія и ямщицкія. Не-

---

рѣчій, когда знаменитому кардиналу было извѣстно только 70. (См. „Новоросс. Телеграфъ", откуда перепечатка въ „Саратовскомъ Дневникѣ", 1885, № 228, 25 окт.).

рѣдко мужчины и женщины поютъ вмѣстѣ эту пѣснь, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ... Проѣзжайте всю Малороссію вдоль и въ поперегъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ десяти парубковъ, едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть „мужицькую пиcню“ и то какую-нибудь жен скую. И горе ему, если услышатъ это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ „мужикъ“. Эти мужицкія пѣсни вы можете услышить только гдѣ-нибудь въ уединеніи—въ полѣ, въ лѣсѣ, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая, Малороссійская, народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсенъ о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и имѣютъ великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ уцѣлѣвшихъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ онѣ поются на ладъ „парня и дѣвки“; чрезъ двадцать лѣтъ, мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ [1]). Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

„Итакъ, эти пѣсни, которыя я издаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самихъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ,—скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу въ гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцамъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ, хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся могилу, или долетитъ на высокій курганъ козацкій“.

Странно читать эти отзывы собирателя малорусскихъ пѣсенъ, которыя едва только въ эти самые годы стали появляться на свѣтъ въ немногихъ еще собраніяхъ, возбуждали восторгъ не только своихъ, но и чужеплеменныхъ любителей и критиковъ своимъ изяществомъ и такимъ богатствомъ, какого не могла представить никакая иная славянская народность. Не можетъ не показаться, что авторъ преувеличивалъ, говоря о совершившейся гибели малорусской народной пѣсни; онъ только не умѣлъ найти ее,—какъ впослѣдствіи нашли ее другіе собиратели: Костомаровъ, Кулишъ, Метлинскій, Головацкій Чубинскій и пр. При всемъ томъ была, однако, большая правда въ жалобахъ Лукашевича: для малорусской пѣсни дѣйствительно уже въ то время наступалъ періодъ паденія, который шелъ потомъ чѣмъ дальше тѣмъ быстрѣе. Паденіе должно было начаться, очевидно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда кончался старый малорусскій бытъ, создавшій эту поэзію, когда началось вмѣшательство въ украинскую жизнь новаго политическаго элемента въ видѣ русскаго военнаго и гражданскаго управленія, русской школы, языка и обычаевъ. Правда,

---

[1]) Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ—новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ. (Прим. Лукаш.).

малорусская деревня еще долго сохраняла свой старый складъ, державшійся не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ и мелкомъ панскомъ быту; малорусская деревня, изображенная Гоголемъ или описанная Далемъ, очевидно хранила еще много своей патріархальной старины, но Лукашевичъ былъ правъ, что новѣйшая малороссійская народная муза не могла уже создать ничего, что̀ бы могло равняться съ ея давними твореніями, и хранить старое становилось все труднѣе—исчезла старая основа народнаго творчества, какъ впрочемъ она исчезаетъ и вездѣ въ разной степени. Уже тогда, въ тридцатыхъ годахъ, пѣсни приходилось отыскивать, эпическія думы быстро исчезали, и многочисленныя поддѣлки, появившіяся въ это время, были очевиднымъ признакомъ, что подлинный эпическій матеріалъ становился рѣдокъ; преданія, не записанныя вб-время, погибали уже навсегда, и Лукашевичъ понялъ это совершенно вѣрно. Въ сборникахъ, составлявшихся позднѣе, и съ усерднымъ желаніемъ собрать все, что̀ возможно, мы уже встрѣчаемъ не разъ только обломки —незаконченныя пѣсни, или пѣсни спутанныя, сшитыя изъ разныхъ клочковъ, невразумительные варіанты, иной разъ какіе-нибудь два стиха, оставшіеся обрывкомъ забытой пѣсни [1]).

Собраніе Лукашевича состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ (стр. 9—100) помѣщены пѣсни изъ русской Малороссіи; во второмъ (стр. 109—170) пѣсни червоно-русскія, которыя Лукашевичъ взялъ изъ собранія—какъ онъ называетъ—„г. Вацлава", т.-е. Вацлава изъ Олеска, или Залѣскаго. Въ собственномъ небольшомъ сборникѣ Лукашевича помѣщено нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ думъ, какъ напр. о Байдѣ-Вишневецкомъ, замѣчательная дума о Самойлѣ Кишкѣ, о которой онъ говоритъ, что „сія дума по количеству стиховъ своихъ (355 стих.), подробностямъ и истинно гомерическимъ описаніямъ превосходитъ въ своемъ родѣ всѣ, до-нынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи, думы"; новый и болѣе полный текстъ думы объ Ивасѣ Коновченкѣ (328 стиховъ); думы извѣстныя и неизвѣстныя о Морозенкѣ, Сезнѣ, Перебійносѣ, Нечаѣ, Швачкѣ, Голотѣ, Левенцѣ, Грицѣ, Калнашѣ и пр.; нѣсколько пѣсенъ бытовыхъ и обрядныхъ (петровки, коляды, щедровки, купальскія, свадебныя).

Къ сожалѣнію, Лукашевичъ, по обычаю всѣхъ тогдашнихъ собирателей, не указываетъ съ точностью, откуда бралъ онъ свои тексты. Относительно думы о Самойлѣ Кишкѣ онъ замѣчаетъ, что она списана въ полтавской губерніи, „точь-въ-точь со словъ бандуриста-слѣпца". Относительно думы объ Ивасѣ Коновченкѣ онъ говоритъ,

---

[1]) См. напр. у Метлинскаго, стр. 374, 407. У Лукашевича—только начало думы про Тетерю, стр. 35, и мн. др.

что „нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку" [1]. Неясно также происхожденіе обширнаго текста знаменитой думы „о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова" (стр. 59), котораго издатель не имѣлъ тогда подъ руками и который собирался издать впослѣдствіи.

Въ предисловіи ко второму отдѣлу, Лукашевичъ даетъ понятіе о русскомъ населеніи въ Галиціи, которую, повидимому, зналъ по собственнымъ наблюденіямъ, и къ которой относится съ величайшимъ сочувствіемъ. Здѣсь онъ находитъ и другое состояніе малорусской народной поэзіи.

„Червонорусцы,—говоритъ онъ,—не взирая на безконечное (?) свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ,—сохраняютъ, по сю пору, привязанность къ своему происхожденію и имени, а слѣдовательно, и къ Россіи; Украина, Малороссія есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ какою заботливостью Галичанинъ разспрашиваетъ заѣзжаго изъ Россіи гостя о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ; онъ съ радостію раздѣляетъ съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать что новаго, объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Украйны и ея исторію, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастію и успѣхамъ и тужитъ въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ „о пригодѣ Ковацькои". Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ—если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ, то говоритъ, „что онъ Козакъ изъ Украйны, и Козакъ „съ роду"; въ одной пѣснѣ мать описываетъ своей дочери богатства Украйны и ея Козаковъ—враговъ Поляковъ, журитъ ее, чтобы она не любила „ляховъ", а Козаковъ; въ другой дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея „Козаченькомъ"; въ третьей жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ „на Украйну съ дѣтьми на свободу"; въ четвертой описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсенъ Червонорусцовъ, — это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы"...

Содержаніе этихъ думъ есть исторія борьбы южной Руси противъ ея угнетателей: Галиція была явно на сторонѣ Хмельницкаго и ждала только своего избавленія, но оно не пришло...

„Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ; или Южная Россія должна была *совершенно* освободиться бы отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или

[1] Авторъ некролога замѣчаетъ: „Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 году отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи. Этого бандуриста онъ встрѣтилъ случайно, на постояломъ дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стричкѣ было около 30 лѣтъ".

же *навсегда* остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если бы такъ рано не умеръ Хмельницкій, и далъ по себѣ Руси достойнаго преемника,—тогда бы, отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ не осталось бы ни одного Поляка, они всѣ были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи, вмѣстѣ съ Уніею и Жидами... и Южная Россія воскресла бы, послѣ четырехъвѣкового уничиженія—во всемъ своемъ величіи. Но предопредѣленіе судебъ недовѣдомо,—все рушилось послѣ Хмельницкаго"...

Изъ этихъ строкъ видно, какимъ малорусскимъ патріотизмомъ былъ одушевленъ авторъ. Западная Малороссія, по словамъ автора, была истинная русская земля, и преданія о ней продолжаютъ жить въ народѣ русской Галиціи.

„Послѣ этого небольшого вступленія, читатели, вѣроятно, не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и „Парубочихъ пѣсняхъ", всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украйнѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ—сихъ вѣчныхъ угнетателей и арендатарей Галичанъ? Вотъ почему, Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи проницаютъ душу какимъ-то неизъяснимо томнымъ впечатлѣніемъ, онѣ соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ, и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сіи шестистопныя и даже восьмистопныя пѣсни, исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковскаго или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачъ матери, и сестры, о своемъ сынѣ, и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ „Ляцькая кровь" течетъ рѣками; къ сожалѣнію, ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты; Галичане, и понынѣ, не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понынѣ, они приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ"...

Галицкое литературное возрожденіе, обратившееся и къ изученію народности, Лукашевичъ обозначаетъ такимъ образомъ: „Я думаю,—говоритъ онъ,—пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ, нѣсколько добрыхъ уніатскихъ патеровъ, которые еще не стыдятся носить имя русское, вздумали воскресить въ Галиціи народное слово, и въ послѣднее время, благодаря покровительству австрійскаго правительства (?), показалось нѣсколько сочиненій на малороссійскомъ нарѣчіи". Онъ сожалѣетъ только, что въ основаніе взяты при этомъ польскій языкъ и перемышльское нарѣчіе, всего болѣе пострадавшее отъ полонизмовъ, и выражаетъ желаніе, чтобы галицкіе писатели спустились лучше къ „простой рѣчи" восточнаго червоно-русскаго языка, въ которомъ „еще сохраняется чистота кіево-русскаго нарѣчія". Онъ предполагалъ, что есть причины, которыя мѣшаютъ „патерамъ" изъясняться съ при-

хожанами „природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ“, —и думаетъ, что причина въ томъ, что червоно-руссы должны покоряться направленію, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что во Львовѣ вышло новое собраніе червоно-русскихъ пѣсней, въ которомъ много малороссійскихъ думъ, но что онъ не могъ его достать.—Не совсѣмъ понятно, какой сборникъ могъ разумѣть здѣсь Лукашевичъ: послѣ сборника Залѣскаго вышла только книжка Лозинскаго (Ruskoje Wesile), но тамъ помѣщены только пѣсни свадебныя; затѣмъ онъ могъ слышать о готовящейся „Днѣстровой Русалкѣ“, которая вышла уже въ 1837, или о сборникѣ Жеготы Паули, который вышелъ въ 1839—40, но помѣченъ въ предисловіи 1836-мъ годомъ.

Приводимъ, наконецъ, свѣдѣнія некролога о послѣднихъ годахъ жизни Лукашевича.

„Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi-филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кіевскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ негодованьемъ. „Греческій Корнесловъ“, „Объясненіе ассирійскихъ именъ“, „Латинскій Корнесловъ“ и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухъ-томная „Микроскопическая Астрономія“, выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только вспомнивши, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ-подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилій было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго въ „Кіевской Старинѣ“. Этнографическія записки заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, что записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но по внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи,

никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

„Какъ человѣкъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества, въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омраченъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ".

Къ романтикамъ тридцатыхъ годовъ относится еще одинъ собиратель, сборникъ котораго пользуется также хорошей репутаціей. Это былъ А. Л. Метлинскій (1814—1869), бывшій профессоромъ харьковскаго и кіевскаго университетовъ и писавшій по-малорусски подъ псевдонимомъ Амвросія Могилы,—псевдонимомъ, который объясняется отождествленіемъ Украины съ могилами, гдѣ похоронена ея прошедшая слава.

Не будемъ останавливаться на біографіи Метлинскаго и на разборѣ его сочиненій [1]). Онъ не составилъ себѣ имени какъ ученый: малорусскія стихотворенія его цѣнились его современниками и соотечественниками, хотя также не представляютъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ,—но въ исторіи изученія малорусской народности за нимъ остается заслуга ревностнаго этнографа, съ великой любовью относившагося къ своей родинѣ, преданіямъ ея и народу. Съ дѣтства окруженный впечатлѣніями малорусской жизни, Метлинскій и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился въ тридцатыхъ годахъ, встрѣтилъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ мы говорили, и навсегда остался подъ его вліяніемъ. Скудная ученая школа, какую представлялъ харьковскій университетъ того времени, не помогла Метлинскому научно выяснить свои взгляды, но въ немъ крѣпко утвердилась привязанность къ малорусской народности. Наука удовлетворила его тѣмъ вниманіемъ, какое стала посвящать народности, проявленіямъ ея въ бытѣ, исторіи, преданіяхъ, вниманіемъ къ народному языку и его областнымъ вѣтвямъ и оттѣнкамъ: здѣсь

---

[1]) Для этого см. статью г. Дашкевича въ „Біографическомъ Словарѣ" профессоровъ унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 409—423.

— Петрова, „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія", Кіевъ, 1884, и дополненія къ ней у Дашкевича (XXIX Отчетъ объ увар. наградахъ, Спб. 1889), стр. 128—130.

— Комарова, „Покажчикъ новоі украінськоі литературы", К. 1883, стр. 38.

— Де-Пуле, „Харьк. университетъ", Вѣстн. Евр. 1884, январь, стр. 101—104.

— Костомаровъ, въ автобіографіи, „Литерат. Наслѣдіе", Спб. 1890.

нашла опору его любовь къ своей родинѣ и ея поэзіи. Онъ не могъ дѣйствовать ни въ литературѣ, ни въ аудиторіи своими научными средствами, которыя были очень невелики, но современники говорятъ о его добромъ вліяніи на слушателей, которымъ онъ внушалъ любовь къ литературѣ и къ народнымъ изученіямъ. „Метлинскій,—разсказываетъ Де-Пуле,—былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго. Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философомъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя бо́льшую часть своихъ средствъ на вспомоществованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ на какомъ-то хуторѣ черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ,—да, впрочемъ, она едва ли и вообще запиралась: Метлинскій, съ портфелью книгъ и тетрадей бѣгущій на лекцію, былъ вправѣ сказать: omnia mecum porto. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская... Метлинскій записывалъ не только пѣсни, но и народныя мелодіи; нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи, бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, услаждая душу звуками родныхъ мелодій"... Въ этомъ характерѣ, очевидно, любовь къ народности была врожденнымъ чувствомъ, инстинктомъ, который потомъ самъ собою слился съ романтическимъ идеализмомъ, и этимъ опредѣляется все отношеніе Метлинскаго къ предмету его этнографическихъ изученій. Собственная поэзія Метлинскаго безпрестанно обращается къ природѣ родного края, народному быту и историческимъ воспоминаніямъ. Этнографическіе поиски его отзываются такой непосредственностью чувства, какую рѣдко можно встрѣтить въ самомъ усердномъ этнографѣ: видимо, онъ весь жилъ этимъ чувствомъ, глубоко искреннимъ, иногда полу-наивнымъ... Какъ обыкновенно въ тѣ годы, прибавились и сочувствія всеславянскія: Метлинскій переводитъ нѣсколько стихотвореній изъ Челяковскаго, Коллара, изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ и польскихъ поэтовъ.

Главнымъ трудомъ Метлинскаго остался его этнографическій сборникъ [1]), изъ пѣсенъ, какъ записанныхъ имъ самимъ, такъ и доставленныхъ другими лицами. Въ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ общую мысль, которая должна побуждать къ собиранію памятниковъ

[1]) Народныя южно-русскія пѣсни. Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854. XVIII и 472 стр. Лучшій разборъ этого сборника сдѣланъ былъ В. И. Ламанскимъ, въ „Вѣстникѣ" Географич. Общества, 1854, кн. V, отд. IV, стр. 13—40. (Ср. Дашкевича, стр. 169). Это былъ первый печатный трудъ нашего ученаго слависта.

языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ и оттѣнкахъ,—мысль, которую онъ высказывалъ также и въ другихъ случаяхъ... „Я утѣшался и одушевлялся мыслію,—говоритъ онъ,—что всякое нарѣчіе, или отрасли языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достояніе всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единокровными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ словно великая рѣка, отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа" [1]).

Понятно, что народная поэзія находитъ у Метлинскаго высокую восторженную оцѣнку. По его представленію, она была произведеніемъ народа въ томъ смыслѣ, что ее создали даровитѣйшіе люди народа, которые въ старыя времена, еще до начала письма и грамотности, выразили чувства и мысли народа, впечатлѣнія міра и событія народной жизни, словомъ, все истинное, доброе и прекрасное съ такою силою и красотою, что ихъ слово не забылось и сохраняется вѣками, „какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ души человѣческой"; остальная масса народа были люди, воспринимающіе и хранящіе это преданіе. „Но чудный даръ вдохновенія и пѣсенъ рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастія, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душою въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, по сказанію древности и одного изъ своихъ собратовъ (стихотвореніе Шиллера—Theilung der Erde), и, быть можетъ, къ нимъ-то примѣняется поговорка „голе и гостре якъ брытва". Поэтому-то остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память—живая книга минувшаго".

Славянскіе народы, и особенно русскій, славятся богатствомъ своей народной поэзіи. „Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какъ дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной

[1]) Въ подобномъ смыслѣ Метлинскій говорилъ о литературной способности мѣстныхъ нарѣчій, и особливо, конечно, малорусскаго, въ предисловіи къ изданнымъ имъ „Байкамъ" Боровиковскаго. Кіевъ, 1852.

жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облекалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытности, хранитель древнихъ преданій, памятниковъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ и растетъ по домамъ и по путямъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастіе, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проливающія силы душевной, скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости".

Въ теоретическихъ понятіяхъ Метлинскаго о народной поэзіи, насколько онѣ выразились въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, были значительныя неточности; напр. народная масса играла все-таки не одну пассивную, воспринимающую роль въ созданіи этой поэзіи; самая поэзія не оставалась такъ неподвижна въ теченіе исторіи и, напротивъ, очень сильно измѣнялась, теряя древнія черты и принимая новыя; иногда старые памятники ея погибали совсѣмъ и замѣнялись новыми произведеніями, созданными въ новыхъ условіяхъ и въ новомъ духѣ; далѣе, при этой измѣнчивости бываютъ времена, когда народная пѣсня переставала быть и особенно благотворной для народныхъ нравовъ и т. п. Въ сущности отношеніе Метлинскаго къ народной поэзіи заключалось въ романтическомъ идеализмѣ, который въ свое время былъ нуженъ для установленія болѣе вѣрныхъ понятій объ этомъ предметѣ, еще далеко невразумительномъ для большей доли общества. Метлинскій былъ правъ, когда дальше говорилъ, что труды, посвящаемые изученію народа, и литературная обработка народнаго языка, представляютъ для насъ нравственную необходимость, расширяя наше самопознаніе и воспитывая въ народѣ самоуваженіе.

Собираніе пѣсенъ Метлинскій началъ, повидимому, еще съ конца тридцатыхъ годовъ и продолжалъ его до времени изданія своего сборника. Кромѣ того, ему сообщали пѣсни и многія другія лица, въ числѣ ихъ Н. М. Бѣлозерскій, М. А. Маркевичева (впослѣдствіи— Марко Вовчокъ), одинъ изъ его слушателей—Запара (о которомъ разсказывается въ воспоминаніяхъ Де-Пуле), нѣкто П. К. (вѣроятно, г. Кулишъ, которому въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ еще нельзя было являться въ литературѣ съ своимъ именемъ): нѣсколько пѣсенъ перешло въ сборникъ изъ собранія Гоголя, и т. д. Редакція

изданія состояла въ сличеніи имѣвшихся на-лицо текстовъ и в возможно точной передачѣ пѣсенъ; имѣя только ограниченныя сред ства для изданія, Метлинскій вносилъ въ свою книгу только т чтò еще не было напечатано (кромѣ нѣсколькихъ исключеній); і позволялъ себѣ составлять пѣсенъ изъ нѣсколькихъ варіантовъ и пе чаталъ особо несходные стихи или цѣликомъ самые варіанты, как образцы различной обработки одной темы. Относительно оттѣнков языка, онъ держался господствующаго украинскаго нарѣчія, которы сохранилъ и для пѣсенъ, записанныхъ на крайнихъ предѣлахъ украи скаго нарѣчія, какъ потому, что на мѣстномъ говорѣ являлись иногд и пѣсни общераспространенныя, такъ и потому, что самыя запис на мѣстныхъ говорахъ бывали случайными и шаткими: онъ думал наконецъ, что изученіе нарѣчій должно быть особымъ дѣломъ, отдѣл нымъ отъ изученія самаго содержанія народной поэзіи. Но онъ н устранялъ тѣхъ мелкихъ особенностей и варіацій выговора, какі встрѣчаются въ самóмъ главномъ нарѣчіи, нерѣдко служа для благ звучія рѣчи.

Что касается до распредѣленія пѣсенъ на разряды, Метлинскі считалъ очень труднымъ найти такое, которое можно было бы счест вполнѣ удовлетворительнымъ; между тѣмъ, приведеніе пѣсенъ в извѣстный порядокъ необходимо для ихъ обзора, для изученія п нимъ народной жизни. Въ принятомъ имъ порядкѣ есть рубрик довольно смутныя, напр. въ отдѣлѣ пѣсенъ „житейскихъ" разряд пѣсенъ „семейно-родственныхъ", или отдѣлъ пѣсенъ и думъ „поучи тельныхъ"; но вообще его распредѣленіе сходится съ тѣми, какі мы уже видѣли у болѣе раннихъ собирателей. Такъ, идетъ ряд пѣсенъ, относящихся къ домашнему быту: колыбельныя, свадебны поминальныя; въ пѣсняхъ, которыя онъ назвалъ вообще „годовыми" —извѣстные разряды веснянокъ, пѣсенъ русальныхъ, купальных петривочныхъ и т. д.; въ пѣсняхъ бытовыхъ—козацкія, чумацкі бурлацко-сиротскія и т. д.

Какъ мы сказали, сборникъ Метлинскаго занялъ одно изъ по четныхъ мѣстъ въ литературѣ малорусской этнографіи по внима тельности редакціи пѣсенъ и ихъ новости, хотя и Метлинскому н удалось вполнѣ ускользнуть отъ поддѣлокъ, наводнившихъ эту област съ тридцатыхъ годовъ [1]). Въ случаѣ успѣха своего предпріяті Метлинскій думалъ продолжать изданіе своего сборника, но этого н случилось: страдая болѣзненной меланхоліей, онъ былъ уже неспо собенъ къ работѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1869 году.

---

[1]) См. „Историческія пѣсни", Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII

ГЛАВА VI.

Н. И. Костомаровъ.

Въ Костомаровѣ русская литература имѣла историка съ оригинальнымъ художественнымъ дарованіемъ; писателя съ большимъ личнымъ этнографическимъ опытомъ и вмѣстѣ своеобразнаго поэта на русскомъ и малорусскомъ языкѣ; вообще писателя, который былъ живой связью нашей литературы съ мѣстной украинской и былъ убѣжденнымъ и компетентнымъ защитникомъ малорусской народности и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, малорусской литературы.

Николай Ивановичъ Костомаровъ (1817—1885) родился въ помѣщичьей семьѣ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда; мать его была простая крестьянская дѣвушка, малороссіянка, которую отецъ его, до брака, отдалъ учиться въ московскій пансіонъ; родина Костомарова, по своему населенію, представляетъ промежуточный этнографическій пунктъ между Великороссіей и Малороссіей [1]). Впослѣдствіи, литературные противники, которымъ не нравились его

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія:

— Автобіографическая записка въ „Біогр. Словарѣ профессовъ Имп. университета св. Владиміра“, Кіевъ, 1884.

— „Автобіографія“, записанная съ его словъ Н. А. Бѣлозерскою, въ „Р. Мысли“, 1885, май и іюнь.

— Некрологи: въ „Вѣстн. Европы“, 1885, май, стр. 311—327; „Кіевской Старинѣ“, 1885, май, стр. I—XLIII.

— Воспоминанія: В. Л. Беренштама въ „К. Старинѣ“; г. Мордовцева, въ „Русской Старинѣ“, въ книжкахъ „Недѣли“ (романъ...); г. Кулиша, въ „Нови“, 1885; А. А. Корсунова (бывшаго Корсуна, издателя альманаха „Снiпъ“, 1840), въ „Р. Архивѣ“, 1890, № 10, и друг.

— Вторая, болѣе подробная автобіографія въ посмертномъ изданіи сочиненій Костомарова: „Литературное Наслѣдіе“. Спб. 1890 (ср. замѣтку объ этомъ въ „Вѣстн. Европы“, 1890, декабрь).

малорусскія симпатіи, называли Костомарова великоруссомъ; по этом названію, имѣвшему въ виду колкость, выходило, что великорусс неприлично быть участникомъ въ малорусской литературѣ и ея за щитникомъ; самъ Костомаровъ, въ автобіографической запискѣ, объ ясняя, почему привлекала его малорусская литература, говорилъ, чт „такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіян то онъ полюбилъ и малороссійскую народность и ея языкъ, так что сталъ писать на этомъ языкѣ“. Здѣсь дано сухое, какъ бы оффи ціальное объясненіе (въ послѣдніе годы у Костомарова можно был замѣтить эту манеру говорить — для противниковъ, которымъ ино языкъ былъ бы непонятенъ); но, на дѣлѣ, любовь къ малорусско народности исходила не изъ одного только случайнаго обстоятел ства, что подлѣ него жили люди малоруссы, а оттого, что эта на родность была въ самой его крови, что онъ выросталъ въ ея сред подъ ея вліяніемъ, — дѣйствительно, во всемъ его характерѣ мало русскаго было именно гораздо больше, чѣмъ великорусскаго. Ег любовь къ малорусской народности, языку, поэзіи объясняется орга нически — это было для него родное, наслѣдственное. Малорусска исторія и этнографія до конца остались его ближайшимъ и глубо кимъ интересомъ.

Послѣ воронежской гимназіи Костомаровъ поступилъ въ Харьков скій университетъ и по окончаніи курса (тогда трехлѣтняго), в 1836 году, однажды вообразилъ себѣ, что его настоящая дорога ест военная, и вступилъ юнкеромъ въ драгунскій полкъ; потомъ, на пер выхъ же недѣляхъ своего милитаризма, онъ убѣдился, что гораздо болѣе кинбурнскаго полка ему интересенъ острогожскій архивъ, бу маги котораго онъ получилъ возможность разбирать. Вскорѣ его исто рическіе вкусы опредѣлились и уже навсегда. Въ 1840, онъ дер жалъ въ Харьковскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ по рус ской исторіи, а въ началѣ 1842 года представилъ диссертацію „О значеніи уніи въ западной Россіи“, — которой, однако, не пришлос увидѣть свѣта. Противъ нея возбудилъ протестъ извѣстный іерарх и духовный писатель, Иннокентій Борисовъ; книга была послана на судъ въ министерство просвѣщенія; вслѣдствіе отзыва Устрялова книгу велѣно было остановить и предать сожженію всѣ экземпляры, а Костомарову „предоставлено“ было написать другую диссертацію [1].

[1]) Отмѣтимъ одно противорѣчіе. Эта исторія была нѣкогда разсказана г. Сухомлиновымъ („Уничтоженіе диссертаціи Н. И. Костомарова въ 1842 г.“, въ Др. и Новой Россіи, 1877, № 1), который, „со словъ Костомарова“, утверждалъ, что Иннокентій не имѣлъ никакого участія въ дѣлѣ уничтоженія книги, что напротивъ онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и т. д., и всю иниціативу г. Сухомлиновъ приписалъ помощнику попечителя харьковскаго округа, кн. Цертелеву. Между тѣмъ, и

Онъ поступилъ тогда на службу субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ и занимался частнымъ преподаваніемъ. Его новая ученая работа посвящена была народной поэзіи. Передъ тѣмъ онъ началъ писать по-малорусски, и его драмы и стихотворенія, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, переводы „Еврейскихъ мелодій“ Байрона, доставили ему извѣстность между любителями малорусской литературы. Въ 1844 онъ защищалъ, на этотъ разъ благополучно, свою вторую диссертацію—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которая была замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашней этнографической литературѣ. Онъ пріобрѣлъ ученую степень, но ему не удалось получить каѳедры: по его разсказу, „въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то блаженненькимъ“. Костомаровъ переселился поэтому въ Кіевъ, пробылъ годъ учителемъ гимназіи въ городѣ Ровно, волынской губерніи, собралъ здѣсь большой сборникъ народныхъ пѣсенъ, въ 1845 получилъ мѣсто въ кіевской гимназіи, а въ 1846 выбранъ былъ на каѳедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ году онъ издалъ „Славянскую Миѳологію“. Его мысли сложились уже въ опредѣленный взглядъ; онъ сошелся здѣсь съ кружкомъ молодыхъ энтузіастовъ, мечталъ и размышлялъ о народности и славянствѣ, и составилъ то „Кирилло-Меѳодіевское“ общество, которое было первымъ примѣромъ одушевленія за идею славянскаго союза, народнаго освобожденія и просвѣщенія, и которое навлекло на него и его сотоварищей тяжелую бѣду. На него сдѣланъ былъ доносъ; онъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ Шевченкомъ и другими членами кружка, и долженъ былъ объяснять свои идеальныя мечты извѣстному Л. В. Дуббельту. Вѣдомство, котораго послѣдній былъ представителемъ, не склонно было къ подобному идеализму, и Костомаровъ былъ заключенъ (1847) на годъ въ Петропавловскую крѣпость, послѣ чего „переведенъ на службу“ въ Саратовъ, съ запрещеніемъ „преподавать и печатать соб-

---

автобіографической запискѣ самого Костомарова (Біограф. Словарь проф. Кіевскаго университета, Кіевъ, 1884, стр. 284) именно сказано, что „диссертація предъ самою защитою возбудила протестъ со стороны преосвященнаго Иннокентія (Борисова), была пріостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ министру народнаго просвѣщенія“ и т. д. Тоже и въ подробной автобіографіи Костомарова и въ воспоминаніяхъ современника, А. А. Корсунова.

Судя по выпискамъ изъ диссертаціи въ статьѣ г. Сухомлинова, книгу Костомарова можно было обвинить развѣ только въ неточныхъ выраженіяхъ: къ нимъ присоединялись еще нѣкоторыя сужденія о роли духовенства, по тогдашнему неосторожныя; изъ того и другого сдѣлано было преступленіе. Дальше упомянемъ, что въ исправленномъ видѣ эта работа впослѣдствіи была издана.

ственнаго сочиненія книги“. Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ губернское правленіе, позднѣе былъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета и принималъ участіе въ мѣстныхъ приготовительныхъ работахъ по крестьянскому дѣлу.

Въ Саратовѣ на первое время онъ долженъ былъ почувствовать неудобства полицейскаго надзора, испытать грубое отношеніе надзирателей; но уже вскорѣ его положеніе измѣнилось къ лучшему. Губернаторомъ былъ человѣкъ достаточно образованный, честный и хорошій; внимательность губернатора устранила полицейскія стѣсненія, и Костомаровъ наконецъ пріобрѣлъ въ городѣ настоящую популярность—сосланный профессоръ былъ рѣдкостью для провинціальнаго общества; всѣ знали ученаго чудака, высокій талантъ котораго угадывали. Живя въ Саратовѣ, Костомаровъ опять возвратился къ этнографіи и старинѣ, собиралъ пѣсни, рылся въ архивахъ, продолжалъ задуманныя раньше работы. Еще до переѣзда изъ Харькова въ Кіевъ онъ началъ заниматься исторіей Богдана Хмельницкаго; книга была написана въ Саратовѣ. У него сохранился, къ счастію, собранный раньше матеріалъ; нѣкоторыя средства, какія онъ имѣлъ, его обезпечивали и дали возможность собрать необходимую библіотеку, съ которой онъ могъ вести свои работы. Близкимъ пріятелямъ,—въ ихъ числѣ было два-три человѣка, которые могли судить о дѣлѣ,—знакомы были отрывки изъ этой работы, — и мнѣ (я познакомился съ Костомаровымъ въ Саратовѣ, въ половинѣ 50-хъ годовъ) тогда уже случилось слышать о великихъ надеждахъ отъ будущихъ историческихъ работъ Костомарова. Здѣсь же, въ Саратовѣ, начатъ былъ имъ извѣстный „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; здѣсь написанъ „Стенька Разинъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Костомарова, „Кремуцій Кордъ“, трагедія изъ римской жизни временъ императоровъ по разсказу Тацита, и, наконецъ, рядъ полу-оффиціальныхъ работъ по мѣстнымъ вопросамъ.

Съ новымъ царствованіемъ Костомаровъ, въ числѣ многихъ другихъ „возвращенныхъ“, получилъ амнистію; съ начала 1856 съ него снято было запрещеніе печатать свои сочиненія, снятъ и полицейскій надзоръ, но все еще съ ограниченіемъ, „чтобы распоряженіе въ Бозѣ почившаго императора, о недозволеніи ему служить по ученой части, оставалось во всей силѣ“.

Съ 1856 года начинается второй періодъ печатной литературной дѣятельности Костомарова, дѣятельности чрезвычайно плодовитой, непрерывавшейся до конца его дней. Явился на свѣтъ „Богданъ Хмельницкій“, сразу поставившій Костомарова въ рядъ нашихъ первостепенныхъ историковъ; затѣмъ множество другихъ историче-

своихъ работъ. Главнѣйшія изъ нихъ: „Богданъ Хмельницкій“ (1857), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ жизни и нравовъ великорусскаго народа“ (1860), „Сѣверно-русскія народоправства“ (1863), „Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“ (1866), „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (1869 — 70), „Руина“ (1879), „Мазепа“ (1882), „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“ (1873—76), изъ которыхъ многія имѣли не одно изданіе („Богданъ Хмельницкій“—четыре), памятны читателямъ. Къ трудамъ, собственно историческимъ, присоединяется масса работъ археографическихъ, изданій памятниковъ старой литературы и архивныхъ грамотъ и актовъ, редакція пѣсенныхъ сборниковъ (какъ въ „Трудахъ“ экспедиціи въ юго-западный край и пр.); изслѣдованія этнографическія, какъ обширный трудъ —„Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, составляющій новую переработку предмета его старой диссертаціи (въ „Бесѣдѣ“, 1872, „Русской Мысли“, 1880—1883, и „Литературномъ Наслѣдіи“, 1890); наконецъ масса меньшаго размѣра историческихъ монографій, замѣтокъ, критическихъ и полемическихъ статей и т. д. Въ статьѣ „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ (въ 3-мъ томѣ „Историческихъ монографій“) Костомаровъ переработалъ и дополнилъ старое сочиненіе объ уніи, сожженное въ 1842 г.

Послѣ амнистіи, Костомаровъ пріѣзжалъ для своихъ работъ въ Петербургъ, провелъ восемь мѣсяцевъ за границей, но затѣмъ оставался еще нѣсколько времени въ Саратовѣ, гдѣ успѣлъ обжиться; наконецъ, въ 1859 г. получилъ каѳедру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ, по смерти Устрялова. Въ университетѣ Костомаровъ оставался недолго: онъ долженъ былъ выйти въ отставку въ 1862 г. Лекціи, читанныя имъ въ эти годы, были новымъ проявленіемъ его историческаго таланта: каѳедра русской исторіи еще никогда передъ тѣмъ не имѣла такого своеобразнаго, увлекательнаго лектора. Университетъ тогда, какъ и теперь, не былъ открытъ для постороннихъ посѣтителей; но молва о блестящемъ профессорѣ перешла изъ университетскаго круга въ общество,—за первымъ любопытнымъ, который проникъ въ университетскую аудиторію, послѣдовали другіе, и лекціи Костомарова (а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ) стали сами собой какъ бы публичными чтеніями...

Костомаровъ не оставилъ сочиненія, въ которомъ были бы изложены его взгляды на исторіографію, объяснены источники его собственныхъ идей и пріемовъ,—но самый характеръ его трудовъ показываетъ въ немъ писателя иной школы, чѣмъ былъ кругъ Погодина и Устрялова, или, позднѣе, школа Соловьева. Исходной точкой всего его направленія былъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ

говорено выше по поводу Срезневскаго. Если бы хотѣли опредѣлить въ немногихъ словахъ отличительную черту историческихъ трудовъ Костомарова, должно было бы сказать, что его по преимуществу влекло къ изображенію народнаго элемента въ исторіи, къ объясненію народнаго историческаго права. Онъ не былъ чуждъ вліяніямъ нѣмецкой исторической школы, какъ вообще знакомъ былъ съ ходомъ западной исторіографіи,—но въ его историческомъ пріемѣ явились и такія черты, которыхъ не было у другихъ нашихъ историковъ, ему современныхъ. Ни у кого изъ нихъ не были такимъ живымъ интересомъ, какъ у Костомарова, племенные факторы исторіи, значеніе народа, какъ основы движенія, стремленіе проникнуть въ думы и характеръ народныхъ массъ, о которыхъ часто и совсѣмъ забывали. Костомаровъ не былъ историкомъ учрежденій, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, не былъ и мистическимъ теоретикомъ народности, какъ К. Аксаковъ—онъ искалъ живого народа, съ его стародавними нравами: работы чисто этнографическія постоянно сопровождали работу историческую; съ самаго начала его дѣятельности и до конца тянуло его, съ одной стороны въ архивы, къ документальнымъ свидѣтельствамъ старины, съ другой—въ исторію быта, нравовъ, обычаевъ и, наконецъ, въ народную среду, гдѣ онъ подслушивалъ пѣсню и историческое преданіе.

Рано затронула его другая полоса нашего общественно-литературнаго развитія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: это былъ интересъ панславянскій, который сложился у него своеобразно, въ параллель съ его историческими идеями и развившимся ранѣе этнографическимъ народолюбіемъ. Костомаровъ не остался холоденъ къ панславизму, какъ писатели такъ называемаго западническаго направленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ панславизма въ исключительной московской формѣ: для него панславизмъ не означалъ абсолютную гегемонію одного сильнаго племени надъ всѣми остальными гегемонію, которая, пожалуй, не остановится предъ насиліемъ надъ слабѣйшимъ; это былъ, напротивъ, союзъ братства, народной свободы и равноправности, внушаемой и освящаемой равноправностью христіанской.

Идеи Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, образовавшагося въ Кіевѣ въ 1846 и гдѣ руководящимъ лицомъ былъ Костомаровъ, а однимъ изъ его ближайшихъ друзей былъ Шевченко, состояли, по его собственнымъ указаніямъ и по другимъ свидѣтельствамъ, въ слѣдующемъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплеменниковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подъ

какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единаго славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова, и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

За кіевскимъ кружкомъ осталось названіе Кирилло-Меѳодіевскаго, и это было первое возвеличеніе славянскихъ апостоловъ въ идеальное знамя для современныхъ народныхъ стремленій. Дѣятели новѣйшаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, празднуя тысячелѣтіе памяти славянскихъ апостоловъ, забыли о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ и дѣйствительно имѣли причины не считать себя съ нимъ солидарнымъ. Между ними нѣтъ ничего общаго кромѣ именъ Кирилла и Меѳодія: на одной сторонѣ племенная автономія, вѣротерпимость, свобода мысли, упраздненіе привилегій; на другой — политическая и религіозная нетерпимость, можетъ быть, свобода мысли и свобода общественная, но окружаемыя такими условіями, которыя равняются ихъ отрицанію. Развивая исходные пункты обоихъ взглядовъ, должно было необходимо прійти къ противорѣчію. Костомаровъ или Шевченко никогда не примыкали и не могли примкнуть къ славянофиламъ, потому что послѣдніе изъ своихъ общихъ положеній приходили къ племенной исключительности, гдѣ крупная племенная масса должна была поглощать всѣ остальные элементы, а Костомаровъ защищалъ именно культурную равноправность племенъ, и въ частности сталъ представителемъ и защитникомъ того, что̀ послѣ назвали украинофильствомъ. Трудно загадывать, конечно, что̀ могло бы произойти въ будущемъ; тѣсный союзъ славянства, хотя бы въ федеративной формѣ, очень могъ бы окончиться преобладаніемъ главной массы и поглощеніемъ слабыхъ племенъ; это было бы естественно и возможно,—но въ идеальномъ построеніи отношеній остается справедливой только одна постановка вопроса: сліяніе должно произойти путемъ естественнаго дѣйствія племенныхъ элементовъ и культуры, но не путемъ одного кулачнаго права; болѣе слабыя племена, которыя, однако, владѣютъ высокой культурой, ищутъ въ союзѣ спасенія своей племенной особенности, а не вѣрной погибели... Костомаровъ, относительно панславянской идеи, шелъ параллельно съ тѣмъ романтическимъ панславизмомъ, которымъ отличались первые основатели нашей научной славистики съ конца тридцатыхъ годовъ; наравнѣ съ ними онъ одушевлялся тѣми идеалами,

какіе развивались въ средѣ передовыхъ дѣятелей западнаго славянства и которыхъ знаменитѣйшимъ выраженіемъ была „Дочь Славы" Коллара,—но Костомаровъ мечталъ уже о пропагандѣ для практическаго проведенія своихъ идеаловъ въ жизни. Онъ упредилъ славянскіе благотворительные комитеты и въ возвеличеніи имени Гуса, и, можетъ быть, болѣе искреннемъ.

Съ другой стороны, Костомаровъ не вполнѣ сходился съ кружкомъ прогрессивнымъ: послѣдній, особенно въ первое время, бывалъ ему ближе славянофильскаго, какъ свободный отъ исключительности племенной и столько же признававшій свободное народное развитіе; но были и крупныя разницы. Въ сороковыхъ годахъ, критика Бѣлинскаго мало сочувствовала малорусскому литературному движенію, и по связи съ нимъ недружелюбно отнеслась и къ первому этнографическому труду Костомарова, — въ тѣ годы въ прогрессивномъ кружкѣ слишкомъ исключительно господствовали интересы общаго гуманистическаго и соціальнаго характера, и литературный сепаратизмъ казался недостаточно мотивированнымъ, неглубокимъ по содержанію и отвлекающимъ силы отъ общихъ вопросовъ. Позднѣйшій прогрессивный кружокъ призналъ это малорусское движеніе именно какъ одно изъ проявленій общественности; но это направленіе казалось Костомарову слишкомъ сухо-экономическимъ: онъ не находилъ въ немъ мѣста для своего стараго романтизма, которому и послѣ, нѣсколько въ иныхъ формахъ, онъ оставался вѣренъ... Въ подобномъ смыслѣ онъ высказывался еще во времена „Основы"; позднѣе, онъ относился къ внутреннимъ вопросамъ и дѣламъ русской литературы съ полнымъ индифферентизмомъ...

Въ 1861, въ рѣчи о К. Аксаковѣ, онъ какъ будто хотѣлъ сдѣлать особое удареніе на своихъ сочувствіяхъ къ славянофильству. Съ одной стороны эти сочувствія были послѣдовательны: харьковскіе романтики издавна не сходились съ прогрессивнымъ направленіемъ; но затѣмъ Костомаровъ впадалъ въ заблужденіе, если предполагалъ свою солидарность съ славянофильствомъ. Для послѣдняго, народное начало была старая московская исключительность, столь же деспотическая, какъ обличаемая имъ государственность „петербургскаго періода", и ни мало неблагопріятная бытію и самодѣятельности племенныхъ оттѣнковъ, за которыя стоялъ Костомаровъ. Въ концѣ концовъ, ему пришлось испытать враждебныя нападенія на свои идеи отъ славянофильскихъ изданій, встрѣтить не только противорѣчіе своимъ стремленіямъ, но увидѣть ихъ заподозрѣнными и оклеветанными.

Эти рано воспринятыя идеи о племенной равноправности, о народной и церковной свободѣ, соединенныя съ этнографическимъ инте-

ресомъ къ народу, легли въ основаніе трудовъ Костомарова. Это чувство народной жизни освѣщало писателю народную судьбу, міровоззрѣніе массы, ярче рисовало картину стародавняго быта и нравовъ, и сдѣлало его болѣе впечатлительнымъ къ племеннымъ дѣленіямъ русскаго народа. Погодинъ, Соловьевъ, К. Аксаковъ были не только великоруссы, но частью именно москвичи—одинъ, пропитанный оффиціальной народностью Николаевскихъ временъ; другой, строго и частью сухо слѣдившій идею государственности; третій, возводившій въ идеалъ русскія народныя начала, но видѣвшій высшее ихъ осуществленіе въ одной старой Москвѣ;—Костомаровъ, прежде теорій и оффиціальныхъ требованій, видѣлъ племенныя массы, съ ихъ прирожденными и накопившимися въ исторіи особенностями, и признавалъ ихъ нравственное право на свою особность. Его называли великороссомъ, но онъ съ молокомъ матери всосалъ любовь и къ малорусскому народу, среди этого народа провелъ воспріимчивые годы юности, которые наполнены были изученіемъ народнаго быта, старины и поэтическихъ созданій. Въ то время, какъ для другихъ историковъ малорусскій народъ былъ извѣстенъ только по книгамъ и архивнымъ бумагамъ, и напр. малорусскій XVII вѣкъ — по приказнымъ отпискамъ московскихъ воеводъ, для Костомарова это былъ родной народъ, котораго старину онъ слышалъ еще живую въ народной пѣснѣ, котораго сохранившіеся памятники онъ пересмотрѣлъ на мѣстахъ, котораго психологическія и бытовыя особенности чувствовалъ въ самомъ себѣ. Какъ бы ни были обширны познанія ученаго, какъ ни велика его критическая проницательность, они не замѣнятъ этого непосредственнаго чувства, когда идетъ рѣчь о внутреннихъ движеніяхъ народной природы; или, книжному ученому надо воспитать въ себѣ безпристрастіе и умѣнье понимать чужой народный характеръ. Не только критики (какъ г. Кояловичъ, напримѣръ), совершенно лишенные этого безпристрастія и умѣнья, поднимали вопли противъ Костомарова; но и серьезные ученые дѣлали Костомарову упрекъ, что въ его историческихъ трудахъ слышится малорусская нота. Можетъ быть; но не было ли это заслугой, когда его устами говорила altera pars, безъ которой невозможно правильное рѣшеніе?

Къ этому врожденному и развитому изученіемъ чувству старины и народности, присоединился у Костомарова своеобразный талантъ, свойственный „историку-художнику". Этотъ терминъ и давно, и въ эти послѣдніе дни, вызывалъ разнорѣчивыя мнѣнія. Не будемъ вдаваться въ теоретическія объясненія этого названія и въ измѣреніе того, въ какой степени оно приложимо къ Костомарову; напомнимъ здѣсь только нѣкоторыя черты его исторической манеры. „Историку-

художнику", какъ художнику вообще, кромѣ знанія, необходима фантазія, и Костомаровъ несомнѣнно владѣлъ богатой фантазіей. Въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ пробовалъ свои силы на поэтическомъ поприщѣ, и не безъ успѣха; его старыя драмы на малорусскомъ языкѣ не лишены большихъ достоинствъ; впослѣдствіи (какъ это начиналось уже въ этихъ драмахъ—съ историческими сюжетами) историческія темы исключительно овладѣли его воображеніемъ, и среди научныхъ архивныхъ работъ его влекло то въ древній Римъ („Кремуцій Кордъ"), то въ русскій XVII вѣкъ („Сынъ"), то въ эпоху Грознаго („Кудеяръ"), то въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Москвѣ („Черниговка"), то, наконецъ, въ древность греко-варварскихъ отношеній въ Тавридѣ (его послѣдняя драма: „Эллины Тавриды", изъ временъ Константина Багрянороднаго). Эта постоянная, доходящая до конца его дней, потребность въ живыхъ ббразахъ указываетъ на работу фантазіи, которая не довольствовалась сухимъ историческимъ матеріаломъ и вносила въ него живыя лица съ ихъ понятіями, страстями, бытовой обстановкóй, наконецъ, не довольствовалась самóй русской стариной и уходила въ далекіе вѣка древности. Быть можетъ, этой фантазіи не было достаточно для чисто-поэтическаго творчества, но ея было довольно для одушевленія лѣтописи, архивнаго документа, памятника, преданья. Дѣйствительно, онъ не могъ довольствоваться сухимъ книжнымъ фактомъ; онъ всегда чувствовалъ потребность наглядно изобразить себѣ этотъ фактъ, представить его себѣ въ живой обстановкѣ: историческія событія, лица, легендарныя чудеса, наконецъ, мелкія подробности стараго быта овладѣвали его воображеніемъ, и если въ молодости, какъ ревностный этнографъ, онъ пріобрѣталъ репутацію „блаженненькаго", то и въ болѣе позднее время онъ могъ часто вызывать улыбку своими историческими фантазіями и затѣями, въ которыхъ иной разъ проглядывали и черты тонкаго юмора. Когда онъ занимался славянской миѳологіей, ему требовалось самому совершать древніе языческіе обряды, и онъ совершалъ ихъ еще во время пребыванія своего въ Саратовѣ, уѣзжая для этого съ близкими пріятелями за Волгу или въ окрестные сады; свою „Славянскую Миѳологію", какъ вещь, трактующую о древности, онъ считалъ необходимымъ издать соотвѣтственно—и напечаталъ ее въ старинномъ книжномъ форматѣ и церковно-славянскимъ шрифтомъ, какъ печатали Иннокентій Гизель и Димитрій Ростовскій. Разсказываютъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Петропавловской крѣпости въ Саратовъ, въ сопровожденіи жандарма, то въ Новгородѣ (черезъ который шла тогда дорога) Костомаровъ, увидѣвши почтенные остатки древности, пришелъ въ восторгъ отъ воспоминаній новгородской свободы и выра-

жалъ его такими громкими восклицаніями, что провожатый счелъ нужнымъ воздержать его, благодушно остерегая—какъ бы, пожалуй, не пришлось имъ ѣхать опять назадъ... Изучая великорусскій бытъ XVI—XVII вѣка, онъ прилежно читалъ Олеарія, и вычиталъ у него описаніе русскаго способа приготовлять знаменитый старинный „ставленый“ медъ; ему непремѣнно надо было попробовать этотъ медъ, „превосходный и превкусный“ по словамъ нѣмецкаго путешественника,—онъ переводитъ рецептъ Олеарія (книга III, гл. VII) своей матери, отличной малорусской хозяйкѣ, и я въ 50-хъ годахъ пилъ у него этотъ медъ, дѣйствительно превосходный. Съ чутьемъ историческимъ и вмѣстѣ художественнымъ, Костомаровъ извлекалъ изъ старыхъ памятниковъ характерныя черты, выраженія, рисующія время и положеніе. Видавшіе его въ тѣ годы знаютъ, какъ онъ былъ впечатлителенъ къ этимъ яркимъ отголоскамъ старины, какъ они видимо рисовали передъ нимъ цѣлую картину. Въ 1856 году, занимаясь рукописями въ Публичной Библіотекѣ, я нашелъ въ одномъ старомъ сборникѣ извѣстную „Повѣсть о горѣ-злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“; прочитавши и списавши „повѣсть“, я подѣлился своей находкой съ Костомаровымъ, который также занимался тогда въ Библіотекѣ. Я уже зналъ, какимъ наслажденіемъ будетъ для него эта повѣсть—рѣдкій образчикъ старой русской поэзіи. Дѣйствительно, онъ пришелъ въ восторгъ отъ древней поэмы и, забывая о мѣстѣ и времени, сталъ декламировать ее по рукописи во всеуслышаніе, такъ что дежурный чиновникъ пришелъ остановить ученаго чудака. Костомаровъ едва согласился умѣрить свою декламацію. Я не могъ отказать ему въ удовольствіи напечатать „повѣсть“ немедля, съ его комментаріемъ, который былъ уже готовъ на другой день („Современникъ“, 1856, апрѣль).

Эта впечатлительность, это стремленіе возсоздавать прошедшее въ его живыхъ чертахъ, соединились у Костомарова съ другимъ драгоцѣннымъ для ученаго даромъ—необыкновенною памятью. Съ громаднымъ запасомъ фактовъ въ головѣ, способностью воспроизведенія, Костомаровъ давалъ историческіе разсказы, пріобрѣтавшіе именно художественный характеръ. Тамъ, гдѣ другой писатель былъ связанъ скудостью и сухостью историческихъ данныхъ и не рѣшался выходить за предѣлы ихъ тѣснаго смысла, передъ Костомаровымъ возставало живое прошедшее. Его университетскія лекціи производили увлекающее дѣйствіе: какъ будто говорилъ самъ старый лѣтописецъ, знавшій о событіяхъ отъ ближайшихъ свидѣтелей, или самъ очевидецъ. Намъ случилось быть на двухъ-трехъ чтеніяхъ его о древнемъ Новгородѣ—его церковной жизни, преданіяхъ (его долго занимали бѣсы разныхъ наименованій, съ которыми вели

борьбу святые подвижники): эти лекціи были замѣчательны по и пой реставраціи древняго быта и міровоззрѣнія.

Приводимъ нѣсколько словъ его тогдашняго слушателя, которыя вѣрно передаютъ впечатлѣніе лекцій Костомарова.

..."Только тѣ, кто слушалъ его,—разсказываетъ г. Скабичевскій въ с воспоминаніяхъ,—могутъ вполнѣ оцѣнить его художественный талантъ, ту обаятельнаго и могучаго очарованія, которое онъ производилъ на слушате тайну, унесенную имъ съ собою въ могилу. Какъ назвать этотъ талантъ чемъ онъ заключался, я положительно не могу дать себѣ отчета. Ораторъ каетъ слушателей тѣмъ жаромъ, которымъ онъ самъ увлекается, и кра построенія рѣчей, свободно и неудержимо льющихся изъ его устъ; де торъ увлекаетъ разнообразіемъ и гибкостью своей дикціи, актеръ—свое мимикой,—тутъ ничего этого не было. Передъ вами стоялъ на каѳедрѣ че съ неподвижными, словно застывшими, чертами лица и смотрѣлъ свои думчивыми глазами не на васъ, а куда-то въ невѣдомую даль, словно въ древнихъ вѣковъ; тихимъ, монотоннымъ голосомъ, отчеканивая каждое но безъ малѣйшихъ повышеній и пониженій голоса, невозмутимо-споко тономъ, онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ, заста забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переноситься въ ту среду, о которыхъ шла рѣчь съ каѳедры. Порою вся лекція его заклю въ однихъ выдержкахъ изъ различныхъ лѣтописей, но это-то чтеніе лѣто и было главнымъ конькомъ его таланта. Тяжелая, неудоборазбираемая, димому, такая наивно-нескладная рѣчь лѣтописи вдругъ получала въ его у характеръ чисто-народнаго говора, понятнаго для каждой институтки, ни въ глаза не видѣвшей лѣтописныхъ текстовъ; сухое, сжатое изложеніе лось полно сочныхъ и яркихъ красокъ, и стародавняя старина оживала п вами во всей своей архаической прелести".

При первомъ появленіи, „Богданъ Хмельницкій" достоинст живого, нагляднаго разсказа произвелъ впечатлѣніе, застави сравнивать автора съ Августиномъ Тьерри. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли не тотъ типъ историка, къ которому Костомаровъ мо быть отнесенъ всего ближе. Сравненіе съ Карамзинымъ, кот давали превосходство надъ Костомаровымъ, неумѣстно: псевдо-сическая манера Карамзина такъ уже далека отъ нашихъ ли турныхъ понятій и такъ мало отвѣчаетъ самой описываемой ности, что сравненіе невозможно. Но здѣсь, быть можетъ, надо п предить недоразумѣніе: по мнѣнію однихъ, названіе „истори дожника" есть высшая степень исторіографическаго дарованія другимъ, это—только талантъ повѣствователя, до извѣстной сте внѣшній, не идущій въ глубину. Костомаровъ не былъ аналити но крайне несправедливо было бы сказать, что для него зак была внутренняя сторона исторіи, развивающаяся жизнь исто скаго организма. Напротивъ, съ этой стороны за нимъ остаетс ликая заслуга указанія такихъ факторовъ исторіи, которые до поръ или не привлекали вниманія, или не находили достато

объясненія. Такова его общая мысль о присутствіи народа въ исторіи (входившая тогда вообще въ историческое сознаніе, но имъ прилагаемая по своему), о начаткахъ федеративнаго устройства въ древней Руси (соотвѣтствіе княженій „землямъ" и т. д.), о „двухъ русскихъ народностяхъ"; таковъ трактатъ о началѣ единодержавія въ древней Россіи; таковъ усиленный интересъ, который онъ отдавалъ малорусской исторіи, съ первыхъ шаговъ своихъ на ученой дорогѣ и до самаго ея конца (диссертація объ уніи и „Мазепа"); таковы наконецъ его монографіи объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ, какъ Дмитрій Донской, Сусанинъ, Петръ Великій, гдѣ онъ шелъ иногда противъ господствующихъ историческихъ понятій. Эти монографіи, особливо двѣ первыя, вызвали много нареканій противъ Костомарова и даже полу-оффиціальныя норицанія; но легенды требовали критики. Онъ могъ быть одностороненъ относительно Петра Великаго; но факты, имъ указываемые, не могутъ быть пропущены серьезнымъ историкомъ.—Наиболѣе суровыя, и наименѣе справедливыя нападки вызывало „украинофильство" Костомарова. Это „украинофильство", особливо въ послѣднее время, было такъ умѣренно, что спорить противъ него могло или только непониманіе, или вражда и къ лицу, и къ племени.

Біографія, какъ и литературная дѣятельность Костомарова, имѣла нѣсколько періодовъ или настроеній. Первая пора отмѣчена юношескимъ энтузіазмомъ; это былъ романтикъ на тему народности и позднѣе славянства, мечтавшій объ имѣющемъ наступить нѣкогда братскомъ союзѣ славянскихъ народовъ, соединенныхъ залогами одноплеменности, общаго древняго преданія и надеждами на будущее, свободное и высокое. Крѣпостное заточеніе отняло почву у прежняго панславянскаго идеализма, но не уменьшило ни мало ни его украинофильства, ни исторіографической ревности. Костомаровъ въ Саратовѣ докончилъ „Богдана Хмельницкаго", и задумывалъ рядъ новыхъ работъ; „Кремуцій Кордъ" имѣлъ подкладку въ его личномъ настроеніи. Въ это время его живо интересовали европейскія событія, и вызывали у него характерные поэтическіе отзывы... Переѣздъ въ Петербургъ далъ новый толчекъ его дѣятельности: здѣсь онъ встрѣтился со многими амнистированными тогда украинцами, старыми друзьями, Кулишомъ и Шевченкомъ... Для стараго кружка нашелся пунктъ соединенія и новой работы въ начавшемся тогда украинофильскомъ журналѣ „Основа"... Университетскіе безпорядки, отразившіеся для Костомарова разными непріятными положеніями, прекращеніе „Основы" и другія тогдашнія событія оставили въ немъ тяжелыя впечатлѣнія: съ одной стороны, онъ все больше устранялся отъ общественныхъ интересовъ; съ другой, обострялись отношенія

къ вопросамъ и мнѣніямъ, которыя прежде онъ умѣлъ пони болѣе безпристрастно и т. д. Онъ жилъ въ тѣсномъ кружкѣ бли шихъ пріятелей и почитателей и—въ архивахъ. Тяжелая болѣ вынесенная имъ въ половинѣ 70-хъ годовъ, оставила свой слѣд утомленіи, которое отразилось на его послѣднихъ трудахъ; онъ чиналъ думать, что историкъ не имѣетъ права выходить за точ предѣлы матеріала и давать волю той силѣ историко-поэтичес воспроизведенія, которая именно сообщала такую привлекательн его прежнимъ трудамъ. Его послѣднія работы нерѣдко бывали химъ историческимъ рефератомъ, хотя „Исторія въ жизнеоп ніяхъ" опять даетъ много яркихъ страницъ, написанныхъ съ п ней живописной манерой...

Словомъ, Костомаровъ былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ п ставителей нашей исторіографіи, единственный изъ писателей но шихъ, котораго можно было назвать историкомъ-художникомъ, им щій громадную заслугу въ популяризаціи историческаго знанія вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самое пониманіе нашего прошлаго внесшій м новыхъ и плодотворныхъ идей.

Обратимся къ подробностямъ его этнографическихъ работъ.

Изъ біографіи Костомарова извѣстно, что интересъ къ мало ской народности явился у него съ 1836—37 года, по окончаніи верситетскаго курса.

Университетъ, въ которомъ учился Костомаровъ, былъ тотъ Харьковскій, мало измѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ незадолго редъ тѣмъ прошелъ его Срезневскій. Только на время Кост ровъ былъ въ Москвѣ, гдѣ слушалъ лекціи Каченовскаго и П дина по русской исторіи, и Шевырева, только-что вернувша изъ-за границы, по русской словесности. Костомаровъ хвалитъ ле послѣдняго, но повидимому не успѣлъ много вынести изъ преп ванія. Въ Харьковѣ профессура на историко-филологическомъ, по дашнему словесномъ, факультетѣ была самая несчастная.

„Историко-филологическій факультетъ еле держался. Латинс словесность преподавалъ Кронебергъ, человѣкъ замѣчательно уче и даровитый, но замѣчательно лѣнивый... Нѣкоторыя изъ вещей печатанныхъ имъ по-нѣмецки, читались бы и теперь съ пользой студентамъ было отъ этого не легче: онъ вовсе не занимался Греческій языкъ преподавалъ нѣмецъ Мавра, такъ плохо говори по-русски, что его никто не понималъ. Профессоромъ русской ист былъ Артемовскій-Гулакъ, болтунъ и фразеръ; Сокальскій чи латинскій языкъ, и довольно плохо, а политическую экономію того хуже".

Такимъ образомъ опять не было какой-нибудь правильной шк

Тотъ научный интересъ, который вскорѣ навсегда укрѣпился въ Костомаровѣ и направилъ его къ историко-этнографическимъ изученіямъ, созданъ былъ литературой; въ молодомъ кругу были уже энтузіасты народности. Такъ въ это время Костомаровъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Срезневскимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ этнографическія экскурсіи. Такъ были литературные кружки, гдѣ увлеченіе народностью внушало стремленіе писать на малорусскомъ языкѣ: еще жилъ патріархъ тогдашней малорусской литературы, Квитка (Основьяненко); собиралась цѣлая группа малорусскихъ поэтовъ, между которыми и Костомаровъ самъ вскорѣ занялъ не послѣднее мѣсто [1])...

При окончаніи курса, Костомарову было двадцать лѣтъ. Въ университетское время онъ велъ, по его словамъ, весьма безпорядочную жизнь; но подъ конецъ проснулась любознательность, и онъ повелъ свои занятія съ тѣмъ порывистымъ трудолюбіемъ, которое его съ тѣхъ поръ отличало. Онъ много читаетъ, изучаетъ нѣмецкій и польскій языкъ (послѣднимъ онъ, кажется, овладѣлъ окончательно во время учительства въ Ровнѣ, гдѣ было много поляковъ и языкъ былъ въ ходу даже въ верхнемъ слоѣ малорусскихъ жителей), наконецъ увлекается малорусской исторіей и этнографіей. Любопытенъ фактъ, сообщаемый самимъ Костомаровымъ въ „автобіографіи", что привязанность къ малорусской народности едва ли не впервые была пробуждена въ немъ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки" и „Тарасомъ Бульбой". Онъ уже раньше читалъ Гоголя, но теперь — на пробудившуюся мысль—его вліяніе было могущественное.

„Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ,—говоритъ Костомаровъ,—перечитывалъ и начитаться не могъ: какъ это все такъ близко кругомъ меня, и я ничего этого не видѣлъ, не знаю!—думалось мнѣ:—нужно изучить это хорошенько.—Затѣмъ я взялъ небольшое изданіе пѣсенъ малорусскихъ Максимовича 1827 года, сталъ читать, потомъ „Думы", изданныя тѣмъ же Максимовичемъ [2]), и совершенно увлекся ими. Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня: я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и сербски. Малорусскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, я выучилъ наизусть, хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ выговоромъ"...

Зиму 1837—38 онъ, какъ упомянуто, провелъ въ Москвѣ, гдѣ слу-

---

[1]) См. названную раньше статью г. Де-Пуле; статью г. Науменка о Костомаровѣ въ „Кіевской Старинѣ", 1885, май; особливо книгу г. Петрова о малорус. литературѣ XIX столѣтія, и дополненія къ ней у Н. П. Дашкевича.

[2]) Это былъ второй сборникъ Максимовича, 1834.

шалъ лекціи популярнаго тогда Шевырева. Весной 1838 года онъ уѣхалъ домой въ деревню. „Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому,—говоритъ онъ:—меня выводило изъ себя, что невѣжды, какихъ тогда было очень много, съ презрѣніемъ отзывались о хохлахъ и всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ. Я вздумалъ писать по-малорусски, но какъ писать? Нужно учиться у народа, сблизиться съ нимъ. И вотъ я сталъ заговаривать съ хохлами, ходилъ на вечерницы, сталъ собирать пѣсни"...

Разсказъ характеристиченъ, намѣчая тѣ разнородныя возбужденія, которыя приводили тогда къ этнографическихъ изученіямъ: это были и вліяніе иностранныхъ литературъ, откуда къ намъ доходили пока только отголоски романтическихъ влеченій къ старинѣ и народу, сохранявшему эту старину; и отголоски славянскаго возрожденія, и поэтическія созданія русской литературы, и параллельныя явленія въ литературѣ малорусской, и наконецъ, повидимому, первые начатки мыслей о соціальномъ положеніи народной массы... Но, какъ скажемъ дальше, еще мало доходили вліянія начавшейся археологическо-этнографической науки, какъ она создавалась тогда въ рукахъ Якова Гримма.

Въ молодыхъ поколѣніяхъ тридцатыхъ годовъ началось броженіе, очень похожее на недавнее „хожденіе въ народъ"—только оно имѣло народно-романтическія, а не соціальныя цѣли. Такъ ходили въ народъ Срезневскій или Костомаровъ и другіе на югѣ, а на сѣверѣ Петръ Кирѣевскій или его выученикъ Павелъ Якушкинъ и иные искатели откровеній народности. Для Костомарова эти странствія стали потребностью; ему не сидѣлось въ городѣ, и онъ бродилъ по селамъ въ воронежской и харьковской губерніяхъ: заходилъ прямо въ хаты, отправлялся на вечерницы и повидимому дѣлалъ это съ своей безцеремонной разсѣянностью, такъ что иной разъ хозяева встрѣчали его не весьма дружелюбно, а парни однажды собирались побить его, предполагая въ немъ соперника на вечерницахъ,—ему пришлось спасаться бѣгствомъ. Особенно онъ старался сближаться съ женщинами и дѣвушками, такъ какъ въ ихъ пѣсняхъ языкъ былъ чище... Попавши на Волынь, учителемъ въ Ровнѣ, Костомаровъ нашелъ новую богатую почву для своего этнографическаго увлеченія; нанявши квартиру въ малорусскомъ семействѣ, которое совсѣмъ не умѣло говорить по-русски (а съ гостями говорило по-польски), онъ окончательно привыкъ къ малорусскому языку; по вечерамъ иногда собиралъ къ себѣ бабъ и дѣвушекъ, и заставлялъ ихъ пѣть пѣсни и разсказывать сказки; по деревнямъ знакомился съ попами, которые давали ему возможность записывать пѣсни и сказки... Еще раньше задумалъ онъ исторію Богдана Хмельницкаго и здѣсь, въ правобе-

режной Украйнѣ, разыскивалъ и осматривалъ мѣста давнихъ историческихъ событій и козацкихъ битвъ,—былъ въ Берестечкѣ, Кременцѣ, Радзивиловѣ, Почаевѣ, Острогѣ и т. д.

Когда была отвергнута и предана сожженію первая диссертація Костомарова на степень магистра русской исторіи,—объ уніи,—онъ написалъ вторую: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (Сочиненіе Николая Кастомарова. Харьковъ, 1843).

Судьба этой книги довольно любопытна для исторіи нашей этнографіи. Пренебрежительный отзывъ Бѣлинскаго [1]) обыкновенно приписывается его непониманію. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Бѣлинскій вообще не сочувствовалъ тому народно-романтическому движенію, которое обнаруживалось въ дѣятельности малорусскихъ писателей; онъ не выносилъ „Гайдамаковъ“ Шевченка и другихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ, гдѣ велась однообразная народно-сантиментальная (а въ „Гайдамакахъ“ и кровожадная) нота безъ особеннаго содержанія, и еще меньше удовлетворялся теоретическими разсужденіями харьковской школы [2]); здѣсь, какъ въ мнимо-народномъ романтизмѣ „Маяка“, переходившемъ въ чистый обскурантизмъ (а „Маякъ“ сочувствовалъ украинской литературѣ), Бѣлинскаго отталкивала теоретическая запутанность той новой идеи, которая бродила въ этомъ романтизмѣ и, хотя не съумѣла еще установиться въ ясную систему, но уже рѣшалась отрицать тѣ интересы общечеловѣческаго просвѣщенія и искусства, передъ которыми преклонялась литературная школа Бѣлинскаго и его друзей. Эта теоретическая неясность вновь открывавшагося народнаго начала несомнѣнно присутствовала въ тогдашнемъ народномъ романтизмѣ, русскомъ и малорусскомъ, — и это чувствовалъ Бѣлинскій. Что онъ не ошибался относительно украинскихъ романтиковъ, можно видѣть по складу тогдашнихъ литературныхъ идей Срезневскаго; взгляды Костомарова въ этомъ отношеніи были разностороннѣе, но, извѣстно, что и для него многое въ русской литературѣ, развившейся изъ идей 40-хъ годовъ, осталось чуждо и непонятно [3]). Съ другой стороны, и Бѣлинскій не предчувствовалъ значенія новаго начала, выдвигав-

[1]) Коротенькая рецензія въ Отеч. Зап. 1844, кн. 3 (Сочин. Бѣлинскаго, IX, стр. 111—113) начинается такъ: „Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не умѣетъ говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ издалъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое-нибудь содержаніе“—и проч.

[2]) См. его разборы „Молодика“, книжки Метлинскаго о значеніи поэзіи, и т. п.

[3]) Напр. какъ Срезневскій не понималъ Гоголя, такъ Костомаровъ, кажется, до конца, не понималъ Салтыкова.

шагося въ литературѣ и, потому не оцѣнилъ въ трудѣ Костомарова того, что̀ было въ немъ новаго въ научномъ отношеніи.

Гораздо страннѣе было отношеніе къ книгѣ Костомарова ученой харьковской коллегіи. По словамъ автобіографіи, нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признать диссертаціи, предметъ которой имъ казался неученымъ; противъ нея спорилъ, между прочимъ, Артемовскій-Гулакъ, профессоръ русской исторіи. За книгу заступался особенно профессоръ всеобщей исторіи Лунинъ, человѣкъ просвѣщенный не по образцу другихъ своихъ сотоварищей. Онъ находилъ, что въ диссертаціи проводится настоящій историческій взглядъ, что для исторіи всего важнѣе найти выраженіе народнаго чувства и мысли... Лунинъ хлопоталъ о посылкѣ Костомарова за границу для приготовленія къ каѳедрѣ всеобщей новой исторіи,—но большинство не согласилось.

Научная роль книги Костомарова была недолговѣчна: она была заслонена дальнѣйшими работами въ этой области, съ конца сороковыхъ годовъ, трудами Буслаева, Аѳанасьева и другихъ; но чтобы опредѣлить ея цѣнность, надо сравнивать ее съ тѣмъ, что̀ было въ нашей этнографической литературѣ до ея появленія. Популярнѣйшимъ этнографомъ былъ Сахаровъ; въ объясненіи народнаго обычая лучшими были труды Снегирева; Даль работалъ тогда только въ беллетристикѣ; изъ сборника Кирѣевскаго еще ничего не появлялось въ печати; Пассекъ оставилъ лишь нѣсколько общихъ мыслей... Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій не было; теорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи; изученіе было эмпирическое; западная т.-е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна, — и еще только начиналась. Если въ этой обстановкѣ представить себѣ работу провинціальнаго молодого ученаго,—не только не имѣвшаго правильной школы, но изъ-за своихъ интересовъ къ народности казавшагося оффиціальной ученой компаніи только чудакомъ и блаженнымъ, книга окажется весьма видной попыткой цѣльнаго обзора и установленія извѣстнаго пріема изслѣдованія. Общая точка зрѣнія автора и объемъ его свѣдѣній объ этнографическомъ движеніи въ западной литературѣ будутъ видны по слѣдующей выдержкѣ изъ его введенія.

„У всѣхъ европейскихъ народовъ,—говорилъ Костомаровъ,—видна любовь къ народности и уваженіе къ народной поэзіи. Вездѣ собирали народныя пѣсни, объясняли ихъ, подражали имъ; вездѣ народность — и въ наукѣ, и въ словесности—нашла себѣ представителей. Англійскіе поэты, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ Муръ черпали изъ народныхъ пѣсенъ вдохновеніе для своихъ поэтическихъ созданій. Всеобъемлющая лира Гёте въ лучшихъ своихъ пѣснопѣніяхъ настраивалась подъ ладъ старонѣмецкихъ „лидовъ“; баллады Уландовы такъ близки къ своему источнику, что замѣняютъ для народа прежнія, его

собственныя произведенія. Множество важныхъ трудовъ посвящено изученію, разработкѣ и изданію народности. Собранія старинныхъ англійскихъ поэтическихъ произведеній, изданныя Перси, много доказали, какъ важны пѣсни народныя для исторіи и литературы. Четырехтомная исторія англійской поэзіи Вартона служитъ примѣромъ того, какъ люди ученые цѣнятъ народное достояніе. Не менѣе важны труды Эллеса, Рейтсона и другихъ. „Древнія баллады“ Джемсона и народныя „пѣсни Бордеровъ“ Вальтеръ-Скотта можно поставить примѣрами отличнѣйшихъ сборниковъ. Въ послѣднемъ сочиненіи превосходно разсмотрѣна исторія Бордеровъ съ примѣненіемъ къ народнымъ остаткамъ и показаны суевѣрія народныя, наводящія притомъ на яснѣйшія точки воззрѣнія относительно повѣрій и миѳологіи европейскихъ народовъ. Въ Германіи замѣчательны труды Гёрреса, Брентано, Ерльаха, котораго сборникъ неоконченъ и къ сожалѣнію загроможденъ чуждыми прививками. Новое изданіе нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія подтверждаетъ то всеобщее вниманіе, которое показываютъ къ народной поэзіи германцы. Не ограничиваясь разработкой отечественныхъ матеріаловъ, они занимались и поэзіей другихъ народовъ; такъ Гриммъ, Бюшингъ и Вольфъ познакомили нѣмецкую публику съ народными произведеніями скандинавскихъ, славянскихъ и романскихъ племенъ. Передъ всѣми народами нѣмцы могутъ похвалиться своимъ безсмертнымъ Гердеромъ, который нанесъ рѣшительный ударъ прежнимъ мнѣніямъ и водрузилъ на незыблемомъ основаніи знамя народности. Не лишнимъ считаю упомянуть о сочиненіи г-жи Тальви, написавшей опытъ характеристики народныхъ пѣсенъ. Французы, сбросившіе позже иго классицизма, долго упорствовали въ ложныхъ и уродливыхъ понятіяхъ о романтизмѣ;—но и они могутъ представить изъ числа своихъ ученыхъ такихъ, которые оказали услуги народности; Форьель, собиратель греческихъ пѣсенъ, Амперъ, Марье, Генрихъ Бльазъ, Шарль Нодье и другіе. — Испанцы, еще въ XVI вѣкѣ имѣли собраніе своихъ народностей.—Въ Швейцаріи, Швеціи и Даніи ученые также занимались этимъ предметомъ.—Пѣсни славянскихъ народовъ были издаваемы нѣсколько разъ; но богатство матеріаловъ столь велико, что еще слишкомъ много нужно труда, дабы достичь того, что́ имѣютъ германскіе народы. У сербовъ есть прекрасный сборникъ пѣсенъ Вука Стефановича; словаки имѣютъ Коллара, поляки Войцицкаго, Жеготу Паули и другихъ; пѣсни южно-русскія собирали Вацлавъ изъ Олеска, Жегота Паули, Максимовичъ, Срезневскій, издавшій богатый запасъ исторической поэзіи съ учеными объясненіями, и другіе. Великорусскихъ пѣсенниковъ Сахаровъ насчиталъ 120; но преимущественно важны для насъ труды этого почтеннаго собирателя.

„Такимъ образомъ, почти вездѣ занимались народностью. Чтожъ было причиной любви къ прежде брошеннымъ и долго презираемымъ произведеніямъ поэзіи, которую еще и теперь иные честятъ именемъ мужицкой и базарной?

„Я полагаю тому три причины: первая есть литературная—слѣдствіе упадка классицизма; враждующія стороны классицизма и романтизма примирились въ идеѣ народности. Вторая — политическая, произошла изъ отношеній правительствъ къ народамъ. Третья—историко-сціентифическая.

„До сихъ поръ всѣ способы, какими выражали исторію, могутъ быть подведены подъ два главные вида: повѣствовательный и прагматическій. Но эти способы, какъ ни противоположны казались у нѣкоторыхъ писателей, ничуть не противны одинъ другому и оба необходимы въ каждомъ историческомъ сочиненіи... Два, наприм., событія случились въ разныхъ вѣкахъ, у различныхъ народовъ. Какъ бы ни было похоже одно на другое, но если они будутъ

изображены совершенно безразлично, то ни въ томъ, ни въ другомъ не будетъ истины: въ мірѣ нѣтъ двухъ существъ, совершенно похожихъ; въ каждомъ есть что-нибудь особенное... Съ другой стороны, еще менѣе возможно чисто размышлительное (прагматическое) направленіе при небрежности повѣствованія и описательности. Для человѣческаго мышленія нуженъ предметъ; чтобы человѣкъ судилъ правильно, этотъ предметъ долженъ представиться ему ясно и ощутительно. Слѣдовательно, историческій прагматизмъ возможенъ только при отдѣлкѣ повѣствованія, а иначе все будетъ ошибочно и ограничится пустѣйшимъ мечтаніемъ. Два эти способа не только не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, но единственно и возможны одинъ при другомъ. Главное въ исторіи вѣрность.

„Но изобразить событіе такъ, какъ оно было, не легко: историкъ долженъ постигнуть, въ чемъ состоитъ характеристика его. Слѣдовательно, занимаясь наукой, историкъ долженъ изучать все то, что́ въ мірѣ человѣческомъ кладетъ на разумное существо печать различія, то есть, мѣсто и время, народъ и вѣкъ“.

Причины интереса къ народности, еще носившаго тогда характеръ по преимуществу романтическій, указаны въ сущности вѣрно, потому что, дѣйствительно, этотъ интересъ выросталъ въ литературѣ, политической жизни и наукѣ. Незнакомый съ Гриммовымъ пріемомъ изслѣдованія, которое открывало миѳологическія основы поэзіи и пролагало путь широкому сравненію, Костомаровъ ставилъ историческій вопросъ о значеніи народной пѣсни только въ тѣсномъ ближайшемъ смыслѣ; но важно было и то, что онъ настаивалъ на необходимости изученія народной стороны исторіи. Онъ искалъ ея въ пѣсняхъ. Въ чемъ же состоитъ народная особенность и характеръ?

„Всякій народъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ себѣ что-то опредѣленное, касающееся болѣе или менѣе каждаго изъ тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ народу. Это — народный характеръ, по которому цѣлая масса можетъ быть разсматриваема какъ одинъ человѣкъ. Всякое индивидуальное лицо имѣетъ свой характеръ: этотъ характеръ постигается въ его дѣйствіяхъ, пріемахъ, но преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда онъ высказывается *невольно*, не стараясь быть замѣченнымъ, испытаннымъ, узнаннымъ... Всякій народъ, разсматриваемый какъ единое лицо, имѣетъ свой идеалъ, къ которому стремится. Отъ того, напр., историкъ, описывая дѣянія своего народа, старается тѣ черты, къ которымъ сильно сочувствуетъ, изображать въ благопріятномъ свѣтѣ. Для узнанія народнаго характера надобно поступать такъ, какъ съ человѣкомъ, котораго желаютъ изучать: надобно искать такихъ источниковъ, въ которыхъ бы народъ высказывалъ себя безсознательно. Къ такимъ источникамъ принадлежитъ литература... Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи—минуты творчества; народъ испытываетъ ихъ и оставляетъ памятники,—онъ поетъ; его пѣсни, произведеніе его чувства, не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ самъ сознаетъ это: die Sache lebt im Gesang, говоритъ нѣмецъ; пѣсня—быль, скажетъ русскій. Въ самомъ дѣлѣ, народная пѣсня имѣетъ преимущество предъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства не выученныя, движенія души не притворныя, понятія не занятыя. Народъ въ ней является такимъ, каковъ

есть: пѣсня — истина. Есть другое, столь же важное, достоинство народной пѣсни: ея всеобщность. Никто не скажетъ, когда и кто сочинялъ такую-то пѣсню: она вылилась цѣлою массою; всякій, кто ее поетъ, какъ будто считаетъ за собственное произведеніе; нигдѣ не является народъ такимъ единымъ лицомъ, какъ въ этихъ звукахъ души своей, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ не высказываетъ своего характера".

По своему значенію историческаго источника, пѣсни могутъ быть важны въ разныхъ отношеніяхъ: какъ лѣтопись внѣшнихъ событій (напр., пѣсни историческія), какъ отраженіе народнаго быта, какъ предметъ изслѣдованія филологическаго, — наконецъ, какъ „памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее". Въ этомъ послѣднемъ Костомаровъ видѣлъ самое важное достоинство пѣсенъ и, здѣсь, для историческаго вывода, „не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія". Съ этой точки зрѣнія и ведется его изслѣдованіе, по тремъ сторонамъ народной жизни: духовной, исторической и общественной.

Въ изложеніи жизни „духовной", авторъ въ одной главѣ выбираетъ изъ пѣсенъ черты, рисующія религіозное чувство народа (только малорусскаго, потому что „не имѣлъ ничего въ этомъ родѣ изъ великорусской поэзіи"); въ другой, онъ подробно останавливается на отношеніи народа къ природѣ.

Понятно, что событія, личныя и историческія, составляющія сюжетъ пѣсенъ, окружены обстановкой мѣстной природы. Но понятіе народа о природѣ не ограничивается одними этими изображеніями: она входитъ въ народную поэзію и болѣе глубокимъ образомъ,—она оживаетъ въ народномъ воображеніи, и авторъ объясняетъ это отношеніе народа къ природѣ слѣдующимъ, нѣсколько мистическимъ, образомъ:

„Предметы природы, часто встрѣчаемые, не интересуютъ народнаго вообраденія, потому только, что глазъ безпрестанно видитъ ихъ. Надобно, чтобы они существовали въ полномъ смыслѣ этого слова; народъ ищетъ въ нихъ жизни, а не призраковъ, хочетъ съ ними сообщаться не только тѣлесно, но и духовно. Физическая природа проникнута творческою идеею, согрѣта божественною любовію, облечена въ формы совершенства. Каждое явленіе въ ней не случайно, но имѣетъ свой законъ, открываемый духомъ. Въ природѣ заключается для человѣка значеніе, примѣнительное къ его собственному существу; человѣкъ видитъ въ окружающихъ его предметахъ не одну грубую безжизненную матерію; напротивъ, какъ бы ни удалено казалось отъ его существа какое-нибудь произведеніе родной планеты,—въ человѣкѣ есть тайное око, которое видитъ, что и грубая матерія имѣетъ связь съ духовнымъ существомъ; есть тайный голосъ, который указываетъ, въ чемъ состоитъ эта связь. Вотъ это сознаніе духовнаго въ тѣлесномъ и составляетъ основу всего прекраснаго въ искусствѣ. Оно есть признакъ гармоніи и любви, существующей между Творцомъ и его твореніями. Человѣкъ способенъ любить только духъ; тѣлесное само по себѣ недоступно его сердцу" (стр. 25—26).

На этомъ Костомаровъ построилъ свое объясненіе роли природы въ народной поэзіи. Эта роль — *символическая*. Предметъ природы, входя въ поэтическое произведеніе народа, получаетъ въ немъ духовное значеніе, въ формѣ примѣненія его къ жизни нравственнаго существа или—символа. Символъ не есть ни образъ, ни сравненіе, ни аллегорія — они служатъ ему только формой; символъ представляетъ тайную внутреннюю связь, единство идеи въ явленіяхъ жизни природы и человѣка. „Народные символы, расположенные въ системѣ, составляютъ символику народа, которая служитъ намъ важнымъ источникомъ для уразумѣнія народной жизни. Въ общемъ смыслѣ символика природы есть продолженіе естественной религіи: Творецъ открывается въ твореніи; сердце человѣка любитъ въ явленіяхъ міра физическаго Вездѣсущій Духъ... Отношенія человѣка къ природѣ занимаютъ средину между отношеніями къ Творцу и къ самому себѣ, между любовію божественною и человѣческою, между жизнію созерцательною и практическою. Все это открывается въ символикѣ, которая имѣетъ чрезвычайную важность для этнографіи и исторіи. Взглядъ народа на природу показываетъ вмѣстѣ съ религіею, что́ такое народъ, какое человѣческое бытіе онъ заключаетъ въ себѣ, а это ведетъ къ уразумѣнію дальнѣйшихъ историческихъ вопросовъ—почему народъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе".

Русская народная символика имѣетъ, по Костомарову, троякое основаніе: одни символы имѣютъ ясное основаніе въ самой природѣ; другіе основаны на историческомъ употребленіи извѣстнаго предмета въ древней жизни; третьи основаны „на старинныхъ миѳическихъ или традиціональныхъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ, составляющихъ достояніе народнаго баснословія". Предметы и явленія природы, изъ которыхъ почерпалась народная русская символика, Костомаровъ распредѣлялъ такъ: символы небесныхъ свѣтилъ и стихій; символы мѣстности, — царства ископаемаго, растительнаго, животнаго. Въ своемъ изслѣдованіи онъ остановился только на двухъ послѣднихъ разрядахъ народно-поэтическаго символа; онъ проводитъ длинный рядъ растеній, деревьевъ, птицъ, и иллюстрируетъ ихъ значеніе многочисленными примѣрами изъ пѣсенъ русскихъ и особливо малорусскихъ.

Присутствіе символа не подлежитъ сомнѣнію, и въ ученой разработкѣ народной поэзіи онъ долженъ былъ необходимо быть собранъ и выясненъ; но Костомаровъ—по средствамъ своего времени—сдѣлалъ только половину задачи. Онъ большею частію, почти всегда, только указываетъ символъ—въ особенности тотъ, котораго смыслъ представляется самъ собою; но мало или даже совсѣмъ не касается

тѣхъ, которые произошли изъ „историческаго употребленія извѣстнаго предмета“ или старинныхъ миѳическихъ сказаній и вѣрованій“. Изъ символики животнаго царства Костомаровъ останавливается лишь на птицахъ; относительно насѣкомыхъ и звѣрей пѣсни давали скудный матеріалъ—этого матеріала надо было бы искать въ народныхъ разсказахъ и преданіяхъ, „но они у насъ мало извѣстны, особенно малорусскіе“ (стр. 89).

Переходя затѣмъ къ исторической жизни народа, Костомаровъ указываетъ прежде всего, что пѣсни никакъ не могутъ служить полною исторіею, во-первыхъ, по вмѣшательству поэтической фантазіи; во-вторыхъ, потому, что съ одной стороны пѣсня не знаетъ многихъ событій, подробно описанныхъ лѣтописью, а съ другой останавливается на событіяхъ, лѣтописи совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ пѣснѣ остается лишь то, что̀ произвело сильное впечатлѣніе на народъ; поэтому дольше сохраняются въ ней лишь важныя событія, крупные переломы въ народный жизни.

„Разница между историческими пѣснями Великой и Малой Руси чрезвычайно значительна. У великоруссовъ остались преданія о глубокой старинѣ кіевской, о Владимірѣ и богатыряхъ его, хотя народъ представляетъ себѣ славную эпоху превратно. Казалось бы, у малоруссовъ скорѣе должна была сохраниться исторія ихъ отечества, и однако мы еще ничего не видали въ такомъ родѣ. Дѣятельная жизнь послѣдующихъ временъ, участіе цѣлаго народа въ политическихъ дѣлахъ, кажется, стерли всю старину. За то исторія позднѣйшихъ временъ отразилась въ пѣсняхъ полно и ясно: цвѣты фантазіи не въ силахъ были совершенно закрыть истины; у великоруссовъ, напротивъ, ни одно изъ историческихъ событій, оставшихся въ народной памяти, не представляется такимъ, какимъ оно было въ самомъ дѣлѣ: народная фантазія все передѣлала по своему“ (стр. 90—91).

Циклъ малорусской эпической поэзіи начинается съ XVI вѣка и содержаніе его обнимаетъ козацкія дѣянія въ отношеніяхъ турецко-татарскихъ, польскихъ и русскихъ. Костомаровъ излагаетъ принадлежащія сюда думы и пѣсни, прибавляя къ нимъ историческія объясненія фактовъ и стараго быта. „Запорожская Старина“ доставила ему для этого обильный матеріалъ, и онъ не думалъ заподозрить подлинности многихъ произведеній, взятыхъ изъ этого источника. Приводя думы, какъ извѣстно теперь, подложныя, онъ находилъ напр., что „во всѣхъ этихъ пѣсняхъ событія рисуются вѣрно“; что „происшествіе разсказано согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“; что одна изъ этихъ думъ „отличается народною философіею, въ которой видимъ свойственное малорусскому народу самопреданіе въ волю божію и сознаніе собственной справедливости; она оканчивается пророческимъ предчувствіемъ будущаго, далекаго счастія Украины“ (стр. 99—100). Теперь, заслугу

этой „народной философіи“ надо приписать тому „даровитому автору которага предполагалъ Максимовичъ, а „пророческое предчувстві было высказано цѣлые вѣка послѣ событій.

Въ обзорѣ поэзіи великорусской Костомаровъ не берется объясня особеннаго склада древняго кіевскаго эпоса, но уже подозрѣвае вопросы, которые должны были о немъ возникнуть и потомъ дѣ ствительно возникли.

„Конечно,—говоритъ онъ,—Владиміръ, богатыри, змѣи, калѣки перехож перешли къ намъ изстари, но они измѣняли столько разъ свои черты, стол разъ пересоставлялись, передѣлывались,—и каждое преобразованіе оставля въ нихъ свою память,—что могутъ служить для насъ зеркаломъ народной жиз не какого-нибудь одного періода времени, хотя бы и очень важнаго, а п лыхъ вѣковъ. Пѣсни эти имѣютъ для историка значеніе обширное, но тол при извѣстныхъ условіяхъ. Надобно сначала употребить *самый строгій тру* чтобы *показать, откуда, что, и какъ, и почему, и когда*. Для этого нуж глубокая ученость, разнообразныя свѣдѣнія, неутомимое трудолюбіе, а бо всего добросовѣстность, безъ которой всякій ученый трудъ остается не тол безъ пользы, но даже со вредомъ. Тогда каждое лицо богатыря, каждое, п видимому, безсмысленное имя что-нибудь указало бы историку. До сихъ пор эти пѣсни, такъ, какъ онѣ теперь напечатаны въ сборникахъ, столько же п могутъ ему, сколько помогли неизъяснимые гіероглифы на старинныхъ ка нихъ историкамъ-археологамъ“ (стр. 115).

Любопытно, что какъ изъ малорусскихъ думъ именно въ подло ныхъ Костомаровъ нашелъ „вѣрность исторіи“ и „народную фил софію“, такъ въ обзорѣ новгородскихъ сказаній ему „всѣхъ полнѣ и отчетливѣе изъ новгородскихъ поэмъ представляется повѣсть о Акундинѣ Акундиновичѣ, помѣщенная въ изданіи сказокъ Сахарова и, какъ теперь ясно, составляющая собственное сочиненіе Сах рова. Перечисливъ въ этой сказкѣ различныя черты новгородска быта и „современныя понятія“, Костомаровъ заключалъ, что „ве разсказъ проникнутъ духомъ особеннаго романтизма (!), свойстве наго только русскому элементу“ (стр. 116—117).

Въ изложеніи общественной жизни малоруссовъ по пѣснямъ, К стомаровъ останавливается на главнѣйшихъ типахъ, которые рисует пѣсня: козакъ, чумакъ, бурлакъ, поселянинъ, панъ, жидъ, цыган Книга оканчивается обзоромъ общественнаго быта по пѣснямъ ве ликорусскимъ [1]).

[1]) Въ концѣ Костомаровъ перечисляетъ источники, служившіе ему въ трудѣ ег [illegible] литература того времени, русская, мал русская [illegible].

Пѣсни Сахарова, [illegible].

Пѣсни Максимовича, [illegible] Лукашевича, Кулиша изъ Олеска, Ж [illegible] Паули [illegible] Головацкаго [illegible].

Этнографическіе взгляды Костомарова выясняются еще другой его книгой—о славянской миѳологіи, изданной во время профессуры въ Кіевѣ, въ разгарѣ славянскихъ мечтаній и напечатанной для бóльшей археологической внушительности церковно-славянскимъ шрифтомъ [1]).

Вопросы народныхъ вѣрованій, казавшіеся еще недавно темными, теперь во многомъ для него разъясняются. Костомаровъ сопоставляетъ извѣстія о славянскомъ язычествѣ, особливо балтійскомъ, у средневѣковыхъ нѣмецко-латинскихъ лѣтописцевъ съ тѣмъ, что сохранилось въ извѣстіяхъ славянскихъ, и въ народныхъ преданьяхъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ, — и старается открыть внутренній смыслъ этихъ фактовъ. Этотъ смыслъ представляется ему въ томъ, что славянскія божества, какъ сохранившіяся народныя повѣсти и обряды, представляютъ символизацію силъ и явленій природы. Древнія религіи не знали вообще другихъ предметовъ поклоненія; но вопросъ заключался въ опредѣленіи пути, которымъ совершалось образованіе

— Изданія Войцицкаго (Klechdy; Zarysy Domowe); словацкія „Narodnie Zpiewanky", Коллара.

— Кромѣ того, онъ ссылается на галицкое собраніе колядокъ, Вѣрецкаго, сообщенное ему, по возвращеніи изъ путешествія въ славянскія земли, Срезневскимъ. „Это рукописное собраніе,—говоритъ Костомаровъ,—содержитъ 33 пѣсни и драгоцѣнно въ высокой степени для русской этнографіи, филологіи, исторіи, и въ особенности миѳологіи; такъ что многое проливаетъ новый свѣтъ на вѣрованія нашихъ предковъ". Это „драгоцѣнное собраніе", кромѣ отдѣльныхъ цитатъ, никогда не являлось въ печати.

— Наконецъ, Костомаровъ „имѣлъ подъ рукою" собраніе нигдѣ еще не напечатанныхъ малорусскихъ пѣсенъ, числомъ болѣе 500, и которое вскорѣ должно было явиться въ печати.—Вѣроятно онъ говорилъ о собственномъ сборникѣ.

Книга Костомарова вызвала, кромѣ упомянутаго отзыва Бѣлинскаго, еще нѣсколько журнальныхъ статей. Сенковскій (Библ. для Чтенія, 1844, т. 66-й, отд. 6, стр. 12) глумился надъ мыслью отыскивать историческое значеніе — въ народной поэзіи, т.-е. въ мірѣ ямщиковъ, зелена вина и т. д. Срезневскій далъ о книгѣ весьма сочувственный отзывъ въ „Москвитянинѣ" (1844, ч. II, № 3, стр. 141—154), гдѣ, впрочемъ, замѣчалъ, что авторъ, излагая содержаніе народной поэзіи, не разъяснилъ, какъ и чѣмъ же можетъ воспользоваться здѣсь историкъ,—между тѣмъ какъ только рѣшеніе этого вопроса могло бы оправдать названіе книги. Наконецъ, обширный разборъ книги Костомарова сдѣлалъ нѣкто К. Калайденскій, въ „Маякѣ" 1844, т. XV, кн. XXX, стр, 31—82; но въ сущности это—только изложеніе книги, съ немногими и незначительными замѣчаніями.

[1]) „Славянская Миѳологія. Сочиненіе Николая Костомарова. Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года". Кіевъ 1847. Большое 8°, 113 стр. Эта книга въ свое время не успѣла поступить въ продажу, и потомъ извѣстна была только любителямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ А. А. Котляревскій намѣревался переиздать эту книгу, дополнивъ ее по новымъ изслѣдованіямъ; часть книги была даже напечатана,--но изданіе не было приведено къ концу, не знаемъ, почему.

миѳа, и въ опредѣленіи его склада. Наука въ то время была уже на пути къ реальному, филологическому и археологическому выясненію этого образованія миѳа и его характера; Костомарову это движеніе осталось тогда, какъ и послѣ чуждо, и онъ довольствуется общими впечатлѣніями, отгадкой, и его объясненіе остается общимъ и полу-мистическимъ.

Славянскую, и въ томъ числѣ древне-русскую, миѳологію Костомаровъ постоянно сравниваетъ съ миѳологіей древнихъ восточныхъ классическихъ народовъ, германцевъ — перенося на славянскія божества и преданія тотъ смыслъ, который находили тамъ ученые старой школы, и вообще устанавливаетъ между ними полную параллельность—въ олицетвореніи силъ природы, борьбы свѣта и тьмы, тепла и холода, лѣта и зимы, добра и зла, и приходитъ къ такому обобщенію:

„Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ—лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣянія, страданія и торжество. Эта идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіашѣ, и въ Бальдурѣ, и въ нашемъ языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ [1]). Гельмольдъ говоритъ, что Радегастъ былъ герой, странствовалъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Вѣрно славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь какъ существа, вмѣстѣ божественнаго и человѣческаго, ибо Свантовитъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами...

„Эта идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служитъ величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истины нашего св. Писанія. Это была идея, вложенная Творцомъ въ родъ человѣческій: человѣкъ, какую бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ проявить въ ней то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи божества было бы столь же трудно, какъ истребить вѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать подложность исторіи Іисуса Христа видимымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народовъ, не разъ уже указывали и на Созіаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообразы Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только большимъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что хотятъ ниспровергнуть. Во всѣхъ миѳологіяхъ, какъ бы онѣ ни были извращены человѣческимъ мудрованіемъ и фантазіею, скрываются истины, въ глубочайшей древности [illegible] человѣческаго открытыя свыше... За всѣхъ умеръ Христосъ, и онъ былъ чаяніемъ всѣхъ языковъ. Въ блуждающихъ образахъ народы искали его. Онъ, по словамъ Св. Писанія, въ мірѣ былъ, но міръ его не познавалъ, и когда [illegible] тѣ, которые познали его, когда, подобно завѣсѣ, раздравшейся въ храмѣ въ минуту его кончины, пали передъ свѣтомъ его темные призраки и символы, церковь его стоитъ на такомъ твердомъ камнѣ ясной и живой истины, что врата адовы не сдвинутъ ее во вѣки“ (стр. 51—54).

[1]) Далѣе онъ говоритъ о Святовитѣ, Радегастѣ, Сварогѣ, Даждьбогѣ и проч.

Такимъ образомъ древнія языческія миѳологіи сводятся къ „естественной религіи". Съ другой стороны прибавлялся къ этому взглядъ такъ называемой символической школы миѳологіи, предшествовавшей Гримму и которой главнѣйшимъ представителемъ былъ Георгъ-Фр. Крейцеръ (1771—1858), авторъ знаменитой нѣкогда книги: „Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen" (1810—12, и нѣсколько изданій потомъ). Символическая школа была въ связи съ романтизмомъ, который, обращаясь къ старинѣ, къ востоку, къ народному преданію, видѣлъ въ нихъ запасъ новыхъ нравственныхъ и поэтическихъ идей. Это была реакція и шагъ впередъ противъ сухого эвгемеризма XVIII-го столѣтія, который видѣлъ въ миѳологіи фантастическое извращеніе или обобщеніе историческаго лица и событія, или басню, „выдуманную жрецами", и не видѣлъ психологическаго процесса, какимъ создавалась миѳологія. На мѣсто механическаго понятія о миѳѣ, здѣсь ставился вопросъ объ его естественномъ происхожденіи въ психологическомъ процессѣ народной жизни,—ошибка была лишь та, что отвѣтъ на этотъ вопросъ строился не на точномъ изученіи фактовъ, а на теоретическомъ предположеніи. По ученію символической школы (Крейцеръ, Отфридъ Мюллеръ, Швенкъ, Вельверъ и др., которые частію и цитируются Костомаровымъ, а позднѣе и Аѳанасьевымъ), миѳъ есть вообще иносказаніе, изображающее астрономическія и физическія явленія,—солнце и звѣздное небо, свѣтъ и тьму, переходы временъ года и т. п. Сравненіе указывало господство однихъ и тѣхъ же мотивовъ въ миѳологіи всѣхъ народовъ; къ сравненію были привлечены и семитическіе языки, и недавно открытый санскритъ, и египетская древность; аллегорія и образный языкъ были у всѣхъ народовъ выраженіемъ религіозно-миѳологическихъ идей; „миѳы и сказанія отдѣльныхъ народовъ суть только незначительныя варіаціи и нарѣчія одного первобытнаго общаго языка, именно—восточнаго, образнаго языка". Источникомъ многообразнаго развитія миѳологій было первобытное единобожіе востока, которое было дѣломъ откровенія, и притомъ не въ формѣ деизма, отличающаго божество отъ творенія, а въ формѣ пантеистическаго ихъ единства, воплощенія и эманаціи. Вся миѳологія становилась рядомъ символовъ, и такъ какъ ея основныя темы и олицетворенія повторялись у разныхъ народовъ, то въ отождествленіи символовъ терялись наконецъ отличительныя черты вѣковъ и народностей. Миѳологія становилась мистической; для ея уразумѣнія требовалось уже не одно историческое изслѣдованіе, но особое чувство [1]). Страсть видѣть повсюду символъ приводила, на-

[1]) „Главный трудъ, лежащій на миѳологѣ,—говорилъ Крейцеръ,—заключается не въ исторической критикѣ, которая, конечно, необходима, но въ воспріятіи (Apperz-

конецъ, къ самому превратному пониманію фактовъ, напр., греческой древности. Миѳическія исторіи боговъ и героевъ были только символами природныхъ событій и явленій. Греки заимствовали ихъ у индійцевъ и египтянъ, но это былъ народъ легкаго, подвижного характера,—они не поняли глубокое значеніе символовъ, и древняя египетская мудрость сохранялась у грековъ только въ мистеріяхъ. Первоначальная религія, пришедшая изъ Индіи и Египта, хранилась у пелазговъ, греки утратили ея таинственный смыслъ, такъ что въ этомъ [illegible] греческая цивилизація была упадкомъ сравнительно съ первоначальными [illegible] преданія. По слѣдамъ Вольфа, Гомеровъ [illegible] считался истинно національнымъ произведеніемъ, передающимъ греческое міросозерцаніе въ полной чистотѣ первобытной [illegible] школа, напротивъ, видѣла въ Гомерѣ только [illegible] внесъ свой личный произволъ въ міръ религіозно[illegible] идей и нарушилъ древнюю чистоту ученій: послѣд[illegible] сохранилась у Гезіода и была легкомыс[illegible] Гомера. Наконецъ, вообще первобытная религіозная [illegible] къ отдаленнымъ временамъ человѣчества и, [illegible] въ родъ жрецами, представляла таинственное [illegible] было подготовленіемъ къ христіанству...

[illegible] греческой древности, эта теорія еще въ десятыхъ и [illegible] годахъ вызвала сильныя опроверженія, въ особенности [illegible] знаменитыхъ филологовъ Готфрида Германна и Лобека; [illegible] безграничной символизаціи былъ устраненъ [illegible] филологическимъ и археологическимъ методомъ Гримма, который [illegible] на его преувеличенія—сводилъ вопросъ на реаль[illegible] наконецъ, новыя изслѣдованія въ области антропологи[illegible] археологіи совершенно опровергали мысль о глубокихъ перво[illegible] и, напротивъ, открывали въ отдаленіи грубый [illegible]

[illegible] Костомарова, очевидно, находится въ связи съ теоріями [illegible]. Раза два Костомаровъ цитируетъ Гримма [illegible] и самую „Mythologie“ [illegible], но книга пересыпана [illegible], по слѣдамъ котораго дѣлаются обращенія [illegible], индійской и персидской [1]). Построеніе [illegible] априористическимъ; факты пригоня[illegible], и недостатокъ построенія оказался та[illegible] критика укорила самого Крейцера.

[illegible] но которое обусловли[illegible] дѣлаетъ поэта".

[1]) [illegible] Славянъ на природу" [illegible] 1862, стр. 40.

Увлеченія натуръ-философіи легко были отринуты, потому что первыя строгія наблюденія опровергали ихъ; мистическія толкованія могли быть устранены только путемъ сложныхъ и глубокихъ изслѣдованій, для основанія которыхъ нужна была такая великая научная сила, какъ Яковъ Гриммъ. У насъ отголоски старой символической школы еще продолжались у Аѳанасьева. Лишь въ послѣднее время сознана вполнѣ необходимость точнаго опредѣленія первоначальныхъ фактовъ и самыхъ источниковъ,—съ чего слѣдовало начаться изслѣдованію.

Трудъ Костомарова не былъ первымъ въ этой области: не говоря о раннихъ, очень мало или совсѣмъ ненаучныхъ трудахъ по русской миѳологіи и этнографіи, онъ имѣлъ предшественниковъ въ Снегиревѣ —уже собиравшемъ „простонародные праздники и суевѣрные обряды“, въ Касторскомъ („Славянская миѳологія“, 1841) и особливо въ Срезневскомъ, въ книгѣ котораго: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ“ (Харьковъ, 1846), кромѣ множества указаній изъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ и другихъ памятниковъ, иностранныхъ и славянскихъ, введены и народныя преданья, пѣсни и обычаи. Костомаровъ имѣлъ также въ распоряженіи труды западно-славянскихъ ученыхъ (Шафарикъ, Палацкій, Ганушъ). Не смотря на указанную натянутость взгляда, труды Костомарова были важны для установленія новаго историко-этнографическаго изученія, во-первыхъ, какъ цѣльные обзоры, во-вторыхъ, многими частностями: таковы были въ „Миѳологіи“ указанія на смыслъ народныхъ обрядовъ, въ книгѣ о народной поэзіи—обзоръ поэтической символики пѣсенъ и опыты изображенія по пѣснямъ историческихъ общественныхъ отношеній. Можно пожалѣть, что эти стороны народной поэзіи привлекаютъ теперь сравнительно мало вниманія: новые изслѣдователи всего больше поглощены изученіемъ генезиса народнаго преданія, и мало вниманія посвящаютъ народной поэзіи въ ея послѣднемъ историческомъ терминѣ, въ ея цѣломъ составѣ и современномъ смыслѣ для народа.

Костомаровъ остался чуждъ дальнѣйшему развитію нашихъ этнографическихъ изученій, но его старый интересъ къ народному тѣмъ не менѣе плодотворно развился въ двухъ направленіяхъ: въ трудахъ по изданію произведеній народной поэзіи и ихъ ближайшему историческому толкованію, и особливо—въ примѣненіи этнографическихъ соображеній къ исторіографіи.

Что касается послѣдняго, то нѣкоторое объясненіе своей исторіографической теоріи Костомаровъ далъ въ лекціи: „объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“.

Указавъ, какъ историческое знаніе, и наше въ томъ числѣ, постоянно расширяло кругъ своихъ изслѣдованій отъ чисто внѣшнихъ

государственныхъ событій до подробностей внутренняго быта, Костомаровъ объясняетъ, что главная цѣль исторіи заключается все-таки даже не въ самыхъ обстоятельныхъ изображеніяхъ внѣшней жизни, а въ уразумѣніи „психологіи прошедшаго". Для этой цѣли трудъ историка долженъ быть необходимо связанъ съ трудомъ этнографа.

„Поставивши задачею историческаго знанія жизнь человѣческаго общества и, слѣдовательно, народа, историкъ тѣмъ самымъ становится въ самое тѣсное отношеніе къ этнографіи, занимающейся состояніемъ народа въ его настоящемъ положеніи. Исторія изображаетъ теченіе жизни народной; для этого, само собою, нужно историку знать тотъ образъ, къ которому довело ее это теченіе. Съ другой стороны, и этнографъ не иначе можетъ уразумѣть состояніе народа, какъ прослѣдивши прежніе пути, по которымъ народъ дошелъ до своего состоянія: всѣ признаки современной жизни не иначе могутъ имѣть смыслъ, какъ только тогда, когда они разсматриваются какъ продуктъ предъидущаго развитія народныхъ силъ. Въ способѣ занятій этнографіей и въ способѣ ея изложенія усматриваются тѣ же ошибки, какъ и въ сферѣ исторической науки. Принимали матеріалъ для предмета за самый предметъ! Этнографіею называли замѣчанія или описанія, касавшіяся того, какіе обычаи господствуютъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, какія формы домашняго быта сохраняются здѣсь и тамъ, какія игры и забавы въ употребленіи у народа. Но забывали, что главный предметъ этнографіи или науки о народѣ,—не вещи народныя, а самъ народъ, не внѣшнія явленія его жизни, а самая жизнь. Притомъ же давалось этнографіи значеніе очень тѣсное. Въ кругъ этой науки [illegible] только то, что составляетъ особенности быта простонародія: все, что принадлежало другимъ классамъ народа, считалось не входящимъ въ эту науку. [illegible] предметомъ этнографіи, но никто не [illegible] Въ этомъ [illegible] съ исторіей, [illegible] сферами. По нашему [illegible] кругъ ея слѣдуетъ распро-[illegible] этнографіи должна [illegible] Какъ наука о [illegible] бросается въ [illegible] низшихъ [illegible] на процессъ [illegible] понятій и [illegible] отправ-[illegible] и науки, по-[illegible] и политиче-[illegible]

[illegible] историкъ своимъ [illegible]

[illegible] въ какой [illegible] народностью. Бо-[illegible] государство [illegible] какъ (въ бо-[illegible] представлялось съ

жизнью и движеніемъ. Для полноты же исторической науки необходимо, чтобы и другая сторона народной жизни равнымъ образомъ была представлена въ научной ясности, тѣмъ болѣе, что народъ вовсе не есть механическая сила государства, а истинно живая стихія, а государство, наоборотъ, есть только форма, само по себѣ мертвый механизмъ, оживляемый только народными побужденіями, такъ что самодѣятеленъ ли народъ, бездѣйственъ ли онъ,—во всякомъ случаѣ государственность не можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ результатомъ условій, заключающихся въ народѣ; и даже тамъ, гдѣ народъ, погруженный въ мелкіе, единичные интересы, представляетъ собою недвижимую, немыслящую, покорную массу, и тамъ формы государственныя со всѣми своими развѣтвленіями и со всѣми уклоненіями отъ потребностей, лежащихъ въ народѣ, все-таки получаютъ корень въ народѣ, если не въ сознаніи и дѣятельности, то въ отсутствіи мысли и въ безсиліи его" [1]).

Костомаровъ указываетъ затѣмъ неразвитость нашей русской этнографіи—въ объясненіи собираемаго матеріала. Какъ исторія становится только археологіей, когда накопляетъ одни факты прошлой жизни, такъ и этнографическое богатство, даже при научномъ построеніи, не составляетъ науки о народѣ. У насъ есть собранія пѣсенъ, пословицъ, областной словарь, подробныя описанія быта, но все это отрывочно, неполно и не приведено въ систему. Сравнительная сторона дѣла чрезвычайно мало обработана. Указываютъ извѣстные предметы и явленія въ одномъ краѣ, и не указываютъ, есть ли они въ другомъ; или, находя сходство, не ищутъ узнать, есть ли оно давнее или позднѣйшее. Относительно произведеній народной словесности оставалось обыкновенно не выясненнымъ, кѣмъ именно и въ какихъ обстоятельствахъ, съ какимъ настроеніемъ поются тѣ или другія пѣсни, гдѣ и кѣмъ употребляются извѣстныя пословицы, и т. п. Относительно народнаго языка мы имѣемъ сборникъ областныхъ словъ, но не имѣемъ понятія объ областной рѣчи, т.-е. цѣломъ изложеніи, разсказѣ или разговорѣ; знаемъ, что есть особыя нарѣчія, но не знаемъ ихъ границъ,—и притомъ, съ особыми нарѣчіями соединяются оттѣнки понятій, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, отложились слѣды прожитыхъ вѣковъ. Наконецъ, этнографія никакъ не должна ограничиваться изображеніемъ быта одного простонароднаго сельскаго класса: не только низшіе, но средніе и высшіе классы представляютъ много отличій; помѣщики различны по землямъ, какими владѣютъ, по способу хозяйства и правиламъ домашняго быта, купцы и мѣщане по роду занятій и т. д. Все это еще должно быть собрано, и главное, освѣщено сравненіемъ и историческимъ объясненіемъ, и тогда только этнографія въ связи съ исторіей станетъ настоящей наукой.

Въ частности, относительно пѣсенъ, которыя были нѣкогда пред-

---

[1]) Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. III. Спб. 1867, стр. 359—362.

метомъ первыхъ ученыхъ работъ Костомарова, онъ замѣчалъ—через двадцать лѣтъ послѣ своей диссертаціи: „Пѣсни наши вообще мало были анализованы: не показано отраженія въ нихъ природы; не приведена въ ясность народная символика образовъ природы, составляющая вообще сущность первобытной поэзіи; не указаны типы лицъ, созданныхъ народной поэзіей, не изложенъ въ системѣ поэтическій способъ выраженій, общій народу и любимый имъ по преимуществу, не указаны переходы отъ старыхъ формъ къ новымъ; не представлено, какъ сохранились въ пѣсняхъ воспоминанія и слѣды старой жизни съ ея угасшими посреди новаго быта признаками и, наконецъ, не соблюдались особенности нарѣчій, на которыхъ записывались пѣсни“ [1]).

Такова была программа этнографическихъ понятій Костомарова, представляющая очевидно развитіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ какими онъ велъ свою первую работу о народныхъ пѣсняхъ.

Позднѣйшія работы Костомарова въ этой области, какъ мы замѣтили, шли въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, онъ искалъ въ исторіи народныхъ и бытовыхъ элементовъ—таково множество его работъ по исторіи великорусской, въ статьяхъ о федеративномъ началѣ древней Руси, въ исторіи Новгорода и Пскова, въ трактатѣ о началѣ единодержавія въ древней Россіи, въ книгѣ о бытѣ и нравахъ XVI—XVII вѣка, въ мастерскомъ изслѣдованіи о Стенькѣ Разинѣ; далѣе, въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по малорусской исторіи. Въ статьѣ о „двухъ народностяхъ“ онъ поставилъ и основной вопросъ объ отличіяхъ племенъ великорусскаго и малорусскаго, —до тѣхъ поръ никогда ясно не поставленный и съ тѣхъ поръ также еще не вызвавшій новаго, болѣе подробнаго опредѣленія.

Приведенныя замѣчанія о пѣсняхъ до сихъ поръ остаются справедливы: пѣсенная поэзія до сихъ поръ не опредѣлена въ ея цѣломъ составѣ; ея складъ, историческое развитіе, отложившіяся въ ней наслоенія разныхъ эпохъ и формъ народной жизни не вызвали пока полнаго и систематическаго изслѣдованія. Пристальныя и нерѣдко замѣчательныя работы вызвалъ только эпосъ и нѣкоторыя части лирики,—но цѣлая область народно-поэтической дѣятельности еще не была обнята изслѣдованіемъ, и особенно съ тѣхъ ея сторонъ, гдѣ она является отраженіемъ непосредственнаго народнаго міровоззрѣнія, чувства и быта—если не въ настоящемъ, то въ давнемъ и недавнемъ прошедшемъ.

Во время пребыванія въ Саратовѣ, Костомаровъ вмѣстѣ съ другимъ лицомъ собиралъ пѣсни: нѣсколько пѣсенъ было напечатано

[1]) Тамъ же, стр. 369.

имъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Какъ извѣстно изъ его біографіи, появленіе этихъ пѣсенъ навлекло не малую непріятность пропустившему ихъ цензору: пѣсни (великорусскія) были, между прочимъ, новѣйшаго происхожденія и по народному грубо рисовали нѣкоторыя бытовыя явленія, и высшая власть нашла, что подобныя пѣсни слѣдовало истреблять, а не собирать (разумѣется, было легче сказать это, чѣмъ достигнуть, а запретить наблюденіе явленія значило добровольно закрыть на него глаза). Впослѣдствіи, уже въ новое царствованіе, сборникъ Костомарова былъ изданъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности" г. Тихонравова [1],—но впослѣдствіи оказалось, что этотъ сборникъ, собиравшійся самимъ Костомаровымъ или на глазахъ его, опытнаго этнографа, не обошелся безъ сомнительныхъ подправокъ, которыя уже вскорѣ были указаны г. Безсоновымъ [2]).

Передъ тѣмъ, въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ" г. Мордовцова (Саратовъ, 1859) Костомаровъ издалъ пѣсни, собранныя имъ въ сороковыхъ годахъ на Волыни [3]).

Наконецъ, подъ редакціей или „наблюденіемъ" Костомарова изданы были три тома извѣстныхъ „Трудовъ" этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Чубинскаго, а именно: томъ III, 1872, заключающій „народный дневникъ"—описаніе обычаевъ и обрядовъ, принадлежащихъ только опредѣленнымъ временамъ года, и соединенныхъ съ ними повѣрій, и обширный отдѣлъ пѣсенъ, которыя также поются только въ опредѣленныя времена года, какъ веснянки, русальныя или троицкія пѣсни, купальскія, обжиночныя, колядки и щедровки; томъ IV, 1877, заключающій описаніе обрядовъ —родинъ, крестинъ, свадьбы, похоронъ, и принадлежащія сюда пѣсни; наконецъ,—громадный томъ V, 1874 (1209 стр.), заключающій пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя. Не знаемъ, въ данную минуту, какъ далеко простиралось „наблюденіе" Костомарова надъ изданіемъ этихъ томовъ, именно, кому, напр., принадлежало распредѣленіе матеріала на отдѣлы и рубрики, ему или самому Чубинскому. Критика не всегда находила это распредѣленіе научно-правильнымъ [4]).

---

[1]) Томъ IV. М. 1862, стр. 1—111.

[2]) Пѣсни Кирѣевскаго, вып. VII-й, М. 1868, и слѣдующіе. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ г. Безсоновъ называетъ прямо поддѣльными и дурно поддѣланными; въ другихъ случаяхъ онъ находитъ присочиненныя, или сомнительныя, подробности и прикрасы. См. наприм. вып. VII; стр. 9, 11, 74, 109—111, 154, 203—204; вып. VIII, стр. 61, 162, 174—175, и т. д.

[3]) Объ одной пѣснѣ этого собранія см. замѣчаніе въ предисловіи къ „Историч. пѣсняхъ" гг. Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII.

[4]) См., напр., отзывъ А. Н. Веселовскаго въ академическомъ присужденіи Ува-

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ своей диссертаціи Костомаровъ снова вернулся къ ея предмету, и именно къ южно-русской ея части, въ рядѣ статей, который начатъ былъ въ „Бесѣдѣ“ 1872: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, затѣмъ продолжался въ „Р. Мысли“ 1880 и 1883: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и закончился въ „Литературномъ Наслѣдіи“ статьей: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Это была обширная переработка старой диссертаціи — съ тѣми же основными положеніями и планомъ, и съ тою разницей, что изложеніе было исправлено и дополнено по новымъ матеріаламъ, какіе наросли съ начала сороковыхъ годовъ. Костомаровъ въ сущности не измѣнилъ своихъ представленій о первобытной миѳологіи, оставившей въ пѣсняхъ свои слѣды въ видѣ миѳической символики; онъ только расширилъ главу о символикѣ небесныхъ и физическихъ явленій цитатами изъ старыхъ и вновь изданныхъ пѣсенъ; символика животныхъ осталась нетронутой и теперь. Возвратившись послѣ 1872 г. къ этому предмету въ 1880, онъ прямо перешелъ къ эпохѣ козачества и ея отраженіямъ въ пѣсняхъ. Но совершенно измѣнилось отношеніе къ тому матеріалу, который заключался въ „Запорожской Старинѣ“. Въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ она произвела на него большое впечатлѣніе, какъ и вообще знакомство съ Срезневскимъ „надолго возъимѣло на него сильное вліяніе“ [1], но впослѣдствіи собственное ближайшее изученіе козацкой эпохи убѣдило его въ недостовѣрности многаго въ этомъ матеріалѣ, и Костомаровъ уже въ пятидесятыхъ годахъ заявилъ свои сомнѣнія и отрицанія [2]). Желаніе, чтобы стали общеизвѣстными „таинствен-

ровскихъ премій, 1880, стр. 33—34; отзывъ Ягича въ „Archiv für slavische Philologie“.

[1]) Литературное Наслѣдіе, автобіографія, стр. 29.

[2]) См. разборъ „Записокъ о Южной Руси“, Кулиша, въ Отеч. Запискахъ, 1857, т. СХII, стр. 41—42:

„Въ 1833 году явилась „Запорожская Старина“ г. Срезневскаго, изданіе [illegible]ное и замѣчательное. Почтенный ученый, въ дни молодости брошенный судьбою [illegible] степи Екатеринославской губерніи, записалъ отъ слѣпыхъ бандуристовъ думы и пѣс[illegible] и спасъ отъ гибели драгоцѣннѣйшія созданія старинной народной поэзіи. Мног[illegible] изъ нихъ погибли бы невозвратно, еслибъ счастливый случай не далъ г. Срезне[illegible]скому возможности передать ихъ потомству въ „Запорожской Старинѣ“. Кромѣ эт[illegible] заслуги, мы должны приписать И. И. Срезневскому ту честь, что онъ первый у [illegible] указалъ, какимъ образомъ важность историческихъ пѣсенъ должно оцѣнивать вмѣс[illegible] съ критическимъ разборомъ событій. Нельзя, однако, не замѣтить недоказаннос[illegible] многихъ разсказанныхъ въ „Запорожской Старинѣ“ событій козацкой исторіи, пр[illegible]тиворѣчащихъ всѣмъ, до сихъ поръ извѣстнымъ, источникамъ южно-русской истор[illegible] Въ повѣствованіи объ эпохѣ Хмельницкаго является нѣсколько фактовъ, очень [illegible]

ные источники" этого изданія, остались не удовлетворенными. Впослѣдствіи Костомаровъ возвратился къ этому предмету въ разборѣ изданія „Историческихъ пѣсенъ" гг. Антоновича и Драгоманова, которые уже отнеслись ко многимъ даннымъ „Запорожской Старины" съ полнымъ отрицаніемъ [1]). Въ указанныхъ статьяхъ Костомаровъ пересматриваетъ всѣ думы и пѣсни, имѣющія отношеніе къ исторіи козачества,—причемъ приводитъ въ сноскахъ самые тексты,—сличаетъ варіанты и даетъ историческія объясненія о предметахъ пѣсенъ и ихъ складѣ. Этотъ трудъ остался недоконченнымъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ этнографическія работы Костомарова. Какъ мы видѣли, онъ относительно вопросовъ о происхож-

---

мнимыхъ и къ сожалѣнію, неизвѣстно откуда взятыхъ. О Морозенкѣ, лицѣ очень любимомъ народною поэзіею, но извѣстномъ въ историческихъ памятникахъ болѣе по имени Морозовицкаго или Мороза, чѣмъ по біографическимъ частностямъ, у Срезневскаго разсказывается цѣлый романъ, не подтверждаемый никакими свидѣтельствами. Такіе разсказы сопровождаютъ многія думы и пѣсни, напечатанныя въ „Запорожской Старинѣ". Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени этого изданія, а историческія данныя, сообщенныя въ немъ ученому свѣту, до сихъ поръ остаются неразгаданными, и г. Срезневскій оказалъ бы услугу наукѣ, еслибъ теперь вспомнилъ о своей „Запорожской Старинѣ" и сдѣлалъ общеизвѣстными тѣ таинственные источники, которыми пользовался при составленіи исторической части своего изданія, дабы оно не было похожимъ на исторію Русовъ Кониссқаго, тѣмъ болѣе, что честь перваго указанія на недостовѣрность этого сочиненія принадлежитъ проницательности И. И. Срезневскаго".

[1]) См. „Вѣстн. Европы", 1874, декабрь. Заявивъ сомнѣніе въ подлинности этихъ пѣсенъ, Костомаровъ перечисляетъ ихъ такъ: „Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Серпягѣ, подъ которымъ думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Наливайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трехъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстанія Павлюка, Остранина и Гуни, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрывочныя произведенія, выдаваемыя за народныя. Есть еще нѣсколько пѣсенъ объ эпохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о Пилявскомъ дѣлѣ, пѣсня о взятіи Бендеръ и пѣсня о Жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ основаній разсѣять сомнѣнія въ ихъ подлинности.

Въ воспоминаніяхъ А. А. Корсунова помѣщено письмо Костомарова, отъ февраля 1880 года, гдѣ онъ съ великимъ раздраженіемъ говоритъ о „псевдонародныхъ произведеніяхъ", которыя вводили въ заблужденіе въ „Запорожской Старинѣ", о „фальшивыхъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ", которыя сообщалъ Срезневскій „честному, но до крайности простодушному" (?) Бодянскому. „Мой Богданъ Хмельницкій очищался, очищался отъ этого навоза... и все-таки до сихъ поръ послѣ третьяго изданія не совершенно очистился". Костомаровъ укоряетъ Срезневскаго, что у него не хватало рѣшимости „во имя истины публично сознаться въ томъ, что все, выдававшееся имъ за историческую и этнографическую правду, была ложь" (Р. Архивъ, 1890, № 10, стр. 218—219).

Надо сказать, что и за Костомаровымъ остался подобный недочетъ относительно пѣсенъ, собиравшихся въ Саратовѣ, въ которыхъ г. Безсоновъ весьма недвусмысленно указывалъ подлоги.

деніи и значеніи народнаго преданія остался до конца ученымъ ста рой школы; повидимому онъ даже не зналъ новыхъ изслѣдованій нигдѣ никакого указанія на труды Буслаева, Аѳанасьева, Потебн Веселовскаго, Ягича и т. д. Онъ хотѣлъ какъ будто устранить упрек замѣчая, что не будетъ вдаваться въ миѳологію, такъ какъ хочет заниматься только пѣснями [1]; но по его же словамъ, именно в пѣсняхъ отражается миѳологія.

Съ другой стороны, труды Костомарова имѣютъ, несмотря на т большое достоинство [2]. Онъ указывалъ на такія стороны этнографи ческой науки, которыя у насъ еще мало разработываются. Онъ стре мился дать цѣльное понятіе о народномъ пѣсенномъ творчествѣ, данномъ его состояніи, какъ современномъ фактѣ народной жизни При всѣхъ пробѣлахъ въ его изслѣдованіяхъ, онѣ за послѣднее врем остаются единственнымъ трудомъ подобнаго рода, и надо пожалѣть что ученые новаго поколѣнія не приступаютъ къ подобной задач съ ихъ болѣе обильными научными средствами: народная поэзі не есть только предметъ археологіи, но и фактъ внутренней нрав ственно-бытовой жизни народа и его исторіи.

Другимъ достоинствомъ этнографическихъ понятій Костомаров были тѣ, выше нами приведенныя мысли его, что этнографія должн направить свои изысканія не только на сельское простонародіе, но на другіе классы народа, не только средніе, но и высшіе, на быт городовъ также, какъ и бытъ селъ и деревень; что она не должн отстраняться отъ тѣхъ формъ быта, которыя кажутся будто не-на родными, какъ, напр., жизнь фабричная, и тѣхъ пѣсенныхъ про изведеній, которыя, создаваясь въ этой области, кажутся искаженіем „чисто народной“ поэзіи и вкуса. Что этнографія должна подобным образомъ расширить свои границы, въ этомъ сомнѣнія: и самы „искаженія“ обнимаютъ уже теперь большую долю населенія, и бу дутъ еще расширяться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слагаются новыя усло вія простонароднаго быта, и съ ними новыя его формы... Необходи мость этнографическаго изученія быта всякихъ классовъ народа, вся кихъ мѣстностей, не только селъ, но и городовъ, не только кресть янъ, но баръ и купцовъ, не была указана впервые Костомаровымъ наши академическіе путешественники конца прошлаго и начала ны нѣшняго вѣка понимали уже свою задачу подобнымъ образомъ.

Наконецъ, важнымъ достоинствомъ трудовъ Костомарова въ этой области было то соединеніе этнографіи и исторіи, о которомъ он

[1] [illegible], 1879, IV, стр. [illegible]4.

[2] Ср. статью г. Науменка о Костомаровѣ, какъ этнографѣ, въ „Кіев. Старинѣ“, [illegible]

говорилъ въ цитированной выше статьѣ. Свойство его собственнаго таланта влекло его къ живописному, образному изложенію исторіи; но сюда прибавлялась и сознательная мысль о необходимости дать мѣсто въ исторіи тѣмъ этнографическимъ стихіямъ, которыя обыкновенно забывались историками и которыя, по его мнѣнію, играли въ исторіи весьма видную роль, какъ глубочайшая подкладка событій. Здѣсь лежитъ часто разница между Костомаровымъ и Соловьевымъ; напомнимъ, напримѣръ, взглядъ того и другого на судьбу и значеніе козачества.

Понятно, что Костомарову, какъ историку Малороссіи, драгоцѣнную помощь оказало впослѣдствіи то, что въ годы молодости онъ былъ усерднымъ этнографомъ, что онъ бродилъ по деревенскимъ хатамъ, присматривался къ обрядамъ, собиралъ преданья и повѣрья—даже самъ, съ ученой шутливостью, совершалъ языческіе обряды, какъ бы для того, чтобы закрѣпить ихъ въ своемъ воображеніи: „народный духъ“, котораго онъ искалъ,—въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительно дался ему и помогъ потомъ освѣтить прошедшее своего народа. Эта складка мысли и фантазіи, воспитанная съ раннихъ лѣтъ, помогла ему послѣ и въ исторіи сѣвернаго русскаго народа. Успѣхъ его историческихъ трудовъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, успѣхомъ этнографіи.

ГЛАВА VII.

П. А. Кулишъ. — Журналъ „Основа“ и начало украи фильства.

Въ настоящее изложеніе должна войти лишь та дѣятельн г. Кулиша, которая относится къ малорусской этнографіи, но ясности должно коснуться частію и другихъ его трудовъ.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (род. въ 1819 г.) современникомъ Костомарова [1]). Онъ прошелъ менѣе правильну учную школу, въ вопросахъ этнографіи и исторіи былъ еще бо самоучкой; но съ талантомъ и съ живой воспріимчивостью онъ бы схватывалъ идеи и этимъ восполнялъ недостатокъ ученой шк Его идеи складывались подъ тѣми же вліяніями тридцатыхъ и с ковыхъ годовъ; живымъ наблюденіемъ народнаго быта онъ был гаче Костомарова, какъ вѣроятно, сильнѣе былъ и его поэтич талантъ, въ которомъ впрочемъ всегда было много искусствен и рефлексіи.

Въ первое время своей литературной дѣятельности г. Кул былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей малорусс

---

[1]) Біографія г. Кулиша изложена была вкратцѣ въ чешской энциклопедіи Sl Naučný, и подробнѣе въ статьѣ: „Жизнь Куліша“, въ галицкомъ журналѣ „Пр 1868, № 2—4, 24—28, по свѣдѣніямъ, полученнымъ и отъ самого г. Кулиша. вѣйшихъ историческихъ идеяхъ г. Кулиша, составляющихъ важный фактъ его тературной біографіи за послѣдніе годы, см. въ статьѣ Костомарова, „Р. Стар 1878, мартъ, стр. 385—402, и въ другой статьѣ: „П. А. Кулишъ и его посл литературная дѣятельность“, въ „К. Старинѣ“, 1883, I, стр. 221—234; въ кн „За крашанку—писанка П. Ол. Кулішеві“, г. Мордовцева, Спб. 1882, и др. Б фическія свѣдѣнія и обзоръ беллетристическихъ произведеній въ „Очеркахъ“ трова (Кіевъ, 1884), стр. 264—296 и въ дополненіяхъ къ нимъ г. Дашкевича также Ист. Слав. Литер. I, стр. 373 и дал. Не мало автобіографическаго въ образныхъ воспоминаніяхъ г. Кулиша о Костомаровѣ, „Новь“, 1885, № 13, стр. 61

патріотизма и этнографіи, хотя уже издавна можно было замѣчать странное колебаніе его мнѣній.

Въ послѣднія десятилѣтія въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупные и на литературной почвѣ трудно объяснимые перевороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ: то, чѣмъ опредѣляются его работы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, совершенно непримѣнимо къ тому, чтó онъ дѣлалъ съ шестидесятыхъ годовъ и понынѣ. Это—цѣлый рядъ опроверженій, какія писатель дѣлаетъ самому себѣ, а иногда тому, чтó онъ писалъ наканунѣ. Главный поворотъ, въ которомъ онъ отрекался отъ своей прежней дѣятельности, былъ заявленъ извѣстной „Исторіей возсоединенія Руси“ (1874); но и потомъ, въ вопросахъ южно-русской старины и настоящаго, онъ становился то на ту, то на другую сторону, такъ что его литературное поприще не есть послѣдовательное служеніе одной идеѣ, а нѣсколькимъ идеямъ, иногда противоположнымъ; это—исторія личныхъ колебаній писателя, гдѣ каждая изъ тѣхъ противоположныхъ сторонъ можетъ встрѣчать для себя сочувственное, и два враждебные лагеря могутъ считать писателя своимъ. Положеніе довольно рѣдкое. Правда, вовсе не рѣдки случаи, когда человѣкъ и писатель, къ концу своего поприща, или набираясь бóльшаго жизненнаго опыта и знанія, или старѣя и слабѣя силами, въ томъ числѣ умственными, а иногда и нравственными, измѣняетъ своему прежнему направленію, отказывается отъ прежнихъ идеаловъ и возвращается на избитую колею рутины, обычая, толпы; бываютъ и другіе случаи, когда пылкій умъ, гоняясь за разрѣшеніемъ мучительныхъ сомнѣній, увлекается то однимъ, то другимъ принципомъ, которому и отдается всей душой и мыслію, и надѣется найти въ нихъ искомую опору для своего одушевленія общественнымъ вопросомъ. Здѣсь не было ни того, ни другого. Упомянутые перевороты въ идеяхъ г. Кулиша совершались не въ періодѣ утомленія,—напротивъ, онъ обнаруживалъ въ ту пору весьма большую литературную дѣятельность, которая свидѣтельствовала о свѣжемъ запасѣ силы и житейской энергіи. Съ другой стороны, это далеко не была пора юношескихъ увлеченій; писатель былъ далеко не молодъ, чтобы легко мѣнять свои убѣжденія или съ новымъ опытомъ, или подъ вліяніемъ юношескаго энтузіазма. Наконецъ, перемѣна мнѣній совершалась не въ какой-нибудь теоретической области или не въ предѣлахъ жизни одного общества, гдѣ человѣкъ, ушедшій изъ одного лагеря, находитъ въ другомъ все-таки искреннихъ приверженцевъ другого направленія, служащихъ, по своему, интересамъ того же общества. Здѣсь, напротивъ, поворотъ идей опять совершался въ необычайной формѣ: писатель, нѣкогда восторгавшійся

національными преданіями своего народа, видѣвшій въ нихъ его историческое достоинство, рѣшительно отрекался отъ всего своего прежняго взгляда, становился на точку зрѣнія его исконныхъ противниковъ: происходило нѣчто въ родѣ отреченія отъ своего собственнаго народа.

Тѣ, кому особенно были близки эти интересы, спеціалисты южнорусской исторіи, люди, помнившіе и цѣнившіе прежнюю дѣятельность г. Кулиша,—и въ особенности Костомаровъ, нѣкогда его другъ и сотоварищъ прежней дѣятельности,—возстали рѣшительнымъ образомъ противъ этой новой точки зрѣнія, и въ самое послѣднее время принимавшей разные оттѣнки, и отыскивали источникъ этихъ отреченій въ чисто личныхъ побужденіяхъ. Отсылая читателя къ ихъ толкованіямъ, замѣтимъ, что въ этой неустойчивости могло участвовать еще одно обстоятельство, не тронутое критиками, а именно—отдаленныя послѣдствія того же романтизма, который господствовалъ въ настроеніи любителей народности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Мы имѣли случаи указывать, что этотъ романтизмъ, хотя внушалъ нерѣдко самую теплую любовь къ народности, давалъ этому народолюбію поэтическую окраску; направлялъ къ научному изслѣдованію, но имѣлъ свои слабыя стороны, которыя, напримѣръ, оказывались въ неясномъ пониманіи общаго движенія литературы или въ недостаткѣ точной критики. Романтическая любовь къ народности переносила дѣло въ область чувства; хорошо, если къ этому прибавлялось потомъ желаніе найти научныя средства къ объясненію любимаго предмета; у большинства этого не случилось, этнографическій интересъ остался дѣломъ чувства, а въ научномъ смыслѣ—дилеттантствомъ. Не говоря о томъ, какъ могутъ мѣняться понятія человѣка подъ вліяніемъ чисто личнаго произвола, себялюбиваго каприза или разсчета, нельзя не видѣть, что есть большая разница между научнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ дилеттанта: первое становится строгимъ выводомъ, истиной какъ дважды два четыре, отъ которой нельзя отступиться, не оскорбляя собственнаго здраваго смысла; мнѣніе любителя бываетъ дѣломъ вкуса и настроенія. Человѣкъ образованный не можетъ не мотивировать своего перехода отъ одного взгляда къ другому: этотъ переходъ, очевидно, долженъ простираться на всю систему воззрѣній, которыя и должны быть выяснены. Критики г. Кулиша не нашли достаточныхъ внутреннихъ основаній къ крутымъ переходамъ его понятій.

Итакъ, литературныя идеи г. Кулиша развивались въ атмосферѣ романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Также какъ его современники и сотоварищи, онъ проникался идеей народности, восторгался языкомъ, міровоззрѣніемъ, преданіемъ, обычаемъ, поэзіей

своего народа, занимался его исторіей: въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сблизился съ людьми, въ средѣ которыхъ образовался кружокъ, извѣстный подъ именемъ Кирилло-Меѳодіевскаго. Не будемъ входить въ разборъ того, насколько г. Кулишъ тѣсно или слабо былъ связанъ съ этимъ кружкомъ,—это въ сущности безразлично; довольно сказать, что по своимъ основнымъ вкусамъ онъ вполнѣ сходился съ людьми этого кружка и отличался тѣмъ же особымъ малорусскимъ патріотизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже печаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко", поэму „Украина", первыя главы романа „Черная Рада" (въ „Современникѣ" Плетнева); особенно характернымъ его трудомъ этого времени была „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ", напечатанная въ малепькомъ журналѣ для юношества „Звѣздочка", г-жи Ишимовой, и отдѣльной книжкой (1847). Книжка тогда же была остановлена и послужила потомъ къ обвиненію г. Кулиша въ преступленіи въ родѣ позднѣйшаго сепаратизма. Изъ разсказовъ о томъ, какъ велось дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ въ III отдѣленіи, извѣстно, что тамъ какъ на все дѣло, такъ въ частности на идеи г. Кулиша, взглянули въ сильно увеличивающее стекло. На дѣлѣ книжка, разумѣется, не представляла никакой политической опасности и ея нѣкоторыя историческія преувеличенія могли бы и тогда найти совершенно достаточную критическую оцѣнку въ литературѣ, какъ объ этомъ можно судить по замѣткамъ о ней Юрія Самарина, напечатаннымъ въ 1877, но написаннымъ въ 1850 [1]). Основная мысль ея, хотя не высказанная прямо, заключалась въ томъ, что Малороссія могла бы сдѣлаться самостоятельною, еслибы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность [2]). Мысль эта не была тогда чѣмъ-нибудь исключительнымъ; она, безъ сомнѣнія, приходила въ голову многимъ изъ малорусскихъ патріотовъ, отчасти какъ отголосокъ стараго племенного различія, который поддерживался суровостями русской администраціи (послѣднихъ не отвергаетъ и Самаринъ въ своей запискѣ), а отчасти подновлялся появлявшимися тогда на свѣтъ памятниками старой малорусской исторической литературы [3]).

Послѣ того, какъ надъ кружкомъ разразилась извѣстная катастрофа и онъ разсѣялся, г. Кулишъ не покидалъ своихъ прежнихъ интересовъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ приготовилъ двѣ работы, различнымъ образомъ важныя и любопытныя. Онъ напечаталъ

---

[1]) См. „Р. Архивъ", 1877, № 6.

[2]) Противъ этой основной мысли книжки Самаринъ выставилъ весьма категорическія опроверженія.

[3]) Напр., мысли, похожія на взглядъ г. Кулиша, напомнимъ въ приведенныхъ выше выпискахъ изъ предисловія къ пѣснямъ Лукашевича.

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній романтическій вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянскаго, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной коммиссіи. Бодянскій, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было вопервыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“, при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; вовторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній“, изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ“: „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года“; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ“, Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще“, къ которому приложены весьма характерныя изображенія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 литографій въ крас-

кахъ) и двѣ карты; „Исторія о козакахъ запорожскихъ“; „Записки“ Георгія Кониссваго объ Уніи; „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ“, бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго; „Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣна, до смерти гетмана войска запорожскаго, Зиновія Богдана Хмельницкаго“; „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.“; „Лѣтопись Густинскаго монастыря“; „Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ“, Станислава Зарульскаго; „Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія“, и множество отдѣльныхъ актовъ, переписки, универсаловъ и т. п., относящихся къ малорусской исторіи. Кіевская коммиссія въ тѣ же годы издала важную лѣтопись Самуила Величка и начала изданіе историческихъ актовъ по южно-русской исторіи. Предпринимались историческія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, „Исторія Малороссіи“ Маркевича, правда, уже вскорѣ оказавшаяся мало удовлетворительною, но указывавшая на необходимость цѣльнаго обзора южно-русскихъ событій; таковы были труды Скальковскаго по исторіи Запорожской Сѣчи; упомянутая раньше работа Костомарова по исторіи Уніи; сочиненія о малорусской старинѣ Максимовича, Самчевскаго, Сементовскаго и т. д. Въ эти годы Костомаровъ, вслѣдъ за первыми историческими и этнографическими трудами, подготовлялъ „Богдана Хмельницкаго“, которымъ открылся въ пятидесятыхъ годахъ рядъ его изслѣдованій по малорусской исторіи, Кулишъ—свои „Записки о южной Руси“. Даже внѣ круга подобныхъ спеціалистовъ предпринимались работы, которыя свидѣтельствовали, что интересъ этого изученія бросался въ глаза и людямъ, мало приготовленнымъ въ научномъ отношеніи, но увлекаемымъ массой представлявшихся любопытныхъ этнографическихъ явленій. Очень интересный образчикъ трудовъ этого послѣдняго рода остался въ археологическо-этнографическомъ альбомѣ нѣкоего де-ла-Флиза, 1854 г., хранящемся въ Церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи. Изъ бумагъ, находящихся при альбомѣ, видно, что этотъ де-ла-Флизъ сообщалъ въ Географическое Общество свои климатическія наблюденія по кіевской губерніи, получившія одобреніе Общества по своей полнотѣ и отчетливости; въ этнографіи и археологіи де-ла-Флизъ былъ, очевидно, любитель и хотя въ его трудѣ найдется много недостатковъ, но самая мысль остается замѣчательна, и по настоящую минуту въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая исполнила бы задачу, поставленную де-ла-Флизомъ. Это—сборникъ описаній разныхъ памятниковъ старины и народнаго быта кіевскаго края, и къ описаніямъ прибавлено много акварельныхъ рисунковъ, которые, хотя и

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній романтическій вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянскаго, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной коммиссіи. Бодянскій, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ“, при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; во-вторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній“, изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ“: „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года“; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ“, Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще“, къ которому приложены весьма характерны[illegible] женія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 лито[illegible]

не богаты художественнымъ достоинствомъ, но видимо стараются съ точностію передать описываемые предметы [1]).

„Записки о Южной Руси“ (1856—57) были въ свое время замѣчательнымъ явленіемъ; посвященныя исторіи, а еще больше этнографіи, онѣ не были ни ученымъ трактатомъ, ни голымъ сборникомъ произведеній народной поэзіи, и представили совсѣмъ новую форму этнографическаго изученія. Авторъ вводилъ читателя въ самый процессъ этнографическаго наблюденія: онъ не только сообщалъ старинную думу, сказку, пѣсню, преданіе, но знакомилъ съ самой обстановкой, съ тѣми людьми, въ средѣ которыхъ онъ выслушалъ эти сказанія. Произведеніе народной поэзіи являлось не анекдотическимъ фактомъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня, а, напротивъ, открывалось передъ читателемъ окруженное тѣми подробностями быта, личныхъ народныхъ характеровъ и понятій, между которыми оно существуетъ въ дѣйствительности. Авторъ разсказываетъ исторію своихъ поисковъ, рисуетъ картинки быта, даетъ портреты своихъ знакомцевъ, пѣвцовъ и кобзарей, и въ результатѣ получается не такой сборникъ, какіе давали обыкновенно прежніе этнографы, сборникъ фактовъ, отъединенныхъ отъ своей почвы, а цѣльная этнографическая картина. Это была счастливая мысль, и книга г. Кулиша встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ, особливо его соотечественниками: она очень понравилась Костомарову, приводила въ восторгъ Шевченка. Въ самомъ дѣлѣ, она указывала средство восполнить недостатокъ, которымъ особенно страдали прежнія собранія: настоящій характеръ народной поэзіи можно понять только въ связи съ условіями, въ которыхъ она рождается или хранится, въ обстановкѣ живыхъ лицъ, которымъ она принадлежитъ. Прежніе этнографы упоминали иногда объ этой средѣ лишь въ сухомъ описаніи обряда, перечисленіи случаевъ, когда поются тѣ или другія пѣсни, или просто въ указаніи мѣстности и имени пѣвца и разсказчика. Здѣсь авторъ даетъ читателю не только эти внѣшнія указанія, но старается понять и нравственное настроеніе этихъ носителей народной поэзіи. Какъ увидимъ, впрочемъ, эта форма можетъ имѣть и свои недостатки.

Отношеніе автора къ народному преданью и поэзіи исполнено самыхъ теплыхъ сочувствій, чисто романтическихъ. Автора увлекала поэтическая сторона народной жизни; самъ народъ представлялся ему живымъ памятникомъ старины: въ немъ хранятся глубочайшія

[1]) См. Указатель Церк.-археолог. музея при Кіевской духовной академіи. Кіевъ, 18[illegible], стр. 12. Указаніе содержанія этого альбома см. въ „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи“. Н. Петрова. Кіевъ, 187[illegible], вып. 1, стр. [illegible]—[illegible].

сокровища народной думы и поэтическаго чувства, которыхъ уже не понимаетъ и не умѣетъ сберечь „цивилизація".

„Надобно сознаться откровенно,—разсказываетъ г. Кулишъ,—что странствуя изъ села въ село по малороссійскимъ губерніямъ, въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгрываетъ мелкими отрывками цѣлое малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы (?); и то, что̀ внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ—неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была все-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

„Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины [1]). Но самъ народъ—такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разсѣянныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія" [2]).

Дѣло собирателей народной поэзіи есть великая заслуга.

„Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста—а это время близко—и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго собирателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія—не то ли самое, что пріютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Расширять своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній—не значитъ ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значитъ ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лука-

[1]) Это, кажется, было не совсѣмъ справедливо; отчасти такъ говорилъ Лукашевичъ, а другіе, напротивъ, ожидали еще большихъ результатовъ отъ собиранія, и ожиданія въ большой мѣрѣ потомъ оправдались.

[2]) Зап. о Южной Руси, I, стр. 234—235.

шевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ“ [1]).

„Цивилизація“ истребляетъ, къ сожалѣнію, лучшее, что бываетъ въ простотѣ народныхъ нравовъ и въ чистотѣ чувства, но авторъ не по примѣру другихъ романтиковъ народности, не впадалъ въ безплодныя сожалѣнія объ уходѣ патріархальной поэтической старины и видѣлъ то преемство, какимъ народная старина связана съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества.

Коснувшись вопроса, почему падаетъ старая народная поэзія, почему кобзари не воспѣвали болѣе новыхъ событій, авторъ замѣчаетъ, что причину этого находятъ или въ общемъ упадкѣ малороссійскаго народнаго творчества вслѣдствіе обобщенія національностей (т.-е. малорусской съ господствующею великорусской) или въ отсутствіи старосвѣтской централизаціи Малороссіи.

„Я прибавлю,—замѣчаетъ г. Кулишъ,—третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ—цивилизаціи. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и никоимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи... Мы и народъ—одно и тоже, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша (поэзія) построена прямо на началахъ его изустной словесности (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣе своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности“?... [2]).

Мысли—въ общемъ справедливыя, хотя можно было бы сказать

[1]) Тамъ же, стр. 220—221.
[2]) Тамъ же, I, стр. 180—182.

ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія вообще исчезаетъ, становится невозможной, когда жизнь становится болѣе сложной— не только съ распространеніемъ „цивилизаціи", но съ усложненіемъ государственнаго быта, когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отождествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) и даже слѣдить за ея явленіями; народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ непосредственно, что̀ не выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложныя явленія цивилизаціи становятся недоступны этому пониманію.

Далѣе, авторъ столь же справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ. „Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что̀ сюда относится, и „слѣпцы" остались за предѣлами нашего круга... Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго человѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни: а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы" [1]). Авторъ недоумѣвалъ, что̀ можетъ выдти изъ первыхъ безобразныхъ приложеній этой цивилизаціи въ малороссійскомъ обществѣ, отстававшемъ отъ народа и еще не разумѣвшемъ истинной цивилизаціи, но онъ не терялъ вѣры, что за этой сумятицей понятій скрывается все-таки путь къ дальнѣйшему прогрессу. Какъ скажемъ дальше, въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Кулишъ не разъ возвращался къ изображенію разлада между этой полу-цивилизаціей и непосредственностью народнаго быта.

Авторъ „Записокъ" дѣлаетъ не разъ вѣрныя замѣчанія и по частнымъ вопросамъ этнографіи, какъ напримѣръ о пріемахъ собиранія, объ упадкѣ пѣсенныхъ формъ, какъ напр. забываемая дума переходитъ въ отрывочное преданіе, о причинахъ исчезновенія историческихъ пѣсенъ, о личныхъ типахъ пѣвцовъ и т. п.; но рядомъ съ

[1]) Тамъ же, стр. 182—183.

этимъ въ его трудѣ были и крупные недостатки. Авторъ, склонный къ самонадѣяннымъ рѣшеніямъ, между прочимъ и тамъ, гдѣ кромѣ личнаго вкуса требуются точные критическіе пріемы и знаніе фактовъ, слишкомъ легко рѣшалъ нѣкоторые вопросы, для опредѣленія которыхъ не было достаточнаго основанія. Общій пріемъ его этнографическаго описанія, при указанныхъ выше достоинствахъ, имѣетъ и свои скользкія стороны. Описаніе типовъ и нравовъ можетъ достигать этнографической цѣли лишь въ томъ случаѣ, когда это дѣйствительные типы и дѣйствительно обще-народные, а не случайные нравы, иначе описаніе рискуетъ стать только сборомъ анекдотическихъ частностей. Были ли напр. такими вполнѣ типическими тѣ нищіе кобзари, старики и старухи, которыхъ выводитъ г. Кулишъ какъ представителей народнаго преданія? Не нуженъ ли былъ еще рядъ другихъ лицъ того круга, чтобы изъ ихъ сложности выяснилось дѣйствительно типическое народное явленіе? Спасибо, разумѣется, и на томъ, что̀ далъ г. Кулишъ, но для общихъ заключеній тѣхъ данныхъ было мало. Столь же недостаточна параллель между сѣверными и южными русскими сказками [1]), какую г. Кулишъ выставляетъ весьма категорически и которая однако не была и едва ли можетъ быть доказана. Стариковскіе разсказы о видѣніяхъ на томъ свѣтѣ (I, стр. 303—304) любопытны какъ отраженіе народныхъ суевѣрныхъ представленій, но къ нимъ прибавилась не малая примѣсь чисто произвольныхъ фантазій. Далѣе, какъ г. Кулишъ ни считалъ себя авторитетнымъ знатокомъ малорусской поэтической старины, ему случилось впасть въ грубую ошибку, когда онъ принялъ за подлинный остатокъ древняго преданія нескладную поддѣлку, которую пустилъ въ ходъ нѣкто Шишацкій-Иличъ, тогдашній поставщикъ самодѣльныхъ пѣсенъ, выдаваемыхъ за народныя. Авторъ „Записокъ" помѣстилъ въ своей книгѣ „Думу-сказаніе о морскомъ походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю" (I, стр. 171—179). Невозможность ея бросается въ глаза и тогда же была указана въ разборахъ книги г. Кулиша [2]).

Далѣе въ „Запискахъ" разсѣяно нѣсколько историческихъ замѣчаній о козацкихъ войнахъ XVI — XVII вѣка и тѣхъ причинахъ, какія въ то время вызвали ожесточеніе между поляками и малороссіянами. Желая быть безпристрастнымъ, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ статью польскаго историка Михаила Грабовскаго, объяснявшую эти отношенія съ польской точки зрѣнія, а именно, что это ожe-

[1]) Тамъ же, II, стр. 12—18.

[2]) См. вообще разборы „Записокъ" въ „Современникѣ" 1857, кн. 1; ст. Костомарова въ „Отеч. Зап." 1857, № 6, 9; Максимовича, въ „Р. Бесѣдѣ", 1857, кн. VI (Сочиненія, I, стр. 248 и д.), и проч.

сточеніе было, собственно говоря, преувеличено со стороны малороссіянъ и вовсе не вытекало изъ владѣльческаго права; что причины его заключаются не въ польскомъ государствѣ и его учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ; что со стороны польскаго правительства вовсе не было систематическаго угнетенія и, напротивъ, правительству и дворянству польскому Малороссія обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, а что причина раздраженія заключалась только въ нѣкоторыхъ личныхъ несправедливостяхъ, которыя были раздуты малороссіянами. Грабовскій не отвергалъ частныхъ несправедливостей, но выходило такъ, какъ будто сами малороссіяне остались виноваты въ ужасахъ козацкихъ войнъ, окончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Г. Кулишъ не отвергалъ аргументаціи Грабовскаго, соглашался, что польское правительство и паны „довели Малороссію до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское хозяйство, ремесла и промыслы", но прибавлялъ, что въ самомъ малороссійскомъ народѣ, именно въ средѣ козачества, развивалось такое же понятіе о благородствѣ, какимъ гордилась польская шляхта, и что непризнаніе этого понятія съ польской стороны именно послужило причиною ожесточенной борьбы. „Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою,—говоритъ г. Кулишъ,—козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другимъ безнаказанно. Вотъ откуда, по моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за *оскорбленнаго чувства человѣческаго достоинства* (?), къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ прочихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя" [1]).

Малорусскіе историки, какъ Максимовичъ и самъ Костомаровъ, высоко ставившій „Записки о Южной Руси", не остались довольны объясненіями г. Кулиша. Дѣйствительно, были гораздо болѣе обширныя и давно извѣстныя причины раздора, кончившагося отдѣленіемъ Малороссіи, а затѣмъ и паденіемъ Польши: кромѣ вопроса соціальнаго, — приведеннаго у г. Кулиша въ странныя рамки вопроса о „шляхетствѣ",—здѣсь несомнѣнно участвовалъ раздоръ между-племенной и религіозный. Хотѣлъ ли авторъ „Записокъ" быть оригинальнымъ, или дѣйствительно въ извѣстной степени убѣждался объ-

---

[1]) Тамъ же, II, стр. 325.

ясненіями польскихъ историковъ, но повидимому здѣсь былъ уже зародышъ тѣхъ мнѣній, съ какими онъ выступилъ потомъ въ „Исторіи возсоединенія",—гдѣ Польша оказывалась уже только благодѣтельницей Украйны, а козаки только дикими и тупыми бунтовщиками... Костомаровъ въ разборѣ „Записокъ" говорилъ объ этомъ „оскорбленномъ чувствѣ человѣческаго достоинства", что, повидимому, авторъ „Записокъ" понималъ это чувство въ его наиболѣе возвышенномъ смыслѣ (такъ какъ считалъ это явленіе едва не безпримѣрнымъ въ исторіи), и въ такомъ случаѣ столь возвышенное пониманіе должно бы отразиться потомъ на собственныхъ политическихъ учрежденіяхъ Малороссіи по ея освобожденіи отъ польскаго владычества; между тѣмъ, въ дѣйствительности, освободившаяся Малороссія установляетъ у себя тѣ же польскіе бытовые порядки... Максимовичъ указывалъ категорически, что какіе бы ни были частные поводы возстаній, была одна главная, господствующая причина: то, что̀ полякамъ казалось „войсковымъ бунтомъ", для православно-русской стороны было—„крестовыми походами". „*Обида православія* была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего южно-русскаго народа, при которой всѣ остальныя обиды были уже второстепенными, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была душа всего; то былъ nervus rerum gerendarum" [1]). Другой критикъ замѣчалъ, что „оскорбленное чувство человѣческаго достоинства" вовсе не составляетъ рѣдкости въ исторіи,—потому что оно участвовало во всѣхъ возстаніяхъ угнетенныхъ противъ угнетателей.

Общій выводъ Костомарова о книгѣ былъ самый сочувственный. Высказывая желаніе видѣть продолженіе „Записокъ" г. Кулиша, Костомаровъ говорилъ: „съ его основательнымъ знаніемъ исторіи, этнографіи и языка южнорусскаго края, съ его неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстною любовью къ Украинѣ, наконецъ съ его талантомъ, показаннымъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, г. Кулишъ въ настоящее время — *единственный* писатель, на котораго можно полагать надежду въ дѣлѣ развитія малороссійскаго слова и выраженія малороссійскаго элемента въ русской литературѣ".

„Записки о Южной Руси" были главнымъ трудомъ г. Кулиша въ области чистой этнографіи. Раньше онъ сообщилъ нѣсколько пѣсенъ въ сборникъ Метлинскаго, небольшое собраніе пѣсенъ помѣстилъ въ „Запискахъ" и проч., но затѣмъ, кромѣ разныхъ эпизодическихъ замѣтокъ по предметамъ народнаго быта и поэзіи, этногра-

---

1) Сочиненія, I, стр. 272—273.

фическій интересъ сказывается въ другой сторонѣ его литературной дѣятельности—въ беллетристикѣ и критикѣ.

На повѣстяхъ г. Кулиша изъ малорусскаго быта намъ нѣтъ надобности останавливаться [1]). Болѣе или менѣе постоянная тема ихъ есть противопоставленіе людей, затронутыхъ „цивилизаціей", съ тѣми простыми людьми, которые живутъ чистыми преданьями истинно народныхъ нравовъ: насколько первые испорчены мнимой цивилизаціей, при данномъ порядкѣ вещей, и служатъ образчиками распущенности, себялюбія, грубой алчности и всякой моральной заразы, настолько вторые хранятъ задатки нравственной чистоты и достоинства. Эту чистоту народнаго содержанія понимаютъ только истинно образованные люди, какъ герой одной повѣсти г. Кулиша („Майоръ", въ „Р. Вѣстникѣ", 1859), названный Сагайдачнымъ. „Простой народъ нашъ,—думаетъ этотъ Сагайдачный,—есть единственное самостоятельное у насъ общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ. *Намъ слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться.* Въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искренняго и живого человѣка, чѣмъ въ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе разсчеты и отношенія". Въ народѣ заключены животворныя начала, которыя должны освѣтить нашу жизнь; съ нимъ надо сблизиться даже по внѣшности и одеждѣ. Герой повѣсти, благородный, просвѣщенный человѣкъ, женится на крестьянской дѣвушкѣ —въ образчикъ этого сближенія. „Сагайдачный—не исключительное явленіе,—замѣчаетъ авторъ.—Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которою уже не видать движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаетъ для своего сердца движенія воды живыя"... Авторъ разумѣетъ стихи Мицкевича—такого содержанія: „Еслибъ я могъ еще дать кому мое сердце, я отдалъ бы его дѣвушкѣ изъ сельскаго дома; я сталъ бы по духу сыномъ, отцомъ своего народа... Трудъ — стоющій жизни, жизнь—стоющая труда".

Г. Петровъ въ своей книгѣ о новѣйшей малорусской литературѣ замѣчалъ, что эта крайняя мысль о сближеніи съ народомъ была

---

[1]) Обзоръ ихъ сдѣланъ въ „Очеркахъ" г. Петрова (Кіевъ, 1884), стр. 270—279.

чисто книжная и притомъ заимствованная изъ чужой литературы... Мысль была дѣйствительно книжная, но была не чужда и нашимъ писателямъ, не знавшимъ совѣтовъ Мицкевича и руководившимся собственными соображеніями: наши новеллисты, живописавшіе (въ пятидесятыхъ годахъ) народную жизнь, изображали уже любовь просвѣщенныхъ баръ къ крестьянскимъ дѣвушкамъ, какъ средство отъ общественнаго недуга. Ссылка на свѣжее и просвѣщенное славянское общество въ данномъ случаѣ не особенно убѣдительна: общество польское едва ли не больше всѣхъ славянскихъ отличалось и еще отличается крайне высокомѣрнымъ отношеніемъ къ жителямъ „сельскаго дома".

Очевидно, что отношеніе г. Кулиша къ народному быту и скрытымъ въ немъ живительнымъ началамъ не было простое, а порядочно искусственное, хотя, можетъ быть, въ ту минуту и искреннее. Изображенія сельскаго быта сентиментальны, придуманы, и самыя средства исцѣленія общества народными началами немного простодушны. Правда, что въ то время дѣйствительно бывали случаи въ родѣ того, какой описывается въ повѣсти г. Кулиша,—но эти случаи были слишкомъ рѣдки, чтобы оказать какое-нибудь вліяніе, тѣмъ больше, что результаты были пока въ будущемъ; впослѣдствіи случалось, что свѣжія особы изъ народа въ довольно непродолжительномъ времени такъ или иначе обдѣлывались въ новомъ кругу подъ общую мѣрку и не исполняли своего, такъ сказать, лекарственнаго назначенія.

Повѣсти г. Кулиша мало прибавили къ разъясненію отношеній образованнаго общества къ народу: „общество" рисуется у него больше въ карикатурномъ видѣ, и читатель недостаточно видитъ источникъ этой карикатурности въ условіяхъ жизни цивилизованной, какъ съ другой стороны остаются недоказанными идиллическія свойства жизни простонародной. Усвоеніе народной внѣшности и одежды было также средство испробованное и въ русскомъ обществѣ, но какъ извѣстно, не привело ни къ какимъ результатамъ, кромѣ забавныхъ или печальныхъ qui pro quo.

Другая область, гдѣ сказались еще этнографическія идеи г. Кулиша, была литературно-историческая критика. Цѣлый рядъ его трудовъ этого рода появился въ журналѣ „Основа" (1861—1862), въ видѣ статей о старой украинской литературѣ и разборовъ новѣйшихъ писателей. Для образчика можно взять его разборъ малороссійскихъ повѣстей Гоголя: онъ характеренъ и какъ примѣръ сужденій г. Кулиша о великомъ русскомъ писателѣ, вышедшемъ именно изъ малорусской среды, сужденій, еще недавно самыхъ восторженныхъ, а теперь крайне строгихъ, почти презрительныхъ, и какъ

примѣръ того высокаго мнѣнія, какое г. Кулишъ уже возъимѣлъ о себѣ, какъ историкъ и этнографъ.

По смерти Гоголя г. Кулишъ (лично, впрочемъ, никогда не знавшій этого писателя) предпринялъ составить его біографію, собралъ для нея много любопытнаго матеріала, напр., разсказовъ о немъ, переписки и т. п. Въ результатѣ явились „Записки о жизни Гоголя", напечатанныя сначала въ „Современникѣ" 1854, подъ буквами Н. М. [1]), потомъ отдѣльной книгой, уже съ его именемъ, въ 1856, въ двухъ томахъ. Потому ли, что впечатлительный писатель увлекся въ теченіе работы предметомъ жизнеописанія и вмѣстѣ поддался тому одушевленію, съ какимъ общество и литература говорили тогда о великомъ только-что потерянномъ писателѣ, или опять это было давнее и искреннее отношеніе автора къ Гоголю, но оба изданія „Записокъ о жизни Гоголя" проникнуты величайшимъ къ нему почтеніемъ и сочувствіемъ: писатель былъ такъ идеализованъ, что для самыхъ ревностныхъ поклонниковъ Гоголя изображеніе, сдѣланное г. Кулишомъ, показалось натянуто и преувеличено. Ни въ личномъ характерѣ, ни въ сочиненіяхъ Гоголя почти не оказывалось пятнышка. Впослѣдствіи самъ авторъ біографіи сознавался, что немного „пересвѣтлилъ" свое изображеніе Гоголя... Въ то же самое время г. Кулишъ работалъ надъ изданіемъ сочиненій Гоголя (6 томовъ, Спб. 1857; два тома переписки), которое осталось до сихъ поръ единственнымъ, гдѣ собрана переписка Гоголя. Трудъ надъ Гоголемъ составилъ (при всей односторонности біографіи) одну изъ лучшихъ литературныхъ заслугъ г. Кулиша. Тѣмъ страннѣе — и печальнѣе для литературнаго характера г. Кулиша—было увидѣть черезъ какіе-нибудь три, четыре года, съ какимъ усердіемъ г. Кулишъ принялся разрушать тотъ ореолъ, какимъ самъ окружилъ Гоголя.

Г. Кулишъ былъ теперь въ новомъ настроеніи. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное „Записками о Южной Руси", повидимому, увѣрило его, что онъ является самымъ компетентнымъ судьей въ вопросахъ малорусской этнографіи. Эпоха изданія „Основы", въ условіяхъ тогдашняго общественнаго одушевленія, повидимому, наполняла его мыслью, что наступалъ новый періодъ малорусской литературы и общественности, въ которомъ онъ призванъ быть если не пророкомъ, то наставникомъ и руководителемъ. „Основа" наполнилась множествомъ его работъ историческихъ, беллетристическихъ и критическихъ, и гдѣ, между прочимъ, онъ хотѣлъ опредѣлить историческое значеніе прежнихъ писателей малорусской литературы или

---

[1]) Въ царствованіе имп. Николая г. Кулишу послѣ кіевской исторіи не было разрѣшено писать, и его имя не могло являться въ печати.

къ ней прикосновенныхъ. Передъ тѣмъ, въ 1858, онъ сдѣлалъ изданіе малорусскихъ повѣстей Квитки, къ которому прибавилъ введеніе, объяснявшее великія достоинства и значеніе этого писателя; надо было теперь опредѣлить и достоинство повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта съ ихъ стороны этнографической.

Рѣдко критика бывала столь сурова къ знаменитому писателю, какъ критика г. Кулиша, еще такъ недавно превозносившая его до небесъ.

Начало этому дѣлу было положено, впрочемъ, еще раньше. Въ 1857 въ „Русской Бесѣдѣ" печатался историческій романъ г. Кулиша „Черная Рада". Въ Эпилогѣ, авторъ романа (вышедшаго въ то же время на малорусскомъ языкѣ) нашелъ нужнымъ объяснить значеніе своего произведенія, а также появленіе его на малорусскомъ языкѣ. Оказывалось, что малороссійскій переводъ былъ нуженъ потому, что на русскомъ языкѣ невозможно выразить всѣхъ тонкихъ подробностей южно-русскаго быта и нельзя было сохранить южнорусскаго колорита. Эпилогъ поражалъ нѣкоторыми странностями. Въ началѣ его, авторъ съ негодованіемъ отвергалъ предположеніе, будто, издавая романъ на малорусскомъ языкѣ, онъ стремился къ созданію особой малорусской литературы: „вообразятъ, пожалуй, — говорилъ онъ,—что я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма и что мною управляетъ желаніе *образовать отдѣльную словесность* въ ущербъ словесности общерусской"; одна необходимость вынудила его обратиться къ помощи малорусскаго языка: „Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борящагося съ невозможностію выразить свои задушевныя рѣчи". Это стоило ему великихъ усилій и пожертвованій: ему надо было отказаться отъ удовольствія быть прочитаннымъ уважаемыми имъ великорусскими писателями; надо было выдержать порицаніе людей, „которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ"; но онъ, не смотря на то, исполнилъ свою задачу. „Я долго изучалъ южно-русскій языкъ въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, не знающими другого языка, и раскрывшіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ малороссіянинъ, именно— написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ". Но постигая труд-

ности задуманнаго дѣла, г. Кулишъ убѣдился, въ тоже время, въ великихъ недостаткахъ малорусскихъ повѣстей Гоголя. Нѣкогда [1]) онъ восхищался „Тарасомъ Бульбой", какъ и всѣми вообще малорусскими повѣстями Гоголя; теперь оказывалось, что эти повѣсти, не исключая и знаменитаго романа, преисполнены величайшими недостатками. „Судя строго,—говорилъ г. Кулишъ въ своемъ Эпилогѣ, —малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбою", въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ". „Тарасъ Бульба" былъ произведеніе „эффектное, потѣшающее воображеніе, но мало объясняющее народную жизнь". Въ своемъ взглядѣ на малороссійскую словесность [2]) г. Кулишъ заявлялъ уже категорически, что Гоголь не зналъ демократической Малороссіи и изображалъ ее, какъ „баринъ", видящій одно смѣшное въ „мужикѣ". Въ противоположность легкомысленному отношенію Гоголя къ малорусской старинѣ и современному народному быту, являлся г. Кулишъ съ глубокимъ знаніемъ того и другого. „Я, — говорилъ онъ опять въ Эпилогѣ,—подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое (т.-е. „Черная Рада") вышло не романомъ, а хроникою въ драматическомъ изложеніи. *Не забаву праздною воображенія*—имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что̀ читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слiянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ".

Критика не могла обойти этихъ самонадѣянныхъ осужденій Гоголя, надъ которымъ г. Кулишъ видимо ставилъ самого себя, и весьма категорическій отпоръ ему сдѣланъ былъ тогда же въ дѣльной и иногда тонкой статьѣ Максимовича [3]). Послѣдній могъ судить о дѣлѣ тѣмъ болѣе, что самъ хорошо зналъ Гоголя и степень его свѣдѣній въ малорусской исторіи, пѣсняхъ, бытѣ и т. д. Онъ удостовѣрялъ

---

[1]) А именно, не дальше какъ за годъ передъ тѣмъ, или еще меньше („Зап. о жизни Гоголя"—1856).

[2]) Въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1857, № 24.

[3]) Объ историческомъ романѣ г. Кулиша, „Черная Рада", въ „Русской Бесѣдѣ", 1858, и въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 515—531.

г. Кулиша, что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи и ея народную жизнь, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе „многихъ нынѣшнихъ писателей малороссійскихъ", но что свойство его поэтическаго генія было таково, что дѣйствительную жизнь онъ пересоздавалъ и переображалъ въ новое бытіе, художественно образцовое. Максимовичъ успокоивалъ г. Кулиша и въ другомъ отношеніи. По словамъ послѣдняго выходило такъ, что правильное уразумѣніе малорусской исторіи начинается только съ его собственныхъ трудовъ въ этой области; во время Гоголя „не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, *преемники Гоголя въ самопознаніи*, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь". Максимовичъ сосчитываетъ литературу по исторіи Малороссіи и выясняетъ, что открытія г. Кулиша въ этой области играютъ весьма скромную роль въ движеніи малорусской исторіографіи. Что касается до романа самого г. Кулиша, то Максимовичъ и здѣсь былъ не совсѣмъ удовлетворенъ: онъ зналъ, что романистъ не обязанъ такой строгой покорностію передъ фактами, какъ историкъ, но если г. Кулишъ, въ противоположность Гоголю, „всего себя подчинялъ былому" и самое произведеніе свое предпочелъ назвать хроникою, то отъ него требовалось и больше уваженія къ историческимъ фактамъ,—между тѣмъ, въ романѣ оказывалось достаточно историческихъ ошибокъ.

Можно было бы не останавливаться на этой полемикѣ, еслибы не шелъ вопросъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ дѣятельность Гоголя, и еслибы г. Кулишъ не присвоивалъ себѣ самъ и не считали за нимъ другіе [1]) роли особеннаго знатока всего малорусскаго.

Главное нападеніе на Гоголя произведено было нѣсколько позднѣе по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки". Отпоръ Максимовича въ вопросѣ о „Тарасѣ Бульбѣ" побудилъ г. Кулиша „взяться вновь за критическую работу надъ повѣстями Гоголя"—въ „Основѣ"; Максимовичъ продолжалъ защиту Гоголя—въ „Днѣ" [2]). Эта полемика теперь довольно забыта и статьи Максимовича не повторены въ собраніи его сочиненій; потому не лишнее напомнить нѣсколько подробностей объ этомъ примѣненіи этнографіи къ критикѣ Гоголя.

Максимовичъ считалъ, что ему было бы несправедливо остаться безотвѣтнымъ на то, что̀ сказалъ, и собирался сказать о Гоголѣ г. Кулишъ „съ свойственной ему *чрезмѣрностью*": „грустно видѣть, какъ неоглядно и самопроизвольно, въ послѣдніе годы, онъ судитъ и ря-

---

[1]) См. приведенный выше отзывъ Костомарова.

[2]) 1861, № 3, 5, 7, 9; 1862, № 13.

дить о малороссійскихъ писателяхъ и всей малороссійской словесности, будучи въ то же время самымъ ревностнымъ поборникомъ этой словесности"...

Чтобы оцѣнить „чрезмѣрность" г. Кулиша, надо сравнить, въ какомъ тонѣ онъ говорилъ о повѣстяхъ Гоголя прежде и теперь. „Надобно быть жителемъ Малороссіи,—писалъ онъ въ біографіи,—или, лучше сказать, малороссійскихъ захолустій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія [1]), не только чуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь напитанную запахомъ пироговъ со сметаною или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи".—Теперь онъ совсѣмъ не узнаётъ въ повѣстяхъ Гоголя этой малорусской жизни; тотъ юморъ знаменитыхъ повѣстей, который такъ захватывалъ русскихъ и малорусскихъ читателей Гоголя, раздражаетъ критика, кажется ему каррикатурой и простымъ незнаніемъ малорусской жизни, которыя могутъ восхищать развѣ только „столичныхъ типографскихъ наборщиковъ" [2]). Максимовичъ замѣчаетъ: „Я и на старости люблю по прежнему, какъ украинскую весну, веселость первыхъ повѣстей Гоголя, которыми онъ заставилъ смѣяться весь читающій русскій міръ, отъ типографскихъ наборщиковъ до Крылова и Пушкина и до комическаго актера Щепкина, такъ близко знавшаго тогдашнюю жизнь Украины, простонародной и панской. Смѣхъ, возбужденный 20-лѣтнимъ Гоголемъ, былъ всеобщій, независимый отъ знанія или незнанія Украины читателями, не проходящій и донынѣ. Ибо и теперь многіе земляки мои, знающіе Украину съ этнографической стороны не менѣе г. Кулиша, не могутъ читать повѣстей Гоголя безъ смѣха, безъ слезъ и безъ восторга".

Г. Кулишъ утверждалъ, съ одной стороны, что Гоголь и въ свое время не зналъ малорусской жизни, напр., неправильно описывалъ народные обычаи, какъ баринъ не понималъ народнаго духа и характера, представляя себѣ мужика только смѣшнымъ; съ другой стороны, что съ тѣхъ поръ народилось новое, болѣе глубокое знаніе Малороссіи и ея народа,—знаніе, при которомъ взглядъ Гоголя способенъ возбуждать настоящее негодованіе. Подразумѣвалось или даже говорилось ясно, что это новое знаніе создали новые малорусскіе писатели, „преемники Гоголя въ самопознаніи".

---

[1]) Къ „Вечерамъ на хуторѣ близь Диканьки".

[2]) Критикъ разумѣетъ извѣстный анекдотъ, разсказанный Пушкинымъ и приводившій его въ восхищеніе, какъ наборщики помирали со смѣху, набирая повѣсти Гоголя.

Тотъ Гоголь, который, по вчерашнему мнѣнію г. Кулиша, такъ удивительно воспроизводилъ малороссійскую жизнь, теперь оказывался въ ней грубо невѣжественнымъ. „Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотритъ самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамильныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и научной точки зрѣнія безъ пособія народовѣдѣнія". Въ другомъ мѣстѣ: „Еслибы Гоголь, при своемъ истинно-творческомъ дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какѣ знатокъ простонародной Украины, онѣ однѣ навели бы его перо совсѣмъ на иную сторону, и тогда бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія картины природы въ „Сорочинской Ярмаркѣ", сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ". Или: „Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народоизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не узнавшему ее въ такой степени, чтобы своими повѣстями не *профанировать* своего народа и собственнаго великаго таланта?" Или еще: „Что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ *въ тысячу разъ больше* противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ взросшіе среди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными, и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что́ прежде ихъ смѣшило". Въ концѣ концовъ Гоголь оказывался, какъ повѣствователь о малорусскомъ бытѣ, гораздо ниже Квитки, а Квитка и Шевченко, по мнѣнію г. Кулиша, „были великими духами, которые уже давно вселились въ насъ и ведутъ насъ назнаменованною отъ самого Бога (!) дорогою". Квитка и Шевченко приравнивались ни много, ни мало какъ къ Вальтеръ-Скотту и—Шекспиру.

Максимовичъ на всѣ эти приговоры отвѣчалъ напоминаніемъ дѣйствительныхъ фактовъ и настоящихъ размѣровъ литературныхъ явленій, которыя такъ перепутались въ критикѣ г. Кулиша. Не было надобности много спорить относительно сопоставленія Квитки съ Шекспиромъ, но относительно народовѣдѣнія, будто бы сдѣлавшаго такіе громадные успѣхи со временъ Гоголя, Максимовичъ отвѣчаетъ фактами. „Такіе люди, которые содержали въ умѣ своемъ народныхъ

пѣсенъ, сказокъ ли, или пословицъ, въ *тысячу* разъ больше Гоголя — не люди, а небылицы въ лицахъ. Еслибы всѣхъ украинскихъ пѣвцовъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія сложить въ одного человѣка, и тотъ не зналъ бы даже во сто разъ больше Гоголя народныхъ украинскихъ пѣсенъ. Какъ бывшій собиратель ихъ съ 1827 г., я обращаюсь ко всѣмъ другимъ собирателямъ: слышалъ ли, записалъ ли кто-нибудь изъ нихъ 25 тысячъ украинскихъ пѣсенъ? Да еслибы и собралъ кто такое богатство—оно было бы только вдесятеро больше того, какое было подъ рукою Гоголя въ 1834 году передъ сочиненіемъ Тараса Бульбы".

Максимовичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ обвиненія г. Кулиша противъ Гоголя въ подробномъ разборѣ „Сорочинской Ярмарки" и находитъ, что всѣ эти обвиненія, напр. относительно характера малороссійскихъ вечерницъ, относительно смѣшныхъ прозваній героевъ Гоголевской повѣсти, относительно времени и мѣста сватовства Грицька, наконецъ, свадьбы, лишены основанія, что Гоголь нигдѣ не ошибся противъ народнаго обычая, зналъ хорошо подробности нравовъ и обнаруживаетъ это знаніе часто до самыхъ мелкихъ частностей. Свои объясненія Максимовичъ даетъ, конечно, съ доказательствами въ рукахъ, съ цитатами изъ пѣсенъ и т. п. Гоголь, по мнѣнію г. Кулиша, вообще относится къ малороссійской жизни очень грубо, не понимаетъ ея задушевнаго тона, скромныхъ нравовъ и т. п.: такъ, напримѣръ, Гоголь далъ своимъ героямъ такія прозванія, которыя малороссійскому крестьянину „стыдно произнести въ своемъ обществѣ". Максимовичъ доказываетъ, что щепетильность малороссійскаго крестьянина въ своемъ обществѣ вовсе не такъ велика, что и нравы, и пѣсни допускаютъ большую простоту и нецеремонность выраженій, при которой слова, употребленныя Гоголемъ, не представляютъ ничего необыкновеннаго. Онъ доказываетъ также, что нѣкоторыя подробности разсказа, гдѣ строгій критикъ видитъ нарушеніе обычая, и у самого Гоголя изображены именно въ условіяхъ исключительныхъ и опять не представляютъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Въ концѣ концовъ г. Кулишъ торжественно отрицался отъ Гоголевыхъ украинцевъ и провозглашалъ это отрицаніе, по замѣчанію Максимовича, на подобіе старинныхъ универсаловъ: „Мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, *объявляемъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ,* что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевыхъ повѣстей—не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры и угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ

землявами не можемъ". Максимовичъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ и отвергъ украинство самого г. Кулиша: „такое универсальное отреченіе и объявленіе отъ лица всѣхъ украинцевъ,—говорилъ онъ,—должно показаться для нихъ очень страннымъ—уже и потому, что г. Кулишъ—не настоящій украинецъ, а сѣверянинъ, изъ того конца Малороссіи, жители которой издавна зовутся на Украинѣ, хотя неправильно, литвинами, литвою".

Въ чемъ же была подкладка этихъ нападеній на малороссійскія повѣсти Гоголя? Оставляя въ сторонѣ личные вкусы и капризы, которые, очевидно, играли здѣсь свою роль, новѣйшія требованія критика исходили также изъ его теперешняго представленія о бытовомъ характерѣ малороссійскаго народа. Это представленіе сказывалось въ немъ и раньше, напр., въ „Запискахъ о Южной Руси", но теперь развилось до послѣдняго предѣла: малороссійскій народъ казался ему образцомъ нравственнаго достоинства, идиллической патріархальности, чистоты нравовъ и т. п. Наилучшимъ выраженіемъ этихъ свойствъ малорусскаго характера казались ему сантиментальныя повѣсти Квитки, котораго онъ недавно передъ тѣмъ издавалъ и превознесъ до сравненія съ Шекспиромъ. Это была крайняя идеализація малорусскаго народа въ сантиментальномъ родѣ, натянутая до потери всякаго чувства дѣйствительности, и опять—произвольный романтизмъ. Степень его научнаго значенія понятна.

Но обѣ стороны забыли въ этомъ спорѣ объ одномъ. Если всѣ признають, что историческій романистъ или драматургъ не обязаны къ мелочному соблюденію историческихъ фактовъ, и если дается извѣстная льгота ихъ собственной фантазіи, то подобное право очевидно принадлежитъ и повѣствователю изъ народнаго быта: довольно, если его картина въ цѣломъ схватываетъ характеръ народнаго быта или извѣстную его сторону, но затѣмъ онъ есть все-таки поэтъ, а не этнографъ.

Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ г. Кулишъ давалъ еще нѣсколько разъ образчики подобнаго историческаго и этнографическаго произвола: онъ еще нѣсколько разъ свергалъ тѣхъ идоловъ, которымъ наканунѣ поклонялся, не исключая и тѣхъ, съ которыми связана была его собственная личная жизнь и совмѣстная дѣятельность „на пользу украинскаго народа". Такъ въ „Исторіи Возсоединенія" онъ съ презрѣніемъ говорилъ о Шевченкѣ („пьяная муза"), для котораго не находилъ прежде достаточныхъ словъ восторга, а потомъ, въ „Хуторной поэзіи", снова воздвигалъ ему алтарь и окружалъ восхваленіями [1]).

---

[1]) См. названныя выше статьи Костомарова, брошюру Мордовцова; укажемъ еще ст. газеты „Трудъ", 1882, № 48; Кіев. Старину", 1882, II, стр. 509—519; Ateneum, 1885, Lipiec: Zarysy ruchu literackiego Rusinow, стр. 96—98, и др.

Въ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ г. Кулишъ относится съ великимъ презрѣніемъ къ общимъ украинскимъ увлеченіямъ ихъ молодости [1]); эти увлеченія естественно кажутся таковыми для людей старыхъ, но при всемъ томъ сохраняется обыкновенно и у старыхъ людей бережное любящее чувство къ той порѣ жизни, когда въ ея порывахъ сказывалось безъ сомнѣнія больше свѣжаго, неиспорченнаго чувства: для г. Кулиша это только—„комическій и грустный (?) предметъ" [2]). Въ „Исторіи Возсоединенія Руси" (т. 1-й) г. Кулишъ рѣзко напалъ на Костомарова, который, по его словамъ, принялъ его опроверженія очень благодушно; во второмъ томѣ готовились еще болѣе рѣзкія нападенія, „о которыхъ,—говоритъ г. Кулишъ,—теперь вспоминаю *со стыдомъ и раскаяніемъ*, оправдывая себя только болѣзненнымъ состояніемъ, которое заставило меня немедленно оставить Петербургъ по напечатаніи второго тома" [3]). Надо полагать, что въ болѣзненномъ состояніи писанъ и новѣйшій трудъ г. Кулиша, гдѣ опять, черезъ три года послѣ сейчасъ цитированныхъ „воспоминаній", находятся дикія выходки противъ Костомарова.

Въ 1888—89, г. Кулишъ издалъ новую книгу на ту же тему, какъ „Исторія Возсоединенія" [4]). Это—не столько исторія, сколько памфлетъ, направленный противъ той малорусско-козацкой старины, которою нѣкогда самъ авторъ восторгался, и противъ ея патріотическихъ историковъ, особливо Костомарова. Старая козацкая исторія есть не что иное, какъ исторія грабительскаго и безнравственнаго скопища; козаки, воюя съ Польшей, воевали вовсе не въ защиту вѣры, къ которой были совершенно равнодушны, а просто для грабежа и буйства; прославленный освободитель Малороссіи, Хмельницкій, былъ безнравственный человѣкъ, разбойникъ и предатель... Въ послѣднихъ словахъ 2-го тома авторъ характеризуетъ трудъ Костомарова о Хмельницкомъ какъ „одичалую въ нашей украинщинѣ Кліо", и по поводу одного эпизода, изображающаго воинственное движеніе на Украйнѣ, пишетъ: „По этому дикому восторгу, встрѣчен-

---

[1]) Они не были, однако, младенцы: въ концѣ 1844, когда началась ихъ дружба, Костомарову было 27, г. Кулишу 25 лѣтъ.

[2]) Новь, 1885, № 13, стр. 61. Читателю предоставляется сообразить, что Костомаровъ остался навсегда на этой жалкой ступени,—потому что остался любителемъ малорусской исторической старины,—а г. Кулишъ сталъ гораздо превыше его.

[3]) Тамъ же, стр. 74.

[4]) „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654)", три тома, изданные въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. ист. и древн. 1888, кн. 2-я и 4-я; 1889, кн. 1-я. Отмѣтимъ еще, что передъ тѣмъ издано было въ „Чтеніяхъ", еще при Бодянскомъ, важное сочиненіе Крижанича: „Малорусскіе козаки между Россіей и Польшей въ 1659 году по взгляду на нихъ серба Юрія Крижанича", съ предисловіемъ г. Кулиша („Чтенія", 1876, кн. 3-я, стр. 109—124).

ному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершавшагося болѣе чѣмъ за два столѣтія до нашего времени".

Эта книга произвела такое впечатлѣніе. Московскому Обществу исторіи и древностей, напечатавшему сочиненіе на страницахъ „Чтеній", пришлось оправдываться отъ укоровъ ревностнаго историка-патріота, г. Кояловича, который написалъ о книгѣ г. Кулиша слѣдующее [1]): „*Краковъ* и *Москва* протягиваютъ другъ другу руки для скрѣпленія новаго союза, отъ котораго можетъ затрещать по всѣмъ направленіямъ русское строеніе въ Западной Россіи. Краковскіе ученые начинаютъ славить сильную власть Москвы, стараются... и западную Россію приманить къ себѣ усиленнымъ всѣми выдумками блескомъ своей исторической цивилизаціи. Къ удивленію, и изъ Москвы направляется къ этому самому блеску польской цивилизаціи славить ее и срамить все русское въ западной Россіи, старый малорусскій грѣховодникъ Кулишъ, печатающій въ Москвѣ новый свой трудъ",—и г. Кояловичъ собирался еще говорить о „неудержимой страсти г. Кулиша мѣнять научныя и общественныя позиціи" [2]). Въ защиту Общества выступилъ Геннадій Карповъ (ум. 1890), разсматривавшій сочиненіе до печати: онъ устранялъ солидарность Общества съ историко-политическими взглядами г. Кулиша, и объяснялъ, что сочиненіе его принято было какъ изслѣдованіе—„въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій составленное добросовѣстно", но за которое авторъ отвѣчаетъ самъ, и напечатаніе сочиненія являлось притомъ дѣломъ научнаго безпристрастія. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи книги, Карповъ указалъ, что въ противо положность писателямъ, выставлявшимъ (не всегда точно) во главѣ своихъ трудовъ длинные списки историческихъ источниковъ, въ книгѣ г. Кулиша почти не имѣется ссылокъ; что ему неизвѣстно было сочиненіе самого Карпова („Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго", 1873), такъ что онъ выдавалъ за свои нѣкоторые выводы, которые уже раньше были сдѣланы Карповымъ; что г. Кулишъ, владѣя сполна источниками польскими, далеко не овладѣлъ русскими, такъ что, напр., изъ „Актовъ южной и западной Россіи" зналъ одинъ третій томъ (изданный имъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ въ 1862), когда ихъ всѣхъ четырнадцать; Карповъ дѣлалъ кромѣ того упрекъ самому изданію „Актовъ", подъ редакціей Костомарова и Кулиша, въ одностороннемъ подборѣ документовъ... Въ одномъ Кар-

[1]) Въ газетѣ „Правда", 1889, № 1.

[2]) Подразумѣвается удаленіе г. Кулиша въ Австрію, дѣятельность въ Галиціи, гдѣ онъ дружилъ съ поляками, потомъ возвращеніе въ Россію и новѣйшее писательство.

повъ отдавалъ справедливость труду г. Кулиша: „въ русской литературѣ такія талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго (!). Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужъ очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ: въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго" (?). При третьемъ и послѣднемъ томѣ книги г. Кулиша Карповъ напечаталъ обширное (104 стр.) дополненіе или поправку по одному пункту его сочиненія: „Въ защиту Богдана Хмельницкаго". Общій взглядъ критика можетъ быть понятъ изъ слѣдующихъ его словъ: „За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ,—говорилъ Карповъ,—въ литературѣ по исторіи Малороссіи вновь напущено столько туману, что является необходимость, сколько возможно, разсѣять эти новыя выдумки. Изданное теперь обширное сочиненіе г. Кулиша даетъ наилучшій поводъ приступить къ этому дѣлу: оно при талантливомъ, общедоступномъ и даже иногда блестящемъ изложеніи, кажется, *совмѣщаетъ въ себѣ весь этотъ туманъ*... Воображеніе г. Кулиша и его фантазія поразительны; его жажда къ переворотамъ въ наукѣ положительно подавляетъ читателя; все это представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для журнальной полемики и критики, но и дѣйствительно даетъ поводъ къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобы поставить многое *на прежнее мѣсто*, такъ какъ г. Кулишъ, „ничтоже сумняся", кажется, все по исторіи Малороссіи вывернулъ на изнанку или поставилъ вверхъ ногами. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Кулиша представляетъ, съ *отрицательной* стороны, крупное научное значеніе; но, къ прискорбію, появленіе на свѣтъ подобныхъ сочиненій возбуждаетъ страсти и мѣшаетъ спокойному обсужденію и разработкѣ научныхъ вопросовъ". Послѣднее замѣчаніе можетъ быть излишне для дѣйствительно научной критики; но вѣрно, что главное значеніе новѣйшаго труда г. Кулиша, а также и многихъ прежнихъ, есть именно отрицательное, какъ настоятельнаго вызова къ новымъ преслѣдованіямъ предмета. Въ настоящемъ случаѣ дѣло пришло къ оригинальному результату: московскій патріотъ выступилъ

на защиту героя малорусской старины противъ бывшаго рьянаго украинофила...

Г. Дашкевичъ, отмѣчая новѣйшія теоретическія и историческія блужданія г. Кулиша, опровергаетъ тѣхъ, кто думаетъ, что онъ „сталъ проповѣдывать взгляды и идеи *прямо противоположныя* прежнимъ его убѣжденіямъ"; г. Дашкевичъ думаетъ, что „исходный пунктъ дѣятельности Кулиша, горячая любовь къ родному племени и слову, остался тотъ же; уцѣлѣло въ Кулишѣ и прежнее народничество, а равно остался неизмѣннымъ взглядъ на задачи украинской литературы; измѣнился лишь взглядъ на отношенія племенъ польскаго и южно-русскаго, на козачество и на его пѣсни и лѣтописи" [1]). Но „прямая противоположность" многому, чтò исповѣдовалось прежде, несомнѣнно существуетъ, и желчная озлобленность, образчики которой мы приводили, указываетъ на совсѣмъ иную формацію мыслей, гдѣ не легко сказать—чтò осталось отъ прежняго. Понятно, что новѣйшіе историческіе и политическіе взгляды бывшаго украинофила должны отразиться и на оцѣнкѣ многихъ явленій народной поэзіи и народно-бытовыхъ представленій. Желчность завела г. Кулиша такъ далеко, что онъ постоянно впадаетъ въ односторонность, не видитъ событій въ ихъ широкомъ историческомъ значеніи и—едва ли не перестаетъ понимать свой народъ.

Мы должны еще вернуться назадъ, къ первой порѣ новѣйшаго украинофильства и упомянуть о журналѣ „Основа" (1861—1862), въ которомъ соединились нѣкогда труды главныхъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи.

Противники малорусскаго литературнаго движенія считали обыкновенно журналъ „Основа" первымъ заявленіемъ ненавистнаго имъ украинофильства и вели съ него хронологію разныхъ превратныхъ литературныхъ и общественныхъ идей, которыя ставятся въ преступленіе этому направленію. Въ дѣйствительности „Основа" не имѣла такого значенія: самое изданіе было однимъ изъ проявленій тогдашняго общественнаго настроенія и далеко не всегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патріотизма въ то время и послѣ. Изданіе журнала затѣвалось въ тѣ годы, когда въ русскомъ обществѣ еще продолжалось возбужденіе, отличавшее первые годы прошлаго царствованія. Послѣ извѣстныхъ впечатлѣній славной, но неудачной войны, послѣ амнистій, при вѣстяхъ о готовившихся широкихъ преобразованіяхъ, въ обществѣ стали горячо,

---

[1]) Въ XXIX Увар. отчетѣ, стр. 230—231. Послѣдняго труда г. Кулиша г. Дашкевичъ не имѣлъ еще въ виду.

довѣрчиво—и часто наивно—высказываться радужныя надежды или иныя давнишнія мечты; съ возвратившимися дѣятелями прежняго времени обновлялись преданія, въ новыхъ условіяхъ времени. Вопросъ о преобразованіяхъ, поднятый въ средѣ самого правительства, самъ собою расширялъ и участіе въ немъ общественнаго мнѣнія: необходимо было болѣе внимательное и болѣе чѣмъ когда-нибудь откровенное изученіе самой русской жизни, ея условій, особенностей, старыхъ преданій и новыхъ требованій. Съ этой поры, какъ мы не однажды указывали, стала особенно выростать давно созрѣвшая литература о народѣ, и естественно, что среди новыхъ народныхъ изученій должны были сказаться и тѣ влеченія мѣстнаго малорусскаго патріотизма, которыя давно уже выразились основаніемъ небольшой литературы на малорусскомъ языкѣ и усердными этнографическими изученіями южной Руси. „Основа" только примкнула къ начатому ранѣе. Элементы ея дѣятельности были готовы давно въ малорусской литературѣ, начавшейся съ конца прошлаго столѣтія; въ спеціальныхъ сборникахъ, небольшихъ журналахъ, посвященныхъ Малороссіи, какъ „Украинскій Вѣстникъ", „Альманахъ", „Молодикъ" и т. п.; Шевченко еще до своей ссылки пріобрѣлъ большую извѣстность и любовь между малорусскими читателями. Объ изученіяхъ этнографическихъ мы говорили: собиратели малорусскихъ пѣсенъ были безъ исключенія энтузіастами своего дѣла, какъ Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Костомаровъ, Лукашевичъ, Метлинскій Кулишъ; ихъ собранія представили множество народно-поэтическихъ произведеній необычайной красоты, которыя увлекали первостепенныхъ писателей нашей литературы, приводили въ восторгъ Пушкина и несомнѣнно вдохновляли Гоголя. Такимъ образомъ „Основа" въ своемъ началѣ имѣла передъ собой готовыя народно-литературныя стремленія, и въ предметахъ этнографіи, и въ беллетристикѣ на народномъ языкѣ; нужно было только дать новый книжный органъ для этихъ стремленій въ ту пору, когда въ цѣломъ русскомъ обществѣ произошло упомянутое возбужденіе общественнаго мнѣнія и явилась усиленная потребность высказаться. Новый журналъ основанъ былъ людьми того самаго кіевскаго кружка, который въ концѣ 40-хъ годовъ носилъ названіе Кирилло-Меѳодіевскаго. Кружокъ нѣсколько измѣнился—вѣроятно не вслѣдствіе той кары, которая его въ то время постигла, а силою вещей; люди стали старше, прибавилось знанія и опыта; фантастическія мечты отпадали, но сохранилось то, въ чемъ было самое существо ихъ ближайшихъ стремленій. Руководители „Основы" проникнуты были ревностнымъ народолюбіемъ, и въ частности—стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго

малорусскаго слова и народнаго образованія. До сихъ поръ малорусская литература жила только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла опредѣленнаго положенія: явилась, наконецъ, потребность выяснить его и защитить право существованія этой литературы противъ возраженій и нападеній, какія съ разныхъ сторонъ появлялись. Великорусское общество бывало всего чаще равнодушно къ интересамъ малорусской литературы, которая рѣдко и доходила до него, и, въ духѣ прежнихъ взглядовъ Бѣлинскаго, считала ее или дѣломъ ненужнымъ, или лишнимъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія, а исключительные патріоты начинали уже думать, что она просто вредна, какъ противорѣчіе національному единству. Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или по прежнему считать его однимъ оттѣнкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенныя особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его нравственно-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили предметъ многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ „Основу" какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, старыхъ и молодыхъ. Замѣтимъ притомъ, что эти работы въ защиту и объясненіе малорусской народности не были какой-нибудь придуманной тенденціей: онѣ являлись сами собой, изъ готовыхъ существующихъ понятій, или вслѣдствіе вызова противниковъ, которымъ надо было дать отпоръ, или высказывались какъ непосредственное настроеніе людей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ споровъ. Главными дѣятелями „Основы" были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко, который засталъ только начало предпріятія и по смерти котораго въ „Основѣ" появилась масса его произведеній, писанныхъ въ годы ссылки и по возвращеніи. Костомаровъ помѣстилъ въ „Основѣ" нѣсколько статей, имѣвшихъ объяснительное и руководящее значеніе, напр., „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", „Двѣ русскія народности", „Черты южно-русской исторіи", „Отвѣтъ на выходки газеты Czas" и пр., „Правда полякамъ о Руси", „Правда москвичамъ о Руси", „Крестьянство и крѣпостное право" (подъ рубрикой: „Мысли южнорусса") и т. д. Г. Кулишъ началъ здѣсь обзоръ украинской литературы, о которомъ мы выше упоминали; помѣстилъ

статьи: „Характеръ и задача украинской критики", „Полякамъ объ украинцахъ" и пр. Въ беллетристикѣ журнала, кромѣ Шевченка, явились произведенія Марка-Вовчка, Алексѣя Стороженка, Кухаренка, Леонида Глѣбова,.Руданскаго, многочисленныя стихотворенія и разсказы Кулиша, подъ его собственнымъ именемъ и подъ разными псевдонимами, и др. Къ старымъ именамъ присоединилось много новыхъ съ работами по малорусской старинѣ и этнографіи, какъ работы Чубинскаго, В. Б. Антоновича, П. С. Ефименка, Ив. Новицкаго, Номиса, А. Конисскаго, А. Лазаревскаго, Б. Познанскаго, Гатцука. Въ „Основѣ" являлись труды лицъ, не принадлежавшихъ къ ближайшему кружку редакціи, какъ, напримѣръ, статьи Максимовича, Сухомлинова, П. Лавровскаго, А. Котляревскаго, Сѣрова (о музыкѣ малорусскихъ народныхъ пѣсенъ) и пр. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ крайностей, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ статьяхъ г. Кулиша о Гоголѣ, безъ преувеличенныхъ представленій о малорусской народности, но въ большинствѣ содержаніе „Основы" заключалось въ весьма полезныхъ историческихъ и этнографическихъ работахъ, въ непритязательныхъ литературныхъ попыткахъ на малорусскомъ языкѣ, въ естественной защитѣ малорусской исторіи отъ ея тенденціозныхъ искаженій (напр., у нѣкоторыхъ польскихъ писателей) и иныхъ напраслинъ въ самой русской литературѣ. Въ числѣ ея сотрудниковъ было нѣсколько именъ извѣстныхъ ученыхъ; другія имена, въ то время впервые появлявшіяся въ печати, пріобрѣли потомъ почетную извѣстность трудами по малорусской исторіи и этнографіи,—назовемъ Чубинскаго, Антоновича, Ефименка. Въ связи съ дѣятелями „Основы" работалъ тогда Л. Жемчужниковъ надъ своей „Живописной Украйной"...

Не пересчитывая этихъ отдѣльныхъ работъ, остановимся нѣсколько лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ „Основы", опредѣляющихъ историко-этнографическія отношенія малорусской народности. Таковы были статьи Костомарова. Наиболѣе характерную изъ нихъ—о „Двухъ русскихъ народностяхъ"—мы имѣли случай указывать раньше. Въ статьѣ: „Правда москвичамъ о Руси", рѣчь идетъ о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи по поводу возраженій, появившихся въ газетѣ „День" [1]) противъ статьи о „Двухъ народностяхъ". Въ статьѣ „Дня" вопросъ шелъ пока объ опредѣленіи древнихъ племенъ русскаго народа, но московскій критикъ уже здѣсь находилъ возможнымъ ставить дѣло на почву племенной исключительности. Указывая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность изучать коренныя стихіи его народности, критикъ го-

[1]) 1861, № 6, статья Ильи Бѣляева.

ворилъ: „Но исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе, неразуміе народовъ... ставитъ, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ,—образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, *обольщаютъ* его и заставляютъ обольщать другихъ". Но исцѣленіе возможно: оно дается изученіемъ *исторіи*, которая подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій научаетъ узнавать истинную сущность народнаго духа, которая не даетъ народу успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ себѣ быта и обстановки, отвѣчающихъ этой сущности. „Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ его личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастію, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу, саморазрушеніемъ приготовляютъ торжество истинѣ"... Костомаровъ понялъ прозрачный намекъ въ полной силѣ и не хотѣлъ уступить. Къ своему отвѣту онъ взялъ эпиграфомъ слова изъ стараго рукописнаго житія Моисея, архіепископа новгородскаго: „Вознесеся умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы пріиде, величаяся гражданомъ, яко и племенемъ ихъ укори",—и опровергая своего противника, находилъ, что его критикъ вообще хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни. Онъ кончаетъ, перебрасывая обвиненіе въ партикуляризмѣ на самого критика.

„Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы *московскій партикуляризмъ* не увлекъ его до того, что мы станемъ внѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая ихъ отъ истинныхъ элементовъ народности. Такимъ образомъ все, чтó ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ—къ истиннымъ *элементамъ* народности и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, чтó самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было (какъ, напримѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена). Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ*—это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это—привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы — и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и обществен-

ной жизни, или же на то, что́, хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ" [1]).

Въ то же время Костомарову приходилось защищать южнорусскую народность съ другой стороны. Его статья: „Правда полякамъ о Руси" направлена противъ того стараго польскаго представленія, которое въ то время находило своего теоретика въ Духинскомъ и его послѣдователяхъ. По этой теоріи, „русскіе" (подъ которыми разумѣлись малороссіане и галицкіе русины) составляютъ племя, совершенно особое отъ „московитовъ", т.-е. именно русскихъ, великоруссовъ; только первые представляютъ собою настоящее славянское племя, собственно отрасль польскаго народа, съ которымъ они и были всегда связаны; они принадлежатъ къ „настоящей греческой" церкви (т.-е. къ уніи), когда московиты составляютъ въ этой церкви „схизму"; московиты—вовсе не подлинные славяне и только въ послѣдніе вѣка, захвативши часть „русскихъ" земель (т.-е. Малороссію и западный край), присвоили себѣ и имя русскихъ, имъ вовсе не принадлежащее [2]). (Духинскій объяснялъ именно, что московиты были просто смѣсь финновъ и тюрковъ, принявшая языкъ, сходный съ русскимъ). Такова была удивительная теорія, изобрѣтенная для опоры старому польскому мнѣнію, что малоруссы были только вѣтвью польскаго племени, и что поэтому они должны считаться нераздѣльной частью Польши.

Эти безсмыслицы не заслуживали бы серьезнаго опроверженія, еслибы не были повторяемы даже въ западной литературѣ и еслибы имъ не придавалось значенія политическаго аргумента въ начинавшемся тогда польскомъ броженіи. Костомарову достаточно было указать нѣсколько элементарныхъ и положительныхъ фактовъ русской исторіи, чтобы объяснить настоящія отношенія племенъ въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ напомнилъ потомъ, какъ южнорусскій народъ достался Польшѣ (безъ его спроса, на Люблинскомъ сеймѣ), какъ произошла церковная унія, какъ затѣмъ южно-русскій народъ длиннымъ рядомъ кровавыхъ возстаній заявлялъ и защищалъ свою національную и религіозную отдѣльность, какъ въ концѣ прошлаго вѣка онъ еще разъ протестовалъ противъ порабощенія такъ-называемой коліивщиной. „По присоединеніи къ Россіи, — говоритъ

---

[1]) „Основа", 1861, октябрь, стр. 1—15. Споръ закончился, кажется, замѣткой Ильи Бѣляева въ „Днѣ" 1862, № 14. Впослѣдствіи новыя нападенія на Костомарова по другому случаю были сдѣланы Гильфердингомъ, а еще позднѣе—Карповымъ и пр. Костомаровъ въ рѣчи о К. Аксаковѣ желалъ отдать справедливость славянофильскому изученію русской исторіи, но эта школа всегда относилась къ нему весьма враждебно, что́ и было естественно при исключительности московской точки зрѣнія.

[2]) По теоріи это произошло не дальше, какъ при Екатеринѣ II.

Костомаровъ, — совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ (т.-е. крестьянская масса) остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное охраненіе своей власти надъ древлерусскими землями и порабощенными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе коліивщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли по вопросу о соединеніи Руси съ Польшею. Отъ благоразумія поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность“ [1]).

Костомаровъ заключалъ, что международные споры съ поляками должны прекратиться: старыя событія, какъ бракъ Ягайла, Люблинская и Брестская унія, всякіе старые договоры, андрусовскіе, московскіе и пр., которыми польскіе патріоты хотятъ доказывать права Польши на юго-западную Русь, не имѣютъ никакого значенія. „Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертаціи, читать лекціи,—многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ „отношеній“. Пора оставить эти старыя притязанія, давно отмѣненныя послѣдующей исторіей, и пора искать другой, на справедливости основанной, связи, „которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія“. А тотъ путь, которымъ хотятъ вести свой народъ писатели, прибѣгающіе къ упомянутымъ теоріямъ—„путь погибельный“...

Г. Кулишъ въ статьѣ: „Полякамъ объ украинцахъ“ [2]) въ томъ же духѣ, но ближе касался современныхъ отношеній польскаго общества и литературы къ малорусской народности. Между прочимъ, г. Кулишъ, какъ въ другомъ мѣстѣ и Костомаровъ [3]), говоря о такъ-называемой украинской школѣ польской поэзіи, указывалъ, какое значеніе имѣлъ ея „украинскій“ элементъ и эта „попытка побрататься съ украинцами во имя ихъ козачества, перелицованнаго на изнанку“, и какъ можетъ относиться къ нимъ малорусскій читатель. Характеръ статьи можетъ показать небольшая цитата:

[1]) „Основа“, 1861, окт., стр. 111.

[2]) „Основа“, 1862, февраль, стр. 67—86.

[3]) „Отвѣтъ на выходки газеты Czas“ и пр., „Основа“, 1861, февр., стр. 134—135.

„*Я* польское и *я* украинское,—говорилъ г. Кулишъ,—разошлись, въ теченіе вѣковъ. на такое разстояніе, что полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ поэтичности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по-неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣлываться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это—дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это—дѣло исторіи того и другого народа“.

Достаточно нѣкотораго знакомства съ содержаніемъ журнала, чтобы увѣриться въ несправедливости обвиненій, не разъ послѣ падавшихъ на „Основу“, какъ источникъ украинофильства, въ которомъ чудился и сепаратизмъ, и союзъ съ „польской справой“. „Основа“ дѣйствительно выражала мѣстный патріотизмъ — вовсе не выдуманный, а тотъ самый, который издавна жилъ въ малорусскихъ людяхъ, особенно, когда, въ прежнихъ условіяхъ нашей жизни, старые нравы еще не стирались такъ быстро отъ вліяній центра, когда эти люди, встрѣчаясь съ сѣверными соотечественниками, больше чѣмъ теперь должны чувствовать разницу въ характерѣ, языкѣ, обычаѣ. Это былъ тотъ же патріотизмъ, который отличалъ—задолго до какой-нибудь идеи исключительнаго украинофильства — первыхъ малорусскихъ писателей и самого Гоголя, хотя уже не писавшаго по-малорусски. Любовь къ языку, старому обычаю, къ прекрасной народной пѣснѣ, какъ естественное чувство къ родинѣ, не покидала уроженцевъ Малороссіи, когда они и оставляли свою родину; это былъ инстинктъ, проявлявшійся самъ собою безъ всякихъ книжныхъ справокъ изъ исторіи. Писатели, которымъ и прежде эта малорусская жизнь представлялась въ сантиментальной розовой окраскѣ, какъ Основьяненко, были уже прямые предшественники украинофильства „Основы“ —не даромъ г. Кулишъ такъ превозносилъ теперь его произведенія. Мы видѣли, что эта атмосфера малорусскаго быта и преданія охватывала даже русскихъ, которымъ приходилось жить подъ ея вліяніемъ,—какъ было, напр., съ Срезневскимъ и Вадимомъ Пассекомъ (послѣдній испыталъ его вліяніе уже въ послѣдніе годы). Теперь подобное совершалось съ г. Л. Жемчужниковымъ, который въ тѣ годы занимался изученіемъ „живописной“ Украйны и, между прочимъ, указывалъ, наперекоръ Костомарову, современную живучесть народной марорусской поэзіи [1]...

[1] Ср. „Нѣсколько замѣчаній по поводу народныхъ пѣсенъ“, „Основа“, 1862, февр., стр. 87 и слѣд.

„Основа“ дала такимъ образомъ только первое, нѣсколько цѣльное выраженіе давно существовавшему настроенію, тому мѣстному патріотизму, который былъ существеннымъ порожденіемъ условій малорусскаго быта и исторіи, и не представлялъ никакого ущерба для патріотизма общерусскаго. — Изъ того, чтó мы приводили изъ мнѣній „Основы“ по поводу польско-малорусскихъ отношеній, мудрено вывести какое-либо иное заключеніе, кромѣ того, что эти отношенія были весьма недовѣрчивы или прямо враждебны. Было здѣсь то преувеличеніе, что малорусскіе патріоты говорили о своемъ народѣ и обществѣ, какъ о самодѣятельномъ факторѣ общественныхъ отношеній: на дѣлѣ эта самодѣятельность была весьма незначительная; малорусская стихія была уже до такой степени поглощена и увлечена потокомъ русской внутренней политической жизни, что должна была слѣдовать и ея органическимъ требованіямъ, и самымъ капризамъ. Писатели „Основы“ довѣрчиво считали существующими въ самой жизни свои идеалистическія представленія,—но эта нѣкоторая потеря чувства дѣйствительности была общей чертой того времени: дѣйствительность скоро показала, что въ ней мало мѣста этому идеализму,—и это было жаль, потому что въ немъ было столько искренней любви къ народу и знанія, что при другихъ условіяхъ они могли принести благотворное дѣйствіе...

Несмотря на нѣкоторыя крайности, какъ упомянутыя выше статьи г. Кулиша и его сантиментальная идеализація малорусскаго народнаго характера, „Основа“ имѣла свое немаловажное вліяніе какъ въ малорусской литературѣ, такъ и въ этнографіи. Черезъ нее прошелъ рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ: на первомъ планѣ — произведенія Шевченка, на второмъ—Марка Вовчка, А. Стороженка, Кулиша и др. Во-вторыхъ, однимъ изъ главныхъ ея интересовъ были этнографическія изученія; статьи подобнаго рода являлись въ каждой книжкѣ, и общимъ выводомъ были: необходимость изученія народной жизни, уваженіе къ народной мысли и чувству, къ народной личности—въ томъ же смыслѣ, какъ объ этомъ говорилось тогда и въ цѣлой русской литературѣ, по давно слагавшемуся убѣжденію, которое особенно усилилось тогда подъ вліяніемъ крестьянской реформы; у писателей малорусскихъ это стремленіе сказывалось лишь съ тѣми видоизмѣненіями, какія приводились очевидными различіями племенными, историческими и бытовыми. Этнографическій интересъ, здѣсь заявленный, отразился важными трудами въ области малорусской этнографіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ.

ГЛАВА VIII.

Галицко-русское возрожденіе и польско-украинская школа.

Общія замѣчанія.—Разсказы Головацкаго о началѣ галицко-русскаго возрожденія.—Воспоминанія Н. Устіановича.—Историческія причины особенной силы польскаго вліянія въ Галиціи.—Литературно-историческія отношенія Галицкой Руси.—Двадцатые и тридцатые года въ воспоминаніяхъ Головацкаго.—Антоній Добрянскій.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ — Источники этихъ интересовъ.—Украинская школа.—Тимко Падура.

Историческія отношенія Россіи, и въ частности Малороссіи, къ Польшѣ были столько разъ излагаемы съ обѣихъ сторонъ, и съ разныхъ точекъ зрѣнія—польской, русской и малорусской—сосчитывались ихъ враждебныя столкновенія и различіе самыхъ національныхъ идеаловъ и характеровъ, что въ этой литературѣ высказался, кажется, весь запасъ взаимной непріязни и раздраженія. При другомъ случаѣ мы говорили о томъ, какъ трактовался въ нашей литературѣ польскій вопросъ [1]), и видѣли, что, при всей враждѣ, съ русской стороны слышались изрѣдка взгляды болѣе спокойные, чѣмъ масса ходячихъ мнѣній, но подобные взгляды не были довольно распространены и, особенно, не имѣли какой-нибудь силы въ политической практикѣ. Со стороны польской, въ послѣдніе годы также начиналась рѣчь о „примиреніи",—но и эти голоса также не нашли въ своемъ обществѣ достаточнаго отголоска, какъ не нашли себѣ опоры и въ обстоятельствахъ времени... Было бы поэтому весьма неблагодарной задачей еще разъ перебирать поводы и факты столкновеній, но самый вопросъ остается далеко невыясненнымъ и,

---

[1]) „Польскій вопросъ въ русской литературѣ", „В. Евр.", 1880, февр. и слѣд.

кажется, что для обѣихъ сторонъ было бы полезно по крайней мѣрѣ вникать ближе въ историческія явленія и искать въ нихъ безпристрастнаго пониманія отношеній, разладъ котораго не можетъ, наконецъ, не тяготить здраваго общественнаго и національнаго чувства.

Обычное у насъ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи какъ о вѣчной „интригѣ“ и „коварствѣ“ (которымъ, наконецъ, придается чисто баснословный размѣръ), и съ другой стороны, польское представленіе о Россіи и „наѣздѣ“, заключаютъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣятельности. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія явленія имѣютъ всегда психологическую подкладку въ цѣломъ народномъ міровоззрѣніи, созидающемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что цѣлые народы не могутъ быть „коварными“, какъ, съ другой стороны, „наѣздъ“ не совершался по одному насилію для насилія. Съ польской стороны, напримѣръ, долго не хотѣли видѣть, что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, въ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши; что эти ошибки издавна (напр. еще въ XVII-мъ вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большой энергіей высказываемы — при другихъ моментахъ—въ самой польской литературѣ. Когда начинается кризисъ, поколѣнія данной минуты рѣдко бываютъ въ состояніи отнестись спокойно къ совершающимся событіямъ: настоящая опасность родины наполняетъ ихъ энтузіазмомъ къ національному преданію и не дозволяетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его прошедшемъ — какую-либо ошибку, хотя въ другое время эта ошибка была уже видима; сторона побѣждающая столь же мало бываетъ способна отнестись справедливо къ противнику, а иногда и правильно оцѣнить собственное дѣло. Взаимное уразумѣніе бываетъ возможно вообще только тогда, когда пройдетъ первая горячка раздора, когда спокойная мысль въ состояніи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; и такой мысли, конечно, слѣдуетъ раньше вступить въ свои права на той сторонѣ, которая не испытала горькаго чувства утратъ и пораженія. Наблюденіе историческаго процесса съ одной стороны можетъ объяснить историческіе корни современнаго явленія, съ другой, можетъ открыть явленія иного порядка, столь же оригинальныя и важныя, которыя требуютъ себѣ мѣста въ политической и соціальной жизни; въ результатѣ для разумныхъ руководителей общественнаго мнѣнія могло бы явиться стремленіе къ безпристрастному урав-

новѣшеніи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право.

Мы коснулись этого общаго вопроса потому, что его отраженіе встрѣчаемъ и на польско-украинскихъ литературно-этнографическихъ отношеніяхъ—въ исторіи галицко-русскаго возрожденія, въ польской украинской литературной школѣ и наконецъ въ новѣйшихъ явленіяхъ общественныхъ и литературныхъ. Въ настоящемъ случаѣ не мѣсто излагать эти отношенія въ цѣломъ ихъ объемѣ; съ другой стороны, эта область литературной и общественной исторіи очень мало разработана въ нашей литературѣ, — поэтому мы коснемся ея въ формѣ нѣсколькихъ эпизодовъ.

Выше (гл. IV), по поводу польско-русскихъ этнографическихъ сборниковъ мы упоминали о галицко-русскомъ возрожденіи, и считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ нѣкоторымъ подробностямъ. Возрожденіе пробудило племенное чувство, напомнило и привело въ дѣйствіе старыя историческія отношенія, и открыло путь этнографическому интересу и изслѣдованію.

Въ процессахъ подобнаго рода любопытно наблюдать именно непосредственные мотивы движенія. Къ сожалѣнію, достаточно подробныхъ разсказовъ не осталось, а одинъ изъ участниковъ движенія, наиболѣе о немъ писавшій, Головацкій говорилъ о немъ уже въ поздніе годы, когда измѣнились его взгляды на сущность и цѣли движенія. Въ такихъ условіяхъ разсказъ неизбѣжно теряетъ точность: сознательно или безсознательно, такой историкъ измѣняетъ окраску прошедшаго, подставляетъ прошедшему свои позднѣйшіе взгляды — даже при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, а тѣмъ болѣе при неискреннемъ [1]). Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія галицко-русскій литературный міръ раздѣлился на двѣ новыя стороны: одни, какъ ихъ иногда называютъ, „молодшіе“ русины, считаютъ свой народъ *южно-русскимъ*, каковъ онъ и есть, и стремятся къ развитію литературы на собственномъ языкѣ Галицкой Руси въ связи съ нашей литературой малорусской; другіе, „старшіе“ или „твердые“, нѣкогда державшіеся того же взгляда, потомъ стали думать, что галичанамъ

[1]) Къ тому, что указано было выше (стр. 134), отмѣтимъ еще: „Руска Библіотека“, Онишкевича, Львовъ, 1884, т. III (сочиненія Шашкевича, Вагилевича, Головацкаго. съ историко-литературнымъ введеніемъ В. Коцовскаго); „Литературный Сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею“, подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1885; вып. 1—3, и разборъ этого изданія въ львовской „Зорѣ“, 1885, № 11 и слѣд.: „Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси“, Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1881; его же, жизнеописаніе М. Качковскаго, и проч.; ср. Szujski, Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882; „Історія литератури рускои“, О. Огоновскаго. Львовъ, 1887 — 89, и объ ней „Вѣстн. Европы“, 1890, сентябрь, и „Archiv für slavische Philologie“, 1890, т. XIII, и проч.

должно стремиться къ слiянiю съ литературой *обще-русской*, которая однако понимается не въ ея высшихъ поэтическихъ созданiяхъ и не въ ея стремленiяхъ истинно народолюбивыхъ, а только съ ея консервативной, обрусительной, славяно-благотворительной стороны. Изъ этого основного разнорѣчiя происходило и происходитъ въ галицкой литературѣ много запутанныхъ столкновенiй и вражды, въ которыхъ не легко разобраться русскому читателю, не знакомому съ подробностями мѣстныхъ отношенiй. На обѣихъ сторонахъ есть люди убѣжденные, и одинаково преувеличивающiе; но къ сожалѣнiю та сторона, которая могла бы быть намъ сочувственна по „обще-русскимъ" стремленiямъ, всего чаще производитъ отталкивающее впечатлѣнiе какъ упомянутымъ пониманiемъ „обще-русскаго", такъ и личными дѣянiями нѣкоторыхъ ея послѣдователей.

Головацкiй разсказываетъ о событiяхъ тридцатыхъ годовъ именно съ своей точки зрѣнiя 1860 — 80-хъ годовъ. Въ качествѣ приверженца „обще-русской" партiи, онъ является обыкновенно яростнымъ врагомъ „полонизма": гдѣ только является полякъ, это всегда дѣятель интриги. Въ такомъ родѣ составленъ разсказъ его о Вагилевичѣ, который былъ однимъ изъ ревностныхъ начинателей галицко-русскаго возрожденiя и другомъ Головацкаго: бiографiя должна служить поученiемъ, такъ какъ Вагилевичъ дружилъ съ поляками и сталъ также жертвою своего довѣрiя къ „польской лести и чести". Въ чемъ была настоящая правда, разобрать не легко. Свое понятiе о польскихъ затѣяхъ („интригѣ") Головацкiй распространялъ на всякiя отношенiя галицко-русской жизни и литературы съ польскими; вопросы чисто литературные становятся почвой интриги; поляки внушаютъ галицко-русскимъ писателямъ, чтобы они приняли латинскую азбуку или даже бросили южно-русскiй языкъ для польскаго и т. д.; если польскiй писатель интересуется южно-русской этнографiей, то онъ крадетъ собранныя русскими пѣсни или „выманиваетъ" у нихъ пѣсни (точно у глупыхъ ребятъ), и продаетъ въ свою пользу. Выходитъ такъ, какъ будто въ ту пору, въ 1830-хъ годахъ, и после не происходило ничего, кромѣ постоянныхъ козней со стороны поляковъ, а галицко-русскiе патрiоты, которые въ чемъ-нибудь слушали поляковъ, являются въ видѣ неопытныхъ и угнетенныхъ младенцевъ или же измѣнниковъ.

Записки Головацкаго (въ „Литературномъ Сборникѣ") начинаются со вступленiя его въ тогдашнюю высшую школу во Львовѣ и съ знакомства съ Маркiаномъ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ. Они всѣ тѣсно сдружились и выдѣлились въ средѣ товарищей, какъ „русская троица", своимъ интересомъ къ народности. Изученiе русской старины, исторiи и языка давалось трудно за отсутствiемъ руковод

за недостаткомъ книгъ; друзья дѣлились своими знаніями и стремленіями, и мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ первымъ результатомъ ихъ общей работы была изданная съ большими препятствіями „Русалка Днѣстровая" (1837)—первая книга, съ которой считается возрожденіе галицко-русской литературы въ *народномъ* направленіи.

Гдѣ же былъ источникъ движенія, какъ оно совершалось, какія ставило цѣли? Мы узнаёмъ, что въ молодомъ кружкѣ шла оживленная дѣтельность: „въ семинаріи,—разсказываетъ Головацкій,—начались *толки* о русскомъ народѣ, о его просвѣщеніи посредствомъ *народнаго* языка... Всякій понималъ то дѣло *по своему*, но движеніе между молодымъ поколѣніемъ было сильно". Нынѣшніе „младшіе" критики недовольны неопредѣленностью разсказа, гдѣ не выяснены важные вопросы, которые представятся сами собой: откуда бралось, напр., у товарищей это „пониманіе дѣла по *своему*" и въ чемъ заключалось? Объ этомъ есть отрывочныя подробности, но нѣтъ ничего цѣльнаго о развитіи мыслей тогдашнихъ патріотовъ и средѣ, въ которой они жили. Имъ попались въ руки,—разсказываетъ авторъ,—сборники пѣсенъ, „Енеида" Котляревскаго и т. п.; но откуда они узнали о самомъ ихъ существованіи и чтó извлекли изъ нихъ? „Мы,—говоритъ Головацкій,—постоянно встрѣчаясь дома, въ аудиторіяхъ, на прогулкахъ всегда, когда мы втроемъ говорили, толковали, спорили, читали, критиковали, разсуждали о литературѣ, народности, исторіи, политикѣ и пр. и почти всегда мы говорили по-русски". Авторъ жалуется, что онъ не имѣлъ руководителей; между тѣмъ, онъ и его товарищи, кажется, рано начинаютъ понимать, чего хотятъ. Шашкевичъ (повидимому, самая характерная личность всего кружка) описывается какъ человѣкъ живой, талантливый, страстный и, вѣроятно, искавшій ясныхъ рѣшеній; другой членъ кружка, Вагилевичъ, также человѣкъ живой, способный къ крайнимъ увлеченіямъ и, безъ сомнѣнія, также задававшій себѣ вопросы о принципахъ. Авторъ „Воспоминаній" ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ ихъ кружокъ къ тогдашнему старшему поколѣнію, въ которомъ были, однако, люди, вообще извѣстные за патріотовъ—въ чемъ состоялъ ихъ патріотизмъ? Упоминая о впечатлѣніи, какое произвелъ на нихъ сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣскаго, авторъ какъ будто не знаетъ, что Залѣскій (какъ теперь извѣстно) за пѣснями южно-русскими обращался именно къ питомцамъ русской семинаріи, и одинъ изъ „троицы", пріятель Шашкевичъ, былъ сотрудникомъ польскаго этнографа, который былъ энтузіастомъ народной поэзіи и даже южно-русской больше, чѣмъ польской.

Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ" разсказывается не мало подробностей о броженіи въ польскомъ обществѣ передъ 1830 годомъ и послѣ,

когда печальный конецъ возстанія не прекратилъ возбужденія умовъ и въ польскихъ кругахъ строились планы новыхъ предпріятій. Польскіе заговорщики старались привлекать и галицко-русскую молодежь къ своимъ планамъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ не остались безучастны къ этому политическому возбужденію,—хотя въ „Воспоминаніяхъ“ опять не договаривается, почему русскіе галичане слушали поляковъ. Самъ авторъ „Воспоминаній“ изображаетъ себя противникомъ польскихъ „затѣй“, но его друзья, повидимому, не уклонялись отъ польскаго общества, а Вагилевичъ впослѣдствіи и совсѣмъ перешелъ на польскую сторону, по словамъ Головацкаго. „Я,—говоритъ онъ,—неохотно поддавался такимъ внушеніямъ и не вѣрилъ польскимъ мечтателямъ, но думалъ про себя: пусть они затѣваютъ рухавки; они свое, а мы свое—мы будемъ *просвѣщати* народъ и поддерживати русскую народность“; но въ другомъ мѣстѣ онъ осуждаетъ Вагилевича, который однажды, оставивши экзамены, отправился „просвѣщать“ народъ (онъ былъ тогда арестованъ и отправленъ къ отцу на попеченіе). Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ“ разсказывается, опять отрывочно, о спорѣ по поводу того, какая азбука — русская или латинская—должна быть принята для вновь возникавшей литературы. Мы упоминали, что въ средѣ самихъ русскихъ галичанъ защитникомъ латинской азбуки былъ тогда Іосифъ Лозинскій. Противъ него выступили Шашкевичъ и І. Левицкій. „То былъ вопросъ о существованіи,—пишетъ Головацкій:—быть или не быть русинамъ въ Галиціи; прійми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло—пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русскій духъ и изъ Галицкой Руси сдѣлалась бы вторая Холмщина“. Вопросъ былъ, конечно, важенъ: народное употребленіе русской азбуки поддерживало бы связь галичанъ съ книжной русской стариной, а также съ русской и малорусской книжностью современной,—но какъ русскій духъ не улетучился раньше, когда латинская азбука (дальше это увидимъ) давно бывала употребляема для русскаго языка?... Повидимому, вопросъ не былъ такъ ясенъ для тогдашнихъ патріотовъ: въ самомъ дѣлѣ, мы читаемъ, что епископъ Снѣгурскій, большой русскій патріотъ тѣхъ временъ, „наградилъ“ І. Левицкаго за защиту русской азбуки противъ Лозинскаго, но самъ Лозинскій говоритъ, что выступилъ съ своимъ предложеніемъ о латинской азбукѣ *съ вѣдома* того же Снѣгурскаго [1].

Новѣйшие галицкие приверженцы „обще-русскаго“ единства дош… до того, что завѣты своихъ соотечественниковъ о народномъ южно… русскомъ языкѣ начали объявлять польскою интригой, ищущей внес…

[1]) Автобіографія Лозинскаго „Литер. Сборникъ“, вып. II—III, стр. 117.

раздѣленіе въ это, хотя пока не существующее, но предполагаемое единство. Они сошлись въ этомъ съ нашими гонителями украинофильства (или подлаживались къ нимъ), но, желая писать на „обще-русскомъ" языкѣ, обыкновенно знаютъ его плохо и употребляютъ его въ уродливомъ видѣ...

Подобныхъ мнѣній держится и другой ветеранъ галицкой литературы, Николай Устіановичъ (отрывокъ его автобіографіи въ „Литературномъ Сборникѣ" Дѣдицкаго). Его юность проходила въ пору самой сильной и „безропотной" полонизаціи его родины; полонизмъ охватывалъ галицкую жизнь такъ, что самъ онъ „чуть-чуть не заплылъ подъ знамена Хлопицкаго" въ 1830 году; но польское возстаніе „отворило ему очи" и онъ сталъ приверженцемъ своей русской народности. Онъ былъ другомъ Маркіана Шашкевича и, по смерти его (1843), хотѣлъ помянуть его стихотвореніемъ, но въ тѣ годы притѣсненій [1]) не рѣшился написать его по-русски и написалъ по-польски,—и въ этомъ видѣ, однако, редакторъ польской газеты во Львовѣ побоялся напечатать пьесу, такъ какъ въ ней говорилось о возрожденіи галицко-русской народности. Только въ 1848, авторъ нашелъ возможнымъ пустить въ свѣтъ свое воспоминаніе о Шашкевичѣ. „Я перевелъ мой стихъ, посвященный памяти Маркіана, на галицко-русское нарѣчіе и, чтобы теплымъ вѣтеркомъ жалостныхъ воспоминаній разогрѣти сочувствіе и въ тѣхъ многихъ лицахъ изъ мірской русской интеллигенціи, которые уже слишкомъ позабыли языкъ русскій и даже *русской* буквы *не знали*, постарался я напечатати текстъ *польскій* вмѣстѣ *съ русскимъ*". По словамъ автора, эта пьеса имѣла даже „самое большое вліяніе на проснувшуюся народную жизнь галицко-русской братіи". Итакъ, „русской буквы не знали".

„Признаюсь, — продолжаетъ Устіановичъ на „обще-русскомъ" языкѣ,—что я никогда не имѣлъ большого упованія въ мои духовныя силы и лякался (боялся) самаго подозрѣнія хвастунства... и не имѣя ни случайности, ни средствъ изъучити языкъ обще-литературный русскій, я былъ приклонникомъ дуализма и отстоивалъ нарѣчіе галицкое, надѣясь, что оно сліется съ говоромъ украинскимъ и очистится вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пестроты, нанесенной сосѣднимъ языкомъ польскимъ. Но заглянувши въ продолженіи времени въ литературу велико-русскую и роспознавши основнѣе галицкое нарѣчіе, я убѣдился, что языкъ грамотный велико-руссовъ есть зданіемъ согубымъ воздвигненнымъ, однако, на подвалинахъ южно-русскихъ, что къ тому письменность великоросса а (и) его говоръ не есть одно и то

---

[1]) Это были притѣсненія *австрійской полиціи*, которая очень присматривала за галичанами.

же, ибо онъ пишетъ по нашему, а выговариваетъ по своему ла такъ якъ ее дѣлаютъ нѣмцы, итальяне, французы, у которыхъ е большая находится розница въ нарѣчіяхъ; и что въ конецъ, въ п долженіи развитія галицкого простолюдинного говора по строгимъ п виламъ языкословія, послѣдуетъ безсомнѣнно то, о чемъ предвоз щалъ А. С. Петрушевичъ на соборѣ интеллигенціи галицко-русс: 1848 года: „Пускай Россіяне начали отъ головы, а мы начнемъ ногъ (?), то мы скорѣе или медленнѣе стрѣтимъ другъ друга и с демся въ сердцу".

„Въ г. 1862 я удостоился избранія въ послы до краевого гал кого Сойма изъ выборного округа Стрыйского. На одномъ полн засѣданія, трактующемъ объ офиціальномъ языцѣ для Галиціи и К кова, озвался среди горячихъ преній одинъ изъ пословъ, если ошибаюсь, Лешко Борковскій, до палаты тѣми памятными слова Świat zna tylko Polskę i Moskwą. Rusi nie ma! Jacyś Rutencz istnieli tylko u mózgu Stadiona. И онъ отъ части правъ. Его сл не одному изъ насъ издерли полуду изъ очей. Но суть на диво л ности, которыи волѣютъ остатись слѣпыми" [1])...

Авторъ забылъ только, что разница двухъ отраслей русскаго яз вовсе не въ одномъ *выговорѣ*, а также въ цѣломъ историческ складѣ и содержаніи литературы, и что пока совершится соедин „въ сердцѣ", галицкій народъ, внѣ литературы на родномъ язы на дѣлѣ не зная нашего русскаго книжнаго языка и далекій отъ держанія русской литературы [2]), останется безъ средствъ просвѣ нія и будетъ только доставлять по-прежнему матеріалъ для онѣ ченія и ополяченія. Дѣйствительное единство въ „обще-русской" тературѣ можетъ быть достигнуто лишь черезъ предварительное п нятіе народнаго сознанія ближайшими средствами родного язы Авторъ (какъ и всѣ его единомышленники) не хочетъ понять, старое восклицаніе: „nie ma Rusi", отрицаетъ существованіе Гал кой Руси именно въ *данную минуту*, когда „обще-русскаго ед ства" пока нѣтъ и далеко еще не предвидится, и когда прот этого отрицанія надо бороться теперь же *наличными*, насущн средствами, что только усиленными заботами о просвѣщеніи нар

---

[1]) „Литер. Сборникъ", I, 45—46.

[2]) Галичане, придерживающіеся „обще-русскаго" литературнаго единства, сихъ поръ пишутъ очень плохимъ, мѣшанымъ и ломанымъ русскимъ языкомъ (и можетъ видѣть читатель и изъ приводимыхъ выписокъ, — а эти авторы еще лу у галичанъ знатоки русскаго языка), а русская литература, въ ея лучшихъ п ставителяхъ, съ ея живѣйшими интересами, можно сказать, имъ совершенно чуж частію по своимъ понятіямъ недоступна, частію, какъ отраженіе чужой, не дово извѣстной общественной и политической жизни, не любопытна и индифферентн

(пока только на языкѣ, ему понятномъ) можно поддержать его нравственныя и умственныя силы для защиты его политическаго права и для страшной борьбы новѣйшаго времени—борьбы экономической. Объясненія особенной силы польскаго элемента въ Галиціи, а вмѣстѣ и интереса польскихъ этнографовъ къ южно-русской народности, надо искать въ историческихъ отношеніяхъ старой галицко-русской земли и нынѣшней австрійской Галиціи.

Галицкая Русь связана съ польскимъ элементомъ почти съ самаго начала своей исторіи. Это былъ крайній западный пунктъ русской земли и народа, и достаточно припомнить событія исторіи Галича съ самыхъ первыхъ вѣковъ, чтобы встрѣтиться съ фактами военныхъ столкновеній съ Польшею и вліянія Польши на самое политическое и общественное ея устройство. Историки давно отмѣтили особенности въ отношеніяхъ князей и боярства въ Галицкой Руси, гдѣ можно было видѣть воздѣйствіе польскаго обычая; боярство давно пріобрѣло здѣсь значеніе, какого никогда не имѣло въ Руси восточной. Разгромъ татарскій уже значительно уединилъ Галицкую Русь отъ остальныхъ русскихъ земель, а присоединеніе ея къ Польшѣ въ половинѣ XIV столѣтія окончательно связало эту русскую землю съ польскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ и донынѣ она осталась оторванной отъ русскаго цѣлаго, которое тѣмъ временемъ пережило собственную исторію, создало государство, выработало формы политическаго и общественнаго быта и особенныя черты своей народности. По своимъ связямъ съ Польшею, Русь Галицкая не была однородна даже съ днѣпровскою Русью Кіева, Подоли и Волыни, не говоря о южной Руси лѣваго берега Днѣпра. Эти послѣднія бывали все-таки ближе къ восточной Россіи, меньше были охвачены тѣснѣйшимъ польскимъ сосѣдствомъ; польское вліяніе наступало позднѣе и уже вскорѣ стало встрѣчаться съ народнымъ отпоромъ въ казацкихъ возстаніяхъ: волна политической и религіозной борьбы, совершавшейся на Днѣпрѣ, доходила и до Галицкой Руси, но доходила ослабѣвшею и встрѣчалась съ давно уже утвердившимися польскими элементами. Центръ тяжести народнаго южно-русскаго волненія лежалъ восточнѣе Галича; съ половины XVII вѣка лѣво-бережная Украйна соединяется окончательно съ Москвою; въ XVIII вѣкѣ присоединяется къ русской имперіи и юго-западный край почти по его нынѣшнюю границу. При раздѣлахъ Польши одна галицко-русская земля осталась все-таки неприсоединенною къ Россіи въ ряду „бывшихъ русскихъ земель“: ея принадлежность къ нимъ была какъ-будто забыта. Итакъ, въ теченіе своей исторіи, русская Галиція больше всѣхъ юго-западныхъ русскихъ земель была открыта вліяніямъ польскаго государственнаго строя, католичества, быта и нравовъ, образованія и языка. Всѣ тѣ

явленія полонизаціи, которыя совершались въ княжествѣ русско-литовскомъ по соединеніи съ Польшей, послѣ уній люблинской и особливо брестской, въ Галицкой Руси были тѣмъ сильнѣе. Если въ Руси литовской и кіевской въ XVI — XVII вѣкахъ сохранялось еще русское православное вельможество, не говоря о среднемъ классѣ и народѣ, то здѣсь высшій классъ давно сдѣлался польскимъ; въ XVI—XVII вѣкахъ Львовъ обнаружилъ еще разъ ревностную дѣятельность въ защитѣ православнаго преданія; но съ начала XVIII вѣка унія окончательно возобладала, и въ то время, какъ православная Русь западная и кіевская возвратились къ церковному единенію съ Москвой, а въ нынѣшнемъ столѣтіи унія совершенно пала, галицкая земля и въ церковномъ отношеніи оторвалась совсѣмъ отъ Россіи. Со времени присоединенія къ Австріи, Галицкая Русь стала окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ, безъ всякихъ связей, ни церковныхъ, ни книжныхъ, ни бытовыхъ, съ русскимъ цѣлымъ [1]).

Эти историческія обстоятельства имѣли два рода послѣдствій.

Во-первыхъ. Преданіе русской исторической жизни было сильно надломлено. Современные галичане, дѣлая построенія своей исторіи политической, народно-бытовой, литературной, связываютъ ее съ древнимъ Кіевомъ (что̀ справедливо), съ средними вѣками южно-русской жизни (что̀ менѣе справедливо) и, наконецъ, относительно литературы, связываютъ ее, одни—съ развитіемъ южно-русской книжности съ XVIII вѣка и до Шевченка и новѣйшихъ нашихъ малорусскихъ писателей включительно, другіе—съ литературой обще-русской послѣ-Петровской (что̀ справедливо еще менѣе). Правда, племя было одно, но даже это южно-русское племя было такъ раздѣлено, что одна часть не знала, что̀ творится въ другой, и если галицкіе писатели хотятъ возстановить теперь историческую нить своей племенной жизни, то они вообще могутъ сдѣлать это только книжнымъ искусственнымъ образомъ; если южная Русь, съ половины XVII вѣка соединившаяся съ русскимъ цѣлымъ, затеряла многое изъ стараго бытового и книжнаго преданія, что̀ сохранилось только на сѣверѣ, то Русь галицкая затеряла еще больше. Возьмемъ примѣръ. Въ рядъ памятниковъ *своей* старины галицкіе историки засчитываютъ древнюю лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и т. п., вообще всѣ памятники кіевскаго періода, но прямая и *непрерывная* [2]) традиція этихъ на-

---

[1]) О Руси венгерской не говоримъ: это — особый уголокъ, издавна ведущій отдѣльную, и тяжелую, историческую жизнь въ рукахъ Венгріи.

[2]) Напр. лѣтопись Нестора переписывалась на сѣверѣ *безъ перерыва* съ XII-го вѣка и до конца XVII-го, когда она вошла въ Никоновскій лѣтописный сборникъ (и другіе подобные), а изъ нихъ ея содержаніе прямо перешло въ первые опыты научной исторіи съ начала XVIII вѣка и до настоящей минуты. Такимъ же образомъ не прерывалась литература церковная, житія, поученія и пр.

чатковъ русской письменности развилась только на сѣверѣ; эта старина сбереглась почти исключительно лишь въ сѣверныхъ рукописяхъ, и только на сѣверѣ—худо ли, хорошо ли—она служила основой дальнѣйшаго книжнаго движенія. Въ самой Галицкой Руси эти памятники, если были нѣкогда извѣстны, не оставили никакого книжнаго слѣда и памяти, или только крайне слабые, и новѣйшіе галицкіе историки, реставрируя свою старину, получаютъ ее, собственно говоря, отъ московской Россіи, черезъ посредство новѣйшей русской науки—исторіи и археологіи; галицко-русскіе ученые—кромѣ Головацкаго, не бывавшіе въ Россіи и не знающіе русскихъ библіотекъ—и не видали никогда этихъ древнѣйшихъ памятниковъ *своей* старины. Точно также галицкой литературѣ не принадлежали произведенія той нашей литературы малорусской, которая развилась уже въ періодѣ раздѣленія западнаго и восточнаго края южной Руси, въ сосѣдствѣ жизни и образованности обще-русской. Начиная съ Котляревскаго и даже ранѣе, условія нашей малорусской литературы были уже иныя, чѣмъ условія книжности галицко-русской, и произведенія малорусскія усвоиваются галичанами опять съ извѣстной долей искусственности: общими остаются племя, языкъ, бытовое преданіе, насколько сохранилась его общность въ двухъ варіантахъ народа, но чуждымъ все то, что въ нашей малорусской литературѣ бывало отраженіемъ русскаго быта и нравовъ, и новѣйшихъ понятій литературныхъ.—Нечего говорить, что притязанія такъ называемыхъ „старшихъ“ русиновъ на единство „обще-русское“ еще болѣе искусственны, или просто нелѣпы,—когда въ языкѣ они, полагая себя обще-русскими, теперь еще пишутъ стилемъ Сумарокова и Ломоносова, а въ содержаніи никакъ не стоятъ на дѣйствительномъ уровнѣ нашей литературы. Положеніе „младшихъ“ галичанъ гораздо естественнѣе: стараясь служить непосредственно своему народу, говорить его языкомъ, они гораздо болѣе послѣдовательно примыкаютъ къ нашему южно-русскому движенію и могутъ справедливѣе дѣлить его новѣйшія литературныя и образовательныя стремленія. Въ настоящихъ условіяхъ, это и есть единственный логическій путь литературы, желающей служить народному интересу [1]).

Правда, какъ мы замѣтили, въ галицко-русской народности, ея обычаѣ, преданіи, народной поэзіи сберегся тотъ же основной типъ, тотъ же языкъ, множество общаго въ преданіяхъ, бытовомъ обычаѣ

---

[1]) Такъ говорилъ я при первомъ напечатаніи этой главы въ 1886 г. Тотъ же самый взглядъ мною изложенъ подробнѣе въ статьѣ по поводу книги г. Огоновскаго („Особая исторія русской литературы“, въ В. Евр. 1890 г., сентябрь), вызвавшей возраженія въ галицкой „Зорѣ“, 1890 г., № 21, въ газетѣ „Дѣло“ и пр., возраженія, для меня, однако, не убѣдительныя.

и т. д. (хотя и съ значительными отличіями, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не выясненными): въ изученіи и реставраціи этого народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи,—но это пока только одна почва, одно основаніе, на которомъ приходилось строить и которое одно (какъ и было доселѣ) еще не давало единенія и не мѣшало господству надъ жизнью чужихъ элементовъ. Дѣйствительное единеніе и солидарность національной жизни — съ южно-русскою ли, или обще-русской — могутъ быть осуществлены только органическимъ сближеніемъ съ той или другой въ высшихъ интересахъ общественнаго развитія, а не въ узкихъ предѣлахъ одного преданія, сохраняемаго одною инерціею народной памяти; безъ этого не помогутъ ни мнимо-научные софизмы, ни политиканскія натяжки. Какъ бы ни складывались въ настоящую минуту стремленія галицкихъ партій, въ болѣе тѣсномъ или болѣе широкомъ этнографическомъ смыслѣ, единеніе возможно только съ однимъ условіемъ—если эти стремленія воспримутъ то содержаніе, какое выработано лучшими умами и дарованіями русской литературы и науки, и встрѣтятся съ взаимнымъ интересомъ съ нашей стороны... Этого пока еще нѣтъ въ должной степени ни съ той, ни съ другой стороны... О политическихъ возможностяхъ—не говоримъ: это вопросъ темный.

Во-вторыхъ. Издавна, вѣроятно, еще задолго до присоединенія галицкаго княжества къ Польшѣ, началось здѣсь распространеніе полонизма. Прежде всего, онъ сталъ охватывать высшее сословіе и городское населеніе: на массу народную мало обращали вниманія, и народъ, предоставленный самому себѣ или, вѣрнѣе, пренебрегаемый и считаемый только за одну рабочую силу, только поэтому могъ сохранить свой племенной характеръ и старый обычай. Преобладаніе одной народности надъ другою, господство одной, подчиненіе или совершенное уничтоженіе другой совершаются при разныхъ условіяхъ или при совокупномъ дѣйствіи многихъ условій: численное превосходство, прямое насиліе, превосходство культурное; когда присоединяется къ тому различіе церковное, оно дѣйствуетъ или превосходствомъ содержанія одной религіи надъ другой, или фанатической нетерпимостью. Болѣе или менѣе извѣстно, какъ эти условія поставлены были въ сѣверо-западной Руси и въ Галиціи. Если возобладаніе полонизма было сильно въ сѣверо-западномъ краѣ, обширномъ, непосредственно примыкавшемъ къ цѣлой массѣ русскаго племени, то шансы для распространенія польскаго элемента были еще больше въ Руси Галицкой, которая была послѣднимъ краемъ русскаго племени, притомъ гораздо раньше и безусловно вошла въ составъ польскаго государства. И здѣсь, однако, вліяла не многочисленность го-

сподствующаго политически народа, такъ какъ масса населенія, остававшагося на мѣстѣ, съ тѣхъ поръ и донынѣ была русская, — а извѣстное превосходство въ культурномъ отношеніи. Говорятъ обыкновенно, что высшіе классы западной Руси „измѣнили" своему народу, т.-е. измѣнили въ смыслѣ формальнаго предательства; но когда такая измѣна совершается поголовно, она предполагаетъ не одну только нравственную порчу (которая впрочемъ также была бы характерна), а и нѣчто другое. Это нѣчто несомнѣнно было упомянутое превосходство польскаго быта надъ русскимъ въ отношеніи культуры и образованія. Мы не хотимъ сказать, чтобы Польша сама совершала здѣсь что-либо самобытное (извѣстно напротивъ, что сюда издавна двигался чужой, именно нѣмецкій, трудовой элементъ и промыселъ еврейскій), но за Польшей стояла культура западно-европейская и польская образованность достигла замѣчательной высоты. Такимъ образомъ, въ этихъ польско-русскихъ отношеніяхъ происходила встрѣча болѣе простой русской жизни съ отголосками болѣе развитой жизни и культуры западно-европейской. Народъ не считался, — но въ тѣ времена онъ и нигдѣ не считался, и отдѣлиться отъ него по языку, обычаю, наконецъ, даже и по религіи не было большой трудностью: съ точки зрѣнія аристократической, или барской, тогда это дѣлалось также легко, какъ и въ новѣйшее время наше барство офранцуживалось, поощряемое къ тому малымъ развитіемъ науки и литературы на отечественномъ языкѣ и грубостью домашнихъ нравовъ, и ни мало не смущаясь удаленіемъ отъ языка и обычая своихъ крѣпостныхъ. Вина такой легкости „измѣны" лежитъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на учрежденіяхъ, которыя народнымъ рабствомъ подавляли народное достоинство, и на слабости просвѣщенія, изъ котораго притомъ народъ былъ исключаемъ... Позднѣе фанатическая пропаганда католицизма, вмѣстѣ съ насиліемъ соціальнымъ, вызвали отпоръ, и пробужденіе національнаго чувства кончилось козацкими войнами; но на галицкомъ западѣ движеніе было все-таки слабѣе, и когда здѣсь установилась унія, то полонизація пошла еще успѣшнѣе.

При раздѣлѣ Польши, Галиція отдана была Австріи какъ польская земля, но австрійское правительство замѣтило ея русскіе элементы; во время Іосифа II австрійское правительство сдѣлало нѣчто для русскаго образованія, давая въ школѣ, даже высшей, мѣсто русскому языку. но потомъ сочло болѣе для себя полезнымъ не поощрять русской народности подъ бокомъ у русскаго государства. При Меттернихѣ господствовала знаменитая система полицейскаго деспотизма, которая не терпѣла проявленій самобытности ни общественной, ни національной, и когда не было жизни политической, подозрѣвала и преслѣдовала кабинетныхъ ученыхъ. „Днѣстровая Ру-

салка"—небольшая невинная книжка, какихъ выходятъ сотни въ удовольствіе этнографовъ и безъ всякой опасности для существующаго порядка — въ тогдашнихъ условіяхъ стала событіемъ, которое встревожило полицію. Случай былъ необычный: заявляла о своемъ существованіи какая-то народность, считавшаяся погребенною [1]. Когда бывало нужно, австрійское правительство умѣло, однако, вспоминать о существованіи русской народности въ Галиціи и выдвигать ее противъ поляковъ. Въ 1847, говорили поэтому, что Стадіонъ (губернаторъ Галиціи) „выдумалъ русиновъ"—для этой цѣли; но, какъ видно, между прочимъ, и изъ напечатанныхъ теперь воспоминаній старыхъ галицко-русскихъ писателей, русины и въ 30-хъ годахъ были очень хорошо извѣстны австрійской полиціи [2]...

Какъ бы то ни было, однако, поляки оставались господствующимъ племенемъ въ Галиціи. Старая привычка господства, долгое молчаніе галицко-русской народности, поощренія самой власти, давно внушали полякамъ представленіе, что этой народности и въ самомъ дѣлѣ нечего считать: на покорныхъ хлоповъ, на безсильныхъ мѣщанъ, на приниженное уніатское духовенство можно было не обращать вниманія или, по крайней мѣрѣ, можно было назвать ихъ народность лишь оттѣнкомъ польской. Въ пору пробужденія славянскихъ сочувствій, интересъ къ народу возросъ; нѣсколько мистическій народный романтизмъ влекъ за собой и болѣе высокое нравственное представленіе о народѣ и, частію, лучшее отношеніе къ нему въ реальной жизни; но понятіе о подчиненности галицко-русскаго племени не измѣнилось. Даже въ средѣ людей просвѣщенныхъ галицко-русская народность не получала своего права: многовѣковая принадлежность этого народа къ польскому государству, бытовое и образовательное подчиненіе польскому авторитету, дѣлали естественной мысль, что русинамъ и слѣдуетъ остаться въ этомъ польскомъ общеніи; они сочтены были только вѣтвію польскаго племени. Мы приводили выше мысли Вацлава Залѣскаго, который питалъ, однако, живѣйшій этнографическій интересъ къ русской народности и своимъ сборникомъ оказалъ галицкому возрожденію несомнѣнную услугу.

„Твердые" галичане указываютъ въ подобныхъ польскихъ взглядахъ только одну злостную интригу. Но изъ ихъ собственныхъ воспоминаній можно видѣть, что въ тогдашнемъ положеніи вещей эти взгляды могли возникать внѣ всякаго зложелательства.

---

[1] Директоръ полиціи, Найманъ, говорилъ по поводу этой книжки: „Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken". Литер. Сборникъ, I, 37.

[2] Ср. указанную статью Коцовскаго въ галицкой „Зорѣ", 1885.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ [1]) Головацкій даетъ любопытную бытовую картинку галицко-русской жизни въ началѣ столѣтія—нравовъ сельскаго духовенства, занимавшаго середину между ополяченнымъ панствомъ и русскимъ селяниномъ, имѣвшаго извѣстную долю образованія и долю русской народности (изъ этой среды сельскаго духовенства и вышли потомъ, почти безъ исключенія, главные дѣятели галицкаго возрожденія). Народная жизнь, съ уцѣлѣвшимъ языкомъ и преданіемъ, забывавшимися въ другихъ слояхъ, была рядомъ; но священникъ былъ все-таки человѣкъ другого положенія, онъ водился съ панами и ихъ управляющими, былъ самъ на-половину панъ и полякъ, и только на-половину—русскій. Образованіе, обычаи общежитія, поприще и языкъ общественной дѣятельности были польскіе и это невольно затягивало русскихъ въ полонизмъ. Головацкій происходилъ именно изъ семьи сельскаго священника и прожилъ дѣтство въ деревнѣ, гдѣ и получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни и узналъ народный языкъ. Его мать была также дочь священника, но воспиталась въ шляхетскомъ домѣ; отецъ съ матерью говорили обыкновенно *по-польски*, но съ дѣтьми говорили всегда по-русски. У самихъ ляховъ той мѣстности (приказчиковъ и прислуги графа-помѣщика) дѣти тоже говорили по-русски, вѣроатно, подъ вліяніемъ обстановки, т.-е. русскаго сельскаго населенія. Отецъ любилъ разсказывать про Россію, про французскую войну, про русскія войска, проходившія черезъ Галицію, и русскихъ генераловъ, управлявшихъ Галиціей въ 1809 году. Въ дѣтствѣ автору „Воспоминаній" случалось бывать въ гостяхъ, гдѣ собиралось большое общество, польское и русское; тамъ, бывало, пѣли хоромъ пѣсни польскія и русскія (кажется, и книжныя, и народныя). „Въ то время и поляки говорили иногда по-русски и не чуждались пѣти русскія пѣсни, даже московскія"... Отецъ отправлялъ службы въ уніатской церкви, а иногда и въ костелѣ; въ своей приходской церкви онъ читалъ проповѣди изъ почаевскихъ „Патріархальныхъ (читай: Парохіальныхъ) наукъ" 1749 г., или „изъ тетрадокъ, писанныхъ *польскими буквами*". „Въ то время почти никто изъ священниковъ *не зналъ русской скорописи*. Когда же отецъ служилъ въ Пенякахъ, и въ церкви бывала графиня (помѣщица) съ дворскими паннами, или кто-нибудь изъ подпанковъ, то отецъ говорилъ *проповѣдь по-польски*". Мать автора „Воспоминаній", женщина благочестивая, „читала изъ Почаевскаго молитвослова, *напечатаннаго польскими буквами и съ польскимъ переводомъ*, акаѳисты и молебны".

Отецъ училъ автора „по печатному букварю церковно-славянской

[1]) Литер. Сборникъ Дѣдицкаго, II—III, стр. 121 и слѣд.

[illegible] читати *по-русски;* но писати я по-русски не [illegible] ни отецъ, ни дьякъ *не умѣли писати* русско[illegible] [illegible]

[illegible] „обще-русскія“ или южно-русскія образовательныя [illegible] столѣтія. Впослѣдствіи, авторъ, какъ и его сверст[illegible] львовской школѣ, научились настоящему русскому [illegible] образцу русскаго курсивнаго письма въ попавшейся [illegible] Тапе.

[illegible] въ началѣ нашего столѣтія, и въ прошломъ вѣкѣ, [illegible] старину (какъ извѣстно теперь по памятникамъ), поль[illegible] употреблялось здѣсь для русскаго языка, то было ли [illegible] со стороны Лозинскаго попробовать тотъ же пріемъ [illegible] молодые патріоты думали о новомъ книжномъ развитіи [illegible] народнаго языка? Русскаго письма не знали: русскимъ счи[illegible] языкъ церковный; книги, даже церковныя, ходили въ поль[illegible] переписи. (Въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“ разсказывается, что [illegible] стараго вѣка возставали даже противъ нашей русской граж[illegible] печати). Мудрено ли, что Лозинскій на этихъ первыхъ по[illegible] могъ находить удобнымъ письмо, уже привычное большинству? Послѣ, галичане сами признали, что Лозинскій при всѣхъ своихъ особенныхъ мнѣніяхъ былъ, однако, великій патріотъ, заслуги котораго они не сомнѣваются ставить рядомъ съ заслугами А. С. Петрушевича и самого Головацкаго [1]).

Политическія событія отражались различно въ разныхъ слояхъ галицкой жизни. Авторъ „Воспоминаній“ разсказываетъ, что поляки и русскіе одинаково сочувствовали греческому возстанію, одинаково радовались русско-турецкой войнѣ, побѣдамъ Паскевича и Дибича,— когда нѣмцы и евреи не сочувствовали ни грекамъ, ни русскимъ. „Во время коронаціи, въ Варшавѣ 1829 г.,—говоритъ Головацкій,— поляки были въ восторгѣ: они говорили: царь Николай отниметъ Познань и возстановитъ королевство по желѣзныи столпы. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Познань, но ни за что не хотѣли отдати Польщѣ Волыни, Подолья, Бѣлой и Червоной Руси: мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ, порѣшили: „не дадимъ вамъ ни одной [illegible] русской земли. Поки церкви—все наше, якъ будьто се зави[illegible] отъ нашого рѣшенія!“

Мы видѣли, что одинъ изъ „старшихъ“ русскихъ патріотовъ [illegible] не ушелъ въ 1830 г. подъ знамена Хлопицкаго: на дѣлѣ онъ,

[1]) [illegible] II [illegible] III, стр. 112—114: [illegible] Лозинскій есть писатель вели[illegible] значенія, [illegible] первыхъ борцевъ за Русь заняти самое [illegible]".

слава Богу, туда не ушелъ, но эта подробность любопытна, какъ образчикъ того, какъ переплетены были въ жизни отношенія русиновъ и поляковъ.

Польское возстаніе 1830—31 года произвело, повидимому, рѣзкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи: галицкіе поляки приняли живѣйшій интересъ въ этомъ дѣлѣ; студенты-поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались деньги, оружіе и пр. „Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались неутральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже нѣмецкія власти смотрѣли сквозь пальцы на то, что комитеты полу-явно собирали гроши, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордонъ". Но сочувствія русиновъ были на русской сторонѣ; они были довольны неудачей польскаго дѣла: когда получено было извѣстіе о взятіи Варшавы, это произвело между русинами большую радость и даже поселяне приходили большими толпами спрашивать: „Правда, що москаль побивъ полякôвъ и добувъ Варшаву?"

Народное сознаніе приходило понемногу, мелькала мысль о самостоятельности русской народной стихіи, но данныя отношенія пока еще не измѣнились.

Когда броженіе еще продолжалось послѣ возстанія между польской молодежью, начальство семинаріи, гдѣ учились тогда друзья „русской троицы", распорядилось „для укрѣпленія воспитанниковъ устроивати время отъ времени торжественныи рѣчи о объязанностяхъ подданныхъ къ монарху". „Шашкевичъ кинулъ между семинаристовъ мысль, почему бы не говорити рѣчей на народномъ языцѣ, и наконецъ, расположилъ къ тому и начальство, и вызвался самъ первый сказати рѣчь. Онъ сочинилъ статью на такомъ языцѣ, на якомъ было писалъ свои сочиненія; ректоръ одобрилъ—и рѣчь вышла блистательно; вся семинарія была въ восхищеніи и русскій духъ поднесся (поднялся) на 100 процентовъ. Пасторалисты дали себѣ слово не говорити проповѣдей даже во львовскихъ церквахъ иначе, только по-русски. Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви—но подумайте, якова была сила предъубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышолъ на амвонъ, перекрестился, сказалъ славянскій текстъ и, посмотрѣвъ на интелигентную публику, онъ *не могъ произнести русскаго слова*. Смущенный до крайности, онъ взялъ тетрадку и, заикаясь, *переводилъ* свою проповѣдь и съ трудомъ кончилъ оную. Въ семинаріи рѣшили, что во Львовѣ не льзя говорити русскихъ проповѣдей, развѣ въ деревняхъ; но Шашкевичъ отстоялъ то, чтобы никто изъ русскихъ семинаристовъ не крестился по-польски (i ducha swiętego), чтобы проповѣдникъ текстъ всегда сказалъ прежде

по-славянски и чтобъ никто не надѣвалъ комжи, хотя бы пришл проповѣдывати въ костелѣ, что тогда часто случалось, чтобы такі образомъ нашъ проповѣдникъ всегда представлялся русскимъ и стушовывался между латинниками. Въ оно время то значило выигр въ народномъ дѣлѣ!" [1]).

Ту-же картину отношеній рисуетъ намъ жизнеописаніе еще одн изъ „старшихъ" русиновъ, Антонія Добрянскаго (1810—1877). опять былъ священникъ и народный патріотъ, котораго біографъ зываетъ „правымъ сыномъ нашей отчины Галицкой Руси, пророко апостоломъ русской правды, народолюбцемъ и отцемъ нашего оте ства". Добрянскій прошелъ обычную школу и около 30-го года ок чивалъ ученье въ высшемъ духовномъ заведеніи въ Вѣнѣ. Польс возстаніе и здѣсь волновало молодое поколѣніе и поляковъ, и р скихъ, и внушило, наконецъ, послѣднимъ потребность познакомит съ своей исторіей, которая объяснила бы русско-польскія отношен Здѣсь Добрянскому, какъ раньше другому галицкому патріоту, Л вицкому, пришлось воспользоваться совѣтами и помощью Копита библіотекаря придворной библіотеки. Извѣстная часть славянски патріотовъ и нашихъ славянофиловъ въ прежніе годы созда этому знаменитому славянскому филологу репутацію ненавистни славянства и австрійскаго политическаго агента, способствовавша раздорамъ въ славянскомъ мірѣ для тайныхъ цѣлей австрійской п лиціи [2]). Ближайшее изученіе этой первостепенной научной силы энергическаго характера рисуетъ его въ иномъ свѣтѣ. Жизнеоп сатель Добрянскаго такъ разсказываетъ о его встрѣчѣ съ Копит ромъ (приводимъ его слова на „обще-русскомъ" языкѣ галицки писателей). „Былъ же тогда—счастливымъ случаемъ—въ той цѣсарскôй библіотецѣ настоятелемъ еи славянскаго отдѣла мужъ евр пейской славы, ученый Варѳоломей Копитаръ, словенецъ, родомъ ôт города Любляны, на-скрôзь перенятый чувствомъ ôтцевскои любв для всѣхъ дѣтей Славянщины, особливо же для насъ русинôвъ, к торыхъ ôнъ *за-для нашои вѣрности славянскому обряду наибôльш любилъ и предпочиталъ*. Онъ-то такъ названный батько-учитель сл вянъ, который еще на 10 лѣтъ передъ симъ (въ 1821 г.) руково дилъ былъ и училъ въ той же библіотецѣ одного русского конви тора, именно нашого первого знакомитого языкослова Іосифа Левиц

---

[1]) Литер. Сборникъ I, 26—27.

[2]) [illegible] не очень одобрялъ и Головацкій (Литер. Сборн. I, 21) [illegible] Копитаръ, по своимъ понятіямъ, также думалъ въ то время, что латин [illegible] алфавитъ можетъ удобно служить для галицко-русскаго языка, но противъ са [illegible] Копитаръ ничего не имѣлъ, какъ имѣли нѣмцы и сами русскіе галича [illegible] предшествовавшаго временамъ Головацкаго.

кого, возрадовался теперь не мало, коли снова узрѣлъ передъ собою такого же молодого русского богослова, Антонія Добрянского, также за свѣтломъ науки въ книгахъ славянскихъ пильно (прилежно) глядающого. Пôзнавши близше нашого Антонія, пôзнавши цѣль и стремленье его духа, батько Копитаръ, яко книгъ славянскихъ глубоко свѣдущій, самъ доброохотно принялъ на себе обовязокъ (обязанность) быти ему руководителемъ, и яко совѣстный учитель пôддавалъ ему книгу за книгою самыи такіи дѣла (сочиненія), которыи для его цѣли найбôльше принадобились" [1]).

Здѣсь Добрянскій читалъ древнія русскія лѣтописи, а затѣмъ и Карамзина, „Исторію уніи" Николая Бантышъ-Каменскаго, Исторію Малороссіи Дмитрія Б.-Каменскаго, читалъ много другихъ книгъ, относящихся до русской исторіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. „Перечитавши таковыи дѣла основно,—продолжаетъ біографъ,—и выписавши собѣ изъ нихъ много для власного ужитку (для собственнаго употребленія) на будучнôсть, нашъ Антоній уже пересвѣдчился (убѣдился) доводно и окончательно: що *правда* была и есть по сторонѣ русинôвъ, а *кривда* ишла ôтъ ксендзôвъ-іезуитôвъ и ôтъ буйнои шляхты польскои; що кромѣ того многіи русины черезъ принятіе латинского обряда (т.-е. просто католичества) уже ополячились, а уніяты стали уже русинами, и то не лишь по обряду, но и по народности русской". (Это – одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ старое народное преданіе возстановлялось книжнымъ образомъ и народное сознаніе развивалось черезъ посредство новѣйшей исторіографіи, особливо русской). Не по примѣру другихъ, Добрянскій не поддался тому раздраженію, какія возбуждалъ русско-польскій вопросъ тогда и послѣ: споры онъ считалъ безполезными и неубѣдительными для поляковъ, не знавшихъ ни своей, ни русской исторіи. „Вмѣсто того ôнъ благосердно и по дружески препоручалъ (совѣтовалъ) всѣмъ товаришамъ своимъ въ конвиктѣ, такъ полякамъ, якъ и русинамъ, що бы они, яко лучшая молодежь одпои великои славянскои родины (семьи), якъ найпильнѣйше (прилежнѣе) занялися изъучепіемъ отечественнои исторіи, которая едино—безъ спору и безъ гнѣву—научитъ ихъ пôзнати настоящую правду. Притôмъ жилъ ôнъ за цѣлый часъ (все время) своего побыта (пребыванія) въ Вѣдни со всѣми товаришами, такъ русскими, якъ и польскими, въ найщиршôй (искренней) особистôй дружбѣ". Его называли нейтральнымъ.

По окончаніи занятій въ Вѣнѣ, Добрянскій назначенъ былъ дома, въ Галиціи, учителемъ въ высшую богословскую школу въ Пере-

[1]) „Антоній Добрянскій", Дѣдицкаго, стр. 16—20.

мышлѣ и впервые поднялъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, до тѣхъ поръ заброшенное до полнаго невѣжества. Особеннымъ покровителемъ Добрянскаго въ его школьной народно-патріотической дѣятельности былъ епископъ Снѣгурскій, упомянутый патріотъ. Но до какой степени господствовалъ польскій языкъ въ кругахъ сколько-нибудь образованныхъ и въ школѣ, видно изъ того, что когда Добрянскій составилъ для своихъ слушателей грамматику *старославянскаго* языка, онъ издалъ ее (въ 1837) *по-польски* и уже только въ 1851 вышла она въ русскомъ переводѣ, по просьбѣ „собора ученыхъ русскихъ", собравшагося во Львовѣ въ 1848. Такимъ же образомъ, историческая статья его, написанная по приказанію епископа, о введеніи христіанской вѣры на Руси, напечатана была сначала на польскомъ (1841), и потомъ уже на русскомъ языкѣ (1846). Великимъ событіемъ было въ 1847 г. то, что при торжественномъ освященіи одной новой церкви, гдѣ присутствовали многія свѣтскія должностныя лица, Добрянскій, по приказанію епископа, того же Снѣгурскаго, произнесъ свою проповѣдь не по-польски, а на „хлопско-русскомъ" языкѣ. Біографъ разсказываетъ: „Учувши (услышавши) прехорошо о. Добрянскимъ выголошенную (сказанную) проповѣдь по-русски, одушевилися тымъ всѣ русины и радовалися тому — такъ скажу — радостію невинныхъ дѣтей безсознательно, бо самы они не знали (не умѣли) собѣ сказати: чому ихъ сердця при тôй русскôй проповѣди такою незвычайною исполнилися радостію. Извѣстно бо, що тогда еще чувство русско-народное не розбудилось до тои степени самопôзнанья, до якого мы русины дôйшли уже вскорѣ потомъ въ 1848 г... А, однакожь, причиною ихъ радости пôдъ часъ русскои проповѣди въ хировскôй церкви не было ни що другое, якъ тôлько воскресающое изъ мертвыхъ чувство ихъ народное, которого они тогда еще ясно не понимали. Латинскіи же ксендзы... лишь зачули (услышали) русскую проповѣдь, уже изъ церкви удалились до закристіи съ неудовольствіемъ, предчувствуючи некорыстныи (неполезныя) послѣдствія того событія для справы польскои" [1]).

Въ 1848 году наступаетъ въ Австріи „конституційная свобода" (весьма пока непродолжительная) и въ ней находитъ первую опору галицкое народное возрожденіе. Добрянскій одинъ изъ первыхъ ее привѣтствовалъ. „Онъ-то искренній русскій народолюбецъ (привѣтствовалъ) первое явленіе конституціи сейчасъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1848 г. патріотичнымъ стихомъ: „До братей русинôвъ", который-то стихъ, хотя первобытно написанный въ языцѣ *польскôмъ* (!), плѣ—

---

[1]) Тамъ же, стр. 52—55.

нялъ сердця *русинôвъ*, взывая ихъ принятися за великое дѣло возрожденія" [1]).

Когда землямъ австрійской имперіи предоставлено было опредѣлить народность своего населенія и желаемый оффиціальный школьный языкъ, русскіе галичане собрались во Львовѣ въ такъ-называемую „Русскую Раду" и, наперекоръ полякамъ, объявлявшимъ всю Галицію польскою, постановили, что жители Галиціи народъ русскій, считающій до 3-хъ милліоновъ, и желаютъ „на вѣки вѣковъ" называться русинами, и что въ управленіи и школахъ своего края желаютъ языка русскаго, и пр. Затѣмъ, члены Рады, понимая, что народъ долженъ уразумѣть свои національныя права и умѣть защищать ихъ, постановили основать общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ и для изданія народныхъ книгъ. Во Львовѣ сошелся „Соборъ ученыхъ русскихъ" и основана была такъ-называемая „Матица". Жизнеописатель съ великими похвалами указываетъ тотъ фактъ, что первою книжкою, которая была одобрена „ученымъ соборомъ" и издана русскою Матицей, былъ русскій *букварь* Добрянскаго [2]). Затѣмъ, Добрянскимъ сдѣлано было упомянутое русское изданіе старославянской грамматики, далѣе „Русска языко-учебная читанка", и т. д.

Итакъ, въ періодъ времени съ начала 30-хъ годовъ и до 1848, положеніе вещей состояло въ слѣдующемъ. Старое историческое преданіе русской жизни едва существовало; оно представлялось народнымъ языкомъ и бытомъ сельскаго населенія, безсознательнаго и не имѣвшаго значенія, и церковнымъ обрядомъ въ уніатской формѣ на полу-забытомъ славянскомъ языкѣ; во всѣхъ слояхъ общества, сколько-нибудь возвышавшихся надъ простонародіемъ, а также въ средѣ духовенства, господствующимъ языкомъ былъ польскій; общественные нравы были польскіе. Знаніе церковнаго языка ограничивалось чтеніемъ книгъ богослужебныхъ, печатанныхъ церковной печатью; азбука гражданская была почти неизвѣстна и даже возбуждала негодованіе людей стараго вѣка; вмѣсто того, въ большомъ употребленіи были церковныя книги, переписанныя польскимъ письмомъ; для самихъ воспитанниковъ духовныхъ заведеній церковный языкъ былъ, по словамъ жизнеописанія Добрянскаго, „равнодушнымъ или ненавистнымъ"; проповѣди говорились по-польски; сами патріоты, для выраженія своихъ народныхъ чувствъ, употребляли языкъ польскій; чтобы быть понятными — по-польски пишутся русскія патріотическія стихотворенія, по-польски печатается грамматика русскаго и церковнаго

[1]) Тамъ же, стр. 58—59.
[2]) Тамъ же, стр. 64—65.

языка. Наша русская литература была почти совсѣмъ неизвѣстна какъ и литература малорусская; съ русскими книгами были знакомы лишь немногіе, встрѣчавшіе ихъ въ большихъ библіотекахъ или по томъ по знакомству получавшіе ихъ изъ Россіи (отъ Погодина или отъ Бодянскаго), и т. д.

Мудрено ли, что для *перваго введенія* народнаго галицко-русскаго языка въ книгу иные думали воспользоваться всѣмъ знакомой польской азбукой вмѣсто рѣдко кому извѣстной русской? Не было ли также естественнымъ, если Вацлавъ Залѣскій въ 1833 году предполагалъ, что галичанамъ слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ чтобы мѣстныя отличія не дробились, а напротивъ, сливались въ видахъ славянскаго единенія? Въ этихъ предположеніяхъ могла быть и была, ошибка; но въ 1830 годахъ нельзя было предугадывать того что̀ совершилось десятки лѣтъ потомъ; первый нѣсколько прочный успѣхъ галицкаго возрожденія идетъ съ 1848 года, когда ему случайно помогъ политическій переворотъ, наступившій безъ всякаго участія самихъ галичанъ, а вплоть до этого времени ихъ возрожденіе обнаруживалось только немногими отдѣльными фактами, и впослѣдствіи долго, даже до настоящаго времени, галичане все еще не смогли установить своего національнаго вопроса и рѣшить, кто они: южно-руссы или обще-руссы?.. Наконецъ, для оцѣнки отношеній 30-хъ годовъ, надо припомнить и то, что самый интересъ къ старинѣ и народности гораздо раньше высказались въ польской литературѣ (въ царствѣ, и въ Галиціи), и галицко-русское возрожденіе несомнѣнно нашло здѣсь одинъ изъ своихъ источниковъ...

Украинскіе интересы польской литературы до сихъ поръ мало у насъ обращали на себя вниманіе, и въ самой польской литературѣ не были никогда собраны въ цѣльную картину и достаточно сознаны исторически. Немногое, что̀ было у насъ сдѣлано по этому предмету [1]), даетъ нѣкоторое понятіе объ этихъ своеобразныхъ, нерѣдко

[1]) Рядъ статей въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, Спб. 1872: „Поляки юго-западнаго края: Краткій историческій очеркъ ополяченія юго-западнаго края; Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; Нравы, обычаи, семейный и общественный быть; Особенности литературы и языка; Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; Статистическія данныя о католикахъ, въ томъ числѣ и о полякахъ юго-западнаго края“, стр. 815—291; „Евреи и поляки въ ю го-западномъ краѣ“, М. Драгоманова, „В. Евр.“ 1875, іюль, стр. 133—179,—затѣмъ литература этого предмета состоитъ изъ отдѣльныхъ свѣдѣній и отрывочной журнальной полемики. За послѣднее время укажемъ не однажды цитированную книгу Н. П. Дашкевича (XXIX отчетъ объ Увар. нагр.), гдѣ

странныхъ, отношеніяхъ къ малорусскому вопросу; но факты еще не вполнѣ изучены,—между тѣмъ ихъ критическое обозрѣніе могло бы способствовать выясненію той междуплеменной путаницы, въ которой два народа жили въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и которая, въ извѣстной степени, продолжается и до настоящей минуты, какъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ и въ Галиціи.

Со времени раздѣловъ, постоянной мечтой польскихъ патріотовъ было возстановленіе Польши „отъ моря до моря" и въ границахъ 1772 года. Эта несбыточная мечта объяснялась отчасти тѣмъ, что польское патріотическое чувство развивалось до чрезвычайной, наконецъ, болѣзненной степени подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ политическихъ испытаній, какія рѣдко случается переносить народамъ и которыя постигли Польшу—въ ея раздѣлѣ „заживо". Преувеличеніе есть всегдашняя черта горячаго патріотизма страстное чувство къ родинѣ всегда закрываетъ ея слабыя стороны и окружаетъ фантастическимъ блескомъ и ея прошедшее, и (если нельзя заблуждаться о настоящемъ) будущее. Каждому народу кажется, что именно онъ есть народъ избранный... Невозможность возстановленія Польши отъ моря до моря не подлежала сомнѣнію, такъ какъ ни у того, ни у другого моря нѣтъ уже и слѣда поляковъ; столь же невозможно было бы и возобновленіе польскаго государства со включеніемъ южно-русскихъ земель, какъ нѣкогда; но здѣсь мечта была пожалуй менѣе фантастической, потому что господство Польши надъ этими землями было еще не очень давнимъ фактомъ, и въ другой формѣ (въ формѣ помѣщичьяго господства надъ украинскимъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ формѣ господства польскаго языка, нравовъ и образованія) продолжалось до послѣднихъ десятилѣтій, вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго возстанія. Чѣмъ представлялся съ точки зрѣнія поляковъ этотъ подчиненный русскій народъ? Это было крѣпостное хлопское населеніе, на которое тогда не въ одной Польшѣ не обращали вниманія. Наши историки только въ послѣднее время указываютъ „ошибки" Екатерины II, которая, присоединивши „бывшія русскія земли" отъ Польши, ничего не сдѣлала для ихъ русскаго населенія; указывали тѣ же ошибки имп. Павла, Александра I, видѣли, наконецъ, недостаточность или фальшивость мѣръ, принимавшихся противъ полонизма въ юго-западномъ краѣ имп. Николаемъ; выходило на дѣлѣ, что собственно національный вопросъ до самаго послѣдняго времени никогда здѣсь не былъ поставленъ, т.-е. въ сущности и *не былъ со-*

собрано много любопытныхъ данныхъ и объясненій по этому вопросу. Отсылая читателя къ этой книгѣ, мы ограничиваемся только немногими примѣрами, такъ какъ предметъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ исторіи этнографіи.

знанъ: мы сами укрѣпляли поляковъ въ убѣжденіи, что они—хозяева въ южно-русскомъ краѣ. „Возвращеніе“ отъ Польши русскихъ земель въ народно-соціальномъ отношеніи свелось къ тому, что польскій крѣпостной народъ русскаго племени оставленъ былъ и подъ русской властью польскимъ крѣпостнымъ народомъ. Это были ошибки съ нашей теперешней точки зрѣнія; но вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго польскаго возстанія эти ошибки составляли „существующій порядокъ вещей“, порядокъ законный,—и слѣдовательно, само русское владычество убѣждало поляковъ въ основательности ихъ племенныхъ притязаній.

Польское государство сложилось въ такія формы, которыя не давали залоговъ прочнаго политическаго существованія. Общественное мнѣніе, по давнишнему непониманію соціальныхъ правъ народа наконецъ по упорному протесту противъ событій, осталось привержено именно къ тому шляхетскому, мнимо „республиканскому“ міровоззрѣнію, на которомъ застигъ польское общество разгромъ польскаго государства. Но среди упрямыхъ традицій большинства, всегда долго тянущихъ прежнюю ноту, сознаніе лучшихъ людей не однажды пыталось направить общество на иной путь. Европейскія событія, гдѣ съ конца прошлаго вѣка было низвергнуто или поколеблено столько старыхъ понятій и реальныхъ учрежденій; глубокія движенія европейской мысли, гдѣ наука и поэзія рядомъ выдвигали мысли о судьбахъ народовъ, о древнемъ поэтическомъ наслѣдіи массъ, и пр., не остались безъ вліянія и находили свой отзвукъ въ сильнѣйшихъ умахъ польской литературы. Какъ отразилось здѣсь освободительное движеніе конца прошлаго вѣка, такъ послѣ отразился романтизмъ, который между прочимъ искалъ своего содержанія въ бытѣ и поэзіи народа. Среди тяжелыхъ впечатлѣній политическаго паденія начинаютъ раздаваться голоса, говорящіе нѣчто новое: все чаще мелькаетъ мысль о народѣ; освободительныя идеи прошлаго вѣка дошли, напр., у Сташица до мысли о необходимости уничтоженія общественнаго неравенства и необходимости освобожденія крестьянъ *съ надѣломъ*; а затѣмъ, въ польской литературѣ можно отмѣтить новое движеніе, часто параллельное съ одновременными идеалами и протестами славянскаго возрожденія. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый епископъ и поэтъ Вороничъ (умеръ 1829). Онъ оплакиваетъ паденіе своего отечества; не умѣя еще постигнуть причинъ этого паденія, проклинаетъ его виновниковъ и особливо нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ и о будущемъ возрожденіи, гдѣ, какъ и въ прошедшемъ, ему представляется панславянское братство. Нѣкоторые стихи Воронича часто цитировались какъ девизы славянскаго единенія: „мы кость отъ костей отцовъ нашихъ, мы одинъ родъ, вездѣ

мы однимъ духомъ дышемъ" [1])—такъ говорятъ въ его поэмѣ „Сивилла" родоначальники славянскихъ племенъ. Другой знаменитый польскій писатель начала столѣтія, Казиміръ Бродзинскій (умеръ 1835), философъ, поэтъ и критикъ, котораго считаютъ „предтечею не только Мицкевича, но и всѣхъ направленій польской поэзіи нашего вѣка", стоялъ на уровнѣ современнаго философскаго и поэтическаго содержанія европейскихъ литературъ и одинъ изъ первыхъ сознательно заявлялъ идею народности. „Ученые труды, — говорилъ онъ, — должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать, какъ можно сильнѣе, понятія политическія, религіозныя и философскія съ *интересомъ народа*"; какъ романтикъ, онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о народной поэзіи и былъ однимъ изъ авторитетовъ для нашихъ первыхъ этнографовъ, напр. Максимовича.

Подъ вліяніемъ романтизма и стремленій къ народности польская литература коснулась южно-русской исторіи и народности: она встрѣтилась съ ними въ трехъ сторонахъ своей тогдашней дѣятельности —въ исторіографіи, въ поэзіи и этнографіи.

Напомнимъ, что въ началѣ столѣтія въ польской исторіографіи развились, уже не встрѣчавшіеся потомъ въ такихъ размѣрахъ, интересы къ обще-славянской старинѣ и народности въ трудахъ Ходаковскаго, Суровецкаго, Лелевеля, Мацѣёвскаго, Кухарскаго и др. [2]). Это, вмѣстѣ съ успѣхами польской исторіографіи, съ своей стороны вело къ интересамъ южно-русскимъ.

Въ польской поэзіи, одновременно съ заявленіями Бродзинскаго, образовалась извѣстная такъ-называемая украинская школа, представляющая одно изъ любопытнѣйшихъ между-племенныхъ явленій славянской литературы. Самыми яркими и талантливыми представителями этой школы [3]) были Антонъ Мальчевскій, Богданъ Залѣскій и Северинъ Гощинскій, съ цѣлою толпой менѣе замѣчательныхъ послѣдователей. Главное время ея процвѣтанія—двадцатые, тридцатые и сороковые года. Украинская школа одушевлялась поэтическими впечатлѣніями Украйны, ея природы, исторіи и народности. Теперь довольно трудно представить себѣ, какимъ образомъ для польскаго писателя могла доставить поэтическій матеріалъ украинская, т.-е. малорусская, народность, судьба которой исполнена такими враждебными отношеніями съ Польшей, послужившими, въ сущности, на-

---

[1]) Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy
I jednym wszędzie duchem oddychamy.

[2]) См. выше, глава IV.

[3]) См. о ней у Спасовича, „Исторія слав. лит.", т. II, стр. 609—628; объ отношеніи ея къ украинской дѣйствительности — подробности въ „Трудахъ Экспедиціи" Чубинскаго, и у Драгоманова; другія указанія дальше.

чаломъ распаденія польскаго государства. Новѣйшіе малорусскіе критики, говорившіе объ украинской школѣ, сурово ополчались противъ нея, раскрывая ея неестественность и внутреннія противорѣчія [1]). Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ малорусской народности и исторіи, польскіе поэты брали ихъ только съ той стороны, которая отвѣчала ихъ собственному историческому воззрѣнію; брали тѣ эпохи, когда старое козачество, реестровое и надворное, формировалось *подъ властью* и знаменами польскихъ гетмановъ и пановъ, когда оно сражалось *вмѣстѣ* съ поляками противъ татаръ и турокъ, и еще не возставало *противъ* самихъ поляковъ. Гощинскій, правда, не усумнился въ „Канёвскомъ Замкѣ" разсказывать страшные эпизоды гайдамаччины, но его увлекалъ интересъ потрясающихъ картинъ, и трагическое сдѣлало его безпристрастнымъ живописателемъ обѣихъ сторонъ. Но всего чаще, или всегда, поэты украинской школы односторонни, и понятно, что это козачество, которое должно было удовлетворять польскому вкусу, было козачество воображаемое, въ которомъ идеализовано беззавѣтное удальство, гордая свобода—подчиняющіяся только польскому авторитету. Въ чемъ могли быть собственныя бытовыя черты этого „гордаго" козачества, его собственные вкусы и желанія—остается во мракѣ неизвѣстности. Даже Мальчевскій (въ знаменитой и единственной его поэмѣ „Марія", 1825), которому Украйна послужила только обстановкой для польскаго романтико-трагическаго сюжета, рисуетъ съ увлеченіемъ удаль (крѣпостного) козака, „имѣющаго видъ господина среди обычной панской дворни" [2]). Тѣмъ больше, конечно, было чести для Рѣчи Посполитой и для панства—имѣть такихъ „вѣрныхъ" слугъ и подданныхъ.

Для тѣхъ, кто больше помнилъ другую сторону украинской жизни, это подкрашенное изображеніе не могло нравиться; въ немъ видѣли намѣренную, лицемѣрную фальшь, потому что для настоящей характеристики козачества надо было бы прибавить, что этотъ гордый, но покорный козакъ пожелалъ наконецъ быть свободнымъ и своимъ возстаніемъ поколебалъ всю Рѣчь Посполитую... Но въ большинствѣ случаевъ это подкрашиванье было однимъ изъ тѣхъ непроизвольныхъ самообмановъ, какіе встрѣчаются вездѣ, напр., и въ нашей литера-

---

[1]) См. напр. обличенія г. Кулиша („первой манеры"), въ „Основѣ", 1862, февраль, стр. 67 и далѣе: „Полякамъ объ украинцахъ".

[2]) Изображеніе козацкой удали въ I—III главахъ „Маріи" и въ гл. XIII:

Prosty był jego ukłon, krótkie pozdrowienie,
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany—lecz swobodę z ojca powziął łona.
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Wśród wiodącéj go zgrai jak władca wygląda.

турѣ, когда она, въ прежнее время, рисовала идилліи крѣпостного благополучія. Польскіе поэты избѣгали мрачныхъ сторонъ старой исторіи по тому же инстинкту, какой побуждаетъ толпу патріотовъ всѣхъ временъ и народовъ закрывать глаза на непріятные и тяжелые факты своей жизни; но рядомъ съ тѣмъ у нихъ была своя несомнѣнная любовь къ этой Украйнѣ, которая нѣкогда составляла часть ихъ отечества и гдѣ долго послѣ поляки продолжали быть господствующимъ классомъ. Западный край, край кіевскій, Волынь, Подолія — всѣ эти страны, нѣкогда русскія, стали потомъ на цѣлые вѣка польскими не потому только, что въ нихъ пришло чужое польское панское населеніе, но и потому что сами *туземцы* (высшаго сословія) ополячивались; т.-е. они продолжали оставаться у себя дома, сохраняли связь съ своей мѣстностью и своимъ народомъ,—эта связь не порвалась вдругъ, когда они сами ополячивались; переходы бывали постепенны и, нѣтъ сомнѣнія, что украинская школа, какъ ни проникнута польскою идеею, была вмѣстѣ не совсѣмъ заглушенны мъ отголоскомъ старой родовой памяти. Напр., въ поэзіи Богдана Залѣскаго, неглубокой по содержанію, нельзя не видѣть вполнѣ искренняго теплаго чувства къ этой Украйнѣ, которая была его родиной и въ первыхъ поэтическихъ впечатлѣніяхъ которой участвовалъ несомнѣнно малорусскій сельскій бытъ и малорусскій народъ [1];—съ другой стороны, также понятно, что украинецъ-малороссъ смотрѣлъ на эту страну и народъ совсѣмъ другими глазами.

Если, какъ мы указывали, эпоха украинской школы совпадаетъ въ польской литературѣ съ проявленіями панславянскаго интереса, то не было случайностью, что у самого Залѣскаго являются панславянскіе мотивы (между прочимъ, много переводовъ изъ сербской народной поэзіи), которые казались тогда польскимъ отзывомъ на

---

[1]) Мальчевскій (род. 1793) провелъ первую молодость въ Дубнѣ на Волыни; Падура родился (1801 г.) на Украйнѣ и много по ней странствовалъ; Богданъ Залѣскій пишетъ: „Меня, своего грудного ребенка, спеленала пѣснью мать Украина“, или „Съ торбаномъ выросъ я,—вижу Днѣпръ, Ивангору, хату въ дубравѣ, старика-знахаря, точно простился я съ ними вчера. Пѣли тамъ птицы чуть-чуть божій день, и когда пѣли на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ—все смѣшалось въ одну живую пѣснь и я испилъ эту пѣсню“... Дѣйствительно: родившись (1802 г.) на Украйнѣ, онъ прожилъ дѣтство также въ деревнѣ, такъ какъ былъ слабаго здоровья. Гощинскій (род. 1803) былъ землякъ Падуры и провелъ на Украйнѣ молодость. Михаилъ Грабовскій, извѣстный беллетристъ, историкъ и критикъ, былъ также польскій украинецъ; знаменитый нѣкогда, недавно погибшій, Садыкъ-паша Чайковскій, авторъ „Козацкихъ повѣстей“; Александръ Гроза и т. д. были также украинцы.

всеславянское братство и взаимность [1]). Обстоятельства не были бла
пріятны, и эти начатки славянской взаимности не развились до пр
ныхъ результатовъ; но исторія не должна забыть и тѣ начат
въ которыхъ крылась доля здраваго пониманія и чувства, и взаим
справедливость въ прошедшемъ могла бы помочь и въ настояще
приходить къ болѣе мирной оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній [2]).

Возвращаемся въ Галицію. Разсказывая о первыхъ проявленія галицко-русскаго возрожденія, Головацкій упоминаетъ о неясны стремленіяхъ своего кружка, о томъ, какъ они задумывались на тѣмъ, гдѣ найти искомую народную дорогу, и говоритъ: „Мы п должали толковати, розсуждати, спорити: перебирали всякіи тео и гипотезы,—наконецъ, пришли къ убѣжденію, что о народѣ знаемъ только по наслышцѣ, а народнаго языка, народнаго бı вовсе не знаемъ. Рѣшено было, что нужно идти между народъ, изс довати на мѣстѣ, собирати изъ его собственныхъ устъ пѣсни, ко рыхъ народъ хранитъ въ памяти тысячи, записывати его послови и поговорки, его повѣсти и преданія,—словомъ, намъ философа надо идти въ народъ и учитись у него его мудрости. Послѣ таки розсужденій на очереди сталъ вопросъ о томъ: кто готовъ преодол всѣ препятствія и труды такого предпріятія, и я первый *рѣши идти въ народъ*“ [3]). Авторъ самъ подчеркиваетъ послѣднія слова. то, что̀ представляется здѣсь какъ бы новымъ открытіемъ и са бытнымъ рѣшеніемъ, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ (къ которы относится разсказъ) уже не было ново даже относительно южно-р ской народности въ Галиціи. Мы видѣли, что едва ли не первы задолго раньше этого времени, пошелъ здѣсь въ народъ, польскій южно-русскій, другой человѣкъ и опять полякъ: это былъ Ада

[1]) Вотъ напр. маленькое стихотвореніе: „Gwar Słowiański“:

Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze:
Klaskam od mogił w krąg na rozgraniczu,
Tak Szaffarzyku! tak, tak Kopitarze!
Pieśni héj dawaj Wuku Karadźiczu!
Reasztę my powiem Guślarzy-Gęślarze.

Мы припоминаемъ, что въ университетскіе годы Срезневскій, нѣкогда также мантическій панславистъ, въ практическихъ занятіяхъ славянскими нарѣчіями, уч насъ по-сербски—на пѣсняхъ Караджича, по-чешски – на Краледворской руког Колларѣ и Челяковскомъ, по-польски—на Богданѣ Залѣскомъ.

[2]) Обильныя біографическія и библіографическія подробности объ украинс школѣ находятся въ подробной исторіи польской литературы: Rys dziejów literat polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza etc. opracował Leonard Sowiń напр. т. III (Wilno, 1876), стр. 1, 617 и слѣд., и пр.

[3]) Литер. Сборникъ, Дѣдицкаго, I, 22.

цкій, извѣстный въ свое время подъ именемъ Зоріана Доленги-
овскаго. Быть можетъ, не безъ его вліянія развивался въ моло-
польскихъ кружкахъ Галиціи интересъ къ галицко-русской на-
поэзіи, примѣры котораго около 30-го года, начинаютъ уже
ться въ польскихъ журналахъ и сборникахъ еще до появленія
го собранія Вацлава Залѣскаго. Объ этомъ послѣднемъ въ
инаніяхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей говорится прямо,
о произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. По разнымъ фак-
ожно заключать, что самихъ польскихъ ученыхъ интересовали
ы о галицко-русской народности, и что здѣсь была простая и
юбная любознательность, а не одна „интрига". Шашкевичъ,
мому самый талантливый изъ тогдашняго русинскаго кружка,
звѣстно теперь, принималъ участіе въ сборникѣ Залѣскаго; и
ь изъ его ближайшихъ друзей и помощниковъ въ тяжелыхъ
жихъ обстоятельствахъ былъ полякъ-помѣщикъ, Тадей Васи-
й [1]). Головацкій самъ разсказываетъ, какъ дружелюбно прини-
его богатый панъ, графъ Тарновскій (съ нимъ познакомилъ его
е Тадей Василевскій, другъ Шашкевича), въ имѣніи котораго
збиралъ замѣчательный архивъ, и т. п. Исторія объ отноше-
графа Борковскаго къ Вагилевичу, разсказанная Головацкимъ,
ся для насъ неразъясненной; но Борковскій извѣстенъ былъ
динъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго обще-
ъ Галиціи, и его смерть (въ 1843, на 33 году жизни) вызвала
ія сожалѣнія, между прочимъ, и съ русской стороны. Это былъ
писатель съ панславянскими стремленіями, и его стихотво-
„Славянскія пѣсни", въ свое время очень нравилось и часто
овалось [1]).

,Полякъ-словянофилъ... Василевскій, съ котрымъ поетъ (Шашкевичъ) до кôнця
ивъ въ сердечнôй дружбѣ, не лишь опѣкувавсь Маркіяномъ (не только забо-
немъ) и всею родиною (его семействѣ), але обзнакомлявъ его съ новѣйшими
(произведеніями) украинской, польской и сербской литературы" и пр. „Руска
ека", Онишкевича, 1884, III, стр. XVII, XX—XXI.

Приводимъ нѣсколько стиховъ, которые по своему времени были удачны:

Pieśni słowiańskie, jednéj matki córy,
Odmienne licem, barwą rozmaite,
Lecz w jednéj wielkiéj przeszłości powite
Na śnieżnym grzbiecie starowiecznéj góry...

авянскія пѣсни, дочери одной матери, разнообразныя, разноцвѣтныя, но въ
великомъ прошедшемъ рожденныя на снѣжной вершинѣ вѣковой горы и пр.).

I byli czasy, gdy przy jednym stole
Wszystkieście ludy zabawiały razem,
I w umysł ciężki trudem i żelazem
Lały wesołość, roskosz i swawolę;
Złociły dobrą, gromiły złą dolę.

Едва ли сомнительно, что галицко-русскіе патріоты 30-хъ годовъ окруженные вліяніями польской жизни и литературы, не остались чужды этой народно-романтической стороны тогдашняго польскаго движенія и въ извѣстномъ смыслѣ находили въ немъ даже опору для своего дѣла. Позднѣе, вражда окрасила для нихъ это время иными красками и ихъ новѣйшія воспоминанія едва ли рисуютъ ту эпоху безпристрастно...

Романтическая украинская школа, породила, наконецъ, и чрезвычайно своеобразные примѣры этого смѣшенія въ литературѣ двухъ, совершенно разнородныхъ, элементовъ. Таковы были польскіе поэты другого оттѣнка украинской школы, которые въ своемъ увлеченіи украинскими сочувствіями стали, наконецъ, писать на малорусскомъ языкѣ, польской азбукой, для своего польскаго круга. Извѣстнѣйшимъ поэтомъ этого рода былъ весьма популярный нѣкогда Тимко (собственно Θома) Падура (или Падурра). Родившись въ началѣ столѣтія, на Украйнѣ, Падура умеръ, забытый, въ 1871 году, въ кіевской губерніи. Его біографія мало извѣстна и, кажется, еще менѣе чѣмъ теперь извѣстна была въ то время, когда въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ его стихотворенія ходили по рукамъ и пользовались большою популярностью въ польскихъ кругахъ нашей Украины а затѣмъ и въ Галиціи. Тогда думали даже, что Падура совсѣмъ не существуетъ, что имя его есть фикція, покрывающая неизвѣстныхъ поэтовъ въ народномъ духѣ. Этому писателю придавалось такое

Byłyście dziewic wieselném westchnieniem,
Starców wieczorem i domów ogniskiem,
Szumiących wojów tarczą i ramieniem,
Polotem konia i strzały połyskiem,
I kwiatem życia i czarem i cudem,
W święta—religią, na obradach—ludem.

(И были времена, когда за одною трапезою веселили вы всѣ народы вмѣстѣ, и въ душу, отягченную трудомъ и желѣзомъ, вливали радость, наслажденье и разгулъ; золотили счастье, убивали горе. Вы были свадебнымъ вздохомъ дѣвицъ, вечеромъ старцевъ и домашнимъ очагомъ, щитомъ и силою храбрыхъ воителей, полетомъ коня и молніею стрѣлы, и цвѣтомъ жизни. и чарами, и чудомъ, въ праздниства—религіей. на сходкахъ—народомъ).

Szczęsny poeta, kto was wszystkie razem
W gorącej piersi wykocha, wypieści,
I duszę waszym nastroi obrazem,—
Nie darmo wielką pieśnią zaszeleści!

(Блаженъ тотъ поэтъ, который всѣ васъ вмѣстѣ прочувствуетъ, выпѣстуетъ въ пламенной груди, и душу свою настроитъ на вашъ ладъ; не напрасно раздастся его великая пѣсня!).

О Дунинѣ-Борковскомъ, см. Zdanowicz-Sowiński, т. III, стр. 432—433; Денница-Jutrzenka, Петра Дубровскаго, Варшава, 1843, ч. 1-я, стр. 185—187; ч. 2-я, стр. 165, 244—245.

особенное значеніе въ польской литературѣ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Падура родился въ 1801 въ мѣстечкѣ Илинцахъ и происходилъ изъ рода какихъ-то „закарпатскихъ славянъ" (словаковъ или, скорѣе, венгерскихъ русскихъ?), вышедшаго въ Польшу при Владиславѣ IV. Его предки упоминаются въ бурныхъ событіяхъ польской исторіи: одинъ Падура былъ „намѣстникомъ" гусарской хоругви князя Дмитрія Вишневецкаго и палъ въ битвѣ при Подгайцахъ; другой, сторонникъ Эмерика Текелія, кончилъ жизнь въ турецкихъ оковахъ въ Константинополѣ; третій, панцырный поручикъ въ хоругви Іосифа Потоцкаго, убитъ при взятіи козаками Бѣлой Церкви; четвертый, барскій конфедератъ, палъ въ битвѣ при Салихѣ въ 1766. Въ XVIII в. Падуры принадлежали къ небогатой „загоновой" шляхтѣ и семья Ѳомы, изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, подъ конецъ жила вмѣстѣ въ Махновкѣ, въ кіевской губерніи. Старшій братъ учился въ виленскомъ университетѣ, былъ человѣкъ съ учеными вкусами, много переводилъ, напр., Монтескьё, Руссо, Беккаріа, Сисмонди, Бастіа—но его труды остались неизданными.

Ѳома учился сначала въ элементарной школѣ въ Илинцахъ, потомъ въ Винницѣ,—тамъ и здѣсь его товарищемъ и пріятелемъ былъ Северинъ Гощинскій, который родился въ тѣхъ же Илинцахъ и былъ на два года моложе Падуры. Потомъ они разошлись. Высшую школу Падура прошелъ въ знаменитомъ тогда Кременецкомъ лицеѣ (польскомъ предшественникѣ Кіевскаго университета), гдѣ кончилъ курсъ въ 1825. Здѣсь онъ занимался особливо исторіей, въ поэзіи увлекался Оссіаномъ и Байрономъ, самъ писалъ стихотворенія. Въ это время онъ былъ уже въ какомъ-то знакомствѣ съ Ходаковскимъ, и въ ихъ сношеніяхъ была общимъ интересомъ малорусская козацкая поэзія. Тогда же Падура сблизился съ извѣстнымъ романтическимъ чудакомъ того времени, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, который, сдѣлавъ продолжительное путешествіе на востокъ, вернулся на Украйну съ прозваніемъ „эмира", на половину паномъ, на половину бедуиномъ. Ржевускій самъ имѣлъ поэтическіе вкусы; Падура сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ, на много лѣтъ они стали неразлучными друзьями, и здѣсь начинается странное поэтическое поприще Падуры. Современникъ, Л. Сѣменьскій, разсказываетъ въ біографіи Ржевускаго: „Жилъ при немъ пріятель, поэтъ Ѳома Падура, который умѣлъ складывать удивительно прекрасныя думки на нарѣчіи русинскаго народа; былъ и торбанистъ Виторть, который подбиралъ музыку и пѣлъ... а за нимъ хòромъ пѣли надворные козаки, неотступные товарищи своего пана"... Новѣйшій біографъ Падуры, В. Пржиборов-

скій [1]), поэтизируетъ тогдашнюю дѣятельность его въ слѣдующ картинѣ: „Нельзя сказать, чтобы эта жизнь не имѣла въ себѣ і эзіи, не давала извѣстнаго удовлетворенія для души нашего пѣв Едва вырывалась думка изъ его груди, ужъ ее схватывали, на вали хоромъ; ужъ онъ могъ слышать ее звенящею по могиламъ, к ганамъ, по безбрежной степи (?)... Въ извѣстномъ смыслѣ, это бь полнолуніе жизни Падуры, зенитъ его—свѣтлый, убранный таки радужными красками, такой прекрасный и плѣняющій, что кажд поэтъ могъ и можетъ ему въ этомъ позавидовать. Не бумага, не чать схватывали его пѣсни и думы, а живыя сердца, живыя у передавали ихъ взаимно на вѣчное воспоминаніе. Чего же боль можно желать!"

Передъ нимъ открылись двери знатнѣйшихъ польскихъ дом на Украйнѣ—у Ржевускихъ въ Константиновѣ, Потоцкихъ въ Ума Сангушковъ въ Славутѣ. Вездѣ, гдѣ съ открытыми объятіями вст чали „эмира", съ радостью видѣли его пріятеля. Въ эти годы дура былъ въ Варшавѣ, ѣздилъ по Малороссіи, былъ въ старой Сѣ собиралъ преданія, работалъ въ библіотекахъ; онъ „гордился в маніемъ знаменитыхъ людей и между ними кіевскаго митропол Евгенія,—у него проживалъ недѣлями и могъ пользоваться старь рукописями, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія и о которыхъ ча вспоминаетъ въ своихъ украинкахъ".

Но эта шумная жизнь должна была кончиться. „Эмиръ" Рже скій пропалъ безъ вѣсти (какъ полагаютъ, убитый однимъ изъ с ственныхъ козаковъ); Падура долженъ былъ вынести не мало исп таній и, наконецъ, поселился съ семьей въ Махновкѣ, живя замкн и въ меланхолическомъ настроеніи. Извѣстность его росла не тол на Украйнѣ, но и во всей Польшѣ, а также и въ Галиціи,—х онъ долго самъ ничего изъ своихъ произведеній не печаталъ.

Первое изданіе его пѣсенъ явилось въ 1842, во Львовѣ [2]). Кн издана была безъ вѣдома автора. Яблонскій говоритъ въ предисло что издалъ стихотворенія Падуры, „сколько ему удалось собрат собраніе не велико, и въ него вошли даже чужія стихотворен Изданіе очевидно вызвано готовой популярностью поэта. Малорусс языкъ въ стихотвореніяхъ Падуры Яблонскій объясняетъ такъ каждаго народа бываетъ разница между языкомъ литературным народною рѣчью; эта разница въ различныхъ мѣстностяхъ (powiata получаетъ разные оттѣнки, и эти особенности языка называютъ которые діалектами или нарѣчіями; „народъ старой Польши" по

[1]) Biblioteka Warszawska, 1872, т. IV, стр. 410—423: „Tomasz Padura".
[2]) Pienia Tomasza Padury. Wydanie Kajetana Jabłońskiego. We Lwowie, 1 Мал. 8° или 12°, 93 стр.

и творитъ себѣ на своемъ мѣстномъ языкѣ (powiatowszczyźnie) пѣсни, которыя не только для него служатъ нравственнымъ укрѣпленіемъ, но могутъ быть съ пользою читаны и литературной публикой и самими артистами, и разсудительный выборъ пѣсенъ всегда будетъ цѣниться и внушать интересъ; — неудивительно, что и художникъ, заимствующій не одну подробность изъ пѣсенъ народа, старается съ своей стороны отблагодарить его богатствомъ своей души и пускаетъ въ народъ ту или другую пѣсню, произведеніе своего времени и тѣмъ болѣе отвѣчающее нынѣшнимъ потребностямъ, и эту пѣсню, для большей иллюзіи, одѣваетъ въ мѣстный языкъ, powiatowszczyznę, этого народа. Къ лучшимъ поэтамъ этого рода причисляется Томашъ Падура [1]).

Въ 1844, Падура изготовилъ самъ изданіе своихъ сочиненій, вышедшее въ Варшавѣ [1]).

Стихотворенія Падуры вообще встрѣчены были въ польской литературѣ съ величайшими похвалами. Первый львовскій издатель, и послѣдующіе критики (даже до нашего времени), во-первыхъ, полагали, что малорусскій языкъ есть именно мѣстное нарѣчіе, powiatowszczyzna польскаго языка, и что Падура отлично владѣлъ этимъ языкомъ; и во-вторыхъ, были увѣрены, что онъ вполнѣ усвоилъ характеръ народной малорусской поэзіи. Таковъ былъ, напр., отзывъ Вл. (вѣроятно, Войцицкаго) въ „Варшавской Библіотекѣ“ (1843, № 1) по поводу львовскаго изданія: „многія стихотворенія Падуры обратились въ вѣчное достояніе народа; Падура старался пробудить на Украйнѣ память о ея былой славѣ“; онъ „изобразилъ въ своихъ думахъ весь бытъ и народный характеръ козаковъ“; „никто не умѣлъ сильнѣе Падуры трогать сердца и не *пѣлъ* на прелестнѣйшемъ языкѣ“ и т. п. [3]). Еще болѣе восторженный отзывъ даетъ Винцентій Поль. По его мнѣнію, „Падура принадлежитъ къ рѣдчайшимъ по-

---

[1]) Болѣе раннія указанія о Падурѣ Яблонскій отмѣчаетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ краковскомъ Powszechnym Pamiętniku, 1835; въ краковскомъ Pamiętniku Naukowym, 1837, т. II, стр. 341; въ книгѣ Л. Лукашевича: Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, стр. 86; въ Tygodniku Petersburskim; въ „Poezyach T. A. O.“ (Олизаровскаго), вышедшихъ въ Краковѣ 1836, стр. 29, 90; наконецъ въ Przyjacielu ludu, 1838, стр. 50, и т. д.

Изъ стихотвореній Олизаровскаго приводится у Яблонскаго, Пржиборовскаго, Войцицкаго, „Spiew Kozaka“, какъ прибавленіе къ біографіи Падуры, гдѣ разсказывается о жизни Падуры у Вацлава Ржевускаго.

[2]) Ukrainky z nutoju Tymka Padurry. Warszawa, 1844, 8°, 195 стр. Упоминается, въ „Покажчикѣ“ г. Комарова, 1883, посмертное львовское изданіе Падуры 1874 г., но мы не нашли его въ библіотекахъ Академической и Публичной.

[3]) Ср. Войцицкаго, Hist. literatury polskiej w zarysach, t. IV, Warszawa, 1846, стр. 168—171.

этическимъ явленіямъ,—я сказалъ бы, на земномъ шарѣ, потому ч[illegible] онъ—писатель иного духа, и писатель иного языка"; Падура, это камертонъ новѣйшей польской литературы: „если кто вывелъ на[illegible] на новое поле, то, конечно, насъ вывелъ Падура"; „гамма его оче[illegible] коротка, очень мала, но и гамма соловья тоже мала, и, однако, всяк[illegible] слушаетъ ее съ восторгомъ"; „только послѣ Падуры могъ явить[illegible] Залѣскій и другіе, до Падуры это было невозможно",—нѣкогда е[illegible] признáютъ во всемъ славянствѣ, а въ польской литературѣ его пѣс[illegible] и думы имѣютъ то же значеніе, какъ поэзія Гезіода въ литерату[illegible] греческой [1]). Но еще въ тридцатыхъ годахъ въ Падурѣ усомнил[illegible] Михаилъ Грабовскій, къ которому присоединяются и нѣкоторые н[illegible] вѣйшіе историки польской литературы [2]).

Малорусскіе и галицко-русскіе читатели отнеслись къ Паду[illegible] съ весьма опредѣленнымъ отрицаніемъ, заявляя, что ни малорусск[illegible] языкъ не есть нарѣчіе польскаго, ни Падура не усвоилъ себѣ х[illegible] рактера и языка малорусской поэзіи, или, другими словами, усвоил[illegible] лишь въ той мѣрѣ и смыслѣ, какъ ихъ понимала польская шлях[illegible] на Украйнѣ. При появленіи львовскаго изданія, одинъ изъ ревнос[illegible] ныхъ дѣятелей тогдашней малорусской литературы, Ѳ. Евецкій, н[illegible] писалъ подробный разборъ книжки [3]). Критикъ замѣтилъ, что „во[illegible] поминанія Падуры о былой славѣ и удали козаковъ, надуты и н[illegible] пыщенны, но въ нихъ нѣтъ ни чувства, ни истиннаго одушевлені[illegible] Главный элеменъ козачества: пламенная привязанность къ вѣрѣ, с[illegible] всѣмъ пропущенъ авторомъ! Другой, чрезвычайно важный, элемен[illegible] козачества: кровная ненависть къ „нехристямъ" и „басурманамъ[illegible] изображенъ имъ весьма слабо. Напротивъ, вездѣ у автора замѣт[illegible] близкое сочувствіе къ „ляхамъ", которое могло быть мѣстное, в[illegible] Волыни, но никогда не существовало въ такой степени по всей Мал[illegible] россіи, и даже не могло существовать, по различію вѣры, язык[illegible] народнаго характера и еще вслѣдствіе историческихъ событій". Пѣсн[illegible] Падуры приторны и неестественны и критикъ вообще отрицает[illegible] всякую возможность сравненія Падуры съ авторомъ „Гетмана Ко-синскаго" и „Русалокъ", т.-е. съ Богданомъ Залѣскимъ, какъ это сдѣлано было львовскимъ издателемъ: у Залѣскаго, какъ и другихъ писателей украинской школы, Евецкій находитъ, при извѣстныхъ односторонностяхъ, настоящую поэзію, которой могъ бы сочувство-

---

[1]) Цитата у Пржиборовскаго, стр. 421—422.

[2]) См. Zdanowicz-Sowiński, III, 634—637.

[3]) Денница, П. Дубровскаго, 1843, ч. 1-я, стр. 196—206. Евецкій указалъ, между прочимъ, что въ число сочиненій Падуры попала баллада: Pani Twardowska, малорусскій переводъ которой сдѣланъ былъ Гулакъ-Артемовскимъ. Раньше, въ Денницѣ 1842, № 19, былъ помѣщенъ короткій отзывъ о книжкѣ, присланный изо Львова.

вать и малорусскій читатель,—но не находитъ подобной поэзіи у Падуры. Что касается языка стихотвореній, онъ вовсе не такой чистый украинскій, какимъ представлялся польскимъ критикамъ: напротивъ, это языкъ путаный, смѣсь малорусскаго съ русскимъ, польскимъ и даже церковнымъ, и притомъ съ неправильностями, не принадлежащими никакому языку. Не менѣе сурово отнесся къ Падурѣ и г. Кулишъ, которому его произведенія, какъ вообще произведенія всей польской украинской школы, кажутся шляхетской забавой, которая выражаетъ готовность поляковъ быть съ украинцами за панибрата, но отъ которой эти послѣдніе сторонятся [1]). Въ польскомъ обществѣ сохраняется, однако, до сихъ поръ представленіе, что Падура наилучшимъ образомъ усвоилъ характеръ и языкъ южно-русской народной поэзіи [2]).

Замѣчанія малорусскихъ критиковъ о содержаніи и языкѣ произведеній этого рода, безъ сомнѣнія, справедливы. Падура беретъ изъ малорусской дѣйствительности только черты, которыя пріятны на польскій взглядъ, и не затрогиваетъ больного мѣста польско-малорусскихъ отношеній; но какъ въ произведеніяхъ Богдана Залѣскаго было бы несправедливо видѣть одну шляхетскую забаву, такъ и здѣсь мы готовы были бы предположить и болѣе искреннее, хотя бы неполное и наивное отношеніе къ малорусской жизни. Именно намъ кажется, что украинская школа, Падура и его послѣдователи, были литературными предшественниками болѣе серьезнаго движенія польскихъ умовъ въ смыслѣ украинскихъ сочувствій, которое въ концѣ 50-хъ годовъ выразилось въ извѣстной польской „хлопоманіи“. Обыкновенно полагаютъ, что хлопоманія была произведеніемъ новѣйшей эпохи русско-польскихъ отношеній—освобожденія крестьянъ и вновь

---

[1]) „Основа“, 1862, стр. 74 — 75. Г. Кулишъ упоминаетъ, впрочемъ, что даже историкъ Запорожской Сѣчи, Скальковскій, принялъ стихотворенія Падуры за дѣйствительно народныя думы и внесъ ихъ въ первое изданіе своей книги.

[2]) Ср. Szujski, „Die Polen und Ruthenen in Galizien“, стр. 278, гдѣ упоминаются „die im reinsten Ruthenisch schreibenden, die Einheit Rutheniens mit Polen betonenden, das lateinische Alphabet gebrauchenden Dichter Tymko Padurra († 1871), Platon Kostecki, Węgliński und Ostaszewski ein“. Въ частности о Падурѣ Шуйскій говорилъ: Padurra ist ohne Zweifel das Szewczenko am nächsten stehende (!) poetische Talent; freilich bieten seine historischen Gedichte, in denen er den Hetman Mazeppa, seine lyrischen, in welchen er unter andern den nach Sibirien geschleppten ruthenischen Fürsten Roman Sanguszko verherrlicht und das Russificiren der Muttersprache (!) innig beklagt, einen grellen Gegensatz zu der „russischen Einheitsidee!“ Но сами украинцы какъ прежде, такъ и теперь, были объ этомъ другого мнѣнія; ср. „Труды Экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, стр. 253 и д., гдѣ приведены и образчики стихотвореній этой школы.

См. также спеціальную статью о Падурѣ въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, сентябрь, стр. 727—751: „Ѳома Падура“, критическій очеркъ Ф. Равиты.

возникшаго политическаго броженія въ польскомъ обществѣ: на дѣлѣ, хлопоманія, какъ сознаніе неправильности и несправедливости польскаго политическаго и особливо соціальнаго отношенія къ украинскому народу, имѣетъ гораздо болѣе ранніе прецеденты, и именно ясныя выраженія ея мы находимъ еще въ польской эмиграціонной литературѣ сороковыхъ годовъ. На этомъ любопытномъ явленіи мы остановимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія.

Политическое и нравственное состояніе польской эмиграціи.—Польскій украинофилъ въ эмиграціи: Як. Яворскій.

Движеніе шестидесятыхъ годовъ: хлопоманія.

Польскій украинофилъ въ Галиціи.

Изслѣдованія этнографическія: Оскаръ Кольбергъ; Новосельскій; труды Краковской Академіи и пр.

До сихъ поръ не написана исторія польской эмиграціи, послѣдовавшей за неудачею возстанія въ 1830 — 1831 годахъ. Для этой исторіи есть много матеріала въ произведеніяхъ польской эмиграціонной литературы; много фактовъ даетъ политическая исторія съ 30-хъ и до 60-хъ годовъ, но все это еще не вполнѣ рисуетъ внутреннюю жизнь эмиграціи, не изображаетъ того психологическаго состоянія, въ какомъ очутились страстные патріоты, выброшенные неудачей возстанія за границы своей родины. Это психологическое состояніе несомнѣнно было ужасно. Это была не только потеря родины со всѣмъ тѣмъ кругомъ дѣятельности, впечатлѣній, обстановки, которыя съ дѣтства были дорогой привычкой, условіемъ существованія; но это была въ сущности потеря всякихъ сколько-нибудь исполнимыхъ ожиданій отъ будущаго. Присоединялось и тяжкое бѣдствіе матеріальное: лишь немногіе сохранили болѣе или менѣе свои матеріальныя средства; большинство оказалось въ нищетѣ. Правда, по разнымъ причинамъ, — и потому, что поляковъ считали бойцами за народную свободу, и потому, что они были врагами именно Россіи, — польскіе эмигранты встрѣчали въ Европѣ не мало сочувствій, особенно во Франціи, гдѣ и основалось главное гнѣздо эмиграціи; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ослабѣвало первое впечатлѣніе, сочувствія сокращались, помощь ограничивалась и положеніе

эмиграціи становилось все мудренѣе въ матеріальномъ отношеніи, а рядомъ становилось все тяжеле и настроеніе нравственное. Послѣ 1831 г., Польша не подавала признаковъ жизни; наступившій порядокъ вещей поддерживался энергически; иллюзіямъ не было мѣста. Но иллюзія оставалась единственной почвой, на которой могла жить и мысль, и патріотическое чувство; родина все болѣе и болѣе принимала для эмиграціи идеальныя очертанія обѣтованнной земли, украшаемой всѣми очарованіями, которыя рисовало наболѣвшее чувство; жизнь реальная ускользала отъ анализа и исторія не послужила урокомъ.

Эмиграція остановилась на тѣхъ идеяхъ, съ которыми покинула родину; она не взглянула на вещи съ новой точки зрѣнія, а только развивала старую, пріискивая для нея новыя опоры во внѣшнихъ обстоятельствахъ и въ фантазіи. То полагали, что какія-нибудь политическія комбинаціи измѣнятъ положеніе вещей и дадутъ Польшѣ полную свободу; то идеализировали безъ конца „польскую идею", изъ которой сдѣлана была настоящая мистическая религія и, наконецъ, спасительная панацея для цѣлаго человѣчества. Главныя надежды долго и безплодно направлялись на Францію,—это тянулось до самаго Наполеона III; только долго спустя, поляки убѣдились, что имъ нечего ожидать съ этой стороны, что никто въ Европѣ не захочетъ воевать съ Россіей изъ платоническаго желанія возстановить такую Польшу, какой хотѣлось самимъ полякамъ. Поляки хватались за всѣ выраженія антипатіи и вражды къ Россіи, какія нерѣдко слышались въ тогдашней политической литературѣ, и связывали съ ними свою собственную вражду,—они только не замѣчали, что источники той антипатіи были не совсѣмъ тѣ, или совсѣмъ не тѣ, какими руководились они сами, что вообще ихъ политическія стремленія были далеко не тождественны съ стремленіями европейскаго либерализма или радикализма: они не замѣчали, напримѣръ, что если въ европейскомъ политическомъ движеніи шла рѣчь о свободѣ и демократіи, то это была совсѣмъ не та свобода и демократія, о которыхъ думали поляки, что та свобода предполагала демократическое равенство, предполагала свободу мысли, между тѣмъ, какъ общество польское все было проникнуто идеями и привычками шляхетскими, а свобода мысли была несовмѣстима съ тѣмъ ультра-католицизмомъ, который издавна сталъ чертой польскаго общества и нераздѣльнымъ условіемъ его патріотизма. Въ этомъ смѣшеніи польскаго дѣла съ европейскимъ либерализмомъ крылось несомнѣнное недоразумѣніе, которое, конечно, должно было раньше или позже обнаружиться... Надежды на европейское вмѣшательство не осуществлялись; попытки волновать Польшу изъ-за границы путемъ литера-

туры и черезъ посредство эмиссаровъ оказывались безплодны; книги доходили съ трудомъ, эмиссары попадались въ руки русской власти и погибали вмѣстѣ съ тѣми, кто вступалъ съ ними въ сношенія.

За невозможностью борьбы реальной, чувство къ родинѣ уходило въ фантастическія построенія, обѣщавшія этой родинѣ возвышенное будущее, взамѣнъ тяжкихъ испытаній настоящаго. Извѣстно болѣе или менѣе и въ нашей литературѣ, до какихъ размѣровъ дошли эти увлеченія польской эмиграціи въ мистическомъ ученіи Товянскаго, въ фантазіяхъ Гоэнэ Вронскаго, въ „мессіанизмѣ" Мицкевича. Ученіе Товянскаго исполнено такими блужданіями мысли и чувства и, однако, находило такихъ фанатическихъ послѣдователей, что его распространеніе объясняется именно страшно возбужденнымъ настроеніемъ эмиграціи. Біографія Мицкевича, который былъ въ числѣ ревностныхъ приверженцевъ Товянскаго за эти (сороковые) года, есть печальная исторія нравственнаго страданія, которое кончалось мистицизмомъ, болѣзненными порывами, пророчествами, но гдѣ среди мистическаго мрака нерѣдко блистала поэтическая сила и благородныя мечты о лучшемъ христіанскомъ будущемъ человѣчества и, особенно, любимой родины. Эта родина то вставала передъ нимъ какъ живая въ поэтическихъ картинахъ „Пана Тадеуша" и „Дзядовъ", то облекалась въ мистическій образъ, въ которомъ не было ничего реальнаго, но гдѣ собрались самыя пламенныя мечты поэта объ ея возрожденіи. Таковъ былъ извѣстный „мессіанизмъ" Мицкевича, гдѣ рядомъ съ культомъ Наполеона предвозвѣщалось будущее обновленіе человѣчества черезъ славянство: это племя не равнялось съ Европою ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, но несравненно сильнѣе, чѣмъ Европа, сохранило оно свѣжесть чувства, воспріимчивость къ глубочайшему содержанію христіанства, которымъ и должно было возродить жизнь человѣчества,—и во главѣ всѣхъ эта миссія принадлежала народу польскому... Польскіе историки и публицисты, работавшіе въ эмиграціи, были въ тѣхъ же условіяхъ: оторванные отъ родины, они возвеличивали прошедшее Польши и въ протестахъ противъ виновниковъ ея паденія не думали искать иныхъ причинъ печальнаго факта, кромѣ грубаго насилія и несправедливости. Въ этомъ настроеніи создалось и то этнографическое представленіе о племенахъ: польскомъ, „русскомъ" и „россійскомъ", которое изложено было особливо въ писаніяхъ Духинскаго [1]) и не однажды было опровергаемо въ русской литературѣ. Эта теорія такъ

[1]) Начатки этой этнографической теоріи появляются, впрочемъ, ранѣе Духинскаго. О немъ писалъ Костомаровъ въ „Основѣ"; см. также въ „Вѣстн. Европы", 1887, январь: „Тенденціозная этнографія", по поводу книжки о Духинскомъ И. А. Бодуэна де-Куртенэ.

эмиграц[illegible] просто незнако[illegible]
рядомъ [illegible] можными этнограф[illegible]
1831 г. [illegible] тривать именно толь[illegible]
докъ [illegible] умами въ эмиграці[illegible]
Но н[illegible] квы" (Россіи) и свя[illegible]
и мы[illegible] зи. Польша и Русь, э[illegible]
нима[illegible] но съ другимъ; ихъ ст[illegible]
шаем[illegible] ихъ единства, т.-е. пр[illegible]
жизн[illegible] — [illegible] льша раньше или позд[illegible]
ком[illegible] твеннымъ королевствомъ
[illegible] сское, это—туранцы, пр[illegible]
ро[illegible] русскій языкъ; настояще[illegible]
ра[illegible] XVIII вѣка узурпировали им[illegible]
о[illegible] ежащее: въ религіи они такж[illegible]
л[illegible] (греко-уніатской, подчинен[illegible]
н[illegible] и такъ далѣе, — словомъ
[illegible] ихъ невозможностей, съ послѣд[illegible]
[illegible] противъ Россіи какъ борьб[illegible]
[illegible] уранцами, и истинной цивилизаці[illegible]

[illegible] такимъ страннымъ образомъ пере[illegible] выраженія патріотической страсти, слы[illegible] простой исторической и прак[illegible] изрѣдка говорили то, что не [illegible] и революціоннымъ предводи[illegible] литературѣ встрѣтилась намъ книжка, не [illegible] ненія. Авторъ, нѣкто Яворскій, [illegible] родину послѣ возстанія, повиди[illegible] эмиграціи, человѣкъ не крупный, но го[illegible] средней руки шляхтичъ, [illegible] въ украинскихъ имѣніяхъ графа [illegible] и посвящена его книжка. Онъ уже [illegible] въ эмиграцію: дома онъ, видимо, много [illegible] прежней Украйны, живалъ и въ другихъ [illegible] языкомъ владѣлъ довольно хо[illegible] прежніе его взгляды и обычаи [illegible] вся подобная шляхта или гро[illegible] книжку Потоцкому, онъ говорилъ, [illegible] своихъ подданныхъ, на[illegible]

[illegible] w swą przyszłość, przez Jakoba [illegible] 1848 roku. W Drukarni Maistrasse [illegible]

столько ваши арендаторы и поссессоры были ихъ угнетателями". Самъ онъ, по его словамъ, въ тѣ годы искалъ только прибыли и не обращалъ никакого вниманія на народъ, который былъ для него только грубой рабочей силой. Долгіе годы изгнанія произвели въ немъ большую перемѣну: отношенія, въ которыхъ жили обыкновенно польскіе помѣщики въ малорусскихъ земляхъ и жилъ онъ самъ, предстали ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ пораздумалъ о немъ на своемъ печальномъ досугѣ.

Его взглядъ состоялъ теперь въ слѣдующемъ. Прежде всего Польша во всякомъ случаѣ должна освободиться отъ власти „тирана" и „деспота"; Яворскій негодуетъ на тѣхъ, кто думалъ, что освобожденіе должно простираться только на одну конгрессовую Польшу: по его мнѣнію, Польша должна быть такая, какою была до того насилія, которое совершили надъ ней „три разбойника", т.-е. въ границахъ 1772 года, если не отъ моря до моря, то, по крайней мѣрѣ, до Чернаго моря (о Балтійскомъ онъ умалчиваетъ). Украйна является необходимой составной частью его отечества—какъ это было не въ 1772, а собственно въ первой половинѣ XVII вѣка. Для Яворскаго нѣтъ даже вопроса о томъ, что малоруссы, пожалуй, не захотѣли бы возвратиться въ составъ предполагаемаго польскаго государства—оба племени онъ одинаково противополагаетъ „Москвѣ". Видимо, что живя въ польскомъ шляхетскомъ кругу Украйны, онъ былъ въ наивномъ предположеніи, что живетъ дѣйствительно въ польской странѣ, что украинскій народъ (отличный отъ „россійскаго") не помышляетъ объ удаленіи отъ Польши; теперь Яворскій убѣдился въ ложномъ и несправедливомъ отношеніи поляковъ къ этому народу и эту несправедливость считаетъ крайне вредной политически для общаго польско-украинскаго дѣла. Излагая свои мысли объ этомъ, онъ переносится въ Малороссію и съ сочувствіемъ говоритъ о малорусскомъ народѣ, какъ о своемъ.

Въ первой главѣ онъ ставитъ вопросъ: „Можетъ ли имя короля быть принято за кличъ до повстанія?" Онъ не споритъ, что Польша, „по изгнаніи наѣздниковъ" [1]), въ первыя минуты своего политическаго существованія можетъ установить у себя монархическое правленіе; но онъ возстаетъ противъ того, чтобы именемъ „короля" можно было вызвать къ возстанію цѣлый народъ „долгой и широкой Польши": „это—заблужденіе тѣхъ, которые хотѣли бы навязать монархію, не выслушавши *воли народа*, и такое заблужденіе никогда не можетъ пройти безнаказанно". Въ давней Рѣчи Посполитой имя короля имѣло свое значеніе; но народъ земледѣльческій не

[1]) Сохраняемъ эту терминологію для мѣстнаго колорита.

понимаетъ его. „Неужели же черезъ 13 лѣтъ изгнанничества [1]) мы еще не поняли, что революція *шляхетская*, со своими понятіями и девизами, не можетъ сдѣлать ничего прочнаго; противъ трехъ разбойниковъ нужна вся сила польскаго народа, и это убѣжденіе мы освятили нашими несчастіями. Будемъ же поэтому искать для Польши девиза, который отвѣчалъ бы потребностямъ угнетаемаго народа“ [2]) Яворскій хочетъ говорить только объ Украйнѣ, о земляхъ, гдѣ говорятъ языкомъ украинскимъ. Здѣсь,—замѣчаетъ онъ,—имя короля извѣстно только по одной думѣ о Потоцкомъ; она поется повсюду съ проклятіемъ противъ угнетенія,—и „никогда въ Украйнѣ возстаніе не будетъ вызвано подъ шляхетскимъ кличемъ“. „Мысль о борьбѣ только за конгрессовую Польшу была бы преступленіемъ, даже низостью со стороны тѣхъ, кто на челѣ возстанія забылъ бы нѣкогда о тѣхъ прекраснѣйшихъ земляхъ не только во всей Польшѣ, но и въ Европѣ. Быть можетъ, я увлекаюсь, какъ дитя богатой Украйны, но меня не пойметъ лишь тотъ, кто не знаетъ тѣхъ провинцій, которыя, какъ писалъ Трембецкій, текутъ молокомъ и медомъ“. Яворскій припоминаетъ, что народъ говорилъ повстанцамъ: „nechaj Boh pomahaje tym, chto o nas dobre dumaje“. „Какой же мы видѣли результатъ предсказанія хлоповъ? Польша пала, потому что мы никогда не имѣли *доброй мысли* объ угнетенномъ *народѣ*, и не имѣютъ еще многіе изъ насъ въ эмиграціи; но пусть они помнятъ, какой былъ конецъ революціи, начатой въ 30-мъ году; таково же будетъ и начало слѣдующей, если мы совсѣмъ не удалимъ отъ себя мысли объ угнетеніи“.

Яворскій караетъ шляхту за ея наклонность къ новизнамъ, за потерю старыхъ добродѣтелей: но народъ украинскій, по его словамъ, очень помнилъ, что „въ польскія времена было лучше, чѣмъ теперь“ (мы скажемъ дальше, какъ надо понимать это утвержденіе Яворскаго о „польскихъ временахъ“). О современномъ (въ сороковыхъ годахъ) положеніи вещей Яворскій не обманывается. „Народъ Украйны, Волыни, Подоли *ненавидитъ* своихъ пановъ за угнетеніе, и *справедливо*; у него всегда готовъ ножъ для мщенія... Года три передъ рево-

---

1) Книжка Яворскаго, по словамъ его, написана была за два года до ея напечатанія.

2) Яворскій, предоставляя людямъ болѣе ученымъ растолковать, почему народъ земледѣльческій не разумѣлъ значенія имени короля, прибавляетъ: „почти во всѣхъ шляхетскихъ домахъ пѣлись пѣсни о конституціи *третьяго мая*, но никто или не смѣлъ, или не умѣлъ перевести эту пѣсню на языкъ народа, чтобы эта традиція могла остаться въ его памяти,—а почему? Легко угадать. Конституція третьяго мая всего слабѣе коснулась счастья и свободы земледѣльческаго народа; можно сказать, что *совсѣмъ не коснулась*.—А теперь вы хотите поднять народъ именемъ короля и конституціи? Ахъ, заблужденіе, и что за заблужденіе!“ и т. д.

люціей 1830 года, украинскій народъ началъ убѣждаться, что не паны, а правительство—причина податей и особенно рекрутства. Но это убѣжденіе ни малѣйшимъ образомъ не ослабило его ненависти къ панамъ, потому что тиранство со стороны помѣщиковъ и тѣхъ, кто отъ имени помѣщиковъ управляетъ хлопами, *сильнѣе* рекрутства и подушныхъ. Прискорбно сказать, что на Украйнѣ, на Волыни и Подоли, мало, чрезвычайно мало число нравственныхъ и честныхъ помѣщиковъ; почти всѣ—тираны; много тщеславныхъ, праздныхъ, безъ образованія, безъ сердца, и много между ними голышей, ибо то, что̀ бѣдный хлопъ въ потѣ лица заработаетъ въ годъ, онъ спуститъ въ одинъ мѣсяцъ, и сто̀итъ *такому* мигнуть, какъ хлопъ видитъ въ рукахъ эконома готовую плеть на свое тѣло".— Картина, вѣроятно, была правдива, но Яворскій дѣлаетъ изъ нея такой выводъ: „какъ же несчастному народу не помнить и не желать давней Польши? И чѣмъ поможетъ имя короля? Ничѣмъ".

Яворскій съ раздраженіемъ и презрѣніемъ говоритъ о магнатствѣ, „богатой испорченной шляхтѣ", которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, „что̀ есть недоученаго и празднаго между менѣе богатыми", не забываетъ стараго присловья: szlachcić na zagrodzie równy wojewodzie, или: każdy polak do korony zrodzony. Онъ изумляется, что „въ XIX вѣкѣ еще находятся фамиліи (подразумѣваются Чарторыйскіе), которыя думаютъ, какимъ бы способомъ возложить на свою голову корону бѣдной порабощенной Польши",—потому что не сомнѣвается, что никому изъ магнатовъ не удастся быть королемъ хотя бы конгрессовой Польши „даже на 24 минуты"; напротивъ, это магнатство всего скорѣе измѣняетъ родинѣ изъ-за своихъ интересовъ и даетъ покупать себя игрушками, обѣщаніями и золотомъ.

Въ концѣ этихъ разсужденій является слѣдующій выводъ. „Украинскій народъ,—и я не сдѣлаю ошибки, если скажу: народъ цѣлой Польши,—можно привести въ движеніе, зажечь и воспламенить только во имя свободы. Но, вызывая къ возстанію народъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ пункта напротивъ Кіева, во всей почти губерніи Полтавской, а на правомъ отъ Канева во всей Смилянщинѣ, надо напомнить ему о свободахъ, какія имѣлъ онъ во времена атаманскія, потому что онѣ не вышли изъ его памяти и ничѣмъ не были изглажены. Но надъ Чернымъ моремъ, Днѣстромъ, въ цѣлой Украйнѣ, Подоли и Волыни, народъ понимаетъ только свободу и къ ней стремится. Онъ поднимется весь, если увидитъ и увѣдаетъ, что не паны и никакое магнатство,—потому что сегодня они могутъ обѣщать, а завтра перемѣнить,—но только сама Польша (?), мать всѣхъ своихъ дѣтей, за кровь и жизнь, принесенныя на то, чтобы снять съ нея цѣпи тирановъ, будетъ награждать не только свободой, равенствомъ, но и

кускомъ земли изъ своего лона, за который онъ столько вѣковъ несъ тяжелую *барщину*. Такой кличъ—практиченъ; народъ повѣритъ тогда что Польша его не обманываетъ; онъ тотчасъ схватится за оружіе какое подвернется подъ руку, съ одной мыслью, согласно, и будетъ истреблять наѣздниковъ".

„Но только онъ долженъ быть вызванъ не какъ хлопъ, крѣпостной, но какъ полякъ, сынъ одной матери и одного отца (?)—тако эхо разнесется изъ конца въ конецъ долгой и широкой Польши. Подъ такіе знаки, изображенные на хоругвяхъ повстанія, направятся всѣ силы, которыя наѣздники насиліемъ отняли у Польши, и онѣ съ оружіемъ въ рукахъ умножатъ силу отцовъ и братьевъ противъ угнетателей нашего отечества. Этому надо вѣрить. А если представите народу знаки королевскіе, то будьте увѣрены, что всѣ силы отнятыя у Польши изъ земель, находящихся теперь подъ властью наѣздниковъ, вы будете имѣть противъ себя и они будутъ биться за своего царя, цесаря и за своего Koenig'а".

Нѣтъ надобности останавливаться на странности понятій о политическихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, когда Яворскій находитъ чистѣйшую Польшу въ юго-западномъ краѣ, гдѣ было только много польскихъ помѣщиковъ; съ другой стороны, польское государство на Украйнѣ было уже слишкомъ давно. Яворскій увѣренъ, очевидно, что поляки могутъ втянуть въ польское возстаніе малорусскій народъ, давши ему свободу и „кусокъ земли"; но, не говоря о малой вѣроятности такого дѣла, какъ было сразу истребить въ народѣ ту ненависть къ панамъ, которую самъ Яворскій указываетъ столь категорически? Очевидно, это была соломенка, за которую патріотъ хватался, чтобы спасти потерянное дѣло своей родины, но слова его любопытны какъ образчикъ возникшаго понятія о необходимости иныхъ отношеній со стороны поляковъ къ малорусскому народу.—Въ опроверженіе его мечтаній, въ томъ же 1846 году произошли извѣстныя галиційскія убійства, гдѣ польскихъ помѣщиковъ истребляли даже не малорусскіе, а польскіе же крестьяне.

Слѣдующая глава посвящена вопросу: „чѣмъ можно убѣдить украинскій народъ?"

„Читатель,—начинаетъ онъ,—если ты живешь въ богатой Украйнѣ и если тебѣ по какому-нибудь особенному случаю попадутся на глаза мои воспоминанія, не подражай мнѣ такому, какимъ я былъ до революціи 1830 года. Подумай, и самъ выйди изъ этихъ заблужденій, потому что иначе ты никогда не перестанешь походить на сильнаго звѣря, который бьетъ и угнетаетъ тѣхъ, кто его слабѣе; пусть кончится на насъ то черное, адское пятно, которое недостойно человѣка нѣсколько образованнаго, и пусть оно не коснется молодого по-

колѣнія. Ты знаешь, какое его теперешнее воспитаніе? Но подражай мнѣ, каковъ я теперь, и ты вступишь на истинную дорогу чести; ты узнаешь, что ты—человѣкъ, а не сильная скотина; ты узнаешь въ бѣдномъ, отъ угнетенія униженномъ, нашемъ хлопѣ, равнаго тебѣ, будешь любить его тою же братскою любовію, какую всѣмъ предписалъ Христосъ; ты найдешь въ немъ друга, откроешь въ своемъ закаменѣломъ сердцѣ—спокойствіе, въ твоей холодной душѣ—огонь любви къ ближнему; ты поднимешься выше звѣря. А твое поколѣніе будетъ благословлять тебя, что ты указалъ ему простую, самимъ Богомъ завѣщанную дорогу".

Въ прежніе годы, авторъ часто ѣздилъ въ Одессу для продажи хлѣба. Онъ ѣздилъ обыкновенно, почти каждый годъ, по тракту на Богополь, гдѣ лежалъ и обычный путь чумаковъ, возившихъ пшеницу въ ту же Одессу. Ему вспоминается теперь одна такая поѣздка южнорусской степью, встрѣча и бесѣды съ „гордыми" чумаками. „Ночь темная, погода въ іюнѣ прекраснѣйшая, и трактъ (теперь я могу сказать это, потому что въ ту пору не могъ ни съ чѣмъ этого сравнить) былъ освѣщенъ лучше и яснѣе, чѣмъ парижскіе бульвары. Каждая „валка" (партія) чумаковъ стоитъ одна отъ другой шаговъ на двѣсти, и около каждой зажжены огромные костры изъ сухого бурьяна. При огняхъ сидятъ гордые чумаки; одни играли на своихъ сопилкахъ украинскія думы, другіе, не поражая уха, вторили имъ заунывнымъ, но далеко разносившимся голосомъ. Слышались изрѣдка ревъ быка, ржаніе коня, отдалившихся отъ своего стада, голосъ журавля, ходящаго на стражѣ, когда другіе спали, или другой дикой степной птицы. Казалось, что это было близко отъ тракта, но нѣтъ, это было далеко, очень далеко, въ степи, но эхо доходило до ушей изъ самыхъ далекихъ угловъ равнины въ тихую и спокойную ночь". Только теперь, черезъ многіе годы испытаній и размышленій ему стала ясна увлекательная прелесть этой южной ночной картины, о которой тогда онъ только смутно догадывался. „Только великій поэтъ можетъ это описать; а мнѣ, не имѣющему для этого дара, кромѣ чувства и горести по утраченной отчизнѣ, не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ".

Днемъ дорога была отяготительна отъ однообразія степи и невыносимой жары; иногда приходилось встрѣчать отвратительные переходы саранчи... На пути онъ остановился на ночлегъ. „Приблизившись къ одной партіи, я увидѣлъ сидящихъ около огня пять чумаковъ съ головами, нѣсколько заросшими послѣ бритья, съ длинными оселедцами, заложенными за ухо, въ жупанахъ и пестрыхъ широкихъ шараварахъ, во многихъ мѣстахъ запачканныхъ дегтемъ". Путешественникъ расположился на ночлегъ, подлѣ, съ любезнаго поз-

воленія чумаковъ; но лакей, какъ послѣ оказалось, убѣжалъ въ степ
потому что чумаки были на его взглядъ настоящіе гайдамаки. „М
сосѣди сидѣли и разговаривали. Я слышалъ ихъ бесѣду и вся о
теперь почти слово до слова пришла мнѣ на память, не знаю откуд
потому что въ ту пору она на утро уже вылетѣла у меня изъ г
ловы. При сильномъ огнѣ я могъ видѣть каждаго изъ говори
шихъ"...

Не будемъ повторять длиннаго разговора чумаковъ, приведе
наго Яворскимъ на малорусскомъ языкѣ и который носитъ печа
правды; только въ иныхъ мѣстахъ авторъ, быть можетъ, закругли
его собственными, хотя бы ненамѣренными добавками. Разговоръ п
шелъ о панахъ, о томъ, гдѣ какъ живется, какія дѣлаются пр
тѣсненія, какъ живалось въ прежнее время, и какъ въ иныхъ м
стахъ, напр., въ Полѣсьѣ, народъ забитъ панами до того, что изу
ляется и не понимаетъ, когда заговорятъ съ нимъ о волѣ. Мнѣн
говорились свободно (предполагалось, что панъ спитъ), разсказыв
лись исторіи и въ заключеніе рѣшили на томъ, что пора бы мі
положить когда-нибудь этой бѣдѣ конецъ... Затѣмъ начались пѣсн
„Одинъ изъ чумаковъ взялъ длинную сопилку и началъ играть, друг
вторили ему пѣніемъ... Во время пѣнія къ нимъ подошли чумак
изъ другихъ партій и увеличили хоръ; мнѣ пріятнѣе было слушат
ихъ пѣсни, чѣмъ разговоры о свободѣ" [1]).

---

[1]) Укажемъ, для справокъ этнографамъ, первые стихи пѣсенъ, какъ они пр
ведены въ разсказѣ Яворскаго.

1) Jichaw Kozak za Dunaj,
Skazaw diwczyno proszczaj.
Ty konju worony, nessy, nessy
Taj dumaj i t. d.

2) Oj ty Potocky, wojewodzky synu,
Zapropastywyś Lytwu, Polszczu i wsiu Ukrainu.
Dumka twoja buła, szczob korolem staty,
Pojichawyś do Carycy pomoczy szukaty.
Pryjde toj czas i taja hodyna
Zhynesz marne, wrazy synu, i twoja rodyna.

3) Atamane, batku nasz,
Czemu ne rano z Krymu jdesz,
Wsich Kozakiw ne wedesz.
Oj ja rano z Krymu jda,
Wsich Kozakiw wydu,
Nestaje mini odnoho,
Brata moho ridnoho, i t. d.

4) I szumyt i hude,
Dribny doszczyk ide,
A chto mene molodoju
Do domonku zawede

Яворскій не боится „разсмѣшить читателя“ и замѣчаетъ, что слыша пѣніе украинскихъ думъ этимъ чумацкимъ хоромъ и сравнивая его съ операми парижскихъ театровъ, онъ находитъ большую разницу: „у тѣхъ голоса выходятъ не только изъ устъ, но изъ сердца и души, а здѣсь они идутъ только изъ горла и притомъ за деньги; у тѣхъ пѣсни подѣйствуютъ на самую жесткую душу, здѣсь онѣ приводятъ только въ удивленіе“. Весь этотъ разсказъ, какъ и дальнѣйшія повѣствованія Яворскаго, сопровождаются убѣжденіями къ „испорченному шляхетству“, чтобы оно оставило свои старые пороки, выучилось признавать въ человѣкѣ человѣка и брата. „Вы заслужили проклятія,—говоритъ онъ,—подумайте о себѣ, исправьтесь, сдѣлайте, чтобы ваше слѣдующее поколѣніе не испытывало тѣхъ бѣдствій, виною которыхъ вы сами: полюбите хлопа братскимъ сердцемъ, измѣните для себя этого хлопа изъ мстителя за несправедливости, учиненныя ему вашимъ притѣсненіемъ, въ своего пріятеля, какъ равнаго въ Христѣ, своего стража, въ сосѣдствѣ котораго вашъ сонъ будетъ спокоенъ“, и т. д. Онъ доходитъ до замѣчаній, весьма любопытныхъ. Онъ говорилъ выше, что было бы низостью искать освобожденія одной конгрессовой Польши безъ ея старыхъ украинскихъ земель; но въ другую минуту его одолѣваютъ сомнѣнія, съумѣютъ ли понять поляки то отношеніе къ украинскому народу, какое онъ имъ желаетъ внушить: „съ печалью за родную землю и съ смертельною горестью я рѣшаюсь сказать: лучше будетъ *забыть о провинціяхъ*, которыя я воспѣваю, оставить въ нихъ народъ на жертву тираніи, отдать на пищу деспотизму шляхту и религію, чѣмъ поднимать этихъ людей на возстаніе за дѣло, имъ непонятное [1]). Я хочу лучше, чтобы была хоть какая-нибудь Польша, чѣмъ не было бы совсѣмъ никакой; какъ полякъ, я хочу ея хоть какой-нибудь,

Odizwawsia Kozak na solodkim medu,
Hulaj, hulaj, czorniawaia, ja do domu zawedu.
Oy proszuż ja tebe, ne wedyż ty mene,
Bo ja złoho muża maju, bude byty mene.
Choc ja muża ne bojusia,
Bo ja jomu pokorusia,
A jak budu maty czas,
To szcze wyjdu do was, i t. d.

5) Oy! Fortuno, fortuno, czomuś taka neprawdywa,
Szczo ty o kozactwi, ta szczo ty o burłactwi ne po prawdi służyła.
Jak wyidemo na mohyłu, a hlanemo u dolynu,
Tam wsiuda Laszeńky i piut i hulajut, nasz wsiuda beztalania
Oy fortuno, fortuno, ta posłuży choc nemnoho.
Zaky osidłaje Kozak mołodenky konyczeńka woronoho i t. d.

[1]) То-есть, за возстановленіе королевства и свободу, только шляхетскую.

если уже иначе быть не можетъ; но какъ дитя богатой Украйны, не перестану плакать о землѣ, которая меня выкормила. Потому что, я увѣренъ, что ежели эти провинціи будутъ забыты будущей революціей, онѣ уже никогда не будутъ въ однихъ границахъ съ Польшей. Не знаю, какъ далеко Польша проведетъ свою границу, отрекшись отъ своихъ дѣтей; отгадывать это трудно; скажу лучше, что я этого не знаю. Но могу безъ колебанія сказать, что въ этомъ случаѣ Польша никогда не будетъ укрѣплена съ востока: народъ этихъ провинцій, вѣроятно, сброситъ самъ ярмо своей неволи и станетъ отдѣльнымъ независимымъ государствомъ и, можетъ быть, расширитъ свои границы далеко на востокъ, съ кличемъ по-истинѣ евангельскимъ: Богу только извѣстно его будущее. Онъ не будетъ докучать Польшѣ, потому что въ немъ много чести; онъ не унизится до того ничтожества, чтобы нападать на чужія границы, потому что съ просвѣщеніемъ будетъ имѣть много благородства; но вѣрно и то, что онъ не будетъ препятствовать непріятелямъ съ сѣвера щипать ту, которая для однихъ была матерью, а для другихъ оказалась мачихой. Насколько я, какъ полякъ, бѣдный изгнанникъ, желаю сколько можно скораго возстанія народа для общей будущей революціи, настолько я считалъ бы за преступленіе утаить или фальшиво передавать мой разсказъ".

Приводимъ еще одну подробность. „Ахъ, — восклицаетъ онъ по поводу воспоминанія о степной встрѣчѣ,—еслибы я теперь могъ, по крайней мѣрѣ, слышать слова этого несчастнаго народа, стремящагося къ свободѣ, я поглощалъ бы ихъ въ свою грудь, какъ узникъ, посаженный глубоко въ сырой и мрачной тюрьмѣ, поглощаетъ струю чистаго воздуха, которую вѣтеръ изъ сожалѣнія заноситъ къ нему сквозь маленькое оконце; я не лежалъ бы на своей удобной, хоть и дорожной, постели, я выскочилъ бы изъ нея и, конечно, былъ бы у костра; но въ ту минуту, разговоръ чумаковъ мнѣ наскучалъ, приводилъ въ нетерпѣніе, даже раздражалъ меня и отнималъ сонъ, что они вздыхаютъ о свободѣ, а я о наживѣ изъ чужого труда и изъ вѣчной неволи хлопа". „Во всей Польшѣ, — дѣлаетъ онъ здѣсь рядомъ любопытное признаніе,—нигдѣ не было такъ хорошо для пановъ, какъ въ провинціяхъ подъ московскимъ деспотизмомъ (!). Жизнь и смерть хлопа были въ рукахъ помѣщика или поссессора; московская власть смотрѣла на это сквозь пальцы, хотѣла и знала, что чѣмъ больше панъ будетъ имѣть самовольства угнетать хлопа, тѣмъ больше будетъ увеличиваться жадность, а хлопъ тѣмъ больше будетъ ненавидѣть пана; потому что на этомъ московская власть основала всю свою силу господства надъ заграбленными провинціями... Теперь она уже не боится шляхты, считаетъ ее за нуль... найдите же способъ сбли-

иться съ народомъ, говорить съ чумаками; хватайте и поглощайте хъ слова, потому что это будутъ слова спасенія человѣчности".

Далѣе, бѣдный авторъ разбираетъ еще другіе вопросы, напр.: готовъ ли до повстанія украинскій народъ"? „будущность Польши слѣ революціи". Онъ пишетъ: „Катехизисъ для дѣтей сельскаго арода"; свои воспоминанія о возстаніи 1830 года; стихотвореніе на алорусскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Голосъ народа взываетъ о римиреніи"; составляетъ, со всѣми цифровыми подробностями, разчетъ сельскаго хозяйства „въ двухъ эпохахъ": первый, въ 1830 г., съ барщиной и неволей", а другой, „когда сгинетъ совсѣмъ рабкое слово: крѣпостной" и когда хозяйство пойдетъ „во имя Отца і Сына и Святаго Духа, безъ угнетенія, слезъ, пота, крови и проклятій ближняго"...

Таково содержаніе книжки. Ошибки Яворскаго понятны сами собой, но книжка любопытна, какъ оригинальный образчикъ мыслей, возникавшихъ въ толпѣ эмиграціи, въ людяхъ, которые по своимъ занятіямъ стояли близко къ народу. Яворскій заблуждался, воображая, что Украйна пойдетъ за польскимъ возстаніемъ, но онъ вѣрно понялъ положеніе вещей въ данную минуту, призналъ, что украинецъ ненавидитъ своего польскаго пана, что теперь между ними нѣтъ ничего общаго и единственный путь для какого-нибудь примиренія былъ бы освобожденіе крестьянъ. Это освобожденіе онъ понялъ не совсѣмъ ясно, но мысль засѣла въ немъ крѣпко, и для исправленія отношеній онъ считаетъ необходимымъ для всей шляхты такое же раскаяніе въ прошедшемъ, какое испытывалъ самъ. Замѣчено было, что появленіе польско-украинской школы, о которой говорили мы прежде, было своего рода атавизмомъ, отголоскомъ въ потомствѣ давнихъ его предковъ, не заглушеннымъ еще остаткомъ старой родовой стихіи. Надъ этой стихіей налегли цѣлые слои новыхъ историческихъ отношеній, которые ее извратили, почти уничтожили; но, быть можетъ, именно ея слѣдъ остался и въ сочувствіяхъ Яворскаго къ этимъ „гордымъ" чумакамъ, ихъ разговорамъ и поэзіи, въ тѣхъ увѣщаніяхъ о братской любви, съ которыми онъ обращается къ своимъ землякамъ и товарищамъ по изгнанію [1]).

Читателю можетъ показаться неправдой, когда Яворскій разсказываетъ, будто народъ на Украйнѣ съ сожалѣніемъ говоритъ о „ляденькихъ часахъ", т.-е. о польскомъ времени. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что съ польскими временами авторъ отождествляетъ отчасти времена „атаманскія", т.-е. времена гетманщины, которыя,

[1]) Параллельные Яворскому факты эмиграціонной литературы указываетъ еще г. Даниловичъ (XXIX Отчетъ, стр. 181 и дал.).

[illegible] были особенно легки для народа, но были [illegible] управленія, безъ вмѣшательства русской бюро[illegible] признанію самого поляка Яворскаго, поль[illegible] себя очень хорошо подъ наступившимъ ст[illegible] русскимъ владычествомъ, которое крѣпко охра[illegible] крестьянами; но передъ тѣмъ, гораздо менѣе [illegible] власти надъ крестьянами, паны, чтобы удержа[illegible] земляхъ, предотвратить побѣги на Запорожье и [illegible] уманьская рѣзня, давали крестьянамъ различныя [illegible] паны и прекратили, какъ только надобность въ них[illegible] вмѣшательствомъ русской власти [1]). Черезъ трид[illegible] во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка [illegible] относятся воспоминанія Яворскаго, еще могла быт[illegible] объ этихъ льготахъ „польскаго времени". Яворскій [illegible] замѣтить фактъ, но не умѣлъ правильно объяс[illegible] собственное изображеніе современныхъ ему поль[illegible] противорѣчитъ разсказу о благахъ стараго *польскаго* [illegible] почему паны не остались бы и теперь такими же, какими [illegible] прежде?

[illegible] томъ его записки представляютъ весьма любопытный [illegible] исторіи польско-малорусскихъ отношеній: очевидно, мы

[illegible] въ изслѣдованіи г. Антоновича „О крестьянахъ юго западной [illegible] 1700—1799 годовъ". „Въ 1792 году,—говоритъ г. Антоновичъ,— [illegible] была возвращена Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ [illegible] новыя формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время [illegible] формы эти были не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, [illegible] стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени, под[illegible] осуществленіе. Шляхтичи теряли, правда, юридическую власть надъ [illegible] пріобрѣтавшуюся въ Рѣчи Посполитой до „права меча", но за то эко[illegible] ихъ господство было вполнѣ признано закономъ и могло опереться на [illegible] администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи обе[illegible] и которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой. Хитрость [illegible] отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни—явились средства удер[illegible] обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и прима[illegible] прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а чрезъ [illegible] 1796 г. и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; [illegible] помѣщики отбираютъ прежде данныя ими дарственныя записи и по[illegible] у крестьянъ земли. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное [illegible] права на полную собственность утверждались болѣе прочно, на[illegible] нерѣдко къ переселенію жителей цѣлыми селами и мѣстечками на [illegible] ихъ связь и уничтожить всякое [illegible] на покровительство, оказанное [illegible] сопротивлявшійся народъ и [illegible] Чубинскаго, т. VII, вып. I,

имѣемъ передъ собою одно изъ первыхъ проявленій того направленія, начало котораго относятъ обыкновенно къ болѣе позднему времени и которое извѣстно подъ именемъ хлопоманіи.

Именемъ „хлопоманіи“ польскіе и русскіе публицисты начала шестидесятыхъ годовъ обозначали извѣстное демократическое стремленіе одной части польскаго (молодого) общества въ пользу сближенія съ малорусскимъ народомъ. Это былъ канунъ послѣдняго возстанія, когда въ польскомъ обществѣ шло сильное волненіе, исходившее изъ разныхъ историческихъ и политическихъ источниковъ, одушевляемое весьма различными общественными настроеніями, которыя сливались, но также сталкивались и боролись наканунѣ и во время самого возстанія. Хлопоманія была однимъ изъ такихъ настроеній, которое особенно бросалось въ глаза, какъ нѣчто раньше не бывалое. Господствующій тонъ новаго революціоннаго движенія былъ въ сущности тотъ же, какъ и прежде: мысли прежде всего были направлены на политическую задачу—на возстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, причемъ главной заботой было сверженіе русскаго ига, какъ-то забывалось иго прусское и австрійское, и гораздо меньше полагалось заботы о внутреннемъ соціальномъ вопросѣ. „Польша, Литва (и тутъ же Бѣлоруссія) и Русь (т.-е. Малороссія)“ представлялись такъ, какъ будто съ XVII-го столѣтія не произошло никакой перемѣны во внутреннемъ положеніи земель, какъ будто (не говоря о западномъ краѣ, гдѣ мѣстное народное сознаніе было слабо) въ Малороссіи не возникло народное движеніе, которое имѣло уже свои краснорѣчивыя выраженія. Время оказывало однако свое вліяніе въ самомъ польскомъ обществѣ, при всемъ его упорномъ консерватизмѣ, и однимъ изъ такихъ новыхъ фактовъ была хлопоманія.

Она встрѣчена была довольно непріязненно съ своей польской стороны и совершенно непріязненно со стороны русской. Для польскаго большинства было слишкомъ необычно это желаніе сближаться съ народомъ, который все-таки представлялся всего чаще въ образѣ хлопа, такъ долго презираемаго или осуждаемаго на одно повиновеніе. Польской „демократіи“ всегда было чрезвычайно трудно перешагнуть ту грань, на которой оканчивался шляхтичъ и начинался хлопъ; „народъ“, о которомъ она такъ много говорила, въ огромномъ большинствѣ случаевъ понимался именно какъ народъ шляхетскій, и если, наконецъ, было нужно представить себѣ настоящее народное единство въ смыслѣ демократіи, объединеніе двухъ общественныхъ полюсовъ предполагалось не простымъ сближеніемъ высшаго класса съ низшимъ, не реальнымъ участіемъ перваго къ интересамъ по-

слѣдняго (и ни въ какомъ случаѣ не подчиненіемъ привилегій высшаго класса, интеллигенціи, интересамъ массы, какъ въ нашемъ народничествѣ), а предполагавшимся превращеніемъ всего народа въ шляхту, чтб при извѣстномъ понятіи о шляхтѣ было или невозможно или оставалось игрой словъ. Съ русской стороны, польская хлопоманія была понята еще менѣе. Когда наша публицистика въ началѣ 60-хъ годовъ поставила польскій вопросъ предметомъ своихъ разсужденій, она считала излишнимъ всматриваться въ явленія польской жизни и въ польско-малорусскія отношенія, и на все давала одно готовое объясненіе: „польская интрига“. Какъ можетъ цѣлое обширное общество разныхъ мѣстныхъ условій, разной степени образованія, разныхъ сословныхъ и личныхъ стремленій, смѣшаться въ одной всеобщей интригѣ; какъ эта интрига стремилась иногда къ совсѣмъ разнымъ цѣлямъ — объ этомъ не стоило толковать: „интрига“ объясняла все, и для большой доли общества, ничего не знающей о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и ни о чемъ не привыкшей думать, это объясненіе пришлось совершенно въ пору. Мы видѣли, что этотъ способъ объясненія привился и у писателей галицко-русскихъ, считавшихъ нужнымъ вторить тому, чтò они считали самымъ русскимъ... Хлопоманія была также объяснена какъ вѣтвь интриги: это былъ преднамѣренный обманъ, имѣвшій цѣлью завлечь въ польскій мятежъ, если не малорусскій народъ (это, кажется, и нашимъ политиканамъ представлялось мало вѣроятнымъ), то извѣстную часть украинскаго общества или молодежи, заразившейся либерализмомъ. Интрига не удалась, но и не осталась совсѣмъ безъ результата, и по взгляду, который настойчиво проводили извѣстные дѣятели нашей „политической прессы“, этимъ результатомъ было украинофильство. Напрасно тогдашніе украинофилы (Костомаровъ и его кружокъ) категорически заявляли о полной противоположности народныхъ и общественныхъ интересовъ малорусскихъ и польскихъ; напрасно самые факты противорѣчили отождествленію украинофильства съ польской хлопоманіей, наши политики нашли благодарный сюжетъ въ украинскомъ сепаратизмѣ, толками о которомъ желали заявлять (и не безъ успѣха) свой патріотизмъ. Между тѣмъ и другимъ было лишь одно внѣшнее сходство въ интересѣ къ народу, но внутреннія основанія были непримиримы; малорусская литература положила много труда именно на то, чтобы доказать историческую несовмѣстимость двухъ племенныхъ стихій, все время политическаго сожительства которыхъ было занято упорной борьбой.

Въ дѣйствительности хлопоманія не была какимъ-нибудь внезапнымъ явленіемъ, намѣренно придуманной тенденціей на извѣстный случай — въ ту минуту на потребу польскаго возстанія. Это былъ

результатъ броженія, уже десятки лѣтъ совершавшагося въ польскомъ обществѣ и литературѣ. Нѣкогда западно-русскія и южно-русскія земли составляли огромную долю Рѣчи Посполитой; украинскіе поляки были въ огромномъ большинствѣ вчерашніе русскіе (т.-е. малоруссы), и еще въ концѣ прошлаго вѣка въ юго-западномъ краѣ было много помѣщиковъ русскихъ и православныхъ (они ополячились уже подъ русскимъ владычествомъ). При всемъ господствѣ польскаго элемента эти ополячившіеся русскіе были въ особомъ положеніи, окруженные русской народной стихіей и въ самихъ себѣ не совсѣмъ ее потерявшіе. Поэтому и были возможны тѣ возвраты къ прошлой національности, какіе выразились въ украинской школѣ польской поэзіи и въ тѣхъ промежуточныхъ ея произведеніяхъ, какими представляются пѣсни и „думки“ Тимка Падуры и его подражателей. Украинская школа была весьма многолюдна; кромѣ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, она имѣла длинный рядъ повѣствователей, историковъ и этнографовъ, и наконецъ партизановъ въ эмиграціи, какъ Яворскій. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ общественнымъ интересомъ, быть можетъ, слабо сознаваемымъ и всѣхъ требованій котораго не въ силахъ были понять его первые представители, но корень котораго лежалъ въ реальной связи двухъ племенъ, старой политической и соціальной. Исторически, связь эта была не нормальна; съ польской стороны это инстинктивно чувствовали и стремились загладить исторіографическими и поэтическими софизмами: можно было ждать, что когда-нибудь эта ненормальность предстанетъ предъ людьми искреннихъ убѣжденій во всемъ своемъ объемѣ и потребуетъ для своего примиренія не софизмовъ и паллiативовъ, а ясныхъ рѣшеній. Хлопоманія была одной изъ попытокъ такого рѣшенія.

Исторія этого движенія, какъ мы замѣчали, еще не написана. Нѣкоторый опытъ ея сдѣланъ въ VII-мъ томѣ „Трудовъ Экспедиціи“ Чубинскаго, откуда мы приведемъ нѣсколько указаній.

Со времени окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи (этому нѣтъ еще и ста лѣтъ), польское дворянство этого края зажило спокойнѣе, чѣмъ бывало при Рѣчи Посполитой. Польская жизнь въ ея старомъ помѣщичьемъ складѣ шла безпрепятственно, обезпеченная прочною правительственной поддержкой крѣпостного права; но раздѣлы Польши оставили впечатлѣніе насилія надъ національностью; поляки издавна смотрѣли высокомѣрно на русское „barbarzyństwo“ и мечтали о возстановленіи своего государства; единственные представители общества, имѣвшіе голосъ, были паны и магнаты и понятно, что всѣ мысли о будущей освобожденной Польшѣ настроены были въ аристократическомъ духѣ.

„Праздная жизнь, хотя и исполненная внѣшняго блеска, все таки не могла удовлетворить пановъ, —говоритъ авторъ статьи о нра вахъ и обычаяхъ поляковъ въ юго-западномъ краѣ, въ „Трудах Экспедиціи“ Чубинскаго:—исторические традиціи, политическій ми стицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительно польской эмиграціи, поддерживали въ панствѣ политическую мечта тельность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ про шломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображені прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной сто роны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельна знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что по литическіе агитаторы находили сочувствіе и адептовъ среди па новъ“ [1]).

До послѣдняго возстанія политическіе идеалы польскаго обществ были исключительно аристократическіе. Польскія движенія съ дру гими мотивами, какъ, напр., въ герцогствѣ познанскомъ, не был популярны въ массѣ шляхты, особливо въ юго-западномъ краѣ; здѣс не было популярно и движеніе эпохи Конарскаго, пропаганду кото раго характеризуютъ какъ ловкую комбинацію старо-шляхетских теорій съ новыми демократическими; тѣмъ не менѣе и въ этом повидимому, такъ строго опредѣленномъ польскомъ обществѣ юго западнаго края являются проблески движенія въ демократическом направленіи. Къ тому, что̀ совершалось въ литературѣ въ произве деніяхъ украинской школы, является параллель въ самой обществен ной жизни. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту школу, — будемъ л видѣть въ ней одну праздную забаву пановъ, заигрывавшихъ с малорусской народностью, или увидимъ въ ней нѣчто болѣе серьез ное,—въ обоихъ случаяхъ ея широкое распространеніе указывало что шляхетское общество чѣмъ-то не удовлетворялось въ своем исключительномъ положеніи, какъ будто тяготилось своимъ отдѣле ніемъ отъ окружающей среды и хотѣло какого-то приближенія к народу. Въ самыхъ нравахъ является какой-то смутный протест противъ свѣтскаго аристократизма, выразившійся въ такъ-называемо балагульщинѣ и козакофильствѣ. Балагульство отличалось намѣренн грубыми нравами, кутежами, панибратствомъ съ крестьянами (что̀ н мѣшало имъ хуже другихъ помѣщиковъ обращаться съ своими крѣ постными), оригинальной, иногда по простонародному испачканно одеждой и т. п. Оно было порожденіемъ той же панской праздност но вмѣстѣ и какимъ-то мнимо-демократическимъ нарушеніемъ пан скаго быта, нравовъ и приличій. Это явленіе было настолько распр

[1]) Труды Экспедиціи, т. VII, вып. I, стр. 246.

странено, что обратило на себя вниманіе литературы. Одни, какъ Чайковскій и Генрихъ Ржевускій, безпощадно осуждали балагульство; другіе относились къ нему сочувственно, предполагая въ немъ возрожденіе козачества въ польско-католической формѣ, и въ его спартанскихъ привычкахъ—воспитаніе для возстанія. Вліяніе произведеній украинской школы придало этому движенію иной характеръ: оно сдѣлалось менѣе циническимъ, получаетъ политическій оттѣнокъ и въ этой формѣ находитъ подражателей въ кругу болѣе образованной молодежи.

Выше упомянуто, какъ выражалось козакофильство въ польской поэзіи, которая рисовала „гордаго", но не столько настоящаго, сколько балетнаго козака, который отдѣлялся отъ холопской дворни, но былъ въ сущности ея лучшимъ украшеніемъ (въ глазахъ и самого поэта, и его читателей), козака, отличающагося необыкновеннымъ удальствомъ, „дикой свободой" и другими поэтическими качествами, словомъ, степного героя,—только принадлежащаго неизвѣстно какому народу и какой вѣрѣ, и неизвѣстно какимъ образомъ существующаго. Поэзія, путемъ умолчаній, кое-какъ прилаживала этого козака къ польскому быту, заставляя предполагать, что чуть ли не все козачество было „надворное", находившееся въ услугахъ пана; теперь дѣлались попытки завести на практикѣ подобное козачество. Такъ окозачился упомянутый раньше Вацлавъ Ржевускій, который окружилъ себя самодѣльнымъ дворовымъ козачествомъ и у котораго пѣлъ свои ad hoc сочиненныя пѣсни Тимко Падура. Въ 1830 году отрядъ волынскихъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго, имѣлъ козацкій характеръ. Извѣстный писатель Чайковскій, послѣ неудачи возстанія 1830 года, обратившись въ магометанство подъ именемъ Садыкъ-паши, устроилъ въ Турціи нѣчто въ родѣ Запорожской Сѣчи изъ разнаго сброда... Въ самомъ обществѣ пошла мода на козачество: Вацлава Ржевускаго и его рапсода Падуру съ удовольствіемъ принимало украинско-польское магнатство, Потоцкіе, Сангушки и пр. Польскія дамы любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Дошло до того, что польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофильства, хотя этотъ корифей самъ принималъ участіе въ возстаніи 1830—1831 года [1]).

Интересъ къ козачеству изъ области фантазіи переходитъ, наконецъ, и въ болѣе серьезныя изслѣдованія по мѣстной исторіи и этнографіи. Начиная съ той школы, какую мы указывали въ Галиціи съ

---

[1]) Труды Экспедиціи, т. VII, стр. 256. См. также: „Мих. Чайковскій и козакофильство", въ К. Старинѣ, 1886, кн. 4-я, и г. Дашкевича (XXIX отчетъ).

30-хъ годовъ, съ Бѣлёвскаго, Сѣменьскаго, Туровскаго, Дзѣдушицкаго, идетъ и въ нашемъ юго-западномъ краѣ рядъ изслѣдователей по южнорусско-польской старинѣ и этнографіи, какъ Грабовскій, Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій, Оскаръ Кольбергъ, Новосельскій (Марцинковскій), Руликовскій и др. Съ конца 50-хъ годовъ, поляки начинаютъ знакомиться ближе съ новѣйшей литературой малорусской, является въ польскихъ переводахъ Шевченко (самъ поэтъ во время своей ссылки, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, сближается въ дружескія отношенія съ сосланными поляками, поэтомъ Желиговскимъ, Брониславомъ Залѣскимъ).

Около этого времени въ кружкахъ образованной молодежи возникаетъ, какъ протестъ противъ балагульства и козакофильства, новый кружокъ, такъ-называвшихся „пуристовъ", который ставилъ себѣ задачей серьезное отношеніе къ наукѣ, строгую нравственность и философское направленіе и, кажется, съ сильнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ. Этотъ кружокъ, какъ говорятъ, удержался недолго, но содѣйствовалъ тому, что народно-политическій вопросъ въ польскомъ обществѣ юго-западнаго края поставленъ былъ болѣе ясно. Его вліянію приписываютъ, съ одной стороны, то, что въ литературѣ явилось болѣе или менѣе рѣзкое отрицаніе господствующихъ нравовъ, а съ другой,—что прежнее натянутое козакофильство превращается въ гораздо болѣе опредѣленную хлопоманію, которая уже рѣзко расходилась съ старымъ шляхетскимъ преданіемъ, а потому и была осуждаема аристократическимъ кругомъ.

„Хлопоманія,—говоритъ авторъ статьи въ „Трудахъ Экспедиціи", —отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческія традиціи хлопоманы осмѣивали... Хлопоманы сознавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украйнѣ; они сознавали, что народъ—не „быдло", что нужно уважать его личность, заботиться о его образованіи на его языкѣ (но алфавитъ долженъ быть принятъ польскій). Они сознавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительно. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ обще-русскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготовлявшимся политическимъ польскимъ движеніемъ" [1]).

Нѣкоторые, хотя немногіе изъ польскихъ хлопомановъ, допускали даже употребленіе русскаго алфавита, отступая отъ давнишней польской теоріи, что для малорусскаго языка, въ качествѣ „польскаго

---

[1]) Тамъ же, стр. 248.

нарѣчія“, должна употребляться латинская азбука. „Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившихся украинофиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись примкнуть къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ католика“.

Въ одно время съ польской хлопоманіей развилось и русское украинофильство. Какъ выше замѣчено, у насъ хотѣли смѣшать два эти направленія, утверждая, что украинофилы и хлопоманы одно и то же, одинакіе исполнители „польской интриги“ и враги русскаго государства. Не знаемъ, дѣлалось ли это по незнанію или съ намѣренной цѣлью,—чтобы именемъ польской интриги оклеветать тотъ мѣстный патріотизмъ, который самъ по себѣ былъ непріятенъ публицистамъ извѣстнаго закала какъ проявленіе общественной самодѣятельности. Въ дѣйствительности, хлопоманія и украинофильство имѣли лишь одинъ общій объектъ—малорусскій народъ, но смотрѣли на него различно, исходили изъ разныхъ источниковъ и по различію внутренняго содержанія не могли быть тождественны. „Часто,—замѣчаетъ авторъ той же статьи въ „Трудахъ Экспедиціи“, говоря о тѣхъ временахъ,—хлопомановъ и украинофиловъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинофилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданіемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, съ цѣлью успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ. Польскіе хлопоманы мечтали о соединеніи Украйны съ Польшей, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинофилы и польскіе хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинофилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи —обезпечить, по присоединеніи Украйны къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинофиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представ-

ляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судьбою края, населеннаго русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитіемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого, взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ кіевскомъ университетѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній" [1]).

Собственно говоря, русское украинофильство родилось гораздо раньше 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оно было послѣдовательнымъ продолженіемъ давно возникшаго движенія, которое выразилось развитіемъ новѣйшей малорусской литературы и еще съ конца прошлаго вѣка усиленно направилось на обработку народнаго языка для книги, обновленіе историческихъ преданій и на защиту племенного малорусскаго интереса отъ польскихъ притязаній. Если это настроеніе особливо оживилось со второй половины 50-хъ годовъ, причиной этому было только то, что именно въ это время для цѣлаго русскаго общества наступила пора болѣе свободной дѣятельности, какъ въ это самое время были амнистированы и получили возможность снова дѣйствовать главные представители прежней литературы въ 40-хъ годахъ: Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ, а за ними выступили дѣятели новаго поколѣнія, отчасти слѣдовавшіе за ними, отчасти образовавшіеся независимо подъ вліяніями обще-русскими и въ оппозицію польско-украинскимъ тенденціямъ. Теперь украинофильство только яснѣе выразило свое содержаніе, а основы его были не новы. Съ другой стороны, польская хлопоманія была любопытнымъ результатомъ также давно начавшагося, въ чисто польской средѣ, стремленія понять народный вопросъ юго-западнаго края и представила не малую степень этого пониманія; хлопоманія, не сочувственная для старо-шляхетской партіи, была въ дѣйствительности отказомъ отъ существенныхъ догматовъ этой партіи и именно сознаніемъ исторической несправедливости, которая совершалась Польшею относительно юго-западнаго края. Въ хлопоманіи польско-шляхетское общество, начавши съ романтическаго козакофильства, сначала, повидимому, столь безполезно невиннаго, пришло къ такому пункту, за которымъ, идя послѣдовательно, надо было отказаться совсѣмъ отъ польскаго традиціоннаго идеала, а затѣмъ и отъ практическаго при-

[1]) Тамъ же, стр. 248—249.

тязанія на господство въ южно-русскомъ краѣ. По мнѣнію украинофиловъ, единственнымъ исходомъ изъ этого запутаннаго положенія было бы ассимилированіе польскаго шляхетства съ русскимъ населеніемъ юго-западнаго края [1]).

Что вопросъ именно таковъ, можно видѣть по различнымъ фактамъ въ средѣ самого польскаго козакофильства и украино-польской литературы. Мысль такого рода бродила въ 40-хъ г. у Яворскаго въ эмиграціи; нѣкоторые изъ польскихъ хлопомановъ стали прямо украинофилами, отказавшись отъ польскаго элемента своихъ стремленій. Въ примѣръ того, какъ даже прежнее романтическое козакофильство приводило само собой къ раздвоенію польской идеи, приводимъ замѣчаніе о Чайковскомъ, который, въ прежнюю его пору, былъ всего менѣе расположенъ отрекаться отъ служенія польской традиціи. „На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что̀ за сумбуръ и винегретъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобъ узнать ее такою, какою о̀на была,—потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковскій, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о козацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ возстановленіе союза съ Польшею козаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выдти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православіи, о славянщинѣ, —и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи козацкой традиціи на службу Польшѣ, о постановленіи Польши во главѣ славянщины, а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго „Nemolaka“ [2]),—въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными,—полно раздраженія противъ поляковъ, которые, во время войны, сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами пѣсни: спаси насъ Господи, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго“ [3]).—Чайковскій кончилъ тѣмъ, что

---

[1]) Сравни ст. „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Вѣстн. Евр., 1875, іюль, стр. 146—160.

[2]) Biblioteka Pisarzy polskich, t. 65, Lipsk, 1873.

[3]) „Вѣстникъ Европы“, тамъ же, стр. 153.

писалъ „Байки“, 1864, драматическія ..алицко-русскихъ критиковъ, всѣ его ..ются „рѣдкою у галичанъ“ чи..ческою окраскою [1]. Галицко-..тзываются о Свенцицкомъ

..а у насъ подъ руками, оста-..ло“, который выходилъ подъ ..го повѣсти все еще сохраняютъ ..анеру польской украинской школы, .. произведенія предшествующихъ писателей ..ней простотой украинскихъ сочувствій. Во ..наго сохранился, вѣроятно, именно образчикъ хло-..ной изъ Кіева. Довольно ознакомиться съ ними, что-..зницу хлопоманіи и украинофильства. Хлопоманъ отли-..омнѣнной любовью къ той Украйнѣ, которая есть его соб-..ая родина; несмотря на свое польское и (крупное или мелкое) ..тское происхожденіе, онъ привязался къ малорусскому народ-..му большинству Украйны, въ чемъ участвуетъ и сознаніе соціаль-..ной несправедливости Польши относительно малорусскаго народа. Но ..дѣсь же хлопоманъ вступалъ на то перепутье, гдѣ онъ или уразу-..мѣетъ вполнѣ эти отношенія и превратится въ украинофила, или, ..не желая поступиться старыми предубѣжденіями, разойдется съ ..украинофильствомъ. Свенцицкій при всѣхъ его сочувствіяхъ къ ..украинскому народу остался полякомъ. Приводимъ нѣсколько образ-..чиковъ изъ его журнала. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующую ..profession de foi хлопомана.

---

[1]) Чистота языка объясняется тѣмъ, что Свенцицкій узналъ русскій (мало-..русскій) языкъ не въ Галичинѣ, гдѣ онъ въ книжномъ употребленіи обыкновенно ..странно изломанъ, а въ русской Украйнѣ, гдѣ книжное употребленіе этого языка ..доходило до наибольшаго возможнаго изящества.

[2]) См. галицко-русскій журналъ „Правда, письмо литературно-политичне“, 1876, ..стр. 674 — 675; „Илюстрованный календарь товариства Просвѣта“ на 1886 г., ..Львовъ, 1885, стр. 15—16. „Правда“ говорила о немъ такъ: „Предвчасна смерть ..видерла нам заскоро надійного писателя, а идея щиро братерськоі згоди між ..Русинами и Поляками и спільного, хоч через те все самостійного, діланя обох на-..родів втеряла світлого и щирого заступника. Вист о его сконі розбудила щирий ..жаль між нашою громадою“. Просвѣта, „щобы дати выразъ великому пошанованю зъ ..стороны Русиновъ для вельми заслуженого покойника и также руского писателя“, ..перевела изъ его „Степныхъ повѣстей“ разсказъ: „Гюльнара“, изъ старыхъ козацкихъ ..преданій.

[3]) Sioło. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Lwów. ..Nakładem Kornela Pillera, 1866. Четыре небольшія книги.

„Намъ кажется излишнимъ пускаться въ доказательства того, существует ли, рядомъ съ народностью польской и московской, еще третья, украинска или русская народность [1])? Потому что дѣло говоритъ само за себя: на про странствѣ отъ Балтики до Чернаго моря, отъ Кавказа и за Карпаты, мы ви димъ 15-милліонный народъ, говорящій однимъ языкомъ, имѣющій одн нравы и обычаи, вездѣ вѣрный своимъ преданіямъ и живущій одною надеж дою. Насъ поражаетъ поэтичность этого народа; домашнія добродѣтели, кото рыми онъ блистаетъ, внушаютъ къ нему уваженіе; среди этого народа м живемъ съ давнихъ вѣковъ; ни себя отъ него, ни его отъ насъ мы не можем отдѣлить; мы любимъ его и для насъ дорого все то, что полюбилъ онъ сам Вмѣстѣ съ народомъ мы любимъ родную землю, вмѣстѣ съ нимъ печалимс надъ недолей, вмѣстѣ съ нимъ вздыхаемъ о болѣе счастливыхъ дняхъ.

„Вотъ наша руководящая мысль! Она будетъ руководить нашимъ трудом

„Будущее мы оставляемъ Провидѣнію—сами будемъ трудиться для своег настоящаго, увѣренные, что днемъ взойдетъ зерно, посѣянное утромъ, и при несетъ обильный плодъ.

„Мы любимъ нашъ народъ, и трудиться для его добра считаемъ наше святѣйшей обязанностью. Миновали времена кастъ! Теперь мы обязаны забс титься о счастьѣ милліоновъ; приближается время, когда слово Христа любви къ ближнему осуществляется и живетъ среди насъ. Та страна истинн могущественна, которой всѣ жители счастливы. Будемъ работать для народа!- Въ немъ наше будущее.

„Самое дорогое сокровище для человѣка есть его родная рѣчь; конечно мы не будемъ отнимать у нашего народа этого сокровища! Мы хотимъ охра нять его отъ нападеній, имѣть попеченіе о томъ, чтобы оно не расточалось но увеличивалось, потому что это сокровище—племенное, славянское, сокровищ обще-народное.

„Большое число жителей края [2]) не понимаетъ природы связи милліонов съ общественными, стоящими надъ народомъ, слоями, питаетъ къ ней отвра щеніе, противится ей; просвѣтить этихъ людей, вывести на настоящій путь будетъ нашей задачей. Многіе не знаютъ о сокровищахъ, которыя собраны народомъ, не знаютъ прекрасныхъ сторонъ его души—мы хотимъ указать имъ эти со кровища; мы жаждемъ сдѣлать все для того, чтобы любовь заняла мѣсто равнодушія или отвращенія.

„Такова цѣль журнала „Siolo"; этого мы стремимся достигнуть.

„Насъ ведетъ свѣтъ правды, любовь указываетъ нашу дорогу. Мы хотимъ, чтобы миръ сталъ господствовать въ племени славянъ, и Богъ поможетъ намъ, потому что мы ищемъ осуществленія его слова.

„Украинская народная словесность—это прекрасная вязанка цвѣтовъ съ степныхъ могилъ славнаго прошедшаго, это—слезы и стоны милліоновъ, это— будущее могущество народа, такъ скромно прикрытое слезной мелодіей думы плача кобзаря. Но какъ велики, хоть кажутся убогими, фигуры Тараса, Квитки! Они высказали страданія народа, раскрыли намъ красоту народной души. Въ этомъ вся ихъ заслуга! въ этомъ ихъ великость и безсмертіе!

„Геній Дантовъ, Гёте, приводитъ въ изумленіе!.. Онъ говоритъ только къ избраннымъ... Прочитай „Катерину" Тараса, „Марусю" Квитки—пятнадцать милліоновъ сердецъ затрепещетъ, слеза заблеститъ въ ихъ очахъ. Вотъ исти-

[1]) „Московская" значитъ здѣсь русская; „русская" значитъ малорусская.

[2]) Т.-е. польскихъ жителей Галиціи.

ный тріумфъ. Кто владѣетъ сердцами милліоновъ, тотъ не можетъ быть бѣденъ духомъ.

„Мы имѣемъ передъ собою новый міръ, въ которомъ равенство есть правило, это—міръ народа. Мы хотимъ показать его жителямъ нашего края, показать его сокровища, для насъ дорогія, потому что мы не чужды народу, какъ не чужды землѣ, которая насъ питаетъ, не чужды нашему прошлому и будущему, котораго не найдемъ помимо народа.

„Какъ у москалей, такъ и между нами есть люди, которые, отрицая права украинско-русской народности, желаютъ ополяченія этихъ милліоновъ... Для нихъ, можетъ быть, достаточно ихъ противопоставленіе катковцамъ; но и въ нашемъ собственномъ народномъ интересѣ лежитъ необходимость содѣйствовать развитію народности, о которой идетъ рѣчь. Всѣмъ извѣстно, что россійскій панславизмъ, столь грозный славянщинѣ въ своихъ желаніяхъ, главнымъ образомъ опирается на томъ, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя, сначала, славянскою Русіей, потомъ всею Русью, а теперь Россіею [1]). Поэтому, если путемъ изслѣдованій историческихъ и вообще литературныхъ, Русь дѣйствительная успѣетъ дойти до своихъ народныхъ правъ, гдѣ она убѣдитъ весь свѣтъ, что составляетъ особую народность, не имѣющую съ Россіей ничего общаго,—тѣмъ самымъ рушатся панславистическія стремленія москалей, не имѣя подъ собою почвы, и алчность Москвы будетъ обуздана.

„Россія говоритъ, что Руси нѣтъ, какъ отдѣльной народности; мы докажемъ, что дѣло стоитъ наоборотъ, что Москва только присвоиваетъ себѣ права славянской Руси, и увидимъ, что она отдѣляется отъ Европы и между ней и западомъ станетъ неодолимая стѣна—славянская Украйна-Русь.

„Мы можемъ и должны трудиться даже въ нашемъ собственномъ интересѣ. Будемъ помогать народному развитію Украйны-Руси—оно возвѣщаетъ лучшіе дни въ будущемъ.

„У насъ нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ сочувствій къ этому народу; но до сихъ поръ мы дѣлали для него очень мало или совсѣмъ ничего не дѣлали; это была ошибка. Надо ее исправить.

„Возьмемся за работу. Слабость силъ не устрашаетъ насъ, и мы убѣждены, что эти силы будутъ выростать по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться число жителей края, знающихъ его интересы и желающихъ служить имъ, какъ подобаетъ истиннымъ патріотамъ“...

Статьи новаго журнала должны были печататься на польскомъ и на украинско-русскомъ языкѣ и для послѣдняго принято также латинское письмо, какъ „болѣе извѣстное той публикѣ, къ которой обращалось изданіе“. Содержаніе журнала было чисто литературное: стихотворенія, беллетристическія пьесы, народныя пѣсни и преданія, драматическія пьесы, статьи историческія и критическія, извѣстія о славянской литературѣ, корреспонденціи; въ концѣ прибавлялись небольшіе словари украинскихъ словъ, въ переводѣ на польскій.

Значительную долю журнала составляютъ произведенія нашей малорусской литературы, которыя Свенцицкій перепечатываетъ поль-

---

[1]) Опять повтореніе теоріи Духинскаго.

ской азбукой для польскихъ читателей. Такъ помѣщено здѣсь много изъ Шевченка, Квитки, Марка Вовчка. Изъ галицко-русской литературы онъ приводитъ здѣсь только стихотворенія Федьковича. Затѣмъ Свенцицкій помѣстилъ въ журналѣ свои беллетристическія работы, подъ псевдонимомъ Лозовскаго, на малорусскомъ языкѣ польскими буквами, и малорусскій переводъ „Несторовой лѣтописи" (отрывокъ съ начала). Свенцицкій обратился также къ знаменитому „степному пѣвцу", Богдану Залѣскому, и Залѣскій отвѣчалъ теплымъ пожеланіемъ успѣха новому предпріятію, которое сходилось и съ его собственными идеями, и прислалъ свои стихотворенія. Изъ вышедшаго тогда новаго собранія стихотвореній Залѣскаго „Oratorjum wieszcze" приведено стихотвореніе „Mogiła Tarasa", взывающее къ тѣни Шевченка о племенномъ примиреніи и союзѣ.

Далѣе, Свенцицкій, не по примѣру другихъ польскихъ патріотовъ, есть усердный панславистъ: онъ убѣжденъ въ будущей великой роли славянства, и съ ней для него связывается будущее возстановленіе польскаго государства. Въ тѣсномъ союзѣ съ этимъ государствомъ совершится и возстановленіе настоящей „русской" народности. Въ статьѣ „Sprawa rusko-ukraińska" развивается таже теорія объ отношеніяхъ Россіи московской и Руси украинской—послѣдняя есть народъ славянскій, отличный отъ Москвы, которая развилась „na podstawach tatarskiego barbarzyństwa". Русь южная соединилась нѣкогда съ Польшей „na podstawach równości i wolności, na podstawach uznania narodowości ruskiej". Украинская народность есть народность совершенно особенная, хотя украинскій народъ еще не дошелъ до политическаго самосознанія и, когда оно придетъ къ нему, жизнь его должна установиться на основѣ автономіи Руси и политическаго единства съ Польшей.

Общій свой выводъ онъ заключаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

„Правильно понимаемый интересъ повелѣваетъ Руси-Украинѣ оставаться въ единствѣ съ Польшей, именно по слѣдующимъ причинамъ: a) Русь въ политическомъ отношеніи не выработана и потому не будетъ способна остаться въ состояніи независимости относительно завоевательной (zaborczej, т.-е. собственно грабительской) Москвы; b) Москва, государство завоевательное по своему духу и учрежденіямъ, мучимая жаждой пріобрѣтеній, стремится ассимилировать всѣ элементы, чуждые ея природѣ; c) Русь, хотя относительно человѣчности и нравственнаго содержанія стоитъ выше Москвы, но по матеріальной цивилизаціи ниже ея и рано или поздно не выдержитъ натиска московщины и потеряетъ свою народность; d) между Русью и Москвою нѣтъ никакой связи ни нравственной, ни исторической, ни политической; это—двѣ противоположности, стремящіяся ко взаимному опроверженію, два элемента, другъ друга уничтожающіе... e) Польша, помимо всякихъ ошибокъ ея прошлаго, никогда не была завоевательной, никогда не стремилась къ уничтоженію народности соединявшихся съ нею племенъ (?). Всякія злоупотребленія въ рели-

гіонномъ отношеніи совершались вслѣдствіе временныхъ уклоненій и никогда не происходили изъ духа политики и государственныхъ учрежденій; f) между Русью и Польшей существуютъ самыя жизненныя связи, которыхъ нельзя порвать безъ вреда для обѣихъ; эти связи утверждаются на прошедшемъ (?), на единствѣ нравственныхъ свойствъ (?) и духа общихъ учрежденій, на сходствѣ нравовъ и обычаевъ, на географическомъ положеніи и въ особенности на общемъ интересѣ своего обезпеченія отъ Москвы, грозящей равно народности польской и русско-украинской; g) Польша въ 1862 г. начертила программу, на основаніи которой долженъ установиться ея будущій политическій быть. Этой программой утверждается свобода народнаго развитія и внутренняго устройства Руси—именно то, что̀ составляетъ основаніе добра, какъ послѣдней цѣли народа".

Въ статьѣ „Исторія и Этнографія", Свенцицкій, противопоставляя племя славянское германскому и романскому, въ будущемъ видитъ великое развитіе славянства и придаетъ великое значеніе распространенію этнографическаго изученія, которое должно раскрыть духъ народа и объяснить многое непонятное въ исторіи. Сила славянства въ народѣ, и чѣмъ лучше мы его узнаемъ, тѣмъ больше обезпечимъ его правильное развитіе. И въ примѣръ того, что̀ можетъ дать этнографія, онъ опять возвращается къ вопросу о „Москвѣ": славяне ли москали? До сихъ поръ, говоритъ онъ, исторія утверждала, что они славяне, а теперь начинаетъ противорѣчить прежнему утвержденію. „А почему? не отыскали ли какой-нибудь документъ? Можетъ быть, вычитали что-нибудь новое у какого-нибудь изъ древнихъ писателей? Нѣтъ, а потому что обратились къ жизни. Начали изслѣдовать: кто славяне и кто москали, какіе нравы и обычаи тѣхъ и другихъ, преданія, пѣсни, суевѣрія и пр., и по сравненію убѣдились, что между тѣми и другими находится діаметральное противорѣчіе! И мы убѣждены вполнѣ, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области убѣдятъ, наконецъ, самихъ москалей (!), что ихъ обманывали, убѣждая ихъ, что они славяне, какъ теперь Европа убѣждается мало-по-малу въ ихъ не-славянствѣ".

Очевидно, авторъ крѣпко увѣровалъ въ проповѣдь Духинскаго и не имѣетъ понятія о томъ, что по разысканіямъ этнографіи именно въ средѣ „московскаго" народа оказывалась масса такого древняго славянскаго преданія, какое давно утрачено другими племенами, особливо западными, какъ напр., лишь у немногихъ славянъ въ такой степени сбереглось богатство чисто славянской народной поэзіи, какъ у русскихъ.

Такимъ образомъ, галицкій хлопоманъ остается вѣренъ тѣмъ мнимымъ истинамъ, которыя издавна ходятъ въ польскомъ обществѣ по вопросу о малорусско-польскихъ историческихъ отношеніяхъ. Но съ другой стороны, его мнѣнія заключали въ себѣ и нѣчто новое: онъ

мало помнилъ дѣйствительную исторію, но для настоящаго времени требовалъ „автономіи" малорусской народности, съ любовію относится къ украинской народности и вступается за нее противъ самихъ польскихъ писателей [1]).

Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что „хлопоманія" и „украинофильство" были вещи весьма различныя. Если бывали мнѣнія, гдѣ обѣ стороны находили среднiй терминъ и могли сближаться на какихъ-нибудь отрицательныхъ положеніяхъ, то въ другихъ случаяхъ разладъ былъ неизбѣженъ. Эпоха Хмельницкаго, какъ была, такъ и осталась камнемъ преткновенія; у массы польскихъ историковъ и публицистовъ не доставало безпристрастія и смѣлости признать эту эпоху тѣмъ, чѣмъ она была—увидѣть по ея событіямъ не „нѣкоторыя ошибки", а капитальные недостатки въ цѣломъ строѣ стараго польскаго государства. Для украинофиловъ, наоборотъ, нельзя было не увидѣть всего этого.

Тѣ проблески согласія и сочувствія, образчики которыхъ мы приводили, остаются слишкомъ слабыми и одиночными. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей нетерпимость, племенная и религіозная, все еще питается и старыми воспоминаніями, и цѣлымъ положеніемъ русско-польскаго вопроса... Въ послѣднее время чрезвычайную сенсацію произвелъ въ польской литературѣ романъ Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ", представляющій до послѣдней степени преувеличенную апотеозу Польши именно въ ея борьбѣ противъ украинскаго народа во времена Хмельницкаго. Вся крайняя нетерпимость, какую питалъ польскій XVII-й вѣкъ, все презрѣніе къ „хлопскому" народу, его племени, вѣрѣ и обычаю, нашли въ талантливомъ писателѣ XIX столѣтія полное сочувствіе, которое подкрѣплено новѣйшими историко-политическими соображеніями и одѣто въ новѣйшую „художественную" форму. Соображенія просты: Польша была носительница цивилизаціи, полная гражданскихъ доблестей; украинцы—дикое племя, неспособное къ культурѣ, искавшее „дикой свободы" и которое нужно было держать въ уздѣ и цивилизовать крѣпкою властью—хотя бы цѣною „океана крови". У автора нѣтъ и подозрѣнія, что эта борьба Польши и Украйны XVII вѣка была вызвана политической несправедливостью и была началомъ паденія Польши. Если не понялъ этого авторъ, то не поняла и публика; романъ имѣлъ успѣхъ необычайный; Сенкевича ставили не только выше всѣхъ корифеевъ новѣйшей польской литературы, но выше Данта и Шекспира; лишь меньшинство нашло, что для сравненія лучше бы вспомнить объ авторѣ „Трехъ мушкатеровъ"...

[1]) Напр., въ статьѣ о книжкѣ: „Listy o rzeczach publicznych do ludu", Horoszkiewicza, см. „Sioło", I, стр. 127—134.

Романъ переведенъ былъ два раза и на русскій языкъ. Для тѣхъ, кто желалъ бы сличить его съ данными южно-русской исторіи, укажемъ разборъ его въ „Кіевской Старинѣ" [1]). Общее заключеніе автора этого разбора мало утѣшительно.

„Мы должны съ прискорбіемъ констатировать,—заключаетъ критикъ,—что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по пріему, оказанному повѣсти Сенкевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія—явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скораго поворота къ лучшему, какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи". Но критикъ „съ отраднымъ чувствомъ" отмѣчаетъ, что въ этой интеллигенціи нашлось, однако, меньшинство, хотя малочисленное, которое протестовало противъ мыслей, проводимыхъ въ романѣ, и не усумнилось сдѣлать это въ самомъ разгарѣ его успѣха. „Дальнѣйшее интеллектуальное развитіе польскаго общества,—думаетъ критикъ,—или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего, конечно, мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой бы онъ средѣ ни проявлялся"...

Въ крайне перепутанныхъ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ у насъ, и въ Галиціи, гдѣ ведется между ними открытая борьба, еще слишкомъ мало мѣста для „союза" и гораздо больше—для вражды и нетерпимости.

Лучшимъ результатомъ этихъ отношеній остаются пріобрѣтенія науки. Въ этомъ направленіи новѣйшая польская литература представила цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи [2]).

Назовемъ прежде всего труды Оскара Кольберга (1814—1890), который принадлежитъ къ числу наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей во всей славянской этнографіи. По происхожденію онъ не былъ полякъ: отецъ его былъ нѣмецъ, поселившійся въ Польшѣ сначала въ качествѣ практическаго инженера-топографа, потомъ профессора по этой спеціальности въ Варшавскомъ университетѣ; мать—француженка-эмигрантка. Поселившись въ Варшавѣ, семья повела польскую жизнь и еще до рожденія Оскара въ семьѣ разговорнымъ языкомъ

[1]) „Польско-русскія соотношенія XVII в. въ современной польской призмѣ", В. Антоновича, „К. Старина", 1885, май. Ср. Вѣстн. Евр. 1888, февраль.

[2]) Ср. замѣчанія Т. Ф. въ „К. Старинѣ" 1884, май, стр. 125—126, о польскихъ работахъ по исторіи и описанію южно-русскаго края.

былъ польскій. Кольбергъ учился въ Варшавскомъ лицеѣ, поступил на службу въ банкирскую контору,—но вскорѣ уже открылся дл него сильный интересъ въ музыкѣ. Онъ былъ страстный музыкант и дарованіе его было замѣчено знаменитымъ Шопеномъ и Каз. Бро зинскимъ. Въ 1834 онъ отправился для теоретическаго изученія му зыки въ Берлинъ, мечталъ о композиторствѣ (которымъ послѣ такж занимался), но вернувшись въ 1836, нашелъ новое примѣненіе своих стремленій—въ изученіи музыки народной. Въ то время именно стал появляться этнографическіе сборники (В. Залѣскаго, Паули, Липин скаго, Конопки и др.), которые заинтересовали Кольберга въ музы кальномъ отношеніи, и съ 1839 года онъ началъ свое собираніе пѣ сенъ, сначала около Варшавы, потомъ и дальше, сопровождая кажды текстъ напѣвомъ и собирая также музыку танцевъ, игръ и т. Первый сборникъ его вышелъ въ 1842 году. На первый разъ эт былъ трудъ, такъ сказать, популярный и прикладной: Кольбергъ хо тѣлъ ввести народную пѣсню въ общество, дать ей мѣсто въ музы кальной композиціи, затѣмъ его интересъ все болѣе и болѣе расши рялся и онъ возъимѣлъ планъ дать систематическое собраніе на родной музыки такимъ образомъ, чтобы накопить возможно большее количество варіантовъ и затѣмъ сгруппировать ихъ по главнымъ те мамъ. По этому плану издалъ онъ въ 1857: „Pieśni ludu Polskiego", большой томъ, гдѣ помѣщена 41 пѣсня со множествомъ варіантовъ и кромѣ того около 500 нумеровъ народной музыки танцевъ. Но при этомъ первомъ опытѣ оказалось, что въ подобномъ видѣ работа почти невыполнима, въ особенности для единичнаго собирателя, по громадной массѣ варіантовъ, которая едва ли могла бы быть исчерпана, и Кольбергъ уже вскорѣ принялъ другую болѣе цѣлесообразную систему, а именно, изученіе монографическое по мѣстностямъ; притомъ собираніе музыки вводило изслѣдователя вообще въ народный бытъ, и Кольбергъ изъ музыкальнаго спеціалиста превратился въ настоящаго этнографа. Въ новомъ рядѣ его изслѣдованій, каждой изучаемой мѣстности посвящаема была спеціальная работа, обнимавшая уже всѣ стороны народнаго быта, которыя подлежатъ этнографическому изученію. Трудъ Кольберга носилъ съ тѣхъ поръ такое заглавіе: „Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tance". Онъ изслѣдовалъ такимъ образомъ разныя области польской земли, а также отчасти и южно-русской: край сандомирскій, куявскій, краковскій, познанскій, люблинскій. кѣлецкій, радомскій, лэнчицкій; наконецъ (подъ отдѣльными заглавіями) Мазовію и Покутье; въ цѣломъ до 30 томовъ. Обыкновенно каждому краю посвящено по нѣскольку томовъ, а По знани даже семь томовъ; число мелодій, записанныхъ Кольбергомъ,

насчитываютъ до 8.000. По его смерти остался еще огромный неизданный матеріалъ, котораго достанетъ на многіе томы.

Изумительная энергія этого собирателя кажется тѣмъ болѣе замѣчательной, что свои труды онъ совершалъ въ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ. На свои небольшія средства онъ дѣлалъ свои поѣздки и изданія; только въ послѣднее время онъ получалъ, незначительную впрочемъ, подмогу на свои труды. Кромѣ странъ собственно польскихъ онъ путешествовалъ также въ Хорватіи, Венгріи, въ восточной Галиціи, на Волыни и Подоліи, въ Карпатахъ и въ Холмской Руси. Свои этнографическія изслѣдованія онъ дѣлалъ и въ этихъ южно-русскихъ земляхъ, связанныхъ нѣкогда съ Польшей, и въ результатѣ было нѣсколько трудовъ, составляющихъ важный вкладъ въ южно-русскую этнографію.

Въ 1861, Кольбергъ оставилъ оффиціальную службу, чтобы отдать время своимъ спеціальнымъ занятіямъ, а также и работамъ литературнымъ; въ 1871 онъ переѣхалъ на житье за границу, гдѣ жилъ у своего пріятеля Конопки, близь Кракова, а съ 1884 поселился въ самомъ Краковѣ, гдѣ въ 1889 праздновался 50-лѣтній юбилей его этнографической дѣятельности. Онъ умеръ въ маѣ 1890 г. [1]).

Польскіе ученые критики ставятъ этнографическія работы Кольберга очень высоко, цѣня въ нихъ необыкновенную точность и полноту описаній, доставляющихъ прочный матеріалъ для научныхъ изслѣдованій [2]). Это достоинство признаютъ и спеціалисты южно-русской этнографіи. По громадности матеріала, собраннаго однимъ человѣкомъ, сборники Кольберга составляютъ едва ли не единственное явленіе въ цѣлой славянской литературѣ.

---

[1]) Очеркъ біографіи Кольберга, г. Янчука въ „Этнографическомъ Обозрѣніи", 1889, книга II, стр. 124—134, гдѣ указаны также біографическія статьи въ польскихъ журналахъ. Прибавимъ къ нимъ статью Яна Карловича въ журналѣ „Wisła", 1889, брошюру: „Oskar Kolberg i ostatnia jego praca. Przez Rafala Lubicza. Warszawa, 1890 (оттискъ изъ Варшавскаго Атенея).

[2]) Вотъ напримѣръ слова Карловича: „Jest to nieoceniony materiał do ludoznawstwa polskiego, nieoceniony dlatego, że wszystko, co Kolberg zapisywał, jest czystém złotem etnograficzném: nie pozwalał on sobie żadnych dodatków, żadnych retuszów, żadnych ogładzań ani poprawek; pisał pieśń, podanie, przysłowie, melodyę i t. d. jak słyszał, i to nie z jednych ust, ale z kilku i kilkunastu, ażeby każdą rzecz sprawdzić i przekonać się, czy śpiewający lub mówiący sam siebie lub słuchacza nie łudził". (Wisła, 1889, стр. 472).

„Dotychczasowe prace Oskara Kolberga,—говорилъ другой польскій этнографъ,—stanowią niezmiernie bogatą skarbnicę materyałów etnograficznych i są tak świetnym nabytkiem dla etnologii ojczystéj, słowiańskiéj i powszechnéj, jakim jeszcze w żadnym kraju i w żadnym narodzie nie obdarzyła nauki praca jednego człowieka". Iżor Kopernicki, въ Encykl. wychowawcza, т. III, стр. 640—641, и брошюра его: „Oskar Kolberg", Краковъ, 1889, стр. 25; Любичъ, стр. 9).

Главный трудъ Кольберга по южно-русской этнографіи ес „Покутье“ [1]). Покутьемъ называется уголъ (kąt—кутъ, уголъ) южной границѣ бывшей Рѣчи Посполитой, между Карпатскими г рами и Днѣстромъ; названіе—не административное и не этнограф ческое, а старое географически-бытовое. Жители—русины двухъ разн видностей—въ горахъ гуцулы, а сѣвернѣе, въ нижнемъ Покуть подгоряне. Кольбергъ изучилъ имѣющійся въ литературѣ матеріа по исторіи и этнографіи Покутья, и самъ дѣлалъ экскурсіи этотъ край въ нѣсколько пріемовъ отъ 1870 до 1880 года.

Упоминая прежніе труды объ изучаемой имъ мѣстности и труды новѣйш которыми онъ пользовался, Кольбергъ перечисляетъ слѣдующую литературу Галиціи, и въ частности о Покутьѣ, которую приводимъ какъ библіографич скую справку. Онъ вспоминаетъ, что къ этому народному изученію возбу дали уже, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, Чацкій, Коллонт и Сташицъ. Въ 1790—96 г. Гакетъ (B. Hacquet) издалъ въ Нюренбергѣ соч неніе въ 4 томахъ: „Physikalisch-politische Reise durch die nördlichen Ka pathen“, гдѣ кромѣ естественно-научныхъ подробностей находимъ также н мало этнологическихъ и экономическихъ изслѣдованій о Руси. „Nowy Pamiętnik варшавскій, 1805, помѣстилъ описаніе народной свадьбы въ Червонной Рус Въ 1811, Червинскій издалъ во Львовѣ книжку о заднѣстрянскомъ краѣ межд Стрыемъ и Ломницей, съ описаніемъ земли и народа.

Какъ начинателя новѣйшихъ изученій южно-русской народности, Кол бергъ называетъ Ходаковскаго и изъ послѣдующихъ этнографовъ особенно цѣ нитъ Вацлава Залѣскаго, умѣвшаго показать поэтическія достоинства народ ныхъ твореній Южной Руси, какъ и ихъ значеніе для литературы и науки Указавъ затѣмъ отдѣльные сборники Паули, Лозинскаго, Головацкаго, Петру шевича, Владислава Завадзкаго [2]), Садока Баронча [3]), онъ перечисляетъ мелкія журнальныя статьи и отдѣльные мѣстные очерки—въ изданіяхъ галицко-рус скихъ и польскихъ (Rozmaitości lwowskie, Зоря Галицкая, Русалка Днѣстровая и пр.), гдѣ работали: Туровскій (пѣсни), Галка (обычаи, пѣсни съ-надъ Збруча), Шашкевичъ (пѣсни), Ильkевичъ (пѣсни, пословицы, суевѣрія изъ Покутья), Вагилевичъ (пѣсни, обычаи, предразсудки), ксендзы: Блонскій, Семеновичъ и Скоморовскій (пѣсни), Гушалевичъ и Тороньскій (пѣсни и обычаи лемковъ), Витвицкій (о гуцулахъ), Бѣлоусъ (купало), Саламонъ (коломыйки), Талапковичъ, Духновичъ, Павловичъ, Нодъ (пѣсни изъ Руси Венгерской), Карпинскій (сказки изъ Самборскаго края) и т. д., наконецъ изданія Краковской Академіи и „Памятники“ Татранскаго общества.

Для географическаго описанія онъ ссылается на Винцентія Поля (Rzut oka na północne stoki Karpat, Kraków, 1851), К. Видмана (въ Dziennik Warsz.

[1]) Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Краковъ, 1882—1889, четыре тома.

[2]) „Obrazy Rusi Czerwonéj“ въ Tygodn. Illustrow. 1864, и отдѣльно, Познань, 1869. Его же: Literatura w Galicyi 1772—1849, Lwów, 1878. Завадскій род. 1824.

[3]) Изъ галицкихъ армянъ, род. 1814. Кромѣ историческихъ трудовъ ему принадлежитъ книжка: „Bajki, fraszki, podania, przysłowia i pieśni na Rusi“. 1866.

1854, № 106), Авг. Бѣлёвскаго (приложенія къ краковскому „Часу“, 1857), Л. Вайгеля (Rys miasta Kołomyi. Kol. 1877) и проч. [1]).

Упомянутая книжка Червинскаго (Ignacy Lubicz Czerwiński), одинъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи, носитъ слѣдующее названіе: „Okolica Za-Dniestrska między Stryjem i Lomnicą czyli opis ziemi i dawnych klęsk, lub odmian tej okolicy, tudzież jaki jest lud prosty dla religii i dla Pana swego? Zgoła, jaki on jest? w całym sposobie życia swego, lub w swych zabobonach albo zwyczajach. Львовъ, 1811.

Кольбергъ начинаетъ описаніемъ мѣстности, замѣтками объ историческихъ событіяхъ и затѣмъ даетъ бытовую картину населенія, описываетъ жилища, одежду, пищу, хозяйство и т. д. Малорусскіе критики указываютъ только ошибки въ опредѣленіи языка, произшедшія вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей, но восполняемыя точною передачею самихъ текстовъ. Затѣмъ идетъ подробное описаніе народныхъ обычаевъ, игръ и обрядовъ. Въ порядкѣ народнаго календаря, какъ обыкновенно, это описаніе обнимаетъ мѣстные варіанты обычаевъ и пѣсенъ, причемъ особенно замѣчательны пѣсни обрядовыя: изъ сравненія съ другими извѣстными данными оказывается, что на Покутьѣ больше чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ сохранилось обрядовой старины. Послѣ обозрѣнія народнаго календаря съ описаніемъ обрядовъ, съ многочисленными текстами пѣсенъ, слѣдуетъ описаніе обрядовъ семейнаго быта, какъ родины, крестины, свадьба и похороны, опять съ многочисленными варіантами обычаевъ и пѣсенъ; малорусскіе этнографы цѣнятъ въ особенности музыкальную часть сборника.

Второй томъ „Покутья“ состоитъ исключительно изъ пѣсенныхъ текстовъ, со множествомъ напѣвовъ. Это—„думы“ и пѣсни, хотя „дума“ принимается здѣсь въ ея значеніи въ польской терминологіи. Собственно „думъ“ здѣсь нѣтъ: есть лишь нѣсколько варіантовъ пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ и два варіанта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ; остальныя—изъ разряда балладъ и разбойничьихъ. Далѣе пѣсни любовныя, семейныя и бытовыя; въ нихъ вообще оказывается много сходнаго съ сосѣдними подольскими, но въ пѣсняхъ болѣе тѣсно бытовыхъ, напр., рекрутскихъ, отражаются мѣстные

---

[1]) По географіи Галиціи вообще, полезна книга Л. Татомира: Geografia Galicyi (Wydanie drugie. We Lwowie, 1876), гдѣ въ концѣ указана литература предмета, стр. 169—173.

Между прочимъ, Кольбергъ упоминаетъ работу о Покутьѣ А. Киркора: это—статья „Pokucie pod względem archeologicznym“ (см. „Rozprawy i Sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności“, Краковъ, 1876, т. V, стр. 208—315), гдѣ авторъ собралъ свѣдѣнія, особливо по собственнымъ раскопкамъ, объ остаткахъ древности въ этомъ краѣ, отъ разныхъ эпохъ, начиная съ каменнаго вѣка: онъ коснулся также и древности миѳологической, но—наименѣе удачно.

австрійскіе порядки, какъ и въ пѣсняхъ о панщинѣ, а также пѣсняхъ пастушескихъ и разбойничьихъ. Въ пѣсняхъ религіозныхъ (nabożne i dziadowskie) или псалмахъ лирницкихъ, по замѣчанію малорусскихъ этнографовъ, отражаются двѣ культуры: уніатская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чертами чисто польскими. Вообще, „нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсенъ—это замѣчательной ихъ поэтичности. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсенъ" [1]).

Работу Кольберга о нашемъ южнорусскомъ Подольѣ упомянемъ далѣе въ трудахъ Краковской академіи.

Очень извѣстно, между прочимъ, и въ нашей литературѣ имя Новосельскаго, автора книги: „Украинскій народъ". Антоній Новосельскій (псевдонимъ; собственное имя его—Антоній Якса Марцинковскій), писавшій также подъ именемъ Альберта Грыфа, былъ родомъ изъ кіевскаго края (род. 1823), учился въ кіевской гимназіи и потомъ въ университетѣ, гдѣ впрочемъ за болѣзнью не кончилъ курса. Онъ рано вступилъ на литературное поприще, гдѣ всего болѣе работалъ, какъ беллетристъ. Біографъ его говоритъ [2]), что сначала Марцинковскій былъ горячимъ гегеліанцемъ, но жизненный опытъ, „конференціи" Лакордера, общеніе съ вѣрующими душами обратили его на путь откровенной религіи. Главнымъ этнографическимъ трудомъ была названная книга объ украинскомъ народѣ [3]). Этотъ народъ былъ ему близокъ (znany mi najlepiéj lud Ukraiński, w pośród którego urodziłem się i wzrosłem), и на изученіи его быта и преданій онъ хотѣлъ примѣнить свои взгляды на народное преданіе вообще. Книга Новосельскаго имѣетъ свою цѣну какъ собраніе матеріала, но въ научномъ отношеніи представляетъ немалые недостатки. Общій взглядъ его таковъ. „Занимаясь народными обрядами, — говоритъ онъ, — я усмотрѣлъ въ нихъ извѣстные мистическіе символы, извѣстный таинственный языкъ, къ пониманію котораго издавна потерянъ ключъ у всѣхъ славянскихъ народовъ; аналогическое сравненіе этихъ обрядовъ, символовъ и этихъ мистическихъ выраженій съ гіератической рѣчью другихъ народовъ, открыло мнѣ ихъ значеніе". Первому отдѣлу своего труда онъ далъ

[1]) См. Замѣтки о „Покутьѣ" Ц. Неймана, въ „К. Старинѣ", 1884, III, 482; V, 126 и дал. Послѣднихъ двухъ томовъ „Покутья" мы, къ сожалѣнію, еще не имѣли возможности просматривать.

[2]) Zdanowicz-Sowiński, III, стр. 707 и пр.

[3]) Lud Ukraiński, przez Antoniego Nowosielskiego. Wilno, 1857, два небольшихъ тома (стр. 380 и 282).

названіе „славянской мистеріософіи“ и замѣчалъ, что, хотя для полнаго изслѣдованія этого важнаго предмета еще недостаетъ данныхъ, но то, что было имъ собрано, указываетъ, что „языческая цивилизація славянскихъ племенъ, какъ цивилизація другихъ древнихъ племенъ, имѣла одну простую традицію эзотерической науки, хранившуюся въ миѳѣ религіозномъ и общественномъ. Миѳъ религіозный затерялся, миѳъ общественный хранится еще до сихъ поръ въ обрядахъ, которые народъ нашъ почитаетъ, какъ реликвію святой старины, почитаетъ, хотя мысль ихъ давно уже вывѣтрилась и никто не знаетъ теперь, что они выражаютъ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на внутренній бытъ славянскаго племени, то вносится много свѣта въ этнографію вообще, въ исторію, древность и религію, и послѣднимъ результатомъ этихъ изслѣдованій является всегда тотъ, что все въ человѣческомъ обществѣ есть преданіе, что въ основѣ жизни цѣлаго человѣчества лежитъ извѣстная солидарность, за предѣлами которой все есть ложь и смерть. Наука нашего вѣка мыслью и опытомъ всегда приходитъ къ тому пункту, изъ котораго собственно истекаютъ лучи истины, откровенной намъ въ началѣ вѣковъ живымъ словомъ Божіимъ“. Все, окружающее насъ, отмѣчено печатью таинственности; человѣкъ, вѣнецъ творенія, окруженъ чудеснымъ мистицизмомъ; онъ ищетъ Бога и вѣчности; связь человѣка съ Богомъ началась тотчасъ при сотвореніи Адама и сдѣлала человѣка сыномъ Божіимъ, такъ что послѣ ни грѣхопаденіе, ни одичалость людей, не могли никогда уничтожить этой таинственной связи человѣка съ небомъ. Отсюда такъ-называемая естественная религія, первымъ источникомъ которой была религія откровенная. Такимъ образомъ въ преданіяхъ язычества, въ которое впали народы, забывшіе откровеніе, хранилось безсознательно преданіе первобытное, общее всему человѣчеству. „Истинное начало язычества должно быть отыскиваемо въ священномъ писаніи; только съ Библіей въ рукахъ можно узнать его настоящую сущность; Моисеевы книги—первый источникъ исторіи, первый источникъ всякой науки. Кто въ поискахъ истины отдалится отъ Библіи, тотъ вмѣстѣ отдалится и отъ своего предмета. Желая схватить истинный смыслъ иныхъ религіозныхъ памятниковъ древняго міра, надо внести въ нихъ лучъ откровенной науки, иначе изыскатель древности неизбѣжно заблудится въ томъ хаосѣ правды и лжи, какимъ бываютъ религіозныя преданья первобытныхъ народовъ“. Этнографія убѣждаетъ въ единствѣ, связующемъ человѣческія племена; мы все больше увѣряемся, что „все въ человѣчествѣ есть преданіе, что сходства въ законахъ, миѳахъ, обрядахъ, символахъ вовсе не дѣло чистаго случая, какъ думали въ прошломъ столѣтіи. Изъ сравненія всѣхъ этихъ остатковъ древности пробивается все

болѣе яркій свѣтъ; чтобы понять древность, неизбѣжно нужно воспользоваться для этого сравнительнымъ методомъ".

Отсюда болѣе или менѣе видна точка зрѣнія автора. Ему кажется, что онъ первый возъимѣлъ эту идею объясненія древности и онъ призывалъ себѣ сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ (w rzeczy, którą sam bez żadnéj pomocy zacząłem rozrabiać); это — видимо самоучка; онъ знаетъ довольно много книгъ о миѳологической древности, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ—книгъ, писанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и обыкновенно чуждыхъ новѣйшему методу изслѣдованія, начатому Гриммомъ. Онъ знаетъ и Гримма, но не отдавая себѣ отчета въ его значеніи; упоминаетъ Боппа, но рядомъ съ Рейфомъ и Экономидомъ, и т. д. Такимъ образомъ книга Новосельскаго стоитъ внѣ развитія русской и южно-русской этнографіи; тѣмъ не менѣе она имѣетъ цѣну—по тѣмъ даннымъ изъ южно-русскаго быта и преданій, которыя онъ сообщаетъ по непосредственному знанію и по которымъ книга, несмотря на ненаучность его объяснительныхъ пріемовъ, до сихъ поръ цитируется. Первый томъ ея заключаетъ три статьи: славянскую мистеріософію, украинскія сказки, славянскія сказки у Геродота и Лукіана (Новосельскій видитъ славянъ въ скиѳахъ). Второй томъ заключаетъ много мелкихъ отдѣловъ: старыя преданія (космогоническія,—въ сравненіяхъ съ халдейскими, китайскими, скандинавскими и пр.); преданья о чертяхъ, духахъ, упиряхъ и пр.; о кладахъ; суевѣрія, колдовство, знахарство, чудесныя исторіи; птицы, звѣри, чудесныя зелья; бытовыя суевѣрья и обычаи; врачебные секреты; танцы; козачество, бурлачество и чумачество; одежда; разсказы о цыганахъ, жидахъ, полѣшукахъ и литвинахъ; пословицы; загадки [1]).

Не будемъ приводить длиннаго ряда польскихъ писателей, такъ или иначе касавшихся южно-русской жизни и народа, и назовемъ лишь нѣкоторыя имена. Такъ, Эдварду Руликовскому принадлежитъ „Opis powiatu Wasilkowskiego" (Warsz. 1853); Зенонъ Фишъ, извѣстный (между прочимъ и въ нашей литературѣ по полемикѣ съ Костомаровымъ) подъ псевдонимомъ Падалицы (1820—70), публицистъ и беллетристъ, издалъ „Opowiadania i krajobrazy" (Вильно, 1856, два тома), очерки изъ путешествія по Украйнѣ; онъ между прочимъ много писалъ, какъ въ упомянутой полемикѣ, объ историческихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, а также и о народномъ украинскомъ бытѣ [2]). Назовемъ далѣе Стецкаго (Tadeusz Jerzy, 1838—1888), кото-

[1]) Новосельскій написалъ также очеркъ „Славянской сравнительной миѳологіи" и „Исторіи народныхъ сказокъ"; отрывокъ послѣдней былъ напечатанъ въ кіевскомъ сборникѣ „Kwiaty i Owoce". Zdanowicz-Sowiński, III, 708.

[2]) Новосельскій указываетъ (II, 183) монографію о чумакахъ, Падалицы, въ Tygodnik Pet. 1840, № 35.

рому принадлежитъ цѣлый рядъ описательныхъ трудовъ, относящихся особливо къ его родинѣ, Волыни. Главное сочиненіе его вышло въ 1864—1871 годахъ: „Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym" (Lwów, 2 тома); затѣмъ слѣдовала книга о Луцкѣ: „Łuck starożytny i dzisiejszy, monografia historyczna" (1876) и рядъ небольшихъ очерковъ другихъ, нѣкогда историческихъ мѣстностей Волыни, какъ Берестечка, Овруча, Ляховецъ и пр.; послѣднимъ трудомъ его была книга: „Z boru i stepu; obrazy i pamiątki" (Kraków, 1888). Стецкій писалъ, не мудрствуя лукаво: перебирая мѣстности одну за другою, онъ собираетъ относящіяся къ нимъ извѣстія и между прочимъ, какъ мѣстный уроженецъ, имѣвшій связи съ тамошнимъ дворянствомъ, воспользовался семейными архивами; свѣдѣнія, имѣющіяся въ русской литературѣ, обыкновенно извѣстны ему мало. Не имѣя ученаго значенія, труды Стецкаго заключаютъ не мало полезныхъ историку фактическихъ указаній о бытѣ стараго времени, а частію и данныхъ этнографическихъ [1]).

Съ 1877 начало выходить особое изданіе Краковской академіи, посвященное вопросамъ археологіи, антропологіи и этнографіи: изданіе служитъ органомъ особаго отдѣла Академіи, основавшагося для этихъ спеціальныхъ предметовъ въ 1874 [2]). По давнимъ и современнымъ, историческимъ и бытовымъ, связямъ Польши съ южною Русью, большая масса трудовъ, собранныхъ въ изданіи Краковской Академіи (считаютъ до 40%), относится именно къ Южной Руси, въ Галиціи и нашемъ юго-западномъ краѣ. Въ отдѣлѣ археологіи помѣщено не мало изслѣдованій, относящихся къ южно-русской территоріи, между прочимъ по поводу раскопокъ въ волынской, подольской и кіевской губерніяхъ: таковы труды Коперницкаго, Пржибыславскаго, Руликовскаго, Киркора, Оссовскаго, Брезы и др. Болѣе связи съ этнографіей представляютъ изысканія антропологическія. Таковы, напр.: обширный трудъ, въ нѣсколькихъ томахъ сборника, Майера и Ис. Коперницкаго („Charakterystyka fizyczna ludności Galicyjskiéj"), гдѣ разработаны наблюденія болѣе чѣмъ подъ 8.000 лицъ и собраны по народностямъ русской, польской и еврейской; Майера, изслѣдованіе по антропологіи галицкихъ русскихъ разныхъ мѣстностей; Юл. Талько Иігговскаго Грынцевича, изслѣдованія о физіологическихъ явленіяхъ въ женскомъ населеніи звенигородскаго уѣзда кіевской губ., и его же статьи о продолжительности жизни въ той же мѣстности;

[1]) Ср. объ его трудахъ „К. Старину", 1890, сентябрь, стр. 509—512.

[2]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj, wydawany staraniem komisyi antropologicznéj Akademii umiejętności w Krakowie. Томы I—XIII. Краковъ, 1877—1889.

Коперницкаго, „Физическая характеристика русскихъ гораловъ“ (карпатскихъ горцевъ).

Всего богаче отдѣлъ этнографическій. Польскіе собиратели съ большою ревностью занимались между прочимъ южно-русской народностью, можетъ быть, по слѣдамъ Кольберга, неустанная дѣятельность котораго производила впечатлѣніе. Самъ Кольбергъ помѣстилъ здѣсь небольшой сборникъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ подольской губерніи (т. XII): гаивки, веснянки, пѣсни любовныя и бытовыя,— какъ обыкновенно у него, вмѣстѣ съ напѣвами. Далѣе, изданы имъ „Baśni z Polesia“, нѣсколько сказокъ и народныхъ разсказовъ, присланныхъ съ Полѣсья и отчасти пересказанныхъ въ Краковѣ лицомъ, оттуда прибывшимъ (т. XIII, стр. 200—207), и „Свадебные обычаи и обряды въ Полѣсьѣ“ (т. XIII, стр. 208—245), съ нѣсколькими пословицами и напѣвами. Профессоръ Исидоръ Коперницкій (род. 1825), медикъ, питомецъ кіевскаго университета, въ теченіе восточной войны пробывшій все время при арміи, между прочимъ въ Севастополѣ, впослѣдствіи былъ въ кіевскомъ университетѣ прозекторомъ и преподавателемъ; въ 1863 вышелъ въ отставку, переселился во Львовъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ занялъ мѣсто въ университетѣ какъ преподаватель антропологіи [1]). Выше упомянуто объ его антропологическихъ изслѣдованіяхъ; рядомъ съ ними онъ занялся и этнографіей, и въ изданіи Краковской Академіи ему принадлежитъ описаніе внѣшняго быта русскихъ гораловъ въ Галиціи (лемки, полонинцы, бойки, гуцулы), въ т. XIII.

Затѣмъ находимъ длинный рядъ этнографическихъ описаній и сборниковъ, относящихся къ русской Галиціи и къ нашему южнорусскому краю. Тадеушу Жулинскому принадлежитъ замѣтка: Kilka słów do etnografii Tuchalców и пр.—карпатскихъ горцевъ Стрыйскаго края (т. I); Быковскій составилъ сборникъ „Обрядовыхъ пѣсенъ русскаго народа изъ окрестностей Пинска“ (т. II); Юзефа Мошинская—сборникъ „Обычаевъ, обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ украинскаго народа изъ окрестностей Бѣлой Церкви“ (т. II); „Купайло и другіе обряды въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви“ (т. V: Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi“) съ большимъ числомъ относящихся къ обрядамъ пѣсенъ; и сборникъ „Сказокъ (36) и загадокъ (156) украинскаго народа“ (т. IX). Руликовскій, въ „Этнографическихъ запискахъ изъ Украины“, издалъ обширный сборникъ преданій, сказокъ, народной медицины, заговоровъ, обрядовъ, пословицъ, пѣсенъ и пр. (т. III). Подберезскій сообщилъ „Матеріалы

[1]) Біограф. словарь проф. Кіевскаго университета. 1884, стр. 277—279.

для украинской демонологіи“ (т. IV); Болеславъ Поповскій—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго (т.-е. южно-русскаго) народа въ Залеванщинѣ“, винницкаго уѣзда (т. VI) и „Пѣсни русскаго народа въ с. Залеванщинѣ“: историческія думы, пѣсни любовныя, бытовыя, чумацкія и бурлацкія, пьяницкія и пр. (т. VIII). Г-жа Северина Шаблевская издала небольшой этнографическій очеркъ: „Wesele i Krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu“ (т. VII); Ванда Малиновская—„Свадебные обряды русскаго народа въ с. Кудиновцахъ, Золочевскаго округа“ (тамъ же). Софія Рокосовская доставила нѣсколько обширныхъ работъ: „Свадьба и пѣсни русскаго народа въ с. Юрковщинѣ въ Звягельскомъ округѣ на Волыни“ (т. VII, стр. 150—243) и обширный сборникъ, изданный подъ редакціей Коперницкаго и заключающій этнографическія данныя, собранныя въ окрестностяхъ Новградволынска (т. XI). Здѣсь описаны: обычаи и обряды жизни семейной; праздники по народному календарю; полевыя работы—съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; въ отдѣлѣ „демонологіи“ обширное собраніе народныхъ повѣрій и суевѣрій, колдовства, народной медицины, народныхъ представленій о природѣ. Многое изъ всего этого уже извѣстно изъ прежнихъ сборниковъ: но тѣмъ не менѣе сборникъ г-жи Рокосовской высоко оцѣненъ малорусскими этнографами какъ богатый мѣстный сборникъ. Наконецъ, принадлежитъ ей сборникъ народныхъ преданій и повѣрій о растеніяхъ, изъ с. Юрковщины, звягельскаго уѣзда (т. XIII). Ц. Нейманъ издалъ обработанные имъ „Этнографическіе матеріалы изъ окресностей Плискова, въ липовецкомъ уѣздѣ, собранные панной З. Д.“ (т. VIII): это пѣсни историческія, бытовыя, „бесѣды“, народные разсказы и пр., съ нѣсколькими пѣсенными напѣвами. Ольга Рошкевичъ и Иванъ Франко собрали „Свадебные обряды и пѣсни русскаго народа въ с. Лолинѣ, стрыйскаго округа“ (т. X); Михалина Томашевская—„Свадебные обряды въ с. Цетулѣ, ярославскаго (въ Галиціи) округа“ и „Свадебные обряды русскаго народа въ с. Винникахъ, дрогобыцкаго уѣзда“ (т. X, XII); г-жа Стадницкая—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи“ (т. XII); Брыкчинскій—„Этнографическія записки изъ волынскаго Полѣсья“; Земба—„О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушицы“ (т. XII). Въ новѣйшемъ томѣ краковскаго изданія находимъ слѣдующіе труды: г-жи Анны Ванке—„Галагивки, пасхальныя забавы русскаго населенія въ с. Горчицахъ, около Сѣнявы въ перемышльскомъ уѣздѣ“; Янъ Колесса описалъ „Родины и крестины, свадьбу и похороны у русскаго народа въ с. Ходовицахъ, стрыйскаго округа“, не мало пѣсенъ и нѣсколько напѣвовъ (т. XIII).

Въ нѣкоторыхъ изъ трудовъ, помѣщенныхъ въ изданіи Кра
ской Академіи, напр. въ статьяхъ Бронислава Густавича о на
ныхъ преданьяхъ, предразсудкахъ, названіяхъ въ области прир
въ „Народной метеорологіи" Д. Вержбицкаго (т. VI), между п
скимъ матеріаломъ приводится также южно-русскій и бѣлорус
Нѣкоторые изъ участниковъ краковскаго изданія извѣстны і
нашей литературѣ. Дальше мы будемъ говорить о трудахъ Ц. :
мана; Ю. Д. Талько-Грынцевичу принадлежитъ небольшая любо
ная книжка: „Народное акушерство въ Южной Руси" (Черниі
1889, отдѣльный оттискъ изъ газеты „Земскій Врачъ", 1889, № :
28), гдѣ приведена литература предмета русская, польская и ча
у другихъ славянъ.

Перечисленныя работы, изданныя въ трудахъ Краковской ,
деміи, представляютъ обыкновенно чисто этнографическій матер
— тексты пѣсенъ и иныхъ произведеній народной словесности
польской транскрипціи), обстоятельныя описанія обычаевъ и о
довъ, не вдаваясь въ изслѣдованія объ этомъ матеріалѣ. Повидим
типомъ для этихъ работъ послужили труды Кольберга.

И кромѣ указаннаго, въ польскихъ журналахъ разсѣяно не і
описательныхъ очерковъ, гдѣ находятся и подробности этнограф
скія. Въ ряду новѣйшихъ изданій въ особенности заслуживаетъ
манія основанный въ 1887 и спеціально посвященный этногр
журналъ „Wisła", издаваемый по типу иностранныхъ (особливо
мецкихъ) спеціальныхъ журналовъ (годовое изданіе, въ четыре
пуска, образуетъ большой томъ). Журналъ, кромѣ общихъ вопро
этнографіи и антропологіи, занятъ спеціально изученіемъ народн
польской, но даетъ мѣсто и вопросамъ этнографіи южно-русск
бѣлорусской [1]), и слѣдитъ также за русской этнографической л
ратурой.

Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, для изслѣдованія этнографі
скаго можетъ послужить матеріаломъ—по исторіи и современному
стоянію между-племенныхъ отношеній, культуры, обычаевъ и пр
обширная историческая польская литература, а также литерат
мѣстныхъ географическихъ описаній и путешествій.

---

[1]) Напр., статьи: „Rozsiedlenie się Lemków" Северина Удзѣлы (т. III, с
650—660); „Pisanki" (т. IV, стр. 216—228) и др.

ГЛАВА X.

Споръ между южанами и сѣверянами.

Одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ того, что начатки общественныхъ и литературныхъ явленій лежатъ обыкновенно гораздо раньше того времени, когда онѣ становятся общимъ интересомъ, мы видимъ и въ тянущемся донынѣ вопросѣ о малорусской народности. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда новая малорусская литература едва дѣлала свои первые шаги, когда Костомаровъ и Кулишъ сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ, а Шевченко былъ козачкомъ у своего пана, когда въ литературѣ не сложилось еще никакихъ мыслей о томъ, можетъ ли и должна ли существовать малорусская литература, имѣетъ ли эта народность какое-нибудь этнографическое и историческое право, а вмѣстѣ и основаніе для народной гордости, эти вопросы поднималъ уже оригинальный писатель, производившій въ свое время большое впечатлѣніе неожиданными взглядами на русскую исторію, на славянство, вообще на національные вопросы, писатель, который въ иныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ славянофильства и тѣхъ теорій о началѣ Руси, съ какими носятся теперь противники норманской теоріи, якобы противной нашему національному достоинству и патріотическому чувству. Это былъ Венелинъ. Онъ давно ославленъ фантазёромъ, мысли котораго стоятъ внѣ науки, и во многихъ отношеніяхъ это справедливо; но несправедливо было бы покончить на этомъ его характеристику, и новая критика начинаетъ оцѣнивать заслуги этого замѣчательнаго человѣка, у котораго среди всѣхъ увлеченій были зародыши вѣрнаго чувства и преданность исторической правдѣ. Карпатскій русинъ по происхожденію, и въ Россіи учившійся не исторіи и филологіи, а медицинѣ, Венелинъ собственно не имѣлъ правильной школы, которая приготовила бы изъ него историка, но, человѣкъ съ дарованіемъ и боль-

шой начитанностью, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ, искалъ исторіи въ темныхъ преданіяхъ старой лѣтописи, въ настоящемъ народномъ бытѣ, и чувствовалъ историческую жизнь тамъ, гдѣ еще не думали ея видѣть другіе. На его сочиненія не надо смотрѣть какъ на ученое изслѣдованіе: это историкъ-поэтъ, который можетъ быть занимательнымъ и тогда, когда мы ни мало не признаемъ его теорію. Таковы, напр., его описанія царства Атиллы, котораго онъ изображаетъ славяно-русскимъ царемъ. Онъ погружается въ исторію какъ въ живое современное дѣло и, благодаря этому качеству, онъ, кабинетный книжникъ, могъ оказать такое сильное вліяніе на возрожденіе болгарской народности, котораго онъ считается однимъ изъ первыхъ начинателей.

Этотъ писатель, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поставилъ вопросъ о малорусской народности въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма“ [1]).

Судя по началу статьи, авторъ имѣлъ въ виду разобрать весь историческій вопросъ объ отношеніяхъ сѣверной и южной Руси, и хотя статья была далеко не кончена, но основная мысль автора уже просвѣчиваетъ. Любопытно прежде всего, что здѣсь ставится самый вопросъ о „спорѣ“, который въ то время, какъ мы замѣтили, еще не былъ поставленъ южанами и сѣверянами въ литературѣ, но Венелинъ чувствовалъ, что онъ молчаливо ведется съ обѣихъ сторонъ и сказывается въ обыденныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія не были особливо дружелюбны; напротивъ, представители обѣихъ народностей не всегда разумѣли другъ друга, не всегда были взаимно справедливы; изрѣдка это проглядывало и въ литературѣ, и Венелинъ счелъ нужнымъ подвергнуть вопросъ историческому разслѣдованію и выяснить таившееся недоразумѣніе.

„Споръ“ (который хотятъ теперь свалить на одно новѣйшее украинофильство) не подлежалъ сомнѣнію. „Двѣ народности“ дѣйствительно еще не слились настолько, чтобы между ними не проявлялось разноречій и столкновеній. Народныя шутки великоруссовъ надъ „хохлами“, и обратно, малоруссовъ надъ „москалями“ и „кацапами“ выдавали иногда настоящую антипатію. У людей болѣе образованныхъ такія первобытныя соображенія племенной нетерпимости уже отпадали, но у другихъ онѣ еще береглись и проскользали въ литературу. Причина нетерпимости лежала въ обычномъ предубѣжденіи къ

---

[1]) Эта статья напечатана была уже по смерти Венелина въ „Чтеніяхъ московскаго Общества ист. и древн.“, 1847, кн. 4, стр. 1—16. Статья была найдена въ бумагахъ Венелина неконченной или, собственно, только начатой; время ея опредѣляется тѣмъ, что она была написана въ видѣ рецензіи на „Описаніе Украйны“ Боплана, вышедшее въ русскомъ переводѣ въ 1832 году.

другому племени или оттѣнку племени, а также въ историческомъ преданіи. Старыя отношенія не однажды бывали неблагопріятны. Въ эпоху присоединенія, въ Малороссіи были свои установившіяся особенности народнаго быта, нравовъ, образованія, церковности, которыя не сходились съ московскими, и это съ одной стороны возбуждало опасенія, что онѣ будутъ нарушаться московскимъ управленіемъ (что̀ вскорѣ и стало оправдываться), а со стороны московской не довѣряли ни этимъ нравамъ, которые казались самовольными, ни церковности, въ которой подозрѣвали латинскія прибавленія. Въ XVIII в. автономическая старина все болѣе устранялась; уничтожалось Запорожье; въ средѣ высшаго духовенства было тогда еще много архіереевъ изъ малороссіянъ (какъ болѣе ученыхъ людей), но русскому духовенству не нравились эти „черкасишки"; порядки старой гетманщины вообще быстро падали, но объединеніе административное не сгладило бытовыхъ отличій, а новая культура охватила только верхніе классы; и когда новый романтизмъ возвращался къ старинѣ и народности, въ образованномъ слоѣ Малороссіи нашлось не мало дарованій, которыя съ любовью отдались культу своей народности и ея поэтическихъ преданій. Въ это время (повидимому, около середины двадцатыхъ годовъ) появилась апокрифическая „Исторія Руссовъ", приписанная Конисскому и служившая выраженіемъ романтическаго ретроспективнаго патріотизма; появляются первые пѣсенные сборники Цертелева и Максимовича; затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ изданія Срезневскаго, повѣсти Квитки, восторженныя статьи Вадима Пассека, первыя работы Бодянскаго, и т. д. Если во всѣхъ этихъ произведеніяхъ сказывался яркій малорусскій патріотизмъ, то, съ другой стороны, повидимому не было недостатка въ антитезахъ великорусскихъ. Статья Венелина показываетъ, что существовалъ вопросъ о „россизмѣ" южанъ и сѣверянъ, т.-е. о томъ, кто—южане или сѣверяне—были „россы" по преимуществу, кому изъ нихъ принадлежитъ древняя русская исторія и заслуга основанія русскаго государства и національности—вопросъ, который, наконецъ, прямо поставленъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ въ полемикѣ Погодина и Максимовича.

Венелинъ былъ въ русскомъ обществѣ пришлый человѣкъ и могъ быть свободенъ отъ мѣстныхъ предразсудковъ; по характеру онъ, видимо, стоялъ выше племенной нетерпимости, которую долженъ былъ отвергать и какъ панславистъ въ лучшемъ тогдашнемъ смыслѣ слова. Такъ складывались и его историческія объясненія. Онъ не одобрялъ „спора", не считалъ его разумнымъ, и думалъ, что и южане, и сѣверяне равны въ своемъ „россизмѣ". Приводимъ нѣсколько его замѣчаній, писанныхъ то въ серьезной, то въ шутливой формѣ:

„....Что такое Украйна, что такое козаки, что Малая Россія, что М Россы? Эти вопросы всякому покажутся извѣстными; но дѣло въ томъ, очень не всякій имѣетъ объ нихъ точное, опредѣленное понятіе. Въ этой м убѣждаютъ меня ежедневныя наслышки изъ общаго мнѣнія. По большей ч въ Москвѣ, Мало-Россъ слыветъ тотъ, кто изъ Черниговской или Полтав губерніи; Козаками слывуть люди военные,—конные; Украйною—хоть Х ковская или Полтавская губернія".

Свои объясненія онъ начинаетъ издалека. Весь русскій нар при всей его огромности, раздѣляется, къ удивленію (потому другіе дѣлятся гораздо больше), только на двѣ вѣтви: сѣверну южную. Была нѣкогда третья вѣтвь, восточная или волжская, которой (по мнѣнію Венелина) принадлежали болгары волжскі отъ которой произошли нынѣшніе болгары дунайскіе. Сѣверн южная вѣтви раздѣлились только постепенными уклоненіями въ яз изъ которыхъ составились два нарѣчія—сѣверное и южное. Мас ность обѣихъ вѣтвей почти равна. Въ свое время Венелинъ счи въ народѣ сѣверной вѣтви до 21 милліона, южной—до 20, изъ торыхъ въ Россіи—15; но, принявъ въ соображеніе тѣ громад потери, которыя понесены были южной вѣтвью въ теченіе ист онъ считаетъ за достовѣрное, что южное племя было слишкомъ о третью многочисленнѣе сѣвернаго. Общее названіе сѣверянъ и юж —„Русь" (все равно: русинъ, русакъ, русскій или россіянинъ).

Для Венелина вопросъ о россизмѣ южанъ и сѣверянъ соверш простъ: ни за тѣми, ни за другими нѣтъ въ этомъ отношеніи н кого преимущества; тѣ и другіе—такіе же русскіе, и спорить не о чемъ; надо только, чтобы обѣ стороны это поняли, чтобы, знакомившись съ исторіей, увидѣли, какъ народъ одного корня исторической необходимости, видоизмѣнился на свои оттѣнки, и бы они помирились, наконецъ, взаимно признавши свои отличія

„Здѣсь нельзя не упомянуть, — говоритъ Венелинъ, — о важномъ с между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма (здѣсь подразумѣва мнѣніе черни, *простолюдія*). По мнѣнію москвитянъ, напримѣръ, тотъ то настоящій русскій, кто умѣетъ *гаварить па-настоящему*, т.-е. *па-русск* это значитъ: по сѣверному. Но горе Южанину; вы можете знать въ со шенствѣ сѣверное русское нарѣчіе или, такъ называемый, русскій яз можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ сѣверный выговоръ; но вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ; вамъ жутъ: „*Вы вѣрна изъ нѣмцовъ?*" или „*Вы вѣрна не здѣшній?*" и тогда, бѣдный мой Южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагоразсудится, Испанц Прусакомъ, Халдейцемъ, или Тарапанцемъ, все равно, все тебѣ повѣрят какъ ты ни вертись, ни божись, все ты не Русскій!!! Но ты скажешь, что Мало-Россъ; все равно, все ты не Русскій, ибо московскому простолю чуждо слово Россъ; и будетъ ли этотъ Россъ великъ или малъ, для него равно, только онъ убѣжденъ, что онъ не Русскій, а Полякъ или Хохолъ, Литва, или Козакъ, или Украинецъ, или что-либо похожее, словомъ, что

не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣка почесть своимъ, который не носитъ красной или цвѣтной рубашки, называетъ щи борщемъ, и не гаваритъ харашо, а добрѣ!!!

„Правда, это мнѣніе механическое и, посему, происходящее отъ невѣдѣнія, —есть, конечно, мнѣніе à la borodatch, не болѣе; не смотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто въ кругъ безбородыхъ. Но этого мало; какъ часто и тѣ изъ числа безбородыхъ, которые даже имѣютъ претензію на ученость, на образованность или, по крайней мѣрѣ, на основательность своего сужденія, увлекаются мнѣніемъ à la borodatch! Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ иному украинскому Русаку прилагалось имя Хохла, въ противоположность Русскому слову; въ Украинцахъ иной, мудрено ученый Сѣверянинъ, по нелѣпому мнѣнію, видитъ какую-то смѣсь бѣглыхъ Малороссовъ, Татаръ, Поляковъ, Литвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризовали происхожденіе Казаковъ иные, которые брались о нихъ писать. Очень естественно, что, иногда, учено-историческое, нелѣпое мнѣніе можетъ дать непріятное направленіе народному ощущенію въ образованномъ сословіи. Другое дѣло съ Русаками волынскими, подольскими, гродненскими, бѣлостокскими и люблинскими въ Царствѣ Польскомъ. Эти Южане въ глазахъ Москвитянина ни за какія деньги не омоются отъ Ляхизма... Но за то и Южане, въ свою очередь, не допускаютъ Сѣверянъ участвовать въ россизмѣ; какъ ни называй себя онъ Русскимъ, все-таки онъ не Русинъ, а Москаль, Липованъ и Кацапъ. По мнѣнію Южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ южане, а все прочее Московщина. Въ томъ же самомъ мнѣніи и какой-либо Карпато-россъ, живущій на берегахъ Тисы; его часословъ, или минея кіевской печати, напоминаютъ ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не рѣдкость. Онъ принялъ Русскаго гренадера, сѣвернаго уроженца, за Чеха; но только Глуховскій, или Воронежскій, или Черниговскій гренадеръ покажется ему настоящимъ Русскимъ; равномѣрно землянинъ люблинскаго воеводства, въ Царствѣ Польскомъ, готовъ биться объ закладъ, что онъ чище Русакъ, нежели ярославскій и володимерскій Москаль. Нечего дѣлать, вѣдь онъ справедливъ, потому только, что онъ въ этомъ убѣжденъ. Вотъ опять новое мнѣніе à la oussatch, à la britaya golova. Изъ этого слѣдуетъ, что и бородачъ, и усачъ стоятъ одинъ другого".

Венелинъ находилъ, что споръ этотъ, однако, утѣшителенъ и приноситъ честь обѣимъ сторонамъ (какъ привязанность къ старому родовому и славному имени), но только онѣ не равно пользуются этой честью, потому что „одна сторона другую оглушаетъ". Въ этомъ спорѣ двухъ братьевъ объ ихъ имени и старомъ родѣ участвовала судьей вся Европа и отчасти Азія, и они рѣшали дѣло въ пользу южанъ (т.-е. имя Руси оставалось въ старину за югомъ, а сѣверъ назывался Московіей). „Русь", по понятію народовъ, простиралась отъ Карпатовъ только по Глуховъ и Витебскъ, а дальше была Московщина. Напрасно Грозный и Алексѣй называли себя царями Великой, Малой и Бѣлой Россіи—старыя имена оставались, и исторія гоненій, которыя переносила южная Русь, показываетъ, какъ дорого стоило ей русское имя.

„Межъ тѣмъ,—продолжаетъ Венелинъ,—много, много пожертвованій дѣлали Сѣверяне, чтобы Европа и Азія возвратили имъ ихъ имя, и только 1812 годъ заставилъ Поляковъ, Мадяровъ и Французовъ распространить предѣлы Руси по всей Московіи, но не смотря на это, сосѣдніе народы надолго не забудутъ имя Москалей. И по дѣломъ! Если отецъ твой и твоего родного брата былъ Иванъ, то по какому праву можешь думать, что ты только Ивановичъ и тебѣ только такъ называться?“

Т.-е., по дѣломъ, думаетъ Венелинъ, за самой сѣверной Русью закрѣпилось это названіе Московіи, если она стала отказывать въ „россизмѣ“ Руси южной. Въ самомъ дѣлѣ, имя Московіи держалось очень долго, и Венелинъ замѣчаетъ, что „московецъ у болгаръ, московъ у турокъ всѣхъ трехъ частей міра топоромъ не вырубишь изъ головы“. До настоящей минуты имя „москова“, по преданію, остается за русскими въ народномъ употребленіи у южныхъ славянъ.

„Впрочемъ,—продолжаетъ дальше Венелинъ,—сколь ни оригиналенъ этотъ споръ и ни маловаженъ самъ по себѣ, однако, кто бы подумалъ, что ощущенія, невольно производимыя въ спорящихъ сторонахъ, имѣли порядочное, а иногда и сильное, вліяніе на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказать теперь въ нѣсколькихъ словахъ; замѣчу только, что умный историкъ, одаренный проницательнымъ и сообразительнымъ умомъ, легко замѣтить и оцѣнить это, перебирая весь рядъ сценической жизни какъ Сѣверянъ, такъ и Южанъ. Поляки и католицизмъ (іезуиты) очень искусно воспользовались этимъ внутреннимъ, такъ сказать, раздоромъ между Русаками; и за то, сколько надѣлали себѣ прозелитовъ между Южанами!“

Странныя понятія объ этихъ отношеніяхъ господствуютъ даже и до сихъ поръ.

„И нынѣ еще, въ полной силѣ, водятся въ поговоркахъ старинныя диковинки, и преимущественно между Сѣверянами; стòитъ только вслушаться въ ихъ образъ мыслей. Высшее общество (понимаю: образованное) несравненно малочисленнѣе у Южанъ, нежели у Сѣверянъ; ибо оно состоитъ большею частію изъ Поляковъ; посему Южане, если исключить Украйну и Новороссію, не имѣютъ собственнаго литературнаго голоса; по всей южной и западной Руси, вся Русь разжалована въ крестьянство; вдоль и поперегъ все нѣмо и тихо между жителями; развѣ только, на вопросъ западнаго путника, скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста или Замостья, возвращающійся съ *панщины*, что онъ *русинъ*, и что языкъ и вѣра его *русьская*, не говоря уже о Волыни, о Подольѣ. Чувствуя свое униженіе, для Южанина-русака нѣтъ силы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли“...

Кончилось тѣмъ, что самую землю южной Руси поляки стали называть своею, а сѣверяне не признавали ее за „Русь“.

Изъ этихъ полу-шутливыхъ замѣчаній видно, что самъ Венелинъ нисколько не сочувствовалъ спору, и особенно той сторонѣ, которая „оглушала“ другую: и сѣверяне, и южане были одинаково русскіе,

много боровшіеся за свою землю, много перенесшіе въ ея защитѣ историческихъ бѣдствій и испытаній, и южане даже больше, нежели сѣверяне,—и имѣющіе равное право на свое имя, т.-е. на уваженіе къ своимъ племеннымъ особенностямъ и преданіямъ. Вычурныя выраженія Венелина не уменьшаютъ справедливости его взгляда, которому глубоко антипатична была мелкая неразумная вражда двухъ „Ивановичей“.

Со времени Венелина историческая наука ушла далеко впередъ; открыто множество новыхъ данныхъ для исторіи, сдѣлано множество изслѣдованій о народности и языкѣ; но споръ о „россизмѣ“ все не прекратился. Онъ продолжается въ новыхъ формахъ, гдѣ прежняя нетерпимость проглядываетъ даже въ „ученыхъ“ изслѣдованіяхъ или открыто высказывается въ публицистикѣ. Съ того времени взаимное изученіе очень подвинулось; въ литературѣ, которая была единственнымъ (хотя крайне неполнымъ) выраженіемъ общественности, совершилось нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, которые, повидимому, должны бы служить къ примиренію. Новыя открытія въ малорусской поэзіи, ея замѣчательныя эпическія думы, изображенія малорусской жизни у Гоголя, Квитки, Шевченка, Марка Вовчка, Кохановской, произвели сильное впечатлѣніе и на „сѣверянъ“; относительно Гоголя признано было, что въ его творчествѣ, которое было для русской словесности знаменательнымъ событіемъ, участвовала именно его южно-русская природа, такъ что въ общемъ ходѣ русскаго развитія эта послѣдняя стихія явилась, какъ важная органическая сила; ближайшія изученія старины XVII—XVIII в. подобнымъ образомъ указали, что въ ту эпоху южно-русскіе люди вносили свой богатый вкладъ въ общее русское просвѣщеніе, служили ту службу, къ какой еще мало способны были „сѣверяне“, которые передъ тѣмъ употребляли свои силы на другую задачу—созданіе государства... Но не смотря на всѣ эти факты ближайшаго сближенія южанъ съ сѣверянами въ самыхъ основныхъ трудахъ и созданіяхъ національной жизни, первые все-таки не могли добиться, въ понятіяхъ большинства, признанія полноправности тѣхъ самыхъ особенностей, которыми они участвовали въ общемъ національномъ дѣлѣ.

Въ условіяхъ нашей общественности, новый споръ о „россизмѣ“ велся въ особенности на вопросахъ о языкѣ. Мы остановимся на нихъ не съ ихъ филологической стороны, которая принадлежитъ спеціалистамъ, а по связи ихъ съ вопросами исторіи и литературы.

Въ нынѣшнемъ составѣ русскаго языка есть двѣ основныя вѣтви: великорусская и малорусская (третья, бѣлорусская, не имѣла особаго

книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время, и :
занимаетъ довольно обширную область земли и народа въ запад
краѣ, но по своимъ чертамъ такъ сближается съ вѣтвями глави
что филологи считали это нарѣчіе подраздѣленіемъ, одни — я:
великорусскаго, другіе—малорусскаго). Когда бы ни произошло пе
дѣленіе русскаго языка на его главныя отрасли, обѣ издавна зая
о себѣ, отражаясь своими особенностями въ русскихъ спискахъ ст
славянскихъ памятниковъ или въ собственныхъ произведеніяхъ на
письменности. Филологи спорятъ о томъ, когда именно приз
этихъ двухъ нарѣчій появляются въ рукописяхъ, въ XIV ли
или еще въ XI; но, въ теченіе средняго періода нашей исторіи, к
сѣверяне и южане были совершенно раздѣлены политической суд
два нарѣчія такъ обособились, что малорусская рѣчь стала не вс
вразумительной для сѣвернаго русскаго и обратно, откуда обра
лось народное представленіе, что малоруссъ—не русскій, а „хохо
или что великоруссъ—не русскій, а „москаль", а у людей учен
явилась мысль, что въ основѣ двухъ народностей были два ра
племени. Для обѣихъ отраслей основою церковной книжности
жилъ языкъ церковно славянскій, видоизмѣнявшійся издавна
ніемъ народной рѣчи; позднѣе на югѣ, который со времени уд
ныхъ междоусобій и особливо татарскаго нашествія потерпѣлъ сто
страшныхъ погромовъ и утратилъ, вслѣдствіе того, многое изъ ст
кіевскаго преданія,—въ обращеніи были церковныя книги, си
подмѣшанныя сѣверной русской рѣчью. Первыя славянскія г
матики, написанныя въ XVI—XVII в. учеными южанами, да
правила именно такого славянскаго языка; но собственная наро
рѣчь южной Руси заявляла также свои требованія, и въ XVI
мы уже встрѣчаемъ интересную попытку перевода священнаго
санія, именно на малорусскій языкъ (Пересопницкое Евангеліе)
которою слѣдовали и другія подобныя попытки. Съ основаніемъ ш
въ южной Руси возникаетъ обширная литература на смѣшан
языкѣ, гдѣ на церковно-славянскую основу налегали оттѣнки на
наго южно-русскаго и польскаго языка и реторической латин
терминологіи; съ призывомъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москву,
книги и эта манера вошли на время въ литературное обращеніе
верно-русское. Но рядомъ съ этимъ, народная форма южно-русс
языка находила мѣсто въ произведеніяхъ свѣтскаго характера
лѣтописи, въ литературѣ—повѣствовательной, легендарной, въ
матическихъ пьесахъ и т. п., рядъ которыхъ доходитъ до к
XVIII вѣка, когда литература на чисто народномъ языкѣ была
должена и развита уже людьми новаго образованія, на новыхъ ид
и потребностяхъ. Но здѣсь именно расходятся двѣ литературы

временъ Петра, сѣверная русская литература, покинувъ старыя преданія, стала развиваться на почвѣ общенія съ европейскимъ знаніемъ и вмѣстѣ на господствующемъ языкѣ государства: при всемъ ея младенчествѣ въ началѣ XVIII-го вѣка, она предполагала служить интересамъ столь обширнаго народа и столь сильнаго государства, что должна была взять рѣшительный перевѣсъ надъ старыми литературными элементами, какъ сѣверными, такъ и южными. И вліяніемъ государства, и вліяніемъ новой русской школы (академическая гимназія и университетъ въ Петербургѣ, московскій университетъ, кадетскіе корпуса, академія художествъ и пр.), и вліяніемъ новой литературы, которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія выставила могущественные *сѣверно-русскіе* таланты, какъ Ломоносовъ, позднѣе Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Карамзинъ, — южно-русскія силы были увлечены на служеніе этому *общему* русскому дѣлу, и жизнь самой южной Руси стала провинціализмомъ. Таково стало съ тѣхъ поръ отношеніе *русской* литературы къ *малорусской* народности... Надо, однако, остеречься отъ недоразумѣній. Во-первыхъ, эта новая русская литература не была только великорусской: въ ея образованіи съ XVII-го вѣка участвовали также живыя силы и произведенія малорусскія, и если, какъ литература государственнаго языка, она получила значеніе единственнаго орудія высшей образованности, она не была югу чуждымъ элементомъ. Съ другой стороны, патріоты галицкіе, говоря объ этомъ участіи южныхъ силъ въ развитіи новой русской литературы, доходятъ до утвержденія, будто бы послѣдняя только двѣсти лѣтъ „систематически эксплуатировала" малорусскій языкъ и литературныя средства,—что̀ есть фантастическое преувеличеніе. Далѣе, хотя малорусская литература стала у насъ провинціализмомъ, но провинціализмъ бываетъ различный по его объему и историческимъ преданіямъ: здѣсь объемъ мѣстнаго племени былъ такъ значителенъ, что казался Венелину почти равнымъ объему само́й сѣверной народности; разница преданій создана была вѣками отдѣльной исторіи и отразилась въ богатой народной поэзіи, бытѣ и нравахъ. Наконецъ, значеніе нашего малорусскаго провинціализма усложняется и увеличивается тѣмъ, что та же народность продолжается въ Галиціи, которой народъ и языкъ не входили въ область вліянія русскаго государственнаго языка.

Какъ провинціализмъ, мало себя заявлявшій въ теченіе прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, малорусская народность для большинства сѣвернаго русскаго общества была terra incognita. Исторія Малороссіи была извѣстна мало, а когда являются, наконецъ, первые опыты знакомства съ современной народностью, русскимъ этногра-

...приходилось какъ будто открывать Малороссію. Мы приводили подобный примѣръ въ книжкѣ кн. Цертелева, открывавшей малорусскую поэзію. За годъ передъ тѣмъ вышла первая грамматика малорусскаго языка, написанная русскимъ, который случайно познакомился съ малорусскимъ языкомъ и счелъ небезъинтереснымъ познакомить съ нимъ читателей [1]).

Книжка эта составляетъ теперь библіографическую рѣдкость; изъ ея предисловія видно, въ какой формѣ представлялся тогда вопросъ о малорусской народности въ нашей литературѣ.

„Если бы я предпринялъ описать все то, что можно найти любопытнаго въ *малой Россіи* для человѣка, ищущаго въ малѣйшихъ вещахъ безконечно великихъ слѣдовъ премудрости Божіей; то предпріятіе мое требовало бы не одного года. Подробное описаніе древняго и нынѣшняго, физическаго и нравственнаго состоянія страны сея составило бы превеликую книгу. Всякъ знаетъ, что она имѣла прежде своихъ *собственныхъ Владѣтелей*, была раздѣлена такъ, какъ и другія области нынѣшней Россійской Имперіи, на *Княженія* и *Удѣлы*, послѣ того на *Воеводства* и *Повѣты*, потомъ на *Полки* и *Повѣты*, потомъ на *Намѣстничества* и *Уѣзды*, а наконецъ, во исполненіе благословеннаго опредѣленія управляющихъ всѣми Россіями судебъ, раздѣлена на *Губерніи* и *Повѣты* же, или *Уѣзды*. Всякъ знаетъ, что Малороссіяне всѣмъ другимъ Славянамъ единоплеменны, и сохранили понынѣ нѣкоторые свои обряды и суевѣрія, свойственные каждому народу дотолѣ, пока онъ образуется просвѣщеніемъ. Всякъ знаетъ и то, сколь много они даже по сіе время отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже отъ своихъ единоземцовъ, одѣяніемъ, языкомъ и многими другими свойствами, которыя отчасти описаны въ разныхъ *Исторіяхъ*, *Землеописаніяхъ*, *Путешествіяхъ* и *Запискахъ*. Слѣдственно, довольно будетъ для меня положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству со мною народа, сихъ любезныхъ моихъ соотчичей, сихъ отъ единыя со мною отрасли происходящихъ моихъ собратьевъ.

„Коротко скажу, что нѣсколько лѣтъ живучи въ малой Россіи, довольно могъ примѣниться къ національному характеру ея жителей. Я нашелъ въ нихъ

---

[1]) Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмѣту замѣчаніями и сочиненіями. Сочин. Ал. Павловскій. Спб. 1818. 8°. VI и 114 стр. Книжка посвящена „Любителямъ соотечественниковъ и словесности". Впослѣдствіи вышло „Прибавленіе къ грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія или отвѣтъ на рецензію, сдѣланную на оную грамматику". Соч. А. Павловскій. Спб. 1822. 84 стр. Это—отвѣтъ на разборъ книги, написанный княземъ Цертелевымъ.

Грамматика Павловскаго составлена очень незамысловато. Собственно грамматическія правила занимаютъ стр. 1—21 (часть первая); затѣмъ, вторая часть, „О сочиненіи и о стихотворствѣ малороссійскомъ", представляетъ краткій малорусскій словарь, стр. 24—78, нѣсколько фразъ и пословицъ малороссійскихъ, стр. 78—86, и, наконецъ, „Примѣры на малороссійское сочиненіе": нѣсколько статеекъ на малорусскомъ языкѣ и, между прочимъ, одна пѣсня: „Гóмінъ, гóмінъ по дубрóві,—Туманъ поле покрываѣ,—Мàты сына прогоняѣ", и пр. (стр. 89—90).

что-то *пріятно-меланхолическое*, отличающее ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земного шара. Они имѣютъ природную вникательность, остроту, наклонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Хлѣбосольство и простота нравовъ составляютъ ихъ существенныя свойства. Въ поступкахъ слишкомъ просты и нѣсколько будто грубы; въ дѣлахъ справедливы; въ разговорахъ откровенны, хотя часто тонки и отмѣнно хитры; въ намѣреніяхъ основательны. Любятъ опрятность и чистоту. Занимаются наиболѣе тѣмъ, что принадлежитъ до экономіи; работаютъ тихо, но прочно. Въ страстяхъ рѣдко наблюдаютъ умѣренность. Къ наукамъ расположены, кажется, съ природы. Пѣсни ихъ всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, особливо для Стихотворцовъ интересные, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда Малороссіяне по вечерамъ пріятныхъ лѣтнихъ дней собравшись во множествѣ, и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывныя пѣсни? — Тогда эхо, въ окружности ихъ отдающееся, приноситъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самые трогательные тоны!

„Прельстившись моими чувствованіями, неоднократно я желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія, и успѣлъ въ своемъ желаніи столько, сколько мнѣ было возможно. Видя же, что не безполезно иногда заняться симъ, такъ сказать, ни мертвымъ, ни живымъ языкомъ, я собралъ существеннѣйшія его правила, и расположилъ оныя по грамматическому порядку. Притомъ, зная изъ опыта, сколь смѣшно, когда кто говоритъ по Малороссійски, не зная удареній сего нарѣчія, въ словахъ я придалъ знаки, показывающіе мѣсто ихъ ударенія. Я оставилъ множество мѣлкихъ исключеній первой и второй части Грамматики, потому что либо онѣ не всякому нужны, либо требуютъ излишняго времени, либо, что входить въ разсматриваніе источниковъ, откуда занимаются обороты сочиненія и стихотворческіе вымыслы, такъ какъ и въ исторію словъ, фразовъ и пословицъ, есть дѣло пространное, трудное, принадлежащее Грамматику-Философу. Вмѣсто того, я нужнѣйшимъ почелъ собрать и по алфавиту расположить небольшое количество словъ, фразовъ и пословицъ, безъ знанія которыхъ никакой языкъ не можетъ быть яснымъ, пріятнымъ и полезнымъ. Все сіе сдѣлалъ я какъ для удовольствія любопытныхъ и вникательныхъ въ свойство языка и народа людей; такъ и для показанія, желающимъ знать, Грамматическимъ, яко лучшимъ способомъ, той разности, которая Малороссійскую рѣчь сдѣлала столько не похожею на всеобщій нашъ языкъ.

„Ежели разбираніе *Архангельскаго*, *Новгородскаго*, *Полотскаго*, *Стародубскаго*, *Муромскаго* и другихъ нарѣчій (не говорю *Финскихъ*, *Ордынскихъ*, *Югорскихъ*, *Сибирскихъ*, *Камчатскихъ* языковъ), которыя отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, занимаетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну вещи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предметъ обогатить и вычистить *Россійскій Лексиконъ;* то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ?—И такъ неизъяснимое то будетъ для меня утѣшеніе и честь, когда благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности признаютъ, что трудъ мой не совсѣмъ безполезенъ, и что онъ рано, или поздо вдохнетъ усерднымъ сынамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и протчимъ разсѣяннымъ по пространству толь обширныя Имперіи народамъ и языкамъ“.

Не умножая цитатъ замѣтимъ еще, что Павловскій находилъ мало-

русскій языкъ особливо пригоднымъ для легкой поэзіи, а кромѣ того —„почти повѣрить не можно, сколь легко на малороссійскомъ нарѣчіи изъяснять, особливо простоту и невѣжество, сколь естественно изображать страсти и, сколь пріятно, шутить". Переводя это съ языка тогдашней псевдо-классической щепетильности, увидимъ, что Павловскій какъ бы предчувствовалъ возможность развитія малорусской литературы (а также участія ея элементовъ въ литературѣ русской) именно въ томъ направленіи, какъ оно потомъ совершалось—въ направленіяхъ сантиментальной народности, бытового реализма и юмора. Указывая черты грубости, Павловскій отмѣчалъ, однако, успѣхъ просвѣщенія, которое въ Малороссіи „производитъ нынѣ удивительно успѣшныя дѣйствія. Вселенная (!) скоро увидитъ ее членомъ, получившимъ бытіе свое въ одно и тоже мгновеніе вѣковъ со всѣми другими членами великаго тѣла Всероссійской Имперіи",—но все-таки онъ недоумѣвалъ о томъ, какъ были бы приняты въ русскомъ обществѣ „малороссійскія сочиненія",—иначе онъ „охотно бы рѣшился собрать ихъ сколько можно".

„Споръ" очевидно лежалъ въ глубинѣ этихъ соображеній; но любопытно во всякомъ случаѣ, что сочувственные отзывы и ожиданія были здѣсь высказаны великоруссомъ. Кромѣ предполагаемаго Павловскимъ нерасположенія, было и другое неблагопріятное обстоятельство—малое знаніе о Малороссіи, ея народѣ и языкѣ. Понятія о нихъ были тогда такія смутныя, что главнѣйшій грамотѣй того времени, Гречъ, считалъ малоруссовъ почти вѣтвью польскаго племени. „Малороссійское нарѣчіе,—говорилъ онъ,—родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ юго-западной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ" [1].

Въ своей пространной грамматикѣ, изданной въ 1827 году съ предисловіемъ Булгарина, Гречъ повторялъ, что малорусское нарѣчіе „можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго". Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что въ этомъ именно были увѣрены сами поляки. Объясненіе происхожденія малорусскаго языка польскимъ вліяніемъ казалось тогда наиболѣе естественнымъ, такъ какъ южная Русь долго была подъ польскимъ владычествомъ, и не предвидѣлось другой причины измѣненія языка, занявшаго притомъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія польскія. Максимовичъ, въ первомъ сборникѣ своихъ пѣсенъ, 1827, едва ли не въ первый разъ сталъ объяснять, что на языкъ малорусскій надо смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ польскаго. Вскорѣ подобнымъ образомъ высказались горячіе украинскіе патріоты, и вмѣстѣ это-

---

[1]) „Опытъ исторіи русской литературы". Спб. 1822, стр. 12.

фы, какъ Срезневскій, который настаивалъ, что украинскій, или оруссвій, есть *языкъ*, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, и ъ увѣренъ въ его литературной будущности [1]). Впослѣдствіи поымъ образомъ указывалъ особность малорусскаго нарѣчія Бодяні [2]). Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ по русской филологіи, Маковичъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о положеніи южноскаго языка въ средѣ славянскихъ нарѣчій, и съ его трудовъ оръ" перешелъ на историко-филологическую почву.

Максимовичъ принималъ вообще дѣленіе славянскаго міра не на основныя отрасли (восточную, южную и западную), какъ тогда кновенно принимали, а на двѣ: восточно-славянскую или русскую, ападную, и въ эту послѣднюю помѣщалъ въ двухъ отдѣлахъ сластво южное и западное. Въ отрасли русской онъ находилъ два овные разряда: сѣверно-русскій (гдѣ два отдѣла: великорусскій его нарѣчіями, и бѣлорусскій) и разрядъ южно-русскій (съ наіями), такъ что послѣдній является въ роли языка, совершенно ависимаго отъ рѣчи великорусской, ей равносильнаго и, можетъ ъ, даже еще болѣе первобытнаго. Въ своихъ трудахъ, относящихся 30-мъ и 40-мъ годамъ, Максимовичъ могъ воспользоваться мнѣи и другихъ ученыхъ, которые подобнымъ образомъ составляли ѣ объ южно-русскомъ языкѣ понятіе, какъ объ языкѣ независимъ. Къ такимъ взглядамъ приходилъ, напр., Надеждинъ [3]), корый принималъ три главные вида русскаго языка: великорусскій, жно-русскій и бѣлорусскій, за три особые языка (не нарѣчія); по ѣнію Надеждина, южно-русскій языкъ въ древности еще не разчался отъ церковно-славянскаго, и языкъ великорусскій, прежде же сходный съ церковно-славянскимъ, отдѣлился отъ него уже днѣе, и отъ вліянія сѣвера сдѣлался полногласнымъ [4]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 94.

[2]) „Ученыя записки московскаго университета", 1835. Въ 1837, въ Журналѣ н. просв. (ч. XVII) напечатана была, переведенная съ польскаго, статья канона перемышльскаго Могильницкаго (изъ львовскаго журнала Czasopism naukowy, 20, III), доказывавшая самостоятельность малорусскаго языка. Позднѣе, Кулишъ перепечаталъ ее въ „Запискахъ о Южной Руси" (т. II: „О древности и самобытности русскаго языка"). Объ этой статьѣ см. замѣчаніе Колосова, „Обзоръ звуковыхъ формальныхъ особенностей нар. рус. языка", Варшава, 1878, стр. 253—254, прим.

[3]) Статья: Mundarten der russischen Sprache, въ вѣнскихъ Jahrbücher der Literatur, 1841, Bd. 95, стр. 191 — 240, написанная по поводу книги Копитара: Hesychii Glossographi discipulus etc., 1840; и Энциклопедическій Лексиконъ, т. IX, 1837, статья: „Великая Россія".

[4]) Это мнѣніе объ единствѣ древняго русскаго языка съ церковно-славянскимъ, о происхожденіи русскаго полногласія отъ вліянія сѣвера было тогда довольно распространено,—первое, по незнанію настоящаго церковно-славянскаго языка,—второе, по незнанію малорусскаго, въ которомъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ сѣверу,

Максимовичъ не принималъ мнѣнія объ единствѣ русскаго языка съ церковнымъ, и послѣдній считалъ по Добровскому за особый древній языкъ и другого племени, а русскій языкъ, какъ мы замѣтили, дѣлилъ на южную и сѣверную отрасль, „столько особенныя, что ихъ по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа“ и которыя произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время [1]). Это древнее время, какъ увидимъ, должно было, по мнѣнію Максимовича, относиться къ первымъ вѣкамъ пашей исторіи. Въ болѣе ранней работѣ, Максимовичъ принималъ не два, а три вида русскаго языка (великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій), какъ „три особые однородные языка, наравнѣ съ прочими западно-словенскими языками, и даже съ большимъ правомъ, чѣмъ языки польскій, сербскій, чешскій и словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою (?), чѣмъ южно-русскій съ великорусскимъ и даже съ бѣлорусскимъ“. Основу различія русскихъ нарѣчій онъ видѣлъ въ дѣленіи русскаго племени еще до начала нашей писанной исторіи, и „образованіе южнорусскаго языка въ Украйнѣ, потомъ въ Червонной Руси происходило, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ кіевской или поляно-русской рѣчи“ [2]).

Этотъ взглядъ повторяется въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Максимовича, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда онъ, превратившись изъ ботаника въ филолога, былъ профессоромъ русской словесности въ Кіевѣ [3]).

Взгляды Максимовича не могли назваться научными, такъ какъ и не было еще сдѣлано никакихъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ, а тѣмъ менѣе объ его проявленіяхъ въ памятникахъ древней письменности. Отчасти Максимовичъ ссылался на знаменитыхъ западнославянскихъ ученыхъ (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ), но тотъ изъ нихъ, который касался спеціальнаго этнографическаго вопроса о малорусскомъ племени и языкѣ, Шафарикъ, судилъ собственно о

полногласіе также существуетъ въ полной формѣ. Извѣстный И. И. Давыдовъ въ своей лекціи „О составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словесности“ именно утверждалъ: а) что языкъ церковно-словенскій есть древній русскій; б) что „Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ слiянія съ реченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что, напротивъ, нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому“ (Ученыя Записки Моск. Универс. 1834). См. Собраніе сочиненій Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, стр. 9.

[1]) Собраніе сочин. Максим. III, 57.

[2]) Тамъ же, III, стр. 398—401.

[3]) Таковы были: „Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“, въ Журн. мин. просвѣщ. 1838; „Начатки русской филологіи“, 1845; „Исторія древней русской словесности“, Кіевъ, 1839 (и въ Собраніи сочиненій, т. III).

современныхъ отличіяхъ русскихъ нарѣчій и дѣлалъ только самыя общія замѣчанія объ историческихъ слѣдахъ малорусской рѣчи въ древнихъ памятникахъ [1]). Въ сущности, Максимовичъ руководился только общимъ впечатлѣніемъ историческихъ обстоятельствъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣръ. Взгляды его опредѣлились потомъ яснѣе, когда появились новые труды о древне-русскомъ языкѣ, основанные уже на болѣе точномъ изслѣдованіи и сильно разнорѣчившіе съ его понятіями. Такими трудами были двѣ вышедшія тогда книги: „Мысли объ исторіи русскаго языка", Срезневскаго (1849—50), и изслѣдованіе „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей", П. Лавровскаго (1852). Книга Срезневскаго была для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. Вмѣстѣ съ начинавшимися тогда же трудами Буслаева, съ книгой Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка" (1845), это былъ, послѣ общихъ основаній, положенныхъ Востоковымъ, первый приступъ къ правильному изслѣдованію явленій языка, которыя представлялись уже его *исторіею*. Съ одной стороны, дѣлались первыя пробы примѣнить къ славяно-русскому языку пріемы сравнительной филологіи, съ другой,—начиналось пристальное изученіе древняго языка по памятникамъ. Въ названной книгѣ Срезневскій обратилъ вниманіе именно на эту послѣднюю сторону предмета и, что̀ было особенно важно, постарался связать собранные имъ факты въ цѣльную картину, которая произвела въ свое время большое впечатлѣніе и хотя кажется неудовлетворительной съ нынѣшней точки зрѣнія, но до сихъ поръ не замѣнена другимъ подобнымъ трудомъ. Срезневскій находилъ вообще въ исторіи языка по отдѣленіи его отъ основнаго корня, какъ и въ исторіи языка русскаго, два главные періода — періодъ развитія и богатства формъ, и періодъ „превращеній", какъ называлъ онъ позднѣйшія измѣненія первоначальныхъ формъ. Въ противность довольно обычному тогда мнѣнію о господствѣ въ нашей древней письменности церковно-славянскаго языка, онъ находилъ, что русскій языкъ давно нашелъ себѣ выраженіе въ старыхъ нашихъ памятникахъ и что этого не замѣчали потому только, что въ томъ періодѣ языкъ церковный и народный имѣли много общаго. Далѣе, выдѣляя изъ памятниковъ церковно-славянскихъ русскія формы, принадлежащія русскимъ писцамъ, и собирая черты памятниковъ чисто русскихъ (лѣтописи, грамоты и пр.), можно было заключить, по его мнѣнію, что русскій языкъ въ эпоху выдѣленія изъ общаго славянскаго языка былъ уже на исходѣ развитія формъ и началъ вступать въ періодъ превращеній; но въ первые вѣка нашей письменности, онъ все еще

---

[1]) Slowanský Narodopis, Praha, 1849 (3-е изд.), стр. 27.

былъ однороднымъ цѣлымъ, въ которомъ лишь съ XIV столѣтія можно наблюдать обособленіе двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій— великорусскаго и малорусскаго. Мысли Срезневскаго, въ примѣненіи къ вопросу о сѣверномъ языкѣ, были развиты въ диссертаціи Лавровскаго. Коснувшись въ началѣ своей книги вопроса о времени образованія малорусскаго языка, Лавровскій указывалъ единство русскаго языка до образованія русскаго государства, затѣмъ обстоятельства, содѣйствовавшія отдѣленію сѣверной Руси отъ южной и вмѣстѣ нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и приходилъ къ убѣжденію, что раздвоеніе языка произошло именно только послѣ того, какъ мало-по-малу совершилось раздвоеніе политическое, когда южная Русь въ XIV вѣкѣ вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, вмѣстѣ съ которымъ подпала потомъ власти польской, и когда, въ началѣ XV столѣтія, учрежденіе особенной митрополіи въ Кіевѣ порвало и церковную связь южной Руси и сѣверной [1]).

А до тѣхъ поръ, авторъ не видитъ никакихъ признаковъ дѣленія. Если вообще славянскія нарѣчія въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно близки одно къ другому, то тѣмъ больше надо предположить сходство въ древнемъ языкѣ русскаго народа, соединеннаго тогда и одной вѣрой, и однимъ управленіемъ, и постоянными связями. „Одинаковость славянскаго происхожденія, однообразіе родового быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ славянъ въ то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югѣ и сѣверѣ“. Правда, лѣтописецъ говоритъ о разницѣ племенъ, указываетъ какъ будто разрушеніе единства, но это различіе касалось лишь нѣкоторыхъ обрядовъ и, безъ сомнѣнія, не касалось языка,—какъ въ лѣтописи Нестора не видно никакого признака нарѣчія малорусскаго. „Уклоненій въ языкѣ можно ожидать только съ уклоненіями

---

[1]) „Вотъ только съ котораго времени,—говорилъ Лавровскій,—со времени раздвоенія государства русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенія и въ языкѣ русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, но и съ самымъ Новгородомъ. Предоставленная себѣ самой, она должна была подвергнуться иной участи, испытать новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, общей и для сѣвера, должна была находиться подъ властью государей иноземныхъ, терпѣть гоненія за вѣру и нерѣдко спасать языкъ отъ усиленныхъ вторженій чужеземщины. При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе. А что онѣ появились не ранѣе этого времени, хотя и не тотчасъ послѣ отдѣленія политическаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ филологическое разсмотрѣніе памятниковъ обѣихъ частей Руси, южной и сѣверной“. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, Спб. 1852, стр. 11.

й жизни", но до основанія государства авторъ предполагаетъ ненарушимое сохраненіе старины и, слѣдовательно, измѣь языкѣ были невозможны. Если и было здѣсь какое различіе ѣверомъ и югомъ, это было только различіе лексическое, зае отъ различія мѣстности, климата, быта, но не различіе въ строѣ языка. Эта нераздѣльность не могла падать и съ устаімъ государства. Княжеская власть создавала общеніе между , даже удѣльныя распри поддерживали связь мѣстныхъ плеукрѣпляли мысль о единствѣ русской земли. Иной порядокъ ачинается только съ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, озникаетъ стремленіе къ объединенію сѣверныхъ княжествъ еніе ихъ отъ юга.

імъ образомъ, признаки возникновенія малорусскаго нарѣчія аходить только не ранѣе XIII—XIV столѣтія. Всматриваясь енности современнаго малорусскаго нарѣчія, Лавровскій, по ь Срезневскаго, отличалъ въ нихъ два отдѣла: однѣ были ми старины, принадлежавшими нѣкогда не только цѣлому у языку, но и всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и забытыми ствіи у великоруссовъ; другія были явленіемъ мѣстнымъ, имся преимущественно или исключительно въ Малороссіи и вовсе чуждымъ нарѣчію великорусскому. Для вопроса о томъ, ежали ли діалектическія особенности южному говору до XIII—олѣтія, важенъ, по мнѣнію Лавровскаго, только второй отдѣлъ, тѣ черты, которыя „отличаютъ нарѣчіе малорусское не только оровъ сѣверныхъ, но и отъ древняго языка русскаго". „Что ется до особенностей перваго рода, то онѣ, составляя нѣеотъемлемую собственность всего языка общеславянскаго, стали ь южное нарѣчіе отъ сѣвернаго не потому, чтобы происхож- своимъ обязаны были югу, а потому единственно, что, буь старину въ равной степени принадлежностью и сѣвера, маловышли здѣсь изъ сознанія народнаго и замѣнились звуками ами новыми"... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣленіе юга а восходитъ не далѣе XIII—XIV вѣка.

ыя изслѣдованія важны были тѣмъ, что хотѣли основать рѣопроса на изученіи самыхъ фактовъ языка, насколько они ились въ древнихъ памятникахъ; но вопросъ едва ли не былъ ложенъ, чѣмъ тогда казалось. Лавровскій предполагалъ, напр., тельное сходство" славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшихъ паахъ,—теперь это сходство кажется менѣе поразительнымъ, по ого какъ расширяется знаніе старо-славянскаго, и когда выъ изъ науки, напр., мнимо-древніе чешскіе памятники, котоогда вѣрили. Менѣе доказанными покажутся теперь и аргу-

менты, которые Лавровскій извлекалъ изъ единства происхожденія, быта и преданій русскаго племени предъ началомъ государства. Въ сущности, объ этнографіи русскаго племени до половины IX вѣка мы знаемъ очень мало и донынѣ, и болѣе вѣроятно здѣсь разнообразіе, чѣмъ однообразіе: лѣтописецъ не даромъ дѣлилъ тогдашній русскій народъ на отдѣльныя племена, и древность нѣкоторыхъ изъ нихъ (хорваты, дулѣбы, дреговичи и др.) очень вѣроятна уже потому, что племена съ тѣми же именами встрѣчаются и въ другихъ, иногда весьма далекихъ славянскихъ краяхъ [1]). Всего вѣроятнѣе, что это были дѣйствительно особые племенные оттѣнки, а не безразличныя прозвища, и впослѣдствіи, во времена самого лѣтописца, эти имена стали выходить изъ употребленія только потому, что въ быту сложились новыя политическія единицы, а не потому, чтобы вдругъ исчезла этнографическая особность: племена стали называться по землямъ и княженіямъ, въ которыя вошли, но по существу оставались пока дулѣбами, древлянами, дреговичами и т. д. Если и теперь объединеніе политическое, церковное, административное, не уничтожило племенныхъ оттѣнковъ русскаго народа и, напротивъ, въ условіяхъ быта возникаютъ новыя разновидности (какъ, напр., въ Сибири), то, вѣроятно, и въ древности объединеніе власти не болѣе вліяло на бытъ—грубо первобытный, разбитый по лѣснымъ и степнымъ захолустьямъ, когда и пути были несравненно болѣе рѣдки и трудны, чѣмъ послѣ. Историческія условія, на которыя указывалъ Лавровскій: единство власти, церкви, самыя удѣльныя распри, въ которыхъ сталкивались племена и княженія, внушали племенамъ понятія политическаго единства и единовѣрности, но едва ли въ силахъ были стереть отличія этнографическія. Одной изъ причинъ, почему возникало различіе юга отъ сѣвера, Лавровскій и другіе ученые того же взгляда считали политическія событія, какъ отдѣленіе сѣверныхъ княженій отъ южныхъ, дѣятельность Боголюбскаго и пр.; но не участвовало ли здѣсь также этнографическое различіе юга и сѣвера, наряду съ другими внѣшними условіями—экономическимъ положеніемъ, сосѣдствомъ и т. д.? Отчего Боголюбскій „не любилъ Кіева"? Новѣйшіе этнографы предпочитаютъ принимать бо́льшую стойкость племенныхъ типовъ, а древность, конечно, не имѣла

[1]) Въ нынѣшней Галичинѣ, упоминаются хорваты, которыхъ находимъ также не только въ нынѣшней Хорватіи, но въ Богеміи и на Эльбѣ; дреговичи встрѣчаются въ древней Болгаріи и въ западномъ славянствѣ; дулѣбы, кромѣ нашихъ, въ Чехіи и въ Паннопіи; поляне были кіевскіе и польскіе; жители новгородской земли, одни изъ всѣхъ русскихъ племенъ, называются славянами въ параллель къ нынѣшнимъ словинцамъ и словенцамъ (словакамъ)... Эти племена древней Руси извѣстны были отчасти и писателямъ иноземнымъ.

тѣхъ громадныхъ средствъ племенной нивеллировки, какими обладаетъ современная власть, бытъ и цивилизація...

Возможно, что этнографическія отличія русскаго юга, сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока существовали еще въ древнемъ періодѣ, къ началу писанной исторіи; происходя отъ первоначальныхъ варіацій племенъ, жившихъ врозь и имѣвшихъ „кождо свой нравъ", эти отличія—гдѣ сливались, гдѣ удерживались и подчинялись разнымъ условіямъ быта и сосѣдства — на сѣверѣ финскаго, на югѣ тюркскаго, на западѣ польскаго и т. д. Исторія этихъ племенъ и нарѣчій еще не написана, и за скудостью *прямыхъ* свидѣтельствъ о языкѣ, при опредѣленіи его исторіи, не должно ли будетъ дать также вѣсъ историко-этнографическимъ соображеніямъ?

Книги Срезневскаго и Лавровскаго встрѣтили ревностнаго прозелита въ Погодинѣ, хотя дошли до него не очень скоро. Въ 1856 г., въ „Извѣстіяхъ" русскаго отдѣленія Академіи явилась его „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ". Погодинъ не былъ нимало филологомъ, но вычитанныя имъ новыя мнѣнія ободрили его высказать мысли, къ которымъ онъ частію приходилъ уже раньше, „независимо отъ посторонняго вліянія": теперь, получивъ сильное подкрѣпленіе, онъ уходилъ еще дальше теперешнихъ руководителей. „Записка" адресована къ Срезневскому. Въ новыхъ книгахъ Погодинъ вычиталъ, что въ древней русской письменности языкъ народный и книжный былъ одинъ и тотъ же, что въ немъ не было ничего нынѣшняго малороссійскаго и что поэтому начало малороссійскаго нарѣчія должно быть отнесено не ранѣе какъ къ XIV вѣку. Онъ и прежде замѣчалъ, что въ старыхъ лѣтописяхъ нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, что слова бытовыя — не малороссійскія; далѣе онъ „продолжалъ разсуждать со страхомъ, безпрерывно впрочемъ ободряясь", и увѣрился, что если дать прочесть старыя лѣтописи „любому великороссіянину", то онъ пойметъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ частностей, а малороссіянинъ пойметъ лишь въ той степени, въ какой знаетъ нарѣчіе великороссійское; что малороссіяне народъ пѣвучій и однако не знаютъ никакихъ пѣсенъ отъ древняго времени, между тѣмъ какъ у великороссіянъ поются вездѣ пѣсни о Владимірѣ и его витязяхъ; что характеръ князей, когда они утратили свое норманство, гораздо ближе къ великороссійскому, чѣмъ къ малороссійскому и т. д. Изъ всего этого Погодинъ извлекъ то, что южноруссовъ совсѣмъ не было: „въ Кіевѣ жило до татаръ *великороссійское* племя" — оттого и нѣтъ въ лѣтописи отголосковъ малороссійскаго нарѣчія, оттого нѣтъ у малороссовъ пѣсенъ о князѣ Владимірѣ, оттого князья отличаются великороссійскимъ характеромъ.

Затѣмъ, „одна удача ободрила на другую": „да на что же пред-

полагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? сталъ разсуждать я дальше"—и рѣшилъ, что лѣтописцы писали на своемъ живомъ языкѣ.

„Смѣлѣе и смѣлѣе!

„Языкъ лѣтописей, вмѣстѣ и языкъ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ великороссіяне.

„Слѣдовательно, церковный языкъ есть *нашъ языкъ*, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тожественное.

„А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ!"—Какъ же могло это случиться? „А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена славянскія разсыпались по всей Европѣ и представили собою, въ историческое время, растасованную колоду картъ. Племя, что мы называемъ теперь великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ и въ нынѣшней Великороссіи". Откуда же взялись малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ днѣпровской и окружной? „Они пришли послѣ татаръ отъ Карпатскихъ горъ и заняли кіевскую губернію, такъ какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску". А куда дѣлись кіевскіе великороссіяне? Они, по мнѣнію Погодина, послѣ татаръ отодвинулись на сѣверъ, куда и до татаръ они распространялись безпрестанно съ своими князьями.

„Записка" Погодина вызвала длинныя обличенія Максимовича. Послѣдній былъ весьма умѣренный украинофилъ, но теорія Погодина показалась ему нарушеніемъ не только исторіи, но и самыхъ теплыхъ привязанностей его къ своей родинѣ и къ малорусскому языку[1]. Бесѣда[2]) велась въ дружеско-полемическомъ тонѣ; Максимовичъ, по домашнему, урезонивалъ, усовѣщивалъ и поучалъ Погодина, и какъ будто избѣгалъ говорить о Срезневскомъ и Лавровскомъ. Въ полемикѣ Погодина и Максимовича „споръ между южанами и сѣверянами" совершался въ полной формѣ: для обѣихъ сторонъ и особливо для Максимовича видимо шелъ не одинъ археологическій во-

[1]) „Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣверно-Русскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ, разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда въ нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южно-русскаго языка въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается множество". Собр. соч., III, стр. 239—240.

[2]) Филологическія письма къ М. П. Погодину, въ Р. Бесѣдѣ, 1856, № 3, стр. 78—139; далѣе „Отвѣтныя письма" къ М. П. Погодину въ Р. Бесѣдѣ, 1857, № 1, стр. 80—104. (Отвѣтъ Погодина на первыя письма былъ помѣщенъ также въ Р. Бесѣдѣ, 1856, книга IV). Письма Максимовича повторены въ Собраніи сочиненій, т. III.

просъ, но и вопросъ о большемъ или меньшемъ значеніи самой народности. Прежде всего Максимовичъ напоминаетъ Погодину старыя понятія послѣдняго о древности малороссійскаго народа. Въ прежнее время самъ Погодинъ [1]) находилъ, что „норманъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался *малороссіяниномъ*"; что Андрей Боголюбскій, переселившись на сѣверо-востокъ, „сохранилъ, разумѣется, свое *малороссійское* происхожденіе и только дѣти и внуки его, и его братьевъ, послѣ монголовъ, живя между великороссіянами, сдѣлались сами *великороссіянами*"; что въ Кіевѣ говорили въ старину *по-малороссійски* какъ и теперь, что „*всего нелѣпѣе* мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго".—„Все это было очень близко къ правдѣ", находилъ Максимовичъ, но теперь его другъ внезапно сбился съ настоящей дороги и очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками. Максимовичъ вознамѣрился вывести его изъ этого лѣса и опровергаетъ, одно за другимъ, всѣ его положенія, пользуясь, между прочимъ, аргументами, которые нѣкогда были собраны самимъ Погодинымъ. Собственное его мнѣніе было то, что южно-русскій и сѣверно-русскій языки—родные братья, сыновья одной русской рѣчи, и что южно-русскій языкъ образовался еще въ древнее до-татарское время, когда кіевская Русь была представительницей русскаго міра, какъ послѣ татаръ стала Русь московская, и онъ собираетъ, въ доказательство этого, рядъ соображеній историческихъ и филологическихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи находили филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человѣкъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; но—какова была и филологія Погодина? а историческія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія.

Въ 1859 году, явился трудъ Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями" [2]). Въ началѣ Лавровскій указывалъ на необходимость ученой разработки малорусскаго нарѣчія, „развившаго въ себѣ столь же своебытныя черты, какъ и остальныя нарѣчія славянскія", тѣмъ болѣе, что для этого нарѣчія было сдѣлано еще очень мало, а между тѣмъ нѣкоторыя черты его начинаютъ сглаживаться, вслѣдствіе проявившагося сближенія съ говоромъ великорусскимъ. „Это сближеніе вполнѣ уже очевидно въ горо-

[1]) Москвитянинъ, 1845, кн. III; „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи", 1846, т. III, стр. 357.

[2]) Журн. мин. просв. 1859, іюнь, стр. 225—266. Статья напечатана не совсѣмъ аккуратно, и между прочимъ на стр. 227—228 расположеніе текста спутано.

дахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближенію охоту въ самихъ простолюдинахъ". Сдѣлать остается еще многое: не опредѣлены еще мѣстные малорусскіе говоры, и самыя общія черты отдѣляющія это нарѣчіе отъ другихъ родственныхъ, особливо отъ великорусскаго, извѣстны лишь въ маломъ количествѣ и въ разбросанномъ видѣ. Между тѣмъ значительный матеріалъ для изслѣдованія могли бы доставить уже многочисленныя изданія произведеній народной поэзіи, исполненныя, большею частью, людьми весьма компетентными. Опытъ такой разработки и предпринялъ Лавровскій имѣя въ виду не исторію языка, а лишь его современное состояніе Общее впечатлѣніе его было таково, что онъ ставилъ малорусское нарѣчіе, по обилію его особенностей, наряду съ другими славянскими нарѣчіями, т.-е. именно такъ, какъ ставилъ его Максимовичъ и потомъ писатели украинофильскіе, для которыхъ особенность языка представляется лишнимъ этнографическимъ правомъ южно-русской народности. Ближайшее родство малорусскій имѣетъ съ великорусскимъ, но рядомъ съ огромнымъ количествомъ чертъ общихъ имъ обоимъ Лавровскій видитъ въ малорусскомъ и такія особенности, которыя сближаютъ малорусское нарѣчіе съ южными славянскими, а именно съ сербскимъ. Для объясненія этого неожиданнаго явленія Лавровскій возвращается къ вопросу объ историческомъ происхожденіи племени и присоединяется къ предположенію Погодина о выселеніи малоруссовъ изъ-подъ Карпатъ. „Какимъ образомъ могло произойти такое сходство малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ?—спрашиваетъ Лавровскій.—Не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и въ формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ бо̀льшимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ порабощенія юга Россіи татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніяхъ

Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ по Багрянородному находилась великая Сербія“.

„Обзоръ“ Лавровскаго написанъ былъ еще въ концѣ 1855, но пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ редакціи журнала министерства и напечатанъ былъ только въ 1859 году. Когда появились первыя „Филологическія письма“ Максимовича, Лавровскій тогда же на нихъ отозвался (въ декабрѣ 1856), но статья, посланная въ тотъ же журналъ, опять пролежала тамъ нѣсколько лѣтъ и появилась, черезъ посредство Погодина и Костомарова, уже въ „Основѣ“ [1]).

Въ разборѣ писемъ Максимовича къ Погодину, Лавровскій, не вдаваясь во всѣ подробности ихъ, остановился только на чисто филологическомъ вопросѣ о томъ, имѣются ли въ давней русской письменности отраженія малорусскаго нарѣчія, и приходилъ къ отвѣту отрицательному. Онъ отказывался принимать въ разсчетъ особенности лексическія, которыя могли принадлежать одинаково и югу, и сѣверу, или, еслибы даже и принадлежали одному югу, не составляли бы особенности его нарѣчія,—такъ какъ особыя мѣстныя слова могли бы существовать, по различію бытовыхъ условій или сосѣдства (у котораго онѣ могли бы быть заимствованы), у одного и того же племени, въ одномъ и томъ же языкѣ. Что же касается различія въ звукахъ и формахъ, то Лавровскій приводилъ изъ памятниковъ сѣверныхъ примѣры звуковыхъ особенностей и формъ, которыя Максимовичъ считалъ исключительно малорусскими. Словомъ, онъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, отвѣтивъ отчасти и на тѣ уколы, которые полускрыты были въ письмахъ Максимовича относительно Лавровскаго и его учителя.

Максимовичъ не оставилъ этого безъ отвѣта, но опять адресовалъ свой отвѣтъ къ Погодину [2]). На замѣчанія Лавровскаго онъ собираетъ новые аргументы, иногда не лишенные справедливости. Упоминая въ началѣ о мнѣніи Срезневскаго о несуществованіи малороссійскаго нарѣчія до XIV вѣка, онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что не читалъ (въ 1863) ничего писаннаго и изданнаго Срезневскимъ послѣ 1843 года (!), кромѣ „Задонщины“; объ его мнѣніяхъ онъ знаетъ только изъ „Записки“ Погодина и опровергаетъ своего друга, находившаго взглядъ Срезневскаго новымъ, указывая, что это былъ давно извѣстный взглядъ, напр., у такихъ ученыхъ, какъ Граматинъ

[1]) „Отвѣтъ на письма г. Максимовича г. Погодину о нарѣчіи малорусскомъ“ „Основа“, 1861, августъ, стр. 14—40. Тамъ же явилась статья Лавровскаго: „По вопросу о южно-русскомъ языкѣ“, „Основа“, 1861, ноябрь и декабрь, стр. 72—83, полемизирующая съ самой редакціей этого журнала.

[2]) Новыя письма къ М. П. Погодину, о старобытности малороссійскаго нарѣчія, „День“, 1863, № 8, 10, 15, 16, и въ Собраніи сочиненій, т. III.

или Гречъ. Перебирая мнѣнія объ этомъ предметѣ, онъ припоми наетъ и мнѣніе Надеждина, что великорусскій языкъ образовалс изъ соединенія языковъ бѣлорусскаго и южно-русскаго, особенн вслѣдствіе переходовъ и переселеній. Лавровскаго онъ упрекаетъ в противорѣчіяхъ, когда тотъ говорилъ то о безразличіи древняго рус скаго языка, то о существованіи малорусскаго нарѣчія и народа— въ Карпатахъ, откуда они пришли въ Кіевъ въ XIV столѣтіи, и до спрашиваетъ его о бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось в предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства; категорически опровер гаетъ его замѣчанія о сходствѣ малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ Относительно старыхъ памятниковъ, Максимовичъ замѣчаетъ: „Т именно древле-кіевская и древле-галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своенароднаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ донынѣ намъ ничего изъ нея неизвѣстно... При такомъ отсутствіи самихъ памят никовъ древней южно-русской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней вся кихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія?“

Вторая статья Лавровскаго въ „Основѣ“ написана по поводу замѣчанія, которымъ редакція этого журнала сопроводила его первую статью. Тамъ сказано было, что редакція помѣщала статью Лавровскаго „не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а, можетъ быть, и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—великороссы, а съ другой—поляки усматриваютъ въ древней южной-русской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго“. Лавровскій рѣшительно отвергалъ какую-нибудь тенденціозность своихъ мнѣній; редакція, съ своей стороны, указывала образчики отношенія къ вопросу въ литературѣ, гдѣ нельзя было не видѣть племенной исключительности и недружелюбія. Каждая изъ сторонъ была въ томъ или другомъ права [1]).

Съ 60-хъ годовъ можно замѣтить новый поворотъ въ изслѣдованіяхъ о малорусскомъ языкѣ. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь

[1]) Мнѣніе о выселеніи малоруссовъ съ Карпатъ разобрано было въ статьѣ Котляревскаго въ той же „Основѣ“. Объ этомъ предметѣ см. также ст. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, въ „Монографіяхъ“ Кіевъ, 1885, и въ статьяхъ Ир. Житецкаго: „Смѣна народностей въ южной Руси“, К. Старина, 1883—84. Статья г. Антоновича вызвала возраженія Н. П. Дашкевича и г. Соболевскаго (въ Журн. мин. просв. 1885).

трудамъ г. Потебни. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались изслѣдованія малорусскаго языка у ученыхъ западно-славянскихъ.

Въ тотъ споръ о малорусскомъ языкѣ, о которомъ мы говорили, г. Потебня не вступался и установлялъ только положенія, которыя казались ему вытекающими изъ историческихъ данныхъ языка, или устранялъ мнѣнія, казавшіяся ему неправильными, короткимъ опроверженіемъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ частности и приведемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній его о состояніи древняго русскаго языка и возможной эпохѣ выдѣленія нарѣчій. Русскій языкъ дѣлится, по его мнѣнію, и дѣлится изстари, на два главныя нарѣчія: великорусское и малорусское, и первое также очень давно дѣлится на южное и сѣверное, и къ южно-великорусскому принадлежитъ бѣлорусское, какъ особая его вѣтвь. „Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга".

Авторъ считаетъ несправедливымъ приписывать Срезневскому мнѣніе о безразличіи русскаго языка до XIV столѣтія. Онъ выписываетъ изъ предисловія Срезневскаго къ „Запискѣ" Погодина мысль, что „XIII и XIV вѣкъ былъ временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ", и что „нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень рано, но только говоровъ, а не нарѣчій",—и находитъ, что эти слова не противорѣчатъ и его собственному взгляду; но, замѣчаетъ г. Потебня, „никто до сихъ поръ точно не опредѣлилъ и никогда не опредѣлитъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но, съ появленіемъ шестого, одиннадцатаго и т. д. признака, она становится нарѣчіемъ".

Появленіе мѣстныхъ особенностей, которыя послужили къ раздѣленію нарѣчій, г. Потебня считаетъ возможнымъ относить ко времени задолго до XIII столѣтія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаемое обще-великорусское нарѣчіе, по его мнѣнію, уже въ X-мъ вѣкѣ или раньше выдѣлилось отъ древняго языка, и т. д. [1]).

[1]) „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка", стр. 138—140; см. также 108, 109, 112, 124 и др.

Срезневскій, разбирая эти изслѣдованія, не совсѣмъ соглаша и съ общей точкой зрѣнія, и съ подборомъ главныхъ вопросовъ, о рѣшенія которыхъ зависитъ опредѣленіе отличительныхъ признако русскихъ нарѣчій; но, не вдаваясь въ объясненіе своего разногла вообще отдаетъ великую похвалу большой тонкости этихъ изслѣдо ній г. Потебни, и по поводу „Замѣтокъ о малорусскомъ нарѣчія" воритъ, что „кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отч въ томъ, что̀ онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія ср нительно съ великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, обще и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы нетики русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно оспа вать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться ок чательными".

Въ галицко-русской литературѣ потребность опредѣленія язы явилась одновременно съ первыми опытами литературнаго возро денія въ 30-хъ годахъ. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ грам тикъ малорусскаго языка, писанныхъ по-латыни, по славяно-русс по-нѣмецки и по-польски,—грамматикъ различнаго достоинства въ большинствѣ мало удовлетворительныхъ, отчасти по неумѣн выдѣлить народную рѣчь изъ обычнаго смѣшаннаго славяно-русс языка, который издавна держался въ русской Галиціи подъ в ніемъ книгъ церковныхъ, отчасти по недостаточности самыхъ фи логическихъ пріемовъ [1]). Главнѣйшимъ изъ новыхъ трудовъ гали

[1]) Grammatica Slavo-ruthena, seu Vetero-slavicae, et actu in montibus Carp thicis Parvo-russicae, seu dialecti viventis linguae. Edita per Michaelem Lutsk Budae, 1830.

— Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien vo J. Lewicki. Przemysl. 1834.

— Grammatyka języka Małoruskiego w Galicii ułożona przez Jana Wagilewic Lwów. 1845.

— J. Łozinski, Grammatyka języka ruskiego (т.-е. малорусскаго). Przemysl, 184

— Я. Головацкій, Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ. Львов 1849; Грамматика русскаго языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осадца, Грамматика русскаго языка. Львовъ, 1864 (по Миклошичу).

Изъ этихъ писателей Лучкай и Левицкій не достаточно отдѣляютъ южно-ру скій языкъ отъ церковнаго; Вагилевичъ взялъ себѣ образцомъ Греча и Востокова въ предисловіи сообщилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній изъ народныхъ нарѣчі О самомъ языкѣ онъ говоритъ, что это есть „особый срединный языкъ въ слав ствѣ, вслѣдствіе чего онъ много вліялъ на книжные языки польскій и русскій; поэтом его можно было бы считать подрѣчіемъ обоихъ въ томъ смыслѣ, что, относител обоихъ, онъ есть языкъ подчиненный". Въ „Росправѣ" Головацкаго собраны особен ности мѣстныхъ говоровъ, именно: галицкаго, горскаго (карпато-русскаго) и волынско подольскаго.

ученыхъ является книга Э. Огоновскаго [1]), профессора львов- университета. Огоновскій весьма полно воспользовался лите- й предмета, и опять поставилъ вопросъ объ историческомъ эніи малорусскаго языка къ великорусскому. Предметъ, ко- и въ нашей наукѣ все еще представляетъ спорные истори- и практическіе пункты, у галичанъ, вслѣдствіе особаго поло- ихъ литературы и политической жизни, тѣмъ болѣе служитъ мъ къ крайнему разногласію: принадлежатъ ли они къ *единому* русскому) племени,—или жѐ къ особому племени южно-рус- тогда какъ Россія (языкъ которой другою стороною считается і обще-русскимъ) и ея литература принадлежатъ собственно мени великорусскому? Бросить ли имъ свою народную рѣчь и ь обще-русскую, т.-е. великорусскую,—или держаться своего тельнаго южно-русскаго языка, остаться въ связи съ своимъ гъ (не знающимъ языка великорусскаго) и съ южно-руссами ой имперіи и сохранить *собственное* древнее національное е, которое было кіевско-галицкое, т.-е., по ихъ убѣжденію, ихъ южно-русское?

е мы говорили, что съ этимъ сложнымъ и труднымъ вопро- лицко-русская литература носится съ первой поры своего енія и до сихъ поръ не можетъ рѣшить недоумѣнія, въ са- лѣ, нелегкаго. Стремиться къ *обще-русскому* единству?—но ; галицкая жизнь имѣетъ мало общаго: русскіе галичане, и имъ и не очень трудно было бы выучиваться по-русски, въ тоящее время не знаютъ русскаго книжнаго языка, и содержаніе кой литературы, такъ пропитанной русскою жизнью, для нихъ ю вразумительно, какъ и для всѣхъ вообще нашихъ „братьевъ", ѣмъ менѣе она имъ доступна, чѣмъ она именно больше вѣрна ской жизни, чѣмъ больше „національна" въ настоящемъ смыслѣ ва. До сихъ поръ галицкія стремленія къ „обще-русскому" лите- урному единству проявлялись обыкновенно только въ уродливой мѣ; между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно, ло бы быть сильной опорой для этой мѣстной русской жизни, ло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нрав- енной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего витія, успѣла собрать русская литература и наука въ своемъ но- ъ періодѣ. Или, стремиться къ единству только *южно-русскому?* тимъ и одушевляются лучшіе дѣятели галицкой литературы: они

---

[1]) „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, von Dr. Emil Ogo- ski. Lemberg, 1880. Добавленіемъ къ ней служитъ статья въ запискахъ (Roz- wy i Sprawozdania) Краковской академіи: O waźniéjszych właściwościach języka kiego. Kraków, 1883.

сосчитываютъ статистическія цифры своего племени—въ *Россіи* и в *Австріи* (какъ будто это все равно)—и думаютъ, что *племя* въ пя: надцать или даже въ двадцать милліоновъ должно имѣть свою лі тературу и будетъ имѣть ее; но, племя раздѣлено исторіей, и на: большая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великору скимъ центромъ, съ которымъ едва ли можетъ раздѣлиться въ свое умственной жизни; здѣсь литература на народномъ языкѣ давно ста: провинціализмомъ и союзъ съ нею для галичанъ прибавляетъ ма: въ смыслѣ высшихъ задачъ науки и литературы, и самая народнɛ жизнь восточной части южно-русскаго племени не совсѣмъ похоя на жизнь части западной. Но въ то же время, галицко-русская лит ратура не можетъ обойтись безъ народнаго языка, если только хочет быть понятна въ настоящую минуту своей народной массѣ, а бе: этого она и не можетъ служить ея интересамъ.

Большинству галицко-русскихъ дѣятелей это противорѣчіе пре; ставляется безъисходнымъ и они останавливаются обыкновенно в той или на другой части этой дилеммы, и факты новѣйшей русск и малорусской жизни (какъ, напр., крайняя нетерпимость къ украин фильству въ Россіи и запрещенія, падавшія здѣсь на малорусску рѣчь и литературу) убѣждали ихъ, что иначе и быть не можетъ.

Въ дѣйствительности, безъисходнаго противорѣчія нѣтъ. Сп койно понятый интересъ долженъ, напротивъ, убѣждать въ необх димости того и другого — и тѣсныхъ связей съ обще-русской лит ратурой, и разработки своего народнаго языка. При всемъ различі судьбы Руси галицкой съ судьбою массы русскаго народа, эта масс есть все-таки единственная сильная племенная опора, и оторванна исторіей доля племени найдетъ здѣсь еще много общаго, родствен наго и сочувственнаго, чего ей больше негдѣ искать; сосѣдняя, и легко въ сущности понятная, богатая литература, можетъ дать го товый обширный запасъ содержанія, выработка котораго силами одной мѣстной народности была бы невыполнима; а вѣчная зависимость, въ высшихъ вопросахъ, отъ литературы чужеязычной (напр. нѣмец кой) не преминула бы отозваться внутреннимъ упадкомъ національ ности. Съ другой стороны, въ настоящемъ положеніи галицко-рус ской жизни развитіе литературы на народномъ языкѣ остается пока единственнымъ средствомъ просвѣщенія народа.

Своему изслѣдованію южно-русскаго языка г. Огоновскій пред послалъ вводную статью, гдѣ объясняетъ „отношенія южно-русскаго языка къ русскому“ [1]). Г. Огоновскій, самъ ревностный галицко русскій патріотъ, окруженный борьбою противоположныхъ направ-

[1]) Южно-русскій обозначается у него ruthenisch.

леній, естественно долженъ былъ считаться съ тѣми взглядами, какіе господствуютъ въ его обществѣ и самъ не свободенъ отъ ихъ односторонности. Въ виду споровъ о судьбѣ народности и литературы, для галицкихъ патріотовъ однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ является стремленіе доказать отдѣльность и независимость своего языка отъ русскаго. Чувствуя эту отдѣльность языка въ настоящую минуту, желая защитить его нынѣшнюю литературу, они распространяютъ свой взглядъ на прошедшее и считаютъ свой языкъ подлиннымъ древнимъ русскимъ, а языкъ великорусскій—новой формаціей; этотъ новый („московскій") языкъ присвоилъ себѣ элементы церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, давши имъ свою новую, чуждую окраску въ ущербъ старому и подлинному основанію. Читая нѣкоторыя разсужденія объ этомъ предметѣ у галицко-русскихъ писателей, можно встрѣтить въ нихъ сходство съ извѣстными разсужденіями польскихъ писателей о „русскомъ" и „московскомъ" языкѣ и народности, съ подобною утратой исторической перспективы. Г. Огоновскій не доходитъ до этой крайности, но и не совершенно свободенъ отъ нея. Ему кажется страннымъ фактъ, что „языкъ, который въ теченіе столѣтія считался самостоятельнымъ, теперь, главнымъ образомъ по политическимъ причинамъ, или совершенно игнорируется, или выставляется какъ нарѣчіе русскаго языка, а иной разъ даже какъ нарѣчіе языка польскаго. Правда, нельзя отвергать, что рутенскій [1]) языкъ находится въ странномъ отношеніи къ русскому, именно, что лексическій и грамматическій матеріалъ перваго былъ, въ XVIII и XIX столѣтіи, такъ поглощенъ московскимъ нарѣчіемъ (moscowitischer Dialect), что новый языкъ принялъ даже аттрибутъ *русскаго* (?!): и однако же каждому мыслящему филологу ясно какъ день, что рутенскій языкъ, несмотря на видимое (?) тождество въ названіи, никакъ не можетъ разсматриваться какъ нарѣчіе русскаго языка, но какъ равный съ нимъ языкъ. Большая часть недоразумѣній, въ этомъ отношеніи, вызвана, безъ сомнѣнія, упомянутымъ названіемъ этихъ языковъ („ruthenisch" und „russisch"). Дѣло въ томъ, что такъ какъ оба эти слова представляютъ переводъ одного и того же прилагательнаго (роусьскый), то можно было, особенно за границей, считать себя въ правѣ думать, что между названными языками нѣтъ никакого существеннаго различія. Но всякое недоразумѣніе устранилось бы только тогда, еслибы русскій языкъ не отвергалъ своего московскаго происхожденія и имени (!). Между тѣмъ, можно утѣшаться мыслью, что простое названіе, т.-е. внѣшнее обо-

---

[1]) Т.-е. настоящій старый и подлинный, *нынѣ* южно-русскій, языкъ. Удерживаемъ термины автора, для большей наглядности.

значеніе, нисколько не измѣняетъ сущности языка, что поэтому, смотря на сходство въ названіи, рутенскій и русскій должны остат двумя особыми языками".

Отдѣльность языковъ авторъ принимаетъ за доказанный фа подтверждая его авторитетомъ Миклошича и Шлейхера (имѣвш въ виду нарѣчія нынѣшнія). Ссылаясь на Костомарова, авторъ у зываетъ „двѣ русскія народности" и объясняетъ, что собствен и древняя „Русь" была именно южная, а народность „московск образовалась позднѣе, съ поглощеніемъ элементовъ финскихъ, и х авторъ отвергаетъ, какъ нелѣпость, мнѣніе нѣкоторыхъ ошалѣвш (hirnverbrannt) этнографовъ, что нынѣшніе русскіе — не славяне по своему происхожденію принадлежатъ къ туранцамъ, и дума напротивъ, что московское княжество, хотя и поглотило многіе ин родческіе элементы, было, по своему населенію, столь же слав скимъ, какъ вся масса прежнихъ рутенскихъ племенъ. Тѣмъ не мен авторъ полагаетъ, что „когда московское княжество восприня политическую роль рутенской метрополіи, Кіева, разрушеннаго т тарскими нашествіями и внутренними междоусобіями, то оно долж было естественно *присвоить себѣ* и имя своего уже не опаснаго с перника, чтобы затѣмъ выступить въ качествѣ его законнаго прее ника и обнять стариннымъ популярнымъ именемъ всѣ (восточно-)сл вянскія племена. По совершеніи этого богатаго послѣдствіями пр соединенія, древняя Рутенія (Русь) осталась безъ имени, такъ ка двѣ національности не могли удовлетворяться однимъ и тѣмъ : названіемъ. Съ тѣхъ поръ московское великое княженіе стало н зываться „*рутенскимъ*" (русскимъ), а потому и все централизова ное царство—Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ собственная Россія (южная Русь) должна была искать себѣ новаго имени, чтобы не быть вычеркнутой съ карты міра. Къ сожалѣнію, выборъ новаго названія для исторически извѣстной націи не могъ ожидать прочнаго значенія; вслѣдствіе того, новыя выраженія возникшія въ XVII столѣтіи: Малороссія, Украина, Гетманьщина, не могли уже потому пріобрѣсти общаго права гражданства, что они означали или одну часть націи, или просто отмѣчали одну эпоху въ ея исторіи".

Съ точки зрѣнія горячаго южно-русскаго патріота понятно чувство скорби о судьбѣ племени, утратившаго и свою цѣльность, и свое древнее имя. Но факты не точны, и авторъ, ссылаясь на „Двѣ народности" Костомарова, могъ бы справиться и съ другою статьею, гдѣ тотъ же Костомаровъ, опровергая туранскую теорію польскихъ этнографовъ, касается и вопроса объ имени Руси [1]). Имя Руси было

[1]) „Правда полякамъ о Руси", въ „Основѣ", 1861, № 10, стр. 100—112.

древнемъ періодѣ весьма неопредѣленно, и въ политическомъ юшеніи требовало ближайшихъ обозначеній по землямъ и княжемъ [1]), но главный смыслъ этого имени сдѣлался уже вскорѣ этнофическимъ. Въ удѣльную эпоху новгородцы, суздальцы, кіевляне, ритяне, москвичи обозначались *политически* по своимъ мѣстнымъ намъ, но всѣ они были *русскіе*, когда приходилось говорить не астныхъ единицахъ (въ ихъ отношеніяхъ между собою), а объ омъ *племени* въ противоположность иноземному; все это были и русскіе по племени, по языку и по вѣрѣ. Названіе московскаго жества было естественнымъ продолженіемъ стараго удѣльнаго юба политическихъ именованій; отъ княжества оно перешло по лѣдству и къ царству, но когда княжество расширилось за свои воначальные предѣлы, оно тотчасъ стало называться и „русскимъ" дарствомъ. Иноземцы дѣлали эту русскую землю „Московіей" по ити о московскомъ княженіи; были дѣйствительно „московскіе а", какъ *подданные* московскаго (сначала небольшаго удѣльнаго, къ великаго) князя [2]), но „московскаго племени" не бывало — я было русское. Когда Москва присоединяла мало-по-малу удѣлы, не покоряла *племенъ*, а только уничтожала старыя *политическія* ицы, и владимірцы, рязанцы, тверитяне и, наконецъ, новгоы не думали отличать себя по племени отъ москвитянъ; рѣчь только о паденіи ихъ автономіи политической. Такимъ обра-, Москвѣ не было надобности *отнимать* у южной Руси ея имя, ы стать русской. Г. Огоновскій самъ приводитъ извѣстное указаніе, имя „Малой Руси" является уже въ первой половинѣ XIV вѣка [3]); названо было княземъ Юріемъ галицкимъ и владимірско-волынскимъ, такъ что самъ представитель южной Руси считалъ ее „Малою", очевидно предполагая „великую", которая дѣйствительно нарождалась тогда сначала въ Твери, а потомъ въ Москвѣ. Очевидно, что названіе, употребленное *дома* княземъ Юріемъ, было названіе обычное, которымъ сами жители края признавали какъ свое племенное единство съ большою Русью, такъ и свою политическую второстепенность. Въ томъ же XIV вѣкѣ, московскій князь Симеонъ Ивановичъ назы-

[1]) Первая Русь (Варяги-Русь) отмѣчена лѣтописцемъ вовсе не на югѣ, а въ Новгородѣ, и оттуда, по мнѣнію лѣтописца, впервые явилось русское имя. Съ переходомъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ имя Руси утвердилось здѣсь, повидимому, именно въ связи съ главнымъ княжескимъ гнѣздомъ, но въ періодъ удѣловъ пошли уже въ ходъ имена земель и княженій, какъ обозначенія политическихъ единицъ. Такою единицей былъ самъ Кіевъ съ его землей, Новгородъ, Суздаль, а наконецъ, и Москва.

[2]) И московскій „великій" князь былъ прежде не единственный; бывали и „великіе" тверскіе князья.

[3]) Есть упоминанія, относящіяся еще къ концу XIII столѣтія.

валъ себя великимъ княземъ, не только московскимъ, но и
Русіи"; „Московія" иноземцевъ на русскомъ языкѣ называлась
ликая россійская держава московскаго государства". Что царь Ал
Михайловичъ сталъ называть себя царемъ Великой, Малой и]
Россіи, это было естественнымъ продолженіемъ стараго титул
торое подтверждалось фактическимъ владѣніемъ; а что народъ і
русскій потерялъ свое общее древнее имя, это опять объясн
тѣмъ, что онъ утратилъ свое политическое бытіе.

Сообразно съ этимъ, объясняется и историческая роль і
русскаго языка. Различіе нарѣчія великорусскаго и малору
восходитъ вѣроятно къ очень давнему времени и, быть мо
языкъ малорусскій сохранилъ даже нѣкоторыя древнѣйшія
первоначальнаго языка, утраченныя въ великорусскомъ; но, в
выхъ, общность двухъ нарѣчій въ ихъ корнѣ едва ли подле
спору, а во-вторыхъ, надо отличать судьбу языка народнаго и і
наго. Въ древнѣйшемъ періодѣ русской письменности, наши
логи, какого бы они ни держались взгляда, не могли волей ил
волей не увидѣть большой общности книжно-народнаго язы
самые памятники видимо совершенно легко ходили между кн
ками на сѣверѣ и на югѣ. Положительное распаденіе нарѣчій д
относиться къ болѣе позднему времени, когда рядомъ съ
произошло и политическое распаденіе юга и сѣвера. Если мы
симъ, однако, гдѣ потомъ осталась наиболѣе живая традиція с
письменности, гдѣ, напримѣръ, непосредственно и обильно пр
жаемы были лѣтописи, гдѣ продолжалась литература церковная
вивались старые эпическіе мотивы и т. д., мы должны будемъ
зать: на сѣверѣ,—въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ. Если нар
языкъ сталъ уже отличаться на сѣверѣ и на югѣ, то въ литер
церковной создался особый стиль, писали или старались писа
церковно-славянскомъ языкѣ, невольно оттѣняя его особенно
народнаго языка, и этотъ же стиль, съ чертами южно-русс
существовалъ и на югѣ. Г. Огоновскій весьма не точно пони
это положеніе вещей, когда, упомянувъ о дѣятельности южн
скихъ ученыхъ въ Москвѣ со второй половины XVII вѣка, гово
что, переселившись въ Москву, эти люди (какъ Епифаній Славин
Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій и др.) „перенесли туда
доточіе литературной дѣятельности Рутеніи (южной Руси)", і
эти реформаторы, предложивъ свои услуги новому отечеству и
рушая китайскую стѣну московской культуры, „разработывали да
московское нарѣчіе (das moscowitische Idiom) на основѣ своего
ного языка", вслѣдствіе чего, „при наступившей въ Кіевѣ а
ко всякой политической и литературной дѣятельности, можно

незамѣчать никакой разницы между рутенскимъ и московскимъ“, т.-е. между южно-русскимъ и велико-русскимъ; съ дѣятельностью Петра сѣверно-русскій элементъ получилъ еще новую силу, а южно-русскій сталъ падать, тѣмъ болѣе, что на Украйнѣ, послѣ національнаго одушевленія XVII вѣка, настало утомленіе и автономія южной Руси была подавлена. Это изложеніе ошибочно въ слѣдующемъ. Заслуги южно-русскихъ ученыхъ были несомнѣнны на поворотѣ русской жизни къ ея новому направленію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; но собственно языкъ, которымъ писали южно-русскіе ученые въ Москвѣ, былъ тотъ же церковно-славянскій, подмѣшанный русскимъ, который господствовалъ и раньше въ московской письменности, и въ этомъ отношеніи кіевскіе ученые вовсе не „разработывали московскаго нарѣчія на основѣ своего языка“. Дѣло просто въ томъ, что для сѣвера и юга была здѣсь давнишняя общая почва, и эти отношенія объясняются проще на основаніи родственности племенъ и ихъ церковныхъ преданій, чѣмъ на основаніи ихъ различія. Что же касается до собственно малорусскихъ (или малорусско-польскихъ) элементовъ языка, также частію принесенныхъ кіевскими и западно-русскими учеными въ ихъ писаніяхъ, эти элементы уже вскорѣ стали отпадать изъ „московскаго“ языка.

Далѣе г. Огоновскій, отвергнувъ сравненіе отношеній великорусскаго къ малорусскому съ отношеніями нѣмецкаго литературнаго языка къ plattdeutsch, замѣчаетъ: „исторія не знаетъ никакой нижненѣмецкой націи съ однообразно сформированнымъ языкомъ, своимъ рѣзко выраженнымъ типомъ и съ своеобразнымъ характеромъ народной поэзіи, между тѣмъ какъ существованіе *малорусской націи* неопровержимо доказывается историческими фактами. И богатые запасы языка этой націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были *систематически эксплуатируемы* въ пользу московскаго нарѣчія (zu Gunsten des moscowitischen Dialectes systematisch ausgebeutet), вслѣдствіе чего древняя русинская нація неизбѣжно должна была стать въ странное отношеніе къ новосозданному русскому языку“. Авторъ еще не разъ повторяетъ потомъ, что „нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго и церковно-славянскаго языка“, что великорусскій языкъ „могущественно развился на счетъ (auf Kosten) малорусскаго“,—и указываетъ, наконецъ, что „если датчане не хотятъ промѣнять своего языка на близко родственный шведскій, и голландцы не имѣютъ никакой симпатіи къ нѣмецкому, то съ тѣмъ бо́льшимъ правомъ и русины не хотятъ предпочесть своему благозвучному языку языка русскаго“; они пользуются своимъ языкомъ „въ глубочайшемъ убѣжденіи, что интересы этого языка должны быть соблюдены во всѣхъ отрасляхъ науки“,

.итературы малоруссы въ Россіи поль-
..ріаломъ на русскомъ языкѣ. Во-вторыхъ,
:ени факторомъ литературнаго развитія языка
государственное: только оно дѣлаетъ народъ
.ія не имѣютъ „рутены" въ сравненіи съ Даніей
.кій языкъ, правда, „не есть еще всемірный", но
.ъ его литература есть самая обширная по объему
.одержанію славянская литература, и если ея поэти-
.еденія получаютъ въ послѣднее время такое широкое
.еніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои
.ельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, ду-
.. они могли бы съ пользой послужить и для галичанъ: имъ
.ственнѣе было бы примкнуть къ этому родственному движенію,
.ъ нуждаться во „всемірной литературѣ" чужого языка, которая
.юмному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ
.ѣть на слабую народность подавляющее вліяніе [1].

Оставался невыясненнымъ вопросъ о внутренней исторіи южно-
.скаго языка, поставленный въ спорѣ Погодина съ Максимовичемъ.
. послѣдніе годы онъ былъ поднятъ опять и, быть можетъ, подъ
.ецъ еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Не вдаваясь въ спеціаль-
.й филологическій вопросъ, укажемъ лишь главные, сюда относя-
.еся труды.

На очереди очевидно стояло историческое изслѣдованіе языка
. связи съ исторіей племени, особливо по памятникамъ. Такъ кос-
.юсь этого вопроса изслѣдованіе рано умершаго филолога Коло-
.ва [2]); спеціально ему посвящено изслѣдованіе г. Житецкаго [3]). Ста-
.ясь выяснить исторію звуковъ малорусскаго языка и пользуясь
.я этого, между прочимъ, архаическими остатками въ нарѣчіяхъ со-
.еменныхъ, г. Житецкій полагалъ, что „главныя черты малорусскаго
.ализма въ XII--XIII ст. вполнѣ обнаружились". „Не было еще
.ранскаго говора, который выдѣлился позже изъ волынскихъ раз-

---

[1]) Писано въ 1886 г. Выше мы приводили (стр. 233), что позднѣе г. Огоновскій
.порилъ въ сущности тѣже мнѣнія въ своей „Исторіи русской (южно-русской)
.ратуры", на которую сдѣланы были мною замѣчанія въ „В. Евр.", 1890. Въ
.ніе печатанія настоящаго тома появился отвѣтъ г. Огоновскаго: „Моему крити-
.". Львовъ, 1890.

[2]) Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст., 1872.
.оръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, 1878.

[3]) Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876. Разборъ этой
.ги въ Archiv für slavische Philologie, т. I, и въ подробной рецензіи г. Потебни,
.отчетѣ объ Уваровскихъ наградахъ, 1878.
— Описаніе Пересопницкой рукописи XVI вѣка, съ приложеніемъ текста Еван-
.ія Луки. Кіевъ, 1876.

норѣчій, но самыя эти разнорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пра-языка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго къ концу кіевской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынскій. Тотъ же процессъ образованія мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому пра-языку"... Изъ нихъ сложился южно-великорусскій языкъ будущаго московскаго княжества, корень позднѣйшаго великорусскаго языка. Эти развѣтвленія языка совершались параллельно съ историческими судьбами народа. „Въ концѣ XII вѣка,—говоритъ г. Житецкій,—Русь южная, кіевская, и Русь сѣверная, владиміро-суздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нароставшихъ въ предшествующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполнѣ убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовыя настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только политическая исторія, но и такія крупныя литературныя произведенія, какъ слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ, и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южно-русскаго нарѣчія XII—XIII вѣка намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ" [1]).

Для г. Житецкаго не подлежитъ сомнѣнію, что люди кіевской Руси были именно предками нынѣшняго малорусскаго народа, что съ тѣхъ поръ и донынѣ, не прерываясь, шло *въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ* развитіе малорусской народности, быта и языка. Но указанное состояніе памятниковъ, вмѣстѣ съ темной исторіей южно-русской земли и населенія въ XIII—XV вѣкахъ, оставляли поле для недоумѣній и разнорѣчій, и въ послѣднее время старая мысль Погодина, отчасти поддержанная Лавровскимъ, была снова поднята, съ филологической точки зрѣнія, г. Соболевскимъ. Послѣдній [2]), принимая,

---

[1]) Житецкій, стр. 269—273.

[2]) „Очерки изъ исторіи русскаго языка", часть I. Кіевъ, 1884. Передъ тѣмъ изданы были имъ: „Изслѣдованія въ области русской грамматики". Варшава, 1881 (отдѣльно изъ Рус. Фил. Вѣстника) и „Статьи по славяно-русскому языку", Варшава 1883.

что „русскій языкъ, уже въ древнѣйшую эпоху своего существованія, дѣлился на нѣсколько нарѣчій или говоровъ, болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга", поставилъ свое изслѣдованіе такъ: изъ древнихъ русскихъ рукописей, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ, онъ выдѣлилъ нѣсколько группъ съ тожественнымъ правописаніемъ,—опредѣляя тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ указаній на мѣсто и время написанія, по сравненію съ тѣми, въ которыхъ имѣются эти даты,—и извлекалъ изъ нихъ особенности правописанія, могущія служить къ характеристикѣ древнихъ говоровъ, чтобы прослѣдить развитіе этихъ особенностей и сравнить ихъ съ особенностями нарѣчій современныхъ. Въ первой части этого труда находится изслѣдованіе памятниковъ группы южно-русской, съ XII до XV вѣка. Путь изслѣдованія былъ бы совершенно точный, еслибы нашлось достаточное количество памятниковъ и комментарій соотвѣтствовалъ матеріалу. Къ сожалѣнію, число памятниковъ южно-русскихъ чрезвычайно скудно (въ трудѣ г. Соболевскаго, за время съ XII по XV вѣкъ собрано только 15 рукописей, кромѣ грамотъ). Общій выводъ автора привелъ бы въ ужасъ покойнаго Максимовича. Изслѣдуя собранныя имъ южно-русскія рукописи, г. Соболевскій нашелъ, что ни одна изъ нихъ „не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ", а памятники, которые могутъ быть отнесены къ Кіеву, не имѣютъ южно-русскихъ особенностей. Поэтому тотъ южно-русскій говоръ, проявленія котораго нашлись въ собранныхъ имъ рукописяхъ, онъ призналъ не кіевскимъ, а *волынско-галицкимъ*, а „древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу *великорусскихъ* говоровъ" [1]). Эти положенія встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ кіевскихъ изслѣдователей южно-русской старины,—не были также приняты тогда и г. Ягичемъ [2]),—а именно, положенія г. Соболевскаго послужили предметомъ повидимому весьма любопытныхъ преній въ кіевскомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, въ 1884 году. Поставленъ былъ вопросъ—„Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вѣкахъ?" гдѣ г. Соболевскій изложилъ выводы своихъ „Очерковъ", что: „въ Кіевѣ XIV и XV в., а слѣдовательно и раньше, было великорусское нарѣчіе, и что нынѣшнее малорусское населеніе мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву, какъ и всей страны къ востоку отъ Днѣпра, — населеніе пришлое, пришедшее

---

[1]) Стр. 68—69, 116—117.

[2]) „Четыре критико-палеографическія статьи", И. Ягича. Спб. 1884, стр. 88—90, 93—102. Въ разборѣ „Четырехъ статей" г. Соболевскій остался при своемъ мнѣніи; соотвѣтственно этому онъ оспаривалъ и изслѣдованіе В. Б. Антоновича о судьбѣ Кіева въ XIV—XVI столѣтіяхъ.

приблизительно въ XV в. сюда съ запада, изъ Подоліи, Волын Галиціи и ассимилировавшее собою остатки стараго кіевскаго н ленія". Этотъ взглядъ вызвалъ возраженія гг. Голубева, Житецк Антоновича, Дашкевича и др. [1]). Тотъ же взглядъ изложенъ б опять въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка", г. Соболевс (Кіевъ, 1888) и снова встрѣтилъ возраженія со стороны г. Ягича рецензіи „Лекцій" [2]).

Тридцать пять лѣтъ назадъ, Погодинъ въ „Запискѣ", о кото мы выше упоминали, говорилъ: „Малороссійскаго нарѣчія, къ ст своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессор для всѣхъ славянскихъ нарѣчій". Тогда же о необходимости чeнія малорусскаго нарѣчія говорилъ Лавровскій; но съ тѣхъ п и донынѣ дѣло подвинулось очень мало. У насъ доселѣ нѣтъ ма русской грамматики, нѣтъ и такой цѣльной книги, какъ „Studi Огоновскаго; малорусскій словарь остановился на опытахъ Закр скаго, Пискунова, Левченка, Аѳанасьева-Чужбинскаго, и опять лучі словарь является въ маленькой галицко-русской литературѣ, въ тру покойнаго Желеховскаго. — Надо пожелать, чтобы, хотя для сох ненія научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано бы вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы „споръ между ю нами и сѣверянами" кончился на спокойной и свободной научн почвѣ.

---

[1]) См. „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца", кн. II, Кіевъ, 1888 стр. 215—227. Пренія изложены здѣсь кратко, по сообщеніямъ тогдашнихъ газетъ особливо „Кіевлянина", безъ ручательства за полную точность.

[2]) „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка". Спб. 1889. Грубый отвѣт г. Соболевскаго въ „Р. Филологич. Вѣстникѣ", 1890.

ГЛАВА XI.

Съ шестидесятыхъ годовъ.

Оживленіе этнографическихъ изслѣдованій съ 1880-хъ годовъ.—Предшественники: Н. А. Маркевичъ, Н. В. Закревскій.

Экспедиція Чубинскаго. Кіевскій отдѣлъ Географическаго Общества.

Труды В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, Номиса, И. Я. Рудченка, П. И. Житецкаго, А. Лоначескаго и др.

Изученіе малорусскаго народа въ послѣднее время доставило обширный научный матеріалъ, который несомнѣнно былъ бы еще значительнѣе, еслибы оно не встрѣчало разныхъ трудно одолимыхъ препятствій. Эти изслѣдованія шли параллельно съ успѣхами этнографіи обще-русской, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ представили, при собираніи матеріала, примѣръ замѣчательно единодушнаго интереса къ изучаемому предмету, — и это единодушіе сдѣлало возможнымъ осуществленіе такихъ широкихъ предпріятій, какъ экспедиція Чубинскаго,—самое капитальное дѣло малорусской этнографіи.

Оживленіе интереса къ малорусской народности, въ началѣ прошлаго царствованія было, какъ мы объясняли выше, результатомъ цѣлаго умственнаго и нравственнаго оживленія русскаго общества въ тѣ годы.

Прежде чѣмъ перейти къ новымъ трудамъ въ малорусской этнографіи, начавшимся тогда съ журнала „Основа", упомянемъ еще о нѣкоторыхъ прежнихъ дѣятеляхъ въ этой области, которые стояли на границѣ между старымъ и новымъ періодомъ этихъ изученій, именно о Маркевичѣ и Закревскомъ. Оба они были своего рода типическими представителями старой этнографіи.

Какъ большинство тогдашнихъ любителей народности, Николай Андреевичъ Маркевичъ былъ этнографъ-самоучка, далекій отъ какого-нибудь научнаго пониманія предмета, но весь проникнутый тѣмъ

инстинктомъ, который безъ пособій науки угадывалъ важность народныхъ изученій, какъ научную—для болѣе правильнаго уразумѣнія народнаго характера и исторіи, такъ и нравственную — для установленія болѣе разумныхъ общественныхъ отношеній къ народу. Это былъ типъ весьма привлекательный. Любители этого рода не имѣли понятія о томъ, что̀ дѣлается въ наукѣ для изученія народнаго языка, преданій, поэзіи, но этотъ языкъ, преданія и поэзія были исполнены для нихъ величайшей прелести, и они, часто не пытаясь вовсе раскрывать ихъ внутренній смыслъ, старались по крайней мѣрѣ собрать сколько можно больше проявленій народной личности въ пѣсняхъ, обрядѣ, быту и пр. Когда иной разъ они пробовали давать этому матеріалу свои объясненія, эти послѣднія всего чаще оказывались совершенно неудовлетворительными; но они тѣмъ не менѣе дѣлали свое полезное дѣло, собирая матеріалъ, который и до сихъ поръ остается цѣннымъ.

Маркевичъ родился 26 января 1804 года, въ селѣ Дунайцѣ глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи, въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Прилукахъ, въ частномъ пансіонѣ Белецкаго-Носенка, который въ свое время (съ конца прошлаго вѣка и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго) самъ былъ дѣятельнымъ малорусскимъ писателемъ и этнографомъ [1]) и по своему педагогическому характеру могъ поддержать въ Маркевичѣ впечатлѣнія малорусской жизни. Въ 1817 году, Маркевичъ поступилъ въ открывшійся тогда пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Однимъ изъ преподавателей въ этомъ пансіонѣ былъ извѣстный В. К. Кюхельбекеръ (впослѣдствіи декабристъ), наивный, но благородный энтузіастъ и страстный любитель поэзіи. Кюхельбекеръ полюбилъ даровитаго Маркевича и, какъ говорятъ, „много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса". Вкусъ, по тому времени, былъ конечно романтическій. Кюхельбекеръ ввелъ Маркевича въ литературный кружокъ, къ которому самъ принадлежалъ: черезъ него Маркевичъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Баратынскимъ, барономъ Дельвигомъ и пр. Здѣсь проводилъ онъ время въ пребываніе свое въ Петербургѣ до 1820 года. Онъ былъ еще очень юнъ, но повидимому привлекалъ на себя вниманіе своей талантливостью: ему было только 13 лѣтъ, когда Жуковскій напечаталъ въ 1817 его первое стихотвореніе, написанное гекзаметромъ. Въ 1821, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, но уже вскорѣ оставилъ

[1]) Объ его біографіи и трудахъ см. въ „Очеркахъ" г. Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 36—56.

службу, по желанію отца, вызвавшаго его къ себѣ въ деревню. Въ 1829, мы видимъ Маркевича въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ свѣтскомъ кругу, но пріобрѣлъ также много друзей въ мірѣ ученомъ и артистическомъ. Занявшись здѣсь музыкой, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ Фильда, прекраснымъ піанистомъ. Въ это время онъ выступилъ и въ литературѣ въ томъ двоякомъ направленіи, которое было дано его литературной школой и домашними малорусскими вкусами: въ 1829 г. онъ издалъ въ Москвѣ свои русскія стихотворенія (элегіи, еврейскія мелодіи и стихотворенія эротическія), а въ 1831 „Украинскія мелодіи". Въ 1830, онъ женился и, получивъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь любовь къ малорусской родинѣ внушила ему многолѣтній и обширный трудъ—„Исторію Малороссіи", которая вышла въ Москвѣ, 1842—43, въ пяти томахъ. Это была новая, послѣ Бантышъ-Каменскаго, попытка цѣльнаго обзора малорусской исторіи, попытка далеко несовершенная по тогдашнему состоянію исторической критики и разработки самыхъ источниковъ, но цѣнная въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по новымъ введеннымъ въ обращеніе матеріаламъ. Маркевичъ понималъ всю важность первыхъ источниковъ и занялся собираніемъ старыхъ рукописей, дѣлъ и документовъ, такъ что наконецъ у него образовалось обширное собраніе, до шести тысячъ нумеровъ, къ которому онъ составилъ каталогъ.

Окружающій бытъ онъ изучалъ съ разныхъ сторонъ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ издалъ рядъ книжекъ: о климатѣ полтавской губерніи; о табакѣ въ Малороссіи; объ овцеводствѣ въ Малороссіи; о народонаселеніи полтавской губерніи и др. По его смерти вышелъ въ свѣтъ и его этнографическій трудъ, о которомъ скажемъ далѣе.— Проживъ многіе годы въ деревнѣ, Маркевичъ успѣлъ хорошо узнать народный малорусскій бытъ. Это былъ образчикъ мѣстнаго патріота и практическаго этнографа-любителя, который представляетъ переходъ отъ непосредственнаго чувства народности къ сознательному и научному. Люди, близко знавшіе Маркевича, рисуютъ въ привлекательныхъ чертахъ его личный характеръ. „Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера,— писалъ одинъ изъ его земляковъ:—гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Н. А. бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе

крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, ра-зрѣшить споръ или, просто, потолковать съ „розумнимъ паномъ".

Маркевичъ умеръ 9 іюня 1860 года. Въ томъ же году вышла его упомянутая этнографическая книжка [1]), которая была отдана въ печать еще при его жизни, но вышла, когда онъ умеръ [2]). Издатель въ предисловіи объясняетъ, что Маркевичъ еще въ 1850 г. задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: „Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени" и неутомимо работалъ надъ нимъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая въ томъ же году постигла его и наконецъ свела въ могилу. Но сборникъ „не былъ приведенъ въ одно цѣлое", а потому для изданія изъ него выбрана только часть. За книжкой объ „Обычаяхъ и повѣрьяхъ" должны были послѣдовать: „Сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ" и „Исторія монастырей въ Малороссіи", — которыя, однако, остались, кажется, неизданными.

Предметы, названные въ заглавіи книги Маркевича, излагаются имъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ: праздничные обряды и повѣрья, въ календарномъ порядкѣ, начиная съ новаго года—гаданье, колядки, весеннія пѣсни и игры; отдѣльныя повѣрья и суевѣрья; знахарская ботаника [3]) и леченье болѣзней; заговоры (любощи); подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ; простонародная кухня и напитки. Въ описаніи рождественскихъ праздниковъ Маркевичъ далъ подробное изложеніе „Вертепа" (стр. 27—65). Этнографическій матеріалъ, изложенный Маркевичемъ, далекъ отъ полноты, но книга любопытна какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ правильнаго собиранія матеріала. Изданный имъ „Вертепъ" тогда въ первый разъ явился въ печати.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Маркевича, нашлось много литературныхъ работъ, какъ напримѣръ переводы изъ „Донъ-Жуана" Байрона, переводъ чуть ли не всего Шиллера (отсюда нѣкоторыя пьесы помѣщены въ изданіи Гербеля), множество стихотвореній, начало энциклопедическаго словаря, и кромѣ упомянутыхъ трудовъ о малорусскомъ бытѣ, начало словаря малорусскаго языка, и служившая

---

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Извлечено изъ книжки [...] народнаго быта и составлено Николаемъ Маркевичемъ. Издалъ И. Давиденко. Кіевъ, 1860. 8°. 171 стр. Съ эпиграфомъ, который, повидимому, прибавленъ издателемъ: „Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.—Изъ частной переписки автора".

[2]) Цензурное разрѣшеніе на книгѣ—отъ 7 марта; на добавочномъ листкѣ, гдѣ помѣщено предисловіе издателя Давиденко,—цензурная помѣта отъ 15 сентября 18[…].

[3]) Излагая эту знахарскую ботанику, Маркевичъ замѣчаетъ (стр. 86): „Въ 1829 году въ „Телеграфѣ" и въ 1832 году особенной книжкою я издалъ описаніе почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ".

всѣмъ этимъ работамъ значительная библіотека. Наконецъ, Маркевичъ не оставлялъ и малорусской музыки. „Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью,—говоритъ знавшій его Л. М. Жемчужниковъ, — и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсенъ, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсенъ въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсенъ, одной думы „Савва Чалий", „Вертепа" съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсенъ и 14 коровайныхъ". Г. Жемчужниковъ не брался оцѣнивать этотъ трудъ, ссылаясь на „давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго" (надо думать, что этой полной вѣрности въ записяхъ Маркевича не доставало), но онъ находитъ въ этомъ трудѣ Маркевича другое достоинство, а именно, вѣрное пониманіе характера малорусской музыки. „Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье, и на авторитетъ старыхъ людей". Этотъ сборникъ остался неизданнымъ. Упомянутое богатое собраніе рукописей и документовъ, относящихся къ малорусской исторіи, Маркевичъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни уже сильно больной и неспососо6ный къ работѣ, рѣшился продать другому замѣчательному любителю и собирателю, помѣщику полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. Къ счастію, этимъ коллекція Маркевича была сохранена. Впослѣдствіи этотъ „Маркевичевскій архивъ", въ составѣ богатаго собранія самого Лукашевича, изъ множества цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, былъ пріобрѣтенъ въ Московскій Румянцовскій музей въ 1870 году [1]).

Другимъ подобнымъ этнографомъ стараго вѣка былъ Николай Вас. Закревскій (ум. 29 іюля 1871, въ Москвѣ). Онъ извѣстенъ двумя трудами. Одинъ изъ нихъ посвященъ былъ исторіи и описанію Кіева и вышелъ въ первый разъ въ 1858 г. [2]), а затѣмъ, въ весьма рас-

[1]) См. Воспоминанія о Н. А. Маркевичѣ, Н. Макарова, „Основа", 1861, январь, стр. 293—287; Замѣтка къ этой статьѣ, Л. Жемчужникова, тамъ же, февр. 185—187: ср. замѣтку Ив. Павловскаго, въ „Р. Старинѣ", 1874, май, стр. 206; о собраніи Лукашевича—въ „Отчетѣ Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1870—1872 годъ", М. 1878, стр. 8 и слѣд. и въ частности объ архивѣ Маркевича, стр. 32—34.

Относительно литературной дѣятельности Маркевича надо еще прибавить, что свои историческіе матеріалы и изслѣдованія онъ сообщалъ частію въ „Маякѣ" (до изданія „Исторіи Малороссіи"), 1840, кн. 5; 1841, кн. 13, 22, 24; 1842, т. I; и въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847—48, кн. IX; 1848, кн. I; 1858, кн. IV.

[2]) Лѣтопись и описаніе города Кіева. Н. Закревскаго. Съ 4-мя рис. и планомъ Кіева. М. 1858.

ширенномъ изданіи, сдѣланномъ на счетъ московскаго Археологическаго Общества, въ 1868 году [1]). Книга встрѣчена была вообще съ большимъ сочувствіемъ. Максимовичъ писалъ о ней какъ о дорогомъ подаркѣ для Кіева: „Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому Археологическому Обществу, не пощадившему иждивенія на изданіе этой обширной книги. Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обозрѣнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣдѣній, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ“ [2]). Но Максимовичъ находилъ уже крупные недосмотры въ книгѣ Закревскаго; и еще больше видѣлъ ихъ Костомаровъ [3]), хотя находилъ въ ней и немало соображеній справедливыхъ и проницательныхъ. Историческіе взгляды Закревскаго не шли глубже Карамзина, нерѣдко неточны или совсѣмъ ошибочны; изъ массы приводимыхъ имъ отдѣльныхъ фактовъ и указаній онъ не создаетъ цѣльной послѣдовательной картины. Книга была вообще старомодная, въ томъ родѣ, какъ въ тѣ же годы писалъ исторію Москвы Снегиревъ; въ ней было собрано, однако, много матеріала и она все-таки была лучшей книгой по своему предмету.

Къ этнографіи относится другой трудъ Закревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста“, изданный въ 1860—61 годахъ [4]).

Мы не имѣемъ біографическихъ свѣдѣній о Закревскомъ. Въ предисловіи своего „Бандуристы“ онъ подписался кіевляниномъ; малорусскій языкъ называетъ своимъ природнымъ, хотя замѣчаетъ, что многіе годы провелъ внѣ своей родины; онъ ревностный малорусскій патріотъ—напр., съ жаромъ защищаетъ право малороссіянъ имѣть маленькую литературу на своемъ родномъ языкѣ, хотя защита не совсѣмъ удовлетворительна по своимъ аргументамъ, и самую литературу онъ понимаетъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ. Въ этнографіи, Закревскій былъ опять любитель старомодный. Въ его

[1]) Описаніе Кіева. Сочиненіе Николая Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано иждивеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ атласомъ въ 18 листовъ. М. 1868. 955 стр.

[2]) Въ „Письмахъ о Кіевѣ“, въ газетѣ Погодина „Русскій“, 1868, и въ отдѣльномъ изданіи (Спб 1871).

[3]) Рецензія въ „Вѣстн. Евр.“ 1868, кн. 4, стр. 949—958.

[4]) Старосвѣтскій Бандуриста. Книга первая: Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Книга вторая: Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Книга третья: Словарь малороссійскихъ идіомовъ. Составилъ Николай Закревскій. М. 1860—61. Всѣ три книги въ одномъ томѣ, VIII и 628 стр.

собраніяхъ, — кромѣ словаря, — немногое принадлежитъ ему самому, но онъ желалъ соединить разбросанный матеріалъ, пополняя его своимъ собственнымъ, съ цѣлью облегчить знакомство съ малорусской народностью для желающихъ.

Въ собраніи пѣсенъ (къ которымъ иногда прибавлялъ бытовые и историческіе комментаріи) Закревскій не гонится за непремѣнной народностью ихъ происхожденія, и рядомъ съ народными помѣщаетъ пѣсни литературныя, напр., Котляревскаго—на томъ, конечно, основаніи, что онѣ были очень распространены и любимы въ малорусской публикѣ.

Въ собраніи пословицъ, Закревскій воспользовался многими прежними изданіями: книгой „Галицкихъ приповѣдокъ и загадокъ“ Гр. Ильковича (Вѣна, 1841), „Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ“, собранныхъ В. Н. С. (Смирницкимъ, Харьковъ, 1834), небольшими собраніями въ „Грамматикѣ“ І. Левицкаго (по-нѣмецки, Перемышль, 1834), Павловскаго (Спб. 1818), въ „Ужинкѣ“ Н. Гатцука; пословицами, разбросанными въ сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, и наконецъ прибавилъ до 300 пословицъ, которыя ему самому „удалось удержать въ памяти отъ молодыхъ лѣтъ“ [1]). Небольшое собраніе загадокъ также собрано изъ книгъ: изъ того же Ильковича, изъ „Ластовки“ Гребенка (сборничекъ Л. Боровиковскаго), изъ „Малорусскихъ и галицкихъ загадокъ“ Сементовскаго (Кіевъ, 1851); нѣсколько прибавлено самимъ издателемъ.

Третью книгу составляетъ словарь. Здѣсь было всего больше работы самого Закревскаго: онъ опять воспользовался прежнимъ матеріаломъ—списками словъ, прибавленными къ нѣкоторымъ сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ, но такъ какъ эти списки были очень незначительны по количеству словъ, то главнымъ источникомъ словаря послужили самыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ, выходившія въ Россіи и Галиціи, не только новѣйшія, но также старыя и рукописныя, и наконецъ составитель словаря пользовался собственнымъ знаніемъ родного языка. Словарь (стр. 255—615) вышелъ довольно значителенъ и можетъ быть полезнымъ матеріаломъ для будущаго полнаго малорусскаго словаря. Здѣсь указываются иногда сходныя слова польскія, особое значеніе словъ, извѣстныхъ въ русскомъ языкѣ; указывается иногда, гдѣ слово употреблено у новѣйшихъ писателей или въ старыхъ памятникахъ, т.-е. дѣлается отчасти то, чтò требуется теперь въ правильныхъ историческихъ словаряхъ языка,—но словарь остается не весьма удовлетворителенъ. Въ концѣ приложенъ

---

[1]) Въ сборникѣ Ильковича было до 2700 пословицъ, у В. Н. С.—587, у Левицкаго-148, у Павловскаго—146, у Гатцука—нѣсколько сотъ.

длинный рядъ указаній на тѣ старые памятники и новѣйшія сочиненія, изъ которыхъ Закревскій почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ предисловіи онъ останавливается на вопросахъ о началѣ малорусскаго языка, различныхъ мнѣніяхъ ученыхъ по этому предмету, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и т. д., все это опять въ старомодномъ стилѣ безъ знакомства съ научнымъ филологическимъ методомъ, но не безъ практическаго знанія и здраваго смысла. Списокъ сочиненій, служившихъ источникомъ для словаря, былъ въ свое время довольно полнымъ обзоромъ тогдашней малорусской литературы, и къ названіямъ книгъ Закревскій нерѣдко прибавлялъ краткую оцѣнку ихъ значенія. Въ послѣсловіи къ словарю онъ такъ говоритъ объ этомъ спискѣ и о самой своей работѣ: „Здѣсь показаны тѣ только источники, коими я пользовался; чего не видалъ, о томъ и не говорю. Понятно, что краткія замѣтки, сопровождающія названія книгъ, предназначены не для знатоковъ; но есть люди, и ихъ не мало, коимъ и эти намеки будутъ не безполезны. Въ заключеніе почитаю нужнымъ сказать, что составленіемъ этого словаря началъ я заниматься съ 1840 г., а окончилъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ изданіемъ онаго въ половинѣ 1861 года. Въ теченіе всего времени собрано мною 11,127 идіомовъ. Но этимъ исчерпана только небольшая часть богатства выраженій Южно-Русскаго нарѣчія. Многаго не удалось мнѣ замѣтить, а еще бо̂льшаго числа словъ я и не слыхалъ потому, что съ 1829 года я постоянно былъ удаленъ отъ моей родины и не имѣлъ средствъ побывать въ разныхъ мѣстахъ оной. Впрочемъ, для составленія полнаго словаря, съ означеніемъ всѣхъ оттѣнковъ каждаго идіома, недостаточно одной жизни человѣческой и однѣхъ силъ его, какъ бы онѣ велики ни были. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребны и время, и совокупныя силы многихъ любителей и знатоковъ народности, что, впрочемъ, при нынѣшнемъ развитіи (прогрессѣ), не замедлитъ исполниться. Съ этимъ убѣжденіемъ и я охотно приношу свою посильную лепту въ общую сокровищницу народнаго образованія. Для будущихъ составителей, коихъ оказывается не малое число, трудъ мой будетъ служить матеріаломъ и пособіемъ. Помогай, Боже!—До готовои колоди добре огонь пôдкладати".

Какъ расходились этнографическіе понятія и пріемы Закревскаго съ тѣми, какіе вырабатывались уже въ новомъ поколѣніи работниковъ въ этой области, можно было видѣть изъ разбора „Бандуриста" въ статьѣ тогда очень молодого дѣятеля, П. С. Ефименка [1]). Критикъ внимательно разобралъ всѣ отдѣлы книги Закревскаго и никакъ не могъ съ ней помириться,—ни въ отдѣлѣ пѣсенъ, куда За-

[1]) „Основа", 1862, октябрь, стр. 27—48.

кревскій не задумываясь подбавлялъ новѣйшихъ стихотвореній; ни въ пословицахъ, гдѣ многое издано неправильно и не имѣетъ объясненій, которыя бывали бы нужны и возможны; ни наконецъ въ словарѣ, гдѣ много словъ объяснено совершенно неправильно и гдѣ было видно, что составитель, давно покинувъ Малороссію, попризабылъ языкъ.—Закревскій собирался продолжать свой сборникъ и помѣстить въ слѣдующихъ его частяхъ выборъ изъ современныхъ писателей, статьи историческія, статьи нравоучительныя изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, наконецъ грамматику. Критикъ не ждалъ здѣсь ничего путнаго и свой разборъ оканчивалъ тоже малорусской поговоркой: „Впрочемъ,—дай, Боже, нашому теляті вовка піймати".

Мы не будемъ останавливаться на другихъ этнографическихъ работахъ того времени, какъ, напр., Сборникъ пословицъ В. Н. С., Загадокъ—Сементовскаго и т. п., представляющихъ тотъ же характеръ, какой мы видѣли въ трудахъ Маркевича и Закревскаго, и перейдемъ къ тѣмъ новымъ этнографическимъ собраніямъ и изслѣдованіямъ, которыя принадлежатъ уже новѣйшему періоду малорусской этнографіи и характеризуются гораздо болѣе широкимъ объемомъ изысканій, а вмѣстѣ и болѣе серьезнымъ пониманіемъ научныхъ требованій.

Съ шестидесятыхъ годовъ въ малорусской этнографіи выступаютъ новыя силы, выроставшія въ условіяхъ нашей общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, проникнутыя если не болѣе теплымъ чувствомъ къ малорусской родинѣ, чѣмъ ихъ предшественники, то едва ли не съ большей ревностью въ самой работѣ и съ большимъ чувствомъ солидарности въ предпріятіяхъ, которыя должны были служить и для пользы науки, и для пользы родного общества и народа. Новый рядъ дѣятелей уже выступалъ въ „Основѣ" и затѣмъ, вмѣстѣ съ другими молодыми силами, заявилъ себя замѣчательными трудами какъ въ малорусской этнографіи, такъ и въ исторіи и археологіи.

Остановимся прежде всего на дѣятельности лица, труды котораго занимаютъ первостепенное мѣсто въ новѣйшей малорусской этнографіи. Безвременно кончившій свою жизнь, Чубинскій, въ немногіе годы совершившій замѣчательный трудъ по собиранію и истолкованію обширнаго этнографическаго матеріала, можетъ служить типическимъ представителемъ научно-литературнаго труда и мѣстнаго патріотизма, развитіемъ которыхъ отмѣчены шестидесятые годы. Это былъ своеобразный талантъ, человѣкъ неутомимой энергіи и глубокой преданности своему дѣлу. Тѣ обвиненія, которыхъ такъ много бросалось въ

послѣднее время противъ „украинофильства", падали передъ трудами этого человѣка, который былъ именно искренній украинофилъ и мѣстный патріотъ. Счастливый случай далъ ему возможность, хотя въ одномъ отношеніи, проявить одушевлявшее его чувство и запечатлѣть его положительнымъ трудомъ.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи и родился 15 января 1839 года въ мѣстечкѣ Борисполѣ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи. Онъ учился во второй кіевской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1861 году, кандидатомъ по юридическому факультету. По окончаніи курса, Чубинскій вернулся на родину, но уже въ 1862 году, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, былъ высланъ изъ Кіева въ архангельскую губернію. Въ трудномъ положеніи ссыльнаго поднадзорнаго человѣка, Чубинскій успѣлъ найти возможность работы, которая мало-по-малу улучшила его положеніе и вмѣстѣ положила начало его обширнаго этнографическаго опыта. Въ короткое время онъ сдѣлался виднымъ человѣкомъ, знанія и рабочая сила котораго очень цѣнились мѣстной администраціей. Съ начала 1863 года онъ поступилъ на службу въ архангельскомъ краѣ, которую продолжалъ до марта 1869 года, и за это время проходилъ самыя разнообразныя должности, напр., слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, младшаго, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія; смотря по надобности въ его работѣ, онъ занималъ то одну, то другую изъ этихъ должностей, не измѣняя только своей службѣ въ статистическомъ комитетѣ. Въ эти годы Чубинскій своими трудами по изученію сѣвернаго края уже обратилъ на себя вниманіе самой петербургской администраціи и ученаго статистико этнографическаго круга. Въ невольное пребываніе на сѣверѣ онъ успѣлъ столько работать, что уже тогда избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ импер. московскаго Общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ импер. Вольно-экономическаго Общества, членомъ-сотрудникомъ импер. Географическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Тогда же Географическое Общество присудило ему серебряную медаль „въ изъявленіе особенной признательности за полезные его труды, сообщенные Обществу". Въ 1867 году онъ получаетъ уже, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ обществъ Географическаго и Вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ бассейнѣ Сѣверной Двины; съ апрѣля до октября этого

года онъ объѣхалъ семь губерній сѣвернаго края и, обработавъ добытые матеріалы, представилъ ихъ упомянутымъ обществамъ, отъ имени которыхъ они изданы были вмѣстѣ съ изслѣдованіями другихъ бассейновъ. Около того же времени, Чубинскій участвовалъ въ работахъ оффиціальной коммиссіи по изслѣдованію Печорскаго края. Въ 1869 году его труды приняли другое направленіе. Еще со времени польскаго возстанія, Географическое Общество задумало спеціальное изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніи; предпріятіе долго не осуществлялось за неимѣніемъ лицъ, которымъ оно могло быть поручено; теперь для края юго-западнаго Общество остановило свое вниманіе на Чубинскомъ, который пріобрѣлъ уже репутацію опытнаго изслѣдователя. Заручившись предложеніемъ Общества, Чубинскій вышелъ въ отставку, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе жить въ столицахъ и юго-западномъ краѣ; въ мартѣ 1869, выбранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, а въ маѣ на него возложена была, съ высочайшаго соизволенія, экспедиція въ юго-западный край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Въ январѣ 1870 онъ во второй разъ получилъ отъ Географическаго Общества серебряную медаль за изданный имъ „Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи". Любопытно, что это была еще юношеская работа его, а именно кандидатская диссертація, которая была теперь имъ вновь пересмотрѣна и дополнена.

Экспедиція Чубинскаго — одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи; на ряду съ нимъ иные ставили развѣ только знаменитый трудъ Оскара Кольберга; изъ этнографовъ русскихъ подобную энергію показалъ, можетъ быть, только Гильфердингъ—въ изслѣдованіи олонецкаго края. Экспедиція Чубинскаго весьма знаменательна и относительно малорусской народности—по богатству собраннаго здѣсь народно-поэтическаго содержанія, и относительно малорусскаго общества — по обилію готовыхъ трудовъ, которыми Чубинскій могъ воспользоваться въ своемъ предпріятіи. Краткость срока, въ теченіе котораго онъ исполнилъ возложенную на него задачу, дѣлаетъ его успѣхъ по-истинѣ изумительнымъ. По плану Географическаго Общества, изслѣдованіе должно было обнять три юго-западныя губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Чубинскій распространилъ изслѣдованіе и на части губерній минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малорусскимъ народомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1869 и 1870, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по юго-западному краю, много работалъ самъ, съ содѣйствіемъ пяти молодыхъ людей,

ахихъ этнографическихъ изысканій, то цѣнность собраннаго мате-іала окажется еще болѣе высокой.

Результаты трудовъ Чубинскаго начали поступать въ Географи-ское Общество съ половины 1870 года. Особая коммиссія, состав-нная въ Обществѣ по экспедиціи въ западный край, разсматривала, своей средѣ и при содѣйствіи другихъ спеціалистовъ, поступавшій теріалъ и отнеслась къ нему вообще съ полнымъ одобреніемъ. Въ нцѣ 1871 года рѣшено было приступить къ ихъ изданію и „Труды ографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, аряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ (юго-западный цѣлъ: матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубин-имъ)"—вышли въ свѣтъ въ теченіе 1872—78 годовъ въ семи то-хъ, составившихъ въ сложности около 300 печатныхъ листовъ. атеріалъ малорусской этнографіи разросся здѣсь до размѣровъ, да-ю превысившихъ все то, чѣмъ она владѣла до сихъ поръ. Такъ, ѣдѣнія, собранныя здѣсь относительно народныхъ вѣрованій (пер-ый томъ „Трудовъ"), дали цѣлый обширный обзоръ народныхъ едставленій, о которыхъ прежняя литература сообщала только от-вочныя безсвязныя данныя [1]). Томъ трудовъ (II-й), посвященный родному дневнику, т.-е. изложенію повѣрій и обычаевъ, относя-ихся къ годовому народному быту, также гораздо обширнѣе того, о являлось до тѣхъ поръ въ литературѣ, напр. у Максимовича Дни и мѣсяцы украинскаго селянина") или въ упомянутой книжкѣ аркевича, или доставляло важныя дополненія и варіанты къ по-бнымъ дневникамъ Петрушевича, Калинскаго, Селиванова и др. дѣлъ сказокъ (томъ третій) весь былъ собранъ вновь и также по ъему превосходитъ всѣ прежнія собранія [2]). Томъ IV-й посвященъ ту домашнему: примѣтамъ, обрядамъ и пѣснямъ, относящимся до

---

[1]) Вотъ, напр., краткій обзоръ содержанія перваго тома, посвященнаго вѣрова-ямъ и суевѣріямъ, загадкамъ и пословицамъ и колдовству. Глава I—Небо, солнце, а, звѣзды, млечный путь, кометы, громъ и молнія, тучи, снѣгъ, морозъ, вихрь т. д. Глава II — Земля, вырій, море, вода, огонь, горы, пропасти и курганы. ава III—Царство животныхъ; леченіе болѣзней домашнихъ животныхъ, птицы, гады, бы, насѣкомыя, заклинанія, относящіяся къ животнымъ. Царство растеній: разныя ревья и растенія. Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ. Глава IV — Человѣкъ. ены человѣческаго тѣла. Разныя дѣйствія. Заклинанія. Жилище, хозяйственныя стройки, орудія и утварь. Хозяйственныя орудія. Одежда, пища и сосуды для нея. ченіе болѣзней. Глава V — Міръ духовный, духовныя пѣсни. Черти. Духи-чело-ки. Миѳическія существа. Олицетворенія. Превращенія. Загадки и пословицы. Кол-вство.

[2]) Сосчитано было, что до появленія сборника Чубинскаго, всѣхъ малорусскихъ сказокъ было напечатано только до 170; сборникъ Рудченка заключалъ 137 сказокъ; великорусскій сборникъ Аѳанасьева—252 и варіанты, въ собраніи Чубинскаго—296 умеровъ.

родинъ, крестинъ и, главное, до свадьбы со всѣми подробностями сватанья, вѣнчанья и свадебныхъ обрядовъ и празднованія; кромѣ общаго изложенія обряда, сведеннаго изъ множества частныхъ наблюденій, здѣсь описано еще нѣсколько отдѣльныхъ обрядовъ и помѣщено 1,943 свадебныхъ пѣсенъ. Пятый томъ занятъ громаднымъ собраніемъ пѣсенъ бытовыхъ: пѣсенъ любовныхъ, изображающихъ всякія обстоятельства подобныхъ отношеній, счастливыя и несчастныя; пѣсенъ семейныхъ, изображающихъ всякія положенія лица въ семьѣ; пѣсенъ бытовыхъ — козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, солдатскихъ, бурлацкихъ, чумацкихъ, пѣсенъ изъ временъ крѣпостной зависимости, сословныхъ, пьяницкихъ, наконецъ, пѣсенъ шуточныхъ. Всѣхъ пѣсенъ помѣщено въ этомъ томѣ 1884. Шестой томъ посвященъ народнымъ юридическимъ обычаямъ: здѣсь помѣщенъ упомянутый трудъ профессора Кистяковскаго: „Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе"; затѣмъ, статья самого Чубинскаго: „Краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній", и при этомъ цѣлая масса рѣшеній волостныхъ судовъ, съ подробнымъ предметнымъ указателемъ. Наконецъ послѣдній, седьмой, томъ заключаетъ въ себѣ статьи этнографическія и статистическія о полякахъ, евреяхъ и другихъ племенахъ не-малорусскаго происхожденія, и во второй половинѣ этого тома даны слѣдующія статьи: Краткая характеристика малоруссовъ; Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи; Жилище, утварь, хозяйственныя постройки и орудія; Одежда, пища и увеселенія малоруссовъ; Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины; Нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ-собственниковъ юго-западнаго края. Наконецъ, къ седьмому тому прибавлено три большихъ и прекрасно исполненныхъ карты, представляющихъ: 1) южно-русскіе нарѣчія и говоры, 2) еврейское населеніе юго-западнаго края и 3) карту католиковъ, а въ томъ числѣ и поляковъ юго-западнаго края.

Таково было грандіозное предпріятіе, совершенное Чубинскимъ въ очень короткій промежутокъ времени. Оно не могло не вызвать полной дани уваженія къ научно-патріотической ревности, съ какою оно было исполнено. Географическое Общество въ 1873 году присудило Чубинскому золотую медаль „за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію". А затѣмъ (что было весьма необычно), оно ходатайствовало въ 1877 г. о зачисленіи ему въ государственную

службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и соединеннымъ съ нею работамъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края", и ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 году, Чубинскій получилъ золотую медаль второго класса за труды по этнографіи и статистикѣ, а въ 1879, Академія наукъ назначила ему Уваровскую премію за „Труды экспедиціи", по рецензіи А. Н. Веселовскаго [1]).

Рецензія г. Веселовскаго даетъ понятіе о богатомъ матеріалѣ для изученія народнаго быта и поэзіи, какой заключенъ въ „Трудахъ экспедиціи" и который представлялъ обильную почву для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Этотъ матеріалъ открывалъ множество новыхъ чертъ народно-поэтическаго содержанія, вызывалъ новыя изысканія, снова возбуждалъ вопросъ о методѣ; само собой разумѣется, что въ тоже время этотъ трудъ не разъ долженъ былъ вызывать замѣчанія критики, — но отношеніе критики къ труду Чубинскаго прекрасно выражено словами г. Веселовскаго: „передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны бы опуститься стыдливо — потому именно, что его добыча легка и побѣда ничтожна, и что въ трудѣ, потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала, не могутъ не встрѣтиться мелкіе промахи и недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія". Въ концѣ рецензіи, г. Веселовскій говоритъ: „я долженъ признаться, что часто отвлекался отъ критики въ область соображеній и развитій „по поводу". Таково свойство труда, обильнаго внутреннимъ содержаніемъ, что онъ вызываетъ и не разъ еще вызоветъ подобныя увлеченія. По богатству этнографическихъ данныхъ, по общему сходству плана, я знаю лишь два труда, съ которыми можно сравнить „Матеріалы и изслѣдованія": „Людъ" Кольберга и неконченную пока Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, Питрэ, разсчитанную на 15 томовъ. Богатство собранныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ не только о значительной затратѣ знанія и силъ, но и объ организаторской способности и „неутомимой энергіи", которую признала и оцѣнила въ г. Чубинскомъ коммиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества".

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, такъ высоко оцѣненные строгою научною критикой, далеко не обезпечивали матеріальнаго положенія Чубинскаго и, живя на югѣ, онъ принужденъ былъ отъ работъ по

---

[1]) См. Отчетъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1880.

[illegible]

... его страданій[4]. ... мая 1884 года.

По складу ума, личному характеру, по пріемамъ изсл... Чубинскій былъ замѣчательнымъ этнографомъ-собирателе... стоящимъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ въ этой области русск... Это былъ человѣкъ разнообразно даровитый: мы говорили ... утомимомъ трудолюбіи; но, какъ показываютъ самыя его ра... былъ вмѣстѣ умъ практическій, который быстро освоивался ... жающимъ бытомъ въ самыхъ разнообразныхъ его сторон... умѣлъ мѣтко наблюдать народный обычай, схватывая его су... ныя черты, выслушать и записать пѣсню и сказку, тутъ ж... статистическія данныя, разыскать на мѣстѣ знающихъ люде... дать своей работѣ цѣльность и многосторонность. Это б... мѣнный организаторскій талантъ, способный предначерта... работы, выбрать исполнителей и довести до конца слож...

кій,—говорилъ о немъ близкій ему и нынѣ также покойный ѣскій,—отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотинъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не оссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда кности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ. Не это ли доему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это ь практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ ь большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и залъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ, щенныхъ, тратилъ и свои. Если бы не правительственная оторою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ овъ, болѣзнь постигла бы его въ тяжкомъ экономическомъ и и семья его осталась бы вполнѣ необезпеченною. Покойерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были ипаго, а не личнаго свойства". Тотъ же біографъ прибавобопытную, мало извѣстную, черту характера Чубинскаго: ѣлъ прекраснымъ даромъ слова и не былъ лишенъ поэтиздохновенія; одно изъ неизданныхъ его стихотвореній такъ но и оригинально, что галицкіе русины сочли его за про- Шевченка и помѣстили въ своемъ полномъ собраніи сочиго малорусскаго поэта.

ладу понятій, Чубинскій принадлежитъ къ той начальной ошлаго царствованія, когда, съ новымъ поворотомъ общества правительства, въ благороднѣйшихъ умахъ и сердцахъ выглубокое стремленіе служить народу, посвятить ему свой знаніе, когда съ небывавшей до тѣхъ поръ силой стало разизученіе народной жизни и когда вмѣстѣ съ этимъ оживино забытые мѣстные элементы. Наилучшимъ выразителемъ емленія въ обществѣ малорусскомъ явился Чубинскій. Въ олько помнимъ, не было еще разсказано, какой поводъ попричиною первой высылки Чубинскаго съ его родины. Къ для него явилась возможность работы; его энергія нашла одъ въ дѣлѣ, также народномъ, и это одушевило его въ , нелегкомъ трудѣ, который выдвинулъ его и въ глазахъ редубѣжденныхъ и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, открылъ снова любимую родину и на то же дѣло, къ какому давно лежала . Здѣсь, вмѣстѣ съ свойствами его дарованія, заключается іе успѣха его громадной работы, не имѣющей себѣ приисторіи нашей этнографіи, — и здѣсь указаніе на то, что̀ совершить чистое чувство къ родинѣ, когда ему открытъ дѣятельности въ области науки и народоизученія.

роткой біографіи, написанной Кистяковскимъ, — другимъ

Г. П. Галаганъ [1]), и дѣлопроизводителемъ — Чубинскій, а заступающимъ его мѣсто — А. А. Русовъ. Чубинскій произнесъ при этомъ рѣчь о задачахъ, предстоявшихъ новому Отдѣлу Географическаго Общества. По мнѣнію Чубинскаго, было не случайно то, что юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества возникъ послѣ другихъ, послѣ оренбургскаго, сибирскаго и кавказскаго. На востокѣ русскіе представляли единственную интеллигенцію и, какъ единственные представители образованія, должны были поставить себѣ задачу изученія инородческаго востока; покоряя восточно-азіатскія страны, русскій элементъ завоевывалъ ихъ и для науки.

„Не то было въ западныхъ окраинахъ: на западѣ Россіи, до недавняго времени, первенствовала не русская интеллигенція. Русскій человѣкъ здѣсь стушевывался; конечно, были и поборники русской идеи, но все вліяніе ихъ было незначительно. Освобожденіе крестьянъ и, затѣмъ, политическія событія 1863 года перемѣнили роли.

„Русскій элементъ ожилъ. Общественное мнѣніе всей Россіи сознало свои обязанности по отношенію къ колыбели русской земли. Укрѣпляется бытъ русскаго крестьянина, перенесшаго вѣковое иго.

„Притекаютъ въ край русскія силы къ разнымъ поприщамъ дѣятельности.

„Развивается экономическая и умственная дѣятельность.

„Возникаютъ новыя промышленныя предпріятія, новыя ученыя общества, открываются школы для народа... Однимъ словомъ, на каждомъ шагу проявляется самодѣятельность русскаго общества; результатъ ея и—нашъ Отдѣлъ.

„Задача его — всестороннее изученіе края, а преимущественно этнографическо-статистическое“.

Чубинскій указалъ потомъ, что̀ было уже сдѣлано для изученія ...ия въ прежнее время трудами Коммиссіи для описанія губерній ...скаго учебнаго округа, изучавшей край въ географическомъ, ...твенно-историческомъ и статистическомъ отношеніи; далѣе, воен... вѣдомствомъ, составившимъ подробныя топографическія карты; ...гическими комитетами; одна этнографія предоставлена была ...ь частныхъ лицъ и только въ послѣднее время предпринята ...атистико-этнографическая экспедиція Географическаго Обще...

...порученіе пало на меня,—продолжалъ Чубинскій,—и хотя ...годаря сотрудничеству разныхъ лицъ, собрано много этно...ихъ матеріаловъ, но я могу положительно сказать, что все, ...ранное, составляетъ еще небольшую долю того, чѣмъ бо...

---

[1]) ...ъ Галагана (1819—1888) въ „Кіевской Старинѣ“, 1888, декабрь.

гата народная жизнь. Экспедиція, какъ учрежденіе временное, можетъ осилить только часть явленій народной жизни.

„Только постоянное учрежденіе и лишь при энергической дѣятельности можетъ мало-по-малу исчерпывать и разработывать массы произведеній народнаго быта. Отдѣлу предстоитъ широкое поприще дѣятельности. Ему предстоитъ изученіе трехъ этнографическихъ типовъ—малорусскаго, польскаго и еврейскаго, а равно экономической роли и значенія каждаго изъ этихъ элементовъ. Само собою разумѣется, что изученіе это должно стоять на *объективной почвѣ, свойственной всякой научной дѣятельности*. Тенденціозность и публицистика не сообразны съ ролью и задачей Отдѣла. Мы не должны предполагать, не должны предлагать, наше дѣло—излагать.

„Мы будемъ давать матеріалы о явленіяхъ жизни, не руководствуясь симпатіями или антипатіями,—такъ поступаетъ и наше почтенное центральное Общество: оно съ одинаковою любовью изучаетъ и великоруссовъ, и бѣлоруссовъ, и малоруссовъ, и евреевъ, и чукчей, и тунгузовъ и др.

„Намъ нужно отрѣшиться отъ естественнаго въ нашей жизни въ этомъ краѣ раздраженія, впрочемъ, законнаго тамъ, гдѣ исторія породила ненормальность явленій жизни. Мы будемъ изучать эти ненормальности, — эти патологическія явленія общественной жизни; но изучать такъ, какъ изучаютъ патологи подобныя явленія въ человѣческомъ организмѣ".

Въ другомъ собраніи, говорилъ о задачахъ новаго общества предсѣдатель Отдѣла, Галаганъ, указывая тѣ же трудности въ краѣ, представляющемъ столько сложныхъ и противорѣчивыхъ условій жизни, и заявляя необходимость научнаго безпристрастія, ищущаго только истины.

Въ новомъ Обществѣ открылась съ самаго начала чрезвычайно оживленная дѣятельность: составлялись програмы по разнымъ отраслямъ изслѣдованія, заявлялись и представляемы были ученыя работы, дѣлались пожертвованія различныхъ предметовъ, имѣющихъ географическій и этнографическій интересъ, и это послѣднее побудило правителя дѣлъ, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій заявить о необходимости основанія при Отдѣлѣ особаго музея предметовъ, характеризующихъ край въ этнографическомъ, промышленномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Въ половинѣ 1873 года, Отдѣлъ предложилъ мѣстной администраціи свои услуги при производствѣ однодневной переписи города Кіева; въ Отдѣлѣ составилась для разработки этого вопроса особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Чубинскаго, который занимался уже подобнымъ предметомъ въ Архангельскѣ. Эта работа и была впослѣдствіи исполнена членами новаго

Общества. Отдѣлъ вступилъ далѣе въ сношенія съ различными учеными обществами и административными вѣдомствами и вскорѣ началъ получать довольно обильныя сообщенія ихъ трудовъ, книгъ и изданій. Число членовъ Отдѣла размножалось съ каждымъ засѣданіемъ и ко второй половинѣ года количество пожертвованныхъ этнографическихъ предметовъ доходило уже до нѣсколькихъ сотъ. Лѣтомъ того же года, г. Русовъ сдѣлалъ поѣздку по западно-славянскимъ землямъ, ознакомился съ дѣятельностью славянскихъ ученыхъ обществъ; по возвращеніи, онъ докладывалъ Отдѣлу, что всѣ славянскіе дѣятели науки и образовательной литературы, которымъ ему случалось сообщать объ основаніи новаго общества (Милетичъ, Рачкій, Сушкевичъ, Паулини, Юрчичъ, Новаковичъ и др.), очень сочувственно принимали извѣстіе о новомъ ученомъ обществѣ въ Кіевѣ городѣ, напоминающемъ всякому славянину древность его племени и взаимное родство отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго міра, и высказывали желаніе вступить съ Отдѣломъ въ такія же отношенія, въ какихъ они находятся съ центральнымъ Обществомъ въ Петербургѣ. Г. Русовъ указывалъ особенно на необходимость вступить въ ближайшія сношенія съ литературными обществами въ Галиціи и Буковинѣ, въ изданіяхъ которыхъ заключается огромная масса этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, весьма важныхъ для работъ самаго Отдѣла. Обильныя пожертвованія этнографическими предметами, поступавшія въ отдѣлъ, внушали ревностнымъ его членамъ мечту о цѣломъ учрежденіи въ родѣ народныхъ музеевъ у западныхъ славянъ. „Г. Русовъ, — читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Отдѣла 23 сентября 1873 года,—заявилъ, что, по его мнѣнію, въ Кіевѣ, центрѣ большого края, съ населеніемъ далеко не бѣднымъ, Отдѣлъ всегда можетъ надѣяться на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны общества, которое, при дѣятельной пропагандѣ идеи о музеѣ со стороны Отдѣла, легко можетъ быть заинтересовано этимъ учрежденіемъ, касающимся цѣлаго края. Въ подтвержденіе такой мысли, онъ указалъ на примѣръ подобнаго сочувствія въ средѣ общества славянскихъ народовъ, съ какимъ случилось ему познакомиться лѣтомъ нынѣшняго года. Въ особенности онъ указывалъ на примѣръ малочисленной и бѣдной словацкой народности, которая съ такою энергіею отозвалась на оповѣщеніе Матицы по этому предмету лѣтъ 10—12 тому назадъ, что къ настоящему времени администрація Матицы имѣла возможность выстроить для музея большой трехъ-этажный домъ въ С.-Мартонѣ. Городокъ этотъ имѣетъ всего 2000 жителей, но въ немъ помѣщается зданіе, передъ которымъ приходится краснѣть многочисленному населенію г. Кіева и Юго-Западнаго края. Нечего и говорить уже о такихъ музеяхъ, какъ

чешскій въ Прагѣ, словинскій въ Люблянѣ (Лайбахъ), хорватскій въ Загребѣ".

Впрочемъ, оставимъ исторію благихъ начинаній и мечты дѣятелей Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества: этимъ начинаніямъ не суждено было исполниться и мечты остались мечтами, потому что самое учрежденіе, которое явилось результатомъ мѣстныхъ научныхъ стремленій и нашло такой оживленный отголосокъ въ средѣ образованнѣйшихъ людей края, уже вскорѣ должно было прекратить свое существованіе. Упомянемъ лишь о томъ, что успѣлъ сдѣлалъ юго-западный Отдѣлъ.

Въ двухъ томахъ „Записокъ" (за 1873 и 1874 годъ), которыя успѣлъ издать Отдѣлъ въ свое кратковременное существованіе, помѣщено много любопытныхъ изслѣдованій по разнымъ предметамъ географіи, статистики и этнографіи края. Такъ, здѣсь находимъ статью г. Клоссовскаго (нынѣ извѣстнаго метеоролога) по климатологіи Кіева; Антоновича—о промышленности юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи; Чубинскаго — о селѣ Сокиринцахъ; Ѳ. К. Волкова — о сельскихъ ярмаркахъ и кустарной промышленности; Лисенко — „Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ"; М. П. Драгоманова—„Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ"; П. С. Иващенка — „Религіозный культъ южнорусскаго народа въ его пословицахъ"; Чубинскаго — инвентарь крестьянскаго хозяйства и пр. Въ числѣ матеріаловъ помѣщено нѣсколько любопытнѣйшихъ собраній памятниковъ народной поэзіи, напримѣръ,—Думы и пѣсни кобзаря Остапа Вересая; обширный сборникъ пѣсенъ буковинскаго народа, А. Лоначевскаго, съ историко-географическими данными о Буковинѣ, г. Купчанко,—матеріалъ совершенно новый въ русской этнографической литературѣ. Въ протоколахъ засѣданій разсѣяно не мало любопытныхъ замѣтокъ по изученію южно-русскаго края.

Отдѣльною книгой изданы были позднѣе: „Малорусскія народные преданія и разсказы", собранные г. Драгомановымъ (Кіевъ, 1876)— также своеобразный сборникъ, какихъ еще мало представляла наша этнографическая литература, гдѣ собраны нѣкоторые мотивы сказочные, легендарныя повѣсти, мѣстныя историческія или баснословныя преданія, повѣрья и суевѣрья, народные анекдоты и т. п., доставляющіе любопытный матеріалъ для исторіи народныхъ вѣрованій и сказаній.

Таковы были разнообразныя задачи, которыя ставились и уже частію исполнялись въ новомъ обществѣ и, надо признать, ставились и исполнялись оригинально, расширяя обычные этнографическіе

пріемы новыми точками зрѣнія и интересами. То время отличалось вообще живымъ умственнымъ движеніемъ въ южно-русскомъ обществѣ, которое выразилось большимъ участіемъ въ трудахъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества; съ большимъ интересомъ встрѣчены были работы Археологическаго съѣзда, собравшагося въ Кіевѣ въ 1874 году, потому что здѣсь опять выступала между прочимъ разнообразная старина южно-русскаго края... Но это общественное оживленіе въ интересѣ науки и мѣстнаго изученія было не продолжительно. Въ 1876 году, по какимъ-то причинамъ, до сихъ поръ не выясненнымъ въ нашей печати, юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества былъ „временно" закрытъ; въ то же время стѣснено было печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, подвергалось запрещенію появленіе малорусскихъ пьесъ на сценѣ и малорусскихъ народныхъ пѣсенъ въ публичныхъ концертахъ; въ то время и позднѣе многіе изъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи, между прочимъ изъ членовъ самого юго-западнаго Отдѣла, должны были покинуть Кіевъ... Понятно, что та дѣятельность, развитіе которой мы указывали, была окончательно подорвана. Какъ дальше упомянемъ, богатство мѣстнаго историческаго и бытового интереса продолжало вызывать научную и литературную дѣятельность, но совершившіяся событія не могли не оказать своего гнетущаго дѣйствія, подавили въ зародышѣ много полезныхъ начинаній по изученію южнорусскаго народа, отнимая и нравственную бодрость, и самую возможность матеріальную... Около того же времени стали возобновляться старыя нападенія на украинофильство, заподозриванія его въ сепаратизмѣ (хотя бы даже литературномъ), — и нападенія эти, въ которыхъ было очень мало рыцарскаго, такъ какъ самимъ нападавшимъ было извѣстно, что противникъ не имѣлъ возможности отвѣчать, достигали своего печальнаго успѣха...

Въ лучшей части русской литературы и общества закрытіе юго-западнаго Отдѣла произвело тягостное впечатлѣніе. Приводимъ для примѣра корреспонденцію, писанную нѣсколько лѣтъ спустя и помѣщенную въ газетѣ, которой никто не заподозритъ въ сочувствіи какому-нибудь сепаратизму: здѣсь найдутся и любопытные факты о дѣятельности Отдѣла.

„Печальная судьба Кіевскаго Географическаго Общества, — писали изъ Кіева въ январѣ 1881 г.,—закрытаго въ 1876 году „по независящимъ обстоятельствамъ", обратила въ послѣднее время вниманіе столичной печати. Всѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ незаслуженную пріостановку дѣятельности этого ученаго общества. Но въ то время какъ столичная печать свободно сожалѣетъ о печальной исторіи съ Географическимъ Обществомъ, наши мѣстныя газеты, „по независящимъ обстоятельствамъ", хранятъ объ этомъ полнѣйшее молчаніе.

„Юго-западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества открытъ въ Кіевѣ въ 1873 году, къ концу котораго состояло дѣйстви-

тельныхъ членовъ общества 90, членовъ-соревнователей 12; всѣхъ — 102. Къ 1875 году дѣйствительныхъ членовъ было 145 и членовъ-соревнователей 13 всѣхъ—158. Мы укажемъ на дѣятельность общества только за двухлѣтній періодъ времени (1873—75). „Не смотря на эту кратковременность,—говорится въ Отчетѣ Географическаго Общества за 1874 годъ,—юго-западный „Отдѣлъ" успѣлъ занять достойное мѣсто въ ряду ученыхъ обществъ". И въ самомъ дѣлѣ: за два года изданы такіе капитальные труды въ области географіи и этнографіи, какъ „Записки Географическаго Общества", „Историческія пѣсни малорусскаго народа", „Чумацкія народныя пѣсни" (сводъ И. Я. Рудченка), „Матеріалы для исторической топографіи Кіева", брошюра „Остапъ Вересай" и другіе [1]). Объ этихъ трудахъ весьма сочувственно отозвалась не только русская печать („Знаніе", „Отечественныя Записки", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и друг.), но и заграничная: „Revue des deux Mondes", „le Temps", „Athenaeum", „Rivista Europea", „Revue politique et littéraire", Правда (львовская), и друг. „Athenaeum", говоря объ изданіяхъ юго-западнаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества, пишетъ между прочимъ: „они даютъ чрезвычайно высокое понятіе объ ученыхъ, которыхъ горячимъ трудолюбіемъ они произведены. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ не издаютъ подобныхъ книгъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Она чрезвычаной счастлива въ этомъ отношеніи, такъ какъ рѣдко въ другомъ мѣстѣ можно найти столь богатое поле для изслѣдованія этнологу и миѳологу".

„Если взять во вниманіе, что иностранцы, особенно нѣмцы, не очень лестнаго о насъ, руссскихъ, мнѣнія, то увидимъ, что приведенная выше рецензія англійскаго ученаго журнала вызвана конечно самыми высокими достоинствами изданій „Отдѣла". Благодаря кіевскому Географическому Обществу, состоялся въ Кіевѣ въ 1874 году третій русскій Археологическій съѣздъ. Почтенный предсѣдатель съѣзда графъ Уваровъ, закрывая съѣздъ, высказалъ, что съѣздъ своимъ блистательнымъ успѣхомъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ кіевскимъ ученымъ (Антоновичъ, Житецкій, Лебединцевъ, Левченко и многіе др.), членамъ Географическаго Общества. Въ 1875 году парижскій географическій конгрессъ сдѣлалъ нашему кіевскому „Отдѣлу" весьма лестное предложеніе участвовать на выставкѣ конгресса. Участіе нашего „Отдѣла" было двоякое: во-первыхъ, въ выставкѣ коллекцій по этнографіи (модели построекъ, хозяйственныхъ орудій и инструментовъ, образцы домашней утвари, народные музыкальные инструменты, народныя игрушки, типическіе костюмы различныхъ мѣстностей юго-западнаго края, узоры, вышивки и вообще образцы малорусской орнаментики, этнографическіе альбомы и пр. и пр.), и во-вторыхъ, въ составленіи библіографическаго обзора главнѣйшихъ трудовъ, касающихся нашего края, по географіи естественно-исторической, по исторической географіи и по этнографіи.

„Сверхъ того мы укажемъ на капитальнѣйшія работы юго-западнаго „Отдѣла" русскаго Географическаго Общества по однодневной переписи города Кіева, произведенной 2 марта 1874 года. Перепись эта совершена была по просьбѣ, обращенной къ „Отдѣлу" (бывшаго) начальника края, князя Дондукова-Корсакова. „Отдѣлъ" исполнилъ чрезвычайно сложный трудъ выработки плана и научныхъ основаній переписи, подготовилъ населеніе города къ тре-

[1]) Эти указанія не вполнѣ точны: „Чумацкія пѣсни" не были изданіемъ Отдѣла, какъ и „Матеріалы для исторической топографіи Кіева"; вѣрно только, что составители обѣихъ книгъ были членами Отдѣла.

бованіямъ комитета, наконецъ блистательно совершилъ самую перепись. Трудъ разработки переписи составляетъ болѣе 50 печатныхъ листовъ in quarto. „Разработка эта,—говорится въ отчетѣ „Отдѣла“ за 1874 годъ,—произведена была согласно новѣйшимъ указаніямъ науки, и этотъ трудъ нашего „Отдѣла“ займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду статистическихъ трудовъ“. Начальникъ края, князь Дондуковъ-Корсаковъ, писалъ, между прочимъ, что, „благодаря участію и содѣйствію членовъ Общества, усердію ихъ, а главное, раціональнымъ и просвѣщеннымъ пріемамъ, перепись окончена безъ малѣйшихъ затрудненій и какихъ-либо недоразумѣній, встрѣтивъ сочувствіе жителей къ мѣрѣ, имѣющей, кромѣ научнаго значенія, еще и хозяйственный интересъ для населенія Кіева“. Таковъ отзывъ высокопоставленнаго лица о капитальной работѣ географическаго „Отдѣла“.

„За два года „Отдѣлъ“ составилъ довольно-значительную библіотеку, содержащую болѣе 1,000 книгъ и брошюръ по этнографіи, статистикѣ, земскому дѣлу, археологіи, исторіи, географіи, естественной исторіи и проч. Кромѣ того, географическое Общество имѣло музей (по географіи и этнографіи), содержащій болѣе 3,000 предметовъ одежды, украшеній, дѣтскихъ игрушекъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, коллекцій монетъ, птицъ, минераловъ и проч., и проч. Какъ библіотеку, такъ и музей, предполагалось открывать для публики. Сверхъ этихъ ученыхъ учрежденій, кіевскій „Отдѣлъ“ располагалъ также значительными денежными средствами: въ 1875 году наличными деньгами было около 4,000 рублей. Въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 года „Отдѣлъ“ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такую массу этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ, что предполагалось издать болѣе десяти капитальныхъ трудовъ. Такъ отъ С. Д. Носа „Отдѣлъ“ получилъ 1,173 пѣсни, 4,873 изреченія, 158 загадокъ, 881 слово для лексикона; на 15 листахъ описаніе одежды, на 9 листахъ описаніе народнаго помѣщенія; отъ г. Манжуры получены два громадные сборника этнографическихъ матеріаловъ; отъ г. Залюбовскаго копіи рѣшеній волостныхъ судовъ въ 7 волостяхъ Екатеринославскаго уѣзда; отъ него же метеорологическія таблицы за 6 лѣтъ; отъ уѣздныхъ земскихъ управъ Полтавской и Черниговской губ. доставлены свѣдѣнія о кустарной промышленности; такія же свѣдѣнія доставлены мировыми посредниками Кіевской, Подольской и Волынской губ. Больше я не стану перечислять поступившихъ въ распоряженіе „Отдѣла“ матеріаловъ. Не касаясь другихъ матеріаловъ, укажемъ только, что пѣсенный матеріалъ долженъ былъ выйти въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: 1) Пѣсни культа и періодическія; 2) Пѣсни жизни личной; 3) Пѣсни семейныя; 4) Пѣсни экономическія; 5) Сословныя; 6) Историческія; 7) Искусство и поученіе. Пять изъ этихъ отдѣловъ еще не тронуты, а изъ двухъ (историческія и экономическія) издана только незначительная часть. Много, много обѣщалъ для науки и жизни нашъ кіевскій „Отдѣлъ“, но, къ сожалѣнію, онъ въ 1876 году долженъ былъ пріостановить временно свою ученую дѣятельность. Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре слишкомъ года, и за это время наука потеряла, конечно, очень много“ [1]).

„Временная“ пріостановка дѣятельности Отдѣла продолжается и до сихъ поръ.

---

[1]) Современныя Извѣстія, 1881, № 53.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ и дѣятеляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси, между прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (Владим. Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кіевской губ., онъ учился въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ на историко-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету въ 1860. Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи и кадетскаго корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ многіе годы. Въ 1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и занялъ каѳедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1878 онъ получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и однимъ изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣтописца, гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело къ глубокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе стало навсегда руководящей основой его научной и общественной дѣятельности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на исторической судьбѣ Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ, труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ. Онъ издалъ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи", „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей" (совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава Освѣцима" („Кіевская Старина", 1882), „Записки Карла Хоецкаго", 1868 — 76 (тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ предпринялъ въ томъ же журналѣ систематическое изданіе, въ извлеченіяхъ, мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдованія, между прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріаловъ. Такъ въ „Архивѣ юго-зап. Россіи" были помѣщены изслѣдованія: „о козачествѣ" (1863); „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи" (1867); „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра" (1868); „о городахъ въ юго-западной Руси" (1869); „о крестьянахъ" (1870); „объ уніи и состояніи православной церкви съ половины XVII до конца XVIII стол." (1871); „о гайдамачествѣ" (1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся самыхъ существенныхъ отношеній внутренней жизни южной Россіи въ старое время. Другія изслѣдованія помѣщались имъ въ „Кіевскихъ Университет-

скихъ Извѣстіяхъ", какъ „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго" (1877—78, докторская диссертація); въ „Кіевской Старинѣ", напр. статья: „Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV — XVI стол". 1882) и др. Въ изданіяхъ Географическаго Общества, именно въ „Трудахъ" экспедиціи Чубинскаго, помѣщено имъ изслѣдованіе о колдовствѣ съ приложеніемъ большого количества документовъ (т. I, 1877). Не перечисляемъ многихъ другихъ частныхъ изслѣдованій. Въ 1885 г. Антоновичъ началъ цѣльное изданіе своихъ трудовъ: „Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи" (до сихъ поръ пока одинъ первый томъ). Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этихъ историческихъ трудовъ: ихъ высокое значеніе извѣстно всѣмъ, чьи занятія соприкасались съ древней и средней южно-русской исторіей. Укажемъ только одну господствующую черту этихъ изслѣдованій: въ давнихъ событіяхъ, въ отношеніяхъ населеній, въ бытовыхъ формахъ, учрежденіяхъ, въ народныхъ волненіяхъ, этотъ историкъ стремится всегда разыскать ихъ внутреннюю основу, объяснить ихъ историческую логику; его разсказъ не есть только сводъ фактовъ, анекдотическая картина быта; это—логическое разъясненіе явленій, въ которыхъ онъ старается найти руководящую черту и провести ея естественное развитіе среди сложныхъ условій, сплетающихся изъ международныхъ отношеній, изъ старыхъ преданій, народнаго характера, новыхъ возникающихъ обстоятельствъ и пр. Немногіе изъ нашихъ историковъ обладаютъ этимъ качествомъ въ такой степени и оно даетъ особенную цѣну трудамъ кіевскаго ученаго. Быть можетъ, онъ не вездѣ правъ въ частностяхъ; при недостаточной разработкѣ первоначальнаго матеріала, отъ него могли ускользнуть иныя черты историческаго явленія, но противъ его взгляда можно спорить только такимъ же оружіемъ исторической логики.

Третій отдѣлъ трудовъ его составляютъ спеціально археологичеcкie, какъ въ древности исторической, такъ въ особенности до-исторической; не перечисляя длиннаго ряда его изысканій въ этой части, не относящихся къ нашему предмету, достаточно сказать, г. Антоновичъ пользуется здѣсь извѣстностью первостепеннаго ...ока. Наконецъ, какъ дальше скажемъ, ему принадлежатъ работы о этнографическаго характера [1]).

...ъ шестидесятыхъ годовъ ревностно работалъ въ области южно...ой исторіи и этнографіи М. П. Драгомановъ. Полтавскій уро...ъ (род. 1841), онъ учился въ полтавской гимназіи и въ Кіев... университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1863. Въ слѣдующемъ

---

[1]) ...іографическія свѣдѣнія см. въ „Біографическомъ словарѣ" профессоровъ ... университета. Кіевъ, 1884.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ
теляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси,
прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (
Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кіевской губ., онъ
въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на м
скомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ
рико-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету в
Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи и кад
корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной комис
разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ многіе г
1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и
каѳедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1
получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ чис
тельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и
изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣ
гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ
дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело
бокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе с
всегда руководящей основой его научной и общественной
ности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на историческо
Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во
труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ.
далъ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи", „
матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окр
(совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава
(„Кіевская Старина", 1882), „Записки Карла Хоецкаго",
(тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ пред
томъ же журналѣ систематическое изданіе, въ извлечені
ровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдов
прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріало
„Архивѣ юго-зап. Россіи" были помѣщены изслѣдов
чествѣ" (1863); „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ
ной Россіи" (1867); „Послѣднія времена козачества н
ронѣ Днѣпра" (1868); „о городахъ въ юго-западной
„о крестьянахъ" (1870); „объ уніи и состояніи право
съ половины XVII до конца XVIII стол." (1871); „о
(1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся
ныхъ отношеній внутренней жизни южной Рос
Другія изслѣдованія помѣщались имъ въ „К

идущему. Это было собраніе малорусскихъ пословицъ, которое можетъ стать рядомъ съ собраніемъ Даля. Номисъ есть псевдонимъ или анаграмма фамиліи Симоновъ или Симонъ. Симоновы или Симоны были стародавній малорусскій козачій родъ; окончаніе *овъ* прибавилось къ имени еще въ прошломъ столѣтіи, когда уже начиналось оффиціальное обрусѣніе, которое между прочимъ выражалось тогда прибавкой къ малорусскимъ именамъ русскихъ окончаній. Симоновъ (Матвѣй Терентьевичъ) родился въ 1823 году; въ 1848 онъ кончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ по такъ называвшемуся тогда словесному факультету, и съ тѣхъ поръ до 1877 года, съ небольшими перерывами, состоялъ на государственной службѣ, въ разнообразныхъ должностяхъ—напримѣръ учителемъ словесности въ гимназіяхъ нѣжинской и немировской, въ государственномъ контролѣ въ Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской, волынской, наконецъ директоромъ открытой на средства земства Лубенской гимназіи; по выходѣ въ отставку былъ одно время предсѣдателемъ лубенской земской управы, а послѣднія пять лѣтъ передъ уничтоженіемъ въ полтавской губерніи мирового суда (1 сентября, 1890) былъ въ лубенскомъ уѣздѣ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мирового съѣзда. Литературная дѣятельность г. Симонова была немногосложна. Первымъ печатнымъ трудомъ его былъ отрывокъ изъ „Автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка" (въ Рус. Бесѣдѣ, 1858). Затѣмъ въ 1860—1864 нѣсколько работъ его было помѣщено въ сборникѣ г. Кулиша „Хата" (1860), въ „Основѣ" („Різдвяні святки", 1861, № 1, 5 — 6), въ „Черниговскомъ Листкѣ" Глѣбова (1862—63). Но главнѣйшимъ трудомъ г. Симонова было упомянутое собраніе пословицъ, которое остается до нынѣ однимъ изъ капитальнѣйшихъ произведеній малорусской этнографіи: „Украинські приказки, прислівъя и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. Спорудив М. Номис". Спб. 1864 (VII, 304 и XV стр. въ большую восьмушку, въ два столбца мелкой печати; до $14^1/_2$ тысячъ пословицъ и до 500 загадокъ).

Это былъ уже трудъ иного рода, чѣмъ у кого-либо изъ прежнихъ собирателей: г. Симоновъ-Номисъ не довольствовался компиляціей печатныхъ сборниковъ, но имѣлъ въ рукахъ также массу собраній, составленныхъ вновь изъ устъ народа, со множествомъ варіантовъ и сличеній, съ указаніемъ при каждой пословицѣ той мѣстности, гдѣ она употребляется, и часто лица, которымъ была записана, а иногда и съ указаніемъ самыхъ источниковъ изученія, т.-е. тѣхъ разсказовъ, народныхъ анекдотовъ и сказокъ, которыхъ отдѣльныя выраженія стали пословицами. Пословицы расположены уже не по азбучному порядку перваго слова (которое легко мѣняется въ варіан-

тахъ), а по рубрикамъ содержанія, напр. въ началѣ: „вѣра, Богъ, грѣхъ, постъ, говѣть, молитва, церква, свято, чортъ, пекло, чернецъ“ и т. д., или дальше: „добрый, просьба, дарованный, старецъ, скупой, завидно, добрая надежда“ и т. д. Въ концѣ прибавленъ особый указатель для пріисканія пословицъ, по главному слову или понятію, по упоминаемымъ въ нихъ предметамъ, напр. баба, бить, братство, брехня, бурлакъ, вѣтеръ, гетманъ, глухой, голодъ, господарь, дерево (и всякія растенія), дурень, жидъ, животныя (всякаго рода), здоровье, земля, коляда, монастырь, нѣмецъ—и т. д. Указатель—чрезвычайно подробный. Словомъ, собиратель съ своей стороны положилъ много труда на то, чтобы сколько возможно облегчить пользованіе своимъ собраніемъ, т.-е. раскрыть содержаніе народнаго присловья со всѣхъ его сторонъ, чего, напр., далеко не сдѣлано въ такой степени въ собраніи Даля. Составитель сборника не принадлежалъ къ тогдашнему молодому поколѣнію этнографовъ, — но онъ былъ знакомъ съ научнымъ положеніемъ вопроса.

Обширное количество пословицъ въ книгѣ Номиса собрано было, какъ мы замѣтили, изъ коллекцій многихъ лицъ, и главное мѣсто между ними занимало собраніе Аѳ. Вас. Марковича (это былъ ревностный малорусскій патріотъ, давно уже умершій, мужъ г-жи Маркович, Марка-Вовчка). Любопытно отмѣтить здѣсь единодушіе, съ какимъ отдѣльные собиратели предоставляли свой матеріалъ для общаго дѣла [1]).

Другимъ замѣчательнымъ трудомъ новаго поколѣнія этнографовъ были сборники г. Рудченка. Новый этнографъ былъ опять связанъ съ народною жизнью родовыми воспоминаніями. Предки г. Рудченка принадлежали къ мелкому малороссійскому служилому сословію, которое несло сначала службу въ рядахъ мѣстной козацкой старшины, а потомъ въ русской службѣ; дѣдъ по отцу былъ ветеранъ 1812 года; прадѣдъ по матери, „человѣкъ греческой націи“, сражался въ семилѣтнюю войну; дѣдъ по матери былъ профессоромъ элоквенціи въ Кіево-могилянской академіи; отецъ былъ небольшимъ чиновникомъ въ Миргородѣ, гдѣ было гнѣздо этого рода. Иванъ Яковл. Рудченко родился въ Миргородѣ въ 1845 году; онъ учился въ миргородскомъ, потомъ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ и окончивъ дважды этотъ курсъ, надѣялся поступить въ гимназію, но скудныя средства семьи не дали ему этой возможности и, вмѣсто того, его, четырнадцатилѣтняго мальчика, опредѣлили на службу въ гадячское казначейство. Дѣтство, проведенное въ Миргородѣ, въ непосредственной близости

[1]) Однимъ не малымъ недостаткомъ изданія мы считали бы чрезмѣрную краткость примѣчаній и сжатость печати. Нелегко пользоваться книгой, напечатанной сплошь мелкимъ шрифтомъ въ родѣ петита; а указатель напечатанъ нонпарейлемъ.

съ народною жизнью, привило будущему этнографу любовь къ народной поэзіи и первую мысль о собираніи ея произведеній. Когда начато было изданіе „Основы“ (1861), г. Рудченко не замедлилъ стать не только ея корреспондентомъ, но и усерднымъ этнографическимъ вкладчикомъ и въ изобиліи посылалъ сюда записанныя имъ пѣсни, сказки, преданія; но журналъ больше былъ заинтересованъ текущею жизнью, чѣмъ этнографіей,—корреспонденціи печатались, а изъ народныхъ произведеній напечатана была одна легенда [1]). Весь остальной посланный матеріалъ съ прекращеніемъ журнала затерялся.

Въ 1863, г. Рудченко перешелъ на службу въ Полтаву и получилъ повышеніе, но служба его не удовлетворяла, онъ чувствовалъ недостатки своего образованія и стремился пополнить его; въ 1864 онъ вышелъ въ отставку и на небольшія сбереженныя средства отправился въ Кіевъ, въ надеждѣ подготовиться къ университету. Надежда не осуществилась, но работалось всетаки не мало; г. Рудченко сблизился съ кіевскимъ учено-литературнымъ кругомъ и между прочимъ принялъ участіе въ „Кіевлянинѣ“, основанномъ тогда извѣстнымъ профессоромъ Виталіемъ Шульгинымъ; между прочимъ г. Рудченко помѣстилъ здѣсь и нѣсколько статей, касавшихся малорусской этнографіи [2]).

Затѣмъ снова возобновилась служебная дѣятельность: сначала въ Житомирѣ по контролю и при губернаторѣ, потомъ въ Кіевѣ, чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ, наконецъ управляющимъ казенною палатою въ Витебскѣ и въ Херсонѣ.

Въ 1869 — 70 годахъ г. Рудченко издалъ въ Кіевѣ „Народныя южно-русскія сказки“, въ двухъ выпускахъ. До тѣхъ поръ малорусскія сказки были мало извѣстны: въ печати были только небольшіе сборнички подлинныхъ сказокъ; передавались онѣ также въ литературныхъ обработкахъ (напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Гр. Данилевскаго или малорусскихъ — Бодянскаго, Марка-Вовчка, Стороженка) или у польскихъ этнографовъ,— но, какъ справедливо замѣчалъ новый издатель, литературная передѣлка дѣлала сказку уже негодной къ этнографическому употребленію, потому что вносился авторскій произволъ; польскіе пересказы и обработки (какъ, напр., у Новосельскаго, Руликовскаго, Осташевскаго, въ виленскомъ „Атенеѣ“ сороковыхъ годовъ) также не удовлетворяли издателя, потому что почти всегда выдавали политическую тенденцію. „При этомъ,—говорилъ г. Руд-

---

[1]) „Про зозуль, посміттюхъ и гадюкъ“, „Основа“, 1862, сентябрь.

[2]) Напримѣръ: „О чумакахъ и чумачествѣ“ (Кіевлянинъ, 1866, № 112; 1866, № 127; 1870, № 25); „Этнографическія работы въ Западномъ краѣ въ 1866 году“ (1867, № 61, 62, 65).

ченко,—всегда имѣлось въ виду доказать, или хотя дать почувствовать читателю, что издаваемыя произведенія народнаго творчества принадлежатъ народу, который составляетъ только разновидность польскаго: понятно, что искаженныя такимъ образомъ народныя произведенія, и притомъ освѣщенныя подобнымъ свѣтомъ, оказывались далеко непригодными для изученія южно-русскаго народа". Такимъ образомъ нужно было начать самостоятельное собираніе изъ народныхъ устъ, причемъ издатель воспользовался также сообщеніями нѣсколькихъ другихъ любителей. Онъ намѣревался помѣщать въ своемъ изданіи исключительно сказки, записанныя изъ народныхъ устъ и еще нигдѣ не печатанныя, кромѣ только нѣсколькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", такъ какъ это изданіе составляло библіографическую рѣдкость; но во второмъ выпускѣ г. Рудченко помѣстилъ, съ разрѣшенія собирателей, также сказки, записанныя Костомаровымъ и М. Т. Симоновымъ-Номисомъ и помѣщенныя въ почти столько же рѣдкихъ „Молодикѣ" и „Черниговскомъ Листкѣ". Онъ впрочемъ, указалъ, сколько могъ, явившіеся въ разныхъ изданіяхъ тексты малорусскихъ сказокъ. Издатель обѣщалъ и третій выпускъ своей книги. Относительно редакціи изданія, г. Рудченко не хотѣлъ принимать никакого „строго научнаго" дѣленія сказокъ (напр., на сказки миѳическаго, героическаго періода, сказки быта пастушескаго и т. п.), полагая, что такое дѣленіе являлось бы искусственнымъ въ примѣненіи къ памятникамъ, которые въ дѣйствительности могли въ одномъ и томъ же произведеніи отражать черты весьма различнымъ періодовъ народнаго развитія. Въ этомъ дѣйствительно могло не быть надобности: указывать подобныя черты было бы дѣломъ научнаго изслѣдованія, которое въ этомъ случаѣ еще не пришло пока къ положительнымъ результатамъ. Г. Рудченко руководился простымъ народнымъ дѣленіемъ, напр., помѣщалъ рядомъ сказки про звѣрей, про птицъ, про нечистую силу, про богатырей и т. п. При передачѣ текстовъ онъ не хотѣлъ пропускать ничего, что̀ могло служить также для характеристики малорусскихъ нарѣчій въ фонетическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Намъ случалось замѣчать, что подобное намѣреніе сообщать, вмѣстѣ съ *текстомъ* памятниковъ, и матеріалъ для изученія нарѣчій вообще трудно исполнимо, какъ потому, что относительно текста не совсѣмъ основательно пріурочивать къ одной мѣстности сказку или пѣсню, которая можетъ быть извѣства на всемъ пространствѣ племени, такъ и потому, что у разныхъ, и обыкновенно мало къ тому приготовленыхъ, записывателей передача мѣстнаго говора будетъ очень неравномѣрна, а при нынѣшней постановкѣ этого дѣла въ наукѣ и требуетъ особой внимательности и спеціальной филологической

подготовки: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ изученіе памятниковъ и изученіе частныхъ говоровъ рѣдко у насъ были рядомъ исполнены удовлетворительно. Какъ увидимъ, въ другомъ своемъ трудѣ самъ г. Рудченко призналъ неудобоисполнимость подобнаго плана. Гораздо больше основаній имѣлъ другой пріемъ, а именно, что издатель далъ въ своемъ собраніи мѣсто и такимъ произведеніямъ, которыя не принадлежатъ средѣ чисто народной. Это—разсказы, „созданные полуграмотной, лакейской или солдатской жизнью, вообще жизнью промежуточныхъ слоевъ общества. Но какъ эти слои все-таки связаны сословно съ народомъ и даже, къ сожалѣнію, вліяютъ на народъ, показываясь ему въ блескѣ яко бы высшей и образованной жизни,—то я не счелъ себя въ правѣ исключить изъ своего сборника и произведеній подобной среды. Я полагаю, между прочимъ, не лишено интереса видѣть, что́ становится съ народнымъ языкомъ, поэтическими о́бразами и самыми нравами, когда они отъ одного отстаютъ, а къ другому не пристаютъ".

Другимъ предпріятіемъ г. Рудченка были „Чумацкія народныя пѣсни" (Кіевъ, 1874). Это — одинъ изъ наилучше обставленныхъ сборниковъ народной поэзіи въ нашей этнографіи. Чумаками называются, какъ извѣстно, малорусскіе торговцы или возчики, которые отправлялись на волахъ къ Черному и Азовскому морю за солью и рыбой и развозили ихъ по южнымъ ярмаркамъ, или также занимались доставкой другихъ товаровъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ это былъ цѣлый обширный промыселъ, занимавшій много людей; чумачество создало особые нравы, обычаи и наконецъ поэзію, и г. Рудченко предпринялъ собрать пѣсни, относящіяся къ чумацкому быту, и освѣтить исторически самое явленіе. Весьма естественно принять, что чумачество сложилось не со вчерашняго дня, а напротивъ, имѣло свою давнюю исторію. Г. Рудченко полагаетъ, что начало промысла можно возвести къ первымъ извѣстнымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ предисловіи онъ объясняетъ этнографическій интересъ предмета, составъ своего изданія, пріемы редакціи, а затѣмъ помѣстилъ обширное введеніе, гдѣ даетъ обстоятельный этнографическій очеркъ чумачества по историческимъ памятникамъ и народнымъ пѣснямъ. Онъ говоритъ о происхожденіи этого промысла, о томъ, чѣмъ были чумаки въ старину, объ ихъ современномъ бытѣ, какъ чумаки живутъ дома, какъ совершается выѣздъ и проводы, какъ остаются домашніе послѣ проводовъ, затѣмъ „чумаки въ дорогѣ", „нападенія на чумаковъ", „чумацкіе печали и разгулъ", „смерть чумака въ дорогѣ", „ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ". Пѣсни собраны г. Рудченкомъ, во-первыхъ, изъ рукописныхъ сборниковъ, сообщенныхъ ему гг. Кулишомъ, И. П. Новицкимъ

. В. Ильницкимъ, Шевченкомъ, А. А. Русовымъ, и изъ записей, сделанныхъ имъ самимъ; и во-вторыхъ, изъ печатныхъ собраній русскихъ, малорусскихъ, галицкихъ и польскихъ. Въ прежнихъ изданіяхъ чумацкія пѣсни помѣщались случайно среди другого матеріала и потому давали меньше возможности для цѣльнаго обзора этого отдѣла народной поэзіи: г. Рудченко, посвятившій свой сборникъ пѣснямъ исключительно чумацкимъ или имѣющимъ отношеніе къ чумацкому быту, считалъ нужнымъ исчерпать весь сюда принадлежащій матеріалъ и привести пѣсни въ извѣстную систему. Въ этихъ пѣсняхъ издатель справедливо видѣлъ такой памятникъ народнаго творчества, который можетъ освѣтить черты быта, не записанныя исторіей. „Въ чумацкихъ пѣсняхъ,—говорилъ г. Рудченко,—до такой степени ярко и полно отпечатлѣлся не только духъ чумачества, но и строй его жизни, съ картиною быта, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, что пѣсни эти должны лечь въ основаніе при изученіи оригинальнаго типа малорусскаго торговца. Ему предстоитъ на нашихъ, быть можетъ, глазахъ вымираніе. По всей вѣроятности, и произведеніямъ его духа придется пережить творцовъ своихъ недолго. Вотъ почему настало время заняться систематическимъ собраніемъ и изученіемъ чумацкихъ пѣсенъ, чтобы сохранить эти драгоцѣнные памятники народнаго творчества для науки“.

Въ редакціи изданія здѣсь введенъ новый пріемъ печатанія варіантовъ, принятый тогда же гг. Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ, а потомъ и другими собирателями. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что издатель, чтобы избѣжать печатанія многихъ тождественныхъ стиховъ въ варіантахъ одной пѣсни, выбиралъ болѣе полный и отчетливый текстъ пѣсни и, ставя его въ основаніе, выписывалъ изъ дальнѣйшихъ варіантовъ лишь тѣ стихи, которые не были сходны съ этимъ прототипомъ, и отмѣчалъ ихъ цифрами и буквами для сравненія съ текстомъ основнымъ. Такимъ образомъ пріобрѣтался способъ сокращеннаго изданія варіантовъ, который, не загромождая сборника повтореніями [1]), отмѣчаетъ существенныя различія, и даетъ вмѣстѣ возможность, если понадобится, возстановить данный варіантъ въ цѣлости; но должно сказать, что для обыкновеннаго читателя, который не можетъ скоро привыкнуть къ дешифровкѣ сокращеній, этотъ пріемъ не совершенно удобенъ и вѣроятно заставляетъ просто пропускать эти сокращенные варіанты. Намъ кажется, что всего лучше было бы принять въ подобныхъ случаяхъ средній терминъ, а именно, сокращая варіанты немногосложные, печатать, вмѣсто длиннаго ряда цифръ и сносокъ, цѣликомъ тѣ ва-

[1]) Какъ это напр. до утомительной степени дѣлалось въ изданіяхъ г. Безсонова.

ріанты, въ которыхъ число отличій довольно значительно... Эта работа надъ варіантами дала, между прочимъ, и свои любопытные выводы. „Посводивши такимъ образомъ всѣ находившіеся у меня варіанты,—говоритъ издатель „Чумацкихъ пѣсенъ“,—я достигъ результатовъ, какихъ самъ не ожидалъ: оказалось, что всѣ варіанты эти уложились въ 65—70 пѣсенъ! Но за то пѣсни эти явились въ такомъ видѣ, въ какомъ только и возможно ихъ изученіе, а именно: все однородное сведено вмѣстѣ, все разнородное—выдѣлено“.

Изучивъ такимъ образомъ подробно чумацкія пѣсни по ихъ содержанію, г. Рудченко имѣлъ возможность расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ по главнымъ сторонамъ самаго чумацкаго быта, какъ онъ изложилъ ихъ во введеніи. Въ ряду пѣсенъ чисто народныхъ ему встрѣтилось и нѣсколько пѣсенъ происхожденія не народнаго, вышедшихъ изъ панскаго увлеченія народностію, но черезъ дворню и оффиціалистовъ дошедшихъ и до народа.

Что касается до языка, то послѣ новаго опыта издатель увѣрился, что при томъ способѣ собиранія, какимъ онъ долженъ былъ пользоваться, соблюденіе мѣстныхъ нарѣчій было невозможно. Онъ долженъ былъ признать, что большинство собирателей, въ томъ числѣ и тѣ, у кого онъ заимствовалъ пѣсни чумацкія, руководились вовсе не филологическими, а только тѣсно-этнографическими цѣлями, и тамъ, гдѣ отмѣчался мѣстный говоръ, невозможно было провѣрить точность записи. Въ концѣ книжки приложены ноты напѣвовъ, указатель пѣсенъ по мѣсту записи, и наконецъ небольшой словарь менѣе употребительныхъ словъ [1]).

Какъ мы сказали, издатель предполагалъ дать еще третій выпускъ сказокъ. Продолженіе пока не состоялось, между прочимъ, потому что усложнялась самая работа: по выходѣ первыхъ выпусковъ (какъ сообщаетъ намъ г. Рудченко) продолжалъ прибывать матеріалъ не только со всѣхъ концовъ южной Россіи, но также изъ Галиціи (сказки, записанныя львовскими и вѣнскими студентами); издавать ихъ [illegible] комъ, какъ изданы были, вслѣдствіе скудости матеріала, первые два выпуска, издатель нашелъ невозможнымъ, — это была бы большая масса совсѣмъ не систематизированнаго матеріала. Теперь, ознакомившись съ дѣломъ ближе, г. Рудченко находитъ возможнымъ вмѣсто третьяго выпуска, повторить изданіе въ гораздо болѣе [illegible]

[1]) Въ примѣчаніяхъ ко 2-му выпуску „Запорожской Старины“ (стр. 109—1[illegible] какъ сообщаетъ намъ В. П. Горленко, помѣщены двѣ очень интересныя, несомнѣнно древнія и подлинныя чумацкія пѣсни; въ сборникъ г. Рудченка онѣ не вошли; если это не простой пропускъ, то надо думать, что онѣ не были включены въ [illegible] сборникъ вслѣдствіе того, что репутація „Запор. Старины“ была слишкомъ [illegible] рвана обнаружившимися поддѣлками.

въ объемѣ, въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ и съ нѣкорыми объясненіями.

Изслѣдованіямъ по исторіи малорусскаго языка посвящены труды Житецкаго. Сынъ священника въ Кременчугѣ, г. Житецкій (Пав. гн., род. 1836) учился въ переяславской семинаріи, въ 1857 поанъ былъ къ Кіевскую духовную академію, отсюда въ 1860 г. поупилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1864. Съ ихъ поръ его дѣятельность была исключительно преподавательская, русскому языку и словесности, и научная особливо по исторіи алорусскаго языка и литературы. Преподаваніе онъ началъ въ аменецъ-подольской гимназіи, потомъ въ кіевскихъ учебныхъ заеденіяхъ; 1880 — 1882 г. пробылъ въ Петербургѣ и затѣмъ снова ернулся въ Кіевъ. Первый печатный трудъ его относится ко времени Основы"; въ началѣ 1870-хъ г. онъ принималъ участіе въ трудахъ Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества, гдѣ между прочимъ ъ этнографической программѣ составленъ былъ имъ отдѣлъ о языкѣ; алѣе, принималъ участіе въ трудахъ Кіевскаго археологическаго ъѣзда и здѣсь были имъ изданы отрывки извѣстнаго Пересопницкаго Евангелія со вводною статьею. Въ 1876 изданъ былъ имъ упомянутый раньше „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія", оставившій магистерскую дисертацію и вознагражденный Уваровскою реміею по обстоятельной рецензіи А. А. Потебни. Затѣмъ напечатано было имъ двѣ статьи въ „Архивѣ" Ягича: одна заключала азборъ книги Огоновскаго о Словѣ о полку Игоревѣ; въ другой ылъ имъ установленъ текстъ думы о пораженіи Богдана Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, открытой г. Петровымъ на пустыхъ страницахъ старинной книги, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627—1630 одахъ. Съ 1879 года онъ принималъ участіе въ трудахъ кіевскаго сторическаго Общества лѣтописца Нестора: выше мы упоминали [1]) спорѣ, какой велся въ этомъ Обществѣ по вопросу о томъ, какъ говорили кіевляне въ XIV и XV столѣтіяхъ; г. Житецкій читалъ о емъ особый докладъ [2]). Съ 1882 года, съ основаніемъ „Кіевской Старины", онъ принялъ участіе въ этомъ изданіи, гдѣ ему принадлежатъ, напримѣръ, предисловіе къ статьѣ Галагана о малорусской вертепной драмѣ (1882), „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ" (1883); рядъ статей подъ заглавіемъ: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ" (1888), изъ которыхъ составилась отдѣльная книга съ тѣмъ же заглавіемъ (Кіевъ, 1889).

---

[1]) Глава X.

[2]) Вкратцѣ изложенъ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца". Кн. II, Кіевъ, 1888, стр. 218—223.

Эта книга представляетъ только первую часть предположеннаго историческаго труда и обнимаетъ исторію малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ. Книга раздѣляется на три отдѣла: во-первыхъ, разсматривается книжная рѣчь въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей XVII вѣка; далѣе книжная малорусская рѣчь въ XVIII вѣкѣ, наконецъ стилистическая порча въ книжно-русской рѣчи во второй половинѣ XVII вѣка. Въ приложеніи помѣщенъ словарь книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка подъ названіемъ: „Синонима славеноросская“, принадлежащей библіотекѣ Кіево-Печерской лавры.

Въ [illegible] году г. Житецкій напечаталъ въ Журналѣ министерства просвѣщенія статью о [illegible] „[illegible]“.

Къ тому же поколѣнію принадлежалъ рядъ другихъ дѣятелей, менѣе извѣстныхъ, менѣе работавшихъ, но столь же преданныхъ дѣлу въ скромныхъ условіяхъ, выпадавшихъ на ихъ долю. Назовемъ между ними г. Лоначевскаго (Александръ Ив., род. 1841). Уроженецъ Волыни, онъ учился въ Новградъ-волынскомъ приходскомъ училищѣ, потомъ въ Нѣжинѣ, затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1865 году. Онъ былъ потомъ учителемъ гимназіи въ Житомірѣ, но въ 1874 году, оставивъ эту службу, сдѣланъ былъ начальникомъ ремесленнаго училища въ Кіевѣ, имъ же и устроеннаго по порученію кіевскаго городского управленія, потомъ такого же училища въ полтавской губерніи, устроеннаго имъ по порученію полтавскаго губернскаго земства; въ настоящее время завѣдуетъ желѣзно-дорожнымъ училищемъ въ Гомелѣ. Любовь къ этнографическому собиранію возникла у него, какъ и у другихъ дѣятелей этого поколѣнія, еще со школьной скамьи; гимназистомъ и студентомъ онъ былъ уже ревностный собиратель.

Приводимъ нѣсколько подробностей, сообщенныхъ намъ г. Лоначевскимъ и рисующихъ эту пору особеннаго развитія украинскаго народолюбія. „Родина моя, Волынь, считалась тогда совершенно польскимъ краемъ. Хотя всѣ мужики и говорили по-малорусски, но въ то время мужикъ не принимался въ разсчетъ. Не только паны и подпанки, даже горничныя и лакеи коверкали родную рѣчь на польскій ладъ; всѣ священники владѣли свободно польской рѣчью, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ польскій языкъ составлялъ преобладающій языкъ семьи. Рѣдко приходилось слышать русскую рѣчь (великорусскую). Отецъ мой служилъ управляющимъ имѣніемъ генерала Уварова, семья котораго принадлежала къ чрезвычайно рѣдкимъ—съ русскимъ языкомъ. Въ нашей семьѣ говорили по-малорусски, но если являлся хоть одинъ полякъ или полька—по-польски. Жили мы въ городѣ Новгородъ-Волынскѣ (мѣстное названіе — Звягель). Въ городѣ было единственное учебное заведеніе—„приходское училище“, какъ гласила надпись; но въ разговорной рѣчи оно называлось „профорной“. Учитель былъ полякъ. Разговорный языкъ профорни—польскій. Русская рѣчь слышна была только при отвѣтѣ уроковъ, которые вызубривались по книгѣ. Большинство учениковъ—поляки. Все русское и православное было въ пренебреженіи. Въ

ои православные земляки, обучавшіеся около этого времени въ волынскихъ чебныхъ заведеніяхъ, навсегда сохранили воспоминаніе объ оскорбленномъ увствѣ національности вмѣстѣ съ любовью ко всему мѣстному національному, отсюда какъ бы врожденная наклонность къ собиранію мѣстныхъ этногра ических матеріаловъ".

Когда по семейнымъ обстоятельствамъ г. Лоначевскій попалъ съ Волыни ь Нѣжинскую гимназію, условія перемѣнились: поляковъ здѣсь было очень ало, не болѣе 8%, остальные были почти исключительно малоруссы, и предетомъ издѣвательства были теперь поляки. Въ 1861 году, какъ мы сказали, . Лоначевскій поступилъ въ университетъ. „Это было время національнаго и робужденія и возбужденія. У рѣдкаго изъ студентовъ малороссовъ не было етрадки съ разнымъ этнографическимъ матеріаломъ, преимущественно пѣсими. Каждый записывалъ изъ устъ народа. Выше меня курсомъ или двумя ылъ А. И. Стояновъ. По его предложенію составленъ былъ проектъ грандіознаго сборника пѣсенъ, составленіе котораго взяли на себя студенты, а менно: А. И. Стояновъ — историческія пѣсни, И. П. Новицкій--бытовыя, Н. А. Вербицкій—семейныя, а я—любовныя; кромѣ того я собиралъ отъ тоарищей и сказки".

Уже вскорѣ матеріалъ, собранный г. Лопачевскимъ, сталъ по являться въ печати; такъ, по словамъ его онъ передалъ часть своихъ пѣсенъ студенту Б. Лавренку, который сгруппировалъ ихъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Пісні про кохання" (Кіевъ, 1864). Это былъ сборникъ замѣчательный по своему времени, когда по прекращеніи „Основы" наступило для малорусской литературы глухое время и стали усиливаться враждебные толки объ украинофильствѣ, сопоставляемомъ съ польскою интригой. Сборникъ расположенъ въ особой системѣ, такъ сказать по періодамъ развитія любовной исторіи. Нѣсколько позднѣе г. Лоначевскій сообщилъ свое собраніе сказокъ г. Рудченку, въ сборникѣ котораго онѣ и появились. Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ принялъ участіе въ работахъ Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества. Здѣсь принадлежатъ ему двѣ работы: небольшая замѣтка—„Криница", бытовая картинка изъ малорусской народной жизни, и редакція пѣсенъ, собранныхъ въ Буковинѣ Г. И. Купчанкою, который сообщилъ при этомъ „Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ" [1]).

Собраніе Купчанки, доставленное въ Кіевскій отдѣлъ Общества, заключало пѣсни, сказки, пословицы и проч.; изданіе пѣсенъ составляю только начало цѣлаго собранія. Редакція г. Лоначевскаго состояла въ слѣдующемъ:—„Пѣсни,—говоритъ онъ,—раздѣлены мною

---

[1]) „Записки юго-западнаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества", т. II, Кіевъ, 1874, стр. 289—369; самыя пѣсни тамъ же, стр. 371—600, всего до 400 пѣсенъ. Описаніе ярмарки въ Криницѣ повторено г. Мордовцовымъ въ статьѣ: „О внутреннихъ признакахъ русскаго народа" (въ „Отечеств. Запискахъ", 1876, № 1, подпись: Д. С..о—М..ъ) и въ его книжкѣ „Афоризмы", Спб. 1886.

на шесть отдѣловъ, которые приняты въ засѣданіи для будущаго общаго сборника пѣсенъ; вотъ эти отдѣлы: пѣсни культа, пѣсни жизни личной, пѣсни семейныя, политическія, искусство и поученіе въ пѣсняхъ. Внутреннее расположеніе пѣсенъ каждаго отдѣла я старался сдѣлать строго послѣдовательнымъ а для большаго удобства при пользованіи сборникомъ, къ каждой пѣсни написано мною заглавіе, въ которомъ я старался передать сущность содержанія. Всѣ пѣсни объ одномъ и томъ же предметѣ, или о предметахъ близкихъ, поставлены рядомъ". Относительно перваго отдѣла онъ дѣлаетъ еще слѣдующую оговорку: „Кромѣ собственныхъ пѣсенъ, я внесъ сюда народныя суевѣрія, заговоры и молитвы, желая такимъ образомъ соединить все, что касается народныхъ вѣрованій,—такъ какъ онѣ составляютъ для этнографа наиболѣе интересную сторону народной жизни".

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное распредѣленіе пѣсеннаго и легендарнаго матеріала весьма облегчаетъ обозрѣніе его содержанія: этотъ матеріалъ несомнѣнно распадается на извѣстныя группы,—но нельзя не замѣтить, что это распредѣленіе и обозначеніе содержанія пѣсни, легенды, преданія и т. д. не можетъ считаться вполнѣ точнымъ и исчерпывающимъ предметъ. Кромѣ той черты содержанія, которая поставлена редакторомъ какъ его характеристическій признакъ, это содержаніе очень часто, если не всегда, представитъ и другія черты, по которымъ данная пьеса могла бы быть приведена и въ другую классификацію: пѣсни культа по извѣстнымъ подробностямъ могутъ быть поставляемы въ параллель съ пѣснями жизни личной, семейной, съ поученіемъ и т. д.; во всякомъ случаѣ вполнѣ исчерпать содержаніе пѣсенъ могло бы только всестороннее изслѣдованіе, которое непремѣнно выходило бы изъ предѣловъ классификаціи, поставленной въ этой редакціи; послѣдняя однако представляетъ не безъинтересную попытку ближе войти въ содержаніе пѣсеннаго матеріала. Такая же система классификаціи была принята потомъ г. Драгомановымъ въ его изданіи „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ [1]).

Отмѣтимъ наконецъ послѣднія работы г. Лоначевскаго, имѣющія отношеніе къ этнографіи: „Представленіе украинцевъ о царѣ" (въ „Историч. Вѣстникѣ", 1887, № 3)—пересказъ наблюденій автора въ народной жизни; и статью въ журналѣ „Природа и Охота" (1887, февраль), гдѣ кромѣ описанія мѣстныхъ бобровъ, приводится народный взглядъ на бобра и нѣкоторыя объ немъ суевѣрія.

Къ тому же поколѣнію ревностныхъ мѣстныхъ патріотовъ, этно-

---

[1]) Та же система примѣняется, со ссылкой на Кіевскій Отдѣлъ и на работу г. Лоначевскаго, въ новѣйшемъ изданіи болгарскихъ пѣсенъ въ упомянутомъ уже „Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина", т. I, стр. IX.

графовъ и историковъ принадлежалъ несравненно больше работавшій въ литературѣ Ив. Петр. Новицкій (род. 1844, ум. въ іюлѣ 1890). Это былъ опять человѣкъ изъ стараго мѣстнаго рода, изъ русскаго православнаго дворянства кіевской губерніи. Онъ учился въ кіевской гимназіи, но по несчастно сложившимся обстоятельствамъ, не могъ кончить курса. Очень одаренный отъ природы, онъ продолжалъ учиться самъ и вмѣстѣ съ прежними товарищами, которые перешли въ университетъ, онъ получилъ возможность, по тогдашнему времени, слушать университетскія лекціи. Общественное оживленіе той эпохи и политическія событія 1863 года, окончательно опредѣлили и направленіе его учено-литературной дѣятельности. „События эти,—говоритъ г. Каманинъ въ некрологѣ Новицкаго [1],—отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и постороннихъ слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ, несочувственный польскому движенію, и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью на почвѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П. и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ".

По его внѣшнимъ обстоятельствамъ и по обнаружившейся тогда психо-физической болѣзни, Новицкій не могъ получить никакого оффиціальнаго служебнаго положенія и существовалъ литературнымъ трудомъ въ кіевскихъ изданіяхъ, отъ „Кіевлянина" до „Кіевской Старины"; но онъ уже вскорѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ различныхъ вопросахъ мѣстной исторіи, этнографіи, статистики, управленія, такъ что его не однажды призывали и въ оффиціальныя вѣдомства и въ спеціальныя коммиссіи. Такъ работалъ онъ въ Центральномъ Архивѣ при университетѣ, въ Археографической коммиссіи и въ Кіевскомъ Статистическомъ комитетѣ. Въ коммиссіи онъ собралъ между прочимъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вѣкѣ и этому изданію предпослалъ весьма обстоятельный

[1]) Кіевская Старина, 1890, сент., стр. 486—491.

„Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи XV — XVIII вѣкѣ“ (1877). Въ то же время онъ составлялъ въ тральномъ Архивѣ описи актовыхъ книгъ, чрезвычайно важныя пособіе для изученія матеріала; и по порученію Археографиче коммиссіи составилъ обширные объяснительные указатели именъ ныхъ и географическихъ ко всѣмъ ея изданіямъ съ 1844 год указатель географическій, составляя сводъ множества мелкихъ товъ и изслѣдованій, имѣетъ въ особенности значеніе какъ пе опытъ исторической географіи края за средній періодъ его истор мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ онъ печаталъ матеріалы о низаціи юго-западнаго края въ эпоху войнъ Хмельницкаго; нако для объясненія юридическихъ терминовъ стараго актоваго я онъ составилъ небольшой словарь („Университетскія Извѣстія“, 1 Затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ Кіевскомъ от Географическаго Общества и въ самой экспедиціи Чубинскаго: пятаго тома ея „Трудовъ“ Новицкій доставилъ до 5000 пѣсе приготовилъ къ печати пѣсни бытовыя. Съ основанія „Кіевской рины“ Новицкій сталъ ея дѣятельнымъ сотрудникомъ; изъ б крупныхъ его работъ отмѣтимъ здѣсь статьи: „Князья Ружинс „Историческая пѣсня о взятіи козаками Азова въ 1637 году“; „А Кисель воевода кіевскій“ (послѣдняя вышла также отдѣльно, 1 Въ его историческихъ трудахъ, исполненныхъ обыкновенно съ шимъ знаніемъ, разсѣяно не мало данныхъ для исторіи быта работъ чисто этнографическихъ, кромѣ упомянутаго собранія пѣ Новицкимъ составленъ былъ любопытный этнографическій оч „Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсн въ альманахѣ „Кіевлянка“, 1884.

О трудахъ другихъ дѣятелей того же и болѣе молодого по нія скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XII.

Новѣйшие труды по южнорусской старинѣ и народности.

Общія замѣчанія: связь историческихъ изысканій и народолюбивыхъ стремленій съ этнографіей.

Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ.—Н. Д. Иванишевъ.—Работы ученыхъ учрежденій и обществъ.—Описанія архивовъ, изданія актовъ, русскія и галицко-польскія.

„Кіевская Старина".—Ѳ. Г. Лебединцевъ.

Труды по археологіи и старой исторіи Южной Руси. — Исторія земель и княженій, городовъ, колонизаціи. — Труды гг. Антоновича, Дашкевича, Голубовскаго, Багалѣя и др.

Исторія Запорожья и козачества: Скальковскій, Эварницкій, Попко, Короленко и др. — Исторія малорусскихъ фамилій: А. Лазаревскій. — Исторія нравовъ: О. И. Левицкій.—Изданія старыхъ и новѣйшихъ мемуаровъ: Освѣцимъ, Баликъ, Евлашевскій, Селецкій, Чалый и пр.

Изслѣдованія экономическаго быта и общины, исторія крестьянства, обычное право: Ив. Новицкій, Щербина, Русовъ, Лучицкій, Кистяковскій и др.

Изслѣдованія бытового обычая и народно-поэтическаго творчества: труды Сумцова, Науменка, Кузьмичевскаго, В. Горленка, Неймана, Комарова, П. Ефименка и др.

Краткія свѣдѣнія объ этнографическихъ трудахъ по Галицкой и Угорской Руси.

Съ этнографіей всегда тѣсно соединены изслѣдованія историческія. Внутренняя исторія народной жизни есть этнографія прошедшаго, и исторія мѣстная бываетъ нерѣдко въ особенности связана съ этнографической характеристикой народа, разъясняя свойства мѣстнаго племени, областныя черты быта и народно-поэтическаго содержанія. Исторія малорусская представляетъ богатый матеріалъ мѣстныхъ отличій этого рода, съ которыми еще не могли сосчитаться ни обще-русскіе, ни южно-русскіе историки, и которыя до сихъ поръ подаютъ поводъ къ столкновеніямъ, исполненнымъ нетерпимости. Въ этихъ столкновеніяхъ все бывало вопросомъ: и племя, и языкъ и

историческая принадлежность событій и, безъ сомнѣнія, для примиренія спора, кромѣ нравственнаго воздѣйствія иныхъ болѣе благопріятныхъ общественныхъ условій, нужны еще и новые успѣхи историко-этнографическаго знанія. Въ дѣйствительности, исторія юга и сѣвера Россіи, двухъ странъ и двухъ народовъ,—при всѣхъ племенныхъ и бытовыхъ отличіяхъ, частью издавнихъ, частью образовавшихся исторически,—соединена тѣснѣйшими, неразрывными связями, которыя сказывались съ древнѣйшихъ временъ и по-нынѣ. Древняя исторія Кіева есть самая колыбель всей исторіи русской народности; его церковная древность есть драгоцѣнная святыня для всего православнаго русскаго люда безъ различія; древняя кіевская письменность—лѣтопись, поученіе, церковная легенда, поэтическая повѣсть —составляютъ исходный пунктъ всей русской литературы, и т. д. Безъ этого начала русская исторія немыслима, и южная, какъ сѣверная. Являлись въ жизни новые элементы, совершались глубокіе перевороты и во внѣшней, и во внутренней судьбѣ русскаго народа; сѣверъ и югъ были отрѣзаны одинъ отъ другого до того, что, наконецъ, этнографія заговорила о „двухъ русскихъ народностяхъ", —но передъ каждой изъ двухъ народностей носилось въ глубинѣ вѣковъ воспоминаніе объ одномъ общемъ корнѣ ихъ племени, вѣры и исторіи. Южная Русь нѣсколько вѣковъ прожила въ союзѣ съ инымъ государствомъ, тоже славянскимъ, но историческія начала котораго были иного склада,—и при всѣхъ усиліяхъ со стороны польской и при усиліяхъ очень многихъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ, со стороны южно-русской, два элемента не могли ужиться между собою, и борьба съ Польшей, то скрытая, то явная съ оружіемъ въ рукахъ, наполняетъ вѣка этой общей жизни до тѣхъ поръ, пока освобожденіе не было достигнуто соединеніемъ двухъ вѣтвей русскаго племени. Соединеніе совершилось въ условіяхъ не равныхъ. Обѣ стороны успѣли въ своей отдѣльной жизни сложиться въ два весьма несходные, народные типа: одна, подъ чужимъ гнетомъ, среди внѣшнихъ опасностей, потерявъ бóльшую долю своего высшаго сословія, принявшаго чужую вѣру и народность, успѣла, однако, въ борьбѣ за вѣру и свободу выработать извѣстное чувство независимости и извѣстную степень школьнаго образованія; другая въ обстоятельствахъ, быть можетъ, еще болѣе тяжкихъ, сложилась въ государство, гдѣ, цѣною утраченной гражданской свободы, пріобрѣтена была внѣшняя сила, съ грубыми формами административнаго быта, потерявшая средства образованія и въ большинствѣ самую охоту къ нему,—въ борьбѣ съ азіатскимъ востокомъ, въ концѣ концовъ побѣдоносной, исполнившаяся національнаго высокомѣрія, которое есликомъ легко впадало въ чрезмѣрность и могло найти себѣ оправда

только въ будущемъ поворотѣ на дорогу просвѣщенія и успѣховъ общежитія. Встрѣча двухъ народностей, настроенныхъ подобнымъ образомъ, не могла обойтись безъ многихъ столкновеній и шероховатостей. Избавившись отъ національной опасности, южная Русь въ новомъ строѣ государственной жизни, въ который она теперь вступила, должна была пожертвовать многими изъ своихъ особенностей, которыя стали ея природой. Объединительная система большого русскаго государства, сопровождаемая неограниченностью царской власти, какъ естественно было ожидать по природѣ вещей, не могла охотно дѣлать уступокъ изъ обычнаго порядка вещей иначе, какъ въ исключительныхъ условіяхъ, и когда первое присоединеніе миновало и установилось, мѣстныя особенности должны были все больше уступать передъ московскими идеями и порядкомъ вещей, и стираться между прочимъ также сами собой, подъ вліяніемъ государственнаго, бытового и образовательнаго общенія. Въ сущности, Малороссіи пришлось пережить, въ концѣ московскаго царства и при петербургской имперіи, тотъ же процессъ объединенія, какой нѣкогда постигъ старыя удѣльныя княжества и Новгородъ. Процессъ нивеллировки мало-по-малу охватилъ всѣ особенности южно-русской жизни: въ XVII столѣтіи московскіе бояре вмѣшивались въ дѣйствовавшую еще власть гетмановъ; въ XVIII столѣтіи эта власть была уже номинальная, но и въ этомъ видѣ была отмѣнена; Запорожская Сѣчь была уничтожена и выселившееся козачество стало просто иррегулярнымъ войскомъ; „малороссійскія права" все больше падаютъ, администрація и судъ подводятся подъ общіе порядки; въ XIX столѣтіи подвергается сомнѣнію, и наконецъ, внѣшнему стѣсненію самый малорусскій языкъ. Съ другой стороны, Малороссія вовсе не была только пассивнымъ придаткомъ, прибавившимся къ русской имперіи. Всякій безпристрастный историкъ долженъ признать, что ея вступленіе въ общую русскую жизнь сопровождалось многими благотворными и, кажется, еще не вполнѣ оцѣненными послѣдствіями. Съ присоединеніемъ Малороссіи русское государство расширилось вдругъ на новыя громадныя пространства; съ тѣмъ вмѣстѣ умножились вообще государственныя силы и въ частности облегчена давнишняя задача усмиренія, а потомъ покоренія юго-восточнаго азіатскаго сосѣдства. Въ XVII вѣкѣ, еще до присоединенія Малороссіи, Москва, почувствовавши необходимость въ ученыхъ силахъ для церковнаго исправленія, для заведенія школъ, для декорума царскаго двора и, наконецъ, для воспитанія царскихъ дѣтей, нашла ученыхъ людей въ Малороссіи, гдѣ школа знаменитаго Петра Могилы имѣла уже замѣчательныхъ богослововъ и классическихъ филологовъ, хотя еще въ старомъ схоластическомъ стилѣ. Эта впервые прочно основавшаяся русская наука

была вполнѣ дѣломъ южно-русскимъ; она поставлена была на томъ же старомъ православіи, церковный матеріалъ котораго приходилъ сюда и изъ сѣверной Россіи, какъ изъ Москвы доставлены были рукописи для изданія знаменитой Острожской Библіи. Въ Петровское время и послѣ, южно-русская школа доставила много ученыхъ людей, которые работали въ русской церковной жизни, въ школѣ и управленіи; малорусскія силы входятъ въ русскую литературу, какъ перешелъ въ нее извѣстный запасъ понятій, выработанныхъ южно-русскимъ образованіемъ, и въ литературный языкъ вошли изъ того же источника многіе книжные элементы. Въ нашемъ вѣкѣ, независимо отъ того расширенія народной идеи, которое внесено было возрожденіемъ малорусской литературы съ конца прошлаго столѣтія, одна изъ величайшихъ силъ новѣйшей русской литературы, конечно, не случайно была дана именно малорусской народностью: мы говоримъ о Гоголѣ, въ лицѣ котораго Малороссія снова внесла свой плодотворный вкладъ въ общее дѣло русской поэзіи и просвѣщенія...

Въ этомъ мірѣ сложныхъ историческихъ явленій,—дававшихъ матеріалъ для всякихъ направленій и критической мысли, и племенного чувства, должно было вращаться научное изслѣдованіе, приступавшее къ южно-русской исторіи, а также и этнографіи. Новѣйшія условія нашей общественной жизни, какъ указано выше, не благопріятствовали свободному выраженію не только общественныхъ, но и научныхъ взглядовъ, такъ что не могъ имѣть мѣста открытый, правдивый обмѣнъ мнѣній за, и противъ, и въ концѣ концовъ изъ различія воззрѣній и племенного инстинкта рождалось взаимное недовѣріе и несправедливость, причемъ въ наименѣе выгодномъ положеніи были тѣ, кому приходилось говорить противъ рутины. Было совершенно естественно, что у малорусскихъ историковъ и этнографовъ, издавна и до сихъ поръ, складывалась особая любовь къ своей старинѣ и народности,—мы приводили примѣры, что это былъ при[illegible] врожденный инстинктъ, которому научное знаніе давало только [illegible] и опредѣленность. Было время, когда мѣстный малорусскій патріо[illegible] тизмъ увлекался временами гетманщины и мечталъ о томъ, [illegible] могла бы быть Украйна при иномъ оборотѣ историческихъ событій[illegible] ближайшее историческое знакомство съ эпохой разубѣдило патріот[illegible] въ особой привлекательности тогдашняго порядка вещей, но, [illegible] можетъ, еще болѣе укрѣпило въ нихъ привязанность къ лучш[illegible] явленіямъ своего прошедшаго и своей народности. Но это про[illegible] шее давно и невозвратно миновало, говорили ихъ противники; [illegible] также, однако, миновало то московское царство, изъ котораго с[illegible] лала свой идеалъ славянофильская школа, еще недавно призыва[illegible] русскій народъ и государство вернуться туда, „домой", бросивъ [illegible]

шія пріобрѣтенія ихъ исторіи. До такого попятнаго идеализма, ергавшаго самую цивилизацію, достигнутую человѣчествомъ, ношее украинофильство не доходило. Обращенія малорусскихъ паэтовъ къ прошедшему вызываются прежде всего стремленіемъ изуъ, сколько возможно ближе, въ прошедшемъ истинный характеръ его народа. Если бывали преувеличенія въ этомъ направленіи, ѣтомъ на нихъ, съ нашей стороны, должна быть спокойная кри-а, разъясненіе дѣла, а не тѣ юридическія инсинуаціи, къ котоъ такъ часто прибѣгали и прибѣгаютъ противники украиноьства.

По этимъ сложнымъ и спорнымъ вопросамъ южно-русской исторіи, ымъ и въ этнографическомъ смыслѣ, собралась въ послѣднія деилѣтія обширная литература матеріаловъ и изслѣдованій, перелять которые сполна было бы здѣсь не мѣсто и которые мы кемъ въ главнѣйшихъ направленіяхъ и фактахъ. Замѣтимъ бще, что наибольшая часть этихъ трудовъ совершена мѣстными си-и, людьми иногда разныхъ взглядовъ, но въ большинствѣ именно ушевленныхъ любовію къ родной мѣстной старинѣ и современной родности.

Уже тѣмъ самымъ, что дѣло шло о разновидности русскаго пле-и, малорусская исторія доставляетъ множество указаній чисто ографическаго характера; но затѣмъ съ большою ревностью разботывалась и этнографія собственно. Послѣ экспедиціи Чубинскаго, торая между прочимъ изчерпала нѣсколько частныхъ собраній, анныхъ ранѣе, мы уже не встрѣчаемъ предпріятія такого объема такой цѣнности; по всей вѣроятности не мало участвовало въ неоставкѣ крупныхъ работъ то неблагопріятное положеніе, въ какомъ одится малорусская литература съ 1876 года. Взамѣнъ того ноѣшее время представляетъ массу небольшихъ отдѣльныхъ трудовъ разнымъ отраслямъ этнографіи, въ которыхъ заключается множео новаго и нерѣдко любопытнѣйшаго матеріала. За неимѣніемъ кого объединяющаго учрежденія, какимъ былъ одно время Кіевй отдѣлъ Географическаго Общества, эти труды по неволѣ разсаны по изданіямъ другихъ ученыхъ обществъ, по журналамъ, альманахамъ, провинціальнымъ газетамъ и т. д. Понятно, что обоніе такого разбросаннаго матеріала представляетъ довольно знаальную трудность и въ настоящемъ случаѣ полное его указаніе можетъ быть нашею цѣлью. Мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія направленія и органы этихъ изысканій, и перечислимъ труды болѣе интересные въ томъ или другомъ отношеніи.

Главное учрежденіе, работавшее по изысканію и изданію источниковъ малорусской исторіи, по преимуществу средняго періода, была давнишняя „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, издавшая въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ множество существеннаго историческаго матеріала, важность котораго увеличивается замѣчательными вводными статьями, сопровождающими тексты актовъ. Здѣсь съ самаго основанія Коммиссіи (1843) дѣятельнѣйшимъ лицомъ былъ извѣстный профессоръ Кіевскаго университета Николай Дмитр. Иванишевъ (1811—1874), благодаря трудамъ котораго Коммиссія собрала громадное количество актовъ, сосредоточенныхъ потомъ въ „Центральномъ Архивѣ“ при университетѣ и служившихъ основой для „Архива“ и другихъ изданій. „Иванишевъ, — по словамъ его біографа, — былъ душою Коммиссіи и главнымъ ея работникомъ — сначала въ должности главнаго редактора, а потомъ вице-предсѣдателя. По указаніямъ этой Коммиссіи, онъ производилъ раскопку могилъ и кургановъ, предпринималъ поѣздки въ разные города юго-западнаго края, отыскивая вещественные и письменные историческіе памятники, принимая то непосредственное, то посредственное участіе во всѣхъ изданіяхъ этой Коммиссіи. Наконецъ, онъ завершилъ служеніе этому дѣлу организаціей кіевскаго Центральнаго Архива, въ которомъ собралось болѣе трехъ милліоновъ историческихъ памятниковъ, столь важныхъ для изученія нашей юго-западной исторіи; онъ обработалъ программу изданій архива, которой неуклонно слѣдуетъ его достойный преемникъ, В. Б. Антоновичъ. Какъ колоніи устраивались по образцу своей метрополіи, такъ по образцу кіевскаго Центральнаго Архива организовались центральные архивы въ Витебскѣ и Вильно, въ которыхъ собралась масса историческихъ памятниковъ сѣверо-западнаго края. Начало всему этому, великому для русской исторической науки, дѣлу положилъ незабвенный Иванишевъ. Благодаря его трудамъ, университетъ св. Владиміра въ стѣнахъ своихъ скрываетъ такія сокровища для уразумѣнія прошлыхъ судебъ родной земли, какихъ, конечно, не имѣетъ ни одинъ русскій университетъ“ [1]).

Въ біографіи, составленной г. Романовичемъ-Славатинскимъ, читатель найдетъ достаточно подробностей о научномъ и общественномъ поло...

---

[1]) Біографія Иванишева разсказана въ книгѣ А. В. Романовича-Славатинскаго „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Владиміра, вице-предсѣдателя кіевской Археографической Коммиссіи“. Спб. 1876 (отдѣльный оттискъ изъ „Древн. и Новой Россіи“, 1876); другая подробная біографія и перечисленіе сочиненій въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ Кіевскаго университета, 1884. „Собраніе сочиненій Н. Д. Иванишева“ издано было университетомъ въ 1876.

Иванишева. Приводимъ нѣкоторыя указанія. Иванишевъ, какъ большинство дѣятелей малорусской исторіографіи и этнографіи, былъ человѣкъ мѣстный, по роду поповичъ, по роду дворянинъ, шляхтичъ; послѣднему онъ продавалъ важность. Значительная часть его дѣятельности, именно въ началѣ, проходила въ извѣстное генералъ-губернаторство Бибикова, время борьбы противъ полонизма путемъ инвентарей и путемъ историческаго разъясненія малорусско-польскихъ отношеній; но въ Бибиковѣ кромѣ человѣка съ „національными порывами" былъ еще и правитель въ родѣ римскаго проконсула и какъ попечитель учебнаго округа (званіе котораго соединялось съ генералъ-губернаторствомъ) онъ оставилъ память порядочнаго обскуранта.

Сравни отзывъ о Бибиковѣ въ запискахъ Никитенка, который зналъ его уже въ Петербургѣ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Далѣе у Славатинскаго (стр. 118, 187, 194) читаемъ:

„Ошибка генерала Бибикова состояла въ томъ, что онъ не умѣлъ подобрать персоналъ подчиненной ему администраціи въ уровень съ своей патріотической программой. Для этого персонала, патріотическая политика генерала Бибикова сдѣлалась только новымъ источникомъ лихоимства: польское панство и католическое духовенство цѣною денегъ съумѣло удержать свое прежнее господство въ краѣ, а инвентарныя положенія, сдѣлавшись оброчной статьей для исправниковъ и становыхъ, только номинально улучшали бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Другая ошибка генерала Бабикова состояла въ томъ, что, угнетая польское господство въ краѣ, онъ угнеталъ и всякую свободную мысль, и всякое движеніе".

Г. Славатинскій замѣчаетъ, что въ то время люди „съ космополитическими целями" (!) не умѣли оцѣнить „національныхъ порывовъ" Бибикова; вѣрнѣе, кажется, было бы сказать, что эти люди находили, что пріемы, описанные въ приведенной сейчасъ цитатѣ, сами способны были подорвать значеніе національныхъ стремленій Бибикова, когда прежде всего бросались въ глаза не какая-нибудь историческая правда, а произволъ и насиліе.

„Съ генераломъ Бибиковымъ,—разсказываетъ г. Славатинскій,—Иванишевъ жилъ душа въ душу, не потому, конечно, чтобы заискивалъ въ немъ. Не въ его натурѣ—свободнаго и независимаго малорусскаго хуторянина—было какое бы то ни было заискиванье: какъ мы знаемъ, онъ скорѣе готовъ былъ острить надъ своимъ начальствомъ, чѣмъ искать въ немъ. Но въ генералѣ Бибиковѣ онъ инстинктивно чтилъ истинно-русскаго человѣка и сочувствовалъ его политикѣ, направленной на приниженіе польско-католическаго шляхетства и поднятіе русско-православнаго крестьянства. Генералъ же Бибиковъ былъ настолько уменъ, чтобы не понять, какого союзника его русская политика находила въ такомъ ученомъ, какимъ былъ Иванишевъ. Ради этой русской политики, Ник. Дмитр. многое прощалъ Бибикову.

„На охраняемый послѣднимъ обскурантный порядокъ вещей онъ смотрѣлъ спокойно, глазами терпѣливаго мудреца: „перемелется—мука будетъ!"

Мука вышла, впрочемъ, не важная.

Любопытной и характерной чертой не для одного Иванишева является отношеніе къ тогдашнему литературному движенію. Біографъ, какъ слушатель Иванишева, разсказываетъ, что послѣдній, занятый славянскими законодательствами и старыми актами, не былъ преподавателемъ популярнымъ, потому что слушатели больше увлекались тогда профессорами, „слѣдовавшими космополитическимъ (?) и гуманнымъ идеямъ сороковыхъ годовъ, идеямъ про-

теста противъ тогдашняго порядка вещей". „Глубоко національный (?), Иванишевъ всегда оставался чуждымъ этимъ идеямъ. Наши кумиры были въ его глазахъ „не святыми, лѣпящими горшки".... Къ „властителю думъ" нашего поколѣнія, Грановскому, Иванишевъ относился не сочувственно. Онъ не сочувствовалъ страстнымъ статьямъ Бѣлинскаго, не давалъ себѣ труда вникнуть въ смыслъ пропаганды автора „Записокъ доктора Крупова", едва-ли ясно понималъ глубокое значеніе сатиры Гоголя, который только потѣшалъ его, какъ забавный разскавчикъ, еще меньше вдумывался въ повѣсти Тургенева и во всю мыслящую беллетристику того времени".

Его собственныя идеи складывались такъ: „Еще въ молодые годы, когда онъ изучалъ исторію славянства, въ немъ развилось и укрѣпилось вѣрованіе въ великую историческую миссію Россіи, среди сродныхъ ей разрозненныхъ и безгосударственныхъ, славянскихъ племенъ. Это вѣрованіе усиливалось въ немъ съ лѣтами, по мѣрѣ изученія западно-русскихъ актовъ, заключавшихъ въ себѣ неопровержимыя доказательства неспособности польскаго племени стоять во главѣ славянства и руководить его судьбами".

Главнѣйшимъ преемникомъ Иванишева по Коммиссіи остался В. Б. Антоновичъ, о многочисленныхъ трудахъ котораго по южно-русской исторіи и изданію памятниковъ мы говорили выше, и скажемъ еще далѣе.

Большую массу историческихъ документовъ сообщали также изданія Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ, которая, кромѣ „Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи", издала важные матеріалы въ „Русской Исторической Библіотекѣ", гдѣ напечатаны были любопытнѣйшіе памятники старой церковно-полемической литературы. Далѣе, рядъ болѣе или менѣе важныхъ трудовъ по исторіи и также этнографіи южной Россіи, доставили изданія ученыхъ обществъ и учрежденій, какъ изданія Кіевскаго Университета („Извѣстія"), Кіевской Духовной Академіи („Труды"), Одесскаго Общества исторіи и древностей, Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ („Чтенія"), наконецъ, „Чтенія" Московскаго Общества исторіи и древностей, гдѣ также находилъ мѣсто важный историческій и этнографическій матеріалъ и пр. Болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ исторіи южной Россіи имѣютъ изданія памятниковъ и изслѣдованія объ исторіи Россіи западной, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Не мало важныхъ указаній доставляютъ описанія рукописей, какъ, напримѣръ, описаніе рукописей Церковно-археологическаго Музея, въ Кіевѣ, г. Петрова; описаніе рукописей Виленской библіотеки, г. Добрянскаго; укажемъ еще „Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ", Амфіана Лебедева (М. 1885); далѣе приведемъ архивныя изслѣдованія Ал. Лазаревскаго, и проч. По изслѣдованію архивовъ болѣе мѣстнаго значенія укажемъ „Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія", собранные редакторомъ неоффиціальной части „Кіевскихъ Губ.

Вѣдомостей" А. Андріевскимъ (Кіевъ 1882—86, 10 вып.), и его же Матеріалы для исторіи южно-русскаго края XVIII столѣтія (1715—1794), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губ. архива", изданные Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей; „Акты воронежскіе", изданные мѣстнымъ статист. комитетомъ (1887), и проч.

Къ прежнимъ органамъ ученой дѣятельности въ южной Россіи прибавилось въ послѣдніе годы Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университетѣ, издавшее до нынѣ три тома своихъ трудовъ („Сборникъ").

По древнимъ и средневѣковымъ тѣснымъ связямъ южной Россіи и Галицкой Руси важны археографическіе труды польскихъ ученыхъ въ Галиціи. Таковы изданія заслуженнаго галицко-польскаго ученаго стараго поколѣнія Авг. Бѣлёвскаго (1806—1876), гр. Алекс. Стадницкаго (ум. 1861: Akta grodzkie, Lwów, 1868—87, 12 томовъ, изданные на завѣщанныя имъ средства), Войтѣха Кентржинскаго (Katalog rękopisów zakładu nar. im. Ossolińskich, Lwów, 1880 и дал.) и др. Галицкіе архивы, прежде мало или совсѣмъ недоступные, были наконецъ изучаемы и нашими учеными; назовемъ особенно работу И. А. Линниченка: „Архивы въ Галиціи" („Кіевская Старина", 1888, августъ, октябрь), гдѣ указаны также мѣстные польскіе труды по разработкѣ этихъ архивовъ.

Единственнымъ литературнымъ органомъ, въ которомъ сосредоточиваются разнообразныя изысканія по южно-русской исторіи и этнографіи была, въ послѣдніе годы, основанная въ 1882 г. „Кіевская Старина". Съ тѣхъ поръ и донынѣ это изданіе успѣло дать столько любопытнаго матеріала, что стало необходимымъ для всякаго, кого занимаютъ вопросы южно-русской археологіи, исторіи и различныхъ отраслей этнографіи. Содержаніе журнала касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ этихъ предметовъ, начиная отъ древности до современнаго народнаго быта. Здѣсь, между прочимъ, появлялись труды наиболѣе авторитетныхъ писателей по изученію южной Руси, какъ напр. Костомарова, Антоновича, П. Житецкаго, И. Малышевскаго, М. Владимірскаго-Буданова, И. Линниченка, Ѳ. Сумцова, А. Потебни, Ѳ. Рыльскаго, А. Лазаревскаго, В. Науменка, В. Горленка, Ц. Неймана, П. Ефименка, и т. д. Множество изслѣдованій, отдѣльныхъ свѣдѣній и замѣтокъ—о старыхъ временахъ края, о козачествѣ, Запорожьѣ и гайдамачествѣ, о народной поэзіи, кобзаряхъ и лирникахъ; множество народныхъ пѣсенъ, народныхъ преданій, наговоровъ и чародѣйствъ; старые дневники и воспоминанія (какъ напр. Ханенка, Освѣцима и др.); старый малорусскій театръ (статьи П. Житецкаго, Кузьмичевскаго); бытовые разсказы современные, изъ давняго и недавняго прошлаго (напр. И. Левицкаго, Б. Познанскаго и др.); опи-

санія отдѣльныхъ земель южнаго края и, наконецъ, весьма отчетливая библіографія и критическая оцѣнка новыхъ книгъ и изданій, касающихся южно-русской исторіи и народовѣдѣнія,—все это дѣлаетъ „Кіевскую Старину" богатымъ запасомъ историческихъ объясненій и матеріаловъ и ставитъ это изданіе въ число первостепенныхъ пособій по малорусской этнографіи. Здѣсь являются, наконецъ, свѣденія о галицкой литературѣ, у насъ вообще мало извѣстной, и т. д. „Кіевская Старина" стоитъ вдалекѣ отъ полемическихъ вопросовъ, которые поднимаются у насъ отъ времени до времени по поводу малорусской литературы и народности, и довольствуется изученіемъ фактовъ: содержаніе описываемой ею старины нерѣдко бываетъ исполнено интереса, и остается жалѣть, что къ сохраненію и болѣе пристальному изученію этой старины недостаетъ тѣхъ средствъ, пособій и возбужденій, какія даются болѣе свободнымъ развитіемъ мѣстной образовательной жизни: такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ до сихъ поръ нѣтъ мѣстнаго историческаго и этнографическаго музея, объ основаніи котораго помышляли уже (и положили начало самымъ коллекціямъ) лѣтъ двадцать тому назадъ, со времени основанія Кіевскаго отдѣла Географическаго Общества.

Основателемъ „Кіевской Старины" былъ Ѳеофанъ Гавр. Лебединцевъ. Мѣстный уроженецъ, питомецъ кіевской духовной академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1851 со степенью магистра, онъ былъ преподавателемъ въ воронежской и кіевской семинаріяхъ, а потомъ профессоромъ въ той самой академіи. Въ 1864 году онъ занялъ должность начальника холмской учебной дирекціи, въ 1872 перемѣщенъ на такую же должность въ Радомъ и, по выходѣ въ отставку въ 1882, предпринялъ изданіе „Кіевской Старины", которое велъ до 1888, когда по болѣзни передалъ изданіе въ другія руки. Въ холмскомъ краѣ ему пришлось дѣйствовать въ то самое время, когда совершалось тамъ воздѣйствіе на греко-уніатское населеніе въ духѣ присоединенія его къ православію и тѣснѣйшаго сближенія съ русской народностью. Лебединцеву,—говоритъ его біографъ,—„пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южно-русскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простого народа"; какъ говорятъ, онъ дѣйствовалъ при этомъ „съ соблюденіемъ уваженія къ языку и мѣстнымъ обычаямъ населенія". Литературная дѣятельность Лебединцева началась въ 1860 году въ періодическомъ изданіи „Руководство для сельскихъ пастырей", которое было имъ задумано и въ первые годы выходило подъ его редакціей: здѣсь помѣщено было имъ нѣсколько статей церковно-поучительнаго содержанія; затѣмъ

подобныя статьи его печатались въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ", въ „Трудахъ кіевской Духовной Академіи", въ „Вѣстникѣ юго-западной Россіи"; одна бесѣда съ поселянами, на народномъ языкѣ, напечатана была въ „Основѣ". Въ 1864 былъ имъ изданъ второй томъ „Архива" юго-западной Россіи съ документами о борьбѣ православія съ уніей въ кіевскомъ краѣ, въ половинѣ XVIII вѣка, а во введеніи—изслѣдованіе объ извѣстномъ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ. Въ 1882—1887 годахъ Лебединцевъ положилъ много труда, знанія и искусства на изданіе „Кіевской Старины", гдѣ помѣщено между прочимъ много его статей, почти всегда однако имъ не подписанныхъ.

Одно изъ лицъ, близко знавшихъ Лебединцева, говоритъ о трудѣ, положенномъ имъ на изданіе „Кіевской Старины": „Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, обставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая журналъ, она забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, чтó появляется изъ журнальнаго матеріала въ книгѣ... Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и проститъ ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнитъ только то высокое и доброе, чтó было плодами его работы... Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседекѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заявившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздерживался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что Ѳ. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаніямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ разсказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжки. Чаще всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ: К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д-ръ, Холмскій старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, разсчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника", помѣщенныя въ послѣдней книгѣ прошлаго года" [1]).

Переходимъ къ обзору того, чтó сдѣлано было въ послѣднее время по изученію южно-русской народности, касаясь лишь мимо-

[1]) Свѣдѣнія о біографіи и литературныхъ трудахъ Лебединцева см. въ „Кіевской Старинѣ", 1888, апрѣль (документы, извѣстія и пр., стр. 28—31); май (тамъ же, стр. 65—66); 1889, мартъ: „Памяти Ѳ. Г. Лебединцева", г. Сумцова, и его же статья въ „Русской Старинѣ", 1889, іюнь, стр. 725—732, и др.

ходомъ тѣхъ изученій, которыя имѣютъ только косвенное отношеніе къ собственной этнографіи. Во-первыхъ, предприняты были въ послѣднее время довольно обширныя изслѣдованія по археологіи края, цѣлью которыхъ должно быть нѣкогда опредѣленіе тѣхъ періодовъ культуры и тѣхъ этнологическихъ элементовъ, которые прошли въ въ странѣ, ставшей потомъ наслѣдіемъ южно-русскаго племени. Таковы археологическія изысканія, раскопка кургановъ, изслѣдованіе Днѣпровскихъ пещеръ, собираніе остатковъ каменнаго и металлическихъ вѣковъ и т. п., произведенныя трудами В. Б. Антоновича, Д. И. Эварницкаго, Д. Я. Самоквасова, гр. А. А. Бобринскаго, г. Мазараки, Е. Дверницкаго, г-жи Мельникъ и др. По географіи старой Малороссіи упомянутъ выше трудъ И. П. Новицкаго; кромѣ того, работали здѣсь П. Голубовскій, Эварницкій, Сумцовъ и др. По археологіи стараго Кіева, кромѣ упомянутой раньше книги Закревскаго и стараго сочиненія Крыжановскаго („Обозрѣніе Кіева“, изд. Фундуклеемъ, 1847), многое сдѣлано въ послѣднее время г. Антоновичемъ (подъ редакціей котораго изданъ былъ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874), прот. П. Г. Лебединцевымъ, г. Праховымъ (реставрація древнихъ фресковъ въ Софійскомъ соборѣ и въ особенности въ Кирилловскомъ монастырѣ, близь Кіева) и другими. Изданіе фресковъ Кіево-Софійскаго собора въ особенности выдвинуло вопросъ о древнемъ художествѣ и здѣсь замѣчательныя объясненія даны были извѣстнымъ знатокомъ древняго византійскаго искусства Н. П. Кондаковымъ [1]).

Обширную литературу представляютъ изслѣдованія историческія, съ той поры, когда исторіографія слѣдуетъ непосредственно за археологіей и до разсказовъ о самомъ недавнемъ прошломъ. Къ археологіи памятниковъ непосредственно примыкаютъ изслѣдованія о древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствахъ относительно странъ нынѣшней южной Россіи. По археологіи памятниковъ извѣстна книга: „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, издаваемыя гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ (Спб. 1889—1891, три выпуска). Здѣсь, кромѣ обзора памятниковъ, приводятся и тѣ письменныя свидѣтельства классической древности, которыя являются первыми указаніями о гиперборейскихъ и скиѳскихъ странахъ, гдѣ для древнихъ было столько загадочнаго. Первый болѣе отчетливый повѣствователь объ этихъ странахъ, „отецъ исторіи“, Геродотъ явился въ послѣднее

---

[1]) Для путешественниковъ и почитателей кіевской святыни составилъ книжку Н. Сементовскій (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; 6-е изданіе, 1881); укажемъ еще: „Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ“, В. Бублика (2-е изд., 1890, съ многочисленными фототипіями), и книгу: „Кіевъ теперь и прежде“, М. Захарченка, съ фототипіями Кульженко, предназначенную къ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руси.

время въ новомъ переводѣ Ѳ. Мищенка и снова подвергся разнообразнымъ толкованіямъ, которыя между прочимъ съ большой смѣлостью придвигали его извѣстія прямо къ даннымъ нашей начальной лѣтописи (какъ у г. Забѣлина). Новѣйшія изысканія о началѣ Руси постоянно соприкасались съ вопросомъ о судьбѣ южнаго русскаго края; рядомъ съ тѣмъ появлялись и ближайшія изслѣдованія о русской колонизаціи этихъ земель. Для древняго періода подобная работа предпринята была И. А. Житецкимъ въ рядѣ статей: „Смѣна народностей въ южной Россіи“ [1]).

Въ изслѣдованіяхъ по древней исторіи южной Руси память крещенія Руси привлекала особое вниманіе ученыхъ къ первому славянскому и русскому христіанству: таковы были важныя изысканія Е. Голубинскаго, И. Малышевскаго, А. Соболевскаго, Бережкова, Фортинскаго. Далѣе, кромѣ общихъ сочиненій о древней Руси, упомянутыхъ нами въ другомъ мѣстѣ, рядъ сочиненій посвященъ былъ изслѣдованію о южно-русскихъ земляхъ и княженіяхъ, каковы напр. труды В. Б. Антоновича, Н. П. Дашкевича (княженіе Даніила Галицкаго; Болоховская земля; Литовско-русское государство), Н. Молчановскаго (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года); П. Голубовскаго (Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка); А. В. Лонгинова (Червенскіе города, историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси, 1885); „Холмская Русь“ и „Волынь“, въ изданіяхъ П. Батюшкова; изслѣдованія по исторіи городовъ (Кіевъ, Черниговъ, Холмъ, Замостье, Бѣлгородъ, Полтава и др.).

Примыкая къ изслѣдованіямъ г. Житецкаго о смѣнѣ народностей и къ исторіи земель, поднимаетъ вопросъ объ этнологическихъ отношеніяхъ старой Руси замѣчательная книга П. Голубовскаго: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-рус-

[1]) „Кіевская Старина“, 1883, май, іюль; 1884, августъ, сентябрь и ноябрь. Предстоитъ еще продолженіе этихъ статей.

Труды этого изслѣдователя сложились особеннымъ образомъ, вслѣдствіе біографическихъ обстоятельствъ. Г. Житецкій (Иродіонъ Алексѣевичъ, род. 1851), полтавскій уроженецъ, питомецъ полтавской семинаріи и кіевскаго университета (по филологическому факультету), въ 1875—1877 былъ преподавателемъ учительскаго института въ Глуховѣ, въ 1877 поступилъ вновь въ кіевскій университетъ по медицинскому факультету, но вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ прожилъ 1880—1881 въ вятской губерніи, затѣмъ въ 1882—1885 годахъ въ астраханской. Здѣсь онъ описывалъ историческій отдѣлъ архива главнаго калмыцкаго управленія и калмыцкія дѣла центральнаго архива при губернскомъ правленіи въ г. Астрахани, и потомъ въ 1885 и лѣтомъ 1886 г., по порученію калмыцкаго управленія, занимался собираніемъ этнографическаго матеріала среди астраханскихъ калмыковъ. Съ конца 1885 состоитъ на службѣ во Владимірѣ; труды его по этнографіи калмыковъ будутъ упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

скихъ степей IX—XIII вв." (Кіевъ, 1884), гдѣ авторъ, на основаніи первыхъ источниковъ русскихъ, византійскихъ и арабскихъ, старается выяснить вопросъ о тюркскихъ племенахъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южною Русью и о томъ, какія были отношенія между этими тюрками и славянами и какое вліяніе оказало сосѣдство кочевниковъ на политическую жизнь древней Руси. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: степи до появленія печенѣговъ: племенное родство и происхожденіе кочевниковъ; Русь и кочевники; судьбы окраиннаго славянскаго населенія; кочевники у себя; нашествіе татаръ и выселеніе половецкаго народа [1]). На томъ же интересномъ вопросѣ остановился г. Безсоновъ въ статьѣ: „Мнимый туранизмъ русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ въ Россіи" (въ московскихъ „Чтеніяхъ", 1885, кн. II). По поводу извѣстной теоріи о туранствѣ русскихъ, выдѣляющей изъ него малоруссовъ, г. Безсоновъ, собирая данныя о соприкосновеніяхъ туранства съ міромъ русскимъ съ древнѣйшихъ временъ, находитъ его скорѣе именно въ Руси южной. Къ сожалѣнію, какъ почти всегда у этого писателя, факты и соображенія, не лишенныя важности, перемѣшаны съ фантазіей [2]). По исторіи разселенія малорусскаго племени въ болѣе позднюю эпоху, обширныя работы исполнены были Д. И. Багалѣемъ въ книгѣ: „Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства" (М. 1887, изъ „Чтеній" 1886 г.), гдѣ рѣчь идетъ о земляхъ нынѣшней харьковской, и частію курской и воронежской губерній. За этимъ трудомъ слѣдовали два тома „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.". Книга представляетъ обширный трудъ, построенный на архивныхъ документахъ.

Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: историко-топографическій очеркъ степной окраины моск. государства; московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича; переселеніе въ московское государство малороссіянъ до Алексѣя Мих.; русская государственная колонизація со временъ Алексѣя Мих.; малорусская колонизація съ того же времени. „Матеріалы" заняты массою архивныхъ документовъ изъ разныхъ собраній, съ 1599 г. до конца XVIII вѣка, причемъ обзоръ содержанія облегченъ указателями географическимъ, личнымъ и предметнымъ (послѣдній къ обоимъ томамъ вмѣстѣ).

Дм. Ив. Багалѣй (род. въ 1857, въ Кіевѣ, въ мѣщанской малорусской семьѣ), прошедши гимназію и университетъ въ Кіевѣ, въ качествѣ стипендіата занимался русской исторіей подъ руководствомъ проф. Антоновича и

[1]) Рецензія этой книги, А. А. Куника и В. Радлова, въ Отчетѣ о XXIX присужденіи Уваровскихъ наградъ. Рядъ менѣе крупныхъ работъ г. Голубовскаго въ „Кіевской Старинѣ" съ самаго ея основанія

[2]) Объ этой статьѣ суровый отзывъ въ „Кіев. Старинѣ", 1886, кн. 2-я: „Безсоновское туранство малороссіянъ".

Иконникова, въ 1883 былъ избранъ доцентомъ въ харьковскій университетъ, и съ 1889 занимаетъ здѣсь ординатуру. Многочисленные труды его относятся частію вообще къ русской исторіи, частію къ южнорусской исторіи, географіи и этнографіи. Отмѣтимъ нѣкоторые:

— Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол. Кіевъ, 1882.

— Удѣльный періодъ и его изученіе. К. 1883.

— Генеральная опись Малороссіи. К. 1883.

— Займанщина въ Лѣвобережной Украйнѣ XVII и XVIII ст. (въ „К. Старинѣ" и отдѣльно), 1883.

— Что желательно для русской исторической географіи? (въ трудахъ Ярославскаго археологич. съѣзда).

— Основаніе г. Харькова (въ Харьковскомъ Календарѣ, 1886).

— О необходимости изученія Курской губ. въ историко-географическомъ отношеніи (Памятная книжка Курск. губ. стат. комит. 1888).

— Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь, Харьк. 1889).

— Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (въ „К. Старинѣ" и отдѣльно, 1889).

— Три Черкасскія слободы XVIII вѣка по современному ихъ описанію („К. Стар." 1887, іюнь — іюль).

— Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества (Харьковскій Сборникъ, 1888).

— Описаніе Слободско-украинской губ. 1802 г. (Харьковскій Сборникъ, 1889).

О малорусской колонизаціи въ новѣйшее время можно указать статьи и замѣтки г. Щербины — о колонизаціи Кубанской области („К. Старина", 1883, декабрь), Евг. Максимова—о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ слободской Украйнѣ (тамъ же, 1887, сентябрь), Лебединца — Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (тамъ же, 1885, февраль) и пр.

Средній періодъ исторіи южной Руси вызвалъ многочисленныя изысканія, обнимавшія какъ внѣшнюю политическую судьбу страны въ союзѣ и въ борьбѣ съ Польшей, такъ и ея внутренній бытъ: просвѣщеніе, нравы и пр. Къ изслѣдованіямъ Костомарова и Кулиша примыкаютъ труды новаго поколѣнія ученыхъ; мы называли изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ и въ XVIII вѣкѣ гг. Антоновича, И. П. Новицкаго, Ѳ. Лебединцева; сюда принадлежатъ еще труды И. Левицкаго, Ф. Терновскаго, Ал. Лазаревскаго, г. Владимірскаго-Буданова, Иконникова, Теличенка и мн. др. Въ числѣ новѣйшихъ трудовъ г. Антоновича отмѣтимъ, въ ряду изданій Временной коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, новое собраніе южно-русскихъ лѣтописей: „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи" (Кіевъ, 1888). Время Богдана Хмельницкаго было предметомъ изслѣ-

дованія П. Бущинскаго [1]). По исторіи Запорожья, давняя книга А. Скальковскаго („Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго", второе изд., Одесса, 1846) вышла въ новомъ изданіи, дополненномъ многими документами по исторіи Запорожья (Одесса, 1885—1886, три части). Цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по исторіи Запорожья принадлежитъ Д. Эварницкому; назовемъ изъ нихъ въ особенности: „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа" (Спб. 1888), со многими рисунками и планами, съ замѣчательными данными для бытовой археологіи, и „Вольности запорожскихъ козаковъ", историко-топографическій очеркъ (Спб. 1890), съ подробной географіей старыхъ запорожскихъ земель и картами; далѣе: „Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ", „Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ", „Число и порядокъ Сѣчей" и пр.,—все это на основаніи обширнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, частью здѣсь же изданныхъ, и изслѣдованій на мѣстахъ. По исторіи гайдамачины, кромѣ упомянутаго выше изслѣдованія Ѳ. Лебединцева, труды В. Б. Антоновича, Скальковскаго („Нѣсколько документовъ къ исторіи гайдамачины", „К. Старина", 1885, октябрь; „Наѣзды гайдамакъ"), книга Мордовцева (Гайдамачина, 2-е изд. Спб. 1884), изданіе современныхъ записокъ Вероники Кребсъ („Уманьская рѣзня", переводъ съ польскаго г. Ревы, Кіевъ, 1879), матеріалы для исторіи Коліивщины или рѣзни 1768 года, Костомарова („К. Старина", 1882, августъ), „Разсказъ современника о приключеніяхъ его во время Коліивщины", съ предисловіемъ Ѳ. Рыльскаго („К. Старина", 1887, январь) и пр., и особенно книга Я. Шульгина, представляющая также отдѣльное изданіе изъ „Кіевской Старины": „Очеркъ Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ" (Кіевъ, 1890).

Затѣмъ въ „К. Старинѣ" разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и матеріаловъ о позднѣйшей исторіи козачества, его остаткахъ и развѣтвленіяхъ. Напримѣръ—свѣдѣнія о бугскихъ козакахъ А. Рудковскаго („К. Старина", 1882, ноябрь) и Скальковскаго (тамъ же, декабрь; 1883, май), А. Пишчевича (тамъ же, 1886, февраль), Лобачевскаго (1887, декабрь); „Задунайская Сѣчь", по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, Ѳ. Кондратовича (тамъ же, 1883, январь) и „Русскія въ колоніи Добруджѣ", Лупулесу (1889, январь—мартъ); „Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ" (тамъ же, 1882, іюнь) и пр.

Новѣйшая исторія козачества, превратившагося въ отдѣльныя

[1]) Разборъ его книги о Богданѣ Хмельницкомъ (Харьковъ, 1882), В. Антоновича, въ „Кіевской Старинѣ", 1883, февраль.

ласти и вѣдомства козацкихъ войскъ, вызывала гораздо болѣе уды спеціально военные и административные, чѣмъ бытовые и этноафическіе. Таковы были напримѣръ труды г. Ивана Попко, по исторіи йска черноморскаго, которое было прямымъ преемникомъ стараго порожья: „Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ ту" (Спб. 1858); его же „Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. торическій очеркъ (вып. первый). Гребенское войско" (Спб. 1880). ѣ книги заняты больше описаніемъ внѣшняго устройства и истоей военной службы, чѣмъ этнографическими особенностями козацго населенія, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи исторія черноорцевъ представляла бы особенный интересъ [1]). Черноморскому йску посвящены также труды г. Короленка, въ особенности его нига: „Черноморцы" (Спб. 1874), хотя также занятая всего болѣе оенной исторіей. Отмѣтимъ еще труды Кубанскаго областного стастическаго комитета („Кубанскій Сборникъ" и „Кубанская справочая книжка". Екатеринодаръ, 1883), изданные подъ редакціей секретаря этого комитета Е. Д. Фелицына.

Какъ большею частью писавшіе объ этихъ предметахъ были мѣстные уроженцы, такъ и Прокопій Петр. Короленко (род. 1834). Сынъ миргородскаго дворянина, прибывшаго въ Черноморье въ числѣ переселенцевъ, вызванныхъ правительствомъ на пополненіе черноморскаго козачьяго войска, онъ, безъ школьной подготовки, поступилъ 17-ти лѣтъ на службу, отчасти въ рядахъ козачьяго войска, отчасти въ войсковыхъ вѣдомствахъ Черноморья и Кубанской области. Въ 1852 году, за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ произведенъ въ урядники, потомъ въ хорунжіе, сотники, и въ 1886 оставилъ службу, переименованный уже въ гражданскій чинъ. Его первые литературные труды появляются съ 1863 года въ мѣстныхъ изданіяхъ („Кубанскія Вѣдомости", позднѣе „Казачій Вѣстникъ", 1880-хъ годовъ) и состояли отчасти въ стихотвореніяхъ, отчасти въ разсказахъ (также на малорусскомъ языкѣ) съ этнографическими чертами мѣстнаго быта; между прочимъ находимъ у него описаніе черноморской свадьбы, съ пѣснями и прибаутками („Куб. Вѣдом." 1865, № 1 — 4), и весеннихъ хороводовъ (на русскомъ яз.) съ пѣснями (тамъ же). Главнымъ трудомъ П. П. Короленка была названная книга „Черноморцы" (въ двухъ отдѣлахъ: Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани, изъ которыхъ первый изданъ былъ сначала въ „Военномъ Сборникѣ"), гдѣ исторія Черноморскаго войска изложена со времени упраздненія Запорожской Сѣчи, въ 1775, до 1842 г., когда войско было сформировано по новому положенію.

Затѣмъ нѣсколько статей г. Короленка посвящено практическимъ бытовымъ вопросамъ мѣстной жизни — поземельному дѣлу, рыболовству; отмѣтимъ еще „Путевыя замѣтки о поѣздкѣ по Закубанскому краю, въ 1866 году" (Куб. Вѣдом. 1889, № 23—29).

Войско Донское, въ которомъ значительный процентъ занятъ пле-

---

[1]) Первая изъ этихъ книгъ была вознаграждена Демидовской преміей. См. 30-е присужденіе Демидовскихъ наградъ, Спб. 1861, рецензія Костомарова.

менемъ малорусскимъ, имѣло цѣлый рядъ историковъ и описателей, изъ которыхъ назовемъ Н. Краснова: „Земля Войска Донского“ (Спб. 1863); „Историческое описаніе земли Войска Донского“ (Новочеркасскъ, 1867—72), изданное донскимъ статистическимъ комитетомъ, которому принадлежитъ также нѣсколько другихъ изданій, съ статистико-этнографическимъ матеріаломъ; „Трехсотлѣтіе войска Донского“, А. Савельева (Спб. 1870) и др. О слободскихъ козачьихъ полкахъ изслѣдованіе П. Головинскаго (Спб. 1864).

Много общихъ и детальныхъ изслѣдованій относится къ исторіи быта и нравовъ. Мы указывали уже многія работы, имѣющія отношеніе къ этой сторонѣ старой жизни. Таковы были напр. многія изслѣдованія В. Б. Антоновича („Ходыки, воротилы кіевскаго самоуправленія въ XVI – XVII в.“ и др.), И. П. Новицкаго и др. По исторіи внутренней жизни и нравовъ общества укажемъ еще въ особенности труды О. И. Левицкаго: „Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси“ (въ „К. Старинѣ“ и отдѣльно, 1882); Анна-Элоиза, княжна острожская“ („К. Стар.“ 1883, ноябрь); „Основныя черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.“ (тамъ же, 1884, авг.); „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI столѣтія и Унія“, во введеніи къ „Архиву“ (т. VI, ч. 1-я, 1884) „Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни“ (тамъ же, 1887, мартъ); „Ганна Монтовтъ; изъ жизни волынскаго дворянства XVI в.“ (тамъ же, 1888, январь—мартъ); „Очерки стариннаго быта Волыни и Украины“ (тамъ же, 1889, апрѣль, ноябрь; 1891, январь) и друг. [1]). А. М. Лазаревскій, давно уже, съ шестидесятыхъ годовъ, работающій много по малорусской исторіи, съ самаго основанія „Кіевской Старины“ участвовалъ въ этомъ жур-

[1]) Орестъ Ив. Левицкій, полтавскій уроженецъ (род. 1849), учился въ полт. духовной семинаріи, потомъ въ Кіевскомъ университетѣ, и съ 1874 состоитъ учителемъ гимназіи и секретаремъ Кіевской археографической коммиссіи. Кромѣ работъ, названныхъ въ текстѣ, укажемъ еще:

— Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст., въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1874—75.

— Шалопутство на границахъ полт. и екатеринославской губ., — рефератъ въ К. отдѣлѣ Геогр. Общ., напечатанъ въ „К. Телеграфѣ“, 1875.

— Аѳанасій Филипповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, и его дѣятельность въ защиту православія противъ уніи,—въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1878.

— Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца, при новомъ изданіи этой лѣтописи Кіевской Коммиссіей, 1878.

— О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст., въ „Русской Старинѣ“, 1880.

— Біографіи Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, въ „Памятникахъ русской старины въ зап. губ.“, Батюшкова, т. VIII, 1885,—и друг.

лѣ многочисленными работами по малорусской исторіи послѣднихъ ѣковъ, преимущественно по исторіи малорусскихъ наиболѣе извѣстыхъ фамилій и по исторіи быта. Таковъ длинный рядъ его статей дъ названіемъ: „Люди старой Малороссіи“, гдѣ проходятъ передъ ами Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки, Марковичи, олубы, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Борозды, Жураковскіе т. д. Затѣмъ отдѣльная работа была имъ посвящена фамильному рхиву Сулимъ [1]), и въ той же „Кіевской Старинѣ“ много отдѣльыхъ статей и замѣтокъ къ исторіи гетманщины, Запорожья и вобще старыхъ нравовъ. Наконецъ, обильныя данныя для исторіи млевладѣнія и сословныхъ отношеній представляетъ новый трудъ Лазаревскаго: „Описаніе старой Малороссіи (Кіевъ, 1888—89; разоръ Лучицкаго, въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1889, кн. 12). Назовемъ акже „Обозрѣніе Румянцовской описи Малороссіи“, Н. Константиновича. Чрезвычайно любопытный историческій матеріалъ доставляютъ зданныя въ „К. Старинѣ“ записки, дневники, исторіи отдѣльныхъ роовъ, какъ напр. дневникъ Николая Ханенка („К. Стар.“ 1884—86), невникъ новгородскаго подсудка Евлашевскаго, дневникъ Освѣцима 1882, въ извлеченіи и въ переводѣ), записки кіевскаго мѣщанина Божка Балыки о московской осадѣ 1612 г. (1882), записки Карла Коецкаго, 1768—76 г. (1883), записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новосербію (1883), путевыя записки отъ Смоленска до Кіева конца XVIII в. (1887); изъ новѣйшаго времени —записки новооскольскаго дворянина Островскаго-Лохвицкаго, 1771—1846 г. (1886), П. Д. Селецкаго, 1821—46 (1884); М. К. Чалаго; „Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украйнѣ 1863 г.“, Б. Познанскаго (1885) и его же другіе разсказы: „Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго“ (о школѣ и грамотности въ Кіевской губ.), „Воронежскіе хохлы“ (1885), „Что слышалось и что видѣлось“ (1886), „Воспоминаніе о рекрутчинѣ по прежнему порядку“ (1889) и др. Къ работамъ А. Лазаревскаго примыкаютъ далѣе изслѣдованія о старыхъ фамиліяхъ — Вишневскихъ, Полуботкахъ, Горленкахъ, Стороженкахъ и пр. Множество отдѣльныхъ статей и замѣтокъ доставляютъ матеріалъ для исторіи церкви, школы, управленія, суда и т. д. Наконецъ, отмѣтимъ изображенія старыхъ нравовъ въ беллетристикѣ, какъ напр. „Старосвѣтскіе батюшки и матушки“ (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія), И. Левицкаго („К. Стар.“, 1884—85).

Мы указывали раньше, что малорусскіе этнографы-собиратели и

---

[1]) Сулимовскій архивъ. Фамильныя бумаги Сулимъ, Скорупъ и Войцеховичей XVII—XVIII в. Съ пятью портретами. Кіевъ, 1884.

самые изслѣдователи всего чаще развивались подъ прямыми возбужденіями народной жизни, нерѣдко жили въ самой ея средѣ. Въ малорусскомъ обществѣ совершалось и совершается въ послѣднія десятилѣтія явленіе, весьма параллельное, иногда совсѣмъ однородное съ тѣмъ, что̀ у насъ называется народничествомъ. Это послѣднее, при различныхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, въ существѣ своемъ и главныхъ проявленіяхъ исходитъ изъ благороднѣйшихъ побужденій сблизиться съ народомъ, отъ котораго общество такъ долго было удалено рабствомъ этого народа и собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ,—и послужить народу полезнымъ знаніемъ и практическимъ содѣйствіемъ. Таже потребность нравственнаго единенія господствуетъ и здѣсь; постоянно чувствуешь, что въ подкладкѣ разнообразныхъ поисковъ въ народной старинѣ, преданіи, обычаѣ, поэзіи, лежитъ беззавѣтная преданность своему народу, желаніе сберечь характерныя выраженія его исторической и современной личности,— въ которыхъ нерѣдко видится столько своеобразнаго и симпатичнаго,—послужить ему тѣмъ, что̀ даетъ знаніе, указать и облегчить самому обществу путь сближенія съ народною жизнью,—и все это нерѣдко съ рискомъ остаться непонятымъ, навлечь подозрѣнія, испытать весьма серьезныя практическія неудобства. Одни со страстью предаются разысканіямъ археологическимъ, собирая остатки давнопрошедшихъ временъ; другіе роются въ книжной старинѣ, которая вознаграждаетъ ихъ любопытными находками, собираютъ памятники народной поэзіи и факты обычая; безвѣстные труженики ставятъ себѣ задачей изученіе живой народной рѣчи въ разныхъ краяхъ ея территоріи, предоставляя спеціалистамъ свои собранія; неутомимые, можно сказать — самоотверженные труды посвящены были здѣсь, какъ и въ области великорусской, изученію экономическаго быта, земской статистикѣ.

Вопросы этого послѣдняго рода привлекали уже вниманіе экспедиціи Чубинскаго и въ послѣднее время вызвали нѣсколько любопытныхъ трудовъ по исторіи южно-русскаго крестьянства, его обычаи въ экономической жизни и наконецъ современнаго хозяйственнаго положенія. Еще въ шестидесятыхъ годахъ вышло замѣчательное изслѣдованіе А. Лазаревскаго: „Малороссійскіе посполитые крестьяне, 1648—1783“ (въ запискахъ Черниговскаго губ. статистическаго комитета, кн. I. Черниговъ, 1866). Далѣе, Козловскаго: „Судьба малороссійскаго крестьянства XVII — XVIII вѣка“ (Кіевъ, 1871); упомянутое прежде изслѣдованіе Ив. Новицкаго о крестьянскомъ сословіи юго-западной Россіи въ XV—XVIII в. (1876); статьи Котелянскаго: „Очерки подворной Россіи“ (Отеч. Зап., 1878, № 2, 8, 9); изслѣдованіе Е. Филимонова: „О формахъ землевладѣнія въ Суражскомъ

здѣ Черниговской губерніи" (въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельхъ угодій, собр. статистическимъ отдѣленіемъ Черниговскаго земва", т. IX), и вообще богатый матеріалъ, собранный въ послѣднее емя трудами земскихъ статистиковъ, трудами, которые представютъ небывалый прежде фактъ внимательнаго изученія народнаго ıта.

Вопросъ о внутреннемъ распорядкѣ народной хозяйственной изни былъ поднятъ уже въ извѣстномъ изслѣдованіи Иванишева: О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Руси" (изд. 1857 і 1863). Передъ тѣмъ обратило на себя вниманіе изслѣдованіе). Тарновскаго: „О дѣлимости семей въ Малороссіи" (1854). Теперь, бщина въ разныхъ ея проявленіяхъ стала особеннымъ интересомъ жно-русскихъ изслѣдователей. Назовемъ, напр. книгу г Щербины: „Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ" (Одесса, 1881) и другія его изслѣдованія.

Ѳедоръ Андр. Щербина принадлежитъ къ ряду наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей народовѣдѣнія и земской статистики. По происхожденію онъ—козакъ Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго войска (род. 1849); отецъ его, простой козакъ-самоучка, за знаніе грамоты и „добру гортань" возведенъ былъ войскомъ, по старому козачьему обычаю, въ „духовника", а потомъ архіереи, согласно общественному приговору, произвели въ дьячки, діаконы и священники. Послѣ войсковаго уѣзднаго училища въ Екатеринодарѣ и семинаріи въ Ставрополѣ, съ 1872 по 1874 г. Щербина былъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи, а потомъ одесскаго университета, гдѣ числился естественникомъ, но увлекался юридическими и общественными науками. Какъ войсковой стипендіатъ, строевой службы не несъ, и съ 1880-хъ годовъ спеціально занялся земской статистикой, между прочимъ и на своей родинѣ. Первыя работы его явились въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ" (съ 1869 г.), а главнымъ образомъ съ 1876 г. въ газетахъ и журналахъ („Р. Мысль", „Сѣв. Вѣстникъ", „Отеч. Записки", „Дѣло", „К. Старина", „Устои", „Юридическій Вѣстникъ"). Работы его были посвящены исключительно народовѣдѣнію въ обширномъ смыслѣ слова. Въ „Недѣлѣ", 1876, неподписанная статья его „Малорусская штунда" доставила первыя по времени подробныя свѣдѣнія объ этой сектѣ; позднѣе: „Двойственность русскаго сектантства" („Недѣля", 1881) и „Кубанскіе шалапуты" (рядъ очерковъ въ „Р. Курьерѣ").

Общему складу умственной жизни народа посвящены его статьи: „Задачи русской общественной мысли", какъ вступленіе („Р. Мысль", 1881, мартъ); „Передача и обращеніе народныхъ знаній" (Устои", 1882, № 5); „Народное мышленіе", въ „Сѣв. Вѣстникѣ", 1890, и тамъ же „Областныя замѣтки (подъ псевдонимомъ Ф. Андреева).

Изъ бытовыхъ описаній отмѣтимъ статьи: „Русскіе черкесы", „Народный самосудъ и расправа" („Недѣля", 1877); „На путикахъ", изъ жизни вологодскихъ крестьянъ-охотниковъ („Р. Вѣдом." 1879); „Шабаи и шабайство" „Еврейскій корпоратизмъ" („Дѣло", 1884) и др.

По изученію общины, кромѣ упомянутой книги, рядъ статей: „Община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи" („Р. Мысль", 1880), гдѣ сообщены

первыя по времени свѣдѣнія о современной малорусской земельной общинѣ; нѣсколько статей о землевладѣніи и земельной общинѣ у Кубанскихъ козаковъ въ „Кубанскомъ Сборникѣ", 1881, и въ „Р. Курьерѣ", 1882, и особая книга: „Земельная община Кубанскихъ козаковъ", 1889. Упомянемъ еще „Историческій очеркъ Кубанскаго козачьяго войска", въ сборникѣ „Кубанское войско", 1888. Наконецъ спеціальныя работы по земской статистикѣ Воронежской губерніи.—Одно время живалъ и въ Вологодской губерніи.

Не менѣе разнообразны труды другого неутомимаго дѣятеля земской статистики и этнографіи, А. А. Русова. Кіевскій уроженецъ (род. 1847), онъ учился въ одной изъ кіевскихъ гимназій во времена Пирогова-попечителя, потомъ въ кіевскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ Злотополѣ и Кіевѣ; въ 1871 былъ посланъ министерствомъ за границу для осмотра гимназій; въ 1873 и въ 1875 — 76 ѣздилъ въ славянскія земли австрійскія и турецкія, занимаясь одно время славистикой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и тогда, въ „Запискахъ" этого Отдѣла, была имъ издана чрезвычайно любопытная работа о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ и исполняемыхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, при чемъ были сообщены и ихъ напѣвы (1874); далѣе: „Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ" (1876); „Нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія" (1876). Оставивъ въ 1874 учительство, онъ сталъ изучать экономическую статистику—сначала въ Черниговской губерніи (1876—80); по командировкѣ отъ московскаго Археологическаго Общества ѣздилъ въ Дагестанъ и раскапывалъ курганы; въ 1881—82 много работалъ въ газетахъ „Трудъ" и „Заря"; потомъ въ 1882—89 былъ опять статистикомъ въ Херсонской губерніи, въ послѣдніе годы—въ Харьковѣ и Полтавѣ. Въ „Земскомъ Сборникѣ" Черниговской губерніи, издав. съ 1877, была напечатана имъ „объяснительная записка къ программамъ для статистико-экономическаго описанія Черниговской губерніи" и нѣсколько подобныхъ описаній разныхъ мѣстностей этой губерніи, и отдѣльною книгой: „Нѣжинскій уѣздъ, статистико-экономическое описаніе" (Кіевъ, 1880). Въ „Сборникѣ Херсонскаго земства", съ 1883, ему принадлежитъ, кромѣ самыхъ статистическихъ работъ съ другими сотрудниками: „Программа для описанія Херсонской губерніи", „Нѣсколько выводовъ изъ статистическихъ трудовъ по Черниговской и Херсонской губерніямъ" (1888) и нѣсколько описаній отдѣльныхъ мѣстностей Херсонской губерніи. Далѣе, „Итоги земской статистики въ Харьковской губерніи" въ Харьковскомъ Сборникѣ", 1890, и „Областное начало въ земской статистикѣ" въ сборникѣ „Степь" (Херсонъ, 1886).

Въ ряду мѣстныхъ дѣятелей, работающихъ въ томъ же направленіи, назовемъ далѣе г. Шиманова (Андр. Льв., род. 1836). Харь-

ковскій уроженецъ, изъ стараго мѣстнаго рода, и питомецъ Харьковскаго университета, г. Шимановъ, какъ очень многіе въ тогдашнемъ молодомъ поколѣніи, увлекался ожиданіями всеобщаго русскаго „возрожденія" и довѣрялся его нѣкоторымъ симптомамъ; но дѣйствительность скоро напомнила о себѣ. Предположивъ сдѣлать путешествіе по Украйнѣ, чтобы ознакомиться шире съ своей родиной [1]), онъ долженъ былъ однако въ 1862 противъ собственнаго желанія побывать въ Петербургѣ и затѣмъ водвориться въ Курскѣ, гдѣ послѣ былъ редакторомъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей (1864 — 65), работалъ въ статистическомъ комитетѣ и пр., наконецъ здѣсь, потомъ въ Харьковѣ, занялся частной адвокатурой, особливо по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ упомянутаго начала, г. Шимановъ, помѣстилъ нѣсколько статей о вопросахъ провинціальнаго и народнаго быта въ „Современникѣ" [2]) и „Отеч. Запискахъ" начала 70-хъ годовъ, затѣмъ въ „Трудахъ" Курскаго губ. статистическаго комитета: „Матеріалы для статистики Кур. губ. за трехлѣтіе 1864 — 66 г.", гдѣ между прочимъ разработана статистика пожаровъ, любопытная по сравненію съ тогдашними утвержденіями Каткова о присутствіи „политическихъ" причинъ пожаровъ. Далѣе, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губ." (въ нѣсколькихъ книгахъ „К. Старины", 1882—83), статья любопытная по отношенію къ вопросу о старозаимочныхъ земляхъ, по которымъ велись дѣла у крестьянъ съ казною. Отмѣтимъ еще статью: „Предсмертная поземельная борьба Запорожья" („К. Старина", 1883, декабрь).

Не мало любопытныхъ работъ по изученію народной жизни представляютъ труды Викт. Ив. Василенка (род. 1839). Полтавскій уроженецъ, изъ стараго козацкаго рода, почти съ дѣтскихъ лѣтъ выведенный нуждою на „службу" и потомъ занимавшій мѣста, сближавшія съ непосредственною народною жизнью—по земству и по крестьянскимъ дѣламъ, г. Василенко пріобрѣлъ большой опытъ въ этой области, который примѣнялъ и въ практическихъ дѣлахъ народной жизни, и въ литературѣ. Одной своей работой онъ участвовалъ въ „Трудахъ" Коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ; затѣмъ ему принадлежатъ статьи: „Юридическіе обычаи въ земледѣліи въ Малороссіи" (Юридич. Вѣстникъ, 1881, № 9); „Очерки хозяйства сельскихъ сословій", въ Полтавскомъ статистическомъ сборникѣ, т. II — III, и отдѣльная работа о „Кустарныхъ промыслахъ сельскихъ сословій Полтавской губерніи"; „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ" („К. Старина", 1885); „Памьятковый прочуханъ" (тамъ же); „Очерки

[1]) Небольшой литературный результатъ этого, замѣтка „О путешествіи по Украинѣ", въ „Основѣ", 1862, январь.

[2]) „Изъ провинціи", „Совр." 1865, ноябрь и декабрь, и др.

Полтавщины" („Сѣверный Вѣстникъ", 1885 — 87), наконецъ, много мелкихъ статей по народному хозяйству, статистикѣ, школѣ и пр. въ мѣстныхъ южно-русскихъ изданіяхъ.

Извѣстно, наконецъ, имя заслуженнаго дѣятеля по земской статистикѣ и народовѣдѣнію, П. П. Червинскаго, члена Черниговской губернской управы, завѣдующаго статистическими работами. Замѣчательно изданіе: „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собр. Черниговскимъ статист. отдѣленіемъ при губ. земской управѣ" (15 томовъ, 1877—1887), гдѣ кромѣ обычныхъ статистическихъ данныхъ приведены также данныя изъ открытой недавно Румянцовской описи Малороссіи и по сличенію этихъ историческихъ цифръ съ нынѣшними сдѣланы любопытные выводы [1]).

Укажемъ, далѣе, статистико-этнографическія изслѣдованія профессора Кіевскаго университета И. В. Лучицкаго: „Общинное землевладѣніе въ Малороссіи" („Устои", 1882, № 7), „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" („Отеч. Зап." 1882, № 11), „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ" (въ „Земскомъ Обзорѣ", 1883, № 6), книгу его: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" (Кіевъ, 1884); „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" (Спб. 1889; разборъ, Ив. Новицкаго въ „К. Стар." 1889, іюль) [2]). Изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано было также М. М. Ковалевскимъ („Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1885, январь). Вышелъ первый выпускъ любопытнаго изслѣдованія Мих. Харузина: „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону—матеріалы для обычнаго права" (Москва, 1885).

Обычное право возбудило у насъ особенное вниманіе этнографовъ и юристовъ съ тѣхъ поръ, какъ сама жизнь поставила вопросъ объ установленіи новыхъ началъ народнаго быта—съ прошлаго царствованія, именно съ крестьянской и судебной реформы. Какъ замѣчено выше, диссертація объ обычномъ правѣ была первой научной работой Чубинскаго. Пока еще собирается отдѣльными частностями матеріалъ для полнаго изложенія обычнаго малорусскаго права; не перечисляя работъ подобнаго рода, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ

---

[1]) Ср. объ этомъ любопытную рецензію А. Русова, „К. Старина", 1888, кн. 1—3, стр. 28 — 39, критика.

[2]) Прибавимъ еще: „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ., въ XVIII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Казачьи владѣнія Золотоношскаго уѣзда; вып. I, статистическія таблицы землевладѣнія въ Полтавской губ., составленныя по „Описи малороссійскихъ полковъ" 1767 г. губернскимъ гласнымъ полтавскаго земства, И. В. Лучицкимъ". Кіевъ, 1883, 4°.

только труды А. Ѳ. Кистяковскаго. Историко-юридическіе вопросы были съ самаго начала его особымъ ученымъ интересомъ. Въ 1861 году, имъ былъ уже написанъ краткій, но весьма цѣнный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи, и впослѣдствіи онъ много работалъ для собиранія и объясненія обычнаго права; въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, какъ упомянуто выше, было имъ сообщено изслѣдованіе объ исторіи и настоящемъ положеніи волостного суда; затѣмъ, имъ составлена была „Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“ (въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1874, и 2-е дополненное изданіе, 1878), далѣе статьи: „Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву“ (тамъ же, 1876, № 6), „Обозрѣніе работъ по обычному праву“ за 1873—78 г. (тамъ же, 1878, № 4), „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“ (Зап. Географ. Общества по отдѣл. этнографіи, т. VIII), наконецъ обширное изданіе „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“ и пр., съ историческимъ объясненіемъ (въ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1875 — 1878 г., и отдѣльною книгой, Кіевъ, 1879). Работая много самъ по этому предмету, онъ старался создать школу работниковъ для изученія этой важной области, и при кіевскомъ Юридическомъ обществѣ устроилъ спеціальное отдѣленіе обычнаго права [1])...

Обильная масса данныхъ объ экономическомъ бытѣ южно-русскаго населенія, а иногда и подробностей этнографическихъ, разсѣяна въ мѣстныхъ изданіяхъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ трудахъ статистическихъ комитетовъ.

Мы указывали то отношеніе къ этнографіи, которое имѣетъ изученіе старой южнорусской письменности и новѣйшей литературы. Къ тому, что̀ упомянуто выше объ изслѣдованіяхъ по древнѣйшей кіевской письменности, присоединяются изысканія о среднемъ періодѣ малорусской литературы, гдѣ важные и полезные труды принадлежатъ П. Житецкому, И. Малышевскому, С. Голубеву, Н. П. Петрову, О. Левицкому, В. Науменку, В. Горленку, П. Владимірову, Засадкевичу, Н. Ѳ. Сумцову, И. Шляпкину (Димитрій Ростовскій), Селецкому и др. Относительно литературы XVIII и XIX вѣка замѣчательныя работы сдѣланы были особливо въ цитированныхъ выше книгахъ П. Н. Петрова, профессора Кіевской духовной академіи, вообще много трудившагося по изученію малорусской старины и заботамъ котораго обязано учрежденіе Церковно-археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи. Въ изученіи малорусской литературы въ связи съ новѣйшею судьбою народности и разработкою этнографіи замѣчательная

[1]) О Кистяковскомъ см. автобіографическую записку въ „Біограф. Словарѣ“ проф. кіевскаго унив. стр. 252—260, и некрологъ его, проф. Лучицкаго, въ „К. Старинѣ“ 1885, февр., стр. 406—415; въ „Нови“, 1885, и др.

работа, не однажды нами цитированная, исполнена была Н. П. Дашкевичемъ, труды котораго по русскому эпосу были упомянуты нами раньше [1]). Эта работа, представляя разборъ сочиненія г. Петрова объ украинской литературѣ XIX столѣтія [2]), выясняетъ вопросъ о ней въ связи съ различными отношеніями предъидущаго ея развитія и вліяніемъ новѣйшихъ условій. Трудъ г. Дашкевича распадается на нѣсколько главъ: общій взглядъ г. Петрова на ходъ развитія украинской литературы; анализъ произведеній И. П. Котляревскаго и выясненіе первоначалъ украинской литературы; отношеніе украинской литературы къ обще-русской; любовь къ народности и пробужденіе самосознанія, какъ первоисточники украинской литературы; идея народности, романтическое увлеченіе народностью и идеализація старины въ украинской литературѣ; польско-украинскіе поэты и ихъ вліяніе на украинскую поэзію; украинофильскій панславизмъ въ соединеніи съ народничествомъ; украинская литература съ начала прошлаго царствованія и общее заключеніе объ украинской литературѣ; наконецъ, разборъ группировки украинскихъ писателей, дѣленія украинской литературы на періоды, и отдѣльныхъ очерковъ жизни и дѣятельности ея писателей въ книгѣ г. Петрова, и общій выводъ. Такъ какъ книга г. Петрова была первымъ подробнымъ изложеніемъ предмета, то и разборъ г. Дашкевича получаетъ особый интересъ, тѣмъ болѣе, что рецензія во многихъ случаяхъ послужила только поводомъ къ самостоятельнымъ поискамъ и особливо къ опредѣленію общихъ принципіальныхъ условій вопроса. Укажемъ нашему читателю на этотъ трудъ г. Дашкевича, какъ на весьма полезное собраніе фактовъ и историческихъ соображеній, важное и для исторіи собственной этнографіи,—хотя нѣкоторые изъ принципіальныхъ вопросовъ остаются не отвѣченными.

Переходя къ описаніямъ непосредственнаго народнаго быта, собиранію памятниковъ, обычаевъ и поэзіи, укажемъ во-первыхъ труды уже названнаго нами [3]) П. С. Ефименка, работавшаго вообще по разнымъ отраслямъ народовѣдѣнія, и въ послѣдніе годы особливо по южной Руси. Въ „К. Старинѣ“ было помѣщено много его статей по старой исторіи, обычаю, народнымъ преданіямъ и поэзіи.

Въ 1882: „Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ университетѣ“ (январь); „Образцы обличительной литературы въ Малороссіи“ (мартъ) „Экстренные расходы изъ суммъ малоросс. коллегіи“ (май); „Послѣдній писарь войска Запорожскаго Глоба“ (августъ); „Ссыльные малороссіяне въ архан-

[1]) Т. II, глава IX.

[2]) Отчетъ о двадцать-девятомъ присужденіи наградъ Графа Уварова. Приложеніе къ LIX-му тому записокъ импер. академіи наукъ, № 1. Спб. 1888, стр. 37—301.

[3]) Т. II, глава X.

гельской губерніи 1708—1802 г.“ (сентябрь); „Откуда взялись запорожцы“, народное преданіе (декабрь).

Въ 1883: „Шпитали въ Малороссіи“ (апрѣль); „Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору“ (май); „Упыри“, изъ исторіи народныхъ вѣрованій (іюнь); „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра“ (іюль); „Братства и союзы нищихъ“ (сентябрь); „Судъ надъ вѣдьмами“ (ноябрь).

Въ 1884: „Попытка околдовать волостной судъ“ (мартъ); „Могилы гетманцевъ въ г. Лебединѣ“ (апрѣль); „Присяга духовенства“ (май).

Въ 1886: „Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ“ (мартъ); „Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 г.“ (май); „Околдованіе начальства“ (май); „Переобмундированіе воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII столѣтія“ (іюль).

Въ 1887: „Псальма XVIII столѣтія“ (августъ).

Въ 1888: „Экономическія замѣтки и матеріалы“ (апрѣль).

Г-жѣ А. Е. Ефименко принадлежатъ статьи: „Копные суды въ лѣвобережной Украйнѣ“ (К. Стар. 1885, октябрь); „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова“ (1888, октябрь); „Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в.“ (1890, іюнь).

Выше было говорено о трудахъ г. Сумцова, посвященныхъ разнымъ вопросамъ общей русской этнографіи [1]). Въ частности много другихъ трудовъ его посвящено южнорусской литературной старинѣ и этнографіи. Таковы его изслѣдованія по малорусской литературѣ XVI вѣка („Іоаннъ Вышенскій“, К. Стар. 1885, апрѣль), „Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка“ (1885, январь) и нѣсколько монографій о писателяхъ этого вѣка, наконецъ рядъ статей по малорусской народной словесности, обычаямъ и преданіямъ, печатанныхъ главнымъ образомъ въ „Кіевской Старинѣ“.

Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ работъ:

Въ 1885: Малорусскія фамильныя прозванія; Губернскія вѣдомости, какъ пособія при изученіи русской исторіи и этнографіи (февраль); Религіозно-миѳическое значеніе малорусской свободы (мартъ); Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ (іюль).

Въ 1886: Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу (январь); Научное изученіе колядокъ и щедривокъ (февраль); Досвѣтки и посидѣлки (мартъ); Коломыйки (апрѣль); Малорусскія пьяницкія пѣсни (іюнь); малорусская географическая номенклатура (іюль); мѣстныя названія въ украинской народной словесности (октябрь).

Въ 1887: Туръ въ народной словесности (январь); очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ (іюнь—іюль, сентябрь, ноябрь).

Съ 1888, г. Сумцовъ началъ печатаніе въ „Кіевской Старинѣ“ статей подъ названіемъ: „Культурныя переживанія“, которыя вышли затѣмъ отдѣльною книгой (Кіевъ, 1890).

Въ сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго Общества (Харьковъ, 1891, т. III) г. Сумцовъ напечаталъ статью: „Колдуны, вѣдьмы и упыри“ (библіографическій указатель).

---

[1]) Т. II, глава IX.

Нѣсколько работъ по старой южно-русской письменности, народной поэзіи и языку принадлежитъ г. Науменку. Изъ стараго козацкаго рода полтавской губерніи, г. Науменко (Владим. Павл., род. 1852) изъ семьи вынесъ любовь къ народной рѣчи, опредѣлившую и дальнѣйшія его занятія; съ 1869 по 1873 онъ былъ въ кіевскомъ университетѣ по филологическому факультету и съ окончанія курса состоитъ преподавателемъ одной изъ кіевскихъ гимназій.

Ему принадлежатъ слѣдующія работы, имѣющія отношеніе къ исторіи малорусской литературы и къ этнографіи:

— Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошкѣ („Кіев. Стар.", 1883, іюнь).

— Хронографы южно-русской редакціи („Журн. мин. просв." 1885, май).

— Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ („Кіев. Стар." 1885, май).

— Новелла Боккаччьо въ стихотворномъ южно-русскомъ пересказѣ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка (тамъ же, 1885, іюнь).

— Къ литературной исторіи рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ (тамъ же, 1888, № 1—3).

— Къ 50-тилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго (тамъ же, 1888, ноябрь).

— Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1880—82 гг. (тамъ же, 1889, февраль).

— Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ, 1889.

То направленіе изученій народной поэзіи, которое выразилось изданіемъ „Историческихъ пѣсенъ" и сравнительными изслѣдованіями народныхъ поэтическихъ миѳовъ и преданій, г. Драгоманова, продолжается потомъ другими трудами въ этой области. Таковы изслѣдованія М. Т—ва, въ статьѣ по поводу экспедиціи Чубинскаго („Вѣстн. Евр.", 1877, мартъ); въ „Матеріалахъ и замѣткахъ объ украинской народной словесности" („К. Старина", 1882, ноябрь; 1883, декабрь), гдѣ авторъ останавливается на пѣснѣ о взятіи Азова, на сближеніи: „Степанъ Разинъ — козакъ Гарасимъ", на вопросѣ о малорусской вертепной комедіи, на преданіи о песиголовцахъ. Таково далѣе изслѣдованіе К. Ѳ.: „Корделія-Замарашка" („Вѣстн. Евр." 1884, ноябрь), гдѣ между прочимъ указаны и малорусскія повторенія того сказочнаго мотива, который послужилъ темой шекспировскаго „Короля Лира"; другая статья, К. Г., даетъ подобныя сравненія сюжетовъ: „Два малороссійскихъ *фаблю* и ихъ источники" („Вѣстн. Евр." 1887, іюль). Нѣсколько изслѣдованій въ томъ же сравнительно-историческомъ направленіи помѣстилъ П. Кузьмичевскій въ „К. Старинѣ": „Старѣйшія русскія драматическія сцены" (1885, ноябрь); „Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности" (1886, февраль, мартъ; и замѣтка по ихъ поводу, октябрь); „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ" (1887, мартъ, апрѣль); „Шолудивый

Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ" (1887, августъ, октябрь). Всѣ названныя изслѣдованія чрезвычайно интересны какъ первые опыты сравнительнаго изученія малорусскихъ легендарныхъ темъ и представляютъ для этого сравненія матеріалъ, собранный изъ большой начитанности.

Упомянемъ далѣе многочисленныя статьи и замѣтки В. П. Горленка, разсѣянныя также въ „Кіевской Старинѣ". Не упоминая тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ рецензіи и замѣтки по современной южно-русской литературѣ, по исторіи и экономіи, замѣтимъ статьи, имѣющія ближайшее отношеніе къ этнографіи и обыкновенно богатыя любопытными указаніями.

— Бандуристъ Иванъ Крюковскій. Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой („К. Стар." 1882, декабрь), и позднѣе, его некрологъ (1885 августъ).

— Старинные малороссійскіе портреты (1882, декабрь).

— Три псальмы (1883, февраль).

— Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго (1883, май), — любопытныя черты къ біографіи начинателя новой малорусской литературы.

— Варіантъ пѣсни о правдѣ (тамъ же, августъ).

— Кобзари и лирники (1884, январь, декабрь).

— Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными (1884, февраль).

— Кіевъ въ 1799 году (1885, мартъ).

— Французскій путешественникъ на Украйнѣ (1885, декабрь) — о книгѣ графа де-Лагарда: Voyage de Moscou à Vienne, 1824.

— Картинки старины (1887, апрѣль), кіевскій спектакль начала XVIII вѣка.

— Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (1887, іюнь — іюль), сборникъ С. Н. Исаевича съ предисловіемъ г. Горленка, гдѣ указано, что было писано раньше о малорусскихъ играхъ.

— Украинскія легенды во французскомъ журналѣ (1888, май: рѣчь идетъ о Revue des traditions populaires).

Нѣсколько весьма цѣнныхъ работъ по старинѣ и объясненію малорусской народной поэзіи далъ г. Нейманъ (Цеславъ Гермог.), одинъ трудъ котораго мы упомянули выше, говоря объ этнографическихъ изданіяхъ Краковской Академіи. Кромѣ многихъ рецензій въ „К. Старинѣ", онъ помѣстилъ тамъ же статьи: „Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни" (1883, августъ); „Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка" (1884, май); „Судъ божій надъ душой грѣшника" (1884, іюнь)—южнорусская драма конца XVII вѣка, съ предисловіемъ; „Любопытная книжка конца XVIII столѣтія" (1884, іюль)—„Книжиця для господарства", безъ заглавнаго листа, потому неизвѣстно, гдѣ и когда печатанная, на малорусскомъ языкѣ; „Старая Брацлавщина и ея люди" (1889, октябрь; 1890, августъ). Отмѣтимъ еще рецензіи книги А. А. Потебни: „Объясненія малорусскихъ и срод-

ныхъ нар. пѣсень“ (1884, апрѣль) и „Покутья“, Оскара Кольберга (1884, май), и замѣтку объ „украинской злополучницѣ“ (1883, май).

Назовемъ дальше трудъ Х. Ящуржинскаго: „Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя“, въ сравненіи съ великорусскими (Варш. 1880,—изъ „Р. Филол. Вѣстника“); — изслѣдованіе Н. А. Янчука, секретаря Этнографическаго Отдѣла въ Московскомъ Обществѣ Ест., Антр. и Этн. и редактора „Этнографическаго Обозрѣнія“: „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Сѣдлецкой губерніи“, по собраннымъ лично матеріаламъ (М. 1886, 4°); С. Брайловскаго: „Похоронныя причитанія южнаго края“ (Р. Филол. Вѣстникъ, 1884, т. XII, стр. 181 и др.) и „Малорусская похоронная причеть и миѳическое ея значеніе“ (К. Стар. 1885, сентябрь); — В. Каллаша, „Палій и Мазепа въ народной поэзіи“ (Этногр. Обозрѣніе, 1889, кн. II); Валеріана Боржковскаго, „Лирники“ (К. Старина, 1889, сентябрь) — по наблюденіямъ въ разныхъ мѣстахъ Подоліи; М. К. Васильева, „Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ“ (тамъ же. 1889, августъ, сентябрь).

Значительную массу важнаго матеріала представили, кромѣ упомянутыхъ ранѣе, частные сборники произведеній народной поэзіи, преданій, суевѣрій, легендъ и т. д. Таковы напр.: А. А. Потебни, „Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII вѣка“ (К. Старина, и отдѣльно, 1890), тексты съ предисловіемъ;—Заговоры на просо и пшеницу, Н. И. („К. Стар. 1884, дек.);—Знахарство, шептанье и заговоры (1885, дек.);—Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту, А. Ѳ. Кистяковскаго (1882, іюль);—Всенародное купанье вѣдьмъ, Цыбульскаго (Ѳ. Лебединцева; 1885, ноябрь);—„Письмо къ 3 дьяволамъ“ (1884, іюнь);—В. Б. Антоновича, „Заклинанія противу чаръ“ (Этнограф. Обозрѣніе, 1890, кн. V), два текста XVII-го столѣтія;— П. И., „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ“ (тамъ же, кн. V—VI) и др.

Рядъ небольшихъ сообщеній историческо-бытового содержанія далъ г. Манджура въ „К. Старинѣ“: „Запорожское расхищеніе“ (1882, февраль), двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли; „Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ“ (тамъ же, мартъ); „Панщина въ пѣсняхъ и молитвахъ“ (тамъ же, май); „Украинская гетера“ (1883, январь), типъ, изображенный въ пѣснѣ; „Талавира“ (тамъ же, апрѣль), пастушеская пѣсня; „О богатыряхъ“ (1888, августъ); „Легенда о нюхаряхъ“ (1888, май); „Рождественская вечеря“ (1889, январь) „Легенда о Петровомъ батогѣ“ (тамъ же, сентябрь). Не перечисляемъ подобныхъ сообщеній Левченка, Мацѣевича и иныхъ съ изложеніемъ народныхъ преданій и разсказовъ, вѣрованій и примѣтъ, текстами народныхъ пѣсень, особливо въ „К. Старинѣ“, и упомянемъ еще о

трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада" (Кіевъ, 1883) помѣстилъ весьма полезный „Покажчикъ", т.-е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіевской Старинѣ" и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка народнихъ малоруськихъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь" (Одесса, 1890), гдѣ въ послѣсловіи читатель найдетъ подробный указатель литературы этого предмета, начиная съ 1829 года.

Были сдѣланы попытки изложенія общаго характера и содержанія малорусскаго народнаго міросозерцанія, напр. работы П. И.: „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ внѣшнему міру" (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда Харьк. губ.,—въ „Харьковскомъ Сборникѣ", вып. 2-й, 1888) и „Народные обычаи, повѣрья, примѣры, пословицы и загадки, относящіеся къ малорусской хатѣ" (тамъ же, вып. 3-й, 1889); М. К. Васильева, „Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа" (Этнограф. Обозрѣніе, 1890, кн. IV); статьи Ѳаддея Рыльскаго: „Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія" („К. Стар." 1888, ноябрь; 1890, сентябрь—ноябрь).

Наконецъ, изслѣдованія по языку. Онѣ не были многочисленны. Кромѣ упомянутыхъ работъ по старой исторіи малорусскаго языка А. Соболевскаго, П. Житецкаго, книжки В. Науменка, назовемъ второе изданіе „Словаря живаго народнаго языка русскихъ южанъ" Ф. Пискунова (Кіевъ, 1882; разборъ А. Соболевскаго въ „Р. Филол. Вѣстникѣ", 1883, т. IX); отрывки словаря К. Шейковскаго [1]); опыты изученія мѣстныхъ нарѣчій, какъ напр. замѣтки о русскихъ говорахъ Сѣдлецкой губерніи, свящ. С. Желеховскаго (Р. Филол. Вѣстн. 1884, т. XI); образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной части Харьковской губ., М. Халанскаго (тамъ же, 1882, т. VII). Въ упомянутой статьѣ В. Боржковскаго о лирникахъ сообщены были замѣчанія объ особомъ языкѣ лирниковъ; на томъ же вопросѣ остановился Ѳ. Д. Николайчикъ, въ статьѣ: „Отголосокъ лирницкаго языка" (К. Стар., 1890, апрѣль), гдѣ онъ между прочимъ указывалъ большое совпаденіе лирницкаго языка съ языкомъ шаповаловъ Черниговской губерніи. Отмѣтимъ еще В. Долопчева, „Опытъ словаря неправильностей русской разговорной рѣчи, преимущественно въ южной Россіи" (Р. Филол. Вѣстн. 1886, т. XV).

Въ „К. Старинѣ" 1884 (мартъ) г. Горленко вспомнилъ „107 лѣтъ южнорусской этнографіи" по тому случаю, что столько лѣтъ прошло съ изданія

---

[1]) См. также его замѣтки о галицкомъ словарѣ Верхратскаго (Львовъ, 1877) въ „Р. Филол. Вѣстникѣ", 1880, т. III, также т. IV; 1885, т. XIII.

книжки Григорія Калиновскаго: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ“, весьма любопытной для того времени. Книжка давно составляетъ библіографическую рѣдкость, была поэтому перепечатана въ „Архивѣ“ Калачова и недавно снова повторена въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ (вып. 3, 1889), гдѣ она умѣстилась на двѣнадцати страницахъ [1]).

Собственно, южнорусской этнографіи можно считать больше времени. Не говоря о множествѣ фактовъ этнографическаго интереса, разсѣянныхъ безнамѣренно въ собственной южнорусской литературѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ, у польскихъ историковъ казацкихъ войнъ, еще съ XVII-го вѣка появляются, у писателей иностранныхъ, опыты описанія самой страны съ замѣтками этнографическаго содержанія. Такова была извѣстная книга Боплана (первое изданіе, Руанъ, 1651); затѣмъ можно назвать рядъ иностранныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ въ свое время особливо отношеніями южной Россіи и козачества къ Польшѣ, Турціи и татарамъ. Напримѣръ:

— Pierre Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. Paris, 1663.

— A Discourse of the original, countrey, manners, government and religion of the Cossacks, with another of the Precopian Tartars, and the History of the wars of the Cossacks against Poland. (Изъ Шевалье перевелъ Edw. Brown). Лонд. 1672.

— Summarisch, doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen. Insonderheit Podolien (oder der sogenannten Ukranie) und angräntzender Landschaften etc. durch J. H. S. Nürnberg, 1672.

— Joach. Pastorius, Bellum Scythico-Cosacicum и пр. Dantisci, 1652, и его же Historiae polonae plenioris partes duae (или Historiae polonae pars prior. Interserta Cosacorum et Tartaricae simul gentis descriptio, ac multa alia. Gedani, или Dantisci, 1680—85).

— Hauteville, Polnischer Staat... insonderheit aber von dem Zustande des Landes Ukraine und der Vestung Caminieck Podolsky deutlich gehandelt wird. Cölln, 1697.

— Lo stato presente di tutti i paesi e popoli del mondo. Vol. VII. Della Turchia... e de' Cosacchi Zaporowski. Venezia, 1739.

Прибавимъ еще нѣсколько болѣе позднихъ изданій.

— Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporogen Kosacken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume Zeit um die Gegend der Wohnungen dieser Leute aufgehalten hat. Mit dem genauen Portraite eines Befehlshabers dieser Kosacken. Pappenheim in Franken, 1789.

— J. P. Pöhlmann, Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten, Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen. Mit einem illuminirten Kupfer. Petersb. 1799. Тоже, Wien und Prag, 1812.

— Die Kosaken, wie solche im Jahre 1799 waren, und durch Deutschland zogen. S. l. et a.

— (Reuschel), Statistisch-psychologischer Schattenriss der ehemaligen Provinzen Volhynien und der Ukraïne. Petersb. 1804.

— The history of the manners and customs of the Cossacks и пр., 3-е изданіе, „with considerable additions“. Лонд. 1813. Всего 20 страничекъ; между

---

[1]) Отмѣтимъ неаккуратность. Въ предисловіи Н. С. говорится постоянно о выходѣ книжки въ 1777 г., а въ заглавіи поставленъ 1776.

прочимъ: specimens of their love songs, и пр. Приведено два образчика любовныхъ пѣсенъ, въ англійскомъ переводѣ.

Упомянемъ еще вкратцѣ объ этнографической литературѣ южноруссовъ внѣ предѣловъ Россіи [1]). Въ разработкѣ исторіи этого отдѣла южно-русскаго племени, кромѣ названныхъ выше русскихъ ученыхъ, много работали ученые галицкіе, изъ которыхъ давнею и заслуженною извѣстностью пользуются имена Исидора Шараневича (писавшаго по галицко-русски и по польски), Ант. Петрушевича [2]); трудъ Качалы, писанный по-польски, переведенъ былъ на русскій языкъ въ „Кіевской Старинѣ" [3]). По исторіи южно-русской литературы мы указывали выше трудъ Е. Огоновскаго. Въ частности, для обозрѣнія новѣйшей галицко-русской литературы можетъ съ пользою служить весьма обстоятельно составленная „Библіографія" Левицкаго [4]); въ законченномъ первомъ томѣ заключаются данныя до 1860 г., за періодъ „до-конституціонный". Каталогъ расположенъ погодно; для изданій рѣдкихъ и важныхъ приведены подробныя оглавленія; за каталогомъ слѣдуетъ азбучный указатель—по именамъ писателей, по заглавіямъ сочиненій безъименныхъ, наконецъ, по рубрикамъ самыхъ произведеній (напр., грамматика, драмы, „музыкалія", переводы, пѣсни, повѣсти и т. д.); въ предисловіи сдѣланы подробныя статистическія вычисленія—выведены цифры о числѣ книгъ по *годамъ*, по *языку*, по *мѣстамъ печати* (въ Галиціи или внѣ ея), по *шрифтамъ* (кирилловскій, гражданскій, латинскій), по *отраслямъ наукъ*, по объему книгъ [5]).

Въ собственно этнографическихъ изученіяхъ самымъ капитальнымъ трудомъ является сборникъ Я. Ѳ. Головацкаго: „Народныя

---

1) См. о литературѣ галицкой и угорской (венгерской) Руси въ „Ист. слав. литер.", т. I.

2) Изъ сочиненій Петрушевича отмѣтимъ книгу, имѣющую отношеніе къ этнографіи: „Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣтъ, гаданій". Львовъ, 1865 (104 стр.; изъ „Временника" Ставропигійскаго института за 1866 г.).

3) О новѣйшей разработкѣ галицкой исторіи см. статьи И. А. Линниченка: „Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси", въ Журн. мин. просв., 1891, май и дал.

4) Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзгляднеиьемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. Львовъ, 1887—1888, 7 вып., составившихъ 1-й томъ, 4°. (См. объ этой книгѣ „В. Евр.", 1889, октябрь; отзывъ въ „К. Старинѣ").

5) Тѣмъ же И. Е. Левицкимъ составлена „Галицко-русская библіографія" за 1887 и за 1888 годы, — то и другое какъ отдѣльный оттискъ изъ „Литературнаго Сборника" за 1887—1888 г.

пѣсни Галицкой и Угорской Руси", печатаніе которыхъ начато было въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества исторіи и древностей въ 1863 и закончено въ 1878, составивъ три части, въ четырехъ большихъ томахъ, съ этнографической картой и многими объясненіями къ пѣснямъ. Не повторяя того, чтó было говорено нами въ другомъ мѣстѣ [1]), упомянемъ только, что въ послѣдніе годы явились новые матеріалы для исторіи старой дѣятельности Головацкаго на родинѣ,—главнымъ образомъ изъ его собственныхъ сообщеній. Его послѣдняя жизнь прошла въ Россіи: онъ состоялъ предсѣдателемъ виленской археографической коммиссіи [2]).

Для этнографическаго изученія Галицкой и Угорской (Венгерской) Руси, послѣ сборника Головацкаго не было сдѣлано сколько-нибудь значительнаго собранія подобнаго рода; появлялись только небольшіе отдѣльные сборники пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи, описанія обычаевъ и т. п., разсѣянные по сборникамъ, журналамъ и газетамъ,—какъ напр., „Временникъ Ставропигійскаго Института", „Литературный Сборникъ", издаваемый галицко-русской Матицей подъ ред. Дѣдицкаго, „Правда", „Зоря", „Бесѣда" (приложеніе къ „Страхопуду"), „Миръ", „Дѣло", „Слово", „Школьная Часопись" и др., гдѣ помѣщались подобные матеріалы и замѣтки Генрика Полянскаго, Даніила Лепкаго, Ореста Авдыковскаго, Евгенія Фенцика, Романа Заклинскаго, Ольги Франко и др.

Замѣчательная, въ галицко-русскихъ условіяхъ, работа сдѣлана была Е. Желеховскимъ по малорусскому словарю. Евгеній Желеховскій род. въ 1844, учился въ гимназіи и въ университетѣ въ Бережанахъ и во Львовѣ, былъ потомъ учителемъ въ Перемышлѣ и, наконецъ, преподавателемъ классической филологіи и русской словесности въ Станиславовѣ. Еще на школьной скамьѣ онъ былъ въ числѣ основателей товарищества „Просвѣта", въ которомъ послѣ былъ ревност-

---

[1]) Исторія слав. литературы, 2-е изд., т. I; ср. выше, глава IV и VIII.

[2]) Біографическія свѣдѣнія о Головацкомъ (1814—1888) см. въ некрологѣ, Журн. мин. просв. 1888, № 6; біографія и портретъ въ „Нивѣ" 1888, № 39; біографическій очеркъ, Θ. Истомина, въ „Извѣстіяхъ Спб. слав. благотворит. Общества", 1888, № 4—5; см. также „Историч. Вѣстникъ", 1888, № 7; „Правосл. Обозрѣніе", 1888, № 5—6.

Сочиненія его молодыхъ лѣтъ были переизданы, вмѣстѣ съ сочиненіями его современниковъ и друзей Маркіана Шашкевича и Вагилевича, въ „Русской Библіотекѣ", И. Онышкевича (Львовъ, 1884), гдѣ сообщено много важныхъ библіографическихъ указаній, между прочимъ объ его анонимныхъ нѣмецкихъ брошюрахъ въ защиту галицко-русской народности. Затѣмъ, выше упомянуты отрывки изъ его воспоминаній въ „Литературномъ Сборникѣ" Богдана Дѣдицкаго, 1885; въ томъ же сборникѣ, за 1886—продолженіе воспоминаній, о путешествіяхъ Головацкаго въ Прикарпатской Руси и въ Венгріи, стр. 88—100.

нымъ дѣятелемъ въ Станиславовѣ. Это былъ горячій патріотъ, неустанно работавшій на пользу народнаго образованія.

„Не було руско-народного товариства, — говоритъ одинъ изъ его біографовъ, — котрогобъ не бувъ основателемъ, дѣйстнымъ або хочь спомагаючимъ членомъ, не було часописи и якого нибудь выдавництва зъ щиро рускою тенденціею, котрôбъ не числили его мѣжь своимы постôйными вôдбирателями и предплатниками. Горячій патріотизмъ, правôсть характеру, тверда вѣра въ красшу будучнôсть народу руско-украиньского, незвычайно вытревала праця зъ посвяченемъ личныхъ взглядôвъ и выгôдъ знаменували кождый его подвигъ. Справою руско-украиньскою вôнъ живъ и дыхавъ... Нѣ одно літературне або и політичне выдавництво, почавши вôдъ „Правды“ въ 70-тыхъ рокахъ, не лишилось безъ его помочи и цѣнной рады...

„Въ цѣлой Станіславôвщинѣ мавъ покôйникъ велике поважане у всѣхъ, котрû его знали; нарôдъ любивъ его мовь рôдного батька. Не було днины, въ котрôй бы селяне не вôдвѣдували свого найщиршого друга, що приймавъ ихъ зъ отвертыми раменами, запомагаючи ихъ цѣнными радами, книжками, та заохочуючи ихъ до закладаня читалень, брацтвъ тверезости, шпихлѣрôвъ, крамниць и т. п. Но не тôлько селяне его вôдвѣдували: вôнъ также вразъ зъ иншими выбиравъ ся въ гостѣ до нихъ, уряджуючи по селамъ або такожь и въ Станіславовѣ дуже займаючû выклады, въ котрыхъ дотычнû науки яко прибранû въ незвычайно приманюючу и легку форму лишались на довго въ памяти цѣкавыхъ слухачѣвъ; згаданû выклады стягали сотки охочихъ науки—а покôйникъ несучи свѣтло науки мѣжь меншихъ незрячихъ братôвъ чувъ ся найщасливѣйшій и справдѣ раювавъ. Та не лише мѣжь селянами мавъ вôнъ такъ велике значѣне и повагу: вся интелігентна верства рускои суспôльности въ Станіславôвщинѣ вважала его своимъ провôдникомъ, на котре то почестне мѣсце завели его незвычайна приступнôсть для кождого, невымушена щирôсть и сердечнôсть, ангельска доброта серця, правый характеръ и взорцевый та мовь кришталь чистый патріотизмъ“.

Это былъ такимъ образомъ „народникъ“ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ просвѣщенный, ревностно работавшій для народа и непосредственно ему извѣстный и близкій. Еще въ молодые годы желаніе познакомиться съ народною словесностью побудило его записывать народныя пѣсни и разсказы, и отсюда же возникла мысль предпринять его важнѣйшій трудъ, Словарь. Желеховскій умеръ въ 1885 году, и его похороны собрали массы людей изъ всѣхъ слоевъ народа.

Главнымъ трудомъ его былъ малорусско-нѣмецкій словарь [1]). Онъ началъ выходить выпусками съ 1882 года и остался неконченнымъ; по смерти Желеховскаго довершеніе словаря взялъ на себя, по высказанному имъ желанію, одинъ изъ его друзей, Софронъ Недѣльскій (Недільский): матеріалъ, далеко не вполнѣ подготовленный, былъ дополненъ Недѣльскимъ по книжнымъ источникамъ, а именно по тру-

[1]) Малоруско-німецкий Словар, уложивъ Євгений Желеховский. Два тома. Львовъ, 1886; VIII и 1117 стр.

дамъ Закревскаго, Пискунова, Верхратскаго, Магуры [1]) и (буква *т*) Шейковскаго [2]).

Главнѣйшій авторитетъ по малорусскому языку и словесности есть въ Галиціи Ем. Огоновскій, многократно нами упомянутый какъ авторъ „Studien“ и исторіи русской (южно-русской) словесности.

Докторъ Емельянъ (Омелянъ, Emil) Огоновскій есть одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей галицко-русской литературы. Онъ происходитъ, какъ многіе изъ этихъ дѣятелей, изъ семьи сельскаго священника (род. 1833), прошелъ низшую школу и гимназію въ Бережанахъ и во Львовѣ и кончивъ, въ 1857, теологическій курсъ, въ 1858 посвятился въ духовное званіе, былъ помощникомъ катехизатора во львовской гимназіи и преподавателемъ классической филологіи, и получивъ въ 1865 степень доктора по классической филологіи, русскому и польскому языку, вступилъ во львовскій университетъ, по нашему, адъюнктомъ, а съ 1870 профессоромъ. Свое литературное поприще онъ началъ, съ 1860 года, стихотвореніями, повѣстями, драмами (еще въ 1885 онъ написалъ для народнаго русскаго театра трагедію „Гальшка Острожска“, которая и дана была съ большимъ успѣхомъ), но затѣмъ отдался почти исключительно трудамъ по языку и исторіи литературы, въ ученомъ и учебномъ направленіи. Главные труды его были нами цитированы выше. По исторіи новѣйшей литературы укажемъ еще его книжки: „Маркіянъ Шашкевичъ. Про его жите и письма... читанка для селянъ и мѣщанъ“ (Львовъ, 1886); „Критично-естетичный поглядъ“—на разныя произведенія Шевченка, и др. Его точка зрѣнія на исторію и современное положеніе южной Руси была нами отмѣчена по поводу его исторіи литературы и книги о языкѣ: это—крайне исключительный взглядъ галицкаго патріотизма, противопоставляющій „Русь“ и „москалей“ и къ послѣднимъ весьма неблагосклонный. Такой взглядъ онъ внушаетъ читателямъ даже въ популярныхъ книжкахъ, какъ напр. въ названной біографіи Шашкевича. Объ этой крайности мы пожалѣли бы тѣмъ болѣе, что русская жизнь бытовая и литературная въ Галиціи очень мало извѣстны [3]). Само собою разумѣется, что это—не личная точка зрѣнія, а взглядъ цѣлой доли галицкаго общества, созданный многоразличными условіями мѣстныхъ отношеній.—Упомянемъ еще, что Огоновскому принадлежитъ статья: Kleinrussen (ethnographisch, ge-

---

[1]) Въ „Галичанинѣ“, I.

[2]) О Желеховскомъ см. некрологи въ галицкихъ изданіяхъ, и „Кіев. Старину“ 1885, мартъ, стр. 591; также „Илюстрованный Календарь“ товарищества „Просвѣта“ на 1886 г.

[3]) Біографическія свѣдѣнія въ „Илюстрованомъ Календарѣ“ товарищества Просвѣта за 1886 г. (Львовъ, 1885, стр. 47—51).

schichtlich und literarhistorisch), въ извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера.

По описанію старыхъ памятниковъ галицко-русской письменности, въ связи съ вопросами о языкѣ и народной жизни, упомянемъ труды Я. Головацкаго, А. Петрушевича, Ис. Шараневича, и въ новѣйшее время профессора славянской филологіи въ Черновцахъ, Е. І. Калужняцкаго [1]; далѣе, трудъ В. В. Макушева: „Южно-русскія сказанія по рукописи библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ" (Журн. мин. просв. 1881, № 9), и тѣ же сказанія изданы были потомъ въ Галиціи д-ромъ Ом. Калитовскимъ, въ книжкѣ: „Матеріалы до рускои литературы апокрифичнои" (Львовъ, 1884; „библіотека Зорѣ").

Нѣсколько работъ по малорусскому языку появилось въ послѣдніе годы въ „Архивѣ" Ягича. Таковы изслѣдованія Клем. Ганкевича [2], Ст. Смаля-Стоцкаго [3] и рано умершаго талантливаго польскаго филолога Яна Гануша [4].

Для Руси Угорской лучшій этнографическій трудъ представляетъ книга Гр. А. Де-Воллана: „Угро-русскія народныя пѣсни" (Спб. 1885, изъ XIII-го тома Записокъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи). Составитель книги былъ самъ на мѣстахъ и получилъ отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ собирателей довольно обширный матеріалъ, который изданъ имъ съ объяснительными свѣдѣніями; Ѳ. М. Истоминъ, подъ редакціею котораго печатался сборникъ г. Де-Воллана, присоединилъ также указаніе того, что̀ имѣется въ нашей литературѣ о русскихъ въ Венгріи [5].

Къ тому, что̀ было приведено мною въ другомъ мѣстѣ [6], можно указать еще лишь немногое въ нашей литературѣ,—напр., изслѣдованіе А. Г. Семеновича: „объ особенностяхъ угро-русскаго говора" [7];

---

[1]) Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ, 1877. (Краткій разборъ въ „Архивѣ" Ягича, III, стр. 180—181).

— Его же: „О распространеніи и современномъ значеніи славянскаго крачунъ-корочунъ"; „Къ исторіи странствованій Сна Богородицы", въ томъ же „Архивѣ", т. XI.

[2]) Разборъ грамматики Осадцы, переизданной Онуфріемъ Лепкимъ и И. Онышкевичемъ, въ „Архивѣ" Ягича, т. III; „Къ ученію о малор. удареніи", тамъ же, т. II, и Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinruss., тамъ же, т. XI.

[3]) Ueber die Wirkung der Analogie in der Declination des Kleinrussischen, въ „Архивѣ", т. VIII—IX.

[4]) Объ удареніи существительныхъ въ малорусскомъ языкѣ, въ „Архивѣ", т. VII.

[5]) О книгѣ Де-Воллана см. замѣчанія В. Горленка въ „К. Старинѣ", 1886, январь.

[6]) Исторія слав. литературы, т. I.

[7]) Въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію", Спб. 1883.

…графическихъ сочиненій о …ому, Кайндлю, Монастыр-…ской семинаріи во Львовѣ, …Русь галицка, буковиньска …ческаго и административ-…ескія и этнографическія, …освѣщеніи, причемъ пере-…ующія для этой послѣдней …тѣ съ Буковиною, считаютъ …16). Въ концѣ приведена ли-…алъ, подъ заглавіемъ: „Der …или: zur Kunde) der Bukowina", …орыхъ одно, составленное вмѣстѣ …мѣетъ ближайшее отношеніе къ …писаніе быта и народныхъ вѣро-

…eschichte der Stadt Czernowitz und ihrer …торія доведена до конца XVIII столѣтія). …ern. 1888 (до основанія княжества Мол-…а).

…ina. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и …ложеніе этихъ сочиненій.

…ихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской …ица Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ …lkergruppen der Bukowina", 1884, и „Volkssagen …орыхъ мы не имѣли подъ руками.

…ахъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго Старинѣ" 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также …вины во львовской газетѣ „Народъ", 1890, издавае-. Франкомъ, и пр.

В. Терлецкаго, „Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи“ (Кіевъ); „Угорская Русь“, Ир. Пол—на, въ „Извѣстіяхъ Спб. славянскаго благотвор. общества“ (1888, № 10) и др. Въ „К. Старинѣ“ (1887, ноябрь) напечатана была, какъ неизданная, статья Дешка объ Угорской Руси; но на дѣлѣ она явилась еще въ 1850 г., въ „Кіевлянинѣ“, затѣмъ въ 1855 перепечатана во „Львовской Семейной Библіотекѣ“ Северина-Шеховича, гдѣ прибавлены къ ней примѣчанія Дениса Зубрицкаго.

Изъ трудовъ галицко-русскихъ укажемъ статью: „Угорщина“ въ газетѣ „Батьковщина“ (1886); книжку: „Угорьска Русь, еи розвой и теперѣшній станъ“, Василя Лукича (Львовъ, 1887; 30 стр.). Нѣсколько пѣсенъ и этнографическихъ замѣтокъ разсѣяно въ галицко-русскихъ (названныхъ выше) и венгерско-русскихъ изданіяхъ; изъ послѣднихъ отмѣтимъ духовно-литературный „Листокъ“, издаваемый въ Унгварѣ, Евгеніемъ Фенцикомъ, гдѣ между прочимъ М. А. Вр—ль сообщилъ, въ 1888, нѣсколько народныхъ пѣсенъ; сообщенія того же Фенцика (въ „Словѣ“), Даніила Лепкаго и др. [1]).

Немногочисленны также свѣдѣнія о русскихъ въ Буковинѣ. Народническій центръ составляютъ здѣсь Черновцы, съ университетомъ, основаннымъ въ 1875, къ которому примкнулъ немногочисленный кружокъ патріотической молодежи (студенческое общество „Союзъ“), ставящій себѣ цѣлью поддержаніе любви къ своей народности и служеніе своему народу: задача тѣмъ болѣе трудная, что въ Буковинѣ русскіе не имѣютъ своей средней школы, а есть только румынская и нѣмецкая, и русской народности приходится бороться за свое существованіе на двѣ стороны. Буковинскія силы присоединяются конечно къ галицко-русскимъ, и отсюда вышли два извѣстные писателя—Федьковичъ и Данило Млака (Исидоръ Воробкевичъ). Въ Буковинѣ издаются двѣ русскія газеты: „Буковина“ и „Русская Правда“, но патріоты скорбятъ, что и эти два изданія не могутъ жить въ мирѣ и согласно работать для народнаго дѣла, интересъ къ которому только-что зарождается. Собственно для Буковины главный этнографическій трудъ представляетъ упомянутый выше пѣсенный сборникъ Купчанки. Изъ цитатъ узнаемъ о сочиненіи его же: Die Haidamachen [2]).

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ въ Венгріи, напр., о внѣшнихъ отношеніяхъ племени, его численности и т. п., находятся въ нѣмецко-венгерскихъ сочиненіяхъ о Венгріи, и въ путешествіяхъ. Въ „Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn (Budapest, 1888) мы встрѣтили пѣсни, сообщенныя Алекс. Павловичемъ, съ нѣмецкимъ переводомъ.

[2]) Czernowitz, 1886. Намъ встрѣтилось также упоминаніе о конфискованной брошюрѣ: Die Schicksale der Ruthenen (von Gregor Kupczanko. Leipz. 1887).

Нѣсколько описательныхъ, историко-географическихъ сочиненій о Буковинѣ принадлежитъ Роману Заклинскому, Кайндлю, Монастырскому и др. Первый, преподаватель въ учительской семинаріи во Львовѣ, издалъ „Географію Руси“ (Часть перша: Русь галицка, буковиньска и угорска. Львовъ, 1887), гдѣ кромѣ физическаго и административнаго описанія приведены данныя историческія и этнографическія, свѣдѣнія объ экономической жизни и просвѣщеніи, причемъ перечислены учрежденія и общества, существующія для этой послѣдней цѣли (между прочимъ, въ Галиціи, вмѣстѣ съ Буковиною, считаютъ болѣе 600 народныхъ читаленъ; стр. 116). Въ концѣ приведена литература предмета. Кайндль предпринялъ, подъ заглавіемъ: „Der Buchenwald, Beiträge zur Geschichte (или: zur Kunde) der Bukowina“, рядъ небольшихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, составленное вмѣстѣ съ Александромъ Монастырскимъ, имѣетъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, а именно заключаетъ описаніе быта и народныхъ вѣрованій на сѣверѣ Буковины.

Raimond Friedrich Kaindl, Zur Geschichte der Stadt Czernowitz und ihrer Umgegend. Czern. 1888 (брошюра; исторія доведена до конца XVIII столѣтія).

— Geschichte der Bukowina. Czern. 1888 (до основанія княжества Молдавіи въ половинѣ XIV в., брошюра).

— Die Rutenen in der Bukowina. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и 98 стр.). Должно быть еще продолженіе этихъ сочиненій.

Назовемъ еще рядъ небольшихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской и румынской, Іог. Полека, Франца Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ Симигиновичъ издалъ: „Die Völkergruppen der Bukowina“, 1884, и „Volkssagen aus der Bukowina“, 1885, которыхъ мы не имѣли подъ руками.

О литературныхъ опытахъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго альманаха“, 1885, въ „К. Старинѣ“ 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также корреспонденціи изъ Буковины во львовской газетѣ „Народъ“, 1890, издаваемой М. Павликомъ и Ив. Франкомъ, и пр.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Томъ II, глава V (стр. 142). Въ 1891 г. Тихонравовъ издалъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (кн. VIII и отдѣльно): „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка", съ историко-литературными объясненіями.

(Стр. 147). Мы говорили выше (т. II, стр. 422) о томъ интересѣ, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны. Подобныя свѣдѣнія (за которыми мы обращались къ самымъ лицамъ) могутъ быть особенно поучительны въ исторіи науки, какъ наша этнографія, которая еще не можетъ считаться установившейся и продолжаетъ складываться, искать своихъ путей и въ собираніи матеріала, и въ его истолкованіи. Намъ пріятно было получить свѣдѣнія этого рода отъ А. А. Потебни, которыми не могли воспользоваться ранѣе, при печатаніи II-го тома. Приводимъ здѣсь данныя изъ его письма, принося ему искреннюю признательность за его сообщеніе. Читатель, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ интересъ приводимыхъ данныхъ, указывающихъ пути, какими двигалась наша наука въ этой новой области.

„Родился я въ Роменскомъ у. Полтавской губерніи, дворянинъ. Учился сначала въ Радомской гимназіи (въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ), гдѣ мой дядя по матери былъ учителемъ. Въ 1871 г., несполна 16-ти лѣтъ, поступилъ въ Харьковскій университетъ (потому что въ немъ въ 20-хъ, 30-хъ годахъ кончило курсъ трое моихъ дядей по матери), на юридическій факультетъ.

„Однокашники познакомили меня съ Мих. Вас. Нѣговскимъ, тогда медикомъ 5-го курса, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень. Нѣкоторыя думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, кажется, большая часть его

собранія, сколько помню, по виду очень объемистаго, затеряна. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая библіотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою библіотечкою я пользовался, что̀ не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

„Въ слѣдующемъ году, отчасти по совѣту Нѣговскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертаціи: „*Первые годы войны Хмельницкаго*“ (по Пасторія „Bellum scythico-cosacicum“, по Величку и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. Какъ казеннокоштный и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ую харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на службѣ другимъ, отказавшись отъ жалованья (по нынѣшнему ничтожнаго: 223 р. съ коп.) и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ при университетѣ. Первыя мои печатныя сочиненія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ и „Мысль и языкъ“. Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали заботиться о пополненіи университетовъ новыми преподавательскими силами. Я былъ въ числѣ первыхъ, отправленныхъ изъ Харьковскаго университета за границу въ 1862 г. Воротился черезъ годъ, затѣмъ до защиты докторской диссертаціи: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ, I и II“, въ 1874 г., былъ доцентомъ, потомъ э.-орд. и орд. профессоромъ по каѳедрѣ русскаго языка и словесности.

„Мнѣ кажется, я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго такъ-наз. житейскаго значенія (каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики Полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ—А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики Курской гимназіи. Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давноумершими родственниками по отцу, получившими (по старинному) буквально-грошовое образованіе (за выучку у дьяка — копа грошей и горшокъ каши). Тетка моя по

Четьимъ-Минеямъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій.

„Въ Радомской гимназіи, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если впослѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что смолоду не зналъ *никакихъ* грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я выучился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русскихъ въ гимназіи было всего нѣсколько) и въ семьѣ дяди — нѣмецкому. Тамъ же пріобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Объ университетѣ могу сказать, что въ общемъ онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно бы ожидать, разсматривая порознь преподавательскія силы. Бываетъ и иначе, когда много дается и мало получается. Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр. въ преподаваніи—полное отсутствіе философіи. Логику и психологію читалъ профессоръ богословія, св. П. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первыя, буквально повторявшіяся изъ году въ годъ строки вступительной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго-Петровскаго („М. Г. Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей; но, обуреваемый страстьми, ограниченный вліяніемъ матеріи, человѣкъ“ и пр.) возбуждали движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантѣ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слыхали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; А. О. Валицкій считался даже очень хорошимъ преподавателемъ; однако вѣрно, что въ мое время по-латыни, по-гречески въ университетѣ словесники забывали, что̀ знали, а знали, какъ я сказалъ, полтавскіе и курскіе гимназисты достаточно (семинаристовъ въ числѣ моихъ 9-ти товарищей не было). Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библіографіи и номенклатуры. Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ (тогда еще этого термина не было) и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ „Южнор. нар. пѣсенъ“ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка Позднѣе Н. А. Лавровскій, перешедшій съ каѳедры педагогики на каѳедру русской словесности, указалъ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Срезневскаго. П. А. Лавровскій на первыхъ порахъ читалъ по запискамъ, составленнымъ по лекціямъ и указаніямъ Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты другихъ факультетовъ совсѣмъ понапрасну прозывали словесниковъ юсами и буквоѣдами: юсовъ словесники обыкновенно не одолѣвали и сами чувствовали къ нимъ не

меньше отвращенія, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ греческой и латинской грамматикѣ. Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зернинъ говорилъ растянуто, некрасиво, но дѣльно и свободно не по тетрадкѣ и не выучивая дома наизусть, какъ дѣлали нѣкоторые другіе. Составленіе за нимъ записокъ было мнѣ полезно во многихъ отношеніяхъ. Я черезъ П. Лавровскаго познакомился съ грамматикой Миклошича, трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, укажу Костомарова: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи", сочиненіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ не нравилось, и статью Буслаева: „Объ эпической поэзіи". Затѣмъ, къ сожалѣнію, ничьими совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно. Благодаря П. Лавровскому, я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился санскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что, сидя одинъ-на-одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатисъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, если бы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; стала одолѣвать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію.

„О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза" (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка". Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія—для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ", для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми" или „о борьбѣ миѳическаго мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій" (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безъименныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. матема-

тика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченною величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальности, вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пиѳагоръ, долженъ будетъ остаться на этой субстанціальности.

„Изъ того, чтó мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п., въ печать попадали только строки, напр. въ разборѣ „Пѣсенъ Головацкаго".

(Стр. 153). О трудахъ А. А. Потебни, по случаю 30-лѣтія его ученой дѣятельности, см. въ „Кіевской Старинѣ", 1887, кн. 6—7, стр. 567.

Глава VIII (стр. 227). Біографіи и обзору ученыхъ трудовъ Порфирьева (1823—1890) посвящена книжка П. Знаменскаго: „Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи", Казань, 1891 (изъ „Православнаго Собесѣдника" за 1890).

Глава IX (стр. 295). Изслѣдованію Мочульскаго о Голубиной книгѣ посвященъ подробный разборъ, составленный Порфирьевымъ— въ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, 1890.

Изъ новыхъ сочиненій въ этой области упомянемъ книгу А. Карнѣева: „Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога" (Спб. 1890, въ изданіяхъ Имп. Общества любителей древней письменности), обширное и внимательное изученіе происхожденія и дальнѣйшей судьбы средневѣковаго „Физіолога", по отношенію къ славянскому тексту, который изданъ здѣсь въ подробномъ сличеніи съ его греческимъ подлинникомъ и другими текстами.

Ѳед. Дм. Батюшковъ издаетъ, въ Журн. мин. нар. просв. 1890—1891, свое обширное изслѣдованіе: „Сказаніе о спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ" — въ связи съ славянскими и русскими преданіями.

Л. Шепелевичъ издалъ начало своего изслѣдованія: Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла" (Часть I. Харьковъ, 1891), также въ связи съ памятниками славяно-русской письменности и отголосками ихъ въ народно-поэтическомъ преданіи.

Укажемъ еще труды Андрея Ив. Пономарева, профессора Спб. духовной академіи, которые касаются также народной стороны старой письменности:

— Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. Опытъ изслѣдованія памятниковъ христіанской агіологіи и эсхатологіи. Спб. 1886.

— Славяно русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Рѣчь на актѣ Спб. духовной академіи 19-го февраля 1890. Спб. 1890, и др.

Въ Нео-филологическомъ Обществѣ при Спб. университетѣ были имъ читаны рефераты по сравнительному изученію народно-поэтическихъ преданій.

Глава XI. Относительно изображеній народа въ литературѣ см., кромѣ „Сочиненій“ (Спб. 1890, два тома), вышедшую недавно новую книгу г. Скабичевскаго: „Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890)“. Спб. 1891, гдѣ разсѣяно объ этомъ много любопытныхъ и полезныхъ замѣчаній.

Томъ III, глава IV (стр. 138). Въ польскомъ журналѣ „Wisła“, посвященномъ этнографіи, 1888, іюль—сентябрь (стр. 653—662), помѣщена краткая біографія Жеготы Паули (съ портретомъ), г. Карловича, гдѣ, между прочимъ, опровергается обвиненіе въ плагіатѣ, выставленное Головацкимъ.

Глава XI (стр. 344). О Н. В. Закревскомъ намъ доставлены были слѣдующія свѣдѣнія изъ дѣлъ Ревельской нѣмецкой (alias губернской) гимназіи.

Закревскій родился въ 1805 г. въ Кіевѣ, посѣщалъ тамошній (?) лицей, потомъ учился въ Харьковскомъ университетѣ и кончилъ въ немъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Затѣмъ, въ 1829—31, онъ изучалъ въ Дерптѣ юриспруденцію, 1 янв. 1834 г. опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Ревельскую гимназію; въ сентябрѣ 1847, уволенъ отъ службы съ чиномъ надворнаго совѣтника и проживалъ послѣ то въ Ревелѣ, гдѣ женился на нѣмкѣ, то въ „Россіи“.

(Стр. 366). Во львовской газетѣ „Народъ“ (1890, № 2 — 3, стр. 30—32) читаемъ о новомъ сочиненіи г. Драгоманова: „Австро-руські спомини (1867—1877)“, части 1—2. Львовъ, 1889, представляющемъ много автобіографическаго.

Глава XII (стр. 393). Относительно вопроса о смѣнѣ народностей въ южной Россіи укажемъ еще брошюру Влаха: Die ethnographischen Verhältnisse Südrusslands in ihren Hauptepochen von den ältesten Zeiten bis auf das erste Erscheinen der Slaven. Eine historisch-ethnographische Studie von Dr. Jar. Vlach. Вѣна, s. a.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ IV.

БѢЛОРУССІЯ И СИБИРЬ

А. Н. Пыпина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28.
1892.

(1884)

Оканчивая изданіе, которое замедлилось, сверхъ моихъ предположеній, не малымъ количествомъ дополненій, внесенныхъ при новой обработкѣ, — я напомню о назначеніи этого труда. Онъ имѣлъ въ виду не столько тѣсный кругъ спеціалистовъ, сколько болѣе широкій кругъ образованныхъ любителей народовѣдѣнія и начинающихъ этнографовъ: исторія этнографіи, указывающая и основные результаты, ею пріобрѣтенные, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ вопросомъ о народѣ, который становится чѣмъ далѣе, тѣмъ, кажется, все болѣе господствующимъ интересомъ общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта исторія намѣчаетъ пріемы и особливо настоятельныя задачи дальнѣйшаго изслѣдованія.

Я предполагалъ остановиться на главнѣйшихъ замѣчаніяхъ, которыя были вызваны книгой, но въ концѣ концовъ отложилъ это намѣреніе. По сущности предмета—по связи этнографіи съ развитіемъ понятій о народной жизни и народности—я долженъ былъ коснуться теорій этого рода, философско-историческихъ и общественныхъ, которыя въ разное время излагались и получали то или другое значеніе въ нашей литературѣ; встрѣтиться съ противорѣчіемъ, особливо съ предвзятыми мнѣніями, было здѣсь неизбѣжно. Спорить съ такими мнѣніями — дѣло неблагодарное, потому что безплодное; внимательный читатель съумѣетъ разобраться въ замѣчаніяхъ критики по предметамъ, имѣющимъ цѣлую обширную литературу и о которыхъ мнѣ также случалось говорить подробнѣе въ другихъ работахъ. Съ одной стороны упрекали меня, что я оспаривалъ извѣстныя ученія, какъ уже утратившія силу, —когда, въ дѣйствительности, онѣ въ измѣненной отчасти или въ той же формѣ цѣлы по сію минуту, а съ другой мнѣ ста-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ второй. Сибирь.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

БѢЛОРУССІЯ.

ГЛАВА I.

Историческія замѣчанія.

Древнія времена.—Бѣлорусское племя.—Вліянія Литвы и Польши.—Отношенія къ Москвѣ. — Положеніе западно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ. — Раздѣлы Польши: присоединеніе Бѣлоруссіи.—Возстановленіе русской народности и православія.—Времена Павла I, Александра I, Николая.—Польское возстаніе.—Новѣйшее положеніе западнаго края.

Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „бѣлорусская этнографія", т.-е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матеріалъ, относящійся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли самая бѣлорусская народность?

Бѣлорусское племя обратило на себя особенное вниманіе нашей этнографіи только въ послѣднія десятилѣтія, именно со времени послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ у насъ интересовались Бѣлоруссіей и знали ее очень мало сравнительно съ тѣми, довольно многочисленными и частію прекрасными, работами по изученію этого края, какія сдѣланы были особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Со времени польскаго возстанія, относительно бѣлорусской народности сдѣлано было чуть не открытіе: масса общества, прежде имѣвшая очень смутное представленіе о западномъ краѣ, вслѣдствіе переполоха, произведеннаго возстаніемъ, внезапно увлеклась соображеніемъ, что этотъ край—русскій. Это соображеніе было для большинства какъ будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась: къ мѣропріятіямъ административнымъ, утверждавшимъ русскія качества этого края, присоединились въ томъ же смыслѣ мѣропріятія публицистическія и ученыя — въ области археологіи и этнографіи. Доказывалось не только то, что край этотъ—русскій, но что западно-русская или бѣлорусская народность даже не существуетъ: до такой степени она составляетъ то же единое русское племя

безъ всякаго отличія отъ его коренной массы, что „Бѣлоруссія" есть только географическій терминъ [1]).

На этомъ основаніи не было бы надобности выдѣлять бѣлорусскую народность и подвергать ее спеціальному изученію; между тѣмъ это дѣлалось давно и дѣлается до сихъ поръ. Въ чемъ же дѣло? Что бѣлорусское племя, по своему происхожденію и по основнымъ чертамъ своего этническаго характера, принадлежитъ къ общему русскому цѣлому, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: въ послѣднее время, наблюденія надъ языкомъ и бытомъ убѣждаютъ, что вѣтвь бѣлорусская находится въ ближайшемъ родствѣ именно съ великорусскою отраслью, въ противоположность отрасли малорусской, болѣе отдаленной отъ обѣихъ,—но сказать, что нѣтъ никакихъ этнографическихъ отличій бѣлорусскаго племени, значитъ отказаться отъ изслѣдованія. Существованіе бѣлорусскаго „племени" не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ идетъ только о томъ, насколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великорусскаго, которое составило зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это даютъ исторія племени, его языкъ и бытовыя черты.

Писанная исторія не знаетъ на пространствѣ древней Руси единаго однороднаго племени и, напротивъ, указываетъ цѣлый рядъ племенъ, которыя лѣтописецъ очевидно считаетъ принадлежащими къ одному цѣлому, но на частной отдѣльности которыхъ онъ настаиваетъ, упоминая нѣсколько разъ, что это были отдѣльные роды, сѣвшіе на разныхъ мѣстахъ и имѣвшіе каждый свои обычаи; нѣкоторымъ изъ этихъ родовъ, въ самой глубинѣ Россіи, онъ приписывалъ даже ляшское происхожденіе, какъ въ Новгородѣ особеннымъ образомъ отличаетъ „словенъ". Племенныя названія приведены у Нестора весьма отчетливо, съ указаніемъ географическаго положенія; впослѣдствіи эти племенныя названія забываются (слѣдъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился въ мѣстныхъ географическихъ названіяхъ соотвѣтственныхъ краевъ) и входятъ въ употребленіе названія „земель" или княженій. Начинавшееся объединеніе, которое создавалось близкой родственностью племенъ, христіанствомъ, господствомъ

[1]) Такъ, напр., говорится въ книгѣ, предназначенной для популярнаго чтенія: „Названіе Бѣлоруссіи есть географическій терминъ и не имѣетъ особеннаго этнографическаго значенія, такъ какъ *ни* особенной народности, *ни даже* особеннаго племени бѣлорусскаго не существовало (только Костомаровъ признаетъ шесть особенныхъ народностей, въ томъ числѣ и бѣлорусскую)"... Способъ выраженія неясный: потому что „особенная народность" и „особенное племя"—одно и то же. Но дальше, въ той же статьѣ, упоминается особенное „нарѣчіе бѣлорусское". См. Энциклопедическій Словарь, Березина, s. v.

князей одной династіи, возникшей письменностью, военными походами и развивавшимися торговыми сношеніями, это объединеніе не могло, однако, скоро стереть тѣхъ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, какія существовали раньше; какъ въ цѣлой жизни древней Руси новая культура, открывшаяся съ христіанствомъ, долго не могла преодолѣть стараго обычая (благочестивые люди еще въ XIV столѣтіи жалуются на народное двоевѣріе, слѣды котораго хранились, какъ извѣстно, долго послѣ), такъ, въ частности, новыя условія быта долго не могли стереть и тѣхъ отличій, какія отдѣляли въ древности разныя части русскаго племени другъ отъ друга. „Поляне", „древляне", „радимичи", „вятичи", „дреговичи", „кривичи" и т. д. ко временамъ лѣтописца уже не называются этими именами и обозначаются политическими названіями земель и княженій, но безъ сомнѣнія еще оставались полянами, древлянами и т. д. по старымъ племеннымъ особенностямъ. Публицисты, полагавшіе, что Бѣлоруссія есть только географическій терминъ, т.-е. что бѣлоруссъ не отличается ничѣмъ отъ всякаго русскаго, забываютъ, какъ произошло образованіе позднѣйшихъ оттѣнковъ русскаго племени: считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ, потому что въ этихъ рѣшеніяхъ отражается довольно обыкновенное въ популярномъ обращеніи непониманіе, и онѣ еще плодятъ это непониманіе. Многимъ у насъ какъ будто кажется, напр., что бѣлоруссы (какъ и малоруссы) составляютъ просто отрасль вполнѣ сформированнаго уже въ древности, цѣльнаго русскаго народа, отрасль впослѣдствіи болѣе или менѣе попорченную, тогда какъ главный русскій народъ, создавшій единодержавное русское государство, остался „чистымъ", подлиннымъ, неиспорченнымъ русскимъ народомъ. Но простыя показанія новыхъ историческихъ и филологическихъ изслѣдованій представляютъ дѣло совсѣмъ иначе: этого древняго единаго „чистаго русскаго" народа не было; онъ только началъ складываться въ извѣстную цѣльность въ то время, когда первобытная жизнь русской земли была нарушена разнородными внутренними и внѣшними событіями. Въ средѣ племенъ начиналось сближеніе, бывшее предвѣстіемъ того объединенія, которое совершилось потомъ въ Москвѣ и которое имѣло своимъ гнѣздомъ и наиболѣе удобной почвой княжества сѣверо-восточныя; между тѣмъ, къ тому же и немного болѣе позднему времени, произошелъ внѣшній разгромъ русскихъ земель съ нашествіями татаръ и литовцевъ, и когда на сѣверо-востокѣ, наперекоръ татарскому игу, созрѣваетъ московское единодержавіе, русскій юго-западъ, покоренный Литвою, образуетъ особое княженіе, и черезъ политическія связи съ Польшей начинаетъ тяготѣть волею и неволею къ этой послѣдней. Весьма возможно, что въ другихъ историческихъ условіяхъ, напр., если бы

московское царство сложилось и окрѣпло не къ XVI—XVII вѣку, а нѣсколькими столѣтіями раньше, иначе сложилась бы и жизнь племенная,—но въ тѣхъ данныхъ, какія образовались съ татарскимъ и литовскимъ нашествіями, съ политическимъ разъединеніемъ и ослабленіемъ всего тогдашняго русскаго міра, жизнь племенная стала невольно сживаться съ тѣми условіями, какія давались внѣшними событіями. Русскій сѣверъ былъ отдѣленъ отъ русскаго юга и запада; скрѣпились отдѣльныя племенныя группы, подъ вліяніемъ различныхъ бытовыхъ условій, и тѣ зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться въ общеніи съ другими частями своего собственнаго родного цѣлаго, теперь начинають развиваться отдѣльно, все больше давая мѣсто частнымъ отличіямъ. Въ эту среднюю эпоху уже опредѣляются тѣ характерныя черты, которыя лежатъ въ основѣ трехъ главныхъ нынѣшнихъ отраслей русскаго племени: великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго. Образованіе ихъ шло почти параллельно. И замѣтимъ, что въ основѣ процесса, совершавшагося въ языкѣ, лежали все-таки не однѣ упомянутыя внѣшнія причины, которыя играли только второстепенную роль, а гораздо болѣе давнія мѣстныя племенныя стихіи; отличія русскаго сѣвера и юга по языку возводятъ теперь, въ отдѣльныхъ случаяхъ, еще къ XI-му вѣку, и если представить себѣ, что объ этомъ русскомъ языкѣ XI-го вѣка мы имѣемъ только весьма неполныя свидѣтельства, то можно думать, что діалектическія отличія были болѣе обширны, чѣмъ намъ теперь извѣстно. Отличія русскаго сѣвера и запада менѣе значительны, чѣмъ отличія сѣвера и юга, и наблюдаются въ памятникахъ позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, онѣ являются раньше, чѣмъ началось польское вліяніе, которое такъ сильно возобладало въ бѣлорусской письменности и книжности съ XV—XVI вѣка, и въ которомъ находили прежде единственную причину отдаленія бѣлорусской рѣчи отъ великорусской.

Такимъ образомъ, бѣлорусскій языкъ или нарѣчіе не происходитъ отъ великорусскаго, а развивается одновременно съ нимъ изъ близко родственныхъ, но отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ и въ весьма различной политической и бытовой обстановкѣ.

Различіе бѣлорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго, какъ мы замѣтили, гораздо меньше, чѣмъ различіе великорусскаго и малорусскаго: сѣверныя русскія племена (на востокѣ и западѣ) были ближе другъ къ другу, и въ настоящее время нѣкоторые филологи полагаютъ возможнымъ считать бѣлорусское нарѣчіе какъ бы вѣтвью южно-великорусскаго. Дальнѣйшія изслѣдованія бѣлорусскаго языка и обычая безъ сомнѣнія ближе опредѣлятъ эти степени родства и процессъ образованія нынѣшнихъ этнографическихъ отличій; но оче-

видно во всякомъ случаѣ, что основой бѣлорусскаго племени и нарѣчія были тѣ старыя племена, которыя сидѣли на сѣверо-западѣ древней Руси, кривичи, дреговичи и пр., и въ особенности первые, главными пунктами которыхъ были Полоцкъ, Изборскъ и Смоленскъ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ очень древняго времени распространялись и далѣе на востокъ, содѣйствуя русской колонизаціи бассейна Оки и верхней Волги, гдѣ потомъ возобладало племя великорусское. Такимъ образомъ, съ одной стороны, племена западнаго края участвовали своими отпрысками въ образованіи самого племени великорусскаго; съ другой, оставаясь на мѣстѣ, сохранили и развивали отдѣльно свои первоначальныя мѣстныя особенности. Тѣ объединительныя стремленія, которыя возникають въ русскомъ племени съ самаго начала древней исторіи въ христіанствѣ, въ общей грамотѣ, одной княжеской династіи и пр., — по внѣшнимъ препятствіямъ не были доведены до конца и хотя надолго оставили слѣды и въ западной Руси, но затѣмъ все болѣе сильное дѣйствіе стали оказывать другія условія, гдѣ исторія западнаго края пошла уже особнякомъ, гдѣ все больше терялась прежняя связь съ массою русскаго восточнаго племени. Это были отношенія литовскія и польскія, вмѣшательство католицизма и уніи, все возраставшее вліяніе польскаго политическаго строя, измѣненіе нравовъ и обычаевъ въ смыслѣ этого строя и т. д. Эти отношенія достаточно извѣстны; прибавимъ только, что въ объясненіи ихъ до сихъ поръ остаются неточности, внушаемыя новѣйшими политическими враждами и пристрастіями. Польско-русскія отношенія на западѣ изображаются обыкновенно у нашихъ новѣйшихъ популярныхъ историковъ какъ одинъ рядъ насилій, гдѣ въ жизнь русскаго западнаго племени врываются внезапно чуждые элементы и гдѣ народъ, покинутый высшими сословіями, остается безгласной жертвой—до тѣхъ поръ, пока его право возстановляется въ послѣдніе вѣка вмѣшательствомъ, успѣвшей выросги подлѣ, могущественной русской имперіи... Въ дѣйствительности, событія шли не такъ внезапно и не однимъ путемъ насилія. Бывало, старинные историки изображали, напр., начало русско-литовскихъ отношеній въ родѣ какого-то неожиданнаго театральнаго эффекта: „изъ глубины лѣсовъ вышло племя невѣдомое, дикое, воинственное, съ жаждою завоеваній; во главѣ его сталъ грозный воитель, онъ овладѣлъ русскими землями и т. д.; это племя была Литва, его предводитель былъ страшный Гедиминъ“, и т. д. Оставалось непонятно, откуда взялось дикое воинственное племя и какъ могъ внезапно совершиться переворотъ, поставившій на мѣстѣ западно-русскихъ земель новое сильное „литовское княжество“. Похоже на это разсуждають иногда и новѣйшіе популярные историки. На самомъ дѣлѣ, внезап-

ности не было: западныя княжества давно уже, задолго до Гедимина, были знакомы съ Литвой, бывали съ ней въ мирныхъ отношеніяхъ или встрѣчались въ войнахъ; давно русская стихія оказывала вліяніе на Литву, такъ, что позднѣйшія явленія въ жизни литовскаго княжества были подготовляемы уже болѣе ранними связями. Литва получила господство политическое, но русская культура взяла верхъ, потому что была выше грубаго литовскаго быта; основаніе литовскаго княжества въ русскихъ земляхъ стало какъ будто только смѣной княжеской династіи или сліяніемъ двухъ династій,—но уже вскорѣ положеніе дѣлъ усложнилось отношеніями къ Польшѣ. Соединеніе Литвы съ Польшей при Ягеллѣ было пока соединеніе внѣшнее, и не крѣпкое. Литовское княженіе еще долго, въ теченіе почти двухъ столѣтій, сохраняло свою внутреннюю русскую жизнь и ревниво охраняло свою отдѣльность, но мало-по-малу, въ долгихъ политическихъ отношеніяхъ съ государствомъ иного характера и иной религіи, эта отдѣльность ослабѣвала, и съ конца XVI вѣка русская стихія все больше подпадаетъ польскому вліянію, политическому, религіозному и культурному. Съ этого времени въ особенности начинается полонизація высшаго и частью средняго класса, которая была тяжкимъ ущербомъ для дѣла западно-русской народности; высшее сословіе, разъ вступивъ на эту дорогу, обыкновенно уже окончательно отрывалось отъ своего народа. Входя въ составъ польскаго панства, оно принимало вмѣстѣ и католичество; свой народъ становился чужимъ, и какъ матеріальное, такъ и нравственное состояніе народа, предоставленнаго самому себѣ, дошло, наконецъ, до самаго бѣдственнаго упадка. Слѣдующія поколѣнія ополяченнаго панства уже совсѣмъ забывали о своемъ русскомъ происхожденіи и умножали ряды шляхетской націи. Народъ, частью полунасильственно, былъ обращаемъ въ католицизмъ или унію, частью былъ пренебреженъ и въ массѣ сберегъ старый языкъ, обычаи, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы защитить свое преданіе, — какъ могъ народъ защитить свое преданіе на югѣ.

Это были, безъ сомнѣнія, весьма печальныя страницы въ исторіи русской народности. Но что̀ было причиной ея прискорбнаго паденія? Популярные историки причину всего видятъ въ ненасытной и злобной пропагандѣ католицизма и въ измѣнѣ русскаго боярства. Католическая церковь, какъ извѣстно, давно питала планы распространить свое господство на русскій востокъ; ея представители не всегда отличались духомъ христіанской любви, и для цѣлей вѣры слишкомъ часто употреблялись средства не весьма правдивыя и гуманныя—какъ это бываетъ донынѣ едва ли не во всѣхъ исповѣданіяхъ, но въ лучшихъ людяхъ бывало, безъ сомнѣнія, и совершенно

искреннее убѣжденіе, что именно эта церковь была „единоспасающая“—точно такъ же, какъ въ средѣ принимавшихъ католичество русскихъ бывали люди, получавшіе то же убѣжденіе, или угнетаемые чувствомъ своего собственнаго церковнаго упадка. Подобнымъ образомъ, замѣна своей народности польскою бывала иногда разсчетомъ грубаго личнаго честолюбія и выгоды, но едва ли не чаще бывала результатомъ естественной борьбы двухъ различныхъ культуръ—результатомъ непреднамѣреннымъ. Трудно себѣ представить поголовную „измѣну“, всеобщее предательство; столь широкое явленіе, какъ полонизація высшаго сословія, имѣло не однѣ мелко-эгоистическія основанія, и не только отрицательныя, но и положительныя причины. И дѣйствительно, эти причины были и заключались, съ одной стороны, въ политическомъ значеніи шляхетства, значеніи, которое отвѣчало естественнымъ стремленіямъ боярства пріобрѣсти самостоятельную роль, и съ другой—въ болѣе высокой степени культуры, какая представлялась польскимъ бытомъ высшихъ сословій. Что касается перваго, то извѣстно, что польская шляхетская вольность не только въ западной Руси, но и въ самой восточной Россіи бывала не разъ предметомъ сочувствій русскаго боярства, и не только въ XVI—XVII вѣкѣ, но и въ XVIII-мъ. Въ русскомъ государствѣ стремленія подобнаго рода остались безуспѣшны, встрѣтивъ слишкомъ сильную преграду въ безусловномъ самодержавіи; но тамъ примѣръ былъ на-лицо и подражаніе было совершенно возможно. Въ дѣлѣ образованія, Польша XVI—XVII-го вѣка представляла примѣръ такого развитія школы, ученыхъ и литературныхъ интересовъ, какого не бывало въ русскихъ земляхъ, ни въ Москвѣ или Новгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ. Россія XVI-го вѣка едва выступала изъ мрака, принесеннаго татарскимъ игомъ; образованнымъ иноземцамъ она казалась страною варварскою и по нравамъ, и по отсутствію ученыхъ школъ, о которомъ почти неизмѣнно упоминаютъ иностранные путешественники того времени. Польша въ этомъ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, шла въ уровень съ западной Европой: она приняла дѣятельное участіе въ движеніи гуманизма, въ исторіи котораго имѣла своихъ знаменитыхъ представителей; въ нее перешло и то религіозно-научное возбужденіе, какое сопровождало реформацію; въ самой Польшѣ реформа нашла ревностныхъ сторонниковъ, и какова бы ни была соціальная подкладка протестантскаго движенія въ Польшѣ, оно затрогивало слишкомъ глубоко величайшіе интересы мысли и религіознаго чувства и, мимо практическихъ соціальныхъ побужденій, не могло не подѣйствовать на умы своихъ приверженцевъ и не становиться искреннимъ убѣжденіемъ и образовательной силой. Если въ самой московской Россіи, среди твердо установив-

шагося православнаго преданія и быта, прорывались въ извѣстныхъ ересяхъ идеи характера раціоналистическаго и протестантскаго, то естественно, что здѣсь, въ свободномъ заявленіи подобныхъ идей, среди открытаго установленія протестантскихъ общинъ и богослуженія, эти идеи получали возможность открытаго распространенія. Происходило невиданное броженіе умовъ и, какъ извѣстно, кромѣ протестантовъ польскихъ появились и протестанты западно-русскіе. Если въ этомъ броженіи одни изъ русскихъ остались вѣрны православію, другіе увлекались протестантствомъ, третьи переходили въ католицизмъ, то, очевидно, была здѣсь не одна грубая измѣна, но и отраженіе великаго религіозно-образовательнаго спора и борьбы, которые наполняли тогда весь западно-европейскій міръ и касались слишкомъ важныхъ вопросовъ человѣческой мысли и совѣсти. Польское (и западно-русское) протестантство имѣло дѣйствительно убѣжденныхъ послѣдователей, — какъ таковыхъ же имѣло, вѣроятно, и польско-русское католичество.

Извѣстно, какъ западно-европейская реформація, сначала поразившая католическую церковь своимъ неожиданнымъ и необычайнымъ распространеніемъ, вызвала, наконецъ, въ этой церкви реакцію, которой удалось уничтожить многіе плоды, пріобрѣтенные реформой. Эта реакція была страстная, фанатическая почти до безумія, но вмѣстѣ тонко разсчитанная и, по принципу, не останавливавшаяся передъ „средствами“, которыя всѣ должна была освящать цѣль. Іезуитскій орденъ, который былъ высшимъ выраженіемъ этой реакціи, явился въ Польшѣ бороться съ реформой, а вмѣстѣ и съ православіемъ. Извѣстенъ способъ дѣйствій іезуитства, который былъ бѣдствіемъ не только для западной Руси, но и для самой Польши, отождествивъ всю политическую судьбу разноплеменнаго и разновѣрнаго государства съ темной и ожесточенной религіозной нетерпимостью. Здѣсь опять мрачная сила іезуитства направлена была не спеціально на одно русское православіе, но и на само польское разновѣрство; то-есть, опять мы встрѣчаемся съ цѣлымъ стихійнымъ явленіемъ европейской исторіи, которое отразилось на судьбѣ западно-русскаго народа. Но въ прискорбныхъ событіяхъ XVI — XVII-го вѣка была сторона, дававшая въ будущемъ выходъ изъ исторической дилеммы. Религіозное образовательное движеніе XVI-го вѣка и необходимость защиты православія противъ католицизма, а также и протестантства, положили основаніе южной и западной русской школѣ и литературѣ, которыя были первымъ предвѣстіемъ вступленія русскаго народа на путь общечеловѣческаго просвѣщенія. Рядомъ съ этимъ, получили начало тѣ церковныя братства, дѣятельность которыхъ распространилась отъ Вильны до Кіева и Львова и была сильнымъ орудіемъ

самозащиты русскаго народа въ эти тяжелые вѣка. Что юго-западныя школы были устроены по западному католическому образцу, это извѣстно; самымъ языкомъ преподаванія дѣлался языкъ латинскій; форма братствъ была также заимствованная,—но въ эти чужія формы было вложено самостоятельное содержаніе: это была, съ одной стороны, возможность обороны противъ подавляющаго вліянія католической церковности и науки, и съ другой — явилась здѣсь великая нравственная сила народнаго самосознанія. Изъ новой школы выходили просвѣщенные іерархи, создавшіе обильную церковно-полемическую литературу, которая не уступала католической въ обширной учености своего времени; изъ этой же школы выходили не разъ и отчаянные борцы за русскую народность въ козацкихъ возстаніяхъ... Важность юго-западной школы для всего хода обще-русскаго просвѣщенія теперь оцѣнивается достаточно, но, безъ сомнѣнія, оцѣнится еще выше, когда ближе будетъ разработана эта сложная и интересная эпоха. Извѣстно, что русская юго-западная школа получила, наконецъ, большое вліяніе въ самой Москвѣ, несмотря на всю подозрительность московскихъ руководящихъ людей ко всему, чтѝ носило какой-либо западный, дѣйствительно или мнимо латинскій оттѣнокъ, — и впослѣдствіи это вліяніе отразилось видною полосой въ ходѣ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ: наша духовная школа сохраняла почти до нашихъ дней слѣды своего стараго юго-западнорусскаго источника въ латинскомъ духѣ. Въ концѣ XVII-го вѣка, наканунѣ Петровской реформы, въ жизни московской Россіи несомнѣнно готовилось и частью совершалось своего рода преобразованіе подъ вліяніями этой юго-западной школы,—преобразованіе, затертое и заслоненное потомъ болѣе широкой и радикальной реформой Петра, но давшее и самому Петру подготовку и многихъ исполнителей для его плановъ [1]).

Замѣтимъ, что это движеніе, совершавшееся въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ, возникало совершенно независимо отъ Россіи московской. Здѣсь были свои волненія и свои бѣды, неизвѣстныя въ московской Россіи,—какъ всякаго рода церковное броженіе, внутреннія политическія столкновенія съ Польшей, какъ унія, іезуитская реакція и преслѣдованіе, какъ возстанія козацкія, въ которыхъ свою долю участія имѣла и Бѣлая Русь; но здѣсь же созрѣвало и народное сопротивленіе, однимъ изъ выраженій котораго было упомянутое образовательное движеніе, созданное однѣми юго-западными силами и отсюда потомъ распространившееся на москов-

[1]) На это обратилъ вниманіе г. Шляпкинъ въ книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій“ (Спб. 1891), гдѣ собраны также любопытные факты разнородныхъ польскихъ вліяній въ старой до-Петровской Москвѣ.

скую Россію. Общее было одно—старое православное преданіе, которое разработывалось здѣсь съ извѣстнымъ своеобразнымъ оттѣнкомъ, который и былъ замѣченъ въ Москвѣ, стоявшей за свою односторонность. Здѣсь уже издавна складывались формы жизни, вышедшія изъ особыхъ условій края; издавна было свое русское законодательство; до послѣдняго времени держался русскій языкъ, какъ языкъ суда, администраціи и самого „литовскаго" двора; въ первые годы XVI вѣка дѣлается замѣчательная попытка перевода библіи, „доктора" Франциска Скорины; сюда бѣжитъ гонимый въ Москвѣ первый русскій типографщикъ; сюда уходитъ князь Курбскій и примыкаетъ къ совершавшемуся здѣсь религіозно-полемическому и образовательному движенію; здѣсь печатается первая русско-славянская библія; здѣсь основывается рядъ русскихъ типографій, дѣлающихъ массу изданій прежде, чѣмъ печатное дѣло установилось въ Москвѣ; наконецъ, здѣсь образуются новыя формы общественной дѣятельности въ видѣ церковныхъ братствъ и появляются первые опыты русской науки въ юго-западныхъ школахъ... Все это совершалось въ своей мѣстной средѣ и носило на себѣ ея извѣстный отпечатокъ, въ которомъ было много несходнаго съ тогдашнимъ московскимъ типомъ нравовъ и понятій, но который тѣмъ не менѣе былъ русскимъ. Нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ происходили эти явленія, закрѣпили эту мѣстную особенность юго-западной жизни и дали ей своего рода историческое право.

Въ XVII-мъ столѣтіи типъ юго-западнаго человѣка носилъ свои опредѣленныя черты, которыя видимо отличали его отъ человѣка московскаго. На югѣ долгими историческими судьбами сложилась цѣлая особая народность, которая для сѣверныхъ русскихъ казалась столь чуждой, что могла даже называться „черкасской"; русскіе западные были „литовскіе люди": руководясь непосредственнымъ соображеніемъ, что русское можетъ быть только такое, какое оно было въ Москвѣ, московскіе люди не думали о томъ, что это западное русское издавна жило особнякомъ отъ восточной Руси и тѣмъ самымъ могло пріобрѣсти свои несходныя черты; москвичи полагали, напротивъ, что эти черты пришли исключительно изъ польскаго, „латинскаго" вліянія. Извѣстно, какими недоразумѣніями и недовѣріемъ сопровождались первыя встрѣчи московскихъ людей съ учеными кіевлянами и бѣлоруссами (не прошло полъ-вѣка, и въ самую Москву нахлынули не только латинскія, но и нѣмецкія вліянія); эти недоразумѣнія являлись и при встрѣчахъ на мѣстѣ съ населеніемъ западнаго края, напр., въ походахъ царя Алексѣя Михайловича въ „Литву". Совершенно понятно, что московскіе русскіе относились враждебно къ уніи, которая — какъ было съ самаго начала ясно въ

предположеніяхъ ея начинателей и въ самомъ выполненіи — была только шагомъ къ католичеству; но они не совсѣмъ сходились и съ самими западными православными [1]). Это послѣднее представляется страннымъ: повидимому, русскіе являлись для православныхъ защитниками ихъ дѣла и должны бы встрѣтить полное сочувствіе, — но и здѣсь сказалась историческая разница нравовъ и культуры, дѣлившая двѣ отрасли одного племени.

Со второй половины XVII-го вѣка, Россія волею и неволею все больше втягивается въ русско-польскія отношенія юго-западнаго края и вмѣшивается въ дѣла русскаго православнаго народа, находившагося подъ польскимъ владычествомъ. Факты этой исторіи, тѣсно связанной съ судьбою всего польскаго государства, извѣстны: дѣло завершилось къ концу XVIII-го столѣтія тремя раздѣлами Польши. Въ чемъ же заключалось теперь отношеніе русскаго правительства (представлявшаго собою русское національное начало) къ *народу* юго-западной Руси? Историки Малороссіи и Западной Россіи не разъ указываютъ въ этомъ отношеніи имперіи къ юго западнымъ отраслямъ русскаго народа длинный рядъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, даже раздраженія, причемъ это послѣднее могло съ полною силой высказываться только съ сильнѣйшей стороны. Въ этомъ недоразумѣніи дѣйствовали весьма различныя причины: политика прежнихъ вѣковъ мало думала о народныхъ массахъ и ихъ желаніяхъ; этими массами распоряжались какъ чисто служебною силой, распредѣляли ихъ по простому территоріальному разсчету, дѣлили земли, не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе ихъ населеній; народныя стремленія играли при этомъ самую послѣднюю роль. Такимъ образомъ могло и теперь произойти, что въ раздѣлахъ Польши цѣлые милліоны русскаго народа отошли въ руки Австріи, гдѣ они влачили съ тѣхъ поръ странное и печальное существованіе. Нерѣдко обвиняютъ XVIII-й вѣкъ, или „петербургскій періодъ", его политику и дипломатію, не умѣвшія понимать „русскаго дѣла", и т. п. Справедливость требуетъ добавить, что тѣ соображенія о „русскомъ дѣлѣ", на которыя опираютъ теперь эти обвиненія, въ то время не существовали не только въ видахъ правительствъ, но и въ понятіяхъ

---

[1]) Въ 1655 г., при взятіи Вильны Алексѣемъ Михайловичемъ,—„уніатское монашество и вѣрное уніи духовенство торопилось при появленіи русскихъ бѣжать изъ Вильны наравнѣ съ іезуитами. Въ самой средѣ *православнаго* духовенства, численная сила котораго въ Вильнѣ и вообще въ княжествѣ теперь сильно упала сочувствія къ Москвѣ не были ни особенно горячи, ни особенно прочны, и отнюдь не всеобщи". См. Васильевскаго, „Очеркъ исторіи города Вильны", въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи", вып. 6-й, Спб. 1874, стр. 55.

самой массы русскаго общества, не говоря о „народѣ“, не имѣвшемъ понятія о политическихъ дѣлахъ; — кромѣ того, у приверженцевъ исключительнаго націонализма эти соображенія и въ настоящее время не отличаются особой ясностью и послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII-е столѣтіе вообще не помышляло о народѣ, „народъ“—это была подневольная, служебная,—въ громадномъ числѣ и въ самой имперіи, и въ южномъ и западномъ краѣ, о которомъ шло дѣло, прямо крѣпостная, — масса, не имѣвшая никакого голоса, состоявшая и, по тогдашнему мнѣнію, долженствовавшая состоять подъ полной, исключительной опекой; въ самомъ русскомъ общественномъ строѣ другой взглядъ на этотъ предметъ, самая слабая попытка говорить въ защиту народа принимались за покушеніе противъ цѣлости государственнаго порядка, — и если положеніе вопроса было таково у себя дома, относительно народа, составлявшаго самую русскую имперію, то нельзя было ожидать, чтобы другая точка зрѣнія была примѣнена къ такому же крѣпостному народу другого государства. Очевидно, что главной основой для дѣйствій правительства были здѣсь соображенія чисто внѣшнія, политическія. Съ точки зрѣнія „народной“, выставляемой въ настоящее время, дѣло Польши и юго-западнаго русскаго края должно было бы рѣшиться въ XVIII-мъ вѣкѣ совершенно иначе, чѣмъ оно рѣшалось: Польша должна бы быть оставлена въ покоѣ въ ея этнографическихъ границахъ и у нея не должны были быть отнимаемы средства къ внутреннему преобразованію, которое предвидѣлось, а Россія могла бы стремиться только къ освобожденію того русскаго населенія, которое чувствовало нарушенными свои народныя и религіозныя права. Въ XVIII-мъ вѣкѣ о народности не думали вовсе, выдвигался на сцену вопросъ религіозный, защита правъ „диссидентовъ“, а главнымъ образомъ имѣлись въ виду цѣли политическія—уничтоженіе безпокойнаго сосѣда и увеличеніе государственной территоріи. Было чистой случайностью, что въ трехъ раздѣлахъ Польши на долю Россіи достались западныя и южныя земли, населенныя русскимъ племенемъ, а, напримѣръ, Пруссіи достались земли польскія и литовскія [1]); причина была въ географическомъ положеніи земель,—въ другомъ углу бывшаго польскаго государства, по этой же географической причинѣ, Австрія получила два, три милліона русскаго населенія, совершенно однороднаго съ жителями Волыни и Подоля!.. [2]). Въ послѣднее время въ оправданіе

---

[1]) Впослѣдствіи даже и Пруссіи доставались русскія земли.

[2]) Въ послѣднемъ историческомъ результатѣ, который мы можемъ наблюдать теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ раздѣловъ, оказывается, что польскія земли на западѣ послужили только къ усиленію нашихъ политическихъ враговъ, — между прочимъ, путемъ настоящаго племеннаго поглощенія (въ Пруссіи), на подобіе того, какъ было *нѣкогда съ балтійскими* и полабскими славянами.

политики императрицы Екатерины доказываютъ, что мысль о раздѣлахъ Польши принадлежала не русскому правительству, а Фридриху II-му (теперь это опять отвергается), но вопросъ иниціативы довольно безразличенъ, когда мысль была выполнена обѣими сторонами. Что касается до русскаго народа и общества,—о которыхъ надо вспомнить, если идетъ рѣчь о „народномъ вопросѣ“ юго-западнаго края,—то, какъ замѣчено, они не имѣли здѣсь голоса, а можетъ быть, и мнѣнія: народъ былъ безучастенъ къ событіямъ далекимъ и мало понятнымъ, и носился съ собственнымъ тяжелымъ положеніемъ; общество было едва ли не столь же безучастно — не зная дѣлъ западной Руси, съ которою не имѣло никакихъ ближайшихъ соотношеній; единственное, что могло быть понятно, это — враждебный инстинктъ къ Польшѣ, который не проходилъ съ XVII-го вѣка и до нашихъ дней. Въ существѣ западно-русскаго движенія прошлаго вѣка, въ борьбѣ ослабѣвающаго православнаго населенія противъ религіозныхъ утѣсненій, несомнѣнно бился живой историческій нервъ; происходившія событія имѣли несомнѣнное цѣльно-русское національное значеніе и съ полнымъ правомъ могли бы возбудить интересъ въ обществѣ, себя сознающемъ и имѣющемъ возможность выражать свое сознаніе, — но того и другого не было въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка, и интересъ отсутствовалъ. Здѣсь опять, какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, мы встрѣчаемся съ фактомъ историческаго разъединенія и отчужденія: западная отрасль племени такъ долго жила отдѣльною жизнію, такъ долго была частью чужого государства, что это разъединеніе и было понятно, а болѣе высокое представленіе о народной солидарности, о народномъ правѣ и т. п. не существовало. Какъ въ старину самые настоящіе русскіе западнаго края были, по понятію людей московскаго царства, „литовскіе люди“, такъ и теперь люди „бѣлорусскіе“ были порядочно чужды русскому обществу: исторія была мало знакома, народныя стремленія —мало вразумительны; „Бѣлоруссія“ была новая страна съ тѣми же помѣщиками и крестьянами; помѣщики были поляки (не столько чистые поляки, сколько ополяченные старые русскіе землевладѣльцы), а въ этомъ качествѣ они именно и были близки русскому помѣщичьему обществу, какъ съ другой стороны Бѣлоруссія доставила новый матеріалъ для раздачи крестьянъ; здѣсь, какъ и въ Малороссіи, „освобождаемый“ отъ Польши русскій народъ оставался въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и крѣпостное право упрочилось силою русской администраціи.

Такимъ образомъ, возсоединеніе русскихъ земель имѣло, по преимуществу, характеръ политическій; онѣ подпали русскому административному распоряженію, но были еще далеки отъ національнаго

сліянія; ни русскіе въ имперіи не считали этихъ земель тождественными съ Россіей, ни мѣстные русскіе не утратили своей бытовой и культурной особенности. Одинъ изъ историковъ этого края, новѣйшій бѣлорусскій патріотъ, ревностный партизанъ объединенія, самъ приводитъ цѣлый длинный рядъ примѣровъ этого историческаго разногласія и недоразумѣній, въ эпоху присоединенія. Въ XVIII вѣкѣ, православные элементы юго-западнаго края, издавна различнымъ образомъ связанные съ православною жизнью московской Россіи, ожидали отъ сильной имперіи помощи въ своемъ трудномъ положеніи въ польскомъ государствѣ. Надежды на Россію особенно оживились съ воцареніемъ Елисаветы Петровны и придали новое мужество мѣстнымъ православнымъ въ борьбѣ за права своей церкви; но имъ пришлось долго ожидать помощи, между тѣмъ какъ унія дѣлала все новыя пріобрѣтенія въ западномъ и частію юго-западномъ краѣ. Доходило до того, что въ средѣ самихъ уніатовъ являлась, наконецъ, реакція противъ излишняго усердія тѣхъ ревнителей уніи, которые торопились все болѣе сближать и, наконецъ, смѣшать ее съ католицизмомъ; на насилія самъ народъ сталъ, наконецъ, отвѣчать насиліемъ. Таковы были событія въ Малороссіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр., гайдамацкія возстанія и уманьская рѣзня 1768 года, Если не случилось подобныхъ возстаній въ Бѣлоруссіи, то лишь потому, что здѣсь народная масса была гораздо болѣе подавлена и не имѣла внѣшнихъ способовъ сплотиться для сопротивленія. Борьба западныхъ православныхъ и крестьянскія возстанія на югѣ указывали, гдѣ заключались причины волненій и въ чемъ состояли народныя желанія, но эти желанія не нашли себѣ русской поддержки. Гайдамацкія возстанія въ польскихъ земляхъ были усмирены русскими войсками: „подавлена была даже Запорожская Сѣчь, причемъ эти православные ужасные люди показали именно русскую доблесть. Когда у нихъ передъ приходомъ русскаго войска поднялись толки, что нужно биться и съ русскими, то большинство рѣшило, что нельзя воевать противъ русской царицы“.

„Къ величайшему прискорбію,—продолжаетъ г. Кояловичъ,—все это дѣло подавленія народнаго возстанія въ Украйнѣ вели русскіе люди, или не понимавшіе западно-русскихъ народныхъ дѣлъ, или даже преданные полякамъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, наводившій не разъ ужасъ на польскихъ крикуновъ о вольности и заставлявшій польскіе сеймы дѣлать чтó ему было угодно, князь Репнинъ, въ дѣйствительности, былъ другомъ поляковъ, не бунтовавшихъ противъ Россіи, и былъ всегда весьма недружелюбенъ къ русскимъ западной Россіи... Еще болѣе былъ расположенъ къ полякамъ усмиритель гайдамаковъ, генералъ Кречетниковъ...

„Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, въ усмиреніи гайдамаковъ сдѣлано было много вопіющихъ ошибокъ и несправедливости. Такъ, усмиренные раздѣлены были на двѣ группы и русскіе подданные препровождены для наказанія на восточную сторону Днѣпра, что было совершенно естественно, а другіе—подданные польскаго государства —переданы польскимъ властямъ. Новыми ужасами поражена была украинская земля... Мало того, польскіе паны, не участвовавшіе въ барской конфедераціи, старались обратить русскія войска въ средство для возстановленія своей расшатанной помѣщичьей власти надъ русскими крестьянами своей страны, и не разъ достигали этого"... [1]).

Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши. По словамъ того же автора, „раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергіи народа Украйна, къ изумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ властію Польши, и, что еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмиренія буйной Польши, именно Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшую и къ Украйнѣ, и къ Россіи вообще" [2]).

Присоединеніе къ Россіи имѣло такое дѣйствіе, что унія стала исчезать въ этомъ краѣ сама собой, безъ всякихъ усилій со стороны правительства и даже безъ всякихъ заботъ о ея сохраненіи со стороны уніатовъ; но совершенному ея паденію помѣшало само правительство — извѣстнымъ указомъ о вѣротерпимости, по которому всѣ должны были спокойно оставаться въ своей вѣрѣ. Этотъ указъ насильственно задержалъ въ уніи многихъ, которые были уже готовы бросить ее; разрѣшеніе переходить въ православіе дано было только черезъ нѣсколько лѣтъ по настояніямъ Конисскаго. „Въ то же время, —говоритъ тотъ же историкъ,—Екатерина II сдѣлала другую ошибку, еще труднѣе поправимую. Чтобы надежнѣе привлечь къ Россіи поляковъ Бѣлоруссіи и отвлечь ихъ отъ польскаго фанатическаго духовенства, Екатерина не уничтожила въ этой странѣ іезуитовъ, а, напротивъ, ввѣрила имъ воспитаніе бѣлорусскаго юношества, а остальную латинскую іерархію Бѣлоруссіи старалась направить на путь самостоятельной, независимой жизни подъ руководствомъ извѣстнаго гуманнаго латинскаго митрополита, Сестренцевича. Іезуиты—эти всемірные развратители вѣрующихъ латинскаго закона—страшно развра-

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи, Кояловича, 2-е изд. Спб. 1884, стр. 292—293.

[2]) Тамъ же, стр. 294, 295.

тили бѣлорусскую интеллигенцію, приготовили фанатиковъ и латинства, и полонизма, а гуманный Сестренцевичъ сталъ загонять въ латинство уніатовъ. Сдавленные со всѣхъ сторонъ уніаты сами стали защищать себя" [1]). Дѣло въ томъ, что между уніатами обнаружилось стремленіе къ очищенію уніи отъ ея католическихъ прибавокъ и къ сближенію ея съ православіемъ.

Для остальныхъ русскихъ земель, оставшихся подъ властію Польши, прежній польскій порядокъ вещей продолжался еще двадцать лѣтъ до новыхъ раздѣловъ, хотя движеніе въ пользу православія продолжало созрѣвать. Въ 1793 году произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ память котораго была выбита медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью: „Отторженное возвратихъ". Надпись была вѣрна въ томъ смыслѣ, что возвращались въ самомъ дѣлѣ области, когда-либо принадлежавшія къ Россіи, и русская жизнь въ нихъ возстановлялась; но ошибочна въ томъ отношеніи, что второй раздѣлъ не возвращалъ всѣхъ русскихъ областей Польши. „По второму раздѣлу къ Россіи отошли только часть Бѣлоруссіи по Динабургъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменца-Подольскаго, почти по прямой линіи. Остальная часть Бѣлоруссіи, до Нѣмана и дальше, и Волынь до Галиціи и Холмской области остались за Польшей" [2]). Галиція и часть Холмской области оставались, еще по первому раздѣлу, за Австріей.

Страшное раздраженіе поляковъ послѣ второго раздѣла имѣло слѣдствіемъ возстаніе Костюшки, которое окончилось третьимъ и окончательнымъ раздѣломъ Польши въ 1795 году. Къ Россіи отошла западная часть Бѣлоруссіи и восточная часть Литвы; Пруссіи досталась Литва за Нѣманомъ, сѣверная половина Польши съ Варшавой и даже часть бѣлорусскаго племени въ Подлѣсьѣ и нынѣшній бѣлостоцкій уѣздъ гродненской губерніи; Австрія получила южную Польшу и еще болѣе врѣзалась въ русскую Холмскую область. Этотъ раздѣлъ удержался не долго. Наполеоновскія войны снова пробудили надежду поляковъ на самостоятельное политическое существованіе, но герцогство варшавское продержалось недолго, и съ вѣнскаго конгресса установились тѣ политическія границы Польши и юго-западныхъ русскихъ земель, какія существуютъ до сихъ поръ [3]).

Второй и третій раздѣлы опять усилили движеніе уніатовъ къ православію и, по счету г. Кояловича, въ 1794 и въ началѣ 1795 г.,

---

[1]) Тамъ же, стр. 312, 313. Объ уніатскихъ отношеніяхъ подробнѣе см. въ спеціальной книгѣ того же автора: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ". Спб. 1873.

[2]) Тамъ же, стр. 306.

[3]) Кромѣ присоединенія Кракова къ Австріи въ 1847 г.

присоединилось къ православію больше трехъ милліоновъ уніатовъ, но не безъ волненій и насилій, по его собственному указанію; вся Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи какъ-будто не знали уніи, и она оставалась только въ западной части Бѣлоруссіи, наиболѣе затронутой польскимъ и католическимъ вліяніемъ [1]).

Но успѣхъ возстановленія русской и православной стихіи въ западномъ краѣ былъ непродолжителенъ. Положеніе вещей сильно измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Павла. Какъ извѣстно, этотъ императоръ сожалѣлъ о печальной участи поляковъ; онъ выказалъ свое вниманіе къ Костюшкѣ, освободилъ много поляковъ изъ сибирской ссылки, возвращалъ имъ конфискованныя имѣнія, уже отданныя русскимъ, возстановилъ дѣйствіе Литовскаго Статута, отъ котораго въ восточной Бѣлоруссіи успѣли уже отвыкнуть, и, словомъ, открылъ дорогу къ возстановленію старыхъ польскихъ порядковъ,—конечно, съ тѣмъ вліяніемъ бытовымъ, какое они производили въ старое время. Страна снова очутилась подъ польскими воздѣйствіями и въ польскихъ рукахъ. „Два обстоятельства сразу,—говоритъ историкъ,— упрочивали то и другое еще при императорѣ Павлѣ. Поляки при немъ введены въ русское дворянство и русское чиновничество. Передъ ними открылась вся широта правъ русскаго дворянства и стремленій русскаго чиновничества. Ихъ власть въ западной Россіи на дѣлѣ стала гораздо сильнѣе, крѣпче, чѣмъ во времена польскаго государства. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если вспомнить, что тогда было въ Россіи крѣпостное право, которое должно было лечь новою тягостью на западную Россію. Польское хлопство—неоспоримо худшее состояніе, чѣмъ крѣпостная зависимость въ Россіи; но, при слабости польскаго государства, особенно при его разложеніи, хлопство въ западной Россіи часто было очень страшно панамъ. Отъ него они часто не могли спокойно спать и потому принуждены были иногда противъ воли давать ему льготы. Россія съ своей государственной организаціей, полной силы и способной всегда возстановить порядокъ, избавляла польскихъ пановъ отъ этого страха. Они могли спокойно

[1]) Мы приводили отзывы г. Кояловича, чтобы дать примѣръ взгляда, весьма популярнаго въ послѣднее время, съ оттѣнкомъ бѣлорусскаго анти-польскаго раздраженія. Крайности взгляда, представляемаго г. Кояловичемъ, замѣчены были даже писателемъ, принадлежащимъ въ сущности къ тому же славянофильско-народническому лагерю: де-Пуле называлъ толки о полонофильствѣ Репнина *фразой* („Послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій“, „Заря“, 1871, кн. 9, стр. 136) и судитъ о событіяхъ осмотрительнѣе; но и онъ признаетъ, что послѣ присоединенія западнаго края къ Россіи „старый польскій экономическій и соціальный порядокъ оставался нерушимымъ“ (тамъ же, кн. 7, стр. 260). О взглядахъ самой имп. Екатерины на польско-русскія отношенія западнаго края см. у Соловьева, „Ист. Россіи“, т. XXVI, и Костомарова, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“.

давить хлопа, лишеннаго всякой возможности и надежды обуздать пана. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій западной Россіи, къ императору Павлу нашла доступъ и латинская іерархія" [1]).

Въ то время принимались усиленныя мѣры къ подавленію революціонныхъ началъ, распространявшихся изъ Франціи, и считалось нужнымъ общее дѣйствіе всѣхъ консервативныхъ и религіозныхъ силъ безъ различія исповѣданій. Іезуиты проникли даже во дворецъ; католическая іерархія западнаго края вновь получила значеніе; православная пропаганда противъ уніи остановлена и уніатскія епископства получили прежнее вліяніе. „Словомъ, западная Россія едва сдѣлала рѣшительный шагъ къ восточной Россіи, какъ столь же рѣшительно должна была отступить назадъ къ Польшѣ".

Это положеніе вещей еще болѣе укрѣпилось въ правленіе императора Александра. Извѣстны его отношенія къ польскому вопросу: его великодушіе простиралось до того, что на вѣнскомъ конгрессѣ онъ явился ревностнымъ защитникомъ польскихъ интересовъ даже противъ своихъ союзниковъ; извѣстны его планы относительно Польши, противъ которыхъ возставалъ Карамзинъ [2]). Поляки ожидали, что къ царству польскому будетъ присоединена западная Россія; конституціонное устройство, введенное въ Польшѣ (предположенное также и для Россіи, но оставшееся неосуществленнымъ), напоминало полякамъ о формахъ прежней политической жизни и какъ будто съ вѣдома и сознанія самой власти ставило ихъ выше русскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это устройство порождало недоразумѣнія; преувеличенныя надежды мѣшали благоразумію — уже въ царствованіе Александра происходили конституціонныя столкновенія и, въ результатѣ, росли раздраженіе, ненависть къ русскому господству, заговоры, тайныя общества, наконецъ, въ первые годы царствованія импер. Николая— открытое возстаніе, закончившееся суровымъ усмиреніемъ, совершеннымъ уничтоженіемъ конституціи, удаленіемъ множества дѣятелей возстанія, и въ томъ числѣ многихъ даровитѣйшихъ людей, или въ ссылку или въ эмиграцію съ ея болѣзненными и безплодными волненіями. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ совершено было извѣстное, на этотъ разъ окончательное, возсоединеніе уніатовъ. Въ 1862 году —новое возстаніе, и въ 1863—новое усмиреніе.

---

[1]) Чтенія по ист. Зап. Россіи, стр. 317—318. Выше (т. III, стр. 272 и др.) мы приводили параллельныя указанія о томъ, какъ совершенно такимъ же образомъ укрѣплялось крѣпостное господство польскихъ помѣщиковъ надъ русскими крестьянами въ южной Россіи.

[2]) Но и въ знаменитой запискѣ Карамзина, 1819 г., вопросъ о западномъ краѣ ставится опять только съ внѣшней политической стороны, и нѣтъ рѣчи объ его народной и соціальной сторонѣ.

Такова была вкратцѣ исторія отношеній западно-русскаго края къ государству, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ былъ составной частью. Несмотря на раздѣлы прошлаго столѣтія, прервавшіе старое польское владычество, этотъ край былъ такъ тѣсно связанъ съ Польшей прежнею исторіею и ея культурными вліяніями, что и долго впослѣдствіи тянулъ къ Польшѣ въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи. И, несмотря на то, что этотъ западный край былъ несомнѣнно русскій по массѣ своего населенія и историческому преданію и что, поэтому, его сліяніе съ русскимъ цѣлымъ представлялось весьма естественнымъ, — исторія этого возсоединенія указываетъ, что оно не было, однако, простымъ сліяніемъ тождественныхъ стихій: западная Русь нуждалась въ обезпеченіи своей церковной жизни и въ народномъ освобожденіи,—и, нашедши, до извѣстной степени, первое, долго не нашла второго; что Россія, въ этихъ отношеніяхъ къ западному краю, руководилась гораздо менѣе чувствомъ національнаго единства, чѣмъ внѣшними политическими соображеніями. Оттого историкъ, смотрѣвшій на событія съ точки зрѣнія интересовъ западнаго края, находилъ столько поводовъ скорбѣть о томъ, что такъ часто забывались, въ эпоху присоединенія, самыя жизненныя потребности западно-русскаго народа, такъ часто, даже освобожденный, онъ отдавался опять въ жертву тому же прежнему господству чужой церкви, народности и культуры. Если въ историческихъ преданіяхъ, при всемъ единствѣ племени, западно-русскій край издавна представлялъ свои мѣстныя особенности относительно Руси восточной; если его бытъ государственный складывался впервые въ тѣ же отдаленные вѣка, когда, совсѣмъ отдѣльно, полагались первыя основанія московскаго единодержавія; если потомъ, въ теченіе многихъ столѣтій, западный край жилъ въ политическомъ единствѣ съ Польшей и подъ сильными вліяніями ея быта, не прекращавшимися, въ сущности, до 1860-хъ годовъ, а въ послѣднихъ отголоскахъ даже до нашихъ дней,—то нѣтъ мудренаго, что народность этого края могла пріобрѣсти такія особенныя черты, которыя заставляютъ отличать ее, какъ особый оттѣнокъ русскаго національнаго цѣлаго. Это самое чувствовалось въ XVII столѣтіи, когда московскіе люди продолжали считать своихъ западныхъ братьевъ людьми „литовскими", а послѣдніе съ нѣкоторой недовѣрчивостью относились къ москвитянамъ; и въ XVIII вѣкѣ, когда при самомъ возвращеніи „отторженнаго", на западный край смотрѣли скорѣе какъ на польскій, чѣмъ какъ на русскій; и даже въ настоящемъ столѣтіи, когда до послѣднихъ возстаній русская власть сама содѣйствовала поддержанію здѣсь господства польскаго элемента надъ русскимъ.

Новый взглядъ на народныя отношенія западнаго края возникаетъ, болѣе или менѣе сознательно, только съ 60-хъ годовъ, съ послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ русское общество почти не задавало себѣ вопроса о характерѣ и судьбѣ этого края. Нужно было сильное потрясеніе, нужно было. чтобы оно стало предметомъ европейскихъ толковъ, чтобы польскій вопросъ чуть не повелъ къ политическому вмѣшательству,—для того, чтобы вопросъ о западномъ краѣ сталъ, наконецъ, и передъ нашимъ общественнымъ сознаніемъ... Мы вдругъ открыли, всего съ 1860-хъ годовъ, что западный край есть край русскій; поняли, что до тѣхъ поръ онъ былъ заброшенъ, что нужно изучить его, дать возможность его русской народности освободиться отъ чужого гнета и т. д... Почему не случилось этого раньше?—на это отвѣтить, кажется, не трудно. Тотъ внутренній порядокъ вещей, который господствовалъ въ русскомъ обществѣ до половины 50-хъ годовъ, оставлялъ общество почти равнодушнымъ въ вопросахъ подобнаго рода; оно не имѣло голоса даже въ дѣлахъ, касавшихся самымъ тѣснымъ образомъ его собственныхъ интересовъ, и тѣмъ болѣе были ему недоступны предметы политическаго характера, каковы были дѣла польскія и бѣлорусскія. Политическая литература и публицистика не существовали: не было достаточнаго знанія самой исторіи; рѣчь о народѣ и требованіяхъ народнаго блага была невозможна: —для всѣхъ подобныхъ вопросовъ давалось готовое оффиціальное рѣшеніе, не подлежавшее обсужденію. Результатомъ было, во-первыхъ, незнакомство общества съ положеніемъ вещей, а наконецъ равнодушіе. Впослѣдствіи наше общество не разъ винили за его безучастіе къ дѣламъ западной Руси, къ этому животрепещущему интересу русской народности — ставили это на счетъ оторванности отъ „почвы", отступленію отъ народныхъ началъ и т. п.; но упомянутыя обстоятельства должны очень ограничить эти обвиненія. Возможность общественнаго участія къ этимъ вопросамъ явилась только съ тѣхъ поръ, когда сама русская жизнь была до извѣстной степени освобождена отъ лежавшихъ на ней стѣсненій; западнорусскій вопросъ могъ стать предметомъ общественнаго интереса лишь съ тѣхъ поръ, какъ начались преобразованія прошлаго царствованія, какъ явилась нѣкоторая свобода печати и совершилось освобожденіе крестьянъ.

Въ это время и сдѣлано было упомянутое открытіе. Къ сожалѣнію, однако, открытіе сдѣлано было среди чрезвычайныхъ событій, вліяніе которыхъ и отразилось на истолкованіи западно-русскаго вопроса. Шло усмиреніе польскаго возстанія; для опроверженія польскихъ притязаній, находившихъ отголосокъ въ европейской печати

и дипломатіи, надо было доказывать, что западный край есть край русскій; для истребленія всѣхъ корней возстанія сочтено было нужнымъ принимать крутыя мѣры, какъ уничтоженіе польскаго землевладѣнія, удаленіе польскихъ людей, заглаживаніе самыхъ историческихъ слѣдовъ польскаго пребыванія въ краѣ. Среди внутреннихъ тревогъ, взволновавшихъ въ тѣ же годы само русское общество, и подъ внушеніями еще ранѣе начавшейся и тогда вполнѣ раскрывшейся реакціи, исполнителями дѣла остались люди извѣстнаго консервативнаго оттѣнка, и, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ времени, вопросъ устраненъ былъ отъ свободнаго обсужденія въ общественномъ мнѣніи и печати. Взамѣнъ того, послѣ первыхъ крутыхъ мѣръ, въ самой администраціи западнаго края происходили перемѣны, которыя, въ глазахъ наиболѣе ревностныхъ бѣлорусскихъ патріотовъ и публицистовъ славянофильскихъ, казались даже отступленіемъ отъ настоящей защиты русскаго дѣла въ западномъ краѣ, а съ другой стороны, адвокатами мѣстнаго польскаго интереса явились люди, которыхъ точка зрѣнія была крѣпостническая; независимое сужденіе о предметѣ рисковало только навлечь инсинуаціи съ разныхъ сторонъ и дѣйствительно высказывалось очень рѣдко... Введеніе новаго порядка, возстановленіе русской народности въ западномъ краѣ, совершаясь рядомъ съ репрессивными мѣрами противъ поляковъ, носило также какой-то принудительный характеръ, и основнымъ мотивомъ возстановленія русской народности являлось не столько вниманіе къ особенностямъ и бытовымъ преданіямъ мѣстнаго русскаго народа, сколько обычное административное стремленіе къ одноформенности. Извѣстно, что для этого дѣла на мѣстѣ употреблены были люди, вызванные изъ Петербурга и внутреннихъ губерній, люди, обыкновенно раньше незнакомые съ краемъ, неприготовленные понять его особенности, и которые, наконецъ, искореняя польское, желали искоренять и мѣстное русское, гдѣ оно было не похоже на русскій бытъ внутренней Россіи—та же старая черта взаимнаго непониманія и невниманія къ этнографическимъ и историческимъ особенностямъ западнаго края. Это послѣднее возмущало, наконецъ, и тѣхъ, болѣе просвѣщенныхъ, изъ нашихъ изслѣдователей, которымъ въ то время случалось жить и дѣйствовать въ краѣ [1]).

Съ этихъ только поръ, съ 60-хъ годовъ, начинается первое серьезное этнографическое изученіе западнаго края въ нашей литературѣ. Оно успѣло выразиться потомъ нѣсколькими замѣчательными трудами, хотя до сихъ поръ представляетъ много немаловажныхъ про-

---

[1]) Дальше мы приведемъ подобные отзывы г. Безсонова.

бѣловъ, какъ подобные пробѣлы остаются и въ цѣломъ пониманіи положенія этого края... Обзоръ всего хода бѣлорусской этнографіи, начинающейся—прежде всего въ польской литературѣ—съ первыхъ годовъ нашего столѣтія, укажетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вообще вопросъ о западномъ краѣ представлялся русскому обществу.

ГЛАВА II.

Бѣлоруссія въ эпоху присоединенія. — Труды польскихъ ученыхъ.

Названіе Бѣлоруссіи. — Понятіе о странѣ и народѣ въ эпоху присоединенія: „Записки путешествія“ академика Севергина.—Труды польскихъ ученыхъ: Линде по поводу „Опыта“ Сопикова. — Голембёвскій, Бандтке, Іосифъ Лукашевичъ, Балинскій, Нарбуттъ, Іос. Ярошевичъ, Игн. Даниловичъ и др.—Этнографъ въ эмиграціи: Рыпинскій.

Историки, кажется, до сихъ поръ не доискались, когда въ первый разъ появляется имя „Бѣлой Руси“. Оффиціальное употребленіе этого имени — въ царскомъ титулѣ — начинается съ 50-хъ годовъ XVII вѣка, съ литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича; въ латинскихъ документахъ Alba Russia извѣстна уже въ XVI вѣкѣ. Происхожденіе имени было, вѣроятно, народное: кромѣ Бѣлой, была и Русь Черная, Русь Красная, Червонная. Нашимъ стариннымъ историкамъ названіе Бѣлоруссіи было неясно; Карамзинъ не разъ поправляетъ Татищева, который подъ этимъ именемъ разумѣлъ области ростовскую и суздальскую [1]); съ другой стороны, титулъ царя Бѣлой Россіи упоминается въ иноземныхъ актахъ въ примѣненіи къ московскому царю еще при Иванѣ III, въ 1471 году. Географическое опредѣленіе нынѣшней Бѣлоруссіи также остается до сихъ поръ неустановленнымъ. „Подъ именемъ Бѣлоруссіи,—читаемъ мы въ авторитетныхъ книгахъ [2]),—разумѣютъ губерніи витебскую и могилевскую“;

[1]) Ист. госуд. Росс. II, пр. 262, 384.

[2]) См. Географическій Словарь Россійской имперіи, изд. Импер. Русск. Геогр, Общ., подъ ред. П. Семенова. Т. I. Спб. 1863, стр. 371. Точно также, напр., въ Журналѣ мин. вн. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 31; но въ статьѣ Шпилевскаго, Журналъ министерства. просв. 1846, приб. кн. 1, стр. 5: „бѣлорусскія губерніи — минская.

между тѣмъ, на этнографической картѣ, изданной Географическимъ Обществомъ въ 1875, мы найдемъ бѣлорусское *племя* раскинутымъ по огромному пространству всего западнаго края, болѣе или менѣе сплошными массами; по указанію этой карты и другимъ источникамъ—оно распространено, кромѣ губерній витебской и могилевской, также въ губерніяхъ виленской, гродненской, минской, сувалкской, смоленской, черниговской, псковской, наконецъ, небольшими поселеніями даже въ ковенской, тверской, московской и др. Цѣльнаго обзора этого племени мы еще не имѣемъ, такъ что до сихъ поръ недостаточно ясно, насколько оно однообразно или варьируется отъ псковской губерніи до черниговской и отъ Бѣлостока до Дорогобужа въ губерніи смоленской [1]).

Въ эпоху присоединенія, русская наука и литература едва начинали свои труды по изученію Россіи, и немудрено, что бѣлорусскій край долго не находилъ достаточно къ себѣ вниманія; его считали вполнѣ или по большей части польскимъ и чужимъ. Въ началѣ столѣтія онъ былъ въ томъ смутномъ положеніи, о которомъ мы упоминали, и одно изъ первыхъ, если не первое, ученое путешествіе въ этотъ край, сдѣланное академикомъ Севергинымъ, даетъ любопытный образчикъ тогдашнихъ понятій русскаго общества объ этой странѣ. Севергинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣкъ съ разнообразными и обширными знаніями, и однакоже въ его путешествіи [2]) обнаруживается чрезвычайно странное представленіе объ историческомъ положеніи и свойствахъ западнаго края. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда Севергинъ дѣлалъ свое путешествіе, здѣсь совершалась та реакція польскаго вліянія, которая началась въ царствованіе Павла и особенно усилилась при Александрѣ I. Послѣ разгрома, постигшаго Польшу при Екатеринѣ, теперь снова мелькала въ будущемъ перспектива реставраціи, и въ

могилевская и витебская". Въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавляетъ сюда и часть смоленской, и т. д.

Въ книгѣ: „Бѣлоруссія и Литва" (Спб. 1890) находимъ слѣдующее опредѣленіе: „Въ настоящее время подъ Бѣлоруссіею въ тѣсномъ смыслѣ извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи Могилевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ уѣздовъ послѣдней — Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго. Но бѣлоруссы живутъ также въ губерніяхъ Минской и Гродненской, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ ихъ, занятыхъ малороссами, въ большей части Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла ея, и въ Смоленской губерніи".

[1]) Этнографическая карта бѣлорусскаго племени также при „Чтеніяхъ" г. Колловича.

[2]) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 году академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1803. Продолженіе Записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, и пр. 1804.

польскомъ обществѣ началась оживленная дѣятельность для укрѣпленія своихъ національныхъ силъ. Западный край, или такъ-называемая „Литва“, въ ихъ глазахъ была сама Польша; дѣйствительно, высшій классъ былъ здѣсь едва ли уже не вполнѣ польскимъ, но оставалась народная масса, далеко не ополяченная и казавшаяся, по прежнимъ примѣрамъ, небезопасной въ силу своего русскаго характера и православія, и которая должна была быть объединена въ польскомъ смыслѣ. Началась новая работа для распространенія полонизма и католичества или уніи, съ цѣлью достигнуть однородности населенія и обезпеченія политическаго положенія. Севергинъ, отправляясь въ путь, получилъ отъ тогдашняго попечителя виленскаго учебнаго округа и члена главнаго управленія училищъ, князя Чарторыйскаго, порученіе осмотрѣть училища западнаго края и очутился какъ разъ въ средѣ этой польской и католической пропаганды, среди іезуитовъ и польскаго дворянства: онъ взглянулъ на западный край именно глазами этихъ послѣднихъ до того, что мѣстныхъ православныхъ, т.-е. своихъ собственныхъ единовѣрцевъ, онъ, по католической терминологіи, называетъ „схизматиками“. Въ городѣ Друичинѣ, по словамъ его, монашествующіе ордена были —

„шисматики, базиліане и піары. Первые имѣли только двѣ бѣдныя, деревянныя церкви, да и монашествующихъ особъ было только двѣ: одинъ престарѣлый игуменъ и другой моложе. Извѣстно (!), что шисматики отличаются отъ унеятовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые—патріарху цареградскому. Одѣяніе шисматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны россійскимъ (!). Находясь въ прусской [1]) части Польши и не умѣя, впрочемъ, ни слова по россійски (!), совершаютъ они богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ. Обыкновенное грекороссіянъ привѣтствіе въ праздникъ Христова Воскресенія: *Христосъ воскресе* и отвѣтъ на сіе: *во истину воскресе* также и у нихъ въ употребленіи. О семъ обстоятельствѣ упоминаю я потому, что слышалъ сіе отъ нихъ самъ, находясь здѣсь въ самую недѣлю Святыя Пасхи.

„Говоря о шисматикахъ, не льзя не упомянуть мнѣ также о унеятахъ. Исповѣданіе и особливо богослуженіе унеятовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шисматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ россійской части Польши называютъ они себя россіянами. Церкви ихъ суть обыкновенно бѣдныя деревянныя, а священники отличаются отъ шисматиковъ тѣмъ, что не имѣютъ монашескаго ихъ одѣянія. При семъ примѣтить должно, что бѣдный простой народъ, большею частію, унеяты, а богатые и дворяне суть чистые католики. Унеяты называются также базиліанами. Нѣтъ почти села, какъ въ прусской, такъ и въ россійской Польшѣ, гдѣ бы не было унеятской церкви... Простой народъ, большею частію, юродливъ и грубъ, исповѣдаетъ унеятскую вѣру, и весьма склоненъ къ невѣжеству“ [2]).

---

[1]) По тогдашнему.

[2]) Записки, стр. 92 - 94; Продолженіе записокъ, стр. 94 — 95, 164 — 165; Су-

Первыя этнографическія изслѣдованія въ западномъ краѣ сдѣланы были въ польской литературѣ. Начальныя десятилѣтія XIX-го вѣка отмѣчены въ этой литературѣ особеннымъ оживленіемъ, и, между прочимъ, сильнымъ возбужденіемъ интересовъ научныхъ. Національныя испытанія пробудили въ польскомъ обществѣ, кромѣ патріотическихъ увлеченій, и сознаніе необходимости просвѣщенія, и время имп. Александра I отмѣчено разцвѣтомъ польской науки, которому считаютъ необходимымъ отдать справедливость даже злѣйшіе враги полонизма [1]).

„Въ 1803 году, — говоритъ г. Кояловичъ, — возстановлена была виленская іезуитская академія подъ именемъ университета. Іезуитская сущность—подавленіе въ странѣ всего русскаго, православнаго —осталась въ новомъ университетѣ неприкосновенною, только обставлена была современными научными усовершенствованіями и воплощена больше прежняго въ полонизаціи. Польская національная наука выступила въ виленскомъ университетѣ *въ такомъ величіи, въ какомъ никогда не являлась во времена польскаго государства.* Тутъ собраны были *лучшія дарованія,* тутъ было *все разнообразіе высшаго заведенія*... На другомъ пунктѣ западной Россіи, въ Малороссіи, именно въ Кременцѣ, подлѣ древней православной обители почаевской, давно уже, впрочемъ, захваченной уніатами и бывшей тогда въ ихъ рукахъ, устроилась главная колонія Виленскаго университета—Кременецкій лицей, подъ управленіемъ Чацкаго, главнаго совѣтника Чарторыйскаго или, лучше сказать, руководителя его“... [2]).

Указанныя самимъ историкомъ черты Виленскаго университета называются имъ дальше „обманчиво-величественными“,—но въ польской литературѣ виленская и кременецкая научная и литературная дѣятельность оставила весьма существенное вліяніе, а въ свое время такой „обманчивости“ вовсе не находило и русское общество,—тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность произвела обильные и наглядные научные труды. Если припомнить состояніе тогдашнихъ русскихъ университетовъ, которое, за исключеніемъ университета Московскаго, гдѣ начиналась нѣкоторая самостоятельная жизнь—было по истинѣ младенческое, то надо будетъ умѣрить требовательность относительно университета Виленскаго, который могъ похвалиться тогда многими знаменитыми именами. И кромѣ университета, польская литература

хомлинова, Исторія Росс. Акад. IV (Сборникъ II Отд. Акад., т. XIX), стр. 58 и слѣд.

[1]) Ср. сочувственные отзывы Костомарова объ образовательномъ движеніи въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка, которымъ воспитано было дѣйствовавшее теперь поколѣніе. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, изд. 3-е. Спб. 1886, I, 156 и слѣд.

[2]) Чтенія, стр. 321.

того времени имѣла многихъ замѣчательныхъ писателей, которые пользовались большой извѣстностью и въ тогдашней русской литературѣ. Такъ, извѣстны были имена Снядецкихъ, Почобута, Чацкаго, Линде, Бродзинскаго, Лелевеля, Лобойки, Даниловича и др., писателей старыхъ и молодыхъ; въ дѣятельности ихъ между прочимъ сказывалась тогда живая струя славянскаго народнаго романтизма, оставшаяся не безъ вліянія и въ нашей литературѣ. Въ области поэзіи, это было время разцвѣта Мицкевича. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ [1]), что эти десятилѣтія, до 30-хъ годовъ, были рѣдкимъ и любопытнымъ примѣромъ взаимнаго интереса, проявлявшагося и съ русской, и съ польской стороны,—и, чтобы правильнѣе оцѣнить отношенія того времени, надо припомнить эту роль тогдашней польской литературы. Польское общество того времени носилось съ мыслію о возстановленіи своей родины; это не была одна лишенная всякой реальной основы „интрига"—была здѣсь и возможность искренняго убѣжденія: полу-независимая, конституціонная Польша была мыслью самого русскаго императора; поляки увѣрены были въ высокомъ достоинствѣ польской образованности, и оно въ значительной степени признавалось въ тогдашней русской литературѣ. Въ журналахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ нерѣдко сообщаются свѣдѣнія о польской литературѣ, и переводы польскихъ сочиненій по исторіи, археологіи; съ уваженіемъ называются имена Линде, Снядецкихъ, Лелевеля, Даниловича; идеи Казимира Бродзинскаго приводятся въ доказательство важности изученія народной поэзіи; наконецъ, являются переводы съ польскаго и по занимающему насъ предмету, и это были у насъ, кажется, первыя свѣдѣнія по бѣлорусской этнографіи. Мы и начнемъ съ этихъ польскихъ опытовъ.

Здѣсь вопросъ о бѣлорусской народности бывалъ, понятно, окрашенъ особеннымъ образомъ. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ въ первый разъ складывается тотъ этнографическій взглядъ, который отличалъ потомъ польскихъ этнографовъ даже до новѣйшаго времени. Послѣ всѣхъ политическихъ переворотовъ польская земля все еще представлялась патріотамъ въ тѣхъ границахъ, какія она имѣла до раздѣловъ: на цѣлое столѣтіе „Польша въ границахъ 1772 года" оставалась неизмѣннымъ идеаломъ и чуть не существующимъ фактомъ; русскія части ея, присоединенныя къ Россіи, считались „заграбленными" „наѣздомъ", но тѣсно связанными съ Польшей всею исторіей, характеромъ и сочувствіями самихъ жителей; исторія и характеръ опредѣлялись распространеніемъ полонизма въ этихъ краяхъ въ старое время, а сочувствія измѣрялись присутствіемъ въ

[1]) Томъ III.

этихъ краяхъ полонизированнаго высшаго и, частью, средняго сословія, дѣйствительно тяготѣвшихъ къ Польшѣ. Составъ „польскаго народа“ опредѣлялся по территоріямъ старой Польши; это были— „Корона“, „Литва“ и „Русь“. Корона — это было царство польское, старая собственная Польша, метрополія польской народности; Литва— старое княжество литовское, гдѣ само литовское племя занимало меньшее мѣсто, а главную долю составляли западные русскіе, или бѣлоруссы; Русь означала собственно южную Русь—Малороссію (нѣкогда принадлежавшую Польшѣ въ составѣ „Малой Польши“), которая считалась настоящимъ русскимъ (по вмѣстѣ полу-польскимъ) племенемъ въ отличіе отъ московитовъ или россіянъ, племени, испорченнаго восточными примѣсями. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о тѣхъ двусмысліяхъ, какими наполнено было въ польской литературѣ это толкованіе отношеній Польши и Руси: подобное двусмысліе господствовало и въ толкованіи „Литвы“. Невозможно было, конечно, смѣшать собственную Литву и русское населеніе западнаго края; но что касается до послѣдняго, то сначала, можетъ быть, просто по незнанію, а потомъ и намѣренно польскіе этнографы никакъ не отождествляли (русскую) „Литву“ съ племенемъ русскимъ въ имперіи и представляли ее особымъ народомъ. Этому косвенно помогало или соотвѣтствовало то обстоятельство, что сами русскіе, какъ мы видѣли, слабо припоминали, и въ московскія, и въ новѣйшія времена, свое единство съ бѣлоруссами. По книжной памяти о древнихъ кривичахъ, польскіе этнографы называли русскихъ жителей западнаго края „кривичанскими“ или „кревицкими славянами“, и довольно настойчиво повторяли это имя, не существующее въ дѣйствительности. Названіе это заходило потомъ даже въ русскія сочиненія... Какъ дальше увидимъ, этотъ этнографическій предразсудокъ или тенденція не мѣшали, впрочемъ, искреннему интересу польскихъ этнографовъ къ изученію западнаго края.

Одинъ изъ первыхъ научнымъ образомъ разсматривалъ этотъ вопросъ знаменитый Линде. Поводъ къ тому дали ему „Опытъ россійской библіографіи“ Сопикова (первый томъ вышелъ въ 1813 году) и изслѣдованіе о Литовскомъ Статутѣ. Въ русской литературѣ Сопиковъ былъ первымъ, весьма замѣчательнымъ для своего времени библіографомъ. Къ своему „Опыту“ онъ приложилъ свѣдѣнія о началѣ книгопечатанія и распространеніи его въ земляхъ славянскихъ и въ Россіи. Между прочимъ, онъ первый у насъ говорилъ съ нѣкоторой подробностью о книгопечатной дѣятельности въ западной Руси XVI—XVII вѣка и далъ первое подробное описаніе знаменитой библіи Скорины—книги, по его отзыву, „прерѣдкой“. По его указанію, этой книги не имѣлось въ самой академіи; Добровскій, въ быт-

ность свою въ Вильнѣ и Варшавѣ, не могъ, при всемъ стараніи, отыскать тамъ ни одной книги библіи Скорины; Сопиковъ старательно разыскивалъ экземпляры этого изданія и по частямъ видѣлъ ихъ въ библіотекѣ моск. госуд. архива иностранныхъ дѣлъ, въ библіотекахъ графа Ѳ. А. Толстого и Дубровскаго, въ московской духовной типографіи, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ библіотекахъ московскаго профессора Баузе и П. Я. Чаадаева [1]); въ своемъ описаніи Сопиковъ помѣстилъ много выписокъ изъ этой рѣдкой книги. Объ обстоятельствахъ развитія западно-русскаго книгопечатанія онъ сообщаетъ, впрочемъ, немногое; онъ знаетъ только, что были „славяно-россіяне“ или православные, „въ польскихъ краяхъ пребывающіе“, и о бѣлорусскомъ языкѣ дѣлаетъ только слѣдующее замѣчаніе: „Подъ именемъ бѣлорусскаго языка разумѣется нарѣчіе жившихъ въ Бѣлоруссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ греческаго исповѣданія людей. Монахи въ тѣхъ странахъ, жившіе до исхода XVII-го столѣтія, почти всѣ свои богословскія и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: славянскаго, русскаго, польскаго, а частію и латинскаго“ [2]).

„Опытъ“ Сопикова вызвалъ замѣчательный для своего времени разборъ Линде, напечатанный въ 1816 году [3]). Самуилъ-Богумилъ Линде (родомъ изъ Торуня, или Торна, 1771—1847) изучалъ филологію въ лейпцигскомъ университетѣ и послѣ былъ тамъ лекторомъ польскаго языка; еще живя въ Лейпцигѣ, онъ пользовался вниманіемъ и помощью Потоцкихъ, Колонтая, Нѣмцевича, Оссолинскаго; въ 1804 вызванный прусскимъ правительствомъ въ Варшаву, онъ сталъ директоромъ лицея, основаннаго въ 1804 году, и много работалъ по учебному вѣдомству. По основаніи варшавскаго университета Линде былъ назначенъ директоромъ публичной библіотеки. Важнѣйшимъ трудомъ его былъ знаменитый Словарь польскаго языка, вышедшій въ шести большихъ томахъ въ Варшавѣ въ 1807—1814 годахъ [4]).

Этотъ Словарь, плодъ громаднаго труда, гдѣ введены уже сравненія между славянскими нарѣчіями и до нѣкоторой степени присоединенъ элементъ историческій, былъ важнымъ явленіемъ въ цѣломъ

---

[1]) См. „Опытъ“ I, стр. 6—18, 25—45.

[2]) „Опытъ“, I, стр. 167, прим. Въ примѣръ бѣлорусскаго языка онъ приводитъ выписку изъ книги: „Лекарство на оспалый смыслъ человѣчій“ (переводъ изъ Іоанна Златоуста, пресвитера Даміана, на славянскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. Острогъ, 1607 г.). „Опытъ“, стр. 106—107.

[3]) „O literaturze rosyjskiej“, въ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“. 1816, czerwiec (іюнь), стр. 125 и д. Русскій переводъ, въ извлеченіи, въ „Вѣстн. Евр.“, Каченовскаго, 1816, ч. 90, № 21, стр. 110, и № 23, стр. 230 и д.

[4]) Второе изд. съ дополненіями, сдѣланное Августомъ Бѣлёвскимъ и Вагилевичемъ. Львовъ, 1854—1860.

развитіи славянскаго возрожденія, какъ одинъ изъ первыхъ трудовъ высокаго научнаго достоинства, обобщавшихъ славянскій матеріалъ, а въ польской литературѣ онъ сталъ національнымъ памятникомъ. Имя Линде пріобрѣло великую славу, которая, между прочимъ, высоко цѣнилась и въ русской литературѣ. Разборъ русской книги показывалъ въ польскомъ критикѣ тотъ болѣе широкій интересъ научнаго общенія съ русской литературой, о которомъ мы говорили выше, и хорошую ученую школу, какой недоставало русскому библіографу-любителю [1]). Указавъ пробѣлы и неточности въ изложеніи исторіи славянскаго книгопечатанія у Сопикова, Линде дополняетъ его собственными указаніями, — изъ которыхъ приведемъ нѣсколько подробностей. Западно-русскіе писатели, повидимому, представлялись для Линде въ какомъ-то двойственномъ видѣ. Они какъ будто казались ему польскими. Линде упрекаетъ Сопикова, что тотъ, упоминая, напр., о старыхъ чешскихъ библіяхъ, не помѣщаетъ библій польскихъ, напр., по крайней мѣрѣ, библіи Буднаго,—„тѣмъ болѣе, что г. Сопиковъ не упустилъ сказать о катехизисѣ того же автора для простыхъ людей русскаго языка, изданномъ въ Несвижѣ [2]). Вообще, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о польскихъ сочиненіяхъ даже тѣхъ *нашихъ авторовъ,* которые и въ церковномъ языкѣ, и въ польскомъ *равно были искусны,* напр., Мелетія Смотрицкаго, Галятовскаго, Барановича, Коссова, Саковича, Зизанія; да и въ такихъ случаяхъ молчитъ, когда одно и то же самое сочиненіе издано было особо на церковномъ языкѣ и особо на польскомъ, напр., Мелетія Смотрицкаго Апологія и Плачъ (Θриносъ)“... [3]). Приводя далѣе упомянутое выше замѣчаніе Сопикова о бѣлорусскомъ языкѣ, Линде прибавляетъ, что „будетъ имѣть случай сравнить этотъ языкъ со старымъ славянскимъ“.

Обращаясь къ подробностямъ литературы церковнаго языка, Линде дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, очевидно для своихъ соотечественниковъ. „Если бы кто, бывъ предубѣжденъ противъ литературы церковнаго языка, могъ подумать, будто бы она содержитъ въ себѣ книги, единственно къ богослуженію греческой церкви относящіяся, и слѣдственно намъ чуждыя, тому я скажу въ отвѣтъ, что въ нашемъ Краковѣ вышли первыя на церковномъ языкѣ изданія; что Кіевъ, Супрасль, Почаевъ, Несвижъ, Львовъ, Вильно и пр. участвовали въ печатаніи книгъ церковныхъ; что имена князей Острожскихъ, Радзивиловъ, Соломерецкихъ, графовъ Ходкевичей прославились покровительствомъ сей отрасли литературы славянской; что Литовскіе Ста-

[1]) Позднѣе, Линде издалъ польскій переводъ первой и единственной тогда исторіи русской литературы, Греча, съ своими дополненіями.

[2]) „Опытъ“, т. I, № 552.

[3]) „Вѣстн. Евр.“ 1816, ч. 90, стр. 118.

туты, первый и третій, вышли на русскомъ языкѣ; что всѣ Ягеллоны, даже до Сигизмунда-Августа въ Литвѣ писали по-русски, давали грамоты и привилегіи, а по словамъ нашего Бандтке (въ его исторіи книгопечатанія), кажется, нѣкоторые изъ нихъ не слишкомъ сильны были въ польскомъ языкѣ, и что, по крайней мѣрѣ; Казимиръ Ягеллонъ раньше зналъ по-русски, чѣмъ по-польски; прибавлю, что какъ языкъ церковный никогда не былъ чуждымъ Польшѣ (?), равнымъ образомъ и его литеразура никогда не могла быть ей чуждою" [1]).

Эта „Польша", которой никогда не былъ чуждымъ славянскій языкъ, представлялась тѣмъ западно-русскимъ краемъ, который и по прежнимъ, и по теперешнимъ польскимъ понятіямъ составлялъ нераздѣльную часть этого государства.

Въ дополненіе къ примѣрамъ бѣлорусскаго языка, приведеннымъ у Сопикова, Линде указываетъ еще поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго объ „Антихристѣ и его знакахъ", напечатанное въ Вильнѣ въ 1596 году, на одной сторонѣ бѣлорусскимъ языкомъ и славянскими буквами, а на другой — по-польски и готическимъ шрифтомъ. Эту книгу Линде считалъ важною потому, что она давала возможность наглядно сравнивать бѣлорусскія слова съ польскими; оба языка оказывались, на его взглядъ, почти сходными и разница состояла только въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ [2]). Это сходство, котораго на дѣлѣ не было въ такой степени между народнымъ бѣлорусскимъ и польскимъ, здѣсь могло бросаться въ глаза потому, что въ *книжномъ* западно-русскомъ языкѣ, уже съ XVI-го столѣтія, является много лексическихъ заимствованій изъ языка польскаго.

Обозрѣвая, на основаніи работы Сопикова и собственныхъ матеріаловъ и соображеній, исторію старо-славянскаго книгопечатанія и литературы, Линде приходилъ къ выводу, что ихъ развитіе шло по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Въ этомъ движеніи онъ указываетъ сильное участіе Польши, такъ какъ первыя церковно-славянскія типографіи явились въ Краковѣ и въ той западно-русской „Литвѣ", которую онъ отождествляетъ съ Польшей. Затѣмъ,—говоритъ онъ,—наступаетъ „новое явленіе", „та важная эпоха, когда россійская литература, новая отрасль славянской, съ такою быстротой поднялась и расширилась, что уже совершенно затмѣваетъ послѣднюю и беретъ верхъ надъ старинною", и когда „то участіе, которое поляки имѣли въ старинной славянской литературѣ, равно какъ и въ русской",—прекращается.

Таковы были понятія о положеніи западно-русскаго языка у ни-

[1]) Тамъ же, стр. 122—123. См. также стр. 242—243.
[2]) Тамъ же, стр. 240—242.

сателя, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ того времени. Прибавимъ кстати, что Линде уже тогда, за нѣсколько лѣтъ до знаменитой статьи Востокова, съ которой считаютъ возникновеніе мысли объ исторіи славянскаго языка, высказывалъ мимоходомъ любопытныя соображенія о возможности историческаго изученія языка; эти соображенія показались очень странными русскому переводчику его статьи, Каченовскому, но на самомъ дѣлѣ угадывали будущій вопросъ науки. По поводу отношеній западно-русскаго и польскаго языка, Линде замѣчалъ: „можно бы весь составъ славянскаго языка *хронологически* расположить на эпохи такимъ образомъ: 1) на эпоху предславянскую; 2) на эпоху славянскую; 3) на эпоху нарѣчій; 4) на эпоху макаронизмовъ, послѣдованія вѣковъ, сосѣдствъ, связей политическихъ и торговыхъ и пр.“ Каченовскій, передавая эти слова, сопровождаетъ ихъ недоумѣвающими возраженіями; объ эпохѣ „предславянской“ онъ спрашиваетъ: „а что мы найдемъ въ этой эпохѣ?“—объ эпохѣ „славянской“: „гдѣ она?“ — и въ заключеніе говоритъ: „сомнѣваемся, чтобы къ чему-нибудь послужило такое раздѣленіе“ [1]). Но именно къ подобному раздѣленію приходила позднѣйшая наука: Линде, очевидно, думалъ, что наука можетъ поставить вопросъ о той до-исторической эпохѣ, когда славянскій языкъ еще не выдѣлился въ особую отрасль, той эпохѣ, которая называется теперь арійскою; эпоха славянская обозначаетъ тотъ, предполагаемый теперь наукою, періодъ, когда славянская отрасль уже выдѣлилась изъ арійскаго цѣлаго, но еще сохраняла свое единство и не дѣлилась на отдѣльныя группы племенъ и нарѣчій, и т. д.

Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что польскіе этнографы, чтобы отличить языкъ южный или западный русскій (малорусскій или бѣлорусскій) отъ русскаго (великорусскаго, литературнаго), называютъ именно первый „русскимъ“, а второй—„россійскимъ“. Такъ это дѣлаетъ и Линде, вѣроятно, безъ всякой тенденціи (явившейся послѣ), а просто по привычкѣ, потому что народъ западнаго края изстари назывался русскимъ, а народъ русскаго государства для отличія давно назывался у поляковъ [2]), по политическому названію *государства*, московскимъ, а позднѣе -- россійскимъ. Каченовскій, чтобы передать эту разницу, употребляетъ такое различеніе: польское названіе „русскій“ (т.-е. западно-русскій) онъ передаетъ словомъ: „руській“ и замѣчаетъ: „перевожу: руськой языкъ, чтобы не смѣшивать съ нашимъ русскимъ; сей послѣдній у поляковъ назы-

[1]) Тамъ же, стр. 239—240, прим.

[2]) Какъ и у западныхъ европейцевъ стараго времени, и у самихъ западныхъ и [illegible]ныхъ славянъ.

вается въ просторѣчіи московскимъ, а на письмѣ россійскимъ; подъ руськимъ же разумѣютъ они употребляемый жителями губерній: минской, кіевской, волынской и подольской" [1]).

Выше упомянуто, что Линде предполагалъ заняться сравненіемъ бѣлорусскаго языка со старымъ славянскимъ. Это было сдѣлано имъ въ другомъ трудѣ, вышедшемъ въ томъ же 1816 году—въ изслѣдованіи объ одномъ изъ старѣйшихъ и знаменитыхъ памятниковъ западно-русскаго языка, Литовскомъ Статутѣ [2]). Въ этой книгѣ, представляющей подробный трактатъ о различныхъ редакціяхъ и переводахъ знаменитаго законодательнаго памятника, Линде въ особой главѣ останавливается на языкѣ и письмѣ Литовскаго Статута. Этотъ языкъ былъ русскій, но въ какомъ отношеніи находится онъ къ господствующему русскому языку и къ языку церковному? По мнѣнію Линде, выраженіе „русскій языкъ" часто употребляется не совсѣмъ точно, и онъ указываетъ, что даже одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ ученыхъ авторитетовъ, Чацкій, смѣшивалъ языкъ Статута и съ церковнымъ языкомъ, и съ „россійскимъ", а также, напр., языкъ древняго перевода Новаго Завѣта считалъ началомъ той русской литературы, которая въ XVIII вѣкѣ имѣла Ломоносова и Державина. „При всемъ томъ,—замѣчаетъ Линде,—россіянинъ, который съ восторгомъ декламируетъ стихотворенія Ломоносова, Державина и т. д., и греко-россійскій духовный, который на память знаетъ славянскую библію, не пойметъ и одной статьи русскаго Литовскаго Статута, до такой степени, что найдено было нужнымъ издать переводъ Литовскаго Статута на языкъ россійскій" [3]). Такъ какъ языкъ, на которомъ былъ писанъ и печатанъ Литовскій Статутъ, ничѣмъ не отличается отъ языка въ книгѣ Зизанія (Поученіе св. Кирилла объ Антихристѣ), который у Сопикова названъ бѣлорусскимъ, то и Линде находилъ въ этомъ основаніе называть языкъ Литовскаго Статута бѣлорусскимъ. Приводя параллельную выписку одного мѣста въ Статутѣ на языкѣ подлинника и въ старомъ польскомъ переводѣ, Линде находитъ, что здѣсь лишь немногія слова потребовали бы объясненія для поляка; главная разница заключается въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ. Линде замѣчаетъ при этомъ, что, благо-

[1]) Тамъ же, стр. 122. Эта нелѣпость различенія „руськаго" отъ „русскаго" не помѣшала, однако, этому термину войти у насъ въ употребленіе для обозначенія западно-русскаго языка, и въ послѣдній разъ этотъ терминъ употреблялся въ оффиціальномъ учебникѣ исторіи русской словесности, составленномъ въ 1850-хъ годахъ, если не ошибаемся, извѣстнымъ академикомъ И. И. Давыдовымъ.

[2]) O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, przez M. Sam. Bog. Linde; w Warszawie, 1816. 4°.

[3]) O Statucie Lit., стр. 12. Линде разумѣетъ новый русскій переводъ, изданный въ 1811.

даря чистотѣ стиля русскаго Литовскаго Статута, языкъ его стараго и очень близкаго польскаго перевода считается образцовымъ, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ макаронизмовъ, которые въ то время начали крайне искажать польскій языкъ. Несмотря на эту близость съ польскимъ, въ русскомъ языкѣ Литовскаго Статута есть довольно выраженій, хотя извѣстныхъ полякамъ, по болѣе или менѣе непривычныхъ; другія употребляются въ иномъ смыслѣ; далѣе, есть въ Статутѣ довольно много словъ, или очень далеко, или совершенно отходящихъ отъ польскаго и, напротивъ, близкихъ къ „россійскому" или къ церковному, или наконецъ совсѣмъ чуждыхъ славянщинѣ. Приводя мнѣніе Сопикова, что бѣлорусскій языкъ представляетъ смѣсь славянскаго (Линде толкуетъ: церковнаго), русскаго (Линде толкуетъ: россійскаго), польскаго и отчасти латинскаго, Линде замѣчаетъ, что здѣсь пропущена еще одна составная часть бѣлорусскаго языка, а именно — нѣмецкіе макаронизмы, которые въ немъ тѣ же, что въ польскомъ, а можетъ быть, и пришли на Русь изъ Польши.

Такъ опредѣлялъ Линде складъ бѣлорусскаго языка. Онъ не отождествлялъ его ни съ языкомъ русскимъ, ни съ польскимъ. Въ его взглядѣ были, конечно, неточности. Напр., то обстоятельство, что для практическаго употребленія въ новѣйшее время потребовался новый переводъ съ бѣлорусскаго языка XV — XVI вѣка, ничего не говоритъ противъ исторической принадлежности самаго языка; для новѣйшаго читателя понадобился бы также точно переводъ и другихъ старыхъ русскихъ памятниковъ. Далѣе, тотъ разрядъ бѣлорусскихъ словъ, которыя Линде отмѣтилъ въ Статутѣ какъ совсѣмъ чуждыя польскому языку и даже всей остальной славянщинѣ, этотъ разрядъ совершенно совпадаетъ съ народнымъ русскимъ языкомъ. Истина была въ томъ, что, при несомнѣнномъ единствѣ происхожденія и основныхъ чертъ языка бѣлорусскаго съ русскимъ (россійскимъ, великорусскимъ), первый представлялъ свои мѣстныя отличія, какія въ древности отличали, напр., языкъ средней Руси, новгородскаго сѣвера, кіевско-галицкаго юга; что впослѣдствіи, отдѣлившись политически, бѣлорусское племя переживало особыя вліянія, отразившіяся на его языкѣ, а именно, во-первыхъ, развились его давнія звуковыя особенности, проникшія — внѣ воздѣйствія общей русской письменности—въ языкъ книжный, а во-вторыхъ, размножились „макаронизмы" изъ языковъ латинскаго, польскаго и нѣмецкаго, и складъ рѣчи сталъ принимать польскіе обороты.

Второе и третье десятилѣтія нынѣшняго вѣка отмѣчены все болѣе распространяющимся интересомъ къ народности и народной поэзіи. Польская литература того времени воспринимала этотъ интересъ едва ли не больше тогдашней русской, и первыя изученія бѣлорус-

ской народности появляются въ трудахъ польскихъ этнографовъ-любителей. Линде уже воспользовался народнымъ бѣлорусскимъ матеріаломъ для своего польскаго словаря. Ходаковскій, который самъ былъ уроженецъ западнаго края, между прочимъ странствовалъ и въ Бѣлоруссіи, особенно въ восточной ея части, и, по словамъ Безсонова, сборникъ пѣсенъ Ходаковскаго разошелся послѣ его смерти по разнымъ рукамъ и часть собранія бѣлорусскаго осталась въ бумагахъ Калайдовича [1]). Въ польскихъ журналахъ того времени нерѣдко помѣщались небольшія статьи о бѣлорусскомъ бытѣ, преданіяхъ, бѣлорусскія пѣсни, и отсюда переводились въ русскихъ журналахъ. Такъ, напр., явилась въ виленскомъ журналѣ 1817 г. статья г-жи Чарновской о миѳологическихъ преданіяхъ бѣлорусскаго народа [2]), которая потомъ дважды переведена была на русскій [3]). Въ томъ же виленскомъ журналѣ помѣщена была статья Игнатія Шидловскаго, одного изъ виленскихъ „шубравцевъ", о свадебныхъ обрядахъ въ минской губерніи [4]). Затѣмъ, въ русскихъ журналахъ двадцатыхъ годовъ не разъ появляются статьи о западной русской исторіи и народности, или переведенныя изъ польскихъ книгъ и журналовъ, или составленныя мѣстными уроженцами съ польскимъ образованіемъ и писавшими по-русски [5]).

---

[1]) См. „К. Ѳ. Калайдовичъ, біографическій очеркъ" и пр. Безсонова, въ „Р. Бесѣдѣ", 1860, и въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. ист. и древн. 1862, кн. 3; „Бѣлорусскія пѣсни", изд. П. Безсонова, Москва, 1871, стр. XXI.

[2]) Maria Czarnowska; „O zabytkach mitologii słowiańskeij, dochowanych w zwyczajach wiejskiego ludu na Białej Rusi", въ Tygodn. Wilenski, 1817, № 34, стр. 396—408.

[3]) „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи", „Вѣстн. Евр." 1818, ч. 102, стр. 53—56, 111—119 (наблюденія относятся къ могилевской губерніи), и та же статья „Остатки славянской миѳологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ", въ „Сѣверномъ Архивѣ", 1822, т. IV, стр. 463—473.

[4]) Ign. Szydłowski, „O obrzędach weselnych ludu wiejskiego w gub. Mińskiej", Tygodn. Wileński, 1819, т. I, стр. 1 и 81. Біографію этого Шидловскаго см. въ книгѣ гр. Тышкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego, Wilno, 1847, стр. 277—286.

[5]) Напр., „О происхожденіи законовъ, имѣвшихъ силу въ Польшѣ и Литвѣ", изъ статьи Ѳаддея Чацкаго, въ Dziennik Wil., въ „Вѣстн. Евр." 1824, ч. 135—137.

— „Бѣглый взглядъ на исторію Литвы", изъ Бандтке, „Вѣстн. Евр." 1826, ч. 146.

— „Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссіи", „Вѣстн. Евр." 1828, ч. 158—статья Казимира Фалютынскаго, присланная секретарю московскаго Общества исторіи и древностей изъ Виленскаго университета; авторъ—уроженецъ витебской губерніи, которую онъ и описываетъ; наблюденія его относятся до простого народа уніатскаго обряда.

— „Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простого народа въ новогрудскомъ повѣтѣ литовско-гродненской губерніи", Мухлинскаго; переводъ съ польскаго. „Вѣстн. Евр." 1830, ч. 172.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, польская этнографія продолжаетъ обращаться къ народной жизни Бѣлоруссіи, отчасти вводя ее въ общія изслѣдованія о польской старинѣ и народности, отчасти изслѣдуя ее въ отдѣльности, хотя опять съ польской точки зрѣнія. Таковы были труды Лукаша Голэмбёвскаго (1773 — 1849), въ свое время имѣвшаго большую извѣстность въ ряду этнографовъ эпохи славянскаго возрожденія, а позднѣе оцѣняемаго менѣе высоко, потому что онъ, какъ и большинство тогдашнихъ любителей не только въ польской, но и въ другихъ славянскихъ литературахъ, не отличался строгою критикою, и притомъ не мало пользовался рукописями стараго польскаго собирателя, Андрея Китовича (1728—1804). Изъ этнографическихъ сочиненій Голэмбёвскаго извѣстны: „Lud polski, jego zwyczaje i zabawy" 1830; „Ubiory w Polsce od najdawniejszych czasów aż do chwil obecnych" 1830; „Domy i dwory w Polsce", 1830; „Gry i zabawy" и пр., 1831. Здѣсь, особенно въ книгѣ „Польскій народъ", приведены, рядомъ съ польскими, и черты бѣлорусскаго быта, и даже нѣсколько пѣсенъ, переписанныхъ польскими буквами и съ ихъ мотивами.

Подобнымъ образомъ польскіе изслѣдователи давно посвящали труды географіи, исторіи и археологіи западнаго края и Литвы. Ихъ сочиненія въ первой половинѣ столѣтія были почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о западномъ краѣ и для русской литературы, а иногда сохраняютъ свое значеніе до сихъ поръ. Напомнимъ главнѣйшіе изъ подобныхъ трудовъ. Таковы были, между прочимъ, книги Юрія Самуила Бандте (1768—1835) по исторіи польскаго и литовскаго книгопечатанія [1]), очень извѣстныя русскимъ библіографамъ; сочиненія Іосифа Лукашевича (1799—1873) по исторіи реформаціи и школъ въ Польшѣ и Литвѣ, т.-е. западно-русскомъ краѣ, сочиненія, которыя цитируются и донынѣ [2]); обширный трудъ по исторической географіи и статистикѣ Польши и Литвы, Михаила Балинскаго (1794 — 1863),—который вмѣстѣ съ Лелевелемъ былъ основателемъ „Виленскаго Ежедневника" и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашнемъ польскомъ литературномъ и научномъ движеніи въ западномъ краѣ, — и Тимоѳея Липинскаго (1797 — 1856), трудолюбиваго историка и археолога [3]).

[1]) Historya drukarń krakowskich, Краковъ, 1815; Historya drukarń w Krolestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem, тамъ же, 1826.

[2]) O kościolach Braci Czeskich w dawnej Polsce, Poznań 1835; Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie, 2 т., 1844; Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małopolsce, 1853; Historya Szkół w Koronie i w W. X. Litewskiem, 4 т., 1849—51.

[3]) Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana, 3 тома (въ 4 книгахъ), Warsz. 1843 — 50. Балинскому принадлежитъ соб-

Въ особенномъ интересѣ, съ которымъ велось въ польской литературѣ изученіе западнаго края, „Литвы“, можно было замѣтить, наконецъ, любопытную черту — выдѣленіе особаго мѣстнаго элемента. Г. Безсоновъ, успѣвшій довольно хорошо присмотрѣться къ историческимъ и общественнымъ отношеніямъ западнаго края, видѣлъ въ этомъ интересѣ цѣлый переворотъ. „Пятидесятые года нашего столѣтія, — говоритъ онъ — были счастливы: стороны, обреченныя вѣчно бороться и спорить, но вовсе ничѣмъ не обязанныя враждовать, ненавидѣть и ѣсть другъ друга, начали рѣшительно искать сближенія, какого-нибудь modus vivendi, какой-нибудь возможности жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Политическое событіе, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силой и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усильно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго, и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообща, не всегда къ одной, но, по крайности, къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было бы насъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство польщизны, или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семъ качествѣ, преображался въ литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ полякъ все-таки давалъ отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ —Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого-либо примиренія. Еще живъ былъ ветеранъ, великій Нарбуттъ, родоначальникъ сего дѣла и направленія“ [1]).

Теодоръ Нарбуттъ (1784—1864), учившійся въ Виленскомъ университетѣ, потомъ инженеръ русской службы, во время финляндской войны 1809 года получилъ сильную контузію, которая причинила глухоту и заставила его покинуть службу, и съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ свой досугъ изученію исторіи своей „литовской“ родины. Результатомъ были обширные труды по исторіи западнаго края [2]). Польскіе критики признаютъ въ немъ „пламенную любовь къ про-

ственно третій томъ, заключающій описаніе Литвы, т.-е. западнаго края. Границей описанія авторы ставили 1794 годъ, конецъ „старой Польши“, и описаніе расположено по политическому дѣленію областей (Великая Польша, Малая Польша, Литва; воеводства, земли, города), существовавшему до 1773 года. — Балинскому принадлежатъ также: Opisanie statystyczne miasta Wilna, 1835, и — Historya miasta Wilna, 2 тома, 1836—37.

[1]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. XXV.

[2]) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, 9 томовъ, Wilno, 1835—41; Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, obyczajowym, archeologicznym и т. д., Wilno, 1846: Pomniejsze pisma historyczne, 1856 и др.

шедшему своей провинціи“ и признаютъ важность его трудовъ какъ богатаго матеріала, но укоряютъ за недостатокъ критики; иное впечатлѣніе произвели его труды на г. Безсонова. „Не говоря о печатныхъ сочиненіяхъ Нарбутта,—замѣчаетъ онъ,—его бумаги, которыя удалось намъ въ тревожное время спасти отъ погибели тотчасъ по его смерти и бережно перевезти на храненіе въ Виленскій музей (и это мы считаемъ отраднѣйшимъ дѣломъ жизни), съ тысячами его очерковъ, соображеній, замѣтокъ, составляютъ для всего края, въ томъ числѣ Бѣлой Руси, такое сокровище, какого еще не собирали для нея другіе поляки и русскіе“ [1]).

Отчасти въ томъ же смыслѣ мѣстнаго патріотизма, отчасти съ польской точки зрѣнія, сдѣланъ былъ потомъ длинный рядъ изслѣдованій по исторіи западнаго края, неравнаго достоинства, но часто и донынѣ сохраняющихъ свою важность. Таковы труды Іосифа Ярошевича (1793 — 1860),—воспитанникъ, а потомъ профессоръ Виленскаго университета по польско-литовскому праву и статистикѣ, онъ много работалъ по исторіи Литвы [2]); труды Игнатія Даниловича (1789 — 1863), воспитанника Виленскаго университета, потомъ профессора въ Вильнѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и въ Москвѣ, и наконецъ работавшаго въ Петербургѣ, многозаслуженнаго ученаго, странническая жизнь котораго и труды, наполовину въ польской, наполовину въ русской наукѣ, какъ будто отвѣчали обоюдному положенію самой его родины [3]); Іосифа-Игнатія Крашевскаго, знаменитаго польскаго беллетриста, которому принадлежитъ, между прочимъ, обширная исторія Вильны [4]); Николая Малиновскаго (1799—1865); Казимира Стадницкаго (род. 1808); Шайнохи (1818—1868) и др., до новѣйшихъ трудовъ по польской исторіи, касавшихся болѣе или менѣе тѣсно и исторіи западнаго края, до трудовъ Шуйскаго, Бобржинскаго, недавно умершаго ксендза Калинки и т. д., которые принадлежатъ уже современной литературѣ. Первыя изъ названныхъ именъ принадлежатъ старому поколѣнію, работавшему въ то время, когда русская исторіографія едва касалась западнаго края: точка зрѣнія этихъ трудовъ, какъ спеціально польскихъ, такъ и мѣстно-патріотическихъ, была, очевидно, другая, но эти изслѣдованія положили начало,—ими

[1]) Безсоновъ, тамъ же.

[2]) Главное сочиненіе: Obraz Litwy pod względem jej oświaty i cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku, 3 части, Вильно, 1844—45.

[3]) Его подробная біографія въ „Біографическомъ Словарѣ“ Кіевскаго университета, s. v.

[4]) Wilno od początków jego aż do roku 1750, четыре тома, Вильно, 1838—40. См. также: Litwa, starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania, 2 тома, Warszawa, 1847—50; Wspomnienia Polesia, Wołynia i Litwy, 2 т., 1840 и др.

пользовалась и должна еще пользоваться русская исторіографія, но она должна теперь пополнить ихъ съ другой стороны, на основаніи новыхъ источниковъ, въ прежнее время частію не принятыхъ во вниманіе, частію неизвѣстныхъ, и съ новой точки зрѣнія, которой надо только пожелать болѣе широкаго, дѣйствительно народнаго, горизонта.

Подобнымъ образомъ польскимъ ученымъ принадлежатъ первыя разысканія въ области археологіи западнаго края, временъ историческихъ и до-историческихъ. Таковы были труды гр. Евстафія и Константина Тышкевичей, Пржездзецкаго, Киркора и др.

Болѣе спеціальныя польскія работы по этнографіи западнаго края появляются съ конца тридцатыхъ годовъ и иногда, въ извѣстной степени, также носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго патріотизма, какимъ отличаются нѣкоторые изъ „литовскихъ“ историковъ. Таковы были, напр., сборники Чечота, Зенкевича и др., на которыхъ дальше остановимся подробнѣе. Здѣсь укажемъ пока одну книжку, стоящую особнякомъ и принадлежащую къ эмиграціонной литературѣ. Это — книжка Александра Рыпинскаго, по характеру параллельная съ книжкой Яворскаго, о которой мы говорили прежде [1]: какъ Яворскому вспоминалась родная Украйна, въ которой видѣлась ему земля политически-польская, и какъ у него польскій патріотизмъ сливался съ малорусскимъ въ смыслѣ польскаго украинофильства, такъ другой эмигрантъ вспоминаетъ на чужбинѣ родную Бѣлоруссію, народъ которой трудно было представить польскимъ, но который, по крайней мѣрѣ, автору хотѣлось видѣть польскимъ [2]).

Это были лекціи, читанныя авторомъ въ Парижѣ въ литературномъ кружкѣ изъ польскихъ эмигрантовъ, и книжка проникнута настроеніемъ, какое вообще наполняло эмиграцію. Въ удрученномъ нравственномъ состояніи, въ трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, эмигранты жили вообще прошедшимъ, и нравственной опорой была только надежда на реставрацію, надежда смутная, которую вообще можно было питать одной фантазіей, несбыточными разсчетами—не столько на свои силы, сколько на чужую помощь. Эмиграція порождала въ лучшихъ умахъ крайне идеалистическую поэзію

---

¹) Томъ III, гл. IX.

²) Вотъ полное заглавіе этой, вѣроятно, рѣдкой теперь книжки: „Białoruś. Kilka słow o poezii prostego ludu téj naszéj polskiéj prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. przez Alexandra Rypińskiego, członka akademii przemysłu, rolnictwa, rękodzieł i handlu francuzkiego. Czytano: na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839 mca. listopada 21 dnia. Paryż. W księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. 16°. 228 стр. Г. Безсоновъ (Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII) ошибочно называетъ автора книжки Рыпинскимъ.

или мистицизмъ; людей предпріимчивыхъ толкала на отчаянную роль заговорщиковъ и эмиссаровъ; инымъ представлялись ошибки прежняго времени и желаніе исправить ихъ обращеніемъ къ народу; но вообще родина представала имъ со всею прелестью, какую она пріобрѣтаетъ на чужбинѣ и когда она потеряна безвозвратно... Въ началѣ своей книжки Рыпинскій замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ творецъ „Валенрода" и Богданъ Залѣсскій коснулись народной жизни Литвы и Украины, польская молодежь съ жаромъ обратилась къ народнымъ сокровищамъ польской литературы. Авторъ — по словамъ его—„родился далеко отъ гнѣзда родной рѣчи Пястовъ, отъ сильной польщизны Скарги, Трембецкихъ, Нарушевичей или Кохановскихъ"; онъ извиняется, что, можетъ быть, въ его рѣчи проскользнетъ иногда провинціализмъ, который поразитъ уши его слушателей, но онъ надѣется, что ихъ суровый судъ замѣнится снисхожденіемъ, когда они узнаютъ, что онъ говоритъ имъ польскимъ языкомъ „глубокой Бѣлоруссіи", языкомъ, „которому насъ — далеко за Двину, до Великихъ Лукъ и Пскова, съ оружіемъ въ рукахъ, научилъ когда-то Баторій и который мы до настоящаго дня старательно бережемъ, какъ драгоцѣннѣйшее наше сокровище, на самыхъ глазахъ врага, у воротъ его столицъ, за сто миль отъ Варшавы, несмотря на вліяніе искажающей Москвы, заливающее насъ кругомъ. Это сокровище завѣщали намъ польки, наши матери". Въ Польшѣ, простирающейся, по мнѣнію автора, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Салы до воротъ Смоленска, „на этомъ разноцвѣтномъ, но въ одно сливающемся пространствѣ", находятся новые, еще не собранные источники языка, исторіи и поэзіи, „о которыхъ мы еще и не слышали, несмотря на множество открытій. Эти сокровища и надо разыскивать и собирать —изъ нихъ создается святыня чисто національная, передъ которой поблекнутъ чужія заимствованія, какими наполнена еще польская литература".

Понятно, что, по мнѣнію автора, Бѣлая Русь есть та же Польша. „Эта Русь, *насколько она есть и будетъ польскою,* составляетъ нераздѣльную часть нашего дорогого отечества... Живетъ здѣсь простой народъ славянскаго племени, издавна тѣсно породнившійся съ семьею ляховъ, честный, но убогій, и мало извѣстный даже собственной отчизнѣ его, Польшѣ, хотя онъ любитъ ее выше всего". Съ давнихъ временъ этотъ народъ былъ предметомъ спора сосѣдей; но ихъ нападенія остались тщетны, народъ уцѣлѣлъ —„чтобы доказать имъ, что онъ самъ можетъ выбрать себѣ господина, и чужихъ властителей (narzuconych najeździców) не хочетъ знать". Затѣмъ, „онъ выбралъ себѣ, наконецъ, Польшу за мать, бросился вмѣстѣ съ Литвой въ ея заботливыя объятія и прильнулъ къ ней со всей сыновней

любовью". Авторъ соглашается, что „татарскій наплывъ москалей" затронулъ „своимъ азіатизмомъ" эту страну ближе, чѣмъ какую-нибудь другую часть Польши, но онъ никогда не проникалъ „въ глубь сердца" народа, какъ проникла Польша, и не умѣлъ съ нимъ слиться въ одно тѣло и душу. По словамъ автора, русинъ, т.-е. бѣлоруссъ, отдаляется отъ москаля и даже питаетъ отвращеніе ко всему московскому. Въ этомъ не малую долю играетъ и разница религіи, потому что „схизма есть для его народа синонимъ язычества". Бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, также соединяетъ бѣлоруссовъ тѣснѣе съ Польшею, чѣмъ съ Москвою: „этотъ языкъ не такъ силенъ, какъ у *нашихъ* украинцевъ, менѣе *отатаренъ*, чѣмъ у жителей Москвы или Казани, не въ такой степени церковный, какъ галиційскій, но все-таки имѣетъ свою оригинальную народную печать, которая значительно отдаляетъ его отъ всѣхъ тѣхъ языковъ и этимъ самымъ, какъ мнѣ кажется, всего больше приближаетъ его къ польскому" [1]).

Въ такомъ видѣ представляется автору бѣлорусская народность, которая, въ существѣ, признается имъ только какъ ступень къ польской. Вся книжка носитъ слѣдующее посвященіе: „первому изъ бѣлорусскихъ мужичковъ (kmiotków), который спачала выучился читать, а потомъ говорить и мыслить по-польски, этотъ мой благой трудъ, въ знакъ высокаго почтенія и похвалы, посвящаю и для него печатаю" [2]). Приступая къ самымъ пѣснямъ, авторъ приводитъ въ эпиграфѣ знаменитые стихи Мицкевича о народной пѣснѣ („O piesni gminna" и пр.), приглашаетъ патріотовъ изучать ея наивную, простую поэзію, думаетъ, что когда-нибудь она станетъ источникомъ настоящей національной музыки и дастъ Польшѣ музыкальную славу, „какъ до сихъ поръ оружіе и мужество ея сыновъ не знаютъ въ Европѣ высшаго образца". Авторъ говоритъ, что еще въ то время, когда не дали своихъ сборниковъ ни Вацлавъ Залѣскій, ни Жегота Паули, онъ уже записывалъ пѣсни, и „записанныя бережно хранилъ у самаго сердца, когда, наконецъ, стеченіе всѣмъ намъ извѣстныхъ политическихъ событій, лишивши насъ нашего отечества, ли-

[1]) Между прочимъ, авторъ упоминаетъ, что говорилъ объ этомъ предметѣ со многими москалями и что одинъ только „ученый", Вильгельмъ Кюхельбекеръ, согласился съ нимъ, что языкъ бѣлорусскій не есть московскій и имѣетъ больше польскихъ оборотовъ и выраженій, чѣмъ всѣ другія „такъ-называемыя" русскія нарѣчія (стр. 22—25). Авторъ при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кюхельбекерѣ, котораго онъ зналъ въ Динабургѣ на пятомъ году его пребыванія въ этой крѣпости;—но въ этихъ свѣдѣніяхъ есть и чепуха.

[2]) Хотя бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, самый близкій къ польскому; въ другомъ мѣстѣ (стр. 37) онъ самъ находитъ, что въ устахъ бѣлорусса „Polszczyzna jak po grudzie idzie".

шило и меня моего сокровища". Теперь онъ сообщаетъ только то, что сберегъ на память. Авторъ останавливается на различныхъ разрядахъ пѣсенъ, приводитъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ воспоминаніи, описываетъ относящіеся къ нимъ обряды (напр., свадебные), танцы, игры, увеселенія; упоминаетъ о пробахъ популярнаго шуточнаго стихотворства на бѣлорусскомъ языкѣ и т. д. [1]). Наконецъ, книжка пересыпана воспоминаніями о временахъ польской свободы и славы, выраженіями озлобленія противъ москалей, негодованія противъ дурныхъ патріотовъ польскихъ (напр., филиппика противъ чиншевой шляхты), поощреніями бѣлоруссамъ изучать польскій языкъ.

Настоящимъ этнографическимъ матеріаломъ книжка Рыпинскаго не богата и здѣсь нечего ожидать научной точности; она любопытна, какъ эпизодъ эмиграціонной литературы и отголосокъ исключительнаго польскаго взгляда на бѣлорусскую народность,—тѣмъ не менѣе, этнографъ-собиратель можетъ и изъ нея заимствовать нѣкоторыя частности, не лишенныя значенія и сами по себѣ, и по ихъ польскому освѣщенію. Авторъ не замѣчаетъ внутренняго противорѣчія всей своей книжки; онъ съ жаромъ говоритъ о необходимости изученія народности,—въ данномъ случаѣ бѣлорусской, ждетъ здѣсь открытія національной святыни, и въ то же время признаетъ эту народность только какъ польскую и, собственно говоря, желаетъ ей исчезнуть.

---

[1]) Содержаніе всей книжки слѣдующее: Wstęp. — Dział I. Ogólne uwagi. — II. Spiewy: A, Religijne (разумѣются церковные стихи уніатовъ); B, Weselne; C, Załobne; D, Historyczne. Dodatek: B-bis, Weselne; E, Robocze: F, Ulotne; G, Spiewy Nianek; H, Taneczne.—III. Tańce.—IV. Gry i zabawy.—V. Dożénki.—VI. Makaronizm.—VII. Poemat.—VIII. Przysłowia.—XI. Muzyka.

ГЛАВА III.

Пѣсенные сборники Чечота, Зенкевича; книга гр. Евст. Тышкевича.—Пробы бѣлорусской литературы.

Янъ Чечотъ.—Ромуальдъ Зенкевичъ.
Литературное движеніе въ Вильнѣ.
Книга гр. Евстафія Тышкевича.
Польскіе взгляды на Бѣлоруссію.
„Бѣлорусская литература": Маньковскій и его „Энеида". Янъ Барщевскій. Дунинъ-Марцинкевичъ.

Съ 1837 года началъ появляться рядъ пѣсенныхъ сборниковъ Чечота—до послѣдней, вышедшей въ 1846 году [1]).

[1]) Эти книжки въ настоящее время рѣдки, и потому укажемъ ихъ подробнѣе:

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach. Wilno, 1837. 8°. VIII и 106 стр.; 107—111, оглавленіе пѣсенъ. Безъ имени издателя; предисловіе помѣчено 1834 годомъ.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno, 1839. 8°, 118 стр.; 119—124, оглавленіе. Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Dźwiny. Książeczka trzecia. Wilno. 8°. XII и 89 стр.; 90—94, оглавленіе. Безъ имени; съ эпиграфомъ изъ Кохановскаго: „I oracz ubogi śpiéwa - Choć od pracéj aż omdléwa"; посвященіе, въ стихахъ: „Ukochanym kmiotkóm z nad Niemna i Dźwiny", и предисловіе.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiéj. Wilno, 1844. 8°, XVIII и 129 стр.; 131—137, оглавленіе, опечатки, объявленіе о книгахъ. Безъ имени; посвященіе въ стихахъ: „Dobroczynnym Panóm i Rządcóm ich majętności, troskliwym o dobry byt włościan".

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra. Wilno, 1845. 8°, XII и 103 стр.; 105—108, оглавленіе; посвященіе въ стихахъ: „Zacnym i bogobojnym Panienkom i Paniczom". Безъ имени.

— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiéj, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. 8° XXXIV и 123 стр.; 125—129, оглавленіе; 131—134, опечатки въ прежнихъ книжкахъ. Посвященіе въ стихахъ памяти Станислава Сташица. Предисловіе, отъ 1845, впервые подписано именемъ собирателя.

Янъ Чечотъ родился въ новогрудскомъ уѣздѣ, минской губ.,— неизвѣстно, въ какомъ году, но, вѣроятно, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что онъ былъ сверстникомъ Мицкевича, съ которымъ учился вмѣстѣ въ первоначальной школѣ въ Новогрудкѣ (эти „повѣтовыя школы" послѣ іезуитовъ были въ рукахъ доминиканцевъ). Чечотъ былъ потомъ товарищемъ Мицкевича и въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ они были дружны, дѣлили впечатлѣнія тогдашней возбужденной умственной жизни и романтическаго патріотизма, и когда основалось, или возобновилось, въ 1817 г. полу-тайное общество „филоматовъ", то Чечотъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ былъ въ числѣ первыхъ изъ тогдашней виленской академической молодежи которые посвящены были основателями кружка въ его идеи. Патріотизмъ, гуманность и просвѣщеніе были основной мыслью этого кружка́. Онъ просуществовалъ недолго; въ двадцатыхъ годахъ это движеніе было замѣчено, началось извѣстное слѣдствіе Новосильцова; многіе изъ профессоровъ Виленскаго университета были удалены; „филоматы" арестованы и высланы изъ Вильны и изъ края. Чечотъ отправленъ былъ, въ 1823 г., въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ, кажется, больше десяти лѣтъ; по возвращеніи на родину, онъ былъ библіотекаремъ у Адама Хрептовича въ извѣстномъ имѣніи его Щорсахъ, затѣмъ, по смерти Хрептовича, поселился въ деревнѣ и умеръ въ 1847 въ Друскеникахъ [1]).

По разсказу біографа Мицкевича, Чечотъ былъ человѣкъ мягкаго чувства, воспріимчивый и впечатлительный, въ своемъ добродушіи иногда раздражительный именно противъ тѣхъ, кому былъ преданъ. Эта мягкость личнаго чувства отражается, какъ увидимъ, и на его сборникахъ. Этнографія, которую представляютъ его книжки, была особая. Школа, которую Чечотъ прошелъ въ юности, привила ему съ одной стороны народный романтизмъ—въ томъ кругѣ, гдѣ онъ жилъ, читали Бродзинскаго, знали Ходаковскаго и первыя этнографическія работы, появлявшіяся тогда, между прочимъ, именно въ виленскихъ

---

[1]) Zdanowicz-Sowiński, Rys dziejów liter. polskiéj, т. III, 1876, стр. 85—86, 695—696; Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki, Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 38, 94 (характеристика личности Чечота), 173 — 4, 197, 208, 221, 250—1, 292—3, 303—4, 308—9; 457. О Щорсахъ есть довольно свѣдѣній въ польской литературѣ. О нихъ говоритъ и Шпилевскій въ своемъ Путешествіи по Полѣсью и Бѣлор. краю: „Это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хрептовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею библіотекою во дворцѣ, обязанною хранящимися въ ней рѣдкими книгами и рукописями нынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хрептовичу". „Современникъ" 1853, т. 40-й, стр. 56. Щорсы—въ минской губ., между Новогрудкомъ и Минскомъ; см. о нихъ и о Хрептовичѣ (ум. 1844) также Zdanowicz-Sowinski, III, стр. 706.

изданіяхъ; рядомъ съ этимъ, онъ былъ филантропъ, принимавшій близко къ сердцу матеріальное положеніе „народа", т.-е. крестьянъ... Той эпохѣ польской литературы и общественности у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества,—тѣмъ больше, когда съ русской стороны въ тѣ годы общественный интересъ къ этому краю почти не существовалъ [1]). Множество этихъ поляковъ, патріотовъ и писателей, были именно уроженцы этого края; „народъ" края не былъ польскій, но они по старой памяти считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился и на этотъ народъ, какъ и на народъ собственно литовскій, и народъ польскій. Таково отношеніе къ западно-русскому народу у Чечота,—отношеніе непосредственное, почти наивное; ему, повидимому, не приходитъ въ голову, что народъ, которому онъ посвящаетъ свои изученія, есть именно самый русскій. Чечотъ настаиваетъ на простой красотѣ его поэзіи, на необходимости знакомиться съ этимъ народомъ и особенно облегчить его положеніе. Объ этомъ положеніи онъ принимается говорить нѣсколько разъ, обращаясь не столько къ полякамъ, сколько къ *панамъ*, говоритъ не о народности, а о крѣпостныхъ, которыхъ участь ему страстно хотѣлось бы видѣть улучшенной; объ этнографической наукѣ онъ думаетъ всего меньше; повидимому, даже мало о ней знаетъ.

Свою первую книжку онъ начинаетъ въ предисловіи такими словами: „Крестьяне наши, народъ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать въ насъ самыя доброжелательныя къ нимъ чувства. Съ ними мы можемъ быть счастливы. За работу ихъ рукъ удѣляя имъ труды нашей мысли и просвѣщенія, мы можемъ умножить всеобщее благо. Не будемъ думать, чтобы мы не могли отъ нихъ чему-нибудь научиться. Мы многому научимся изъ познанія ихъ состоянія и быта; найдемъ у нихъ преданья, сказки, повѣсти, и чрезвычайно обильна будетъ жатва пѣсенъ, дающихъ узнать ихъ трогательныя, прекрасныя, даже тонкія и глубокія чувства. Не будемъ думать, что только каждый городъ или провинція имѣетъ своего ученаго пѣвца; мы увидимъ, что почти каждая деревня имѣла и можетъ имѣть своего не ученаго, но отъ души и сердца пѣвца. Я замѣтилъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль, даже полъ-мили,

---

[1]) Дальше укажемъ, что это простое объясненіе представлялось и болѣе спокойнымъ русскимъ наблюдателямъ въ новѣйшее время.

поются уже совершенно иныя пѣсни. Какое это сокровище для ученаго пѣвца и наблюдателя! Сколько тамъ невынужденной и свѣжей поэзіи! Будемъ слушать охотно ихъ пѣсенъ свадебныхъ, дожинковыхъ, купальскихъ и другихъ, и мы не разъ пріятно проведемъ время, и, чтò важнѣе, пріобрѣтемъ бóльшую привязанность къ нашимъ добрымъ земледѣльцамъ"... Онъ жалѣетъ, что со стороны пановъ или ихъ управителей оказывается невниманіе или препятствія къ исполненію народныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ участіе въ нихъ сблизило бы обѣ стороны... „Отъ дѣтскихъ лѣтъ искренно любя нашихъ милыхъ и добрыхъ крестьянъ,—продолжаетъ Чечотъ,—я хочу представить имъ доказательство моей привязанности"...

Какъ мало было у него этнографическаго пониманія, видно изъ того, что этотъ сборникъ—какъ и другіе, кромѣ лишь послѣднихъ его книжекъ—представляетъ не подлинныя бѣлорусскія пѣсни, а ихъ *польскіе переводы* и „подражанія". „Я не слишкомъ держался оригинала,—замѣчаетъ онъ простодушно,—однако нѣкоторыя пѣсни переведены дословно; другимъ я болѣе или менѣе близко подражалъ". Впрочемъ онъ предоставлялъ себѣ въ другое время издать пѣсни и съ подлиннымъ текстомъ (чтò потомъ и сдѣлалъ).

Таковы и вторая, и третья книжки Чечота (пѣсни купальскія или свято-янскія, свадебныя, дожинковыя, дѣтскія и „различныя"). Въ предисловіи къ третьей книжкѣ онъ пишетъ: „Какъ сначала я думалъ, что на небольшомъ разстояніи пѣсни по деревнямъ бываютъ различны, такъ при дальнѣйшемъ собираніи ихъ я убѣдился, что даже на большихъ разстояніяхъ пѣсни бываютъ совершенно сходны или только съ небольшими измѣненіями въ словахъ. Нѣманъ и Бѣлица не близки къ Двинѣ, Березинѣ и Лепельскому краю, и однако пѣсни сходны; похожи на нихъ и пѣсни на Виліи въ Завилейскомъ краѣ. Кто ихъ переносилъ? Не печать и письмо, но память, сердца и уста братскихъ племенъ". Нѣкоторыя изъ этихъ сходныхъ пѣсенъ онъ перевелъ для сравненія, но повтореніемъ другихъ не хотѣлъ отягощать своего сборника. О способѣ своего собиранія онъ на этотъ разъ говоритъ слѣдующее: „Сборникъ этотъ мнѣ было легко сдѣлать: занятому своими обязанностями на мѣстѣ, мнѣ не надо было ходить или ѣздить по деревнямъ, а только попросить достойныхъ и любезныхъ паненокъ, которыя, безъ большого труда и хлопотъ, безъ принужденія или оплаты, какъ это случалось другимъ собирателямъ сельскихъ пѣсенъ, прямо отъ своихъ собственныхъ прислугъ или вызванныхъ изъ деревни селянокъ могли и могутъ записать столько пѣсенъ, сколько пожелается собирателю. И дѣйствительно, онѣ однѣ только способны у насъ собирать эти пѣсни. Наши поселяне—не знаю, поютъ ли когда-нибудь; а поселянки, слишкомъ скром-

ныя и несмѣлыя, стыдятся проговорить свои пѣсни передъ мужчиной; начнутъ усмѣхаться, говорить, что въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего хорошаго, и, покраснѣвши отъ стыда, ничего не скажутъ. А милой паненкѣ разскажутъ, къ паненкѣ онѣ бѣгутъ съ радостью, говоря:— вотъ еще я припомнила хорошую пѣсенку!..“

Но эту картину заслоняетъ у него другая мысль. „Этотъ милый и прекрасный образъ, присутствующій въ моемъ сердцѣ, я долженъ помрачить печальной мыслью о положеніи составителей и составительницъ сельскихъ пѣсенъ. Какъ изъ пѣсенъ съ Нѣмана, такъ и изъ пѣсенъ съ Двины, я позволилъ себѣ устранить несчастную водку, не разъ въ нихъ вспоминаемую, и замѣнить ее медомъ и пивомъ, которые теперь почти неизвѣстны поселянамъ. Водка есть гибель нашихъ поселянъ. Первый грошъ—отъ водки, говоритъ помѣщикъ и управитель; первое зло, говоритъ каждый разсудительный человѣкъ. Сердце болитъ, видя, какъ многочисленнѣйшій и трудолюбивѣйшій классъ населенія часто приходитъ въ такую нужду, къ какой всего скорѣе приводитъ пьянство“... И „этнографъ“ углубляется въ разсужденіе о бѣдствіяхъ народнаго пьянства; въ пѣсняхъ онъ даже удалилъ названіе водки. Въ концѣ Чечотъ говоритъ, что былъ бы счастливъ, если бы его трудъ помогъ веселѣе справлять дожинки и купалу, еслибъ онъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ пьянство, составляющее истинную бѣду для поселянъ. Онъ не будетъ искать для нихъ похвалы; она явится для чувствительныхъ душъ въ самой этой книжкѣ. „Имъ также (этимъ поселянамъ), какъ достойнымъ посвященія ихъ собственнаго труда, я посвящаю эту милую мнѣ забаву, исполненный святой надежды, что въ каждой благородной душѣ она возбудитъ истинную христіанскую любовь къ моимъ любимымъ крестьянамъ-авторамъ“.

Только уже въ четвертой книжкѣ Чечотъ, вызванный, наконецъ, и критикой, далъ образчики „первотворныхъ“ пѣсенъ, т.-е. на ихъ подлинномъ бѣлорусскомъ языкѣ, который онъ назвалъ „славяно-кревицкимъ“. Въ этомъ названіи могла быть тенденціозность, но Чечотъ не самъ его выдумалъ, и его собственный интересъ остается опять главнымъ образомъ филантропическій.

„Поэзія, называемая теперь народною, сельскою (gminna),—говоритъ онъ въ предисловіи,—въ древніе вѣка была общей всѣмъ нашимъ предкамъ: господская, княжеская, словомъ, народная (narodowa); поэтому она должна бы быть достойна вниманія даже у тѣхъ, которые не хотѣли бы видѣть ничего хорошаго въ томъ, чтó есть только сельское, крестьянское. Нашимъ крестьянамъ мы обязаны сохраненіемъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Имъ и за это мы должны быть благодарны. Подчиняясь сами вліянію сосѣднихъ племенъ и

цивилизацiи Европы, мы легче измѣнялись, чѣмъ они, а черезъ это забыли и тѣ пѣсни, какiя отдаленная прабабка не одного изъ насъ пѣла за пряжей, можетъ быть, въ той же самой деревнѣ съ своими единокровными, которыхъ потомство, отъ недостатка заслугъ въ краѣ, осталось въ состоянiи зависимости. И сама поэзiя кревицкая подчинилась влiянiю поэзiи украинской и польской. По нѣкоторымъ пѣснямъ это можно было положительно наблюдать. Теперь она сильно подчиняется влiянiю народной поэзiи россiйской, переносимой войсками, квартирующими по деревнямъ. Быть можетъ, и народная поэзiя литовская—если бы мы имѣли изданiе ея пѣсенъ—представила бы подобныя произведенiя, переводы или подражанiя съ кревицкаго. Поэтому было бы любопытнымъ дѣломъ для прилежнаго изслѣдователя поэзiи и древности собирать самому сельскiя пѣсни, быть на свадьбахъ и другихъ обрядахъ. Безъ этого нельзя ни сохранить должнаго порядка въ ихъ послѣдовательности, ни знать обрядовъ, какъ нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какiя пѣсни остались отъ давнихъ временъ, и какiя и какъ появляются вновь, такъ какъ и въ настоящее время могутъ быть тамъ-и-сямъ пѣвцы и пѣвицы, создающiе новыя пѣсни по собственному вдохновенiю. Это, можетъ быть, теперь рѣже, чѣмъ бывало въ старину, потому что, во-первыхъ, старинная пѣсня особенно уважается, а во-вторыхъ, поселяне не такъ теперь одушевлены, чтобы легко могли браться за новыя созданiя. Отсюда происходитъ заимствованiе пѣсенъ отъ солдатъ, квартирующихъ или возвращающихся въ большомъ числѣ изъ службы въ родныя деревни".

Такимъ образомъ, Чечотъ самъ пришелъ къ заключенiю, что собиранiе пѣсенъ черезъ паненокъ не есть наилучшiй способъ ихъ добыванiя, и увидѣлъ, что для полноты наблюденiя нужно отмѣчать „послѣдовательность" пѣсенъ и обряды, что̀ было совершенно справедливо. Передъ нимъ мелькаетъ мысль объ особенностяхъ народнаго пѣсеннаго языка, который кажется ему очень „бѣднымъ" и „несовершеннымъ", потому что не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятiй и выражаетъ ихъ „фактомъ", т.-е. образомъ. Онъ дѣлаетъ заключенiе о древности пѣсенъ изъ частыхъ упоминанiй о Дунаѣ, о морѣ, о виноградѣ: славянскiе предки долго должны были блуждать по берегамъ Дуная и пить дунайскую воду, чтобы имя этой рѣки запомнилось такъ крѣпко. У Чечота мелькаетъ мысль и о томъ, почему народная поэзiя отличается своимъ особымъ складомъ, непохожимъ на складъ нашей искусственной поэзiи; но простодушный взглядъ на народную пѣсню сказался опять въ слѣдующемъ: авторъ заявляетъ, что къ народнымъ пѣснямъ онъ прибавилъ (къ счастью, въ особой рубрикѣ) нѣсколько „своихъ собственныхъ, по-крестьянски

составленныхъ пѣсенъ", на бѣлорусскомъ языкѣ, съ польскимъ переводомъ. „Быть можетъ, онѣ проникнутъ какъ-нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ къ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности?"

Далѣе: „Какъ переводчикъ, я долженъ былъ бы описать всю жизнь моихъ *авторовъ*. Я много думалъ объ этомъ, даже читалъ о нихъ нѣсколько книгъ, хотѣлъ разсказать многое, но, размысливши больше, замолчалъ, и довольно будетъ съ меня, если укажу благосклоннымъ читателямъ источники, изъ которыхъ они сами могутъ почерпнуть свѣдѣнія о состояніи крестьянъ и мысли объ улучшеніи ихъ быта". И вмѣсто ожидаемыхъ археологическихъ и этнографическихъ указаній, Чечотъ приводитъ рядъ сочиненій, посвященныхъ въ польской литературѣ крестьянскому вопросу съ конца прошедшаго столѣтія, сообщая ихъ главное содержаніе и оканчивая указомъ имп. Александра I, 1817 г., о крестьянахъ курляндской губерніи. „Предлагая вниманію благосклонныхъ читателей эти драгоцѣнные труды,—заключаетъ онъ,—внушенные истинно христіанскими чувствами и основанные на опытѣ и чистомъ разумѣ, я считаю себя свободнымъ отъ печальной необходимости гореванья надъ нищетой и бѣдственнымъ бытомъ любимыхъ поселянъ. Пусть каждый обратится на минуту къ своему сердцу, и сердце его скажетъ больше, чѣмъ я съумѣлъ бы сказать".

Пѣсенъ „первотворныхъ" помѣщено здѣсь по десяти съ Нѣмана и Двины. Пѣсни бѣлорусскія собственнаго сочиненія Чечота написаны въ складѣ народныхъ и заключаютъ обыкновенно какое-нибудь поученіе, которое авторъ хотѣлъ бы внушить поселянамъ.

Пятая книжка мало интересна: нѣсколько пѣсенъ съ Нѣмана и затѣмъ пѣсни украинскія, взятыя, кажется, исключительно изъ Вацлава Залѣскаго и Жеготы Паули,—то и другое только въ переводахъ; наконецъ, опять пѣсни собственнаго сочиненія, по-польски.

Наиболѣе любопытна шестая книжка, послѣдній трудъ Чечота. Въ предисловіи онъ жалѣетъ, что не имѣетъ достаточно научныхъ свѣдѣній, чтобы дать грамматическо-историческій очеркъ „кревицкаго" языка; онъ долженъ ограничиться лишь немногими замѣтками, какія ему встрѣтились. Полное изученіе этого языка, которымъ еще на памяти автора (по словамъ его) любили, бывало, говорить старые паны, на которомъ нѣкогда писались оффиціальные акты, сдѣлано будетъ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ, можетъ быть, крестьяниномъ, который, усвоивши научныя знанія, примѣнитъ ихъ къ объясненію хорошо ему извѣстнаго, родного языка.

Немногія замѣчанія Чечота, почерпнутыя изъ собственныхъ наблюденій, въ свое время были едва ли не первой, нѣсколько отчетливой, характеристикой бѣлорусскаго нарѣчія; онъ отмѣчаетъ особенности его звуковъ и формъ (стр. VII—XXV). По его мнѣнію, „кревицкое нарѣчіе занимаетъ середину между польскимъ, россійскимъ и украинскимъ: украинскій, или полянскій, въ своемъ строѣ и стихосложеніи болѣе сходенъ съ польскимъ, кревицкій—съ россійскимъ". Ему представился и вопросъ правописанія „кревицкаго" нарѣчія; онъ видитъ трудность его въ различныхъ случаяхъ и, не имѣя возможности рѣшить дѣла, особливо по поводу нѣсколькихъ пѣсенъ, онъ хочетъ писать такъ, какъ выговаривается... Ему не приходитъ въ голову, что наилучшее „правописаніе" для этого языка было бы не польское, а „россійское".

„Познанію кревицкаго языка,—продолжаетъ авторъ,—помогло бы прислушиванье къ домашнему разговору крестьянъ; но это было бы нелегко для одѣтаго въ сюртукъ, и ему надо бы развѣ переодѣться въ сермягу и идти, какъ чужому человѣку, на вечерницы или въ корчму. Но гораздо болѣе удобный способъ научиться языку и дѣлать надъ нимъ наблюденія былъ бы тотъ, если бы кто сталъ слушать и съ точностью записывать сказки, выучившись заранѣе искусству быстраго письма: потому что это—литература, съ давнихъ вѣковъ сохранившаяся въ памяти крестьянъ и до сихъ поръ еще нетронутая. Это была бы гораздо болѣе сильная сокровищница языка, чѣмъ коротенькія пѣсенки, въ которыхъ всего чаще встрѣчаются только выраженія любовныя и нѣтъ выраженій, рисующихъ другія чувства и представленія. Это рѣчь скупая и неотесанная, бѣдная словами [1]) и всѣми выраженіями умственныхъ понятій; но, все-таки, она, какъ и всякая, должна имѣть свои особенности и оригинальность.

„Не могу,—продолжаетъ онъ,—безъ какой-то милой тревоги вспомнить забытыя сказки, которыя я слышалъ и зналъ въ мои дѣтскіе годы. Въ нихъ часто заключена прекрасная нравственная мысль"... И онъ вспоминаетъ нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Онъ уже думалъ о собираніи сказокъ, но жалѣетъ, что „никто еще у насъ ихъ не цѣнитъ и не окажетъ дѣйствительной помощи, а самъ я, при плохомъ здоровьѣ и подобномъ пренебреженіи къ этимъ плодамъ народной фантазіи и остаткамъ старины, до сихъ поръ не въ состояніи заняться этимъ милымъ и полезнымъ для отечественной литературы трудомъ". Онъ призываетъ другихъ,

---

[1]) „Uboga w rzeczownìki"—раньше авторъ указывалъ бѣдность народнаго языка словами, выражающими отвлеченныя понятія.

у кого найдется больше удобства и силъ, заняться этой заброшенной литературой, „которая, какъ пѣсни, была нѣкогда общей предкамъ пановъ и бѣдняковъ“: „пусть другіе, болѣе сильнымъ и слышнымъ голосомъ, заохотятъ уважать и собирать эти крестьянскія, или лучше, народныя повѣсти и пѣсни“...

Не имѣя возможности, по ихъ нежеланію, назвать имена паненокъ и пань, сообщавшихъ ему пѣсни, Чечотъ находитъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, указать мѣстности, изъ которыхъ идутъ пѣсни. „Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, пробудится въ комъ-нибудь любопытство узнать, не поются ли въ тѣхъ же мѣстахъ тѣ же пѣсни“, —и онъ подробно указываетъ мѣстности по Нѣману и Двинѣ, откуда взяты пѣсни, помѣщенныя во всѣхъ его прежнихъ книжкахъ; пѣсни съ нижняго Днѣпра поются въ Липовецкомъ повѣтѣ: „нѣсколько изъ нихъ я получилъ отъ простого солдата, тамошняго уроженца, а другія —отъ одного почтеннаго ксендза, который жилъ тамъ въ молодости“; больше достать онъ не могъ; а пѣсни съ Днѣстра взяты изъ книгъ, печатанныхъ во Львовѣ (сборники Залѣскаго и Паули).

„Относительно вліянія польскаго, россійскаго и украинскаго языка на кревицкій можно бы сказать, что это вліяніе сильнѣе на діалектъ наднѣманскій, чѣмъ на наддвинскій, — такъ какъ сторона наддвинская не имѣетъ постояннаго квартированія войскъ и больше отдалена отъ Мазовша и Украйны, чѣмъ сторона наднѣманская. Въ новогрудскомъ краѣ хлопцы съ охотой перенимаютъ россійскія пѣсни отъ солдатъ, и ими уже оглашаются поля, напр. въ Щорсахъ [1]), отъ ѣдущихъ на ночлегъ съ лошадьми, а иногда слышатся онѣ тамъ и въ устахъ женщинъ при жнитвѣ, или отзываются въ пѣньѣ дворовыхъ женщинъ, которыя также переносятъ въ деревни и какую-нибудь, по своему передѣланную, польскую пѣсню. Поэтому-то, въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ, я помѣстилъ больше пѣсенъ обрядовыхъ, жнивныхъ, и даже нѣсколько пѣсенъ, какія поются надъ дѣтской колыбелью, такъ какъ онѣ несомнѣнно мѣстныя“.

Пословицы, собранныя въ той же книжкѣ (стр. 106—120, почти до двухъ сотъ), почти всѣ, по словамъ собирателя, слышаны и вспомянуты съ дѣтскихъ лѣтъ; онѣ повторяются и между шляхтой. Собиратель расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить послѣдующимъ собирателямъ ихъ дополненіе и, потомъ, приведеніе въ систему по содержанію. Чечотъ сожалѣетъ, что не могъ сличить ихъ съ изданными пословицами другихъ славянскихъ народовъ, такъ какъ не имѣлъ подъ рукою книгъ. „Все это остается кому-нибудь болѣе дѣятельному и счастливому, о которомъ, дай Богъ,

[1]) Гдѣ Чечотъ былъ библіотекаремъ у Хрептовича.

чтобы мнѣ удалось услышать". Онъ жалѣетъ дальше, что не было еще до тѣхъ поръ описанія обрядовъ и игръ тамошняго края,—ему извѣстно только описаніе свадьбы въ Борисовскомъ повѣтѣ [1]),—нѣтъ описанія домашняго быта, убогой утвари и народныхъ кушаньевъ. „Если бы кто захотѣлъ и съумѣлъ, могъ бы сдѣлать себѣ чрезвычайно пріятной деревенскую жизнь, занявшись собираніемъ обо всемъ этомъ свѣдѣній полезныхъ, любопытныхъ и желанныхъ. Теперь каждый жалѣетъ, что наши лѣтописцы, Длугошъ или Стрыйковскій, не собирали народныхъ пѣсенъ и преданій, о которыхъ упоминаютъ только мимоходомъ; когда-нибудь, черезъ нѣсколько вѣковъ, будутъ жалѣть и справедливо упрекать нынѣшнее время, если мы не соберемъ заботливо и не передадимъ потомкамъ этихъ памятниковъ; потому что, хотя деревенскій людъ (gmin) есть вѣрный и нелегко перемѣнчивый хранитель мѣстныхъ свычаевъ и обычаевъ, но съ ходомъ цивилизаціи или даже съ перемѣной мѣстныхъ (политическихъ) отношеній и онъ долженъ измѣняться и не можетъ сохранить въ чистотѣ образъ жизни, проходящей въ этой юдоли, и однако потомки любятъ всматриваться въ обличье своихъ прадѣдовъ; сохранимъ же его для ихъ чувствительности и, угаснувъ, еще пробудимъ въ сердцѣ ихъ бо̀льшую привязанность и память о настоящемъ вѣкѣ".

Наконецъ, онъ сожалѣетъ, что „кревицкій" языкъ до сихъ поръ не нашелъ изслѣдователя, когда даже небольшія славянскія племена на Западѣ еще въ концѣ XVI-го вѣка имѣли свои грамматики и словари. На „кревицкомъ" языкѣ Чечоту извѣстенъ только катехизисъ, недавно передъ тѣмъ изданный въ Вильнѣ, но и того онъ не видалъ. „Теперь именно пора вознаградить это нерадѣніе прошлыхъ вѣковъ и заняться составленіемъ грамматики и словаря кревицкаго нарѣчія, когда, съ небольшими исключеніями, оно еще остается въ своей чистотѣ; потому что, еслибъ и захотѣли когда-нибудь учить крестьянъ другому нарѣчію, они не поймутъ его достаточно, не имѣя на своемъ собственномъ объясненія его словъ... Если мы рады видѣть остатки кельтскаго или герульскаго языка, то, быть можетъ, когда-нибудь будутъ возбуждать такое же и не праздное любопытство и памятники кревицкаго нарѣчія, которое—сомнительно, чтобы стало письменнымъ и образовалось самостоятельно" [2]).

[1]) Tygodnik Wileński, 1819.

[2]) Это названіе бѣлорусскаго языка въ первый разъ пошло, кажется, отъ Нарбутта. Ср. позднѣйшее замѣчаніе Сырокомли: „Происходитъ ли названіе кривичанъ отъ литовскаго слова: Krywe? и должно ли поэтому доказывать до-историческое братство (pobratymstwo) ихъ племени и вѣры съ Литвой?—Этой мысли, брошенной впервые Ватсономъ, а нынѣ доказываемой историкомъ Литвы, Т. Нарбуттомъ, мы не чувствуемъ себя въ правѣ ни поддерживать, ни опровергать". Teka Wileńska, 1857, № 1, стр. 225.

Далѣе, въ книжкѣ помѣщенъ небольшой словарь къ пѣсеннымъ текстамъ, съ польскимъ переводомъ, и собраніе идіотизмовъ или особенныхъ выраженій „кревицкаго“ языка, наконецъ этимологическія замѣчанія и статейка о сходствѣ славянскихъ языковъ съ санскритомъ, изъ книжки Маевскаго [1]).

Мы остановились дольше на книжкахъ Чечота потому, что онѣ представляютъ довольно характерное явленіе польской этнографіи относительно бѣлорусской народности, и притомъ онѣ рѣдки и у насъ мало извѣстны. Изъ того, что̀ мы цитировали, кажется, ясно, что въ Чечотѣ мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ какой-нибудь лукавой тенденціи, а съ искреннимъ любителемъ, который зналъ бѣлорусскій языкъ и народъ съ дѣтства и, воспринявъ въ своей школѣ народный романтизмъ и человѣчное отношеніе къ народу, примѣнялъ теперь это давнее настроеніе. Къ спеціальному этнографическому изученію онъ былъ приготовленъ очень мало,—въ началѣ не понималъ, напримѣръ, даже того, что народная поэзія можетъ стать предметомъ научнаго интереса только на ея подлинномъ языкѣ: только въ послѣднихъ своихъ книжкахъ онъ помѣщаетъ „первотворныя“ бѣлорусскія пѣсни и приходитъ къ заключенію, что лучшій способъ собирать произведенія народа—не черезъ паненокъ, а прямо изъ народныхъ устъ и въ самой обстановкѣ обычаевъ и обрядовъ. Его этнографическія наблюденія неразрывны съ мыслью о тяжеломъ бытовомъ положеніи крѣпостного народа, о которомъ онъ говоритъ съ несомнѣнно искреннимъ участіемъ. Жаль, конечно, что пѣсни, сообщенныя имъ только въ переводахъ, почти пропадаютъ для изслѣдованія и остаются только косвеннымъ матеріаломъ для сличенія [2]).

Не больше Чечота приготовленъ былъ къ этимъ изученіямъ Ромуальдъ Зенкевичъ, издавшій сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ 1851 году [3]). Намъ не встрѣтилось о немъ біографическихъ свѣдѣній; по указанію г. Безсонова [4]), это былъ почтенный мѣстный учитель,

---

[1]) „O Sławianach i ich pobratimcach. Cześć piérwsza, obejmująca Rozprawy o języku Samskryckim, tudzież o literaturze Indian“, przez W. S. Majewskiego. Warszawa, 1816.

[2]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII.

[3]) Г. Безсоновъ упоминаетъ изъ этого времени еще познанскій сборникъ „изъ околицъ Алексоты“, какъ заключающій польскіе переводы „съ литовско-жмудскаго и отчасти бѣлорусскаго“, но эта книжка: „Pieśni ludu Nadniemeńskiego z okolic Aleksoty, zebrał i przełożył Karol M. Br....i (Brzostowski). Z dołączeniem do niektórych melodyj“. Poznań, 1844 (16°, 129 стр., 51 пѣсня, изъ которыхъ при 8-ми приведенъ литовскій оригиналъ,—и поэма изъ народныхъ преданій) не представляетъ ничего бѣлорусскаго, а только литовское.

[4]) Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał Romuald Zieńkiewicz. Kowno, 1851. 8°. XVII (пред. и оглавленіе) и 414 стр.

доживавшій свой вѣкъ въ крайней бѣдности и слѣпотѣ. Его отношеніе къ дѣлу было почти столь же простодушное, какъ у Чечота, но онъ пошелъ дальше тѣмъ, что къ своему польскому переводу уже вездѣ прилагаетъ en regard бѣлорусскій подлинникъ, переданный, по обычаю, польской азбукой. Главная доля сборника состоитъ изъ пѣсенъ надъ рѣками Пиной, Припетью и Цной (болѣе 200 пѣсенъ, стр. 1—377) и затѣмъ прибавлено нѣсколько пѣсенъ изъ волынскаго Полѣсья, съ Буга, въ окрестностяхъ Любомля. Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ въ пѣсняхъ прелесть первобытной поэзіи, чуждой всего искусственнаго, и интересъ ихъ какъ остатка далекой древности: „эти именно соображенія побудили меня къ собиранію народныхъ пѣсенъ, а пріютъ, который — когда лодка моя разбилась — я, во мракѣ вѣчной ночи (намекъ на его слѣпоту), находилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пинскомъ краѣ, въ домѣ князей Іеронимовъ Друцкихъ-Любецкихъ, далъ мнѣ къ этому удобный случай“. Пѣсни онъ помѣщалъ „безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ, какъ ихъ слышалъ въ пѣніи“; въ расположеніи—руководился временемъ, когда онѣ поются народомъ, причемъ помѣстилъ и краткое описаніе обрядовъ; но полное объясненіе собиратель оставлялъ историкамъ и археологамъ. Въ переводѣ—говоритъ онъ,—старался вѣрно передать духъ и внѣшнюю форму подлинника; но самъ сознается, что иной разъ желалъ придать пѣснямъ, слишкомъ отрывочнымъ, бо̀льшую цѣльность—и переводы выходили обширнѣе подлинника. Кое-гдѣ Зенкевичъ уклонился отъ передачи нѣкоторыхъ подробностей, непріятныхъ для польскаго уха, хотя сохранилъ ихъ въ бѣлорусскомъ подлинникѣ пѣсни [1]. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается въ небольшія миѳологическія объясненія—его параллели взяты иногда изъ библейскихъ сказаній, а особенно изъ греческой миѳологіи; конечно, объясненія совершенно отрывочны и случайны [2].

Далѣе, мы встрѣчаемъ еще одну работу Зенкевича: „Объ урочищахъ и обычаяхъ пинскаго народа и также о характерѣ его пѣсенъ“ [3]): это—заслуживающее вниманія описаніе нѣкоторыхъ урочищъ

---

[1]) Напр., на стр. 282: звѣздочка свѣтитъ—„nie dla ciebie, wraży synu, Lasze“ эти слова остались непереведенными. Пѣсня о Гонтѣ, предводителѣ уманьской рѣзни, и его казни (стр. 394—398), оканчивается нравоученіемъ (угрозой) не для поляковъ, а для украинцевъ.

[2]) Первый небольшой сборникъ Зенкевича, изъ 34 пѣсенъ, напечатанъ былъ еще въ 1847 году въ „Атенеѣ“ Крашевскаго (Athenaeum, pismo zbiorowe, Wilno, ч. IV, стр. 146—186: „Pieśni ludu, zebrane w Pińszczyznie i przełożone“ и пр.), а еще ранѣе онъ далъ образчикъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ изданіи Киркора: „Radegast“, 1843. Пѣсни „Атенея“ представляютъ нѣкоторые варіанты въ записи, иногда болѣе, кажется вѣрные, чѣмъ въ изданіи 1851 г., иногда—наоборотъ.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1852, т. IV, стр. 505—527; продолженія, въ 1853-мъ,

пинскаго края, связанныхъ съ народными преданьями, и описаніе обычаевъ, колядскихъ, свадебныхъ и пр., служащее комментаріемъ къ пѣснямъ.— Зенкевичъ умеръ въ 1868 г. [1]).

Время съ тридцатыхъ до начала шестидесятыхъ годовъ представляетъ въ польской литературѣ значительное развитіе интереса къ изученію западно-русскаго края. Виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія въ 1832 г., успѣлъ возбудить умственную жизнь; Вильна оставалась однимъ изъ главныхъ центровъ польскаго литературнаго движенія, въ которомъ здѣсь участвовали и нѣкоторые изъ бывшихъ профессоровъ университета. Такимъ отголоскомъ прежняго была дѣятельность Чечота. Въ сороковыхъ годахъ Крашевскій издавалъ въ Вильнѣ свой „Атеней“, Киркоръ (съ псевдонимомъ Jan ze Śliwina) издавалъ періодическіе сборники „Radehast“ и „Teka Wileńska“; въ Вильнѣ работали мѣстные изслѣдователи, какъ Ярошевичъ, Балинскій, гр. Тышкевичъ, Сырокомля и другіе, — трудами которыхъ, особливо первыхъ, обильно пользовались потомъ первые русскіе изслѣдователи исторіи и этнографіи западнаго края. Такъ, Іосифъ Ярошевичъ, авторъ упомянутой раньше книги объ исторіи „Литвы“, бывшій профессоръ виленскаго университета, писалъ о статистикѣ и этнографіи Гродненской губерніи [2]); въ томъ же „Атенеѣ“ Крашевскаго помѣщены были этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ кобринскаго уѣзда той же губерніи [3]): извѣстному поэту Сырокомлѣ (Кондратовичу) принадлежитъ монографія о Минскѣ, современномъ и историческомъ [4]); далѣе, изслѣдованія по исторіи и этнографіи края Н. Малиновскаго и особливо Киркора, труды котораго наполовину принадлежатъ русской литературѣ и о которомъ скажемъ далѣе. Одно изъ лучшихъ произведеній этой польско-бѣлорусской этнографіи есть книга гр. Евстафія Тышкевича, составившаго себѣ почетную извѣстность особливо археологическими трудами: „Описаніе Борисов-

---

у насъ не было подъ руками. Раньше онъ помѣстилъ статью: „O kurhanach i grodziskach powiatu Oszmianskego“, въ „Атенеѣ“ Крашевскаго, 1848, V, стр. 119—128.

[1]) Encyklop. Powszechna, Оргельбранда, s. v.

[2]) Materjały do statystyki i etnografii Gubernji Grodzieńskiej. Powiat Bielski,— „Athenaeum“, 1848, т. VI, стр. 168—186. Здѣсь, между прочимъ, замѣтки о народномъ бытѣ бѣлоруссовъ, о тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ государственными, два образчика пѣсенъ, указаніе на другіе образчики въ книгѣ Войцицкаго, 1836, и въ 1-мъ выпускѣ „Ondyny“ друскеницкой, 1846.—Эта статья Ярошевича (Статистико-этногр. свѣдѣнія о Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи“) явилась по-русски въ „Гродн. Губ. Вѣдом.“ 1848, 20—22.

[3]) Kilka zarysów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskiem. Przez K.,—„Athenaeum“, 1850, ч. IV, стр. 165—187.

[4]) Mińsk, „Teka Wileńska“, 1857, № 1, стр. 173—232; № 2, стр. 133—204. Въ исторіи этого края Сырокомля считаетъ, что Слово о полку Игоревѣ есть поэма бѣлорусская и что Баянъ жилъ именно въ Минскѣ; см. „Teka“, I, стр. 208.

[illegible] Книга составлена мѣстнымъ статистическимъ коми-[illegible] [illegible]ранъ былъ гр. Тышкевичемъ какъ предводите-[illegible] маршалкомъ), подъ его предсѣдательствомъ, и по-[illegible] Л. А. Перовскому, тогдашнему министру внутреннихъ [illegible] главному начальнику", которому „обязаны своимъ раз-[illegible] статистическія работы въ имперіи". Книга даетъ подроб-[illegible]тельное описаніе по тѣмъ предметамъ, какіе указывались [illegible] статистическими программами, а въ нѣкоторыхъ слу-[illegible] напр., въ отдѣлѣ этнографическомъ, быть можетъ, давала [illegible]льше, чѣмъ тогда требовалось этими программами.

[illegible] свѣдѣніями статистическими (о пространствѣ, границахъ, на-[illegible] и пр.), указаны историческія данныя о судьбѣ края отъ [illegible] до новыхъ временъ, археологическіе остатки, свѣдѣнія о [illegible] и мѣстечкахъ, церквахъ православныхъ и католическихъ; [illegible]гностическое и естественно-историческое описаніе края, далѣе, описаны хозяйство, хлѣбныя растенія, промыслы; свѣдѣнія медицинскія; образованіе, научныя собранія, — наконецъ, народная жизнь (стр. 286—446). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщено множество любопытныхъ данныхъ, описаній обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями. Здѣсь выдѣлены особенно двѣ статьи: обряды деревенскаго народа съ береговъ Березины, собранные въ Побережьѣ и Скуплинѣ въ 1846 г., Е. М., и свадебные обряды въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Гаенскомъ, наблюдавшіеся въ 1800, 1801 и 1802 гг. съ нѣкоторыми пѣснями; это послѣднее есть работа Игн. Шидловскаго, перепечатанная изъ его журнала 1819 г. [2]). Далѣе, описаніе обрядовъ жнивныхъ съ ихъ пѣснями; народное чарованіе, суевѣрія, примѣты; собраніе пословицъ, расположенныхъ по рубрикамъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ западномъ краѣ и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Здѣсь, какъ и на Украйнѣ, польское крѣпостное право надъ русскими пріобрѣло болѣе спокойную прочность; іезуитство было уничтожено въ 1773 въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что іезуиты съумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе свѣжемъ

[1]) Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, hospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o Obyczajach, Spiewach, Przysłowiach i Ubiorach ludu, Guslach, Zabobonach i t. d. Wilna, 1847. 446 и 43 стр.

[2]) Tygodnik Wileński, 1819, т. VII, стр. 1 и 81.

просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала іезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же. Образовательное движеніе, начавшееся въ Польшѣ, наконецъ проникло и сюда и выразилось основаніемъ Виленскаго университета; съ развитіемъ новой литературы, гдѣ, какъ упомянуто, нашла мѣсто довольно распространенная (хотя неглубокая) народно-романтическая струя, умственная жизнь получила новую складку: возникъ интересъ къ народнымъ массамъ. Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности — русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ-либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иныя средства просвѣщенія и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ средствъ и путей польскихъ. Рядомъ съ этимъ была любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенности, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чуждъ былъ народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ; многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно полонизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой", „околичной" шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни, и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій", но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій — по любви къ территоріальной родинѣ, ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самого бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ считался... Мы замѣчали уже, что въ этомъ взглядѣ на западный край какъ на край польскій у насъ видятъ неисправимую злонамѣренность польскихъ патріотовъ, и повторимъ, что съ другой стороны, напротивъ, по вѣковой исторической судьбѣ края они весьма естественно приходили къ этой точкѣ зрѣнія: польская цивилизація, католицизмъ или унія, польскій языкъ и, наконецъ, польскій патріотизмъ казались единственнымъ путемъ, какой могъ предстоять на-

роднымъ массамъ этого края... Намъ самимъ представляется обыкновенно, что или государство, или ходъ просвѣщенія должны только объединять инородные элементы подъ русское цѣлое; то же самое казалось полякамъ: сначала они объединяли государственной силой, потомъ присоединялась къ ней сила культурная, и послѣ паденія государства эта послѣдняя оставалась, и дѣйствительно—вслѣдствіе разныхъ условій, и между прочимъ нашего собственнаго признанія и содѣйствія — оказывала свое дѣйствіе. Съ XVI-го вѣка, и даже раньше, культурная жизнь инородныхъ областей Польши складывалась въ польскую форму; теперь, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, продолжалось то же: польская литература украшалась именами „литвина“ Мицкевича, „украинцевъ“ Богдана Залѣскаго и Гощинскаго, „бѣлорусса“ Сырокомли и т. д., и если полякамъ трудно было увѣриться, что для Украйны окончательно наступилъ иной періодъ и путь развитія, то для бѣлорусской народности они такого пути еще не видѣли: она оставалась въ сферѣ польскаго культурнаго господства, —и сами русскіе долго не подозрѣвали возможности и необходимости наступленія иныхъ отношеній.

Въ сороковыхъ годахъ, когда совершались упомянутые польскіе этнографическіе труды по изученію бѣлорусскаго края, мѣстные патріоты говорили о „бѣлорусской литературѣ“, радовались ея возникновенію и желали ей успѣховъ. Какая же это была литература? — Всего меньше она была на бѣлорусскомъ языкѣ: она понималась, главнымъ образомъ, территоріально; это была литература польская, относившаяся къ Бѣлоруссіи, изображавшая ея природу, нравы и обычаи, мѣстныя особенности — въ томъ числѣ она касалась народнаго, а иногда вмѣщала въ себѣ и сочиненія на бѣлорусскомъ языкѣ. Словомъ, это была польская провинціальная литература. Ея начатки возникали въ самой средѣ обыденной жизни; въ частныхъ явленіяхъ мѣстнаго быта находился матеріалъ для легкой беллетристики, шутки и домашней сатиры; часто эта литература была письменная, ходила по рукамъ, любопытная и иногда только туземцамъ понятная; иной разъ она касалась и народной жизни; наконецъ, эти попытки выступали и на обще-литературную сцену... Укажемъ два-три примѣра.

Этотъ мѣстный интересъ сталъ сказываться еще съ конца прошлаго столѣтія, и любопытно, что однимъ изъ первыхъ его проявленій была здѣсь, какъ и въ малорусской литературѣ, Энеида наизнанку, переложенная на бѣлорусскіе народные нравы и на бѣлорусскомъ языкѣ. Авторомъ этой „Энеиды“ былъ нѣкто Маньковскій, проживавшій въ Могилевѣ и бывшій потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По словамъ польскаго мѣстнаго историка, эта поэма, изображающая, подъ

видомъ героевъ Виргиліевой поэмы, бытъ богатыхъ бѣлорусскихъ хлоповъ,—чисто народна по своему духу и формѣ, и представляетъ совершеннѣйшій образецъ бѣлорусской шутки и юмора, и вмѣстѣ чистѣйшій образецъ бѣлорусскаго языка. „Энеида" Маньковскаго пользовалась великой популярностью въ средѣ мелкой шляхты, ходила въ рукописяхъ, стихи ея заучивались, но о самомъ авторѣ извѣстно было (и, кажется, осталось) очень мало [1]).

Опуская другихъ писателей польскихъ, которые изображали бѣлорусскій край и его жизнь, какъ Каз. Буйницкій, Александръ Гроза, Лада-Заблоцкій и другіе, упомянемъ еще о писателѣ, котораго бѣлорусско-польскіе мѣстные патріоты называли въ сороковыхъ годахъ „львомъ" этой литературы. Это былъ Янъ Барщевскій, род. въ 1794 г. Бѣлорусскій уроженецъ (его родина—витебская губ.), онъ принадлежалъ къ той многочисленной, но бѣдной шляхтѣ этого края, которая, по словамъ его польскаго біографа, „не имѣя сознанія о своей сущности, имѣетъ наиболѣе народныхъ жизненныхъ элементовъ и сохраняетъ съ несглаженнымъ цивилизаціею характеромъ наиболѣе народныхъ воспоминаній. Этотъ бѣдный классъ шляхты, имѣющій такія близкія связи съ классомъ народа сельскаго, что почти сливается съ нимъ, представляетъ собой переходъ и соединеніе этихъ двухъ сословій",—которымъ Барщевскій и посвятилъ свое перо. Онъ учился въ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ, еще въ школѣ пріобрѣлъ репутацію стихотворца и писалъ стихотворенія и „ораціи" на торжественные школьные случаи; возвращаясь домой на вакаціи, онъ занимался стихотворствомъ другого рода, писалъ шуточные стихи и каррикатуры, которые очень нравились, такъ что бѣдный поэтъ былъ желаннымъ гостемъ у „застѣнковой" шляхты своего края, которая вознаграждала его творчество натурой—мѣрой гороху, пшеницы и т. п. Эта самая шляхта доставила ему типы, которые онъ изображалъ потомъ въ своихъ повѣстяхъ; нѣкоторые его стихи, на бѣлорусскомъ языкѣ, пріобрѣтали большую популярность, расходились „по всей Бѣлоруссіи" (говоритъ его біографъ) и, „наравнѣ съ Маньковскимъ, ставили его во главѣ истинно-народныхъ бѣлорусскихъ писателей". Онъ отправился потомъ въ Петербургъ, былъ гувернеромъ, учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, а лѣтомъ уходилъ пѣшкомъ въ свою Бѣлоруссію; съ нимъ, въ шапкѣ, были его тетради, писанныя стариннымъ почеркомъ и старинной орѳографіей; свое время проводилъ онъ въ народной и полу-народной мелко-шляхетской средѣ, которую зналъ совершенно. Свою печатную литературную дѣятель-

[1]) Отрывокъ этой поэмы напечатанъ былъ въ „Маякѣ", 1845, т. XXIII, Смѣсь, стр. 33—39: „Отрывокъ изъ Энеиды наизнанку на бѣлорусскомъ крестьянскомъ нарѣчіи".

ность онъ началъ изданіемъ періодическаго сборника „Niezabudka“, которому приписываютъ ту заслугу, что онъ будилъ интересъ къ литературѣ въ томъ кругу, гдѣ до тѣхъ поръ единственнымъ чтеніемъ были календари. Барщевскій началъ стихотворными балладами изъ народнаго быта и преданій и затѣмъ перешелъ къ разсказамъ, которые составили основаніе его литературной репутаціи. Польскіе критики сороковыхъ годовъ ставили его очень высоко [1]).

Съ нынѣшней и русской точки зрѣнія, разсказы Барщевскаго, пожалуй, не представятъ такихъ достоинствъ, какія видѣлись польскимъ критикамъ; изображенія быта не идутъ глубоко, отношеніе къ народу остается покровительственное — но и неясное; нѣтъ того непосредственнаго интереса къ народу, который былъ бы нуженъ и для цѣлей искусства, и диктовался бы мыслью о соціальномъ положеніи народа. Но въ тогдашнихъ условіяхъ, когда и въ русской литературѣ только еще готовилось это простое, гуманно-реальное представленіе народа въ понятіяхъ общественныхъ и художественныхъ, а литература польская была еще болѣе далека отъ подобнаго представленія, разсказы Барщевскаго могли явиться любопытною новостью, пріятною для мѣстныхъ патріотовъ изображеніями быта ихъ родины, а также пріятною и для тѣхъ, кто уже думалъ, что должны установиться иныя, болѣе человѣчныя отношенія къ хлопству. Разсказы построены очень просто: авторъ пріѣзжаетъ на родину и живетъ у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожила, знающаго весь околодокъ, и встрѣчаетъ у него разнородныя лица, которыя и проходятъ въ разсказѣ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народные нравы, суевѣрія и т. п. Разсказъ ведется въ тонѣ добродушнаго юмора, съ образчиками народной рѣчи и пѣсни [2]).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выступалъ съ своими сочиненіями на бѣлорусскомъ языкѣ мѣстный патріотъ Винцентій Дунинъ-Марцинкевичъ, котораго одна пьеса на бѣлорусскомъ языкѣ давалась даже въ Минскѣ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ [3]).

---

[1]) См. собраніе разсказовъ Барщевскаго: Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach przez Jana Barszczewskiego. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Wydał Jan Eynerling. Petersburg, 1844 — 1846, 4 книжки. Ср. письмо Головинскаго къ Мих. Грабовскому, „Pielgrzym“, 1843, т. II, іюнь.

[2]) Имя этого писателя появлялось тогда и въ русской литературѣ; см. „Очерки сѣверной Бѣлоруссіи“, Яна Барщевскаго, въ „Иллюстраціи“, 1846, № 10.

[3]) Это была „Sielanka“, комедія въ 2 д., Вильно, 1846. Затѣмъ имъ были изданы „Hapon, powieść białoruska, z prawdiwego zdarzenia, w jezyku białoruskiego ludu napisana. Mińsk, 1855 (здѣсь же и другія стихотворенія и пьеса на польскомъ языкѣ); „Wieczernice“, тамъ же, 1855; „Ciekawyś? — przeczytaj“, 1856, гдѣ, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщена: „Kupałła, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu“;

Въ художественномъ отношеніи произведенія его не требуютъ критики; они любопытны только какъ бытовая черта. Въ предисловіи къ своему „Гапону“, авторъ объясняетъ, что въ своей пьесѣ „имѣлъ въ виду, чтобы наши обыватели, въ выборѣ на помощь себѣ оффиціалистовъ (управляющихъ), обращали попечительное вниманіе на ихъ характеръ и нравы: потому что они, злоупотребляя иногда ввѣренной имъ властью, для собственныхъ выгодъ притѣсняютъ трудолюбивый народъ и чрезъ это, часто самымъ невиннымъ (т.-е., конечно, со стороны самихъ пановъ) образомъ, навлекаютъ на пановъ его ненависть... И для того также я писалъ на языкѣ крестьянъ, чтобы пьеса, иной разъ прочитанная имъ въ праздничный день, могла привлечь ихъ сердца къ панамъ и тѣснѣе соединить ихъ интересомъ общей выгоды, и вмѣстѣ, чтобы уничтожить то, какъ будто врожденное, отвращеніе, съ какимъ нашъ крестьянинъ относится къ служенію краю“. Въ примѣръ для крестьянъ и въ совѣтъ помѣщикамъ выставляется, напр., трудолюбивый и добродѣтельный „хлопекъ“, который получаетъ отъ пана награду; авторъ пишетъ на бѣлорусскомъ языкѣ особое „повиншованіе“ въ стихахъ, которымъ „войтъ Наумъ“ поздравляетъ панну въ день ея именинъ и т. п.

Прибавимъ еще, что тотъ же Марцинкевичъ сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Пана Тадеуша“ (первая часть, Вильно, 1856). Другой польско-бѣлорусскій писатель, Даревскій-Верига, кромѣ собственныхъ сочиненій, сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Конрада Валленрода“, оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. По словамъ Киркора, „извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ) не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому не удивительно, что его бѣлорусскія пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ“ [1]).

„Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze“. Mińsk, 1857, гдѣ опять, среди польскихъ пьесъ, помѣщены „Szczeróuskije Dożynki“, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ парѣчіи. Шпилевскій упоминаетъ о „Селянкѣ“ Марцинкевича какъ объ „извѣстной народной опереткѣ“ („Пантеонъ“, 1854, т. XV, стр. 51).

[1]) „Живописная Россія“, изд. Вольфа, т. III, 1882, стр. 327. Одинъ изъ писателей этой бѣлорусско-польской литературы, Казимиръ Буйницкій, издавалъ въ 40-хъ годахъ въ Вильнѣ періодическій сборникъ: „Rubon, pismo zbiorowe, poświęcone pożytecznéj rozrywce“, гдѣ было дано мѣсто и интересу народно-поэтическому. Здѣсь участвовали, между прочимъ, извѣстный польскій критикъ и этнографъ Мих. Грабовскій (большая статья: O gminnych ukraińskich podaniach, т. VI, 1845, стр. 145—218, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ собраній г. Кулиша), Киркоръ (Jan ze S.), Чечотъ (стихотворенія), гр. Платеръ (по археологіи), и др. Въ V-мъ томѣ этого сборника, 1845, помѣщена статья: Rzut oka na poezję ludu Biało-ruskiego

Въ 1858 году кружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей издалъ „Альбомъ" по случаю прибытія въ Вильну императора Александра II, гдѣ были выражены мѣстныя патріотическія чувства и добрыя пожеланія. Въ „Альбомѣ", который поднесенъ былъ императору Кирхоромъ и другими лицами, приняли участіе Одынецъ, помѣстившій свое стихотвореніе, и, между прочимъ, Викентій Коротынскій, написавшій здѣсь стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорусскомъ языкѣ. Нѣтъ повода сомнѣваться, что это настроеніе было искреннее: крайніе польскіе патріоты возстали противъ виленскаго „Альбома" какъ противъ измѣны [1].

Съ другой стороны бѣлорусскій языкъ послужилъ и для другого рода литературы: въ 1862 году ходила по рукамъ книжка „съ политической тенденціей", написанная въ духѣ возстанія [2].

Не будемъ останавливаться на другихъ явленіяхъ этой „бѣлорусской" литературы [3]; мы видимъ въ ней вообще отраженіе польскаго взгляда на западный край какъ на составную часть и польской территоріи и польской національности, и только въ самое послѣднее время, между польскими писателями, стало возникать представленіе иного, болѣе сложнаго характера этого края, гдѣ требовалъ себѣ вниманія и своего права элементъ народно-русскій.

[illegible] въ Бахановичахъ — витебской губ.); здѣсь, [illegible] бѣлорусской народной поэзіи, помѣщено нѣсколько [illegible] въ III-мъ томѣ этого изданія, котораго мы [illegible]

[illegible] того времени, Юліанъ Клячко, издалъ по этому [illegible] крайній патріотъ, Корнелій Уейскій, нѣсколько [illegible] пѣсни „Z dymem pożarów", написалъ не [illegible] Одынца, Игнатія Ходзьку, Николая [illegible] Кирхоромъ [illegible]. См. „Dziennik Literacki", 1860, [illegible] „Pierwsze trzy głosy", Kornela [illegible] Wileńskim", стр. 11—20).

[illegible] „[illegible] dziedzia"; см. статью г. Ельскаго о бѣ[illegible] „Kraj", 1886, № [illegible]

[illegible] въ статьѣ Киркора въ „Живописной Рос-[illegible]

ГЛАВА IV.

Русскія работы по бѣлорусской этнографіи.

Путешествіе имп. Екатерины II.—Двадцатые и тридцатые годы.—Протоіерей Григоровичъ.—П. М. Шпилевскій.—Сборникъ пѣсенъ, 1853.—Изданія Географическаго Общества.—Книга Безъ-Корниловича.—Труды офицеровъ генеральнаго штаба по описанію западнаго края: А. Коревы, П. Бобровскаго, И. Зеленскаго, М. Цебрикова.

Рѣзкій поворотъ въ судьбѣ бѣлорусской этнографіи начинается съ послѣдняго польскаго возстанія. Въ русскомъ обществѣ, можно сказать, въ первый разъ явилось тогда нѣсколько отчетливое представленіе о западномъ краѣ какъ о русскомъ, и лишь около того времени началось первое внимательное и научнымъ образомъ поставленное изслѣдованіе западно-русской вѣтви русской народности. Это было новое, послѣ уничтоженія уніи, „возсоединеніе" западнаго края съ русскимъ центромъ; къ сожалѣнію, дѣло, поднятое въ 1863 году въ исключительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ остается натянутымъ, неяснымъ и обоюднымъ. Интересъ общества къ западно-русскому вопросу не былъ, или не могъ быть, полный: въ сущности онъ былъ поставленъ только съ тѣсно политической точки зрѣнія, почти исключительно въ смыслѣ анти-польскихъ репрессалій, и собственно народно-общественная сторона дѣла не нашла въ то время, да и послѣ, возможности выясниться и высказаться...

Упомянутое возсоединеніе русской народности было очень запоздалое: главныя части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ. Причины этой запоздалости отчасти отмѣчены выше. Сліяніе возможно лишь тогда, когда для него работаютъ не однѣ внѣшнія, но и внутреннія силы, не только политическія, но и общественныя,

народныя, образовательныя. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, сама власть долгое время смотрѣла на западный край какъ на вполнѣ или наполовину польскій, и такъ-называемый культурный, и вмѣстѣ владѣльческій, классъ былъ въ самомъ дѣлѣ польскій или полонизованный до такой степени, что русская доля его была почти незамѣтна, оставалась почти безъ вліянія. Русское общество, до конца 50-хъ годовъ, было почти чуждо западно-русскому вопросу: оно не имѣло никакого голоса въ предметахъ, имѣвшихъ какой-нибудь политическій оттѣнокъ, и занято было тѣми заботами своего внутренняго развитія, какія оставались ему доступны и которыя сами по себѣ были слишкомъ серьезны, настоятельны и требовали не малыхъ усилій,—между тѣмъ западно-русскій вопросъ былъ именно политическій и народно-общественный. Говорить о „народѣ" въ сколько-нибудь широкомъ и серьезномъ смыслѣ слова не было возможности до тѣхъ поръ, пока нельзя было коснуться существенной стороны его быта—крѣпостного права. Въ западномъ краѣ народный вопросъ былъ въ особенности вопросъ крѣпостной, тѣмъ болѣе мудреный, что владѣльческой стороной являлся классъ иноплеменный или почти иноплеменный. По всѣмъ обстоятельствамъ времени вопросъ оставался недоступнымъ для общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ для литературы: говорить о бѣлорусскомъ народѣ, какъ и принимать слишкомъ близко къ сердцу интересы народа русскаго (велико-русскаго) значило бы прежде всего говорить объ освобожденіи, о правѣ народа на лучшее гражданское положеніе, на школу и т. д. Не мудрено, что до начала новаго царствованія научный и общественный интересъ русскаго общества къ западному краю оставался отрывочнымъ и поверхностнымъ; не мудрено также, что первая, болѣе широкая мысль о предметѣ явилась только тогда, когда, при польскомъ возстаніи 1862—1863 года, оказалось, что небреженіе къ народному положенію западнаго края можетъ повлечь къ политической опасности или, по крайней мѣрѣ, къ политическому затрудненію и неудобству...

Одной изъ первыхъ и едва ли не первой русской книгой о западномъ краѣ былъ оффиціальный путеводитель, изданный по поводу путешествія въ Бѣлоруссіи импер. Екатерины II въ 1780 году [1]). Книга начинается географическимъ описаніемъ мѣстностей и горо-

---

[1]) „Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780. При Спб. Импер. Акад. Наукъ". Мал. 8°. Было сдѣлано заразъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами—147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями—133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи—стр. 42—121, по первому изъ этихъ изданій.

довъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Бѣлоруссію (Красное Село, Ямбургъ, Нарва и пр.), и затѣмъ переходитъ къ описанію Бѣлоруссіи по тогдашнимъ намѣстничествамъ (полоцкое и могилевское) и ихъ уѣздамъ.

„Сія новая страна,—говорится здѣсь о Бѣлоруссіи,—коей краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки къ Россіи подъ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II. Названіе *Бѣлоруссіи* или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ; иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ снѣговъ; другіе—отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлыми царями*; иные же—отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изъ стари въ *Россіи* назывались *Бѣлыми землями*), когда сія страна подпала *Литовскому* владѣнію; но всѣ сіи догадки неосновательны,—снѣгами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіи татаръ на *Россію* прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоброчной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ окольныхъ странъ. И такъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ *Литвянъ* въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой, Малой и Червонной Россіи*". Нѣкогда эта страна принадлежала русскимъ великимъ князьямъ, потомъ Россія была расхищена на части, но русскіе государи, начиная съ вел. князя Іоанна Васильевича, „начали паки присоединять оторванныя части" — княжества черниговское, сѣверское, Смоленскъ; наконецъ, въ 1772 г., „все обстоятельствами временъ потерянное пріобщено и утверждено подъ державу Екатерины II". „Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе... и показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія" (и между прочимъ доставившія „обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества"), теперь „озарили и новопріобрѣтенныя области", —внутренняя жизнь которыхъ подъ прежнимъ (польскимъ) владѣніемъ изображается самыми мрачными красками.

Названная книжка сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣдѣнія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что́ вообще забывалось за соображеніями политическими. Заѣзжіе русскіе, которымъ случалось бывать въ краѣ проѣздомъ и по службѣ, видѣли иногда и эту сторону западно-русскаго быта [1]), но въ лите-

[1]) См., напр., Записки Добрынина, Мертваго и др., изданныя, впрочемъ, только въ новѣйшее время.

ратурѣ этотъ предметъ оставался незатронутымъ; и какъ мало даже въ образованномъ кругу понимались эти народныя отношенія Бѣлоруссіи, примѣръ этому мы указывали выше въ Запискахъ академика Севергина, которому край казался просто польскимъ, а его православные жители—„схизматиками".

Въ концѣ концовъ, положеніе вещей должно было, однако, выясняться, и когда это выясненіе не достигалось средствами общественности, на него наводило научное изслѣдованіе—исторія и этнографія. Мы упоминали выше, что въ нашихъ журналахъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, начинаютъ появляться отдѣльныя этнографическія извѣстія о западномъ краѣ, взятыя изъ мѣстныхъ польскихъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій историческихъ, то русская наука уже скоро заняла въ этомъ предметѣ самостоятельное положеніе. Древность западнаго края для историковъ польскихъ не могла не представляться болѣе или менѣе чуждой. Западный край вступаетъ въ политическія связи съ Польшей лишь съ конца XIV столѣтія, а тѣснѣе сближается съ нею только съ конца XVI столѣтія, съ люблинской уніи; русскій языкъ оставался въ литовскомъ княжествѣ языкомъ оффиціальнымъ и придворнымъ и держался въ административномъ употребленіи даже въ XVII столѣтіи, но полякамъ онъ оставался чуждымъ—для нихъ край и его жизнь становились близки и понятны лишь съ распространеніемъ польскаго управленія, нравовъ, языка и католической церкви; собственно русское стало казаться все больше и больше провинціализмомъ и простонародностью. Между тѣмъ для историка русскаго западно-русская старина могла быть съ самаго начала совершенно доступна и понятна; о ней говорила та же старая лѣтопись, которая говорила о Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Галичѣ, потомъ Твери, Москвѣ, и т. д.; старый лѣтописецъ говорилъ о русскихъ племенахъ древняго западнаго края наравнѣ со всѣми другими русскими племенами; князья, владѣвшіе этимъ краемъ, были тѣ же князья Рюрикова рода; здѣсь была та же православная русская церковь, тотъ же народъ и языкъ, словомъ, это была естественная составная часть древняго русскаго цѣлаго. Такъ дѣло и было излагаемо въ „Исторіи" Карамзина. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія отличались особеннымъ возбужденіемъ историческаго интереса къ старинѣ, отчасти подъ вліяніемъ Карамзина, отчасти независимо отъ него, параллельно и въ помощь ему; историческія, филологическія и археологическія разысканія Калайдовича, Востокова, Малиновскаго, Арцыбышева, Успенскаго, нѣмцевъ Эверса, Круга, Лерберга и т. д., все больше расширяли горизонтъ русской исторіографіи и, между прочимъ, въ сторону западнаго края. Въ этомъ послѣднемъ направленіи уже съ двадца-

тыхъ годовъ началъ работать извѣстный бѣлорусскій ученый, протоіерей Иванъ Григоровичъ, поддерживаемый знаменитымъ канцлеромъ Румянцовымъ. Протоіерей Григоровичъ (1792 —1852) былъ сынъ православнаго священника въ г. Пропойскѣ (потомъ въ Гомелѣ), могилевской губерніи; онъ не былъ собственно бѣлоруссъ (отецъ его былъ родомъ изъ Малороссіи), но онъ выросъ въ западномъ краѣ, учился потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда снова вернулся на родину; здѣсь былъ назначенъ священникомъ и начальникомъ духовной школы въ мѣстечкѣ Гомелѣ (впослѣдствіи уѣздный городъ), принадлежавшемъ тогда графу Румянцову. Въ 1831 году онъ былъ переведъ въ Петербургъ священникомъ—сначала въ финляндскій полкъ, потомъ къ церкви Аничковскаго дворца, былъ сдѣланъ членомъ Россійской академіи и Археографической коммиссіи вскорѣ послѣ основанія этой послѣдней. Еще при поступленіи въ духовную академію Григоровичъ былъ извѣстенъ Румянцову, который назначилъ ему стипендію. Григоровичъ хорошо зналъ древніе языки и пристрастился къ занятіямъ русской древностью, которымъ, вѣроятно, помогла хорошая классическая школа. Живя студентомъ въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ ученомъ обществѣ Румянцова и, вернувшись въ Бѣлоруссію, продолжалъ историческія занятія и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда филологами и археологами, какъ митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Лобойко, Зубрицкій и др. Въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ сочиненіе по исторіи западнорусской церкви, оставшееся ненапечатаннымъ, а затѣмъ рѣшился собрать древніе акты, относящіеся къ исторіи западнаго края; при помощи Румянцова, онъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть могилевскіе архивы, нѣсколько грамотъ доставилъ ему Румянцовъ, и изъ этого матеріала составилось изданіе, первая (и единственная) часть котораго вышла въ 1824 году [1]). Собранные здѣсь акты, на русскомъ и польскомъ языкѣ, простираются отъ половины XV до XVII вѣка, и трудъ Григоровича былъ у насъ первымъ опытомъ обратиться къ самымъ источникамъ западно-русской исторіи, въ ея средніе вѣка, опытомъ, который впослѣдствіи продолженъ былъ массою изданій историческихъ актовъ западнаго края и гдѣ опять Григоровичъ работалъ раньше другихъ въ Археографической коммиссіи. Въ Петербургѣ, въ 1834 году, онъ издалъ „Переписку папъ съ русскими государями“ и сочиненія знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго (который, по матери, приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ), а вступивъ въ Археографическую коммиссію, рабо-

[1]) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. Часть 1-я. Москва, 1824, 4°. Книга издана была гр. Румянцовымъ.

талъ преимущественно надъ двумя вещами: дополненіемъ иностранныхъ документовъ о Россіи, собранныхъ А. И. Тургеневымъ, и редакціей древнихъ русскихъ актовъ, особливо актовъ, относящихся къ западной Россіи [1]). Наконецъ, о. Григоровичъ занимался составленіемъ бѣлорусскаго словаря; только часть его была напечатана до смерти [2]).

Великая заслуга этой дѣятельности не требуетъ большихъ объясненій. Исторія—за отсутствіемъ другихъ средствъ общественнаго сознанія—оставалась однимъ изъ главныхъ основаній для пониманія судьбы и положенія современнаго наличнаго народа; изученіе исторіи должно было опереться на первыхъ источникахъ, и надъ этими источниками работалъ Григоровичъ. Иное изъ нихъ уже являлось въ польской литературѣ, гдѣ бѣлорусскіе памятники издавались въ польской переписи, какъ еще въ прошломъ столѣтіи сдѣланъ былъ сборникъ старыхъ польскихъ (и западно-русскихъ) государственныхъ актовъ, какъ теперь явился „Latopisiec Litwy i Kronika ruska“ въ первомъ изданіи Даниловича (Вильна, 1827) или „Zbiór praw Litewskich“, Дзялынскаго (Познань, 1836) и т. д.; нужно было, наконецъ, издать эти старые памятники въ ихъ подлинномъ видѣ и въ болѣе полномъ собраніи. Необходимымъ былъ и словарь бѣлорусскій, чтобы выяснить окончательно вопросъ о характерѣ языка, который поляки хотѣли понимать или какъ лингвистическую смѣсь, или даже какъ простое мѣстное нарѣчіе польскаго языка, и который для русскихъ оставался, въ сущности, неясенъ до словарныхъ работъ Носовича и до новѣйшихъ изслѣдованій о его звукахъ и формахъ... Но труды Григоровича оставались только спеціальными, подготовительными трудами и началомъ для дальнѣйшей научной разработки предмета, а въ его представленіяхъ о языкѣ была еще немалая неопредѣленность и неточность. Труды Григоровича, какъ выше замѣчено, были началомъ тѣхъ обширныхъ изданій, которыя сдѣланы были потомъ Археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, а также и другими учрежденіями и лицами.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изслѣдованія о Бѣлоруссіи были все еще скудны. Въ основанномъ тогда „Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ“, который велся въ первое время Надеждинымъ, и въ подобномъ изданіи министерства государственныхъ иму-

[1]) Григоровичу принадлежитъ редакція первыхъ четырехъ томовъ этого изданія археогр. коммиссіи; надъ пятымъ онъ началъ работать.

[2]) Планъ этого словаря, въ сокращеніи, напечатанъ былъ въ „Отчетѣ“ II-го отдѣленія академіи за 1848 г., а вполнѣ—въ его біографіи („Очеркъ жизни протоіерея I. I. Григоровича“, Н. Григоровича, въ „Странникѣ“, 1861, т. II, стр. 303—338), стр. 332—337, прим.

ществъ стали появляться небольшія статьи о западномъ краѣ съ оффиціальными свѣдѣніями статистическими и особливо хозяйственными,—но очень мало статей общихъ, которыя могли бы служить не для одной характеристики внѣшняго быта, но и для объясненія мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ отношеній. Статьи послѣдняго рода рѣдки. Таковы были, напр., „Замѣтки о Бѣлоруссіи [1]); это не болѣе какъ отрывочныя путевыя замѣтки, сдѣланныя человѣкомъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію и, кажется, не имѣвшимъ для того и времени; основнымъ его впечатлѣніемъ остается то, что этотъ край, нѣкогда чисто русскій, несмотря на возсоединеніе (при которомъ надо было предположить вліяніе русской власти и русской жизни), все еще носилъ польскій характеръ [2]).

Изъ работъ собственно этнографическихъ можно опять отмѣтить рядъ небольшихъ отрывочныхъ статей въ журналахъ и газетахъ [3]).

---

[1]) Н. С. Щукина; см. Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 1—49.

[2]) Напр. „Въ Витебскѣ (авторъ ѣхалъ изъ Петербурга) господствуетъ уже польскій языкъ. Дворяне и чиновники говорятъ между собою и съ жидами по-польски. Они *привыкли воображать себя* поляками, потому что предки ихъ, волею и неволею, приняли католическій законъ и два съ половиною столѣтія были подданными Польши. Но вотъ уже прошло три четверти вѣка, какъ они возвращены Россіи: пора бы и обрусѣть опять! Дамы и дѣвицы лучшаго круга почти всѣ говорятъ по-французски, а по-русски съ грѣхомъ пополамъ“ (стр. 16).

„Долговременное пребываніе Бѣлоруссіи подъ польскимъ владычествомъ измѣнило архитектуру нашихъ церквей: онѣ построены здѣсь по образцу католическихъ, въ одинъ этажъ и съ двумя колокольнями. Отъ католиковъ, кромѣ того, перенято и многое другое; такъ, напримѣръ, простой народъ при входѣ въ церковь становится на колѣни и цѣлуетъ полъ, а грамотные, въ продолженіе литургіи, читаютъ молитвенникъ“ (стр. 29).

„...Дворяне здѣшніе (въ могилевской губ.) почти всѣ исповѣдуютъ ученіе западной церкви и говорятъ между собою испорченнымъ (?) польскимъ языкомъ. Нѣтъ нужды, что въ древности были здѣсь русскія княжества... Нѣтъ нужды, что настоящіе поляки, жители царства польскаго, оскорбляются (?), когда чужіе навязываются имъ въ родство: вѣковыя привычки, хотя и принятыя насильно, упорны какъ застарѣлыя раны. Есть нѣсколько помѣщиковъ чисто русскихъ; есть и туземцы, исповѣдывающіе православіе; но ихъ очень немного... Въ каждомъ помѣщикѣ замѣтны болѣе или менѣе слѣды полученнаго въ молодости образованія... Воспитаніе женскаго пола такое же, какъ у насъ. Въ отдаленныхъ уѣздахъ дѣвицы вовсе не знаютъ по-русски, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя воспитаны въ институтахъ“... (стр. 33 — 34). Въ упомянутомъ замѣчаніи, что чистые поляки оскорбляются, когда „чужіе“ (т.-е. люди западнаго края) „навязываются имъ въ родство“, авторъ, кажется, ошибался или былъ неточенъ; напротивъ, какъ мы не разъ упоминали, польская точка зрѣнія состояла въ томъ, что западный край есть нераздѣльная часть польской національной территоріи.

Отзывы о положеніи крестьянъ—самые печальные (стр. 35—39). Вообще авторъ жалуется, что „Бѣлоруссія худо изслѣдована, и того хуже описана“ (стр. 21).

[3]) Напр., въ „Маякѣ“: „Слова два о языкѣ и грамотности Бѣлой Руси“, Цито-

Въ мѣстныхъ изданіяхъ, губернскихъ вѣдомостяхъ и „памятныхъ книжкахъ", которыя начинаютъ издаваться по губерніямъ съ пятидесятыхъ годовъ, все чаще являются статьи, посвящаемыя особливо статистикѣ, а частію и этнографіи края [1]). Въ „Виленскихъ Губ. Вѣдомостяхъ", издававшихся тогда по-русски и по-польски, и въ „Памятныхъ книжкахъ" (которыя въ 1850 — 54 гг. выходили подъ редакціей Киркора), помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по старинѣ и этнографіи западнаго края и особенно виленской губерніи; это были по преимуществу работы Киркора [2]). Впослѣдствіи труды его являются въ изданіяхъ Географическаго Общества.

Къ собственной этнографіи принадлежатъ за это время довольно многочисленные труды Шпилевскаго (Пав. Мих., 1827—1861). Шпилевскій родился или провелъ дѣтство въ захолустьяхъ Бѣлоруссіи [3]), и видимо наслушался съ дѣтства сказокъ, пѣсенъ, видывалъ обряды, потомъ не мало и читалъ. Его работы были новостью въ нашей этнографической литературѣ и характеризуютъ, между прочимъ, ея тогдашнее состояніе. Послѣ первыхъ небольшихъ работъ, онъ помѣстилъ въ 1846 году нѣсколько статей въ „Журналѣ министерства просвѣщенія" подъ псевдонимомъ „Древлянскаго" [4]); это — работы очень юношескія, нерѣдко совсѣмъ простодушныя. Въ этнографіи и

вича, 1843, т. IX, Смѣсь, стр. 38; „Бѣлорусскія поговорки", В. Васильева, 1844, т. XV, Смѣсь, стр. 29, и 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144; „Памятники бѣлорусской письменности", А. Кавелина, т. XXIII. Выше упомянуто, что здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ бѣлорусской „Энеиды наизнанку", Маньковскаго.

Въ „Москвитянинѣ":— „Гецыки", П. Кушина, разсказъ изъ бѣлорусской жизни съ нѣсколькими пѣснями, плясовыми и свадебными, 1843, т. IV, стр. 383—412.

Въ „Моск. Вѣдомостяхъ": — „Бѣлоруссія, этнографическій очеркъ", А. Васьковскаго, 1854, № 148—149, 152 –153, и др.

[1]) Укажемъ, напр., „Путевыя замѣтки о западной и юго-западной Россіи", К. И. Арсеньева, въ „Вилен. Губ. Вѣдом". 1846, № 21 — 23, и его же „Статист. очерки Россіи", Спб. 1848;—„Бѣлорусскія пословицы", собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ, К. Мальчевскимъ, въ „Могил. Губ. Вѣдом." 1850, № 40—42, 45, и др.

[2]) „Исторія, географія, этнографія и статистика западныхъ губерній, и виленской въ особенности", „Вил. Губ. Вѣдом." 1847, № 15—19 и дал.; „Этнографія вил. губерніи", тамъ же, 1848, № 1; въ „Пам. книжкѣ виленской губерніи" на 1852 г.: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отеч. исторіи въ вил. губерніи" и пр., и „Очерки городовъ вил. губерніи".

[3]) Ср. „Современникъ" 1853, іюль, отд. II, стр. 13. „...Родной бѣлорусскій языкъ... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ костяной-ногѣ".

[4]) „Бѣлорусскія народныя преданія (повѣрья)", въ прибавленіяхъ къ Журн. мин. просв. 1846, кн. I, стр. 4 — 25; кн. IV, стр. 85 — 125; 1852, Литер. приб., № 3, стр. 1—32 (послѣдняя статья уже съ подписью Шпилевскаго).

особливо въ миѳологіи онъ былъ самоучка, между тѣмъ на этотъ разъ его тянуло именно къ миѳологіи. Собирая народныя преданія, Шпилевскій увѣренъ, что находитъ въ нихъ самое прямое продолженіе языческой древности, и насчитываетъ у бѣлоруссовъ цѣлые десятки языческихъ „боговъ“ и „богинь“, которыхъ описываетъ иногда съ большими подробностями—ихъ вида, одѣянія, ихъ добрыхъ и злыхъ дѣйствій... Въ примѣръ довольно привести его толкованія „толоки“ (то, что̀ у великоруссовъ называется обыкновенно „помочью“); по объясненію Шпилевскаго, бѣлорусская „толока“ есть „покровительница жатвы и плодородія“, и въ пѣсняхъ, которыя поются при случаяхъ толоки, онъ находитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ Цереру [1].

Въ 1853 Шпилевскій напечаталъ еще одно свое изслѣдованіе изъ области бѣлорусской миѳологіи [2], любопытное по приведеннымъ здѣсь народнымъ повѣрьямъ и разсказамъ, насколько они достовѣрны.

Въ томъ же году, Шпилевскій началъ два ряда статей о Бѣлоруссіи, въ „Пантеонѣ“ и въ „Современникѣ“ [3].

Первыя представляютъ, въ отдѣльныхъ главахъ, пересказъ народныхъ бѣлорусскихъ преданій и сказокъ, и описаніе различныхъ обрядовъ и обычаевъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Въ предисловіи Шпилевскій, повторяя нѣсколько словъ изъ прежней статьи о бѣлорусскихъ преданіяхъ, указываетъ богатство сохранившихся въ бѣлорусскомъ народѣ древнихъ языческихъ преданій—о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдьмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ, преданій, которыя, по его словамъ, „съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтическій вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика“... „Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!.. И потому не можетъ не обращать на себя вниманіе образованнаго человѣка—русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратовъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, миѳологіи, языкѣ, даже пир-

---

[1] Журн. мин. пр. 1846, приб. IV, стр. 111—118.

[2] „Изслѣдованіе о вовкалакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій“, Москвитянинъ, 1853, т. II, ч. 5, стр. 1—30.

[3] „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ“: Пантеонъ, 1853, т. VIII, кн. 4, Смѣсь, стр. 71 — 96; т. IX, кн. 5 — 6, стр. 1—20, 1—34; т. X, кн. 7, стр. 15—56; 1854, т. XV, кн. 5—6, стр. 21—44, 47—68 (здѣсь одной статьи мы не имѣли подъ руками); 1856, кн. 1, стр. 1—30; кн. 3; стр. 1—28.

— „Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю“, Современникъ, 1853 г., т. XXXIX, стр. 75 — 98; т. XL (іюль и августъ), стр. 1 — 26, 89 — 110; 1854 г., XLVIII, стр. 1—58; 1855, т. LII, стр. 1—62.

шествахъ и обѣдахъ; отчего жъ не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравачи, миѳологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами". Авторъ не замѣтилъ, что была разница въ интересѣ греческихъ и бѣлорусскихъ преданій, а научное значеніе изслѣдованія русскихъ народныхъ преданій, въ то время уже намѣченное въ первыхъ трудахъ Буслаева и Аѳанасьева, осталось ему не ясно; его интересъ остается народно-романтическимъ; его привлекаетъ меньше этнографія, чѣмъ поэзія и живописный колоритъ.

Вотъ предметы, на которыхъ онъ останавливается въ своемъ разсказѣ: Сестра чаровница, преданіе минской губерніи;—Бѣлорусская ярмарка (бытовая картина);—Колядныя повечёрки, вечернія собранія дѣвицъ во время рождественскихъ святокъ, оканчивающіяся съ разсвѣтомъ (по замѣчанію автора, повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссіи); —Свадебные обряды у поселянъ могилевской и минской губерніи („малыя запоины", „большія запоины", „змовины" или сговоръ, печенье караваевъ, выкупъ невѣсты, пріемъ жениха, одѣваніе невѣсты, „поѣздъ въ церковь", „веселье", т.-е. свадебная пирушка, „переносины", т.-е. переѣздъ невѣсты къ жениху) съ относящимися къ этимъ обрядамъ пѣснями;—„Медвѣжье ушко", преданіе витебской и отчасти смоленской губерніи (собственно сказка, пріуроченная къ мѣстности); —Обряды поселянъ витебской и минской губерній при уборкѣ хлѣба съ полей (покрыванье поля, зажинки и дожинки съ относящимися сюда пѣснями);—„Волшебный цвѣтокъ", преданіе могилевской, минской и витебской губерній (т.-е. опять сказка);—Юрьевъ день, народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня и двѣ пѣсни;—Молодиковая недѣля (т.-е. первое воскресенье послѣ новолунія, когда совершается богослуженіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, или такъ-называемыя „прощи"), мѣстный бытовой очеркъ опять съ пѣснями;—„Золотая щука", преданіе витебской губерніи (опять сказка);—Свадебные обряды у застѣнковцевъ (околичанъ) витебской губерніи, съ пѣснями (застѣнковцы или застѣнковая шляхта есть особый классъ въ родѣ однодворцевъ, занимающій середину между настоящей шляхтой и простонародіемъ и въ быту своемъ сохранившій также много старины);—Игрища (опять съ пѣснями);—Чары, заговариванья, суевѣрія и предразсудки (по словамъ автора, отрывокъ изъ большого сборника);—Родины и крестины, опять съ пѣснями;—Похороны и поминки съ образчиками причитаній;—Волочобники, повсемѣстное бѣлорусское обыкновеніе (такъ называются особаго рода пѣвцы, которые ходятъ на Пасху по деревнямъ съ поздравленіями), съ нѣсколькими волочобными пѣснями;—„Глѣбушкины слезки", пре-

даніе могилевской и минской губерній,—опять нѣчто въ родѣ сказки съ мѣстнымъ пріуроченіемъ.

Таково разнообразное содержаніе этихъ статей Шпилевскаго. Онъ упоминаетъ однажды, что еще въ юности много слышалъ и записывалъ народныхъ пѣсенъ, преданій и т. п., и, какъ видимъ, много пѣсенъ, повѣрій, описаній обычаевъ разсѣяно въ его разсказахъ. Къ сожалѣнію, ни у него не было никакой этнографической школы, ни въ общихъ литературныхъ понятіяхъ того времени еще не было достаточно распространено представленіе о должномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго быта и поэзіи; поэтому многое въ его сообщеніяхъ получаетъ только беллетристическій интересъ и не имѣетъ достаточной научной достовѣрности. Такъ, напр., его сказки—не запись народнаго текста, а собственное изложеніе сюжета, съ литературными украшеніями, которыя, по необходимости, подрываютъ довѣріе и ко всему тексту. Изъ большого числа пѣсенъ, вставленныхъ въ его разсказы, многія, вѣроятно, записаны имъ самимъ, но не одинъ разъ мы встрѣчали, повидимому, простое заимствованіе изъ сборниковъ Чечота и Тышкевича, нигдѣ, однако, не оговоренное; самъ Шпилевскій выдаетъ обыкновенно эти пѣсни за собранныя имъ самимъ [1]).

---

[1]) Приводимъ для будущихъ изслѣдователей нѣсколько сличеній.

— Пѣсня, въ „Пантеонѣ“, 1853, кн. 5, стр. 4, параллельна съ пѣсней у Тышкевича, стр. 291:

Сягодня заручники	Siagodnia zaruczynky
Богъ намъ давъ;	Boh nam dau;
Працивъ нядзельки	Praciu paniadziełku
Богъ намъ давъ,	Boh nam dau,
И шли дары на три сталы	Szli dary, na try stały;
Таму-сяму па падарачку	Tamu siamu pa padarku,
Нашему NN (такому-то)	Naszamu Janeczku
Три падарачки	Try padareczki
Богъ яму давъ, и проч.	Boh jamu dau, и пр.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 7: „Пріѣхали заручники“ = Тышкевича, стр. 290 „Pryjechali zarucznіki“, съ небольшимъ варіантомъ въ одномъ словѣ.

— Тамъ же „Пант.“, стр. 9=Тышк., стр. 294:

Благославице, людзи,	Blahasławicie, ludzie,
Блискіе сусѣдзи	Blizkije susiedzi,
Гэтаму дзицяци	Hetomu dziciaci
Каравай замясиць и пр.	Karawaj zamiasić, и пр.

Но пропущенное здѣсь у Шпилевскаго—находится у Тышкевича сполна. Другія каравайныя пѣсни также сходны.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 15: „Моя мáмачка; приступв къ столачку“ и пр.= Тышк. стр. 326: „Moja mameczka, prystup k stołaczku“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 16: „Цяпéръ я сѣла мижъ шипшинничку“ и пр.= Тышк., стр. 327: „Ciapеr ja siеła miż szypszyniczku“.

Другой рядъ статей Шпилевскаго представляетъ путешествіе по бѣлорусскому краю, начатое изъ Варшавы. Это—разсказъ о подробностяхъ пути, дорожныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, съ описаніемъ городовъ и мѣстечекъ, съ картинами природы, историческими и археологическими подробностями. Путешествіе написано вообще легко и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ мелочныхъ, эпизодовъ, не лишено занимательности, а въ свое время и новизны; впрочемъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, это сочиненіе не замѣнено другимъ подобнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ авторъ самъ обращается къ источникамъ по исторіи края, онъ видимо пользуется готовыми матеріалами, особливо польскими, хотя, по обыкновенію, ихъ не указываетъ. Такъ, напр. въ описаніи минской губерніи и тамошняго народнаго быта онъ пользуется упомянутой книгой Тышкевича и выписываетъ изъ нея, не упоминая о ней [1]). Разсказъ кончается описаніемъ игуменскаго края.

Бѣлорусское племя Шпилевскій считаетъ едва ли не древнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ и самымъ древнимъ изъ племенъ русскихъ; живя издавна на своихъ мѣстахъ, бѣлоруссы сохранили

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 17: Та́ткавъ кутóчакъ“=Тышк., стр. 334: „Tatkou kutoczek“, и пр.

— „Пантеонъ“, 1853, кн. 6, стр. 19 и далѣе, пѣсни жнивныя, отчасти сходны съ Тышк., стр. 395 и слѣд., хотя не тожественны.

— „Пантеонъ“, 1853, кн. 7, стр. 40, пѣсня на Юрьевъ день: „Ой, иду я на улачку, а бычки бушуюць“=въ сборникѣ Чечота, 1846, стр. 2—3: „Oj wyjdu ja na ułeczku, byczki buszujuc“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 51, любопытная пѣсня, которую Шпилевскій „самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной пѣвицы“: „Туманъ, туманъ, туманъ на далинѣ“ и пр., совершенно сходна съ пѣсней у Чечота, стр. 56: „Tuman, tuman, tuman, tuman na dalinie“, и пр., съ маленькими разницами,. вѣроятно, ошибками у Шпилевскаго противъ Чечота.

— „Пантеонъ“, 1854, кн. 5, стр. 32 — 43: „Леціаць птушачки на три стадачки“ и пр., записанная вѣроятно самимъ Шпилевскимъ, представляетъ сокращенное соединеніе двухъ пѣсенъ у Чечота, 1846, стр. 40: „Leciać ptuszeczki na try stadeczki“, и стр. 15: „Zazulko, zazulko da nie holosno“.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 31: „Да пристань, Боже, пристань“=Чечота, стр. 14; у Шпил. съ небольшимъ пропускомъ.

— Тамъ же, „Пант.“, стр. 33: „Знаць табѣ... замужъ хочетца“ и пр.=Чечота, стр. 42: „Znać tabie... zamuż choczec ca“.

— „Пантеонъ“, 1854, кн. 6, въ описаніи чаръ, стр. 67—68, не оговоренная выписка изъ Тышкевича, стр. 410.

— „Пантеонъ“, 1856, кн. 3, стр. 4 — 7, длинная пѣсня волочобниковъ взята цѣликомъ у Тышкевича, стр. 389 — 391, безъ одной подробности, выпущенной у Шпилевскаго, вѣроятно по цензурному соображенію, и находящейся у Тышкевича.

[1]) См. „Современникъ“, 1853, т. XL, стр. 89 и далѣе, и „Opisanie powiatu Borysowskiego“, Тышкевича; Шпилевскій упоминаетъ только археологическія изслѣ-[illegible]ія этого польскаго ученаго, и не мало другихъ книгъ.

наибольше подлинной славянской старины; оттого они и теперь отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ народной поэзіи и преданій [1])...

Въ 1853, вышло въ Петербургѣ первое отдѣльное собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ [2]). Неизвѣстная составительница этой книжки, указавъ въ предисловіи богатство бѣлорусской поэзіи, желала представить свой сборникъ „какъ матеріалъ для ученыхъ"; пѣсни собраны преимущественно въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, но общеупотребительность ихъ и въ другихъ уѣздахъ той губерніи побудила дать книгѣ общее названіе. „При всѣхъ стараніяхъ объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ", собирательница была увѣрена, что даже въ быховскомъ уѣздѣ найдется еще много пѣсенъ кромѣ тѣхъ, какія вошли въ ея книгу; это было справедливо, но дальше указано обстоятельство, отнимающее у книжки значеніе „какъ матеріала для ученыхъ": „я ни въ чемъ не измѣнила пѣсенъ, писала такъ, какъ слышала; но *не сохранила особенностей бѣлорусскаго выговора,* и приняла русскій алфавитъ". Замѣчаніе объ „алфавитѣ" показываетъ, что на мѣстѣ еще въ 1850-хъ годахъ казалось новостью употреблять для тамошняго русскаго языка русскую азбуку. Въ сборникѣ помѣщено больше ста пѣсенъ, иногда прекрасныхъ по поэтическому обороту и обрядовому содержанію; къ сожалѣнію, онѣ потеряли подлинность въ пересказѣ; при пѣсняхъ свадебныхъ сдѣлано краткое описаніе обряда.

Наконецъ, бѣлорусская этнографія была затронута въ компетентныхъ ученыхъ обществахъ. Во-первыхъ,—въ Обществѣ Географическомъ. Съ перваго же тома „Этнографическаго Сборника" (1853—1854), издававшагося Обществомъ, въ немъ появляются матеріалы о западно-русскомъ краѣ. Здѣсь помѣщена статья объ Остринскомъ приходѣ (виленской губ., лидскаго уѣзда), профессора литовской семинаріи Юркевича (I, стр. 283—293). Редакторъ этой части „Сборника", К. Д. Кавелинъ, доискиваясь племенной принадлежности этого прихода, обращался не только къ изданной передъ тѣмъ (1852 г.) „Этнографической картѣ" Кёппена, но даже къ маленькой картѣ Шафарика: такъ были скудны подручныя свѣдѣнія. Въ самой статьѣ языкъ тамошняго населенія изображается, какъ „смѣсь русскаго съ польскимъ", но „ближе къ русскому".

Во второмъ томѣ „Сборника" (редакторомъ его былъ опять Кавелинъ) помѣщена цѣлая обширная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ" (стр. 111—268), въ составъ которой вошли свѣдѣнія, полученныя Обществомъ отъ разныхъ лицъ изъ западнаго края въ

[1]) См. соображенія его по этому предмету въ „Современникѣ", 1853, т. XL, стр. 71 и дал.

[2]) „Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П." Спб. 1853. 8°. III и 86 стр.

1848—50 годахъ. Въ томъ числѣ, наиболѣе подробное, „превосходное" этнографическое описаніе въ отвѣтъ на програму Общества доставилъ г. Анимелле, вольноотпущенный одного помѣщика; это описаніе было положено въ основу статьи и дополнено другими сообщеніями, полученными отъ помѣщиковъ, священниковъ, учителей и даже отъ земскаго исправника. Статья Анимелле даетъ обстоятельные отвѣты на программу Общества и сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ народнаго быта въ Бѣлоруссіи, отъ внѣшнихъ подробностей—устройства избы, двора—до обычаевъ, суевѣрій, языка, частію пѣсенъ, и т. д. Авторъ обратилъ вниманіе на различія въ бытѣ и самомъ языкѣ поселянъ православныхъ и католиковъ (у послѣднихъ больше въ ходу словъ, взятыхъ съ польскаго), привелъ народный календарь, и т. д.

Въ третьемъ томѣ „Сборника" находимъ: „Замѣтки о западной части гродненской губерніи" (стр. 47—115, безъ имени автора) съ историческими извѣстіями о старинѣ этого края и образчиками языка, и обширный „Этнографическій взглядъ на виленскую губернію", А. Киркора (стр. 115 — 276). Здѣсь даны: географическое описаніе губерніи, распредѣленіе племенъ (литовскаго и бѣлорусскаго), народные обычаи, народный календарь, указаніе мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи, наконецъ, краткій словарь бѣлорусскаго языка (называемаго у автора „бѣлорусско-кривичанскимъ", стр. 193 — 201) и собраніе „кривичанскихъ" пѣсенъ (стр. 201—276). Пѣсни, можетъ быть, частію собраны были самимъ авторомъ изслѣдованія, но значительная доля взята изъ прежнихъ сборниковъ [1]).

Изслѣдованія о бѣлорусской народности нашли мѣсто и въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи. Въ „Извѣстіяхъ" этого отдѣленія за 1852 г. помѣщены были „Бѣлорусскія пословицы и поговорки", собранныя И. Носовичемъ, о трудахъ котораго подробнѣе скажемъ дальше; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ П. Шпилевскаго; наконецъ, помѣщались въ томъ же изданіи отчеты И. Микуцкаго объ его изслѣдованіяхъ въ западномъ краѣ по языку литовскому и также бѣлорусскому...

Въ пятидесятыхъ годахъ дѣлаются и попытки историческаго изученія западнаго края. Таковы были: книга И. Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ" [2]); книга О. Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ" (Спб. 1857),

---

[1]) Напр., стр. 201—212 изъ Чечота, 1846, стр. 17—32; стр. 212—223 изъ той же книги, стр. 46—62, и т. д.; только въ „Сборникѣ" Геогр. Общества пѣсни переписаны русской азбукой.

[2]) Спб. 1851, напечатано сначала въ „Христіанскомъ Чтеніи".

то и другое—самые общіе обзоры политической и церковной исторіи западнаго края. Рядомъ съ ними можно упомянуть: „Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся", генералъ-маіора М. О. Безъ-Корниловича (Спб. 1855)—гдѣ, кромѣ историческихъ подробностей о цѣломъ краѣ и разныхъ его мѣстностяхъ, собраны также данныя статистическія о мѣстныхъ промыслахъ и торговлѣ, наконецъ, подробности этнографическія. Книга—отрывочная, съ извѣстнымъ личнымъ знаніемъ мѣстнаго быта, но съ весьма случайными свѣдѣніями историческими и этнографическими. Авторъ знакомъ, между прочимъ, съ польскими источниками, и, вѣроятно, они отразились въ смутныхъ объясненіяхъ мѣстной этнографіи. Упомянувъ о „древнихъ кривичахъ", Безъ-Корниловичъ замѣчаетъ, что „соединенные съ славянами (?) ихъ потомки, бѣлоруссы, съ принятіемъ христіанской вѣры, хотя забыли идоловъ, но до сихъ поръ сохранили свой особенный типъ въ обычаяхъ, предразсудкахъ, языкѣ, забавахъ" и пр. Далѣе: „народъ кривичанскій занималъ всю витебскую губернію, южную часть псковской, сѣверо-западную часть смоленской и сѣверную половину губерній могилевской и минской, къ чему неоспоримымъ доказательствомъ служатъ *самое нарѣчіе бѣлорусскаго языка,* до сихъ поръ оставшееся въ разговорномъ, хотя *обрусѣломъ* (?), *языкѣ*, употребляемомъ жителями тѣхъ мѣстъ" [1])—фраза не весьма грамотная и показывающая, что „кривичей" авторъ, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями, принималъ какъ будто за особое отъ русскихъ племя, только смѣшавшееся съ ними [2]).

Наконецъ, изысканія о западномъ краѣ предприняты были, съ новой точки зрѣнія, въ военномъ ученомъ вѣдомствѣ.

Выше мы упоминали [3]), что генеральный штабъ, уже съ 1837 по 1854, производилъ статистическія работы, которыя имѣли три изданія и предназначались исключительно для военныхъ потребностей генеральнаго штаба и вѣдомствъ провіантскаго и коммиссаріатскаго. Для публики эти изданія не были доступны. Послѣ крымской войны, военное министерство положило собрать черезъ офицеровъ генеральнаго штаба возможно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о губерніяхъ и областяхъ Россіи, какъ для своихъ собственныхъ

---

[1]) Стр. 1—2.

[2]) На стр. 19 авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Надо полагать, что названіе *Кривичи* произошло отъ испорченнаго переписчиками (?), а можетъ быть, и самими лѣтописцами слова *крєйвасъ*, *крейватисъ*, означающаго первосвященника", т.-е. что они были происхожденія *литовскаго*?

[3]) Томъ II, гл. X, стр. 305—306.

потребностей, такъ и вообще для обогащенія свѣжими данными русской географіи и статистики.

Въ 1857, 1858 и 1859 году, департаментъ генеральнаго штаба издалъ на этотъ предметъ особыя инструкціи и программы; съ этого послѣдняго года назначенныя лица приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, и съ 1861 года сталъ выходить рядъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ. Однимъ изъ первыхъ явилось описаніе Виленской губерніи, составителемъ котораго былъ г. Корева [1]). Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: географическое и топографическое описаніе губерніи; жители; промышленность; образованность; частный и гражданскій бытъ; управленіе; свѣдѣнія о городахъ и мѣстечкахъ, наконецъ, приложенія. Кромѣ личнаго ознакомленія съ территоріей губерніи, авторъ, какъ исполнитель оффиціальнаго порученія, имѣлъ въ распоряженіи множество данныхъ, доставленныхъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и другими оффиціальными вѣдомствами, воспользовался литературой мѣстныхъ описаній, русскихъ и польскихъ, наконецъ, личнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ спеціалистовъ. Изъ литературы о западномъ краѣ авторъ называетъ Нарбутта, Балинскаго, Крашевскаго („Litwa"), историко-статистическія работы Киркора, П. Кукольника (о литовцахъ), Чацкаго и В. Григорьева (о евреяхъ), Мухлинскаго (о татарахъ западнаго края), проф. Юндзилла (ботаника), гр. Платера (зоологія), Порай-Кошица (о мѣстномъ дворянствѣ). Изъ этихъ и особливо дѣловыхъ оффиціальныхъ источниковъ авторъ собралъ множество свѣдѣній о разныхъ отношеніяхъ мѣстнаго быта; этнографія затронута мало, и это—слабѣйшая часть книги. Авторъ, хотя трудолюбиво изучавшій край, видимо такъ и остался въ недоумѣніи относительно того, какіе „славяне" населяютъ виленскую губернію. Пользуясь своими польскими источниками и не имѣя ни прямого знакомства съ народомъ, ни этнографической школы, авторъ продолжаетъ говорить о „кривичанскихъ славянахъ", не подозрѣвая, что это просто—русскіе. Его опредѣленія очень запутаны. „Славяне, населяющіе виленскую губернію,—по словамъ автора,—кромѣ выходцевъ изъ Великороссіи, великороссіянъ, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей" (стр. 390), — такъ они раздѣлены и на этнографической картѣ, приложенной къ книгѣ; историческія свѣдѣнія о Литвѣ весьма темныя, и авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что они принадлежатъ къ кавказскому племени,—религія ихъ изображается заимствованной то у грековъ, то у индѣйцевъ (стр. 290

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. Спб. 1861. VIII, IV и 804 стр. съ нѣсколькими картами.

—292). „Виленская губернія представляетъ огромное разнообразіе въ населеніи, изъ котораго *только* славяне и литовцы [1]) *не отличаются* между собою большимъ различіемъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ; остальные затѣмъ народы [2]), считающіе своею колыбелью Азію, по языку, обычаямъ и нравамъ, не только разнятся отъ коренныхъ жителей, но не имѣютъ ничего общаго и между собою" [3])... Авторъ приводитъ (стр. 635 и дал.) „извлеченіе изъ пѣсенъ славянъ", т.-е. бѣлоруссовъ, которыхъ называетъ и „племенемъ кривичанскимъ"; пѣсни взяты изъ текстовъ Киркора. Свѣдѣнія о мѣстной литературѣ (стр. 598—600) отрывочны и неясны.

Вторымъ трудомъ военныхъ статистиковъ по описанію западно-русскаго края было описаніе Гродненской губерніи, г. Бобровскаго [4]). Это — громадный и уже гораздо болѣе обстоятельный трудъ, по той же программѣ, но съ болѣе подробными экскурсіями въ исторію и съ бо́льшимъ количествомъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ разнаго рода оффиціальныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ, изъ спеціальной литературы и, наконецъ, изъ сообщеній мѣстныхъ обывателей и знатоковъ края. Гораздо больше дано здѣсь мѣста и этнографіи (глава III: народонаселеніе по племенамъ; гл. V: народный бытъ). Въ „историческомъ обзорѣ о происхожденіи" племенъ авторъ, вѣроятно, уже подъ вліяніемъ начавшихся въ то время толковъ о національной принадлежности западнаго края, доказываетъ историческими памятниками и языкомъ наличной массы населенія, что страна, занимаемая нынѣ гродненской губерніей, была и есть *русская*, что „почти съ самаго образованія Руси, *вѣра и языкъ* славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ славянскими *племенами*, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи". За исключеніемъ неточности выраженія, это было справедливо.

Въ частности, на основаніи Шафарика, Ярошевича и другихъ писателей, а также на основаніи свѣдѣній, „собранныхъ черезъ при-

---

[1]) А они-то и составляютъ главную массу „огромнаго разнообразія".

[2]) Это—евреи и немногочисленные нѣмцы, татары и цыганы.

[3]) Укажемъ еще замѣчаніе о литовцахъ: „Каково бы ни было происхожденіе литовскаго народа и въ какую бы эпоху онъ ни поселился въ предѣлахъ нынѣшней Литвы, исторія этого народа, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы тайною для человѣчества (!), еслибы жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, извѣстные подъ именемъ скандинавовъ или норманновъ, не вызвали литовцевъ къ исторической дѣятельности"...

[4]) Матеріалы, и пр. Гродненская губернія. Составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества, генеральнаго штаба подполковникъ П. Бобровскій, 2 ч. Спб. 1863. Больш. 8°; XXII и 866 стр.; VIII и 1074 стр., съ нѣсколькими картами, планами и родословными таблицами.

къ западно-русскому краю? Авторъ пересматриваетъ старыя давно исчезнувшія названія племенныя (кривичи, дреговичи), послѣдующія названія края по княженіямъ и землямъ, припоминаетъ мнѣнія старыхъ и новыхъ, польскихъ и русскихъ, этнографовъ и историковъ, начиная съ Карпинскаго (автора Географическаго словаря, Вильно, 1766) и продолжая Карамзинымъ, Балинскимъ, Ярошевичемъ, Сырокомлей, Турчиновичемъ, К. И. Арсеньевымъ, Киркоромъ, указываетъ противорѣчія, которыя совсѣмъ спутываютъ представленіе о дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ края [1]). Относительно „бѣлоруссовъ" и „черноруссовъ" авторъ замѣчаетъ: „послѣднія два прозванія сохранились и по настоящее время, несмотря на то, что обѣ эти родныя вѣтви одного и того же племени славянскаго, элемента чисто русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію, *нѣтъ* уже *никакой возможности* указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно населеніе отъ другого". Онъ предполагаетъ, что въ польское время могла быть какая-нибудь разница между этими оттѣнками, можетъ быть, есть и теперь; „но такъ какъ до сихъ поръ никто еще, кажется, не занимался подобными этнографическими изслѣдованіями, то мы рѣшительно отказываемся указать на тѣ мѣстности минской губерніи, которыя заняты тѣмъ или другимъ племенемъ". Авторъ замѣчаетъ также, что онъ не понимаетъ, какую разницу находилъ Киркоръ между „славянами-бѣлоруссами" и „славянами-кривичами", тѣмъ больше, что дальше самъ Киркоръ считалъ внѣ сомнѣнія, что „нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, есть именно то самое, которое употребляли древніе кривичи" [2]).

---

[1]) См. т. I, стр. 401—411. Авторъ замѣчаетъ, напр. (стр. 407): „Сбивчивость понятія о границахъ Черной Руси и Бѣлоруссіи и привычка пріурочивать послѣднее названіе исключительно къ Могилевской и Витебской губерніямъ были, вѣроятно, причиною, что не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, подъ именемъ Литвы разумѣютъ и Минскую губернію или, по крайней мѣрѣ, сѣверную ея часть" — между тѣмъ какъ литовцевъ въ этой губерiи почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ это названіе „Литвы" было неточно употреблено Арсеньевымъ (Статист. очерки, стр. 179), а на основаніи его г. Егуновъ, въ своемъ изслѣдованіи „О среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи" (Отеч. Зап. 1852), говоря о скудномъ состояніи хозяйства въ этомъ краѣ, прямо приписываетъ его — безпечности и безпромышленности *литовскаго племени*, котораго тутъ вовсе нѣтъ.

[2]) Тамъ же, I, стр. 408. Дальше, стр. 411, и самъ авторъ считаетъ населеніе минской губ. состоящимъ изъ бѣлоруссовъ, „черноруссовъ" и полѣсянъ (эти послѣдніе — малоруссы).

Собственной этнографіи, какъ мы сказали, авторъ не касается. Мѣстныя бытовыя отношенія, повидимому, остались ему иногда не совсѣмъ ясны. Ему кажется, напр., что въ прежнее время ополяченіе высшаго класса совершалось только принудительными средствами (I, стр. 411), или, тамъ же: „Благодаря усердію незабвен-

Наконецъ, изъ этого рода изслѣдованій упомянемъ книгу г. Цебрикова о Смоленской губерніи [1]). Сѣверо-восточные уѣзды ея заняты населеніемъ великорусскимъ (по счету г. Цебрикова, до 520.000); юго-западные — бѣлорусскимъ (до 600.000). Авторъ останавливался, между прочимъ, и на этнографическихъ чертахъ быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ и частію великоруссовъ [2]). Собранный здѣсь этнографическій матеріалъ заслуживаетъ вниманія, хотя весьма не обширенъ и не свободенъ отъ ошибокъ или неточностей, которыя, какъ мы видѣли, почти неизмѣнно сопровождаютъ прежнія описанія западнаго края у наблюдателей не-спеціалистовъ [3]).

ныхъ іезуитовъ и римскаго духовенства, католичество — этотъ чуждый элементъ — пустило здѣсь сильные корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простого народа, бывшихъ уніатахъ, и теперь еще отличающихся какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ (?) въ дѣлѣ вѣры". Но вѣдь у нихъ дѣйствіе католичества и уніи уже прекращено; гдѣ же причина равнодушія?

[1]) Матеріалы, и пр. Смоленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ. Спб. 1862.

[2]) О племенныхъ отличіяхъ населенія, стр. 125—127; нравы и обычаи, народные праздники, мѣстные повѣрья и предразсудки (съ образчиками пѣсенъ), стр. 258—316. Описаніе свадебныхъ обычаевъ великорусскихъ заимствовано изъ статьи Геннади, въ „Вѣстникѣ" Географ. Общества, 1852, кн. IV.

[3]) Напр., стр. 125: „Пространство, занимаемое нынѣ Смоленскою губерніею, въ древнія времена было заселено кривичами,—народомъ славянскаго племени. Впослѣдствіи, потомки *коренныхъ* обитателей описываемаго края, находясь продолжительное время подъ владычествомъ Литвы и Польши, *слились* съ польскими и литовскими выходцами. *Это обстоятельство* послужило причиною племеннаго различія, замѣчаемаго нынѣ въ народонаселеніи смоленской губерніи". — Напротивъ, именно не слились, что и составляетъ причину существующаго племеннаго различія; откуда было бы оно, если бы племена „слились"? Подобныя неточности и въ историческихъ свѣдѣніяхъ о краѣ.

ГЛАВА V.

Въ шестидесятыхъ годахъ.

Политическое броженіе начала 1860-хъ годовъ.—Вліяніе крестьянской реформы на пониманіе положенія западнаго края.—Польское возстаніе.—Тонъ русской литературы. „Вѣстникъ" Говорскаго, „Вѣсть" Скарятина; газета „День".—Мѣры къ возстановленію русской народности въ западномъ краѣ.

Въ 1861 году обнаружилось въ царствѣ польскомъ политическое броженіе, которое потомъ все больше возростало и въ 1862 г. развилось до попытокъ открытаго возстанія. Волненіе уже вскорѣ отразилось на западномъ и частью даже на юго-западномъ краѣ. Въ мысляхъ поляковъ все это была та же Польша: „Корона", „Литва" и такъ-называемая „Русь" (западная Малороссія), изъ которыхъ состояла Польша до-раздѣльная, должны были теперь добыть снова государственную независимость и вмѣстѣ заявить о своемъ политическомъ и „національномъ" единствѣ. Возстаніе окончилось, какъ слѣдовало ожидать, самымъ печальнымъ образомъ. Далеко не всѣ классы самого польскаго народа раздѣляли политическое возбужденіе; въ западномъ краѣ въ возстаніи приняла участіе только немногочисленная польская доля населенія, а масса оставалась пассивнымъ, сначала боязливымъ, потомъ несомнѣнно враждебнымъ зрителемъ совершавшихся кровавыхъ сценъ; на юго-западѣ, гдѣ процентъ польскаго населенія былъ совсѣмъ ничтожный, попытки возстанія оказались абсолютно неудачными. Какъ эти событія отразились на постановкѣ историческаго и этнографическаго вопроса?

Самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго недоразумѣнія, долго покрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически, польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій

народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни даже національнаго положенія. Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ, и хотя правительство сурово карало рѣдкіе примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 года, но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или полонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ. Въ западномъ краѣ, какъ мы видѣли, развилась съ начала нынѣшняго столѣтія оживленная образовательная и литературная дѣятельность, средоточіемъ которой былъ Виленскій университетъ и которая продолжалась здѣсь и по закрытіи университета. Вильна, вмѣстѣ съ Варшавой, Краковомъ, Львовомъ, Познанью, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ польской литературной и общественной жизни и здѣсь складывался особый („литовскій“) оттѣнокъ польской поэзіи и литературы; въ западномъ краѣ, въ богатыхъ имѣньяхъ польскихъ аристократовъ собирались обширныя библіотеки, научныя и художественныя коллекціи (напр. въ Несвижѣ, Щорсахъ и пр.); польскіе мѣстные ученые предпринимали изслѣдованія о древностяхъ, топографіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, естественной исторіи края — изслѣдованія, которыми много пользовались потомъ и донынѣ русскіе изыскатели, направившіе сюда свои труды съ 1860-хъ годовъ... Правда, дѣйствительная сущность историческихъ и народныхъ отношеній западнаго края начала уже выясняться и съ другой точки зрѣнія: тѣ изслѣдованія историческія или то собираніе историческаго и этнографическаго матеріала, которое начиналось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ, не могли не проливать иного свѣта на положеніе вещей, — но эти изслѣдованія оставались покамѣстъ книжными, мало проникали въ общество и еще меньше вліяли на административное и соціальное состояніе западно-русскаго народа... Одинъ разъ прошла въ краѣ сильная полоса историческаго движенія—въ уничтоженіи уніи (1839): этотъ знаменательный фактъ могъ бы навести мѣстное общество на новыя мысли о положеніи народнаго вопроса, но бытовая рутина была еще такъ сильна, что это событіе произвело, кажется, меньше впечатлѣнія и дѣйствія, чѣмъ можно было бы ожидать. Съ другой стороны, въ самомъ русскомъ

обществѣ относительно западнаго края продолжалось прежнее незнаніе и равнодушіе.

Нужны были большіе перевороты и шумныя событія, чтобы заставить, наконецъ, оглянуться на прошедшее и на современное состояніе западнаго края. Во внутренней жизни русскаго общества такимъ переворотомъ были реформы, заявленныя и частію исполненныя въ началѣ прошлаго царствованія, — реформы, которыя подѣйствовали не только на развитіе понятій общественныхъ и гражданскихъ, но расширили горизонтъ историческій и этнографическій, а затѣмъ и сознаніе національное. Въ первый разъ рѣчь о народѣ имѣла уже не одинъ платоническій характеръ, но говорила о народѣ настоящемъ, объ его юридическомъ и соціальномъ положеніи. Крестьянская реформа поднимала вопросъ и о западно-русскомъ народѣ, на которомъ до тѣхъ поръ лежала крѣпостная пелена, скрывавшая его и отъ общественнаго мнѣнія, и отъ научнаго изслѣдованія. Едва объявлена была реформа, произошли другія событія, сдѣлавшія западный край предметомъ напряженнаго вниманія. Старое недоразумѣніе, лежавшее на отношеніяхъ западно-русскаго края, высказалось, наконецъ, самымъ острымъ образомъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Поляки въ послѣдній разъ выставили фикцію Польши 1772 года, и западный край сдѣлался сценой мнимо-народнаго возстанія. Нѣкоторое колебаніе, съ какимъ правительство отнеслось сначала къ польскимъ волненіямъ, вскорѣ смѣнилось самыми крутыми мѣрами. Онѣ вскорѣ возъимѣли свое дѣйствіе: возстаніе было окончательно подавлено и начались репрессаліи. Возбужденіе общественной массы, или патріотической публицистики было тѣмъ сильнѣе, что польское возстаніе, сдѣлавшись предметомъ европейскихъ толковъ, послужило поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству, которое было отвергнуто весьма рѣшительно русскимъ правительствомъ, что́ еще усилило патріотическіе взрывы. Въ то время, когда правительство должно было объяснять, что западный край есть край русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ православный, та же тема создала цѣлую литературу въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и брошюрахъ.

Въ это время русское общество въ первый разъ узнало съ достовѣрностью объ этнографическомъ составѣ западнаго края и получило понятіе объ его исторіи.

Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ вопросъ ставился большею частію столь исключительно, съ такой крайней нетерпимостью, которыя исключали безпристрастіе и спокойную оцѣнку фактовъ. Для тѣхъ, кто былъ нѣсколько знакомъ съ исторіей Польши и западной Руси, кто присмотрѣлся къ достаточно извѣстнымъ и раньше

произведеніямъ старой западно-русской литературы и современной народной поэзіи, было совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ живымъ настоящимъ русскимъ народомъ; но такъ какъ раньше большинство этого не знало, то это становилось открытіемъ, которое считали нужнымъ доказывать не простымъ, спокойнымъ объясненіемъ факта, но съ полемическимъ озлобленіемъ. Спокойныхъ разсужденій слышалось всего менѣе: въ разгарѣ усмиренія писатель, который захотѣлъ бы говорить о предметѣ не въ принятомъ тонѣ, подвергался обвиненію въ равнодушіи къ національному дѣлу или даже въ измѣнѣ. Воинствующая печать и дѣйствительно бросала подобнаго рода намеки или даже прямыя обвиненія противъ тѣхъ, кто не принималъ тогда участія въ этомъ походѣ противъ всего польскаго [1]. Факты, какъ мы сказали сейчасъ, были очевидны и не требовалось особаго напряженія, чтобы доказать существованіе западно-русскаго народа; но, во-первыхъ, для справедливой оцѣнки западно-русскихъ затрудненій надо было признать въ полной мѣрѣ, чѣмъ были онѣ произведены между прочимъ и съ русской стороны, а во-вторыхъ, когда спорный вопросъ рѣшался военнымъ истребленіемъ повстанцевъ и смертными казнями, простое человѣческое чувство запрещало издѣваться надъ побѣжденнымъ и слабымъ непріятелемъ,—и это человѣческое чувство, конечно, больше отвѣчало настоящему національному достоинству... Воинствующая публицистика находила поводъ къ своему озлобленію въ тонѣ заграничной польской печати, доходившей нерѣдко до великихъ нелѣпостей; но сторонѣ правой можно было не соперничать съ нею въ этомъ тонѣ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашняго положенія вопроса въ литературѣ.

Что западно-русскій вопросъ былъ для огромнаго большинства нашего общества новостью, можно было судить уже изъ того, что о немъ заговорили вдругъ въ 1862—1863 году, когда за годъ передъ тѣмъ о немъ не было и рѣчи. Та часть литературы, которая особенно горячо взялась за этотъ предметъ, иногда прямо сознавалась, что вопросъ прежде былъ забытъ и русскому обществу неизвѣстенъ. Вотъ эпизодъ изъ своего рода манифеста подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію“, подписаннаго „Редакціею газеты „День“, ея сотрудниками и всѣми сочувствующими съ нею“:

---

[1]) Напомнимъ характерный примѣръ въ запрещеніи журнала „Время“ за статью г. Страхова „Роковой вопросъ“.

„Мы виноваты передъ вами—простите насъ,—писала редакція „Дня". — Событія *раскрыли намъ глаза*, ослѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и *всю бездну нашей вины*. Мы, русское общество, какъ будто *забыли про существованіе Бѣлоруссіи*; мы долго *коснѣли въ невѣдѣніи* о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру — съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами—польщизною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію,—преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ".

„По истинѣ ваши подвиги безпримѣрно велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, шли нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства, — противополагали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнилась выгодами власти, прельстились на житейскія удобства и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,—и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,— удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

„Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящія событія—это какъ бы баня пакибытія для Бѣлоруссіи, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ — Прокоповича, Конопасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглымъ польскимъ оффиціалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать

русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать... Спѣшите же изгладить последніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобъ и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!“

Итакъ мы, русское общество, *забыли* о существованіи Бѣлоруссіи, мы коснѣли въ *невѣдѣніи* о той борьбѣ, которая совершалась тамъ цѣлые вѣка; только теперь *начинаемъ познавать* ту пользу, какая принесена была общему дѣлу русской національности борьбой бѣлорусскаго народа за свое существованіе, и только теперь, когда польскій мятежъ обнаружилъ „предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ“ настоящее положеніе вещей, мы являемся съ своими сочувствіями и помощію. Признаніе было совершенно справедливо: западный край былъ дѣйствительно забытъ; но и теперь общественное и литературное отношеніе къ нему было не таково, каково должно бы быть... Правительственная власть явилась со всею своею силою, чтобы подавить возстаніе, и успѣшно сдѣлала свое дѣло; но то, что̀ должно бы быть сдѣлано силою общественною, было крайне неудовлетворительно. Мы упоминали, что общественное дѣйствіе, по всѣмъ обстоятельствамъ времени, ограничилось тогда только одною долею литературы; здѣсь оказалось не столько разъясненіе выступившихъ на сцену сложныхъ отношеній, — завѣщанныхъ исторіей, приводимыхъ настоящими потребностями населенія,—сколько продолженіе тѣхъ репрессалій, которыя совершались въ военныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ. Литература, присвоившая себѣ роль исключительно патріотической, ознаменовала себя политической травлей, терявшей, наконецъ, всякое нравственное достоинство, и въ концѣ концовъ оставила вредныя послѣдствія и для западнаго края, и для самого русскаго общества.

Не останавливаясь на дѣятельности газетъ, проводившихъ въ особенности политическую идею, или на газетѣ „День“, гдѣ западнорусскій вопросъ послужилъ поводомъ къ новому повторенію извѣстныхъ теорій, приведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ одного изданія, теперь забытаго, которое было тогда спеціально посвящено вопросамъ западной и юго-западной Россіи. Это былъ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, предпринятый въ 1862 году Ксенофонтомъ Говорскимъ, лицомъ, до того времени неизвѣстнымъ въ литературѣ. Это былъ, кажется, учитель семинаріи въ западномъ краѣ; онъ началъ изданіе именно въ то время, когда совершались первые факты польскаго возстанія; журналъ выходилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ (съ

сентября 1864 г.) перенесенъ былъ въ Вильну [1]). Журналъ Говорскаго посвятилъ себя исключительно борьбѣ противъ полонизма, въ которомъ заключалось и католичество, и защитѣ западно-русской народности и православія, и на дѣлѣ сталъ однимъ изъ такихъ друзей, которые бываютъ хуже враговъ. Вся исторія западнаго края представлялась журналу только съ одной точки зрѣнія: польская интрига и католическое насиліе; ничего другого въ этой исторіи не было; „интрига“ простиралась такъ далеко, что журналъ усматривалъ ее даже въ такихъ явленіяхъ самой русской жизни, которыя, между прочимъ, сами направлялись противъ полонизма. Тѣ мнѣнія, высказывавшіяся въ тогдашней русской литературѣ, которыя не совпадали съ теоріями „Вѣстника“, называемы были безъ церемоніи измѣной; и хотя журналъ занятъ былъ обличеніемъ польскихъ притязаній на западный и юго-западный край, но онъ съ крайней злобой возставалъ противъ какого-нибудь движенія въ мѣстныхъ народностяхъ: такъ, „Вѣстникъ“ Говорскаго въ особенности потрудился надъ распространеніемъ той полезной идеи, что украинофильство есть не что иное, какъ подвохъ польской интриги... Въ журналѣ печатались на первомъ планѣ старые документы изъ исторіи западнаго края, которые свидѣтельствовали объ угнетеніяхъ русской церкви и народности; далѣе статьи по исторіи края въ томъ же обличительномъ направленіи, помѣщались повѣсти (главными беллетристами „Вѣстника“ были Кулишъ, въ первый годъ изданія; Н. Сементовскій, написавшій повѣсть изъ временъ князей Святослава и Владиміра; извѣстный Шигаринъ, изображавшій разные неодобрительные поступки поляковъ; далѣе, въ послѣдующихъ годахъ изданія, — Калугинъ, писавшій романы изъ XIV-го вѣка и драмы изъ еврейскаго быта; Скурховичъ, Вольперъ, Ольшвангеръ и другіе, столь же извѣстные авторы; были, наконецъ, свои стихотворцы, писавшіе не весьма тонкія, но очень злобныя басни на тему польской интриги и т. п.); въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала собирались свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, разсказывалось объ истребленіи повстанскихъ бандъ, съ удовольствіемъ говорилось о казняхъ предводителей, шла полемика съ польскими газетами, и т. д. Отдѣлъ публицистическій велся съ большимъ жаромъ, впадавшимъ въ семинарскій и въ полицейскій.

---

[1]) Изданіе началось съ половины 1862 года, и годъ изданія продолжалъ и потомъ считаться отъ іюля до іюля. Съ 1867 г. годъ изданія сталъ считаться съ января. Съ этого же года, кромѣ „редактора-издателя“, Говорскаго, журналъ подписывалъ еще „редакторъ-сотрудникъ, Ив. Эремичъ“. Съ 1870 года журналъ, по болѣзни Говорскаго, велся однимъ Эремичемъ и прекратился на 4-й книжкѣ 1871 г. Въ это время умеръ и Говорскій.

Въ первомъ годѣ изданія была помѣщена статья: „Что такое хлопоманія, и кто такіе хлопоманы?“ Здѣсь [1]) обличается хлопоманія польская, то движеніе, которое, исходя изъ увлеченій польскаго романтическаго украинофильства, приняло теперь политическую тенденцію, въ предположеніи (вскорѣ опровергнутомъ фактами), что малорусскій народъ можетъ быть вовлеченъ въ возстаніе; но отъ этой польской хлопоманіи журналъ—на первый разъ—совершенно отграничилъ хлопоманію малорусскую: въ этой послѣдней видѣлось ему естественное стремленіе къ народу, желаніе содѣйствовать его образованію и вмѣстѣ протестъ противъ польской пропаганды.

„Наши руссинофилы убѣждены, — говорилъ безыменный авторъ статьи, — что просвѣщать народъ посредствомъ одного великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою—значитъ лишить здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащищенію, которыя даны ему Богомъ, затруднять здѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти что цѣликомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе, что населеніе юго-западныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ, и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчіи, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчіи; но писать и печатать русскою азбукою, и такимъ образомъ, опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія, привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдуя такому убѣжденію, они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчіи, издавать на этомъ русскомъ нарѣчіи руководства и народныя книги, наиболѣе приноровленныя къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа, и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащищенію. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно—дѣятельность просвѣтительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснить и оживить для всего руссинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сана до Дона въ одно нераздѣльное цѣлое и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное звено, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

„Такой взглядъ на стремленіе и дѣятельность нашихъ руссинофиловъ вынесенъ нами изъ непосредственнаго, *безпристрастнаго наблюденія* надъ ними. Насколько вѣренъ этотъ взглядъ, и насколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, предоставляемъ

---

[1]) „Вѣстникъ“, 1862—1863 гг., т. II, ноябрь, отд. IV. стр. 139—156.

раскрыть времени. Смотря на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ не что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сближавшихся, сросшихся душою съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопомановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопоманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ и наговорамъ, чтобы парализовать возростаніе этой нашей народной силы... зная свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства и качества нашихъ загнанныхъ русинофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злостною клеветою на наше молодое поколѣніе... *Неразумно, грѣшно и позорно* для насъ оставаться далѣе подъ вліяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же родного молодого поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно, говорю, и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и непріязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши общественныя силы и, быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ бо́льшія крайности“.

Но если въ ноябрѣ 1862 года таковъ былъ взглядъ, вынесенный изъ „безпристрастнаго наблюденія“ надъ движеніемъ малорусскаго молодого поколѣнія; если было тогда „неразумно, грѣшно и позорно“ допускать вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашу же братью и наслѣдниковъ, то уже въ началѣ 1863 года „безпристрастный взглядъ“ былъ брошенъ и „позорное, грѣшное и неразумное“ стало для Говорскаго гражданскою обязанностью и добродѣтелью: Говорскій начинаетъ озлобленныя нападенія на украинофильство. Не видно, по какому сигналу начались эти нападенія, но они превзошли всякую мѣру приличія и литературнаго достоинства. Смерть Шевченка, въ которомъ, при всемъ несочувствіи къ характеру его произведеній, нельзя было не признать замѣчательнаго поэта и утрата котораго вызвала глубокую скорбь въ средѣ его земляковъ,—для „Вѣстника“ послужила поводомъ къ статьѣ по истинѣ гнусной [1]): это былъ цѣлый потокъ ругательствъ, и главною причиной всякихъ недостатковъ Шевченка оказывалось то, что онъ былъ неблагороднаго происхожденія. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ языкѣ, которую излагалъ Костомаровъ въ „Основѣ“, встрѣчена была градомъ обвиненій, какъ мысль едва не измѣнническая [2]). Здѣсь было уже сказано, что мысль о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ идетъ „не отъ Бога“ (слѣдовательно?),

---

[1]) 1862—1863, т. IV, апрѣль, IV, стр. 32—42: „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, П. М—съ.

[2]) 1863—1864, т. I, іюль, III, стр. 1—6.

а вскорѣ въ другихъ статьяхъ было разъяснено, что украинофильство есть именно вѣтвь польской интриги—знаменитая тема, которая потомъ повторялась множество разъ и благополучно дожила, съ своими результатами, до нашихъ дней.

Эти образчики показываютъ, каково было отношеніе „Вѣстника" къ народному вопросу. Еслибы въ Бѣлоруссіи было какое-нибудь мѣстное движеніе въ видахъ оживленія народной массы, пробужденія ея изъ вѣковой умственной спячки какою-нибудь книжкой на доступномъ для нея языкѣ, „Вѣстникъ", очевидно, усмотрѣлъ бы и здѣсь „руку"—во-первыхъ, діавола, а во-вторыхъ, польской интриги. И вообще журналъ относился ко всякой заботѣ о народномъ образованіи неодобрительно: въ той же книжкѣ помѣщена статья „Кіевскія впечатлѣнія", гдѣ авторъ, изобразивъ простодушную вѣру кіевскихъ богомольцевъ, приходитъ къ убѣжденію о ненужности и вредѣ самой грамотности, кромѣ церковно-славянской.

„Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* (богомольцевъ, представляющихъ весь народъ) грамотность, о которой въ послѣднее время поднялось столько хлопотъ?.."

Нынѣшніе евреи,—разсуждаетъ авторъ,—всѣ грамотны, но на ихъ умѣ „лежитъ покрывало"; раскольники почти всѣ умѣютъ читать и—остаются раскольниками.

„А извѣстная личность, боящаяся ладану (!), умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ, и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую (!), едва ли даже не онъ (кто?) и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводить въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *вѣруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой этого колоссальнаго дьявольскаго просвѣщенія" [1]). Статья подписана: „Странникъ" и не вызвала никакого замѣчанія редакціи.

Взглядъ на просвѣщеніе, какъ на дьявольское [2]), достаточно рисуетъ понятія „Вѣстника". Это была смѣсь стариннаго „Маяка" (одинъ изъ его питомцевъ, И. Кулжинскій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ „Вѣстника"), позднѣйшей „Домашней Бесѣды" съ прибавкою новыхъ „политическихъ" идей. Оказывалось, что въ русской литературѣ, даже между весьма извѣстными именами, гнѣздились враги отечества. Такъ относился „Вѣстникъ" къ Костомарову и ко всему украинофильству [3]). Въ 1863 году г.

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Выше, въ числѣ представителей этого просвѣщенія, названы, напр., Пиѳогоръ (sic), Платонъ, Аристотель и „изъ новѣйшихъ знаменитостей" Адамъ Смитъ и Маколей (!).

[3]) Передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ случилось, однако, видѣть Ксе-

Н. Страховъ написалъ статью подъ названіемъ „Роковой вопросъ", имѣвшую въ виду указать культурную сторону польскаго вопроса, которая могла объяснить, въ извѣстной степени, преобладавшее прежде вліяніе польскаго элемента въ западномъ краѣ. Статья (не совсѣмъ отвѣчавшая обычному ходу мыслей г. Страхова) имѣла, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія: кромѣ того, что автору пришлось выслушать строгій репримандъ „Р. Вѣстника" и принести повинную, журналъ Достоевскаго, гдѣ она была напечатана, былъ закрытъ. Въ „Вѣстникѣ" Говорскаго Н. Н. Страховъ, положившій столько труда на обличеніе западныхъ и западническихъ лжеученій, оказался въ ряду „недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части Геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, чтò составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности",—или даже г. Страховъ превзошелъ ихъ всѣхъ: Говорскій „еще не видалъ такого циническаго, такого звѣрскаго ковырянья въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи"... Этотъ авторъ сравнивается заразъ съ Іудой, съ Хамомъ и Геростратомъ.

Всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ западномъ краѣ, встрѣчались „Вѣстникомъ" съ величайшими сочувствіями; журналъ исполненъ былъ самыми истребительными намѣреніями относительно всего польскаго, и когда, напримѣръ, славянофилы, настаивая на обрусеніи западнаго края, все-таки допускали существованіе этнографической Польши, „Вѣстникъ" и ей желалъ и пророчилъ полную гибель и сочинилъ даже, на извѣстную тему, „новую польскую пѣсню":

Kiedy Polska nie zginęła,
Niech że zginie,—my tak chcemy! и т. д. [1]).

Такого рода журналъ явился въ литературѣ спеціальнымъ защитникомъ „русскаго дѣла" въ западномъ краѣ. Очевидно, желая идти въ параллель къ тому способу дѣйствій, какой былъ принятъ въ краѣ во времена генерала Муравьева, журналъ выходилъ изъ предѣловъ литературной постановки вопроса; тонъ его былъ необузданное озлобленіе, приправленное ссылками на „истинное христіанство".

Говорскій высказывалъ увѣренность, что его журналъ именно представляетъ самую чистую русскую народность, ея содержаніе и ея требованія; впослѣдствіи, по смерти Муравьева, онъ ссылался на письмо, въ которомъ Муравьевъ воздавалъ похвалу патріотической

нофонта Говорскаго у Костомарова: былъ ли тогда тотъ же Костомаровъ человѣкомъ невреднымъ, или издатель „Вѣстника" приходилъ къ нему въ качествѣ соглядатая?

[1]) Тамъ же, 1862—1863, іюнь, стр. 153.

дѣятельности „Вѣстника" и ея пользѣ. Говорскій даже приписывалъ себѣ честь поднятія самаго вопроса о западной Руси гораздо раньше „Катковыхъ, Аксаковыхъ и Кояловичей" [1]).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ у журнала Говорскаго нашелся достойный его противникъ,—газета „Вѣсть". Погода нѣсколько перемѣнилась: западно-русскій вопросъ затронутъ былъ съ новой точки зрѣнія. „Вѣсть", которая вообще брала на себя защиту дворянскаго землевладѣнія и, для своихъ благихъ цѣлей, сыпала обвиненіями въ сенъ-симонизмѣ не только противъ изданій, болѣе или менѣе повинныхъ въ либерализмѣ, но и противъ самихъ славянофиловъ, эта „Вѣсть" взяла подъ свое покровительство и дворянское землевладѣніе въ западномъ краѣ, которое было польское. Такимъ образомъ допускалось нѣкоторое отрицаніе прежней, такъ сказать, только истребительной точки зрѣнія на польскій элементъ западнаго края; но и самое отрицаніе прежней крайности, при общемъ характерѣ „Вѣсти", не внушало сочувствія; дѣйствительныхъ разъясненій положенія все-таки не было [2]).

---

[1]) Въ примѣчаніи къ одной статьѣ, гдѣ упоминалось, что уніатское духовенство ненавидитъ г. Кояловича, высказавшаго мысль о подложности мощей извѣстнаго Іосафата Кунцевича, редакція „Вѣстника" писала:

„Авторъ ошибается; не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою (?) мысль о подложности мощей Кунцевича, а К. А. Говорскій, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ: „Жизнь Іоасафата" (читай: Іосафата) „Кунцевича", потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи" и, наконецъ, въ изданной имъ вновь монографіи Кунцевича, въ 1865 г. въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кстати, мы должны замѣтить здѣсь, *однажды навсегда*, что всякая *иниціатива* по рѣшенію, такъ названнаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе напрасно думаютъ, но именно Говорскому,—документальнымъ, слѣдовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служитъ издававшаяся имъ неоффиціальная часть „Витебскихъ Губ. Вѣдомостей" за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ, брошюры до 1860 г и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи". *Пріиди и виждь!*" „Вѣстн. Зап. Россіи", 1867, т. III, кн. 9-я, отд. IV, стр. 232.

[2]) Въ разгарѣ полемики высказывались, однако, изрѣдка вещи, не лишенныя справедливости или, по крайней мѣрѣ, требовавшія вниманія. Такъ, въ газетѣ „Новое Время", издававшейся тогда прежнимъ сподвижникомъ Скарятина, Юматовымъ и Киркоромъ, читаемъ замѣчаніе (принадлежавшее Юматову), что „дѣятельность крайней польской партіи, направленная противъ Россіи, ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность *нашихъ собственныхъ* крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра: обѣ стороны вмѣстѣ и каждая порознь работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи" (см. „Новое Время" 1868, № 157, также № 147, 158 и пр.). „Вѣстникъ" Говорскаго, полемизируя съ этой газетой (1868, т. III, кн. 7-я, отд. III, стр. 1—15), не нашелся, чтó отвѣчать на этотъ пунктъ; а злорадство жур-

Для остальной печати „Вѣстникъ Западной Россіи" казался „мрачнымъ сонмищемъ", напоминавшимъ Магницкаго и Рунича. Споръ съ нимъ былъ безполезенъ и, пожалуй, не безопасенъ, и существованіе такого „óргана" само по себѣ объясняло, почему западно-русскій вопросъ вообще былъ представленъ въ тогдашней литературѣ такъ односторонне.

Обратимся къ этнографическимъ фактамъ.

Мы видѣли, что порывъ искренности заставилъ воинствующихъ публицистовъ сознаться, что мы *забыли* о западномъ краѣ, что мы даже не интересовались, чтó въ немъ дѣлается. Это сознаніе подтверждено было голосами изъ самой Бѣлоруссіи, повторенными и въ „Вѣстникѣ" Говорскаго [1]. „Вина всему этому (слабости русскаго дѣла въ западномъ краѣ въ прежнее время) лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: чтó было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько-нибудь порядочныя, общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю?" Корреспондентъ указываетъ, что въ руководствахъ по русской исторіи недостаточно разъяснялись происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе, что Бѣлоруссіей считали обыкновенно только могилевскую и витебскую губерніи, а затѣмъ остальнымъ западнымъ губерніямъ давали названіе „Литвы", не растолковавши, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это дѣлается, такъ что читатели остаются въ убѣжденіи, что въ этой такъ-называемой Литвѣ дѣйствительно живутъ одни литовцы и поляки, между тѣмъ какъ литовцы составляютъ большинство населенія только въ ковенской губерніи, а во всѣхъ остальныхъ огромное большинство составляютъ бѣлоруссы, а поляки вездѣ—меньшинство.

Въ упомянутомъ воззваніи редакціи „Дня", послѣ сознанія въ томъ, что мы забыли Бѣлоруссію, слѣдовало увѣщаніе бѣлорусскому духовенству, чтобы оно „разучилось по-польски", чтобы оно перестало употреблять польскій языкъ, вошедшій у него въ привычку во времена польскаго господства и странный въ то время, когда западный край давно возвратился къ Россіи. „Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете рус-

нала, что Пруссія умѣетъ справляться съ поляками, что „лехиты такъ боятся нѣмцевъ", что „пруссаки — мастера стушевывать полонизмы", это злорадство, конечно, только подтверждало мысль „Новаго Времени".

[1]) 1863—1864, т. I, іюль, стр. 79—89, выписка изъ газеты „День".

скаго языка и говорите по-польски? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?.. Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности!.. Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами; пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Стряхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, наметенный на васъ исторіей", и т. д.

Относительно этого пункта въ Вильнѣ уже скоро были приняты мѣры. Рѣшеніе вопроса начато было приказомъ по полиціи виленскаго полиціймейстера, гдѣ, кромѣ распоряженій относительно наблюденія за порядкомъ въ костелахъ, на гуляньяхъ и т. п., недопущенія какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды, кромѣ производства „разновременно постепенныхъ обысковъ въ домахъ", уничтоженія польскихъ вывѣсокъ, приказано было еще: „всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кондитерскія, аптеки и гостинницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ *чуждомъ странѣ языкѣ*, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ" [1]).

Между тѣмъ тотъ же бѣлорусскій корреспондентъ „Дня" только-что разсказывалъ, что въ дѣйствительности этотъ „чуждый странѣ языкъ" господствовалъ не только между поляками, не только между бѣлоруссами, но проникалъ и въ самыя русскія семьи. Корреспондентъ приписывалъ это „шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей" на западный край, вслѣдствіе чего „происходитъ и то въ высшей степени грустное явленіе, что великорусскіе люди, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, *ополячиваются* сами или, по крайней мѣрѣ, *ополячиваютъ* свое *потомство*, женившись на полькахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: съ волками жить—по волчьи выть". Чиновники бѣлорусскіе, происходящіе не изъ шляхты, обыкновенно остаются вѣрны своей національности, но не имѣютъ значенія; а чиновники изъ шляхты, жившей нѣкогда по польскимъ обычаямъ—„съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками, бредятъ уніей [2]), посѣщаютъ почти исключительно костелы, употреб-

[1]) „Вѣстникъ", 1863—1864, т. III, мартъ, стр. 356.

[2]) Замѣтимъ, что изображаются 60-е годы—черезъ четверть столѣтія послѣ окончательнаго уничтоженія уніи въ западномъ краѣ.

ляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторовъ" и пр. Наконецъ, въ духовенствѣ, „языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ его плоть и кровь, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковно-служителями, и, во-вторыхъ, есть пастыри, которые *исповѣдуютъ* своихъ прихожанъ по-польски" [1]).

Авторъ объяснилъ бы дѣло еще полнѣе, еслибы вникнулъ въ то, отчего же произошла эта „шаткость взгляда" великорусскихъ людей на западный край: безпристрастная исторія указала бы дѣйствительный характеръ отношеній, — но въ ту минуту о безпристрастной исторіи думали всего меньше...

Господство польскаго языка въ средѣ бѣлорусскаго духовенства, указанное печатью, повело также къ оффиціальному вмѣшательству церковной власти; епархіальное начальство разсылало не разъ запрещенія духовенству употреблять въ домашней жизни польскій языкъ.

Другой корреспондентъ „Дня" [2]), разсуждая о разныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, относительно данной минуты указывалъ —„такое положеніе: напр., въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ, конечно, полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной, и вообще, за вычетомъ двухъ-трехъ портныхъ, ни одного русскаго ремесленника... и, такимъ образомъ, на каждомъ шагу чувствуется потребность, если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по-польски"...

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда здравый смыслъ сталъ отчасти вступать въ свои права, мы находимъ въ самомъ „Вѣстникѣ" Говорскаго признанія иного рода. Не одинъ разъ, касаясь вопроса о бѣлорусскомъ духовенствѣ, онъ объяснялъ, что въ условіяхъ западнорусской жизни въ бытъ духовенства естественно проникали польскія черты и самый языкъ, и что надо, наконецъ, признать эти мѣстныя особенности, не вредящія политическимъ цѣлямъ власти. Самъ „Вѣстникъ" возстаетъ противъ мелочныхъ обвиненій, съ какими обрушивались на западно-русскихъ людей за эти мѣстныя особенности ихъ быта.

„Духовенство (западно-русское), — говорилъ журналъ, — оскорбляютъ подозрѣніемъ въ недостаткѣ... даже благонадежности политической... Подслушанное кѣмъ-либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинскою или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступленіе отъ православ-

[1]) Тамъ же, 1863—64, I, іюль, стр. 85—88.
[2]) 1864, № 1.

ной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а нерѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную... Что наростало вѣками, отъ того нельзя освободиться моментально" [1]). Совершенно справедливо.

Въ другой разъ говорится о положеніи духовенства юго-западнаго, подпадавшаго тѣмъ же вліяніямъ польскимъ, какъ и сѣверо-западное,—и объясняется, почему польскій языкъ становится господствующимъ въ его домашнемъ быту и какой грубой ошибкой было бы дѣлать изъ этого обвиненіе противъ западно-русскаго духовенства [2]).

---

[1]) „Вѣстникъ", 1869, т. II, кн. 5-я, отд. III, стр. 17.

[2]) Между прочимъ, говорится здѣсь: „у насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества", и пр. „Вѣстникъ", 1867, т. III, кн. 8-я, отд. II, стр. 88—89.

ГЛАВА VI.

Новыя этнографическія изысканія.

Необходимость изслѣдованій историческихъ и этнографическихъ. — Атласы Эркерта и Риттиха; замѣчанія Кояловича и Бобровскаго.—Вопросъ о возстановленіи чистой русской народности. — Преобразованіе Виленскаго музея. — Труды этнографическіе: сборники Гильтебрандта, Руберовскаго, Дмитріева, Крачковскаго.

Тревожныя событія въ Польшѣ и западномъ краѣ вызвали и другую дѣятельность для выясненія положенія вещей. Нужно было, наконецъ, опредѣлить дѣйствительныя историческія и этнографическія отношенія края; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство хотѣло дать отвѣтъ на запросы и толки европейской дипломатіи и печати: для той и другой цѣли послужили изданіе двухъ атласовъ западнаго края и одна работа Археографической коммиссіи, о которой скажемъ далѣе.

Въ началѣ 1863 года вышло въ Петербургѣ французское изданіе этнографическаго атласа г. Эркерта [1]), предназначенное для читателей европейскихъ. Въ слѣдующемъ году это изданіе вышло порусски [2]). Около того же времени вышелъ другой атласъ — извѣстный подъ именемъ атласа г. Риттиха [3]).

---

[1]) „Atlas éthnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par les Polonais“.

[2]) „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“. Полк. Р. Ф. Эркерта. Спб. 1864 (72 стр.), съ атласомъ.

[3]) „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ. Составленъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Первое для публики)“. Спб. 1864. Потомъ вышла еще: „Карта народонаселенія августовской и люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ“. Спб. (1865)—на двухъ большихъ листахъ, по двѣ карты на каждую губернію.—Въ „Атласѣ“ предисловіе и таблицы—на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Атласъ г. Эркерта можно назвать оффиціальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ въ особенности по оффиціальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (за 1858 годъ), къ которымъ присоединяются и многіе другіе статистическіе источники; но атласъ не былъ, кажется, исполненіемъ оффиціальнаго порученія и задуманъ былъ по собственной иниціативѣ автора [1]), чѣмъ и должна объясняться нѣкоторая особенность его мнѣній. Въ брошюрѣ, приложенной къ атласу, авторъ излагаетъ свои взгляды на историческій и этнографическій характеръ края. Какъ опредѣлить племенной составъ края, о которомъ шла тогда спорная рѣчь въ дипломатіи, правительственныхъ мѣропріятіяхъ и литературѣ? Г. Эркертъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ судьей въ этихъ сложныхъ отношеніяхъ и приходилъ къ убѣжденію, что въ западномъ краѣ ничто не опредѣляетъ черты, разграничивающей *русскую* народность отъ *польской*, такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ—„въ западной Россіи, съ сравнительно немногими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдуютъ католическую религію, поляками. Этотъ способъ воззрѣнія не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для волынской, подольской и кіевской губерній онъ правильнѣе, нежели для бѣлорусскихъ губерній); но, говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ. Если за основаніе дѣленія принять одинъ только языкъ, то численное отношеніе между русскими и поляками не мало измѣнилось бы въ пользу русскаго населенія и въ ущербъ польскаго“ (стр. 6). Авторъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ на разграниченіе русской и польской народности фактически раздѣляютъ тамъ и простой народъ, русскій и польскій, гражданскія и военныя власти, духовенство, помѣщики и квартировавшія въ краѣ русскія войска, — и что „чѣмъ ниже степень просвѣщенія, на которой стоятъ народы, сравниваемые между собою въ національномъ отношеніи, тѣмъ важнѣе и рѣшительнѣе значеніе вѣроисповѣданія, какъ способъ разграниченія народностей“ (стр. 10).

Далѣе г. Эркертъ говоритъ объ исторической судьбѣ края и наконецъ о современномъ этнографическомъ положеніи. Приводимъ два

[1]) Сколько мы знаемъ, г. Эркертъ, пруссакъ по происхожденію и подданству, перешелъ изъ прусской гвардіи въ русскую около 1850 года, по личной рекомендаціи прусскаго короля имп. Николаю; служилъ въ московскомъ полку, въ началѣ 1860-хъ годовъ былъ полковникомъ и около этого времени назначенъ командиромъ стрѣлковаго баталіона, потомъ стрѣлковой (5-й) бригады въ западномъ краѣ, и командовалъ ею долго; затѣмъ онъ получилъ дивизію на Кавказѣ. Около середины восьмидесятыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку изъ русской службы генералъ-лейтенантомъ и уѣхалъ па житье въ Берлинъ. Въ послѣдніе годы онъ издалъ обширный трудъ [illegible] Кавказѣ.

его замѣчанія. „Католическіе бѣлоруссы... по своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни — совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимѣніемъ русскихъ молитвенниковъ, придерживаются католическаго обычая читать въ церкви молитвы изъ польскихъ молитвенниковъ. Вслѣдствіе этого его высокопреосвященство митрополитъ литовскій, въ концѣ 1863 года, счелъ необходимымъ снова подтвердить тамошнему православному духовенству, чтобы оно усугубило стараніе вывести у прихожанъ изъ употребленія польскія молитвы и польскіе молитвенники и замѣнить ихъ молитвами и молитвенниками на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Въ то же время православному духовенству литовской епархіи предписано, чтобы въ *священно-служительскихъ семействахъ* было прекращено употребленіе польскаго языка" [1]).

Въ тогдашнихъ предположеніяхъ о необходимости исправить національное положеніе западнаго края считалось, между прочимъ, нужнымъ привлечь въ западный край чисто русскія силы: однимъ казалось, что нужны русскіе чиновники для замѣны ими чиновничества польскаго, оказавшагося вреднымъ для западнаго края; другіе находили необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія (правительство, какъ извѣстно, употребило эти мѣры, призывая массами русскихъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній и передавая польскія конфискованныя имѣнія на льготныхъ условіяхъ благонадежнымъ русскимъ лицамъ); г. Эркертъ полагалъ, что въ западномъ краѣ есть уже большая сила, дѣйствующая въ національномъ русскомъ смыслѣ.

„Важнѣйшею связью, которая съ 1831 года практически соединяла русскій западъ съ русскимъ востокомъ, или, какъ мы готовы бы были сказать, *лучшимъ національнымъ*, сильнымъ *звеномъ* между ними и самымъ живительнымъ дуновеніемъ воздуха изъ Великой Россіи, постоянно сохранявшимъ свою чистоту и свѣжесть, было пребываніе огромнаго количества войска въ западномъ краѣ, которое, вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ (?) зимнихъ стоянокъ, приходило въ самое непосредственное и близкое соприкосновеніе съ тамошнимъ русскимъ крестьяниномъ" (стр. 60).

Атласъ, составленный подполковникомъ Риттихомъ, подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, изданъ былъ первоначально не для

---

[1]) Стр. 65—66. Ср. распоряженіе литовской духовной консисторіи: „объ усугубленіи мѣръ, чтобы никто изъ православныхъ не ходилъ къ богослуженіямъ въ костелы и не употреблялъ польскихъ молитвенниковъ", въ „Вѣстникѣ юго-зап. и зап. Россіи" 1864—65, т. I, августъ, отд. IV, стр. 233—237 (изъ „Лит. Епарх. Вѣдомостей"), и „предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію", тамъ же, т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

публики, а только для оффиціальнаго употребленія. Только второе изданіе было выпущено для публики. Составленіе его начато было еще въ 1859 году г. Батюшковымъ, который завѣдывалъ устройствомъ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ; въ основаніи атласа лежали данныя, доставленныя министерству внутр. дѣлъ особыми чиновниками, командированными въ бѣлорусскій край для осмотра и возобновленія ветхихъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. По даннымъ министерства и по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, составлены были первоначально (въ 1860—1861 г.) карты губерній витебской, могилевской и минской; но затѣмъ, съ развитіемъ церковно-строительнаго дѣла и съ поступленіемъ новыхъ матеріаловъ статистическихъ и этнографическихъ, явилась возможность приступить къ составленію вѣроисповѣднаго атласа всего западнаго края имперіи. Окончательный сводъ матеріала, его разработка и провѣрка съ оффиціальными документами разныхъ вѣдомствъ и учеными статистическими изслѣдованіями, также какъ распредѣленіе на картахъ мѣстностей по исповѣданіямъ и племенамъ, производились г. Риттихомъ. Атласъ состоитъ изъ десяти картъ: одной общей и девяти отдѣльныхъ картъ, для каждой губерніи [1]). Къ каждой картѣ приложены обильныя статистическія цифры на поляхъ и въ отдѣльныхъ большихъ таблицахъ; кромѣ того, въ началѣ атласа помѣщена не вошедшая въ первое изданіе синхронистическая таблица древнихъ княжествъ западнаго края, составленная Сербиновичемъ [2]). Предисловіе къ атласу, объясняющее способъ его составленія, заканчивается словами: „Составленный не по гадательнымъ и голословнымъ предрѣшеніямъ, только извращающимъ истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространяемыхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, несмотря на отпечатокъ, оставленный на немъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ въ религіозномъ, племенномъ и историческомъ отношеніяхъ неотъемлемую органическую часть русскаго государства". Въ началѣ заглавія поставленъ девизъ: „veritas salusque publica".

Таковы были двѣ обширныя работы, предназначенныя къ устраненію той недостаточности свѣдѣній о западномъ краѣ, которая создавала упомянутыя „лживыя понятія" и была дѣйствительно источ-

---

[1]) Эти губерніи были: могилевская, витебская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кіевская, подольская, волынская.

[2]) „По руководству русскихъ и польскихъ писателей: Карамзина, Павлищева, Нарбута, Крашевскаго, Ярошевича и друг. и согласно съ изданными Археографической коммиссіею древними государственными актами Литвы".

никомъ многихъ печальныхъ и политически вредныхъ заблужденій. Нечего говорить о томъ, какъ важно было, что наконецъ подобные труды появились; жаль было одно, что они не появились нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, и отсутствіе ихъ въ прежнее время рисуетъ ту роль западно-русскаго вопроса и въ обществѣ, и даже въ самомъ правительствѣ, на какую мы раньше указывали [1]).

Атласы Риттиха и Эркерта имѣли немалое значеніе въ разъясненіи темнаго вопроса. Они встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ въ средѣ людей, заинтересованныхъ вопросомъ, и вызвали нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ важности. По поводу французскаго изданія атласа Эркерта сдѣлалъ сообщеніе въ собраніи Географическаго Общества г. Кояловичъ [2]). Онъ замѣчалъ многія неточности атласа, напр., уменьшеніе бѣлорусскихъ поселеній, объяснялъ по картѣ историческіе пути распространенія польской стихіи и, между прочимъ, причины, почему это вліяніе въ прежніе вѣка и до послѣдняго времени встрѣчало такъ мало отпора съ бѣлорусской стороны. Указавъ, напр., на ужасную обстановку бѣлорусскихъ поселеній во многихъ мѣстахъ западнаго края, какъ въ бѣдной болотистой странѣ печально-знаменитаго бассейна Припети, онъ говоритъ: „На такой почвѣ, въ

[1]) Первыя нѣсколько правильныя изученія этого вопроса предприняты были, кажется, въ 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ, въ министерство Перовскаго, когда въ первый разъ поставлена была задача оффиціальныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ ту пору обращено было вниманіе и на западный край, но работы частью были отрывочны, частью оставались въ неизданномъ видѣ, въ родѣ канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генер. штаба въ своихъ описаніяхъ. Въ 1861 году издана была статистическая работа М. Лебедкина, о которой можно упомянуть здѣсь ради нѣкоторыхъ ея странностей. („О племенномъ составѣ народонаселенія западнаго края россійской имперіи“ въ Запискахъ Географическаго Общества, 1861, кн. III, и перепечатана въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1862—1863, т. II, октябрь). Лебедкинъ, состоявшій при Центральномъ статистическомъ комитетѣ, пользовался оффиціальными данными, но удивительнымъ образомъ смѣшавши современную статистику съ лѣтописными извѣстіями о древнихъ жителяхъ края, исчисляетъ здѣсь не только тѣ племена, какія находятся въ наличности въ западномъ краѣ, но и тѣ, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣется, а которыя были здѣсь развѣ въ X—XII-мъ вѣкахъ. Напр., онъ не только даетъ цифру великороссіянъ, малороссіянъ, поляковъ, литовцевъ, но ему *извѣстно съ достовѣрностію*, что въ западномъ краѣ находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличи (8.398), хорваты (17.228); въ числѣ инородцевъ указаны ятвяги съ цифрой 30.927. Такимъ образомъ, когда историки полагали, что тѣ или другія древнія племена безслѣдно исчезли въ позднѣйшемъ племенномъ объединеніи, какъ, напр., какіе-нибудь древляне или тиверцы и угличи, или погибли въ исторической борьбѣ, какъ ятвяги, Лебедкинъ въ какихъ-то неисповѣдимыхъ источникахъ находилъ ихъ даже въ настоящую минуту и указывалъ ихъ численность не только въ тысячахъ, но даже въ десяткахъ и единицахъ, и притомъ не только вообще, но даже въ частныхъ цифрахъ по уѣздамъ!

[2]) Въ маѣ 1863; оно напечатано въ „Днѣ“, 1863, № 20.

такомъ положеніи, само собою разумѣется, не легко могла выработываться любовь къ родному и энергическія ея выраженія. Легче могло развиваться, напротивъ, желаніе пересоздаться въ кого угодно, въ великоруса или поляка, лишь бы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенія. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствовало самое нарѣчіе бѣлорусское, которое, при неоспоримо русскомъ строѣ, представляетъ собою, однако, поразительную середину между русскимъ и польскимъ языками". Онъ припоминалъ также нѣкоторые историческіе факты, которые съ другой стороны объясняютъ эту слабость бѣлорусскаго племенного и религіознаго отпора. Напримѣръ, послѣ перваго раздѣла Польши и наканунѣ послѣдняго, въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба, и—„кипѣла очень оригинально. Въ 1794 году, въ то время, когда дипломатія рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу, въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскіе церковные братчики, гласитъ преданіе, три дня бились съ поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что великорусскіе монашествующіе устраняютъ ихъ отъ историческаго участія въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ безплодное выраженіе физической силы и несчастное выраженіе моральной бѣлорусской силы".

Въ послѣднихъ не совсѣмъ ясныхъ словахъ авторъ желалъ сказать, вѣроятно, что новая власть не хотѣла или не умѣла показать вниманія и уваженія къ мѣстному преданію и обычаю, въ которыхъ и была нравственная сила бѣлорусскаго населенія; вмѣсто того, прямо вводился русскій ходячій обычай, въ которомъ оффиціальная сухость бюрократіи соединялась съ бытовою грубоватостью. Вводимое, многими сторонами своими, было чуждо мѣстному населенію, принималось по необходимости, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ соціальное преимущество все-таки осталось за поляками, бѣлоруссы не получили и теперь достаточно нравственно-общественныхъ опоръ для сопротивленія старому польскому преобладанію,—и, къ удивленію, мы читаемъ у историковъ Бѣлоруссіи, что именно съ конца прошлаго вѣка и совершалась, съ особеннымъ успѣхомъ, полонизація западнаго края.

Нѣчто подобное этому, какъ увидимъ дальше, повторилось въ Бѣлоруссіи и въ 1860-хъ годахъ... [1]).

[1]) Любопытно, что г. Кояловичъ, не по примѣру другихъ тогдашнихъ объединителей и оффиціальныхъ историковъ, признавалъ великій трудъ и историческую роль Малороссіи. „Я не могу,—говоритъ онъ,—не признавать *необыкновенныхъ подвиговъ*

Г. Кояловичъ заканчивалъ призывомъ „дружнаго участія великорусскихъ общественныхъ силъ" для блага западнаго края...

Изъ другихъ отзывовъ, явившихся по поводу атласовъ Эркерта и Риттиха [1]), остановимся еще на подробной статьѣ г. Бобровскаго, представлявшаго извѣстный авторитетъ по указанному выше труду его о гродненской губерніи. Г. Бобровскій [2]) вообще отозвался объ атласѣ Эркерта съ похвалами, хотя находилъ числовыя погрѣшности въ разграниченіи поляковъ отъ бѣлоруссовъ, характеристику разныхъ племенъ (въ брошюрѣ) считалъ слабою и неполною. Главною теоретической и практической ошибкой Эркерта г. Бобровскій считалъ его взглядъ, что за основу разграниченія народностей русской и польской въ западномъ краѣ должно быть принято вѣроисповѣданіе. По мнѣнію г. Бобровскаго, въ этомъ случаѣ нѣтъ другого исходнаго пункта, кромѣ языка: „самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не языкомъ, руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малоруссовъ, литовцевъ и латышей отъ бѣлоруссовъ и поляковъ—а между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ". Если бѣлоруссы, по замѣчанію Эркерта, не называютъ себя этимъ именемъ, то они—„говорятъ по-бѣлорусски, *слѣдовательно* чувствуютъ и думаютъ по-русски". Собственное толкованіе этого предмета у г. Бобровскаго было слѣдующее:

„Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ свои опредѣленныя, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ—свои нравы [3]), свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безъизвѣстно г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа, и притомъ безразлично—по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство; въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ, ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія (?).

малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты родного западно-русскаго дѣла... Малороссійское племя выработало твердое сознаніе, что народная западно-русская сила неодолима, и обставило его *дивными преданіями*. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи".

[1]) Напр., еще отзывъ г. Кояловича въ „Р. Инвалидѣ", 1864, № 174; „Спб. Вѣдом.", 1864, № 68 и др.

[2]) „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племенного разграниченія славянъ западной Россіи?" (по поводу атласа Эркерта). „Р. Инвалидъ", 1864, № 75, 80.

[3]) Вѣроятно такъ: въ подлинникѣ „права".

„Исполняя всѣ христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлоруссъ —я говорю о большинствѣ, о крестьянахъ—будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе... сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племенного разграниченія здѣшнихъ *славянъ* (?), тутъ выясняется и племенное отличіе бѣлоруссовъ, и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами"...

Г. Бобровскій предостерегаетъ и отъ излишняго довѣрія къ тѣмъ показаніямъ, какія наблюдатель можетъ встрѣтить на мѣстѣ.

„И ксендзъ, и помѣщикъ,—говоритъ онъ,—никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, что онъ—бѣлоруссъ или русскій, а скажутъ: литовецъ... Поговорите съ этимъ литовцемъ, и вы услышите бѣлорусскую рѣчь.

„Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ ксендзовъ гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ при исполненіи возложеннаго на насъ порученія [1]). На спискахъ *тѣхъ и другихъ* прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка—вы думаете: литовскаго; нѣтъ, бѣлорусскаго или малороссійскаго...

„Ксендзъ это дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркертъ, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку".

Другими словами, въ польскомъ и западно-русскомъ употребленіи до послѣдняго времени оставалось старое мѣстное обозначеніе края, державшееся здѣсь прежде въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и повторявшееся потомъ безсознательно. Любопытно опять, что сто лѣтъ русскаго господства не измѣнили этой исторически отжившей номенклатуры.

Вообще въ бѣлоруссѣ, полѣшукѣ (жителѣ Полѣсья), бужанинѣ, г. Бобровскій видитъ „древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ". „По своему образу мыслей, говоритъ г. Э., привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (гродненской губерніи)—совершенные поляки. Нѣтъ, г. Эркертъ,—пишетъ г. Бобровскій,—вы смотрите на Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту (?)".

---

[1]) Т.-е. описанія гродненской губерніи.

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что два наблюдателя вынесли весьма несходное впечатлѣніе, хотя оба жили на мѣстахъ, имѣли въ рукахъ массу оффиціальнаго и частнаго матеріала (намъ не думается, чтобы г. Эркертъ руководился указаніями палацовъ и костеловъ: мнѣнія его были, кажется, довольно самостоятельны). Очевидно, что изслѣдованіе еще не установилось, что непривычный предметъ не поддавался опредѣленію на первый взглядъ. Это оказалось и въ общемъ результатѣ полу-оффиціальныхъ и чисто-оффиціальныхъ изслѣдованій Эркерта и Риттиха. Сличая ихъ данныя, г. Бобровскій отмѣтилъ весьма значительную разницу: какъ мы видѣли, Эркертъ въ разграниченіи народности русской и польской придавалъ особое значеніе различію вѣроисповѣдному; атласъ Риттиха былъ именно вѣроисповѣдный, и тѣмъ не менѣе въ ихъ показаніяхъ [1]) открывалась слѣдующая разница (откидываемъ дроби):

	по Риттиху:	по Эркерту:
русскихъ	2.854.000	2.531.000
поляковъ	383.000	791.000
литвы и латышей . .	713.000	529.000
(затѣмъ, евреевъ, нѣмцевъ, татаръ и пр.).		
всего	4.485.000	4.294.000

Замѣтимъ, что у Эркерта не считаются военные, но число ихъ, по словамъ г. Бобровскаго, не соотвѣтствуетъ разности между обѣими цифрами населенія этихъ губерній, потому что число всѣхъ военнослужащихъ, съ женами и дѣтьми, не превосходило тогда 150.000. По одной гродненской губерніи, которую спеціально изслѣдовалъ самъ г. Бобровскій, разница польскаго населенія вышла слѣдующая: Эркертъ считалъ здѣсь поляковъ 270.000, а Бобровскій насчитывалъ всего 83.000. Разница такъ громадна, что въ ея основѣ, очевидно, лежитъ отсутствіе точнаго правила разграниченія, неясность самой сущности вопроса для кого-нибудь изъ изслѣдователей, а можетъ быть, для обоихъ.

Повидимому, г. Бобровскій справедливо указывалъ существенное значеніе языка и народнаго преданія, какъ отличительной этнографической черты; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ошибался и г. Эркертъ —онъ ставилъ вопросъ на практическую почву и находилъ не безъ основанія, что въ данныхъ условіяхъ вѣроисповѣдное отличіе было едва ли не важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорили тогда въ одинъ голосъ, что католичество тѣсно связано съ полонизмомъ, и дѣйствительно, церковная католическая іерархія, священство и цер-

[1]) Приводимыя ниже цифры относятся къ губерніямъ западнаго края, имѣющимъ бѣлорусское населеніе, именно къ могилевской, минской и значительной части гродненской, виленской и витебской.

веро-западный край былъ *менѣе* ополяченъ, чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?..

„Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоеваніи западнаго края Россіи, а это завоеваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана имъ была возможность свободно дѣйствовать порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общеполезнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями“ [1]).

Это было очень справедливо, потому что дѣйствительное объединеніе западнаго края съ русскимъ центромъ не могло быть достигнуто одними канцелярскими или военно-административными мѣрами. Требовалось объединеніе жизненное, а эти мѣры были дѣломъ чисто внѣшнимъ, направлялись на поверхностныя проявленія, а внутри идущая жизнь могла продолжать свое прежнее теченіе, отзываясь на эти мѣры равнодушіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ, замыкаясь въ самое себя и создавая внѣшнее единство, подъ которымъ могъ скрываться старый разладъ и взаимное непониманіе. Къ сожалѣнію, оно такъ и было. Изложенный взглядъ, какъ мы сказали, былъ въ существѣ вѣренъ; къ сожалѣнію, жизнь русскаго общества, изъ котораго должно бы исходить объединяющее вліяніе (по признанію самой газеты), не представляла тѣхъ условій самодѣятельности, при которыхъ только и возможно было бы желаемое нравственное воздѣйствіе. Нужно было бы прежде всего, чтобы западно-русскій вопросъ въ самомъ русскомъ обществѣ могъ быть обсужденъ съ его разныхъ сторонъ, обсужденъ искренно и открыто, — но этой возможности не было, и тотъ самый кругъ, отъ имени котораго говорила вообще упомянутая газета, не преминулъ бы обвинить въ „измѣнѣ“ тѣхъ, кто рѣшился бы указать иныя, упускаемыя изъ виду стороны предмета, а съ другой стороны диктаторскія полномочія, съ которыми тогда управлялся западный край, закрывали его отъ общественнаго мнѣнія. Прошли десятки лѣтъ, пока могли явиться въ печати иные взгляды на положеніе края въ 1860-хъ годахъ [2]), чѣмъ тѣ, какіе въ то время были обязательны. Характеръ принимавшихся тогда мѣръ заставлялъ ожидать соотвѣтственныхъ результатовъ; слухи, доходившіе изъ края, не были особенно благопріятны, и разсказы и воспоминанія о томъ времени, напечатанные въ по-

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1864, № 126.

[2]) Напр., извѣстные, напечатанные недавно, разсказы покойнаго Н. В. Берга и другіе мемуары о томъ времени.

слѣдніе годы, вполнѣ ихъ подтверждаютъ: напр., усиленный вызовъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній далъ вообще не весьма удачный контингентъ дѣятелей, которые шли только на упомянутую „приманку“ и не только не создавали нравственнаго общенія, но отталкивали мѣстныхъ жителей, такъ что и съ приходомъ этихъ „русскихъ дѣятелей“ нравственное объединеніе не установлялось; свойство мѣропріятій, крутое и, что называется, экстра-легальное, также мало способствовало водворенію мирныхъ отношеній, среди которыхъ могла бы возникнуть нравственная связь, хотя бы въ первыхъ начаткахъ. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, укажемъ одинъ образчикъ, отмѣченный даже въ тогдашней литературѣ. Въ „Голосѣ изъ гродненской губерніи“ [1]) мы читаемъ: „Въ средѣ великорусскихъ чиновниковъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣятельности и твердой честности отъ служащихъ здѣшнему народному дѣлу, которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать, которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и плодотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности—это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства“. Повѣсть объ этомъ дѣятелѣ подробно разсказана въ гродненской корреспонденціи и была не единственнымъ примѣромъ своего рода...

Въ ряду мѣръ, которыя принимались тогда для обрусенія края, одной изъ особенно замѣтныхъ было „преобразованіе“ Виленскаго музея древностей. Въ этой довольно странной исторіи характерно отразилось двойственное состояніе края, причемъ „преобразованіе“ не разрѣшило исторической и этнографической двойственности. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ 1856 году основанъ былъ въ Вильнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, музей древностей, который долженъ былъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлью, содѣйствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края; въ рескриптѣ наслѣдника цесаревича, подъ покровительствомъ кото-

[1]) „День“, 1864, № 29.

раго долженъ былъ существовать вновь открывшійся музей, высказано было также, что музей долженъ былъ содѣйствовать „къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи“. Основаніе музея было вполнѣ дѣломъ графа Евстафія Тышкевича, извѣстнаго археолога; онъ передалъ сюда собственную обширную коллекцію древностей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ и былъ тогда же назначенъ попечителемъ музея; затѣмъ стали поступать другія пожертвованія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ; въ 1858 году, къ пріѣзду имп. Александра II въ Вильну, составленъ былъ наскоро каталогъ музея. При томъ состояніи соціальномъ, какое въ то время еще продолжалось; при томъ положеніи этнографическихъ изученій, которыя велись въ то время въ польской литературѣ и едва начинались въ русской, понятно, что въ средѣ тогдашнихъ польскихъ основателей музея старина западнаго края понималась именно въ томъ смыслѣ, какъ привыкли издавна понимать ее въ польскомъ обществѣ. Историческая и этнографическая принадлежность края была темнымъ вопросомъ для самихъ русскихъ изслѣдователей; въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ они не понимали слова „Литва“ въ приложеніи къ губерніямъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ, и старый политическій терминъ считали также и обозначеніемъ племени, для поляковъ этотъ терминъ оставался еще въ употребленіи, какъ живое историческое преданіе; не только польскіе, но и русскіе этнографы все еще видѣли здѣсь какихъ-то „кривичанскихъ славянъ“, а одинъ русскій этнографъ (Лебедкинъ) находилъ еще въ 1861 году въ западномъ краѣ не только кривичей, но древлянъ, дреговичей, тиверцевъ, даже ятвяговъ... Не будемъ притомъ думать, чтобы польскіе основатели музея были какіе-нибудь радикалы, которые съ злонамѣренной тенденціей хотѣли бы удалить изъ музея (какъ ихъ послѣ въ томъ обвиняли) всякій слѣдъ русской старины: напротивъ, это были мѣстные патріоты (въ томъ „литовскомъ“ смыслѣ, какъ ихъ характеризовалъ г. Безсоновъ), далеко не чуждавшіеся связи съ русскою наукой; графъ Тышкевичъ принималъ участіе въ работахъ московскаго Археологическаго Общества и его имя пользовалось уваженіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; Киркоръ доставлялъ свои труды въ Географическое Общество въ Петербургѣ, писалъ и по-польски, и по-русски; труды писателей этого круга долго служили для русскихъ изслѣдователей полезнымъ руководствомъ въ изученіи западно-русской старины, какъ труды Нарбутта, Крашевскаго, Ярошевича, Малиновскаго, гр. Тышкевича, Царчевскаго и т. д.; г. Безсоновъ, въ своемъ трудѣ по бѣлорусской этнографіи, съ признательностью называетъ эти и другія имена лицъ, служившихъ съ пользой дѣлу научнаго изслѣдо-

ванія западнаго края... Однимъ словомъ, точка зрѣнія, руководившая основателемъ Виленскаго музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это былъ привычный взглядъ интеллигенціи западнаго края, въ то время не только неоспоренный съ русской стороны, но признаваемый; присутствіе *польскаго* элемента въ западномъ краѣ, его участіе въ исторіи „Литвы" съ очень давнихъ и до очень недавнихъ временъ не возбуждало сомнѣній, хотя историческая роль Польши осуждалась съ русской точки зрѣнія; въ новѣйшихъ оффиціальныхъ изслѣдованіяхъ западнаго края, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, были выведены цѣлыя сотни тысячъ польскаго и католическаго населенія... Въ одно прекрасное утро все это должно было перемѣниться. Крутыя мѣры, принимавшіяся въ западномъ краѣ съ 1863 года, захватили въ началѣ 1865 года и Виленскій музей. Хотя сами оффиціальные статистики генеральнаго штаба (Риттихъ, Зеленскій, Бобровскій) находили въ западномъ краѣ сотни тысячъ польскаго населенія, въ приказѣ виленскаго полиціймейстера польскій языкъ названъ былъ „чуждымъ странѣ"; весьма понятно, что съ этой точки зрѣнія и Виленскій музей, въ которомъ собрано было не мало остатковъ польской старины западнаго края, терялъ право на существованіе [1]). Въ февралѣ 1865 года, въ Археологической коммиссіи, состоявшей при музеѣ, происходило засѣданіе, съ какимъ-то злорадствомъ описанное въ „Вѣстникѣ" Говорскаго [2]) какъ своего рода coup d'état или скандалъ. Въ собраніи участвовало вновь вступившее туда военное лицо, которое заявило въ своей рѣчи о необходимости преобразованія музея и истребленія его польскаго духа [3]).

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ то же время, когда офицеры генеральнаго штаба не подтверждали вывода виленскаго полиціймейстера относительно польскаго языка и вывода преобразователей Виленскаго музея, дѣлалось—опять въ оффиціальной средѣ —другое статистическое исчисленіе, разнорѣчившее съ выводами полиціймейстера. Въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1854—65 года", помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", 1866, № 35, отношеніе славянорусскаго печатанія къ латино-польскому было опредѣлено, по статистическимъ цифрамъ какъ 152 : 1216. Эта цифра повторена и въ оффиціально издаваемыхъ „Памятникахъ русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи", г. Батюшкова, вып. 6-й. Спб. 1874, стр. 174.

[2]) 1864 — 1865, т. II, декабрь (1864; цензурное дозволеніе 25-го марта 1865), стр. 234—241.

[3]) Рѣчь начиналась такими словами: „Наука есть святыня, какъ и религія: религія есть вѣра въ истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно, всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ-за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть святотатство".

Далѣе въ рѣчи говорилось, что музеи должны быть хранилищами исторической истины и быть „зерцалами" современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности, и что было бы анахронизмомъ, еслибы музей продолжалъ „отражать разсѣявшійся

Тышкевичъ, и гдѣ изъ нѣсколько извѣстныхъ русскихъ ученыхъ находился г. Безсоновъ, служившій тогда въ западномъ краѣ, принялась за дѣло очень ревностно. Понятно, что музей, составлявшійся другимъ кругомъ людей съ прежними понятіями объ историческихъ преданіяхъ края, былъ энергически очищаемъ новыми распорядителями, считавшими польскій элементъ совершенно чуждымъ краю. Было бы долго передавать подробности этого разбора; довольно сказать, что большое число предметовъ отчислено было въ четвертый разрядъ и что дебаты не сохранили спокойствія, приличнаго научнымъ разсужденіямъ. Въ концѣ концовъ, графъ Тышкевичъ, не присутствовшій по болѣзни въ послѣднихъ собраніяхъ коммиссіи, прислалъ (29-го марта 1865 г.) отзывъ, въ которомъ, при всей трудности своего тогдашняго положенія, рѣшился высказать свое мнѣніе о совершившемся преобразованіи и тѣхъ обвиненіяхъ, какія были направлены на устроителей музея.

Гр. Тышкевичъ объяснялъ, что, присутствуя въ коммиссіи, онъ подписывалъ ея протоколы не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніями другихъ ея членовъ, а потому, что одинъ его голосъ противъ пяти голосовъ противнаго мнѣнія не могъ имѣть значенія, и, слѣдовательно, его особыя мнѣнія могли бы только дать поводъ думать, что онъ затрудняетъ успѣшный ходъ дѣйствій коммиссіи; теперь, когда главная работа кончена и предметы, подлежащіе исключенію изъ музея, уже назначены, онъ рѣшался „заявить свое мнѣніе не въ видѣ протеста или оффиціальнаго особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями коммиссій“. Онъ объяснялъ ту историческую точку зрѣнія, съ которой основывался музей, и тотъ провинціальный интересъ, который естественно присоединялся къ мѣстной коллекціи. „Основывая музеумъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники польскіе, но мѣстные, т.-е. литовско-русскіе. Подъ словомъ: „Виленскій музеумъ“ — я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ, кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ или чтобы изображенія ихъ непремѣнно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы забо-

тились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычества, но старались только собрать все, что бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался.—Такъ понимая значеніе провинціальнаго музеума, я, конечно, не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но, при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ Виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все, что есть,—это мѣстное, литовско-русское".

Ему приходилось разбирать, какого рода предметы подлежали исключенію изъ музея по новымъ требованіямъ. „На основаніи предписанія г. главнаго начальника края, коммиссія обязана была исключить предметы, напоминающіе временное владычество Польши и относящіеся къ польской исторіи. Извѣстно, что до 1569 года здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь пріобрѣтать собственности, но даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, исключенію подлежатъ только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но коммиссія не соблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину".

Онъ указываетъ, что коммиссія къ предметамъ, подлежащимъ исключенію, т.-е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже предметы новѣйшіе,—напримѣръ, знаки масонской ложи „Казиміръ Великій" („когда,—замѣчаетъ графъ Тышкевичъ,—этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этой страною и умеръ еще до женитьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвигѣ"), или барельефъ въ память парижскаго конгресса 1856 г., изображающій торжество императора Александра, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казиміра Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Гр. Тышкевичъ „ссылался на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣжденъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр., портретъ такой знаменитой личности, какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этого знаменитаго автора достопамятнаго письма, приводимаго всѣми историками, къ Іосафату Кунцевичу, въ защиту

православныхъ". Онъ недоумѣвалъ, почему исключенъ изъ музея портретъ русскаго генерала Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ, въ 1794 г., за свою преданность великой Екатеринѣ,—въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству. Онъ не понималъ, почему должны были быть исключены изъ музея портреты и бюсты такихъ людей, какъ преданный Россіи митрополитъ Жилинскій, какъ пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снядецкіе, какъ основатель обсерваторіи Почобутъ, историкъ Нарбуттъ, „котораго безпристрастный, добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служитъ богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ", какъ основатели разныхъ человѣколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, здѣшніе уроженцы, жившіе уже подъ русскою властью... Просьба графа Тышкевича состояла только въ томъ, чтобы назначенные къ исключенію предметы были вновь подробно разсмотрѣны, сообразно съ точнымъ смысломъ предписанія главнаго начальника края и „имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши".

На этотъ разъ въ коммиссіи предсѣдательствовалъ не попечитель учебнаго округа, а одинъ изъ ея военныхъ членовъ, которымъ и составленъ былъ отвѣтъ на письмо графа Тышкевича. Отвѣтъ былъ очень рѣзкій, и въ немъ давалось понять, что письмо было дѣйствіемъ, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ политической неблагонадежности [1]).

Вся эта исторія производитъ весьма печальное впечатлѣніе. Первый мотивъ къ преобразованію музея былъ, конечно, политическій, и скорѣе можно было бы понять, еслибы что-нибудь случилось съ музеемъ въ самомъ разгарѣ страстей, въ періодъ возстанія; но возстаніе было давно укрощено, и вопросъ научный могъ бы рѣшиться болѣе спокойно въ кругу спеціалистовъ. Возможно, что въ музеѣ находились предметы, которые не совсѣмъ отвѣчали его назначенію и особливо данной минутѣ, но устраненіе ихъ могло бы совершиться

---

[1]) Подробная исторія этого преобразованія Виленскаго музея была изложена въ протоколахъ двадцати-четырехъ засѣданій коммиссіи съ 1-го марта по 27-е апрѣля 1865 года. См. „Дневникъ засѣданій коммиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеумѣ древностей", въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, 1864—1865, т. III, апрѣль, отд. I, стр. I—VI и 1—74. Преобразованіе музея было довершено г. Батюшковымъ; позднѣе, во время управленія западнымъ краемъ генерала Потапова, г. Батюшковъ „настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцовскій музей". См. „Р. Старину", 1887, май, стр. 555.

болѣе мирно, какъ это соотвѣтствовало бы дѣлу науки; тенденціозность, которую указывали въ маломъ числѣ предметовъ, относящихся къ исторіи собственно русскаго начала въ западномъ краѣ, легко могла бы быть устранена (и это было бы желательно для полноты *мѣстнаго* музея) прибавленіемъ новыхъ предметовъ этого русскаго характера. Что касается удаленія предметовъ изъ эпохи польскаго владычества, оно, очевидно, было не научно: изъ исторіи нельзя было вычеркнуть существовавшаго факта, и это былъ бы просто пробѣлъ, какъ, съ другой стороны, удаленіе предметовъ походило на боязнь передъ призракомъ, неприличную для господствующей власти: странно было бы думать, что присутствіе старинныхъ вещей въ историческомъ музеѣ можетъ навлекать какую-либо опасность для русской народности: сопоставленные съ предметами иного рода, которые говорили бы о племенной устойчивости и борьбѣ западно-русскаго народа за свое религіозное и національнее право,—эти предметы теряли бы свой односторонній смыслъ и получили бы только свое настоящее значеніе историческаго остатка; далѣе, Виленскій музей былъ, очевидно, мѣстный музей западнаго края, и въ немъ должны были занять мѣсто предметы, принадлежавшіе къ мѣстной исторіи и этнографіи; политически—это былъ край русскій, но этнографически въ немъ были не только бѣлоруссы, но и литовцы, и поляки, даже татары и евреи. Наконецъ, въ самомъ отвѣтѣ предсѣдателя коммиссіи относительно основателя музея признавалось, что доселѣ графъ Тышкевичъ показывалъ „несомнѣнную преданность" правительству, и признавалась „благая цѣль", съ какою онъ основывалъ музей; прибавимъ, что онъ вложилъ въ него много своихъ личныхъ цѣнныхъ пожертвованій, наконецъ, что это былъ ученый уважаемый и за предѣлами своей родины [1]. По крайней мѣрѣ его личное участіе въ самомъ основаніи учрежденія, получавшаго теперь новое направленіе, заслуживало большей терпимости и вниманія.

Какъ бы то ни было, исторія Виленскаго музея была характернымъ отраженіемъ господствовавшаго настроенія. Литература, служившая этому настроенію, принимала воинственное, обличительное

---

[1] „Въ отдѣлѣ предметовъ каменнаго періода числится 747 экземпляровъ (говорится въ описаніи современнаго Виленскаго музея). Для провинціальнаго музея это коллекція довольно богатая, тѣмъ болѣе, что въ ней есть экземпляры, не встрѣчаемые даже въ болѣе богатыхъ собраніяхъ. Коллекція эта тѣмъ драгоцѣннѣе, что она она происхожденія мѣстнаго, такъ какъ только незначительная часть ея вывезена графомъ Тышкевичемъ изъ Швеціи. За эту коллекцію музей въ 1879 году получилъ [illegible]льный отзывъ отъ Антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ". [illegible]ности. Путеводитель и историческая справочная книжка". Вильна, [illegible]82.

направленіе: невозможно было спокойное сужденіе не только о новѣйшихъ, но и давно прошедшихъ событіяхъ и отношеніяхъ.

Собственно этнографическіе труды этого времени были немногочисленны. Той школѣ, о которой мы сейчасъ говорили, принадлежитъ собственно только одинъ сборникъ, вышедшій въ Вильнѣ въ 1866 году [1]). Въ обширномъ предисловіи сборника, которое подписано г. Гильтебрандтомъ, даются отрывочныя и безсвязныя свѣдѣнія о значеніи народнаго творчества, объ исторіи края, о разрядахъ пѣсень, о чертахъ бѣлорусскаго языка, и ведется, кромѣ того, полемика съ поляками (заднимъ числомъ) и евреями. Научное значеніе этихъ свѣдѣній очень умѣренное и, повидимому, меньше занимало издателя, чѣмъ война противъ враговъ русской народности [2]). Собственной научной работы издателя было очень немного: нѣсколько внѣшнихъ сравненій бѣлорусскихъ пѣсенъ съ великорусскими; замѣчанія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, взятыя изъ вторыхъ рукъ; свѣдѣнія о народномъ бытѣ, выписываемыя изъ газетныхъ корреспонденцій; описаніе обрядовъ, заимствуемое у Шпилевскаго и т. п. — все это, снабженное такой же защитой „русскаго дѣла", какъ въ „Вѣстникѣ" Говорскаго. Характеристика пѣсенъ крайне неумѣлая, путанная, противорѣчивая. Наибольшая доля пѣсенъ доставлена учениками молодечненской учительской семинаріи.

Подробную и весьма правильную оцѣнку этого сборника, произведенія тогдашней виленской науки, далъ г. Безсоновъ, самъ также въ Вильнѣ работавшій и видѣвшій близко дѣятельность этой науки. „Вызванный нами въ край,—говоритъ г. Безсоновъ,—для серьезнаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ полонофаговъ и жидоѣдовъ, издатель (этого сборника) самъ не собиралъ пѣсней среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ пѣсней, къ типическимъ бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное—къ малорусскимъ или смѣшаннымъ... Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ,

---

[1]) „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника". Выпускъ первый. Вильна, 1867, CXVIII и 300 стр., мал. 8°. Первый выпускъ остался и единственнымъ.

[2]) Эта война начинается съ первыхъ же страницъ предисловія, и въ число предполагаемыхъ враговъ отечества попалъ даже г. Зотовъ, издававшій тогда съ Бауманомъ „Иллюстр. Газету", гдѣ помѣщена была статья, не понравившаяся г. Гильтебрандту: послѣдній ядовито замѣчаетъ, что журналъ „издается, кажется, русскими, но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ" (стр. VII). Но, сколько извѣстно, В. Р. Зотовъ не отрекался отъ своей принадлежности къ русской народности и государству.

внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живого нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаются, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта... Разумѣется, у издателя пѣсни „дышатъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью“ противу пановъ и всячески проклинаемыхъ поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: „не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости Божьей, да и панъ хорошо его знаетъ, только бы не экономы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ“, — это переводится издателемъ: „по милости Божьей и панской—*иронія*—у него всего довольно“, такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія“... „Всего же любопытнѣе,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—отношеніе издателя къ мѣстнымъ евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печать въ его время совѣтовала переселять въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ „говорится о нихъ немного, всего, кажется, два раза“, и только объясняетъ это скудостью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ, „достичь другихъ результатовъ“. Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на евреевъ“... Пересчитавши затѣмъ цѣлый рядъ еврейскихъ преступленій (они „находятся подъ особымъ покровительствомъ поляковъ“, сквернятъ муку на просвиры и вино на богослуженіе, занимаются поддѣлкою денегъ, совершаютъ поджоги и разбой, они — лѣнтяи и тунеядцы, у нихъ „бездна пороковъ“, они „составляютъ государство въ государствѣ“ и т. д.) и поставивши имъ въ вину даже и „значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ“ (!), происходящее отъ ихъ цѣломудрія, которое кажется ему превратнымъ, г. Гильтебрандтъ ожидалъ, что народныя пѣсни непремѣнно должны выразить этотъ его взглядъ на евреевъ... „Внутренняго быта евреевъ,—замѣчаетъ на это г. Безсоновъ,—по собственному признанію, г. Гильтебрандтъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же почти ничего не говорятъ о евреяхъ. Къ чему же распространяться? „Распространялись мы о евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того, — пишетъ г. Гильтебрандтъ,—чтобы показать, что крестьяне *непремѣнно должны* сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія о еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ“. Они обязаны исполнить сей приказъ издателя... Евреямъ поставлено въ вину и то, что „заря свободы“, открывшаяся крестьянамъ 19-го февраля, была „смутно (?) встрѣчена евреями“... „Разумѣется,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему попечителю округа г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграла Бѣлоруссія, разъясненіе народнаго быта и печатаніе „памятниковъ творчества“: даже

этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользоваться",—потому что нѣтъ здѣсь ни подробностей объ обрядахъ и обычаяхъ, ни правильнаго распредѣленія пѣсенъ, ни какой-нибудь системы передачи бѣлорусскаго нарѣчія, такъ что Бѣлая Русь является у г. Гильтебрандта, подобно древней Польшѣ, какимъ-то новымъ Вавилономъ племенъ и нарѣчій. „Мы можемъ только пожалѣть,—заключаетъ г. Безсоновъ,—что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обработывали симъ способомъ край изъ-за своихъ разсчетовъ".

Еще раньше оказались нѣкоторыя другія подробности изданія, мало послужившія его научной репутаціи, а именно, въ сборникѣ открытъ былъ цѣлый рядъ пѣсенъ поддѣльныхъ, грубаго сочинительства которыхъ издатель не съумѣлъ замѣтить. Въ разборѣ „Сборника" г. Гильтебрандта въ „Вѣстникѣ Европы", 1866 [1]), указана, напр., нелѣпая пѣсня, гдѣ является на сцену „Чернобогъ" [2]); затѣмъ, „заклинательная пѣсня", гдѣ упоминаются древнія божества Ладо и Диво [3]); далѣе, пѣсня „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка" и „Я Грицъ козакъ" [4]); наконецъ, еще одна пѣсня, „записанная" однимъ изъ сотрудниковъ г. Гильтебрандта: „Отъ села до села", которая на дѣлѣ взята изъ „Гайдамакъ" Шевченка, и сочинена имъ [5]).

Любопытно, что пѣсня о Чернобогѣ, о Ладѣ и Дивѣ и еще одна пѣсня, направленная противъ ляховъ—въ цѣломъ „три прекрасныя пѣсни", по словамъ издателя, сообщены были г. Кояловичемъ; между тѣмъ эта пѣсня, вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ одна также была заподозрѣна критикой, явилась уже раньше въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, и пѣсня о Чернобогѣ показана записанною въ Несвижѣ [6]).

---

[1]) Т. IV, отд. 3, стр. 19—22; разборъ написанъ Н. И. Костомаровымъ.

[2]) № CXVIII, стр. 115—116.

[3]) № CXX, стр. 117—118.

[4]) № VI, стр. 7 и № CXVI, стр. 111—113.

[5]) № XCIX, стр. 93—94, „Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ,—замѣчалъ критикъ „Вѣстника Европы", — хотя бóльшая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки".

[6]) „Вѣстникъ", 1864—1865, т. II, январь, IV, стр. 423—426: „О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи", статья А. С. Позднѣйшіе критики также не сомнѣвались въ подложности пѣсенъ о Чернобогѣ и Дивѣ; см. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни", стр. XLIX—L; Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни малорусскаго народа", I. стр. XXI. Кажется, впрочемъ, что эти критики не знали статьи „Вѣст-

Изъ другихъ трудовъ этого времени замѣтимъ еще только собраніе пѣсенъ, составленное приходскимъ учителемъ Н. Руберовскимъ и хорошо записанное [1]), и нѣсколько другихъ небольшихъ собраній пѣсенъ, сказокъ, описаній обычаевъ и т. д., которыя печатались въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“ западнаго края и бывали нерѣдко результатомъ добросовѣстнаго изученія. Такою мѣстною работой были также труды М. Дмитріева, который издалъ потомъ свое собраніе отдѣльно [2]) — книжка безпритязательная, но и весьма неумѣлая [3]). Въ мѣстныхъ изданіяхъ появились и первыя работы Юл. Крачковскаго; позднѣе онъ издалъ болѣе обширный трудъ, на которомъ мы остановимся дальше.

Въ семидесятыхъ годахъ положеніе вопроса измѣнилось къ лучшему. Правда, на мѣстѣ между-племенныя отношенія не исправились; мѣстные или заѣзжіе русскіе патріоты продолжали считать лучшую защиту русскаго дѣла въ крайней нетерпимости и травлѣ элементовъ края не-русскихъ и даже элементовъ мѣстно-бѣлорусскихъ, когда они были не совсѣмъ похожи на чиновническое понятіе о русской народности, — по крайней мѣрѣ, дѣло измѣнилось несомнѣнно къ лучшему въ области науки. Высокая постановка этнографическаго вопроса въ лучшихъ произведеніяхъ нашей науки повліяла благотворно; и жизнь западно-русскаго народа стала, наконецъ, находить спокойное изслѣдованіе, съ цѣлями науки и внѣ той „злобы дня“, которая была прежде дѣйствительною злобою.

Европы“; по крайней мѣрѣ, они не замѣтили другихъ ошибокъ и подделокъ, какія тамъ были уже указаны. Ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“, Кіевъ, 1886, стр. I—III.

[1]) Оно печаталось въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 1867, № 75—77. Его же: „Свадебные обряды крестьянъ минскаго уѣзда“. „Вил. Вѣстн.“, 1868, № 8, „Минск. губ. Вѣдомости“, 1869, № 31.

[2]) Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, М. А. Дмитріева. Вильна, 1869. 264 стр., мал. 8°.

[3]) См. разборъ ея у г. Романова, стр. III—IV. Сказки этого сборника раньше были сообщены Дмитріевымъ Аѳанасьеву (см. Нар. Р. Сказки, вып. 3, изд. 2-е, М. [illegible]—35), и въ этомъ пунктѣ обвиненія г. Романова несправедливы.

ГЛАВА VII.

Новѣйшее время.

Пробужденіе научныхъ интересовъ.

Труды археографическіе: мѣстные сборники актовъ, 1843 — 1848; работы Археографическихъ коммиссій въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ. — А. П. Сапуновъ. — „Памятники" западно-русской старины въ изданіи г. Батюшкова. — Мѣстныя описанія. — М. О. Кояловичъ. — Труды по старой бѣлорусской письменности.

Изслѣдованія этнографическія.—П. А. Безсоновъ.—Планъ экспедиціи Географическаго Общества.—И. И. Носовичъ.—П. В. Шейнъ.—А. С. Дембовецкій. —Е. Р. Романовъ и др.—Изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ.

Наиболѣе плодотворнымъ для изученія Бѣлоруссіи было новѣйшее время, послѣ того страннаго періода, о которомъ мы желали дать понятіе въ предыдущихъ главахъ. Наука не имѣетъ мѣста въ воинствующихъ, исполненныхъ нетерпимости и вражды, настроеніяхъ общества, и дѣйствительно, какъ ничтожны были мнимо-научные опыты предшествующаго періода, такъ изобильны результаты изслѣдованій, задуманныхъ съ непосредственною любовью къ народу и съ однимъ стремленіемъ найти историческую истину. Нельзя сказать, правда, чтобы прежнее настроеніе совсѣмъ исчезло, но, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ нимъ твердо обозначилось направленіе чисто научное.

Зачатки этого послѣдняго появляются, впрочемъ, и гораздо ранѣе. Однимъ изъ такихъ зачатковъ было то обращеніе къ первымъ источникамъ западно-русской исторіи, которое мы отмѣтили выше въ трудахъ протоіерея Григоровича. Съ нихъ начинается длинный рядъ изданій древнихъ актовъ по исторіи западной и юго-западной Россіи, которые въ нашей литературѣ давали первую прочную опору для реставраціи дѣйствительнаго историческаго положенія вещей въ этомъ краѣ. Подробное изложеніе археографическихъ трудовъ въ

этой области не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только главные пункты этой дѣятельности, насколько результаты ея важны и въ смыслѣ этнографическомъ.

Первымъ послѣ „Архива“ протоіерея Григоровича и „Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи“ (надъ которыми онъ также работалъ въ Археографической коммиссіи), было изданіе, предпринятое въ Вильнѣ въ 1843 году [1]). Изданіе сдѣлано по инициативѣ мѣстнаго губернатора Семенова, трудомъ мѣстныхъ дѣятелей [2]). Грамоты города Вильны, составляющія первую часть собранія, были уже изданы въ концѣ прошлаго столѣтія въ польскомъ собраніи Дубинскаго; но это послѣднее, напечатанное вопреки подлинникамъ въ польской переписи, было кромѣ того весьма неисправно; здѣсь, напротивъ, документы напечатаны на языкѣ и алфавитомъ подлинниковъ, и второй томъ изданія представлялъ документы, еще никогда не изданные. Напечатанные памятники относятся ко времени съ конца XIV-го столѣтія до царствованія Анны Ивановны, и для тогдашней русской критики представляли новизну по своему этнографическому значенію. „Первый, получаемый отсюда, результатъ,—говоритъ тогдашній критикъ,—состоитъ въ неопровержимой, освобождаемой отъ всякой тѣни сомнѣнія, увѣренности, что языкъ русскій былъ языкъ господствующій въ такъ-называвшейся нѣкогда Литвѣ, даже и въ то время, когда она была соединена уже съ Польшею. Языкъ этотъ является и народнымъ, и государственнымъ, то-есть дѣловымъ, оффиціальнымъ. На немъ совершаются гражданскіе акты, пишутся судебныя опредѣленія, даются велико-княжескія и королевскія грамоты. Правда, въ послѣднемъ случаѣ, языкъ латинскій, въ то время общій дипломатическій языкъ всей Западной Европы, идетъ и здѣсь объ руку съ русскимъ... но языкъ этотъ, вводимый насильственно, отвергался употребленіемъ, такъ что, при распубликованіи, само правительство находилось вынужденнымъ документы латинскіе переводить по-русски“. Упомянувъ о помѣщенномъ въ томъ же собраніи универсалѣ короля Іоанна-Казиміра отъ 1667 года, гдѣ предписывается сноситься впредь съ царемъ московскимъ и его боярами на языкѣ не русскомъ, а польскомъ, критикъ замѣчаетъ: „доказа-

---

[1]) „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и по разнымъ предметамъ“, и второе заглавіе по-польски: „Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Wilna, Kowna, Trok, prawosławnych monasterów, cerkwi, i w różnych sprawach“. Вильна, 2 тома.

[2]) Это были бывшій редакторъ „Виленскаго Курьера“, Марциновскій, помощникъ трибунальнаго архиваріуса Нарбутъ, православный священникъ Корсакевичъ, производитель дѣлъ статистическаго комитета Яхимовичъ; кромѣ того, упомянуты, какъ содѣйствовавшіе изданію, одинъ игуменъ, архимандритъ и учитель ковенской ги[illegible]овъ.

тельство, съ одной стороны, повсюднаго еще употребленія въ Литвѣ, а съ другой, возникшаго уже со стороны польскаго правительства предубѣжденія противъ старо-древняго, народнаго духа и языка русскаго!" Наконецъ, критикъ еще разъ дѣлаетъ общее заключеніе: „И такъ, кто можетъ теперь еще колебаться и оспаривать, что такъ-называемое Великое Княжество Литовское, всегда и во всѣхъ частяхъ своихъ, даже въ тѣхъ, гдѣ находится сердце собственно Литвы, было русское? При отсутствіи всѣхъ другихъ доказательствъ, достаточно бы было одного этого неумолчно вопіющаго свидѣтельства. Языкъ русскій могъ имѣть такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, какъ при рѣшительномъ перевѣсѣ и преобладаніи народонаселенія русскаго. Это не былъ языкъ мертвый, которому надо было учиться изъ книгъ, какъ, напримѣръ, въ то время языкъ латинскій, или нашъ церковно-славянскій. Это тотъ самый языкъ, который до-нынѣ живетъ въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, всегда и вездѣ называвшихъ себя русскими, языкъ, который, въ отличіе отъ другихъ вѣтвей своего могучаго корня, носитъ скромное имя „парѣчія бѣлорусскаго", и теперь въ большей части западныхъ областей имперіи—туземнаго народнаго. Впрочемъ, изданные теперь документы, и кромѣ языка, въ самомъ содержаніи своемъ, представляютъ очевидныя доказательства, что край и народъ, которымъ они принадлежатъ, были русскіе; что они не знали для себя другого имени, какъ имя Руси; что въ нихъ господствовали русскій духъ и русскіе нравы; что, наконецъ, вѣра, главное начало народной и общественной жизни, была въ нихъ, издревле и постоянно, православная русская" [1]).

Подобнымъ образомъ изданы были акты минскаго края [2]), изготовленные временною Минскою коммиссіею, въ которой принимали участіе тотъ же А. В. Семеновъ, ректоръ минской семинаріи архимандритъ Геласій, упомянутый прежде археологъ графъ Тышкевичъ и др. [3]).

Наконецъ, начинается обильный рядъ изданій, сдѣланныхъ спеціальными вѣдомствами въ Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ. Въ 1850 годахъ, подъ вліяніемъ поднятаго тогда вообще археографическаго

[1]) Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1843, часть II, стр. 269—275.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ, 1848.

[3]) Этимъ изданіемъ много воспользовался Шпилевскій въ своемъ путешествіи по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, „Современникъ", 1853, въ описаніи минской губерніи.

Отмѣтимъ здѣсь еще изданіе М. Круповича: Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній. Ч. I. Вильно, 1858.

вопроса, стали заботиться о приведеніи въ извѣстность стараго архивнаго матеріала въ западномъ и юго-западномъ краѣ и о сосредоточеніи его въ нѣсколькихъ главныхъ центрахъ, какъ для оффиціальнаго употребленія (напр., для удостовѣренія шляхетскихъ правъ и т. п.), такъ и для цѣлей исторіографіи [1]). При этихъ вновь образованныхъ архивахъ стали появляться изданія, которыя хотя передавали только малѣйшую часть ихъ содержанія, но, сравнительно съ прежнимъ, открывали первую возможность близкаго ознакомленія съ исторіей и давнимъ бытомъ русскаго запада и юга. Археографическая коммиссія въ Петербургѣ въ 1860 годахъ возобновила дѣло изданія западно-русскихъ актовъ, не продолжавшееся со смерти протоіерея Григоровича, и подъ редакціей Костомарова начали выходить „Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи" [2]). Она же предприняла въ „Русской Исторической Библіотекѣ" важное изданіе памятниковъ старой западно-русской полемической литературы, разсѣянной въ рукописяхъ или въ рѣдкихъ изданіяхъ, мало доступной, но необходимой для изученія XVI-го и XVII-го вѣка южно- и западно-русской исторіи. Областныя археографическія коммиссіи были также весьма дѣятельны. Въ Кіевѣ Археографическая коммиссія или „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", основанная въ 1846 году, издала въ „Памятникахъ" и въ „Архивѣ юго-западной Россіи" массу изслѣдованій и документовъ, имѣющихъ отношеніе и къ Руси сѣверо-западной. Первымъ началомъ Виленской коммиссіи было то изданіе актовъ, о которомъ мы выше упоминали: послѣ того она бездѣйствовала, или не существовала, и была возобновлена уже въ 1860 годахъ, послѣ польскаго возстанія. Центральный Виленскій архивъ древнихъ актовъ основанъ въ 1852 году и въ немъ собраны городскія актовыя книги изъ губерній виленской, минской, гродненской и ковенской съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдняго года XVIII-го столѣтія: изъ этого собранія мѣстная „Коммиссія для разбора древнихъ актовъ"—иначе, Виленская археографическая коммиссія—издала съ 1860 годовъ двѣнадцать томовъ актовъ судовъ городскихъ, земскихъ, трибунальныхъ,

[1]) Ср. объ этомъ статью виленскаго архиваріуса центральнаго архива. Н. Горбачевскаго: „О центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: виленской, гродненской, минской и ковенской", въ „Вѣстникѣ Зап. Россіи", 1869. т. II, кн. 5-я, отд. II. стр. 44—54; кн. 6-я, отд. II, стр. 65—86: „Жизнь и дѣятельность Ивашшева", А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876; статьи В. Лялина: „Виленскій Центральный архивъ", въ „Сборникѣ Археологическаго Института", Калачова. Спб. 1880, кн. I. отд. I, стр. 22—38: „Витебскій Центральный архивъ", тамъ же, кн. III. отд. I, стр. 55—82: „Витебскій архивъ бывшаго генералъ-губернаторства". тамъ же, кн. VI, отд. I, стр. 50—69 и др.

[2]) До сихъ поръ 13 томовъ.

два тома писцовыхъ книгъ пинскаго староства и пр. Кромѣ того особая коммиссія образована была въ Вильнѣ при учебномъ округѣ, собиравшая и издавшая, независимо отъ Археографической коммиссіи, „Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси“ (десять томовъ). Укажемъ здѣсь также „Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ“, составленное Ф. Добрянскимъ (Вильна, 1882). Третій центральный архивъ былъ устроенъ въ 1862 г. въ Витебскѣ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской и для ихъ разработки и изданія (всего до двухъ тысячъ книгъ и 1,800 отдѣльныхъ документовъ; въ томъ числѣ 26 книгъ XVI ст., 262 книги XVII-го и остальныя XVIII-го). Архивъ доставляетъ матеріалы какъ для историческаго изученія края, такъ и для опредѣленія правъ на имущество по записямъ. Изданіе, подъ редакціей архиваріусовъ, начато было въ 1871 г. [1]) и заключаетъ до сихъ поръ приходо-расходныя книги города Могилева (съ 1679 до первыхъ годовъ XVIII-го в.), акты изъ книгъ витебскаго и полоцкаго земскаго суда, полоцкаго, могилевскаго и витебскаго магистрата, кричевской магдебургіи, городскихъ книгъ витебскаго воеводства и земскаго суда; журналъ, веденный іезуитами съ 1714 по 1813 годъ, и т. д. Многіе изъ актовъ латинскихъ и польскихъ снабжены переводами. При XVII-мъ томѣ явился въ первый разъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій. Наконецъ, имѣется въ виду изданіе указателя ко всѣмъ выпускамъ и подробная опись имѣющихся въ архивѣ дѣлъ, что̀ конечно значительно облегчитъ пользованіе обширнымъ матеріаломъ.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ по изслѣдованію мѣстной исторіи явился г. Сапуновъ (Алексѣй Парѳен.). Уроженецъ витебской губерніи (род. 1852), онъ получилъ первоначальное образованіе въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ витебской гимназіи, и затѣмъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ по филологическому факультету въ 1873. Съ тѣхъ поръ состоитъ учителемъ древнихъ языковъ въ витебской гимназіи [2]). Первымъ и главнѣйшимъ его трудомъ была „Витебская Старина“ [3]). Составитель собралъ въ этой книгѣ всякаго рода историческіе документы для мѣстной исто-

[1]) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ редакціею архиваріуса сего архива Сазонова (съ 188., М. Г. Веревкина) Витебскъ, 1871—91, двадцать одинъ томъ.

[2]) По сообщенію г. Романова.

[3]) Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Томъ I. Витебскъ. 1883. Томъ IV, 1885. Томъ V, 1888.

··ъ, запутанность котораго зависѣла
ложенія западной Россіи, и до-
·. и вводное изслѣдованіе
переводомъ для евро-
·ольшей частью
·ольскихъ,
· изъ
· ,
,
в-
оль-
вѣры
сія, съ
да—пе-
края; по
или сполна

помянуть, на
вымъ: „Памят-
даваемые съ вы·
о дошло въ 1885
о также полемиче-
ла въ русской лите-
въ Польшѣ, отразив-
.. имперіи,—говорится
ое общество было *мало*
положеніемъ этого края.
нія были крайне неполны
онамѣренно искажая факты,
ныхъ губерній въ ложномъ
мленія завѣтныхъ польскихъ
вторили ихъ неправдѣ, мы,
·ствовать, потому что были *не*

à éclaircir l'histoire des provinces occi-
·ports avec la Russie et la Pologne. Спб.
·сскіе и польскіе тексты съ французскимъ
. Лелевеля и этнографическая карта запад-

·хеографическая коммиссія сдѣлала еще обшир-
·зданіе: „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г.
·скаго съ королевствомъ польскимъ". Спб. 1869.
·ая годовщина Люблинской уніи", въ Журн. мин.
·92.

довольно знакомы съ нашимъ роднымъ достояніемъ и, слѣдовательно, не могли съ надлежащимъ авторитетомъ опровергать ложь. Отъ *незнанія* нами фактовъ и произошла та громадная сила польской интриги, которая едва не успѣла увѣрить не только иностранцевъ, но, къ сожалѣнію, и многихъ русскихъ, преданныхъ своей родинѣ, что единственное право наше на западныя окраины имперіи основано только на одномъ завоеваніи, тогда какъ оно истекаетъ изъ присущихъ всему западному краю основныхъ русскихъ началъ и изъ самаго склада исторической жизни Россіи".

Это — та же точка зрѣнія, съ которой мы уже встрѣчались; но собственныя слова предисловія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ западнымъ краемъ (которое не подлежало сомнѣнію) могутъ указать, что въ польскихъ понятіяхъ о предметѣ могло иногда вовсе не быть „преднамѣренной лжи" и „интриги", а совершенно искренняя увѣренность въ правахъ польской народности въ этомъ краѣ: польское государство, языкъ, обычай, наконецъ католичество или унія нѣсколько вѣковъ имѣли здѣсь преобладающее значеніе, и если мы сами „безмолвствовали", то полякамъ оставалось спокойно утверждаться въ своемъ мнѣніи, хотя бы оно было ошибочно. Такимъ образомъ обличенія „польской интриги" имѣютъ видъ поздняго мщенія за собственное забвеніе о западно-русской окраинѣ. Исторически было бы неточно сказать, что всему западному краю присущи были „основныя русскія начала" (разумѣя тѣ, какія развились въ Великой Россіи со временъ московскаго царства), потому что въ дѣйствительности историческая жизнь западной Руси, съ литовскаго завоеванія въ XIV вѣкѣ и до раздѣловъ въ концѣ XVIII вѣка, шла отдѣльно и иначе, чѣмъ въ Руси восточной. Старымъ основнымъ началомъ оставалось православіе; но внутренній политическій бытъ складывался иначе, и развившееся въ великорусскомъ племени самодержавіе вошло здѣсь въ силу только съ постепеннымъ присоединеніемъ южныхъ и западныхъ земель къ Россіи въ позднѣйшее время; русское образованіе, литература, нравы долго и по присоединеніи оставались западному краю мало знакомы.

Далѣе, указавъ, что съ 1863 года въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ и частными лицами, было возстановлено въ истинномъ свѣтѣ уже не мало фактовъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ, предисловіе продолжаетъ: „Но памятники западной русской старины еще донынѣ мало извѣстны публикѣ. Съ ними, между тѣмъ, связано много народныхъ преданій и легендъ, помогающихъ уясненію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ; они служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той непреложной истины, что пространство, занимаемое нынѣ западными губер-

ніями, составляетъ древнее достояніе Россіи и что господствовавшая тамъ вѣра, съ самаго введенія христіанства, была православная. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ относятся еще къ до-христіанской въ Россіи эпохѣ, иные — къ княженію равноапостольнаго Владиміра и удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, иные же—къ мрачнымъ временамъ борьбы мѣстнаго православія съ пришлымъ латинствомъ, при насильственномъ введеніи поляками и іезуитами религіозной уніи и польскихъ обычаевъ въ странѣ искони русской и православной“.

Чтобы ознакомить публику съ остатками этихъ древностей, т. с. Батюшковъ съ высочайшаго соизволенія, при осмотрѣ, въ 1862 году, православныхъ церквей западнаго края, поручилъ художнику московской оружейной палаты, Струкову, снять вѣрныя изображенія древностей, встрѣчавшихся на пути по бѣлорусскимъ и юго-западнымъ губерніямъ, а также по холмскому уѣзду люблинской губерніи. Для дальнѣйшаго исполненія технической части предпринятаго труда, высочайше повелѣно было пригласить академика Солнцева, съ цѣлью провѣрки и окончательной отдѣлки рисунковъ, которые, вмѣстѣ съ историческими и археологическими матеріалами, должны были войти въ составъ предположеннаго изданія. На первый разъ изданіе должно было ограничиться четырьмя губерніями: витебской, могилевской, волынской и подольской; впослѣдствіи оно перешло эти предѣлы.

Въ первый годъ (1868) вышло четыре выпуска этого изданія. Это были небольшіе атласы въ листъ, гдѣ заключались планы изображаемыхъ городовъ, рисунки развалинъ, остатковъ старыхъ фресокъ и надписей и нынѣшняго вида реставрированныхъ церквей; къ рисункамъ присоединены были только самыя краткія историческія объясненія. Выпускъ первый посвященъ Владиміру-Волынскому и селу Зимнѣ (близъ этого города) съ церковью, построенною, по преданію, Владиміромъ Святымъ; второй выпускъ—городу Луцку. Въ третьемъ выпускѣ помѣщены историческій очеркъ города Острога, планъ его, родословная князей Острожскихъ, виды развалинъ и современныхъ церквей. Въ четвертомъ выпускѣ—историческій очеркъ города Овруча, планъ его, рисунки развалинъ древнихъ церквей и проекты ихъ возобновленія, рисунки „могилы Олега“ (овручскаго) и „Ольгиныхъ бань“—среди каменнаго ложа рѣки Уша.

Съ выпуска пятаго составъ изданія измѣнился. Выпуски 5-й и 6-й (1870—74) представляютъ, кромѣ альбома рисунковъ, обширный текстъ въ двухъ квартантахъ, а именно замѣчательный „Очеркъ исторіи города Вильны“, В. Г. Васильевскаго, и приложенія. Это — цѣлый, внимательно исполненный трактатъ и въ нашей литературѣ едва ли не первый образчикъ детальной мѣстной исторіи изъ запад-

наго края. Понятно, что исторія города связана здѣсь съ цѣлой политической исторіей „литовской Руси“ и съ древнѣйшихъ временъ города доведена до эпохи послѣднихъ раздѣловъ. Въ приложеніяхъ къ 6-му выпуску, въ числѣ (на этотъ разъ гораздо болѣе подробныхъ) объясненій къ рисункамъ и снимкамъ, помѣщены „Матеріалы для западно-русской старопечати“ (т.-е. для ея *исторіи*), съ описаніемъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ изданій, и затѣмъ „Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковно-славянскаго шрифта“.

Шестымъ выпускомъ изданіе должно было окончиться; но въ предисловіи сказано было, что „издатель, которому высочайшею волею ввѣрено веденіе этого дѣла, считаетъ своею нравственною обязанностью заявить, что, не взирая на всѣ его старанія, ему не удалось придать общей законченности труду“; нѣкоторые отдѣлы православной западно-русской археологіи были только-что начаты, изображенія многихъ памятниковъ древности должны были быть отложены за недостаткомъ мѣста и т. п. Въ послѣдній выпускъ вмѣщено было что можно, и дѣйствительно, планъ остался невыполненнымъ, и въ цѣломъ „памятники русской старины въ западно-русскомъ краѣ“ представлялись слишкомъ скудными, хотя несомнѣнно и въ этомъ видѣ изданіе было весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу небогатую историческую литературу о западной Россіи.

Въ томъ же предисловіи указано другое обстоятельство. Замѣтимъ предварительно, что къ тексту выпуска 5-го поставлены эпиграфомъ слова германскаго канцлера Бисмарка, обращенныя на германскомъ рейхстагѣ къ польскимъ депутатамъ, 20-го марта (1-го апрѣля) 1873 года [1]; кромѣ того, весь альбомъ 5-го выпуска и половина альбома въ 6-мъ выпускѣ (рисунки въ краскахъ) исполнены были въ Германіи. „Эта связь настоящаго изданія съ Германіей, — говоритъ предисловіе,—...завершилась рескриптомъ Его Величества Императора Германскаго на имя издателя и письмомъ къ издателю же имперскаго канцлера князя Бисмарка“, изреченіе котораго, какъ мы сказали, взято было эпиграфомъ къ русскому изданію. „Это послѣднее обстоятельство, а равно пребываніе князя Бисмарка, въ апрѣлѣ 1873 года, въ Петербургѣ, побудили издателя поднести его свѣтлости пятый выпускъ „Памятниковъ“, вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ объяснялись задачи изданія“... Приведши тексты рескрипта и писемъ, предисловіе продолжаетъ:

[1]) Это были слѣдующія слова: „die Bevölkerung theilt nicht die Fiction, die sie machen, dass die polnische Herrschaft gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie war ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wiederkommen“.

„Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, какъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Германскаго, такъ и въ письмѣ князя Бисмарка, знакомаго съ русскимъ языкомъ, что въ обоихъ этихъ документахъ одобряется ученое достоинство изданія, сопровождаемое наглядными художественными изображеніями. Такое же одобреніе и желаніе видѣть этотъ трудъ „продолжающимся“ выражается во многихъ письмахъ, полученныхъ издателемъ отъ нашихъ государственныхъ лицъ и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ“.

Это настояніе на символической связи русскаго дѣла съ Германіей, не кажется намъ ни нужнымъ, ни, по существу, вѣрнымъ. Что старое правленіе польское было дурно, объ этомъ нечего узнавать отъ князя Бисмарка; это давно признали сами разумнѣйшіе поляки —тогда еще, когда у нихъ было свое обширное государство; къ этому выводу приходили давно и русскіе историки, самые обыкновенные. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ не было никакого открытія, а кромѣ того, съ русской стороны едва ли умѣстно искать опоръ своему внутреннему дѣлу въ политикѣ другого государства, съ которымъ въ данномъ случаѣ солидарность была бы вовсе не желательна. Намъ странно грозить Польшѣ (или польскому элементу въ западномъ краѣ) прусскими словами; наше и нѣмецкое отношеніе къ Польшѣ различны или, по крайней мѣрѣ, должны бы быть различны. Въ той „національной“ политикѣ,—которая даетъ въ послѣднія десятилѣтія столько извращенныхъ явленій,—государственное значеніе одной національности предполагается требующимъ истребленія всѣхъ иныхъ племенныхъ элементовъ, и Пруссія дѣйствительно ставитъ задачу полной германизаціи своей Польши. Задача политическая сходится тамъ съ племенной нетерпимостью, а вмѣстѣ и съ культурнымъ превосходствомъ нѣмцевъ надъ поляками; но эти условія не совсѣмъ повторяются у насъ, и въ особенности то обстоятельство, что поляки, сколь мы къ нимъ ни враждебны, принадлежатъ къ тому славянскому племени, въ которомъ для насъ предполагается возвышенная „миссія“. Наша враждебная нетерпимость къ Польшѣ не можетъ не отражаться, и въ дѣйствительности отражается, вреднымъ образомъ на нашихъ между-славянскихъ отношеніяхъ вообще. Въ концѣ концовъ, для нашей національной „миссіи“, если только она существуетъ въ томъ видѣ, какъ у насъ ее постоянно изображаютъ, точка зрѣнія князя Бисмарка вовсе не полезна: польскій вопросъ долженъ представляться намъ нѣсколько иначе.

Но изданіе памятниковъ не остановилось, однако, на 6-мъ вопросѣ. Правда, черезъ очень длинный промежутокъ времени, вышли въ 1885 году еще два выпуска альбома и объяснительный текстъ въ

двухъ томахъ [1]). Какъ первые выпуски состояли главнымъ образомъ изъ рисунковъ съ краткими объясненіями, такъ въ послѣднихъ главную роль играетъ текстъ. Холмская Русь, исторіи и описанію которой посвящены два послѣдніе выпуска „Памятниковъ", составляла одинъ изъ наиболѣе забытыхъ и наименѣе извѣстныхъ уголковъ юго-западной Руси, и настоящее изданіе представляетъ много любопытныхъ данныхъ, освѣщающихъ исторію этого края. Кромѣ того, здѣсь много статей, гораздо больше относящихся къ общимъ историческимъ вопросамъ западной Руси. Такъ, кромѣ статей о самомъ городѣ Холмѣ, старыхъ монастыряхъ и церквахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ холмскаго края, мы находимъ здѣсь статьи: „Греко-уніаты въ царствѣ польскомъ (1864—1866) и князь Черкасскій"; „Холмско-подлясскіе православные монастыри" (Н. И. Петрова); „Сплетскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господнѣчичъ и его значеніе въ южно-русской полемической литературѣ XVII-го вѣка" (его-же); „Нѣсколько словъ о старинной картѣ царствъ галицкаго и владимірскаго" (Я. Головацкаго); „Монастыри въ юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь" (его-же); въ восьмомъ выпускѣ: „О границахъ польской короны и великаго княжества литовско-русскаго" (С. Шолковича); „Люблинскій съѣздъ 1569 года" (И. Малышевскаго); „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ" (А. Лонгинова); „Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ", и пр. (Н. Петрова); „Кириллъ Терлецкій" и „Ипатій Потѣй" (Ор. Левицкаго); „Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ" (Н. Петрова); „Устная народная словесность въ Холмской и Подляссской Руси" (Н. Страшкевича), и т. д.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году вышла третья книга, посвященная тому же предмету [2]). Предисловіе объясняетъ, что мысль объ этой книгѣ возникла вслѣдствіе появленія VII—VIII выпуска „Памятниковъ", что цѣль ея—широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ привислянскаго края, что она предназначается въ пособіе преподавателямъ въ школахъ и вообще лицамъ, близко стоящимъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Книга составлена профессоромъ кіевской духовной ака

---

[1]) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпуски седьмой и восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885. Больш. 8°, 432 и 567 стр.

[2]) Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями, 45 гравюрами и картой Володиміро-Галицкой земли. Спб. 1887, XVI, 216 и 62 стр.

деміи Петровымъ, при содѣйствіи проф. Малышевскаго, и представляетъ обстоятельный сводъ данныхъ о судьбѣ края съ древности и до настоящаго времени, въ связи съ общей исторіей западной и юго-западной Руси; новѣйшія событія въ этомъ краѣ, гдѣ до послѣдняго времени совершались прискорбныя религіозныя столкновенія, изложены съ ихъ оффиціальной стороны [1]).

Новѣйшимъ изданіемъ этой серіи была книга, посвященная Бѣлоруссіи [2]). Это — обзоръ западно-русской исторіи съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ, — за послѣдніе вѣка особливо въ церковномъ отношеніи,—составленный проф. Н. И. Петровымъ, при содѣйствіи И. П. Малышевскаго; второй отдѣлъ книги, состоящій изъ „объясненій къ рисункамъ“, археологическихъ и историческихъ, есть въ особенности трудъ М. И. Городецкаго.

Для исторіи западной Руси, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Россіи и исторіи русской церкви, въ цѣломъ ея составѣ или въ крупныхъ періодахъ, могутъ служить сочиненія по исторіи южной Россіи, касающіяся и Руси сѣверо-западной, и нѣсколько трудовъ, посвященныхъ спеціально Бѣлоруссіи. Напр. послѣ книги О. Турчиновича (Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1857), труды Ив. Бѣляева: „Разсказы изъ русской исторіи“ (т. IV: „Исторія Полоцка или сѣверо-западной Руси“. М. 1872); В. Завитневича: „Область дреговичей какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“ (въ Трудахъ Кіевской дух. академіи, 1886); М. Довнара-Запольскаго:

[1]) Въ „Русской Старинѣ“, 1887, май, стр. 551 — 561, помѣщена статья, заключающая обозрѣніе трудовъ и общественной дѣятельности П. Н. Батюшкова, гдѣ въ особенности подробно изложены его административные и издательскіе труды по западному краю съ 1860-хъ годовъ. Обращая читателя къ этой интересной статьѣ, замѣтимъ только, что не совсѣмъ понятна здѣсь характеристика извѣстнаго генерала Потапова, нѣкоторое время управлявшаго западнымъ краемъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Статья замѣчаетъ, что когда П. Н. Батюшковъ назначенъ былъ въ Вильну попечителемъ учебнаго округа, въ краѣ „царило *анти-русское* направленіе Потапова“,— а самъ г. Батюшковъ характеризуется какъ „русская сила“... Такая характеристика нуждалась бы въ болѣе точномъ объясненіи: генералъ Потаповъ, человѣкъ русскаго происхожденія, занималъ передъ назначеніемъ въ Вильну весьма довѣренный постъ по управленію III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и, покинувъ Вильну, сохранилъ довѣріе высшей власти, которая едва ли могла поощрять „анти-русское направленіе“. Въ самой статьѣ упоминается, что г. Батюшковъ былъ даже „приглашенъ на постъ попечителя самимъ Потаповымъ“; правда, это объясняется какъ „обоюдное недоразумѣніе“,—между ними дѣйствительно произошли потомъ несогласія,—но генералъ Потаповъ вѣроятно имѣлъ все-таки понятіе о характерѣ приглашаемаго лица? Словомъ, это время ждетъ еще историческихъ объясненій.

[2]) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутр. дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и картой. Спб. 1890. „Литва“ разумѣется здѣсь только въ историческомъ значеніи русско-литовскаго княжества.

„Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XII-го столѣтія" (Кіевъ. 1891; отдѣльно изъ „Унив. Извѣстій" 1890—91); И. Малышевскаго: „Очеркъ исторіи Турова" (въ „Твореніяхъ св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго". Кіевъ, 1880); Н. Дашкевича: „Борьба культуръ и народностей въ Литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшею" (въ К. Универс. Изв., 1884); Чистовича: „Очерки западно-русской церкви" (Спб. 1882, 2 тома); Н. Петрова: „Очеркъ исторіи Базиліанскаго ордена" (въ Трудахъ Кіевской духовной академіи, 1870—72); Ю. Крачковскаго: „Очерки уніатской церкви" (въ московскихъ „Чтеніяхъ", 1871). Изъ трудовъ г. Сапунова отмѣтимъ здѣсь: „Инфлянты, историческія судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлянтъ" (въ Памятной книжкѣ Вит. губерніи, и отдѣльно, 1887) и изданное имъ „Житіе преп. Евфросиніи, княжны полотскія" (по тремъ редакціямъ, Витебскъ, 1888).

Новѣйшая церковно-бытовая исторія сѣверо-западной Россіи излагается въ многочисленныхъ сочиненіяхъ и запискахъ объ уничтоженіи уніи. Таковы „Записки" митр. литовскаго Іосифа Сѣмашко, архіеп. Антонія Зубко; сочиненія П. О. Бобровскаго („Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I", въ Журн. мин. просв. 1889), „Записки" В. Лужинскаго (Правосл. Собесѣдникъ, 1884—85) и др.

Много историческихъ подробностей разсѣяно въ мѣстныхъ описаніяхъ, памятныхъ книжкахъ губерній [1]) и т. д.

Наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ западно-русской исторіографіи былъ за послѣднее время проф. духовной академіи въ Петербургѣ, Мих. Осип. Кояловичъ. Онъ родился въ 1828, въ одномъ мѣстечкѣ гродненской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1841 онъ поступилъ въ духовное училище въ Супраслѣ, откуда въ 1845 перешелъ въ семинарію въ Вильнѣ и затѣмъ въ 1851 посланъ на казенный счетъ въ петербургскую духовную академію. По окончаніи курса, онъ представилъ какъ магистерскую диссертацію извѣстное сочиненіе: „Литовская церковная унія". Назначенный сначала преподавателемъ въ рижскую, потомъ въ петербургскую семинарію, онъ уже вскорѣ, въ 1856, получилъ въ духовной академіи каѳедру сравнительнаго богословія, а потомъ русской исторіи. Во время польскаго возстанія г. Кояловичъ приглашенъ былъ Ив. Аксаковымъ къ участію въ газетѣ „День", потомъ „Москвѣ" и „Руси", гдѣ, какъ и вообще

[1]) Напр.: „Витебскъ и уѣздные города Вит. губерніи", Сементовскаго. Спб. 1864; „Историко-статистическое описаніе Минской епархіи", архим. Николая. Спб. 1864; „Краткое описаніе Ковенской губерніи". К. Гуковскаго. Ковно, 1888, и др., съ какими встрѣтимся далѣе.

въ своихъ сочиненіяхъ, былъ горячимъ защитникомъ національныхъ интересовъ своей родины противъ польскихъ притязаній. Изъ его трудовъ мы упоминали выше „Чтенія по исторіи западной Россіи", его замѣчанія объ этнографическихъ атласахъ Эркерта и Риттиха. Послѣ первой книги объ уніи была издана имъ „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ" (Спб. 1873); въ Археографической коммиссіи онъ принималъ участіе въ изданіи упомянутаго раньше сборника „Документовъ" (1865), редактировалъ изданіе „Дневника Люблинскаго сейма" и т. д. Послѣднимъ большимъ трудомъ его была „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ". Наконецъ, рядъ статей въ духовныхъ изданіяхъ, въ Журналѣ мин. просвѣщенія, рѣчи въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ [1]).

Въ ряду изслѣдованій о бѣлорусской письменности наиболѣе важнымъ трудомъ является книга П. В. Владимірова: „Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ" (Спб. 1888)—первое обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ западной Руси въ началѣ XVI вѣка. Въ объясненіи эпохи, въ которой происходила дѣятельность Скорины, авторъ говоритъ постоянно о „юго-западной" Руси, объединяя такимъ образомъ историческія условія сѣверо- и юго-западной Руси, въ которыхъ дѣйствительно было много общаго, и самые результаты, въ которыхъ были однако свои отличія: Вильна, которая была средоточіемъ сѣверо-западной Руси, отличалась многими чертами отъ Кіева и Львова, какъ вообще сѣверный край отъ южнаго; здѣсь, напр., были ближе и начались раньше западныя образовательныя вліянія. Основа „русскаго языка" Скорины была бѣлорусская. Тотъ же авторъ остановился особо на западно-русской письменности въ „Обзорѣ южно-русскихъ и западно-

---

[1]) Біографическія данныя взяты изъ статьи П. Быкова, „Нива", 1891, № 8. Авторъ статьи, изображая г. Кояловича спеціальнымъ патріотомъ, къ сожалѣнію перешелъ мѣру благоразумія. По словамъ его, „любовь къ родинѣ и пламенный патріотизмъ г. К. не прошли ему даромъ: и поляки, и полякующіе (?) россійскіе космополиты возненавидѣли русскаго ученаго, имя котораго старались забросать грязью". Появленіе „Исторіи русскаго самосознанія" будто бы „вызвало настоящую сенсацію въ лагерѣ тайныхъ и явныхъ недруговъ отечества нашего". Мы этого не припомнимъ; но напомнимъ, что книга г. Кояловича вызвала въ особенности разборъ Костомарова, отнесшагося къ ней несочувственно („Вѣстн. Евр.", 1885, кн. 4-я). Поклонникъ г. Кояловича поступаетъ слишкомъ предпріимчиво, если литературныхъ противниковъ его тотчасъ зачисляетъ въ разрядъ „тайныхъ или явныхъ недруговъ нашего отечества"; замѣтимъ, что самъ г. Кояловичъ не отличался умѣренностью въ своихъ сужденіяхъ, не мудрено, что это вызывало и рѣзкіе отвѣты.

Когда этотъ листъ приготовленъ былъ къ печати, газеты принесли извѣстіе о кончинѣ М. О. Кояловича 23 августа, 1891.

русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“ [1]), опять объединяя ихъ въ одно цѣлое. Вообще, авторъ различаетъ въ этой письменности, для древнѣйшаго времени, особенности мѣстныхъ нарѣчій—кіевскія, галицко-волынскія и западно-русскія. Въ памятникахъ XV—XVI в. онъ замѣчаетъ относительно языка два теченія: западно-русское, поддерживавшееся оффиціальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ, съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, и южно-русское, съ особенностями мѣстныхъ говоровъ, и съ правописаніемъ, преимущественно такъ-называемымъ средне-болгарскимъ. По содержанію, эта сѣверо-западная письменность только въ послѣднее время начинаетъ привлекать вниманіе изслѣдователя. Въ древнемъ періодѣ она представляетъ только общіе памятники церковной литературы, поученія, лѣтописи; затѣмъ, когда западная Русь обособилась политически отъ Руси восточной, московской,—время отъ XIV до половины XVI в. въ литературномъ развитіи юго-западной Руси, за исключеніемъ такихъ культурныхъ явленій, какъ книгопечатаніе, отличается бѣдностью“ [2]). Съ XVI-го вѣка развивается то церковное движеніе, которое отчасти было вызвано общимъ религіознымъ возбужденіемъ тѣхъ временъ (протестантство проникало въ самую русскую среду), а особенно борьбою съ католичествомъ и уніей,—движеніе, не однажды изложенное нашими историками и составившее одно изъ первыхъ широкихъ проявленій умственной жизни, отразившееся потомъ и въ Москвѣ.

Въ среднемъ періодѣ западно-русской письменности, съ XV-го вѣка, любопытно довольно значительное количество переводныхъ произведеній популярнаго характера — апокрифическихъ книгъ, легендъ и повѣстей, взятыхъ съ польскаго, чешскаго, сербскаго и латинскаго языка. Эти переводы продолжались и въ XVII столѣтіи и переходили потомъ въ нашу популярную литературу [3]).

---

[1]) Въ „Чтеніяхъ“ Кіевскаго историческаго Общества Нестора лѣтописца, т. IV, и отдѣльно, Кіевъ, 1890.

[2]) Владиміровъ, „Обзоръ“, стр. 5.

[3]) Указанія объ этомъ послѣднемъ въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“, Спб. 1857.

— Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ изъ Познанскаго сборника XVI в. изданы и объяснены А. Веселовскимъ: „Изъ исторіи романа и повѣсти“, вып. 2. Спб. 1888. О языкѣ этого сборника, ст. А. Брикнера: Ein weissrussischer Codex miscellaneus, въ „Архивѣ“ Ягича, т. IX.

— Житіе св. Алексѣя человѣка Божія, въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (ъ польскаго или чешскаго), издано съ объясненіями П. В. Владиміро-[illegible]ъ, въ Журн. мин. просв. 1887, октябрь.

[illegible]рки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в., А. С. Архан-[illegible] „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. исторіи и древностей, 1888.

Обращаемся къ трудамъ чисто-этнографическимъ. По времени, нимъ изъ первыхъ было здѣсь изданіе г. Безсонова [1]), ограничившееся однимъ первымъ выпускомъ первой части. Г. Безсоновъ же давно началъ интересоваться и заниматься бѣлорусской народэй поэзіей; въ 1860-хъ годахъ онъ самъ одно время находился на ужбѣ въ западномъ краѣ, именно въ Вильнѣ, гдѣ между прочимъ ринималъ участіе въ упомянутомъ выше „преобразованіи" Виленкаго музея,—но остался тамъ не долго. Повидимому, онъ успѣлъ орошо присмотрѣться къ порядку вещей, господствовавшему въ краѣ, хотя вращался тамъ въ кругѣ дѣятелей, не отличавшихся безристрастнымъ пониманіемъ вещей, но въ его позднѣйшихъ суждеіяхъ о тамошнихъ дѣлахъ не мало правдивыхъ признаній. Онъ вился въ Вильну служить „русскому дѣлу", но при всей своеобразости его народническихъ взглядовъ, при всей исключительности его эорій и ученыхъ мнѣній (нерѣдко абсолютно несостоятельныхъ), нъ все-таки такъ много занимался стариной и народно-поэтическимъ ворчествомъ, что ему были понятны тѣ многоразличныя развѣтвлеія, на которыя раздѣлялась народная жизнь въ ея вѣковой судьбѣ, ему казались оправданными исторически тѣ мѣстныя особенности, а которыя распадался русскій народъ. Онъ готовъ былъ видѣть нао днуую жизнь въ широкомъ разнообразіи ея проявленій и не дуалъ, что онѣ вправѣ существовать только по канцелярскому или онсисторскому шаблону. Тогдашнее положеніе русскаго дѣла въ задномъ краѣ не казалось ему правильнымъ, именно по недостатку нимапія къ народно-историческому характеру сѣверо-западной Руси, о совершенному равнодушію и прямому нежеланію понять этотъ рай.

„Край, политически и государственно, сдѣлался совершенно рускимъ,—говорилъ г. Безсоновъ,—и въ семъ-то отношеніи политичекомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не перестаетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться *больнымъ мѣстомъ* Россіи... Всякій, ывавшій и живавшій въ краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержаномъ политически покоѣ, и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувтвуются ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, треога, зыблемость; при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равноѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому воросу, который изъ всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться. — Сепаратизмъ" во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется

[1]) „Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ черками народнаго обряда, обычая и всего быта. Издалъ Петръ Безсоновъ, иждеж-ами Общества Любителей Россійской Словесности". Часть I, выпускъ I. Москва, 871. LXXXI, III стр. опечатокъ и 176 стр. въ два столбца.

только въ политическомъ отношеніи; не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, исповѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ, кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея, и самъ собою вырабатывается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія; успѣхъ и подъемъ бѣлорусскій, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время, успѣхомъ русскимъ, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что̀ вовсе не мѣстное, а впрочемъ, и не настолько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого-либо не-политическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ, толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи все же остаются на дѣлѣ разнородны—такія явленія, говоримъ, хотя бы не политическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ... Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе бѣлорусскую, какъ чуждую всякаго рода ловкости и уловки. Такъ сказать, некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а невооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда насторожѣ, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ и страдаетъ весьма реально. Благосостояніе для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки евреевъ... Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо, разумѣется, сохнетъ, портится, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается, но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечему жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего"... [1]).

---

[1]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. VIII—IX.

Въ этомъ темномъ, дурно написанномъ изложеніи высказано однако вѣрное пониманіе порядка вещей въ западномъ краѣ. Составитель сборника вынесъ изъ своего опыта вообще довольно безотрадный взглядъ на положеніе бѣлорусскаго народнаго дѣла. „Не льстимъ себя, какъ прежде,—говоритъ онъ по поводу своего труда,—какими-нибудь практическими послѣдствіями вблизи: для государственной и общественной практики, для историческихъ рѣшеній, для науки и образованія, для воспитанія пріемовъ и способовъ людей управляющихъ или изучающихъ, для ознакомленія ихъ съ бѣлорусскимъ міромъ, для умѣнья жить съ народомъ и дѣйствовать ему на пользу, даже для пользъ самой народности. Всѣ эти былыя мечты разбились о дѣйствительность, которая очевидно вовсе ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не признаетъ въ этомъ родѣ“... [1]). Самъ авторъ, однако, думалъ, что вниманіе къ народной жизни было бы именно необходимо, такъ какъ, если мы желаемъ поднятія русской народности въ западномъ краѣ, то оно здравымъ и прочнымъ образомъ можетъ совершиться только на почвѣ *мѣстной жизни*, съ привлеченіемъ ея собственныхъ стихій и съ возбужденіемъ *ихъ* дѣятельности. Г. Безсоновъ не считалъ возможнымъ, чтобы могла развиться литература на бѣлорусскомъ языкѣ,—она не создалась тогда, когда это было возможно, въ прежніе вѣка западно-русской жизни, а теперь время для этого прошло, и враги „сепаратизма“ могутъ успокоиться. Была мѣстная литература *польская*, но она питалась чужими соками; собственно бѣлорусской литературы особой нѣтъ и не можетъ быть; но мѣстная стихія все-таки существуетъ. Если бѣлорусскій крестьянинъ возьмется за перо, онъ будетъ писать уже по-русски, но нужно, чтобы онъ сохранилъ сознательный интересъ къ своему; литература наносная, лишенная этой мѣстной стихіи, не оплодотворитъ народной жизни... „Если *готовая* литература принесется въ край сверху или со стороны, она не вызоветъ и не оплодотворитъ литературной дѣятельности мѣстной изъ среды такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, которые въ языкѣ своемъ, вкусѣ, понятіяхъ, выраженіяхъ и пріемахъ, воспитались и выросли на преданіяхъ былой письменности мѣстной; примѣровъ такихъ, чтобы мѣстные уроженцы литературы продолжали дѣйствовать на мѣстѣ и въ мѣстныхъ интересахъ, пока нѣтъ еще, по крайности, видныхъ и крупныхъ; возможенъ еще возвратъ ихъ къ литературѣ польской, а пожалуй, и къ новой нѣмецкой (?). Хотя бы заносная литература именовала себя „русской“, хотя бы стремилась поддѣлываться подъ „бѣлорусскую“... она останется для мѣстной жизни всегда чуждою

---

[1]) Стр. LVIII.

маскою, и, по меньшей мѣрѣ, *великорусскою*, можетъ быть *московскою*, какъ нѣкогда и звали ее, отчасти и зовутъ понынѣ... Это будетъ принесенная книга, листъ, бумага, бланка, не жизнедѣятельность. Крестьянству подавно она будетъ чужда, какъ съ перваго раза и непонятна; она не подыметъ его къ дѣятельности обновленной, дальнѣйшей, лучшей. Натурализація, извѣстная въ политическомъ смыслѣ, здѣсь немыслима. А между тѣмъ, дѣйствительная натура, природное устное творчество, пострадаетъ. Необходимо, чтобы русская литература возникала здѣсь же, на мѣстныхъ началахъ, мѣстными побужденіями, интересами, образами, силами мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, изъ жизни мѣстной, единственно основной и живой,—а такова только жизнь народная; чтобы первое слово русской литературы началось здѣсь съ послѣдняго слова бѣлорусскаго, вылетѣвшаго изъ устъ, раздавшагося въ слухѣ; чтобы это послѣднее слово, гранича съ самымъ первымъ литературнымъ, принадлежало мѣстному нарѣчію и народному пѣснотворчеству. Воспитаніе въ семъ направленіи для крестьянства, шагомъ выше обученія въ народномъ училищѣ, для другихъ классовъ—внѣ крестьянства—школа и наука, библіотеки и музеи, общества, учрежденія и центры литературные научные, художественные, урокъ, примѣръ, образецъ образованности, и все въ томъ же единомъ направленіи; вотъ что необходимо, ибо единство можетъ быть плодотворно. Тогда явится мѣстный поэтъ, писатель, ученый, художникъ для края и всей Россіи (авторъ приводитъ въ примѣръ Гоголя—малоруcса—въ русской литературѣ, Мицкевича—бѣлорусса—въ польской). А тѣ, кои судьбою исторической и политической берутъ на себя этотъ вызовъ перваго слова, воспитаніе, училище, школу для края, для Бѣлоруссіи, и съ тѣмъ для всей Россіи: понятно, какова должна быть ихъ собственная литература, если она не хочетъ быть чужою и заносною, если хочетъ мѣстнаго примѣненія и оплодотворенія. Она прежде всего сама и на себѣ самой должна показать примѣръ; ей нельзя безнаказанно отвращаться отъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ интересовъ, современныхъ и историческихъ; нельзя же ей не знать мѣстной устной рѣчи или вѣковаго развитія рѣчи мѣстной письменной; творить безъ матеріала, изъ ничего, едва ли выгодно и привлекательно, а въ творчествѣ никакомъ, даже государственномъ, не обойтись безъ творчества народнаго"... [1]).

Не будемъ передавать дальнѣйшихъ разсужденій г. Безсонова объ исторіи бѣлорусскаго народнаго творчества и языка, разсужденій, слишкомъ часто изложенныхъ въ его обычной, многословной иногда

[1]) Стр. LXIX—LXXI.

до невразумительности манерѣ и не безъ обычныхъ странностей (въ родѣ сближенія русскаго сказочнаго *Ивана* съ ѳракійскимъ *Эваномъ*), но приведенныя слова любопытны, какъ противовѣсъ общераспространеннымъ тогда толкамъ объ обрусеніи западнаго края. Въ самомъ дѣлѣ, странно было читать въ то время, даже въ изданіяхъ людей, которые сами себя считали и другими считались за патентованныхъ знатоковъ, защитниковъ и печальниковъ русской народности, что мы должны предпринять *обрусеніе—русскаго* края, того края, который тѣми же самыми людьми выставлялся, противъ польскихъ притязаній, за чистѣйшій русскій, со всѣми „давними основами русской народности", а вслѣдъ затѣмъ оказывался столь не-русскимъ и столь попорченнымъ, что надо было его выправить и по настоящему обрусить,—для чего, какъ мы упоминали, публицисты совѣтовали даже отправить въ западный край русскихъ (т.-е. собственно московскихъ, потому что лишь московское выдавалось за настоящее русское) нянекъ. Г. Безсоновъ вступился за мѣстную народность, которая составляетъ историческій оттѣнокъ цѣлаго племени, которая въ прежніе вѣка *независимо* отъ *московской* народности выносила тяжелую борьбу за обще-русское дѣло, оказала ему несомнѣнныя услуги, потомъ, уже въ предѣлахъ русскаго государства, долго была забыта и оставлена безъ призора—и теперь имѣла право на нѣкоторое вниманіе. Взглядъ г. Безсонова въ этомъ случаѣ былъ совершенно справедливъ, но вслѣдствіе всего положенія вещей слова его оставались тогда гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Занятія г. Безсонова бѣлорусской народной поэзіей, какъ мы сказали, начались еще раньше поѣздки въ западный край. Первый примѣръ въ нашей литературѣ интереса къ западно-русской народности онъ указываетъ у Калайдовича, который со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Въ 30-хъ годахъ Бѣлоруссію посѣтилъ П. В. Кирѣевскій, уже занятый тогда собираніемъ русскихъ пѣсенъ, по словамъ г. Безсонова, „отчасти затронутый частнымъ примѣромъ Калайдовича, отчасти возбужденный подвигомъ Ходаковскаго" [1]). Самъ Кирѣевскій не сдѣлалъ тамъ собственнаго сборника, но по крайней мѣрѣ вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставали ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами, потому что это были лица польскаго происхожденія. Надъ этимъ первоначальнымъ сборникомъ предстояло еще много работы:—надо было переписать пѣсни русскимъ письмомъ, а для избѣжанія ошибокъ изучить живой языкъ и народный бытъ; дѣло подъ руководствомъ Кирѣев-

[1]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIV.

скаго исполнялъ г. Безсоновъ, который, заинтересовавшись имъ, началъ самъ дополнять собраніе и, между прочимъ, отыскалъ нѣсколько народныхъ бѣлорусскихъ рукописей, особливо одну XVII-го вѣка, съ нотами [1]). По смерти Кирѣевскаго, г. Безсоновъ занялся изданіемъ его собранія великорусскихъ пѣсенъ и „Калѣкъ Перехожихъ", и въ послѣднюю книгу вошло уже много бѣлорусскихъ духовныхъ стиховъ [2]). Въ концѣ 1863, г. Безсоновъ предложилъ московскому Обществу любителей россійской словесности для изданія свой бѣлорусскій сборникъ, заключавшій уже до 500 пѣсенъ, чисто народныхъ, устныхъ, кромѣ дополненій изъ старыхъ рукописей [3]). Общество приняло это предложеніе, но затѣмъ г. Безсоновъ, въ концѣ 1864 или въ началѣ 1865, отправился на службу въ западный край, гдѣ пробылъ до конца 1866 г. Здѣсь ближайшее знакомство съ мѣстной стариной, народнымъ бытомъ и мѣстными (въ большой долѣ польскими) изслѣдованіями доставило ему тотъ взглядъ на положеніе бѣлорусской народности, какой мы выше излагали, и во время пребыванія въ краѣ, собраніе пѣсенъ, трудами какъ самого собирателя, такъ и нѣскольких его друзей и сотрудниковъ, „возрасло до громадныхъ размѣровъ" [4]).

Изданіе г. Безсонова ограничилось, однако, только однимъ выпускомъ. Здѣсь заключаются пѣсни обрядныя разнаго рода: на Великъ день, волочобныя, пѣсни на св. Юрія, на Николу, на Петровки, пѣсни купальныя, колядныя и на масляницу. Самая редакція довольно запутанная [5]); къ разнымъ отдѣламъ пѣсенъ присоединены объясненія обычаевъ, гдѣ авторъ не воздержался отъ своихъ обыкновенныхъ „научныхъ" странностей.

Въ концѣ 1860 годовъ начинаются работы Географическаго Общества, предпринявшаго экспедицію въ западно-русскій край. Первая мысль объ этомъ возникла еще въ 1862, въ управленіе министер-

---

[1]) Нѣсколько образчиковъ изъ нея сообщено въ „Исторической Христоматіи" г. Буслаева, М. 1861, стр. 1623—1624.

[2]) Кирѣевскимъ собрано ихъ было мало, и какія были, почти всѣ, по указанію г. Безсонова, вошли въ первый опытъ печатанія пѣсенъ, сдѣланный Кирѣевскимъ въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. ист. и др., 1848.

[3]) Ср. „День", 1863, № 45: „Объ изданіи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества"; см. также 1865, № 4.

[4]) „Бѣлор. Пѣсни", стр. X—XIII, XVIII—XIX.

[5]) Напр., при первой же пѣснѣ читаемъ въ концѣ ссылку на какой-то № 18; эти ссылки потомъ постоянно повторяются, но къ пѣснямъ съ указанными нумерами эти ссылки вовсе не относятся; г. Безсоновъ обѣщалъ въ предисловіи объяснить эти ссылки въ концѣ изданія, но конца не послѣдовало. Далѣе, напр., при № 3-мъ читаемъ замѣтку: „оттуда же и то же", и опять неизвѣстно—„откуда и что"? Ни при первой, ни при второй пѣснѣ не сказано: „откуда"—и такъ по всему сборнику. Во этой путаницѣ не было, разумѣется никакой надобности.

ствомъ нар. просвѣщенія А. В. Головнина, по докладу котораго Высочайше повелѣно было выдать для этой цѣли изъ суммъ министерства въ Геогр. Общество десять тысячъ руб. сер. Общество установило программу, по которой изслѣдованія должны были обнять племенныя и бытовыя различія народностей западнаго края, ихъ численныя отношенія, распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ и степенямъ культуры, наконецъ хозяйственный бытъ и степень матеріальнаго благосостоянія. Область наблюденій была опредѣлена девятью губерніями западнаго края въ трехъ группахъ: бѣлорусской (губ. витебская, могилевская и минская), литовской (губ. виленская, ковенская и гродненская) и украинской (губ. кіевская, волынская и подольская). Изслѣдованіе полагалось возможнымъ и желалось, въ виду интереса вопросовъ, окончить въ теченіе непродолжительнаго времени, напр. одного года. Составъ лицъ для выполненія задачи опредѣляли по ея спеціальнымъ вопросамъ; такъ, этнографическую долю предпріятія совѣтъ Общества полагалъ возложить на Гильфердинга; изслѣдованія о бытѣ религіозномъ — на Кояловича; изслѣдованія статистическія и хозяйственныя—на Бушена. Политическія событія 1863 г. заставили отложить экспедицію на неопредѣленное время. Вопросъ былъ снова поднятъ въ 1867 году. Старая программа была измѣнена и, за отказомъ лицъ, прежде назначавшихся въ экспедицію, выбраны были другіе изслѣдователи, а именно: г. Максимовъ, принявшій на себя этнографическое изученіе бѣлорусскаго племени, и Н. Дубянскій (бывшій секретарь могилевскаго статистическаго комитета), на котораго были возложены статистико экономическія изслѣдованія во всемъ западно-русскомъ краѣ. Г. Максимовъ ставилъ себѣ задачей опредѣлить племенную границу бѣлорусскаго племени и затѣмъ характеризовать этнографическій типъ бѣлорусса въ отличіе отъ типовъ великоросса и малоросса. Г. Максимовъ сдѣлалъ двѣ поѣздки въ сѣверо-западный край въ 1867 и 1868 годахъ; часть его наблюденій была сообщаема въ засѣданіяхъ Общества; полный отчетъ ожидался въ 1873 году, но не появился и донынѣ. Дубянскій съ цѣлью своихъ изученій провелъ въ западномъ краѣ болѣе полутора года, но поѣздки его далеко не обняли всего района, подлежавшаго его изученію, и Общество, получивъ отъ него нѣкоторые собранные имъ сырые матеріалы, по разнымъ обстоятельствамъ должно было отказаться отъ надежды получить отъ него полный отчетъ. Затѣмъ, для изученія литовцевъ и латышей приглашенъ былъ Ю. П. Кузнецовъ, а для изученія юго-западнаго края избранъ былъ Чубинскій. Какъ извѣстно, только эта послѣдняя часть предпріятія Географическаго Общества была совершена съ полнымъ успѣхомъ: въ первые же годы экспедиція Чубинскаго доставила огромный матеріалъ этнографиче-

скихъ и экономическихъ свѣдѣній, наполнившихъ извѣстные многотомные „Труды". Г. Кузнецовъ старательно работалъ по своему предмету, доставлялъ въ Общество отдѣльные отрывки своихъ изслѣдованій и частные отчеты, но цѣлое исполненіе его задачи опять не состоялось.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ западномъ краѣ экспедиція Географическаго Общества имѣла уже своихъ предшественниковъ въ трудолюбивыхъ офицерахъ генеральнаго штаба, дѣло кончилось неудачно: чему приписать эту неудачу, въ то время, когда рядомъ съ такимъ успѣхомъ совершена была экспедиція юго-западная? Объясненіе, независимо отъ характера выбранныхъ лицъ, заключается, повидимому, и въ общемъ положеніи дѣла: въ юго-западномъ краѣ экспедиція встрѣтилась съ готовымъ интересомъ къ мѣстному изученію въ средѣ тѣхъ „хохломановъ", которыхъ такъ усердно предавалъ проклятіямъ „Вѣстникъ юго-западной Россіи" и которые однако, принесли здѣсь великую услугу дѣлу русской науки: Чубинскій, самъ „хохломанъ", встрѣтилъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ полную охоту подѣлиться съ нимъ свѣдѣніями и матеріалами, и могъ собрать ихъ въ огромное цѣлое. Въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось нѣчто иное: исполнителями дѣла являлись люди, мало или совсѣмъ не связанные лично съ мѣстною жизнью; сама эта жизнь, несмотря на все, чтб говорилось и дѣлалось съ 1863 года, была лишена тѣхъ условій развитія, на отсутствіе которыхъ указывалъ, напримѣръ, Безсоновъ. Дѣятели 1860-хъ годовъ въ западномъ краѣ такъ много говорили объ „объединеніи", „обрусеніи" и т. п., такъ усердно настаивали на удаленіи всего мѣстнаго, напоминавшаго „польское" вліяніе, такъ усердно считали польскимъ все, чтб не было похожимъ на московское, что мѣстная жизнь стала прятаться въ скорлупу, и ученымъ изслѣдователямъ (особливо прежде чуждымъ краю) съ трудомъ приходилось бы отыскивать ея проявленія, вмѣсто того, чтобы видѣть ее тотчасъ воочію безъ канцелярскихъ ширмъ [1]).

Мѣстные дѣятели работали разъединенно и вначалѣ продолжали тотъ пріемъ этнографическихъ изысканій, какой мы видѣли у прежнихъ польскихъ этнографовъ, собирая иногда весьма старательно матеріалъ, но оставляя его безъ должнаго историческаго и филологическаго освѣщенія.

Старѣйшимъ въ этомъ новомъ рядѣ собирателей былъ Иванъ

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ экспедиціяхъ разсѣяны въ протоколахъ засѣданій Географическаго Общества (въ „Извѣстіяхъ") и вкратцѣ указаны въ предисловіи къ „Трудамъ" Чубинскаго.

Иван. Носовичъ (род. 1788, ум. 1877, 25-го іюля). Мы имѣемъ о немъ лишь немногія біографическія свѣдѣнія [1]). Родиной его была могилевская губернія. Дѣдъ его, Григорій, изъ священническихъ дѣтей, какъ говорятъ, еще въ дѣтствѣ закабаленъ былъ въ крѣпостные помѣщика Поцѣя, жилъ въ крестьянской средѣ, но, помня свой родъ, выучился церковной грамотѣ и сдѣлался дьячкомъ. Сынъ его, Иванъ Гр., учился уже въ семинаріи; за смертью отца не могъ окончить курса и также взялъ дьячковское мѣсто, но позднѣе сдѣлался священникомъ. Своимъ дѣтямъ онъ могъ уже дать болѣе правильное обученіе. Иванъ Ив. учился въ могилевской семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1812 году. Съ тѣхъ поръ онъ началъ службу учителемъ въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ, наконецъ, ректоромъ. Въ 1832, онъ перешелъ на учебную службу по министерству просвѣщенія и назначенъ былъ смотрителемъ дворянскаго училища въ Молодечнѣ, потомъ учителемъ русской словесности въ такомъ же училищѣ въ Свѣнцянахъ, затѣмъ въ 1841 смотрителемъ, а въ 1844 вышелъ въ отставку съ пенсіей. Онъ переселился затѣмъ въ свой родной городъ Мстиславль, и съ тѣхъ поръ занялся литературными трудами.

Первые опыты его филологическихъ трудовъ появляются въ началѣ 50-хъ годовъ, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, гдѣ въ то время, особливо по иниціативѣ Срезневскаго, стали помѣщаться разнаго рода матеріалы по народной поэзіи, старому и народному языку. Сборники Носовича выросли наконецъ до значительныхъ изданій, которыя сдѣланы были русскимъ отдѣленіемъ Академіи и Географическимъ Обществомъ. Таковъ былъ, во-первыхъ, бѣлорусскій словарь, первый и до сихъ поръ единственный обширный трудъ этого рода [2]). Мы упоминали выше, что бѣлорусскій словарь началъ составлять еще протоіерей Григоровичъ, но за его смертію словарь остановился въ самомъ началѣ, на 10-мъ листѣ. Русское отдѣленіе Академіи, желая довершить эту работу, предложило взяться за это двумъ уроженцамъ западнаго края, Носовичу и Микуцкому: послѣдній сообщилъ лишь незначительные матеріалы, а Носовичъ въ 1863 году представилъ на Демидовскую премію цѣлый обширный словарь, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Русское отдѣленіе взяло на себя печатаніе словаря,

---

[1]) Въ литературѣ этихъ свѣдѣній до сихъ поръ совсѣмъ не было; даже въ изданіяхъ оффиціальныхъ, печатавшихъ труды Носовича, не было его некролога. Приводимыя данныя сообщены намъ В. И. Носовичемъ черезъ посредство П. В. Владимірова: приносимъ имъ обоимъ искреннюю благодарность.

[2]) „Словарь бѣлорусскаго языка, составленный И. И. Носовичемъ“. Спб. 1870. 4°, 756 стр. въ два столбца.

основываясь на отзывѣ Срезневскаго, что при помощи труда Носовича, какъ сборника словъ языка устнаго, „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго и важнаго для исторіи русскаго языка".

Матеріалами при составленіи словаря служили Носовичу какъ живой языкъ и произведенія народной поэзіи, такъ и старые письменные акты и матеріалы, уже извѣстные въ печати [1]). „Въ составъ словаря г-на Носовича, — говорится въ предисловіи, — вошло болѣе 30,000 словъ; между ними встрѣчаются слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, главнымъ же образомъ изъ польскаго. Слова, перешедшія изъ послѣдняго языка, преимущественно употребляются мелкою шляхтою, мѣщанами, ремесленниками, экономами, приказчиками и пр. Количествомъ этихъ словъ и распространеніемъ употребленія ихъ въ народѣ опредѣляется нагляднымъ образомъ степень вліянія польскаго языка на бѣлорусское нарѣчіе". Но позднѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго языка находятъ очень много недостатковъ въ этой работѣ. Такъ уже г. Безсоновъ относился довольно строго къ труду Носовича: по его словамъ, этотъ словарь, несмотря на то, что имѣлъ передъ собою много матеріала въ опытахъ предшественниковъ, пропустилъ „множество замѣчательнѣйшихъ или употребительнѣйшихъ словъ, а подъ ними множество любопытныхъ чертъ народнаго быта и общеизвѣстныхъ предметовъ", и въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ „весьма часто превосходитъ его богатствомъ и Польскій Словникъ Линде и Толковый Словарь Даля, безъ коихъ и при г. Носовичѣ никакъ не обойдется доселѣ никто, если желаетъ ближе ознакомиться съ Бѣлою Русью". Отдавая, впрочемъ, дань уваженію трудолюбію составителя, критикъ находитъ въ словарѣ недостатокъ филологическаго знанія, и то, что словарь Носовича (напр., въ написаніи словъ) не былъ исправленъ при изданіи, критикъ ста-

[1]) Именно: а) памятники устной народной словесности: пѣсни, пословицы, поговорки, сказки и пр.; б) сборники словъ, составленные имъ во время поѣздокъ по могилевской, минской и гродненской губерніямъ и по нѣкоторымъ окраинамъ губерній привислянскаго края, смежнымъ съ вышеупомянутыми губерніями; в) алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ Актахъ Западной Россіи, который онъ составилъ по порученію Отдѣленія; г) „Опытъ областнаго словаря великорусскаго нарѣчія", въ который вошло нѣсколько небольшихъ сборниковъ словъ бѣлорусскаго нарѣчія; д) матеріалы, впрочемъ немногочисленные, бѣлорусскаго нарѣчія и словесности, напечатанные въ „Извѣстіяхъ" Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности", въ „Этнографическомъ Сборникѣ" Геогр. Общества, въ сборникахъ Чечота и Зенкевича.

ить въ вину редакціи, т.-е. русскому отдѣленію Академіи. Кри-икъ обвиняетъ редакцію въ легкости отношенія къ предмету, „весьма стественной при общемъ нерасположеніи къ успѣхамъ народной ловесности", и находитъ, что эта легкость „равна только медлен-ому исполненію предпріятія и богатству всякихъ матеріальныхъ одручныхъ средствъ". Онъ удивляется, какъ могла академическая едакція сказать въ предисловіи, что бѣлорусское нарѣчіе принадле-китъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населяло нѣкогда кривичское племя, огда на дѣлѣ оно принадлежитъ и другимъ мѣстностямъ, гдѣ жили другія племена. Онъ удивляется той „темнотѣ" („которая пред-олагаетъ мракъ незнанія"), съ какою редакція говорила о возмож-ости начать, при словарѣ Носовича, изслѣдованія о составѣ бѣло-усскаго нарѣчія и между прочимъ искать доказательствъ „предпо-оженію", что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи сохранилось много древ-яго и важнаго для исторіи языка [1]): критикъ находилъ, что десятки ысячъ бѣлорусскихъ письменныхъ актовъ уже доказали это „лю-ямъ свѣдущимъ" и что къ тому же ведутъ множество уже напе-атанныхъ пѣсенъ. Указавъ дальше неточность грамматическихъ ерминовъ въ предисловіи и словарѣ, критикъ замѣчаетъ еще, что издатели считаютъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми бывшими попечителями иленскаго учебнаго округа, но въ разладѣ съ профессурою славян-кихъ нарѣчій, будто слова „изъ *польскаго* языка" суть у бѣлорус-овъ „слова, заимствованныя изъ *иностранныхъ* языковъ": это про-иворѣчитъ и единству русской страны, гдѣ живутъ поляки" [2])..

Другимъ предметомъ, которымъ занимался Носовичъ, были по-ловицы. Въ первый разъ онъ доставилъ въ русское отдѣленіе Ака-еміи въ 1862 году сборникъ пословицъ, который напечатанъ былъ ъ „Извѣстіяхъ". Впослѣдствіи, работая надъ словаремъ, онъ со-ралъ новый большой запасъ пословицъ, который представилъ въ 'еографическое Общество, которое наградило этотъ трудъ золотою едалью и напечатало въ своемъ изданіи [3]). Затѣмъ явилось не-ольшое дополненіе--больше ста новыхъ пословицъ и восемьдесятъ агадокъ [4]). Наконецъ собраніе Носовича было издано еще разъ рус-

---

[1]) Это была нерѣдкая, осторожная и уклончивая манера выраженія Срезнев-каго.

[2]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. LVI—LVII. Ср. отзывы г. Карскаго о работахъ Іосовича, въ книжкѣ, о которой сказано далѣе.

[3]) Записки Импер. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи, т. I, Спб. 1867, стр. 51—482: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ".

[4]) „Записки" и пр., т. II, Спб. 1869; „Бѣлорусскія пословицы", стр. 363—371, Бѣлорусскія загадки", стр. 373—379,—и въ отдѣльномъ оттискѣ: „Бѣлорусскія по ловицы и загадки". Спб. 1869, 19 стр.

скимъ отдѣленіемъ Академіи [1]); дополненія къ первому изданію внесены здѣсь въ текстъ; число загадокъ размножено до 130 и въ концѣ прибавленъ небольшой указатель бѣлорусскихъ словъ.

Наконецъ, собираніе Носовича распространялось на пѣсни. Небольшой сборникъ его вышелъ въ 1874 году въ изданіяхъ Географическаго Общества [2]). Это—пѣсни обрядныя и связанныя съ разными обстоятельствами семейнаго быта: колядныя, волочобныя, жнивныя, свадебныя, крестинныя; также пѣсни „веселаго содержанія", и т. д. Пѣснямъ предшествуетъ описаніе обычаевъ. Изложеніе отличается пріемами людей стараго вѣка и нѣкоторой непривычкой къ литературному языку [3]). Носовичъ настаиваетъ на именованіи бѣлоруссовъ кривичами, имя которыхъ, по его словамъ, принадлежитъ „всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство бѣлорусской страны, кромѣ литовцевъ"; имя это, по его толкованію, производится отъ слова „кровь" (род. пад. „криви") и обозначаетъ родственныя кровныя племена. Доказательство древности бѣлорусскихъ пѣсенъ онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ встрѣчаются слова, уже вышедшія изъ живого народнаго употребленія; далѣе, что въ нихъ изображаются „древнія воинскія обстоятельства" и, наконецъ, что въ пѣсняхъ, которыя нынѣ поются „простолюдинами", „выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго", напр., упоминаются бояре, дѣвочки боярочки, сыплется золото и т. п. Носовичъ спрашиваетъ: „не были ли въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ и земли ихъ засчитали своими собственными?" Онъ замѣчаетъ далѣе, что „чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ, кажется, болѣе проглядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія". Наконецъ, онъ говорилъ еще: „поэтическія

---

[1]) Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ, и пр. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад Наукъ. Спб. 1874. VI и 232 стр. Предисловіе незначительное; отмѣтимъ лишь указаніе на историческую извѣстность пословицъ (по Актамъ Зап. Россіи, т. III, ст. 171 — 174) и употребленіе ихъ даже среди польскихъ помѣщиковъ.

[2]) Записки Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. V. Спб. 1873, стр. 45—280: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. И. Носовичемъ",—и въ отдѣльномъ оттискѣ, Спб. 1874.

[3]) Напр.: „Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюдинамъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ славянскаго, а въ особенности, кривичскаго племени", и т. п.

красоты, которыми... отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить, что бѣлорусское кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного бѣлорусскаго простонародія, но и высшаго класса народа, который не лишенъ былъ совершеннаго (?) образованія: но воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣснило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію польскимъ элементомъ", и онъ припоминаетъ слова Чечота, что въ его дѣтствѣ старые паны любили говорить между собой по-бѣлорусски. Замѣчанія о старинныхъ пѣсняхъ не лишены интереса и справедливы, но доказывать пѣснями старое употребленіе бѣлорусскаго языка въ высшихъ классахъ было излишне, потому что это—фактъ, не требующій доказательствъ.

Наконецъ, Носовичъ останавливается на тѣхъ миѳологическихъ толкованіяхъ, какія дѣлались по поводу бѣлорусскихъ пѣсенъ и преданій; онъ не признаетъ, чтобы „купала" или „коляда" народной пѣсни и обычая были „остатками боготворенія небывалыхъ кумировъ" [1]), и совершенно отрицаетъ существованіе въ народныхъ понятіяхъ тѣхъ „божествъ", которыхъ множество насчиталъ нѣкогда Шпилевскій въ статьяхъ, упомянутыхъ нами раньше.

Кромѣ изложенія обрядовъ и обычаевъ, къ которымъ относятся пѣсни, редакція пѣсенъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ; какъ, гдѣ и кѣмъ собраны пѣсни, остается неизвѣстно. Предполагается обыкновенно, что пѣсни, не имѣющія подобныхъ обозначеній, записаны самимъ составителемъ сборника; между тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь, кажется, несомнѣнныя заимствованія изъ прежнихъ собраній и, однако, не оговоренныя [2]); кое-гдѣ указываются сличенія съ сборникомъ Гильтебрандта. Въ „дополненіяхъ" (Носовича, стр. 218—236) чуть ли не всѣ пѣсни взяты, безъ всякаго указанія, у того же Киркора (или прямо у Чечота и др.), только съ измѣненіемъ правописанія и нѣкоторыми варіантами, которые, повидимому, представляютъ собственныя исправленія Носовича, не всегда, однако, удачныя [3]).

[1]) Онъ имѣетъ въ виду особенно польскихъ миѳологовъ, какъ Сестренцевичъ-Богушъ и др.

[2]) Напр., въ пѣсняхъ „заручинныхъ" повторяются пѣсни, собранныя (изъ прежнихъ сборниковъ) Киркоромъ; Носовича, стр. 140 и слѣд.=Кирк. (Этнограф. Сборн., выпускъ III), стр. 239 и дал.

[3]) Напр. „Ой подъ гаемъ зелененькимъ", Нос. стр. 218=Кирк. стр. 201—202.
— „А поѣхавъ сынъ Данила", Нос. 219=Кирк. 214.
— „У лузѣ соловей", Нос. 220=Кирк. 213.
— „Червонная калиночка", Нос. 221=Кирк. 213.
— „Каюся молода", Нос. 221=Кирк. 219.
— „Никому такъ не томпенько" (?), Нос. 222=Кирк. 219.
— „А при крайчику, при Дунайчику", Нос. 223=Кирк. 212, и проч.

О сборникѣ Носовича ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ", Кіевъ, 1886, предисловіе.

явился въ изданіи Географическаго Общества [1]). Сборникъ составленъ весьма обстоятельно. Въ „послѣсловіи" составитель объясняетъ подробно исторію и пріемы своего труда (стр. 821—832). Поселившись въ западномъ краѣ и ко второму году своего пребыванія освоившись болѣе или менѣе съ языкомъ, г. Шейнъ принялся за собираніе пѣсенъ, отчасти записывая ихъ самъ, отчасти возбуждая интересъ къ этому дѣлу въ кругу своихъ знакомыхъ, составилъ и разослалъ программу собиранія и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ сборникъ достигъ такихъ размѣровъ, что напечатанный въ 1873—74 г. томъ не исчерпалъ всего собраннаго. Нѣсколько изъ пѣсенъ разныхъ категорій записалъ онъ самъ, и это служило ему основой для провѣрки тѣхъ пѣсенъ, какія онъ получалъ отъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Пѣсни онъ расположилъ въ „біографическо-календарномъ" порядкѣ, совмѣщая, съ одной стороны, теченіе личной жизни селянина и, съ другой, послѣдовательность народныхъ праздниковъ; такъ, идутъ въ сборникѣ пѣсни крестинныя, колядныя и „рацѣи", масляничныя, волочобныя, купальскія, жнивныя, разгульныя, свадебныя и т. д. При каждой пѣснѣ постоянно отмѣчена ея мѣстность и кѣмъ она записана и доставлена; разные разряды пѣсенъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, праздниковъ, домашнихъ обычаевъ; лишь немногія пѣсни взяты изъ печатныхъ сборниковъ. Наконецъ, сборникъ снабженъ словаремъ малоизвѣстныхъ словъ, объяснительными примѣчаніями и грамматическими свѣдѣніями о бѣлорусскомъ языкѣ.

Критика отнеслась къ сборнику г. Шейна весьма благосклонно [2]) и дѣйствительно, это былъ наиболѣе обширный сборникъ бѣлорусской народной поэзіи, исполненный безъ вычуръ и, въ личныхъ условіяхъ собирателя, весьма обстоятельно. Болѣе требовательнаго этнографа могло бы остановить обстоятельство, что большинство пѣсенъ получалось готовыми, и собиратель могъ повѣрять своихъ корреспондентовъ лишь приблизительно, сравнивая ихъ присылки съ тѣмъ, что̀ было записано имъ самимъ, а корреспонденты отличались, безъ сомнѣнія, и различной степенью умѣнья схватывать какъ самый текстъ, такъ, въ особенности, оттѣнки языка. Но рѣдко сборникъ народной поэзіи можетъ вообще похвалиться абсолютной точностью и единообразіемъ записи [3]).

---

[1]) Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. V, Спб. 1873, стр. 281—850: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ", и въ отдѣльномъ изданіи, Спб. 1874.

[2]) Ср. рецензію Ор. Миллера въ присужденіи Уваровскихъ премій.

[3]) Г. Романовъ, указывая достоинство этого сборника въ томъ, что въ записываніи пѣсенъ участвовалъ и самъ составитель, находитъ, однако, въ немъ слѣдующіе недостатки: „Намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить

Какъ мы упоминали, первая книга, по словамъ составителя, не истощила всего собранія его пѣсенъ. Послѣдующія поѣздки г. Шейна въ западный край,--причемъ онъ заручился рекомендаціями русскаго отдѣленія Академіи, содѣйствіемъ управленія учебнаго округа и одобреніемъ архіерея,—еще размножили его собраніе, которое должно было появиться въ изданіяхъ Академіи. Вышедшія въ свѣтъ части этого второго собранія обѣщаютъ обширную массу бѣлорусскаго пѣсеннаго и бытового матеріала [1]). Порядокъ изданія принятъ здѣсь тотъ же, какъ и въ прежнемъ сборникѣ. Въ началѣ перваго отдѣла (I т.) поставлено описаніе обрядовъ при родинахъ и крестинахъ, пѣсни крестинныя, колыбельныя и дѣтскія; далѣе колядныя пѣсни и игрища; обычаи и пѣсни масляничные; пѣсни весеннія, на св. Юрія, и т. д. Во второмъ отдѣлѣ — пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя, въ числѣ бытовыхъ—рекрутскія и солдатскія, и т. д. Особо представленъ указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни; эти мѣстности были разные уѣзды губерній виленской, витебской, гродненской, ковенской, курляндской, минской, могилевской и смоленской, бóльшею частью съ опредѣленнымъ указаніемъ селъ и деревень.

Во второй части перваго тома помѣщены, въ первомъ отдѣлѣ, обряды свадебные; во второмъ обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками, — то и другое изъ разнообразныхъ мѣстностей бѣлорусской народности, и обряды свадебные, съ принадлежащими къ нимъ пѣснями, въ особенномъ изобиліи. Пріемы собиранія были опять тѣже: пѣсни, иногда въ весьма

многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варіанты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше, а также 23 №№ духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ. Озаглавивъ сборникъ „Бѣлорусскими пѣснями", не было надобности помѣщать анекдоты, вообще не имѣющіе большой цѣны.—Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора". „Бѣлорусскій Сборникъ", стр. V—VI.

Замѣчанія частію справедливы; но относительно помѣщенія духовныхъ пѣсенъ надо сказать, что оно должно опредѣляться степенью ихъ распространенія: если онѣ довольно распространены, то—худы ли, хороши ли—онѣ входятъ въ народно-поэтическій обиходъ.

[1]) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, части I и II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ". Спб. 1887 — 1890. Первая часть до 600 стр., вторая сверхъ 700, съ рисунками свадебнаго короваля и съ нотами.

значительныхъ сборникахъ, получаются готовыми отъ многочисленныхъ корреспондентовъ—учителей и учениковъ народныхъ училищъ, священниковъ, волостныхъ писарей и старшинъ, нѣкоторыхъ дамъ, живущихъ по деревнямъ и т. д., корреспондентамъ принадлежатъ не только собранные тексты, но и самыя описанія обрядовъ, иногда весьма подробныя; редакторъ сборника сообщилъ только немногія замѣчанія. Г. Шейнъ воспользовался также многимъ изъ матеріаловъ печатныхъ: изъ книгъ Бобровскаго, гр. Тышкевича (въ переводѣ и съ русскою переписью текстовъ), изъ мѣстныхъ „памятныхъ книжекъ", изъ „Этнограф. Сборника" Геогр. Общества, а также изъ архивныхъ матеріаловъ этого Общества.—Желательно, чтобы этотъ обильный сборникъ былъ доведенъ до конца; хотя составленіе его, въ указанной его формѣ, по настоящему потребовалъ бы еще значительной провѣрки на мѣстахъ, но и въ данномъ видѣ онъ представляетъ матеріалъ, чрезвычайно важный для изученія бѣлорусской народности [1]).

Однимъ изъ болѣе дѣятельныхъ и знающихъ корреспондентовъ г. Шейна былъ мѣстный этнографъ, г. Никифоровскій: обширное количество записанныхъ имъ текстовъ и описаній обрядовъ нашло мѣсто въ обѣихъ частяхъ „Матеріаловъ" г. Шейна. Уроженецъ села Вымни, прежде суражскаго, нынѣ витебскаго уѣзда (род. 1845), г. Никифоровскій [2]) выросъ въ домѣ крайне бѣдныхъ родителей духовнаго званія, между прочимъ занимавшихся и земледѣльческимъ трудомъ; тѣмъ не менѣе родители позаботились дать ему первоначальное обученіе отъ случайно попадавшихся учителей (ариѳметикѣ онъ учился по *рукописному* учебнику). Въ 1855 отецъ отвезъ его въ Витебскъ, гдѣ онъ поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и въ тоже время учился въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ семинаріи въ 1867. Отсутствіе средствъ не дало ему возможности идти далѣе, и онъ вступилъ на преподавательское поприще: былъ законоучителемъ и учителемъ въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ приходскомъ училищѣ въ Витебскѣ, въ приготовительномъ классѣ семинаріи, въ Свислочѣ, гродненской губерніи, и наконецъ, съ 1882, въ приготовительномъ классѣ гимназіи въ Витебскѣ. „Моя жизнь въ родительскомъ домѣ,—пишетъ г. Никифоровскій,—протекла среди не деревенскаго только, а захолустнаго мрака крѣпостничества. Въ моей памяти живыми образами возстаютъ лица, которыя клятвенно увѣряли тогда, что такой-то держалъ за хвостъ чорта или вѣдьму, другой цѣлые часы провелъ съ давнимъ покойникомъ въ дружеской бесѣдѣ, третій нашелъ и лакомился кускомъ упавшаго облака и пр. и пр. Понятно, что все это, исходя изъ бородатыхъ и морщинистыхъ устъ, или отъ плѣшивой головы, крѣпко засѣдало въ моей отзывчивой душѣ и наслоялось въ ней чуть не до болѣзненнаго гнета. Мои случайные учителя (въ дѣтствѣ), за ничтожными исключеніями, помимо недалекости въ учебномъ дѣлѣ, были люди недалекіе и въ міровоззрѣніи: они не разсѣевали мой суевѣрный кругозоръ, а скорѣе расширяли его личными ро-

---

[1]) Относительно редакціи сборника и многихъ недостатковъ записи, см. замѣчанія М. Мурка въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Архива" Ягича.

[2]) По его личнымъ сообщеніямъ, полученнымъ нами при посредствѣ г. Романова.

сказнями“. Такимъ образомъ народное преданіе принималось съ полною непосредственною вѣрой, которая поколебалась только во время ученія въ семинаріи: здѣсь возможная перспектива священнической дѣятельности внушила г. Никифоровскому мысль записывать народныя суевѣрія (по памяти своей и товарищей), какъ обличительный матеріалъ. Позднѣе, уже на учительской службѣ, познакомившись съ нѣкоторыми этнографическими сборниками, онъ придалъ своему собиранію болѣе опредѣленный видъ. Въ концѣ 1871 его познакомили съ г. Шейномъ; трудныя обстоятельства личной жизни отнимали у него вѣру въ свои силы, и свои многолѣтнія коллекціи онъ съ тѣхъ и до 1890 г. предоставлялъ г. Шейну: длинный рядъ этихъ сообщеній идетъ въ сборникахъ г. Шейна 1874 и 1887—90 годовъ. Наконецъ, г. Никифоровскій предпринялъ самостоятельную работу и значительный этнографическій его сборникъ долженъ появиться въ изданіяхъ Этногр. Отдѣла московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Изъ мѣстныхъ трудовъ за послѣдніе годы надо отмѣтить также многотомное описаніе могилевской губерніи, гдѣ не мало мѣста дано и изслѣдованіямъ этнографическимъ [1]).

Описаніе, въ трехъ большихъ томахъ,—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ, какія имѣются въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Подъ руководствомъ г. Дембовецкаго, въ этомъ трудѣ принялъ участіе цѣлый кругъ мѣстныхъ дѣятелей: члены статистическаго комитета, чиновники особыхъ порученій, учителя мѣстныхъ гимназій, землевладѣльцы и пр. Предисловіе, подписанное редакторомъ изданія (онъ же — мѣстный губернаторъ съ 1872 г.), имѣло задачей представить нынѣшнее благополучное состояніе могилевской губерніи, которая въ прежнія времена имѣла репутацію бѣдности и заброшенности. „Кому не встрѣчалось слышать разсказы о томъ,—начинаетъ предисловіе,— что Могилевская губернія не есть земля искони русская, а „забранная“? (?) ...Кому не приходилось *постоянно* читать о ней во всевозможныхъ газетахъ, какъ о самой недоимочной, голодной и совершенно несостоятельной въ хозяйственномъ отношеніи?.. На самомъ же дѣлѣ такіе отзывы представляются плодомъ незрѣлаго знакомства съ исторіею края и современнымъ его состояніемъ“. Но принадлежность населенія могилевской губерніи къ русскому племени была указана довольно давно, такъ что теперь можно было бы не повторять обвиненій въ незнаніи этого обстоятельства; что же касается до бѣдности населенія, то этотъ фактъ, который принимался будто бы только по незрѣлому знакомству съ исторіей, напротивъ, слиш-

[1]) „Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ двумя картами губерніи и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и типовъ, въ трехъ книгахъ. Составленъ по программѣ и подъ редакціею предсѣдателя могилевскаго губернскаго статистическаго комитета, А. С. Дембовецкаго“. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1882.

комъ настойчиво указывался исторіей, приводимой и въ самомъ предисловіи. Въ эпоху присоединенія, могилевскій край возсоединился съ Россіей „*обѣднѣвшимъ* и съ рѣдкимъ безпомощнымъ населеніемъ“ (стр. 1). Императрица Екатерина приложила всѣ старанія, чтобы поднять благосостояніе края; „но существовавшее тогда крѣпостное право дѣлало благодѣтельныя усилія императрицы *безплодными*, и сельское хозяйство, основанное на крѣпостномъ правѣ, все болѣе и болѣе *слабѣло*“... Съ обѣднѣніемъ поселянъ соединялся упадокъ самихъ помѣщичьихъ хозяйствъ; помѣщики не заботились о разумномъ веденіи дѣла и проживались; являлись „неудовлетворительные урожаи“ и т. д. (стр. 2). Уничтоженіе крѣпостного права въ 1861 г. „положило предѣлъ такому порядку вещей“; но—„крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости совершенно *бѣдными* и, вслѣдствіе полнаго невѣжества и непривычки работать по своей охотѣ, не могли сразу понять своего новаго положенія и своихъ пользъ и—растерялись“. Въ 1867—68 годахъ были „неудовлетворительные урожаи“, которые произвели „неисчислимыя бѣдствія“ и, по словамъ автора, могилевская губернія „пришла въ *худшее* положеніе, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ“. Въ 1872 г., при назначеніи новаго губернатора, покойный императоръ сказалъ ему о „разстроенномъ положеніи“ губерніи, которому надобно помочь (стр. 4). Такимъ образомъ, упомянутое выше представленіе о бѣдности могилевскаго края имѣло слишкомъ, къ сожалѣнію, достаточныя и давнишнія основанія; именно „исторія“ слишкомъ долго говорила о ней какъ о бѣдной и голодной. Ѳто положеніе вещей, по разсказу автора, совершенно, однако, измѣнилось за послѣдніе годы: неусыпными трудами администраціи громадныя недоимки были покрыты, образовались сбереженія, хлѣбные магазины наполнились, основались школы, устроена медицинская помощь, и т. д. Если, при всемъ томъ, продолжались прежнія представленія о могилевской губерніи, то можно ли винить общество за незрѣлое знакомство съ современнымъ состояніемъ края, когда, по собственному замѣчанію автора, свѣдѣнія о могилевской губерніи въ нашей литературѣ были весьма скудны [1], — а могли исходить только изъ мѣстныхъ источниковъ.

---

[1]) „Несмотря на видное въ кругу другихъ губерній Россіи расположеніе, близость къ столицамъ и вообще срединное положеніе между русскими учеными и торговыми средоточіями: Петербургомъ, Москвою, Кіевомъ, Варшавою, Вильною и Ригою, могилевская губернія, въ смыслѣ изученія, не только не пользовалась вниманіемъ собирателей древностей и ученыхъ въ области исторіи, этнографіи, политической экономіи, но и близкихъ къ ней людей, ея собственныхъ населенцевъ. Поэтому, въ отношеніи ея, существовалъ полный пробѣлъ въ нашемъ отечествовѣдѣніи“.—Но какъ же въ такомъ случаѣ о ней *постоянно* говорили газеты (см. выше)?

Какъ мы сказали, описаніе губерніи составлено весьма обстоятельно трудами мѣстныхъ преподавателей, чиновниковъ и любителей. Обращено при этомъ вниманіе и на мѣстно-народныя особенности, напр. въ описаніи флоры приведенъ подробный списокъ растеній врачебныхъ, употребляемыхъ въ народѣ,—съ ихъ обозначеніемъ ботаническимъ, народнымъ названіемъ и съ подробнымъ описаніемъ ихъ употребленія въ народной медицинѣ. Отдѣлъ этнографическій весьма обширенъ (т. I, стр. 471—782). Послѣ общаго указанія на этнографическій составъ населенія и на литературу предмета (гдѣ, впрочемъ, лишь очень немногое относится спеціально къ могилевской губерніи), описаніе останавливается подробнѣе на различныхъ племенахъ и слояхъ населенія и всего больше на крестьянствѣ. „При этнографическомъ изслѣдованіи,—говорится здѣсь,—можно дѣйствовать двоякимъ методомъ: или свои личные впечатлѣнія, соображенія и выводы изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая такимъ образомъ возможность всякому видѣть народъ, независимо отъ впечатлѣній наблюдателя". Принятъ былъ второй способъ. „Мы особенно останавливаемся на крестьянахъ, такъ какъ въ ихъ быту и говорѣ сохранился весь складъ бѣлорусской жизни и рѣчи. Народное творчество въ особенности выразилось и сохранилось въ пѣсняхъ; нѣкоторыя пѣсни, болѣе употребляемыя, приводятся при описаніи народнаго быта; другія помѣщаются въ особомъ отдѣлѣ. Здѣсь собраны пѣсни, еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, и указываются мѣстности, гдѣ онѣ поются и гдѣ записаны, нарочно для настоящаго описанія губерніи. Въ словахъ, приводимыхъ изъ бѣлорусскаго нарѣчія, а равно и въ пѣсняхъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора" [1]). Описаніе крестьянскаго быта (крестьянъ-бѣлоруссовъ считается здѣсь 844.000) авторъ статьи, г. Рубановскій, составилъ весьма обстоятельно (стр. 471—600). Начавъ съ описанія крестьянскаго двора и избы, имущества и одежды, онъ даетъ свѣдѣнія о крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и промыслахъ и переходитъ къ описанію обрядовъ (съ образчиками пѣсенъ, напр., свадебныхъ), праздниковъ, игръ, повѣрій и суевѣрій, излагаетъ народный календарь, начиная съ перваго января,—наконецъ, приводитъ обширный пѣсенный сборникъ (до 500 нумеровъ). Пѣсни составили четыре группы: колядныя и вообще зимнія; весеннія; лѣтнія; пѣсни, какія поются во всякое время года—какъ свадебныя, пѣсни на вечеринкахъ и религіозныя, или такъ-называемые стихи. При пѣсняхъ, какъ и раньше въ описаніи обрядовъ и обычаевъ, обыкновенно указывается

---

1) Стр. 173.

мѣстность, уѣздъ и село, гдѣ наблюдалась та или другая бытовая подробность. Далѣе идетъ характеристика бывшей шляхты (стр. 600—607); подробная статья о сословіи мѣщанъ—съ ихъ бытовыми особенностями, промыслами, обычаями и увеселеніями (между прочимъ, съ описаніемъ „вертепа", народной религіозной мистеріи), представляющими много общаго съ бытомъ простонароднымъ, но и съ чертами городскихъ нравовъ (стр. 607—653). Затѣмъ идутъ статьи о великоруссахъ старообрядцахъ, цыганахъ и евреяхъ.

Относительно дворянства сдѣлано такое замѣчаніе: „Большая часть дворянства могилевской губ. также принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, но католическое вѣроисповѣданіе и польскій языкъ, по политическимъ причинамъ усвоенный дворянствомъ во время зависимости отъ Польши, были причиною, что дворянъ несправедливо называли поляками. Польскаго населенія, въ смыслѣ племенного различія съ русскимъ, въ губерніи почти нѣтъ. Мы не будемъ говорить о дворянствѣ, такъ какъ образованіе и цивилизація изгладили въ немъ этнографическія черты". Это замѣчаніе представляетъ какое-то странное противорѣчіе: польскаго населенія въ губерніи нѣтъ; но большая часть мѣстнаго дворянства во время польскаго господства приняла католичество и польскій языкъ,—что же такое представляетъ „бóльшая часть" мѣстнаго дворянства? Авторъ никакъ не хочетъ считать его за поляковъ, но не можетъ считать и за русскихъ; потому онъ его совсѣмъ не описываетъ; но „этнографическія черты" у него конечно есть, хотя несходныя съ чертами народной массы,—указаніе ихъ было бы необходимо. Безпристрастно изложеніе вещей дало бы, напр., понятіе о томъ, какого результата достигли мѣры обрусенія, которымъ считается теперь уже четверть столѣтія? Не продолжается ли здѣсь то противорѣчіе, какое представлялось въ Вильнѣ, гдѣ польскій языкъ объявлялся „чуждымъ странѣ", когда господствуетъ тамъ по сію минуту?

Судить о вѣрности записыванія пѣсенъ, кромѣ какихъ-либо явныхъ несообразностей [1]), очень трудно, не находясь на мѣстѣ и не имѣя возможности непосредственной провѣрки. Новѣйшій мѣстный собиратель, г. Романовъ, отнесся къ собранію г. Дембовецкаго съ нѣкоторымъ недовѣріемъ [2]); но требованія, которыя онъ при этомъ ста-

---

[1]) Какія встрѣчаются, напр., въ упомянутыхъ раньше сборникахъ Гильтебрандта и Дмитріева.

[2]) „Въ распоряженіи составителя была масса матеріаловъ, такъ какъ произведенія собирались по всѣмъ уголкамъ губерніи оффиціальнымъ путемъ, чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, волостныхъ писарей. Къ сожалѣнію, среди сотрудниковъ А. С. Дембовецкаго не нашлось человѣка, который бы отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ. Заявивъ, что „здѣсь собраны пѣсни,

витъ, какъ, напр., требованіе указаній о степени распространенности той или другой пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ („уѣздахъ“), не выполняются въ сущности и въ изданіяхъ, предпринимаемыхъ съ болѣе широкими научными средствами.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ бѣлорусской этнографіи, и на этотъ разъ уже личнымъ самостоятельнымъ собирателемъ, явился г. Романовъ, издавшій въ короткое время большую массу этнографическаго матеріала [1]). Во-первыхъ, это—пѣсни. Собраніе очень богато (до 1.200 пѣсенъ), тѣмъ больше, что собиратель имѣлъ въ виду вообще давать только пѣсни ненапечатанныя или такія, гдѣ являются новые значительные варіанты. Въ предисловіи онъ дѣлаетъ обзоръ, впрочемъ неполный, прежнихъ трудовъ, посвященныхъ собиранію бѣлорусской народной поэзіи, настаивая особенно на необходимости вѣрной передачи языка. Къ сожалѣнію, его собственное собраніе [2]) страдаетъ однимъ недостаткомъ: составитель, повидимому, торопился печатаніемъ сборника, прежде чѣмъ опредѣлился составъ его содержанія; поэтому распредѣленіе пѣсенъ вышло отрывочное и непослѣдовательное. Порядокъ пѣсенъ, напримѣръ, таковъ: пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія, любовныя, потомъ дѣтскія, юмористическія, веснянки, купальскія и жнивныя, потомъ пословицы и загадки, потомъ пѣсни свадебныя. Послѣ уже издатель замѣтилъ, что можно было бы распредѣлить пѣсни по времени ихъ пѣнія. „Такое цикловое распредѣленіе ихъ установлено самимъ народомъ и ретиво имъ оберегается въ теченіе многихъ вѣковъ (ср., напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ народѣ считается грѣхомъ нарушеніе цикла: пѣсню весеннюю ни за что не пропоютъ зимою или лѣтомъ, филипповскую—въ коляды, лѣтнюю—весною и т. п.). Можно, не боясь ошибиться, сказать, что для каждой пѣсни суще-

еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ“ (а для напечатанныхъ не нашлось ни одного полнѣйшаго варіанта!?), г. редакторъ пѣсенъ пишетъ всѣ ихъ *однимъ говоромъ!* Не указана также степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, а ужъ это, кажется, совсѣмъ не трудно было сдѣлать при обиліи матеріаловъ“. „Бѣлор. Сборникъ“, стр. VII.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть: „Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда, записанныхъ для голоса съ аккомпан. форт. Зинаидой Радченко“. Вып. 1, Спб. 1881 г.,—сборникъ не важный, дурно записанный, но любопытный, какъ первый опытъ записыванія бѣлорусской пѣсенной музыки.

[1]) „Бѣлорусскій Сборникъ“. Томъ I, Губернія Могилевская. Выпускъ первый и второй. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ, 1886. Выпускъ 3-й, 1887: сказки (животный эпосъ, сказки миѳическія, бытовыя и пр.). Выпускъ 4-й, Витебскъ, 1891: сказки (космогоническія и культурныя). Выпускъ 5-й, Витебскъ, 1891: заговоры, апокрифы, духовные стихи.

[2]) Какъ было указано въ разборѣ этой книги г. Истоминымъ (Журн. мин. просв. 1886, май).

ствуетъ не только извѣстный періодъ, въ родѣ таянія снѣга, уборки конопли, но извѣстный день, напр.—перваго выѣзда на пашню, день прилета жаворонка, и т. п. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть связи нашей пѣсни съ обрядомъ до-христіанскаго культа, не потерявшимъ своего значенія въ глазахъ бѣлоруса, жителя деревни, и до сего дня". Въ прежнихъ сборникахъ это распредѣленіе пѣсенъ въ ихъ календарной послѣдовательности было уже принято, напр. въ старомъ сборникѣ Шейна (1873—1874); календарный порядокъ описанія народнаго быта (отчасти съ сопровождающими его пѣснями) примѣненъ въ книгѣ Крачковскаго и раньше, въ подобныхъ описаніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ, и пр. Пѣсни, къ сожалѣнію, не сопровождены описаніемъ самыхъ обычаевъ и обрядовъ, какъ это входитъ въ обыкновеніе въ новыхъ трудахъ подобнаго рода.

Далѣе. „Во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій, — говоритъ г. Романовъ, — мы должны заявить, что по причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, при печатаніи были направлены большія усилія къ соблюденію строжайшей экономіи. Этимъ просимъ объяснить форматъ книги, качество бумаги, шрифтъ, размѣръ страницъ, соединеніе нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну и т. п.". Нельзя не пожалѣть, что это такъ случилось: для экономіи проще было бы взять форматъ больше и печатать пѣсни въ два столбца. Г. Истоминъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе этого соединенія „нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну", совершенно стертъ размѣръ и стихъ, что̀ вовсе не служитъ къ выгодѣ изданія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, повидимому, въ одну строку сливаются то два, то три стиха. При всемъ томъ, сборникъ г. Романова даетъ весьма обильный и нерѣдко новый матеріалъ по бѣлорусской поэзіи.

Разбирая сборникъ г. Шейна, г. Романовъ осуждаетъ его за то, что тамъ помѣщено нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, „не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устными народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ" (стр. VI); въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ: „что касается произведеній псевдонародныхъ, искусственныхъ, то онѣ рѣшительно отсутствуютъ въ нашемъ сборникѣ, при всемъ *обиліи* ихъ" (стр. X). Дѣло здѣсь въ томъ, насколько подобныя произведенія бываютъ *распространены* въ народной массѣ—другими словами, насколько онѣ, такъ сказать, втираются на мѣсто чисто народной поэзіи, которую, въ концѣ концовъ, онѣ обыкновенно вытѣсняютъ или видоизмѣняютъ. Произведенія искусственныя нерѣдко проникаютъ въ народъ; ихъ нельзя смѣшать съ чисто народной пѣсней, но не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія; ихъ важно отмѣчать для того, чтобы получить полное понятіе о составѣ народно-поэтическаго обихода, для исторіи самой пѣсни. Бѣлорусская пѣсня

хранитъ очень много остатковъ старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимала и воспринимаетъ не мало новыхъ и чуждыхъ элементовъ, или польскихъ, или великорусскихъ, или малорусскихъ; въ томъ числѣ были, безъ сомнѣнія, и вліянія книжныя или грамотныя. Для этой полноты представленія о составѣ народной пѣсни, собиратель долженъ обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и въ настоящемъ случаѣ жаль, что онъ не опредѣляетъ ближе тѣхъ псевдонародныхъ произведеній, *обиліе* которыхъ у него указывается.

Выпуски 3-й и 4-й заняты большимъ сборникомъ сказокъ, богатѣйшимъ для Бѣлоруссіи. Распредѣленіе сказокъ—дѣло вообще трудное, и въ настоящемъ случаѣ напр. животный эпосъ выдѣляется довольно естественно въ отдѣльную группу, но можетъ представиться вопросъ, чѣмъ по существу отличаются сказки „миѳическія" отъ „космогоническихъ", такъ какъ космогонія есть часть миѳологіи; на дѣлѣ, собиратель назвалъ космогоническими сказками то, что у другихъ называется легендой. Далѣе, напр. сказки, обозначенныя „космогоническими" и „культурными", въ самомъ сборникѣ не отдѣлены однѣ отъ другихъ; „культурныя" можетъ быть проще было бы назвать бытовыми. Смѣшеніе баснословнаго матеріала сказывается и въ томъ, что напр. „въ дополненіе" къ первому космогоническому сказанію о твореніи міра двумя силами (IV, стр. 1—5) собиратель приводитъ народныя вѣрованія, въ которыхъ смѣшиваются суевѣрія христіанскія и остатки первобытныхъ языческихъ. Въ концѣ сборника сказокъ отмѣчены важнѣйшіе варіанты сюжетовъ цитатами изъ сборниковъ Аѳанасьева, Худякова, Чубинскаго, Драгоманова, Крачковскаго и др. [1]).

Выпускъ 5-й — самый обширный изъ всѣхъ (448 стр.; пѣсни — въ два столбца, убористой печати). Во-первыхъ, собрано здѣсь большое количество заговоровъ на всякіе случаи въ быту, и отъ болѣзней людей и животныхъ, и въ дополненіе къ чисто народнымъ—заклинанія изъ уніатскаго Требника, изданнаго въ началѣ XVII-го вѣка Кутеинскимъ монастыремъ, въ нынѣшней могилевской губерніи. Такъназываемые апокрифы (загадки царя Давида, Сонъ Богородицы, Листъ Іисуса Христа, о двѣнадцати мукахъ и пр.) взяты частію изъ старыхъ рукописей XVII—XVIII-го вѣка, частію изъ новѣйшихъ, находившихся въ недавнемъ обращеніи, а частію изъ устъ пѣвцовъ. Далѣе, какъ отрывки народнаго „вертепа" или народной драмы приведены здѣсь пьесы „Царь Максиміянъ" — записанный со словъ актеровъ, разыгрывающихъ его и понынѣ въ рождественскіе празд-

---

[1]) Напрасно только названія этихъ сборниковъ приведены черезъ мѣру сокращенно: такія цитаты какъ: „Иван. Вол. губ.", „Вер. Вот. сар. у.", и т. п. только безполезно затрудняютъ обыкновеннаго читателя.

ники. — и „Звѣзда“, собственно вертепное представленіе. Наконецъ, обильное собраніе духовныхъ стиховъ, нѣсколькихъ категорій: во-первыхъ, бѣлорусскіе варіанты извѣстныхъ духовныхъ стиховъ (Голубиная книга, Егорій, Ѳедоръ Тиронъ, Іоасафъ царевичъ, Іосифъ прекрасный и др.); затѣмъ стихи старообрядческіе и вирши уніатскія. Въ заключеніе приведенъ списокъ лучшихъ старцевъ и лицъ, записавшихъ отъ нихъ духовные стихи, и указанъ „кругъ пѣнія старцами духовныхъ стиховъ“ по календарнымъ срокамъ праздниковъ.

Таковъ обширный матеріалъ, собранный въ „Сборникѣ“ г. Романова. Въ предисловіи къ 5-му выпуску собиратель исчисляетъ тѣ памятники народной поэзіи и преданія, которые были имъ изданы, и прибавляетъ: „Количество имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ въ настоящее время все еще значительно. Главнѣйшую часть ихъ составляютъ сказки, которыхъ достало бы по крайней мѣрѣ для 60 печатныхъ листовъ... Затѣмъ идутъ обряды, повѣрья, игры, пѣсни, причитанія, загадки, пословицы и т. п., матеріалы для словаря и грамматики, списки населенныхъ мѣстъ и урочищъ и т. д. Сдѣланы попытки и къ собиранію матеріаловъ для словаря цыганскаго языка“.

Этотъ неутомимый трудъ внушаетъ тѣмъ болѣе уваженія, что совершался въ очень неблагопріятныхъ личныхъ условіяхъ [1]). Евдокимъ Ром. Романовъ (род. 1855, въ г. Бѣлицѣ, могилевской губерніи) выросъ въ семьѣ, находившейся въ крайней бѣдности, почти нищетѣ; несмотря на то, мать помѣстила его въ 1867 въ гомельскую прогимназію; по смерти ея въ 1870, г. Р. могъ окончить курсъ только благодаря стипендіи и частнымъ урокамъ. Попытка перейти въ гимназію осталась безуспѣшна, какъ впослѣдствіи попытка быть вольнослушателемъ въ университетѣ. Съ 1872, г. Р. былъ уже на службѣ, учителемъ народной школы, потомъ уѣзднаго училища, приготовительнаго класса той же гомельской прогимназіи. Въ 1884 онъ былъ назначенъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Лиду, виленской губ., затѣмъ въ Сѣнно, могилевской; въ 1886, назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ витебской губерніи.

Практически, народный бытъ былъ близокъ г. Р—ву съ дѣтства; пристальное изученіе началъ г. Р. съ 1876. Съ научной стороной дѣла г. Р. знакомился какъ самоучка и прежде всего пораженъ былъ массою древнихъ словъ и грамматическихъ формъ, вычитанныхъ у Нестора и сохранившихся въ бѣлорусскомъ языкѣ. Онъ составилъ сводъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія и небольшой словарь, и послалъ ихъ въ Русское отдѣленіе Академіи: отсюда дали ему совѣтъ составлять дополненія къ словарю Носовича, подтверждая каждое слово примѣрами изъ народной литературы. Съ тѣхъ поръ, не оставляя работы надъ словаремъ, г. Р. началъ собираніе памятниковъ народной поэзіи, которымъ и посвящены его изданія. Кромѣ того, онъ предпринималъ раскопки и археологическія изысканія, а также антропологическія изслѣдованія: тѣ

[1]) По сообщеніямъ г. Романова.

и другія онъ направлялъ въ московское Археологическое Общество и въ Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи.

Въ предисловіи къ 5-му выпуску „Сборника“ г. Р. жалуется на трудныя условія своей работы; но изъ его словъ можно по крайней мѣрѣ видѣть, что труды его были весьма замѣчены, и для своихъ путешествій и изданій онъ не однажды получалъ нѣкоторую матеріальную поддержку отъ учебнаго округа, отъ Геогр. Общества и Русскаго отдѣленія Академіи.

Въ послѣднее время нѣсколько небольшихъ изслѣдованій и замѣтокъ г. Романова помѣщено было въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ (бѣлорусскій снотолкователь, „Катрушницкій лемезень“, „Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ“).

Только въ послѣднее время начинаются обстоятельныя изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ. Въ общемъ кругѣ стараго русскаго языка бѣлорусское нарѣчіе было языкомъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ и, по завоеваніи западнаго края Литвою, осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Этимъ языкомъ дѣловой оффиціальной жизни оно оставалось съ XIV-го и вплоть до XVIII-го столѣтія; такъ, этому языку принадлежитъ „Литовскій Статутъ“, напечатанный въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ. Въ эпоху религіознаго движенія XVI-го вѣка онъ начиналъ пробивать себѣ путь и въ книгу: бѣлорусское нарѣчіе составляетъ основу языка Библіи Скорины, хотя въ соединеніи съ языкомъ церковно-славянскимъ, а также съ большой примѣсью полонизмовъ и чехизмовъ; элементы бѣлорусскаго нарѣчія сказываются въ нѣскольких другихъ памятникахъ церковныхъ того времени и въ произведеніяхъ полемической литературы, которая была протестомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа противъ Польши, католичества и уніи. Но ни въ то время, ни впослѣдствіи бѣлорусское нарѣчіе не пріобрѣло самостоятельнаго литературнаго значенія. „Языкъ грамотъ и Литовскаго Статута, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи стараго русскаго языка,—никогда не былъ языкомъ всего населенія западной Руси; это былъ языкъ высшаго класса, того класса, который тотчасъ послѣ политическаго соединенія Литовско-русскаго государства съ Польшей подвергся вліянію польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польскихъ словъ, формъ и оборотовъ, находимое въ этихъ памятникахъ. Въ Библіи Скорины и въ лютеранскомъ Катехизисѣ бѣлорусское нарѣчіе является смѣшаннымъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, съ прибавленіемъ большого количества полонизмовъ и — въ Библіи—богемизмовъ... Примѣсь чуждыхъ элементовъ дѣлаетъ западнорусскій литературный языкъ XIV — XVIII-го столѣтій во многомъ

отличнымъ отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія; тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между ними не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не имѣютъ литературной обработки"... [1]). Дѣйствительно, новѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго нарѣчія ищутъ своихъ источниковъ, кромѣ старыхъ актовъ, особливо въ новѣйшихъ сборникахъ бѣлорусской народной рѣчи и поэзіи.

Выше упомянуто о первыхъ опредѣленіяхъ бѣлорусскаго языка у Линде. Шафарикъ, въ „Славянской Этнографіи", указывалъ вкратцѣ границы и особенности бѣлорусскаго нарѣчія (затрудняясь опредѣлять его говоры, и до сихъ поръ мало выясненные) и его письменные памятники [2]); далѣе, замѣтки о языкѣ дѣлались въ 1840-хъ годахъ по поводу являвшихся тогда изданій западно-русскихъ актовъ и былъ сдѣланъ опытъ объясненія польскихъ вліяній [3]). Новый обильный матеріалъ для изученія стараго и народнаго языка является съ размноженіемъ изданій старыхъ актовъ, которые дали, наконецъ, поводъ собрать ихъ лексическій составъ [4]), съ новыми собраніями бѣлорусской народной поэзіи и спеціальными работами по словарю живого народнаго языка — въ извѣстномъ трудѣ Носовича, а также и въ „Толковомъ Словарѣ" Даля [5]).

---

[1]) Журн. минист. просв. 1887, май, стр. 137 — 138. Авторъ статьи счелъ какой-то большой моей ошибкой замѣчаніе, что бѣлорусское нарѣчіе не имѣло ни въ старину, ни теперь особеннаго литературнаго развитія — напрасно только, приводя цитату, онъ выкинулъ изъ нея одно существенное слово. Мои слова были: „бѣлорусская вѣтвь не имѣла *особаго* (т.-е. *особенно большого*) книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время" („Вѣстн. Евр.", 1886, апрѣль, стр. 743). Въ этихъ словахъ разумѣлось то самое, что́ говоритъ авторъ. Въ старину, по его собственнымъ словамъ, западно-русскій книжный языкъ не былъ чисто народнымъ языкомъ; это было смѣшеніе съ церковнымъ, съ польскимъ и малорусскимъ въ разныхъ дозахъ — въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Цѣльной и разносторонней бѣлорусской литературы не было. Въ новѣйшее время дѣлались, особенно съ польской стороны, упомянутыя выше попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу; но это были крайне слабые опыты, напр., сравнительно съ книжнымъ распространеніемъ новѣйшаго малорусскаго нарѣчія.

Западные и южные русскіе дѣятели XVII-го вѣка, переходя въ Москву, какъ извѣстно, тотчасъ усвоивали господствовавшій тогда славяно-русскій стиль.

[2]) Slowanský Narodopis, 3-е изд. Прага, 1848, стр. 29—32.

[3]) Въ книжкѣ Н. Лебедева: „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи". Спб. 1848.

[4]) Работы Носовича и „Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края", Н. Горбачевскаго. Изд. виленскаго учебнаго округа. Вильно, 1874.

[5]) Отмѣтимъ здѣсь „Дополненіе" къ словарю Носовича, заключающее слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, — въ „Сборникѣ" II Отд. Академіи Наукъ, т. XXI, Спб. 1881, стр. 1—22; и небольшой „Русско-нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ слуцкаго уѣзда, минской губерніи, мѣстечка Семежова" мѣстнаго священника Ф. Сцепуры, — тамъ же, стр. XXIII—XXXII.

Мы упоминали, по поводу „Словаря“ Носовича, какъ неясны и сомнительны казались тогда вопросы о бѣлорусскомъ языкѣ даже въ спеціальномъ вѣдомствѣ русскаго языка, какъ русское отдѣленіе Академіи, и такимъ знатокамъ стараго русскаго языка, какъ Срезневскій. Первыя изслѣдованія бѣлорусскаго нарѣчія съ научными филологическими пріемами появляются только въ самое недавнее время. Таковы общія замѣтки и эпизодическія изслѣдованія г. Потебни, М. Колосова, Миклошича [1]; въ послѣднее время предпринято было нѣсколько спеціальныхъ трудовъ по этому предмету, напр., К. Аппеля [2], затѣмъ гг. Недешева и Карскаго. Между тѣмъ, какъ г. Аппель имѣлъ въ виду исключительно современный народный языкъ, лишь въ очень немногихъ случаяхъ касаясь его историческаго прошедшаго, г. Недешевъ [3]) въ особенности обратилъ вниманіе на его историческую судьбу. Очертивъ географическія границы бѣлорусскаго нарѣчія (которое онъ считаетъ частью великорусскаго, иногда, однако, сближающейся съ малорусскимъ), авторъ старается прослѣдить исторію его звуковъ и формъ по старымъ памятникамъ бѣлорусскаго языка, особливо XVI-го и XVII-го вѣка,—хотя воспользовался далеко не всѣмъ, что можно было бы найти въ источникахъ. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Карскій [4]), самъ родомъ бѣлоруссъ, знакомый съ дѣтства съ языкомъ, собралъ еще новый запасъ подробностей о современномъ языкѣ, но компетентные критики, относясь вообще сочувственно къ его работѣ, дали нѣсколько немаловажныхъ исправленій и указывали необходимость болѣе обширнаго изученія старыхъ памятниковъ [5]).

---

[1]) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. А. Потебни. Воронежъ, 1866 (изъ „Филол. Записокъ“ Хованскаго, 1865)..

— Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. М. Колосова. Варшава, 1878

— Miklosich, „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen“—въ разныхъ ея отдѣлахъ

[2]) О бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, Варшава, 1880, № 2, стр. 197—224; разборъ этой статьи сдѣланъ г. Бодуэномъ де-Куртенэ, въ „Филол. Запискахъ“ 1880.

[3]) И. Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Варшава, 1884, 54 стр. (изъ „Р. Филол. Вѣстника“).

[4]) „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи“, Е. Ѳ. Карскаго. Москва. 1886, 170 стр. Разборъ этой книги, г. Соболевскаго, въ Журн. мин. просв. 1887, май, стр. 137—147.

[5]) Отмѣтимъ еще труды г. Карпинскаго о говорѣ пинчуковъ (въ Р. Филолог. Вѣстникѣ, 1888) и „Западно-русская Четья 1489 года“, 1889.

Доскажемъ еще нѣсколько фактовъ. Какъ упомянуто, этнографическая экспедиція въ сѣверо-западный край, предположенная Географическимъ Обществомъ, не удалась... Г. Кузнецовъ, предпринявши спеціально изученіе Литвы, доставилъ въ Общество лишь нѣсколько краткихъ отчетовъ и очерковъ. Г. Максимовъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, напечаталъ нѣсколько статей о западномъ краѣ [1]): это—рядъ очерковъ, гдѣ авторъ рисуетъ своеобразную природу, наложившую свой отпечатокъ на характеръ жителей, дѣлаетъ остроумныя соображенія о ходѣ старой колонизаціи края русскимъ народомъ (оставившей свой слѣдъ въ существующихъ изстари мѣстныхъ названіяхъ), старается опредѣлить разницу быта и характера бѣлорусскаго сравнительно съ великорусскимъ, касается народнаго міровоззрѣнія, повѣрій и преданій, сличая ихъ съ бытовыми условіями и т. д., такъ что остается пожалѣть, что работы автора въ Бѣлоруссіи не были имъ доведены до конца. Впослѣдствіи г. Максимовъ принялъ долю участія въ большомъ изданіи, посвященномъ описанію западнаго края; это былъ третій томъ изданія М. Вольфа, „Живописная Россія" [2]). Этотъ большой томъ главнымъ образомъ наполненъ былъ трудами А. Киркора; въ первой части описывается такъ-называемая „Литва", начиная съ древнѣйшихъ временъ, изображается природа края, народный бытъ, миѳологія, историческая судьба страны и т. д. [3]); только одна глава этой части: „Литовская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи", была написана г. Семеновымъ. Вторая часть тома опять наполнена статьями Киркора [4]); г. Максимову принадлежитъ здѣсь статья: „Бѣлорусская смоленщина съ сосѣдями", и г. Семенову—„Бѣлорусская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи".

При своемъ появленіи, эта книга вызвала ожесточенныя нападе-

---

[1]) См. „Обитель и житель. Изъ очерковъ Бѣлоруссіи", въ „Древней и Новой Россіи", 1870, кн. 6—8.

[2]) „Живописная Россія" и пр., подъ общей редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Импер. Р. Геогр. Общества. Томъ третій. Часть первая. Литовское Полѣсье (съ 113 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ). Часть вторая. Бѣлорусское Полѣсье (съ 80 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинками). Спб. 1882. 4°, 490 и VI стр.

[3]) Названія главъ таковы: Первобытныя времена Литовскаго Полѣсья. — Народности Литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь.—Литовскій языкъ и литовская миѳологія.—Природа древней Литвы.—Современная природа Литвы.—Историческія судьбы Литовскаго Полѣсья. — Просвѣщеніе и народное творчество въ Литвѣ. — Городъ Вильно.—Городскія поселенія въ Литвѣ.—Народный трудъ.

[4]) Памятники временъ первобытныхъ. — Слѣды язычества въ праздниствахъ, обрядахъ и пѣсняхъ.—Народная жизнь.—Историческія судьбы Бѣлорусскаго Полѣсья. —Умственныя силы и средства образованія. — Природа Бѣлоруссіи. — Долина Припети.—Въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ.

нія со стороны лагеря, продолжающаго преданія „Вѣстника Западной Россіи". Изданіе Вольфа, наполненное статьями полу-эмигранта Киркора, причтено было къ новымъ дѣяніямъ „польской интриги", и достаточно извѣстное положеніе главнаго редактора изданія не устранило этого обвиненія [1]). Дѣйствительно, при томъ состояніи, въ какомъ находилось изученіе западнаго края къ 1880-мъ годамъ, можно было бы не прибѣгать къ той географической терминологіи, какая употребляется Киркоромъ и гдѣ слово „Литва" остается двусмысленнымъ и неяснымъ [2]); можно было больше воспользоваться тѣмъ, что̀ было сдѣлано къ тому времени въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи и этнографіи западнаго края; по крайней мѣрѣ объяснить, хотя въ предисловіи, способъ выраженія Киркора. Но политическія инкриминаціи, падавшія необходимо и на г. Семенова, были все-таки излишни, и дѣло объяснялось проще. Каковы бы ни были научные недостатки Киркора, какъ бы ни были иногда поверхностны и односторонни его сужденія, онъ былъ въ тѣ годы едва ли не единственный человѣкъ, который могъ дать для популярнаго чтенія столь разнообразныя свѣдѣнія о западномъ краѣ и—готовъ былъ работать. Онъ былъ тамошній уроженецъ, много изучалъ край какъ археологъ, историкъ, этнографъ, зналъ его бытовыя черты и—преданія и т. д. Его сочувствія были не столько чисто-польскія, сколько смягченныя тѣмъ мѣстнымъ „литовскимъ" направленіемъ, котораго возможность признавали даже русскіе наблюдатели, какъ Безсоновъ. Что касается недостатка указаній на новѣйшія русскія изслѣдованія, то возможно, что Киркоръ, давно выѣхавши за границу, да и прежде зная лучше польскую, чѣмъ русскую литературу, просто мало былъ знакомъ съ тѣмъ, что̀ дѣлалось у насъ. Положеніе редактора изданія было очень трудное: въ русскомъ научномъ кругу онъ вѣроятно не находилъ спеціалиста, который могъ бы отвѣчать требованіямъ программы, и остановился на Киркорѣ.

См. о томъ же въ обстоятельномъ некрологѣ Киркора, Н. А. Янчука, въ „К. Старинѣ", 1887, іюнь—іюль, гдѣ перечислены его историко-этнографическіе

---

[1]) Ср., напр., кромѣ другихъ газетныхъ статей того времени, даже болѣе умѣренную „Библіографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора). Бѣлорусса". Вильно, 1884 (изъ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей). Авторъ „Замѣтки", по поводу нѣкоторыхъ „очерковъ" этой книги, считаетъ возможнымъ предположеніе, что „они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ".

[2]) Напр., историческія событія и *русскіе* люди XVI—XVII-го вѣка являются то бѣлорусскими, то „литовскими", и повторяются въ обѣихъ историческихъ рубрикахъ (напр., Зизаній, Смотрицкій и пр.). Съ другой стороны, подъ именемъ „литовскаго" просвѣщенія излагается исторія виленскаго *польскаго* университета, и т. п.

труды. Киркоръ (Адамъ-Гонорій Карловичъ, 1812—1886) былъ уроженецъ могилевской губерніи, изъ мѣстечка Сливина, имя котораго послужило потомъ для его псевдонима. Онъ умеръ въ Краковѣ, въ весьма бѣдственной матеріальной обстановкѣ; свои бумаги и коллекціи онъ пожертвовалъ Краковскому народному музею.

„Онъ былъ уроженецъ Бѣлоруссіи,—говоритъ г. Янчукъ,—и почти всю свою жизнь посвятилъ изученію этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Литвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начатъ извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собирателемъ Зоріаномъ Доленгою-Ходаковскимъ и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, Ѳ. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими... Были, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, несвободныя подъ часъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ съумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало“...

Въ новѣйшихъ трудахъ, касающихся Бѣлоруссіи, все болѣе точно опредѣляются историческія и племенныя отношенія населенія, письменные остатки стараго и подробности современнаго языка, собираются въ изобиліи памятники народнаго языка и словесности. Таковы труды Шейна, Романова, Владимірова, Карскаго и друг.

Относительно памятниковъ стараго языка отмѣтимъ, къ упомянутому прежде, новѣйшія изслѣдованія берлинскаго профессора А. Брикнера, во-первыхъ о вновь отысканномъ памятникѣ старой бѣлорусской письменности: „книга о Таудалѣ рыцери“ (въ полууставномъ спискѣ XVI-го вѣка), гдѣ передается средневѣковое, происходящее изъ Ирландіи, сказаніе о Тундалѣ (Visio Tundali); во-вторыхъ, о польско-русскихъ интермедіяхъ XVII-го вѣка [1]). Далѣе, изслѣдованія и замѣчанія словинскаго ученаго М. Мурка о литературѣ старыхъ русскихъ повѣстей, имѣющія отношеніе къ исторіи письменности бѣлорусской, а также замѣтки о новыхъ собраніяхъ бѣлорусской народной поэзіи со стороны языка [2]).

Выше мы назвали книгу г. Запольскаго объ исторіи кривичей и дреговичей [3]); ему же принадлежатъ другіе труды по изученію Бѣлоруссіи: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, этнографическій этюдъ“ (Кіевъ, 1888); „Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича, — очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности“ (М. 1889); „Бѣлорусское Полѣсье. Матеріалы, изслѣ-

[1]) Ягича, Archiv für slavische Philologie, т. XIII, 1890, стр. 199—212, 224—236.

[2]) Въ послѣднихъ выпускахъ того же „Архива“, и отдѣльное изслѣдованіе повѣсти о Семи мудрецахъ.

[3]) Въ болѣе краткомъ изложеніи, исторія ихъ до 1-й четверти XII-го вѣка находится въ его „Очеркахъ по исторіи Бѣлоруссіи“ (изъ „Календаря сѣверо-западнаго края“). М. 1889.

дованія и замѣтки для изученія быта населенія полѣсскихъ уѣздовъ минской губерніи" (М. 1891, изъ „Трудовъ" Общества любителей естествозн., антропологіи и этнографіи). Въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи" помѣщены имъ небольшія изслѣдованія: „Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII в." и „Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ" [1]).

Наконецъ, нѣсколько эпизодическихъ работъ по бѣлорусской этнографіи помѣщено было въ названномъ нами прежде изданіи Краковской академіи: Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj и проч. Таковъ трудъ Владислава Дыбовскаго о бѣлорусскихъ пословицахъ (Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego, т. V, стр. 3—23), и его „Бѣлорусскія загадки изъ минской губерніи" (т. X, стр. 157—168). Владиславъ Верига издалъ здѣсь „Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gub. Wileńskiej w. r. 1885 spisane" (т. XIII, стр. 84—103). Ему же принадлежатъ „Podania białoruskie" (zebrane przez Wł. Weryhę, poprzedzone wstępem przez J. K. Lwów, 1889)—небольшая книжка, которой мы не имѣли подъ руками. Въ изданіи историко-философскаго отдѣла той же академіи (Rozprawy i sprawozdania) помѣщены труды Ис. Шарапевича, имѣющіе отношеніе къ исторіи сѣверо-западной Руси (т. VIII, 1878; т. XV, 1882).

Таковы были судьбы этнографическихъ изученій западно-русскаго народа. Исходя изъ одного корня, онъ по племеннымъ свойствамъ остался ближе къ народу великорусскому, чѣмъ къ малорусскому, но и съ послѣднимъ въ теченіе многихъ вѣковъ дѣлилъ общую историческую судьбу; по вѣрѣ онъ хранилъ давнее преданіе перваго русскаго православія; еще на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, разобщенный отъ той вѣтви русскаго народа, въ средѣ которой создалось государство, онъ извѣстнымъ образомъ тяготѣлъ къ нему по вѣрѣ и, вѣроятно, также по племенному инстинкту,—но, соединившись съ Литвой и Польшей, повелъ иное политическое существованіе и иное культурное развитіе и понесъ на себѣ ихъ послѣдствія—тяжелое положеніе русской народности, которая подпала польскому и католическому вліянію, а также и притѣсненію; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, его культурныя пріобрѣтенія помогли ему въ борьбѣ за свою народную личность и старое церковное преданіе, и въ XVI—XVII столѣтіи Москва могла воспользоваться плодами западнаго и южнаго русскаго просвѣщенія, хотя эти страны еще находились

---

[1]) О трудахъ г. Запольскаго и о „Календарѣ сѣв.-западнаго края" см. замѣтки въ журналѣ Wisła, II, стр. 419, и III, 942—943.

подъ польскимъ владычествомъ. Великорусская вѣтвь племени образовалась мимо юга и запада, и эта отдѣльность, несмотря на упомянутыя общія симпатіи, чувствовалась въ старину съ обѣихъ сторонъ: для Москвы бѣлоруссы стали „литовскіе люди"; на западѣ, какъ и на югѣ, „москали" часто бывали антипатичны по сложившемуся различію характеровъ и по особому политическому складу москвичей. Тогда какъ Малороссія подпала возсоединенію еще съ половины XVII-го вѣка, бѣлоруссы вошли въ составъ русской имперіи почти на полтора вѣка позднѣе; даже долгое время по присоединеніи они продолжали оставаться фактически подъ польскимъ владычествомъ, какъ крѣпостные польскихъ помѣщиковъ, и полонизація въ высшихъ классахъ бѣлорусскаго народа подъ русской властью за это время шла, какъ говорятъ, даже сильнѣе прежняго.. Истинное положеніе вещей стало выясняться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Освобожденіе крестьянъ въ первый разъ открыло для русскаго общества въ полной мѣрѣ вопросъ о *бѣлорусскомъ народѣ*, съ которымъ, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о немъ недоставало иногда даже элементарныхъ свѣдѣній. Польское возстаніе усилило интересъ враждою къ Польшѣ, но и спутало правильное пониманіе дѣла: патріотическіе публицисты внезапно узнали о существованіи русскаго народа въ западномъ краѣ и, сознаваясь, что русское общество забыло или не знало о немъ, съ одной стороны объявляли западный край чисто-русскимъ, съ другой говорили о необходимости его „обрусенія"... Край, поставленный въ эпоху возстанія на военное положеніе, надолго остался въ этомъ ненормальномъ состояніи, и люди безпристрастные печалились, что въ тѣхъ натянутыхъ условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ, мѣстная жизнь теряетъ свободу развитія, чтó служитъ въ ущербъ даже самому государственному интересу. Существованіе мѣстныхъ особенностей страны и народа не подлежитъ сомнѣнію, и нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ такъ мало развито пониманіе того, что эта мѣстная жизнь разныхъ краевъ нашего отечества имѣетъ право быть глубоко важнымъ интересомъ не одного только общества, и что только въ успѣхахъ этой жизни заключено ручательство здороваго, цѣльнаго развитія общественности, народности и самого государства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СИБИРЬ.

Громадная страна, присоединенію которой къ Россіи считали недавно трехсотлѣтіе, занимаетъ въ территоріи имперіи особенное мѣсто, выдѣляющее ее изъ общаго характера коренной русской земли; она имѣла также и исключительную историческую судьбу. До сихъ поръ Сибирь отличается отъ Россіи своимъ гражданскимъ положеніемъ и, кромѣ того, въ своемъ русскомъ населеніи представляетъ этнографическій типъ, который въ различныхъ отношеніяхъ отдалился отъ господствующаго типа русской народности въ европейской Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь, хотя колонизованная русскими, съ самаго начала — вслѣдствіе различныхъ условій: отдаленности края (между прочимъ ставшаго мѣстомъ ссылки), обилія инородцевъ, особаго характера промысловъ и „службы",—стала пріобрѣтать особый складъ административный и бытовой, который съ теченіемъ времени все больше удалялся отъ обычнаго хода жизни въ метрополіи, и страна, неразрывно связанная съ московскимъ государствомъ, а потомъ съ имперіей, тѣмъ не менѣе для русскаго общества и народа стала издавна казаться чѣмъ-то отдѣльнымъ, исключительнымъ, почти чужимъ, какъ въ самой Сибири стали все болѣе складываться особые нравы; народный типъ, въ основу котораго легло въ самомъ началѣ населеніе русскаго сѣвера, подъ вліяніемъ новыхъ климатическихъ и бытовыхъ условій, а также смѣшенія съ разнородными туземцами и ссыльными, пріобрѣлъ особыя этнографическія черты, съ различными видоизмѣненіями.

Вся судьба страны была въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ исключительная. Какъ далѣе скажемъ, завоеваніе Сибири, въ послѣдніе годы XVI-го вѣка,—вовсе не было чѣмъ-нибудь случайнымъ; напротивъ, оно давно подготовлялось, совершалось какъ бы само собою и весьма послѣдовательно; но съ самаго начала новая русская область испытала такія условія внѣшнія и внутренно-бытовыя, что необходимо сама отступала и была выдѣляема изъ общаго хода русской жизни,

учрежденій, нравовъ и обычаевъ, племенного типа и даже языка. Для стараго московскаго государства Сибирь явилась новой прибавкой къ тѣмъ полупустыннымъ землямъ, съ полудикимъ населеніемъ, которыя давно пріобрѣтались на сѣверо-востокѣ и постоянно раздвигались; теперь снова расширялась государственная территорія, умножался царскій титулъ наименованіемъ новыхъ земель, богатѣла казна, возросталъ правительственный авторитетъ; но въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ оказывались большія особенности. Страна была такъ обширна, что долго не могли быть опредѣлены ея далекіе предѣлы, открывались все новыя земли, съ новыми данями для казны, и это обстоятельство внушило особую заботливость о практической эксплуатаціи страны. Съ другой стороны, новыя пріобрѣтенія дѣлались не столько по сознательнымъ планамъ центральной власти, сколько мѣстной предпріимчивостью, которая истекала частію изъ алчности промышленниковъ, частію изъ стараго казацкаго удальства, начавшаго и первое завоеваніе Сибири. Самыя внѣшнія обстоятельства создавали въ Сибири особый порядокъ вещей: нужно было признать эту предпріимчивость вольницы, кончавшуюся новыми пріобрѣтеніями для государства, но и приводившую за собой угнетеніе туземцевъ, которое вызывало цѣлый рядъ возстаній инородцевъ; отдаленность страны отъ глаза центральной власти дѣлала очень труднымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ контроль мѣстнаго управленія, которое съ XVII-го вѣка и до начала XIX-го все болѣе принимало характеръ самоуправства и грабежа воеводъ, а потомъ губернаторовъ. Далѣе, отдаленность страны съ самаго начала навела на мысль сдѣлать ее мѣстомъ ссылки: кого не хотѣли прямо казнить, удаляли въ пустынныя поселенія Сибири, отрывая отъ живого міра; до XVII-го вѣка заключали знатныхъ людей въ тюрьмы или монастыри, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, въ Соловки; теперь отсылали въ Пелымъ, Березовъ, Илимскъ, Якутскъ, Нерчинскъ; въ XVII и XVIII вѣкѣ было высылаемо множество знатныхъ лицъ, впадавшихъ въ опалу; въ Сибирь отправляли массу плѣнныхъ, которыхъ большое число оставалось здѣсь навсегда, теряясь потомъ въ мѣстномъ населеніи; наконецъ, Сибирь стала по закону обычнымъ мѣстомъ уголовной и административной ссылки. Русская колонизація шла чрезвычайно неровно: захватывались громадныя пространства, слабо населенныя; между людьми промышленными и служилыми оказывался недостатокъ женщинъ, и русскіе по-неволѣ брали женщинъ изъ мѣстныхъ инородческихъ племенъ, легко бросали и мѣняли ихъ; сама власть, наконецъ, предпринимала отправку женщинъ массами въ Сибирь, чтобы доставить служилымъ людямъ подругъ—женщины были, конечно, не лучшаго достоинства. Русскій типъ измѣнялся подъ вліяніемъ этихъ

смѣшеній съ иноземнымъ элементомъ; инородцы, принимая христіанство, селясь между русскими или охватываемые русскими поселеніями, русѣли, но, конечно, не сполна, сохраняя въ своемъ новомъ типѣ черты стараго,—какъ случалось и наоборотъ, даже до послѣдняго времени, что русскіе, поселенные (часто по-неволѣ, вслѣдствіе практическихъ надобностей, для промысловъ, сторожевой службы, почтовой гоньбы) —въ инородческой средѣ, сами теряли до нѣкоторой степени свою народность и почти смѣшивались съ этою средой. Вслѣдствіе всего этого, въ русскомъ населеніи Сибири мало-по-малу сложился особый характеръ, физическій и бытовой: колонизація соединяла въ Сибири людей весьма различнаго происхожденія и склада, которые, не сохранивъ первоначальныхъ свойствъ, въ своемъ взаимодѣйствіи вырабатывали новыя черты на русской племенной основѣ. Уже старые путешественники первой половины прошлаго вѣка отмѣчали особенности сибирскаго языка.

Въ понятіяхъ общества и народа въ метрополіи, Сибирь рисовалась въ чертахъ совершенно разнородныхъ: далекая страна, о которой трудно было имѣть точныя свѣдѣнія, представлялась то какъ „золотое дно", то какъ ужасающая пустыня, имя которой было синонимомъ страшныхъ ссылокъ. Въ дѣйствительности, было то и другое: эксплуатація естественныхъ богатствъ доставляла государству и отдѣльнымъ частнымъ людямъ огромныя средства, которымъ, къ сожалѣнію, не отвѣчало культурное развитіе страны; ссылки наполняли Сибирь населеніемъ, которое не служило странѣ на пользу и создавало странныя соціальныя явленія, неизвѣстныя нигдѣ въ остальной Россіи и, въ общемъ, весьма мрачныя.

Это положеніе вещей съ нѣкоторыми видоизмѣненіями продолжалось до новѣйшаго времени. Лишь въ послѣдніе годы готовятся нѣкоторыя преобразованія во внутреннемъ бытѣ Сибири и, между прочимъ, предстоитъ соединеніе Сибири съ метрополіей желѣзными дорогами, которое вѣроятно повлечетъ къ важнымъ результатамъ. Но пока страна все еще живетъ въ исключительномъ положеніи, едва начинаетъ получать тѣ новыя учрежденія, какія въ метрополіи введены уже давно реформами прошлаго царствованія; нравы стараго административнаго произвола еще не вымерли и небольшая сознательная часть сибирскаго общества все еще безсильна въ борьбѣ съ этимъ наслѣдіемъ прошлаго. Процессъ народнаго броженія до сихъ поръ въ полномъ ходу: въ послѣдніе годы переселенія въ Сибирь приняли никогда не бывалые размѣры; массы народа, преимущественно изъ среднихъ и южныхъ губерній, направляются въ далекую колонизацію, отъ западной и южной Сибири и новыхъ средне-азіатскихъ владѣній до отдаленнѣйшихъ мѣстностей на Амурѣ и въ Уссурійскомъ краѣ. Пере-

селенческое движеніе вноситъ въ Сибирь новые народные элементы, которымъ предстоитъ еще акклиматизироваться, измѣняться подъ вліяніями новой среды и развивать сибирскую разновидность русскаго народа. Какъ она сложится, это, конечно, вопросъ будущаго. Однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ сибирской жизни, вредное вліяніе котораго отражается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ ея явленіяхъ, надо признать отсутствіе правильной постановки школы, особливо отсутствіе учрежденій для высшаго образованія. Сибирское общество въ своихъ лучшихъ представителяхъ давно мечтало объ основаніи университета; дѣйствительно, странно было видѣть, что огромная страна въ наступающемъ четвертомъ столѣтіи своего русскаго бытія не можетъ добиться хотя бы одной высшей школы, которая могла бы разлить въ мѣстномъ обществѣ степень образованія, необходимую и для практической пользы страны, и для нравственнаго сознанія общества. Потребность въ высшей школѣ была такъ сильна, что одними частными пожертвованіями собрана была огромная сумма для основанія сибирскаго университета; прошли годы, пока открытъ былъ, наконецъ, — одинъ факультетъ. . Мы привыкли читать самодовольныя заявленія о нашихъ необычайныхъ успѣхахъ въ Сибири и въ Средней Азіи, но достаточно вспомнить гражданскую и общественную исторію Сибири, и сравнить ее, напримѣръ, съ англійской колонизаціей Австраліи (не говоримъ уже о колонизаціи сѣверо-американской), чтобы составить понятіе о дѣйствительномъ культурномъ вѣсѣ нашихъ успѣховъ въ Сибири. Правда, вся сѣверная Сибирь и значительная часть средней представляютъ весьма трудныя или даже невозможныя условія для культурнаго успѣха, но многія мѣстности сибирскаго юга, на западѣ и на крайнемъ востокѣ страны, обладаютъ всѣми природными данными для процвѣтанія, и однако оно все еще не приходитъ. Колонизаціонныя предпріятія идутъ первобытными способами, и помощь просвѣщенія, которое одно можетъ должнымъ образомъ вооружить человѣка для успѣховъ культуры, все еще отвергается, какъ вещь излишняя.

До сихъ поръ мы не имѣли обстоятельной исторіи Сибири. Какъ въ первобытныя времена, исторіографія Сибири начинается лѣтописью; эта лѣтопись идетъ съ первыхъ лѣтъ русскаго владычества въ Сибири до второй половины прошлаго вѣка, когда „Новую сибирскую лѣтопись“ велъ тобольскій ямщикъ Черепановъ. Настоящая исторіографія возникаетъ лишь съ XVIII вѣка, и на первое время — трудами ученыхъ иноземцевъ. Послѣ старыхъ опытовъ знаменитаго Миллера и Фишера, только разъ поднята была эта задача въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія — въ книгѣ Словцова (1838—44), исполненной съ большимъ трудолюбіемъ, но слишкомъ реторической и

кромѣ того боязливой, а въ наше время — въ книгѣ И. Щеглова (1883), которая, впрочемъ, даетъ только хронологическое изложеніе фактовъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяя научнымъ требованіямъ, или въ трудахъ В. Андріевича, гдѣ даются почти только выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ. Накопившіяся доселѣ отдѣльныя сообщенія о сибирской старинѣ и современномъ бытѣ въ разныхъ отношеніяхъ, не объединены въ цѣльномъ историческомъ трудѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣреваемся изложить въ самыхъ общихъ чертахъ постепенное развитіе тѣхъ изслѣдованій, какія посвящены были Сибири почти съ ея перваго занятія русскими — по описанію ея территоріи, по ея исторіи и этнографіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ сошлись весьма разнообразныя предпріятія. Первыя разысканія о Сибири дѣлались первобытнымъ эмпирическимъ образомъ — прямымъ захватомъ земель: это были дѣла предпріимчивыхъ людей въ родѣ самого Ермака, искавшихъ исхода своему удальству и, по невозможности удерживать завоеваннаго въ своихъ рукахъ, отдававшихъ результаты своихъ подвиговъ въ руки государства, съ которымъ сами не всегда были въ ладахъ. Конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ ознаменовались смѣлыми предпріятіями этого рода, которыя, расширяя государственную территорію, вмѣстѣ расширяли и географическое знаніе: искатели новыхъ земель руководились простыми соображеніями прибыли и добычи, продолжая полусознательно историческій трудъ русской народной колонизаціи, но ихъ странствованія и открытія мало-по-малу становились достояніемъ науки, достигая людей, которымъ интересъ науки былъ близокъ; къ личной предпріимчивости сибирскихъ искателей, которымъ и правительство предоставляло дѣйствовать на свой страхъ, присоединились въ XVIII-мъ вѣкѣ экспедиціи, дѣланныя по порученіямъ самой власти. Съ конца XVI-го вѣка вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ поднятъ былъ и съ другой стороны: онъ живо интересовалъ тѣ торговыя и промышленныя компаніи, англійскія и голландскія, которыя предпринимали тогда цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія Сѣвернаго океана, въ предположеніи найти новый торговый путь въ Индію, Китай и иныя азіатскія страны. Такъ, прежде всего найденъ былъ извѣстнымъ образомъ путь въ Бѣлое море, которымъ завязались торговыя сношенія Англіи съ Россіей; въ XVII-мъ столѣтіи западные мореходы пытаются проникнуть дальше, мимо сѣвернаго берега Сибири; эти попытки были неудачны, но продолжены были русскими плавателями; послѣдніе еще въ XVII вѣкѣ успѣли обогнуть по Ледовитому океану сѣверную Сибирь и проплыть тотъ проливъ, который впослѣдствіи былъ точнѣе опредѣленъ экспедиціей Беринга и отъ него получилъ свое имя. Упомянутыя торговыя компаніи старались въ XVII-мъ вѣкѣ вывѣдать въ Россіи о со-

выхъ земляхъ, отысканныхъ русскими въ Азіи, но русскіе, по тогдашнему обычаю, усиленно скрывали то, что́ уже знали, опасаясь ущерба для своихъ торговыхъ выгодъ; иноземцы, конечно, не смотря на то, узнавали, что́ было имъ нужно. Впослѣдствіи, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Европѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за географическими открытіями тѣхъ экспедицій, какія посылались тогда русскимъ правительствомъ. Эта новая эпоха сибирскихъ и средне-азіатскихъ открытій начинается съ Петра Великаго. Онъ первый задумалъ правильное географическое изслѣдованіе своей имперіи, и съ его времени открывается рядъ знаменитыхъ путешествій, положившихъ первое основаніе точному географическому опредѣленію Сибири и сосѣднихъ земель. Преемники Петра продолжали дѣло, освященное его именемъ, а затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II, послѣдовали новыя ученыя изслѣдованія, которыя затѣмъ продолжались до настоящаго времени. Въ западной Европѣ эти новыя пріобрѣтенія науки встрѣчаемы были съ величайшимъ любопытствомъ: книги академическихъ путешественниковъ, выходившія по-нѣмецки, и даже русскія сочиненія, появлялись въ многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ.

Съ XVIII-го вѣка начинаются первыя правильныя работы по сибирской исторіи, но только въ новѣйшее время возникаютъ изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ Сибири, объ ея этнографическомъ составѣ, объ условіяхъ быта и свойствахъ народнаго характера. На эти изслѣдованія положено было не мало труда, нерѣдко труда самоотверженнаго, которому должно было преодолѣвать величайшія препятствія. Многое изъ этихъ изслѣдованій полузабыто; многое остается неизвѣстно новѣйшимъ любителямъ по недоступности старыхъ рѣдкихъ книгъ, хотя въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Мы не имѣемъ возможности исполнить этого обзора во всей полнотѣ, но постараемся по крайней мѣрѣ отмѣтить главное, и въ старой литературѣ напомнить великодушныя усилія прежнихъ изслѣдователей и многія важныя указанія, которыми теперь можетъ воспользоваться изыскатель сибирской старины и народности.

ГЛАВА I.

Первыя открытія въ Сибири.

Давнее знакомство русскихъ съ Сибирью.—Покореніе.—Древнее новгородское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ"; отраженіе его въ иностранныхъ описаніяхъ путешествій и картахъ XVI вѣка.—Занятіе всего пространства Сибири.—Русскія плаванія по Ледовитому океану.—Морскія путешествія иностранцевъ.—Разысканія о дальнемъ востокѣ.

Иностранныя описанія Сибири XVII-го столѣтія.—Исаакъ Масса.—Юрій Крижаничъ.—Витзенъ, и др.

Завоеваніе Сибири Ермакомъ не было первымъ знакомствомъ русскихъ съ этой страной. На самомъ дѣлѣ она извѣстна была русскимъ задолго раньше, и, мало того, задолго раньше Ермака начались присоединенія къ московскому государству сибирскихъ земель. Первое знакомство русскихъ съ народами, жившими по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, относится, насколько это записано лѣтописью, еще къ XI-му столѣтію. Въ тѣ времена въ эти страны отправлялись новгородскіе „молодые люди", привычные удальцы и промышленники; они знали Югру и „Самоядь", т.-е. самоѣдовъ, и въ старой лѣтописи занесенъ, по новгородскимъ сообщеніямъ, разсказъ Югры новгородцамъ о появленіи за сѣверными горами какого-то новаго народа, неизвѣстнаго раньше самой Югрѣ и съ которымъ она вела нѣмую мѣновую торговлю; по толкованію лѣтописца, это былъ не кто иной, какъ тѣ нечистыя племена, которыя были заперты въ горахъ Александромъ Македонскимъ и выйдутъ изъ нихъ передъ концомъ свѣта. Въ XII-мъ столѣтіи продолжаются новгородскіе походы въ эти далекія страны; новгородцы хаживали и дальше самой Югры и Самояди, и имъ случалось видывать, какъ спадетъ туча и изъ нея разбѣгаются по землѣ молодые бѣлки и олени. Въ концѣ XII-го столѣтія Югра платила уже дань Новгороду, хотя иной разъ

побивала людей, приходившихъ за этою данью. Позднѣе, снова упоминаются походы на Югру, положеніе которой выясняется, а именно, новгородцы ходили на Обь, верхнюю и нижнюю, до самаго моря. Въ XV-мъ вѣкѣ прочныя русскія поселенія проникаютъ въ бассейнъ Камы, и при Иванѣ III дѣлаются новые походы въ Югорскую землю уже отъ московскаго князя; но въ то же время, очевидно, дѣлаетъ въ эту сторону походы вольница изъ Вятки и Устюга. Въ 1484 году къ московскому великому князю явились и подчинились его власти князья вогульскіе, югорскіе и князь *сибирскій*. Правда, подчиненіе было еще не крѣпко, но въ началѣ XVI-го вѣка эти земли считались уже окончательно принадлежащими Москвѣ, раздѣлены были на двѣ области, Обдорію и Кондію, названіе которыхъ вошло въ царскій титулъ въ 1514 году. Въ половинѣ XVI-го вѣка Иванъ Грозный въ грамотѣ къ англійскому королю уже называетъ себя повелителемъ Сибири. Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе въ восточномъ финскомъ и тюркскомъ мірѣ; татарскіе владѣльцы на сѣверо-востокѣ теряли послѣдній оплотъ и, не имѣя надежды на самостоятельное существованіе, одинъ вслѣдъ за другимъ добровольно подчинялись московскому государству. Въ 1555 году въ Москву явились послы сибирскаго князя Едигера, и Иванъ Грозный взялъ „въ свою волю и подъ свою руку всю сибирскую землю", и въ слѣдующемъ году московскій посланецъ привезъ уже сибирскую дань изъ соболей и бѣлокъ. Въ 50-хъ годахъ XVI-го вѣка начинаютъ распространяться въ камской и закамской странѣ владѣнія Строгановыхъ, и впослѣдствіи съ ихъ предпріятіями связываются первые походы Ермака. Въ 1571—1572 годахъ были въ Москвѣ посланцы сибирскаго царя Кучума, который передъ тѣмъ, взявши городъ Сибирь и убивши Едигера, пересталъ посылать московскую дань, а теперь самъ подчинился Москвѣ, хотя не надолго. Въ 1577 году, вслѣдствіе разбоевъ на Волгѣ, изъ Москвы было послано войско для истребленія разбойниковъ и велѣно было доставить въ Москву ихъ предводителя Ермака на лютую казнь, а въ 1578 Ермакъ, избѣжавши этого плѣна, предпринялъ свой первый походъ въ Сибирь. 26-го октября 1581 года, Ермакъ вступилъ въ столицу сибирскаго царства —Искеръ, или Сибирь [1]).

---

[1]) Остатки его находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска.

О древнѣйшемъ знакомствѣ съ Сибирью и отношеніяхъ къ восточнымъ инородцамъ см., кромѣ общихъ историческихъ сочиненій:

— А. Крупенина, Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края въ „Пермскомъ Сборникѣ", М. 1859; Ѳирсова, Положеніе инородцевъ сѣ-

Исторія этого занятія Сибири, особенно его первой эпохи, до послѣдняго времени оставалась мало выяснена. Вопросъ былъ отчасти труденъ по одной весьма элементарной причинѣ: Старые русскіе люди бывали не весьма грамотны, интересъ историческій развитъ слабо, и когда они считали нужнымъ занести въ исторію, то-есть въ лѣтопись, какія-нибудь событія, они дѣлали это, даже въ очень позднія времена, по старой лѣтописной рутинѣ, очень кратко, отрывочно, и потому неясно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, уже не по прямымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно. Ермакъ не имѣлъ своего историка; о немъ сохранились только подобныя лѣтописныя сказанія, темныя и противорѣчивыя, до такой степени, что сталъ отчасти лицомъ баснословнымъ. Позднѣйшимъ историкамъ приходилось съ немалыми трудами связывать отрывочныя данныя и сглаживать противорѣчіе источниковъ, доходившее до того, что по нѣкоторымъ изъ нихъ вся иниціатива Ермака сводилась почти къ нулю и занятіе Сибири представлялось дѣломъ Строгановыхъ.

Крайне смутны и тѣ данныя, по которымъ можно было бы судить о первомъ знакомствѣ русскихъ съ отдаленными странами Сибири.

Древнѣйшее, какое только сохранилось въ нашей письменности, извѣстіе о Сибири, есть статья: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“, которая нерѣдко встрѣчается въ старыхъ рукописяхъ и древнѣйшій списокъ которой относится къ концу XV-го вѣка. Статья давно была издана [1]), но не обращала на себя особеннаго вниманія, потому что баснословныя подробности, съ какими она говорила о незнаемыхъ людяхъ, заставляли относить ее къ числу фантастическихъ средневѣковыхъ сказаній, въ которыхъ трудно искать факта. Нѣкоторымъ историкамъ казалось даже, что въ данномъ случаѣ было не только наивное баснословіе о слишкомъ мало извѣстной странѣ, но намѣренная выдумка.

вост. Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань, 1866; Ешевскаго, Русская колонизація сѣверо-восточнаго края, въ „Сочиненіяхъ“, М. 1870, т. III; А. В. Оксенова, Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей, въ „Литерат. Сборникѣ“, изд. Н. Ядринцевымъ, Спб. 1885, стр. 438—445, и его же: Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, кн. IV. Спб. 1887; наконецъ, книгу Д. Н. Анучина, о которой далѣе.

[1]) Г. Ѳирсовымъ въ упомянутой книгѣ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, — по той же рукописи Соловецкой библіотеки, которую повторилъ теперь Д. Н. Анучинъ, въ болѣе отчетливомъ чтеніи и съ варіантами изъ нѣсколькихъ другихъ рукописей, въ книгѣ: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ“. М. 1890. 4°.

Въ сказаніи XV-го вѣка элементъ баснословный присутствуетъ несомнѣнно, и притомъ не въ маломъ количествѣ. Въ тѣ времена, когда географическія свѣдѣнія были вообще крайне скудны, когда народы знали съ нѣкоторой точностію только ближайшихъ сосѣдей, представленія о странахъ и народахъ отдаленныхъ бывали обыкновенно преисполнены фантастическимъ элементомъ. Далекія земли обитаемы были народами совершенно особыми, не похожими на обыкновенныхъ людей, даже до окончательной потери человѣческаго образа. На извѣстной ступени развитія литература всѣхъ культурныхъ народовъ представляетъ множество примѣровъ подобнаго баснословія. Разъ пущенное въ ходъ фантастическое сказаніе охотно повторялось легковѣрными людьми, изъ одной литературы переходило въ другую, и нѣкоторыя басни, иногда унаслѣдованныя средними вѣками еще отъ классической древности, были столь живучи, что уцѣлѣли въ простонародномъ повѣрьѣ и донынѣ [1]). Наша старая письменность не была чужда тому же фантастическому представленію о народахъ дальнихъ странъ. Многія переводныя сказанія, какъ напримѣръ сказаніе о богатой Индіи, Александрія, Луцидаріусъ и пр. заключали въ себѣ цѣлую галлерею „дивьихъ“ народовъ и чудесныхъ странъ; въ „Александріи“ македонскій царь, переступивъ границу извѣстныхъ земель, переходилъ потомъ только отъ одного чуда къ другому. Нѣкоторыя подробности нашего сказанія о незнаемыхъ людяхъ въ восточной странѣ совпадаютъ съ этой книжной фантастикой; не были ли онѣ и взяты прямо отсюда?

Д. Н. Анучинъ, посвятившій этому сказанію внимательное изслѣдованіе, категорически отвергаетъ здѣсь подобное заимствованіе. Во-первыхъ, книжная фантастика пришла къ намъ въ памятникахъ сравнительно позднихъ, а во-вторыхъ, по сличенію не оказывается никакихъ явственныхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія. „Наше сказаніе совершенно оригинально; по всѣмъ признакамъ, составитель „Сказанія“ писалъ не мудрствуя лукаво, что̀ зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой разсказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ... а также по всей вѣроятности сослался бы на какой-нибудь авторитетъ... Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполнѣ характеръ простого, безпритязательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать

[1]) Такъ напримѣръ въ народѣ обращаются до сихъ поръ разсказы о песьиголовцахъ, или о людяхъ съ одной ногой и одной рукой, которые бѣгаютъ очень быстро, сцѣпившись одинъ съ другимъ, и т. п.

извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею, — относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара".

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этого сказанія, которое г. Анучинъ считаетъ новгородскимъ (что́ и вѣроятно).

„На восточнѣй странѣ, за Югорьскою землею надъ моремъ живуть люди Самоѣдь, зовомы Могонзѣи; а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядять, а гость къ нимъ откуды пріидѣть, и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормять, а которой гость у нихъ умреть, и они того съѣдають, а въ землю не хоронять, а своихъ тако же. Сія же люди не великы възрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми и стрѣлцы скоры и горазды, а яздять на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носять соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь такова же, Линная словеть. Лѣтѣ мѣсяць живуть въ мори, а на сусѣ не живуть того ради, занеже тѣло на нихъ трѣскается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежать, а на берегъ не смѣють вылѣсти.

„Въ той же странѣ есть иная Самоядь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа въ верхь яко же и прочіи человѣци...

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: въ верху рты на тѣмени, а не говорять, а образъ въ пошлину человѣчь, а коли ядять, и они крошять мясо или рыбу, да кладуть подъ колпакъ или подъ шапку, и какъ почнуть ясти, и они плечима движуть въ верхъ и внизъ.

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь: яко же и прочіи человѣци, но зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ где которого застанеть въ тѣ мѣсяци, тотъ тя (тамъ) и сядеть, а у него изъ носа вода изойдеть, какъ отъ потока, да примерзнеть къ земли, и кто человѣкъ иные земли не видѣніемъ (невѣдѣніемъ, по невѣдѣнію) потокъ той отразить (отломитъ) у него и запхнеть съ мѣста, и онъ умреть... А иные оживають, какъ солнце на лѣто вернется.

„Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣкы великыя есть земля, Баидъ именуемая, лѣса на ней нѣтъ, и люди, какъ и прочіи человѣци, живуть въ земли, а едять мясо соболіе... А соболи же у нихъ черны вельми и великы, шерсть живого соболи по земли ся волочить.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечи, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметывають себѣ въ ротъ на плечи и на другый день кости измещуть изъ себя туда же, а не говорять. А стрѣлба же ихъ — трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту въкладаеть въ трубку, да бьеть молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторого нѣтъ.

„Вверхь тоя же рѣкы великыя Оби есть люди, ходять по подъ землею иною рѣкою день да нощь, съ огни, и выходять на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него, и кто поѣдеть къ граду тому, и тогда слышити шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ пріидуть въ него и людей въ немь нѣтъ и шюму не слышити никоторого, ни иного чего животнаго, но въ всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякого, кому что надобѣ, и онъ, положивъ цѣну противу того, да возметь что кому надобѣть и прочь отходять, а кто что безъ

Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ) съ 1557 до 1571 года, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью — въ Персію. Въ отчетѣ объ одномъ изъ этихъ путешествій, представленномъ Дженкинсономъ лондонской торговой (московской) компаніи, между прочимъ приложены „разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ) изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ", а именно, что для насъ особенно любопытно, свѣдѣнія „о нѣкоторыхъ странахъ самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово *съ русскаго языка*". Страны эти,—говорится далѣе,—„были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Өедоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ". Судя по приведеннымъ извлеченіямъ, русскимъ источникомъ Джонсона была именно статья „о человѣцѣхъ незнаемыхъ" [1]). Такъ можно заключить по началу извѣстія: „Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ самоѣды и страна ихъ называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ, а ѣдятъ ихъ, а далѣе описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ, и ихъ торга соболями. Дальнѣйшія извѣстія нѣсколько сокращены, и повидимому въ нихъ пропущено именно то, что представлялось особенно невѣроятнымъ или преувеличеннымъ.

Разбирая далѣе имя племени („могопзѣи" или „молгомзѣи" и т. п.), г. Анучинъ находитъ объясненіе его въ языкѣ самоѣдскихъ племенъ и полагаетъ, что оно обозначало людей краевыхъ, конечныхъ, жившихъ на краю земли: оно могло означать то племя, которое извѣстно теперь подъ именемъ юраковъ.

Обращаясь къ разбору свѣдѣній новгородскаго сказанія по существу, г. Анучинъ находилъ, что оно не только не было произвольной фантазіей, но имѣло въ основѣ если не прямыя фактическія данныя, то весьма распространенныя представленія. Названіе „самоѣдовъ" зналъ уже Плано-Карпини, и хотя онъ не говоритъ объ ихъ людоѣдствѣ, но позднѣйшіе путешественники, напримѣръ, Герберштейнъ, затѣмъ Джонсонъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій говорятъ со словъ рус-

---

[1]) Анучинъ, стр. 34—36.

скихъ о крайней ихъ дикости, а въ томъ числѣ и о людоѣдствѣ. Слово „самоѣдъ" по всей вѣроятности произошло отъ финскаго корня, но у русскихъ давно было осмыслено въ значеніи людей, которые сами себя ѣдятъ, то-есть преданные людоѣдству. Это представленіе подтверждалось преданіями и разсказами о такихъ случаяхъ, гдѣ самоѣды дѣйствительно совершали людоѣдство — своихъ и чужихъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія новгородскаго сказанія о томъ, что этотъ родъ самоѣдовъ не великъ ростомъ, что они искусные стрѣлки, что товаръ ихъ есть соболь и пр., представляются совершенно возможными, такъ какъ подтверждаются и другими фактами. Что этотъ край былъ особенно богатъ соболемъ, видно между прочимъ изъ того, что рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ между Обью и Енисеемъ, была названа Собольною.

Далѣе, относительно разсказа о „Линной Самоѣди" т.-е. той, которая лѣтомъ линяетъ, то-есть мѣняетъ кожу,—лѣтомъ кожа у нихъ трескается, почему они живутъ это время въ морѣ, г. Анучинъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что здѣсь надо подразумѣвать простой бытовой фактъ изъ жизни сѣверно-сибирскихъ самоѣдовъ, именно ихъ лѣтнія перекочевки. „Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь, отчасти, промысломъ на морского звѣря и рыбу". Самый промыселъ на морскихъ звѣрей и на рыбу совершается такъ, что иносказательно можно было бы говорить, что самоѣды въ это время живутъ въ морѣ. Новѣйшій путешественникъ въ тѣ края, Кушелевскій разсказываетъ, что на рыбномъ промыслѣ самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ, по отмелямъ Обской губы, и т. д. [1]).

Подобнымъ образомъ г. Анучинъ подробно разбираетъ всѣ остальные пункты новгородскаго сказанія о Самоѣди мохнатой, живущей подъ землею и т. д., и вездѣ старается найти раціональное объясненіе чудесъ, о которыхъ наговорилъ старинный новгородецъ. Въ этихъ толкованіяхъ разсѣяно не мало важныхъ объясненій для сибирской археологіи и этнографіи, какъ, напримѣръ, то, что авторъ говоритъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о горномъ дѣлѣ на Алтаѣ, о нѣмомъ торгѣ, о способахъ шаманскаго леченія, и т. д.

Свое общее заключеніе о значеніи новгородскаго сказанія авторъ высказываетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью,

---

[1]) Анучинъ, стр. 46—47.

другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и только нѣкоторыя представляются явно миѳическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившіе между Югрой и посѣщавшими ихъ русскими—повѣрья и разсказы.

„Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько-нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ юракахъ, каменскихъ самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры; здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI го вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ“ [1]).

Въ объясненіе того, какъ и въ гораздо болѣе позднее время возникали баснословные разсказы о чудовищныхъ людяхъ, г. Анучинъ приводитъ изданную недавно отписку енисейскаго воеводы князя Щербатова въ сибирскій приказъ отъ 1685 года [2]). Въ отпискѣ говорится, что въ томъ 1685 году „почала быть словесная рѣчь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рѣкѣ, явились дикіе люди объ одной рукѣ и объ одной ногѣ“. Нѣсколько человѣкъ ясачныхъ тунгусовъ было спрошено и они утвердительно говорили, что дѣйствительно существуютъ такіе люди, что такой человѣкъ попался даже въ звѣриную ловушку (капканъ) одного тунгуса и былъ этой ловушкой застрѣленъ, но изъ спрошенныхъ самъ никто такого человѣка не видалъ, а одинъ тунгусъ Богдашко „видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму (гдѣ, какъ полагалось, жили тѣ чудовищные люди), и отъ той-де ямы видѣлъ же слѣдъ тѣхъ дикихъ людей на снѣгу хожено одною босою ногою, а тотъ-де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 85 — 86.

[2]) Отписка, найденная въ бумагахъ московскаго Архива министерства юстиціи, издана г. Гоздаво-Голомбіевскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, за 1888.

[3]) Стр. 86 — 88.

Новгородское сказаніе любопытно въ другомъ, отрицательномъ отношеніи: составленное въ XV вѣкѣ, а можетъ быть достигая и до конца XIV-го, это сказаніе продолжало обращаться въ рукописяхъ до XVII-го вѣка, переписывалось въ неизмѣнномъ видѣ; не вызвавши никакого комментарія или дополненія, — такъ медленно развивалась историческая любознательность. Въ то время, когда уже были на мѣстѣ достаточно извѣстны всѣ существующіе роды „Самояди", продолжали переписывать старое баснословное сказаніе, и на смѣну его не явилось другого описанія сибирскихъ народовъ до XVIII-го вѣка.

Итакъ завоеваніе Сибири Ермакомъ было только послѣдовательнымъ продолженіемъ давняго движенія русскихъ на азіатскій востокъ, движенія, съ одной стороны чисто народнаго, разбойничьяго и колонизаціоннаго, а затѣмъ происходившаго по приказамъ власти. Подчиненіе „всей сибирской земли" было на первое время весьма непрочно: сибирскіе владѣльцы то заявляли покорность и присылали дань, то отбивались отъ московскаго владычества, смотря по обстоятельствамъ, и при отдаленности новыхъ владѣній московской власти часто приходилось мириться съ этимъ и предоставлять времени довершать то тяготѣніе, которое силою вещей побуждало инородцевъ отдаваться подъ руку сильнаго сосѣдняго государства. Уже вскорѣ по смерти Ермака, грозило отпаденіе Сибири; надо было опять воевать съ непокорнымъ Кучумомъ и его сыновьями; онъ былъ, наконецъ, разбитъ, почти вся его семья была захвачена, но самъ онъ, уже слѣпой, избѣжалъ плѣна; одинъ изъ его сыновей назывался въ Москвѣ сибирскимъ царевичемъ, а другой воевалъ противъ русскихъ въ Сибири; еще въ половинѣ XVII-го в. внукъ Кучума велъ послѣднюю борьбу противъ русскихъ. Независимо отъ этихъ войнъ послѣдняго царскаго рода, съ конца XVI-го вѣка происходили безпрестанныя возстанія сибирскихъ инородцевъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ, остяковъ и пр., вызываемыя отчасти начавшимися притѣсненіями русскихъ правителей, отчасти воспоминаніями о прежней независимости. Эти возстанія тянутся долго въ теченіе XVII-го вѣка.

Дальнѣйшее занятіе Сибири шло очень быстро. Въ 1587 былъ построенъ Тобольскъ, который долгое время былъ главнымъ городомъ Сибири, и вскорѣ затѣмъ небольшіе города западной Сибири — Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымскій острогъ, Верхотурье, Мангазея. Въ 1604, основанъ Томскъ, съ построеніемъ котораго русскимъ принадлежала уже значительная часть нынѣшней томской губерніи. Въ 1618, основанъ Кузнецкій острогъ, переименованный вскорѣ въ городъ, и около того же времени основанъ Енисейскъ; въ 1628,

Канскій острогъ и Красный Яръ, нынѣшній Красноярскъ. Въ 1615, произошла первая встрѣча съ тунгусами: въ 1620—первыя донесенія мангазейскихъ казаковъ о якутахъ на Ленѣ. Въ 1613, казаки изъ Мангазеи на р. Тазѣ двинулись па востокъ, покоряли тунгусовъ по р. Вилюю, выплыли на Лену, встрѣтили здѣсь якутовъ и обложили ихъ данью; а въ 1632 году енисейскіе казаки проникли сюда же съ другой стороны, и именно, поднявшись вверхъ по Ангарѣ и Илиму, вышли черезъ волокъ на рѣку Лену, гдѣ покоряли на пути якутовъ и заложили Якутскій острогъ, на 70 верстъ ниже нынѣшняго Якутска. Въ 1635 основанъ былъ Олекминскъ, а затѣмъ вскорѣ Верхоянскъ, въ тобольскомъ краѣ Ялуторовскъ; въ 1648 основанъ Косой Острожекъ (впослѣдствіи городъ Охотскъ), Баргузинъ и Нижнеудинскъ, вскорѣ потомъ Верхнеудинскъ. Въ 1649—1650 казацкій атаманъ Хабаровъ, съ сотней охотниковъ на соболей, отправившись изъ Якутска, первый проникъ па Амуръ, гдѣ въ 1651 году былъ имъ основанъ Албазинъ, первое русское поселеніе на Амурѣ, долго выдерживавшее борьбу съ китайцами и манчжурами: русскіе отступили изъ этихъ мѣстъ въ концѣ XVII-го столѣтія, Албазинъ былъ разрушенъ, и потомки его жителей, отведенныхъ въ Пекинъ, существуютъ еще донынѣ, обратившись въ совершенныхъ китайцевъ и сохранивъ только подобіе православія. Далѣе, въ 1652 основано Иркутское зимовье, обратившееся потомъ въ городъ Иркутскъ; въ 1654—Нерчинскъ, въ 1666—Селенгинскъ. Наконецъ, въ 1697 году нѣсколько десятковъ казаковъ изъ Охотскаго края и мѣстныхъ инородцевъ отправились въ Камчатку и основали тамъ первое русское зимовье. Взглянувъ на карту, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ поразительной быстротѣ этого завоеванія, совершавшагося обыкновенно казачьими и промышленными партіями, обыкновенно лишь въ нѣсколько десятковъ, рѣдко сотенъ, человѣкъ.

Такимъ образомъ, едва въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ основанія Тобольска до построенія Охотска, произошло занятіе громаднаго пространства всей Сибири, едва ли не чаще совершаемое не по иниціативѣ власти, а предпріимчивостью вольныхъ отрядовъ. Рядомъ съ этими сухопутными или рѣчными походами, совершались не менѣе смѣлыя морскія путешествія, которыя въ первый разъ опредѣлили сѣверныя береговыя очертанія Сибири отъ устьевъ Оби до устьевъ Амура. Первыя плаванія относятся еще къ XVI вѣку. Когда англичане съ капитаномъ Ченслеромъ въ половинѣ XVI-го вѣка въ первый разъ прибыли къ Архангельску, русскіе уже плавали для промысловъ на Мурманскій берегъ, Шпицбергенъ и Новую-Землю, и вели морскую торговлю въ устьяхъ Оби и Енисея; но эти плаванія прекратились къ концу XVI-го вѣка, можетъ быть, какъ полагаютъ, отъ

измѣненія климатическихъ условій Карскаго моря. Когда русскія поселенія достаточно утвердились внутри сибирскаго материка, начинается рядъ экспедицій для осмотра сѣверныхъ краевъ Сибири и береговъ Ледовитаго океана. Въ 1636 отправленъ былъ изъ Енисейска казачій десятникъ Буза съ десятью человѣками для осмотра рѣкъ, идущихъ въ Ледовитый океанъ; къ казакамъ пристало нѣсколько десятковъ промышленниковъ: они отправились внизъ по Ленѣ, достигли ея западнаго устья и осмотрѣли берегъ на западъ до рѣки Оленека. Черезъ два года тотъ же Буза, отправившись отъ устья Лены на востокъ, открылъ рѣку Яну; другой плаватель нашелъ дальше рѣку Индигирку. Въ 1643—45, казацкій старшина Поярковъ, поднявшись по притокамъ Лены, перешелъ Становой хребетъ, спустился по притоку Амура въ эту рѣку и проплылъ все теченіе Амура до его устья; затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ плавалъ по Охотскому морю. Въ 1646 осмотрѣнъ берегъ Сибири на востокъ отъ устья рѣки Колымы. Въ 1647 казакъ Семенъ Дежневъ предпринялъ свое первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ р. Колымы, гдѣ былъ, однако, остановленъ льдами; въ слѣдующемъ году промышленники снарядили нѣсколько судовъ, которыя выплыли изъ устья Колымы; нѣсколько судовъ пропало безъ вѣсти, но Дежневъ, участвовавшій въ экспедиціи, обогнулъ мысъ Шелагскій и Чукотскій Носъ и выплылъ въ Охотское море, гдѣ бурей былъ выкинутъ на берегъ,—такъ впервые пройденъ былъ проливъ, получившій потомъ имя Беринга. Не перечисляя другихъ экспедицій, упомянемъ еще одну, которая отправлена была въ 1652 для отысканія материка на сѣверъ отъ устьевъ Яны и Колымы: вышедши изъ устьевъ Лены, эта экспедиція пропала безъ вѣсти.

Къ русскимъ плаваніямъ присоединяются многочисленныя экспедиціи западныхъ мореплавателей. Шестнадцатый вѣкъ былъ еще исполненъ стремленіемъ къ географическимъ открытіямъ, которое такъ сильно проявилось и дало такіе блестящіе результаты въ пятнадцатомъ столѣтіи. Но въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не столько духъ научныхъ открытій, сколько разсчеты найти новые пути для европейской, и именно англійской и голландской, торговли. На европейскій востокъ влекло англичанъ и голландцевъ желаніе основать торговыя связи съ русскимъ государствомъ, уже тогда весьма обширнымъ, а затѣмъ черезъ ея земли открыть сухопутную торговую дорогу въ Персію и Индію, или черезъ Ледовитый океанъ въ Китай, еслибы оказалось, что тамъ есть свободный морской путь. Это послѣднее соображеніе вызвало съ XVI-го столѣтія упомянутыя англійскія и голландскія экспедиціи въ сѣверный океанъ, омывающій берега Россіи и Сибири. Эти путешествія идутъ съ первой знаменитой экс-

Канскій остро
произошла не
мангазейских
гази на р.
р. Вилюю, и
ихъ данью; с
другой стор
вышли чер
и заложили
Въ 1635 о
въ тобольс
жекъ (вно
вскорѣ по
баровъ,
первыи в
Албазин
борьбу
мѣсть
томки
нынѣ,
подобіе
обрати
1666
казак
въ К
карт
заво
нар
чел

бо
ст
т
э
с
с

мало мѣры, чтобы собрать свѣдѣнія о дальнихъ азіатскихъ ахъ. Таково было „хожденіе“ казацкихъ атамановъ Петрова и ева въ Китай въ 1567 году: отправленные Иваномъ Грознымъ вѣдывать государства“ неизвѣстныхъ владѣтелей, къ которымъ ины были дружественныя грамоты, предпріимчивые атаманы ополучно вернулись домой и вывезли „сказку“ о видѣнныхъ ими яхъ; между прочимъ, они побывали и въ Пекинѣ, хотя богды а не видѣли, потому что не съ чѣмъ было къ нему явиться, не о съ собой подарковъ [1]). Въ концѣ XVI-го вѣка уже дѣлаются поряженія относительно торговли съ бухарцами и ногаями: къ нимъ ѣно было относиться съ учтивостью, въ случаѣ, еслибы они пріали съ товарами. Въ 1587, при Ѳедорѣ Ивановичѣ, русскіе между очимъ предлагали Польшѣ за союзъ съ Москвою свободный путь льскимъ и литовскимъ купцамъ на востокъ, именно „въ Сибирь и великое китайское государство, въ которомъ родится всякій дороой камень и золото“. Борисъ Годуновъ обѣщалъ англичанамъ соѣйствіе въ отыскиваніи китайской земли. Между тѣмъ дѣло подвиалось и само собою. Сибирскіе казаки все ближе подходили къ Монголіи, и затѣмъ черезъ эту небогатую страну старались заводить торговыя сношенія съ богатымъ Китаемъ, и, чтобы обезопасить торговые караваны, сибирскіе воеводы рѣшались отправлять ихъ отъ имени самого московскаго правительства. Отсюда рядъ полу-торговыхъ, полу-дипломатическихъ посылокъ и настоящихъ развѣдочныхъ экспедицій, отправлявшихся въ теченіе XVII-го столѣтія. Таково было посольство 1608 года изъ Томска къ монгольскому хану, впрочемъ безуспѣшное; въ 1616 году—болѣе счастливое посольство атамана Василія Тюменца „съ товарищи“ изъ Тобольска къ Алтынъ-хану. По возвращеніи, Тюменца подробно выспрашивали въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ: черезъ разныя земли онъ добрался до Алтынъ-хана и (по наставленію отправлявшаго его тобольскаго воеводы) выдалъ себя за царскаго посланца; онъ былъ торжественно принятъ Алтынъ-ханомъ, нѣсколько разъ „ѣлъ“ у него, выспросилъ о китайскомъ и другихъ государствахъ и какіе въ нихъ товары, и пр.; Алтынъ-ханъ изъявилъ согласіе признать себя подручнымъ у московскаго царя, обѣщалъ давать свободный пропускъ русскимъ людямъ въ китайское государство и просилъ о присылѣ ему государева жалованья, — въ этомъ послѣднемъ и былъ, вѣроятно, главный разсчетъ, также какъ въ помощи противъ его собственныхъ враговъ [2]).

---

[1]) „Хожденіе“ напечатано въ „Сказаніяхъ русскаго народа“ Сахарова, т. II, и болѣе исправно въ „Обзорѣ хронографовъ“ А. Попова („Изборникъ“, стр. 480—487).

[2]) Экспедиція Тюменца разсказана въ первый разъ Ю. В. Арсеньевымъ [illegible]

Спаѳарія черезъ Сибирь отъ Тобольска до китайской границы, другая—описаніе самого Китая [1]).

Книга Спаѳарія писана на манеръ старинныхъ русскихъ описей (и велась, можетъ быть, какимъ-нибудь состоявшимъ при немъ подъячимъ): это—голый перечень именъ рѣкъ, острововъ, городовъ, деревень, горъ и т. д. [2]); лишь въ немногихъ случаяхъ приводятся болѣе подробныя указанія, напр.: особое описаніе Оби, „славные рѣки Иртыша", Байкальскаго озера и его особенностей, или описаніе нѣкоторыхъ городовъ и т. п. Кое-гдѣ прибавлены ученыя соображенія, принадлежащія, вѣроятно, уже самому Спаѳарію. Авторъ не однажды ссылается на грековъ и латинъ, на древнихъ и новыхъ „землеписателей"; говоря о Байкалѣ, разсуждаетъ, долженъ ли онъ называться озеромъ или моремъ, и т. п. Но ученыя ссылки иногда весьма неудовлетворительны; напримѣръ, при описаніи Иртыша онъ говоритъ о большомъ сибирскомъ лѣсѣ, который, по его мнѣнію, есть именно Герцинскій лѣсъ, упоминаемый древними писателями [3]); объ

---

[1]) О Спаѳаріѣ см. у Пекарскаго, „Наука и литер.", I, стр. 340 — 343, и ст. Кедрова, въ Журн. мин. просв., 1876, № 1; изданіе путешествія въ „Запискахъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи", т. X, и отдѣльно: „Путешествіе чрезъ Сибирь, отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая, русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаѳарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева". Спб. 1882.

[2]) Напр., въ самомъ началѣ, послѣ выѣзда изъ Тобольска описаніе пути ведется такъ:

„Деревня Реткина, руская, отъ Тобольска 7 верстъ.

„Деревня Смирни, руская, отъ деревни Реткины верста.

„Деревня Ильина, руская, отъ деревни Смирни 2 версты; да противъ той на другой сторонѣ (рѣки) двѣ деревни: одна руская — Осипа Микифорова, а другая — Ескалбинская, татарская. Ескалбинской островъ на рѣкѣ Иртышѣ отъ Тоболска 10 верстъ", и т. д.

Или:

„Да по правую и по лѣвую сторону рѣки Иртышу лѣсъ соснякъ, и березникъ, и тальникъ.

„А рѣка Иртышъ зѣло тихо течетъ, а въ ширину саженъ по 500, а въ глубину саженъ по 10 и по 11 и по 20, и болше.

„Пріѣхали на ямъ, въ юртъ Натце...

„Да отъ тогожъ юрту на правой сторонѣ рѣчка Индюкъ.

„Да на той же сторонѣ Иртыша рѣчка Серебрянка.

„Да на той же на правой сторонѣ деревня Карбинская, татарская; перемѣняли гребцовъ", и т. д.

[3]) ...„Лѣсъ тотъ, который идетъ и по Обѣ рѣкѣ, и по всему Сибирскому государству до самаго до Окіянскаго моря, которой лѣсъ преславной есть и превеликой, и именуется отъ землеписателей по еллински „Эркиніосъ или", а по латински „Эрцыніосъ силва", се есть, Эркинскій лѣсъ; и тотъ лѣсъ идетъ возлѣ берега Акіяна до Нѣмецкой и Французской земли и далѣ, и чуть не по всей земли, для

остякахъ онъ разсуждаетъ, что это народъ древній, какъ и другіе сибирскіе народы, и происходитъ отъ скиѳовъ, которые послѣ потопа произошли отъ сына Ноева, Іафета, а идолослуженіе свое они „какъ приняли отъ исполина Неврода, такъ и держатъ"; о монголахъ или „мунгалахъ", какъ ихъ обыкновенно тогда называли, онъ замѣчаетъ: „мунгалы суть, о которыхъ пишетъ въ библіи—Гогъ и Магогъ, потому что они называютъ себя маголь", — но онъ знаетъ, что монгольскій народъ „зѣло великъ", что онъ начинается близь рѣки „Амуры", простирается между китайскимъ государствомъ и Сибирью и доходитъ до Бухары и до самой Индіи подъ разными тайшами. Во всякомъ случаѣ, книга Спаѳарія представляетъ множество топографическихъ данныхъ и завершаетъ собою старую систему описаній Сибири, начатую въ XVI-мъ столѣтіи.

Въ западной Европѣ ученые люди, также какъ правительства и римская церковь, давно были заинтересованы собираніемъ свѣдѣній объ отдаленныхъ азіатскихъ странахъ. Долго эти свѣдѣнія были очень скудны и не шли дальше того, что разсказывали древніе, Геродотъ или Птолемей. Первыя путешествія съ европейскаго запада на востокъ, совершенныя въ XIII-мъ столѣтіи Асцелиномъ, Рубруквисомъ, Плано-Карпини и Марко-Поло, вызваны были грозными нашествіями изъ глубины Азіи и сообщили въ первый разъ болѣе или менѣе точныя понятія о средней Азіи, Туркестанѣ, Монголіи; Марко-Поло говоритъ и о Китаѣ, слышалъ объ Японіи, — но Сибирь оставалась неизвѣстна этимъ путешественникамъ. На картѣ, составленной въ 1375 году, обозначены Бухара и Самаркандъ, но сѣверная Азія представлена пустыней, гдѣ обитаютъ баснословные Гогъ и Магогъ, о которыхъ намекало библейское преданіе, развитое средневѣковыми сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ; выше мы упоминали, что такимъ же образомъ и древняя русская лѣтопись XI—XII вѣка полагала за предѣлами Югры жилища Гога и Магога и что о нихъ вспоминаетъ Спаѳарій еще въ концѣ XVII-го столѣтія. На венеціанской картѣ 1457 года представлены также разныя мѣстности средней Азіи, указанъ Алтай, но Сибирь изображена въ видѣ узкой полосы между Алтаемъ и Сѣвернымъ океаномъ. Впослѣдствіи стали мало-по-малу проникать на Западъ тѣ свѣдѣнія о внутренней Азіи, какія начали собираться у русскихъ; проводниками ихъ были какъ мореплаватели, отправлявшіеся въ Ледовитый океанъ, такъ и западные

того и первый лѣсъ на свѣтѣ и преименитый у всѣхъ земноописателей есть, однакожде нигдѣ нѣтъ такъ пространной и великой, какъ въ Сибирскомъ государствѣ".

путешественники, заѣзжавшіе въ Россію, главнымъ образомъ въ посольствахъ. Свѣдѣнія эти въ XVI-мъ вѣкѣ были еще весьма сбивчивы. Первою картою этого рода является карта данцигскаго сенатора Антона Вида, изданная въ 1555 году, но составленная гораздо раньше, такъ что карта Мюнстера 1544 года есть только ея копія [1]). Показанія Вида о Сибири [2]) крайне ограничены; рѣка Обь изображена скорѣе въ видѣ огромнаго залива — какъ будто за рѣку принята Обская губа; на лѣвой сторонѣ ея изображены „абдоры", поклоняющіеся „Золотой Бабѣ" съ ребенкомъ въ рукахъ и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры; любопытно, что имя золотой Бабы написано русскими буквами съ переводомъ: Hoc est aurea uetula idolum quod huius partis incolae adorant. Южнѣе золотой Бабы по той же лѣвой сторонѣ изображенъ городъ Сибирь (Sybir); затѣмъ все къ югу Тюмень (Tumen wilky), Kasary Horda (восточнѣе), Kalmycky Horda, наконецъ, между Волгой и Яикомъ (Deich) помѣщена Horda Nohay и рядомъ громадное мѣсто, занятое устьями Волги съ Астраханью; между абдорами и Тюменью, западнѣе, изображена Великая Пермь (Wilki Perim); на правой сторонѣ Оби, на одной широтѣ съ городомъ Сибирь надпись, неизвѣстно чтó обозначающая: Kydeisco. Вотъ все содержаніе этой карты, которая могла быть составлена на основаніи слуховъ объ этихъ странахъ въ печатныхъ источникахъ, хотя „Золотая Баба" и „Kydeisco" могли принадлежать спеціально русскому источнику. Нѣсколько болѣе подробна, но все-таки очень скудна карта Герберштейна 1549 и 1556 года [3]). Рѣка Обь изображена опять чрезвычайно широко, вытекающею изъ огромнаго озера; на лѣвой сторонѣ ея, на сѣверъ опять золотая Баба (aurea anus, Slata Baba), изображенная въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамой съ копьемъ въ рукѣ: южнѣе, близъ впаденія какой-то рѣки въ Обь, означенъ городъ Obea; еще южнѣе еще два города: Terom (или Ierom) и Tumen. По правой сторонѣ рѣки указаны на крайнемъ сѣверѣ Югры, отъ которыхъ произошли венгры; южнѣе народъ „грустинцы" и городъ Грустина, еще южнѣе „Кумбаликъ, столица въ Катаѣ или Китаѣ (Cumbalik Regia in Cataya idem in Kitay)". Герберштейнъ приводитъ далѣе, несомнѣнно русскую, басню о жителяхъ „Лукоморья", лежащаго за Обью, которые каждый годъ на зиму умираютъ и весной оживаютъ, какъ лягушки, и съ которыми ведется нѣмая мѣновая торговля. Это напоминаетъ разсказы древней лѣтописи о народахъ, жившихъ за Югрой, и новгородское сказаніе; араб-

[1]) Открытіе карты Вида принадлежитъ Михову: Die aeltesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie" von Dr. H. Michow. Hamburg, 1884.

[2]) Отрывокъ карты у Анучина, стр. 52.

[3]) Часть этой карты у Анучина, стр. 54.

скій писатель Ибнъ-Батута также говорилъ о нѣмой торговлѣ, совершаемой на границѣ „страны мраковъ“, т.-е. Сибири. Позднѣйшіе иностранные писатели еще долго помѣщали въ ряду принадлежащихъ русскихъ земель эту „Лукоморію“. „Китайское озеро“ и „Камбалыкъ“ (т.-е. Пекинъ) близъ праваго берега Оби достаточно свидѣтельствуютъ, какъ смутны были представленія объ этомъ краѣ у самихъ русскихъ людей, отъ которыхъ Герберштейнъ почерпалъ свои извѣстія [1]).

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этой литературы служатъ два небольшія сочиненія голландца Исаака Массы: Описаніе сибирскихъ земель, и Описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь и ея городовъ.

Въ нашей исторической литературѣ Масса извѣстенъ въ особенности записками о смутномъ времени, которыя только въ недавнее время изданы были въ голландскомъ подлинникѣ, а затѣмъ и въ русскомъ переводѣ [2]). Біографія его извѣстна мало, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ замѣчательный. Какъ полагаютъ его біографы, онъ происходилъ изъ знатнаго итальянскаго рода, выселившагося въ Голландію во время реформаціи, по исповѣданію былъ кальвинистъ, и принадлежалъ къ богатой семьѣ, занятой торговыми дѣлами. Онъ родился въ 1587 году, и еще юношей, почти мальчикомъ, онъ былъ посланъ родителями въ Москву, для изученія торговаго дѣла. Онъ прибылъ въ Москву около 1600, прожилъ тогда въ

---

[1]) По объясненію нашихъ географовъ, „Китайское озеро“ (на которое намекаетъ и слово „Kydeisco“ на картѣ Вида) не совсѣмъ лишено смысла въ томъ отношеніи, что, по замѣчанію Миддендорфа, оно должно означать озеро Нордъ-Дзайсангъ или Дзайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, такъ что Герберштейнъ могъ принимать Иртышъ за верхнюю часть Оби, а Телецкое озеро, изъ котораго вытекаетъ одна изъ частей Оби, Бія, не можетъ быть принято за Китай-озеро по его незначительной величинѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Тобольская губернія. В. Звѣринскаго, Спб. 1871, стр. LXI; Замысловскій, Журн. мин. просв. 1891, іюнь, стр. 335). Этому объясненію мѣшаетъ только то, что у Герберштейна рѣка Иртышъ означена особо, какъ небольшой притокъ, гораздо сѣвернѣе Китайскаго озера. На картѣ царевича Өедора Борисовича, изданной въ Амстердамѣ въ 1614, Камбалика уже нѣтъ, точно указанъ Тобольскъ, какъ метрополія Сибири, но истокомъ Оби все еще служитъ большое Китайское озеро (Kithaica lacus).

[2]) Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié pour la première fois, d'après le Mr. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le prince Michel Obolensky et M. le Dr. A. Van der Linde. Bruxelles, 1866, 2 тома. Затѣмъ голландскій текстъ былъ напечатанъ въ „Сказ. иностр. писателей о Россіи“, изд. Археогр. Комм., Спб. 1868, съ нѣкоторыми отличіями, и по обоимъ изданіямъ сдѣланъ переводъ:

— Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археографической Коммиссіи. Съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрія I. Спб. 1874. (Другихъ статей Массы о Россіи здѣсь нѣтъ).

— Письма Массы изъ Архангельска къ Генеральнымъ Штатамъ (1614, 1616—1618 г.) изданы въ русскомъ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868, кн. 1, 8.

Россіи восемь лѣтъ, именно во времена Годунова, Лжедимитрія I и Шуйскаго, и былъ свидѣтелемъ московскихъ событій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи. Издатели голландскаго текста сочиненія Массы указываютъ цѣнность его историческихъ свидѣтельствъ: Масса отличается большою правдивостью и безпристрастіемъ, — притомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о событіяхъ, онъ сближался съ знатными людьми и „секретарями", имѣлъ связи при дворѣ.

Вернувшись изъ Россіи, Масса, повидимому, завершилъ свою книгу: „Краткое повѣствованіе о началѣ и происхожденіи современныхъ войнъ и смутъ въ Московіи, бывшихъ въ непродолжительный періодъ царствованія нѣсколькихъ государей ея, до 1610 года". Вскорѣ потомъ, именно въ 1614 году, мы опять видимъ его въ Россіи, въ Архангельскѣ, и въ Москвѣ, откуда онъ велъ переписку съ генеральными штатами. Рѣчь шла о торговыхъ интересахъ Голландіи, которые ему пришлось защищать не безъ особенныхъ усилій, такъ какъ надо было бороться съ представителями Англіи, которые добивались торговой монополіи для своего отечества. Во второй разъ Масса опять прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ. Въ 1635 году былъ изданъ его портретъ, который остался, кажется, послѣднимъ свидѣтельствомъ для его біографіи.

Возвращаемся къ его трудамъ. Главнымъ изъ нихъ было упомянутое сочиненіе о московскихъ смутахъ первыхъ лѣтъ XVII-го вѣка, но литературная извѣстность Массы начинается съ его другихъ сочиненій. Именно, живя въ Россіи, онъ между прочимъ былъ очень заинтересованъ Сибирью, гдѣ предвидѣлся новый богатый рынокъ для европейской (въ частности, голландской) торговли и находился также путь къ другимъ богатымъ азіатскимъ странамъ. Повидимому, Масса употреблялъ всѣ средства, какія были въ его распоряженіи, чтобы ознакомиться съ Сибирью, исторіей ея открытія и завоеванія, ея топографіей и ведущими туда путями. Русскіе люди того времени отличались вообще большою скрытностью въ подобныхъ вещахъ, подозрѣвая себѣ какой-нибудь ущербъ отъ иностранцевъ, но Масса, живя долго въ Москвѣ, познакомившись съ русскимъ языкомъ, имѣя, повидимому, не мало друзей между знатными и дѣловыми людьми, успѣлъ собрать значительныя свѣдѣнія и добылъ даже русскую карту Сибири. Его сочиненія и карты вызвали у новѣйшихъ ученыхъ высокую оцѣнку его географическихъ заслугъ. У насъ первый говорилъ объ этихъ трудахъ Массы знаменитый академикъ Бэръ [1]). На первый разъ Бэръ обратилъ здѣсь вниманіе на изображеніе двухъ моржей, самки и дѣтеныша, по его словамъ прекрасно исполненное

[1]) См. Bulletin Scientifique (Академіи), tome X, 1842, № 17, ст. 267—271.

по молодому, живому экземпляру и по старому набитому экземпляру, находившимся въ Голландіи въ 1612 году: эти животныя были тогда еще столь мало извѣстны, что Блуменбахъ повторилъ эти изображенія. Теперь Бэръ остановился на самомъ содержаніи книги, важной для исторіи сѣверной Россіи. Позднѣе указалъ ее Аделунгъ въ своемъ обзорѣ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію [1]), причемъ далъ нѣкоторыя указанія о біографіи Массы. Аделунгъ не вполнѣ зналъ эту біографію, не зналъ, напримѣръ, года рожденія этого ученаго голландскаго біографа, которому было всего тринадцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію и всего двадцать-два года, когда онъ приготовилъ изданіе, составившее, по отзыву Аделунга, большую заслугу для исторіи и географіи Россіи. Эта книжка вышла въ первый разъ въ 1612 г., въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, затѣмъ въ томъ же году въ нѣсколько дополненномъ видѣ на латинскомъ; въ слѣдующемъ году вышло новое, третье, латинское изданіе, которое считается лучшимъ; всѣ книжки очень рѣдки [2]).

[1]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Спб. 1846, II, стр. 217—221.

[2]) Подробное описаніе изданій этой книги Массы сдѣлано въ сочиненіи Фань-деръ-Линде и кн. Оболенскаго, II, стр. XII и д.

— Первое голландское изданіе: „Beschryvinghe van der Samoyeden landt in Tartarien. Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overghheset, Anno 1609“. Амстердамъ, 1612.

— Латинское изданіе: Descriptio ac delineatio Geographica, и пр. Амстердамъ, 1612.

— Третье латинское изданіе: „Descriptio ac delineatio geographica Detectionis Freti sive Transitus ad Occasum suprà terras Americanas, in Chinam atque Japonem ducturi. Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo. Item Exegesis Regi Hispaniae facta, super tractu recens detecto, in quintâ Orbis parte, cui nomen Australis Incognita. Cum descriptione Terrarum Samoiedarum, et Tingoesiorum, in Tartariâ ad Ortum Freti Waygats sitarum, nuperque sceptro Moscovitarum adscitarum. Amsterodami. Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613. (Экземпляръ имѣется въ Академической библіотекѣ).

Во второмъ изданіи, при открытіяхъ въ Австраліи, добавлены слова: per Capitaneum Petrum Ferdinandez de Quir, здѣсь опущенныя. У Аделунга, вмѣсто: transitus ad Occasum, поставлено неправильно: ad Oceanum.

Книжка (3-е изд.), съ помѣтой листовъ, но безъ помѣты страницъ состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, карта сѣвернаго берега отъ Лапландіи до Peisida reca, въ Сибири, за Енисеемъ, подъ названіемъ: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is, съ голландскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія мѣстныя названія переведены по-голландски. На оборотѣ изображеніе корабля и латинскіе стихи: Liber ad Lectorem. Далѣе, стр. 1—2: Ad Lectorem Prolegomena in tractatus sequentes. Затѣмъ вторая карта: „Tabula Nautica, qua representantur orae maritimae meatus, ac freta, noviter a Hudsono Anglo ad Caurum supra Novam Franciam indagata, Anno 1612“—изображеніе Сѣвернаго океана отъ Англіи и Исландіи на востокѣ до

глава I.

Россіи во ... *книжка Массы вниманіе обратила на себя* большое вниманіе: кромѣ
Шуйска' ... *изданія потребовалось* изданіе на латинскомъ, тогда
салъ в' ... *ученомъ* языкѣ, и оно было вскорѣ повто-
Массь ... *и другіе* переводы—нѣмецкій и французскій,
отли ... *и старый русскій.* Съ нѣмецкимъ переводомъ нѣкоего
что ... *и наконецъ Гогарта Артхуса, данцигскаго* жителя, встрѣтился Пекарскій: Артхусъ
лг ... *плодовитый компиляторъ* и переводчикъ; между прочимъ онъ
заинтересовался и книжкою Массы и повидимому сначала перепеча-
галъ ее по-латыни, потомъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ,—представляя
ее какъ бы своимъ собственнымъ сочиненіемъ, такъ какъ имя Массы
умолчано [1]).

... Великаго моря", открытаго Гудсономъ, берега Сѣверной Америки и Гренландіи. Затѣмъ, стр. 3—5. „Descriptio ac delineatio geographica detectionis freti sive transitus supra terras Americanas in Chinam, et Japonem"—извѣстіе о несчастливомъ плаваніи Гудсона, составленное тотчасъ послѣ путешествія и полагающее поэтому (какъ замѣчаетъ Бэръ), что тотчасъ за Девисовымъ проливомъ долженъ находиться открытый океанъ. Стр. 6—15: Libelli supplicis, oblati Regiae Majestati Hispaniae a Duce Petro Fernandez de Quir, super Detectione quartae partis Orbis terrarum, cui nomen Australis incognita, eiusque immensis opibus et fertilitate, — очень спутанный разсказъ объ открытіяхъ дона Педро Фернанда Деквейросъ (или Деквиръ) на берегахъ Новой Голландіи и въ другихъ странахъ Южнаго океана. При этой статьѣ вплетена опять первая карта сѣвера Россіи и Сибири въ уменьшенномъ размѣрѣ съ латинскими подписями и съ табличкой гдѣ русскія слова переведены по-латыни. Стр. 16 картинка, изображающая самоѣдскую ѣзду на оленяхъ и идоловъ, которымъ самоѣды поклоняются. Наконецъ, двѣ статьи самого Массы, стр. 17—23: Descriptio Regionum Siberiae, Samojediae, Tingoësiae et itinerum è Moscovia, Orientem et Aquilonem versus eò ducentium, ut à Moschis hodie frequentantur". Стр 24 пустая. Стр. 25—35: „Brevis descriptio itinerum ducentium et fluviorum labentium è Moscovià Orientem et Aquilonem versus, in Siberiam, Samojediam et Tingoesiam, ut a Moschis hodie frequentantur. Item Nomenclaturae oppidorum in Siberia a Moschis conditorum, quae prorex gubernat, etiam incognita explorat, et occupat, ita ut in magnam Tartariam fere penetrarit. Въ концѣ статьи подпись: „Isaac Massa Haerlem" (ensis), относящаяся, очевидно, къ обѣимъ статьямъ о Сибири. Стр. 36 опять пустая. На особомъ листкѣ изображеніе двухъ моржей. Стр. 37—39 статья безъ заглавія, и стр. 40—42: „De detectione Terrae polaris, sub latitudine octoginta graduum": въ обѣихъ говорится о тогдашнихъ новыхъ предпріятіяхъ по изученію Сѣвернаго моря и на особыхъ листахъ приложены изображеніе кита и небольшая карта полярныхъ странъ. Обѣ статьи Массы изданы въ книгѣ Ванъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго.

Имена Гудсона и (во второмъ изданіи) де-Кывира, поставленныя въ заглавіи, производили нѣкоторую библіографическую путаницу: какъ видимъ, книжка представляетъ небольшой сборникъ, составленный Герардомъ, который самъ былъ извѣстный географъ, изъ статей о новѣйшихъ географическихъ открытіяхъ; но и по тому времени главная важность сборника заключалась именно въ статьяхъ Массы о Сибири и въ его картахъ.

[1]) Въ примѣръ библіографической запутанности укажемъ Пекарскаго, „Наука и литература при П. В.", I, стр. 340 (его указанія были приведены мною въ „В. Евр.", 1888, апрѣль, стр. 702—703); Аделунга, Uebersicht, II, стр. 296, гдѣ

Повидимому тогда же сдѣланъ былъ французскій переводъ. Не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ, но рукопись его мы видѣли въ парижской Національной библіотекѣ, пересматривая тамъ (въ 1859) старыя рукописи, относящіяся до Россіи. Получивъ теперь [1]) копію этой рукописи (Ms. № 19474, Collection Dupuy), мы нашли въ ней старый французскій переводъ обѣихъ статей Массы о Сибири, только въ другомъ порядкѣ, сдѣланный по латинскому изданію 1613 года и сокращенный [2]). Наконецъ, много позднѣе сдѣланъ былъ и русскій переводъ по какому-то латинскому изданію того же Артхуса, указанный Пекарскимъ и по его мнѣнію сдѣланный полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка [3]).

Въ первой статьѣ Массы разсказывается о занятіи русскими Сибири, и любопытно, что здѣсь ни однимъ словомъ не упомянуто о Ермакѣ: событія разсказываются такъ, что занятіе Сибири было дѣломъ Строгановыхъ.

„Въ Московіи (говоритъ Масса) есть племя (natio), имя котораго—дѣти Аники (Anicouvii filii, Аниковичи), низкаго происхожденія, ведущее родъ отъ нѣкоего земледѣльца Аники: имѣя много земель

приписано Артхусу изданіе Массы и Герарда, имъ только перепечатанное („Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthusio Dantiscano. Francof., 1613,—очевидно, что „де-Квиръ“ не имѣетъ къ Сибири никакого отношенія; въ книгѣ Ванъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго (II, стр. XIV) нѣмецкимъ переводчикомъ (съ перваго латинскаго изданія) названъ L. Hulsius, подъ которымъ надо разумѣть, вѣроятно, того же Артхузіуса. Первое изданіе его перевода отнесено къ 1614 году, 2-е къ 1637-му. Мы знаемъ эту книжку по экземпляру Публичной Библіотеки:

„Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Amerische Inseln in Chinam und Japponiam, von einem Engelländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden und Tingoesen in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen von Dantzig. Oppenheim MDCXXVII (Изданіе упомянуто въ „Russica“, II, стр. 265). На стр. 38—48: Beschreibung der landen Siberien и пр. есть переводъ изъ Массы.

Рѣдкость изданій, которыхъ нѣтъ сполна и въ Публичной Библіотекѣ, оставляетъ пока неясной исторію этихъ изданій.

[1]) Черезъ посредство г-жи З. А. В—вой.

[2]) „1613 Brieue Description des chemins qui menent et des fleuues qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Siberie“ и пр. И далѣе: „Description des pais de Siberie Samoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites“. При обѣихъ статьяхъ названо имя Массы. Ср. „Сказанія иностр. писателей о Россіи“, изд. Археогр. Комм. Спб. 1868, т. II, стр. VII, прим.

[3]) Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, I, стр. 340. 1606 годъ, поставленный на русскомъ переводѣ, повторенъ изъ латинскаго изданія, указаннаго тамъ же Пекарскимъ, но едва ли существующаго: 1606 г. могъ произойти изъ 1609, поставленнаго на первой картѣ Массы. О русскомъ переводѣ скажемъ далѣе.

этотъ Аника жилъ около устья рѣки Вычегды, впадающей въ рѣку Двину... Этотъ богатый Аника, имѣя много дѣтей и наслаждаясь всѣми благами фортуны, былъ одержимъ какою-то алчною страстью узнать, въ какихъ земляхъ и странахъ живутъ тѣ люди, которые каждый годъ приходили въ Московію для торговли драгоцѣнными мѣхами и другими товарами, и совершенно отличались языкомъ, одеждой, религіей и нравами, называя себя самоѣдами и нося различныя имена. Эти народы ежегодно пріѣзжали на рѣку Двину, обмѣниваясь съ русскими и москвитянами товарами всякаго рода, особливо принося на торгъ мѣха, которые мы называемъ вавилонскими*. Аника увидѣлъ, что тѣ страны должны заключать большія богатства, и пославъ туда своихъ людей, поручилъ имъ осмотрѣть тѣ земли и завести дружескія сношенія съ жителями: потомъ отправилъ туда еще больше людей съ малоцѣнными товарами, на которые вымѣнивалъ драгоцѣнные мѣха, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣлъ громадныя богатства. но, чтобы предупредить и обезоружить зависть, онъ рѣшился все открыть своему другу, который пользовался при дворѣ большою милостью, Борису Годунову. Онъ поднесъ Борису подарки и разсказалъ о дѣлѣ, которое могло принести государству большія выгоды. Борисъ наградилъ Аниковичей и далъ имъ отъ имени царя открытое письмо, которымъ предоставилъ въ ихъ вѣчное владѣніе земли, какія они пожелали бы взять. Наконецъ, Борисъ доложилъ обо всемъ царю, а затѣмъ отправилъ въ сибирскія и самоѣдскія земли нѣсколькихъ бѣдныхъ благородныхъ людей, присоединивъ къ нимъ также военныхъ и вмѣстѣ съ людьми Аниковичей велѣлъ имъ подробно описать всѣ дороги, рѣки, лѣса, дружески обращаться съ жителями, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Такъ это и было исполнено. Самоѣды, увидѣвъ московскихъ людей въ богатыхъ одеждахъ, принимали ихъ за боговъ и подчинились московскому царю. Московскіе посланцы, осмотрѣвъ страну, возвратились въ Москву; на мѣстѣ оставили они нѣсколько человѣкъ для изученія языка, а съ собой въ Москву взяли нѣсколько самоѣдовъ, которые поражены были русскими обычаями и величіемъ царя; они признали его за своего господина и обѣщали склонить къ тому и своихъ земляковъ. Такимъ образомъ Аниковичи чрезвычайно возвысились, а въ новой странѣ построены были въ разныхъ мѣстахъ деревянныя крѣпости, въ которыхъ поставлены солдаты и начали стекаться жители. „И туда посылается теперь такое множество людей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались уже города изъ поляковъ, татаръ, русскихъ и дру-
ародовъ, перемѣшанныхъ между собою. Потому что туда отправ-
всѣхъ ссыльныхъ убійцъ, измѣнниковъ, воровъ и тѣхъ, кто

достоинъ смерти; нѣкоторые изъ нихъ оставляются на время въ оковахъ, другіе свободно живутъ нѣсколько лѣтъ, смотря по совершенному преступленію, и такимъ образомъ собрались многочисленныя общества людей, которыя вмѣстѣ съ крѣпостями (острогами) образуютъ цѣлое царство, такъ какъ каждодневно стекаются сюда многіе люди болѣе скуднаго достатка, чтобы воспользоваться предоставленными тамъ льготами. Имя этой странѣ Сибирь". Масса прибавляетъ, что это имя уже тогда наводило трепетъ, такъ какъ въ Сибирь ссылались вмѣстѣ съ семействами чиновники, подпадавшіе царскому гнѣву.

Таково вкратцѣ содержаніе перваго сочиненія Массы. Впослѣдствіи оно цѣликомъ повторено было въ извѣстной книгѣ Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія" (1692 и два другія изданія 1705, 1795), откуда было переведено г. Тыжновымъ [1]). То обстоятельство, что по этому разсказу занятіе Сибири обошлось безъ Ермака, обратило на себя уже вниманіе Витзена. Стараясь примирить противорѣчіе этого разсказа съ тѣми, гдѣ говорится о подвигахъ Ермака, онъ предлагалъ такое объясненіе, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны Россіи, а дѣйствія Строгоновыхъ и Ермака направлялись отъ восточныхъ странъ и совершались въ одно и тоже время. Но, отдѣливъ Анику отъ Строгоновыхъ, Витзенъ предполагаетъ и другое, что самъ Аника былъ изъ рода Строгоновыхъ (какъ дѣйствительно и было).

„Вопросъ,— замѣчаетъ г. Тыжновъ,—который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными, для насъ представляется празднымъ, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ... Очевидно, что̀ побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи: они обратились къ государству за помощью, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами... Масса описываетъ колонизацію во время Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была вмѣстѣ съ тѣмъ и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготовлялось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1887, стр. 105—110.

Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства — моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключалъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири" [1]).

Это могло быть, но замѣтимъ, что и въ болѣе позднихъ сибирскихъ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о завоеваніи Сибири, историки указываютъ двѣ разныя тенденціи: въ однихъ главная роль приписывается Ермаку, въ другихъ—Строгоновымъ.

Другое сочиненіе Массы—краткое описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь, рѣкъ, протекающихъ на сѣверѣ и востокѣ, и списокъ городовъ, основанныхъ москвитянами въ Сибири — есть вообще первое описаніе этого рода въ старой литературѣ о Сибири. Это сочиненіе, опять очевидно взятое изъ русскихъ источниковъ, даетъ указаніе путей, какими совершались тогда сообщенія съ Сибирью и перевозка товаровъ. Главными путями были, конечно, рѣки; при этомъ Масса даетъ также описаніе главныхъ городовъ, говоритъ о туземныхъ народахъ и ихъ обычаяхъ, объ управленіи воеводъ, отмѣчая великіе успѣхи московскихъ людей въ занятіи Сибири: „скажу однимъ словомъ,—говоритъ онъ,—москвитяне въ этой странѣ оказали невѣроятные успѣхи, и мы надѣемся еще дальнѣйшихъ (uno verbo dicam, Moschi in illo tractu incredibiles fecere progressus et ulteriores speramus)". Онъ отмѣчаетъ также быстрое сліяніе племенъ въ гражданскомъ отношеніи подъ русскою властью. „Въ городѣ Томи (Томскъ, Toom),—говоритъ онъ, напримѣръ,—и въ Нарымскомъ острогѣ, и въ Сибири находятся многочисленныя племена, которыя называютъ себя остяками, и они уже слились съ татарами, самоѣдами и русскими въ одно тѣло, дружески ведя другъ съ другомъ торговлю золотомъ и другими родами товаровъ... Между рѣками Обью и Иртышемъ построено множество городовъ и крѣпостей, — почти въ то же время какъ строился Тобольскъ, уже изобилующій богатствами, — жители которыхъ суть москвитяне, татары и самоѣды, всѣ мирные (omnes mansueti)" и т. д. Порядокъ описанія — съ запада на востокъ: отъ Соли-Вычегодской Масса доходитъ до Югорскихъ горъ, т.-е. до Урала, на пути упоминая о Камѣ, впадающей въ Волгу, „которая семи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 111.

десятью устьями вливается въ Каспійское море, какъ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, свидѣтелей-очевидцевъ". Онъ даетъ краткое описаніе Урала, затѣмъ сообщаетъ извѣстія о Верхотурьѣ (Vergateria): это первый сибирскій городъ, гдѣ правитъ воевода (prorex aut gubernator). Затѣмъ начинаются рѣки сибирской системы: большая рѣка Тура, Тоболъ, города Тюмень, Тобольскъ на рѣкѣ Иртышѣ, „очень быстрой на подобіе Дуная"; Сургутъ, Нарымскій острогъ. За Обью слѣдуетъ описаніе Енисея, и путеводитель кончается указаніемъ первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть за Енисей. Въ рукахъ Массы была и карта. „Жилъ въ то время въ Московіи братъ одного моего друга, самъ участвовавшій въ этихъ открытіяхъ въ Сибири; этотъ другъ передалъ намъ одну карту, полученную изъ устъ своего брата, нынѣ уже покойнаго, и имъ начерченную, самъ же онъ проплылъ проливъ Вайгачъ и знаетъ всѣ мѣста до рѣки Оби; о положеніи странъ за этой рѣкой онъ узналъ отъ другихъ"... Въ голландскомъ изданіи онъ говоритъ: „Я опишу сколько мнѣ возможно дорогу изъ Россіи въ Сибирь, но я долженъ сказать, что мнѣ было невозможно узнать больше. То, что я знаю, я собралъ съ величайшими усиліями и я обязанъ этимъ дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ московскаго двора, которыя изъ расположенія ко мнѣ довѣрили мнѣ эти свѣдѣнія, долго колебавшись прежде, чѣмъ мнѣ ихъ дать. Это могло стоить имъ жизни, потому что русскій народъ крайне недовѣрчивъ и не можетъ вынести, чтобы открывали тайны его страны" [1].

Ко второй половинѣ XVII-го вѣка относится другой своеобразный историческій памятникъ, — описаніе Сибири, на латинскомъ языкѣ, принадлежащее извѣстному Юрію Крижаничу. Безъ имени автора, оно найдено было впервые писателемъ о Сибири Г. И. Спасскимъ, который издалъ это произведеніе въ 1820 годахъ [2]; впослѣдствіи

---

[1]) Pr. Obolensky et Van der Linde, II, стр. XII; I, стр. 284—285.

Списокъ картъ, составленныхъ Массой, приведенъ былъ въ статьѣ Аделунга о старыхъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года (Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches, т. IV, стр. 27), въ его книгѣ объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россію, а потомъ подробнѣе въ предисловіи Ванъ-деръ-Линде къ изданію сочиненій Массы, но ихъ взаимное отношеніе, кажется, еще не было опредѣлено. Еще Бэръ въ упомянутой статьѣ 1842 года высказывалъ недоумѣніе: отчего карты, изданныя Массой подъ собственнымъ именемъ и находящіяся въ большинствѣ старыхъ голландскихъ атласовъ, не мало отличаются отъ карты, изданной Гесселемъ Герардомъ? Бэръ предполагалъ, что Масса могъ впослѣдствіи внести въ свои карты новыя наблюденія. Аделунгъ говорилъ потомъ, что не можетъ рѣшить этихъ критическихъ сомнѣній. (Бэръ, Bulletin scientifique, 1842, стр. 271; Adelung, Uebersicht, II, стр. 219.

[2]) Сибирскій Вѣстникъ, ч. XVII—XVIII, и отдѣльно: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣ-

Романовыхъ, присоединил… [illegible] …переводомъ, Небольсинъ[1]),
ментъ, такъ сказат… [illegible] былъ обслѣдованъ г. Тыж-
ской колонизаці… [illegible] сохранился въ двухъ спискахъ, и но-
намъ понять в… [illegible] такое заглавіе: [Relatio (или His-
онъ сдѣлалъ [illegible] continetur notitia dictae provinciae et littoris
ченіе и на [illegible] Orientalis a portu S. Michaëlis Archangeli usque
изошло п… [illegible] Item de Calmucis Nomadibus et quaedam
потому, [illegible] Gemmariorum, Metallorum et Alchimistarum frau-
бирь, [illegible] 1681. Aeternum soli gloria tota Deo („Повѣство-
шем… [illegible] въ которомъ находятся замѣтки объ этой провинціи
[illegible] о берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана отъ порта св. Ми-
с… хаила Архангела до Китая, также о номадахъ калмыкахъ и нѣко-
торые разсказы объ обманахъ ювелировъ, металлическихъ дѣлъ ма-
стеровъ и алхимиковъ. Писано въ 1881 году. Богу одному вѣчная
слава"). Въ текстѣ упомянуто, что авторъ прожилъ въ Сибири въ ссылкѣ пятнадцать лѣтъ; какъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный, онъ могъ собрать за это время много свѣдѣній. „Повѣствованіе" разсказываетъ о покореніи Сибири, сообщая при этомъ новыя оригинальныя данныя, говоритъ о климатѣ страны, ея населеніи, путяхъ сообщенія, промыслахъ, положеніи инородцевъ и пр. Не видно, чтобы авторъ пользовался какими-нибудь письменными историческими матеріалами; онъ ссылается только на то, что „удержала слабая память"—т.-е. основывался на живыхъ показаніяхъ и преданіяхъ, что̀ придаетъ „Повѣствованію" значеніе самостоятельнаго историческаго источника.

Принадлежность „Повѣствованія" Крижанину г. Тыжновъ выводитъ изъ сопоставленія указаній, приводимыхъ біографомъ Крижанича, Кукульевичемъ, о сношеніяхъ Крижанича съ извѣстнымъ голландскимъ географомъ Витзеномъ, и темныхъ указаній г. Безсонова, что у Крижанича было какое-то сочиненіе о Сибири: приводя изъ этого сочиненія нѣкоторыя извѣстія, г. Безсоновъ—почему-то скрытничая—говорилъ, что онѣ взяты „изъ сочиненія, котораго мы пока не цитуемъ". Сличивъ извѣстія Витзена и цитаты г. Безсонова съ „Повѣствованіемъ", можно видѣть, что авторомъ Relatio de Siberia былъ именно Крижаничъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ иностраннымъ сочиненіемъ XVII вѣка,

чаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Петерб. Академіи наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ". Спб. 1822, VIII и 48 стр.

[1]) Въ книгѣ: „Покореніе Сибири", приложеніе, ст. 89—99.

[2]) Сибирскій Сборникъ, приложеніе къ Восточному Обозрѣнію, Спб. 1887, стр. 113 и д. Въ библіографическихъ указаніяхъ о „Сибирскомъ Вѣстникѣ" есть, кажется, ошибка.

.асающимся азіатской Россіи, была знаменитая, но тѣмъ не менѣе мало извѣстная книга амстердамскаго бургомистра Николая Витзена (1640—1717). Витзенъ, происходившій изъ богатой голландской фамиліи и прекрасно образованный, увлекся распространеннымъ тогда интересомъ къ малоизвѣстнымъ странамъ сѣвера и востока и, по собственной охотѣ и любознательности, отправился въ Россію, присоединившись частнымъ лицомъ къ голландскому посольству (1664) и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Онъ проѣхалъ Россію до береговъ Каспійскаго моря и на сѣверѣ до границъ Сибири; въ Москвѣ весьма внимательно изучалъ русскую жизнь, съумѣлъ пріобрѣсти дружескія связи, при посредствѣ которыхъ онъ могъ и впослѣдствіи получать новыя свѣдѣнія и дополненія къ своему обширному труду о сѣверной и восточной Татаріи. Книга его на голландскомъ языкѣ: „Noord- en Oost-Tartarye“, и пр., вышла въ первый разъ въ 1692 году, затѣмъ, въ очень распространенномъ видѣ, повторена была въ 1705 и, наконецъ, въ 1785 г. Какъ извѣстно, во время перваго путешествія за границу въ 1697 г., Петръ завязалъ личныя отношенія съ Витзеномъ, который между прочимъ былъ хорошій знатокъ морского дѣла и оказалъ Петру не мало услугъ въ Голландіи. Витзенъ былъ однимъ изъ тѣхъ проводниковъ, которые, какъ упомянуто прежде, переносили русскія свѣдѣнія о дальнемъ азіатскомъ востокѣ въ западную литературу и дѣлали ихъ достояніемъ географической науки. Сами русскіе были совершенно чужды научному движенію, и какъ Россія съ ея исторіей и географіей дѣлалась извѣстна на западѣ только черезъ Герберштейновъ, Майербертовъ, Олеаріевъ, такъ и свѣдѣнія о Сибири и окрестныхъ земляхъ поступали въ географическое обращеніе лишь въ той степени, насколько онѣ были усвоиваемы западными путешественниками въ Россіи. Какъ мы упоминали, Герберштейнъ повторялъ еще въ половинѣ XVI-го вѣка чистыя басни; теперь въ западную литературу начинаютъ переходить свѣдѣнія документальныя. Такъ, напримѣръ, Витзенъ издалъ въ голландскомъ переводѣ упомянутое выше посольство въ Китай Ѳедора Байкова 1654 года [1]. Книга Витзена о сѣверной и восточной Татаріи представляетъ огромный сборникъ свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ: подъ Татаріей у него разумѣлись земли отъ Каспійскаго моря, Волги и Камы до Тихаго океана. Кромѣ его

---

[1]) Въ „Russica“ Публичной Библіотеки отмѣчено голландское изданіе: „Land-Reys van Saedor Jacowits Boicoof, Uytgesanden voor Ambassadeur van den Czaar van Moscovien, na China, gedaan in het Jaar 1653. Leyden, 1707; — но въ книгѣ Аделунга (Uebersicht, II, стр. 339—340) указанъ болѣе ранній нѣмецкій переводъ по Витзену, изданный въ Лейпцигѣ въ 1699; указаны также переводы англійскій и французскій.

собственныхъ разысканій, сюда вошли извлеченія изъ другихъ сочиненій, такъ что книга вообще сопоставляетъ громадный, не объединенный матеріалъ. Отдѣлъ книги, посвященный Сибири, по словамъ г. Тыжнова, — „даетъ превосходное географическо-этнографическое описаніе западной части Сибири, примыкающей непосредственно къ Уральскому хребту, описаніе, изъ котораго можетъ почерпнуть не мало цѣнныхъ свѣдѣній и современный этнографъ, изучающій обычаи и первобытную культуру. Нельзя при этомъ не отмѣтить того факта, что въ то время какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разсказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у коихъ рты на темени, а не говорятъ, а образъ въ пошлину человѣчь" (и проч.)—въ то же самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія и даже образцы инородческихъ нарѣчій!"

Въ 1685 году въ Россіи былъ іезуитъ Авриль, издавшій потомъ книгу: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine" (Paris, 1693). По словамъ его, нѣкоторыя извѣстія были имъ извлечены изъ бумагъ „московской канцеляріи": сличенія показали, что эти извѣстія Авриля взяты были изъ книги Спаѳарія, о которой мы говорили выше. Съ тѣмъ же Спаѳаріемъ знакомъ былъ другой французскій путешественникъ Де-ла-Нёвиль, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году [1]). Далѣе, явилась въ голландскомъ переводѣ упомянутая выше „Роспись китайскому государству" казака Ивана или Ивашки Петлина (1618—1620 года), не только въ то время, но и долго послѣ неизвѣстная въ самой русской печати [2]), какъ не были извѣстны ни Байковъ, ни Спаѳарій.

Путешественники XVII-го вѣка, заѣзжавшіе въ Москву, уже слышали кое-что о Сибири, а нѣкоторые изъ нихъ и сами бывали въ ней. Изъ такихъ путешественниковъ долженъ быть упомянутъ въ концѣ XVII-го вѣка голландецъ Исбрантъ Идесъ, который въ 1692 г. посланъ былъ царями Иваномъ и Петромъ въ Китай опять для утвержденія торговыхъ сношеній; въ своей книгѣ онъ подробно описываетъ также и свой путь отъ Москвы черезъ Сибирь до китайской границы; здѣсь заключается не мало любопытныхъ свѣдѣній, которыя были новы въ тогдашней литературѣ, хотя позднѣйшіе изслѣдователи находили у него ошибки, напр., въ описаніяхъ сибирской природы [3]). Спутникомъ Исбранта Идеса былъ Адамъ Брандъ, который

---

[1]) Его „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie" вышла въ Парижѣ, 1699. См. Пекарскаго, тамъ же, I, стр. 341—342.

[2]) Evesko Petelin et Andrasko, Voyagie na Tartaryen en Cathay, of China, gedaan uyt Moscovien in het Jaar 1619. Leyden, 1707.

[3]) Книга его вышла на голландскомъ языкѣ: „Driejaarige Reize naar China, te

также издалъ описаніе этого путешествія, кажется, первоначально на нѣмецкомъ языкѣ [1]).

Любопытно, что эта иностранная литература о Россіи и Сибири стала, наконецъ, проникать и къ намъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка. Мы не разъ указывали, что потребность въ новомъ образованіи стала обнаруживаться еще задолго до реформы, которая потомъ положила ему первыя прочныя основанія; любознательность къ наукамъ политическимъ, къ исторіи и географіи выразилась появленіемъ, съ конца XVII-го столѣтія, большого числа рукописныхъ переводовъ книгъ по этимъ отдѣламъ,—и между прочимъ, были переводимы и книги о самой Россіи. Такъ, напримѣръ, переведена была книга Олеарія [2]) и затѣмъ и книжка Исаака Массы съ перевода Артхуса [3]): за недостаткомъ своихъ книгъ о Россіи и Сибири, обращались къ чужимъ сочиненіямъ о собственной странѣ, и въ то время уже конечно устарѣлымъ.

---

lande gedaan door den Moskowischen Afgezant E. Ysbrants Ides van Moskou af, over groot Ustiga, Siriania, Permia, Sibirien, Daour, groot Tartaryen tot in China, и проч. Амстердамъ 1704 и др. изд.; былъ нѣмецкій переводъ и англійскій. Кромѣ того было, кажется, сокращенное нѣмецкое изложеніе еще до выхода голландскаго изданія (Ср. Аделунга, II, 385—388 и Russica, s. v. Mentzelius).

[1]) A. Brand, Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise, etc. Frankfurt 1697 и др.; переводы французскій, голландскій, латинскій. Другія подробности относительно этой иностранной литературы XVII вѣка о Сибири см. въ упомянутой статьѣ Н. Н. Тыжнова: Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI (читай: XVII) вѣка („Сибирскій Сборникъ", подъ редакціей Н. М. Ядринцева, Спб. 1887, и другой выпускъ этого сборника подъ ред. В. А. Омбркова. Иркутскъ, 1890).

[2]) „О новой персидской ѣздѣ описаніе". Въ „Персидскомъ путешествіи" Олеарія именно включено описаніе Россіи.

[3]) „Индіи восточной часть седьмая, плаваніи двѣ содержащая.. составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдащаниномъ (т. е данцигцемъ) вся преизящнѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна... року 1606". Рукопись Публ. Библіотеки F. IV. № 1 6. Переводъ, по замѣчанію Пекарскаго, сдѣланъ полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка („Наука и литер." I, стр. 340). Здѣсь находится и описаніе Сибири: „Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберіи, Самоѣдіи и Тингоезіи (!), вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими зане презъ оніе московскій народъ всегда преходитъ".

Эта „Тингоезія" неизмѣнно повторяется въ переводахъ Массы, наконецъ и въ русскомъ! Но по-голландски *oe* произносится за *у*, и рѣчь идетъ здѣсь о тунгусахъ.

ГЛАВА II.

Восемнадцатый вѣкъ.—Ученыя экспедиціи.

Историческое значеніе занятія Сибири.—Результаты его для распространенія географическихъ знаній и другихъ научныхъ изслѣдованій.—Первыя научныя работы при Петрѣ.—„Геодезисты“ въ Тобольскѣ и въ Камчаткѣ.—Мессершмидтъ.—Табберть-Штраленбергъ.—Григорій Новицкій.—Путешествія Беринга.—„Вторая камчатская экспедиція“: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Делиль, Фишеръ, Стеллеръ, Крашенинниковъ.—Георгъ Гмелинъ и его книга.

Съ восемнадцатымъ вѣкомъ открывается новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій, когда онѣ въ первый разъ становятся на научную почву.

До послѣдняго времени все еще не опредѣлено съ точностью какъ историческое положеніе новыхъ земель въ общемъ ходѣ русской жизни, такъ и значеніе нашего открытія Сибири для распространенія географическихъ знаній. Этотъ вопросъ излагался недавно по поводу (весьма скуднаго) празднованія 300-лѣтія завоеванія Сибири Ермакомъ, и мы читали, напримѣръ, слѣдующее: „Съ занятіемъ русскими Амура,—говорилъ одинъ изъ нашихъ историковъ,—новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибири, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ: исторической дѣятельности русскаго народа открылось новое великое поприще; явились новые неизсякаемые источники матеріальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному міру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемірной области, и это событіе имѣетъ *такое же всемірно-историческое значеніе*, какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го в. Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только

70 лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать, безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ, по истинѣ ничтожныя, средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе Сѣверной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени" [1]). Очевидно, однако, что занятіе Сибири русскими въ XVI—XVII-мъ столѣтіи не имѣло такого *всемірно-историческаго* значенія, какъ открытіе Новаго Свѣта въ XV—XVI-мъ столѣтіи, какъ можно судить по культурному состоянію этихъ странъ. Что касается безпримѣрности быстраго занятія русскими громадныхъ сибирскихъ пространствъ, то дѣйствительно предпріимчивость сибирскихъ людей, небольшими партіями совершавшихъ далекіе походы въ неизвѣстныя страны и покорявшихъ по дорогѣ туземныя племена, плававшихъ по неизвѣстнымъ сѣвернымъ морямъ и, между прочимъ, задумавшихъ однажды присоединеніе Китайской имперіи, бывала нерѣдко по истинѣ изумительна; но съ другой стороны надо вспомнить, что этимъ людямъ,—большая часть которыхъ была воспитана въ школѣ стариннаго удальства казацкой вольницы или руководилась промышленною алчностью,—приходилось имѣть дѣло съ разбросанными полудикими или совсѣмъ дикими племенами, представлявшими только весьма слабое сопротивленіе. Страна была населена очень рѣдко; въ каждомъ данномъ пунктѣ, русскіе, съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, могли имѣть явный перевѣсъ, и туземцы предпочитали откупаться ясакомъ, который и удовлетворялъ побѣдителей. Полудикое состояніе народовъ, покоренныхъ въ XVII-мъ столѣтіи, въ громадномъ числѣ случаевъ осталось неизмѣннымъ и до сей минуты: этимъ объясняется ничтожество средствъ, съ которымъ могла утверждаться здѣсь московская власть въ XVII-мъ столѣтіи, какъ съ другой стороны оно говоритъ объ ограниченности культурнаго значенія факта, которое такъ преувеличиваетъ упомянутый историкъ.

Гораздо проще и въ сущности вѣрнѣе говорилъ о значеніи пріобрѣтенія Сибири одинъ изъ старыхъ сибирскихъ историковъ и патріотовъ—Спасскій. Онъ также сравниваетъ значеніе открытій Сибири для Россіи съ открытіями въ Новомъ Свѣтѣ по ихъ отношенію къ европейской жизни, но главное видитъ просто въ умноженіи матеріальныхъ средствъ государства: „пріобрѣтеніе Сибири столь же

[1]) Журн. мин. просв., 1882, октябрь, стр. 243.

важно *для Россіи*, а можетъ быть и болѣе, сколько важно было открытіе Новаго Свѣта для всей Европы... Съ открытіемъ Сибири всѣ силы государственныя окрепилися; финансы воспріяли вѣрное свое начало; золото и серебро Колыванское поддержали ихъ; мѣдь Екатеринбургская какъ ходячую монету, такъ и артиллерію привела въ живѣйшее движеніе; желѣзо защищало грудь ратоборцевъ русскихъ и помогло низвергнуть подобнаго Батыю врага нашего отечества. Нечего говорить уже о драгоцѣнностяхъ и рѣдкостяхъ Сибири: вазы и канделябры изъ яшмъ, порфира и малахита, рукою русскихъ художниковъ отдѣланные и въ залахъ палатъ царскихъ стоящіе, удивляютъ чужеземныхъ путешественниковъ. Науки, при благодѣтельномъ на нихъ вліяніи монарховъ нашихъ, распространили сферу свою и показали чрезъ сдѣланныя, какъ въ прошедшее столѣтіе, такъ и въ началѣ нынѣшняго, экспедиціи великое приращеніе—и Европа наблюденіями русскихъ пользуется" [1]).

Итакъ, главная польза была чисто матеріальная; что касается науки, то ея „приращенія" являются только съ XVIII-го вѣка, когда у насъ введена была школа изъ европейскаго источника, и „приращенія" въ первый разъ сдѣланы были въ особенности при посредствѣ иностранныхъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательныя открытія сибирскихъ казаковъ и промышленниковъ XVII-го вѣка оставались только практическимъ свѣдѣніемъ мѣстныхъ жителей и воеводъ, и канцелярской тайной сибирскаго приказа (который съ 1637 учрежденъ былъ для управленія Сибирью, до того времени находившеюся въ вѣдѣніи посольскаго приказа), но оставались мертвымъ капиталомъ для науки. Пріобрѣтенное знаніе края было чисто эмпирическое, не собранное ни въ какое точное цѣлое, и не мудрено, что сдѣланныя открытія приходилось потомъ дѣлать вновь, какъ, напр., составлять вновь карты Сибири, открывать во второй разъ Беринговъ проливъ, не говоря о томъ, что въ XVIII столѣтіи приходилось въ первый разъ дѣлать физическія описанія страны и т. д.

Въ началѣ настоящаго труда было сказано о томъ, какъ вообще только съ Петра Великаго начинается первое примѣненіе научнаго знанія къ изученію русской земли и народа [2]), и о томъ, какъ въ то время начаты были и первыя изслѣдованія Сибири: петровскіе „геодезисты" и „навигаторы" еще при жизни его начали свои изслѣдованія, которыя разрослись потомъ въ длинный рядъ экспедицій, исполненныхъ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Еще въ XVII столѣтіи московское правительство предпринимало „чертежъ" сибирской земли;

---

[1]) Сибирскій Вѣстникъ, 1818, I, стр. 9—10.
[2]) Томъ I, глава III.

этотъ первый чертежъ даже не сохранился, но во всякомъ случаѣ въ правильномъ видѣ онъ сталъ возможнымъ только со времени геодезистовъ и навигаторовъ, когда впервые стали дѣлаться астрономическія опредѣленія мѣстностей. Только съ этихъ поръ начинается правильная картографія Сибири и знаніе сѣверной половины азіатскаго материка становится достояніемъ науки.

Историки Петра Великаго замѣчаютъ, что съ того времени, когда онъ побывалъ въ Парижѣ, познакомился съ тамошними учеными и былъ избранъ въ члены французской Академіи, у насъ въ особенности начались опыты самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій, собираніе по естественной исторіи и т. п. Въ числѣ первыхъ были опыты изслѣдованій Сибири. Въ 1719 г. отправлено было два геодезиста въ Тобольскъ и въ Камчатку; между прочимъ было имъ поручено разыскать - „сошлася ли Америка съ Азіею, чтó надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюйдъ и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить“. Такимъ образомъ результатъ, добытый старыми плаваніями XVII-го вѣка, особливо плаванія Дежнева, былъ забытъ или же не внушалъ довѣрія. Геодезисты измѣряли, плавали около Камчатки и по Охотскому морю, но на первый разъ не разрѣшили поставленнаго имъ вопроса. Петръ составилъ инструкцію для новаго путешествія съ тою же цѣлію, но она была выполнена только послѣ его смерти экспедиціею Беринга, открывшаго проливъ между Азіей и Америкой. Еще при жизни Петра снаряжено было другое ученое путешествіе въ Сибирь, исполнителемъ котораго былъ ученый докторъ Даніилъ-Готлибъ Мессершмидтъ (1685—1735), вызванный изъ Германіи. Какъ многіе другіе изслѣдователи того времени, Мессершмидтъ былъ большой энциклопедистъ: медикъ по профессіи, онъ примѣнилъ въ сибирскихъ изслѣдованіяхъ свои обширныя знанія—онъ былъ и натуралистъ, и географъ, и оріенталистъ, и археологъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы отчасти указали его труды въ теченіе семилѣтнихъ странствованій въ Сибири: самъ онъ не успѣлъ издать ихъ и впослѣдствіи ими воспользовался знаменитый Палласъ. Мессершмидтъ былъ первый въ ряду западныхъ, именно нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ XVIII-мъ вѣкѣ съ честью послужили изслѣдованію далекой страны, сопряженному тогда еще несравненно больше, чѣмъ въ новѣйшее время, съ великими трудностями, какія полагала и суровая природа, и довольно дикіе нравы тогдашняго быта и администраціи. За недостаткомъ сколько-нибудь образованныхъ людей изъ русскихъ, Мессершмидтъ нашелъ себѣ помощниковъ между плѣнными шведами, которыхъ было много выслано

[1]) Томъ I, стр. 82—84.

въ Сибирь въ теченіе Сѣверной войны. Одинъ шведъ, Бушъ, помогалъ уже геодезистамъ, посланнымъ въ Камчатку; знаніями плѣнниковъ пользовались и начальные люди въ Сибири. Въ 1720 году, въ Тобольскѣ, Мессершмидтъ просилъ, чтобы дали ему въ помощь шведскихъ плѣнныхъ: онъ ссылался, что четырехъ человѣкъ взялъ Измайловъ, посланный въ Китай, что одного шведскаго штыкъ-юнкера взяли къ артиллеріи, и что ему самому „не про свою нужду требовати, но его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается". Въ слѣдующемъ году онъ опять проситъ, чтобы ему дали за поруками въ помощники, если гдѣ-нибудь „нѣмецкій плѣнникъ обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ",—„а отъ здѣшняго націона таковые спомогатели не обрящутся". Такіе помощники и „плѣнные хлопцы" изъ шведовъ у него и бывали. Въ одномъ изъ шведскихъ офицеровъ онъ нашелъ себѣ не только знающаго сотрудника, но и вѣрнаго друга. Это былъ Филиппъ-Іоаннъ, по русски Иванъ Филипповичъ, Таббертъ, штральзундскій уроженецъ, взятый въ плѣнъ послѣ полтавской битвы и прожившій съ тѣхъ поръ въ Сибири до заключенія мира съ Швеціею; вернувшись домой, Таббертъ получилъ дворянское званіе и фамилію Штраленберга, подъ которой онъ пріобрѣлъ потомъ извѣстность въ литературѣ.

Во время пребыванія въ Сибири Штраленбергъ собралъ много матеріала о положеніи края и вмѣстѣ о событіяхъ русской исторіи, кромѣ того составилъ послѣ многихъ препятствій карту Сибири, которая очень понравилась Петру Великому. Послѣ Ништадтскаго мира Штраленбергъ приступилъ къ изложенію собранныхъ свѣдѣній и въ 1730 году издалъ книгу, которая пользовалась въ XVIII-мъ вѣкѣ большою извѣстностью [1]). Въ 1724 году познакомился съ нимъ въ Стокгольмѣ извѣстный историкъ Татищевъ, посыланный тогда съ разными порученіями въ Швецію; Татищевъ писалъ въ Петербургъ, что Штраленбергъ проситъ позволенія посвятить свое сочиненіе о Сибири имени русскаго императора и, не получивъ отвѣта, позднѣе опять писалъ, что „описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ и паче къ славѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Страленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго государя изобразить,

---

[1]) Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet etc. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730. Было потомъ другое изданіе въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Historie der Reisen in Russland; затѣмъ были переводы англійскій 1738, французскій 1757 и испанскій 1780; русскаго перевода не было.

въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу". Устряловъ полагалъ, что Татищевъ дѣйствительно прилагалъ свою руку къ труду Штраленберга, который первоначально былъ расположенъ больше въ пользу Петра Великаго, но что когда согласія на упомянутое посвященіе не послѣдовало и Штраленбергъ обманулся въ ожиданіи награды отъ русскаго двора, онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи перемѣны, и Устряловъ склонялся къ мнѣнію Голикова, который называлъ Штраленберга злобнымъ клеветникомъ. Другіе не раздѣляютъ этого взгляда и напротивъ отдаютъ справедливость богатству новыхъ свѣдѣній, какія были въ первый разъ даны въ книгѣ Штраленберга о далекихъ странахъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ Европѣ [1]). Надо сказать, однако, что книга Штраленберга имѣла и свои крупные недостатки; напр., не зная хорошенько русскаго языка, онъ берется за филологическія толкованія, которыя выходили уродливыми.

Раньше Штраленберга, въ 1715 г., исполненъ былъ одинъ русскій и довольно замѣчательный трудъ по описанію Сибири, который могъ бы служить къ „приращенію" науки, но онъ изданъ былъ только въ 1884 г. Это — „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ", составленное Григоріемъ Новицкимъ. Новѣйшій издатель сообщилъ о немъ такія біографическія свѣдѣнія: какъ видно изъ самаго „Описанія", авторъ былъ малороссіяниъ и человѣкъ книжный и, судя по его витіеватой реторикѣ, прошедшій высшую школу, вѣроятно кіевскую Академію; старѣйшій извѣстный списокъ сочиненія, теперь изданный, писанъ малороссійскимъ почеркомъ и пересыпанъ тѣми особенностями книжнаго языка и правописанія, которыя отличаютъ малорусскихъ книжниковъ прошлаго вѣка. Новицкій попалъ въ Сибирь не по доброй волѣ: въ предисловіи онъ говоритъ о себѣ, какъ о „страннникѣ бѣдствующемъ и пришлецѣ", котораго привели въ Сибирь „не желаніе любопытства, ниже о всякихъ вещахъ искательство видѣнія", а напротивъ „брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволѣ", т.-е. предали его неволѣ смутныя тогдашнія событія въ Малороссіи. Въ дѣлахъ консисторскаго архива въ Тобольскѣ найдено указаніе, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ пятнадцатью другими лицами, относится къ 1712 году; въ Сибири онъ пользовался покровительствомъ тогдашняго тобольскаго губернатора, князя М. П. Гагарина, и митрополита Филоѳея, и сопровождалъ послѣдняго въ путешествіяхъ къ остякамъ и вогуламъ, предпринятыхъ для обращенія ихъ въ христіанство: это знакомство съ сибирскими инородцами и дало поводъ къ „Описанію". Впослѣдствіи,

---

[1]) Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго", т. I, стр. LXXIII—LXXV; Пекарскій, тамъ же, стр. 354—355.

при митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), преемникѣ Филоѳея, Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками принятаго христіанства, — и здѣсь онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ священникомъ когда-то послѣ 1720 года [1]).

Эти данныя дополняются другими разысканіями. Григорій Новицкій былъ сынъ „охочекомоннаго" полковника Ильи Новицкаго, игравшаго видную роль во внутреннихъ малороссійскихъ дѣлахъ конца XVII-го вѣка и умершаго, какъ полагаютъ, около 1700 года. Григорій Новицкій получилъ, по тогдашнему, весьма старательное воспитаніе и учился (кажется, въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія) въ кіево-могилянской Академіи. Впослѣдствіи и онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ, вѣроятно того же полка, гдѣ начальствовалъ его отецъ. Когда Мазепа совершилъ свою измѣну, за нимъ въ числѣ другихъ послѣдовалъ и Новицкій, вѣроятно увлеченный своимъ свойкомъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Мазепа назначилъ его своимъ „резидентомъ" при великомъ коронномъ гетманѣ Сѣнявскомъ, и отсюда Новицкій уже въ началѣ 1709 года писалъ Головкину, принося повинную. Новицкому позволили вернуться, но тогда же сослали его въ Сибирь [2]). Обстоятельства его жизни въ Сибири выше указаны.

Сочиненіе Новицкаго сопровождается обычными принадлежностями стариннаго малороссійскаго писательства: длинное витіеватое заглавіе, потомъ обращеніе къ патрону, предисловіе къ читателю, высокопарная реторика въ изложеніи, вставленныя въ текстъ силлабическія вирши. Патрономъ былъ упомянутый князь Гагаринъ, тогдашній сибирскій губернаторъ [3]): судя по словамъ Новицкаго, это былъ такой благодѣтель человѣчества, что его великія заслуги могли бы наполнить славой всю подсолнечную [4]). Надо думать, что эти

---

[1]) См. предисловіе Л. Н. Майкова къ изданію „Описанія", Спб. 1884, стр. IV — V.

[2]) Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 455 — 456. Мѣстомъ ссылки указывается здѣсь Березовъ; но, по Костомарову („Мазепинцы", Р. Мысль, 1883, кн. II, стр. 165), Новицкій съ пятнадцатью казаками былъ сосланъ въ Тобольскъ и тамъ поверстанъ въ службу. Новѣйшія извѣстія говорятъ, что потомки Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя почти исключительно одно изъ тамошнихъ селъ и эксплуатируя окрестныхъ остяковъ. „Природа и Охота", 1878, № 2, ст. Полякова, стр. 47.

[3]) Въ предисловіи г. Майкова онъ называется Михаиломъ, въ дѣйствительности онъ назывался Матвѣемъ; въ Тобольскъ онъ былъ назначенъ въ 1710 году.

[4]) Вотъ, напримѣръ, первыя строки сочиненія Новицкаго:

„Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѵятелства вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописаннымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего неудобства бысть се могутство достойно изобразити, еже нынѣ съ рабολѣпнымъ преклоненіемъ егда приношу, сумнѣнія и ужаса исполненъ: яко недоволно

льстивыя восхваленія требовались автору для обезпеченія милостей губернатора, очень нелишнихъ въ его положеніи, — на дѣлѣ уже вскорѣ оказалось, что дѣянія этого благодѣтеля потребовали строгаго слѣдствія и суда. Въ 1719 году оберъ-фискалъ доносилъ сенату о разореніи и грабежѣ, происходящихъ отъ губернатора сибирскому народу; въ томъ же году „его царское величество изволилъ приказать о немъ, Гагаринѣ, сказывать въ городахъ сибирской губерніи, что онъ, Гагаринъ, плутъ и недобрый человѣкъ, и въ Сибири уже ему губернаторомъ не быть"; на его мѣсто назначенъ былъ князь Черкасскій, а надъ Гагаринымъ шелъ судъ, приговорившій его въ 1721 году къ смертной казни, которая и была исполнена въ Петербургѣ.

Послѣ предисловія къ читателю изложеніе Новицкаго начинается опредѣленіемъ границъ сибирскаго государства, исчисленіемъ его народовъ и естественныхъ богатствъ, краткими историческими свѣдѣніями; затѣмъ идетъ обстоятельное по тому времени описаніе нравовъ, обычаевъ и суевѣрій сибирскихъ инородцевъ, наконецъ извѣстіе о крещеніи остяковъ и вогуличей. Сочиненіе Новицкаго давно было извѣстно любителямъ сибирской исторіи; его знали Спасскій, Словцовъ, Абрамовъ (въ 1840-мъ году выславшій въ Петербургъ списокъ этого сочиненія); еще во второй половинѣ прошлаго вѣка сочиненіемъ Новицкаго пользовался тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ „Новой сибирской лѣтописи". Но когда у насъ это сочиненіе ходило только въ рукописи, оно успѣло попасть въ печать у нѣмцевъ: уже въ 1717 году имъ воспользовался плѣнный шведъ, или нѣмецъ, драгунскій капитанъ Мюллеръ, проживавшій одновременно съ нимъ въ Тобольскѣ. Мюллеръ почти цѣликомъ перевелъ сочиненіе Новицкаго въ статьѣ: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken", которая приложена была къ извѣстной книгѣ Вебера „Das veränderte Russland", 1721. Такимъ образомъ и здѣсь любознательность иностранныхъ писателей опережала распространеніе русской книги, которая въ подлинникѣ издана была у насъ только въ 1884 году.

Новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій начинается съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Первое путешествіе Беринга на крайній во-

---

есть противо величества дѣлъ сѣятельства вашего, сіятелнѣйшій и благороднѣйшый князь, усумнѣтися въ истинну: паче же постыдѣтися подобаетъ мнѣ, яко неудобство мое малѣйшымъ симъ дерзну изобразити начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе, еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простреся, тако превзыйде и превознесеся, яко вся наполни церкви веселіемъ, православіе вожделѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умноженіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни торжествомъ" (!)—и такъ далѣе.

стокъ Сибири закончено было въ 1730 году [1]). Вскорѣ затѣмъ, очевидно подъ вліяніемъ еще неостывшей памяти плановъ Петра Великаго, задумана была такъ-называемая *Вторая камчатская экспедиція*, въ исполненіи которой приняла участіе только-что основанная Академія наукъ. Одна часть экспедиціи, подъ управленіемъ Беринга, должна была совершать плаваніе отъ Камчатки къ берегамъ Америки, другая должна была отправиться черезъ Сибирь въ Камчатку сухимъ путемъ. Это было знаменитое академическое путешествіе, начавшееся въ 1733 и оконченное въ 1743 году и въ которомъ приняли участіе Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ какъ натуралистъ, Герардъ-Фридрихъ, или Өедоръ Ивановичъ Миллеръ какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, Делиль-де-ла-Кроейръ какъ астрономъ, далѣе студентъ академіи Крашенинниковъ и присоединившіеся потомъ профессоръ Фишеръ и адъюнктъ Стеллеръ. При экспедиціи кромѣ Крашенинникова было еще четыре русскихъ студента, четыре землемѣра, переводчикъ, рисовальщикъ, живописецъ и инструментальный ученикъ. Это была вообще одна изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ экспедицій, какія предпринимались для изслѣдованія Сибири. Путешествіе въ то время соединялось съ большими затрудненіями: изслѣдователи должны были почти все наблюдать и разыскивать въ первый разъ; самыя категорическія предписанія изъ Петербурга къ мѣстнымъ властямъ о содѣйствіи трудамъ экспедиціи не избавляли путешественниковъ отъ крупныхъ и мелкихъ хлопотъ, и, несмотря на то, въ трудахъ экспедиціи остались замѣчательныя изслѣдованія, которыя положили начало дальнѣйшимъ изысканіямъ сибирской природы, этнографіи и исторіи. Не входя въ подробности этихъ ученыхъ изслѣдованій, отмѣченныхъ нами раньше, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ этихъ путешествій. Итакъ, путешественники распредѣлили между собой предметы наблюденій по своимъ спеціальностямъ. Трудами своего недавняго предшественника Мессершмидта они воспользоваться не могли, такъ какъ эти труды въ то время еще не были приведены въ порядокъ и изданы. Такимъ образомъ участники „второй камчатской экспедиціи" снова въ первый разъ должны были приступить къ предметамъ своихъ изысканій. Все это были тогда люди молодые: Миллеру было 28 лѣтъ, Гмелину 24 года, Крашенинникову былъ 21 годъ; одинъ Делиль былъ человѣкъ старый. Путешественники съ великою ревностью отдавались своему дѣлу

[1]) Исторія плаваній Беринга изложена была въ старой книгѣ Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ" и пр. (Спб. 1823) Эта книга подновлена нѣкоторыми новыми подробностями въ сочиненіи В. Вахтина: „Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкой". Спб. 1890.

и среди неудобствъ работы собрали драгоцѣнный матеріалъ, какъ и впослѣдствіи это удавалось немногимъ. Миллеръ усердно работалъ въ сибирскихъ архивахъ и собралъ массу документовъ, которые послужили для его историческаго труда о сибирской исторіи, продолженнаго Фишеромъ, и которые служили потомъ многимъ другимъ ученымъ и не исчерпаны до сихъ поръ [1]). Гмелинъ составилъ классическую книгу о сибирской флорѣ и нѣсколько томовъ путешествія, о которомъ упомянемъ далѣе. Крашенинниковъ написалъ сочиненіе о Камчаткѣ, которое надолго осталось авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній объ этой странѣ и было нѣсколько разъ переведено на англійскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки. Путешествіе, однако, не дешево досталось экспедиціи. Делиль умеръ въ Камчаткѣ отъ цынги въ 1741 году; Стеллеръ, о которомъ остались самые сочувственные отзывы, умеръ на возвратномъ пути въ Россію; въ 1739 умеръ въ Енисейскѣ переводчикъ экспедиціи Илья Яхонтовъ, котораго Гмелинъ оплакивалъ какъ усерднаго сотрудника и достойнаго человѣка.

„Описаніе Камчатки" Крашенинникова, умершаго въ 1755 году, когда былъ отпечатанъ послѣдній листъ его книги, было величайшею новостью для тогдашней ученой литературы. Это былъ первый разсказъ о странѣ, совершенно неизвѣстной, которая не бывала наблюдаема натуралистомъ, и описаніе ея являлось настоящимъ открытіемъ: этимъ объясняется живое любопытство, какое возбудила она въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Книга Крашенинникова составлена въ самомъ дѣлѣ весьма обстоятельно, и до сихъ поръ многія части ея могутъ быть прочитаны съ интересомъ. Крашенинниковъ долженъ былъ предполагать полное отсутствіе свѣдѣній объ описываемой имъ странѣ, и потому онъ сообщаетъ о ней извѣстія очень разностороннія. Много мѣста удѣлено описанію топографическому, опредѣленію границъ, подробному исчисленію рѣкъ и ихъ теченія, горъ, озеръ, окрестныхъ острововъ, флоры и фауны; онъ говорилъ далѣе о свойствахъ почвы и ея произведеніяхъ, объ огнедышущихъ горахъ, климатическихъ условіяхъ, наконецъ о жителяхъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, промыслахъ и т. д. Наблюдательность автора распространялась, какъ видимъ, на самые разнообразные предметы, и его замѣчанія отличаются обыкновенно большою точностью и простотою.

Гмелинъ, по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія, не долго оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Германію, гдѣ ему была предложена профессура въ Тюбингенѣ; онъ умеръ въ 1755 году.

[1]) Еще въ послѣдніе годы матеріалы Миллера не были исчерпаны, и ими пользовался г. Буцинскій въ своей книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ". Харьковъ, 1889 (см. предисловіе).

Уже за границей онъ издалъ дневникъ своего путешествія, который исполненъ множества любопытныхъ подробностей, какъ его спеціальные труды были чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ физическое изслѣдованіе Сибири [1]). Новѣйшій академическій біографъ Гмелина замѣчаетъ, что нельзя не порадоваться, что онъ уѣхалъ изъ Россіи, такъ какъ при тогдашнихъ цензурныхъ понятіяхъ въ Россіи, при невозможности высказывать даже самыя невинныя критическія сужденія и при тогдашней академической обстановкѣ, Гмелинъ никогда не могъ бы издать своей книги въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла тогда въ Германіи. Другъ его Миллеръ, по словамъ Пекарскаго, въ этихъ условіяхъ могъ обнародовать едва сотую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, которыя были имъ собраны и находились въ его распоряженіи.

Сочиненіе Гмелина издано было въ Геттингенѣ въ 1751—1752 годахъ [2]). Когда книга была получена въ Россіи, она возбудила противъ себя сильное негодованіе: нѣсколько откровенная рѣчь о томъ, что̀ автору случалось видѣть въ его долгомъ и далекомъ путешествіи, показалась здѣсь неприличіемъ и даже дерзостью. Гмелинъ предвидѣлъ это и старался предупредить своихъ прежнихъ академическихъ сочленовъ отъ ложныхъ заключеній и увѣрить, что въ книгѣ „не содержится ничего непристойнаго для русскаго государства и его славы, а также и такого, что̀ бы не относилось къ наукѣ — стало быть, тамъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я нарушилъ лежащія на мнѣ обя-

---

[1]) Главнымъ его трудомъ въ этой области была „Сибирская флора". Вообще новѣйшіе ученые такъ отзывались о трудахъ Гмелина по физическому изслѣдованію Сибири: „Крайности холода и зноя, которыя въ состояніи переносить человѣкъ и животныя и которыя далеко превышали назначенную тогда Бургавомъ мѣру, пониженіе изотермическихъ линій къ востоку, никогда не оттаивающая подпочва въ Якутскѣ и на Аргуни, распространеніе чернозема въ Сибири, пониженіе Каспійскаго моря, барометрическія опредѣленія высотъ и еще много другихъ наблюденій и открытій отчасти были впервые отмѣчены Гмелинымъ. Но здѣсь мы ограничимся только оцѣнкою единственнаго ботаническаго труда Гмелина, его Сибирской Флоры. Это по истинѣ классическое твореніе заключаетъ въ себѣ описаніе 1178 растеній съ приложеніемъ 300 чертежей. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное для тогдашняго времени множество растеній. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ([illegible] г.), что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ, но Линней еще далеко не зналъ всѣхъ растеній Гмелина".

Какъ важны были эти труды Гмелина, можно судить по тому, что еще недавно ученые обращались къ „остаткамъ" его [illegible]: Gmelini Reliquiae, 1861. См. Пекарскаго, „Исторія Академіи Наукъ", т. I, стр. 4[illegible]—457.

[2]) Johann Georg Gmelins, [illegible] der Kräuterwissenschaft auf der hohen Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers, Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751—1752 [illegible] Sammlung neuer und merkwürdiger Reisen zu Wasser und zu Lande, т. IV—VII.

занности". Это, однако, не помогло, и въ латинскомъ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Германіи, въ октябрѣ того же 1751 г., Гмелинъ сообщаетъ дошедшіе до него изъ Петербурга фатальные слухи объ опасностяхъ, грозящихъ ему изъ-за его сочиненій. „Можетъ случиться, говорятъ мнѣ, что вслѣдствіе дружбы, существующей между дворами англійскимъ, имперскимъ [1]) и русскимъ, отъ перваго выйдетъ приказаніе о запрещеніи книги, а отъ послѣдняго выражено будетъ желаніе о выдачѣ моей особы отъ вюртембергскаго двора черезъ имперскій дворъ, если не случится другое—что въ нашу землю явятся и тайно меня схватятъ замаскированные люди; чтобы поэтому я остѣрегался замаскированныхъ людей, а въ особенности имперскихъ офицеровъ (a praefectis militum caesareis), или чтобы я скрылся въ безопасное мѣсто, напримѣръ, въ Берлинъ. Это вещь, конечно, удивительная, такъ какъ я не знаю, что есть въ этой книгѣ противъ русской имперіи или ея славы, и полагаю, что все это дѣло произошло изъ простого слуха о книгѣ, содержанія которой не знаютъ". Онъ говорилъ, что это нисколько не устрашаетъ его отъ продолженія работы. Онъ проситъ, однако, у своего друга совѣта въ этомъ дѣлѣ, проситъ сообщить его книгу нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ „прежде, чѣмъ могутъ придти письма отъ двора русскаго или имперскаго", наконецъ, желаетъ, чтобы въ рецензіи его книги указано было, что въ своемъ трудѣ онъ не сказалъ ничего противнаго славѣ Россійской имперіи, и что, напротивъ, съ великимъ уваженіемъ относится къ странѣ, въ которой провелъ столько лѣтъ, и пр.

Въ 1752 году канцелярія петербургской Академіи сдѣлала распоряженіе, чтобы книга Гмелина была разсмотрѣна Миллеромъ и Ломоносовымъ и чтобы составлено было по два экстракта, изъ которыхъ въ одномъ надо было указать, что въ этой книгѣ есть „достопамятнаго и полезнаго", а въ другомъ, что есть въ ней „излишняго, непристойнаго и сумнительнаго", и по тѣмъ экстрактамъ президентъ Академіи долженъ былъ рѣшить какія-то мѣры. Миллеръ, который почти все время десятилѣтняго путешествія былъ спутникомъ и пріятелемъ Гмелина, отказался отъ этого порученія, справедливо указывая, что онъ „къ поданію такого мнѣнія весьма неспособенъ", такъ какъ еслибы онъ писалъ въ похвалу Гмелина, это приписали бы старой ихъ дружбѣ или „любви къ его собственнымъ сибирскимъ изобрѣтеніямъ" (то-есть, открытіямъ и находкамъ), а еслибы писалъ противъ него, то думали бы, что онъ предпочитаетъ труду Гмелина собственное сочиненіе или мститъ ему за одну непріятность, которая была между ними.

---

[1]) То-есть, священной римской исторіи.

ротѣ: въ Россіи для нихъ было ново все; каждый переѣздъ, каждая остановка давали случай и поводъ къ наблюденіямъ и научнымъ, и нравоописательнымъ. Экспедиція была довольно многолюдная, но она путешествовала обыкновенно по частямъ, отчасти, вѣроятно, для того, чтобы передвиженіе было легче, отчасти для того, чтобы спутники академиковъ съ своей стороны могли дѣлать свои описанія по другимъ мѣстностямъ. Гмелинъ бо́льшую часть пути сдѣлалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ: пріѣзжая въ какую-нибудь сибирскую мѣстность, городъ, село, они вели каждый свое дѣло—Миллеръ пересматривалъ архивы, Гмелинъ дѣлалъ свои натуралистическія наблюденія и собиралъ коллекціи, затѣмъ вмѣстѣ они осматривали достопримѣчательности, наблюдали нравы и т. п. По разсчету Миллера онъ проѣхалъ въ свое сибирское путешествіе съ разными переѣздами больше 30.000 верстъ; въ суммѣ поверстныхъ счетовъ Гмелина его переѣзды составили цифру 31.357 верстъ.

Въ своемъ предисловіи Гмелинъ весьма осторожно говоритъ о результатахъ, достигнутыхъ экспедиціями: даже научные предметы считались какъ бы канцелярской тайной Академіи. Сказавъ объ учрежденіи второй камчатской экспедиціи, тогда уже законченной и уцѣлѣвшіе участники которой готовили къ изданію свои труды, Гмелинъ замѣчаетъ: „Когда все это будетъ довершено, міръ въ свое время удивится, получивъ правдивое повѣствованіе о томъ, что̀ зависитъ отъ единственной высокой воли царствующей нынѣ великой императрицы Елизаветы, подъ мудрѣйшими заботами и въ счастливѣйшее царствованіе которой это великое дѣло достигаетъ своего завершенія. Мнѣ объ этомъ извѣстно всего менѣе, и я совершилъ бы непростительную дерзость, еслибы безъ высочайшаго соизволенія написалъ для всѣхъ то немногое, что̀ мнѣ извѣстно о морскихъ путешествіяхъ [1]). Поэтому, я ограничусь, главнымъ образомъ, нашимъ путешествіемъ, то-есть академическимъ путешествіемъ, которое можетъ знать вообще всякій: это есть почти продолженіе того Мессершмидтова путешествія, начало котораго проницательный императоръ Петръ I, славнѣйшей памяти, по собственному высокому побужденію велѣлъ сообщить королевской Академіи наукъ во Франціи, и всемилостивѣйше обѣщалъ прислать впослѣдствіи результаты всего путешествія [2]); но спеціальные и подробные трактаты не должны быть публикованы безъ высшаго разрѣшенія, для того, чтобы чрезвычайныя издержки, которыя Россія употребила на это къ своей вѣчной славѣ, были вознаграждены по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы публи-

[1]) Разумѣются путешествія Беринга и другихъ.

[2]) Lettre de Mr. Blumentrost à l'Academie des sciences de Paris dans l'histoire de la même Academie, 1720, ed. Holl., p. 173, 174 (прим. Гмелина).

каціей наблюденій свѣтъ обязанъ былъ милости императрицы. То, что̀ я сообщаю здѣсь, есть дневникъ нашего путешествія черезъ Сибирь до Якутска, и оттуда обратно до Петербурга, набросанный мною просто для своего удовольствія". Упомянувъ дальше, что обстоятельнаго и оффиціальнаго описанія ихъ наблюденій должно ожидать отъ его спутника Миллера, онъ надѣется, что и его трудъ найдетъ одобреніе у читателя. „Именно потому, что это--дневникъ, это есть смѣсь безчисленныхъ происшествій, всякаго рода земель, многихъ народовъ, различныхъ человѣческихъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, природы, какъ обработанной, такъ и необработанной. Я все еще вспоминаю съ удовольствіемъ о тѣхъ годахъ, когда я имѣлъ случай сдѣлать это путешествіе, и воображаю себѣ, что дневникъ, разсказывающій по порядку это путешествіе со всѣми политическими и естественными происшествіями, долженъ пробудить въ маломъ видѣ почти такое же удовольствіе и у читателя, который не совершенно ко всему равнодушенъ".

Въ самомъ дѣлѣ, книга Гмелина сохраняетъ свой интересъ и до настоящаго времени. Это—картина ученаго путешествія, совершавшагося полтораста лѣтъ тому назадъ, и вмѣстѣ картина русской и сибирской природы и быта, въ которой много стало, конечно, уже историческимъ прошедшимъ. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ проще разсказъ, тѣмъ онъ бываетъ интереснѣе: Гмелинъ записываетъ въ свой дневникъ всѣ впечатлѣнія, всѣ крупныя и мелкія происшествія, какія встрѣчались на пути, и надо жалѣть, что содержаніе книги осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ. Путешествіе было далекое, на пути было много всякихъ дорожныхъ приключеній, которыя даютъ понятія о старинномъ способѣ путешествія; случалось наблюдать обычаи и русскаго, и разныхъ другихъ народовъ; къ простому разсказу обо всемъ этомъ присоединяются замѣчанія ученаго человѣка, и въ книгѣ собралось множество подробностей для географіи, исторіи и этнографіи. Гмелинъ ведетъ, во-первыхъ, подробный маршрутъ путешествія, описываетъ города и всякія замѣчательныя мѣстности, съ особеннымъ любопытствомъ присматривается ко всякимъ инородцамъ, какихъ встрѣчалось много на пути экспедиціи, особенно въ Сибири; всегда онъ старается наблюдать бытъ, народные праздники, суевѣрія, обращаетъ вниманіе на остатки старины, прислушивается къ преданіямъ. Изъ множества подобныхъ подробностей укажемъ нѣкоторыя. Къ концу декабря 1733 года путешественники были въ Екатеринбургѣ, и здѣсь имъ случилось видѣть святочное представленіе: въ ихъ комнату собралась толпа ряженыхъ, которая дала имъ цѣлое представленіе — на сценѣ былъ Христосъ, смерть, дьяволъ, были музыканты, знатные господа и госпожи и пр.; сцена

должна была служить напоминаніемъ, что всѣ люди смертны, но ученый академикъ догадывался, что главной цѣлью было получить на водку. Дальше, въ Тобольскѣ, путешественники вспомнили екатеринбургское представленіе, потому что здѣсь они видѣли на пасхѣ другое подобное, но гораздо болѣе сложное: были на сценѣ старый Адамъ; дьяволъ, выдѣлывавшій надъ нимъ разныя штуки; змѣй-соблазнитель съ яблокомъ; Христосъ съ крестомъ и вѣнцомъ, оживившій Адама и уведшій его на небо; далѣе представлено было полученіе десяти заповѣдей, наконецъ крещеніе, предметомъ котораго былъ мнимый остяцкій князь; потомъ были комическіе выходы, наконецъ опять явились дьяволъ, старый Адамъ, смерть и Христосъ, какъ въ началѣ; маленькій мальчикъ держалъ рѣчь, затѣмъ пѣли пѣвчіе,—„все это было въ стихахъ и надо было только удивляться, что мальчики выполняли свое дѣло съ ораторскимъ искусствомъ". Это было представленіе вертепной мистеріи. Тамъ же въ Тобольскѣ Гмелинъ описываетъ странный старый обычай, что только разъ въ году хоронились люди, умершіе или насильственною смертью, или безъ причастія, поэтому ихъ и нельзя было хоронить вмѣстѣ съ другими, которые простились съ жизнью законнымъ образомъ; ихъ складывали въ незаколоченныхъ гробахъ въ одномъ сараѣ за городомъ и хоронили окончательно только разъ въ году, въ четвергъ передъ Троицей. Тамъ же въ Тобольскѣ Гмелинъ отмѣчаетъ, что въ великомъ посту (въ недѣлю православія) вмѣстѣ съ скончавшимися царями, патріархами и пр. поминался и завоеватель Сибири, Ермакъ. Тамъ же онъ видѣлъ и подробно описываетъ татарскую свадьбу. Семипалатинскъ онъ описываетъ какъ „Семипалатную крѣпость" и осматриваетъ здѣсь тѣ семь палатъ, отъ которыхъ она получила свое имя; это былъ, по его словамъ, родъ калмыцкаго монастыря, и въ этихъ зданіяхъ сохранялись еще остатки калмыцкаго идолопоклонства: крѣпость была еще очень нужна въ то время, потому что окрестные кочевники внушали мало довѣрія. Здѣсь, какъ и по всему теченію Иртыша, Гмелинъ указываетъ множество могилъ, которыя остались отъ жившихъ здѣсь прежде калмыковъ или бухарцевъ, и которыя почти всѣ были, однако, перерыты: для окрестныхъ жителей это была богатая добыча, потому что здѣсь находили много золота и серебра — въ видѣ идоловъ, большихъ печатей, браслетовъ, конскихъ украшеній; но вещи мѣдныя и желѣзныя обыкновенно бросались кладоискателями. Такое могильное серебро, обыкновенно перелитое, путешественникъ видѣлъ еще на ирбитской ярмаркѣ. Въ Томскѣ Гмелинъ встрѣчается съ раскольниками, и отмѣчаетъ ихъ удаленіе отъ православныхъ. Встрѣчаясь съ инородцами, онъ обыкновенно старательно наблюдаетъ особенности ихъ быта. Въ русскомъ

каціей н
что я с
бирь до
просто
наго и
отъ его
одобре
смѣсь
народ
чаевъ,
еще
случа
разск
и ес
почт
ко

нас
ша
си
ис
р
с
п
к

будетъ получить отъ нихъ что-нибудь еще. Всему причина — дешевизна хлѣба... Если у нихъ ничего больше не остается, они работаютъ еще нѣсколько часовъ и зато могутъ опять ничего не дѣлать цѣлую недѣлю". Наоборотъ, Гмелинъ отмѣчаетъ чрезвычайную трезвость татаръ (I, 159—160, 163).

Живя въ Томскѣ, путешественникъ упоминаетъ о сильномъ падежѣ скота,—„противъ чего никто не употребляетъ ни малѣйшихъ мѣръ и главнымъ основаніемъ къ этому было то, что прежде, когда также бывали подобныя язвы, предки также ничего не дѣлали. — Я могу съ полной истиной сказать, что всему виной — постыдная праздность. Она не позволяетъ имъ думать дальше, какъ о нынѣшнемъ днѣ; и если падаетъ сто коровъ и они видятъ передъ собой одну живую, то, по ихъ мнѣнію, они еще не терпятъ нужды и не требуютъ никакой помощи" (I, 314).

„Праздникъ архангела Михаила, который приходится 8-го ноября, привелъ городъ въ большое движеніе. Можно было подумать, что вышелъ приказъ, чтобы каждый въ этотъ день былъ пьянъ, такъ ревностно было желаніе напиться. Дня было недостаточно, и надо было провести еще ночь въ шумѣ, крикѣ и безумствахъ. Но на этомъ не кончилось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго; пили постоянно, и не было конца разврату" (I, 321)...

Далѣе, дѣйствіе происходитъ въ Иркутскѣ. „Святки проводились здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Отъ Рождества до Крещенья рѣдко можно было видѣть трезваго человѣка. Никакого ремесленника нельзя было добыть въ это время для работы... Такъ какъ они на праздникъ кое-что сберегли, то они не заботились ни мало заработать что-нибудь еще, потому что у нихъ было довольно для ихъ удовольствій. Право, кажется, что такіе праздники посвящены больше дьяволу, чѣмъ Богу, и это зрѣлище вовсе не служитъ хорошимъ примѣромъ для многочисленныхъ язычниковъ этого края, такъ какъ они видятъ, что высшее благо сибиряковъ состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которому предаются въ особенности въ эти дни, состоитъ не въ томъ, чтобы напиться развѣ только вечеромъ. Никакой звѣздочетъ не могъ бы указать имъ несчастнаго часа, въ который они не должны бы пить, потому что всякій часъ хорошъ для этого. Съ Рождествомъ у нихъ открывается заразительная горячка, отъ которой люди уже на второй или третій день начинаютъ бѣситься и на четырнадцатый день болѣзнь разражается, наконецъ, необычайнымъ бѣшенствомъ. Правда, они поправляются отъ этого, но только въ пять или шесть недѣль... И какъ людямъ, выдержавшимъ тяжелую болѣзнь, нужно много времени, чтобы поправиться,

такъ это бываетъ и здѣсь. Имъ трудно возвратиться къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, что они напиваются каждый четвертый день". Гмелинъ, очевидно, изображаетъ запой, потому что серьезно считаетъ сроки болѣзни и сравниваетъ ее съ падучей болѣзнью, которая имѣетъ свои періодическіе припадки и кончается только съ жизнью (II, 173—174).

Наконецъ, онъ касается и нравовъ чиновничества. Губернаторы живутъ очень широко, напр., тобольскій безпрестанно, по всѣмъ праздникамъ и табельнымъ днямъ, собиралъ на свои обѣды большое общество: эта роскошь, впрочемъ, обходилась недорого, потому что губернаторы, и за ними по порядку низшая администрація, имѣли свои экстренные доходы. У иркутскаго градоправителя эти доходы простирались до 30.000 рублей—цифра громадная по тому времени, и которую Гмелинъ слышалъ, вѣроятно, изъ довольно основательнаго мѣстнаго источника.

Эти и другія подобныя свѣдѣнія, выставлявшія некрасивую сторону русской жизни, и дѣлали книгу Гмелина „сумнительной".

ГЛАВА III.

Путешествіе аббата Шаппа и „Антидотъ“.

Въ іюнѣ 1761 года ожидалось прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. „Наблюденіе этого прохожденія,—говорилъ французскій астрономъ Шаппъ д'Отерошъ,—представляло міру въ первый разъ средство опредѣлить съ точностью параллаксъ солнца. Это явленіе, ожидаемое болѣе столѣтія, приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ астрономовъ: всѣ желали раздѣлить его славу. Знаменитый Галлей, возвѣщая о немъ, первый указалъ возможность этого явленія и унесъ въ могилу сожалѣніе, что не могъ быть его свидѣтелемъ. Вся ученая Европа хотѣла содѣйствовать успѣху этого наблюденія. Государи среди разорительной войны не упустили ничего, чтобы обезпечить его успѣхъ; онъ могъ служить эпохой ихъ славы и стать источникомъ величайшихъ выгодъ для ихъ подданныхъ и для человѣчества“.

Это явленіе можно было наблюдать особливо въ Россіи, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ былъ Тобольскъ; сюда и была направлена экспедиція, посланная по приказанію короля французской Академіей и порученная аббату Шаппу д'Отерошу. Выѣхавши изъ Парижа въ ноябрѣ 1760 года, аббатъ въ началѣ слѣдующаго года былъ въ Петербургѣ, затѣмъ въ апрѣлѣ прибылъ въ Тобольскъ: здѣсь онъ удачно сдѣлалъ свои наблюденія и, проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, возвратился въ Петербургъ и затѣмъ во Францію. Въ Петербургѣ изданъ былъ въ слѣдующемъ, 1762 году, его мемуаръ объ астрономическихъ и иныхъ наблюденіяхъ въ Тобольскѣ; затѣмъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ на обработку разнаго рода свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи и Сибири въ теченіе путешествія, и въ

1768 г. вышло его сочиненіе, надѣлавшее тогда не мало шуму. Довольно извѣстно, что книга аббата Шаппа возбудила большое негодованіе императрицы Екатерины, которой и приписывается опроверженіе, изданное по-французски подъ заглавіемъ: „Antidote“ и пр.; книга эта, составляющая теперь величайшую рѣдкость, хотя и соединяется съ именемъ имп. Екатерины, была у насъ вообще почти неизвѣстна и только недавно сдѣлалась доступной въ русскомъ переводѣ [1]).

Не больше извѣстна и самая книга Шаппа. Это—великолѣпное, по своему времени, изданіе [2]), гдѣ авторъ, не ограничиваясь своимъ путешествіемъ, хотѣлъ дать не только картину Сибири, но и всей Русской имперіи, ея географію, исторію, описаніе ея политическаго устройства и управленія, изобразить народные нравы, обычаи и характеръ; изложеніе сопровождается прекрасно награвированными рисунками, картами, планами и т. п.; книга напечатана въ большомъ форматѣ, крупнымъ шрифтомъ, употребительнымъ въ роскошныхъ изданіяхъ. Во главѣ книги являлось повелѣніе короля, по которому исполнено было путешествіе: имя автора подкрѣплялось авторитетомъ французской Академіи; наконецъ, это было первое французское ученое путешествіе въ далекую страну, и тогдашнее значеніе французской литературы доставляло книгѣ обширную публику. На другой годъ вышло въ Амстердамѣ второе, сокращенное изданіе книги, болѣе доступное для массы публики [3]). Но при ближайшемъ знакомствѣ книга Шаппа производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, при которомъ естественно было появленіе „Антидота“. Это было нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ, напримѣръ, путешествіе Гмелина: послѣдній, ко-

---

[1]) „Осьмнадцатый вѣкъ“, Бартенева, т. IV, Москва, 1869, стр. 225—468: „Антидотъ (Противоядіе), полемическое сочиненіе государыни императрицы Екатерины Второй; переводъ съ французскаго подлинника“.

[2]) Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette puissance; la description géographique etc., le Nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques etc., des Experiences sur l'Electricité naturelle; enrichi de cartes géographiques, de plans, de profils du terrein; de gravures qui représentent les usages des Russes, leurs moeurs, leurs habillements, les divinités des Calmouks etc., plusieurs morceaux d'histoire naturelle. Par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie royale des Sciences. Paris MDCCLXVIII, т. I-й въ двухъ большихъ книгахъ; т. II, заключающій французскій переводъ описанія Камчатки, Крашенинникова; наконецъ томъ плановъ, картъ, таблицъ—всего четыре большихъ книги.

[3]) Voyage en Sibérie fait par ordre du Roi en 1761; contenant les Moeurs, les Usages des Russes etc., l'Etat actuel de cette Puissanse etc. par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdam, MDCCLXIX — MDCCLXX, 2 тома, мал. 8°. Вѣроятно контрафакція.

нечно, не уступалъ въ учености члену французской Академіи,—скорѣе превышалъ его въ этомъ отношеніи и умѣлъ остаться на уровнѣ трезваго наблюденія; Гмелину не меньше случалось встрѣчаться съ картинами грубаго быта, которыя могли поражать образованнаго европейца, но у него тѣмъ не менѣе нашлось множество предметовъ для научнаго любопытства. Не таковъ французскій путешественникъ: это гораздо меньше ученый человѣкъ и гораздо больше свѣтскій болтунъ, желающій придать своему разсказу внѣшнюю занимательность, хотя бы при этомъ сообщаемые факты не отличались точностью; въ Россію онъ ѣдетъ съ заранѣе готовыми взглядами: это—дикая страна, на которую онъ смотритъ съ высоты своего салоннаго просвѣщенія, о которой говоритъ почти неизмѣнно въ тонѣ пренебреженія, доходящаго иной разъ до наглости. Впослѣдствіи авторъ „Антидота" умѣлъ довольно язвительно ловить его на разнаго рода неловкостяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, иной разъ смѣшно читать, какъ аббатъ, являющійся постоянно въ роли ученаго авторитета, кичится своимъ просвѣщеніемъ предъ русскимъ простолюдиномъ, не умѣющимъ понять термометра или астрономическаго инструмента—совершенно также, какъ не понялъ бы этихъ вещей и захолустный простолюдинъ французскій. Разсказывая о своемъ путешествіи, аббатъ не упускаетъ случая намекнуть о важности собственной особы, которой приходится имѣть дѣло съ такимъ грубымъ народомъ, какъ русскіе, и рядомъ имѣетъ наглость разсказывать, какъ провинившаяся передъ нимъ прислуга слетала съ лѣстницы отъ его исправительныхъ внушеній. Въ Россіи онъ успѣлъ добыть кое-какіе матеріалы о русскомъ управленіи, кое-какія историческія свѣдѣнія, кое-что узнать о событіяхъ, современныхъ его пребыванію въ Россіи, какъ, напр., о восшествіи на престолъ Петра III и т. п., разсказываетъ обо всемъ этомъ, не очень гоняясь за точностью, но ссылаясь на авторитеты Вольтера и Штраленберга. Онъ наблюдаетъ нравы и обычаи, также не гоняясь за точностью и, такъ сказать, готовясь впередъ описывать нѣчто нелѣпое: желаніе быть занимательнымъ побуждаетъ автора вдаваться въ игривыя подробности и въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ комментарія, онъ приводитъ цѣликомъ нѣсколько страницъ изъ Бюффона объ анатомическихъ и физіологическихъ особенностяхъ женскаго организма. Собственно о Сибири онъ разсказываетъ, въ этнографическомъ отношеніи, не много и его свѣдѣнія почерпались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ, не зная языка, онъ долженъ былъ вѣрить тому, что̀ ему разсказывали (авторъ „Антидота" утверждаетъ, что иное ему разсказывали на смѣхъ), да и по всѣмъ своимъ привычкамъ не былъ способенъ вникать въ тѣ бытовыя особенности, какія могъ встрѣтить. Нѣкоторыя черты замѣчены, впрочемъ, вѣрно, такъ какъ

академіи и школы, однихъ предназначаютъ къ литературѣ, другихъ къ наукамъ и искусствамъ, не соображаясь ни съ ихъ дарованіями, ни съ ихъ наклонностями (!). Петръ осматриваетъ академіи и мастерскія: онъ часто берется за скобель и рѣзецъ; но онъ вырываетъ кисть изъ рукъ молодого художника, который рисуетъ Армиду въ объятіяхъ Арно, чтобы наказать его батогами (?)", и проч.

Этотъ образчикъ даетъ понятіе объ изложеніи французскаго путешественника; онъ знаетъ долю фактовъ, но изобиліе реторики дѣлаетъ его сужденія поверхностными и, наконецъ, нелѣпыми. Свои заключенія о характерѣ русскаго народа онъ желаетъ подкрѣпить аргументами изъ физики, анатоміи, физіологіи, но, по собственнымъ словамъ, беретъ эти аргументы готовыми у другихъ; онъ говоритъ объ „электрической матеріи", о „нервномъ сокѣ", о климатѣ и почвѣ, привлекаетъ сюда знаменитую книгу Монтескьё. Въ концѣ концовъ происхожденіе русскаго народнаго характера онъ приписываетъ климату, порождающему разные обычаи, которые отзываются на физической природѣ народа; и съ другой стороны—воспитанію и свойству правленія, которое въ Россіи „до такой степени извратило (a dénaturé) человѣка, подчиняя даже способности, наиболѣе независимыя отъ власти, что становится очень трудно опредѣлить отличительныя свойства націи". У русскихъ рѣдко можно встрѣтить воображеніе и геній, но они имѣютъ особенный талантъ къ подражанію. По природѣ русскіе—народъ веселый и общительный, и если они въ своей общественной жизни являются не тѣмъ, чѣмъ могли бы быть, то причина этому заключается именно въ свойствахъ ихъ воспитанія и правленія. Правильная постановка того и другого предполагаетъ единство интересовъ власти и государства и даетъ самые лучшіе результаты: гражданинъ находитъ счастіе только въ счастіи націи; общественное признаніе порождаетъ и поддерживаетъ любовь къ славѣ, создаетъ великихъ людей и обезпечиваетъ имъ уваженіе потомства. У русскихъ ничего этого нѣтъ: „любовь къ славѣ и къ отечеству неизвѣстны въ Россіи; деспотизмъ разрушаетъ (détruit) здѣсь умъ, дарованіе и всякое чувство. Никто не смѣетъ думать въ Россіи; душа, униженная и загрубѣлая, теряетъ даже способность къ этому. Страхъ есть, такъ сказать, единственная пружина, одушевляющая всю націю".

„Петръ I,—говоритъ дальше аббатъ,—былъ убѣжденъ, и еще до сихъ поръ нація убѣждена въ этомъ, что русскихъ можно образовать только принужденіемъ. Это могло имѣть основаніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, когда Петръ I вступалъ на престолъ; но очень странно, что этотъ отвратительный предразсудокъ (détestable préjugé) еще существуетъ въ Россіи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, большимъ препятствіемъ къ успѣхамъ наукъ и искусствъ въ Россіи авторъ считаетъ гордость или самонадѣянность русскихъ. „Этотъ порокъ принадлежитъ національному духу; его можно видѣть во всѣхъ сословіяхъ. Едва ученикъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, онъ уже считаетъ себя равнымъ своему учителю и даже выше его, и русская публика такъ мало просвѣщена, что можетъ ставить ихъ на одну линію“...

Находя такіе коренные недостатки въ русскомъ народѣ, авторъ думаетъ, однако, что „этотъ народъ, вообще лишенный генія и воображенія, сталъ бы во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ инымъ, еслибы пользовался свободой. Дойдетъ ли онъ далеко? я не знаю. Быть можетъ,—если вѣрить г. Руссо изъ Женевы,—надо бы желать, чтобы этотъ народъ никогда не былъ цивилизованъ (policé). Какъ бы то ни было, царствованіе императрицы Екатерины, повидимому, предвѣщаетъ перемѣну въ общемъ духѣ націи“.

Еще раньше аббатъ восхвалялъ личныя свойства и дарованія императрицы, и теперь онъ высказываетъ надежды на ея просвѣщенную дѣятельность. „Она создаетъ новую націю: Петръ Великій возъимѣлъ мысль объ этомъ, составилъ планъ и приготовилъ выполненіе; слава довершенія этого дѣла, кажется, предоставлена императрицѣ Екатеринѣ“ [1]). Эти похвалы, какъ увидимъ, нимало не умѣрили раздраженія, съ какимъ императрица Екатерина отнеслась къ книгѣ аббата Шаппа.

Доскажемъ объ этой книгѣ еще нѣсколько подробностей. Текстъ ея сопровожденъ нѣсколькими прекрасно исполненными гравюрами. Въ началѣ символическая картинка, изображающая самую идею путешествія ученаго аббата „по повелѣнію короля“: король, въ античной хламидѣ и обуви, на креслѣ, т.-е. на престолѣ; у ногъ его расположены женскія фигуры наукъ и искусствъ, съ мелкими купидонами внизу и вверху въ облакахъ; онъ даетъ повелѣніе также женской фигурѣ, въ античномъ одѣяніи, съ голой ногой, — этой фигурѣ некого изображать, кромѣ ученаго аббата; на второмъ планѣ олицетворенія дикихъ народовъ, которыхъ аббатъ посѣтитъ и опишетъ. Далѣе, картинки, размѣщенныя въ текстѣ, должны были представлять образчики русской жизни; русская изба, баня, бытовыя сцены и т. д. нарисованы такъ, что найти въ нихъ именно русское довольно мудрено: люди въ классическихъ позахъ, подробности обстановки неузнаваемы; рисовальщикъ такъ заботился о манерной красивости, что даже самоѣдская женщина въ національномъ костюмѣ изображена красивой, и т. п.

[1]) Глава: „Du progrès des sciences et des arts en Russie“.

„Антидотъ“ вышелъ безъ имени автора и даже безъ указанія мѣста печатанія и только съ указаніемъ года, въ двухъ частяхъ [1]); въ обѣихъ частяхъ на первой страницѣ помѣщена виньетка, которая представляетъ Каина, стоящаго съ палицей надъ убитымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова: полагаютъ, что эта символическая картина могла имѣть въ виду ту ненависть, съ какою написана книга Шаппа о Россіи. Вопросъ объ авторѣ „Антидота“ въ сущности остается донынѣ открытымъ: нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы рѣшить его положительно. Были указанія, что въ сочиненіи „Антидота“ принималъ участіе гр. Андрей Шуваловъ. Знаменитый французскій библіографъ Кераръ опровергаетъ это [2]), но безъ фактическихъ доказательствъ. Сохранилось одно письмо этого Шувалова къ императрицѣ, отъ мая 1768, которое можетъ имѣть отношеніе къ „Антидоту“; въ государственномъ архивѣ есть экземпляръ „Антидота“, переписанный рукою Козицкаго, состоявшаго тогда при императрицѣ „въ кабинетѣ“, и эта рукопись могла подразумѣваться въ письмѣ Шувалова, гдѣ говорится о какой-то работѣ, исполняемой по указаніямъ императрицы и въ которой Козицкій и Шуваловъ принимали участіе, — но отсюда трудно вывести какое-либо ясное заключеніе [3]). Еслибы эти лица и дѣйствительно имѣли какое-нибудь отношеніе къ „Антидоту“, ихъ участіе могло ограничиваться исполненіемъ какихъ-либо второстепенныхъ подробностей дѣла, — какъ то случалось и въ другихъ работахъ императрицы. На нашъ взглядъ всего вѣроятнѣе преданіе, которое приписываетъ сочиненіе „Антидота“ самой императрицѣ. Дѣйствительно, кто знакомъ съ писательской манерой Екатерины II, тому бросаются въ глаза сходныя черты и въ содержаніи, и въ изложеніи. Авторъ „Антидота“ прежде всего говоритъ тономъ такого авторитета, видимо привычнаго, что его трудно предположить у кого-либо другого изъ русскихъ писателей того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ авторъ какъ будто считаетъ себя спеціально обязаннымъ опровергнуть ошибки или намѣренныя „клеветы“ французскаго писателя, бросающія тѣнь на достоинство русскаго народа и русской имперіи; авторъ „Антидота“ обнаруживаетъ хорошее знаніе русскаго управленія и русскихъ обы-

---

[1]) Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie fait en 1761. Par M. l'abbé Chappe d'Auteroche (выписано все заглавіе книги Шаппа). 2 тома небольшого формата, 1770. Второе изданіе вышло въ Амстердамѣ, 1771 — 72; англійскій переводъ, Лондонъ, 1772. Указываютъ еще изданіе: L'Antidote ou les Russes tels qu-ils sont et non tels qu'on les croit. Lausanne, 1799.

[2]) Les Supercherіes Littéraires dévoilées, т. I, 211.

[3]) См. Пекарскаго, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1863, стр. 5 — 6.

чаевъ; когда рѣчь идетъ о русской исторіи, авторъ излагаетъ тѣ самыя представленія объ исторической судьбѣ русскаго народа, какія господствуютъ въ историческихъ сочиненіяхъ императрицы; когда рѣчь идетъ о ближайшихъ временахъ, о событіяхъ царствованія Елизаветы и Петра III, авторъ говоритъ какъ свидѣтель, имѣющій точныя свѣдѣнія очевидца; о настоящихъ видахъ русскаго правительства авторъ говоритъ такимъ тономъ, какъ бы они были для него особенно близкимъ дѣломъ; недоброжелательнымъ отзывамъ французскаго путешественника о нравахъ грубаго русскаго народа онъ противопоставляетъ образчики нравовъ и обычаевъ просвѣщенной французской націи, довольно поучительные, и французская жизнь и исторія оказываются ему хорошо знакомы; кое-о-чемъ авторъ, вообще весьма находчивый, уклоняется говорить. Наконецъ, отвѣтъ, писанный вообще весьма рѣзко, свидѣтельствуетъ объ особенной впечатлительности и нетерпимости, которыя такимъ же образомъ отзываются въ полемическихъ сочиненіяхъ императрицы, не отличавшихся особымъ благодушіемъ.

„Антидотъ" составилъ большую книгу, гдѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за французскимъ путешественникомъ и не упускаетъ ни одного случая его неловкости, ошибки, самонадѣянности, опровергаетъ его и насмѣхается надъ нимъ.

„Обѣщаю вамъ много обличеній, г. аббатъ Шаппъ, — пишетъ авторъ въ самомъ началѣ книги,—и я докажу все то, что́ намѣренъ сказать о фактахъ, могущихъ пролить свѣтъ, которые вы смѣете приводить съ болтливою неточностію; ибо, надобно въ томъ сознаться, три четверти вашей книги состоятъ лишь изъ злобной болтовни. Всего лучше въ вашей книгѣ рисунки г. Ле-Пренса. Весьма жаль, что въ наше время всѣ плохія сочиненія украшаются столь великолѣпными эстампами". Предметы опроверженій чрезвычайно разнообразны: авторъ „Антидота" опровергаетъ французскаго писателя на каждомъ шагу — и тамъ, гдѣ послѣдній говоритъ о важнѣйшихъ учрежденіяхъ имперіи, и гдѣ онъ не можетъ уразумѣть русскаго обычая или перепутываетъ русскую исторію, — но особливо онъ настаиваетъ на объясненіи политическаго характера Россіи. Напримѣръ. „Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать русскому государю, вотъ черта, ясно доказывающая его зложелательство", и авторъ „Антидота" проводитъ параллель между французскимъ королемъ и русскимъ государемъ: первый издаетъ законы, какъ второй, и если французскіе парламенты отказываются принимать дурные законы, то послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ ихъ къ этому принуждаютъ; русскіе государи издаютъ законы только по представленію сената. „Французскій король и даже его министры са-

жають въ Бастилію и тамъ подвергають судилищу, на это устроенному, или суду какой-нибудь коммиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество, и жизнь: такъ же и у насъ, г. аббатъ". Авторъ насмѣхается надъ поспѣшными выводами Шаппа о русскихъ обычаяхъ, которыхъ онъ на половину не понимаетъ, также какъ и надъ иными учеными его наблюденіями, которыя онъ дѣлалъ, лежа въ закрытомъ возкѣ подъ шубами и на всемъ скаку почтовой ѣзды. Въ самомъ дѣлѣ, Шаппъ упоминаетъ однажды, что у него разбились въ дорогѣ его барометры и термометры, и устроить ихъ вновь можно было только въ слѣдующемъ большомъ городѣ, и между тѣмъ онъ несмотря на то дѣлаетъ барометрическія наблюденія; въ приложеніяхъ къ его книгѣ помѣщены громадные чертежи нивеллировки всего пути его по Россіи, надъ которыми много глумится авторъ „Антидота"; дѣйствительно, довольно забавно видѣть съ этихъ чертежахъ рисунокъ громадныхъ мѣстностей, когда въ текстѣ аббатъ разсказываетъ, что ему въ зимнемъ путешествіи часто было вовсе не до того, чтобы заниматься какими-либо учеными изысканіями. Мы упоминали выше объ описаніи русскихъ бань, въ какихъ будто моются „всѣ русскіе отъ государя до послѣдняго подданнаго" и которыя у нихъ различаются только по степени чистоты. „Но, аббатъ, возможно ли простирать далѣе ложь и клевету, чѣмъ вы это дѣлаете въ этомъ случаѣ? Развѣ вы въ Европѣ единственное лицо, бывшее въ Россіи? И кто же видалъ, чтобы наши дамы, красота которыхъ признана всѣми, выходя изъ бани, барахтались въ снѣгу въ перемежку съ мужчинами?.. Онъ говоритъ, что въ баняхъ сѣкутъ другъ друга пучками розогъ. Быть можетъ, его, для смѣху, высѣкли въ банѣ; онъ этого заслуживалъ" [1]). Авторъ „Антидота" поднимаетъ на смѣхъ аббата, когда тотъ величается своей ученостью передъ русскими мужиками; когда аббатъ изумляется, что въ Россіи, въ народномъ быту, отдаютъ дѣвушекъ замужъ, не спрашивая ихъ объ этомъ, авторъ „Антидота" напоминаетъ, что во Франціи такимъ же образомъ поступаютъ въ самомъ аристократическомъ кругу. Авторъ смѣется надъ ошибками аббата въ русской исторіи, когда тотъ, напримѣръ, разсказываетъ, какъ „царь Романо" женился на дочери боярина „Стрешне": „во-первыхъ, что такое царь Романо? Въ рукописи (которою пользовался Шаппъ) навѣрное не сказано такъ. Если сказать: король Бурбо или Бурбу,

---

[1]) Но авторъ Антидота" умалчиваетъ, что у насъ, однако, въ баняхъ парятся вѣниками.

императоръ авструйскій и пр., то читатель не будетъ знать, о комъ и о какомъ королѣ или императорѣ идетъ рѣчь".

Наконецъ, авторъ „Антидота" съ великой гордостію говоритъ о новыхъ мудрыхъ началахъ, которыя провозглашены русскимъ правительствомъ въ извѣстномъ Наказѣ. Когда аббатъ Шаппъ говоритъ о вредномъ дѣйствіи русскаго правленія и воспитанія на характеръ народа, авторъ „Антидота" спрашиваетъ: „что хотите вы этимъ сказать, г. аббатъ? Ужъ не ваше ли правительство намѣрены вы восхвалять, говоря это? Такъ, догадываюсь, и унизить наше?" Но въ какой же странѣ правительство и воспитаніе стремятся направить націю къ чести, славѣ и мужеству, если не въ той, гдѣ государь, тщательно собирая отовсюду начала, способствующія народному счастію, самъ предлагаетъ ихъ своему народу и призываетъ его начертать законы общими силами. Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы, и можетъ ли хвастаться „та нація, которая запрещаетъ ввозъ къ себѣ этого евангелія законности, въ опасеніи, конечно, чтобы у васъ не увидѣли, насколько правительственныя начала разнятся въ обѣихъ странахъ?.. Г. аббатъ, этотъ Наказъ становится у насъ закономъ; онъ преслѣдуется у васъ... Берегитесь, скоро у васъ останется лишь тѣнь, а сущность окажется у насъ" [1]).

„Антидотъ" остался самымъ интереснымъ результатомъ путешествія аббата Шаппа: этотъ отвѣтъ на его книгу, по всей вѣроятности принадлежащій императрицѣ Екатеринѣ или, по крайней мѣрѣ, составленный по ея указаніямъ, представляетъ любопытное изложеніе ея взглядовъ на русскую жизнь и исторію, и примѣръ оффиціальныхъ представленій о русскомъ національномъ достоинствѣ. Къ сожалѣнію, „Наказъ", который служитъ здѣсь однимъ изъ основныхъ аргументовъ, впослѣдствіи, еще въ царствованіе императрицы Екатерины, остался только воспоминаніемъ, для самой власти, быть можетъ, не всегда пріятнымъ, и политическія опроверженія, какъ бы ни были искусны, не исчерпали вопроса.

Не знаемъ, успѣлъ ли аббатъ Шаппъ прочитать это опроверженіе. Издавъ свою книгу, онъ отправился въ Калифорнію и тамъ умеръ. Ему, во всякомъ случаѣ, не пришлось читать другого обличенія, появившагося, также безъ имени автора, въ 1771 году [2]). Дѣло въ томъ, что Руссо, издатель „Энциклопедическаго Журнала", котораго неизвѣстный „Скиѳъ" восхваляетъ за его здравыя сужденія и безпристрастіе, помѣстилъ разборъ книги Шаппа, весьма сочувствен-

[1]) Стр. 259—260, 449—русскаго перевода.

[2]) Lettres d'un Scyte franc et loyal, à monsieur Rousseau, de Bouillon, Auteur du Journal Encyclopédique. Amsterdam et Paris, MDCCLXXI, мал. 8°, 65 стр., съ помѣтой: Петербургъ, январь, 1771.

ный. Это и дало поводъ Скиөу къ опроверженіямъ, изложеннымъ въ двухъ письмахъ: Sur le danger des préjugés nationaux, и Sur l'histoire de Sybérie, гдѣ онъ довольно удачно указываетъ грубые недостатки книги аббата Шаппа, отказываясь отъ подробнаго разбора ея потому, что такой уже сдѣланъ въ „Антидотѣ" [1]).

---

[1]) Стр. 55: „Lisez, monsieur, un ouvrage qui a pour titre l'Antidote: je viens de le recevoir de *Hollande*" и проч. Голландія и была вѣроятно мѣстомъ печатанія „Ан[illegible]не указаннымъ въ его заглавіи.

ГЛАВА IV.

Русскіе географическіе поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка.

Плаванія Шестакова. — Открытія Гвоздева. — Осмотръ сѣвернаго берега Сибири: Прончищевъ, Лаптевы, Челюскинъ.

Предпріятія промышленниковъ: Басовъ, Трапезниковъ, Неводчиковъ, Прибыловъ.

Экспедиціи Биллингса и Сарычева.

Плаванія купцовъ Шалаурова, Ляхова.—Г. И. Шелеховъ.—Основаніе Россійско-Американской компаніи.

Ученыя экспедиціи. — Петръ-Симонъ Палласъ и его „студенты" Зуевъ и Соколовъ.—Георги.—Фалькъ.

Иностранныя книги и путешествія. — Делиль. — Шульцъ. — Переводы изъ Миллера.—Самуилъ Энгель.—Штелинъ.—Вогонди.—Вильямъ Коксъ.—Лессепсъ. —Сиверсъ.—Беньовскій.—Белькуръ.—Вагнеръ.—Французскіе эмигранты.

Путешествіе аббата Шаппа мало прибавило къ изслѣдованіямъ Сибири; оно не получило авторитета у позднѣйшихъ путешественниковъ и писателей, и „Антидотъ", безъ сомнѣнія, не мало помогъ его дискредитировать.

Въ царствованіе Екатерины II наступилъ новый періодъ изслѣдованій, которыя принесли богатые результаты для изученія Сибири и снова произвели сильное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Это—рядъ экспедицій, исполненныхъ подъ руководствомъ знаменитаго Палласа. Но пока, въ царствованіе Анны и Елизаветы, велись съ одной стороны морскія предпріятія, задуманныя одновременно со „Второй камчатской экспедиціей", а съ другой продолжалась и старая работа практическихъ разысканій, начатыхъ первыми завоевателями Сибири и ихъ преемниками, казаками и промышленниками. Экспе-

диція Беринга, впослѣдствіи высоко оцѣненная Кукомъ, возбудила, по словамъ г. Венюкова, ревность русскихъ изслѣдователей стараго закала [1]. Въ 1727 году казачій голова въ Якутскѣ, Шестаковъ, предложилъ правительству сдѣлать изслѣдованіе въ землѣ чукчей на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири и даже отыскивать новыя земли на сѣверъ отъ сибирскаго материка. Онъ, дѣйствительно, получилъ средства для исполненія этой чукотской экспедиціи, ему дано было нѣсколько помощниковъ, штурманъ, геодезистъ, рудознатецъ, то-есть горный инженеръ, нѣсколько матросовъ; кромѣ того, присоединился къ нему капитанъ Павлуцкій съ 400 якутскихъ казаковъ [2]. Одно изъ судовъ Шестакова, съ геодезистомъ Гвоздевымъ, объѣхало Камчатку, доходило до береговъ Америки и въ Беринговомъ проливѣ открыло группу островов, которые называются теперь архипелагомъ Гвоздева; самъ Шестаковъ былъ убитъ въ сраженіи съ чукчами [3]. Какъ видимъ, въ новыхъ предпріятіяхъ присоединяется участіе спеціальныхъ навигаторовъ и геодезистовъ, которые могли уже дать точнѣе опредѣленіе своимъ открытіямъ, и ихъ труды дѣйствительно послужили для географической науки. Въ самомъ Охотскѣ была открыта въ это время „навигацкая“ школа.

Когда въ 1733 г. началась „Вторая камчатская экспедиція“ на средства [illegible], былъ также предположенъ осмотръ сѣвернаго берега Сибири. Въ виду невозможности долгаго плаванія въ короткое сѣверное лѣто, этотъ осмотръ рѣшено было сдѣлать по частямъ: одна морская экспедиція должна была изслѣдовать берегъ отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, другая до Енисея, третья отъ Лены на западъ до Енисея, и четвертая отъ Лены на востокъ до Берингова пролива. Изъ Архангельска вышли въ 1734 лейтенанты Павловъ и Муравьевъ; изъ Тобольска и затѣмъ изъ устьевъ Оби въ море вышелъ лейтенантъ [illegible], въ 17[illegible] отъ Лены отправился лейтенантъ Прончищевъ на западъ [illegible] на востокъ Лассениусъ [illegible] лейтенантъ [illegible]. Въ 17[illegible] г. лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ [illegible] изъ Архангельска [illegible] сѣвернаго берега [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]

[1] [illegible]

[2] [illegible]

[3] [illegible]

30-го августа Прончищевъ умеръ, и черезъ нѣсколько дней умерла сопровождавшая его жена. Въ 1747 г. новыя экспедиціи, и Овцынъ вошелъ, наконецъ, въ устье Енисея, которымъ поднялся до Туруханска. Въ 1738 г. плаванія лейтенанта Скуратова съ Головинымъ отъ устьевъ Оби къ Архангельску, и штурмановъ Минина и Стерлегова изъ устьевъ Енисея на востокъ; оба плаванія были не совсѣмъ успѣшныя. Въ 1739 г., опять плаваніе Скуратова, далѣе Дм. Лаптева изъ устьевъ Лены на востокъ, Харитона Лаптева — оттуда же на западъ. Въ 1740 г., путешествіе Стерлегова, Минина, обоихъ Лаптевыхъ, геодезиста Чекина по разнымъ мѣстамъ сѣвернаго сибирскаго берега. Въ 1741 г., экспедиціи продолжаются, причемъ Челюскинъ сухимъ путемъ добрался до самой сѣверной части азіатскаго материка и описалъ ее, а экспедиція Беринга открыла Алеутскіе острова. Самъ Берингъ умеръ въ этомъ же году, на одномъ изъ открытыхъ имъ островов: ему удалось только увидѣть сѣверо-американскій берегъ [1]).

Эти странствованія стоили исполнителямъ ихъ чрезвычайнаго труда: суровость климата, утомительная борьба съ ледянымъ моремъ требовали большой энергіи; путешественникамъ, захваченнымъ льдами и страшнымъ морозомъ, приходилось зимовать на крайнемъ сѣверѣ и, бросая суда, добираться пѣшкомъ до человѣческаго жилья на берегу; многіе поплатились жизнью, какъ Берингъ, Прончищевъ, Лассеніусъ, какъ много людей изъ экипажа. Но трудъ ихъ уже не пропадалъ для науки: въ нѣсколько пріемовъ, усиліями мореходовъ и геодезистовъ, смѣнявшихся на одной работѣ, сѣверный берегъ Азіи былъ изслѣдованъ и положенъ на карту; опредѣлено было пространство между Камчаткой и Японіей (впрочемъ, до конца столѣтія Сахалинъ считали полуостровомъ); на сибирскомъ материкѣ опредѣлено было сухопутной экспедиціей тѣхъ годовъ до нѣсколькихъ сотъ астрономическихъ пунктовъ, хотя на первый разъ весьма несовершенно; словомъ это были уже пріобрѣтенія для географической науки.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершила свою дѣятельность Вторая камчатская экспедиція, къ которой примыкали указанныя сейчасъ экспедиціи морскія, но изслѣдованія не остановились и—до новыхъ оффиціальныхъ экспедицій—совершались опять предпріимчивостью частныхъ лицъ. Это были въ особенности про-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ старыхъ плаваніяхъ были тогда собраны Миллеромъ; впослѣдствіи имъ посвящена была книга Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ, предпринятое для рѣшенія географической задачи: соединяется ли Азія съ Америкою? и совершенное въ 1727, 28 и 29 годахъ, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга“ и пр. Спб. 1823. Ср. С. Е. von Baer, Bering und Tschirikow (Petersb. 1849). О новой книгѣ Вахтина упомянуто выше.

въ 1755 году якутскіе купцы Шалауровъ и Баховъ получили дозволеніе предпринимать путешествія для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку; въ 1760 г. они предприняли свою экспедицію отъ Лены, но добрались только до устьевъ Яны, здѣсь зазимовали и на слѣдующее лѣто двинулись дальше, доплыли до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ долго были затерты льдами, и затѣмъ снова зазимовали въ устьяхъ Колымы; въ слѣдующемъ, 1762 году, Шалауровъ снова двинулся на востокъ, но дошелъ только до Шелагскаго мыса, осмотрѣлъ Чаунскую губу, гдѣ до него никто еще не былъ, и думалъ продолжать свое плаваніе на востокъ, но долженъ былъ вернуться на Лену, потому что экипажъ его взбунтовался, при томъ и средства самого Шалаурова истощились. Онъ отправился въ Москву хлопотать о новой экспедиціи, и ему удалось получить средства отъ правительства; въ 1764 году онъ вновь отправился въ плаваніе къ Шелагскому мысу и уже не возвратился: онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, и только въ 1823 году однимъ изъ участниковъ экспедиціи Врангеля найдены были остатки какого-то судна и избушки и человѣческія кости; по словамъ туземцевъ, все это осталось отъ экспедиціи, бывшей здѣсь лѣтъ за 70 передъ тѣмъ.

Вопросъ о возможномъ пути въ Индію черезъ сѣверный океанъ продолжалъ занимать русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Въ 1763 г. Ломоносовъ поднесъ генералъ-адмиралу великому князю Павлу Петровичу свое сочиненіе: „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію" [1]). Въ видахъ исполненія этого плана отправлена была въ 1765 году экспедиція Чичагова изъ Колы, но задержанная льдами вернулась въ Архангельскъ; продолжались поиски въ Ледовитомъ океанѣ изъ Сибири, и въ 1770—73 году открыты были купцомъ Ляховымъ Ляховскіе острова къ сѣверо-западу отъ Святого Носа; они получили свое имя отъ плавателя, которому предоставлено было право исключительнаго промысла на этихъ островахъ.

Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ предпріятій этого рода, упомянемъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ плавателей того времени Григ. Ив. Шелеховѣ. Это былъ родомъ рыльскій мѣщанинъ, небогатый человѣкъ, который отправился искать счастья въ Сибирь, и по примѣру сибирскихъ купцовъ, промышлявшихъ на восточномъ океанѣ, онъ съ 1776 года сталъ отправлять свои суда, и въ одну изъ этихъ поѣздокъ названный выше штурманъ Прибыловъ, началь-

---

[1]) Эта статья была издана только въ 1847 году Гидрографическимъ Департаментомъ.

... группу острововъ, на-
... громадный грузъ:
... лисовъ, 1,000 пу-
... были добыты
... Шелеховъ имѣлъ,
... цѣлью удержать
... осѣдлость, а вмѣстѣ
... Въ 1783, онъ самъ
... собственной верфи.
... къ острову Кадьяку,
... населенному воин-
... завести мирныя сно-
... школу. Въ слѣ-
... основалъ се-
... островитянъ.
... отъ правительства за
... его ходатайству
... для заведенія
... вольныхъ ре-
... онъ умеръ въ
... представлено
... въ Аме-
... гу-
... пред-
... рей
... островахъ, и ... грозило
... представленій было
... Американской компаніи, имѣв-

... земель и морей сибирскаго края
... сибирскихъ сѣверныхъ и восточ-
... между Камчаткой и Америкой и,
... оконечности Америки. Частію на лѣ-
... научными и практическими экспе-
... Люди и побужденія были весьма
... были усердными исполнителями прави-
... буквально рискуя при этомъ своею
... помощь отъ мѣстныхъ инородцевъ;
... одушевлялись безкорыстнымъ желаніемъ
... края, полагали на это всѣ свои средства
... жизнь, какъ Шалауровъ, который сибирскимъ
... является русскимъ Норденшельдомъ; наконецъ,

третьи руководились только исканіемъ прибыли, доходившимъ до свирѣпой алчности, какъ тѣ промышленники, которые направлялись на крайній востокъ, на Алеутскіе острова и позднѣйшую русскую Америку (впослѣдствіи оставленную). Это были, повидимому, прямые продолжатели тѣхъ промышленныхъ людей, которые въ XVII-мъ вѣкѣ открывали и захватывали сибирскій материкъ. Мы мало знаемъ подробностей о томъ, какъ совершалось это занятіе, но знаемъ, что это было занятіе съ оружіемъ въ рукахъ: если туземцы не подчинялись добровольно, ихъ вынуждали силою къ подчиненію, выражавшемуся уплатой дани, ясака; и извѣстно также, что требованія ясака нерѣдко равнялись грабежу, такъ что, наконецъ, сама правительственная власть считала нужнымъ брать туземныхъ инородцевъ подъ защиту. Но промышленники второй половины XVIII-го вѣка, повидимому, превзошли своихъ предковъ. Исторія занятія Алеутскихъ островов есть исторія ужасныхъ и безсмысленныхъ жестокостей. Алеуты, народъ трудолюбивый и довольно развитой, сначала встрѣтили русскихъ мирно; но, раздраженные насиліями и несправедливостями, въ одну зиму истребили три судна промышленниковъ, и послѣдніе, подъ предлогомъ подчиненія ихъ русской власти, совершали надъ туземцами величайшія варварства. На нѣкоторыхъ островахъ жители были истреблены безъ остатка, алеутовъ убивали тысячами, иногда просто для потѣхи, убивали мирныхъ и безоружныхъ. Въ 1792 году на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось до двухъ съ половиной тысячъ жителей, но до прихода русскихъ ихъ было вдесятеро больше. Цѣлью этого истребленія, по объясненію одного изъ историковъ Сибири, былъ не одинъ грабежъ, и всего менѣе забота объ интересахъ правительства, а болѣе тонкое соображеніе: промышленникамъ нужно было закабалить туземцевъ совершенно, и такъ какъ это не легко было сдѣлать съ народомъ многочисленнымъ, то надо было просто истребить непокорныхъ. Въ далекомъ Петербургѣ трудно было знать, какъ дѣлалось дѣло, и промышленники получали даже поощренія и награды. Таковъ былъ и упомянутый выше Григорій Шелеховъ. Послѣ нѣсколькихъ своихъ плаваній онъ отправился въ Иркутскъ и представилъ краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ сибирскому генералъ-губернатору Якобію, упомянувъ въ немъ, что „безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой". Онъ написалъ о своемъ путешествіи и особую книгу, гдѣ, какъ и въ донесеніи Якобію, не усомнился преувеличить свои подвиги и присвоить себѣ чужія заслуги. Утверждаютъ, напримѣръ, что въ первой стычкѣ съ туземцами на островѣ Кадьякѣ онъ разбилъ 400 человѣкъ, между которыми были женщины и дѣти,—онъ пишетъ, что разбилъ 4.000 человѣкъ и 1.000

взялъ въ плѣнъ; жителей на этомъ островѣ не было тогда и 15 тысячъ, а Шелеховъ увѣрялъ правительство, что покорилъ 50 тысячъ человѣкъ; дальше онъ утверждалъ, что въ одну зиму обратилъ множество ихъ въ христіанство, и пр. Якобій писалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, и на запросъ имп. Екатерины о лучшихъ мѣрахъ къ утвержденію русскаго владычества и промысловъ на Восточномъ океанѣ доносилъ, что компаніи Шелехова надо предоставить промышленную монополію въ открытыхъ имъ мѣстахъ, именно на пространствѣ 49°—60° широты, и 53°—63° долготы. Шелеховъ отправился самъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и его сотоварищъ были награждены, и изъ коммерцъ-коллегіи было имъ выдано 200.000 рублей. Но до императрицы дошли, наконецъ, свѣдѣнія о настоящемъ способѣ дѣйствій Шелехова и она грозила ему „оковами“, но у него были друзья, участвовавшіе въ его выгодахъ, и гроза миновала [1]). По смерти его до императора Павла опять дошли извѣстія о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ, и онъ хотѣлъ уничтожить промышленность, не имѣвшую значенія для имперіи, но вліятельные союзники компаніи съумѣли снова поправить дѣло, и въ іюлѣ 1799 г. учреждена была оффиціально упомянутая „Россійско-Американская компанія“, получившая чрезвычайныя привилегіи. Ей предоставлены были всѣ промыслы по берегу Америки, на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ, лежащихъ по сѣверо-восточному океану; компаніи предоставлялось все, „что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется“; она получала монополію открывать и занимать новыя земли, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможенія отъ правительства, и т. д. Въ результатѣ мѣстные инородцы были обращены въ настоящее рабство, монополія компаніи не отразилась пользою для края, управленіе было дурное, и впослѣдствіи русская колонизація привилась такъ мало, что въ 1867 году государство не усомнилось уступить Сѣверо-Американскимъ Штатамъ свои владѣнія въ бывшей русской Америкѣ [2]).

---

[1]) Въ литературѣ имя его было прославлено. См. напр. „Надгробіе Шелехову“, Державина (изд. Грота, I, 529—530: „Колумбъ россійскій“). Г. Гротъ замѣчаетъ, что это названіе, данное Шелехову, прежде было уже „пророчески“ употреблено Ломоносовымъ въ стихахъ 8-й оды, строфа 19:

„Колумбъ россійскій черезъ воды,
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить“.

(Соч. Лом., Смирд., I, 98).

См. также надпись при портретѣ Шелехова въ его 1-й книжкѣ.

[illegible]ско-Американская компанія“, въ „Историческихъ Этюдахъ“ С. Шашко[illegible] т. II, стр. 295 и слѣд. О книгахъ Шелехова скажемъ далѣе.

Въ 1768 году наступилъ новый періодъ ученыхъ экспедицій; онѣ знамениты не менѣе прежнихъ путешествій Миллера, Гмелина, Крашенинникова и пр., и составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ царствованія Екатерины II.

Новая экспедиція была выбрана опять изъ среды Академіи наукъ, ея членовъ и студентовъ. Первоначально предположена и начата была только „Оренбургская экспедиція"; но когда путешествія уже были начаты, программа предпріятія была расширена и распространена вообще на Россію Европейскую (особливо сѣверъ и востокъ) и Сибирь, гдѣ должны были производиться изслѣдованія природы, племенъ, народнаго быта, промысла, древностей и достопримѣчательностей. Въ 1769 г. ожидалось новое прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, и имѣлись въ виду наблюденія астрономическія.

Составъ экспедиціи былъ очень многолюдный. Во главѣ ея поставленъ былъ Петръ-Симонъ Палласъ (1741—1811), вызванный изъ Берлина въ Россію въ 1769 году, тогда еще очень молодой, но уже авторитетный ученый натуралистъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Палласа вся прошла въ Россіи; путешествія дали обширный матеріалъ для его изслѣдованій, которыя поставили его на ряду съ знаменитѣйшими естествоиспытателями XVIII-го вѣка, какъ Бюффонъ, Кювье, Линней. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Палласъ былъ изъ разряда „великихъ ученыхъ": знаменитый зоологъ по преимуществу, онъ не былъ тѣснымъ спеціалистомъ; напротивъ, его интересы и знанія простирались на многоразличныя отрасли естествовѣдѣнія, и его мысль, ясная и точная, работала уже надъ основными вопросами біологіи. Труды Палласа надолго, даже до сихъ поръ остались источникомъ важныхъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ краяхъ Россіи и Сибири. Путешествіе издавна было его мечтой; онъ задумывалъ странствіе на мысъ Доброй Надежды и въ Индію, и когда отецъ его воспротивился этому намѣренію, онъ охотно принялъ предложеніе, сдѣланное ему изъ Петербурга. Академическая экспедиція начала свою дѣятельность въ 1768 году. Кромѣ Палласа приняло въ ней участіе нѣсколько академиковъ-натуралистовъ и этнографовъ, какъ Гмелинъ-младшій, Георги, Фалькъ, Гильденштетъ, Лепехинъ; астрономъ Эйлеръ, съ его помощниками; студенты Зуевъ, Соколовъ, состоявшіе при Палласѣ и, между прочимъ, производившіе по его указаніямъ самостоятельныя изслѣдованія; Рычковъ, сынъ извѣстнаго автора „Оренбургской Топографіи", и др.

О тѣхъ путешествіяхъ этой странствующей академіи, которыя относились къ Европейской Россіи, мы упоминали въ другомъ мѣстѣ [1]);

---

[1]) Томъ I, главы III—IV.

здѣсь упомянемъ лишь о томъ, что̀ въ этой экспедиціи относилось къ Сибири. Путешествіе самого Палласа заняло шесть лѣтъ съ 1768 по 1774 г.; въ исполненіе академическаго плана, оно было очень разнообразно, какъ выше указано это относительно путешествія Лепехина, и разнообразіе предметовъ изслѣдованія отвѣчало собственнымъ широкимъ научнымъ запросамъ Палласа. Онъ описываетъ мѣстность, ея геологическое строеніе, свойства почвы, растительность, наличныхъ животныхъ, типъ мѣстныхъ жителей, характеръ народнаго хозяйства, земледѣльческія орудія, остатки старины и т. д. Изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Пензу, Палласъ направился въ Симбирскъ, гдѣ и зимовалъ. Весну слѣдующаго года онъ провелъ въ Заволжскомъ краѣ, гдѣ встрѣтился съ академиками Фалькомъ и Лепехинымъ. Лѣтомъ былъ въ оренбургскомъ краѣ, гдѣ, между прочимъ, подробно изучалъ калмыковъ и ихъ бытъ; въ Гурьевѣ встрѣтилъ академиковъ: Эйлера, наблюдавшаго прохожденіе Венеры, Ловица, Иноходцева, Лепехина; зимовалъ въ Уфѣ, осматривалъ затѣмъ Уралъ и Исетскую провинцію, откуда сдѣлалъ первую экскурсію въ Сибирь, именно въ Тобольскъ. Этимъ окончена была первоначальная задача экспедиціи. Палласъ желалъ расширить ея работы на Сибирь и сѣверную Россію, и Академія приняла его предложеніе. Лепехинъ коснулся въ своихъ поѣздкахъ только запада Сибири, и направился на сѣверъ казанской и архангельской губерній и на берега Бѣлаго моря; Палласъ — въ сѣверную и восточную Сибирь,—сюда же отправлялись Фалькъ и Георги. Въ апрѣлѣ 1770 года Палласъ выѣхалъ изъ Челябинска, черезъ Ишимскую степь, въ Омскъ; своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ разослалъ для отдѣльныхъ изслѣдованій; такъ, Зуевъ отправился въ Березовъ для изслѣдованія Оби до Ледовитаго океана. Путешествіе сопровождалось постоянными наблюденіями, гдѣ Палласъ обращалъ особенное вниманіе на физическую природу страны и на зоологію, по которой впослѣдствіи онъ оставилъ знаменитый классическій трудъ. Путешествіе было не легко въ суровомъ климатѣ, среди мѣстностей болотистыхъ или лишенныхъ прѣсной воды, гдѣ притомъ весной бывали еще сильные морозы и снѣжныя бури, и оно не обошлось для путешественника даромъ: спутники его переболѣли, и одинъ изъ его помощниковъ умеръ. Въ концѣ мая Палласъ прибылъ въ Омскую крѣпость: мѣстное военное начальство приняло его холодно и недовѣрчиво, не давало ему необходимыхъ свѣдѣній и онъ замѣчалъ, что „богъ войны есть врагъ музъ". Окружающая природа доставила, однако, богатый матеріалъ для наблюденій, особливо зоологическихъ, и при этомъ встрѣчалось ему не мало предметовъ, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ въ наукѣ. Самъ путешественникъ заболѣлъ отъ безпрестанныхъ про-

студъ, и оправился только въ горныхъ путешествіяхъ по Алтаю. Между прочимъ, Палласъ отмѣчалъ археологическіе остатки: на пути по Енисею онъ находилъ много мѣднаго оружія и разной старинной утвари; въ Алтаѣ изслѣдовалъ рудники и встрѣчалъ остатки древнихъ горныхъ работъ, такъ-называемыя чудскія копи,—ихъ приписываютъ древнему чудскому народу, который, не имѣя хорошихъ орудій, разработывалъ рудники только въ поверхностномъ слоѣ горъ; орудія были мѣдныя, такъ что желѣзо было, повидимому, еще неизвѣстно; вооруженіе, найденное въ гробницахъ, было также мѣдное; молотами служили круглые крѣпкіе камни... Палласъ зимовалъ въ Красноярскѣ, отсюда онъ отправился въ Иркутскъ, разославши своихъ помощниковъ: одинъ студентъ отправился въ Петербургъ съ коллекціями по естественной исторіи, Соколовъ посланъ былъ еще ранѣе въ Забайкалье, Зуевъ опять на сѣверъ Сибири; одинъ студентъ оставленъ въ Красноярскѣ для собиранія растеній весной. Здѣсь Палласъ опять встрѣтился съ академикомъ Георги; отсюда черезъ Байкалъ поѣхалъ въ Кяхту, изучалъ здѣсь китайцевъ, по Селенгѣ отправился въ Даурію, гдѣ снова поразила его оригинальная природа, невиданныя формы растеній, животныхъ. Эта природа произвела на него сильное впечатлѣніе: „Различныя глыбы горъ,—говоритъ онъ,—приводящія въ удивленіе своей формой и положеніемъ, долины, покрытыя пріятной зеленью, березовыя и осиновыя рощицы, покрывающія въ разныхъ мѣстахъ вершины горъ съ сѣверной стороны, множество оленей и другихъ дикихъ звѣрей, еще бо́льшее обиліе различныхъ птицъ въ это весеннее время года—все это дѣлаетъ эту страну такою пріятною, что пріятнѣе и уединеннѣе нельзя и желать, и я никогда въ жизнь мою ничего не видѣлъ лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество въ полномъ цвѣту растеній, на южной сторонѣ горъ, привели меня въ восхищеніе“... „Начиная съ Урала до самаго Байкала, я не собралъ нигдѣ столько замѣчательныхъ произведеній природы, сколько въ одной Дауріи; нигдѣ эти произведенія не были въ такомъ обиліи и совершенствѣ, какъ въ Дауріи и въ нагорной странѣ за Байкаломъ“. Къ августу онъ вернулся въ Красноярскъ и отсюда отправлялся въ Саянскія горы. Въ 1773 г. Палласъ предпринялъ обратный путь въ Россію. Изъ Красноярска онъ выѣхахъ вмѣстѣ съ Георги и направился къ Камѣ черезъ Ишимскій и Исетскій край, сѣверную Башкирію (бытъ башкирцевъ, въ эту эпоху, онъ описываетъ счастливымъ, по условіямъ природы и промысламъ), къ Уралу и нижнимъ частямъ Волги; Георги долженъ былъ отправиться въ Пермь. На пути Палласъ, кромѣ башкиръ, изучалъ вотяковъ и черемисъ; въ апрѣлѣ онъ былъ на Камѣ,

[redacted]ненiи [1]) и которыя вѣроятно исчер-
[redacted]туру предмета, и кромѣ этихъ книгъ
[redacted] и свои собственныя наблюденія. Эти
[redacted]ложить въ системѣ, соединяя народы
[redacted]вой части помѣщены описанія племенъ
[redacted] авторъ называетъ и русскими,—такъ
[redacted] русскій народъ, „россіаны“, произо-
[redacted] т.-е. финновъ, со славянами. Къ этимъ
[redacted]русскимъ) народамъ Георги причислялъ:
[redacted]опцевъ, эстовъ, черемисовъ, чувашей,
[redacted] называетъ „отяками“) и др., а также
[redacted]ихъ, однако, не къ финскому, а къ литов-
части описаны народы татарскіе, „родъ
или добровольно пришедшій подъ кроткую
стѣ коренныхъ россійскихъ самый многочи-
ислены всякіе татары—казанскіе и оренбург-
нскіе, таврическіе, кавказскіе, башкирцы, ме-
тутъ же и осеты, грузинцы и др. [2]), кото-
ры, т.-е. этнографическое распредѣленіе опять
части описаны „народы особенные и до нынѣ
о принадлежности ихъ къ какому-либо изъ глав-
ныхъ россійскихъ народовъ“, — сюда онъ при-
(называемыхъ имъ самоядскимъ или суома-йот-
койбаловъ, камачинцевъ, манджурскіе народы, тун-
ловъ, коряковъ, чукчей, алеутовъ и пр. Наконецъ,
части помѣщены „монгольскіе народы“, напр., калмыки,
ы; затѣмъ армяне, опять грузинцы; нѣмцы и другіе
поляки; обширный трактатъ посвященъ „россіанамъ“,
ъ, какъ сказано, изъ россовъ (финновъ) и славянъ;
ютъ разныхъ наименованій казаки, которые представ-

говорится: „Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе наро-
во-первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во-вторыхъ, и большею частію, опи-
нія Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Про-
и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Штелле-
иеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Ни-
Рычковымъ, Лемомъ, Клингстедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлетцеромъ,
омъ и другими: почерпая, изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось
какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненіи возможной
ости“.

[2]) Эти послѣдніе помѣщены, впрочемъ, съ оговоркой — по сосѣдству съ кавказ-
ми татарами. Но на Кавказѣ упомянуты между мелкими кавказскими племенами
хи или богемцы, говорящіе испорченнымъ и перемѣшаннымъ богемскимъ язы-
комъ“ (?). Часть II, стр. 53, 67.

ляются автору особенной, смѣшанной племенной разновидностью; наконецъ говорится о Курляндіи и Литвѣ. Къ книгѣ Георги приложено было сто рисунковъ, изображающихъ племенные типы: предисловіе объясняетъ, что рисунки изготовлены петербургскими „рѣщиками“ частію съ рисунковъ и фигуръ, находящихся при петербургской Академіи наукъ въ кунсткамерѣ, частію „съ живыхъ подлинниковъ“.

Итакъ, первый опытъ цѣльнаго этнографическаго описанія Россіи сопровождался пока большими неясностями въ племенномъ распредѣленіи народовъ, но бытовыя описанія обыкновенно довольно точны. Большое мѣсто въ книгѣ Георги занимаютъ сибирскіе народы. Глава „Россіаны“, самая обширная, заключаетъ не мало любопытнаго для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ въ XVIII-мъ столѣтіи.

Изъ участниковъ академической экспедиціи, работавшихъ по описанію Сибири, остается назвать Фалька. Іоганнъ-Петръ Фалькъ (1725—74) былъ сынъ шведскаго пастора, учился медицинѣ въ Упсалѣ, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ въ домѣ Линнея, что помогло его занятіямъ по естественной исторіи, особливо по ботаникѣ. Личныя обстоятельства Фалька были очень тяжелы и мѣшали ученымъ его планамъ: защитивъ диссертацію по ботаникѣ, онъ не получилъ степени доктора, потому что нечѣмъ было заплатить соединенныя съ этимъ издержки; не удалось ему принять участіе въ ученомъ путешествіи, въ которое приглашали его, и удрученный всѣмъ этимъ Фалькъ впалъ въ болѣзненную ипохондрію. Наконецъ, по рекомендаціи Линнея онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался впослѣдствіи преподавателемъ ботаники и смотрителемъ аптекарскаго сада при медицинской коллегіи, и когда предположена была „Оренбургская“ (ставшая и сибирской) экспедиція, Фалькъ приглашенъ былъ къ участію въ ней. Болѣзнь и ипохондрія не покидали его во время путешествія, но онъ тѣмъ не менѣе добросовѣстно велъ свою работу. Онъ началъ путешествіе въ томъ же 1768 году, въ сопровожденіи трехъ студентовъ существовавшей тогда академической гимназіи (повидимому, не весьма удачныхъ) и нѣсколькихъ другихъ помощниковъ. Въ первые два года онъ путешествовалъ по Окѣ и Волгѣ; въ 1771 былъ въ Оренбургѣ, откуда дѣлалъ поѣздки въ киргизскія степи, и затѣмъ направился въ Сибирь: черезъ Исетскую провинцію, Тобольскъ и Ишимъ въ Омскъ, на Иртышъ, и оттуда по Барабинской степи къ Оби до Барнаула, затѣмъ въ Кузнецкъ и Томскъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился обратно на Тару, Тобольскъ, Тюмень и Екатеринбургъ, осмотрѣлъ уральскіе горные заводы и прибылъ въ Казань. Въ 1773 онъ отправился по Волгѣ въ Астрахань и черезъ „Куманскую“ степь на Терекскія теплицы, и тою же дорогой вернулся въ Казань. Старая бо-

лѣзнь такъ мучила его, что въ Казани онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Находившійся въ то время въ Казани другой академикъ, Георги, отправилъ его рукописи, книги и вещи въ Петербургъ и впослѣдствіи издалъ путешествіе Фалька по его замѣткамъ, писаннымъ на языкахъ:. нѣмецкомъ, шведскомъ и латинскомъ. На русскомъ языкѣ путешествіе Фалька явилось уже гораздо позднѣе [1]).

Путешествіе Фалька представляетъ главнымъ образомъ топографическое описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей, съ указаніемъ мѣстоположенія, почвы, произведеній природы, населенныхъ мѣстностей—городовъ и селеній, съ историческими замѣчаніями, указаніями числа жителей, взятыми изъ мѣстныхъ документовъ церковныхъ и полицейскихъ, иногда съ выписками изъ старыхъ историческихъ источниковъ, напримѣръ, изъ сибирской лѣтописи Черепанова, и т. п. Изложеніе дѣловое, безъ тѣхъ повѣствовательныхъ эпизодовъ и личныхъ отступленій, какіе, напр., дѣлаютъ иногда столь интересными записки Гмелина-старшаго, Лепехина и самого Палласа,—но повидимому изложеніе Фалька отличается большою точностью свѣдѣній. Съ тѣхъ поръ какъ дѣланы были замѣтки Фалька и до появленія ихъ на русскомъ языкѣ прошло цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ; въ это время произошли нѣкоторыя перемѣны въ административномъ положеніи описанныхъ мѣстностей, и въ русскомъ изданіи къ примѣчаніямъ перваго издателя записокъ, Георги, добавлены еще примѣчанія академиковъ Севергина и Севастьянова.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка накопляется уже значительная масса свѣдѣній о Сибири, какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской литературѣ. У насъ главное мѣсто въ этой литературѣ занимаютъ сочиненія академическихъ путешественниковъ—какъ Миллеръ, Фишеръ, Крашенинниковъ, Стеллеръ, Гмелинъ-старшій, Палласъ съ его „студентами“, Зуевымъ и Соколовымъ, Георги и Фалькъ.

---

[1]) Johann Peter Falck, Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Petersburg. 1785—1786, три тома. 4°. Послѣ вышло извлеченіе изъ этой книги, кажется, не конченное: Reise in Russland, in einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von I. A. Martyni-Laguna. Berlin, 1794, одинъ томъ. Русскій переводъ — въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемомъ Импер. Академіею Наукъ“. Спб. 1818—1825, 7 т. (два послѣдніе тома).

Назовемъ еще труды натуралиста Лаксмана (1787—1796): родомъ финляндскій шведъ, онъ былъ учителемъ въ Петербургѣ, потомъ нѣмецкимъ пасторомъ въ Барнаулѣ, наконецъ, академикомъ, и много работалъ въ Сибири. См. обширную біографію: „Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка“. Вильгельма Лагуса. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890.

Миллеръ собиралъ уже свѣдѣнія о давнихъ русскихъ путешествіяхъ въ сибирскихъ моряхъ [1]). Извѣстія о правительственныхъ экспедиціяхъ приходили въ Петербургъ, были извѣстны въ Академіи и черезъ книги Гмелина, Палласа и статьи Миллера дѣлались доступны въ иностранной литературѣ. Позднѣе являлись подробныя описанія самихъ плавателей, какъ, напримѣръ, упомянутаго выше Шелехова: онъ самъ описалъ свои путешествія въ двухъ книжкахъ,—онѣ должны были сообщить о его географическихъ открытіяхъ, а главное, кажется, дать ему славу и тѣмъ помочь его практическимъ планамъ въ Петербургѣ [2]). Нѣсколько позднѣе изданы были другія путешествія въ моряхъ Восточной Сибири, Биллингса (бывшаго спутника капитана Кука) и Сарычева [3]).

---

[1]) Въ „Sammlung Russischer Geschichte", и въ русскихъ статьяхъ, напр., о морскихъ путешествіяхъ русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ, въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ", 1758, апрѣль.

[2]) Первая книжка вышла съ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: на первомъ листкѣ — „Странствованіе Шелехова"; на второмъ листкѣ: „Россійскаго купца Григорья Шелехова странствованіе въ 1783 году изъ Охотска по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ, съ обстоятельными увѣдомленіями объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ Кыктака и Афагнака, и съ пріобщеніемъ описанія образа жизни, нравовъ, обрядовъ, жилищъ и одеждъ тамошнихъ народовъ, покорившихся подъ Россійскую державу; также климатъ, годовыя перемѣны, звѣри, домашнія животныя, рыбы, птицы, земныя прозрастенія и многіе другіе любопытные предмѣты тамъ находящіеся, что вѣрно и точно описано имъ самимъ. Съ чертежемъ и съ изображеніемъ самого мореходца и найденныхъ имъ дикихъ людей. Въ Санктпетербургѣ 1791 года. Иждивеніемъ В. С." (вѣроятно, Василія Сопикова, въ лавкѣ котораго книга и продавалась). 12°, 76 стр.

— Далѣе: „Россійскаго купца Григорья Шелехова продолженіе странствованія по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году, съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ островов, до коихъ не достигалъ и славный аглинскій мореходецъ капитанъ Кукъ, и съ пріобщеніемъ" и пр. Спб. 1792, опять иждивеніемъ В. С., 12°, 95 стр.

— Третья книжка: „Россійскаго купца Именитаго рыльскаго гражданина Григорья Шелехова первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ изъ Охотска" и пр. Спб. 1793, 12°, 172 стр.

— Четвертая книжка: „Путешествіе Г. Шелехова съ 1783 до 1790 г. изъ Охотска" и пр. Спб. 1812, въ двухъ частяхъ, 12°, 171 и 90 стр., есть та же третья книжка, къ которой припечатано только два новыхъ начальныхъ листка и добавлена вторая часть.

[3]) „Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса, съ 1785 по 1793 годъ". 2 части, съ картами и картинами. Спб. 1802; „Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукоцкую землю отъ Беринігова пролива до Нижнеколымскаго острога и плаваніе капитана Галла... по Сѣверовосточному океану въ 1791 году, съ приложеніемъ словаря двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ" и пр., издано Сарычевымъ. Спб. 1811. Первая изъ этихъ книгъ явя-

Въ западной литературѣ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за русскими открытіями. Вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ и востокѣ, поставленный, какъ выше упомянуто, голландцами и англичанами еще въ XVI-мъ столѣтіи, теперь былъ подновленъ извѣстіями о русскихъ плаваніяхъ, и имъ посвященъ былъ цѣлый рядъ книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и шведскихъ. Было бы долго исчислять сполна эту литературу, но любопытно составить о ней понятіе.

Одной изъ первыхъ книгъ этого рода было сочиненіе Іосифа-Николая (по-русски звали его Осипомъ Николаевичемъ) Делиля (1688—1768), который былъ членомъ Академіи наукъ въ Петербургѣ, въ 1740 году самъ ѣздилъ въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій въ Березовѣ. Вернувшись во Францію, Делиль напечаталъ сочиненіе, которое было первымъ печатнымъ извѣстіемъ о результатахъ, добытыхъ экспедиціею Беринга въ восточно-азіатскихъ моряхъ [1]). Мы видѣли раньше, въ предисловіи книги Гмелина, съ какою осторожностью онъ касается этихъ открытій—на томъ основаніи, что первая публикація ихъ должна быть сдѣлана тѣмъ правительствомъ, которое потратило на нихъ столь значительныя средства. Но этой оффиціальной публикаціи пока (да и послѣ) не состоялось, и въ Петербургѣ были очень раздражены появленіемъ сочиненія Делиля, которое сочтено было дерзкой нескромностью, и такъ какъ притомъ въ статьѣ Делиля были невѣрности, то начальство Академіи наукъ поручило Миллеру написать опроверженіе, чтобы „свѣту показать всѣ *нечестивые* въ семъ дѣлѣ *Делилевы поступки* и главныя его карты изъясненія неисправности". Миллеръ исполнилъ порученіе, и его статья была напечатана въ 1753 г. подъ названіемъ: „Письма россійскаго морского офицера" [2]).

лась въ нѣмецкомъ переводѣ Буссе: Achtjährige Reise и пр., Leipz. 1805—15, 3 т.; затѣмъ были изданія французское и голландское.

Путешествіе Биллингса издано было, по его бумагамъ, по-англійски: An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern parts of Russia, performed in the years 1785, to 1794, narrated from the original papers by Mart. Sauer. Lond. 1802; затѣмъ было нѣсколько изданій нѣмецкихъ, французское и итальянское.

[1]) Мы не имѣли въ рукахъ этой книги. Пекарскій, „Ист. Акад. Н.", I, стр. 142, 149, 407—408, называетъ ее: „Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud", 1752; въ „Russica" Публ. Библіотеки, т. I, стр. 289: „Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte et autres navigateurs espagnoles, portugais, anglais, hollandais, français et russes dans les mers septentrionales. Paris, 1753".

[2]) Lettre d'un officier de la marine russienne à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, et le Mé-

[illegible] Миллера [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] русскихъ мореплаваній. Ему казалось, что русскіе, а также Гмелинъ и Миллеръ, изъ которыхъ онъ [illegible], [illegible]. много [illegible] „сколько можно скрывать путешествія, сдѣланныя отъ Лены къ Камчаткѣ“, но что „у нихъ обоихъ вырываются подробности, которыхъ они не могли скрыть“ (стр. 234). Уклоненіе Гмелина разглашать результаты правительственной экспедиціи и вѣроятно исторія съ сочиненіемъ Делиля исполнили Энгеля подозрѣніями, что русское правительство не позволяетъ по какимъ-то видамъ говорить всей правды объ этомъ предметѣ. Эти виды были очень простые: научное открытіе было канцелярскою собственностью вѣдомства, подъ управленіемъ котораго было сдѣлано, и должно было дожидаться оффиціальнаго опубликованія. Между тѣмъ разбирать русскія извѣстія было Энгелю не легко [2]. Его окончательное убѣжденіе было то, что сѣверный путь въ Индію возможенъ. Книга Энгеля свидѣтельствуетъ

moire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle,—въ „Nouvelle Bibliothèque Germanique“, XIII, 46—87, и отдѣльно, 1753.

Объ упомянутомъ путешествіи Делиля см. Пекарскаго, „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ 1740 года“, Спб. 1865 (изъ „Записокъ Акад. Н.“).

[1] Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique, d'après les relations les plus récentes. Aux quelles on a joint un Essai sur la route aux Indes par le Nord, et sur un Commerce très vaste et très riche à établir dans la mer du Sud. Avec deux nouvelles cartes dressées conformément a ce système. Lausanne, MDCCLXV, 4°. Другое французское изданіе тамъ же 1779, и нѣмецкій переводъ съ дополненіями 1772 и 1777.

[2] Онъ вычитываетъ, напримѣръ, у русскихъ историковъ объ одномъ русскомъ плавателѣ, который былъ начальникомъ *промышленниковъ* (chef parmi les Promyschleni). Это слово привело его въ большое недоумѣніе: „Je me suis informé auprès des plusieurs personnes, que je croyois a même de m'expliquer ce nom de Promyschleni, ce que c'étoit; l'un voulut que c'étoit une Secte; un autre des Rebelles; un troisième des gens qui levoient le tribut“; наконецъ онъ прочелъ у того же Миллера, что „promyschleni“ были промышленники.

о томъ, какъ еще неясно было представленіе объ этой части Ледовитаго и Тихаго океана: на его картѣ нарисована Камчатка, кусокъ Америки въ Беринговомъ проливѣ, на мѣстѣ Алеутскихъ острововъ намѣчена предполагаемая твердая земля, но всѣ очертанія и азіатскаго, и американскаго материка и Японіи крайне грубы и невѣрны.

Въ русскомъ „Мѣсяцесловѣ", какіе стали тогда издаваться при Академіи наукъ, на 1774-й годъ помѣщена была статья извѣстнаго академика Штелина: „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ Архипелагѣ", т.-е. объ открытіи Алеутскихъ острововъ. Въ томъ же году является книжка Штелина на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи [1]), и затѣмъ въ англійскомъ и французскомъ переводахъ. Въ томъ же году выходитъ объ этомъ предметѣ французская книга Вогонди (Vaugondy). Въ 1776, нѣмецкая книга Шульца о вновь открытыхъ островахъ между Азіей и Америкой, изданная, впрочемъ, безъ имени автора и основанная на русскихъ источникахъ — о ней скажемъ далѣе. Въ 1778—англійская книга о Камчаткѣ. Въ 1780—англійская книга извѣстнаго путешественника, между прочимъ по Россіи, Вильяма Кокса, одна изъ лучшихъ книгъ въ тогдашней иностранной литературѣ о Сибири. Въ 1787—шведская книга о Камчаткѣ. Въ 1790—самостоятельное французское путешествіе Лессепса отъ Камчатки черезъ Сибирь, и т. д.

Названная книга Кокса [2]) представляетъ уже большой успѣхъ западныхъ географическихъ знаній о Сибири, напр., сравнительно съ книгой Энгеля, и большую противоположность этой послѣдней. Для Энгеля сѣверный путь есть еще вопросъ, надъ которымъ онъ дѣлаетъ глубокомысленныя соображенія; Коксъ, живши въ Россіи, собралъ весьма обстоятельныя данныя о русскихъ путешествіяхъ и сопроводилъ ихъ подробнымъ картами. Въ предисловіи онъ говоритъ, что „новѣйшія русскія открытія между Азіей и Европой привлекли въ послѣднее время вниманіе любознательныхъ людей, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ публики была превосходная исторія Америки д-ра Робертсона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи изящный и остроумный авторъ сообщилъ міру, съ точностью и умомъ,

1) Jac. v. Stählin, Das von den Russen in den Jahren 1765, 66, 67 entdeckte nordliche Insel-Meer, zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774. Ср. Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 558.

2) Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added „The Conquest of Siberia" and the History of the transactions and commerce between Russia and China. By William Coxe, A. M. Fellow of King's College, Cambridge, and Chaplain to his Grace the Duke of Marlborough. Lond. MDCCLXXX, 4°.

Въ 1761 году Том. Джеффрисъ (Jefferies) издалъ по-англійски сочиненіе Миллера о русскихъ путешествіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ; въ 1764 вышло второе ея изданіе, а въ 1766—французскій переводъ.

Въ 1765 вышла по-французски, и безъ имени автора, книга Самуила Энгеля, которая можетъ служить образчикомъ любопытства, возбужденнаго тогда сибирскими открытіями. Опа разбираетъ вопросъ о сѣверѣ Азіи и Америки и снова обращается къ изслѣдованію о возможности сѣвернаго пути въ Индію — предметъ, занимавшій тогда и географовъ, и торговыя компаніи [1]). Авторъ книги взялся за дѣло весьма пунктуально: собиралъ сколько могъ существующія показанія путешественниковъ, сличалъ и опредѣлялъ ихъ вѣроятность; выбиралъ изъ тогдашнихъ газетъ извѣстія о планахъ новыхъ русскихъ изслѣдованій. Ему казалось, что русскіе, и даже Гмелинъ и Миллеръ, изъ которыхъ опъ извлекъ, однако, много свѣдѣній, „сколько можно скрываютъ путешествія, сдѣланныя отъ Лены въ Камчатку", но что „у нихъ обоихъ вырываются подробности, которыхъ они не могли скрыть" (стр. 234). Уклоненіе Гмелина разсказывать результаты правительственной экспедиціи и вѣроятно исторія съ сочиненіемъ Делиля исполнили Энгеля подозрѣніями, что русское правительство пе позволяетъ по какимъ-то видамъ говорить всей правды объ этомъ предметѣ. Эти виды были очень простые: научное открытіе было канцелярскою собственностью вѣдомства, подъ управленіемъ котораго было сдѣлано, и должно было дождаться оффиціальнаго опубликованія. Между тѣмъ разбирать русскія извѣстія было Энгелю не легко [2]). Его окончательное убѣжденіе было то, что сѣверный путь въ Индію возможенъ. Книга Энгеля свидѣтельствуетъ

---

moire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle,—въ „Nouvelle Bibliothèque Germanique", XIII, 46—87, и отдѣльно, 1753.

Объ упомянутомъ путешествіи Делиля см. Пекарскаго, „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ 1740 года", Спб. 1865 (изъ „Записокъ Акад. Н.").

[1]) Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique, d'après les relations les plus récentes. Aux quelles on a joint un Essai sur la route aux Indes par le Nord, et sur un Commerce très vaste et très riche à établir dans la [illegible] Avec deux nouvelles cartes dressées conformément a ce système. L[illegible] CCLXV, [illegible] Другое французское изданіе тамъ же 1779, и [illegible] 1772 и 1777.

[2]) Онъ вычитываетъ, напримѣръ, у русскихъ [illegible] русскія плавателѣ, который былъ начальникомъ [illegible] parmi les Pr[illegible] myschleni). Это слово привело его въ [illegible] informé [illegible] des plusieurs personnes, que je croyois [illegible] myschleni, ce que c'étoit; l'un vou[illegible] un troisième des gens qui levoie[illegible] лера, что „promyschleni" он[illegible]

своей книги,—и однако я нахожусь уже въ замѣчательнѣйшемъ періодѣ моей жизни": такимъ періодомъ казалось автору его участіе въ знаменитомъ путешествіи, которое совершали тогда кругомъ свѣта два французскіе фрегата, La Boussole и l'Astrolabe, подъ командою графа Лаперуза и виконта де-Лангля. „Какъ лестно для меня, что я послѣ счастія пробыть два года въ свитѣ графа Лаперуза, обязанъ ему еще честью доставить сухимъ путемъ его депеши во Францію. Я могу приписать оказанное мнѣ преимущество только тому обстоятельству, что для этого путешествія необходимо было выбрать человѣка, который говорилъ по-русски и жилъ уже въ Россіи". Изъ этого послѣдняго обстоятельства видно, что Лессепсъ больше другихъ иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ Сибирь, могъ понимать окружающее и легче пріобрѣтать свѣдѣнія въ прямыхъ бесѣдахъ съ русскими туземцами. Почти вся его книга цѣликомъ посвящена странамъ, наименѣе посѣщавшимся путешественниками и прежде, и послѣ, именно Камчаткѣ, берегу Охотскаго моря и пути отъ Охотска до Иркутска; дальнѣйшему путешествію отъ Иркутска до Петербурга и Версаля дано всего нѣсколько страницъ, какъ и слѣдовало. Отъ Авачинской гавани онъ проѣхалъ всю Камчатку до сѣвернаго пункта Пенжинскаго залива, далѣе берегомъ моря до Охотска, затѣмъ съ Охотска сухимъ путемъ до Якутска, наконецъ, вверхъ по Ленѣ до Иркутска. Эта поѣздка заняла съ остановками, какъ мы видѣли, почти одиннадцать мѣсяцевъ, такъ что путешественникъ могъ дѣлать свои наблюденія не торопясь и могъ присмотрѣться хорошо какъ къ мѣстности, такъ и къ быту и нравамъ тѣхъ инородцевъ, какіе встрѣчались на его пути. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ былъ вообще очень внимателенъ: быть можетъ, знаніе русскаго языка легче сближало его съ людьми или участвовалъ здѣсь личный характеръ, но у него совсѣмъ нѣтъ тѣхъ отталкивающихъ свойствъ, какія отличали его соотечественника, аббата Шаппа; онъ относится съ любознательностью и участіемъ къ оригинальному быту полудикихъ инородцевъ, умѣетъ подмѣтить, что̀ бывало симпатичнаго въ ихъ природѣ, и его непритязательный разсказъ очень занимателенъ. Племена, которыя онъ наблюдалъ, были камчадалы, коряки, чукчи, кочевые тунгусы, якуты и буряты. Между прочимъ онъ записываетъ свѣдѣнія о Беньовскомъ, слышанныя въ Камчаткѣ [1]); въ Якутскѣ онъ встрѣтился и познакомился съ Биллингсомъ. У русскихъ онъ встрѣчалъ вообще большое гостепріимство — и нѣмецкій издатель жалуется, что авторъ благодаритъ ихъ за это слишкомъ большимъ количествомъ компли-

---

[1]) Стр. 68—69 нѣмецкаго изданія.

ментовъ, которое въ нѣмецкомъ изданіи нашли нужнымъ нѣсколько укоротить.

Въ 1796 году вышла не лишенная интереса книга Сиверса [1]). Этотъ ученый аптекарь разсказываетъ, что его собственное желаніе видѣть такую замѣчательную страну, какъ Сибирь, побудило его принять участіе въ экспедиціи, которая послана была по повелѣнію императрицы Екатерины съ цѣлью распространенія и улучшенія сибирскаго ревеня и сродныхъ ему растеній: хотѣли испытать, нельзя ли посредствомъ перемѣны почвы, пересадки и другихъ вспомогательныхъ средствъ, изъ извѣстныхъ родовъ этого растенія добыть хорошаго ревеню, который равнялся бы „красотой" и силою китайскому или бухарскому. Замѣтимъ, что русское правительство давно уже обратило вниманіе на торговлю этимъ растеніемъ и на разведеніе его, и передъ путешествіемъ Сиверса еще разъ издано было распоряженіе о разведеніи ревеня въ мѣстахъ къ тому удобныхъ и о награжденіи тѣмъ людямъ, которые будутъ этому способствовать [2]). Сиверсъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. „Искренность и строжайшая любовь къ истинѣ всегда водили моимъ перомъ", предупреждаетъ онъ въ предисловіи, и, кромѣ сообщенія научныхъ свѣдѣній, „я при изданіи своихъ писемъ имѣлъ еще и другую цѣль, а именно, искоренить тотъ злой предразсудокъ, который еще многіе, особливо за границей, имѣютъ о Сибири. Сибирь, это такая превосходная страна (vortreffliches Land), какая только можетъ быть на свѣтѣ подъ той же широтой. Вслѣдствіе неутомимаго попеченія и безпримѣрнаго, исполненнаго мудрости правленія нашей могущественнѣйшей монархини Екатерины II, большіе непроходимые лѣса и пустыни почти невѣроятнымъ образомъ превращены здѣсь въ населенныя большія дороги, и пустыя равнины — въ плодороднѣйшія поля. Въ этой громадной по пространству землѣ можно путешествовать теперь съ такою безопасностью, быстротой и удобствомъ, примѣра которыхъ не можетъ представить никакое другое царство въ свѣтѣ на такихъ большихъ пространствахъ. Дороги хороши и безопасны; гдѣ нужно, содержатся мосты; почтовая ѣзда быстрая и дешевая, и вездѣ можно имѣть средства пропитанія. Разбитая посуда бываетъ вездѣ; поэтому несправедливо было бы требовать,

---

[1]) Johann Sievers, Russisch kayserl. Apothekers, des S.-Petersburgischen Akademie der Wissenschaften und der freyen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Briefe aus Sibirien an seine Lehrer, den Königl. Grosbritannischen Hofapotheker Herrn Brande, den Königl. Grosbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart, und den Bergcommissarius und Rathsapotheker Herr Westrumb. S.-Petersburh, bey Zacharias Logan, 1796.

[2]) Полное Собр. Законовъ, т. XXIII, № 16808.

чтобы все въ Сибири было совершенно. Такъ, напримѣръ, гостиницы принадлежатъ въ Сибири къ самымъ рѣдкимъ вещамъ; зато, конечно, ни въ какой странѣ на свѣтѣ нѣтъ большаго гостепріимства. Каждый путешественникъ хорошаго поведенія вездѣ, особливо у добраго сельскаго народа, можетъ быть увѣренъ въ самомъ сердечномъ пріемѣ. Однимъ словомъ, Сибирь исполинскими шагами приближается къ самымъ просвѣщеннымъ странамъ Европы". Такіе оптимисты были рѣдки.

Письма Сиверса начинаются съ Иркутска въ январѣ 1790 года и оканчиваются въ Кяхтѣ въ маѣ 1794; закончена книга въ Петербургѣ въ мартѣ 1795 года. Сиверсъ побывалъ во многихъ мѣстахъ Сибири: онъ бывалъ и гораздо дальше Иркутска, не одинъ разъ былъ въ Кяхтѣ и въ горахъ Яблоннаго хребта, въ Алтаѣ, въ Киргизскихъ степяхъ; вездѣ онъ ботанизировалъ и приводитъ въ письмахъ списки имъ собранныхъ растеній, дѣлаетъ замѣчанія о физическихъ свойствахъ страны и ея жителяхъ, и этотъ послѣдній отдѣлъ его путешествія представляетъ не мало общаго интереса; въ киргизской степи онъ велъ настоящій дневникъ — такъ любопытна казалась ему кочевая жизнь, которую онъ здѣсь наблюдалъ. Въ горахъ Яблоннаго хребта онъ описываетъ село, обитаемое польскими и малорусскими крестьянами, конечно ссыльными, которые поселены были здѣсь лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ. Замѣтимъ, что и Палласъ отмѣчаетъ уже въ Сибири польскія деревни. По словамъ Сиверса, жители ихъ рѣзко отличались отъ русскихъ туземцевъ, и черезъ нихъ стало утверждаться здѣсь земледѣліе, садоводство, потому что до ихъ прибытія даже родившіеся здѣсь русскіе жили почти кочевымъ образомъ, съ тою только разницей, что имѣли деревни и постоянные дома. Отъ этихъ новыхъ поселенцевъ стали заимствовать земледѣліе даже настоящіе номады, монголы, среди которыхъ они жили. Русскихъ туземцевъ и крещеныхъ монголовъ Сиверсъ описываетъ какъ людей лѣнивыхъ и коварныхъ, но поляки составляютъ прямую противоположность: „быть можетъ, и они испортятся со временемъ" [1]).

Патріархальный кочевой бытъ, съ которымъ Сиверсъ ознакомился у киргизовъ, приводитъ нашего путешественника въ восхищеніе своею близостью къ природѣ, простотою жизни, потребностей и обычаевъ. Онъ мечтаетъ даже, какъ хорошо было бы удалиться сюда отъ трудной жизни въ средѣ цивилизованнаго міра. Его знакомство съ киргизами было очень благодушное: нѣсколько ничтожныхъ подарковъ расположили къ нему населеніе и мужское, и женское. „Я

---

[1]) Стр. 41.

въ полнѣйшей мѣрѣ наслаждался здѣсь сельскимъ счастіемъ... Оставшись одинъ въ юртѣ, я развалился какъ султанъ на своей софѣ и размышлялъ о крайне блаженномъ состояніи номадовъ. Въ то время, какъ они переживаютъ самые беззаботные, веселые часы, европеецъ мучится тѣмъ, какъ пріобрѣсти славу, почести, богатство, высокія почетныя мѣста и пр.—на коротенькую жизнь. Сто разъ пробѣгала у меня въ головѣ мысль покинуть свою должность и вернуться сюда, къ народамъ, у которыхъ, я могъ бы почти сказать, господствуетъ безгрѣшная жизнь и истинное delizioso far niente итальянцевъ. Но, къ сожалѣнію, я нашелъ, что я еще слишкомъ мало философъ; склонность къ европейцамъ на этотъ разъ еще одержала верхъ. Чего не дѣлаетъ воспитаніе?" [1])

Было, наконецъ, еще нѣсколько случайныхъ событій и путешествій, которыя такъ или иначе обращали вниманіе на Сибирь и заставляли говорить о ней. Такова была исторія знаменитаго авантюриста, графа Морица-Августа Беньовскаго (1741—1786). Уроженецъ Венгріи, онъ имѣлъ хорошее образованіе, между прочимъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, былъ человѣкъ энергичный и предпріимчивый. Принявши участіе въ польской конфедераціи, онъ былъ захваченъ русскими въ плѣнъ, и въ 1770 сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе и довѣріе начальника края и въ 1771 году, составивши между ссыльными заговоръ, бѣжалъ на кораблѣ, захвативъ значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи, въ 1774, по порученію французскаго правительства, онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ туземныя племена, которымъ онъ умѣлъ внушить довѣріе, провозгласили его королемъ, но когда французское правительство отказало въ дальнѣйшей поддержкѣ этому предпріятію, онъ вернулся въ Европу, былъ нѣкоторое время въ австрійской службѣ, а затѣмъ нашедши средства для мадагаскарской колоніи у англичанъ и американцевъ, отправился на Мадагаскаръ, и здѣсь въ сраженіи съ французами былъ тяжело раненъ и умеръ. Его автобіографія издана была по-англійски въ 1790, и въ переводахъ обошла всю Европу. Его романическіе подвиги не разъ служили предметомъ поэтическихъ пересказовъ.

Еще со временъ Петра Великаго въ Сибирь стали высылать множество плѣнныхъ; во время Сѣверной войны это были особливо шведы. Ссылка плѣнныхъ продолжалась и впослѣдствіи, и во второй половинѣ столѣтія въ Сибири собралось много плѣнныхъ разныхъ племенъ—нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, наконецъ французовъ. Огромное большинство этихъ плѣнныхъ оставалось въ Сибири навсегда;

---

[1]) Стр. 161—162.

второ
ныхъ,
двора
произ
о св
вить
Вол
мет

пр
нс
св
д
ч
с

... стораны.
... губер-

... la confédération de
... MDCCLXXVI. Книга
... colonel de Bel-
... переводъ. Въ „Rus-

ровъ и ихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ большинства изъ », безнаказанномъ вслѣдствіе дальности ихъ отъ императорскаго а; о жалкомъ положеніи тѣхъ, кто находится подъ властью ихъ звола или своекорыстія; наконецъ, авторъ хотѣлъ дать понятіе юйствахъ страны, о жителяхъ, ихъ нравахъ и, наконецъ, испра-ъ ошибочныя свѣдѣнія, сообщаемыя многими авторами и особенно ьтеромъ, который, по словамъ Белькура, не имѣя понятія о пред-ѣ, хорошо зналъ только рубли.

Разсказъ дѣйствительно преисполненъ примѣрами всякаго рода итѣсненій, которыя авторъ вмѣстѣ со многими другими плѣнными пытывалъ съ первыхъ минутъ своего плѣна и до объявленія ему ободы, и эти подробности весьма правдоподобны. Еще не доѣзжая Тобольска и послѣ, Белькуръ обращался съ жалобами къ графу ернышеву на тѣ притѣсненія и несправедливости, какимъ онъ по-оянно подвергался; долго не было никакого отвѣта на его просьбы защитѣ, но когда пришелъ, наконецъ, отвѣтъ съ выговоромъ то-ольскому губернатору, этотъ послѣдній крайне раздражился и гро-илъ плѣннымъ, что будетъ держать ихъ еще хуже (стр. 91); въ то же время онъ нерѣдко приглашалъ французскихъ офицеровъ къ себѣ, причемъ, однако, весьма сурово отзывался о врагахъ отечества. Занятый прежде всего своимъ положеніемъ, Белькуръ много разсказываетъ о характерѣ сибирскихъ властей, о крайнемъ ихъ самоуправствѣ, о тяжелыхъ поборахъ, т.-е. взяткахъ, какія они берутъ особливо съ купцовъ и со всѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ какое-нибудь дѣло; о печальномъ состояніи плѣнныхъ и вообще ссыльныхъ, зависящихъ вполнѣ отъ произвола губернатора, наконецъ о характерѣ народа и внѣшности города, въ которомъ онъ долго прожилъ. Для исторіи старыхъ сибирскихъ нравовъ здѣсь найдутся любопытныя черты. Обыкновенные ссыльные кажутся автору въ большинствѣ чрезвычайно испорченными и всего больше, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ беззащитнаго положенія, между тѣмъ какъ среди ихъ есть люди, которые могли бы быть очень полезны для края своимъ трудомъ и знаніемъ, напр., въ ремеслахъ. Безъ правильнаго устройства ихъ труда они дѣлаются только причиной порчи и самого туземнаго населенія: подъ ихъ вліяніемъ, — говоритъ Белькуръ, — „теперь кажется, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ воспитанія у мѣстныхъ жителей, это — научиться самому тонкому плутовству и держать свое слово только тогда, когда это имъ выгодно. Когда они узнаютъ болѣе смѣлаго лжеца и болѣе ловкаго плута, чѣмъ они сами, они считаютъ его великимъ политикомъ и тѣмъ больше его уважаютъ: самъ губернаторъ сдѣлалъ себѣ большую репутацію въ этомъ родѣ“. Белькуръ увѣренъ, однако, что сибирская жизнь могла бы быть совсѣмъ иною

„Еслибы явился въ Сибирь губернаторъ просвѣщенный и который цѣнилъ бы честность, любовь къ общественному благу, согласно съ повелѣніями благонамѣренной власти, онъ могъ бы сдѣлать эту страну одною изъ самыхъ цвѣтущихъ. Все здѣсь достаточно изобильно, чтобы можно было обходиться безъ помощи сосѣдей. Здѣсь много очень богатыхъ и изобильныхъ рудниковъ; мѣха всякаго рода и въ изобиліи; съѣстные припасы очень дешевы [1]; но другія вещи продаются на вѣсъ золота. Причина этого злоупотребленія — недостатокъ хорошаго управленія. Тѣ, кто правитъ дѣлами, слѣдуютъ только законамъ своей прибыли или своего каприза. Они ни въ чемъ не откажутъ тому, кто сдѣлаетъ имъ самый большой подарокъ, даже въ самой вопіющей несправедливости. Вслѣдствіе этого каждый держится на-сторожѣ, подавляетъ въ себѣ соревнованіе въ торговлѣ и въ искусствахъ, и всѣ живутъ, какъ говорится, со дня на день; но всегда внимательные къ случаю одурачить другихъ или остерегаться отъ обмана самимъ, они дошли въ этомъ до такого совершенства, что могли бы давать въ этомъ отношеніи уроки самому утонченному итальянцу“ [2]).

„Житель Сибири есть настоящій рабъ подъ властью тирановъ. Онъ не можетъ разсчитывать, что завтра будетъ имѣть то, чѣмъ владѣетъ сегодня“. Белькуръ разсказываетъ о тобольскомъ плацъ-майорѣ (о губернаторѣ нечего и говорить): „извѣстно всѣмъ, и онъ самъ открыто говоритъ, что хлѣбъ, мясо, дичь, водка, чай, сахаръ, кофе и другая провизія не стоютъ ему ничего“, и т. п.

„Сибирскіе туземцы крайне грубы (de la dernière rusticité), выносливы, чрезвычайно трезвы и ведутъ жизнь самую умѣренную“,— только въ праздники они предаются необузданному пьянству. „Но у нихъ много охоты и способности усвоивать все, чему ихъ научаютъ. Нельзя лучше владѣть топоромъ. Съ однимъ этимъ орудіемъ они обыкновенно дѣлаютъ себѣ дома, столы, стулья и другія вещи этого рода, необходимыя въ хозяйствѣ. Кромѣ пьянства и храбрости, сибирскій народъ очень похожъ на туземцевъ Канады [3]). Ихъ лодки, весла, топоры, шубы, платье, манера садиться на лошадей и много другихъ вещей почти совершенно одинаковы. Сибиряки отличаются добродушіемъ; они очень услужливы и гостепріимны. Но жестокость управленія ввела пороки, которыхъ они не знали бы, еслибы страхъ не сдѣлалъ ихъ лжецами и плутами, а бѣдность—негодяями, какіе только есть“. Отзывъ Белькура о сибирскихъ женщинахъ также не весьма благопріятенъ (стр. 108, 111—112).

[1]) Онъ приводитъ образчики въ самомъ дѣлѣ удивительныхъ цѣнъ.

[2]) Стр. 81—83, также стр. 104, 108 и др.

[3]) Белькуръ зналъ эту страну по своей прежней службѣ.

Но, несмотря на эти отзывы о сибирскомъ народѣ, Белькуръ въ концѣ книги приходитъ къ очень распространенному тогда, если не общему, мнѣнію на западѣ, что русскіе такъ грубы или такъ испорчены, что ими можно управлять только страхомъ и палкой (стр. 236—237).

Отмѣтимъ еще разсказъ о завоеваніи Сибири, гдѣ Белькуръ опровергаетъ „ошибки“ Вольтера по этому предмету. Завоевателемъ Сибири Белькуръ называетъ не Ермака, а яицкаго казака Нечаева [1]): исторія та же, какъ исторія Ермака, но приправлена сантиментальными подробностями.

Попался въ русскій плѣнъ и одинъ нѣмецкій почтмейстеръ, изъ Пиллау въ Помераніи, нѣкто Вагнеръ, также оставившій описаніе своего плѣна [2]). Дѣло было во время Семилѣтней войны; сѣверо-восточная часть Пруссіи занята была русскими; въ одно прекрасное утро почтмейстеръ въ Пиллау былъ арестованъ, и началось слѣдствіе по какому-то политическому дѣлу, о которомъ Вагнеръ не даетъ яснаго понятія,—видно, однако, что арестъ не былъ лишенъ основанія и что почтмейстеръ участвовалъ въ какомъ-то мелкомъ заговорѣ противъ русскихъ. Черезъ нѣсколько времени ему объявленъ былъ приговоръ—смертная казнь, замѣненная ссылкою въ Сибирь. Черезъ Москву и Казань Вагнеръ и двое другихъ осужденныхъ были увезены въ Тобольскъ, въ закрытыхъ кибиткахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ, отъ котораго Вагнеръ откупался по временамъ взятками провожавшему ихъ офицеру. Въ первое время ареста и на пути почтмейстеру пришлось испытать не мало непріятностей, но въ Тобольскѣ жилось ему уже свободнѣе, а другой надзиратель, который потомъ свезъ его дальше въ Мангазею, былъ человѣкъ добрый, какъ и мангазейскій воевода. Вообще ссыльный чувствовалъ себя не такъ дурно; онъ былъ человѣкъ запасливый: еще на выѣздѣ изъ Пруссіи онъ успѣлъ взять съ собой денегъ, такъ что на дорогѣ и въ Сибири могъ помогать своимъ товарищамъ и самъ не нуждался; деньги были нужны и для взятокъ, безъ которыхъ, по словамъ его, обойтись у русскихъ нельзя. Въ Сибири Вагнеръ прожилъ до 1763 года; въ іюнѣ этого года онъ получилъ свободу и возвратился домой въ началѣ 1764 года, въ тотъ же самый день въ февралѣ, въ который былъ оттуда вывезенъ въ 1759 году. Предусмотрительный почтмей-

[1]) „Neizaieff, Cosaque de la nation de Yéichk“, стр. 192—194.

[2]) Johann Ludwig Wagners, gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirectors zu Graudenz, Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Casan durchwebt, и проч. Mit 5 Kupfern. Berlin, 1789.

стеръ захватилъ съ собою въ Сибирь скрипку и флейту, на которыхъ имъ съ товарищемъ и случалось играть по дорогѣ и которыми потомъ онъ развлекался въ ссылкѣ. Забавно, что, вернувшись въ Пруссію, онъ желалъ представиться королю, успѣлъ въ этомъ — подалъ королю просьбу и *счетъ* въ 6000 рейхсталеровъ[1]); повидимому, такъ оцѣнилъ онъ свои убытки отъ преданности отечеству. Король, по его словамъ, милостиво принялъ его записку и счетъ, но по счету не заплатилъ; на другой день почтмейстеру-патріоту было объявлено, что Семилѣтняя война обошлась слишкомъ дорого, и ему не могутъ теперь помочь деньгами, но что ему опять дадутъ мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ. Онъ возвратился въ свой Пиллау, откуда потомъ переведенъ былъ въ Грауденцъ, причемъ жалуется опять, что переселеніе принесло ему убытокъ въ 2000 рейхсталеровъ.

Изъ этого можно видѣть, что Вагнеръ былъ человѣкъ обстоятельный. Къ русскимъ онъ относился съ большимъ пренебреженіемъ, съ высоты своего нѣмецкаго просвѣщенія и аккуратности; но въ Сибири онъ встрѣчалъ, однако, людей столь добродушныхъ, что они, кажется, умиротворили его въ тяжеломъ положеніи ohne Umgang mit gesitteten Menschen. Почти все время своей ссылки онъ прожилъ въ Мангазеѣ и умѣлъ наполнять свое время, читалъ три книжки, которыя успѣлъ захватить съ собою и, наконецъ, почти выучилъ наизусть, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, училъ своего тюремщика, унтеръ-офицера, танцамъ, а у него учился русской азбукѣ, хотя говоритъ, что еще въ Пруссіи зналъ нѣсколько по-русски.

Разсказъ Вагнера сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на его особѣ, но пришлось при этомъ разсказать и объ окружавшей его обстановкѣ, и нѣсколько замѣчаній о сибирскихъ обычаяхъ, о тогдашнемъ бытѣ инородцевъ (онъ видѣлъ татаръ, самоѣдовъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ), доставляютъ историческія черты, не лишенныя интереса. Между прочимъ, приглядѣвшись къ русскимъ, онъ, кажется, нѣсколько примирился съ ними и сталъ выше цѣнить и ихъ характеръ, и способности. Напримѣръ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ сибирской рѣзьбы изъ дерева и мамонтовой кости, гдѣ простые люди самоучкой достигали большого совершенства: „Русскій остроуменъ и изобрѣтателенъ, — замѣчаетъ онъ по этому поводу, — и сколько я могу судить объ этомъ, ждетъ только образованія его врожденныхъ талантовъ, чтобы стать великимъ художникомъ“ (стр. 106).

Упомянемъ, наконецъ, объ одной книжкѣ, которая нѣсколько

---

[1]) „Indem Se. Majestät nach der Parade zum Schlosse ging, trat ich auf der [illegible] Brücke vor, und überreichte ein Memorial nebst einer *Rechnung* von 6000 [illegible]thalern. Der Monarch äusserte sich gnädig, hiess mich willkommen aus Sibi- [illegible] и вр., стр. 207.

обманываетъ своимъ заглавіемъ [1]). Эта книга предназначалась быть исторіей французской эмиграціи, съ описаніемъ тѣхъ странъ, куда эмиграція удалялась. Въ разсказѣ о бѣгствѣ эмигрантовъ, который долженъ былъ служить „страшнымъ урокомъ для всѣхъ націй", между прочимъ названъ длинный рядъ лицъ старой французской знати, которымъ пришлось совсѣмъ демократизироваться и поселиться въ чужихъ странахъ. Между прочимъ, приведенъ списокъ лиц., графовъ, маркизовъ и виконтовъ, поселившихся на Волыни, и списокъ женщинъ, графинь и маркизъ, „которыхъ мужья были убиты и которыя послѣдовали за другими эмигрантами въ Камчатку" (стр. 61). Самыя описанія, кажется, состоятъ только изъ перепечатокъ.

---

[1]) Voyages et aventures des émigrés français depuis le 14 juillet 1789 jusqu'à l'an VII, époque de leur expulsion par différentes puissances de l'Europe, dans la Volhinie, le gouvernement d'Achangel, la Sibérie, la Samojédie, le Kamtchatka, les îles Canaries, l'île de Mayorque, Minorque, le Canada, etc. Avec les noms d'un grand nombre d'émigrés remarquables par les évenements qu'ils ont éprouvés и проч. Par L. M. H. Paris. An VII de la République. 2 небольшихъ тома.

ГЛАВА V.

Время Александровское и Николаевское, до сороковыхъ годовъ.

Ученыя предпріятія XIX вѣка.

Путешествія Александровскаго времени: плаванія Крузенштерна и Лисянскаго, Геденштрома, Хвостова и Давыдова, Головнина, Коцебу, Литке.—Путешествіе Врангеля, Анжу и Матюшкина.—Кохрэнъ.

Николаевское время: Ледебуръ, Ганстенъ, Эрманъ.

„Землевѣдѣніе“ Риттера.—„Средняя Азія“ Александра Гумбольдта.—Экспедиція Миддендорфа.

Мы говорили до сихъ поръ съ нѣкоторою подробностью о постепенномъ ходѣ изслѣдованій Сибири, которыя всего чаще были открытіями: страна была неизслѣдована; рядъ путешественниковъ и предпріимчивыхъ людей отправлялся, наугадъ, отыскивать новыя земли, извѣстныя только по слухамъ; ученые естествоиспытатели, географы, астрономы, въ первый разъ опредѣляли географическія мѣстности, свойства природы, описывали невиданныя прежде племена. Къ концу XVIII-го вѣка первоначальный трудъ былъ довершенъ, но оставалось еще громадное поле наблюденій всякаго рода: сѣверныя и восточныя очертанія Сибири не были положены на карты съ полною точностью; въ серединѣ материка далеко не закончены были изслѣдованія мѣстностей и племенъ; для натуралистовъ оставалось множество недостаточно изученныхъ вопросовъ; большинство старыхъ астрономическихъ опредѣленій оказывались неудовлетворительными. Наконецъ, предстоялъ громадный и высоко-интересный трудъ научныхъ обобщеній.

Все это составило предметъ новыхъ изслѣдованій, исполненныхъ въ теченіе XIX-го вѣка и еще исполняемыхъ до настоящей минуты.

Масса этихъ новѣйшихъ изслѣдованій такъ громадна, она обнимаетъ такое множество спеціальныхъ изысканій, что подробное указаніе ихъ становится недоступнымъ для общаго обозрѣнія, какое мы имѣемъ въ виду; эти подробности принадлежатъ спеціальнымъ наукамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ имена многихъ изслѣдователей Сибири въ различныхъ областяхъ природы и исторіи пользуются такою широкою славой, что намъ довольно будетъ иногда только назвать тѣ труды, чтобы указать, какое обиліе научнаго знанія было примѣнено къ изслѣдованію этой страны. Какъ ни были велики усилія, потраченныя XVIII-мъ и даже XVII-мъ вѣкомъ на описаніе Сибири, какъ ни были велики основные результаты, достигнутые старинными походами, плаваніями и экспедиціями, все это въ научномъ отношеніи не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣми громадными научными предпріятіями, какія совершены были въ нашемъ вѣкѣ и которыя окончательно ввели изученіе Сибири въ область европейской науки.

Въ царствованіе императора Александра I сибирскія изслѣдованія сравнительно были немногочисленны: политическія событія слишкомъ отвлекали вниманіе правительства, и послѣ большихъ экспедицій XVIII-го вѣка научное преданіе нѣсколько ослабѣло. Тѣмъ не менѣе, первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка принадлежитъ нѣсколько замѣчательныхъ предпріятій, между прочимъ коснувшихся и Сибири. Таково было, напримѣръ, первое русское кругосвѣтное плаваніе знаменитаго Крузенштерна и его сотоварища Лисянскаго [1].

Первоначальная мысль путешествія принадлежала самому Крузенштерну, который раньше плавалъ на англійскомъ кораблѣ въ Остъ-Индію, оттуда бывалъ въ Кантонѣ въ 1798—99 годахъ, и заинтересованный русской мѣховой торговлей съ Китаемъ, которая шла изъ Охотска сухимъ путемъ на Кяхту, дѣлалъ предположенія о томъ, что она болѣе выгодно могла идти прямо, моремъ. Въ Петербургѣ онъ дѣлалъ о томъ представленія властямъ, и, наконецъ, рѣшена была кругосвѣтная экспедиція, которая между прочимъ должна была выяснить этотъ предметъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду установить прямыя сношенія метрополіи съ американскими владѣніями,

---

[1]) „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 1806 годахъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Александра Перваго, на корабляхъ „Надежда“ и „Нева“, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна“. 3 части, съ атласомъ, Спб. 1809—1813. Нѣмецкій переводъ, Спб. 1810—14; Берлинъ, 1811—12, и въ тѣ же годы шведскій, голландскій, англійскій, итальянскій (1818), датскій (1818), французскій (1821).

— „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ, на кораблѣ „Нева“ подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Юрія Лисянскаго“. 2 части, съ атласомъ. Спб. 1812. Англійскій переводъ, Лондонъ, 1814: Urey Lisiansky, „A voyage round the world“, и пр.

для болѣе удобной доставки необходимыхъ тамъ вещей, о чемъ хлопотала россійско-американская компанія. Всего больше устройству плаванія содѣйствовали извѣстный Н. П. Мордвиновъ и гр. Н. П. Румянцовъ, тогда министръ коммерціи [1]).

Экспедиція направилась изъ Петербурга черезъ Атлантическій океанъ и обогнула мысъ Горнъ, и затѣмъ, на сѣверѣ Тихаго океана изъ русскихъ и сосѣднихъ земель обратила особенное вниманіе на Камчатку, Курильскіе острова и Сахалинъ [2]). Это было первое русское кругосвѣтное плаваніе: въ запискахъ Крузенштерна ведется любопытный разсказъ о видѣнномъ имъ въ теченіе пути, особливо о бытѣ и о нравахъ посѣщенныхъ экспедиціею дикарей; въ великолѣпномъ по своему времени атласѣ находятся многочисленные карты, планы и рисунки — любопытные, вмѣстѣ съ разсказомъ, для современныхъ антропологовъ. Въ Камчаткѣ и на смежныхъ островахъ Крузенштернъ разсказываетъ особливо объ аинахъ, обитателяхъ Сахалина, чукчахъ и пр., и въ приложеніи помѣстилъ словарь, въ 2.000 словъ, аиносскаго языка, составленный лейтенантомъ Давыдовымъ, и небольшой сборникъ чукотскихъ словъ, составленный поручикомъ Д. Кошелевымъ.

Лисянскій командовалъ вторымъ кораблемъ экспедиціи и шелъ иногда врозь съ первымъ; поэтому въ его книгѣ являются новые предметы наблюденій, а по прибытіи на мѣсто Лисянскій направился къ берегу Америки и даетъ подробное описаніе Ситхи (онъ называетъ ее Ситка) и острова Кадьяка; между прочимъ, Лисянскому пришлось принять участіе въ окончательномъ покореніи жителей Ситхи. И здѣсь находятся этнографическія подробности о туземныхъ инородцахъ, описаніе ихъ обычаевъ и четыре сборника словъ изъ языка различныхъ жителей Кенайскаго залива, Кадьяка, Ситхи и Уналашки.

Румянцовъ былъ особливо заинтересованъ подобными путешествіями, и въ естественно-историческомъ отдѣлѣ его музея собралось не мало предметовъ, собранныхъ въ этихъ экспедиціяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя имъ снаряжено было плаваніе Геденштрома, въ 1809 г., для изслѣдованія острова Новая Сибирь, на сѣверъ отъ устья Индигирки, открытаго передъ тѣмъ, въ 1806 году, купеческимъ сыномъ Сыроватскимъ [3]).

---

[1]) Но экспедиція не была снаряжена на средства послѣдняго, какъ говоритъ Венюковъ. Aperçu, стр. 11.

[2]) Венюковъ упрекаетъ Крузенштерна въ ошибкѣ, что онъ считалъ Сахалинъ полуостровомъ, и дѣйствительно такъ онъ названъ и (неясно) изображенъ на картѣ; но въ текстѣ книги, т. II, гл. V, Сахалинъ трактуется какъ островъ и говорится о Татарскомъ „проливѣ“.

[3]) Его записки изданы были позднѣе: „Отрывки о Сибири М. Геденштрома“.

Въ одно время съ книгами Крузенштерна и Лисянскаго вышло въ свѣтъ описаніе путешествій, сдѣланныхъ ранѣе двумя морскими офицерами, Хвостовымъ и Давыдовымъ, которые дѣлали изысканія въ Охотскомъ морѣ и вообще въ сѣверной части Тихаго океана [1]).

Съ 1807 года начинаются путешествія В. М. Головнина [2]), которымъ сдѣланы были важныя гидрографическія изслѣдованія въ сѣверной части Тихаго океана. Извѣстно, что среди этихъ трудовъ онъ захваченъ былъ японцами и провелъ два года въ плѣну, о которомъ оставилъ любопытныя записки и изъ котораго освобожденъ былъ Рикордомъ.

Въ 1815—1818 годахъ совершалось плаваніе экспедиціи Коцебу на счетъ канцлера Румянцова [3]); въ числѣ натуралистовъ, сопровождавшихъ экспедицію, былъ молодой ученый, впослѣдствіи знаменитый нѣмецкій писатель Адальбертъ Шамиссо. Изъ Кронштадта Ко-

---

Спб. 1830, и на нѣмецкомъ языкѣ: „Fragmente oder etwas über Sibirien", Спб. 1842. Объ его біографіи см. академика Шмидта: Bemerkungen zu Nordenskiöld's Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, въ „Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches und der angrenzenden Länder Asiens", 2-te Folge, herausg. von Helmersen und Schrenck. Спб. 1883, т. IV, стр. 357 — 365; откуда въ Sibirien, von N. Jadrinzew, bearb. von Ed. Petri, Jena, 1886, стр. 470—472.

1) „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ: Хвостова и Давыдова". 2 части, Спб. 1810—1812. О нихъ упоминаетъ Крузенштернъ, II, стр. 122, 128 — 129; III, стр. II (предисловіе). О похожденіяхъ этихъ двухъ пріятелей ср. Сочиненія Державина, Грота, т. III. Нѣмецкій переводъ путешествія Хвостова и Давыдова, Берлинъ, 1816.

2) „Путешествіе Россійскаго Императорскаго шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку, совершенное подъ начальствомъ флота лейтенанта Головнина, въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи его для описи Курильскихъ островъ въ 1811 году"; издано Адмиралтейскимъ Департаментомъ. 3 части, Спб. 1819.

— Другая его книга: „Путешествіе вокругъ свѣта, по повелѣнію Государя Императора, совершенное на военномъ шлюпѣ Камчаткѣ, въ 1817, 1818 и 1819 годахъ флота капитаномъ Головнинымъ". 2 части. Спб. 1822.

— Далѣе: „Записки В. Головнина въ плѣну у японцевъ, въ 1811—13 г., и жизнеописаніе автора". Съ портр. и карт. Спб. 1851 (Сюда же имѣютъ отношеніе „Записки о плаваніи Рикорда" и пр., Спб. 1851).

Новое изданіе: Сочиненія и переводы В. М. Головнина. 5 томовъ, съ портретомъ, картами и планами. Спб. 1864.

Этотъ Головнинъ былъ отецъ бывшаго министра нар. просвѣщенія, А. В. Головнина.

3) „Путешествіе въ южный океанъ и въ Берингов проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морского прохода, предпринятое въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ иждивеніемъ его сіятельства господина госуд. канцлера, графа Ник. Петр. Румянцева на кораблѣ „Рюрикъ" подъ начальствомъ флота лейтенанта Коцебу". Спб 1821 (ч. 1 и 2) — 1823 (ч. 3), 4°. Съ атласомъ. Нѣмецкое изданіе: Веймаръ, 1821 (передѣлка для юношества, Ганноверъ, 1821); англійскій переводъ, Лонд. 1821; голландскій, Амстердамъ, 1822.

Врангель, лифляндскій баронъ по происхожденію (1794—1870), учился въ морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, еще очень молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Головнина и показалъ такое дарованіе, что ему поручена была въ 1820 г. трудная экспедиція, которая сдѣлала славнымъ его имя. Экспедиція продолжалась около пяти лѣтъ и состояла въ сухопутномъ изслѣдованіи наименѣе доступныхъ окраинъ сѣверной Сибири— отъ устья Колымы на востокъ до Берингова пролива, и въ изслѣдованіи моря на возможно дальнемъ разстояніи отъ берега; Врангель пускался поэтому и въ океанъ—по льду, на собакахъ, и достигъ многихъ важныхъ результатовъ какъ въ изслѣдованіяхъ географическихъ, такъ и въ описаніи сѣверной природы и быта туземцевъ. Разсказъ о его необыкновенныхъ путешествіяхъ исполненъ интереса; его спутники нерѣдко дѣлали отдѣльныя экскурсіи, всегда рискованныя въ снѣжныхъ пустыняхъ и при страшныхъ морозахъ; путешественники оставались иногда надолго безъ всякихъ извѣстій другъ о другѣ и испытывали вообще всѣ тревоги смѣлыхъ предпріятій и приключеній. Спутникъ Врангеля, Анжу, долженъ былъ изслѣдовать морской берегъ по обѣ стороны отъ устья Яны; затѣмъ странствовали отдѣльно штурманы Ильинъ, Козьминъ, мичманъ Матюшкинъ. Этотъ послѣдній (1799—1872) былъ извѣстный лицейскій товарищъ Пушкина, рано отдавшійся своей страсти къ морю и вспомянутый Пушкинымъ въ стихотвореніи *„19-е октября“*. Сдѣлавши первые опыты морской службы подъ начальствомъ Головнина, онъ работалъ затѣмъ въ экспедиціи Врангеля, который вообще былъ очень доволенъ дѣятельностью своего молодого сотрудника: въ книгу Врангеля вошли два путевыхъ отчета Матюшкина—объ его поѣздкѣ къ рѣкѣ Анголѣ, притоку Колымы, и по тундрѣ къ востоку до чукотскихъ поселеній, и эти двѣ главы,—по словамъ г. Грота, съ которыми и мы согласимся,—принадлежатъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги Врангеля [1]). Кромѣ фактовъ географическихъ, астрономическихъ наблюденій, картинъ природы крайняго сѣвера, путевыхъ приключеній, книга Врангеля даетъ еще любопытныя этнографическія данныя объ инородческихъ племенахъ — якутахъ, юкагирахъ, чукчахъ, омокахъ. Выше упомянуто, что Врангелемъ найдены были остатки экспедиціи Шалаурова [2]). Между прочимъ, Врангель встрѣтился съ англійскимъ тури-

тешествію, изд. Академіи наукъ. Русскій издатель старается извинить позднее появленіе книги отсутствіемъ Врангеля и т. п., но это не мѣшало же явиться нѣмецкому переводу. По русскому изданію сдѣланъ французскій переводъ кн. Эмм. Голицына, Paris, 1843.

[1]) См. I, стр. 252, 272; II, стр. 75—114 и 230—279. О Матюшкинѣ см. книгу Грота: „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“. Спб. 1887, стр. 98—101.

[2]) *Т. I, стр. 92; II, стр.* 341—342.

Сюда направляются и знаменитые ученые, какъ Гумбольдтъ, и молодые естествоиспытатели, которые трудами въ Сибири начинали свою ученую славу. Всѣ основныя отрасли естествознанія примѣняются къ физическимъ явленіямъ Сибири, и результаты полученныхъ наблюденій входятъ важнымъ матеріаломъ для научныхъ построеній. Не исчисляя всѣхъ этихъ путешествій, отмѣтимъ особенно извѣстныя и богатыя результатами.

Въ 1826 нѣмецкій ботаникъ Ледебуръ, въ то время профессоръ въ Дерптѣ, предпринялъ путешествіе въ Алтай, результатомъ котораго было описаніе путешествія [1]) и рядъ спеціальныхъ трудовъ по алтайской флорѣ. Въ 1828—30 годахъ шведскій астрономъ и естествоиспытатель Ганстенъ (1784 — 1873) совершилъ путешествіе въ Сибирь для магнитныхъ наблюденій, и кромѣ спеціальнаго труда, посвященнаго магнитнымъ, астрономическимъ и метеорологическимъ изысканіямъ и исполненнаго имъ вмѣстѣ съ норвежскимъ лейтенантомъ Дуэ (1863), онъ издалъ воспоминанія о своемъ сибирскомъ путешествіи [2]). Кромѣ Дуэ, къ Ганстену присоединился въ этомъ путешествіи другой, впослѣдствіи очень извѣстный ученый, Адольфъ Эрманъ, который вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ до Иркутска, а затѣмъ сдѣлалъ отдѣльное путешествіе по сѣверу Сибири отъ нижней Оби до Охотска, Камчатки и русско-американскихъ владѣній, законченное кругосвѣтнымъ плаваніемъ. Цѣлью Эрмана было также изученіе земного магнетизма, и опять, кромѣ спеціальнаго труда объ этомъ предметѣ, онъ издалъ описаніе своего путешествія [3]). Впослѣдствіи онъ издавалъ въ Берлинѣ спеціальный научный сборникъ, посвященный изученію Россіи [4]). Далѣе, на западномъ краѣ Азіи началъ свои первые труды русско-нѣмецкій ученый, недавно умершій Гельмерсенъ, впослѣдствіи много работавшій по геологическому и минералогическому изученію Россіи европейской и азіатской. Кончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, Гельмерсенъ (род. 1803) уже въ 1826 г. сопровождалъ своего профессора Морица Энгельгардта на Уралъ, затѣмъ въ 1828—29, съ извѣстнымъ впослѣдствіи минералогомъ Гофманомъ (позднѣе профессоромъ петербургскаго университета), совершалъ геогностическія изысканія на Уралѣ, и здѣсь, по возвращеніи

---

[1]) „Reise durch das Altai-Gebirge und die Kirgisensteppe, etc". Berlin, 1828—30, два тома.

[2]) Christoph Hansteen, „Reise-Erinnerungen aus Sibirien". Deutsch von H. Sebald. Leipzig, 1854. Нѣсколько нѣмецкихъ изданій, голландское, шведское и французское.

[3]) Adolph Erman, „Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830". Berlin. 1833—48. Книга явилась и въ англійскомъ переводѣ.

[4]) Archiv füt wissenschaftliche Kunde von Russland, 1841—1864.

ситъ старыя практическія разысканія и захваты земель въ XVII столѣтіи; второй періодъ идетъ съ Петра Великаго, когда начинаются первыя научныя изслѣдованія, и завершается появленіемъ книги Гумбольдта; съ Гумбольдта начинается новѣйшая эпоха сибирскихъ изученій, въ основѣ которыхъ лежатъ его естественно-историческія обобщенія.

Экспедиція производила наблюденія астрономическія, изучала геогностическій характеръ почвы, собирала разныя коллекціи, дѣлала изысканія о климатѣ, земномъ магнетизмѣ, изслѣдовала рудники и залежи золота и платины, изучала строеніе горныхъ хребтовъ и т. п. Сочиненіе Гумбольдта, гдѣ собраны главнѣйшія изслѣдованія и результаты этой экспедиціи, стало классической книгой по изученію средне-азіатской природы. Книга написана съ обычнымъ искусствомъ и громадною ученостью знаменитаго естествоиспытателя. Рѣдкая универсальность знаній давала ему возможность охватывать предметъ во всей сложности его явленій и изображать его съ тою ясностью и точностью, которыя составляли особенность его ума и дарованія: изложеніе, хотя обставленное массою спеціальныхъ подробностей, бываетъ привлекательно даже для обыкновеннаго читателя. Кромѣ естествознанія въ его полномъ распоряженіи была громадная литература древнихъ классическихъ, восточныхъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей въ такомъ обиліи, въ которомъ немногіе могли равняться съ авторомъ „Космоса".

Въ трудахъ Риттера и Гумбольдта изслѣдованія Сибири окончательно становятся достояніемъ европейской науки. Это были первыя широкія обобщенія, въ которыхъ открывалась прочная опора для дальнѣйшихъ разысканій. И дѣйствительно, въ новомъ наступившемъ теперь періодѣ мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ монументальнымъ трудомъ, который для извѣстной части Сибири достойнымъ образомъ выполняетъ поставленную задачу. Этотъ трудъ есть экспедиція А. Ѳ. Миддендорфа.

Начатая въ томъ самомъ году, когда вышла книга Гумбольдта, эта экспедиція остается до сихъ поръ самымъ крупнымъ предпріятіемъ, какое было исполнено у насъ по изученію Сибири: потребовалось больше тридцати лѣтъ для того, чтобы обработать должнымъ образомъ матеріалъ, собранный въ путешествіи 40-хъ годовъ [1]). Путешествіе Миддендорфа вышло въ „четырехъ томахъ", но почти

[1]) Dr. A. Th. v. Middendorff, „Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben"; 4 тома, 1848—1875. 4°.

каждый „томъ" дѣлится на „части", потомъ на „выпуски", величиной равняющіеся хорошему обыкновенному тому, такъ что въ цѣломъ получается обширное изданіе. Отдѣльныя части изданія были обработаны. кромѣ самого Миддендорфа, еще многими учеными. Такъ въ обработкѣ отдѣла метеорологіи, магнетическихъ наблюденій, геогнозіи и палеонтологіи приняли участіе Бэръ, Гельмерсенъ, Ленцъ, Петерсъ и др.; въ отдѣлѣ ботаники—Траутфеттеръ, Рупрехтъ, Мейеръ; въ отдѣлѣ зоологіи—Брандтъ, Эрихсонъ, Менетріе и др.; матеріалы для изученія языка якутовъ дали поводъ къ цѣлому обширному изслѣдованію Бётлинга объ якутскомъ языкѣ, занимающему весь третій томъ изданія. На русскомъ языкѣ трудъ Миддендорфа явился въ двухъ томахъ [1]).

Первоначальная идея экспедиціи, исполненной Миддендорфомъ, принадлежала Бэру (1792—1876). Въ 1840 году самъ Бэръ предпринялъ путешествіе въ Лапландію для изученія вопроса о предѣлахъ и условіяхъ органической жизни на крайнемъ сѣверѣ; еще тогда онъ пригласилъ къ участію въ экспедиціи Миддендорфа, который въ то время былъ профессоромъ зоологіи въ кіевскомъ университетѣ. Для дальнѣйшаго опредѣленія вопроса Бэръ находилъ нужнымъ новое путешествіе въ край, еще болѣе сѣверный, и его выборъ останавливался на самой сѣверной оконечности Сибири, именно, на Таймырскомъ полуостровѣ (между устьями Енисея и Хатанги); требовался именно сѣверный континентальный пунктъ, такъ какъ только при этомъ являлась возможность наблюдать постепенность измѣненія климатическихъ условій и вмѣстѣ измѣненіе органической жизни. Бэръ считалъ подобную экспедицію для себя уже невозможной: борьба съ тягостями крайняго сѣвера требовала свѣжихъ, молодыхъ силъ, и такъ какъ ему уже знакома была энергія Миддендорфа, онъ предложилъ послѣднему трудную задачу экспедиціи. Изъ среды членовъ Академіи наукъ составлена была коммиссія (кромѣ Бэра были здѣсь Брандтъ, Кемцъ и Мейеръ), которая выработала какъ программу научныхъ вопросовъ, такъ и практическіе совѣты для безопасности путешествія въ необычайныхъ условіяхъ крайняго сѣвера. Впослѣдствіи Бэръ выражалъ свое удивленіе энергіи Миддендорфа [2]).

Экспедиція началась въ 1843 году и распадалась на два путешествія—крайнее сѣверное и юго-восточное, цѣлью которыхъ были

[1]) „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири". 2 части. Спб. 1860—1869. 4°. Отмѣтимъ еще небольшое изданіе Миддендорфа: „Бараба", съ лит. картой. Спб. 1871 (изъ XIX тома „Записокъ" Акад. наукъ).

[2]) „Mir scheint jetzt,- говорилъ онъ впослѣдствіи,—dass ich Middendorf's Ausdauer und Gewandtheit nicht über, wohl aber seine Dreistigkeit unterschätzt habe". См. введеніе, въ 1-мъ томѣ.

Таймыръ и Амуръ. Первый не былъ посѣщаемъ путешественниками съ половины прошлаго столѣтія, когда Прончищевъ и Челюскинъ опредѣлили его очертанія; Миддендорфъ и его спутникъ, топографъ Вагановъ (впослѣдствіи убитый китайцами въ географической экспедиціи въ Монголію) прожили здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ подъ 71° широты, производя свои изслѣдованія. Зимой слѣдующаго года, Миддендорфъ отправился черезъ Енисейскъ и Иркутскъ въ Якутскъ и затѣмъ на Шантарскіе острова въ Охотскомъ морѣ; отсюда, выплывъ на байдаркѣ къ устью рѣки Тугура, онъ переправился черезъ дикія пустыни Становою хребта къ пункту соединенія Шилки и Аргуни, т.-е. къ началу Амура. Это было въ январѣ 1845 года. Нечего говорить о томъ, какими трудностями и весьма серьезными опасностями окружены были жизнь и странствія въ далекихъ сѣверныхъ широтахъ, при невыносимыхъ морозахъ и вьюгахъ (однажды Миддендорфу пришлось провести 18 дней подъ снѣгомъ), при недостаткѣ топлива, при трудности переѣздовъ. Амуръ въ то время еще не принадлежалъ Россіи, и путешествіе Миддендорфа не осталось безъ вліянія на судьбу этого края. Занятый впервые русскими за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, Амуръ въ концѣ XVII-го вѣка былъ оставленъ по договору съ китайцами; мѣстные промышленники и торговцы заходили сюда безъ вѣдома обоихъ правительствъ; до Миддендорфа былъ на Амурѣ офицеръ генеральнаго штаба, Ладыженскій, въ 1834, но Миддендорфъ проникъ гораздо далѣе на Амуръ, и, главное, кромѣ естественно-историческихъ наблюденій, онъ нашелъ истинную тогдашнюю границу русскихъ владѣній по „омбонамъ“ (пограничнымъ знакамъ) и удостовѣрился личнымъ наблюденіемъ, что страна къ сѣверу отъ рѣки фактически не занята китайцами. Это была будущая русская Амурская область.

Миддендорфъ, какъ мы упоминали, собралъ огромный естественно-историческій матеріалъ, разработанный послѣ многими спеціалистами: онъ снималъ маршруты на огромныхъ пространствахъ, дѣлалъ наблюденія надъ температурой земли, надъ условіями растительности и измѣненіемъ ея формъ съ приближеніемъ къ сѣверу, надъ допотопными лѣсами и наносными деревьями, надъ морскими теченіями, собиралъ коллекціи, дѣлалъ изысканія этнографическія (особливо свѣдѣнія о самоѣдахъ, остякахъ, тунгусахъ, якутахъ, бурятахъ), изслѣдованія географическія и гидрографическія и т. д. [1]).

[1]) Для не-спеціалистовъ по естествознанію особенно интересны т. I, нѣм. изданія, введеніе; далѣе т. IV, часть I, вып. 1, введеніе, географія; тамъ же, часть II, вып. 3, сибирскіе туземцы.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Миддендорфѣ (род. 1815 г.) см. въ „Біогр. Словарѣ“ кіевскаго университета. Кіевъ, 1884, стр. 423—427.

ГЛАВА VI.

Сороковые года.—Дѣятельность Географическаго Общества по изученію Сибири.—Новѣйшія экспедиціи.

Русскія пріобрѣтенія въ Азіи.—Объединеніе научныхъ силъ и изысканій съ основаніемъ Географическаго Общества. — Русское изданіе „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера.—„Географическо-статистическій Словарь Россійской имперіи“, П. П. Семенова.

Новыя экспедиціи.—Забайкальская экспедиція Ахте.—Невельской и Козакевичъ.—Восточно-сибирская экспедиція Географ. Общества: труды Шварца, Радде, Шмидта, Глена.—Сибирскій Отдѣлъ Геогр. Общества, съ 1851.—Вилюйская экспедиція. — Раздвоеніе Сибирскаго отдѣла на восточный и западный, съ 1878.—Изслѣдованія въ Средней Азіи: Пржевальскій.

Г. Н. Потанинъ.—И. С. Поляковъ.—М. И. Венюковъ.

Путешествіе Миддендорфа (по старому академическому обычаю изданное по-нѣмецки, и только частію по-русски) было началомъ множества разысканій во всѣхъ направленіяхъ: съ него открывается обширная, трудно обозримая литература о Сибири и Средней Азіи, составляющая особую черту нашего научнаго движенія за послѣднія сорокъ лѣтъ. Разныя обстоятельства способствовали развитію этой литературы, — и во-первыхъ, обстоятельства внѣшнія, политическія. Съ пятидесятыхъ годовъ чрезвычайно расширилась русская азіатская территорія: съ 1854 года, когда Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, спустился съ флотиліей, снаряженной въ Нерчинскѣ, внизъ по Амуру до его устья, эта рѣка съ Амурскою областью стала русскимъ владѣніемъ, къ которому присоединился вскорѣ Усурійскій край или Приморская область; съ другой стороны громадно раздвинулись русскія границы на сибирскомъ юго-западѣ, сначала пріобрѣтеніемъ Заилійскаго края, потомъ завоеваніемъ Ташкента, Самар-

канда, наконецъ южнаго Туркестана до занятія Мерва въ 1884 году. Новыя громадныя пространства, ставшія русской территоріей, стали и новымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя велись или правительственными экспедиціями, или частными предпріятіями, захватывая и южную часть собственной Сибири.

Было и другое внутреннее условіе, которое съ конца сороковыхъ годовъ сильно содѣйствовало возростанію научнаго интереса и размноженію изслѣдованій, оффиціальныхъ и частныхъ. Это была организація ученыхъ силъ и предпріятій, выразившаяся основаніемъ Географическаго Общества. Было два главныхъ мотива, которые привели къ мысли о необходимости этого учрежденія: во-первыхъ, усиливалось сознаніе необходимости болѣе внимательнаго и цѣльнаго изслѣдованія русской народной жизни; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ широкихъ предпріятій для изученія Азіи, явилась также мысль о необходимости сосредоточить географическія изысканія, которыя до сихъ поръ велись разъединенно, не имѣли себѣ одного общаго спеціальнаго òргана и которыя могли быть еще болѣе успѣшны при содѣйствіи кружкà научно заинтересованныхъ лицъ. Въ числѣ учредителей Географическаго Общества мы дѣйствительно находимъ какъ представителей возникавшей тогда русской научной этнографіи (Надеждинъ, Даль), такъ и географовъ, путешественниковъ и натуралистовъ, между прочимъ составившихъ свою славу изслѣдованіями въ разныхъ краяхъ Сибири (здѣсь были именно: Крузенштернъ, Врангель, Бэръ, Гельмерсенъ, Литке, Рикордъ, Чихачевъ) [1]).

Въ самомъ дѣлѣ едва новое общество успѣло установиться, какъ оно стало развивать оживленную дѣятельность и большая доля его трудовъ была посвящена именно Сибири и позднѣе Средней Азіи. Дѣятельность шла въ разныхъ направленіяхъ: въ трудахъ общаго

[1]) Въ исторіи перваго двадцатипятилѣтія Географическаго Общества мы читаемъ (стр. 7):

„Основаніе Общества находится въ ближайшей связи съ достопамятнымъ путешествіемъ академика Миддендорфа въ Таймырскую землю и въ При-амурскій край въ началѣ 40-хъ годовъ. На обѣдѣ, устроенномъ друзьями и почитателями путешественника по поводу его благополучнаго возвращенія, произошелъ первый обмѣнъ мыслей объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества. Недостатокъ въ такомъ обществѣ ощущался, впрочемъ, уже давно и главнымъ образомъ въ виду богатаго географическаго матеріала, быстро накоплявшагося благодаря той дѣятельности по изученію Россіи и ея отдаленныхъ окраинъ, которою были ознаменованы 20-ые и 30-ые года нынѣшняго столѣтія. Академикъ Бэръ и адмиралы Литке и баронъ Врангель, принадлежавшіе къ числу дѣятелей этой географической эпохи, были именно тѣ лица, которыя сдѣлали первые шаги къ осуществленію мысли объ учрежденіи нашего Общества. Съ самаго начала къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кеппенъ, генералъ-адъютантъ Бергъ (бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ), Даль и П. А. Чихачевъ“.

характера; въ спеціальныхъ ученыхъ экспедиціяхъ, и наконецъ въ установленіи географическихъ изслѣдованій на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русская наука и литература нуждались въ объединеніи того громаднаго географическаго матеріала, который разсѣянъ былъ въ трудахъ старыхъ и новыхъ экспедицій, въ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, заключавшихъ описательный матеріалъ, между прочимъ о Сибири. Въ исполненіе этой потребности совершены были въ особенности два замѣчательные труда, мысль о которыхъ возникла въ Географическомъ Обществѣ уже въ 1850 году. Это былъ, во-первыхъ, русскій переводъ, съ обширными дополненіями, „Землевѣдѣнія Азіи" Риттера и, во-вторыхъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи", два монументальные труда, составляющіе великую научную заслугу нынѣшняго вице-президента Общества, П. П. Семенова. Прибавимъ, что общественный интересъ, вызванный основаніемъ Общества, между прочимъ привлекъ и довольно значительныя частныя пожертвованія для его предпріятій, и благодаря имъ оказалось возможнымъ и исполненіе этихъ двухъ обширныхъ изданій.

Они оба имѣютъ ближайшее отношеніе къ Сибири, въ особенности первое. „Землевѣдѣніе" Риттера представляло въ то время, да и до сихъ поръ, наиболѣе полное изложеніе географическихъ данныхъ объ Азіи. Русское изданіе имѣло въ виду (по недостаточности средствъ) передать только тѣ части Риттеровой Азіи, которыя относятся къ Россіи и странамъ, съ нею сопредѣльнымъ, то-есть къ Китаю, Турану и Ирану, оставляя безъ перевода болѣе далекія страны, какъ Аравія, оба полуострова Индіи и пр. [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить и дополнить изложеніе Риттера новыми данными, пріобрѣтенными наукой. Въ самомъ дѣлѣ, напр., первый томъ творенія Риттера вышелъ еще въ 1832 году, за четверть вѣка до появленія его въ русскомъ переводѣ, и естественно было, что онъ нуждался въ дополненіяхъ. Понятно, что эти дополненія требовали обширной на-

---

[1]) Цѣль этого предпріятія была выражена въ предисловіи русскаго изданія такъ:

„1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и *подвинуть* тѣмъ самымъ *мѣстныя изслѣдованія* Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую *географическую терминологію* введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить *правописаніе* столь трудныхъ *азіатскихъ* географическихъ *именъ*.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда".

читанности въ новѣйшей литературѣ предмета, и онѣ были исполнены въ русскомъ изданіи съ большимъ запасомъ свѣдѣній и точностью. Трудъ перевода и редакціи былъ сначала раздѣленъ между нѣсколькими лицами, но съ теченіемъ изданія главная работа осталась на рукахъ г. Семенова; отдѣлъ о Туркестанѣ и Кабулистанѣ былъ обработанъ В. Григорьевымъ, Иранъ — извѣстнымъ оріенталистомъ Ханыковымъ; все остальное сдѣлано г. Семеновымъ, съ которымъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ, работалъ впослѣдствіи извѣстный путешественникъ Потанинъ [1]). Сначала дополненія помѣщались вслѣдъ за отдѣльными параграфами; но иногда онѣ разростались въ цѣлые томы. Русское изданіе становится само новымъ географическимъ трудомъ высокаго достоинства по массѣ дополненій, собранныхъ изъ новой литературы предмета и новыхъ изысканій.

Столь же важный источникъ свѣдѣній представляетъ извѣстный „Географическо-статистическій Словарь“, составленный г. Семеновымъ съ нѣсколькими сотрудниками (5 томовъ, 1863—85). Онъ распространяется, конечно, и на Сибирь. Кромѣ точныхъ географическихъ описаній, при каждой мѣстности указана литература о ней, отъ старыхъ и до новѣйшихъ извѣстій, такъ что въ словарь вошла, отдѣльными подробностями, цѣлая исторія географическихъ открытій на дальнемъ сѣверѣ и востокѣ; въ статьѣ „Сѣверный Океанъ“ передана, въ сжатомъ изложеніи, вся исторія сѣверныхъ плаваній отъ Бѣлаго моря до Тихаго океана, съ половины XVI-го столѣтія до плаванія 1871 года, послѣдняго, которое могло быть занесено во время печатанія даннаго тома Словаря.

Со времени своего основанія и донынѣ Географическое Общество принимало живое участіе во всѣхъ почти безъ исключенія географическихъ предпріятіяхъ, какія направлялись на изученіе Сибири и Средней Азіи: оно бывало или само ихъ иниціаторомъ, или присоединялось къ экспедиціямъ, какія задумывались другими учрежденіями и вѣдомствами. Такимъ образомъ изданія Географическаго Общества, въ его журналахъ или въ отдѣльно издаваемыхъ „путешествіяхъ“, „трудахъ экспедицій“ и т. п., являются основнымъ источникомъ географическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній о

---

[1]) „Землевѣдѣніе Азіи. Карла Риттера. Географія странъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею, т.-е. Китайской имперіи, независимой Татаріи, Персіи и Сибири (въ послѣдующихъ томахъ иначе: „...странъ, входящихъ въ составъ Россіи или пограничныхъ съ нею“), переведена по порученію Имп. Р. Геогр. Общества, съ дополненіями, служащими продолженіемъ Риттерова труда для матеріаловъ („на основаніи матеріаловъ“), обнародованныхъ съ 1832 года, и составленными П. Семеновымъ, д. чл. Имп. Р. Геогр. Общества“. Спб. 1856 — 79, до сихъ поръ девять томовъ.

Сибири. Его дѣятельность уже вскорѣ расширилась основаніемъ филіальныхъ отдѣловъ: Сибирскій отдѣлъ возникъ уже въ 1851, въ Иркутскѣ, раздѣлившись потомъ на Восточно-сибирскій, въ Иркутскѣ, и Западно-сибирскій, въ Омскѣ; Сибири касается также отдѣлъ Оренбургскій.

Такимъ образомъ съ экспедиціи Миддендорфа открывается новый рядъ ученыхъ и развѣдочныхъ предпріятій, о которыхъ мы можемъ разсказать только вкратцѣ.

Первую экспедицію Географическое Общество снарядило уже на второмъ году своего существованія и направило ее по сосѣдству съ западною Сибирью на Уралъ, въ страну посредствующую между Европой и Азіею, на сѣверѣ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ до Чердыни и Богословска. Экспедиція съ 1847 года продолжалась нѣсколько лѣтъ и находилась подъ руководствомъ Э. К. Гофмана, который, какъ мы видѣли раньше, давно уже вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ дѣлалъ здѣсь свои первыя ученыя наблюденія. Нѣсколько лѣтъ потребовалось на обработку собраннаго матеріала, въ которой, кромѣ Гофмана и его спутниковъ, инженера Стражевскаго, астронома Ковальскаго и др., приняли участіе извѣстные спеціалисты по разнымъ отраслямъ естествознанія—Густавъ Розе, графъ Кейзерлингъ, русско-нѣмецкіе академики Брандтъ и Рупрехтъ. Въ трудахъ экспедиціи, кромѣ обзора самыхъ путешествій, собраны наблюденія астрономическія, магнитныя, геологическія и палеонтологическія, географическія опредѣленія мѣстъ, описанія горъ, опредѣленія климата, флора и фауна [1]).

Мы не будемъ останавливаться на изслѣдованіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ, на плаваніяхъ въ Новую Землю и Карское море, такъ какъ онѣ не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Сибири. Въ тѣ же годы Географическое Общество обратило вниманіе на изслѣдованіе окраинъ Восточной Сибири. Болѣе или менѣе изслѣдованы были въ Сибири только нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримѣръ, полоса вдоль большого сибирскаго тракта, иркутская губернія, Забайкалье, теченіе Лены, Камчатка; изысканія Миддендорфа долго еще не были изданы и опять касались только отдѣльныхъ мѣстностей Восточной Сибири: поэтому Географическое Общество снарядило обширную экспедицію, работавшую нѣсколько лѣтъ въ Восточной Сибири по разнымъ обла-

[1]) „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Изслѣдованія экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ, въ 1847, 1848 и 1850 годахъ". Два тома, 4°. Спб. 1853—1856, съ таблицами видовъ, этнографическихъ типовъ и т. д. Отдѣльно издана была подробная карта съ профилемъ сѣвернаго Урала. Въ тѣ же годы вышло нѣмецкое изданіе: „Der Nördliche Ural und das Küstengebirg Pai-choi". 2 тома.

стямъ естествознанія. Нѣкоторымъ приготовленіемъ къ предпріятію Общества служила такъ-называемая Забайкальская экспедиція, отправленная главнымъ штабомъ и работавшая въ 1849—1853 годахъ подъ начальствомъ полковника Ахте [1]). Въ экспедиціи участвовалъ астрономъ Шварцъ, впослѣдствіи работавшій и въ средѣ Географическаго Общества: сдѣланныя имъ астрономическія опредѣленія послужили потомъ къ подробной картографіи мѣстностей вокругъ Байкала, и затѣмъ его путешествіе въ мѣстности между Байкаломъ и берегомъ Тихаго Океана доставило первыя свѣдѣнія о всей области сѣверныхъ притоковъ Амура; другой участникъ этой экспедиціи, горный инженеръ Меглицкій, изслѣдовалъ въ разныхъ направленіяхъ западную часть Амурской области. Въ это же время русскіе подходили къ Амуру съ другой стороны. Въ 1849 году капитанъ Невельской и лейтенантъ Козакевичъ (впослѣдствіи оба адмиралы) открыли Амурскій лиманъ и самое устье Амура: эти открытія, какъ и сдѣланныя раньше указанія Миддендорфа, подняли вопросъ о русской колонизаціи Амура, которая, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны Китая, была окончательно установлена въ 1854 году упомянутымъ плаваніемъ Муравьева до устьевъ Амура, а въ 1858 г. присоединенъ былъ Усурійскій край за Амуромъ, нынѣшняя Приморская область [2]).

Въ это самое время въ Географическомъ Обществѣ обдумывалось широкое предпріятіе для изслѣдованія Восточной Сибири, которое распространилось потомъ и на новыя пріобрѣтенныя области. Средства для исполненія этихъ плановъ доставлены были пожертвованіями двухъ ревнителей науки, много сдѣлавшихъ для первыхъ успѣховъ Географическаго Общества, именно графа Гуттенъ-Чапскаго и П. А. Голубкова. Программа экспедиціи выработывалась въ отдѣленіяхъ математической и физической географіи, и математическій отдѣлъ экспедиціи, подъ руководствомъ того же астронома Шварца, въ 1854 началъ свои работы, продолжавшіяся до 1859 года. Въ этотъ промежутокъ времени опредѣлено было 110 астрономическихъ пунктовъ, сдѣлано 20.000 верстъ маршрутной съемки, собрана масса данныхъ по географіи, орографіи и гидрографіи обширнаго простран-

[1]) Некрологъ его см. въ „Отчетѣ“ Географическаго Общества за 1867 годъ.

[2]) Исторія открытія Амура, Усурійскаго края, о-ва Сахалина, колонизаціи Амурской области и пр. составляетъ цѣлую обширную литературу; см. напр. „Указатель литературы объ Амурскомъ краѣ“, Ѳ. Ѳ. Буссе, въ „Извѣстіяхъ“ Географ. Общества, т. XVIII, 1882 (въ приложеніяхъ). Часть этой исторіи разсказана была въ запискахъ Н. В. Буссе: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“, въ „Вѣстн. Европы“, 1871, кн. 10—12, и „Русскіе и Японцы на Сахалинѣ“, тамъ же, кн. 10. Новѣйшій любопытный разсказъ въ „Воспоминаніяхъ о Сибири“ Б. В. Струве, въ Р. Вѣстн. 1888, и отдѣльно. Спб. 1889 (180 стр.).

[illegible] Амурск [illegible]

[illegible] снаряжен [illegible]
[illegible] раньше натур [illegible]
[illegible] отдѣлу, [illegible]
[illegible] точной Сиб [illegible]
[illegible] Шмидта.
[illegible] въ общихъ
[illegible] Амура и Сах [illegible]
[illegible] нограф [illegible]

бунинъ сдѣлали изслѣдованія по геологіи, флорѣ и этнографіи населенія западной части Сахалина [1]).

Между тѣмъ образовался новый центръ сибирскихъ изслѣдованій. Въ 1851 году въ Иркутскѣ открытъ былъ „Сибирскій отдѣлъ“ Гео графическаго Общества. Это была первая филіація Общества, которая съ тѣхъ поръ дѣятельно участвовала въ трудахъ по изученію Сибири, и даже предпринимала важныя самостоятельныя экспедиціи. Сибирскій отдѣлъ составился изъ мѣстныхъ любителей и людей служащихъ, которые частью уже дѣйствовали въ предпріятіяхъ главнаго Общества. Особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для работъ отдѣла было то, что управленіе Восточной Сибири было тогда въ рукахъ человѣка просвѣщеннаго, Ник. Ник. Муравьева [2]). Въ провинціи, и особливо такой какъ Сибирь, всегда бываетъ чрезвычайно важно то или другое отношеніе къ дѣлу со стороны столь важнаго лица, какъ начальникъ края, и, если не ошибаемся, интересъ Муравьева къ географическимъ предпріятіямъ очень помогъ первымъ шагамъ Сибирскаго отдѣла. Вскорѣ явились и крупныя пожертвованія частныхъ лицъ, давшія возможность серьезныхъ предпріятій. Первымъ предпріятіемъ такого рода была Вилюйская экспедиція, исполненная на средства С. Ѳ. Соловьева. Вилюйскій край былъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ въ Восточной Сибири, и задачей экспедиціи было изслѣдованіе долины Вилюя и въ частности вершинъ этой рѣки, богатыхъ солью и цвѣтными каменьями. Экспедиція поручена была Р. К. Мааку, въ сопровожденіи трехъ сотрудниковъ. Разные другіе труды Маака задержали изданіе результатовъ этой экспедиціи: первый томъ этого описанія вышелъ только черезъ тридцать лѣтъ послѣ начала самой экспедиціи, и окончено

---

[1]) Труды Радде, изданные Географическимъ Обществомъ: „Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde“. Спб. 1862—1863, 2 тома, 4°, съ прекрасными рисунками и картами (млекопитающія и птицы). Въ первомъ томѣ отмѣтимъ еще: Itinerär, historischer Gang der Reise, стр. I—XL; потомъ Entwurf eines physico-geographischen Gesammtbildes des durchreisten Gebietes, стр. XLI—LV. Отвлеченный другими занятіями и переселившійся на Кавказъ, Радде не издалъ двухъ другихъ обѣщанныхъ имъ томовъ путешествія.

По-русски издано было въ „Запискахъ“ Геогр. Общества, 1861, книга IV: „Путешествіе въ юго-восточную Сибирь, совершенное по порученію Имп. Р. Геогр. Общества въ 1855—1859 Густавомъ Радде“. Часть первая (съ картою).

Предварительныя извѣстія и отчеты о его путешествіи печатались въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общества съ 1855 года.

[2]) Обширную біографію его см. въ книгѣ: „Графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (матеріалы для біографіи)“. Ив. Барсукова. 2 тома. М. 1891.

…ала стужу еще болѣе невыносимой; замерзшіе …, какъ мушкарой, мелкими иглами, что все … вѣтрѣ становилось, по истинѣ, убійственно …ерныя усилія, соединенныя съ путешествіемъ, …ѣ спутниковъ Маака. По словамъ его, они …енную могилу; его собственное здоровье было

Маакъ уже вскорѣ принялъ и исполнилъ другое …го отдѣла, а именно экспедицію для изслѣдованія …еннаго Амура; это путешествіе продолжалось съ …варь 1856 года, и въ томъ же году Маакъ отпра…ргъ для изданія своего труда [1]). Въ февралѣ …дано было новое порученіе—изслѣдованіе долины …ва отправился въ Петербургъ для изданія своего …даны были географическое описаніе края, матеріалы …уны и словарь языка мѣстныхъ инородцевъ, ходзе…ный А. Брылкинымъ [2]). Въ Петербургѣ, причислен…къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Маакъ обрабо…скіе матеріалы по Енисейской губерніи для извѣст…министерства: „Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣ…ода". Впослѣдствіи Маакъ былъ главнымъ инспекторомъ …точной Сибири и, наконецъ, переселившись въ Петер…членомъ совѣта въ министерствѣ просвѣщенія.

…енно съ этимъ другая экспедиція на Амуръ совершена Шренкомъ, по порученію Академіи наукъ: Шренкъ путе… здѣсь въ 1854—1856 г. и издалъ впослѣдствіи обшир…, посвященный исключительно естественно-историческимъ …іямъ [3]). Назовемъ, наконецъ, ботаническія изслѣдованія ака… Максимовича (Primitiae и пр., 1859) и др.

…тоже время совершено было много небольшихъ частныхъ …ваній и поѣздокъ, исполненныхъ членами Сибирскаго отдѣла … связи съ нимъ. Дѣятельность Отдѣла вообще была весьма …енная, и отчасти связана съ административными поѣздками …никовъ въ разные края Восточной Сибири; отчасти научныя

[1]) „Путешествіе на Амуръ, совершонное, по распоряженію Сибирскаго отдѣла, …55 году, Р. Маакомъ". Спб. 1859, 4°, большой томъ съ отдѣльнымъ собраніемъ …нковъ, картъ и плановъ.

[2]) „Путешествіе по долинѣ рѣки Усури. Совершилъ по порученію Сибирскаго …ла Р. Маакъ". Спб. 1861, 2 тома, 4°, съ рисунками и картою края.

[3]) „Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856 im Auf…age der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und … Verbindung mit mehreren Gelehrten herausgegeben von Leop. v. Schrenck". Pet. …58—1876, томы I, II, IV (млекопитающія, птицы, моллюски, метеорологія и пр.).

было его изданіе уже по смерти автора [1]). Ричардъ Карловичъ Маакъ (1825—1886), получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ, служилъ въ то время учителемъ иркутской гимназіи; по спеціальности своей онъ былъ натуралистъ. Путешествіе продолжалось съ начала 1854 до конца февраля 1855 года. Какъ почти всѣ экспедиціи этого рода, оно представляетъ множество данныхъ по разнымъ отраслямъ физическаго изученія страны: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Вилюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи; третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, гдѣ говорится о внѣшнемъ бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія,—между прочимъ, ботаническіе словари якутскій и тунгузскій, образчики мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей Якутской области. Описаніе путешествія, читая которое жалѣешь, что оно не было болѣе подробно, даетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно любопытную картину зимы крайняго сѣвера, которую онъ испыталъ какъ Врангель и Миддендорфъ: Маакъ могъ воспользоваться только двумя-тремя мѣсяцами теплаго времени, и затѣмъ странствовалъ среди лютой зимы, долго оставаясь безъ пристанища, проводя ночи подъ открытымъ небомъ и рискуя замерзнуть. Самымъ тяжкимъ періодомъ экспедиціи былъ обратный путь съ крайней сѣверной точки экспедиціи (68°, 15′ сѣв. широты) до устья рѣки Чоны (гдѣ должны были ждать ихъ высланные на встрѣчу якуты), съ половины сентября до 25-го октября, когда путешественники были предоставлены только самимъ себѣ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и не встрѣчая живой души. Ступая въ глубокомъ снѣгу, путники дѣлали лишь отъ 10 до 15 верстъ въ сутки, дни и ночи проводили подъ открытымъ небомъ и „я увѣренъ, — говоритъ Маакъ, — что каждый изъ насъ, смыкая отъ усталости очи, не надѣялся уже болѣе открыть ихъ".— „Между тѣмъ,—разсказываетъ Маакъ—морозы становились все сильнѣе и начали уже принимать чудовищные размѣры: отъ х[illegible] рывались стволы толстыхъ деревъ, земля давала трещ[illegible] влажное дерево становилось несравненно тверже [illegible] рубилъ его, а самъ при ударѣ разлетал[illegible] ртуть въ термометрахъ давно за[illegible] боты было положительно физ[illegible]

---

[1]) „Вилюйскій округъ Якутс[illegible] Спб. 1883. Часть II и III. [illegible] ными рисунками, планами [illegible] этой книгѣ въ Литерату[illegible]

изслѣдованія дѣлались по инициативѣ частныхъ лицъ, которымъ онѣ бывали важны для практическихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ произведенъ былъ цѣлый рядъ научно-практическихъ экскурсій, между прочимъ принимавшихъ довольно широкіе размѣры. Послѣ экспедиціи Маака, по распоряженію генералъ-губернатора работала въ долинѣ Усури особенная съемочная экспедиція подъ начальствомъ полковника Будогоскаго, съ которымъ работали Усольцевъ (вообще много потрудившійся въ Сибирскомъ отдѣлѣ и какъ изслѣдователь, и какъ правитель его дѣлъ), переводчикъ Шишмаревъ (послѣ консулъ въ Ургѣ, въ Монголіи), живописецъ Мейеръ и нѣсколько съемщиковъ. Далѣе, Сибирскій отдѣлъ принялъ участіе въ экспедиціи бр. Бутиныхъ, нерчинскихъ промышленниковъ, имѣвшей цѣлью опредѣленіе прямого пути изъ нерчинскаго края въ Пекинъ [1]). Затѣмъ, Отдѣлъ присоединился къ предложеніямъ енисейскихъ и олекминскихъ золотопромышленниковъ дать средства для научнаго изслѣдованія малоизвѣстныхъ мѣстностей, которыя представляли особый практическій интересъ для золотого промысла. Такъ образовались экспедиціи Туруханская и Олекминско-витимская. Въ первой собраны были обширные матеріалы по геологіи, флорѣ и фаунѣ Лопатинымъ, и матеріалы этнографическіе—Щаповымъ, работавшимъ также въ Верхоленскомъ краѣ; къ сожалѣнію, матеріалы, собранные Щаповымъ въ туруханскомъ путешествіи, впослѣдствіи погибли въ пожарѣ, постигшемъ помѣщеніе Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ. Въ Олекминско-витимской экспедиціи, исполненной на счетъ золотопромышленниковъ, князь Кропоткинъ, отыскивая скотопрогонный путь, собралъ богатыя данныя для картографіи, геогнозіи, ботаники и зоологіи [2]).

Въ тѣхъ же „Запискахъ по общей географіи“ (т. V, Спб. 1875, подъ ред. И. Полякова) находится богатый матеріалъ по орографіи южной половины Восточной Сибири, Минусинскаго, Красноярскаго, Нарынскаго края, и т. д., въ трудахъ Кропоткина, Пржевальскаго, Ломоносова, Каульбарса, архим. Палладія. Въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ этого изданія (XVI, 1885 г.) напечатанъ обширный трудъ Франца Шперка: „Россія дальняго Востока“, посвящен-

---

[1]) Въ этой экспедиціи принималъ участіе П. А. Ровинскій, путешествіе котораго черезъ Монголію разсказано было въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874.

[2]) Записки по общей географіи (по отдѣленіямъ географіи физической и математической). Томъ третій. Изданъ подъ редакціей П. Кропоткина.—Отчетъ объ Олекминско-витимской экспедиціи для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Нерчинскаго округа въ Олекминскій, снаряженной въ 1866 году олекминскими золотопромышленниками при содѣйствіи Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, П. Кропоткина и И. Полякова. Спб. 1873.

ный Амурскому краю. Объяснивъ во введеніи значеніе занятія Амура и указавъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ въ печати русской и иностранной, авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ Амура съ его перваго занятія козаками въ XVII столѣтіи и до новѣйшихъ временъ, излагаетъ затѣмъ свѣдѣнія о географіи, климатѣ, природѣ Амурскаго края, наконецъ, этнографическія данныя и экономическое состояніе края.

Съ 1856, Сибирскій отдѣлъ предпринимаетъ изданіе отдѣльныхъ „Записокъ“ (XI книгъ, 1856—1874), которыя выходили сначала въ Петербургѣ, подъ редакціей тогдашняго секретаря Геогр. Общества, Е. И. Ламанскаго, а потомъ въ Иркутскѣ, подъ редакціей правителей дѣлъ и другихъ членовъ Сибирскаго отдѣла (И. Сельскаго, Н. Версилова, А. Сгибнева, М. Загоскина, Н. Кашина, А. Чекановскаго). Потомъ, съ 1870 г. издавались „Извѣстія“, каждогодно, подъ редакціей А. Усольцева, Н. Агапитова и др.

Въ 1876 г., Сибирскій отдѣлъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. Изданная по этому случаю книжка передаетъ,— къ сожалѣнію, только слишкомъ кратко и голо,—результаты этой дѣятельности, но изложеніе сопровождено любопытной картой, изображающей пути всѣхъ экспедицій, какія снаряжены были за этотъ промежутокъ времени администраціей, Отдѣломъ и частными лицами при его участіи [1]). На этой картѣ означены маршруты и осмотрѣнныя пространства цѣлаго ряда экспедицій, а именно: подполковника Ахте въ 1849 г. на пространствѣ будущей Амурской области; Вилюйской 1854—55 г. Маака, и его же Амурской, 1855 г.; большой Сибирской экспедиціи самого Географическаго Общества въ 1854—57 г.; Олекминско-витимской экспедиціи Кропоткина и Полякова въ 1866 г.; Чукотской въ 1869 и 1870 годахъ; обширнаго путешествія геолога Чекановскаго и Ферд. Мюллера въ 1873—74 гг.; по Нижней Тунгузкѣ и Оленеку; экспедицій по рѣкѣ Сунгари, въ Манджуріи, въ 1864, 1866, 1872 гг.; Шишмарева, въ Монголію, въ 1864 г.; Кропоткина въ 1864 и 1865 годахъ; Гельмерсена въ 1863 г.; Турбина, отъ Кяхты до Пекина; Туруханской, Бутиныхъ, архим. Палладія, Падрина, Усурійской; наконецъ, нѣсколько другихъ маршрутовъ, пространства съемокъ и разспросныхъ картъ.

Въ изданіяхъ Сибирскаго отдѣла разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій по естественной исторіи, географіи, этнографіи Сибири и, между прочимъ, много цѣнныхъ изслѣдованій и извѣстій о мало-

[1]) „Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества“, s. l. et a. 24 стр.; потомъ указатель сочиненій, напечатанныхъ Отдѣломъ особо и помѣщенныхъ въ его изданіяхъ (стр. 1—10), списокъ членовъ (стр. 1—10) и карта.

доступныхъ мѣстностяхъ Сибири. Укажемъ, напр., въ „Запискахъ" географическія изслѣдованія Пермикина; путешествія и описанія крайняго сѣверо-востока Азіи, Чукотской земли, свящ. Аргентова; очерки Туруханскаго края, кн. Кострова; объ инородцахъ Енисейскаго края. М. Кривошапкина [1]; историческій обзоръ геологическихъ изслѣдованій въ Иркутской губерніи. Въ „Извѣстіяхъ": историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи; различныя путешествія П. А. Ровинскаго; о сибирскихъ древностяхъ, Н. Попова; работы Кашина, Ломоносова, Кельберга; естественно-историческія изслѣдованія и наблюденія польскихъ натуралистовъ В. Дыбовскаго, Годлевскаго, И. Черскаго, о которыхъ скажемъ далѣе.

Сибирскій отдѣлъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ Иркутскъ, предполагалъ, въ 1869 году, въ виду сосредоточенія своей дѣятельности, направить ее главнымъ образомъ на Иркутскую губернію: это болѣе соотвѣтствовало скромнымъ матеріальнымъ средствамъ Отдѣла и обѣщало всестороннее изученіе хотя бы одной мѣстности. На дѣлѣ, предпріятія Отдѣла не ограничивались этой программой, но Западная Сибирь все-таки занимала меньше мѣста въ этихъ предпріятіяхъ, и къ концу семидесятыхъ годовъ Сибирскій отдѣлъ раздвоился: съ 1878 г. началъ дѣйствовать „Западно-Сибирскій" отдѣлъ въ Омскѣ. Съ 1879 г. начали выходить „Записки" этого Отдѣла, наполняющіяся всего болѣе матеріаломъ западно-сибирскимъ и гдѣ, кромѣ множества частныхъ сообщеній, изданы были крупные труды, какъ напр.: „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ" Н. Ядринцева (1880. 1882), „Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая" М. Пѣвцова (1883), „Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область" А. Никольскаго, „Этнологическій очеркъ киргизовъ" Зеланда (1855)...

Алтай издавна привлекалъ путешественниковъ и красотами горной природы, и изученіемъ минеральныхъ богатствъ, и интересомъ этнографическимъ. Ему посвящали свои изслѣдованія Гумбольдтъ, Чихачевъ, Щуровскій, Гельмерсенъ и др.; теперь его изслѣдовали, кромѣ горныхъ инженеровъ, Шварцъ, Полетика, Мейенъ, Потанинъ, наконецъ знаменитый нѣмецкій геологъ Котта [2]).

Мы говорили выше, какъ расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи повело къ чрезвычайному расширенію географическихъ изслѣдованій. Сибирь была въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими новыми пріобрѣтеніями, и изученіе ихъ отчасти присоединяется къ сибирскимъ экспедиціямъ. Средняя Азія издавна, еще съ XVII-го вѣка, привле-

[1]) О большой его книгѣ объ Енисейской губ. упомянемъ ниже.

[2]) Bernh. v. Cotta, „Der Altai, sein geolog. Bau und seine Erzlagerstätten",

кала вниманіе и русскаго правительства, и мѣстнаго сибирскаго сосѣдства; сохранилось не мало записей о русскихъ странствіяхъ въ Хиву, Бухару и пр.; съ XVIII-го вѣка возникаютъ завоевательные планы, которые осуществляются только въ нынѣшнемъ столѣтіи; южный край Западной Сибири былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ и торговыхъ связяхъ съ осѣдлыми и кочевыми обитателями Средней Азіи. Въ наше время научная предпріимчивость идетъ параллельно съ политическими планами и военными экспедиціями, и Географическое Общество принимаетъ ближайшее участіе въ ученыхъ поискахъ въ Средней Азіи. Обзоръ ихъ не входитъ въ нашу задачу, и мы только въ общихъ чертахъ укажемъ нѣкоторыя предпріятія и нѣкоторыя имена. Таковы были прежде всего труды извѣстнаго Сѣверцова, для котораго Туркестанъ сдѣлался исключительнымъ предметомъ изслѣдованія; путешествія слѣдовали одно за другимъ, — въ первый разъ въ 1857 — 58 годахъ на низовья Сыръ-Дарьи; потомъ, въ 1864 г., при походахъ генерала Черняева; затѣмъ — въ 1865 — 68 годахъ. Разсказъ о путешествіи соединяется съ наблюденіями натуралиста, особливо цѣнными тѣмъ, что дѣлались нерѣдко въ первый разъ, съ общей картиной страны и ея пейзажа, туземнаго быта въ его связи съ мѣстными условіями, и т. д. [1]). Затѣмъ, Географ. Обществомъ изданы были обширные „Труды Аму-Дарьинской экспедиціи“ (5 выпусковъ, 1877 — 88), заключающіе въ себѣ изслѣдованія метеорологическія и гидрографическія, наблюденія астрономическія и магнитныя; далѣе „Описаніе Арало-Каспійской нивеллировки“ А. Тилло (1877), „Кашгарія“ г. Куропаткина (1879), „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“ (по 1877 годъ), составленныя И. П. Минаевымъ (Спб. 1879). Петербургскимъ Обществомъ естествознанія изданы „Труды Арало-Каспійской экспедиціи“ (1876—77), подъ редакціей О. Гримма, съ изслѣдованіями М. Богданова, Кесслера, Аленицына, и между прочимъ съ историческимъ обзоромъ изслѣдованій въ Арало-Каспійской области съ 1720 по 1874 годъ. Въ 1874—75 г. издано было обширное „Путешествіе въ Туркестанъ“ ревностнаго и несчастно-погибшаго ученаго А. П. Федченка, посвященное зоо-географическимъ изысканіямъ, матеріалъ которыхъ обработанъ былъ цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ. Назовемъ еще труды Шренка, Борщова, Мушкетова, Романовскаго, астрономовъ: Лемма, Бутакова, Струве, наконецъ многочисленныхъ путешественниковъ-описателей и географовъ, какъ Влангали, Макшеевъ, Валихановъ, Мейеръ и самъ вице-президентъ Геогр. Общества Семеновъ, еще въ

---

[1]) „Мѣсяцъ плѣна у коканцевъ“, 1860; „Путешествіе по Туркестанскому краю. изслѣдованіе горной страны Тянь-Шана“. Н. Сѣверцова. Т. I. Спб. 1873, и друг.

пятидесятыхъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошхина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ нынѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджуріи. На эти „мугальскія" или „мунгальскія" земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буряты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ осколкомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть нѣкогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней, чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединяются другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются со временемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи; если русскимъ изслѣдователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ, — этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упомянемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Николай Мих. Пржевальскій началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усурійскомъ краѣ; затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголіи. Способъ исполненія экспедицій знаменитаго путешественника и ихъ результаты достаточно извѣстны: необыкновенная энергія давала возможность Пржевальскому странствовать по цѣлымъ годамъ въ далекихъ, часто непривѣтливыхъ, странахъ и дикихъ пустынахъ, выдерживать встрѣчи и столкновенія съ враждебными туземцами, отрываясь надолго отъ всякихъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ, и возвращаться благополучно съ огромными зоологическими коллекціями и съ любопытными томами путешествій, доставившихъ ему европейскую славу.

Первое трехлѣтнее странствованіе Пржевальскаго въ глубины Азіи совершено было въ началѣ семидесятыхъ годовъ [1]: книга заключаетъ разсказъ о путешествіи и матеріалъ по естественной исторіи (климатъ, зоологія), обработанный, кромѣ самого автора, Кесслеромъ и акад. Штраухомъ. Второе путешествіе, 1876—77 года, описано въ краткомъ разсказѣ [2]; но третье, 1879—80 г., явилось въ обширномъ описаніи со множествомъ рисунковъ и картами, гдѣ между прочимъ изображена и область, пройденная во второмъ путешествіи [3]. Онъ умеръ въ 1888, при самомъ началѣ новой экспедиціи.

Менѣе громки, но болѣе разнообразны и богаты были труды другого путешественника, Г. Н. Потанина. Его характеристическая біографія разсказана недавно г. Семеновымъ [4]. Г. Потанинъ (род. 1835), сынъ есаула сибирскаго казацкаго войска на южной окраинѣ Западной Сибири, былъ, такимъ образомъ, потомокъ тѣхъ старыхъ казачьихъ піонеровъ, которые нѣкогда разыскивали и занимали Сибирь. Потанинъ-отецъ, въ 1820—30 годахъ, самъ водилъ развѣдочныя партіи въ Киргизскую степь и составлялъ обстоятельные маршруты и глазомѣрныя съемки [5]. Г. Н. Потанинъ учился въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ, и уже въ 1853—54 г., въ качествѣ казачьяго хорунжаго, принималъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край и въ закладкѣ города Вѣрнаго; въ слѣдующемъ году онъ былъ со ввѣренной ему сотней казаковъ въ цвѣтущихъ долинахъ Алтая, гдѣ жили нѣкогда его предки. Въ 1856, состоя на службѣ въ Омскѣ, онъ занялся въ архивахъ разысканіемъ данныхъ для старой сибирской исторіи и собралъ не мало любопытныхъ документовъ (которые были потомъ напечатаны въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества исторіи и древностей и въ изданіяхъ Географическаго Общества).

[1]) „Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи". Спб. 1875—76. Два тома, 8°, съ рисунками.

[2]) „Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, полковника генер. шт., въ 1876 и 1877 гг. Изданіе Имп. Р. Географ. Общества". Спб. 1878, 8°.

[3]) „Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе Имп. Р. Геогр. Общества на Высочайше дарованныя средства". Спб. 1883, 4°.

[4]) „Нива", 1888, № 5. Въ этой біографіи не досказано, что участіе П. П. Семенова не однажды оказывало г. Потанину серьезную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни и въ его научныхъ предпріятіяхъ. Статья „Нивы" повторена, съ нѣкоторыми добавленіями, въ „Сибирской Газетѣ", 1888, № 28, 30 (ст. Н. Костина). Ср. „Новости", 1887, № 43, 47, ст. Н. М—ва.

[5]) Въ „Вѣстникѣ Геогр. Общества", ч. XVIII, 1856, помѣщены „Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина" (1830), съ примѣчаніями П. С. Савельева, извѣстнаго оріенталиста.

пятидесятыхъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошхина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ нынѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджуріи. На эти „мугальскія" или „мунгальскія" земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буряты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ осколкомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть нѣкогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединяются другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются со временемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи; если русскимъ изслѣдователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ, — этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упоминаемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Николай Мих. Пржевальскій началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усурійскомъ краѣ: затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголі[illegible] исполненія экспедицій знаменитаго путешественни[illegible] [illegible]ты достаточно извѣстны: необыкновенная эне[illegible] [illegible]жности Пржевальскому странствовать по цѣлы[illegible] [illegible]ыхъ, частью неприв[ѣ]тливыхъ, странахъ и дики[illegible] [illegible]вать и столкновенія съ враждебн[illegible] [illegible]сь в[illegible] земкихъ сообщеній съ циви[illegible] [illegible] [illegible]получно съ огромными [illegible] [illegible] ными томами путеш[illegible]

Ревностная любовь къ изслѣдованію и неутомимость въ ученыхъ странствованіяхъ отличали другого истаго сибиряка, заслуженнаго натуралиста Ив. Сем. Полякова, недавно умершаго (въ апрѣлѣ 1887, около 40 лѣтъ отъ роду). Онъ былъ уроженецъ Забайкальской области, изъ бѣдной и простой семьи; онъ уже былъ взрослымъ казакомъ, когда началъ учиться; съ самыми ничтожными средствами онъ странствуетъ за Байкаломъ, собираетъ коллекціи, ведетъ дневники. Еще юношей, любителемъ, имѣвшимъ только первоначальное школьное образованіе, онъ принимаетъ участіе въ упомянутой выше Олекминско-витимской экспедиціи 1866 года [1]); познакомившись съ извѣстнымъ геологомъ, княземъ П. А. Кропоткинымъ, Поляковъ приглашенъ былъ имъ присоединиться къ этой экспедиціи въ качествѣ зоолога. Онъ рѣшился, наконецъ, идти въ университетъ, и нашлись добрые люди, которые помогли ему отправиться въ Петербургъ: но до тѣхъ поръ онъ прошелъ всего только низшую школу: съ замѣчательной силой воли онъ одолѣлъ трудную задачу и поступилъ въ университетъ. Онъ жилъ бѣднякомъ, питаясь уроками, но кончилъ блестящимъ образомъ курсъ по естественному факультету, черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ степень магистра зоологіи и сдѣлался хранителемъ зоологическаго музея Академіи Наукъ. Съ конца 60-хъ годовъ, когда онъ не кончилъ еще университетскаго курса, начинаются его ученыя сообщенія въ изданіяхъ Географическаго Общества. Это былъ изыскатель неустанный и разносторонній. Въ 1871 году онъ предпринимаетъ поѣздку въ Олонецкую губернію, гдѣ часть путешествія онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Гильфердингомъ и занимался изслѣдованіями по зоогеографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ по этнографіи и геологіи—его въ особенности занимала археологія до-историческая, остатки каменнаго вѣка, который онъ разыскивалъ и въ Сибири, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки, въ верховьяхъ Волги и т. д. Въ 1876 году Поляковъ отправляется въ Березовскій край для изслѣдованія рыбныхъ промысловъ; въ слѣдующемъ году въ Маріинскій округъ, Томской губерніи, и на озеро Балхашъ. Затѣмъ онъ каждое лѣто совершалъ ученыя экскурсіи въ разныхъ краяхъ Россіи съ цѣлью своихъ любимыхъ изслѣдованій по зоогеографіи,

---

Вып. II. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1876—1877 г.) съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1881.

Вып. III. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи С.-З. Монголіи (собранные въ 1879—1880 г.). Съ картою и рисунками. Спб. 1883.

Вып. IV. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1879 г.). Съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1883. (Всѣ четыре выпуска составляютъ до 130 печатн. листовъ).

[1]) Отчетъ его напечатанъ въ изданныхъ впослѣдствіи трудахъ этой экспедиціи; см. „Записки по всеобщей географіи“, т. III. Спб. 1873.

этнографіи и каменному вѣку. Въ 1880 г. онъ отправляется въ Сибирь вокругъ свѣта, много работаетъ на Сахалинѣ, на берегахъ Восточнаго океана и на Амурѣ. Обширный матеріалъ, собранный во время этого большого путешествія, онъ еще не успѣлъ обработать, когда смерть прервала его труды. Зоологія и каменный вѣкъ не отвлекали его вниманія и отъ живыхъ людей; столь же сильнымъ интересомъ его была этнографія, наблюденіе современнаго состоянія народнаго быта въ связи съ условіями природы и климата. Въ некрологѣ его мы читаемъ: „не ограничиваясь одними только зоологическими и антропологическими изслѣдованіями Сахалина, Поляковъ тщательно изучилъ бытъ какъ тамошнихъ туземцевъ-айновъ, такъ и въ особенности ссыльныхъ, и имѣлъ въ виду разработать цѣлый рядъ проектовъ, относящихся до улучшенія этого быта“. Въ своихъ сочиненіяхъ Поляковъ—что̀ не часто бываетъ у спеціалистовъ этого рода —умѣлъ расширять рамки своей спеціальности для болѣе широкихъ картинъ наблюдаемой жизни и природы; напримѣръ, изслѣдуя ихтіологію бассейна Оби, онъ изображаетъ вмѣстѣ экономическое устройство рыболовнаго промысла и даетъ картину быта мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Его простой, обходительный характеръ, ранняя жизнь въ народной средѣ дѣлали его особливо способнымъ къ ея изслѣдованію и пониманію. Люди, его знавшіе, разсказываютъ, что онъ именно умѣлъ сходиться съ мѣстнымъ населеніемъ и для него открывались и объяснялись просто весьма многія стороны мѣстнаго быта, недоступныя для другихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, его личная жизнь сложилась несчастливо, и крѣпкій организмъ, позволявшій ему безнаказанно выносить странствія по лѣснымъ дебрямъ и физическія лишенія, сломился подъ-конецъ отъ нерѣдкой болѣзни русскихъ даровитыхъ людей [1]).

Называя лицъ, особенно поработавшихъ для географическаго и естественно-историческаго описанія Сибири и Средней Азіи, должно назвать имя г. Венюкова, хорошо знакомое всѣмъ тѣмъ, кто интересовался нашей географической литературой. Съ конца пятидесятыхъ годовъ и до послѣднихъ лѣтъ г. Венюковъ былъ дѣятельнымъ вкладчикомъ въ труды Географическаго Общества и какъ самостоятельный собиратель географическихъ свѣдѣній, и какъ критикъ и обобщатель. Если не ошибаемся, его научная дѣятельность въ этой области началась съ изученія Амурскаго и Усурійскаго края въ генералъ-губернаторство Н. Н. Муравьева, продолжалась затѣмъ въ Средней Азіи, направлялась на самые разнообразные вопросы отъ картографіи

[1]) Ср. его некрологи въ „Сибирской Газетѣ“, 1887, № 16; въ „Новостяхъ“ 1887, № 94, 95, 170; въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1887, апрѣль. Его біографія предпринята петербургскимъ Обществомъ естествознанія.

до естествознанія, статистики, этнографіи и военной политики. Съ начала 1861 идетъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ являлись или цѣльныя его сочиненія, или сборники статей по одному предмету [1]. Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ г. Венюкова есть „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи", исполненный съ богатымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній и личнаго знакомства съ территоріями Сибири и Средней Азіи. Указавши въ обширной вводной главѣ постепенное расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи съ XVI-го вѣка и общіе вопросы ихъ военной защиты, авторъ располагаетъ дальнѣйшее изложеніе по отдѣламъ громадной азіатско-русской границы: островъ Сахалинъ; Приморская область (береговая граница); Амурскій край вмѣстѣ съ Усурійскимъ; манджурскій отдѣлъ; забайкальскій или халкасскій; алтайско-саянскій; джунгарскій; тянь-шаньскій; два отдѣла въ западномъ Туркестанѣ—болорскій (горный) и аральскій или хивинскій (низменный); туркменскій. Въ каждомъ отдѣлѣ даны положеніе и границы края, топографія, указаны климатъ и естественныя произведенія, промыслы и торговля, средства сообщенія, населеніе—съ этнографическими опредѣленіями, главные населенные пункты, военное обозрѣніе, наконецъ приведены источники, т.-е. литература предмета, собранная весьма обстоятельно и доведенная до послѣднихъ (въ 1873 г.) данныхъ. Спеціально военная цѣль автора не мѣшаетъ книгѣ имѣть общій интересъ, какъ прекрасно сдѣланное обобщеніе данныхъ объ описываемыхъ странахъ. Съ теченіемъ времени книга, конечно, должна была запоздать со многими подробностями, и, напр., послѣдній отдѣлъ долженъ совсѣмъ измѣниться, какъ должна быть пополнена и литература предмета,—нужно было бы новое, измѣненное и дополненное изданіе.

Любопытны и „Путешествія по окраинамъ русской Азіи". „Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1857 по 1863,—говоритъ авторъ,—мнѣ пришлось посѣтить бо̀льшую часть окраинъ нашего государства, отъ Балтійскаго моря до Кавказа, Небесныхъ горъ и Восточнаго океана. И хотя безпрерывные разъѣзды, походы, боевая и бивачная жизнь мало способствовали систематическому собиранію и разработкѣ дан-

[1]) „Очерки старыхъ и новыхъ договоровъ Россіи съ Китаемъ". Спб. 1861;—„Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ". Спб. 1868;—въ 1869 и 1871, книги о Японіи и японскомъ архипелагѣ;—„Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи". Спб. 1873;—„Очерки современнаго Китая". Спб. 1874;—„Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей". Спб. 1877.

„Опытъ" печатался первоначально въ „Военномъ Сборникѣ", и отсюда частію переведенъ былъ на французскій и англійскій языкъ; по выходѣ цѣлой книги, она вышла тогда же въ нѣмецкомъ переводѣ: „Oberst Wenjukow, Die russisch-asiatische Grenzlande". Aus dem Russ. übertragen von Krahmer, Hauptmann im Königl. Preuss. Grossen Generalstabe. Mit zwei Uebersichtskarten. Leipz. 1874.

ныхъ объ этихъ странахъ, тѣмъ не менѣе я былъ настолько счастливъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣлъ собрать свѣдѣнія, частію вполнѣ неизвѣстныя прежде, частію бывшія достояніемъ немногихъ мѣстныхъ спеціалистовъ". Таково было происхожденіе книги, составляющей сборникъ отдѣльныхъ статей, которыя раньше помѣщены были главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества. Бо́льшая часть этихъ статей относится къ Сибири, и, кромѣ предметовъ географическихъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о нашей азіатской колонизаціи [1]).

---

[1]) Изъ трудовъ г. Венюкова отмѣтимъ еще небольшую, но содержательную статью: „Aperçu hist. des découvertes géographiques", etc. (30 стр. и карта), упомянутую выше, и статью: „Объ успѣхахъ естественно-историческаго изученія Азіатской Россіи въ связи съ географическими открытіями въ этой странѣ за послѣднія 25 лѣтъ и о видахъ на дальнѣйшую разработку естественной исторіи Сѣверной Азіи", въ „Трудахъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, происходившаго съ 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г.". Спб. 1868, 4°. Рѣчи и Протоколы, стр. 49—58.

ГЛАВА VII.

Польская литература о Сибири. — Новыя путешествія западно-европейскія и американскія.

Для поляковъ Сибирь уже съ давнихъ временъ бывала мѣстомъ ссылки: съ XVII-го столѣтія [1]), а главное со временъ старыхъ конфедерацій прошлаго вѣка, направленныхъ противъ Россіи, съ раздѣловъ Польши, а особенно послѣ возстанія 1831 г., броженія сороковыхъ годовъ, наконецъ, возстанія 1863 г., масса поляковъ, которую считали десятками тысячъ, была сослана въ Сибирь, и очень большое число осталось тамъ навсегда. Въ прошломъ столѣтіи путешественники отмѣчали въ Сибири цѣлыя польскія селенія, которыя отличались между прочимъ бо́льшею степенью культуры, земледѣльческой и бытовой. Огромный контингентъ поселенцевъ привели два большія возстанія нынѣшняго столѣтія, и такъ какъ повстанцы были въ особенности люди средняго и частію высшаго круга, то въ сибирскіе села и города совершался обильный притокъ людей съ извѣстнымъ уровнемъ образованія, техническаго и ремесленнаго знанія, промышленной предпріимчивости, уровнемъ, который часто былъ гораздо выше мѣстнаго: освоившись съ своимъ положеніемъ, поляки примѣнили къ дѣлу свои средства и заняли видное мѣсто въ жизни сибирскихъ городовъ—это были учителя, художники, врачи, техники, всякаго рода ремесленники, содержатели гостинницъ; они явились въ сибирскомъ обществѣ и т. д. [2]).

Многіе при этомъ пріобрѣли благосостояніе, облегчавшее разлуку

---

[1]) Исаакъ Масса въ первые годы XVII-го вѣка упоминаетъ уже о ссыльныхъ изъ Польши.

[2]) См. любопытную книгу: Polacy w Syberji, przez Zygmunta Librowicza". Kraków, 1884, гдѣ изложена исторія поляковъ въ Сибири до новѣйшаго времени.

съ родиной и близкими, но это была необходимость, вынужденный трудъ для средствъ существованія. Въ числѣ сосланныхъ поляковъ нашлись люди, послужившіе странѣ ихъ изгнанія и инымъ образомъ, а именно замѣчательными научными трудами, занимающими почетное мѣсто въ исторіи сибирскихъ изслѣдованій и, къ счастію, встрѣтившими признаніе. За послѣднія десятилѣтія таковы были въ особенности труды Дыбовскаго, Чекановскаго, Годлевскаго и Черскаго, имена которыхъ съ 1860-хъ годовъ являются постоянно въ трудахъ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла.

В. И. Дыбовскій былъ прежде адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ главной школѣ въ Варшавѣ; сосланный въ 1864 г. въ Забайкальскій край, онъ съ самаго начала отдался въ новой обстановкѣ природы любимымъ изслѣдованіямъ, гдѣ его товарищами стали Викторъ Годлевскій и Альфонсъ Парвезъ. Годлевскій, по спеціальности агрономъ, былъ кромѣ того ревностный охотникъ и собиратель коллекцій; Парвезъ былъ препараторъ. Къ счастью, Дыбовскій получилъ возможность заняться своими изслѣдованіями; въ 1866—67 они втроемъ дѣлали свои разысканія на восточномъ склонѣ Яблоннаго хребта, вблизи рѣкъ Онона и Ингоды; въ 1867—70 Дыбовскій и Годлевскій работали на южномъ берегу Байкала, а потомъ Дыбовскій сдѣлалъ путешествіе на Амуръ и Усури, гдѣ опять былъ въ 1873—74 годахъ; въ 1875 онъ былъ на прибрежьяхъ Манджуріи. Въ 1877, Дыбовскій и Годлевскій вернулись въ Варшаву, но Дыбовскій, несмотря на всѣ убѣжденія его близкихъ, рѣшилъ еще разъ добровольно отправиться въ Сибирь для довершенія своихъ изслѣдованій и, черезъ своихъ друзей въ Географическомъ Обществѣ, получилъ мѣсто окружнаго врача въ Петропавловскѣ въ Камчаткѣ. Четыре года онъ провелъ здѣсь съ 1879-го (пятый годъ заняли двѣ поѣздки) и, кромѣ обязанностей „окружнаго врача“ (на пространствѣ Камчатки и Командорскихъ острововъ!), онъ ревностно занимался естественно-историческими поисками, а также изслѣдованіемъ причинъ вымиранія мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Между прочимъ, онъ объѣхалъ Камчатку сухимъ путемъ, безъ дорогъ, по лѣсамъ и горамъ, и очень обогатилъ свои коллекціи. Изъ своего зоологическаго собранія по одному экземпляру всѣхъ предметовъ онъ посылалъ въ зоологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Въ 1883, онъ вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Суезъ, и принялъ предложенную ему каѳедру зоологіи во львовскомъ университетѣ [1]).

Другой польскій ученый, составившій себѣ славу изслѣдованіями

---

[1]) Librowicz, стр. 291—302. Но напрасно авторъ, на стр. 291, повторилъ безмѣрныя преувеличенія Рейхмана.

въ Сибири, былъ А. Л. Чекановскій. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863, онъ первое время выносилъ крайнюю нужду, не переставая, однако, заниматься геологіей, которая составляла его основной научный интересъ. Участіе академика Шмидта, въ то время путешествовавшаго въ Сибири, помогло Чекановскому выступить на научную дорогу, которая вскорѣ поставила его въ ряду дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей Сибири. Съ 1869 года въ изданіяхъ Географ. Общества и его Сибирскаго Отдѣла появляются отчеты и извѣстія о работахъ Чекановскаго по геологическому изслѣдованію иркутской губерніи. Въ 1871 Чекановскій принималъ участіе въ поѣздкѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголъ вмѣстѣ съ Дыбовскимъ, Годлевскимъ и пейзажистомъ Вронскимъ. „Трудъ Чекановскаго по геологіи иркутской губерніи, — читаемъ мы въ исторіи Сибирскаго Отдѣла, — признанъ образцовымъ не только Географическимъ Обществомъ и Академіей наукъ, но и заграничными учеными". Въ концѣ 1872 года Чекановскій предпринялъ трудную, и уже послѣднюю, экспедицію на Нижнюю Тунгузку и Оленекъ, которая продолжалась до 1875 г. и доставила, кромѣ естественно-историческихъ, также много картографическихъ матеріаловъ. Вызванный потомъ въ Петербургъ, гдѣ его торжественно привѣтствовало Географическое Общество, Чекановскій привезъ съ собою богатыя коллекціи сибирской флоры, окаменѣлостей, минераловъ, предметовъ энтомологіи; коллекціи его были пріобрѣтены Академіей наукъ; акад. Шифнеру онъ передалъ матеріалы по тунгузскому языку. Самъ Чекановскій, за своими спеціальными работами, не имѣлъ времени для составленія описательной части своихъ путешествій; экспедиція на Оленекъ подробно описана его спутникомъ въ этомъ путешествіи, Ферд. Миллеромъ [1]). Жизнь Чекановскаго кончилась прискорбнымъ образомъ: въ октябрѣ 1876 онъ застрѣлился въ Петербургѣ [2]).

Въ трудныхъ обстоятельствахъ началъ свое пребываніе въ Сибири и И. Д. Черскій, котораго съ конца 1860-хъ годовъ мы опять

[1]) F. Müller, „Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition". Leipz. 1882. Миллеръ, хотя признаетъ заслуги Чекановскаго, значительную долю ихъ присвоиваетъ себѣ; но Чекановскій былъ и оффиціально руководителемъ экспедиціи. Немногіе собственные разсказы Чекановскаго объ этомъ путешествіи находятся въ его письмахъ въ Геогр. Общество; см. „Извѣстія" 1874 и 1875 г.

[2]) Librowicz, стр. 305—308; онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ статьи Марьяна Дубецкаго, въ „Tygodnik Illustr." 1877, № 58. См. также некрологи Чекановскаго въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1876, и въ „Извѣстіяхъ" Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. VIII, Ирк. 1877, № 1—2. Свѣдѣнія объ Оленекской экспедиціи въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1874, и очеркъ географической дѣятельности Чекановскаго въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общ., т. XII, Спб. 1877.

встрѣчаемъ въ ряду усердныхъ изыскателей преимущественно въ Восточной Сибири, по геологіи и палеонтологіи; въ особенности занимался онъ изученіемъ Байкала. Въ послѣдніе годы онъ работалъ въ Петербургѣ, между прочимъ надъ дальнѣйшими выпусками Риттеровой „Азіи", а лѣтомъ 1891 г. предпринялъ снова путешествіе въ Сибирь для естественно-научныхъ изслѣдованій.

Назовемъ еще, изъ числа раньше сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, плодовитаго писателя Агатона Гиллера (ум. въ іюлѣ 1887). Онъ былъ дважды сосланъ въ Сибирь, въ 1848 и 1854 г., какъ революціонный эмиссаръ, и въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденіемъ властей, усердно собиралъ свѣдѣнія о Сибири, особливо Забайкальѣ, свѣдѣнія о мѣстной природѣ, флорѣ, фаунѣ, этнографіи, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ его ссыльныхъ соотечественниковъ. Главное, собранное имъ,—это богатый матеріалъ для исторіи польской ссылки въ Сибири 1830—48 г. Впослѣдствіи Гиллеръ издалъ нѣсколько сочиненій о Сибири, изъ которыхъ главное есть „Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberji" (Лейпцигъ, 1867, три тома), которымъ между прочимъ обильно пользовался г. Максимовъ въ книгѣ о Сибири и каторгѣ; кромѣ того, Гиллеръ написалъ „Podróz więźniów etapami do Syberji" (Путь ссыльныхъ этапами въ Сибирь, Лейпц. 1866, 2 тома), и „Lista wygnańców polskich do r. 1860" (Списокъ польскихъ изгнанниковъ, въ „Album Myzeum Narodowego w Karperswyll", Познань, 1872). Историкъ поляковъ въ Сибири, на котораго мы ссылались выше, указывая большой интересъ сочиненій Гиллера о Сибири, находитъ, что имъ мѣшаетъ однако крайне враждебное отношеніе писателя къ Россіи [1]). Впослѣдствіи, въ 1863, Гиллеръ принималъ весьма дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, но въ концѣ его остерегся новой ссылки, удалившись въ Австрію.

Еще два польскихъ натуралиста посѣтили, на этотъ разъ добровольно, Сибирь или ея окраины и дали описаніе своихъ путешествій. Одинъ былъ Эдвардъ Островскій, профессоръ сельскаго хозяйства сначала въ институтѣ въ Маримонтѣ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, путешествовавшій въ киргизскихъ степяхъ и, кромѣ русскихъ спеціальныхъ изслѣдованій, издавшій польскую книгу [2]); другой—Брониславъ Рейхманъ, отдѣльныя статьи котораго собраны были въ книгу [3]).

Судьба поляковъ въ Сибири и ихъ разсказы о ней составляютъ цѣлую маленькую литературу, нерѣдко исполненную бытового и дра-

---

[1]) Librowicz, стр. 113, 147—149, 165.

[2]) Listy z podróży odbytej do stepów Kirgiz-Kajsackich, Гродно, 1859.

[3]) Z dalekiego Wschodu. Wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881.

матическаго интереса; довольно многочисленные разсказы и воспоминанія, ими оставленныя не лишены значенія и въ отношеніи этнографическомъ. Либровичъ начинаетъ исторію поляковъ въ Сибири очень издалека, именно съ XIII-го вѣка, съ путешествія въ среднюю Азію знаменитаго Плано-Карпини и Бенедикта „Поляка" (Benedictus Polonus), причемъ и перваго Либровичъ считаетъ также полякомъ. Въ исторіи занятія русскими Сибири онъ вспоминаетъ о полякѣ Черниховскомъ, который игралъ большую роль въ ряду предпріимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, впервые явившихся въ XVII столѣтіи на Амурѣ; потомъ о Цавлуцкомъ, дѣйствовавшемъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ Камчаткѣ и въ землѣ чукчей. Въ XVII и XVIII вѣкѣ цѣлыя массы поляковъ являются въ Сибири ссыльными; въ число поляковъ (или, по крайней мѣрѣ, уроженцевъ старой „Польши") Либровичъ не усомнился занести и нѣкоторыхъ дѣятелей православной церкви въ Сибири, родомъ южноруссовъ, напримѣръ давняго епископа тобольскаго Филоѳея Лещинскаго и даже знаменитаго св. Иннокентія, натрона Сибири, который былъ по имени Кульчицкій (ум. 1731). Очень давно начинаются не столь сомнительные литературные памятники пребыванія поляковъ въ Сибири. Отъ XVII-го вѣка сохранился дневникъ Адама Каменскаго Длужика: взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ кн. Юріемъ Долгорукимъ въ октябрѣ 1657 г., Каменскій съ 400 товарищами былъ отправленъ въ Сибирь и, кромѣ тяжкихъ испытаній своего плѣна, даетъ любопытныя описанія страны, людей и обычаевъ, которые видѣлъ на пути, кончившемся на Амурѣ [1]). Отъ начала XVIII-го столѣтія остались записки Людвика Сѣнницкаго, польскаго кальвиниста, бывшаго долго (1707—1722) въ русскомъ плѣну и ссылкѣ, и который потомъ, получивъ свободу, принялъ католичество и написалъ воспоминанія въ книгѣ, изданной въ Вильнѣ, 1754 [2]). Выше упомянуто о похожденіяхъ и запискахъ венгерскаго графа и польскаго конфедерата Беньовскаго, и французскаго полковника въ польской службѣ Белькура. Около того же времени нѣсколько лѣтъ былъ въ русской военной службѣ въ Сибири, потомъ въ Азовѣ, Любичъ-Хоецкій, который въ 1776 г. бѣжалъ и оставилъ записки о своихъ приключеніяхъ [3]). Въ 1795, приходятъ въ Сибирь сподвижники Костюшки, изъ числа которыхъ впослѣдствіи получилъ особенную извѣстность Іосифъ Копецъ: взятый въ плѣнъ подъ Мацѣёвицами, онъ, какъ уроженецъ края, уже

---

[1]) Этотъ дневникъ изданъ А. Маріанскимъ въ сборникѣ „Warta", Познань, 1874.

[2]) Librowicz, стр. 37—43.

[3]) Записки его изданы были въ Варшавѣ, 1789 г., потомъ перепечатаны въ сборникѣ: Sybir. Pamiętniki Polaków z pobytu na Sybirze. Chełmno, 1864, т. I.

принадлежавшаго Россіи, подвергся особо тяжелой ссылкѣ, между прочимъ лишенъ былъ имени и значился только подъ нумеромъ. Копецъ былъ сосланъ въ Камчатку и, помилованный при Павлѣ, только черезъ годъ узналъ о своемъ освобожденіи; въ 1810 онъ передалъ исторію своихъ приключеній въ занимательномъ разсказѣ, гдѣ описаніе личной судьбы связано съ любопытными чертами сибирской жизни и обычаевъ. Записки его были изданы только въ 1837 и возбудили большое вниманіе: къ одному изъ изданій написалъ предисловіе Мицкевичъ, сравнивавшій автора съ знаменитымъ Сильвіо Пеллико [1]) по его покорности своей участи и надеждамъ на лучшее будущее если не для себя, то для родины. Первый издатель книги, привыкшій, вѣроятно, въ другихъ сочиненіяхъ этого рода къ тону раздраженія и вражды, писалъ въ предисловіи: „Читая путешествіе Копца, мы проникнуты были глубокимъ къ нему уваженіемъ по той рѣдкой умѣренности, которая сказывается на каждой страницѣ его сочиненія. Копецъ не раздражается на дурное съ нимъ обхожденіе; его лозунгъ: такъ хотѣло Провидѣніе! Относя все къ его святой волѣ, онъ спокойно сноситъ самыя тяжкія испытанія".

Въ царствованіе имп. Павла сосланъ былъ въ сибирскіе рудники ксендзъ Цецерскій, который въ любопытныхъ запискахъ разсказываетъ о судьбѣ своей и другихъ ссыльныхъ и о самой странѣ, ея жителяхъ и ихъ бытѣ [2]).

Отъ царствованія императора Александра I не осталось, кажется, мемуаровъ подобнаго рода, но цѣлый рядъ авторовъ такихъ произведеній доставило слѣдующее царствованіе. Польское возстаніе 1831 г., послѣдующіе заговоры, дѣло Конарскаго, патріотическія увлеченія молодежи, сильно увеличили за то время число ссыльныхъ поляковъ, и именно изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ: многіе возвратились на родину еще тогда же, другіе—по амнистіи новаго царствованія, третьи бѣжали; многіе послѣ выѣхали за границу—отсюда обиліе мемуаровъ, писанныхъ людьми той эпохи. Многіе изъ авторовъ прошли или каторжную работу въ рудникахъ, или солдатскую службу, жили „на поселеніи", находили себѣ потомъ различныя профессіи, близко видали и сибирское начальство, и общество. Таковы воспоми-

---

[1]) Józef Kopec. Dziennik podróży przez całą wzdłuż Azję lądem do portu Ochocka, oceanem przez wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i ztamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. Еще изданія 1863, 1868, кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ: „Sybir", т. II, 1865, и въ „Bibliotece ludu polskiego" (Парижъ, s. a.): въ послѣднемъ изданіи предисловіе Мицкевича.

[2]) Его записки издалъ Авг. Бѣлёвскій въ журналѣ „Tygodnik Naukowy" и отдѣльно: „Pamiętnik księdza Cieciersкiego, przeora Dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797—1801". Lwów, 1865.

нанія Рафала Блонскаго, Іосифа Кобылецкаго, Антонія Пауши, Евгенія Жміевскаго, Адольфа Янушкевича, Гордона, Конст. Волицкаго, Мигурскаго, Руфина Пьотровскаго, Бронислава Залѣскаго, Агатона Гиллера, Евы Фелинской и др. [1]).

Эти разсказы, кромѣ матеріала для исторіи польской ссылки, доставляютъ вообще много любопытнаго и для бытового описанія Сибири и сибирскихъ нравовъ; многіе разсказы отличаются жизненнымъ драматическимъ интересомъ, напр. исторія несчастнаго Мигурскаго, который сдѣлалъ попытку бѣгства, кончившуюся неудачею, или въ особенности исторія Руфина Пьотровскаго, бѣжавшаго съ каторжныхъ работъ изъ-подъ Тары въ 1846 году. Задумавъ планъ бѣгства, Пьотровскій скрылся изъ мѣста своего заключенія и съ фальшивымъ паспортомъ и съ запасомъ денегъ поѣхалъ изъ Тары подъ видомъ купеческаго приказчика. Уже на первыхъ порахъ онъ былъ обокраденъ, причемъ у него украли и его фальшивый паспортъ: возвращеніе было немыслимо, и дальнѣйшій путь онъ сдѣлалъ пѣшкомъ подъ видомъ рабочаго, перенося величайшія трудности и каждодневно рискуя быть схваченнымъ; въ вятской губерніи онъ присталъ къ партіи богомольцевъ, которые шли въ Соловецкій монастырь, и попалъ въ Соловки; оттуда пошелъ на Петербургъ, гдѣ пробылъ три дня, затѣмъ моремъ уплылъ въ Ригу и, наконецъ, черезъ Митаву и Полангенъ пробрался въ Пруссію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ онъ былъ, однако, арестованъ и его намѣревались передать русскимъ властямъ какъ бѣглеца, но онъ успѣлъ избавиться отъ опасности и бѣжалъ въ Парижъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ вышли его записки [2]), которыя произвели въ свое время большое впечатлѣніе и появились въ цѣломъ рядѣ изданій и переводовъ, а именно, переведены были на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, голландскій, датскій [3]).

Новый контингентъ ссыльныхъ явился послѣ возстанія 1863 г., и новый рядъ польскихъ воспоминаній о Сибири, какъ напримѣръ гр. Кердея, Чаплинскаго, Немоёвскаго, Андріолли (извѣстнаго художника), Цурка, Альбина Кона и др. [4]). Кромѣ личныхъ воспоминаній, сибирское изгнаніе отразилось и въ произведеніяхъ художе-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности изъ ихъ воспоминаній въ книгѣ Либровича, стр. 143—153; о Мигурскомъ, стр. 241—245; о Фелинской, стр. 107, 145, 247; о Пьотровскомъ, стр. 346—352.

[2]) Pamiętniki z pobytu na Syberji, Rufina Piotrowskiego. Poznan, 1866.

[3]) Либровичъ указываетъ также русское изданіе, сокращенное: „Записки Руфина Піотровскаго. Россія и Сибирь 1843—1846". Нордкёпингъ, 1862. Недавно вышло новое французское изданіе записокъ.

[4]) Librowicz, стр. 174—175, 190—194. О множествѣ ссыльныхъ поляковъ въ Сибири съ 60-хъ годовъ см. у Орфанова, „Въ дали", 1889, стр. 4—8, 23 и др.

ственной беллетристики: таковы замѣчательные разсказы Шиманскаго — талантливо исполненные и проникнутые чувствомъ эпизоды польской ссылки (дѣйствіе въ Якутской области и на Ленѣ), по манерѣ и даже по нѣкоторымъ сюжетамъ напоминающіе Короленка [1]), и основное настроеніе которыхъ—тоска по родинѣ [2]).

Обширный и нерѣдко весьма важный матеріалъ для изученія Сибири, и между прочимъ сибирской этнографіи, заключаетъ иностранная европейская литература о Сибири въ новѣйшее время. Выше приведенъ рядъ спеціальныхъ трудовъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ по географіи и естественно-историческому описанію Сибири, какъ сочиненія Риттера, Гумбольдта, Ганстена, Эрмана, Ледебура, Котты, — въ новѣйшее время къ нимъ присоединяется имя Элизэ Реклю, въ громадномъ трудѣ котораго обширное мѣсто занимаетъ Сибирь и русская Средняя Азія, — хотя самъ онъ не былъ путешественникомъ въ Сибирь [3]); но, затѣмъ, существуетъ обширная литература другого рода — литература обыкновенныхъ путешествій, цѣль которыхъ не столько ученое изслѣдованіе (часто оно вовсе отсутствуетъ), сколько удовлетвореніе любознательности туриста, желающаго видѣть рѣдко посѣщаемую и оригинальную страну, узнать которую нужно для дополненія свѣдѣній о русской имперіи. До послѣднихъ десятилѣтій такія путешествія были довольно рѣдки; не легко было добраться до самой Россіи, когда въ ней еще не было желѣзныхъ дорогъ и путешествіе было медленнымъ и скучнымъ дѣломъ. Проведеніе желѣзныхъ путей въ самой Россіи, съ другой стороны занятіе Амура и открытіе пароходства по этой громадной рѣкѣ и внутреннимъ рѣкамъ Сибири значительно облегчили доступъ въ эту страну и послѣднія десятилѣтія, именно съ 60-хъ годовъ, до-

---

[1]) Adam Szymanski, Szkice. I. Спб. 1887. Въ послѣднее время г. Шиманскій живетъ въ Петербургѣ и въ 1891 дѣлалъ докладъ въ Географ. Обществѣ объ инородцахъ Восточной Сибири. Его разсказъ „Перевозчикъ", въ переводѣ В. Сем. помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ", вып. I. М. 1892. Нѣсколько разсказовъ, во французскомъ переводѣ, были въ Revue d. d. Mondes.

[2]) Другія указанія изъ польской литературы о Сибири см. у Межова, „Сибирская Библіографія", т. I (Спб. 1891). стр. 483—484. № 6429—6455; но многое, напр. самая книга Либровича, здѣсь пропущено.

[3]) Nouvelle Géographie Universelle, la Terre et les Hommes, par Elisée Reclus, многотомное изданіе. Въ русскомъ переводѣ—томъ, относящійся до Сибири: „Земля и люди. Всеобщая географія, Элизэ Реклю. VI. Азіатская Россія и средне-азіатскія ханства (съ 68 рисунками и картою на 3-хъ листахъ)". Спб., 1883. Въ предисловіи названы многочисленныя имена западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ, содѣйствіемъ которыхъ пользовался авторъ при составленіи этого тома.

ставили цѣлую массу путешествій въ Сибирь, иногда изъ конца въ конецъ, и всего больше, конечно, по главному сибирскому пути. Огромное большинство путешествій—англійскія: кромѣ того, что изъ всѣхъ европейцевъ англичане—туристы по преимуществу, въ ихъ странствіяхъ нерѣдко присутствуетъ старое побужденіе англійскихъ путешественниковъ на сѣверъ и востокъ, именно національный интересъ азіатской политики и торговли. Лондонское Географическое Общество больше, чѣмъ всѣ другія иностранныя общества этого рода, съ интересомъ слѣдило за русскими открытіями и путешествіями въ Сибири и средней Азіи; книги европейскихъ ученыхъ и русскія книги по изученію этихъ странъ по прежнему являются въ англійскихъ переводахъ или изложеніяхъ. Какъ прежде переводились на англійскій языкъ книги XVIII вѣка, а потомъ азіатскія путешествія Гумбольдта, Адольфа Эрмана и пр. (еще въ 1842 году снова явились на англійскомъ языкѣ сочиненія Миллера и Палласа о завоеваніи Сибири и сношеніяхъ Сибири съ Китаемъ), такъ теперь переводились сочиненія Пржевальскаго, Яворскаго, Венюкова, Абрамова, сочиненія о Туркестанѣ и пр. Съ 30-хъ годовъ начинаютъ размножаться собственно англійскія, и частью нѣмецкія и иныя европейскія путешествія. Въ 1831 г. вышло описаніе кругосвѣтнаго путешествія Бичи (Beechey), коснувшееся Берингова пролива; около того же времени путешествіе Добелля (Peter Dobell) въ Камчатку и Сибирь; миссіонера Свэна (William Swan); Петра Гордона; мистриссъ Стэлибрэсъ (Stallybrass), вдовы сибирскаго миссіонера; въ 1842 году — извѣстная книга Коттреля [3]); въ 1854 — сочиненія Гилля и Тилинга [2]).

Путешествія, особливо прямо въ Сибирь, размножаются съ половины 50-хъ годовъ, между прочимъ съ занятія Амура, который привлекалъ теперь большое вниманіе. Таковы книги Гэбершема, Аткинсона, Коллинза, Равенстейна и др. [1]). Нѣсколько путешествій, сдѣ-

---

[1]) Ch. Herbert Cottrell, Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841. London, 1842; нѣмецкій переводъ 1846.

[2]) S. S. Hill, Travels in Siberia, Lond. 1854, 2 тома; нѣмецкій переводъ, Лейпц., 1855. — Heinr. Tiling, Eine Reise um die Welt, von Westen nach Osten durch Sibirien und das Stille und Atlantische Meer. Aschaffenburg, 1854.

[3]) A. W. Habersham, The North Pacific surveying and exploring expedition, и пр. Philadelphia, 1857.

— Thom. Witlam Atkinson, Oriental and Western Siberia, Lond. 1858 (и New-York, 1858), — и его же: Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. Lond. 1860.

— P. M. Collins, A voyage down the Amoor, Lond. 1860.

— E. G. Ravenstein, The Russians on the Amur, Lond. 1861.

— Comte Henri Russell-Killough, Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océa-

ланныхъ сухимъ путемъ, описываютъ именно внутреннюю Сибирь и ея окраины, напр., сочиненія Вайта, американца Нокса [1]). Назовемъ, далѣе, путешествіе Эдв. Рэ къ лапландцамъ и самоѣдамъ, книги Мильна, Эдена [2]); нѣмецкія сочиненія Гейнцельмана, Киттлица, Финша, Іоста [3]). Въ послѣдніе годы большое вниманіе обратила на себя книга Лэнсделя, который сдѣлалъ путешествіе черезъ Сибирь въ 1879 г. съ религіозными и филантропическими цѣлями (осмотръ тюремъ и т. п.), а также путешествіе корреспондента „New-York Herald", Джильдера, разыскивавшаго людей съ американскаго парохода „Жаннетты", погибшаго на сѣверномъ берегу Сибири [4]). Большое вниманіе обратили на себя путешествія американца Джоржа Кеннана, особливо послѣднее [5]).

---

nie, Sibérie... fleuve Amour. Voyage exécuté pendant les années 1858—61. Paris, 1864, 2-е изд. 1866 (Русскій переводъ: Руссель Киллугъ, Чрезъ Сибирь въ Австралію и Индію. Спб. 1871, 2-е изд. 1875).

[1]) W. H. Whyte, Land Journey from Asia to Europe, Lond. 1871.

— P. W. Knox, Overland through Asia. Hartford, Connecticut, 1871.

[2]) Edw. Rae, Land of North Wind; or travels among Laplanders and Samoyedes, Lond. 1875.

— J. Milne, Journey across Asia. Lond. 1879.

— C. H. Eden, Frozen Asia. Lond. 1879.

[3]) Fr. Heinzelmann, Reisen in den mittleren und nördlichen Festländern Asiens. Leipz. 1855.

— F. H. von Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1858.

— O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 im Auftrage des deutschen Nordpolexpedition. Berlin, 1879.

— Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien von Wilhelm Joest. Mit fünf Lichtdrucken und einer Karte. Köln, 1883.

[4]) Мы имѣли въ рукахъ уже четвертое изданіе книги Лэнсделя: Through Siberia. By Henry Lansdell. With illustrations and maps. Lond. 1883. Его другая книга: Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiwa and Merw. Lond. 1885, 2 тома.

— Ice-Pack and Tundra. An account of the search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia by William H. Gilder, correspondent of „the New-York Herald", etc. With maps and illustrations. Lond. 1883. Былъ русскій переводъ или изложеніе, В. Майнова („Во льдахъ и снѣгахъ", Гильдера), котораго мы не имѣли въ рукахъ.

[5]) G. Kennan, Tent life in Siberia. Lond. 1870. Русскій переводъ: „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди Коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи". Пер. Кондратьевой, Спб. 1872.

Новѣйшее путешествіе Кеннана мы можемъ указать по нѣмецкому изданію: „Sibirien! — von George Kennan. Deutsch von E. Kirchner". Zehnte Auflage. Berlin, 1890. Тоже: Neue Folge. Siebente Auflage. Berlin, 1890.

Число изданій, вышедшихъ въ короткое время, указываетъ на впечатлѣніе, произведенное этой книгой, которая между прочимъ вызвала крайне враждебное Россіи стихотвореніе извѣстнаго англійскаго поэта Суинбёрна (ода: Russia): изданное въ

Въ послѣдніе годы вышло также замѣчательное сочиненіе итальянскаго ученаго Стефана Сомье, результатъ путешествія: „Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами“ и пр.,—большая книга съ прекрасными рисунками и картами, написанная весьма занимательно и интересная тѣмъ болѣе, что авторъ, спеціалистъ по ботаникѣ, владѣетъ также этнографическими и антропологическими свѣдѣніями и хорошей наблюдательностью [1].

Многочисленныя сообщенія о новыхъ сибирскихъ и средне-азіатскихъ изслѣдованіяхъ появлялись особенно въ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ упомянутыя записки лондонскаго Географ. Общества, или какъ извѣстныя „Geographische Mittheilungen“ Петерманна. На недавнемъ нѣмецкомъ географическомъ съѣздѣ профессоръ бернскаго (теперь петербургскаго) университета Э. Ю. Петри поставилъ вопросъ о важности сибирскихъ изученій для европейской науки [2]. Существуетъ, наконецъ, не мало популярныхъ географическихъ обозрѣній, особливо французскихъ и нѣмецкихъ [3].

Знаменитая книга Норденшельда достаточно извѣстна. Попытки отысканія „сѣвернаго прохода“, какъ мы видѣли, дѣлались еще съ половины XVI-го вѣка; путешествіе Норденшельда было послѣднимъ изъ этого рода предпріятій: широко задуманное и исполненное на средства, данныя г. Сибиряковымъ и шведскимъ правительствомъ, оно доказало возможность практическаго совершенія этого пути. Здѣсь не было географическаго открытія,—сѣверный берегъ Сибири былъ выясненъ русскими плавателями еще съ XVII-го вѣка, но онъ былъ выясненъ до сихъ только по частямъ или даже только сухимъ пу-

---

журналѣ Fortnightly Review, 1890, августъ, оно подало поводъ къ парламентскому запросу, не имѣвшему впрочемъ успѣха.

[1]) St. Somier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. Roma, 1885. Подробный отчетъ о ней въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Спб. 1886, кн. I, стр. 169 — 195.

[2]) E. Petri, Die Erschliessung Sibiriens, — въ Verhandlungen des sechsten deutschen Geographentages, Berl. 1886. Ср. бернскую диссертацію, написанную по его иниціативѣ: Studien über den Seeweg zwischen Europa und West-Sibirien, von H. Fr. Balmer (Bern, 1885), который воспользовался обширной иностранной и (черезъ посредство г. Петри) русской литературой по этому вопросу.

[3]) Напр., Лануа (F. de Lanoye, 1865), Фюрта (Camille de Furth, 1866), Само (Octave Sachot, 1875), и нѣмецкія: Этцеля и Вагнера (1864), Альбина Кона и Рих. Андрее (два тома, 2-е изд. 1876), Ланкенау и Эльсница (два тома, 2-е изд. 1881) и друг.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій, крупныхъ и мелкихъ, объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 года, Э. Петри, помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Спб. 1886, II, стр. 178—182.

Еще нѣкоторыя указанія у Межова, „Сибирская Библіографія“, I, стр. 484 — 485, гдѣ этотъ отдѣлъ опять впрочемъ весьма неполонъ.

темъ: Норденшельдъ, въ планѣ своего путешествія [1]), предполагалъ убѣдиться и доказать, что для настоящаго морского корабля возможенъ путь черезъ Ледовитый океанъ, что этотъ путь не запертъ льдами, и что на худой конецъ онъ можетъ быть сдѣланъ если не за одинъ разъ, то въ два пріема съ перезимовкой, — какъ это съ нимъ и случилось. Норденшельдъ отдаетъ, однако, всю справедливость смѣлости и энергіи старыхъ русскихъ плавателей, которые на негодныхъ тогдашнихъ судахъ рисковали на предпріятія, мудреныя и для наилучшихъ новѣйшихъ народовъ. Его собственное путешествіе завершало вопросъ, и въ соотвѣтствіе этому онъ въ своей книгѣ, при каждомъ главномъ пунктѣ плаванія своей экспедиціи, дѣлаетъ обзоръ того, чтó сдѣлано было прежними изслѣдователями,—такъ что его книга есть вмѣстѣ довольно обстоятельная исторія всѣхъ прежнихъ предпріятій для опредѣленія сѣвернаго океана отъ Норвегіи до Камчатки, съ XVI-го вѣка и до новѣйшихъ временъ [2]).

---

[1]) Стр. 27 русскаго изданія.

[2]) Русскій переводъ: „Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега" въ 1878 – 1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуж. проф. Имп. Алекс. университета, при содѣйствіи Э. В. Коріандера, горнаго инженера". Спб. 1881. Русскій переводчикъ допустилъ, къ сожалѣнію, ошибки относительно вещей довольно извѣстныхъ: Дежневъ названъ Дешневымъ (стр. 21, 24); рѣка Оленекъ называется Олонкомъ (стр. 20, 26); Виллоуби — Виллугбей (стр. 51); Чекановскій — Чикановскій (стр. 26) и др. Другое изданіе: „Шведская полярная экспедиція 1878—79 г. и пр. Переводъ со шведскаго". Спб. 1880. Популярное краткое изложеніе: „Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г.", Спб. 1885.

ГЛАВА VIII.

Сибирская историографія до конца XVIII-го вѣка.

Задачи для сибирской исторіографіи.

Древнія извѣстія. — Начало сибирскаго лѣтописанія: архіепископъ Кипріанъ; Савва Есиповъ; Строгоновская лѣтопись; Тобольская или Кунгурская лѣтопись Семена Ремезова; Илья Черепановъ. — Отношенія лѣтописныхъ текстовъ.

Описанія географическія. — Иностранныя карты. — Русскіе „чертежи" и „росписи" XVII-го вѣка. — Чертежъ стольника Годунова и шведская копія Прютца.—Чертежъ Семена Ремезова.—Статьи хронографовъ.

Историческіе труды Миллера и Фишера.

Для историческаго изслѣдованія Сибири сдѣлано было не мало, но до сихъ поръ все еще нѣтъ цѣльной исторіи Сибири, даже цѣльнаго изслѣдованія какого-нибудь отдѣльнаго періода ея. Причинъ этому было много. Въ исторіи самой метрополіи Сибирь не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, была всегда только служебной провинціей; какъ исторія мѣстная, она требовала однако вниманія, потому что была исторіей громадной страны и цѣлаго населенія,— люди, спеціально заинтересованные сибирской исторіей, были преимущественно сами сибиряки, но обыкновенно они не были поставлены въ такія условія, чтобы выполнить подобную задачу: или не имѣли подъ руками необходимаго матеріала, или не были достаточно подготовлены въ научномъ отношеніи, или не имѣли досуга; наконецъ, матеріалъ для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ стольких спеціальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ, какъ требовала бы этого настоящая историческая критика,—задачи сибирской исторіи раскидывались бы на цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, для которыхъ и

по настоящее время не собрано достаточныхъ свѣдѣній. Русскому завоеванію Сибири предшествовала долгая исторія туземной Сибири и сосѣдней средней Азіи, населенной народами финскими, тюркскими, монгольскими; изъ темной глубины древней Азіи они не однажды врывались завоевательными ордами въ болѣе цивилизованныя страны азіатскаго юго-запада и восточной Европы; южныя окраины Сибири были затронуты этими народными переселеніями или даже бывали мѣстомъ ихъ перваго истока. Эта древняя исторія до сихъ поръ темна,—между тѣмъ съ нею связаны историческіе вопросы о судьбѣ финскаго племени, нѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе; о судьбѣ народовъ тюркскихъ и монгольскихъ, которые владѣли страной наканунѣ прихода русскихъ и до сихъ поръ наполняютъ Сибирь и ея окраины. Съ тѣхъ поръ произошли другія племенныя передвиженія, которыя остаются опять мало выясненными; приходъ русскихъ произвелъ новое броженіе, частію отгоняя чужія племена съ путей русской колонизаціи, частію ассимилируя ихъ. Съ этимъ вмѣстѣ произошли новыя своеобразныя явленія въ складѣ самого русскаго племени: колонизація, какъ выше говорено, совершалась частію путемъ правительственныхъ мѣръ, частію иниціативой мѣстнаго населенія, которое раздвигалось все дальше на свой страхъ, отыскивая новыхъ территорій для земледѣлія и промысла, причемъ промыселъ нерѣдко переходилъ и въ простой грабежъ и даже истребленіе туземныхъ инородцевъ. Занятыя земли становились новыми русскими областями: худо ли, хорошо ли, въ нихъ водворялась русская власть, но въ странѣ, раскинутой на огромномъ пространствѣ, жители естественно предоставлены были всего чаще самимъ себѣ, и въ результатѣ складывался своеобразный бытъ и, наконецъ, особый типъ самой русской народности. Отъ первыхъ вѣковъ русскаго господства не осталось почти ни единаго разсказа, который разъяснялъ бы этотъ процессъ занятія страны русскими и образованія новаго народнаго быта; только нѣмецко-русскіе путешественники прошлаго столѣтія доставляютъ объ этомъ почти первыя свѣдѣнія, и ходъ развитія сибирскаго народа и сибирскаго быта остается изучать по уцѣлѣвшимъ старымъ актамъ и по современному состоянію сибирской жизни.

Тому, что̀ болѣе или менѣе доступно писанной исторіи, предшествуетъ еще болѣе древняя судьба сибирской территоріи — ея доисторическое прошлое. Первые путешественники въ Сибирь уже угадывали эту далекую древность по ея остаткамъ, и новѣйшія находки удостовѣряютъ существованіе въ Сибири каменнаго вѣка, затѣмъ указываютъ остатки древнихъ горныхъ работъ въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копяхъ", которыя до сихъ поръ составляютъ мало разъясненную загадку, какъ и тѣ изображенія на скалахъ, рисунки и

письмена („писаницы“), которыхъ много находятъ особливо на югѣ западной Сибири.

Таковы разнообразныя задачи, предстоящія сибирской исторіи. Для нея нужно, такимъ образомъ, содѣйствіе до-исторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи; архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири, и, наконецъ, изслѣдованіе старыхъ сибирскихъ нравовъ, обычаевъ и современнаго быта. Въ различной мѣрѣ эти задачи затронуты въ существующей литературѣ о Сибири; нѣкоторые частные вопросы вызвали, хотя немногія, замѣчательныя изслѣдованія, но цѣльный историческій вопросъ остается еще безотвѣтнымъ.

Историческія свѣдѣнія о русской Сибири начинаются лѣтописью. До конца XVII-го вѣка это была почти единственная форма историческаго разсказа, извѣстная нашимъ книжникамъ. Какъ выше указано, первыя русскія извѣстія о Сибири восходятъ довольно далеко. Лѣтопись упоминаетъ въ теченіе XV-го и XVI-го вѣка событія, относящіяся до Сибири. Въ XVII столѣтіи встрѣчаются первые слѣды лѣтописи *собственно сибирской,* которая составлялась на мѣстѣ и ограничивалась только мѣстными событіями. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько памятниковъ этого лѣтописанія, но вообще старая сибирская лѣтопись до сихъ поръ не вполнѣ приведена въ извѣстность. Главныхъ сибирскихъ лѣтописей, какими пользовались до сихъ поръ историки Сибири, было четыре, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Первымъ началомъ этого мѣстнаго лѣтописанія считается трудъ тобольскаго архіепископа Кипріана въ началѣ XVII-го вѣка—трудъ, до насъ не дошедшій въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кипріанъ, по фамиліи Старорусенковъ, бывшій архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря, поставленный патріархомъ Филаретомъ, былъ первымъ архіепископомъ сибирскимъ и тобольскимъ, въ 1621 году. Прибывши въ Тобольскъ, онъ, какъ разсказываютъ, во второй годъ своего церковнаго правленія, „воспомянулъ“ атамана Ермака Тимоѳеева и „велѣлъ спросить Ермаковыхъ казаковъ, какъ они пришли въ сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого у нихъ поганые убили, а казаки принесли ему списки, какъ они пришли въ Сибирь, и о бояхъ“. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ (или Осиповъ), упомянувши объ этомъ, замѣчаетъ, что самъ онъ писалъ „съ писанія прежняго“; полагаютъ, что прежнимъ писаніемъ именно была лѣтопись архіепископа Кипріана [1]).

[1]) Ср. о томъ же слова Кунгурской лѣтописи Ремезова,—въ изданіи Археограф. коммиссіи. стр. 37, статья 135; но Кипріанъ названъ Нектаріемъ.

Савва Есиповъ, писавшій въ 1636 или 1637 году, былъ дьякъ сибирскаго митрополита, повидимому распространилъ то, что нашелъ у своего предшественника, но кромѣ того разсказывалъ и то, чтó видѣлъ „своими глазами". Извѣстіями его воспользовался уже первый сибирскій историкъ Миллеръ (называющій его Саввой Ефимовымъ), не особенно, впрочемъ, довѣряя его показаніямъ [1]). Лѣтопись Есипова издана была въ первый разъ Г. И. Спасскимъ, а потомъ, по другому списку, П. И. Небольсинымъ [2]).

Наравнѣ съ лѣтописью Есипова очень старою считается другая лѣтопись, такъ-называемая „Строгоновская". Миллеръ не зналъ этой лѣтописи, и въ первый разъ она была найдена и издана Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирской старины, который сообщилъ ее и Карамзину. Когда собственно эта лѣтопись была составлена— неизвѣстно; разсказъ ея ограничивается только первымъ завоеваніемъ Сибири и оканчивается на временахъ царя Ѳедора Ивановича [3]).

Третья лѣтопись, называемая обыкновенно „Тобольскою" (теперь ее назвали „Кунгурскою") и извѣстная также подъ именемъ „Ремезовской", составлена была тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ. Лѣтопись Ремезова открыта была въ первый разъ Миллеромъ въ Тобольскѣ. Въ своей позднѣйшей автобіографической запискѣ онъ разсказываетъ о находкѣ лѣтописи (полученной отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича, дяди

---

[1]) См. Sammlung russischen Geschichte, т. VIII, 1763, стр. 197—199; Фишера, „Сибирская исторія", стр. 306—307. Ср. Пекарскаго, „Ист. Акад. Наукъ", I, стр. 355—356; онъ не замѣтилъ тождества этого Ефимова съ Есиповымъ.

[2]) „Сказаніе о Сибирской странѣ", въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1823, и П. Небольсина: „Покореніе Сибири". Спб. 1849, въ приложеніяхъ.

[3]) Заглавіе ея слѣдующее: „О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи подарова Богъ Сибирское государство обладати ему, государю, и побѣдити Муртазеліева сына Кучума салтана сибирскаго, и сына его царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божіими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ архіепископію". Изданіе Спасскаго въ книжкѣ: „Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII-го вѣка". Спб. 1821, XI и 99 стр., 8°.—Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1821, ч. XIII, стр. 1—6, помѣщено было „Извѣстіе о новонайденной лѣтописи сибирской", вошедшее въ предисловіе къ ея отдѣльному изданію, и въ ч. XIV, стр. 7—25, выписка изъ Карамзина (т. IX), который уже имѣлъ въ рукахъ эту лѣтопись. Въ примѣчаніи Спасскій писалъ: „Почитаю себя счастливымъ, что доставленіемъ подлинника сей лѣтописи почтеннѣйшему нашему исторіографу оказалъ ему нѣкоторую услугу. Г. С." — Куда дѣвался потомъ этотъ подлинникъ лѣтописи, неизвѣстно. Впослѣдствіи эта лѣтопись перепечатана была, съ новыми объясненіями, въ той же книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибири", въ приложеніяхъ.

извѣстнаго Мировича, казненнаго въ 1764 году), которая есть именно лѣтопись Ремезова [1]). Миллеръ придавалъ ей большое значеніе, и въ предисловіи къ его сибирской исторіи говорится, что лѣтописи Ремезова „сочинитель предъ другими больше вѣритъ, и оной для полности хвалитъ". По словамъ Спасскаго, эта лѣтопись была писана Ремезовыми, то-есть и отцомъ, Семеномъ Емельяновымъ, и сыновьями (которыхъ было три — Леонтій, Семенъ и Иванъ) между 1650 и 1700 годами. Небольсинъ утверждаетъ прямо, что она составлена во время Петра Великаго, въ 1697—1699 годахъ. „Тобольская лѣтопись довольно пространна,—говоритъ о ней Спасскій,—и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ тамошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣдѣнія для своей исторіи сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи" [2]). Карамзинъ отвергаетъ лѣтопись Ремезова, считая показанія ея невѣрными [3]); невысокаго мнѣнія о ней и Небольсинъ, который думаетъ, однако, что и въ ней есть нѣчто, требующее вниманія. Событія доведены въ этой лѣтописи до смерти сибирскаго царя или хана Кучума, 1598, и послѣднее отрывочное показаніе относится, повидимому, къ назначенію перваго архіепископа въ Тобольскъ, въ 1621 году.

Четвертая и новѣйшая сибирская лѣтопись, съ именемъ автора.

---

[1]) „Тобольскій архивъ,—писалъ Миллеръ,—не восходитъ до временъ завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которыя въ передачѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она разсказана мною въ первой части моей Сибирской исторіи". См. Исторію Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1870, стр. 322, и предисловіе къ изданію этой лѣтописи, которое сдѣлано было только недавно Археографическою коммиссіею въ полномъ литографированномъ факсимиле: „Краткая сибирская лѣтопись (Кунгурская) со 154 рисунками". Спб. 1880.—въ форматѣ подлинной рукописи. Изданіе сдѣлано на счетъ корреспондента Коммиссіи А. Зоста. Въ рукописи главное мѣсто занимаютъ рисунки, изображающіе разныя событія завоеванія Сибири, а текстъ составляетъ нѣчто въ родѣ объясненія къ картинкамъ.

Любопытно, что эта лѣтопись нашла себѣ нѣмецкаго переводчика въ стихахъ (бѣлыхъ: см. книжку: Kurze Sibirische Chronik (die Kungurische). Deutsch von Franz Bencken. Petersb., 1853. 8°, II и 44 стр.

[2]) Лѣтопись Сибирская, стр. VII.

[3]) Исторія госуд. Росс., т. IX, пр. 644.

есть Черепановская. Извѣстная Карамзину и называемая у него „новою сибирскою лѣтописью неизвѣстнаго автора", эта лѣтопись въ первый разъ упомянута была въ печати академическимъ путешественникомъ Фалькомъ. Въ своемъ путешествіи онъ разсказываетъ: „Въ Тобольскѣ познакомился я съ ученымъ ямщикомъ Козьмою Черепановымъ, умнымъ и достаточнымъ человѣкомъ. Онъ не только порядочный былъ архитекторъ, но зналъ часть математики, механики и даже исторіи. Библіотека его состояла изъ 400 книгъ. Братъ же его Илья Черепановъ сочинилъ сибирскую лѣтопись и, занимаясь ею, не покидалъ своего ямского ремесла" [1]). Объ этой лѣтописи говорилъ потомъ Спасскій [2]), который находилъ, что она „достойна вниманія, сколько по содержанію своему, столько же и по сочинителю, который представляетъ рѣдкое явленіе на поприщѣ нашей словесности и въ особенности за 50 лѣтъ предъ симъ: ибо онъ, по званію и ремеслу своему, принадлежитъ къ сословію ямщиковъ города Тобольска". Спасскій указалъ въ главныхъ чертахъ и составъ этой лѣтописи, гдѣ разсказъ о первомъ занятіи Сибири до 1620 года заимствованъ, большею частію, изъ печатной сибирской исторіи академика Миллера (въ русскомъ переводѣ), а также изъ лѣтописей Ремезова и Есипова; но Черепановъ видимо не зналъ продолженія Миллеровой исторіи, которое печаталось въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" 1764 года. Другія извѣстія Черепанова о сибирскихъ происшествіяхъ, о городахъ, управленіи, промышленности, о народахъ, населяющихъ Сибирь, взяты частію изъ тѣхъ же лѣтописей, изъ сочиненія Новицкаго и другихъ источниковъ, или собраны самимъ Черепановымъ. Въ своемъ журналѣ Спасскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи. Подробный обзоръ лѣтописи Черепанова сдѣланъ былъ г. Майковымъ, который, кромѣ источниковъ, указанныхъ Спасскимъ, отмѣчаетъ также ссылки Черепанова на „нѣкоторую сибирскую исторію" (по поводу родословія Ермака), далѣе на Степенную книгу, Хронографъ, Прологъ, „Лѣтопись о мятежахъ".

---

[1]) Полн. собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изданіе Акад. Наукъ. Т. VII, Записки путешествія Фалька, стр. 402—403. Одинъ изъ новѣйшихъ сибирскихъ историковъ, Абрамовъ, имѣвшій въ рукахъ списокъ этой лѣтописи, усомнился въ разсказѣ Фалька и замѣтилъ на заглавномъ листѣ рукописи: „Лучше вѣрить, что она, какъ и прочія сибирскія лѣтописи, составлена при здѣшнемъ (т.-е. тобольскомъ) архіерейскомъ домѣ. Есть на это доказательство; а профессору Фальку трудно повѣрить, что онъ ямщика тобольскаго выставилъ на поприщѣ исторіи и когда же? За 80 лѣтъ назадъ тому и въ Тобольскѣ".—Намъ кажется, напротивъ, что лучше вѣрить Фальку, показанія котораго вообще весьма точны и просты; онъ не могъ выдумать, что видѣлъ Черепанова, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это былъ начетчикъ, какіе бывали въ то время не особенно рѣдки.

[2]) Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", 1821, часть XIV.

По замѣчанію г. Майкова, можно догадываться и о другихъ источникахъ Черепанова; такъ, напримѣръ, въ лѣтопись занесены извѣстія, взятыя, повидимому, изъ отдѣльныхъ сказаній, напримѣръ о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судового хода по Ледовитому морю, о занятіи Амура, жизнеописанія митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филоѳея Лещинскаго, и пр. Собственныя извѣстія Черепанова сосредоточиваются очевидно около Тобольска, причемъ однѣ имѣютъ чисто мѣстный интересъ, какъ, напримѣръ, записи о дождяхъ, пожарахъ, постройкахъ, другія относятся къ Тобольску какъ къ главному административному центру Сибири, напримѣръ извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ, о звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, свѣдѣнія о новыхъ земляхъ, о постройкѣ новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ земляхъ; сообщается также много извѣстій, касающихся церковнаго быта. Все это было взято, вѣроятно, изъ современныхъ записей, а за послѣдніе годы занесено самимъ Черепановымъ [1].

Мнѣніе г. Майкова, приведенное нами въ примѣчаніи, можетъ свидѣтельствовать о современномъ состояніи разработки старой сибирской лѣтописи. Эта разработка едва начата: тексты изданы пока весьма отрывочно; не приведены въ извѣстность наличные памятники, не сравнены сполна ихъ редакціи, не выяснена хронологія. Между тѣмъ существуетъ въ библіотекахъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ рукописей, которыя требовали бы подобнаго пересмотра и, наконецъ, изданія. Эти рукописи были не однажды перечисляемы [2].

---

[1]) См. докладъ Л. Н. Майкова въ „Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи". Вып. VII. Спб. 1884, отд. IV, стр. 44—68, гдѣ помѣщено также нѣсколько выписокъ изъ самой лѣтописи. Г. Майковъ, однако, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ и главное въ своевременности изданія этого памятника. „Лѣтопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а въ настоящее время еще недостаточно выяснились взаимныя отношенія и болѣе старыхъ, болѣе первоначальныхъ источниковъ сибирской исторіи. Далѣе, во второй своей половинѣ лѣтопись Черепанова содержитъ въ себѣ много заимствованій изъ другихъ источниковъ, и потому, какъ памятникъ позднѣйшаго образованія, требуетъ особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особливо по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ".

[2]) См., напр., Небольсина, „Покореніе Сибири". гл. I: „Сибирскіе лѣтописцы и историки", стр. 4—11; „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ", составл. М. Пуцилло, М. 1879, гдѣ упомянуто и нѣсколько лѣтописей (стр. 2, 82, 97, 98, 104); ст. „Сибирскія лѣтописи" въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1883, № 38, 40, 44 и 51; „Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ" А. Оксенова, въ „Литературномъ Сборникѣ" Н. М. Ядринцева. Спб. 1885, стр. 446—455. Нѣсколько библіографическихъ указаній см. еще у Межова, „Сиб. Библіографія", I, стр. 3—5.

Отсутствіе критической разработки и сравнительнаго изданія текстовъ вело, между прочимъ, къ противорѣчивой оцѣнкѣ самыхъ историческихъ данныхъ. До сихъ поръ не освобождено отъ противорѣчій, не только по хронологіи, но и по существу, опредѣленіе перваго факта сибирской исторіи—походовъ Ермака. Выше мы указали, что уже въ разсказѣ Исаака Массы дѣло излагается такъ, что ни о какомъ завоеваніи Сибири Ермакомъ нѣтъ рѣчи; даже имя его не названо; мы замѣчали, что это умолчаніе могло быть въ связи съ ходившими тогда двумя версіями этой исторіи. Дѣйствительно, въ двухъ старѣйшихъ сибирскихъ лѣтописяхъ—Саввы Есипова и Строгоновской—исторія завоеванія передается весьма несходнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Строгоновская лѣтопись (названная такъ не потому, чтобы гдѣ-нибудь ея составленіе прямо было связано со Строгоновыми, а потому, что весь смыслъ ея клонится къ возвеличенію роли Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири) не носитъ на себѣ ни имени автора, ни времени составленія, но считалась нѣкоторыми историками, въ томъ числѣ Карамзинымъ, за древнѣйшую сибирскую лѣтопись, и, согласно съ нею, завоеваніе Сибири изображается въ такомъ смыслѣ, что Ермакъ былъ только исполнителемъ плана Строгоновыхъ, которые потомъ „уступили Сибирь государству“ или „подарили русскаго царя Сибирью“. Лѣтопись Есипова, напротивъ, излагаетъ дѣло иначе, считая дѣйствія Ермака вполнѣ самостоятельными, а роль Строгоновыхъ — совершенно второстепенной, такъ какъ нѣкоторая помощь, оказанная ими Ермаку, является только вынужденной. Это противорѣчіе въ различной степени отразилось у историковъ, говорившихъ о завоеваніи Сибири: Строгоновская лѣтопись принята была за авторитетъ въ особенности Карамзинымъ и Устряловымъ (въ книгѣ: „Именитые люди Строгоновы“), но къ совершенно инымъ заключеніямъ приходилъ Небольсинъ. По его мнѣнію, Строгоновская лѣтопись, во-первыхъ, не имѣетъ приписываемаго ей авторитета древности; что она составлена была много позднѣе событій, какъ видно изъ того, что въ ея заглавіи упоминается уже основаніе сибирской архіепископіи (1621); авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ царскія грамоты Строгоновымъ, по мнѣнію Небольсина, видимо желалъ польстить ихъ роду, приписывая имъ первостепенное участіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, по взгляду Небольсина, завоеваніе Сибири давно было обдуманнымъ планомъ московскихъ царей и особливо Ивана Грознаго, а Строгоновы въ эпоху завоеванія не были еще такъ вліятельны, и въ ихъ распоряженіи не было столько людей, чтобы предпринять подобную экспедицію или вооружить войско Ермака. Болѣе древнею Небольсинъ считаетъ лѣтопись Саввы Есипова; но какъ этотъ послѣдній

памятникъ, такъ и Строгоновская лѣтопись, въ ихъ изданной формѣ, по мнѣнію Небольсина, не представляютъ ихъ первоначальнаго текста; напротивъ, въ старыхъ рукописяхъ и хронографахъ Небольсинъ нашелъ произведенія, которыя казались ему именно первообразами обѣихъ лѣтописей. Въ приложеніи къ своей книгѣ: „Покореніе Сибири", онъ напечаталъ въ четырехъ столбцахъ лѣтопись Есипова и Строгоновскую рядомъ съ ихъ первообразами. Это изданіе, очень полезное для будущей критики сибирскихъ лѣтописныхъ текстовъ, еще не рѣшаетъ вопроса, но было хорошимъ началомъ, которое, къ сожалѣнію, еще не имѣло продолженія.

Миллеръ, а потомъ Спасскій, упоминаютъ еще, повидимому, особый разрядъ краткихъ записей, которыя оба они называютъ „простыми лѣтописями" [1]; но до сихъ поръ объ этихъ произведеніяхъ не было сообщено болѣе точныхъ свѣдѣній. Миллеръ подразумѣвалъ, вѣроятно, краткія записи, веденныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ бы только для личной и мѣстной памяти. Такова, напр., лѣтопись, веденная въ Тобольскѣ, съ 1590 по 1715 годъ [2]), или лѣтописи Енисейская и Иркутская, о которыхъ упоминаетъ Словцовъ [3]), и проч.

Къ источникамъ сибирской исторіи принадлежатъ также старыя описанія географическія. Началомъ ихъ были главнымъ образомъ отписки служилыхъ людей о своихъ поѣздкахъ и походахъ и доклады въ Москву отъ мѣстныхъ властей о состояніи сибирскихъ земель, остроговъ, городовъ, населенія русскаго и инородческаго, „ясачнаго". Выше мы упоминали, что царскіе посланцы еще съ XVI-го вѣка отправляемы были въ среднюю Азію и Китай для собранія свѣдѣній о восточныхъ земляхъ, съ которыми имѣлись въ виду или политическія, или торговыя дѣла. Посланцы подавали о своихъ путешествіяхъ „сказки", то-есть отчеты, состоящіе, большею частію, изъ

[1]) Вотъ, напримѣръ, слова Спасскаго: „Сверхъ того, у нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можетъ быть и нынѣ есть, такъ-называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные". См. „Лѣтопись Сибирская". Спб. 1821, стр. VII.

[2]) „Сибирскій лѣтописецъ", сообщенный извѣстнымъ историкомъ В. Н. Берхомъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", 1826, ч. XIX, стр. 109—139 и 221—251. Это—лѣтописецъ собственно служилый, записывающій назначенія воеводъ, дьяковъ и всякія оффиціальныя извѣстія.

[3]) „Ист. Обозрѣніе Сибири", изд. 1886 г., I, стр. XI; II, стр. 302—303. Иркутская лѣтопись Пежемскаго, съ основанія города, 1652 г., издана была въ „Иркутскихъ губ. Вѣдомостяхъ" 1858; см. еще „Къ иркутскому лѣтописцу поясненіе", въ „Чтеніяхъ" моск. Общ. ист. и древн. 1859, кн. III, стр. 65—80.

голыхъ маршрутовъ, изрѣдка пополняемыхъ краткими свѣдѣніями о видѣнныхъ странахъ, народахъ, ихъ обычаяхъ и о переговорахъ съ ихъ властями. Эти „сказки" становились руководствомъ для послѣдующихъ путешественниковъ; нерѣдко онѣ выходили за предѣлы приказовъ, списывались, заносились любознательными людьми въ сборники, хронографы, наконецъ послужили матеріаломъ для цѣльныхъ оффиціальныхъ описаній. Такъ въ извѣстной „Книгѣ Большому чертежу", нынѣ извѣстная редакція которой относится къ 1627 году, находятся уже довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣдѣнія относительно западной Сибири, какъ она была въ то время извѣстна и насколько занята была русскими [1]). Русскіе чертежи или устные разсказы о восточно-азіатскихъ земляхъ уже издавна интересовали иностранцевъ и въ первый разъ попадали въ печать въ ихъ сочиненіяхъ. Таковы были уже карты XVI вѣка, напримѣръ у Вида, Герберштейна, Дженкинсона, въ началѣ XVII в. у Исаака Массы; въ 1614 году напечатана была въ Амстердамѣ Гесселемъ Герардомъ карта царевича Ѳедора Борисовича [2]).

Одинъ изъ нашихъ историковъ, указавъ нѣкоторыя изъ этихъ западныхъ картъ, замѣчалъ, что „всѣ эти данныя являются крайне скудными, если мы обратимъ вниманіе на многочисленныя свидѣтельства относительно составленія чертежей сибирскихъ земель, сохранившіяся въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ" [3]). Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Западные путешественники съ большими стараніями искали географическихъ извѣстій о самой Россіи и о Сибири, и иногда добывали ихъ даже съ нѣкоторой опасностью для себя и особливо для тѣхъ, кто сообщалъ имъ подобныя свѣдѣнія (какъ, напримѣръ, разсказываетъ о томъ Исаакъ Масса); но если со стороны иностранныхъ географовъ не было недостатка въ любознательности, то русскіе источники были чрезвычайно мало доступны или же были недостаточно пригодны для картографическаго употребленія. „Многочисленныя свидѣтельства", упоминаемыя г. Замысловскимъ, далеко не всѣ относятся именно къ „чертежу сибирскихъ *земель*", а только къ *планамъ* сибирскихъ *остроговъ*. Таково порученіе отъ царя Бориса въ 1600 году къ тюменскому головѣ о построеніи острога въ Епанчинѣ Юртѣ. Въ грамотѣ именно говорится: „а каковъ великъ острогъ сдѣланъ будетъ, и каковы около острогу крѣпости (т.-е. укрѣпленія) и надолобы подѣлаешь... и ты-бъ о всемъ о томъ подлинно отписалъ, *и острогъ, и крѣпости, начер-*

[1]) „Книга Большому чертежу" издана была Г. И. Спасскимъ; 2-е изд. Спб. 1838.
[2]) Часть ея, изображающая Сибирь, помѣщена въ книгѣ Д. Н. Анучина, стр. 38.
[3]) Замысловскій, Чертежи сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка („Журн. мин. просв." 1891, іюнь, стр. 340). Впрочемъ, иностранныя карты указаны здѣсь не сполна.

тивъ на чертежъ и всякія угодья росписавъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ". Такимъ же образомъ въ 1611 году тобольскій воевода, дѣлая распоряженія о постройкѣ новаго города, велитъ „новому *городу*, и городовымъ всякимъ *крѣпостямъ*, и пашеннымъ землямъ и всякимъ угодьямъ роспись и чертежъ прислати въ Тоболескъ". Очевидно, что на этотъ разъ рѣчь идетъ только о планахъ этихъ остроговъ, а не о картахъ земель.

Другіе „чертежи" были дѣйствительно карты. Такова была карта царевича Ѳедора Борисовича, изданная Герардомъ. Такую карту, „чертежъ и роспись про китайскую область" привезъ въ Москву въ 1620 году казакъ Иванъ Петлинъ, посланный въ Китай. Въ 1626—1627 годахъ, по указу царя Михаила Ѳедоровича, сдѣланъ новый чертежъ всему московскому государству. Въ чертежѣ находится и рѣка Обь съ ея притоками. Въ 1640—1641 составлены росписи и чертежи притокамъ Енисея и верховьямъ Левы [1]). Въ 1644 году новый приказъ о чертежѣ Лены и ея притоковъ, и т. д.

Подобная „Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ" издана была (изъ Погодинской рукописи) въ книгѣ г. Титова [2]). По мнѣнію издателя, она составлена не позже 1640 года,—она дѣйствительно ограничивается только городами и, острогами западной Сибири, но рукопись не имѣетъ конца и, начинаясь по обыкновенію съ самаго западнаго пункта Сибири, Верхотурья (какъ, напр., и въ описаніи сибирскихъ путей у Массы), должна кончаться крайними восточными городами, которые остаются недосчитанными. Чисто практическое назначеніе „Росписи" видно изъ ея первыхъ строкъ: „Которой городъ или острогъ надъ которою рѣкою стоитъ, и *сколко* отъ которова города до города или до острогу зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми *ѣзду* и нартами на собакахъ, и водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ стругахъ, ходу, по сказкѣ тоболскихъ и иныхъ сибирскихъ городовъ служилыхъ людей, и какіе люди до коихъ мѣстъ *ямскую гонбу* и на *сколко дорогъ* гоняютъ,—и то писано въ сей росписи порознь, по статьямъ".

Въ томъ же изданіи помѣщенъ „Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича" — изъ рукописи Румянцовскаго Музея [3]). Собственно говоря, это не чертежъ, а текстъ къ нему, его описаніе.

---

[1]) Упомянутая затѣмъ г. Замысловскимъ работа пятидесятника Мартына Васильева въ 1614 году представляетъ опять не карту, а только планъ верхоленскаго острожка.

[2]) А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. Москва, 1890, стр. 9—22.

[3]) Стр. 25—38.

Составъ чертежа или описанія изложенъ слѣдующими словами. По указу царя Алексѣя Михайловича въ 176 году (1668), „збиранъ сей чертежъ въ Тоболску за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей, которые въ сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ хто гдѣ бывалъ и городки и остроги и урочища и земли знаютъ подлинно, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги и земли и урочища и до земель въ сколку дней и сколку ѣзду и верстъ, и гдѣ межъ слободъ Тоболскаго уѣзду построить отъ приходу воинскихъ людей, по высмотру столника и воеводы Петра Ивановича Годунова съ товарищи, какіе крѣпости и по сколку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ, къ которой крѣпости сколко ходу дней и недѣль и степью и водами жъ до Китай, и то писано въ чертежѣ порознь по статьямъ въ кругахъ, также за свидѣтельству иноземцевъ и пріѣзжихъ бухарцовъ и служилыхъ татаръ".

„Чертежъ" начинается отъ Тобольска и, идя на востокъ, доходитъ до Амура, до Китая, до земли Тангутской и Индѣйской и между прочимъ сообщаетъ изрѣдка бытовыя свѣдѣнія. Самая карта, принадлежащая къ этому описанію Сибири стольника Годунова, не сохранилась въ подлинникѣ, но сохранилась ея копія, сдѣланная въ 1669 году К. И. Прютцомъ (C. I. Prütz), сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана, и находящаяся въ его рукописи: „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes" (146 стр., 4°, въ стокгольмской королевской библіотекѣ). О своей копіи онъ сообщаетъ: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, насколько возможно было, тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня лишь на нѣсколько часовъ ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій". „Сочиненіе Прютца, —говоритъ г. Титовъ,—до сихъ поръ не издано, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи... Мы получили возможность издать эту карту, благодаря благосклонному разрѣшенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которому точный снимокъ съ нея былъ доставленъ шведскимъ ученымъ Г. Стриндбергомъ черезъ посредство академика Я. К. Грота" [1]).—Но эта карта была уже раньше издана извѣстнымъ Норденшельдомъ [2]).

---

[1]) Титовъ, стр. IX—X.

[2]) „Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien", af A. E. Nordenskiöld (Первая на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ основанная карта

Въ „Росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ“, какъ и въ описаніи чертежа стольника Годунова, разстояніе мѣстностей, исключая болѣе близкихъ и болѣе извѣстныхъ, означены днями или цѣлыми недѣлями и мѣсяцами ѣзды сухимъ путемъ или водой. Болѣе исправный списокъ описанія чертежа Годунова нашелся въ московскомъ Архивѣ министерства юстиціи и представляетъ варіанты въ собственныхъ именахъ и цифровыхъ показаніяхъ [1]). Относительно копіи Прютца г. Замысловскій полагалъ, что она едва ли была точной копіей русской карты: „большая часть названій рѣкъ и городовъ, отмѣченныхъ особыми знаками, не поименованы, опущены многія названія, находящіяся въ русскомъ подлинникѣ (т.-е. въ описаніи), но тѣмъ не менѣе эта карта оставляетъ далеко за собою карты, предшествующія ей, и она является первымъ опытомъ воспроизвести картографически всю Сибирь“. Что копія не могла быть особенно точной, можно предполагать уже изъ того, что „небрежно сохранившійся подлинникъ“ данъ былъ Прютцу всего на нѣсколько часовъ.

Болѣе поздній сибирскій лѣтописецъ и географъ Ремезовъ сообщаетъ, что въ 1667—1668 годахъ царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ составить карту Сибири—„всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищъ, межи, рѣки и урочища, и всему учинить чертежъ“. По словамъ его, это было „первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ жителей“, т.-е., вѣроятно, первое съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Сибири русскіе жители, и это описаніе было „предано печати“, „и посему отчасти Сибирь означися“. Это описаніе (т.-е. Годуновское) произвело, говоритъ Ремезовъ, большое впечатлѣніе въ Сибири: изъ чертежа сибирскіе жители въ первый разъ увидѣли очертаніе своей земли. „И о семъ тогда всѣмъ сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житіи ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша. И о семъ древле невѣріемъ слуха одержимы бѣша: еже имъ мало проходно быша, еже нынѣшнее урочище пять поприщъ имуще, они же тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту имъ недѣля ѣзду. И тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, зане въ вопросахъ неискусни бѣша. И съ таково времени со 176 и по нынѣшной 209 годъ“.

Ремезовъ былъ не высокаго мнѣнія о географическихъ представленіяхъ своихъ соотечественниковъ и его трудно въ этомъ оспари-

Сѣверной Азіи; въ журналѣ „Ymer“, 1887). Любопытная статья Норденшельда заключаетъ краткій обзоръ старой картографіи сѣверной Сибири, и карта Прютца помѣщена здѣсь въ двухъ варіантахъ. Имя его пишется по-шведски Prytz.

[1]) См. статью г. Оглоблина: „Источники чертежной книги Сибири, Семена Ремезова“ (въ „Библіографѣ“, 1891, № 1).

вать. Старинные чертежи дѣлались на глазомѣръ, безъ всякихъ понятій о математической географіи и безъ умѣнья хотя бы приблизительно опредѣлять широту и долготу отмѣчаемыхъ на картѣ пунктовъ; не было также и знанія того, что̀ уже было тогда извѣстно въ европейской географической наукѣ о югѣ и китайскомъ востокѣ Азіи. Карта Годунова нарисована такъ, что сѣверъ приходится внизу, югъ на верху, западъ на право и востокъ на лѣво: она изображаетъ Азію въ видѣ четырехъугольника, который на западѣ примыкаетъ къ европейской Россіи, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружается повидимому моремъ: восточный край Азіи идетъ по прямой линіи (лишь съ неровностями морского берега) — Китай помѣстился въ углу, а мѣста для Индіи совсѣмъ не оказалось; южная полоса Азіи идетъ прямо отъ Астрахани до крайняго угла Китая.

Далѣе въ книгѣ г. Титова изданъ „Списокъ съ чертежа сибирскія земли“ [1]), помѣченный 7181 годомъ (1672), и который раньше былъ уже изданъ Г. И. Спасскимъ [2]). Чертежъ, которому эта статья служила описаніемъ, также не сохранился. Изложеніе идетъ отъ Тобольска все далѣе на востокъ и простирается на восточную Сибирь, даетъ между прочимъ и описаніе Амура.

Далѣе, въ томъ же изданіи напечатано въ первый разъ изъ рукописи Румянцовскаго Музея „Описаніе новыя земли, сирѣчь сибирского царства“ [3]). Въ этой статьѣ, составленной, по опредѣленію Востокова, послѣ 1683 года, описаніе сибирскихъ земель соединяется съ историческими свѣдѣніями, которыя „несогласны съ достовѣрнѣйшими лѣтописями Строгоновскою и Саввы Есипова; разсказываемыя здѣсь обстоятельства частью сходны съ сказаніемъ Ремезовской лѣтописи, частью же и собственнаго изобрѣтенія“ неизвѣстнаго автора. Географическія данныя здѣсь вообще полнѣе, чѣмъ въ другихъ описаніяхъ, представляющихъ почти только дорожники; здѣсь сообщаются описанія мѣстностей, произведеній природы, обычаевъ, излагаются даже религіозные обряды китайцевъ и сообщается о прибытіи въ Китай іезуитовъ. Статья, замѣчательная и по богатству языка, представляетъ вообще лучшее и наиболѣе подробное изъ старыхъ русскихъ описаній Сибири [4]).

Тамъ же повторена статья, напечатанная прежде Г. И. Спасскимъ

---

[1]) Стр. 41—54.

[2]) Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1849, кн. III.

[3]) Стр. 57—101.

[4]) „Описаніе... Румянцевскаго Музеума“, Востокова. Спб. 1842, № CCXCIV. Нѣсколько извлеченій изъ этой статьи находится въ приложеніяхъ къ упомянутому раньше „Путешествію Спаѳарія“, въ изданіи Ю. Арсеньева. Спб. 1882.

изъ рукописи XVII-го вѣка: „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разгранила русское селеніе съ китайцы“ [1]).

Упомянутый сынъ боярскій Семенъ Ремезовъ, авторъ Тобольской (или Кунгурской) лѣтописи, составилъ въ 1701 году новую „Чертежную книгу Сибири“, на 23 листахъ, гдѣ на первомъ листѣ находится планъ Тобольска, затѣмъ 18 картъ земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ, отъ Верхотурья и Тобольска до Якутска и Нерчинска; потомъ „Чертежъ земли безводной и малопроходной каменной степи“, то-есть степей, прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ; далѣе, сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ: „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“; наконецъ, карта Великопермскаго и Печорскаго поморья и карта распредѣленія инородческихъ племенъ [2]). Наконецъ, мы упоминали выше о путешествіи Спаѳарія, о книгѣ Новицкаго. Довольно большое количество отписокъ и сказокъ разныхъ посланцевъ къ ханамъ средней Азіи и Монголіи разсѣяно по разнымъ историческимъ изданіямъ и до сихъ поръ еще не собрано въ одно цѣлое [3]).

Статьи о Сибири, правда, краткія, встрѣчаются и въ хронографахъ, которые были въ свое время почти единственными учеными и популярными книгами по исторіи и географіи. Въ „Изборникѣ“, составленномъ Андреемъ Поповымъ изъ хронографовъ, находятся нѣсколько статей, относящихся къ Сибири. Напримѣръ, статья „О сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства“, которая совпадаетъ съ нѣкоторыми отдѣлами лѣтописей Строгоновской и Саввы Есипова [4]); тамъ же статья: „О побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи сибирскаго царства и о рожденіи царевича Димитрія и о поставленіи града Тоболска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и зміяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ сибирскомъ царствѣ“, гдѣ послѣ краткаго разсказа о завоеваніи Ермакомъ сибирскаго царства сообщаются свѣдѣнія о сибирскихъ народахъ, звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ. Наконецъ, статья: „О градѣхъ и рѣкахъ того сибирскаго царства“. Въ старыхъ космографіяхъ, изданныхъ тамъ же А. Попо-

---

[1]) Стр. 105—113. Изданіе Спасскаго въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества 1858, книга II.

[2]) Атласъ Ремезова изданъ Археографической коммиссіей, 1882.

[3]) Много подобныхъ отписокъ было напечатано Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, г. Потанинымъ, Ю. Арсеньевымъ, г. Кобеко и др. Ср. „Географическія свѣдѣнія Книги большого чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ“, А. И. Макшеева, въ „Запискахъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи“, т. VI; Н. Оглоблина, „Сибирскіе дипломаты XVII вѣка“ (въ Истор. Вѣстникѣ, 1891).

[4]) Ср. „Изборникъ“, Москва, 1869, стр. 398 и слѣд.; ср. „Лѣтопись Сибирскую“, Спасскаго, стр. 28 и слѣд.; „Покореніе Сибири“, Небольсина, приложеніе, стр. 10 и д.

вымъ, находятся двѣ статьи о Сибири, изъ которыхъ одна, въ нѣсколькихъ строкахъ, называетъ Сибирь царствомъ „звѣрообразныхъ людей", другая курьезна по сказочнымъ подробностямъ о сѣверныхъ сибирскихъ народахъ [1]).

Однимъ изъ основныхъ источниковъ для сибирской исторіи остаются акты—современныя оффиціальныя бумаги, правительственныя распоряженія, отчеты и т. п., масса которыхъ уже была собрана въ XVIII столѣтіи или остается еще до сихъ поръ несобранной въ сибирскихъ архивахъ и въ центральныхъ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ [2]).

Во главѣ научной разработки сибирской исторіи стоитъ имя знаменитаго Герарда-Фридриха Миллера (1705 — 1783), о которомъ мы уже много разъ говорили. Его называютъ отцомъ сибирской исторіи, и совершенно справедливо: никто съ тѣхъ поръ и донынѣ — кромѣ развѣ Спасскаго—не положилъ такого труда на собраніе матеріаловъ по исторіи этого края, гдѣ Миллеръ странствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1733 — 1743), большею частію вмѣстѣ съ Гмелиномъ, и гдѣ онъ занимался разборомъ сибирскихъ архивовъ и собираніемъ всякихъ свѣдѣній о сибирской старинѣ, современномъ бытѣ, инородцахъ и т. д. Самъ Миллеръ въ своихъ сочиненіяхъ изложилъ только немногое изъ собраннаго имъ матеріала; о цѣнности и обиліи этого матеріала можно судить по тому, что въ прошломъ столѣтіи большая масса его вошла въ „Древнюю Вивліоѳику" Новикова, а долго спустя этотъ матеріалъ послужилъ для изданій Археографической коммиссіи, и въ послѣдній разъ изъ него почерпнуто было содержапіе спеціальныхъ сборниковъ, изданныхъ Археографической коммиссіей въ 1880-хъ годахъ, черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ Миллеръ дѣлалъ свое путешествіе [3]).

Ограничимся здѣсь указаніемъ того, чтó въ его ученыхъ трудахъ посвящено Сибири. Наканунѣ своего отъѣзда, въ 1732, Миллеръ началъ изданіе, посвященное вообще различнымъ предметамъ русской исторіи и гдѣ потомъ появились его многія работы о Сибири [4]). Путешествіе надолго прервало это изданіе, которое было возобновлено Миллеромъ уже въ 1758 году. По возвращеніи, Миллеръ, кромѣ раз-

---

[1]) „Изборникъ", стр. 466, 528—529. Въ послѣдней изъ этихъ статей есть отголоски новгородскаго сказанія, изложеннаго выше (отдѣлъ второй, глава I).

[2]) Подробное изчисленіе ихъ см. въ „Сибирской Библіографіи" г. Межова.

[3]) О трудахъ Миллера въ Сибири см. въ Ист. Академіи Наукъ, I, стр. 321 — 335, 366 и др.

[4]) G. Fr. Müller, Sammlung russischer Geschichte. St.-Pet. 1732 — 64, 9 томовъ. Десятый дополнительный томъ былъ изданъ Эверсомъ и Энгельгардтомъ. Dorpat, 1816.

ныхъ другихъ работъ, занялся составленіемъ сибирской исторіи. Книга печаталась уже съ 1748 года и вышла въ свѣтъ въ 1750 году, на русскомъ языкѣ [1]). Книга Миллера была первымъ правильнымъ ученымъ трудомъ по сибирской исторіи: онъ приступилъ къ нему, хорошо приготовившись, и въ то время не было другого человѣка, который бы такъ хорошо владѣлъ всѣми относящимися къ предмету источниками. Въ предисловіи, которое составлено было не Миллеромъ, а академической канцеляріей, объясняется, какіе матеріалы имѣлъ авторъ для своего руководства: по указу правительствующаго сената, автору „позволено было сибирскіе архивы по волѣ разсматривать" и выписывать изъ нихъ „принадлежащія къ его намѣренію извѣстія"; кромѣ того, нѣкоторыя „приватныя персоны", а особливо бароны Строгоновы, благосклонно сообщали ему какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія, и наконецъ, „къ не малому его вспоможенію", попались ему письменныя сибирскія лѣтописи. Поэтому предисловіе успокоиваетъ читателя относительно достовѣрности этой исторіи: „Сего ради благосклонный читатель ни мало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ наипаче, что сочинителю, который кромѣ того *не имѣетъ причины инако писать,* какъ только что нашлось въ вышепоказанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во-первыхъ должно было всячески о истиннѣ стараться; однако-жъ если впредь о чемъ нибудь больше удостовѣренность будетъ, то по приложенному старанію о усмотрѣнныхъ погрѣшностяхъ въ слѣдующемъ томѣ объявлено, а при новомъ изданіи то самое въ текстѣ поправлено быть имѣетъ".

Эта опасливость объясняется вообще тогдашними взглядами на печать и въ частности положеніемъ Миллера въ Академіи. Ученый трудъ былъ дѣломъ оффиціальнымъ, и мы раньше имѣли случай замѣчать, что научныя открытія академиковъ считались казенною соб-

---

[1]) Мы пользовались вторымъ изданіемъ: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридерикомъ Миллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ университета Академіи Наукъ и социетета Аглинскаго членомъ. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ". Спб. 1787, 4°. Эта единственная вышедшая отдѣльно книга сочиненія Миллера заключаетъ слѣдующія главы: I) Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія; II) О изобрѣтеніи (т.-е. открытіи) Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу донскими казаками; III) О принятіи сибирской земли подъ Россійскую державу; IV) О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозвы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири; V) О строеніи городовъ и остроговъ Нарыма, Кецкаго, Верьхотурья, Туринска, Мангазѣи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями". О нѣмецкомъ изданіи скажемъ дальше.

ственностью и вмѣстѣ канцелярской тайной, съ которой надо было обходиться съ величайшею осторожностью, особливо если дѣло касалось русской исторіи, даже самой отдаленной. Передъ изданіемъ Сибирской исторіи (какъ впрочемъ и послѣ) Миллеру пришлось вынести не мало непріятностей по поводу своихъ ученыхъ трудовъ; онъ былъ не въ ладахъ съ партіей, которая правила тогда академическими дѣлами; въ 1749 году поднятъ былъ шумъ по поводу его диссертаціи (на латинскомъ языкѣ!) о происхожденіи русскаго народа, которая была сочтена оскорбительной для достоинства Россійской имперіи; передъ тѣмъ Крекшинъ, извѣстный (плохой) историкъ Петра Великаго, раздраженный неодобрительнымъ отзывомъ Миллера объ его генеалогическихъ трудахъ, подалъ въ сенатъ доносъ о томъ, что Миллеръ (котораго указаніями самъ Крекшинъ пользовался) дѣлаетъ въ одной изъ своихъ рукописей выписки унизительныя для русскихъ (древнихъ) великихъ князей. Самое составленіе Сибирской исторіи не обошлось для Миллера безъ большихъ непріятностей. Шумахеръ и Тепловъ, правившіе Академіей и относившіеся къ Миллеру враждебно, дѣлали ему всякія кляузы, касавшіяся и его ученой работы. Миллеръ осмѣлился, минуя Шумахера, послать прямо въ Москву къ жившему тамъ президенту Академіи Разумовскому предисловіе къ своей книгѣ; Шумахеръ сталъ увѣрять Теплова, имѣвшаго вліяніе у Разумовскаго, что предисловіе „больше клонится па распространеніе суетной славы“ Миллера, а относительно желанія Миллера напечатать при исторіи двѣ старыя сибирскія лѣтописи -- объяснялъ, что Миллеръ „никакого другого намѣренія не имѣетъ, какъ свою исторію увеличить и время провождать“, и что „безопаснѣе“ было бы напечатать лѣтописи и грамоты отдѣльно, „показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для аппробаціи, ибо оныя дѣла такія, о которыхъ разсуждать должны *министры* или *правительствующій сенатъ*“. Дѣло шло о лѣтописяхъ XVI — XVII-го столѣтія!

Получилась, наконецъ, резолюція Разумовскаго, очевидно, продиктованная врагами Миллера и довольно безсмысленная, о которой академическая канцелярія увѣдомила автора Исторіи. Президентомъ Академіи было усмотрѣно, что хотя, по разсужденію автора, и нужны доказательства для его Исторіи, однако въ лѣтописяхъ „находится не малое число *лжебасней*, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакамъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона“ (т.-е. до церковныхъ предметовъ). „А хотя же бы что и до закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ“. Или-

демическая канцелярія (безъ сомнѣнія, по полномочію отъ президента) разсуждала, что такой книги печатать нельзя „подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла“; поэтому рѣшили сибирскую лѣтопись „печатаніемъ оставить до того времени, когда оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства“, и самое предисловіе, приготовленное Миллеромъ, было „перемѣнено“.

Это первоначальное предисловіе сохранилось въ архивѣ Академіи и заключало въ себѣ, между прочимъ, любопытныя соображенія о старыхъ памятникахъ сибирскаго лѣтописанія [1]).

Въ печатномъ предисловіи говорилось дальше, что Академіею принято намѣреніе напечатать вмѣстѣ „выписанныя изъ сибирскихъ архивовъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія, какихъ въ академической архивѣ *тридцать восемь книгъ* хранится“, вмѣстѣ съ тобольскимъ лѣтописцемъ и „съ прочими общими сибирскими лѣтописцами“, но предварительно „очистивъ оные отъ басней, которыя не принадлежатъ къ самому дѣлу“. Это очищеніе, придуманное, какъ мы видѣли, не Миллеромъ, а академической канцеляріей, конечно, сдѣлало бы изданіе негоднымъ,—да оно и не состоялось.

Этимъ не кончались придирки. Однажды непріятели Миллера въ академической канцеляріи, желая досадить ему, отняли у него чтеніе корректуры, подъ предлогомъ, что онъ ее задерживаетъ. Онъ долженъ былъ объяснять, что корректурныя поправки ему необходимы вслѣдствіе плохого перевода его книги, и что въ „другихъ странахъ“ такое распоряженіе сочтено было бы весьма несправедливымъ, „потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычая всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать—вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія“.

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ отзывались иногда нѣсколько свысока о Сибирской исторіи Миллера; это очень несправедливо. Каковы бы ни бывали ошибки Миллера въ другихъ вопросахъ русской исторіи, онъ оставался отличнымъ знатокомъ ея, и въ данномъ случаѣ трудъ его былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ при-

---

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 352—356. Упоминаемый здѣсь Савва Ефимовъ, какъ мы указывали, есть Савва Есиповъ.

ступалъ къ предмету совсѣмъ нетронутому, для котораго самъ онъ собралъ первые источники, къ которому впервые приложилъ историческую критику, чтобы разобраться въ массѣ сложныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ показаній. Для своего времени Миллеръ съ большимъ успѣхомъ одолѣлъ эти трудности, и его книга была бы вѣроятно еще любопытнѣе, еслибы надъ нимъ не тяготѣла упомянутая невѣжественная опека. Онъ приступалъ къ дѣлу съ учеными пріемами только-что возникавшей тогда исторической критики. Для первой главы сочиненія Миллеръ воспользовался существовавшей тогда литературой о старой исторіи Средней Азіи, Монголіи и Китая, какъ переводъ исторіи Абульгази, старыя путешествія къ татарамъ (Плано-Карпини и др.), книги тогдашнихъ оріенталистовъ, Пети де-ла-Круа, Эрбелота, іезуитовъ Гобаля, Сусіета, какъ сочиненія Витзена, Страленберга (къ которому относится критически), Дюгальда, Іоанна Бернарда Миллера (объ остякахъ) и пр. Въ послѣдующихъ главахъ онъ стоялъ уже на болѣе твердой почвѣ, имѣлъ передъ собою русскія лѣтописи и грамоты; и такъ какъ послѣднія были еще совсѣмъ неизвѣстны въ печати, то онъ въ примѣчаніяхъ приводитъ ихъ цѣликомъ, какъ напримѣръ грамоты къ Строгоновымъ. Близкое собственное знаніе Сибири, внимательное изученіе уцѣлѣвшихъ остатковъ ея старины въ археологическихъ памятникахъ и преданіяхъ, русскихъ и инородческихъ, составляли для Миллера чрезвычайно важное дополненіе къ его письменнымъ матеріаламъ. Передавая одно сказаніе о до-русскихъ временахъ Сибири, Миллеръ замѣчаетъ: „сію повѣсть еще и нынѣ у тобольскихъ татаръ изустно слышать можно"; въ Красноярскѣ онъ отыскиваетъ „стараго человѣка изъ аринскаго народа, которой... остался одинъ, которой говорилъ еще аринскимъ языкомъ"; въ третьемъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что такіе-то историческіе факты „у тобольскихъ татаръ нынѣ совсѣмъ изъ памяти вышли"; „князецъ" аялинскихъ татаръ разсказываетъ ему, что съ дѣтства помнитъ еще объ идолопоклонствѣ своихъ родителей и всего тамошняго народа и т. д. [1]). Миллеръ осмотрѣлъ самыя мѣстности, гдѣ происходили послѣднія битвы Ермака, развалины города „Сибири" и т. п. [2]). Историческія соображенія побуждали Миллера вообще отдавать предпочтеніе показаніямъ тобольскаго лѣтописца, т.-е. Ремезова, передъ другими, „общими" или „простыми" лѣтописями [3]): Тобольскій лѣтописецъ, по его мнѣнію, „сочиненъ первымъ писателемъ (т.-е. самостоятельнымъ), что не токмо по письму, но и по находящимся въ немъ рисункамъ довольно явствуетъ".

---

[1]) Стр. 9, 25, 39, 44 и мн. др.

[2]) Стр. 108, 143 и др.

[3]) Стр. 109, 142 и др.

Сибирская исторія доведена въ первомъ томѣ книги Миллера до начала XVII столѣтія. Въ концѣ книги прибавлена „краткая хронологическая роспись сибирской исторіи", съ 1499 по 1618 г., и кромѣ того подробный указатель именной, географическій и предметный.

Продолженію труда Миллера, къ сожалѣнію, не посчастливилось: первый томъ остался единственнымъ,—между тѣмъ онъ видимо продолжалъ усиленно работать. Въ 1750 году переводились уже на русскій языкъ 7, 8 и 9-я главы академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года Миллеръ представилъ графу Разумовскому 7 главъ, которыя должны были войти во вторую часть его сибирской исторіи. Эти главы разсматривались тогда же въ „историческомъ собраніи" изъ нѣсколькихъ академиковъ, составлявшемъ своего рода академическую цензуру, и гдѣ однимъ изъ членовъ былъ Ломоносовъ. Въ концѣ этого года Ломоносовъ, какъ разсказываетъ историкъ Академіи наукъ, представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при „свидѣтельствованіи" Сибирской Исторіи Миллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худыхъ поступкахъ, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ"... Далѣе, Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всероссійскаго престола" — въ междуцарствіе. Миллеръ сдѣлалъ поправки по замѣчаніямъ Ломоносова. Въ декабрѣ того же 1751 года историческое собраніе одобрило къ печатанію шесть главъ Сибирской Исторіи (6 — 11) и сдѣлало распоряженіе объ ихъ печатаніи. Въ 1752 году одобрены были тѣмъ же собраніемъ главы 12 — 17-ая, и затѣмъ слѣдующія главы до 22-ой включительно велѣно было, за болѣзнію Голубцова, переводить Модераху. Наконецъ, въ февралѣ 1753 года Миллеръ представилъ еще одну главу своего сочиненія, всего 23 главы; но продолженіе книги все-таки не выходило въ свѣтъ, и историкъ Академіи не нашелъ этому никакого объясненія въ дѣлахъ академическаго архива [1]).

Изъ этого продолженія сибирской исторіи напечатаны были впослѣдствіи только отдѣльныя главы—по-нѣмецки въ „Sammlung russischer Geschichte", а по-русски въ издававшихся Миллеромъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ". Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщенъ былъ, во-первыхъ, переводъ пяти главъ перваго русскаго тома, а затѣмъ главы 6—10-ая [2]); въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" (1763,

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 368, 406—408.

[2]) Sammlung etc., т. VI, выпуски 2—6, 1761—1762: Sibirische Geschichte, Erstes-fünftes Buch, стр. 109—566, и подробный указатель. Здѣсь выпущены тексты

октябрь) Миллеръ помѣстилъ краткій обзоръ сибирской исторіи; а потомъ (1764, январь—іюнь) помѣстилъ цѣликомъ главы 6, 7 и 8-ю.

Въ тѣхъ же „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", которыя Миллеръ издавалъ съ 1755 года въ теченіе десяти лѣтъ, онъ помѣстилъ еще нѣсколько изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ Сибири, напримѣръ: „о первыхъ россійскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай"; „о торгахъ сибирскихъ"; „изъясненіе сумнительствъ, находящихся при поставленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года"; „о китовой ловлѣ около Камчатки"; „исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ"; описанія „морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ" [1]); „извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ, которыхъ имена: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская"; „извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до россійскаго государства съ пограничными землями, также и о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россіею граничатъ"; „изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ" [2]) и пр. Эти

царскихъ грамотъ. Далѣе, Sammlung, т. VIII, выпуски 1 — 5, 1763: Sibirische Geschichte, sechstes-zehntes Buch, стр. 1—458. Содержаніе этихъ книгъ слѣдующее: VI. Различныя происшествія. Постройки разныхъ церквей и монастырей. Основаніе соленой варницы. Начало нѣкоторыхъ слободъ. Обдорскій городокъ и Туруханскъ. Древнѣйшія открытія на рѣкѣ Енисеѣ и на Ледовитомъ морѣ. Возстанія и воинскіе случаи. VII. Дальнѣйшія открытія и завоеванія по рѣкѣ Енисею; объ основаніи остроговъ и городовъ Маковскаго, Енисейска, Мелесскаго и Красноярска, и о киргизскихъ происшествіяхъ. VIII. Происшествія въ извѣстныхъ уже областяхъ Сибири относительно русскихъ жителей. Перемѣны въ постройкѣ городовъ. Учрежденіе архіепископской каѳедры въ Тобольскѣ. Основаніе разныхъ монастырей и слободъ. IX. Продолженіе исторіи западной части Сибири относительно происшествій, какія случились съ тамошними туземными и сосѣдними народами, гдѣ особливо говорится о переговорахъ и войнахъ съ князьями семейства хана Кучума и калмыками. X. Событія знатнѣйшаго калмыцкаго княжескаго рода, который подъ именемъ Джунгарскаго всего выше вознесъ свое могущество. Продолженіе происшествій съ князьями изъ рода хана Кучума и съ мелкими калмыцкими тайшами.

[1]) Это—рядъ статей (Ежем. Соч. 1758, январь—май, іюнь—ноябрь), который могъ бы составить цѣлую книгу; онъ тогда же явился по-нѣмецки въ Sammlung russ. Gesch., III, 1758, стр. 1 — 134 (Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Eismeeres und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte), и, какъ мы видѣли раньше, это сочиненіе пользовалось большимъ авторитетомъ въ иностранной литературѣ по вопросу о географіи Ледовитаго океана и сѣверной части океана Восточнаго.

[2]) Именно, найденныхъ въ Сибири и въ Новороссійскомъ краѣ. Статья: Von

статьи большею частію появлялись также и на нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung, или въ „Магазинѣ“ Бюшинга и другихъ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ [1]).

И этимъ не ограничились труды Миллера о Сибири. Въ декабрѣ 1752 г. онъ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ сдѣлалъ сокращеніе изъ Сибирской Исторіи, доведенной Миллеромъ до 1660 года, и продолжилъ ее до позднѣйшихъ временъ, а самъ Миллеръ могъ бы заняться общими сочиненіями по русской исторіи, географіи и описанію народовъ, а также—изложеніемъ своего путешествія и описаніемъ сибирскихъ древностей. Канцелярія и на этотъ разъ отнеслась къ Миллеру враждебно и дерзко. Въ постановленіи ея сказано было, что „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ“, что сочиненіе русской и сибирской исторіи и географіи „въ даль откладываетъ“ (между тѣмъ какъ на дѣлѣ Академія не издавала и того, что̀ было уже Миллеромъ написано) и видимо „ни мало не хочетъ сдѣлать когда-нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина“... Раньше было сказано, что появленіе книги Гмелина было принято въ Петербургѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Канцелярія постановила передать Фишеру составленіе сокращенія изъ Сибирской Исторіи Миллера, а самого Миллера обязала „подъ штрафомъ“ непремѣнно исполнить обѣщанное въ его представленіи. По докладѣ всего этого президенту Разумовскому, канцелярія предписала Миллеру „немедленно сочинить“ описаніе путешествія, „предпріятаго по высочайшему ея императорскаго величества указу“, и представить въ канцелярію; для сочиненія рѣшено было назначить срокъ, и указаны предметы, какихъ онъ долженъ былъ и какихъ не долженъ касаться въ описаніи: ему приказано было, „чтобы ничего въ ономъ не писать какъ токмо то, что̀ *народу* (?) къ его удовольствію знать потребно“ (описаніе пути, рѣкъ, селъ, городовъ, достопримѣчательностей, промысловъ, фабрикъ и т. п.), а другое было запрещено. „О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ (академиковъ) однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ кон-

---

den alten Gräbern in Sibirien, приписанная Миллеру, находится въ Haigold's (Шлёцеръ), Beylagen zum neu veränderten Russland, 1770, II, стр. 193—208.

[1]) См. библіографическія указанія въ Исторіи Акад. Наукъ, I, стр. 409 и слѣд. Отмѣтимъ еще одинъ трудъ Миллера: въ изданіи книги о Камчаткѣ Штеллера (1774), упомянутомъ нами раньше, помѣщена въ приложеніи статья Миллера: Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk, 1737; слѣд. эта статья составлена до изслѣдованій Крашенинникова и Штеллера.

торами и съ прочими мѣстами касаются и къ *пользѣ народной* вовсе не принадлежатъ, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто пріѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и чтó ѣли или пили, багажъ остался ли позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро ли ихъ отправляли и скоро ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо *народу* въ томъ все равно, учинено ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ, читатель не будетъ читать ненадобныхъ вещей, и намѣреніе того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится".

Наставленіе, написанное съ видимымъ намѣреніемъ уколоть, было, кажется, внушено также и раздраженіемъ противъ Гмелина, въ путешествіи котораго, между прочимъ, были именно непріятны многія изъ подобныхъ „мелочей", рисовавшихъ жизнь и нравы не только съ показной оффиціальной стороны, но и въ ихъ настоящемъ домашнемъ видѣ. Наставленіе преподано было въ февралѣ 1753, и въ томъ же февралѣ Миллеръ, какъ мы упоминали, представилъ 23 главы своей Сибирской Исторіи для составленія сокращенія ихъ Фишеромъ, а объ описаніи путешествія упоминалъ, что „оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло, а чтò переписано, тò находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія чтó выключить или ко оному чтó прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить" [1]).

Несмотря на требованія и настоянія, высказанныя канцеляріей съ такою придирчивостью, Сибирская Исторія Миллера осталась неизданной повидимому больше чѣмъ на половину; осталось въ рукописи, въ академическомъ архивѣ, и „описаніе путешествія, которое императорской Академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли; сочинено Г. Ф. Мюллеромъ" [2]).

---

[1]) Раньше, въ одномъ донесеніи Миллера отъ октября 1752, упомянуто, что одна часть его путешествій была имъ „внесена въ архиву при конференціи" еще въ 1746 году. Ист. Акад. I, стр. 366.

[2]) Ист. Акад. Наукъ. I, стр. 366—368, 427. Къ тому же путешествію, до пріѣзда въ Сибирь, относятся „Наблюденія историческія, географическія и этнографическія" и проч., писанныя Миллеромъ во время путешествія отъ Твери до Казани въ 1733 году (тамъ же, стр. 424), оставшіяся также въ рукописи; далѣе: „Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken" (Samml. r. Gesch., III, 1758—59, стр. 305—412), статья, составленная Миллеромъ во время пребыванія въ Казани въ 1733 и доконченная на пути къ Тобольску; и, наконецъ, много данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ Миллера.

Таковы были труды для Сибири этого замѣчательнаго человѣка, о которомъ съ великимъ уваженіемъ говорилъ и такой суровый и требовательный человѣкъ, какъ Шлёцеръ („въ образѣ мыслей Миллера,—замѣтилъ онъ между прочимъ,—было что-то великое, справедливое, благородное").

Мало похожъ былъ на него другой академикъ, также путешествовавшій въ Сибири и писавшій ея исторію, Іоганнъ-Эбергардъ Фишеръ (1697—1771). Уроженецъ Вюртемберга, Фишеръ, хорошій латинистъ, вызванъ былъ въ Петербургъ для преподаванія въ академической гимназіи, въ 1733. Когда въ 1738 Миллеръ, утомленный своими странствіями въ Сибири и заболѣвшій, просилъ о разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, Фишеръ предложилъ свои услуги и отправился въ путь въ концѣ 1739 года. Онъ возвратился изъ Сибири уже въ 1747 году, но объ его путешествіи остались только весьма неблагопріятныя извѣстія. Миллеръ (который все-таки остался въ Сибири до 1743 г.) встрѣтился съ нимъ лишь ненадолго, но Фишера достаточно видѣлъ въ Сибири Гмелинъ, въ письмахъ котораго сохранились о немъ очень странныя свѣдѣнія: „невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачествъ,—пишетъ Гмелинъ,—полагаю очень безплодною для Академіи посылку его сюда; онъ ничего не дѣлаетъ, и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде, чѣмъ не получитъ инструкціи, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, что имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло"... Гмелину приходилось даже удерживать ученаго путешественника отъ дракъ. Это былъ, повидимому, педантъ, набитый академическою спѣсью, желавшій командовать и озлоблявшійся тѣмъ, что его амбиція не удовлетворялась [1]). Въ Сибири онъ сдѣлался басней; подчиненная ему команда была имъ выводима изъ терпѣнія, и однажды противъ него крикнули даже: „слово и дѣло", и онъ подпалъ слѣдствію въ Якутскѣ. Въ ученомъ изслѣдованіи Сибири онъ оказался мало удовлетворителенъ. Нельзя вообще не считать страннымъ его выборъ для сибирской экспедиціи; русская исторія не была вовсе его спеціальностью; онъ плохо владѣлъ тогда русскимъ язы-

[1]) Въ донесеніи въ Академію, по окончаніи путешествія, Фишеръ пожаловался на этотъ недостатокъ почета: „Ежели правду сказать, то чинъ академиковъ отъ неискусныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вмѣняется. Ежели кто изъ нихъ или въ церкви, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ заобыклое оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное услышитъ слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда противиться, то ссора и брани; ежели-жъ умолчать и пропустить, то за истину признаютъ" и т. д. Его рангъ былъ пока еще не важный, а „пропустить" онъ никакъ не могъ.

комъ, такъ что нуждался въ переводчикѣ, и самое дѣло, кажется, его очень мало интересовало. Повидимому, ѣдучи въ Сибирь, онъ ожидалъ, что ему не будетъ предстоять никакого самостоятельнаго труда; уже на первыхъ порахъ онъ жаловался президенту Академіи барону Корфу, что надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ (Миллера или Гмелина), а они оба собираются покидать Сибирь; около того же времени Корфъ велѣлъ-было Миллеру отдать всѣ собранные имъ матеріалы назначенному въ Сибирь вмѣсто него Фишеру. Миллеръ, конечно, отказывался сдѣлать это, отзываясь совершенно справедливо, что безъ этихъ бумагъ все его путешествіе останется безплоднымъ—„не упоминая того, что чужая рука въ недовольномъ знаніи россійскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ". Самъ Фишеръ вывезъ изъ Сибири очень немногое; даже состоявшій при немъ, вовсе не ученый, переписчикъ Линденау собралъ гораздо больше матеріаловъ.

Съ возвращенія своего Фишеръ, кажется, ничего не дѣлалъ по Сибири до тѣхъ поръ, когда въ декабрѣ 1752 года канцелярія постановила, чтобы онъ составилъ сокращенную сибирскую исторію по книгѣ и рукописнымъ матеріаламъ Миллера. Въ 1757 г. Фишеръ окончилъ свою работу, въ слѣдующемъ году канцелярія поручила Голубцову перевесть книгу на русскій языкъ, но вышла она только черезъ много лѣтъ [1]).

О трудѣ Фишера выражаются обыкновенно, что онъ *продолжилъ* Сибирскую Исторію Миллера; но это надо понимать такъ, что у Фишера разсказъ событій поведенъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ *первомъ изданномъ томѣ* Миллера,—а самая книга Фишера вовсе не была его самостоятельнымъ трудомъ, но, какъ выше замѣчено, только сокращеніемъ книги Миллера. Русское изданіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ нѣтъ, во-первыхъ, предисловія, имѣющагося въ нѣмецкомъ, гдѣ говорится, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Миллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія; во-вторыхъ,

---

[1]) Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen und mit Genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt von J. Eb. Fischer etc. 2 тома, Спб. 1768. Русскій переводъ: „Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная"... Іог. Еберг. Фишеромъ. Спб., 1774, 4°. 631 стр. и двѣ карты. Замѣтимъ кстати, что на картѣ, приложенной къ этому сочиненію, Сахалинъ—названный „Шантаръ"—изображенъ совершенно отчетливо какъ островъ.—Ср. „Воспоминанія о Сибири" Б. Струве, „Р. Вѣстн.", 1888, іюнь, объ открытіи пролива Невельскимъ.

нѣтъ подробнаго указателя. Знавшіе трудъ Фишера по русскому изданію составляли о немъ понятіе какъ о трудѣ самостоятельномъ, и, слыша по преданію о томъ, что два эти академика не были особенно въ ладахъ, думали даже, что книга Фишера написана „изъ соперничества" съ Миллеромъ [1]), когда на дѣлѣ первый только сокращалъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Фишеръ повторилъ всѣ десять изданныхъ главъ (или, въ нѣмецкомъ изданіи, „книгъ") Миллера. Это наполнило около ³/₄ его сочиненія; остальная ¹/₄ взята изъ тѣхъ главъ сочиненія Миллера, которыя остались неизданными,—но неизвѣстно, воспользовался ли Фишеръ всѣми 23 главами сочиненія Миллера, или нѣтъ, и что сталось вообще съ подлиннымъ трудомъ послѣдняго [2]). Ученые современники, знавшіе о дѣлахъ русской Академіи, какъ извѣстный Бюшингъ, приравнивали „Сибирскую Исторію" Фишера къ настоящему плагіату.

Труды Миллера и Фишера (или собственно перваго) надолго остались авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній о сибирской исторіи. Можно сказать, что они и до сихъ поръ не замѣнены равносильными сочиненіями. Позднѣе, на сибирской исторіи, собственно только на завоеваніи Сибири, остановился Карамзинъ въ томъ объемѣ, какой допускали рамки его труда, и въ тонѣ, какой отличаетъ вообще его изложеніе. Какъ ни странно сказать, но у стариннаго Миллера было гораздо болѣе яснаго пониманія и характера людей, и свойства событій: для него Ермакъ съ его казаками и сибирскіе туземцы, и весь ходъ дѣла, представлялись гораздо проще и реальнѣе, нежели Карамзину. Кромѣ романтической реторики, существенно было то, что Карамзинъ во главѣ своего изложенія поставилъ Строгоновскую лѣтопись и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, *истинные виновники* столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, *уступили оное государству*"—заключеніе, исторически не доказанное и которое, вмѣстѣ съ болѣе позднимъ трудомъ Устрялова, объ „Именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ", стало предметомъ подробныхъ опроверженій П. И. Небольсина.

---

[1]) Такъ говорится объ этомъ въ „Словарѣ" свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, II, 232, откуда это ошибочное свѣдѣніе повторено и Щегловымъ, „Хронологическій Перечень", Ирк. 1883 г., стр. 245—246, 287—283, гдѣ ошибочно показано и время смерти Фишера (книга Пекарскаго осталась Щеглову неизвѣстна). Тѣ же ошибки повторены и въ „Литер. Сборникѣ" Ядринцева. Спб., 1885, стр. 479.

[2]) О Фишерѣ, см „Исторію Акад. Н.", I, стр. 328, 366, 617—636.

ГЛАВА IX.

Новѣйшая литература по исторіи и описанію Сибири.

Г. И. Спасскій.—П. А. Словцовъ.—Труды Семивскаго, Корнилова, Пестова, Степанова и др.—Н. А. Абрамовъ.—Труды Кривошапкина, Завалишина.

Статистика Сибири.—Старыя переписи.—Труды Штера, Гагемейстера.—Статистическіе комитеты.—Новѣйшія предпріятія ген.-губ. Игнатьева и министерства государственныхъ имуществъ.

Сборники старыхъ актовъ.

Историческія сочиненія И. В. Щеглова, В. К. Андріевича, В. И. Вагина, С. С. Шашкова, А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова.

Новѣйшіе описательные труды и путешествія: А. В. Адріановъ, Голодниковъ, В. П. Сукачевъ, П. А. Голубевъ, М. В. Загоскинъ, М. И. Орфановъ, Н. Астыревъ и др.

Описанія беллетристическія.

Труды Н. М. Ядринцева.

Въ началѣ XIX столѣтія наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ по исторіи Сибири былъ Гр. Ив. Спасскій. Горный инженеръ по спеціальности, онъ близко изучилъ Сибирь и посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 до 1825 г. онъ издавалъ сначала „Сибирскій Вѣстникъ", потомъ „Азіатскій Вѣстникъ", до сихъ поръ сохраняющіе свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. Каждая книжка „Сибирскаго Вѣстника" заключала что-нибудь цѣнное. Спасскій печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники сибирской исторіи; описанія мѣстныхъ древностей; путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробными описаніями поселеній, свѣдѣніями по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п.; разсказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ; статьи о сибирскихъ инородцахъ; описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель. Такъ, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" и отдѣльно были имъ напечатаны лѣтописи Строгоновская и Саввы

Есипова, и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 году, другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1654—1658 году и т. д. По своей горной службѣ Спасскій самъ много путешествовалъ по Сибири и далъ потомъ нѣсколько подобныхъ описаній [1]), сосредоточивая въ своемъ изданіи труды лицъ, которыя въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльныхъ ей земель; напр. онъ напечаталъ путешествія Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану, описаніе Байкала и т. п. [2]). Рядъ статей посвященъ быту сибирскихъ инородцевъ [3]). Особенно много мѣста дано свѣдѣніямъ о земляхъ и народахъ, сопредѣльныхъ Сибири,—между прочимъ о старо-русскихъ сношеніяхъ съ ними [4]). Спасскій помѣстилъ также нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Такъ, онъ издалъ, съ переводомъ, латинскую рукопись неизвѣстнаго иноземнаго автора, прожившаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го

---

[1]) Укажемъ, напримѣръ: „Путешествіе на Тигирецкіе бѣлки“ (снѣговыя горы), „Сиб. Вѣстникъ“, ч. I, „Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году“ ч. III, IV, и примѣчанія къ этимъ путешествіямъ, ч. VIII.

[2]) Путешествіе Геденштрома (по Ледовитому морю, въ 1808 — 1809 г.), „Сиб. Вѣстн.“, ч. XVII—XIX, 1822 г.; „Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря“, ч. XX; „Описаніе Байкала“, ч. XIII.

[3]) „Народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея“, ч. I, II, V; „Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды“ (по запискамъ капитана Андреева, съ дополненіями оберберггауптмана П. К. Фролова и самого Спасскаго), ч. IX — X; „Забайкальскіе тунгусы“, ч. XVIII—XX, и проч.

[4]) Напр. „Обозрѣніе Монголіи“, ч. V—VI, сочиненіе А. В. Игумнова, который, по словамъ Спасскаго, „съ давняго времени упражнялся въ восточныхъ языкахъ“. Въ 1818 году Игумновъ жилъ въ Верхнеудинскѣ и оканчивалъ тогда монголо-россійскій словарь, составлявшійся имъ съ 1788 года. Отецъ его былъ переводчикомъ съ монгольскаго и манджурскаго языка, и самъ онъ прежде былъ также переводчикомъ въ Петербургѣ и при духовной миссіи въ Пекинѣ.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 и обратно въ 1795 году“ (выбрано изъ записокъ Тим. Степ. Бурнашева, горнаго чиновника), ч. II—III.—Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году“ (выбрано изъ бумагъ Бурнашева и Поспѣлова и дополнено свѣдѣніями самого издателя. Путешествіе сдѣлано было „по ревности“ русскаго правительства „къ познанію тамошней страны“. Путь лежалъ тогда „чрезъ степь, обитаемую киргизъ-кайсаками, которые подобно варварійскимъ морскимъ разбойникамъ не уважаютъ никакими правами человѣчества, и гдѣ свобода и самая жизнь, особенно людей различнаго съ ними закона (т.-е. вѣры), находится во всегдашней опасности“ — почему сдѣлано было предварительное сношеніе съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ киргизскихъ султановъ), ч. VI.—„Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ киргизскую степь въ 1816 г.“, Н. П. Шангина, ч. IX, XI.—Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарію въ 1820 и 1821 годахъ, ч. XVIII. —Дневникъ переводчика Путимцева въ проѣздъ его отъ Бухтарминской крѣпости до китайскаго города Кульджи и обратно, въ 1811 году. ч. VII—VIII.

вѣка [1]),—какъ впослѣдствіи оказалось, Юрія Крижанича; переписку Линнея, Лаксмана и Шлёцера о Сибири, съ примѣчаніями самого издателя (ч. IX — X): переводы съ китайскаго [2]) и пр. Наконецъ, Спасскій старательно собиралъ свѣдѣнія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ; ему принадлежатъ почти всѣ статьи объ этомъ предметѣ [3]).

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ „Сибирскаго Вѣстника"; послѣ онъ издавалъ еще нѣсколько времени другой журналъ [4]), но затѣмъ, отвлеченный другими работами, только изрѣдка обращался къ сибирскимъ изученіямъ, принявъ между прочимъ участіе въ изданіяхъ Географическаго Общества [5]). Его труды обращались потомъ, кромѣ его спеціальности [6]), къ русской старинѣ и наконецъ къ древностямъ южной Россіи. Ему

---

[1]) „Сиб. Вѣстникъ", ч. XVII — XVIII. Тогда же вышло и отдѣльное изданіе: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Пет. Акад. наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ". Спб., 1822 г., 4°, VIII и 48 стр. Впослѣдствіи часть этого текста напечаталъ, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ въ „Покореніи Сибири", приложеніе, стр. 89 — 99. „Повѣствованіе" Крижанича издано вновь А. Титовымъ въ книгѣ: „Сибирь въ XVII вѣкѣ", М. 1890: Historia de Sibiria, съ новымъ переводомъ, стр. 115—216 (пред., стр. VIII—IX).

[2]) О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію, переводъ съ китайскаго С. В. Липовцова, ч. XII.

[3]) О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ, ч. I; О сибирскихъ древнихъ курганахъ, ч. II; О древнихъ развалинахъ въ Сибири, ч. III; Памятники древности въ Сибири сѣверной и восточной, ч. IV; О чудскихъ копяхъ въ Сибири (съ рисунками древнихъ горныхъ орудій), ч. VII, и т. д. Потомъ: О забайкальскихъ достопримѣчательностяхъ, ст. Словцова, ч. XV, перепечат. изъ „Казанскаго Вѣстника" 1821 г.; Письмо къ издателю извѣстнаго А. Н. Оленина о мнимомъ портретѣ Ермака, приложенномъ Спасскимъ къ первой книжкѣ „Сиб. Вѣстника" и къ изданію Строгоновской лѣтописи: Оленинъ доказывалъ, что это изображеніе не имѣетъ съ Ермакомъ ничего общаго и представляетъ просто какого-то западно-европейскаго рыцаря XV—XVI вѣка; настоящій портретъ Ермака надо считать несуществующимъ, а взамѣнъ ходячаго мнимаго портрета Оленинъ предложилъ рисунокъ, который можетъ, по крайней мѣрѣ, дать понятіе о внѣшнемъ вооруженіи завоевателя Сибири. Рисунокъ сдѣланъ, видимо, по указаніямъ Оленина, на основаніи упомянутой выше иллюстрированной Ремезовской лѣтописи; рисунокъ (подписанный „К. Брюло") вмѣстѣ со статьей Оленина помѣщенъ въ XIV-й части „Сиб. Вѣстника", 1821 г.

[4]) „Азіатскій Вѣстникъ, содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности странъ Восточныхъ, равно путешествія по симъ странамъ, и разныя новѣйшія свѣдѣнія", 6 частей. Спб. 1825—27.

[5]) Выше упомянуто изданіе „Списка съ чертежа Сибирскія земли", 1672 г., во „Временникѣ" моск. Общества ист. и др., 1849, кн. III, и „Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ", въ „Вѣстникѣ" Геогр. Общ. 1853, № 2; затѣмъ имъ были написаны „Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ", тамъ же, 1857, кн. XIX, отд. II.

[6]) Горный Словарь, 3 т. М. 1841—43.

принадлежитъ извѣстное изданіе „Книги большому Чертежу", а послѣдніе годы своей жизни, проведенные въ Одессѣ, онъ посвящалъ особливо изученію древностей Черноморскаго края [1]). Спасскій умеръ въ 1864 году [2]).

Послѣ Спасскаго самымъ крупнымъ писателемъ того времени по сибирской исторіи является Петръ Андр. Словцовъ (1767—1843).

Въ свое время онъ пользовался большой извѣстностью въ учено-литературныхъ кругахъ, какъ лучшій знатокъ и авторитетъ по сибирской исторіи. Несмотря на общее развитіе нашей исторіографіи, книга Словцова осталась не замѣнена и до сихъ поръ другимъ цѣльнымъ трудомъ равнаго достоинства.

Жизнь Словцова была довольно тяжелая. Онъ былъ пермскій уроженецъ: двѣнадцати лѣтъ онъ отвезенъ былъ въ Тобольскъ, поступилъ въ тамошнюю духовную семинарію и, кончивъ тамъ курсъ въ 1788 г., отправленъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, для поступленія въ высшую Александро-Невскую семинарію, обращенную потомъ въ духовную академію. По окончаніи здѣсь курса, Словцовъ былъ назначенъ въ тобольскую семинарію учителемъ философіи и краснорѣчія. По тогдашнему обычаю, преподаватели семинаріи, какъ лица, принадлежащія къ духовнымъ заведеніямъ, говорили въ церквахъ проповѣди. Словцовъ получилъ въ Александро-Невской семинаріи хорошее духовное образованіе, но, повидимому, набрался также какихъ-то идей, которыя не совсѣмъ подходили къ духовной школѣ, словомъ,—набрался нѣкотораго свободомыслія. Оно и послужило причиной его бѣдствія. По преданіямъ старожиловъ, Словцовъ имѣлъ большой успѣхъ въ Тобольскѣ какъ проповѣдникъ, хотя духовнымъ властямъ проповѣди, говорятъ, не нравились,—вѣроятно вслѣдствіе ихъ либеральнаго направленія. Одна проповѣдь, сказанная имъ по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Павловича (слѣд. въ концѣ 1793 года), навлекла на Словцова формальное преслѣдованіе: она была и послѣдней его проповѣдью. Новѣйшій біографъ Словцова приводитъ ее цѣликомъ по сохранившемуся списку и находитъ, что какъ эта, такъ и другія проповѣди Словцова не представляютъ ничего особеннаго, по формѣ

[1]) Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями. Гр. Спасскаго. М. 1846; Археолого-нумисматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго частно. М. 1850.

[2]) „Отчетъ" Географич. Общества за 1859 годъ похоронилъ-было его въ этомъ году, смѣшавъ его съ умершимъ тогда профессоромъ физики Спасскимъ; ошибку указалъ П. Хавскій въ „Сѣв. Пчелѣ" 1860, № 220; затѣмъ некрологъ Гр. Ив. Спасскаго, въ той же газетѣ 1866, № 107.

отличаются риторикой, а по содержанію „чужды шаблонныхъ образцовъ церковныхъ проповѣдей"; но, прочитывая эту проповѣдь, нельзя не увидѣть, что она могла подать поводъ къ нареканію и къ неудовольствію начальства. Словцовъ, правда, въ самомъ началѣ приглашаетъ „россовъ" (въ данномъ случаѣ, тобольскихъ обывателей) благословлять свою монархиню и высокую чету; но затѣмъ безъ достаточно видимой связи онъ ведетъ рѣчь объ ошибкахъ монарховъ, о суетномъ честолюбіи, о „народной тишинѣ", представляющей „молчаніе принужденное", и т. п. Проповѣдь выходила двусмысленна, вѣроятно вслѣдствіе того, что автору хотѣлось затронуть нѣкоторые скользкіе вопросы политической жизни, а также и вслѣдствіе неумѣнья справиться съ ними. Въ числѣ его слушателей былъ, однако, тобольскій губернаторъ. Онъ заподозрилъ въ Словцовѣ врага престола, добылъ списокъ проповѣди и прямо донесъ о ней генералъ-прокурору; вскорѣ въ одно прекрасное утро въ Тобольскъ явился фельдъегерь, который захватилъ Словцова и, не давши опомниться, повезъ его въ Петербургъ. „Въ теченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга, Словцову не было дозволено ни въ одномъ изъ городовъ выйти изъ экипажа; даже пищу въ такихъ случаяхъ давали ему чрезъ опущенное окно экипажа (!). Наконецъ, больной физически и нравственно, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ". Здѣсь его допрашивали сначала митрополитъ Гавріилъ, потомъ генералъ-прокуроръ, наконецъ извѣстный тайный совѣтникъ Шешковскій, и послѣдній сдѣлалъ заключеніе, „что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, т.-е. ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ, она дерзкая и развратительная" [1]). При этомъ случилась еще такая подробность. Словцову въ обвиненіе поставлена не только одна эта проповѣдь, но рѣзкія слова даже по отношенію къ Александру Македонскому. Въ числѣ арестованныхъ у него бумагъ найденъ листъ, гдѣ слѣдователи усмотрѣли „смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый Великій Александръ"... Хотя Словцовъ и объяснилъ, что это имъ выписано изъ Квинта Курція и приготовлялось для клас-

[1]) Проповѣдь (приведенная въ его біографіи въ качествѣ историческаго матеріала), за которую Словцовъ подвергся первому преслѣдованію, могла дѣйствительно броситься въ глаза, и хотя странно было дѣлать изъ нея вопросъ о политической злонамѣренности автора и возить проповѣдника въ запертой каретѣ отъ Тобольска до Петербурга для допросовъ и ссылки на Валаамъ; но въ литературномъ отношеніи она, пожалуй, заслуживала рецензіи, положенной на нее въ одномъ спискѣ проповѣди: „Поученіе это недостойно церковной каѳедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію, и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его".

снаго сочиненія, однако, несмотря на такое объясненіе, слѣдователи увидѣли и здѣсь частицу вреднаго направленія, и тутъ же на слѣдствіи сдѣлали ему внушеніе, что „напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху пониженіе, учениковъ своихъ отягощалъ“. Въ концѣ концовъ, хотя относительно проповѣди и было рѣшено, что „сіе произошло отъ слабости его смысла, однако жъ не изъ злаго намѣренія“, но Словцовъ потерялъ мѣсто и отправленъ былъ на смиреніе въ Валаамскій монастырь. Вскорѣ, однако, тобольскій епископъ Варлаамъ сталъ ходатайствовать за Словцова у митрополита Гавріила (который былъ братомъ Варлааму), быть можетъ, для того, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе исторіи, случившейся въ его епархіи. Тѣмъ временемъ Словцовъ на Валаамѣ перевелъ съ латинскаго одну душеспасительную книгу, и все это вмѣстѣ имѣло для него хорошія послѣдствія: онъ былъ освобожденъ изъ Валаамскаго монастыря и назначенъ преподавателемъ краснорѣчія въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ въ то время префектомъ и учителемъ философіи былъ Сперанскій, прежній товарищъ Словцова по тому же заведенію и его пріятель. Но и послѣ назначенія преподавателемъ свѣтская власть все еще считала Словцова находящимся подъ особымъ присмотромъ митрополита Гавріила, и только въ 1797 г. онъ былъ освобожденъ отъ этого присмотра и переведенъ въ гражданскую службу, въ канцелярію генералъ-прокурора. Служба его пошла хорошо, но въ 1807 г. случилась новая непріятность: на него пало подозрѣніе въ лихоимствѣ, такъ что одно время онъ былъ даже подвергнутъ аресту. Біографъ Словцова считаетъ это обвиненіе клеветой завистниковъ; разборъ дѣла не привелъ ни къ чему, но Словцовъ потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и назначенъ былъ на службу въ Тобольскъ, въ канцелярію сибирскаго генералъ-губернатора. Здѣсь онъ не занималъ собственно никакой должности и питалъ надежду вернуться въ Петербургъ. Въ концѣ 1808 года, сибирскій генералъ-губернаторъ отправлялся въ Петербургъ и согласился послать Словцова впередъ съ своею путевою канцеляріей; но въ Твери генералъ-губернаторъ получилъ извѣщеніе, что онъ не можетъ взять съ собою Словцова, которому даже запрещенъ въѣздъ во внутреннія губерніи. Пришлось вернуться въ Тобольскъ. Словцовъ занялся службой, съ успѣхомъ исполнялъ разныя порученія и около 1815 года назначенъ былъ директоромъ училищъ иркутской губерніи. Въ 1819 году онъ снова встрѣтился здѣсь съ Сперанскимъ, ревизовавшимъ Сибирь, и послѣдній отозвался къ высшему училищному начальству съ великими похвалами о дѣятельности Словцова. Онъ все еще не покидалъ надежды перебраться въ Россію, и только въ 1828 году, при имп. Николаѣ, ему разрѣшено было продолжать

службу въ Россіи, гдѣ пожелаетъ; но, по совѣту друзей, онъ уже не воспользовался этимъ правомъ, въ 1829 году совсѣмъ покинулъ службу и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Тобольскѣ. Послѣднія тридцать лѣтъ жизни онъ посвятилъ своему историческому труду. Съ конца двадцатыхъ годовъ появляются его статьи и корреспонденціи изъ Сибири, особливо въ „Моск. Телеграфѣ" [1]); въ концѣ тридцатыхъ вышла въ свѣтъ первая часть его книги [2]).

„Историческое обозрѣніе Сибири" Словцова ставится очень высоко его соотечественниками. Еще недавно сдѣланъ былъ о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе Словцова составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири" въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ художниковъ... Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными ему пособіями. „Получая книги изъ столицы, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое" — такъ заявлялъ самъ Словцовъ"... [3]) Съ другой стороны, однако, онъ, въ качествѣ сибирскаго историка, имѣлъ то преимущество, могъ употребить въ дѣло мѣстныя свѣдѣнія и видѣть мѣстныя условія.

Сравненіе съ Карамзинымъ очень рискованное. Принимаемъ въ соображеніе всю разницу въ объемѣ ихъ историческаго горизонта и связанную съ этимъ разницу въ объемѣ необходимыхъ изслѣдованій; но есть громадная разница и въ пріемахъ изложенія. Сколько бы ни упрекали Карамзина въ излишествахъ риторики, это была черта, отвѣчавшая его особенному патріотическому настроенію, притомъ искони приросшая къ его *дарованію*, и въ этомъ смыслѣ естественная, съ которой можно мириться тѣмъ болѣе, что самая мысль всегда отличается ясностью и простотой, а изложеніе — изяществомъ, хотя

---

¹) „Письма изъ Сибири", „Моск. Телеграфъ", 1828, XII, стр. 500—503; 1830, III, 289—313; V, 3—24. „Тобольскъ", тамъ же 1831, XIII, стр. 3—32; XIV, стр. 145—181. Выше упомянуто о его статьѣ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ". Отдѣльно вышла книжка: „Прогулка вокругъ Тобольска, въ 1830 году". М. 1834.

²) Историческое Обозрѣніе Сибири. Петра Словцова. Книга I, съ 1585 до 1742 г. Москва, 1838. Книга II, съ 1742 по 1823 г. Спб. 1844. 2-е изданіе, обѣ части въ одномъ томѣ и съ прибавленіемъ біографіи Словцова, К. М. Спб. 1886.

³) „Литературный Сборникъ", Ядринцева, Спб. 1885, стр. 481.

и манернымъ. Ничего этого именно нѣтъ, или встрѣчается только рѣдко у Словцова: всего чаще онъ—натянутый риторъ, и новѣйшій біографъ справедливо замѣчалъ, что въ трудахъ Словцова „въ высшей степени отразилась система риторически-семинарскаго преподаванія: каждое изъ его сочиненій написано высокимъ слогомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики. Преобладаніе внѣшней, такъ сказать, отдѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже часто, служитъ ущербомъ самому смыслу рѣчи"[1]... Эти свойства его стиля, наконецъ, способны раздражать читателя, особливо новѣйшаго, который совсѣмъ отвыкъ отъ старинной риторики. Словцовъ ничего не скажетъ спроста; онъ постарается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборотъ, изысканное уподобленіе и т. п. Отсутствіе простоты сказалось и на распорядкѣ содержанія: это — не простой послѣдовательный разсказъ, а часто рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, неприготовленнаго раньше читателя. Этотъ недостатокъ тѣмъ больше непріятенъ, что Словцовъ дѣйствительно владѣлъ большими свѣдѣніями о своемъ предметѣ.

Послѣ Словцова не было до сихъ поръ писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возрастающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо бóльшая, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, съ которыми теперь встрѣчается историческое изслѣдованіе.

Въ ряду этихъ матеріаловъ стоятъ, во-первыхъ, довольно многочисленныя описанія различныхъ мѣстностей Сибири. Незначительныя попытки этого рода дѣлались еще въ XVIII столѣтіи; теперь появляются болѣе важные труды этого рода, напримѣръ, нѣсколько книгъ, составленныхъ лицами сибирской администраціи. Такова была книжка Семивскаго[2]): въ ней собраны свѣдѣнія историческія, географиче-

[1]) См. „Историч. Обозрѣніе Сибири", изд. 1886, предисловіе, стр. 20.

Примѣромъ его стиля могутъ послужить первыя строки его исторіи: „Наслѣдство, какое намъ досталось отъ Ермака, есть мраморная пирамида, да память благочестиваго очувствованія и воздержанія, двухъ нравственныхъ павзъ, въ которыя, при наступившихъ предпріятіяхъ сомнительной развязки, не разъ онъ одумывался и жилъ съ дружинами по христіански. Да! благоговѣйность и чистота суть преимущества вождей свыше благословляемыхъ, начиная съ Навина вдохновеннаго до Суворова непостигнутаго, вѣчные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни понять, ни изъяснить, при взглядахъ на удивительныя дѣла Ермака Тимоѳеевича. Эти два іероглифа духа его, какъ двѣ Царскія кольчуги, можно бы символически вытесать въ качествѣ барельефовъ на гранитномъ подножіи Тобольской пирамиды" и т. д.

[2]) „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири,

скія и другія описательныя указанія, карты, планы, рисунки, и въ „примѣчаніяхъ" (стр. 15—26) приведенъ даже небольшой сборникъ областныхъ простонародныхъ словъ. Въ двадцатыхъ годахъ и послѣ вышло нѣсколько книжекъ сенатора Корнилова, нѣкогда бывшаго сначала иркутскимъ, потомъ тобольскимъ губернаторомъ [1]), въ которыхъ, впрочемъ, гораздо больше мѣста занимаютъ административныя соображенія, чѣмъ описательные факты [2]). Далѣе, не лишены интереса записки также бывшаго губернатора Пестова объ Енисейской губерніи [3]) и записки другого губернатора, Степанова [4]), въ свое время извѣстнаго романиста. Не будемъ перечислять другихъ описаній, въ которыхъ разсѣяны иногда немаловажныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ сибирской жизни [5]). Съ сороковыхъ годовъ подобные труды совершаются въ особенности въ связи съ дѣятельностью Географическаго Общества и его двухъ Сибирскихъ Отдѣловъ.

Изъ множества частныхъ описательныхъ работъ въ особенности

изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно. Напечатаны по Высоч. повелѣнію отъ безпримѣрныхъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора". Составилъ коллежскій совѣтникъ Семивскій (Николай Вас.). Спб., 1817. Словцовъ („Историч. Обозрѣніе", 1886, стр. X) замѣчаетъ объ этой книгѣ: „Въ матеріалахъ сего сочиненія можно найти многое для исторіи церквей. Отрывочные взгляды Семивскаго удовлетворительны, но взглядъ статистическій на губернію по большей части занятъ изъ рукописи 1789 г., составленной тамошними землемѣрами и напечатанной въ Древней Вивліоѳикѣ".

[1]) „Замѣчанія о Сибири", сенатора Карнилова. Спб., 1828. X и 104 стр., 8°, съ картой, отчасти этнографической. Затѣмъ издано было: „Прибавленіе къ замѣчаніямъ о Сибири". Спб., 1829, стр. 109—136, съ двумя картами, и: „Присовокупленіе къ замѣчаніямъ о Сибири". Спб., 1835, 20 стр. Этотъ Карниловъ былъ, разумѣется, Корниловъ, но онъ измѣнилъ написаніе своей фамиліи, вѣроятно, по нерѣдкой тогда и послѣ модѣ переиначивать правописаніе, чтобы отличить свое высокопоставленное имя отъ какихъ-нибудь простыхъ Корниловыхъ.

[2]) Словцовъ (тамъ же) отзывается объ этихъ статьяхъ не очень одобрительно: „Замѣчанія... сенатора Корнилова... не заключаютъ ничего ни для исторіи, ни для статистики. Сочинителю не прилично бы помѣщать предположенія на обстоятельства, уже въ 1822 г. разрѣшенныя Сибирскимъ учрежденіемъ",—которое было выработано Сперанскимъ.

[3]) „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года, составленныя стат. совѣтн. И. Пестовымъ". М., 1833, 297 и X стр., съ картой, планами городовъ и рисунками.

[4]) „Енисейская губернія", А. П. Степанова. Спб., 1835.

[5]) Назовемъ, напримѣръ: „О Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги до иркутской границы", соч. Василія Хвостова. Спб., 1809.

— „Письма о Восточной Сибири", соч. Алексѣя Мартоса. М., 1827.

— „Поѣздка въ Якутскъ", изд. Н. (Щукина). Спб. 1833; изд. 2-е. Спб. 1844.

— „Поѣздка въ Забайкальскій край", В. Поршина. 2 части. М., 1844.

— О любопытной книжкѣ Екатерины Авдѣевой скажемъ далѣе.

описанія сибирскихъ монастырей, біографіи тобольскихъ архипастырей и иныхъ церковныхъ дѣятелей). Труды его разсѣяны были въ „Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", въ „Запискахъ Географическаго Общества", въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества", въ „Журналѣ министерства просвѣщенія" и особливо въ „Странникѣ", котораго онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ съ самаго основанія этого журнала въ 1860 году [1]).

Въ шестидесятыхъ годахъ отмѣтимъ обширное и многостороннее описаніе Енисейскаго края, М. Ѳ. Кривошапкина [2]); „Описаніе Западной Сибири", Ипполита Завалишина (М. 1862, два тома) и др.

Первымъ матеріаломъ для исторической статистики Сибири являются старыя переписи разнаго рода, сохранившіяся частію отъ XVII-го вѣка и представлявшія оффиціальную отчетность. Въ послѣднее время этими старыми актами воспользовался впервые г. Буцинскій въ изслѣдованіи о первомъ заселеніи Сибири (1889). Съ Петровскихъ временъ, сибирскіе историки указываютъ первое начало статистическихъ работъ (для Восточной Сибири) съ переписи, произведенной въ 1722 году: для переписи пріѣхалъ тогда изъ Тобольска въ Иркутскъ капитанъ князь Гавріилъ Солнцевъ. Лѣтъ черезъ двадцать потомъ производилась вторая перепись, которая на сибирской почвѣ явилась новымъ поводомъ къ вымогательствамъ. Въ 1744, по словамъ иркутскаго лѣтописца, „пріѣхали изъ Тобольска подполковникъ Степанъ Угрюмовъ и капитанъ Сергѣй Плоховъ для производства народной переписи, въ которую женскій полъ не былъ записанъ. Чиновники эти были страшные притѣснители гражданъ, взяточники; они даже осматривали домы и имущество, отыскивали, кто имѣлъ порядочное состояніе" [3]). Въ печати, первымъ статистическимъ описаніемъ была, кажется, работа, сдѣланная въ 1789 г. землемѣрами Восточной Сибири и изданная въ „Древней Росс. Вивліоѳикѣ" Новикова. Съ начала нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько оффиціальныхъ статистическихъ работъ, а позднѣе наиболѣе богатою и

---

[1]) Обширная біографія его, Фил. Пѣтухова, въ „Странникѣ" 1870, № 12; „Біографія Николая Алексѣевича Абрамова". Тобольскъ, 1870, 102 стр. 16°, „Отчетъ" Географ. Общества за 1870, стр. 8—10; Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 18—21. Списокъ трудовъ Абрамова приведенъ въ статьѣ Пѣтухова.

[2]) Енисейскій округъ и его жизнь. Сочиненіе М. Ѳ. Кривошапкина (издано Геогр. Обществомъ на иждивеніе В. А. Кокорева). Спб. 1865, больш. 8°, два тома: V, 378, 188, 68, таблицы и карты.

[3]) „Иркутскъ", Сукачева, стр. 198.

обстоятельною была книга Гагемейстера [1]). Это — очень подробное описавіе Сибири и быта ея населенія. Первый томъ занятъ географическимъ и естественно-историческимъ описаніемъ страны—плоскость и возвышенность; воды: мѣстность и почва (долины Оби и Иртыша, Киргизская степь, Алтай, бассейны рѣкъ Енисея, Амура, Лены); климатъ; произведенія Сибири (ископаемыя, царство растительное, животныя). Второй томъ посвященъ народонаселенію, статистическому описанію мѣстъ жительства у племенъ кочевыхъ и бродячихъ и населенія осѣдлаго, и городовъ, далѣе, — промысламъ всякаго рода, торговлѣ внѣшней и внутренней и путямъ сообщенія. Въ третьемъ томѣ излагается управленіе Сибири, измѣненія, происходившія въ разное время въ его устройствѣ, и его состояніе къ 1850 г.; далѣе,— статистическія свѣдѣнія о дѣлопроизводствѣ, разнаго рода доходахъ и повинностяхъ, о состояніи различныхъ отдѣльныхъ управленій. Географическія описанія весьма точны по тогдашнему состоянію этихъ свѣдѣній; въ описаніи народонаселенія приведены историческія данныя о различныхъ разрядахъ населенія русскаго и инородческаго, описаніе ихъ быта. Статистическій отдѣлъ, кромѣ множества отдѣльныхъ цифръ въ текстѣ, представляетъ длинный рядъ таблицъ: о числѣ народонаселенія Сибири по отчетамъ губернаторовъ по 7-й, 8-й и 9-й ревизіямъ, согласно отчетамъ казенныхъ палатъ о родившихся и умершихъ; о состояніи городовъ; о числѣ сосланныхъ въ Сибирь; о количествѣ и цѣнѣ пушного товара; о количествѣ металловъ, добытыхъ на Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ; о торговомъ движеніи; о судоходствѣ и т. д. Цифры по нѣкоторымъ отдѣламъ восходятъ до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Впослѣдствіи число статистическихъ работъ размножается по отдѣльнымъ предметамъ народной жизни и промысла; много ихъ заключается въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, — кажется, не всегда поступавшихъ въ общее обращеніе. Изъ работъ центральнаго статистическаго вѣдомства, кромѣ „Списковъ населенныхъ мѣстъ“ (изданы только губерніи: Енисейская, Тобольская и Томская), укажемъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“, обра-

---

[1]) „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ актовъ правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ“. Спб., 1810 (Разборъ этой книги въ „Спб. Вѣстникѣ“, 1820, ч. XI—XII).

— „Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имперіи по 1825 г., составленное изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, подъ руководствомъ директора департ. полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Штера“. Спб. 1829,—гдѣ есть свѣдѣнія о Сибири.

— „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, д. с. с. Гагемейстеромъ“. Спб., 1854, три тома, больш. 8°, со множествомъ статист. таблицъ.

ботанное гг. Л. Майковымъ и Раевскимъ и изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ пятидесятыхъ годовъ основались и въ Сибири статистическіе комитеты, и съ 1860-хъ годовъ начали выходить мѣстныя „памятныя книжки" съ различными статистическими свѣдѣніями (напр. труды г. Павлинова по иркутской губерніи). Секретарю иркутскаго стат. комитета, г. Ларіонову, принадлежитъ кромѣ того цѣлый рядъ статистическихъ монографій, и въ послѣдніе годы выходитъ также „Обзоръ иркутской губерніи", каждогодно, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій. Въ управленіе гр. Игнатьева и по его иниціативѣ, поддержанной министерствомъ государственныхъ имуществъ, предприняты были обширныя статистическія работы, для руководства которыми приглашены были лица, спеціально знакомыя съ дѣломъ статистическаго изслѣдованія и раньше надъ нимъ трудившіяся въ Россіи (гг. Личковъ, Астыревъ, Смирновъ), и въ результатѣ явились недавно въ свѣтъ замѣчательные „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерніи". Одновременно съ этимъ, именно въ 1886—89 годахъ совершались подобныя работы въ Западной Сибири, произведенныя министерствомъ госуд. имуществъ и составившія замѣчательное многотомное изданіе: „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири", — гдѣ въ ряду экономическихъ данныхъ заключаются и важныя указанія этнографическія о русскомъ и инородческомъ населеніи Западной Сибири [1]).

Первый источникъ для описанія Сибири въ ея прошедшемъ представляютъ изданія старыхъ актовъ, грамотъ и т. п. Какъ мы видѣли, собираніе ихъ начато еще въ XVII столѣтіи: въ Строгоновской лѣтописи помѣщены уже выписки изъ царскихъ грамотъ XVI вѣка. Матеріалы по сибирской исторіи, собранные Миллеромъ, становятся

---

[1]) Очеркъ организаціи этого изслѣдованія Иркутской губерніи (трехъ округовъ) сдѣланъ былъ Н. М Астыревымъ въ „Юридическимъ Вѣстникѣ", 1890, апрѣль; обзоръ самыхъ результатовъ изслѣдованія изложенъ въ статьяхъ А. А. К.: „Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи", въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", 1891.

Устройство изслѣдованій, производившихся въ Западной Сибири, указано въ статьѣ А. Кауфмана (которому принадлежитъ нѣсколько томовъ этой работы): „Хозяйственно-статистическое изслѣдованіе Тобольской губерніи", въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1890, октябрь.

А. А. Кауфману принадлежитъ также трактатъ: „Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири", „Сѣверный Вѣстникъ", 1891, апрѣль.

тѣмъ болѣе цѣнными, что впослѣдствіи многое изъ того, что было имъ списано и сохранено для исторіи, пропало на мѣстѣ отъ пожаровъ и небрежнаго содержанія архивовъ. Выше упоминалось, что портфели Миллера послужили для Новиковской „Древней Р. Вивліоѳики", для изданій Археографической коммиссіи [1]). Послѣднимъ изъ этихъ изданій были памятники по сибирской исторіи XVIII вѣка [2]), представляющіе чрезвычайно любопытные и разнообразные матеріалы для исторіи Сибири въ Петровское время. Не исчисляя множества отдѣльныхъ актовъ по старой исторіи Сибири, разсѣянныхъ въ разныхъ, между прочимъ мѣстныхъ, изданіяхъ, упомянемъ въ особенности „Матеріалы для исторіи Сибири", собранные по сибирскимъ архивамъ г. Потанинымъ [3]); указатель, составленный г. Пуцилло [4]); книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ. изданную г. Флоринскимъ [5]); „Сибирскую Библіографію", Межова.

Въ 1884 году вышла книга Щеглова, подготовлявшаяся къ 300-лѣтнему юбилею Сибири и представляющая подробную хронологію событій сибирской исторіи [6]). Авторъ этой книги, Иванъ Вас. Щегловъ, астраханскій уроженецъ, воспитанникъ историко-филологическаго

---

[1]) Напримѣръ, къ Сибири относятся матеріалы, напечатанные во 2-мъ, 3, 4 и 5 томахъ „Актовъ Историческихъ", изд. 1841 — 1842, въ 12-ти томахъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ", изд. 1846—1872 г. и во 2-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки", изд. 1875.—О судьбѣ бумагъ Миллера ср. Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 401 и слѣд.

[2]) „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка". Книга первая 1700—1713. Спб 1882; большой томъ, XXXII, 551 стр. и указатели личный и географическій (XXXIV стр.) и книга вторая, 1713—1724. Спб. 1885, XXXIV, 541 стр. и тѣ же указатели (XLII стр.). Такъ какъ, по правиламъ Археографической коммиссіи, она можетъ употреблять свои средства на изданіе памятниковъ только до 1700 года, то это изданіе сдѣлано на счетъ г. Зоста, которымъ издана была также упомянутая выше Кунгурская лѣтопись.

[3]) Въ „Чтеніяхъ" моск. Общ. ист. и древн. 1867. Въ этомъ изданіи осталось не отмѣченнымъ, что часть этихъ матеріаловъ, извлеченная изъ архива Алексѣевскаго монастыря въ Томскѣ, была сообщена г. Потанину Д. Л. Кузнецовымъ. Впослѣдствіи, это было указано г. Потанинымъ въ „Восточномъ Обозрѣніи".

[4]) Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ. Составилъ М. П. Пуцилло. Изд. Коммиссія печатанія госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1879.

[5]) „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Росс. и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г., составленное по документамъ, хранящимся въ моск. Архивѣ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1792 — 1803 г. Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ". Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

[6]) Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг. Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883, 8°, 778 стр. (Вышла книга въ 1884).

института въ Петербургѣ, былъ учителемъ въ гимназіи енисейской, потомъ иркутской, наконецъ учителемъ въ Троицкосавскѣ, и умеръ еще молодымъ человѣкомъ, не успѣвъ довершить вполнѣ своего труда. Мечтая написать исторію Сибири, Щегловъ увидѣлъ, что для этого недостаетъ еще многихъ предварительныхъ работъ, между прочимъ правильно установленной хронологіи событій сибирской исторіи, и на первый разъ составилъ упомянутый „Перечень", допечатанный послѣ его смерти [1]). Книга составлена съ большимъ трудолюбіемъ; къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ провинціальной глуши многихъ пособій, необходимыхъ для подобной работы, долженъ былъ нерѣдко брать факты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, приводить устарѣлыя и неточныя свѣдѣнія; по недостаточной опытности онъ въ началѣ работы оставлялъ приводимые факты безъ указанія источниковъ, и только послѣ понялъ необходимость цитатъ, которыхъ, впрочемъ, не могъ уже сполна возстановить, и отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени замѣнилъ спискомъ пособій, которыми пользовался. При всемъ томъ книга Щеглова можетъ служить съ пользой для популярнаго употребленія, но какъ историческое руководство нуждается вообще въ провѣркахъ.

Около того же времени началъ издавать свои историческіе труды В. К. Андріевичъ (генералъ-майоръ). Въ первый разъ онъ, кажется, имѣлъ въ виду только исторію Забайкалья [2]); но, извлекая изъ Полнаго Собранія Законовъ свѣдѣнія о Забайкальѣ, г. Андріевичъ нашелъ, что „выборка изъ П. Собр. Законовъ данныхъ, касающихся вообще Сибири, немного увеличитъ время, необходимое для окончанія (его) труда, задуманнаго по отношенію къ Забайкалью, а между тѣмъ можетъ принести существенную пользу составителю исторіи Сибири" и потому онъ „сталъ выбирать съ 1700 года всѣ указы, прямо или косвенно упоминавшіе о Сибири" [3]). Нашелся меценатъ (П. А. Сиверсъ), который далъ средства для изданія, и хотя авторъ сознавалъ, что его трудъ остается необработаннымъ и можетъ служить только матеріаломъ для будущаго историка Сибири, онъ рѣшился его издать. Такимъ образомъ произошелъ цѣлый рядъ книгъ, который онъ началъ „вторымъ томомъ" своего сочиненія [4]). Книги

[1]) Послѣсловіе его книги помѣчено апрѣлемъ 1884 года, а въ концѣ мая онъ умеръ. См. его некрологъ и печальныя біографическія подробности въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1884, № 22.

[2]) Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г. Спб. 1887.

[3]) Предисловіе къ „Истор. очерку Сибири", т. II. Иркутскъ, 1886.

[4]) Историческій очеркъ Сибири. Томъ II. Періодъ отъ 1700 года до воцаренія импер. Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 года. Составилъ и пр. Иркутскъ, 1886.

издавались затѣмъ въ Томскѣ, Петербургѣ, Одессѣ, и историческій очеркъ доведенъ до XIX столѣтія [1]). Авторъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что исторія и не должна писаться иначе, и встрѣчая въ другихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя разнорѣчія съ своими данными, возставалъ противъ „шаткости историческихъ свѣдѣній", когда иной разъ слѣдовало выяснить себѣ вопросъ объ источникахъ разнорѣчія. Способъ составленія книгъ даетъ понятіе объ ихъ исторіографической цѣнности: наборъ данныхъ изъ Полн. Собр. Законовъ можетъ быть небезполезенъ, но остается сырымъ матеріаломъ, гдѣ хотя и приняты разныя рубрики, но факты крупные и мелочные перемѣшиваются, и цѣльности изложенія не помогаетъ и то, что авторъ отчасти началъ подъ конецъ пользоваться, кромѣ Собранія Законовъ, и новыми историческими сочиненіями [2]).

Такимъ образомъ попытки цѣльнаго изложенія сибирской исторіи доселѣ остаются неудовлетворительны; тѣмъ не менѣе въ послѣднія десятилѣтія, со времени возрожденія нашей литературы въ шестидесятыхъ годахъ, историческое изученіе Сибири особенно оживляется, и его интересы становятся гораздо шире, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ прежнее время была возможна только одна внѣшняя, оффиціальная исторія Сибири; теперь не только раскрывается многое, о чемъ прежде ходили только устные разсказы, но изслѣдованіе старается проникнуть тѣ внутренніе процессы, какіе совершались въ сибирской жизни подъ вліяніемъ ея основныхъ факторовъ—условій природныхъ, племенныхъ, бытовыхъ и административныхъ. Понятно, что когда это новое направленіе еще только устанавливается, можно указать здѣсь пока лишь немногія крупныя работы: надо было выяснить имѣющійся матеріалъ и собирать новый; трудность образовать литературные органы, отсутствіе научнаго центра, какимъ могъ бы быть мѣстный универ ситетъ [3]), слабая степень образованія въ мѣстномъ обществѣ, — все

[1]) Томъ III. Періодъ отъ 1742 до 1762 года. Томскъ, 1887.

Томъ IV. Періодъ Екатерининскаго времени. (Отдѣлы: администрація, заселенія, военнаго дѣла, промышленности и налоговъ). Спб. 1887.

Томъ V. Екатерининскій періодъ (Отдѣлы: горное дѣло, духовенство, лихоимство и общій очеркъ). Одесса, 1889 (Какъ будто „лихоимство" составляло особое вѣдомство управленія!).—Послѣдніе два тома имѣютъ также особые заглавные листы: „Сибирь въ царствованіе импер. Екатерины II", части I—II.

Позднѣе, авторъ издалъ еще двѣ *части* (I-й томъ?) „Исторія Сибири" отъ древнѣйшихъ временъ до 1660 г. и потомъ до воцаренія имп. Елизаветы Петровны. Спб. 1889, съ запутанными заглавіями и содержаніемъ.

Наконецъ: „Сибирь въ XIX столѣтіи". Двѣ части. Спб., 1889.

[2]) Ср. объ историческихъ пріемахъ автора и его взглядахъ на современныя дѣла, „Вѣстн. Евр." 1890, май, стр. 395—399.

[3]) Медицинскій факультетъ въ Томскѣ при этомъ, конечно, не можетъ идти въ счетъ.

это заставляло работать въ одиночку, съ неполными средствами. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ изданій, которыя обѣщаютъ стать началомъ новой эпохи сибирскихъ изученій. Таковы мѣстныя работы Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества; таковы сборники работъ по изученію Сибири, появляющіеся въ послѣднее время, какъ свидѣтельство возрастающаго интереса къ дѣлу,—напримѣръ „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ"; Сборникъ газеты „Сибирь"; „Литературный Сборникъ" г. Ядринцева; „Сибирскій Сборникъ", издаваемый редакціею „Восточнаго Обозрѣнія"; обширный томъ „Живописной Россіи" (XI), посвященный Сибири, съ изслѣдованіями гг. Семенова, Ядринцева, Потанина, Мушкетова, Радлова и другихъ. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, напр. „памятныхъ книжкахъ", въ газетахъ „Сибирь" (выходившей въ Иркутскѣ), „Восточное Обозрѣніе" и др., среди обычнаго газетнаго матеріала разсѣяно много цѣнныхъ фактовъ, рисующихъ мѣстную жизнь промышленную, бытовую, этнографическую, а также и старину. Мѣстные любители начинаютъ болѣе ревностно, чѣмъ прежде, собирать различный матеріалъ, служащій къ описанію и къ исторіи страны; среди людей богатыхъ все больше является просвѣщенныхъ лицъ, желающихъ содѣйствовать изученіямъ края. Назовемъ г. Сибирякова, при участіи котораго могли явиться многія полезныя и сложныя изданія; Г. В. Юдина, который былъ издателемъ названнаго выше замѣчательнаго сборника: „Сибирь въ XVII вѣкѣ", составленнаго А. А. Титовымъ; Инн. Кузнецовъ издалъ значительный сборникъ актовъ XVII вѣка [1]) и др.

Умножаются въ литературѣ разсказы изъ сибирской старины и описанія Сибири современной, въ путешествіяхъ и отдѣльныхъ очеркахъ. Изъ литературы прежняго періода упомянемъ сочиненія Небольсина: „Покореніе Сибири", „Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ"; Пежемскаго, „Панорама Иркутской губерніи" (въ „Современникѣ", 1850) и упомянутую выше Лѣтопись города Иркутска. За новѣйшее время явились многочисленные разсказы о пребываніи въ Сибири декабристовъ [2]): они не лишены историческаго интереса относительно самой Сибири, для которой это пребываніе не осталось безъ извѣстнаго культурнаго вліянія. На исторію сибирскаго быта Александровскаго времени бросаетъ свѣтъ изслѣдованіе о ревизіи и управленіи Сперанскаго [3]), какъ для позднѣйшаго времени не мало

---

[1]) Историческіе акты XVII столѣтія (1632—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Томскъ, 1890.

[2]) Они перечислены, но не сполна, у Межова, „Сиб. Библіографія", I, 473—483.

[3]) „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири

важныхъ свѣдѣній доставляетъ упомянутая выше біографія Муравьева-Амурскаго, Ивана Барсукова. Дальше назовемъ нѣсколько работъ А. П. Щапова по сибирской исторіи и этнографіи. Какъ популярный писатель, не мало работалъ по сибирской исторіи Сераф. Серафим. Шашковъ (ум. 1882). Родомъ сибирякъ, нѣкогда сотоварищъ Потанина и Ядринцева, раздѣлявшій ихъ патріотическія влеченія и одновременно съ ними испытавшій ссылку, Шашковъ къ сожалѣнію лишенъ былъ, обстоятельствами своей послѣдующей жизни, возможности сдѣлать что-либо цѣльное по сибирской исторіи; связанный другими работами, онъ оставилъ однако нѣсколько любопытныхъ очерковъ сибирской жизни и старины [1]).

Въ средѣ писателей новаго поколѣнія подготовляются внимательные изслѣдователи, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ трудовъ по сибирской старинѣ. Таковы напр. труды А. В. Оксенова и И. И. Тыжнова [2]).

съ 1819 по 1822 г.“. Собрали В. Вагинымъ. Два тома. Спб. 1872. Списокъ трудовъ г. Вагина помѣщенъ былъ въ „Извѣстіяхъ“ Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. XIX, № 5, 1889.

[1]) См., напримѣръ, „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири“, С. Серафимовича (Шашкова), „Отеч. Зап.“ 1867, № 20—22:—Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, „Дѣло“, 1869, кн. 1 и 3:—Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка, „Дѣло“, 1879, кн. 1—3 и др. Статьи Шашкова собраны были однажды въ книгу: „Историческіе этюды“, Спб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторыя изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири. Списокъ его статей, относящихся къ Сибири, у Межова, „Сиб. Библіогр.“, II, стр. 236.

Его краткій некрологъ въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1882, № 23. Здѣсь читаемъ: „Телеграммой изъ Новгорода мы были извѣщены, что 27-го августа въ 7 часовъ вечера скончался столь извѣстный писатель-сибирякъ, уроженецъ Восточной Сибири Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ. Онъ умеръ изнуренный тяжкимъ недугомъ, страдая послѣдніе годы параличемъ ногъ. До послѣдняго времени онъ не оставлялъ пера и былъ отданъ общественному служенію какъ писатель. Онъ былъ бѣднякомъ... Литературныя заслуги и таланты Серафима Серафимовича извѣстны многимъ. Мы же должны напомнить, что онъ принадлежалъ къ тому разряду молодыхъ писателей Сибири, которыхъ выдвинули 60-ые годы и которые посвящали свои силы служенію родинѣ. Работая въ петербургской журналистикѣ, онъ посвятилъ также нѣсколько сочиненій исторіи Сибири... поэтому его имя связано и съ мѣстной литературой. До конца онъ остался вѣрнымъ своему призванію, хотя жизнь его была многострадальная. Выражая глубокую скорбь и сознавая эту потерю въ немногочисленномъ кругу сибирской интеллигенціи... мы увѣрены, что наша родина также оцѣнитъ его труды и научится вѣрить, что у нея были свои дарованія и таланты, отдававшіе ей жизнь, приносившіе въ жертву ей свои силы и желавшіе видѣть ее болѣе счастливою“. Автобіографія Шашкова въ „Вост. Обозрѣніи“ 1882, № 27, 28, 30, 32. Некрологъ въ „Обзорѣ“ Д. Д. Языкова, въ приложеніи къ „Ист. Вѣстнику“ 1885, № 12.

[2]) Работы г. Оксенова: Сибирскія лѣтописи. Критико-библіографическое обозрѣніе. „Восточн. Обозрѣніе“, 1888, №№ 38, 40, 44 и 51.

— Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. Историко-географическій

Много матеріала для характеристики различныхъ сторонъ сибирскаго быта и нравовъ доставляетъ литература путешествій и всякаго рода описаній. Въ XVIII вѣкѣ, эта литература представлена была въ особенности академическими путешественниками, русскими и нѣмцами; мы видѣли также нѣсколько книгъ, написанныхъ иностранцами. Въ XIX столѣтіи опять главный матеріалъ былъ доставляемъ оффиціально предпринятыми экспедиціями; но съ шестидесятыхъ годовъ все больше развивается литература иного склада —во-первыхъ, въ связи съ работами Географ. Общества и его отдѣловъ, вызвавшими много мѣстныхъ силъ, которыя до тѣхъ поръ не имѣли органа; во-вторыхъ, развившійся общественный и народный интересъ влечетъ къ изученію мѣстнаго быта, экономическихъ отношеній, народнаго обычая и т. д. Въ этомъ трудѣ соединяются и мѣстные дѣятели, и случайные путешественники, и люди не-мѣстные, которыхъ неволя

очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири. „Литературн. Сборникъ", изд. ред. „Восточн. Обозр.", 1885, стр. 425—445.

— Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Съ библіографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и другихъ историч. источниковъ. Тамъ же, стр. 446—455.

— Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Сибирск. Сборникъ, 1886, I, стр. 75—92, II, стр. 44—61.

— Слухи и вѣсти о Сибири до эпохи Ермака. Тамъ же, 1887, IV, стр. 108—116.

— Среднеколымскъ и его округъ. Историко-статистич. очеркъ. Историч. Вѣстникъ, 1885, іюль, т. XXI, стр. 105—127.

— Минусинскій музей (статья безъ подписи). Журналъ минист. просв., ч. CCXLIX, отд. 4, стр. 32—40.

— Торговыя сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака. Томск. губ. Вѣд., 1888, №№ 10 и 11.

— Старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ Сибирскую землю. Тамъ же, № 12.

— Сибирское царство до эпохи Ермака. (Князья и ханы сибирскихъ татаръ. Этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства). Тамъ же, №№ 14—16 и 18.

— Сибирь до эпохи Ермака, по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1578). Тамъ же, 1889, №№ 2—6; 8—13.

— О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими Булгарами. Тамъ же, 1889, №№ 16 и 17.

— Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455 — 1499). Журн. мин. просв., ч. CCLXXIII (1891, № 2), отд. 2, стр. 245—272.

Александръ Вас. Оксеновъ (род. 1860) учился въ томской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1882, оставался въ первое время въ Петербургѣ, работая въ Историческомъ Вѣстникѣ, Восточномъ Обозрѣніи, Журналѣ мин. просв.; затѣмъ въ 1887—1891 былъ помощникомъ библіотекаря томскаго университета и преподавателемъ въ томскомъ реальномъ училищѣ.

Историческая работа г. Тыжнова о старыхъ иностранныхъ писателяхъ о Сибири указана выше, глава I.

привела въ этотъ край и которые нашли здѣсь почву для своихъ интересовъ; наконецъ, въ послѣдніе годы были случаи, что изслѣдователи народнаго быта, подготовленные въ Россіи, примѣняли свой трудъ къ изученіямъ сибирскимъ (гг. Астыревъ, Личковъ), какъ наоборотъ писатели, воспитавшіе въ Сибири свой интересъ къ народному дѣлу, работали надъ общими вопросами быта,—какъ С. Я. Капустинъ.

Дальше мы скажемъ о спеціальныхъ этнографическихъ изысканіяхъ въ Сибири, и здѣсь отмѣтимъ только успѣхи мѣстныхъ описаній. Таковы были напр. труды г. Голодникова по Тобольскому краю, Чудновскаго—о Енисейской губерніи, Адріанова—о Томскомъ краѣ [1]), г. Загоскина объ Иркутской губерніи, г. Сукачева о городѣ Иркутскѣ [2]), книгу г. Голубева объ Алтаѣ [3]), и др. Названныя работы принадлежатъ отчасти вольнымъ и невольнымъ путешественникамъ, а въ особенности мѣстнымъ дѣятелямъ, усердная работа которыхъ служитъ свидѣтельствомъ развитія образовательныхъ средствъ и общественныхъ интересовъ края,—для которыхъ можно только пожелать лучшихъ условій развитія въ постановкѣ учрежденій, печати и просвѣщенія.

Названный выше Адріановъ (Александръ Вас.) принадлежитъ къ числу такихъ мѣстныхъ дѣятелей. Уроженецъ курганскаго края тобольской губерніи, онъ учился въ тобольской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1778 году натуралистомъ; затѣмъ важной научной школой было для него участіе въ экспедиціи г. Потанина въ Монголію, гдѣ онъ работалъ какъ коллекторъ-натуралистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовлекался въ археологію и этнографію. Въ 1882 и 1883 онъ совершалъ уже самостоятельныя экспедиціи въ инородческіе края южной Сибири, гдѣ продолжалъ свои археологическія и этнографическія изслѣдованія; за-

---

[1]) Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Составилъ А. В. Адріановъ. Томскъ, 1890,—весьма обстоятельная работа, съ краткими историческими и обширными статистическими свѣдѣніями о современномъ Томскѣ. Отмѣтимъ здѣсь, между прочимъ, свѣдѣнія о „мѣстной печати“ (стр. 116—119) и библіографическій указатель книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ о городѣ Томскѣ по рубрикамъ (стр. 248—433).

[2]) Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. Сукачевымъ (М. 1891) — исторія и современное положеніе города; отмѣтимъ изложеніе научныхъ предпріятій и состояніе мѣстной литературы (стр. 186 — 214).

[3]) Алтай, историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго горнаго округа. (Съ портретомъ алтайскаго изслѣдователя, покойнаго С. И. Гуляева). Изданіе В. А. Г—ва, подъ редакціей П. А. Голубева, Томскъ, 1890,—съ подробнымъ изложеніемъ отношеній народнаго быта, промысловъ, горнаго дѣла, колонизаціи, съ хронологіей исторіи Алтая и хронологіей путешествій и изслѣдованій по Алтаю, наконецъ съ біографіей С. И. Гуляева.

тѣмъ былъ одно время редакторомъ „Сибирской газеты", гдѣ кромѣ своихъ отчетовъ о путешествіи въ Кузнецкій край и въ Саяны онъ помѣстилъ рядъ статей о мѣстныхъ вопросахъ, о народномъ хозяйствѣ, переселеніяхъ, ссылкѣ и т. д. [1]).

Такимъ же мѣстнымъ дѣятелемъ старшаго поколѣнія является Мих. Вас. Загоскинъ. Воспитанникъ иркутской семинаріи, потомъ казанской дух. академіи, онъ былъ инспекторомъ классовъ въ военномъ училищѣ въ Иркутскѣ (И. С. Поляковъ былъ его ученикъ). Очень долго онъ состоялъ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества и редакторомъ его изданій; вмѣстѣ съ другими просвѣщенными людьми онъ принималъ участіе въ основаніи иркутскаго техническаго училища, въ которомъ и былъ инспекторомъ классовъ: техническое училище было созданіемъ частныхъ лицъ и въ началѣ любители преподавали въ немъ безплатно. Въ теченіе болѣе десяти лѣтъ онъ былъ редакторомъ газеты „Сибирь", одного изъ лучшихъ изданій сибирской печати, и газеты „Амуръ", издававшейся въ Иркутскѣ. Газету „Сибирь" онъ хотѣлъ сдѣлать защитой обездоленныхъ и притѣсненныхъ, и для сибиряковъ былъ примѣромъ безкорыстнаго служенія крестьянскому дѣлу. Литературные труды его были слѣдующіе: начало романа изъ семинарской жизни въ „Сборникѣ газеты Сибирь" (Спб. 1876, стр. 1—187); нѣсколько очерковъ сельской жизни въ сборникахъ „Восточнаго Обозрѣнія", и въ особенности длинный рядъ небольшихъ статей о крестьянскихъ нуждахъ въ газетахъ „Сибирь" и „Восточное Обозрѣніе"; въ послѣднемъ онъ помѣщалъ „Деревенскія письма". Въ „Памятной книжкѣ" Иркутской губерніи на 1891 г., изданной мѣстнымъ губ. статистич. комитетомъ, г. Загоскинъ помѣстилъ статью: „Одна изъ сибирскихъ общинъ" (селеніе Грановское, гдѣ самъ авторъ поселился, окончивъ службу): это—обстоятельное описаніе общины въ экономическихъ ея отношеніяхъ, съ юридическими обычаями ея жителей [2]).

Въ ряду описательныхъ трудовъ займутъ свое мѣсто и путешествія, путевые очерки, въ числѣ которыхъ были и путевыя замѣтки И. А. Гончарова (при возвращеніи его черезъ Сибирь послѣ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ Паллада), далѣе извѣстныя книги С. В. Максимова („На Востокѣ"; „Сибирь и каторга"). Изъ путешествій и описательныхъ очерковъ новѣйшаго времени назовемъ книги Павлова, Орфанова, Розова, Н. Астырева и множество со-

[1]) Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 127—128.

[2]) Ср. „Вост. Обозрѣніе", 1891, № 35.

Нѣкоторыя указанія объ общественной дѣятельности г. Загоскина читатель найдетъ въ книгѣ г. Сукачева объ Иркутскѣ.

общеній въ сибирскихъ изданіяхъ, особливо въ „Восточномъ Обозрѣніи“ [1]).

Извѣстнаго рода бытовой интересъ и этнографическую цѣнность представляютъ наконецъ опыты беллетристическаго изображенія сибирской жизни. Говоримъ не о тѣхъ, только риторическихъ, изображеніяхъ Сибири, какія встрѣчаются уже въ старой литературѣ, какъ воспѣваніе Ермака (напр. у Дмитріева); или о такихъ, болѣе правдивыхъ, но тѣмъ не менѣе теоретически задуманныхъ изображеніяхъ, какъ „Войнаровскій“ Рылѣева или извѣстный эпизодъ въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова; но о тѣхъ произведеніяхъ — романахъ, повѣстяхъ, очеркахъ и т. п., которые писались людьми, знавшими Сибирь по личному опыту и наблюденію, писателями сибиряками или живавшими въ Сибири. Исключая то, что̀ принадлежало литературной манерѣ той или другой эпохи, въ этихъ произведеніяхъ проглядываютъ однако въ большей или меньшей степени черты дѣйствительнаго быта, не лишенныя этнографическаго значенія. Таковы были въ тридцатыхъ годахъ романы И. Т. Калашникова: „Дочь купца Жолобова“ (изъ иркутскихъ преданій) и „Камчадалка“. Очень много опытовъ бытовой беллетристики въ формѣ разсказовъ изъ мѣстной жизни разсѣяно въ сибирскихъ изданіяхъ и общихъ журналахъ [2]) и между прочимъ за послѣднее время присоединяются сюда произведенія писателей не-сибиряковъ, видѣвшихъ Сибирь волею или неволею. Такъ, сибирскіе разсказы находимъ въ ряду сочиненій В. Г. Короленка, гдѣ они принадлежатъ къ числу поразительнѣйшихъ произведеній талантливаго писателя, у г. Мачтета (повѣсти и разсказы, М. 1887), Станюковича („Не столь отдаленныя мѣста“), еще раньше Кущевскаго и др. [3]). Въ числѣ этихъ произведеній въ особенности выдѣляются хорошимъ знаніемъ быта разсказы Н. И. Наумова: „Въ тихомъ омутѣ“, „Въ забытомъ краю“, то и другое — очерки и разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ.

---

[1]) 3000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири. Очерки и замѣтки изъ скитаній по берегамъ Туры, Тобола, Иртыша и Оби. А. Павлова. Тюмень, 1878.

— Въ дали. (Изъ прошлаго). Разсказы изъ вольной и невольной жизни. Мишла̀ (М. И. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. М. 1883.

-- Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. Дѣйствительнаго члена и корреспондента ученыхъ обществъ А. И. Розова. М. 1889 (объ этомъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1890, май, стр. 399—402).

— Н. Астыревъ. На таёжныхъ прогалинахъ. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. Москва 1891.

[2]) Въ книжкѣ: „Сибирскіе разсказы изъ жизни пріискового люда“ (Спб. 1888) собраны такіе разсказы изъ приложеній къ „Восточному Обозрѣнію“.

[3]) Упомянемъ также романъ Л. Блюммера: „Въ Алтаѣ“, какъ примѣръ край-[illegible] преувеличенія „мѣстнаго колорита“, гдѣ языкъ дѣйствующихъ лицъ, мѣстныхъ [illegible]й, доведенъ почти до непонятности.

Сибирь имѣетъ и свою мѣстную поэзію, произведенія которой собраны недавно въ двухъ сборникахъ: „Сибирскіе мотивы“ (Спб. 1888) и „Отголоски Сибири“ (Томскъ, 1889) [1]).

Въ этой литературѣ описательныхъ сочиненій о Сибири, переходящихъ въ публицистическое изслѣдованіе о различныхъ сторонахъ современнаго сибирскаго быта, въ особенности примѣчательны труды Ник. Мих. Ядринцева. Сынъ купца, переѣхавшаго въ Сибирь изъ пермской губ., г. Ядринцевъ (род. въ Омскѣ, 1842) выросъ истымъ сибирякомъ. Онъ учился въ томской гимназіи, съ 1860 пробылъ три года вольно-слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ: здѣсь изъ студентовъ сибиряковъ собрался въ то время кружокъ, который поставилъ себѣ цѣлью изученіе мѣстныхъ вопросовъ своего края; кружокъ молодыхъ патріотовъ развивалъ мысли о необходимости въ Сибири университета, объ умноженіи школъ, о научныхъ изслѣдованіяхъ, разборѣ мѣстныхъ архивовъ, собираніи этнографическихъ матеріаловъ, созданіи мѣстной печати. Все это было перемѣшано съ юношески простодушными мечтами, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужило для многихъ сильнымъ побужденіемъ къ изученію своей родины, а для нѣкоторыхъ опредѣлило всю дальнѣйшую трудовую жизнь. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей многіе направились въ Сибирь, когда прежде много сибиряковъ оставалось въ Россіи, устроивая свою карьеру вдали отъ родины. Возвращеніе этой молодежи домой не осталось безплоднымъ. Развитію мѣстной любознательности и интереса къ областнымъ вопросамъ въ то время сильно способствовало именно обновленіе всей русской жизни (съ конца 50-хъ годовъ), когда небывалымъ прежде образомъ затронуты были вопросы историческіе и общественные и когда это возбужденіе охватило въ особенности молодыя поколѣнія. Это была полная вѣра въ будущее, ожиданіе неминуемаго обновленія общественной и народной жизни, и на этой почвѣ естественно возникалъ горячій мѣстный патріотизмъ. Оглядываясь на свою родину, юные патріоты убѣждались, что для ея блага предстоитъ много усиленнаго труда: обширная и нетронутая страна была какъ бы забыта и пренебрегаема; заѣзжіе образованные люди мало давали ей; своего образованнаго круга почти не было за недостаткомъ средствъ просвѣщенія,—между тѣмъ страна переживала уже триста лѣтъ историческаго существованія. Только однажды, въ краткое управленіе Сперанскаго, была сдѣлана попытка поднять общественную жизнь и самосознаніе Сибири, но по разнымъ обстоятельствамъ времени эта попытка не принесла желанныхъ плодовъ. Теперь, казалось, насту-

[1]) Въ „Литературномъ Сборникѣ“, Ядринцева, Спб. 1885, стр. 407—424: „Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири“, Сибиряка, и тамъ же, стр. 352—406: „Начало печати въ Сибири“.

пило время, когда можно было надѣяться лучшаго успѣха, когда потребность преобразованія стала сказываться въ свѣжихъ силахъ самаго сибирскаго общества. Настроеніе, проникавшее реформы 60-хъ годовъ, повидимому распространялось и на судьбы Сибири. Въ эти годы вернулись въ Томскъ многіе изъ молодыхъ сибиряковъ упомянутаго университетскаго кружка, въ числѣ ихъ г. Ядринцевъ, который и началъ тогда какъ свои публицистическіе труды, такъ и разнообразныя изслѣдованія о прошломъ и современномъ бытѣ Сибири. Въ 1863, онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета для Сибири и предлагалъ основать общество для собиранія на него пожертвованій [1]); въ эти годы г. Ядринцевъ принялъ участіе въ мѣстной газетѣ. Къ сожалѣнію, работа въ Сибири была прервана тѣмъ процессомъ о „сибирскомъ сепаратизмѣ", который окончился также ссылкой для Потанина и Шашкова; г. Ядринцевъ былъ высланъ на жительство въ Архангельскъ и только въ 1874 году былъ амнистированъ. Это обстоятельство не помѣшало нашему писателю работать надъ изученіемъ Сибири [2]). Въ 1872 году онъ собралъ и дополнилъ свои журнальныя статьи о сибирской ссылкѣ въ отдѣльное изслѣдованіе: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ", которое впослѣдствіи послужило какъ матеріалъ для коммиссіи, работавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки. Въ своей книгѣ Ядринцевъ говорилъ противъ ссылки, доказывая ея непрактичность и въ особенности крайне вредное вліяніе на гражданскую жизнь Сибири. Въ 1873 онъ продолжалъ статьи по сибирскимъ вопросамъ въ замѣчательной „Камско-Волжской газетѣ", издававшейся въ Казани и впослѣдствіи закрытой. Съ 1874 года, когда обсуждался вопросъ о тюремномъ преобразованіи, Ядринцевъ снова выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ [3]), а также о другихъ вопросахъ сибирской жизни—объ административной реформѣ, о „золотомъ дѣлѣ", о си-

[1]) Лекція была напечатана въ „Томскихъ губерн. Вѣдомостяхъ", въ 1864. Извѣстно, что затѣмъ стали дѣйствительно собираться пожертвованія, дошедшія наконецъ до огромныхъ суммъ, которыя дали возможность осуществить это предпріятіе.

[2]) Въ 1866 году была помѣщена имъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", издававшемся Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ, біографія Чокана Валиханова, о которомъ будемъ говорить далѣе.

— Въ 1868 году, въ „Женскомъ Вѣстникѣ" статья: „Женщина въ Сибири въ XVII—XVIII столѣтіи" на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

— Въ 1868 году, въ „Дѣлѣ": „Письма о сибирской жизни" подъ псевдонимомъ Семилужинскаго.

— Въ 1869 году, тамъ же, статья: „Секретная" и „Община въ русскомъ острогѣ" и др.

[3]) Въ „Голосѣ", „Недѣлѣ", „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Вѣстникѣ Европы", „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ"; брошюра: „Новыя свѣдѣнія о сибирской ссылкѣ". Спб. 1879.

бирской желѣзной дорогѣ, о нуждахъ рабочаго населенія Сибири, о реформѣ Сперанскаго, снова о сибирскомъ университетѣ (статья „Потребность знанія на Востокѣ").

Съ 1875 года основалась въ Иркутскѣ газета „Сибирь", подъ редакціей В. И. Вагина и М. В. Загоскина, гдѣ Ядринцевъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ; въ 1876 году онъ принялъ участіе въ казанскомъ литературномъ сборникѣ „Первый шагъ". Въ томъ же 1876 году онъ поступилъ на службу, приглашенный генералъ-губернаторомъ западной Сибири Казнаковымъ, который между прочимъ интересовался вопросомъ о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще подвинуть дѣло серьезнаго изученія Сибири. Служба при генералъ-губернаторѣ дала ему возможность дѣлать статистическія, экономическія и этнографическія изысканія, тѣмъ болѣе, что въ тѣже годы основанъ былъ въ Омскѣ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, гдѣ г. Ядринцевъ также принялъ дѣятельное участіе: онъ составилъ здѣсь програму для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, по которой собранъ былъ потомъ обширный матеріалъ, и програму для изученія сибирскихъ инородцевъ. Въ 1878 году онъ предпринялъ, въ качествѣ оффиціальной командировки, путешествіе въ алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ [1]). Затѣмъ выработана имъ опять программа для изслѣдованія переселенческаго движенія и колонизаціи. Въ 1880, онъ предпринялъ новое путешествіе въ Алтай для изученія инородческаго быта и объѣхалъ Томскую губернію, посѣтилъ Телецкое озеро и проникъ до вершинъ Катуни, собирая свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ [2]). Въ 1881 Ядринцевъ, оставивъ службу и возвратившись въ Петербургъ, работалъ надъ книгой, которая составила главный его трудъ [3]), гдѣ онъ собралъ важный матеріалъ по сибирской этнографіи и по различнымъ вопросамъ современной сибирской жизни, народной и общественной. Въ 1882 году, когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Ядринцевымъ сдѣланъ былъ докладъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ, о куль-

---

[1]) Отчетъ напечатанъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1879, кн. II.

[2]) Отчетъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла, 1881, кн. IV. Въ 1880 въ журналѣ „Русск. Богатство" помѣщена его статья: „Русская Швейцарія".

[3]) Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882. Черезъ нѣсколько лѣтъ эта книга явилась въ нѣмецкомъ переводѣ Э. Ю. Петри, съ обширными дополненіями: Sibirien, geographische, ethnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri, Professor der Geographie und Anthropologie an der Universität Bern. Mit zahlreichen Illustrationen. Jena. 1886.

турныхъ успѣхахъ Сибири въ 300 лѣтъ [1]); другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ Географическомъ Обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи; въ „Русской Мысли“ тогда же была имъ помѣщена статья: „Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ“.

Съ того же 1882 года г. Ядринцевъ основалъ еженедѣльное изданіе, „Восточное Обозрѣніе“, съ 1888 года перенесенное въ Иркутскъ: это замѣчательное изданіе остается до нынѣ самымъ серьезнымъ органомъ сибирской печати по богатству мѣстныхъ свѣдѣній изъ разныхъ краевъ Сибири; при газетѣ издается кромѣ того отдѣльными книжками „Сибирскій Сборникъ“, не однажды нами цитированный. Въ тѣ же годы въ „Трудахъ“ московскаго Археологическаго Общества и „Сибирскомъ Сборникѣ“ помѣщены труды г. Ядринцева по сибирскимъ древностямъ; въ томѣ „Живописной Россіи“, посвященномъ Сибири, была имъ помѣщена статья: „Западно-сибирская низменность“.

Въ 1886 г. Ядринцевъ сдѣлалъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ минусинскаго, а также и для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ минусинскомъ округѣ [2]). Затѣмъ въ Географическое Общество внесены были составленныя имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Новѣйшимъ обширнымъ трудомъ Ядринцева была книга объ инородцахъ [3]), заключающая много важныхъ данныхъ и соображеній по этому вопросу. Наконецъ въ послѣдніе годы, въ связи съ давно занимающимъ его вопросомъ объ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ, г. Ядринцевъ предпринялъ изслѣдованія въ сѣверной Монголіи, гдѣ онъ открылъ развалины знаменитаго и затеряннаго историками Каракорума: это открытіе возбудило живѣйшій интересъ въ средѣ спеціалистовъ и по слѣдамъ г. Ядринцева направилась въ ту мѣстность ученая экспедиція изъ Гельсингфорса, а затѣмъ лѣтомъ 1891 года экспедиція академическая, которая поручена была В. В. Радлову совмѣстно съ г. Ядринцевымъ [4]).

Какіе разнообразные вопросы изъ прошлаго и настоящаго Сибири подняты теперь сибирскими изслѣдователями, можно видѣть изъ книги

[1]) „Культурное и промышленное состояніе Сибири“. Докладъ Н. М. Ядринцева (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Спб. 1884.

[2]) Доклады о томъ, въ 1887, въ обществахъ Географическомъ и Археологическомъ въ Петербургѣ.

[3]) „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“. Спб. 1891.

[4]) Біографическія свѣдѣнія частію приведены въ предисловіи г. Петри къ его переводу, стр. XI—XIII; въ дополненіяхъ къ переводу сообщены также и другія замѣчанія о трудахъ г. Ядринцева. См. также „Литературныя и студенческія воспо- [illegible] Сибири“ самого г. Ядринцева, въ „Вост. Обозрѣніи“, 1884, № 26, 33, 34.

Ядринцева: „Сибирь, какъ колонія", представляющей одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы. Авторъ ставитъ въ предѣлахъ своей задачи слѣдующіе широкіе вопросы сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта: русская народность на Востокѣ, которая въ особыхъ условіяхъ сибирской природы, быта и смѣшенія съ инородческими племенами пріобрѣла здѣсь особый типъ, несомнѣнно своеобразный и еще недостаточно опредѣленный изслѣдователями; инородческій вопросъ о прошломъ и современномъ состояніи инородческихъ племенъ подъ вліяніемъ ихъ столкновеній съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ ихъ упадкѣ и вымираніи, о возможности или невозможности ихъ сохраненія; колонизація Сибири и современныя переселенія — сложный вопросъ, внутренній русскій и сибирскій, разные роды колонизаціи и разные способы устройства переселеній; ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ; экономическое положеніе Сибири; управленіе Сибирью, его исторія и современныя задачи; потребность знанія и интересы образованія на Востокѣ; будущность страны и условія ея благосостоянія. Всѣ эти вопросы, составляющіе самый основной интересъ сибирской жизни, сильно привлекаютъ теперь вниманіе сибирскихъ изслѣдователей и, простираясь по необходимости въ прошедшее, ставятъ для сибирской исторіографіи задачи, въ прежнее время едва затронутыя. Общее положеніе нашей исторической литературы въ это прежнее время было таково, что на долю историковъ оставалась почти только внѣшняя показная сторона прошедшаго; время ближайшее было совершенно недоступно: историки обыкновенно и не доходили до нихъ, и исторія Сибири, какъ и вообще новѣйшая исторія нашей государственной и общественной жизни, только теперь начинаютъ раскрываться въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ.

ГЛАВА X.

Этнографія сибирскихъ инородцевъ.

Въ предыдущемъ изложеніи не однажды указаны были работы по этнографическому изученію Сибири. Этотъ предметъ такъ обширенъ и сложенъ, что въ предположенномъ нами объемѣ невозможно изложить всей исторіи этихъ изслѣдованій и ихъ результатовъ. Съ одной стороны, этнографія Сибири связывается съ судьбой нѣсколькихъ разнородныхъ восточныхъ племенъ, частью имѣющихъ громадное распространеніе внѣ предѣловъ Сибири и имѣющихъ свою многовѣковую исторію; съ другой—она обнимаетъ цѣлый рядъ сѣверныхъ племенъ, заброшенныхъ въ далекія пустыни Сибири, почти неизвѣстныхъ исторіи и даже въ настоящее время трудно доступныхъ для научнаго изслѣдованія—до такой степени, что и донынѣ не выяснена вполнѣ этнологическая принадлежность многихъ сибирскихъ племенъ, которыя бываютъ относимы то къ одному, то къ другому корню, и общая классификація сибирскихъ племенъ еще остается въ наукѣ вопросомъ.

Сибирская этнографія распадается естественно на инородческую и русскую: эти двѣ различныя области нерѣдко, однако, органически соединяются сосѣдствомъ и сожительствомъ племенъ на одной территоріи, въ общихъ условіяхъ государственности, связываясь взаимнымъ расовымъ и бытовымъ вліяніемъ. Одна изъ этихъ областей этнографіи должна объяснить составъ, исторію и особенности инородческихъ племенъ Сибири, и мы говорили сейчасъ, съ какою сѣтью историческихъ вопросовъ связанъ этотъ отдѣлъ сибирскихъ изученій; другая область сибирской этнографіи должна объяснить особенности русскаго племени въ Сибири,—потому что въ Сибири несомнѣнно народились эти особенности подъ вліяніемъ ея почвы, климата, племенныхъ смѣ-

шеній, исключительныхъ историческихъ и бытовыхъ обстоятельствъ. Если въ первомъ отдѣлѣ научное рѣшеніе затруднено большою сложностью данныхъ и отчасти трудностью ихъ изслѣдованія, то во второмъ оно замедляется недостаточностью фактовъ, какіе были до сихъ поръ собраны, потому что этнографія русскаго племени въ Сибири едва только теперь привлекаетъ серьезное вниманіе изыскателей. На этомъ основаніи, особливо по первому отдѣлу трудно дать послѣдовательную исторію изученій, какъ это было возможно въ другихъ областяхъ русской этнографіи, и мы должны будемъ большею частью только указывать поставленные вопросы, отмѣчать связь вопросовъ сибирской этнографіи съ общимъ положеніемъ азіатскихъ изученій и археологіи. До сихъ поръ ни въ томъ, ни въ другомъ отдѣлѣ сибирской этнографіи нельзя указать ни одного труда, который обнималъ бы предметъ во всей широтѣ его сложнаго объема или, по крайней мѣрѣ, намѣтилъ бы полную программу его изслѣдованія: всего чаще мы имѣемъ передъ собой массу детальныхъ изслѣдованій, едва одолимыхъ для одного изыскателя, который хотѣлъ бы свести ихъ въ одно цѣлое.

Древнѣйшая исторія Сибири была совершенно чужда русскому племени. Судьба ея нынѣшнихъ „инородцевъ“ восходитъ къ отдаленному времени, когда они наполняли Сибирь болѣе или менѣе самостоятельными племенами: въ эту старину съ трудомъ проникаетъ исторія, которой до сихъ поръ не удалось еще распутать старыхъ племенныхъ отношеній, какъ съ другой стороны наукѣ не удалось еще установить ихъ этнографической классификаціи. Этимъ временамъ предшествуетъ еще неопредѣленно долгій періодъ старины до-исторической: въ послѣднее время въ Сибири находятъ все больше и больше слѣдовъ каменнаго вѣка и перваго появленія металловъ, и по мѣрѣ того какъ умножаются раскопки въ разныхъ мѣстахъ Сибири, открывается все больше слѣдовъ этого до-историческаго быта.

Изученіе инородческаго міра въ Сибири въ строго научномъ смыслѣ должно начинаться разъясненіемъ этой археологической этнографіи. Изслѣдованія этого рода начаты только очень недавно, и при недостаткѣ раскопокъ до сихъ поръ не могла быть опредѣлена даже въ общихъ чертахъ территорія, на которой открываются остатки каменнаго вѣка. До сихъ поръ не выяснены и другіе археологическіе памятники, разсѣянные особливо въ южной Сибири, такъ-называемыя „чудскія могилы“ разнаго рода, въ первый разъ замѣченныя для науки учеными путешественниками прошлаго вѣка: въ то время эти могилы, заключавшія, между прочимъ, много вещей изъ дорогихъ металловъ, были уже расхищаемы искателями кладовъ; нахо-

димые предметы сбывались на рынкахъ какъ ломъ, и только въ последніе годы обращено вниманіе на собираніе и сохраненіе этихъ предметовъ въ мѣстныхъ музеяхъ. Не разъяснены доселѣ и остатки старыхъ письменъ (такъ-называемыя „писаницы") и живописныхъ изображеній на скалахъ и камняхъ, какихъ не мало существуетъ въ южной Сибири и которыя также исчезаютъ отъ времени. Давно обратили вниманіе ученыхъ такъ-называемыя „чудскія копи", остатки древнихъ рудниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, находимы были образцы древнихъ орудій горнаго дѣла... Какъ ни скудна была до сихъ поръ разработка этихъ остатковъ сибирской до-исторической старины, они доставляли уже важныя указанія или намеки на исторію каменнаго вѣка въ Азіи и въ Европѣ и перваго появленія металловъ. Нѣкоторымъ ученымъ приходила даже мысль, что древнѣйшая исторія азіатскаго человѣчества имѣла исходный пунктъ на сибирскомъ сѣверѣ.

Одинъ изъ ревностныхъ изслѣдователей сибирской древности, Н. Поповъ (уже умершій), такъ представляетъ древнюю историческую почву Сибири: „Обширныя страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сибири, за нѣсколько вѣковъ до нашего лѣтосчисленія были населены разными народами и народцами племенъ финскаго, турксклго, монгольскаго и манджурскаго. Сильнѣйшіе изъ нихъ тѣснили слабѣйшихъ, покоряли ихъ, истребляли или отодвигали куда-нибудь далѣе на западъ или сѣверъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ, напр. монголы, манчжуры, татары, донынѣ продолжаютъ крѣпко существовать и сохранять свои племенныя черты, хотя уже и измѣненныя подъ вліяніемъ другихъ національностей; другіе, загнанные въ мѣста суровыя, поставленные въ условія, неблагопріятныя для жизни, хотя и продолжаютъ донынѣ влачить свое жалкое существованіе, но годъ отъ году становятся все малочисленнѣе, какъ напр. сойоты, карагасы, койбалы, камасинцы, остяки, самоѣды, якуты туруханскіе, чукчи и пр., а нѣкоторые въ своихъ скитаніяхъ уже давно вымерли, оставивъ послѣ себя одни темныя имена, какъ напр. асаны, котты, арины, омоки и др.

„При постоянномъ передвиженіи и переселеніи, народы, тѣснившіе и смѣнявшіе другъ друга, на мѣстахъ своего болѣе или менѣе продолжительнаго жительства оставляли слѣды своего существованія —въ курганахъ, разнаго рода постройкахъ, издѣліяхъ и другихъ памятникахъ. Такого рода остатками особенно богаты мѣста, болѣе привольныя для жизни и потому съ незапамятныхъ временъ наиболѣе населенныя, какъ напр. окрестности алтайскихъ и саянскихъ горъ и долины рѣки Иртыша, Оби и Енисея съ ихъ безчисленными притоками, въ Забайкальѣ мѣста по Селенгѣ, Чикою, Аргуни и Амуру.

Но безъ преувеличенія можно сказать, что памятники глубокой древности разсѣяны по всему обширному пространству Сибири, такъ что мы, сибиряки, живемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, на пепелищахъ и кладбищахъ аборигеновъ сибирскихъ" [1]). При распахиваніи земли, при раскопкѣ кургановъ, при рытьѣ колодцевъ, погребовъ и т. п. въ Сибири нерѣдко встрѣчаютъ какіе-нибудь остатки древности. Напр., въ самомъ Иркутскѣ найдены были въ 1871 году, между прочимъ, древнія украшенія изъ мамонтовыхъ бивней, каменныя стрѣлы и съ ними нѣсколько раздробленныхъ костей допотопнаго быка, дикой лошади и другихъ животныхъ, составлявшихъ, можетъ быть, пищу жившихъ здѣсь аборигеновъ.

Упомянутый нами раньше, заслуженный натуралистъ Черскій, который описывалъ эти иркутскія находки, считалъ невозможнымъ при нынѣшнемъ состояніи археологіи и палеонтологіи объяснить, кто были эти diluvii testes, современники потопа, имѣвшіе дѣло съ допотопными животными [2]). И дѣйствительно, вопросъ о каменномъ вѣкѣ въ Сибири только-что ставится, какъ онъ вообще новъ въ нашей археологической литературѣ. Сдѣлано много находокъ предметовъ каменнаго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Сибири; довольно большое количество этихъ предметовъ собрано было въ музеяхъ, напр. въ музеѣ Сибирскаго Отдѣла въ Иркутскѣ (до пожара), въ возникшемъ недавно замѣчательномъ музеѣ въ Минусинскѣ и пр.; но до сихъ поръ здѣсь, какъ у насъ въ Россіи, еще не опредѣлена самая территорія каменнаго вѣка, и предметъ остается открытымъ вопросомъ науки [3]).

---

[1]) Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Иркутскъ, 1874, т. V, вып. 1, стр. 11.

[2]) Извѣстія Сибирскаго Отдѣла, т. III, выпускъ 3. Иркутскъ, 1872, стр. 167—173: „Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ каменнаго періода".

[3]) Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири (съ таблицею рисунковъ), Н. И. Попова, въ „Извѣстіяхъ" Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. IX, Иркутскъ, 1878.

— Кухонные остатки и каменныя орудія, найденные на берегу Амурскаго залива и пр. М. Янковскаго, въ „Извѣстіяхъ", т. XII, Иркутскъ, 1881—82.

— Прибайкальскія древности и пр. Н. Агапитова, въ „Извѣстіяхъ", т. XII, Иркутскъ, 1881—82, и его же: Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Куды и по р. Унгѣ, тамъ же (съ двумя таблицами рисунковъ).

— Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары (съ картою и 3 таблицами рисунковъ), Н. И. Витковскаго, въ „Извѣстіяхъ", т. XIII, Иркутскъ, 1882.

— Доисторическія могилы въ окрестностяхъ Минусинска, А. В. Адріанова. „Извѣстія" Геогр. Общ., т. XIX, отд. II, 1883.

— О нѣкоторыхъ находкахъ каменнаго періода въ Вост. Сибири. Н. И. Витковскаго, „Древности", 1885.

— О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ г. Тюмени въ 1883 году, И. Я. Словцова, Записки Зап.-Сибирск. Отдѣла, 1885, кн. VII, вып. I, и др.

Мы не разъ упоминали о другихъ болѣе позднихъ древностяхъ, которыя представляются чудскими могилами и копями, которыя обратили на себя вниманіе еще первыхъ изслѣдователей сибирской древности въ XVIII столѣтіи, какъ Гмелинъ, Миллеръ, Палласъ, Георги; какъ новѣйшіе изслѣдователи — Спасскій, Степановъ, Кастренъ, Эйхвальдъ; какъ оріенталисты Шмидтъ, о. Іакинѳъ, Радловъ и, наконецъ, новѣйшіе мѣстные изыскатели [1]).

Надписи на скалахъ и камняхъ неизвѣстнаго письма, обратившія на себя вниманіе изслѣдователей Сибири еще съ начала прошлаго вѣка, съ путешествія Мессершмидта и съ книги Штраленберга и до новѣйшихъ временъ, несмотря на всѣ усилія археологовъ разгадать ихъ значеніе, остаются загадкой, какъ и тѣ рисунки и изображенія красками на скалахъ, которые также замѣчены еще съ прошлаго столѣтія. Не перечисляя попытокъ толкованія этихъ надписей, на которыхъ останавливался, между прочимъ, и знаменитый оріенталистъ Клапротъ [2]), укажемъ статьи того же сибирскаго археолога, Н. Попова, который нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету и старался собрать его литературу [3]). Въ концѣ концовъ надписи (т.-е.

— Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. М. 1881, т. I, главы VI, IX, XI, XII, и библіографическія указанія въ томѣ II.

[1]) См. новое сопоставленіе свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ статьѣ Н. Попова „О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края“ въ „Извѣстіяхъ“ Сиб. Отдѣла, Ирк. 1876—77 г., т. VII и VIII, со многими рисунками. См. также: О древнихъ городищахъ въ ялуторовскомъ уѣздѣ, тобольской губ., Н. Абрамова. „Вѣстникъ Геогр. Общ.“ 1854 г., кн. X, отд. V.

— Краткое описаніе такъ-назыв. чудскихъ древностей (въ Нерчинскомъ округѣ), А. Павлуцкаго. „Записки“ Сибирскаго Отд., кн. IX—X. Ирк., 1867. Смѣсь.

— О чудскихъ городахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинскомъ краѣ, „Извѣстія“ Сибирск. Отдѣла, т. IV, Ирк., 1873.

— О курганахъ въ Барнаульскомъ округѣ томской губ. (изъ письма свящ. А. Киселева), въ „Извѣстіяхъ“, т. XI, Ирк. 1880—91.

— Раскопка кургановъ тобольской губ. въ „Запискахъ“ Зап.-Сиб. Отдѣла, кн. IV, Омскъ, 1882 (смѣсь).

— Извѣстія о каменныхъ изваяніяхъ, „бабахъ“, въ „Запискахъ“ Сиб. Отдѣла, 1864, кн. VII; въ „Извѣстіяхъ“ 1871, т. II, и др.

Наконецъ, общіе обзоры металлическихъ древностей въ сибирскихъ могилахъ и курганахъ см. въ статьѣ Радлова объ аборигенахъ Сибири въ „Живописной Россіи“, Вольфа, т. XIII, и въ его же книгѣ: „Aus Sibirien“, Leipz., 1884, т. II, стр. 38—143 („Sibirische Alterthümer“). Далѣе: „Древности минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ“, съ атласомъ, Д. Клеменца. Томскъ, 1886, и статьи Чекановскаго, Полякова, Черскаго, Лерха и др., въ изданіяхъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла и въ „Трудахъ“ петербургскаго Археологич. Общества. Изъ прежнихъ сочиненій надо замѣтить Эйхвальда: „О чудскихъ копяхъ“. Спб., 1856.

[2]) Sur quelques antiquités de la Sibérie, par Mr. Klaproth. Paris, 1823 (14 стр. съ копіями надписей).

[3]) „О писаницахъ Минусинскаго края“, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла,

исключая тѣ, которыя принадлежатъ извѣстнымъ восточнымъ языкамъ) остаются необъяснены до сихъ поръ; особенный интересъ загадки заключается въ томъ, что неизвѣстныя письмена носятъ не азіатскій, а европейскій характеръ, своими начертаніями напоминаютъ руны, а иногда греческое или славянское письмо,—что̀ дало поводъ къ предположеніямъ о давнихъ связяхъ народовъ южной Сибири съ болѣе культурнымъ юго-востокомъ Европы [1]).

Новѣйшая этнографическая исторія сибирскихъ инородческихъ племенъ представляется чрезвычайно запутанной. Низкая степень развитія большинства изъ нихъ; отсутствіе памятниковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о совершившихся здѣсь переворотахъ; недостатокъ изслѣдованій ихъ племени и языка въ новѣйшее время, дѣлали то, что даже въ настоящее время этнографическія отношенія сибирскихъ инородцевъ представляются нерѣдко неясными и спорными. Знаменитый этнографъ Пешель говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пространство между Охотскимъ заливомъ и европейскою Лапландіей населено, сверхъ русскихъ переселенцевъ, народностями, живущими охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, причемъ онѣ, насколько можно слѣдить за ихъ исторіею, постоянно мѣняли свое мѣстопребываніе и смѣшивались между собою. Среди нихъ часто появлялись завоеватели, которые объединяли разрозненныя орды въ организованную общую массу. Было ли это обширное пространство когда-либо населено выходцами *различныхъ расъ*, или все туземное населеніе состоитъ изъ потомковъ *одного только племени*,—этого въ настоящее время *нельзя ни утверждать, ни отрицать*. Если и были прежде расовыя различія, то онѣ, во всякомъ случаѣ, успѣли изгладиться, благодаря постоянному смѣшенію крови. Въ физической организаціи туземцевъ мы находимъ всѣ переходныя ступени между строго-монгольскимъ типомъ и типомъ цивилизованныхъ жителей Запада. Эта группа народностей, которую Кастренъ окрестилъ именемъ алтайцевъ, тѣсно примыкаетъ къ восточнымъ и юго-восточнымъ азіатамъ". Ни одинъ изъ народовъ сѣвера Сибири

т. III, Ирк., 1872, дальше въ т. V—VII; его же: „Краткій историческій обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ сѣверной и средней Азіи", — „Извѣстія", 1874, т. V. Эти толкованія собиралъ и г. Ядринцевъ, въ статьѣ: „Древніе памятники и письмена въ Сибири" („Литературный Сборникъ", Спб. 1885, стр. 456—476, съ таблицею надписей). См. также: „Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута, въ юго-восточной Сибири", съ рисункомъ Юренскаго, въ „Запискахъ" Сибирскаго Отдѣла, Спб. 1856, кн. II, отд. 1, и тамъ же статья архим. Аввакума.

[1]) О томъ, что̀ сдѣлано вообще по археологическому изученію Сибири, см. въ статьѣ того же Попова: „Общій историческій обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири", „Извѣстія" Сиб. Отдѣла, кн. V, Ирк., 1871.

не имѣетъ древней литературы, и невозможность изучать эти языки въ ихъ старыхъ формахъ чрезвычайно затрудняетъ рѣшеніе этнографическаго вопроса объ ихъ современномъ состояніи [1].

Научныя изысканія о сибирскихъ инородцахъ начинаются съ XVIII-го вѣка. Первые писатели о Сибири, русскіе и иностранные (Новицкій, Витзенъ, Штраленбергъ и пр.), уже обратили вниманіе на эти народы, давали описаніе ихъ характера и быта, старались проникать въ ихъ прошлое, особенно прошлое народовъ татарскихъ и монгольскихъ, которые нѣкогда оставили такой кровавый слѣдъ въ судьбѣ восточной Европы и до сихъ поръ имѣютъ многочисленныхъ представителей въ Азіи и въ Европѣ; позднѣе академическіе путешественники старались въ особенности собрать свѣдѣнія объ этихъ народахъ и разъяснить ихъ исторію. Съ тѣхъ поръ и донынѣ ученые изслѣдователи, работавшіе въ Сибири, не упускали случая изучать эти племена, ихъ бытъ, нравы и преданія; это дѣлали даже тѣ путешественники, задачею которыхъ были только изслѣдованія естественно-историческія, или чистая географія. Такимъ образомъ, въ той обширной литературѣ путешествій, русскихъ и иностранныхъ, оффиціальныхъ и частныхъ, съ цѣлями учеными или просто практическими, въ массѣ описаній, составленныхъ оффиціально или собранныхъ случайными путешественниками,—въ этой литературѣ, которую мы до сихъ поръ пересматривали,—разбросано множество свѣдѣній о сибирскомъ инородческомъ населеніи, свѣдѣній почти всегда весьма интересныхъ, нерѣдко драгоцѣнныхъ по внимательности и научному авторитету наблюденія. Напомнимъ читателю, что̀ указано было выше изъ сочиненій Гмелина, Миллера, Палласа, Георги, Фалька, Лепехина, изъ путешествій Крузенштерна, Коцебу, Врангеля, Литке, изъ ученыхъ экспедицій Миддендорфа, Маака и т. д., изъ сочиненій Спасскаго, Словцова, Гагемейстера, Степанова, Кривошапкина и пр. Многіе изъ этихъ трудовъ имѣли значеніе настоящихъ подвиговъ для науки: изслѣдователи должны были совершать свой трудъ въ условіяхъ сѣверной природы едва выносимыхъ, какъ напр. Врангель, Миддендорфъ, Маакъ, Чекановскій и многіе другіе; во многихъ случаяхъ, сдѣланныя наблюденія остались единственными въ своемъ родѣ, потому что наблюдаемы были племена, готовыя окончить свое существованіе (напр. Миллеръ видѣлъ послѣдняго человѣка, говорившаго на языкѣ аринцевъ; Врангель и его спутники видѣли нѣкоторыя племена крайняго сибирскаго сѣвера, которыя нынѣ считаютъ исчезнувшими; нѣкоторыя бытовыя явленія, описанныя старыми путешественниками, впослѣдствіи уже не замѣчаются

---

[1]) Oscar Peschel, „Völkerkunde“, 6-е изд., Leipzig, 1885. (Русское изданіе, съ 6-го нѣмецкаго: „Народовѣдѣніе“, подъ ред. проф. Петри. Спб. 1890).

и т. д.). Всѣ эти труды остаются до сихъ поръ необходимымъ матеріаломъ для изученія инородческаго міра Сибири.

Въ концѣ прошлаго вѣка, академикъ Георги предпринялъ уже цѣльное этнографическое обозрѣніе племенъ, населяющихъ Россію. Въ сочиненіи общаго характера онъ могъ дать только сжатую картину инородческихъ племенъ, среди которыхъ много мѣста заняли сибирскія; притомъ этнографія того времени была почти только внѣшнимъ соединеніемъ фактовъ, которое служило любознательности, но еще не было наукой, не вызывало вопросовъ о внутренней исторіи племени: это была какъ бы литературная кунсткамера, собраніе рѣдкостей, въ объясненіе къ кунсткамерѣ предметной, какая была заведена при началѣ Академіи наукъ. Изъ старыхъ путешественниковъ прошлаго вѣка всѣхъ больше обращалъ вниманіе на интересы этнографическаго знанія Палласъ: натуралистъ по спеціальности, онъ обладалъ широкими свѣдѣніями по другимъ отдѣламъ науки, предвидѣлъ важность данныхъ археологическихъ и бытовыхъ, старался изучать исторію описываемыхъ ими племенъ, выяснять ихъ происхожденіе и взаимныя связи, и его книги: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи“ [1]), вышедшее на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ; далѣе „Neue Nordische Beyträge“ и матеріалы для исторіи монгольскихъ народностей [2]) цитируются до сихъ поръ какъ важный матеріалъ для исторіи сибирскихъ народовъ. Въ путешествіи Палласа много мѣста дано описанію инородцевъ, которыхъ онъ внимательно изучалъ на востокѣ европейской Россіи и Сибири (вогулы, татары, калмыки, киргизы, остяки, самоѣды и пр.); сдѣланныя имъ замѣчанія и собранные факты высоко цѣнятся по обширности знаній автора и точной наблюдательности; послѣдующія изслѣдованія не всегда подтверждали его выводы, но важно было, что онъ уже ставилъ вопросы, рѣшеніе которыхъ предстояло болѣе развитымъ средствамъ науки. Его точка зрѣнія въ этихъ предметахъ была еще близка къ обычному взгляду XVIII-го вѣка, который не предвидѣлъ широкаго развитія современной антропологіи, этнографіи, сравнительнаго языкознанія; въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ только (по русскому переводу) на „любопытство, обыкновенно стремящееся къ свѣдѣнію важныхъ новостей“, но его собственное любо-

---

[1]) Въ позднѣйшемъ изданіи: „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“.

[2]) Neue Nordische Beyträge etc. Pet. und Leipzig, 1781 — 96, семь томовъ. Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Petersb., 1776—1801, 2 тома. Изъ его путешествій выбраны были: Merkwürdigkeiten der obischen Ostjaken, Samojeden, daurischen Tungusen и пр. Frankf. und Leipzig, 1777, и др.

пытство отличалось особенною проницательностію. Чѣмъ дальше, тѣмъ вопросъ все болѣе усложняется и требуетъ все болѣе пристальныхъ изученій.

Народы средней Азіи, южной и восточной Сибири давно привлекли вниманіе западно-европейскаго ученаго міра по своему общему историческому значенію. Одна отрасль этихъ народовъ съ XIV и XV-го вѣка прочно утвердилась на Балканскомъ полуостровѣ и долго грозила безопасности самой средней Европы; передъ тѣмъ монголо-татарское нашествіе охватило восточный край Европы и достигало самаго центра ея; еще далѣе въ древность совершалось нашествіе гунновъ, оставившее память въ западныхъ лѣтописяхъ. Съ развитіемъ исторической науки, съ первымъ распространеніемъ изученія восточныхъ языковъ начинаютъ появляться изслѣдованія о гуннахъ, туркахъ, татарахъ и монголахъ; въ теченіе XVIII вѣка эти изслѣдованія (особливо нѣмецкія и французскія) составили уже значительную литературу, а въ нашемъ столѣтіи расширились до массы спеціальныхъ трудовъ въ области восточнаго азіатскаго міра, близко касающихся и Сибири. Надо искать у спеціалистовъ исторіи этой новой оріентальной науки; мы назовемъ лишь нѣкоторыя имена. Мы не разъ упоминали, напримѣръ, книгу голландца Витзена, работавшаго въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го надъ исторіей татарскаго народа; въ началѣ XVIII-го столѣтія былъ изданъ въ Лейденѣ французскій переводъ исторіи Абульгази-Багадуръ-Хана; Миллеръ въ началѣ своей сибирской исторіи ссылается уже на разныя книги европейскихъ ученыхъ, касавшіяся его предмета, между прочимъ на труды іезуитскихъ миссіонеровъ по китайской исторіи, объяснявшіе судьбу монгольскаго племени, нѣсколько отраслей котораго были обитателями нашей Сибири; въ 1756 году вышла знаменитая книга Де-Гиня [1]), которая долго оставалась авторитетомъ по этому трудному вопросу азіатской исторіи; въ концѣ столѣтія Гюльманъ пишетъ древнѣйшую исторію монголовъ [2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи оріентальныя изученія достигаютъ широкаго развитія во Франціи, Германіи, Англіи, наконецъ въ Россіи среди русско-нѣмецкихъ, русскихъ и наконецъ русско-инородческихъ ученыхъ. Труды западныхъ изслѣдователей, посвященные тюркскому и монгольскому міру, нерѣдко касаются ближайшимъ образомъ нашей инородческой Сибири; назовемъ имена: Абеля Ремюза̀, Д'Оссона, Клапрота (нѣмецкаго ученаго, работавшаго главнымъ образомъ во Франціи), Шотта, Гаммера-Пургшталля, въ новѣйшее время Вольфа, Вамбери, Уйфальви,

[1]) De-Guignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, 5 томовъ. Paris, 1756—1758.

[2]) Geschichte der Mongolen bis 1206. Berlin, 1796.

Юльга и пр. Къ нимъ примыкаютъ труды русско-нѣмецкихъ ученыхъ — Эрдманна (профессора въ Казани), академиковъ Френа, Шёгрена, Шмидта, Дорна, Бётлинга, Радлова; русскихъ оріенталистовъ — о. Іакинѳа, О. Ковалевскаго, Попова, Березина, П. Савельева, Бобровникова, Васильева, В. Григорьева, Захарова, Ильминскаго, Позднѣева; русско-инородческихъ ученыхъ—Дорджи Банзарова, Чокана Валиханова, Катанова и пр. Изслѣдованія по исторіи, языку, религіи, законамъ и обычаямъ монголовъ, манджуровъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ и пр. имѣютъ всегда прямое или косвенное отношеніе къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ, а спеціальное изученіе послѣднихъ даетъ важныя указанія объ исторіи цѣлыхъ этихъ племенъ, и мало того — нерѣдко даетъ ключъ къ раскрытію того громаднаго этнологическаго процесса, который совершался нѣкогда въ этихъ внутреннихъ странахъ Азіи.

Къ оріентальнымъ изученіямъ присоединяются, наконецъ, изслѣдованія финскаго племени и языка. Многія изъ сибирскихъ инородческихъ племенъ принадлежатъ къ финскому племени, вѣтви котораго идутъ далеко на востокъ и на югъ Сибири, въ разнообразномъ сосѣдствѣ и смѣшеніи съ племенами тюркскими. Важность финскихъ изученій чувствовалась давно, но онѣ долго не распространялись на сибирскихъ финновъ, и только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о значеніи этого племени въ историческомъ движеніи народовъ поставленъ во всей его широтѣ, хотя далекъ отъ разрѣшенія. Изслѣдованія начались давно, съ XVI и XVII вѣка, но ограничивались областью сѣверно-европейскихъ финновъ и только въ недавнее время распространились на ихъ соплеменниковъ въ восточной Россіи и Сибири. По изученію финновъ сѣвера и востока Европы памятно особливо имя ученаго Шёгрена (Sjögren, ум. 1854), труды котораго принесли между прочимъ не мало полезныхъ указаній для русской исторіи и этнографіи; въ изслѣдованіи финновъ азіатскихъ первостепенное мѣсто принадлежитъ дѣятельности замѣчательнаго ученаго, которому только ранняя смерть не допустила совершить широко начатыхъ трудовъ. Это былъ Матіасъ-Александръ Кастренъ (1813 — 1852). Онъ былъ уроженецъ Остъ-Ботніи и былъ сыномъ сельскаго пастора; рано осиротѣвши, онъ еще мальчикомъ долженъ былъ заботиться о средствахъ къ своему существованію, поступилъ 16 лѣтъ въ гельсингфорсскій университетъ, гдѣ въ особенности занимался восточными языками, но мало-по-малу любовь къ родинѣ взяла верхъ въ его ученыхъ стремленіяхъ, и онъ посвятилъ свои труды изученію финскаго міра, которое расширилось затѣмъ на все такъ-называемое урало-алтайское племя. Для болѣе точнаго изслѣдованія племени, раздѣлившагося на такое обширное количество отраслей, какъ финское,

надо было изучить его на мѣстѣ, и языкъ его — въ устахъ народа. Съ этой цѣлью Кастренъ уже въ 1838 году сдѣлалъ путешествія въ Лапландію, а въ 1839 въ русскую Карелію; въ этомъ году онъ назначенъ былъ доцентомъ финскаго и древне-сѣвернаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ и издалъ свою первую латинскую диссертацію, въ 1841, и также шведскій переводъ финскаго національнаго эпоса „Калевалы", высоко-цѣнимый по точности и по изяществу передачи. Въ томъ же 1841 году онъ отправился, вмѣстѣ съ знаменитымъ собирателемъ и издателемъ этого эпоса, Лёнротомъ, въ новое путешествіе въ Лапландію до Архангельска, и затѣмъ, уже одинъ, получивъ пособіе отъ финляндской казны, продолжилъ свои изысканія на страну самоѣдовъ. Здѣсь онъ велъ свою работу среди чрезвычайно труднаго путешествія и въ концѣ 1843 года былъ въ Обдорскѣ; разстроенное здоровье побудило его прервать свое путешествіе; черезъ Березовъ онъ поѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ въ мартѣ 1844 года и оттуда поспѣшилъ на родину. По возвращеніи онъ напечаталъ на латинскомъ языкѣ зырянскую грамматику и затѣмъ грамматику черемисскаго языка [1]). Въ слѣдующемъ году Кастренъ, когда здоровье его поправилось, снова предпринялъ далекое путешествіе, продолжавшееся съ начала 1845 до начала 1849 года, на счетъ Академіи наукъ. Академія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла планъ большого сибирскаго путешествія съ чисто этнографическою цѣлью, преимущественно для изученія сѣверныхъ сибирскихъ племенъ, и именно самоѣдскаго съ его отраслями въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Кастренъ, уже заявившій себя нѣсколькими серьезными работами въ области финскаго языка, представлялся для этой задачи наилучшимъ исполнителемъ. Путешествіе Кастрена было единственнымъ въ своемъ родѣ: простираясь на сѣверъ до 72° широты и на востокъ до Нерчинска, Читы и Кяхты, оно имѣло цѣлью, съ одной стороны, обнять сколько можно шире область финско-тюркскихъ языковъ и, съ другой, разыскать всѣ частныя видоизмѣненія нарѣчій, для чего приходилось отправляться въ сторону отъ большихъ дорогъ въ самыя гнѣзда мелкихъ племенъ, жить въ убогой обстановкѣ ихъ быта, подвергаясь всякаго рода лишеніямъ, которыя были тѣмъ болѣе тяжки, что здоровье Кастрена, и безъ того не крѣпкое, было во время пути окончательно подорвано. Это, однако, не мѣшало ему съ необыкновенною энергіею вести изслѣдованія, въ которыхъ исполнялась его давняя научная и патріотическая мечта.

Несмотря на исключительную трудность путешествія, Кастренъ совершилъ замѣчательные труды по опредѣленію лингвистическихъ

---

[1]) Elementa grammatices Syrjaenae; Elementa grammatices Tscheremissae.

и этнографическихъ отношеній сибирскаго инородческаго міра—самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ, бурятъ и татаръ. Съ дороги онъ присылалъ въ Академію наукъ рядъ любопытныхъ отчетовъ, и кромѣ того писалъ о ходѣ своихъ поѣздокъ и работъ къ своимъ друзьямъ и къ представителю финскихъ изученій въ Академіи, Шёгрену. Большое число этихъ отчетовъ и писемъ напечатано было въ бюллетеняхъ Академіи и финляндскихъ журналахъ въ 1845—1848 годахъ. По возвращеніи въ Петербургъ въ январѣ 1849 года, онъ представилъ въ Академію общій отчетъ о своемъ путешествіи, а осенью того же года изданъ былъ Академіей его опытъ остяцкой грамматики [1]). Въ началѣ 1851 года онъ получилъ въ гельсингфорсскомъ университетѣ каѳедру финскаго языка и литературы и прилежно работалъ надъ грамматикой самоѣдскаго языка, которую считалъ главнымъ трудомъ своей жизни, и которую за нѣкоторыми исключеніями окончилъ лишь незадолго до своей смерти. Кромѣ лекцій въ университетѣ, предметомъ которыхъ были этнологическія отношенія алтайскихъ народовъ и финская миѳологія, онъ предпринялъ новое пересмотрѣнное изданіе записокъ о своихъ первыхъ путешествіяхъ; но къ сожалѣнію ему не довелось окончить ни этого изданія, ни вообще своихъ ученыхъ предпріятій. Въ началѣ слѣдующаго года (25-го апрѣля—7-го мая 1852) онъ умеръ. Это была великая потеря для науки: до сихъ поръ остается незанятымъ то мѣсто, которое занялъ Кастренъ по своимъ трудамъ о финскихъ языкахъ и племенахъ сѣверной Европы и Азіи. Труды его были изданы на шведскомъ языкѣ его друзьями въ Финляндіи, и въ то же время Академія наукъ предприняла нѣмецкое изданіе этихъ сочиненій, въ которое вошли кромѣ того спеціальныя лингвистическія работы Кастрена.

Первые два тома сочиненій Кастрена [2]) заняты его путевыми воспоминаніями изъ поѣздокъ 1838—1844 годовъ и отчетами и письмами изъ большого путешествія 1845—1849 г. Въ третьемъ томѣ помѣщены его „Чтенія о финской миѳологіи“; въ четвертомъ—„Этнологическія чтенія объ алтайскихъ народахъ, съ самоѣдскими сказками и татарскими богатырскими сказаніями“; въ пятомъ — мелкія сочиненія; наконецъ въ 6—12 томахъ изданы его изслѣдованія о языкахъ алтайскихъ народовъ: опыты остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ; грамматика и собраніе словъ самоѣдскаго языка; тунгузская грамматика и словарь; грамматика и собраніе словъ языковъ бурятскаго, койбальскаго и карагасскаго съ словарями изъ та-

---

[1]) Versuch eines ostjakischen Sprachlehre.

[2]) Въ нѣмецкомъ академическомъ изданіи: M. Alexander Castrén's Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wiss. herausgegeben von Anton Schiefner. Petersb., 1853—1858, 12 томовъ.

тарскихъ нарѣчій минусинскаго округа, енисейско-остяцкаго и коттскаго.

Въ какомъ настроеніи мысли и чувства Кастренъ совершалъ свои изученія, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія строки его воспоминаній въ концѣ его перваго путешествія:

„Хотя послѣдній долгій и трудный путь истощилъ мои силы, подорвалъ мое здоровье и подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на расположеніе духа, я, пріѣзжая въ Обдорскъ, чувствовалъ себя, однако, веселымъ и счастливымъ при мысли, что я находился наконецъ на священной почвѣ матери Азіи, что я дышалъ воздухомъ, который внесъ первую искру жизни въ грудь нашихъ отцовъ и сохраняетъ въ жизни еще многихъ изъ ихъ достойныхъ глубокаго сожалѣнія собратій. Судьба забросила ихъ частью на холодныя высоты Урала, частью къ еще болѣе холоднымъ берегамъ Ледовитаго моря, и связала ихъ духъ узами, которыя почти также крѣпки какъ ледъ, охватывающій сердце природы въ ихъ нынѣшнемъ отечествѣ. Эти узы—грубость, мракъ и дикость. Правда, и эта грубость сопровождается многими прекрасными, привлекательными качествами, и мнѣ казалось иногда, что чистый инстинктъ, невинная душа и доброта сердца этихъ такъ-называемыхъ дикихъ народовъ (Naturvölker) во многихъ отношеніяхъ могли бы пристыдить всю европейскую мудрость, но въ теченіе многихъ странствій въ дикой пустынѣ я, при многихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ сожалѣнію видѣлъ у тѣхъ же народовъ столько отвратительнаго и столько животной грубости, что въ концѣ концовъ я не столько люблю ихъ, сколько сожалѣю. Этотъ опытъ не уменьшалъ, однако, теплоты моего радостнаго чувства, что я находился, наконецъ, въ странѣ моихъ мечтаній, среди родного племени" [1]...

Путевыя замѣтки Кастрена, независимо отъ ихъ спеціальнаго значенія, любопытны, какъ всегда бываетъ любопытенъ разсказъ путешественника наблюдательнаго и любящаго свое предпріятіе, описывающаго мало извѣстныя страны съ тѣмъ обиліемъ подробностей, которыя переносятъ читателя въ его обстановку и рисуютъ картину невиданнаго быта и природы. Въ его отчетахъ и письмахъ разбросано множество цѣнныхъ этнографическихъ подробностей, но главною цѣлью было изученіе языка. Дѣло было въ разныхъ отношеніяхъ трудное. Въ трущобахъ Сибири Кастренъ разыскивалъ мелкія полудикія племена, у которыхъ могъ наблюдать новые варіанты языка, и внимательно изслѣдовалъ ихъ: нѣкоторые оттѣнки племенъ состояли всего изъ нѣсколькихъ сотъ и даже десятковъ человѣкъ;

---

[1]) Nordische Reisen und Forschungen, I, стр. 278.

.ались всего нѣсколько человѣкъ, помнившихъ языкъ
завшаго рода [1]); другія племена, упоминаемыя прежними,
ѕдавними, путешествіями и описаніями, должны были счи-
. окончательно вымершими.

Когда Кастренъ избранъ былъ Академіей для исполненія „боль-
юго сибирскаго путешествія", ему была дана инструкція, составлен-
ая Шёгреномъ, съ дополненіями Кёппена [2]). Главной задачей путе-
іествія ставилось изученіе племени самоѣдовъ и ихъ распростране-
ія въ Сибири. Самъ Кастренъ также считалъ это однимъ изъ основ-
ыхъ вопросовъ, предлежавшихъ изслѣдованію, и дѣйствительно по-
втилъ ему всего больше труда, но уже съ самаго начала путеше-
гвія его задача расширялась до цѣлаго обширнаго вопроса объ
гношеніяхъ всѣхъ основныхъ группъ инородческаго міра Сибири.
астренъ начиналъ свое сибирское путешествіе съ пріобрѣтенною
аньше увѣренностью о близкой связи самоѣдовъ съ финнами, и въ
ервыхъ письмахъ изъ Сибири уже дѣлалъ предположенія, что наука
ожетъ установить не только связь между финскими и тюрко-татар-
кими языками, но и съ монгольскими, которымъ уже приписываютъ
орkское происхожденіе. „Къ этому же результату,—писалъ онъ,—
ожно придти и чрезъ самоѣдское племя, которое съ одной стороны
эдственно съ финскимъ, а съ другой—съ семействомъ монгольскихъ
ародовъ... Отношенія финскаго къ монгольскому можно выяснить
ѣсколькими различными путями, напр. или стараясь установить
эдство между финскимъ и монгольскимъ языками черезъ самоѣдскій,
ли сдѣлавъ сравнительное изученіе монгольскаго, финскаго и тюрко-
атарскаго языка и т. д. Для еще болѣе полнаго познанія нашего
ношенія къ Востоку важно было бы сравнить финскій, тунгуз-
ій и манджурскій... Къ чему бы ни привели эти изслѣдованія,
нѣ во всякомъ случаѣ должны идти впередъ, потому что онѣ со-
авляютъ потребность времени и исторія не можетъ больше обой-
сь безъ ихъ результатовъ" [3]). Онъ и потомъ постоянно возвра-
ается къ этому общему вопросу. Упомянувъ, что историки финскаго
іемени указывали уже, что къ этому племени принадлежали многіе
ароды, знаменитые своими военными подвигами и торговою дѣя-
льностью, что именно финскіе народы дали сильнѣйшій толчокъ

---

[1]) Напр. онъ разсказываетъ о коттахъ: число ихъ простирается лишь на нѣ-
олько десятковъ человѣкъ (почти совсѣмъ обрусѣвшихъ), и изъ нихъ только *четыре*
ловѣка помнятъ старый свой языкъ, и то нетвердо (т. II, стр. 376, 387, 464).
стренъ составилъ, однако, грамматику этого языка.

[2]) То и другое напечатано въ сочиненіяхъ Кастрена, т. II, приложеніе, стр.
5—527.

[3]) Nordische Reisen, II, стр. 22.

къ такъ-называемому великому переселенію народовъ [1]), онъ говорить, что наука не можетъ, однако, остановиться на этомъ указаніи историческаго значенія племени: представлять финновъ какъ уединенную группу народовъ, совершенно несовмѣстимо съ тѣми результатами, какіе въ послѣднее время выработало сравнительное языкознаніе относительно родства народовъ. „Изслѣдованія не могутъ считаться удовлетворительными до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена связь, соединяющая финское племя съ какою-нибудь большою или малою частью остального міра; что такая связь дѣйствительно есть, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ осмѣливалась до сихъ поръ принимать самая смѣлая гипотеза, я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ“ [2]). Онъ намѣчаетъ уже теперь свой дальнѣйшій выводъ, что по родству съ самоѣдами финны соприкасаются со всѣми алтайскими народами и въ ихъ прошедшемъ находятъ опору и исходный пунктъ для своей собственной исторіи.

Упорно занимаясь лингвистическими изслѣдованіями, разыскивая всѣ мелкія самоѣдскія и остяцкія племена, изучая варіанты нарѣчій, Кастренъ всегда помнилъ широкую цѣль своихъ изслѣдованій. Въ письмахъ отъ начала 1846 года, онъ мечтаетъ, что, кончивъ настоящую экспедицію, онъ съ радостью снова отправился бы въ Сибирь, чтобы вести дальше свои разысканія. „Потому что, если моимъ нынѣшнимъ путешествіемъ достаточно доказано родство финскаго племени съ самоѣдскимъ, если, кромѣ того, финны очевидно родственны съ тюрками и татарами, то ближайшей задачей языкознанія естественно должно быть установленіе родства между финнами и тунгусами черезъ посредство самоѣдскаго племени. Дальше, отъ тунгусовъ открытый путь къ манджурамъ; а къ монголамъ ведутъ насъ всѣ пути, такъ какъ съ ними повидимому родственны и тюрки, и самоѣды, и тунгусы, и манджуры. Мы должны мало-по-малу привыкнуть къ мысли, что мы—потомки презираемыхъ монголовъ, но во всякомъ случаѣ можемъ апеллировать къ будущему съ вопросомъ: есть ли въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь опредѣленное различіе между кавказской и монгольской расой? По моему мнѣнію, *нѣтъ никакого*. Чтó бы ни говорили естествоиспытатели о различномъ образованіи черепа у кавказской и монгольской расы, остается замѣчательный фактъ, что европейскій финнъ имѣетъ кавказскій отпечатокъ, азіатскій—отпечатокъ монгольскій, что турокъ въ Европѣ похожъ на европейца, а въ Азіи на азіатца. Если хотятъ, однако, утверждать это различіе расъ на физіологическомъ основаніи, то должны одну половину финскихъ

---

[1]) Онъ ссылается при этомъ на Миллера (F. H. Müller): Der Ugrische Volkstamm.
[2]) Nordische Reisen, т. II, стр. 74—76.

и тюркскихъ племенъ относить къ кавказской, а другую къ монгольской расѣ, что̀ было бы нескладно". Кастренъ ведетъ дальше свое стремленіе связать свое финское племя съ европейскимъ человѣчествомъ. „Съ физіологической точки зрѣнія,—продолжаетъ онъ,—мнимое различіе расъ выдерживается еще менѣе. Правда, филологи много говорятъ объ аналитическомъ свойствѣ кавказскихъ языковъ и синтетическомъ свойствѣ языковъ монгольскихъ; но что̀ же это значитъ кромѣ того только, что первые сравнительно болѣе образованы, болѣе развиты въ области рефлексіи? Говорятъ, что монгольскіе языки бѣдны частицами. Почему? Потому что частицы составляютъ самыя отвлеченныя доли языка. Взамѣнъ того, эти языки обладаютъ рѣдкимъ богатствомъ мѣстныхъ обозначеній; потому что грубыя и чувственныя представленія сколько возможно точно изображаютъ внѣшнія стороны и отношенія каждаго предмета. При бо̀льшихъ успѣхахъ образованія эти отношенія оказываются столь многочисленными, столь неопредѣленными и въ большинствѣ случаевъ столь незначительными, что они не могутъ быть выражены съ полною точностью". Указавъ нѣсколькими примѣрами, что въ монгольскомъ языкѣ уже начинаются органическія измѣненія въ направленіи, отличающемъ языки кавказскіе (индо-европейскіе), Кастренъ объясняетъ, что предполагаемыя различныя свойства языковъ сводятся только къ различнымъ ступенямъ развитія... „Кавказскіе языки прошли уже черезъ эти и другіе подобные процессы, и не ошибутся тѣ, кто предположитъ, что въ болѣе раннемъ періодѣ эти языки имѣли тѣ же синтетическія свойства, которыя составляютъ теперь характеръ языковъ монгольскихъ. Изъ числа послѣднихъ, нѣкоторые языки, принадлежащіе финскому и тюрко-татарскому племени, нѣсколько опередили прочихъ въ своей культурѣ. Какъ извѣстно, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, начали принимать сходство съ кавказскими языками, такъ что филологи часто бывали въ нерѣшительности, куда въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ихъ причислить. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, я возвращаюсь къ положенію, что кавказскіе и монгольскіе языки относительно ихъ грамматическаго строенія не представляютъ никакихъ другихъ существенныхъ различій, кромѣ тѣхъ, какія проистекаютъ отъ степени развитія тѣхъ и другихъ народовъ" [1]). Кастренъ не хотѣлъ, однако, слишкомъ заходить впередъ; онъ замѣчаетъ, что прежде рѣшенія общаго вопроса о происхожденіи и родственныхъ связяхъ финскаго племени должны быть изучены промежуточные языки въ грамматическомъ и словарномъ отношеніи. Самъ онъ доставилъ въ этомъ отношеніи замѣча-

---

[1]) Nordische Reisen, II, стр. 160 и слѣд.

тельные труды въ цѣломъ рядѣ грамматикъ и словарей для разныхъ, между прочимъ весьма мелкихъ, нарѣчій сибирскихъ инородцевъ.

Профессура въ гельсингфорсскомъ университетѣ, по возвращеніи его изъ путешествія, продолжалась едва одинъ годъ: Кастренъ читалъ о финской миѳологіи и объ этнологіи алтайскихъ народовъ. Эту послѣднюю онъ ставилъ такимъ образомъ. Прежде всего онъ относился весьма недовѣрчиво къ построеніямъ, которыя рѣшали вопросъ о происхожденіи и родствѣ народовъ на основѣ данныхъ физіологіи, анатоміи и краніологіи, и, напротивъ, великое значеніе придавалъ этнографіи, сравнительному народознанію. „Долго,—говоритъ онъ,—былъ спорнымъ вопросомъ, къ какой человѣческой расѣ должно быть причислено финское племя. Знаменитый старый изслѣдователь въ этой области, Блуменбахъ, на основаніи своихъ физіологическихъ изысканій, пришелъ къ удивительному выводу, что одна половина финскаго племени принадлежитъ къ кавказской, другая къ монгольской расѣ. Новѣйшіе физіологи старались поправить эту неловкость, но были все-таки въ затрудненіи относительно рѣшенія вопроса. Обыкновенно они утверждали, что и финны, какъ тюрки, принадлежатъ кавказской или индо-европейской расѣ; но противъ этого ревностно протестовали филологи; они находили, что языкъ тюркскаго племени имѣетъ много сроднаго съ монгольскимъ, но по всему своему строю совершенно отличается отъ строя индо-европейскаго; на томъ же основаніи народы финскіе причисляются также къ монгольскому племени. Сюда же, по мнѣнію филологовъ, относятся народы тунгузскіе и манджурскіе, самоѣдскіе и, можетъ быть, еще другіе восточно-азіатскіе народы съ мало извѣстными языками. Ученые давали этимъ народамъ названіе татарскихъ, туранскихъ, скиѳскихъ, урало-алтайскихъ“ и пр. Кастренъ предпочиталъ называть всѣ эти народы *алтайскими*, такъ какъ въ далекой древности они обитали, повидимому, въ той части Азіи, которая граничитъ съ Алтайскою горною цѣпью. Относительно языка разныя вѣтви этихъ народовъ иногда очень далеки одинъ отъ другого, но, тѣмъ не менѣе, именно на основаніи языка они должны быть причислены къ одному семейству, такъ какъ всѣ принадлежатъ къ такъ-называемымъ приставочнымъ языкамъ (agglutinirende Sprachen) и отличаются одинаково всѣми свойствами этихъ языковъ.

Переходя потомъ къ отдѣльнымъ алтайскимъ народамъ, Кастренъ даетъ этнографическую характеристику тунгусовъ (въ связи съ манджурами), монголовъ, тюрковъ, самоѣдовъ, енисейскихъ остяковъ (по языку, не принадлежащихъ, впрочемъ, къ алтайскому племени), наконецъ собственныхъ финновъ или чудскихъ народовъ въ Европѣ и Азіи. Финновъ онъ дѣлитъ на четыре главныя вѣтви: 1) угорскіе

финны, къ которымъ онъ причисляетъ остяковъ, вогуловъ и венгровъ; 2) волжскіе народы, къ которымъ относятся черемисы и мордва; 3) пермское племя—пермяки, зыряне и вотяки; наконецъ 4) собственно финны съ ихъ мелкими вѣтвями въ Финляндіи, Кареліи, Лапландіи и въ Балтійскомъ краѣ [1]).

Таково содержаніе обширныхъ трудовъ Кастрена по этнографіи и языку народовъ, названныхъ имъ алтайскими. Мы подробнѣе остановились на дѣятельности Кастрена, потому что его труды остаются до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ предпріятіемъ по спеціальному изученію сибирскаго инородческаго міра во всей широтѣ его „алтайскихъ“ этнологическихъ связей, и вмѣстѣ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Путешествія Кастрена въ этнографическомъ отношеніи равняются по своему значенію съ самыми важными изъ тѣхъ сибирскихъ экспедицій, какія съ XVIII-го вѣка и донынѣ снаряжались съ цѣлями географическими и естественно-историческими. По языку сибирскихъ инородцевъ труды Кастрена остаются во многихъ случаяхъ единственными; его взгляды сохраняютъ до сихъ поръ высокій научный авторитетъ. Отмѣтимъ, наконецъ, нравственно-національную черту его дѣятельности; кромѣ ревностной энергіи научнаго изыскателя, имъ руководило теплое сочувствіе къ народамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ единоплеменниковъ своего собственнаго народа, сочувствіе, внушенное, быть можетъ, не столько инстинктомъ племеннымъ, сколько широкимъ чувствомъ общечеловѣческимъ: оно побуждало его защищать историческое и человѣческое достоинство этихъ народовъ, помогло ему увидѣть лучшія, обыкновенно мало признаваемыя или совсѣмъ отвергаемыя, черты въ ихъ характерѣ, хотя не помѣшало увидѣть и темныя стороны въ свойствахъ и бытѣ этихъ племенъ, столько, впрочемъ, обиженныхъ природой и исторіей [2]).

Послѣ Кастрена въ нашей литературѣ, которой отчасти труды его принадлежатъ, не было изслѣдователя, такъ много сдѣлавшаго по финскимъ изученіямъ. Дѣлались только отрывочныя замѣтки и сравненія въ этой области; передана была въ пересказѣ г. Майкова книга Альквиста; частныя изысканія объ инородцахъ сѣверо-востока Россіи и Сибири разростались; наконецъ и общій вопросъ о русско-

[1]) Мы не касаемся собственно финскихъ изслѣдованій Кастрена, какъ не имѣющихъ отношенія къ нашему настоящему предмету.

[2]) Въ русской литературѣ содержаніе сочиненій Кастрена было передаваемо въ изданіяхъ Географическаго Общества (В. И. Ламанскимъ), въ 1850-хъ годахъ, и въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“, Фролова.

финскихъ отношеніяхъ затронутъ былъ въ незаконченныхъ трудахъ умершаго недавно финнолога Веске.

Эстонецъ родомъ, Веске, по-русски Михаилъ Петровичъ (1843—1890), въ дѣтствѣ велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, поздно началъ учиться и, возъимѣвъ на 18-мъ году желаніе стать миссіонеромъ, поступилъ сначала въ гимназію въ Дерптѣ, потомъ въ Missionshaus въ Лейпцигѣ, но затѣмъ, охладѣвъ къ этому плану и напротивъ одушевившись желаніемъ служить своему собственному народу, онъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ скоро замѣченъ былъ своими профессорами какъ талантливый филологъ. Въ 1872 онъ сдалъ здѣсь докторскій экзаменъ и диссертацію: „Изслѣдованія по сравнительной грамматикѣ финскихъ нарѣчій", и въ 1874 назначенъ былъ лекторомъ эстонскаго языка въ Дерптѣ. Онъ ревностно занялся изученіемъ финской филологіи и народной поэзіи, и рядомъ съ этимъ съ ревностью предался дѣятельности общественной. „Одновременно съ научными наблюденіями, — говоритъ его біографъ, — Веске производилъ наблюденія практическаго характера, ловилъ малѣйшіе намеки на прогрессъ въ жизни родного народа, всматривался въ условія, противодѣйствующія его нормальному развитію. Со всѣмъ пыломъ своего темперамента онъ бросается въ борьбу съ притѣснителями своего народа (остзейскими феодалами). Онъ одновременно работаетъ какъ поэтъ, журналистъ (на эстонскомъ языкѣ), ученый и практическій боецъ... Время сенаторской ревизіи Манассеина было временемъ самой напряженной общественной дѣятельности Веске". Въ концѣ концовъ это сдѣлало его отношенія въ Дерптѣ натянутыми, и въ 1887 онъ былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ, гдѣ тогда же примкнулъ къ тамошнему Обществу археологіи, исторіи и этнографіи, и какъ прежде въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи, предпринималъ финскія изслѣдованія среди черемисъ и мордвы. Его изслѣдованія печатались въ Verhandlungen и Sitzungsberichte ученаго Эстонскаго Общества (по-нѣмецки) и въ эстонскихъ изданіяхъ, въ Казани—на русскомъ языкѣ въ „Извѣстіяхъ" упомянутаго казанскаго ученаго общества.

Главнымъ трудомъ его, прервавшимся на первомъ томѣ, была книга, гдѣ воспринята была вновь широкая задача изслѣдованія древнѣйшей поры финскаго племени, поставленная Кастреномъ: „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка" (Казань, 1890). Веске приходитъ къ выводамъ, какіе высказывалъ уже Альквистъ относительно древняго, до-историческаго вліянія славянъ на культуру финновъ [1]; но у Веске эти выводы больше обоснованы

[1]) Ahlquist, Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875. Нало-

данными изъ исторіи финскаго и славяно-русскаго языка. Въ другомъ вопросѣ, объ этнологическомъ положеніи финскаго племени, Веске примыкалъ къ гипотезѣ о до-историческихъ связяхъ угро-финновъ съ арійцами, выставленной Кастреномъ [1]).

Наконецъ, изслѣдователи сибирскаго инородческаго міра являются среди самихъ туземцевъ. Первымъ и особенно извѣстнымъ ученымъ былъ здѣсь Дорджи Банзаровъ, изъ бурятъ Забайкальскаго края. Въ 1834, привезли въ Казань четырехъ мальчиковъ-бурятъ и помѣстили въ 1-ую гимназію, гдѣ усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ; въ числѣ этихъ бурятъ былъ Банзаровъ. Изъ гимназіи онъ перешелъ въ университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься восточными языкамии, въ 1846 кончилъ курсъ, представивъ кандидатскую диссертацію: „Черная вѣра или шаманство у монголовъ" [2]). Въ концѣ 1847, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ изучалъ монгольскія и манджурскія рукописи и своими трудами пріобрѣлъ авторитетъ между спеціалистами. Въ 1848, уволенный изъ казачьяго сословія, въ которое зачислены были нѣкоторые бурятскіе роды, онъ съ маленькимъ чиномъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири. Въ 1849 онъ прибылъ въ Иркутскъ, и здѣсь, по словамъ біографа, „ученая дѣятельность его пошла на убыль. Онъ сталъ чуждаться всякаго общества и братался лишь съ своими родичами, полудикими бурятами. Послѣдніе годы своей жизни онъ часто прихварывалъ, но за совѣтами къ врачамъ не обращался, не довѣряя имъ, а самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Онъ умеръ въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 г. и торжественно похороненъ по буддійскому обряду". Труды Банзарова посвящены были монгольской исторіи и литературѣ, причемъ были имъ объяснены и нѣкоторыя подробности русской исторіи въ монгольскую эпоху [3]).

Не менѣе любопытное явленіе составляетъ біографія киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединеніе азіатскаго и европейскаго. По рожденію Валихановъ принадлежалъ къ киргизской ари-

---

женіе Л. Майкова: „О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. По сочиненію д-ра Августа Альквиста". Спб. 1877.

[1]) Некрологъ Веске, написанный И. Смирновымъ, въ „Этнограф. Обозрѣніи", кн. VI, 1890, стр. 149—155; разборъ его книги, И. С., въ „Историч. Вѣстникѣ", 1891, октябрь.

[2]) Издана была тогда же въ „Ученыхъ Запискахъ" Каз. университета.

[3]) Біографія его написана была въ свое время П. С. Савельевымъ: „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова". Спб. 1855; Критико-біограф. Словарь Венгерова, s. v.

стократіи, „бѣлой кости", считающей себя потомками Чингисъ-хана (род. во второй половинѣ 1830-хъ годовъ): онъ былъ внукъ послѣдняго киргизскаго хана Вали, и правнукъ хана Аблая, при которомъ Средняя орда киргизовъ вступила въ подданство Россіи, и родился въ киргизской степи, въ урочищѣ Кушъ-мурунѣ (къ юго-западу отъ Петропавловска, тобольской губ.): мусульманское имя его было Мухаммедъ-Ханафія; Чоканъ—уличное имя. Онъ учился въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, переименованномъ въ сороковыхъ годахъ изъ войсковаго казачьяго училища, гдѣ нѣкогда учился и его отецъ. Чоканъ поступилъ въ корпусъ, не умѣя ни слова по-русски, и выпущенъ офицеромъ въ 1853 (годомъ раньше сверстниковъ, такъ какъ, будучи инородцемъ, не имѣлъ права слушать спеціальныя военныя науки): онъ назначенъ былъ въ адъютанты къ тогдашнему генералъ-губернатору Западной Сибири, Гасфорду. Развитію Чокана способствовали прежде всего собственныя его дарованія, а также особенное вниманіе къ нему, какъ инородцу, со стороны нѣсколькихъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго омскаго общества (Гутковскіе, Капустины—покойный С. Я. Капустинъ былъ ближайшимъ его другомъ), гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой. Когда Гутковскій сдѣланъ былъ товарищемъ губернатора, управлявшимъ областью сибирскихъ киргизовъ, онъ еще болѣе сблизился съ Чоканомъ и поручалъ ему составленіе записокъ по управленію киргизами. П. П. Семеновъ, посѣтившій въ тѣ годы Западную Сибирь, былъ заинтересованъ Чоканомъ какъ рѣдкимъ явленіемъ, былъ удивленъ его образованіемъ и начитанностью въ литературѣ о Туркестанѣ. Въ некрологѣ Валиханова (составленномъ на основаніи сообщеній П. П. Семенова) говорится, что въ 1858 (западно-сибирскимъ начальствомъ по случаю безпрерывныхъ смутъ и возстаній въ Восточномъ Туркестанѣ) „признано было необходимымъ отправить довѣренное лицо въ Кашгаръ, какъ для полученія на мѣстѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи края, такъ и для изслѣдованія, насколько это было возможно, торговыхъ путей въ этихъ частяхъ Средней Азіи. Порученіе было опасное и для исполненія его нуженъ былъ человѣкъ съ большою рѣшительностью, съ наблюдательнымъ умомъ и при этомъ такой, который бы зналъ татарскій языкъ и восточные пріемы, такъ какъ приходилось ѣхать переодѣтымъ въ азіатское платье. Нельзя было найти человѣка, который болѣе соотвѣтствовалъ бы всѣмъ этимъ условіямъ, какъ Валихановъ". Въ іюнѣ 1858, онъ отправился въ путь въ караванѣ богатаго сартскаго купца въ Семипалатинскѣ, принявъ имя Алима—будто бы молодого сарта изъ семьи, нѣкогда жившей въ Кашгарѣ и давно переселившейся въ Россію. Валихановъ обрилъ волосы, одѣлся по-азіатски и выступилъ съ караваномъ изъ Семипалатинска. Караванъ

благополучно достигъ Кашгара, а весной 1859 возвратился въ нынѣшній городъ Вѣрный. Въ некрологѣ читаемъ: „Поѣздка эта была географическій подвигъ. Со временъ Марко-Поло, Кашгаръ не былъ посѣщенъ ни однимъ европейцемъ, кромѣ несчастнаго Адольфа Шлагинтвейта, убитаго въ этомъ городѣ". Чоканъ былъ принятъ родными „Алима" (именемъ котораго онъ назвался) за родного; ему обрадовались, устроивались пиры въ честь возвратившагося; родственники подыскали красавицу невѣсту и женили Чокана—по мѣстному обычаю на время пребыванія въ городѣ. Кашгарскій край въ это время только-что вынесъ революцію, которую произвелъ повстанецъ Якубъ-бекъ, и слѣды погрома еще были видны. Валихановъ видѣлъ пирамиду изъ человѣческихъ головъ на площади Кашгара и жители говорили, что въ числѣ ихъ лежитъ и голова Шлагинтвейта. Кашгарскія власти получили наконецъ извѣстіе, что подъ видомъ Алима скрывается русскій офицеръ, но извѣстіе пришло слишкомъ поздно: караванъ уже возвращался въ Россію. Изъ Кашгара была послана погоня, но она не успѣла догнать каравана, — онъ перешелъ русскаго границу.

Вѣроятно еще жизнь въ каменныхъ стѣнахъ кадетскаго корпуса дурно повліяла на здоровье Чокана. Хотя каждое лѣто его отправляли на родину въ степь, но эти поѣздки не наверстывали того, что̀ его организмъ терялъ за зиму. По окончаніи Кашгарской экспедиціи онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, но климатъ и жизнь столицы еще больше разстроили его здоровье: у него обнаружились признаки чахотки, и доктора на другой же годъ выслали его въ степь. Онъ послѣ и жилъ въ степи (въ Кокчетавскомъ округѣ), на зиму выѣзжая въ Омскъ. Когда генералъ Черняевъ предпринялъ первый походъ на Ташкентъ, Валихановъ приглашенъ былъ къ участію въ походѣ, но не вынесъ военныхъ сценъ и, кажется еще, расходился съ генераломъ Черняевымъ и во взглядахъ на веденіе дѣла, и вернулся съ похода въ Вѣрный; болѣзнь его усилилась и онъ умеръ въ киргизскомъ аулѣ (на границѣ съ Кульджинскимъ краемъ) въ 1864, на 31 году отъ роду.

Печатныя работы Валиханова были немногочисленны, и нашли мѣсто въ изданіяхъ Географ. Общества: „Очерки Гжунгаріи" (въ „Запискахъ", 1861, кн. I—II); „О состояніи Алтышара, или части восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу въ Малой Бухаріи въ 1858—59 гг." (тамъ же, кн. III). Въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общества за 1868 годъ (т. IV, отд. 2-й) помѣщено было извѣстіе о поѣздкѣ Валиханова въ Кашгаръ [1]).

[1]) Біографическія свѣдѣнія въ некрологѣ Валиханова, „Отчетъ" Геогр. Общ. за

Но напечатано было далеко не все, чтò было собрано Валихановымъ. Рукописи его безслѣдно пропали. „Для собранія матеріаловъ по исторіи, этнографіи и географіи Средней Азіи,—говоритъ некрологъ,—Валихановъ не щадилъ ни трудовъ, ни пожертвованій: тщательно записывалъ преданія, легенды и поэмы своего народа, скупалъ древности и съ опасностью жизни добывалъ рукописи... Валихановъ сохранилъ глубокую преданность своей странѣ, онъ любилъ киргизскую жизнь, но съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ высоко цѣнить западную цивилизацію и предвидѣлъ для своего народа отрадную будущность только подъ покровительствомъ Россіи". Люди, близко знавшіе Валиханова, прибавляютъ, что по своимъ умственнымъ симпатіямъ и направленію Валихановъ былъ русскимъ западникомъ: онъ искренно любилъ Россію, видѣлъ ея недостатки и вмѣстѣ съ лучшими людьми ея желалъ горячо ея обновленія. Онъ увлекался движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ свободный мыслитель, но оставался мусульманиномъ, чтобы не порывать связи съ своимъ народомъ.

Послѣ Банзарова и Валиханова, въ новѣйшее время опять являются любопытные примѣры сближенія сибирскихъ инородцевъ съ русскимъ образованіемъ. За послѣдніе годы можно указать нѣсколько случаевъ дѣятельнаго участія мѣстныхъ бурятъ въ работахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ. Въ „Запискахъ" этого отдѣла изданы были недавно бурятскія сказки и преданія, собранныя главнымъ образомъ самими бурятами—М. Н. Хангаловымъ, И. В. Вамбо-цэрэновымъ, Ю. Л. Лумбуновымъ, Р. Н. Номтоевымъ; изданіе нѣкоторыхъ книгъ этого рода сдѣлано было даже на средства бурятскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева.

Въ то же время труды по изученію своихъ племенъ предпринимаютъ и другіе инородцы. Назовемъ якутовъ Николаева, Порядина, алтайскаго тюрка (крещенаго) Мих. Чивалкова, татарина Ибрагимова, еще бурята Дорожеева; наконецъ, минусинскаго инородца Катанова, университетскаго оріенталиста, уже заявившаго себя учеными трудами по изученію инородческой Сибири, именно работавшаго у минусинскихъ татаръ, у карагасовъ въ нижнеудинскомъ округѣ, у сойотовъ (китайскихъ подданныхъ) въ верховьяхъ Енисея, у киргизовъ въ Тарбагатайскомъ хребтѣ.

Исчисленіе того, чтó сдѣлано до сихъ поръ по изученію сибирскихъ инородцевъ, можетъ найти мѣсто только въ библіографическомъ обзорѣ этой литературы. Лишь въ послѣднее время являются обшир-

---

1865; въ біографіи Чокана, г. Ядринцева, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", издававшемся Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ, 1866; мы пользовались также сообщеніями Г. Н. Потанина.

ные труды, какъ сборники сибирско-тюркскихъ народныхъ сказаній В. В. Радлова, какъ монгольскія изученія Г. Н. Потанина, какъ антропологическія изученія средне-азіатскихъ инородцевъ г. Харузина и др.; но большею частію это—лишь отдѣльныя эпизодическія описанія или путевые разсказы, часто не лишенные важныхъ свѣдѣній, но не представлявшіе достаточно полныхъ научныхъ описаній, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти работы дѣлались людьми, мало или совсѣмъ не знакомыми съ языкомъ самихъ инородцевъ. Мы можемъ указать лишь нѣкоторыя работы, въ свое время обращавшія на себя вниманіе [1]).

Такъ, довольно значительна литература о самоѣдахъ—архангельскихъ и сибирскихъ. Не упоминая о старыхъ путешествіяхъ XVIII-го вѣка (Палласъ, Георги, Лепехинъ и пр.), назовемъ относительно архангельскихъ самоѣдовъ старое сочиненіе объ архангельской губерніи Пошмана, въ 40-хъ годахъ извѣстную книгу Иславина, затѣмъ Верещагина, Шренка, новѣйшее изслѣдованіе объ обычномъ правѣ инородцевъ сѣверной Россіи, г-жи Ефименко [2]); относительно самоѣдовъ сибирскихъ—работы Мордвинова и князя Кострова, вообще оставившаго много трудовъ по сибирской этнографіи, русской и инородческой, и новѣйшую книгу итальянца Сомье [3]).

---

[1]) Изъ общихъ сочиненій прежняго времени укажемъ, кромѣ упомянутаго раньше Гагемейстера, статистическія изслѣдованія Кёппена, гдѣ нашли мѣсто и свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ: Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838, въ академическихъ Mémoires, VI Série, Sciences politiques, t. VI, livr. 1 — 3. 1843, стр. 41—221, и къ этому Ethnographisches Register, тамъ же, стр. 285—322.

Иллюстрированныя изданія, какъ „Les peuples de la Russie“, Paris, 1812, или изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ Паули, Спб. 1852, и др. имѣютъ только популярное значеніе.

[2]) Философское разсужденіе о самоѣдахъ, Фонъ-Пошмана (сочиненіе 1802 года) въ „Арханг. Губ. Вѣд.“ 1873. Отмѣтимъ также книжку: „Краткое описаніе образа жизни самоѣдовъ и лопарей, народовъ, обитающихъ въ Сибири“. Спб. 1788.

— Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. В. Иславина. Спб. 1847.

— A. G. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands durch die Tundren der Samojeden, zum arktischen Uralgebirge, im Jahre 1837 ausgeführt. Dorpat, 1848—1854, 2 тома. Разборъ этнографической части этого сочиненія у Кастрена, Nord. Reisen, V, стр. 136—150.

— Очерки архангельской губерніи В. Верещагина. Спб. 1849.

— Юридическіе обычаи лопарей, кареловъ и самоѣдовъ архангельской губерніи, А. Я. Ефименко — въ „Запискахъ по Отд. Этнографіи“ Геогр. Общества, т. VIII. Спб. 1878.

[3]) Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ. А. Мордвинова. „Вѣстникъ“ Геогр. Общ. 1860, кн. 2.

— Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири. Князя Кострова. Спб. 1879.

Названіе книги Сомье было приведено прежде. О языкѣ самоѣдовъ см. Ка-

Объ остякахъ указано выше старинное сочиненіе Новицкаго, и кромѣ общихъ путешествій, которыя касались остяцкаго народа и также были раньше названы, приведемъ еще сочиненія Бѣлявскаго, Абрамова, кн. Кострова, Мордвинова, Кривошапкина [1]).

О тунгусахъ, кромѣ тѣхъ же общихъ сочиненій и путешествій, отъ Гмелина и Миллера до путешествія г. Пржевальскаго въ Усурійскій край, существуетъ довольно обширная литература отдѣльныхъ очерковъ и описаній [2]).

Довольно значительна литература о якутахъ; между прочимъ, много свѣдѣній въ путешествіяхъ Маака, Ферд. Миллера и др.; въ

стрена и въ книгѣ Фр. Мюллера: Grundriss der Sprachwissenschaft, II, 2-te Abth. Wien, 1882.

[1]) Поѣздка къ Ледовитому морю, Фр. Бѣлявскаго. М. 1833 (между прочимъ о Березовскихъ остякахъ).

— Описаніе Березовскаго края, Н. Абрамова, въ „Запискахъ“ Географ. Общества, 1857, кн. XII.

— Очерки Туруханскаго края, кн. Н. Кострова, въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла. Спб., 1858, кн. 4: и его же: „О состояніи женщинъ между инородцами томской губерніи“, въ „Томскихъ губ. Вѣдом.“, 1873.

— Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, А. Мордвинова, „Вѣстникъ“ Географ. Общества, 1860, кн. 2.

— Объ остякахъ, тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейскаго округа, М. Кривошапкина, въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла, Ирк. 1863, кн. 6.

Объ языкѣ остяковъ см. Кастрена, а также Гунфальви: сѣверно-остяцкая грамматика, тексты и словарь, Пестъ, 1875 (на венгерскомъ языкѣ), и книгу А. Альквиста, Гельсингфорсъ, 1880, и пр.

[2]) Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ, „Россійскій Магазинъ“, Спб. 1792.

— Забайкальскіе тунгусы. „Сибирск. Вѣстникъ“. 1822, ч. 20.

— Общее обозрѣніе Забайкальскаго края, Іеонида Львова, „Русск. Вѣстникъ“, 1842, 9—10; и его же: О мѣстоположеніи Забайкальскаго края, „Журн. мин. госуд. имуществъ“ 1849, ч. 10.

— Орочены или оленьи тунгусы. А. Мордвинова, „Современникъ“, 1851, т. XXVII. смѣсь.

— Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа, Богородскаго, „Журн. мин. внутр. дѣлъ“, 1853, ч. 10.

— О тунгусахъ приморской области Восточной Сибири, А. Сгибнева, „Морской Сборникъ“, 1859, № 5.

— Въ изданіяхъ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла, рядъ статей о тунгусахъ различныхъ мѣстностей восточной и сѣверной Сибири,—соч. Хитрова, Усольцева, вероч. Орлова, кн. Кострова, П. Кларка, Кривошапкина, и др.

— Путевыя Записки А. Н. Нила, архіепископа ярославскаго). Ярославль, 1869.

— Образъ жизни тунгусовъ и корековъ, живущихъ въ иркутской губерніи въ 1766 году, Н. В. Калачева (изъ вѣдомостей, присланныхъ въ сенатъ губернаторомъ Бриленомъ), „Извѣстія“ Сибир. Отдѣла, Иркутскъ, 1871; II, 3.

cien Adam, Grammaire de la langue tongouse. Paris, 1874.

Tungusen, eine ethnologische Monographie. K. Hiekisch. Спб. 1879.

книгу Миддендорфа вошло, какъ мы замѣчали прежде, обширное изслѣдованіе Бётлинга о якутскомъ языкѣ. Не упоминая названныхъ ранѣе путешествій въ сѣверо-восточную Сибирь, въ которой обыкновенно говорится и о якутахъ, приведемъ еще нѣсколько библіографическихъ указаній [1]).

О чукчахъ, юкагирахъ и другихъ племенахъ сѣверо-восточнаго края Сибири говорятъ всѣ путешественники, изслѣдовавшіе эту страну, начиная съ Крашенинникова, Сарычева, Врангеля и пр.; укажемъ нѣсколько другихъ очерковъ [2]).

Было бы долго перечислять писанное о другихъ сибирскихъ крупныхъ и мелкихъ племенахъ, тѣмъ болѣе, что изученіе ихъ должно

---

[1]) Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. „Россійскій Магазинъ", Спб., 1792.

— Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова. Спб., 1810.

— Описаніе якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи, „Сѣверный Архивъ", 1822, ч. III, № 16—17.

— Якуты, „Сибирскій Вѣстн.", 1824, № 3—4.

— Поѣздка въ Якутскъ, изд. Н. Щ. (Н. Щукина). Спб., 1838.

— Якуты, Н. С. Щукина. „Журн. мин. внутр. дѣлъ" 1854, 7.

— Путешествіе по Восточной Сибири, Н. Булычева, ч. I. Якутская область. Охотскій край. Спб., 1856, съ обширнымъ атласомъ.

— Статьи въ изданіяхъ Геогр. Общ. и его Сиб. Отдѣла — св. Хитрова (о Жиганскомъ улусѣ), Мордвинова (о Туруханскомъ краѣ), Берга, Павловскаго и др.

— Очерки юридическаго быта якутовъ, князя Н. Кострова. Спб., 1878.

— Остатки язычества у якутовъ, Ѳ. Соловьева, въ „Сборникѣ газеты Сибирь", Спб., 1876.

[2]) Описаніе народовъ, и пр. „Россійскій Магазинъ". Спб., 1792.

— Чукчи, Кибера. „Сибирскій Вѣстникъ", 1824, ч. 2.

— Чукчи и земли ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журн. мин. внутр. дѣлъ", 1851, ч. 6.

— Новыя свѣдѣнія о чукчахъ, въ „Вѣстникѣ" Геогр. Общ., ч. V, 1852.

— Свѣдѣнія о чукотской землѣ въ XVIII ст. Тамъ же, 1854, IX, отд. VIII.

— О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Дитмара. Тамъ же, 1856.

— Историческая записка о чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова), дост. Н. А. Абрамовымъ. Тамъ же, 1856, кн. XVIII, отд. V.

— Путевыя записки свящ. Андрея Аргентова. „Записки" Сибирскаго Отдѣла. Спб. 1858, 4.

— Замѣтки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. О. А. Нордквиста. „Извѣстія" Геогр. Общ., т. XVI, 1880, отд. II.

— Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. М. С. Вруцевича. Спб. 1891 (изъ XVII т. Записокъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи; рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ якутахъ, и также о тунгусахъ, юкагирахъ, чукчахъ).

иногда примыкать къ цѣлой особой спеціальности: сибирскія вѣтви связаны съ цѣлымъ составомъ даннаго племени, какъ напр. буряты съ племенемъ монгольскимъ, ихъ вѣроученіе съ исторіей буддизма.

Упомянемъ еще только объ изслѣдованіяхъ, какія въ послѣднее время принесли замѣчательные результаты относительно языка и народной поэзіи тюркскихъ племенъ южной и западной Сибири. Не перечисляя предыдущихъ работъ въ этой области, укажемъ въ особенности обширные труды Радлова. Съ начала 1860-хъ годовъ, В. В. Радловъ (нынѣ академикъ въ Петербургѣ) былъ учителемъ въ горной школѣ въ Барнаулѣ и ревностно занялся изученіемъ различныхъ тюркскихъ племенъ окрестнаго края. Съ этого времени появляются въ литературѣ его первые ученые труды [1]); съ 1866 года началось замѣчательное изданіе его этнографическихъ собраній, составившее до сихъ поръ шесть томовъ текста съ шестью томами нѣмецкаго перевода [2]). Тексты переданы въ русской переписи съ прибавленіемъ знаковъ, необходимыхъ для выраженія тюркскихъ звуковъ, — и параллельно, въ другомъ изданіи, сдѣланъ нѣмецкій переводъ текстовъ. Въ это собраніе вошли образцы народной поэзіи цѣлаго рода тюркскихъ племенъ: алтайцевъ и телеутовъ, сагайцевъ, койбаловъ, качинцевъ; киргизовъ разныхъ нарѣчій; татаръ барабинскихъ, тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ, кара-киргизовъ или киргизовъ дикокаменныхъ, таранчей, не исчисляя другихъ мелкихъ племенъ и нарѣчій. Собравъ тексты, г. Радловъ занялся потомъ лингвистическими изслѣдованіями объ этихъ языкахъ, а въ послѣднее время издалъ сборникъ своихъ путевыхъ замѣтокъ, археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій [3]). Академикъ Шифнеръ, подъ наблюденіемъ котораго, за отсутствіемъ автора, печаталось его собраніе, въ своихъ предисловіяхъ указывалъ тотъ чрезвычайный интересъ, который представляли издаваемые тексты для сравнительной этнографіи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько сличеній, которыя между прочимъ указывали въ тюркской народной поэзіи отраженіе вліяній древне-иранскихъ, монголо-буддійскихъ и наконецъ западныхъ, именно русскихъ. Съ другой стороны, тексты, собранные г. Радловымъ, дали основной поводъ и матеріалъ къ извѣстнымъ соображеніямъ г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ.

---

[1]) Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan, въ Erman's Archiv, т. XXIII, вып. 1—2.

[2]) Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. В. Радловымъ. Спб. 1866 — 86, 6 частей; Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt uud übersetzt von Dr. W. Radloff. Petersburg, 1866—1886.

[3]) Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, von Dr. Wilh. Radloff. Leipz. 1884, 2 тома съ иллюстраціями.

Еще одинъ разрядъ изслѣдованій объ инородцахъ Сибири представляютъ изслѣдованія миссіонерскія. Здѣсь не мѣсто входить въ опредѣленіе дѣятельности сибирскаго миссіонерства; извѣстно, къ сожалѣнію, что она не всегда поставлена была должнымъ образомъ, слишкомъ часто довольствуясь чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, результатомъ чего бывало одно только номинальное обращеніе въ христіанство инородцевъ, остающихся и затѣмъ язычниками, магометанами, ламаитами. Есть однако и благопріятныя исключенія, гдѣ миссіонеры ставили себѣ задачей добросовѣстное изученіе инородческихъ племенъ, среди которыхъ имъ предстояло дѣйствовать. Примѣромъ такого рода дѣятельности могутъ служить труды недавно умершаго алтайскаго миссіонера, протоіерея Вас. Ив. Вербицкаго. Сынъ дьячка въ нижегородской епархіи, Вербицкій, по окончаніи семинарскаго курса въ Нижнемъ-Новгородѣ, отправился въ Сибирь и затѣмъ 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ. Увидѣвъ съ самаго начала необходимость ознакомиться съ языкомъ мѣстныхъ инородцевъ, онъ принялся за его изученіе, и результатомъ была „Краткая грамматика алтайскаго языка", изданная подъ редакціей извѣстнаго знатока тюркскихъ языковъ Н. И. Ильминскаго (Казань, 1869), а въ послѣдніе годы „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка" (Казань, 1884). Но гораздо раньше упомянутой грамматики, еще съ конца 1850-хъ годовъ, появляются труды Вербицкаго по этнографическому изученію алтайскаго населенія, — которые помѣщались въ изданіяхъ Геогр. Общества, „Православномъ Обозрѣніи", томскихъ Губернскихъ и Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, томскихъ „Памятныхъ книжкахъ" и въ „Восточномъ Обозрѣніи". „Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ, матеріальнаго или духовнаго,—говоритъ его некрологъ,— которая не заинтересовала бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была бы изучена имъ въ возможной полнотѣ". Въ особенности интересовала его алтайская миѳологія, преданія и легенды, которыхъ собрана была имъ цѣлая масса. Въ послѣднее время Вербицкій былъ помощникомъ начальника миссій Томской епархіи, и умеръ, на 63-мъ году, въ октябрѣ 1890 года [1]).

Въ нашей литературѣ, послѣ опыта Георги въ прошломъ столѣтіи, до сихъ поръ нѣтъ общей этнографической картины и классификаціи инородческаго міра Сибири, какъ нѣтъ этнографической карты, удо-

---

[1]) Некрологъ, А. А. Ивановскаго, и списокъ сочиненій въ „Этнограф. Обозрѣніи", 1891, кн. VIII, стр. 176—179.

Обильная литература о миссіонерской дѣятельности указана въ „Спб. Библіографіи", Межова, II. стр. 52—73.

летворяющей современнымъ требованіямъ науки. Въ европейской литературѣ не однажды ставился общій вопросъ о племенной принадлежности, происхожденіи и связи племенъ Средней Азіи и Сибири, и о мѣстѣ ихъ въ этнологической системѣ человѣчества [1])—вопросъ, который такъ сильно занималъ у насъ особенно Кастрена. Труду европейской науки принадлежитъ первая, въ широкихъ размѣрахъ исполненная, этнографическая карта сибирскихъ инородцевъ, о которой сейчасъ скажемъ. Этнографическія помѣты дѣлались на картахъ Сибири еще въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ напр. на картѣ стольника Годунова, затѣмъ на чертежѣ Ремезова; въ XVIII-мъ вѣкѣ на картахъ, приложенныхъ къ „Сибирской исторіи“ Фишера, или къ нѣкоторымъ старымъ путешествіямъ. Дѣлались такія помѣты и впослѣдствіи: въ 1825 году издана была карта Познякова съ этнографическими показаніями, между прочимъ повторявшими безъ критики старыя карты [2]), и т. д. Не исчисляя позднѣйшихъ картографическихъ изображеній сибирскихъ племенъ, укажемъ новѣйшее замѣчательное обобщеніе этнографическихъ данныхъ на огромной картѣ Гаардта, изданной вѣнскою Академіей наукъ [3]). Какъ видно изъ самаго заглавія, основой карты послужила „Всеобщая Этнографія“ Фридриха Миллера, но, сколько извѣстно, составитель карты сносился кромѣ того съ спеціалистами этнографіи и положилъ многіе годы на исполненіе своего обширнаго труда. Карта представляетъ классификацію 120 азіатскихъ племенъ, отмѣченныхъ разными красками по главнымъ группамъ. Ограничиваясь племенами сибирскими, замѣтимъ,

[1]) Укажемъ, напр.: Schott, Ueber das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berl., 1849.
— Whitney, Language and the study of language. Lond., 1869.
— Friedr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft. Wien, 1876—85, три тома; Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873; Ethnologischer Atlas, Wien. 1884 и слѣд.
— Radloff, Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei. Leipz., 1883, и его же [illegible] Aus Sibirien.
— Vambéry, Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipz., 1885.
— Peschel, Völkerkunde. 6-te Auflage. Leipz., 1885.
— Winkler, Ural-altaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884, и его же: Das [illegible] und seine Gruppen. Berl., 1885. Далѣе, иностранныя и русскія работы [illegible] вопросу Кастрена, Альквиста, Аспелина, Европеуса, Веске и др.

[2]) У [illegible] отмѣчены, напримѣръ, „аринцы“, показанные на картѣ Миллера, [illegible] о которыхъ Миллеръ говорилъ уже какъ о племени, окончательно исчезнувшемъ [illegible] время.

[3]) [illegible] заглавіе этой карты: „Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse [illegible] und von den angrenzenden Theilen Europa's, bearbeitet auf Grundlage [illegible] Müller's Allgemeiner Ethnographie und herausgegeben mit Unterstützung der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, von Vincenz v. Haardt. [illegible] — 1 : 8.000.000.

что Фр. Миллеръ принимаетъ обширную группу „монголовидныхъ“ народовъ съ многосложными языками (въ противоположность односложнымъ языкамъ китайцевъ, японцевъ и пр.), которые онъ дѣлитъ на *уральскіе* народы — это самоѣды, финны, остяки, вогулы, мордва и пр., и на народы *алтайскіе*, къ которымъ причисляются всѣ тюркскія племена Сибири и Средней Азіи, татары, башкиры, киргизы, затѣмъ тунгусы, манджуры и нѣсколько вѣтвей собственно монгольскаго племени (въ томъ числѣ буряты). Особую группу составляютъ *гиперборейцы*, къ которымъ отнесены разныя племена сѣверо-восточной Сибири — чукчи, юкагиры, алеуты, камчадалы, аины и пр., и енисейскіе остяки, къ которымъ причислены вымершіе аринцы, котты и асаны. Наконецъ, племена *средиземныя*, т.-е. арійскія.

Изслѣдователи Сибири высоко цѣнятъ трудъ Гаардта. „Карта его,—говоритъ Ядринцевъ,—составляя пріобрѣтеніе европейской этнографіи, можетъ быть столь же, если не болѣе, полезна намъ при изученіи азіатскихъ племенъ и нашихъ собственныхъ инородцевъ. Она можетъ оказать намъ тѣмъ болѣе услугъ, что мы не имѣемъ антропологическихъ и этнографическихъ сочиненій, какими обладаетъ европейская наука въ видѣ работъ Вайца, Бастіана, Оскара Пешеля, Фридриха Мюллера и другихъ. Такая карта научитъ насъ хотя отчасти оріентироваться среди племенъ, намъ малоизвѣстныхъ, и укажетъ семейственное и расовое родство ихъ на основаніи научныхъ изысканій нынѣшняго столѣтія. Нечего говорить, что, необходимая для всѣхъ нашихъ этнографовъ и полезная для учебныхъ заведеній, эта карта наведетъ на мысль дальнѣйшихъ изысканій въ Сибири и сосѣднихъ мѣстностяхъ“ [1]).

Упомянувъ новѣйшую гипотезу Катрфажа о разселеніи человѣчества съ сѣвера Азіи, г. Ядринцевъ замѣчаетъ, что еслибы эта гипотеза подтвердилась, то изученіе сибирскихъ племенъ стало бы интереснѣйшей страницей этнографіи. „Но и безъ того уже старая этнографія начинаетъ нынѣ перестроиваться подъ вліяніемъ новыхъ антропологическихъ и этнологическихъ наблюденій, а впереди предстоитъ еще болѣе капитальная перестройка“. Именно, авторъ полагаетъ, что лингвистическая классификація — единственная, донынѣ научно разработанная и принятая въ картѣ Гаардта на основаніи Фр. Мюллера—не вполнѣ удовлетворяетъ, особливо по отношенію къ сибирскимъ племенамъ, и другія этнологическія черты племенъ нарушаютъ эту классификацію: „многія изъ сибирскихъ племенъ—совершенная загадка, и относить ихъ къ той или другой семьѣ слишкомъ рано и рискованно“.

---

[1]) Восточное Обозрѣніе, 1887, № 13—14.

Дѣйствительно, карта Гаардта нуждается въ комментаріи. Этнографами давно замѣчено, что классификація народовъ по языку нерѣдко вовсе не совпадаетъ съ классификаціей расовой, племенной. „Бываетъ,—говоритъ Пешель,—что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало-помалу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія". Въ Сибири и Средней Азіи опредѣленіе народа по языку и по племеннымъ примѣтамъ можетъ въ особенности привести къ весьма различнымъ результатамъ, потому что происходило разнообразное смѣшеніе элементовъ финскаго, монгольскаго и тюркскаго, такъ что, напримѣръ, народы несомнѣнно финскіе по происхожденію и самому типу могутъ быть причисляемы къ тюркамъ по языку, который они усвоили только въ позднѣйшее время; къ этому прибавляется еще то обстоятельство, что нѣкоторыя составныя части этихъ смѣшеній остаются неизвѣстной величиной, такъ какъ этнологическое ихъ происхожденіе составляетъ пока загадку для этнографіи. Академія наукъ въ инструкціи Кастрену указывала нѣсколько подобныхъ недоумѣній, требовавшихъ объясненія на мѣстѣ, и большая доля его изысканій была дѣйствительно посвящена разъясненію этихъ темныхъ вопросовъ этнографіи; мы видѣли также, что въ результатѣ своихъ разслѣдованій Кастренъ приходилъ къ мысли о тѣсномъ сродствѣ всей массы сибирскихъ и средне-азіатскихъ народовъ, которые онъ и объединялъ въ названіи народовъ „алтайскихъ". Послѣдующіе этнографы не считали столь широкаго обобщенія возможнымъ и предпочитали болѣе частныя дѣленія. Г. Ядринцевъ, на основаніи имѣющихся теперь свѣдѣній, представилъ нѣсколько возраженій на распредѣленіе племенъ у Гаардта и находилъ, что для разъясненія этнографическихъ недоумѣній требуются еще новыя изученія. Онъ полагаетъ, что общимъ картамъ должны предшествовать частныя этнографическія карты извѣстныхъ областей съ мѣстными особенностями, и только на ихъ основаніи могутъ быть достигнуты правильно болѣе широкія обобщенія [1]).

Упомянемъ наконецъ, что новѣйшіе изслѣдователи Сибири обращаютъ особенное вниманіе на вопросъ о современномъ положеніи инородцевъ, ихъ отношеніяхъ къ русскимъ и о томъ будущемъ, которое можетъ предстоять имъ.

---

[1]) „Недавно,—говоритъ г. Ядринцевъ,—нами лично представлены были въ Императорское Русское Географическое Общество частныя этнографическія карты Сибири, гдѣ мы выдѣлили самоѣдскія племена въ особую группу, и находимъ необходимымъ, согласно научнымъ изслѣдованіямъ, выдѣлить совсѣмъ саянскую группу. Точно

На этомъ вопросѣ останавливается въ особенности г. Ядринцевъ въ своей новой книгѣ [1]). Кромѣ описательнаго матеріала, авторъ даетъ рядъ любопытныхъ этнологическихъ и соціальныхъ соображеній о прошлой судьбѣ и возможномъ будущемъ сибирскаго инородческаго міра. Фактъ вымиранія инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы попали въ экономическое рабство къ русскимъ промышленникамъ: если во многихъ случаяхъ причиной труднаго положенія инородцевъ являются физическія бѣдствія, какъ неурожаи, лѣсные пожары и т. п., и затѣмъ упадокъ промысловъ—рыбнаго и звѣринаго, то главнымъ образомъ вымираніе связано съ экономическою безпомощностью. Обыкновенно думаютъ, что вымираніе инородцевъ находится въ зависимости отъ ихъ неспособности къ культурѣ и что оно фатально неизбѣжно; г. Ядринцевъ отвергаетъ это предположеніе; напротивъ, онъ указываетъ въ быту инородцевъ способности къ культурѣ, которыя могли бы получить развитіе: „мы должны пожалѣть, что этотъ даръ, эти способности инородцевъ утратились, не имѣли надлежащаго выхода и примѣненія, — иначе, что мы не воспользовались ими, такъ какъ они принесли бы пользу въ общей культурѣ человѣчества“ (стр. 166). Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ помощи инородцамъ должна быть, конечно, школа, но именно такая, которая не отрывала бы инородца отъ его среды, а напротивъ сохраняла его для племени, въ которомъ его знаніе и могло бы принести пользу. „Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч. являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками, и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ“ (стр. 240),—такъ бываетъ всего чаще при существующихъ условіяхъ (хотя нужно отмѣтить здѣсь и благопріятныя исключенія). Школа—для того, чтобы она служила своей воспитательной, цивилизующей цѣли — должна быть вводима безъ насилія, съ преподаваніемъ на

также должна быть выдѣлена группа уральцевъ, финновъ и затѣмъ тюрко-алтайцевъ и тунгусо-манджуровъ. Изъ частныхъ группъ легче сводить общее, чѣмъ преждевременно обобщать. Вообще принятая классификація Кастрена алтайцевъ должна съ успѣхами этнографіи нѣсколько измѣниться“.

Для обзора существующей нашей литературы о сибирскихъ инородцахъ могутъ служить обширная библіографія, собранная въ „Систематическомъ описаніи коллекцій Дашковскаго этнографическаго Музея“, В. Ѳ. Миллера. М. 1887 — 89 (два выпуска), и въ только-что вышедшемъ 2-мъ томѣ „Сибирской Библіографіи“ В. И. Межова, Спб. 1891.

[1]) Сибирскіе Инородцы. Спб. 1891; главы: „Причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ“; „Взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія“; „Вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири“.

инородческомъ языкѣ, съ учителями изъ самихъ инородцевъ, знающихъ и любящихъ свою народность. Только такая школа можетъ достигнуть своего настоящаго назначенія. „Цѣлью образованія,—говоритъ г. Ядринцевъ,—должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть инородца отъ прежней семьи, вырвать его изъ массы и предоставить ей ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохранили связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, Николаева якута и Чокана Валиханова изъ киргизовъ, Катанова изъ минусинскихъ инородцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе; они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, и между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. Когда инородецъ не увидитъ никакого насилія, опасности въ дѣлѣ привитія образованія, онъ научится уважать его“ (стр. 241).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Ядринцевъ старался сколько возможно отвѣтить на существенные вопросы, какіе представляются при изученіи быта инородцевъ и которые теперь остаются еще крайне мало выяснены. Хотя вымираніе инородцевъ есть фактъ, по крайней мѣрѣ относительно многихъ племенъ,—тѣмъ не менѣе, точнаго научнаго статистико-экономическаго изслѣдованія въ отдѣльности по племенамъ не было сдѣлано; не было выяснено также, въ силу какихъ причинъ вымираютъ инородцы. Есть ли это вымираніе неизбѣжный законъ, тяготѣющій надъ извѣстною расой, или его порождаютъ случайныя неблагопріятныя условія, съ устраненіемъ которыхъ превращается и вымираніе? Объ этомъ существуютъ разнообразныя сужде-

нія". Авторъ старался по этому вопросу собрать особливо данныя о культурныхъ способностяхъ инородцевъ и несогласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое отрицаетъ у инородческихъ племенъ самую способность къ общечеловѣческому развитію: „подобные приговоры могутъ быть произносимы только на основаніи изученія тѣхъ стадій, которыя переживаютъ инородцы, на основаніи ихъ исторіи, при изученіи ихъ быта, языка, культуры и точномъ изслѣдованіи умственныхъ способностей, такъ или иначе выражающихся въ жизни. Но такихъ опытовъ въ точномъ научномъ значеніи сдѣлано очень мало". Между тѣмъ изслѣдованіе культурнаго быта инородцевъ было бы важно для самой административной задачи ихъ управленія и для всего опредѣленія ихъ положенія гражданскаго. „Въ инородческомъ управленіи возникаетъ все рѣзче вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона въ примѣненіи къ нимъ; затѣмъ нынѣшнее положеніе ихъ возбуждаетъ вопросъ о духовномъ развитіи и просвѣщеніи инородцевъ и тѣхъ племенъ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли и продолжаютъ существовать. Нѣтъ сомнѣнія, что если имъ будетъ доступно развитіе, если они выкажутъ способности, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права, и блага высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только „to be or not to be" (быть или не быть) инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено". Наконецъ изслѣдованіе сибирскихъ инородцевъ представляетъ великій интересъ для антропологіи, исторіи культуры и исторіи человѣчества вообще.

„Примѣры полученія высшаго образованія среди инородцевъ теперь рѣдки,—заключаетъ г. Ядринцевъ [1],—но будемъ надѣяться, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ сюда и представителей инородческой среды. Инородцы, какъ Дорджи Банзаровъ, Валихановъ, нынѣ Катановъ оказали уже услугу русской наукѣ. Не забывъ свой языкъ, они явились наиболѣе способными учеными оріенталистами и внесли неоцѣненные вклады въ этнографію, изучая родственныя племена и географію близкихъ имъ окраинъ. Еще большій контингентъ такихъ ученыхъ оріенталистовъ можетъ дать восточный факультетъ въ Сибири. Переводчики и драгоманы могутъ формироваться въ средѣ инородцевъ, и если необходимы посредники для

[1] Тамъ же, стр. 241—242.

проведенія цивилизаціи къ сосѣднимъ азіатскимъ племенамъ, окружающимъ Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходитъ къ нашимъ инородцамъ. Мы не говоримъ уже, что развернувшіяся способности инородцевъ, обнаруживающіяся даже теперь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, могутъ проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады въ общую сокровищницу знанія и общечеловѣческой цивилизаціи".

ГЛАВА XI.

Этнографія и бытовая исторія русскаго населенія Сибири.

Этнографическое опредѣленіе русскаго населенія въ Сибири есть опять вопросъ очень сложный и трудный для историческаго изложенія. Со времени первыхъ ученыхъ путешествій и донынѣ не было, правда, недостатка въ описаніяхъ и ученыхъ наблюденіяхъ, но по большей части въ этомъ отношеніи онѣ были слишкомъ отрывочны и, главное, не были освѣщены той мыслью, которая руководитъ теперь этнографическимъ изслѣдованіемъ. Ученые XVIII-го вѣка, какъ часто ни драгоцѣнны ихъ показанія, между прочимъ и въ этой области, еще не знали этнографической науки. Восемнадцатый вѣкъ только предчувствовалъ важность данныхъ о происхожденіи народовъ, ихъ бытѣ и нравахъ, вліяющихъ на политическое состояніе народа и, слѣдовательно, на его исторію. Вольтеръ, въ знаменитомъ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ", выразилъ эту попытку своего времени всмотрѣться во внутреннюю жизнь народовъ, но собственно народное міровоззрѣніе и бытъ, составляющіе теперь основной предметъ этнографіи, были только случайнымъ предметомъ любопытства, а народный миѳъ считался „суевѣріемъ", достойнымъ только истребленія. Почти такъ ставили вопросъ и наши старинные путешественники, иностранцы и русскіе, которые собирали свои свѣдѣнія, еще не предполагая въ нихъ предмета особой науки. Но видѣнные ими предметы, своеобразныя племена съ очевидными остатками дикаго состоянія и первобытной древности, были такъ необычайны, что предчувствіе научной важности изслѣдованія этихъ предметовъ побуждало ихъ къ болѣе внимательному наблюденію и самыхъ этнографическихъ фактовъ. Описанія быта и характера инородцевъ долго оставались чисто внѣшними. Въ числѣ путешественниковъ въ Сибирь до сороковыхъ

годовъ не было ни одного настоящаго этнографа и лингвиста: въ изученіи инородцевъ изслѣдователи, какъ Кастренъ и Радловъ, были исключеніемъ; изученіе русскаго населенія въ Сибири было также почти всегда дѣломъ наблюдателей и собирателей, нерѣдко весьма ревностныхъ, но между которыми не было почти ни одного настоящаго спеціалиста: работы Щапова, о которыхъ скажемъ далѣе, представляющія не мало любопытнаго и новаго, были слишкомъ отрывочны и кратковременны; труды г. Ровинскаго были только случайны; г. Ядринцевъ, доставившій до сихъ поръ наиболѣе цѣнные труды по бытовому изученію Сибири, занятъ не столько этнографіей, сколько вопросами общественной жизни и народнаго хозяйства. Всѣ остальные писатели, собиравшіе матеріалъ для опредѣленія сибирской народности, были усердные любители, не всегда знакомые съ требованіями науки, и никогда не ставившіе себѣ многотрудной задачи цѣльнаго изслѣдованія объ исторіи и свойствахъ этой народности.

Между тѣмъ эта народность несомнѣнно имѣетъ особенныя свойства. Путешественники XVIII-го вѣка, заѣзжая въ Сибирь, обращали уже вниманіе на особенности сибирскаго быта и нравовъ. Можно было впередъ предполагать, что далекая страна, издавна оторванная отъ ближайшихъ связей съ центромъ, окруженная чужими народами, поставленная въ условія природы и быта, также чуждыя этому центру, пріобрѣтетъ свои бытовыя отличія, и путешественники-натуралисты изъ своей науки могли извлечь соображеніе о томъ, что важно было бы отмѣчать эти мѣстныя особенности страны и народа. Съ тѣхъ поръ въ литературѣ о Сибири мы нерѣдко встрѣчаемся съ этими стараніями наблюдать характеръ „сибиряковъ", въ отличіе или даже въ противоположность къ русскимъ въ европейской Россіи. Впослѣдствіи на эту тему давались болѣе или менѣе положительные отвѣты въ ту или другую сторону, хотя изъ этихъ отвѣтовъ и до сихъ поръ нельзя сдѣлать никакого точнаго заключенія. Наблюденія, на которыхъ они основывались, были еще слишкомъ отрывочны.

Одни, и особливо сибирскіе патріоты, а также люди, писавшіе съ ихъ словъ, говорятъ, напримѣръ, что сибиряки выгодно отличаются многими своими качествами отъ русскихъ, что у нихъ сохранилось много старины въ нравахъ и обычаяхъ, что они менѣе испорчены, болѣе независимы и т. п.; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что сибирское населеніе далеко отошло отъ настоящихъ русскихъ, что старина затеряна, что смѣшеніе съ инородцами испортило русскій типъ, что сибирскіе нравы грубы и т. д. Разрѣшить это противорѣчіе не представляется пока возможности. Существенное, что нужно было бы сдѣлать для разъясненія вопроса, это была бы бытовая исторія Сибири, но она повидимому еще долго не напишется, и затѣмъ—изо-

браженіе современной общественной и народной жизни, которое позволило бы разобраться въ сложной массѣ сибирскаго быта и которое также еще неудобоисполнимо.

Современная Сибирь есть результатъ множества историческихъ явленій, опредѣлявшихъ ея характеръ. Современное населеніе Сибири не было естественно народившимся потомствомъ первыхъ завоевателей и колонизаторовъ; напротивъ, съ конца XVI-го вѣка и донынѣ, во-первыхъ, продолжается непрерывно новая колонизація изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: шли сюда и добровольные переселенцы изъ разныхъ концовъ Россіи, съ сѣвера и юга; шли массы поселенцевъ невольныхъ, не только русскихъ, но малороссіянъ и плѣнныхъ иноземцевъ, которые оставались жителями Сибири навсегда и сливались съ мѣстнымъ населеніемъ; наконецъ, политическихъ и обыкновенныхъ ссыльныхъ, часть которыхъ также вступала въ составъ мѣстнаго населенія; во-вторыхъ, съ самаго перваго появленія русскихъ въ Сибири началось смѣшеніе ихъ съ инородцами, размѣровъ котораго нельзя опредѣлить исторически, но о которомъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ и понынѣ оно продолжалось непрерывно и имѣло результатомъ разнообразныя помѣси русскихъ, вѣроятно, со всѣми инородцами Сибири, какіе есть.

Было бы любопытно собрать по крайней мѣрѣ главнѣйшія историческія свидѣтельства, какія есть въ старыхъ и новыхъ документахъ, относительно состава сибирскаго населенія, какъ оно мало-помалу образовывалось.

Какъ совершалось водвореніе въ Сибири русской власти и русской народности? Каковы были размѣры туземнаго населенія и какъ собралось новое русское населеніе Сибири? До сихъ поръ этотъ вопросъ оставался нетронутымъ или находилъ только очень общія объясненія. Очевидно, что для положительнаго, точнаго отвѣта требовалась историческая статистика, хотя приблизительныя цифры сибирскаго населенія, туземнаго и русскаго, въ XVI — XVII вѣкѣ, и опредѣленіе движенія колонизаціи: разъясненіе этого вопроса предпринялъ г. Буцинскій [1]).

На подмогу исторіи явилась приказная аккуратность старой Москвы... Когда Москва предприняла свой трудъ собиранія русской земли, она развила обширную административную дѣятельность, отъ которой по прямому наслѣдству произошла позднѣйшая бюрократія. Москва вела свое дѣло какъ заботливый хозяинъ-скопидомъ; госу-

---

[1]) Въ книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьковъ, 1889.

дарственное хозяйство получило характеръ какъ бы чисто личной „государевой казны“, которой велся въ приказахъ строгій счетъ, изъ котораго ничто не могло ни „горѣть“, ни „тонуть“; все было на виду и на счету. Этому счету подпало и вновь пріобрѣтенное сибирское царство, и въ разныхъ счетныхъ дѣлахъ сибирскаго приказа [1]) нашлись данныя, разработку которыхъ предпринялъ теперь г. Буцинскій.

Это—дѣла приказныя, ясачныя книги, дозорныя книги, списки служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ“, „ужинныя книги“, „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ“, „окладныя книги“, „таможенныя книги“, приходо-расходныя книги Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, наконецъ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, челобитныхъ инородцевъ и русскихъ людей и обыскныхъ по нимъ дѣлъ и т. д., насколько все это уцѣлѣло отъ пожаровъ и небреженія.

Первая часть изслѣдованія г. Буцинскаго касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго, въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Ѳедоровича.

Говоря о первой эпохѣ завоеванія Сибири, авторъ замѣчаетъ, что „одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное“. И для пользованія богатствами края, и для удержанія его въ покорности, необходимо было его заселеніе русскими. „Поэтому послѣ завоеванія Сибирскаго царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села... Оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною“.

Въ первое время послѣ покоренія сибирскіе туземцы долго не могли помириться съ подчиненіемъ русской власти, не однажды случались бунты инородцевъ, но свергнуть русскую власть было невоз-

[1]) Въ московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи

можно. Силы инородцевъ и прежде не были достаточно сплочены, а теперь были окончательно разъединены русскими поселеніями: не только настроены были города и остроги, но около нихъ тотчасъ разсыпались мелкія русскія деревни, превращавшіяся потомъ въ многолюдныя села. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Буцинскаго фактъ, что черезъ три, четыре десятилѣтія послѣ занятія Сибири русское населеніе оказывается въ этой передней части Сибири преобладающимъ. Дѣло въ томъ, что инородческое населеніе крайней восточной Россіи и передней Сибири по старымъ переписямъ было весьма незначительно и „во время завоеванія русскими Сибирскаго царства погибла масса инородцевъ“ (стр. 15). Этотъ послѣдній выводъ не совсѣмъ точенъ: самъ авторъ упоминаетъ, что еще въ концѣ XVI-го вѣка много татаръ сбѣжало изъ занятаго русскими края (и оказалось потомъ въ другихъ мѣстахъ), притомъ онъ признаетъ также, что самый счетъ ясачныхъ людей легко могъ быть не полонъ.

О томъ, какъ начиналось строеніе сибирскихъ городовъ и первое населеніе ихъ, даетъ понятіе, напримѣръ, исторія города Верхотурья и его уѣзда. Это былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, построенныхъ по завоеваніи Сибири (въ 1598). Поводомъ къ постройкѣ было открытіе новой кратчайшей дороги изъ Россіи въ Сибирь. Городъ заключалъ только необходимѣйшія постройки: „острогъ, т.-е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство... Даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго онъ имѣлъ въ окружности только 630 саженъ“.

Любопытны и самыя обстоятельства строенія города. Когда получено было извѣстіе, что мѣсто для постройки найдено особо посланными для этого людьми, царь Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать для постройки города въ Сибири Головину и Воейкову: имъ велѣно было заѣхать въ Пермь и взять тамъ на это дѣло *300 рублей* и на эти деньги нанять рабочихъ, конныхъ и пѣшихъ, со всей снастью „и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городового и острожнаго дѣла не сбѣжать“. Но оказалось, что нанять рабочихъ за такую цѣну было невозможно, Москва давала слишкомъ мало денегъ. Головинъ и Воейковъ писали, что наемъ людей для постройки на три мѣсяца обойдется въ 3.120 руб. „Получивъ такое донесеніе, правительство разочло что лучше строить новый городъ „по указу“, чѣмъ „по договору“, и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно „доправить“

на всей пермской землѣ посошныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату". Постройка города, пожалуй, и обошлась въ 300 рублей.

Первые жители Верхотурья, кромѣ его строителей, были служилые люди: „два человѣка боярскихъ дѣтей, 46 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей". Вскорѣ былъ присланъ попъ для служенія въ Троицкой церкви, казацкій атаманъ, затѣмъ появляются торговые люди и крестьяне, ямщики, плотники, наконецъ много охочихъ, гулящихъ людей (изъ такихъ людей воеводы набирали служилыхъ въ дальніе города Сибири; ими пользуются и частныя лица для заселенія разныхъ мѣстностей Сибири). Вскорѣ окрестъ города начинается хлѣбопашество. Въ первыя десятилѣтія XVII-го вѣка г. Буцинскій отмѣчаетъ уменьшеніе числа служилыхъ людей, получавшихъ хлѣбное жалованье, и объясняетъ это тѣмъ, что многіе изъ нихъ отказываются отъ хлѣбнаго жалованья и начинаютъ служить съ пашни, т.-е. получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ.

Въ одно время съ основаніемъ города сталъ заселяться его уѣздъ — именно земледѣльческимъ народомъ. Кромѣ того, что это была наиболѣе распространенная форма труда, необходимость земледѣлія указывалась прямыми мѣстными нуждами. Въ первое время населеніе Сибири питалось подвозомъ хлѣба изъ Россіи: служилые люди получали кромѣ денежнаго и хлѣбное жалованье; между тѣмъ подвозъ хлѣба обходился правительству очень дорого, иногда запаздывалъ, самое жалованье хлѣбное было мало; служилые люди жаловались, что хлѣба недоставало до срока и они бывали вынуждены занимать хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ. О водвореніи хлѣбопашества заботилось и правительство, и само населеніе, и мало-по-малу земледѣліе распространяется въ верхотурскомъ уѣздѣ, какъ потомъ и въ другихъ краяхъ Сибири. Къ городу приписано было извѣстное количество земли, но такъ какъ значительная часть ея была для хлѣбопашества неудобна, камениста или покрыта дремучими лѣсами, то верхотурскіе пашенные люди просили новыхъ земель вдали отъ города и уже вскорѣ было ими занято громадное пространство земли. „На занятыхъ пашняхъ, — говоритъ г. Буцинскій, — верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами... Названіе „деревня" не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣе хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащихъ большею частью одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ

котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора такимъ образомъ разростались. На такое происхожденіе сибирскихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню „изъ охочихъ людей", давая имъ льготу и подмогу. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни". За право пользованія землею старые и новые крестьяне обязаны были обработывать государеву пашню. О составѣ этихъ первоначальныхъ деревень можно судить по записямъ 1624 года: въ подгородней волости Верхотурья находилось 44 деревни, 2 починка и 6 пустошей, и въ нихъ во всѣхъ было только 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человѣка (кромѣ женщинъ и дѣтей).

Въ послѣднихъ главахъ своей книги (VIII—IX) авторъ ставитъ общіе вопросы о заселеніи Сибири, о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи; о ссылкѣ, ея колонизаціонномъ значеніи, и о положеніи ссыльныхъ; о народной колонизаціи Сибири; объ этнографическомъ составѣ сибирскаго населенія; объ управленіи и положеніи различныхъ классовъ населенія; о нравственномъ состояніи сибирскаго общества; наконецъ, объ инородцахъ, ихъ положеніи подъ русской властью и отношеніи къ русскому населенію. На основаніи подлинныхъ свидѣтельствъ получается оригинальная картина весьма первобытныхъ нравовъ, нерѣдко порядочно дикихъ, о которыхъ напрасно забываютъ новѣйшіе поклонники добраго стараго московскаго времени.

„Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія этой страны,— говоритъ авторъ, — въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни деревень; русскія поселенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири, по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и различныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ... Постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края"...

Какими способами совершалось заселеніе?

„Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не-русскихъ людей то „по при-

отъ казны подмогу, рубля по два на человѣка, и на казенныхъ подводахъ отправляемы были въ Сибирь. Эти поѣзды служилыхъ людей представляютъ опять особенную картину старыхъ нравовъ; они сопровождались страшными разбоями и грабежами. „Для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы поскорѣе спровадить ихъ далѣе, избавиться отъ ихъ продолжительной стоянки... Самый лучшій исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлывалось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками, прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно было считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія“.

Обыкновенно бывало гораздо хуже.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1593 году „сынъ боярскій,—читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову,—съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другія боярскія дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили, и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали“ и пр. „Но, иногда приходили въ Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ наѣздовъ“. Жители, конечно, посылали жалобу къ царю; царь приказывалъ сибирскому воеводѣ, уже на мѣстѣ, наказать грабителей, — „сыскать на-крѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указу, животы ихъ ограбить, а пущаго вора повѣсить“; для воеводы это оказывалось, вѣроятно, и неудобоисполнимо, и нежелательно: „въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило

бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что „въ тюрьму виновныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнутомъ билъ“. Возможно, что грабители въ такихъ случаяхъ дѣлились съ воеводой своими прибылями; однажды воевода прикрылъ цѣлую разбойничью шайку за приличный гонораръ.

Сибирская администрація съ самаго покоренія Сибири и почти до нашихъ дней славилась необычайными проявленіями самоуправства и грабежа. „Преданія“ объ этомъ вполнѣ подтверждаются „источниками“. Московское правительство, при тогдашнемъ порядкѣ вещей и особливо при отдаленности края, было совершенно безсильно противъ вопіющихъ злоупотребленій мѣстныхъ правителей, крупныхъ, а за ними и мелкихъ: самый законъ давалъ воеводамъ обширное полномочіе дѣйствовать „по высмотру“; жители были совершенно безправны. Послѣ, когда воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву (ихъ вообще мѣняли очень часто), ихъ дѣла разбирались въ сибирскомъ приказѣ, но знаменитая „московская волокита“ и, конечно, подкупъ дѣлали то, что ихъ сибирскіе подвиги проходили безнаказанно; ихъ преемники принимали это къ свѣдѣнію и продолжали дѣйствовать совершенно также.

Правительство тѣмъ не менѣе не могло не озаботиться этимъ безобразнымъ положеніемъ вещей и придумывало мѣры, чтобы пресѣчь грабительство воеводъ. При общемъ ходѣ вещей придумано было, конечно, не какое-нибудь ограниченіе воеводской власти расширеніемъ человѣческихъ правъ самаго населенія, а новая чисто канцелярская кляуза, ставившая самихъ воеводъ въ унизительное положеніе, прямо говорившая о недовѣріи къ нимъ правительства въ ту самую минуту, когда оно давало имъ столь важное назначеніе, и, въ концѣ концовъ, не достигавшая цѣли. „Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, и во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ безполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущества только на опредѣленную сумму, напр., воеводѣ большого города на 500 руб., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малаго города только на триста рублей, и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго, напр., мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ приказѣ; это имущество оцѣнивалось и цѣнность его записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у ростов-

щиковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ приказѣ какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которой нельзя было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если, напр., воевода показывалъ имущества на меньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву". Когда воевода возвращался изъ Сибири, его на заставѣ встрѣчалъ таможенный голова, у котораго была на счетъ воеводы строгая и совершенно опредѣленная инструкція. Такъ какъ, кромѣ денегъ, была почти ходячею монетою мягкая рухлядь, т.-е. мѣха, то таможенный голова долженъ былъ особенно смотрѣть, не везетъ ли воевода этого товара, который понимался какъ награбленный. Таможенному головѣ вмѣнялось въ обязанность досматривать мягкую рухлядь: „въ возахъ, сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ; въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ... обыскивать мужской и *женскій* полъ, *не боясь и не страшась никого ни въ чемъ*, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдутъ, то брать на государя". Разумѣется, всѣ эти строгія мѣры не достигали своей цѣли: воевода привозилъ награбленное въ Москву окольными путями или черезъ эту же самую заставу, дѣлясь добычей съ таможеннымъ головой. Система недовѣрія вела къ деморализаціи и государство вынуждалось впередъ смотрѣть на своихъ слугъ какъ на обманщиковъ и грабителей.

Не мало подобныхъ картинъ стараго сибирскаго быта, который былъ только отраженіемъ быта московскаго, представитъ прошлое Сибири. Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ старой сибирской исторіи, сохраняющій и понынѣ важное значеніе для сибирской жизни— есть между прочимъ значеніе ссылки, документально еще неизученной. Писатели весьма знающіе полагали, что въ первое время ссылка имѣла только значеніе уголовной кары или политической мѣры, удалявшей отъ центра людей, подпавшихъ царской опалѣ, политически вредныхъ или опасныхъ; колонизаціонное значеніе ссылки принимали только съ болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца царствованія Алексѣя Михайловича. Г. Буцинскій считаетъ это мнѣніе

совершенно ошибочнымъ и доказываетъ, что въ теченіе XVII-го вѣка дѣло было наоборотъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ ссыльныхъ заключали въ тюрьму на мѣстѣ ссылки, а большею частью московское правительство велитъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или сажать на пашню. „Иначе и быть не могло: московскіе цари были слишкомъ разсчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ „собачьяго корма", привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ „промышленныхъ собакъ", или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе разсчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ „дальной сибирской вотчинѣ", въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ „заключать въ тюрьму", это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу съ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестьяне сажались на государеву пашню и притомъ получали отъ казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей". За 1614—24 годы изъ 560 человѣкъ, сосланныхъ тогда въ Сибирь, только 19 человѣкъ было посажено въ тюрьму, и то на короткое время. Что правительство не было очень злопамятно или придирчиво къ ссыльнымъ, обращеннымъ въ служилыхъ людей, можно видѣть изъ того, что въ тѣ годы въ Туринскъ назначенъ былъ воеводой человѣкъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ пришелъ туда „въ колодникахъ".

Число всѣхъ ссыльныхъ за описываемый періодъ, т.-е. до конца царствованія Михаила Θеодоровича, авторъ считаетъ въ 1.500 человѣкъ, не считая женъ, дѣтей и всякихъ свойственниковъ (такъ какъ нерѣдко вмѣстѣ съ человѣкомъ, подпавшимъ этому наказанію, ссылалась и его ближайшая родня, или ссыльные, устроившись на мѣстѣ, просили, чтобы къ нимъ были высланы и ихъ семейства). Изъ этого числа было не-русскихъ подданныхъ около 650 человѣкъ: это были, во-первыхъ, военно-плѣнные, во-вторыхъ, иноземцы, служившіе въ русскомъ войскѣ и бѣжавшіе къ непріятелю, но захваченные въ плѣнъ; между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы „це-

сарской земли", нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ „французенинъ". Изъ числа русскихъ подданныхъ было до 100 семействъ инородцевъ, около 366 „черкасъ", т.-е. малороссіянъ.

Путемъ завоеванія, присылки служилыхъ людей, переселеній вольныхъ и невольныхъ (по прибору и по указу), ссылки и, наконецъ, разнообразнаго смѣшенія съ туземцами сталъ складываться особенный этнографическій составъ сибирскаго населенія. За время до половины XVII вѣка, „оно, помимо туземцевъ (и русскихъ), представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, и даже французовъ: эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить „калужанина", „путивльца", „рыленина", да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга Великаго, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр., изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ", значительная часть „сольвычегодцевъ" и „пѣнежанъ", а другіе были: „вятчане", „соликамцы", „кайгородцы", „важеняне", „вычегджане" и т. п.

Нравственное состояніе первыхъ насельниковъ Сибири въ старыхъ источникахъ рисуется весьма мрачными красками. Таковы показанія грамоты патріарха Филарета къ первому сибирскому архіепископу Кипріану, которая ссылается на разсказы „воеводъ и приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири", но, по весьма правдоподобному объясненію г. Буцинскаго, основана на донесеніи самого Кипріана—желавшаго это прикрыть, чтобы не ожесточить противъ себя воеводъ и служилыхъ людей, именно осуждаемыхъ въ грамотѣ патріарха [1]). Итакъ, патріархъ, во всякомъ случаѣ на основаніи мѣстныхъ показаній, указываетъ, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не по-христіански, не по преданіямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, а по своей волѣ, по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе русскіе люди и иноземцы, принявшіе православіе, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, а ѣдятъ мясо и „всякія скверны" вмѣстѣ съ татарами,

---

[1]) Буцинскій, стр. 283 и д.; грамота въ „Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ" М. 1822, ч. III (отъ февраля 1622 г.).

остяками и вогулами. Грамота указываетъ затѣмъ отвратительныя формы полового разврата, господствовавшаго не только между мірскими людьми, но и въ сибирскихъ монастыряхъ; факты были такіе, что подобнаго „и въ поганыхъ и не знающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнусно". Повидимому, обыкновеннымъ дѣломъ было, что православные люди жили внѣ брака съ некрещеными инородками. Многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы въ Москву и другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, и бываетъ, что если по истеченіи срока они женъ своихъ не выкупаютъ, то кредиторы продаютъ послѣднихъ „на воровство и на работу всякимъ людямъ". Другіе берутъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ, и мужнихъ женъ насильно, а попы сибирскихъ городовъ, черные и бѣлые, не только такія беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, „а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону". Монастыри вели соблазнительную жизнь. Сибирскіе воеводы „того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно".

Это паденіе религіознаго чувства, составлявшаго въ тѣ вѣка единственную нравственную норму, по словамъ того же историка объясняется очень легко. Въ Сибири, особливо въ городахъ, сошлись люди различныхъ племенъ, религій и нравственныхъ понятій: язычники, магометане, лютеране, католики, наконецъ, православные русскіе; послѣ смутнаго времени въ Сибирь сослано было много плѣнныхъ поляковъ, „литовцевъ", нѣмцевъ, да и русскихъ людей, малороссійскихъ и донскихъ казаковъ, которые принесли сюда одичалые нравы той эпохи. Многіе изъ нихъ были „поверстаны въ службу" и такимъ образомъ вошли въ составъ сибирскаго населенія; туда же ссылались „воры", „разбойники", „душегубцы", которыхъ сажали на пашню. „И эта смѣсь элементовъ не могла не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ и на „приборныхъ", „переведенцахъ" и вольныхъ переселенцахъ изъ русскихъ людей, на ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ" [1]). Припомнимъ, что и безъ того хороши были тѣ „приборные" люди, переселеніе которыхъ историкъ сравнивалъ выше съ татарскими нашествіями.

Присоединялось наконецъ безсиліе самой іерархіи. Сибирскія власти и служилые люди встрѣтили перваго архіепископа, назначеннаго въ Тобольскъ, Кипріана, крайне враждебно, правильно предпо-

---

[1]) Буцинскій, стр. 286.

лагая въ немъ неудобнаго свидѣтеля ихъ дѣяній и который будетъ стѣснять ихъ самоуправство. Въ грамотѣ, писанной имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Сибирь, къ государю и патріарху, Кипріанъ, указывая встрѣченныя имъ безобразія, между прочимъ говоритъ: „разные служилые люди приходятъ къ нему съ великимъ шумомъ и сказываютъ, что у нихъ есть *государева грамота* дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ",—не даютъ разводить незаконно сожительствующихъ, чернецы живутъ съ женами; попы и мірскіе люди, получивъ отъ государя въ Москвѣ „церковное строеніе" (т.-е. деньги на постройку и украшеніе церквей), пропиваютъ это строеніе... Іерархія была не въ силахъ бороться противъ безпорядковъ, которымъ потакали („для своей бездѣльной корысти") сами воеводы; жители, по разсчету, какъ выгоднѣе, шли по церковнымъ дѣламъ или къ архіепископу и его десятникамъ, или къ воеводѣ, и тогда не хотѣли знать десятниковъ, и т. д. Обѣ стороны посылали въ Москву другъ на друга доносы, въ которыхъ тамъ невозможно было разобраться. Архіепископы не могли справиться и съ подчиненнымъ духовенствомъ; впослѣдствіи одинъ архіепископъ, жалуясь по прежнему въ Москву, доносилъ между прочимъ, что иные попы живутъ такъ далеко отъ Тобольска, что если вызывать ихъ „на смиреніе", то имъ проѣзду будетъ года по два и больше.

Отношенія къ инородцамъ русской власти и населенія были очень своеобразны. Матеріальное положеніе инородцевъ было повидимому нелегко, особливо пашенныхъ; съ конца XVI-го вѣка уже идутъ ихъ жалобы московскому правительству и просьбы объ облегченіи. Но вообще, по словамъ историка, московское правительство относилось къ нимъ очень внимательно, уважало ихъ туземное право и вѣру [1],—хотя въ этомъ правѣ была торговля людьми, а въ вѣрѣ были еще человѣческія жертвоприношенія. Напр. русскихъ людей, за неисправность въ податяхъ, за игру въ зернь или въ карты и т. п. приказывалось „бить кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было неповадно", а относительно инородцевъ воеводамъ рекомендовалось—„ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей брать смотря по людямъ и по промысламъ... давать въ ясакѣ сроки насколько пригоже... выбирать съ ясачныхъ людей мягкую рухлядь *ласкою*, а *не жесточью* и *правежемъ*..., чтобы тѣмъ ясачныхъ людей отъ государева жалованья не отогнать и тѣмъ бы ихъ *не оскорбить*". Воеводы жаловались на эту излишнюю мягкость и утверждали, что при этомъ имъ ясака не собрать; но инородцы, знавшіе объ этихъ распоряженіяхъ московской власти, привыкали видѣть въ царѣ защитника противъ воеводъ. Послѣдніе, несмотря ни

[1]) Тамъ же, стр. 327 и д.

царскіе указы, все-таки притѣсняли инородцевъ, но, какъ замѣчаетъ историкъ, въ этомъ выражалась не племенная вражда, а алчность воеводъ и служилыхъ людей и злоупотребленіе своей силой.

На дѣлѣ побѣдители и побѣжденные мирно уживались: первые русскіе насельники были изъ сѣверныхъ областей, и въ сѣверо-западной Сибири встрѣтили тѣхъ же остяковъ, вогуловъ и татаръ, съ которыми были знакомы на старыхъ мѣстахъ. Поэтому завоеватели не чуждаются ихъ. Быть можетъ, историкъ преувеличиваетъ безобидность отношеній, существовавшихъ между ними,—позднѣйшіе факты указываютъ, что притѣсненія и эксплуатація были обычнымъ дѣломъ со стороны самихъ промышленниковъ; но съ другой стороны бывали и дружественныя отношенія. „Изъ разныхъ отписокъ воеводъ видно, что русскіе крестьяне ходятъ въ инородческія юрты, а инородцы посѣщаютъ русскія деревни, вмѣстѣ пьютъ водку, играютъ въ зернь и карты; инородцы говорятъ русскимъ языкомъ и „всякому русскому обычаю навычны"; инородцы указываютъ русскимъ людямъ на соленые ключи, на желѣзныя и серебряныя руды". Они предупреждаютъ русскихъ объ опасности отъ нападеній калмыковъ и т. п.

Сближеніе установлялось само собою. Впослѣдствіи, уже въ половинѣ XVII-го вѣка, правительство начинаетъ даже заботиться объ отдаленіи русскихъ отъ инородцевъ, такъ какъ сближеніе дурно отражалось на нравахъ русскихъ людей. Царь Алексѣй приказываетъ тобольскимъ воеводамъ „разводить русскихъ и татаръ, чтобы они вмѣстѣ не пили, не ѣли и не жили"; на это сближеніе русскихъ съ татарами жаловался архіепископъ Симеонъ, въ 1654 году. Послѣ пожара въ 1643, по словамъ его, „тобольскаго города всякихъ чиновъ жилецкіе люди живутъ въ татарскихъ юртахъ подъ горою и тѣ православные христіане ожились и живутъ съ татарами вмѣстѣ, а живучи въ татарскихъ юртахъ русскіе люди сквернятся: пьютъ и ѣдятъ изъ однихъ сосудовъ и въ постъ съ ними упиваются", и наконецъ дѣлились женами. На основаніи этихъ фактовъ историкъ не видитъ здѣсь никакого отчужденія, никакой племенной вражды. „Подобное общеніе,—говоритъ онъ,—условливалось необыкновенною способностію русскаго человѣка къ уживчивости съ людьми—что, конечно, предполагаетъ и взаимную житейскую уступчивость. Русскій человѣкъ легко оріентируется въ каждой новой мѣстности, умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностію, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы: благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, онъ быстро превращалъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ, хотя, конечно,

и самъ не вполнѣ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь" [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что культурное превосходство, которое между прочимъ сопровождалось лучшимъ вооруженіемъ, сдѣлало русскихъ хозяевами Сибири; сближенію съ инородцами дѣйствительно способствовала та уживчивость, какая бываетъ свойственна русскому народному характеру и какой далеко или вовсе не обнаруживаютъ западно-европейскіе народы въ своей колонизаціи; но едва ли сомнительно также, что въ этомъ сближеніи играли роль весьма не высокія культурныя требованія тѣхъ разрядовъ лицъ, которыя ближе всего встрѣчались съ инородцами. Этимъ объясняется то извѣстное явленіе, что при этихъ встрѣчахъ русскіе не только роднились съ „низшими" племенами, но что при этомъ понижался уровень ихъ собственной культуры.

Мы замѣчали, что отношеніе къ инородцамъ не всегда было столь благодушно, какъ разсказываетъ историкъ о временахъ конца XVI-го и начала XVII-го вѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпло русское населеніе на новыхъ мѣстахъ и тѣмъ сильнѣе развивалась экономическая эксплуатація, которая наконецъ доводила инородцевъ до крайняго бѣдственнаго положенія, когда притомъ не дѣлалось почти или совершенно ничего для нѣкотораго ихъ просвѣщенія. Въ Сибири восточной русская колонизація принимала другой характеръ. Промышленныя партіи, двигавшіяся на востокъ и руководившіяся только инстинктами корысти, встрѣчали преобладающую массу инородцевъ и съ одной стороны происходило здѣсь страшное истребленіе сопротивлявшихся туземцевъ (такъ что, напримѣръ, масса бурятскаго населенія въ Забайкальѣ отъ страха бѣжала въ Монголію), а съ другой побѣдители должны были вступать въ сдѣлки, признать за инородцами право на ихъ земли, предоставить имъ внутреннее самоуправленіе [2]). Если на западѣ сильное преобладаніе русской стихіи не помѣшало измѣненію типа вслѣдствіе смѣшеній, то тѣмъ сильнѣе оно было на востокѣ, гдѣ русское населеніе, столь мало превышающее инородцевъ теперь, въ прежнее время было и совсѣмъ незначительно.

Смѣшеніе съ туземцами было неизбѣжно прежде всего по недостатку русскихъ женщинъ. Московская власть уже съ перваго времени обращаетъ на это вниманіе. Въ 1630 году по царскому указу для восполненія недостатка въ женщинахъ послано было въ Сибирь 150 дѣвокъ, набранныхъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 334—335.

[2]) Считаютъ, что въ настоящее время въ западной Сибири русское населеніе превышаетъ инородцевъ въ 13 разъ, въ иркутской губерніи только въ 3 раза, а въ Забайкальской области только съ небольшимъ въ 2 раза.

Такое же извѣстіе повторяется въ 1637 году [1]). Историки Сибири разсказываютъ, что въ первое время завоеватели или отнимали силою, или покупали инородческихъ женщинъ; это дѣлалось по необходимости, и при первой возможности этихъ инородческихъ женщинъ замѣняли русскими. У первыхъ колонистовъ развилось даже настоящее многоженство, и русской женщинѣ отдавалось только при этомъ нѣкоторое преимущество. Такъ какъ первое столѣтіе сибирской исторіи занято было усиленнымъ стремленіемъ къ разысканію и захвату новыхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ долгими промышленными и торговыми странствіями, то сибирякъ того времени мало жилъ на одномъ мѣстѣ, и у него разсѣяны были жены по тѣмъ мѣстамъ, которыя лежали на его обычномъ пути. Нѣчто подобное существуетъ и въ настоящее время [2]). Наконецъ, женщины стали предметомъ настоящей торговли; ихъ мѣняли, покупали и продавали также, какъ инородческихъ невольницъ. Факты продажи женъ встрѣчаются не только въ актахъ XVIII-го вѣка, но и въ нашемъ столѣтіи. Правительство еще въ половинѣ XVIII-го вѣка отправляло женщинъ въ Сибирь, набирая ихъ изъ преступницъ и женщинъ легкаго поведенія. Недостатокъ женщинъ чувствовался еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и въ видахъ его восполненія правительство, принимая мѣры противъ развившейся съ прошлаго вѣка покупки инородческихъ дѣтей въ рабство, дѣлало исключеніе для покупки дѣвочекъ. Это было еще въ 1825 году.

Эти нѣсколько фактовъ даютъ понятіе о томъ, какъ должно было измѣниться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній свойство русской народности въ Сибири, въ которую этимъ путемъ входило столько инородческой крови. Результаты подобнаго смѣшенія бываютъ весьма разнообразны, но прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальный типъ долженъ былъ неизбѣжно затериваться. Онъ и дѣйствительно затеривался и притомъ въ разныхъ мѣстахъ различно, смотря по тому, съ какими племенами происходило смѣшеніе. Сибирскіе изслѣдователи, отчасти руководясь, вѣроятно, желаніемъ скрасить племенныя отношенія своей родины, собирали доказательства, что подобныя племенныя смѣшенія могутъ не представлять ничего неблагопріятнаго относительно качества поколѣній, происходящихъ отъ смѣшенія. Извѣстно положеніе, что племенныя смѣшенія могутъ вести

---

[1]) Вѣроятно, въ подобныхъ мѣропріятіяхъ имѣетъ начало не однажды повторявшійся у насъ паническій страхъ въ деревенскомъ населеніи, что будетъ наборъ дѣвокъ, вслѣдствіе чего происходило усиленное количество свадебъ. О случаѣ такой паники газеты говорили еще года три назадъ.

[2]) Нѣкоторые предполагаютъ здѣсь даже прямое вліяніе магометанскаго многоженства.

къ улучшенію достоинствъ племени: всѣ великіе европейскіе народы были плодомъ разнообразнаго смѣшенія, которому и приписывается ихъ культурная даровитость; но съ другой стороны вѣроятно, что не всякое смѣшеніе поведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, и сами сибирскіе изслѣдователи признают, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе отзывалось неблагопріятно на первоначальныхъ свойствахъ русскаго племени. Таковы въ особенности смѣшенія съ сѣверо-западными инородцами Сибири, остяками, самоѣдами, многіе вѣка находившимися въ подавленномъ бытовомъ состояніи и не имѣвшими возможности развивать даже тѣ немногія культурныя данныя, которыя еще сохранялись въ ихъ природѣ.

Параллельно съ вліяніями смѣшенія на измѣненіе первоначальнаго русскаго типа въ Сибири дѣйствовали другія условія — территоріи, климата и промысла, которыя также нерѣдко производили его пониженіе. Въ сѣверной дикой пустынѣ русскому промышленнику представлялись тѣ же условія существованія, какъ и туземному инородцу; въ концѣ концовъ для борьбы съ суровою природой и для промысла онъ сталъ употреблять первобытные пріемы туземцевъ и мало-по-малу втягивался въ тотъ же бытъ и нравы. Кастренъ изумлялся въ 40-хъ годахъ, видя въ Обдорскѣ, что тамошніе русскіе жили также, какъ окружающіе ихъ самоѣды и остяки [1]), и это бывало, конечно, издавна. Въ другихъ мѣстахъ русскіе такимъ же образомъ перенимали обычаи татарскіе, киргизскіе, бурятскіе, якутскіе; киргизскій языкъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ южной Сибири, якутскій— въ Якутскѣ становились разговорнымъ языкомъ даже въ высшемъ мѣст.

---

[1]) Упомянувъ, что онъ не нашелъ между русскими жителями Обдорска никакой помощи и никакого пониманія къ своимъ интересамъ, онъ говоритъ: „но чего другого и можно ожидать отъ людей, которые отказались отъ всѣхъ радостей и удовольствій цивилизованной жизни, съ одною цѣлью—хитростью и обманомъ присвоивать себѣ пріобрѣтенное пòтомъ и трудомъ достояніе простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ. Это имъ, правда, и удалось, но этотъ успѣхъ повергнулъ большинство этихъ искателей счастья въ нравственную испорченность, причемъ они вмѣстѣ съ тѣмъ погрязли въ животную грубость, которая казалась мнѣ противнѣе грубости самихъ дикарей. Когда я, только-что пріѣхавши въ Обдорскъ, искалъ квартиры у одного переселившагося сюда изъ Тобольска мѣщанина, я нашелъ все его семейство сидящимъ на полу, гдѣ оно занято было тѣмъ, что ѣло сырую рыбу, которую самъ хозяинъ нарѣзывалъ въ куски. И когда я вскорѣ затѣмъ посѣтилъ образованнѣйшаго человѣка въ городѣ, который былъ нѣчто въ родѣ мелкаго чиновника, онъ хвастался тѣмъ, что въ теченіе полугода не имѣлъ другой пищи, кромѣ сырой рыбы... Обыкновенная одежда жителей большею частью такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ похожи на самоѣдовъ и тѣмъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя стада оленей", и т. д. „Nordische Reisen", I, стр. 280. Онъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ въ Обдорскѣ очень извѣстны были тобольскія моды, зеркала, вина и т. п.

Та... кончалось иногда тѣмъ, что
ра... народность, и не разъ указывали
...въ сѣверо-востокѣ Сибири. Знатоки
х... краѣ и въ Забайкальѣ много разъ
...въ русскомъ населеніи монголо-бурят-
...„братскихъ", какъ называютъ бурятъ)
...красивымъ, и вмѣстѣ на распро-
...особенностей — народныхъ понятій,
...язычество [1]).

...явленіе? Едва ли сомнительно, что глав-
...слабое культурное развитіе самихъ рус-
...прежняго быта не вынесли такихъ крѣп-
...какія, напримѣръ, получаетъ на родинѣ и
...въ своей колонизаціи и переселеніяхъ нѣ-
...; съ другой стороны много зависѣло отъ
...въ какомъ оказывалось русское населеніе
...Сибири. Заброшенные судьбой въ такія
...ихъ совершенно новый характеръ природы
...въ русскомъ сосѣдствѣ, эти поселенцы
...къ тѣмъ средствамъ существованія и затѣмъ—
...находили у туземцевъ, и если притомъ инород-
...въ самую семью, то потеря стараго рус-
...языка совершалась очень легко. Населеніе оста-
...имена, по вѣрѣ, по языку, но все это было над-
...промысла, который являлся единственнымъ
...было принято отъ инородцевъ; языкъ пор-
...все больше бралъ верхъ языкъ инородцевъ; са-
...измѣнялся въ такой степени, что въ немъ оста-
...русскаго. Съ другой стороны русѣвшіе инородцы,
...русскій языкъ, обычаи, всегда бываютъ лі-
...преданія, и сливаясь съ русскими, сохра-
...свое прежнее, и являются страннымъ, бро-
...наблюдателю образчикомъ *русскихъ*,
...домающихъ русскій языкъ, не зна-
...Послѣднее встрѣчается, какъ увидимъ.

...Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе высокая степень
...русскому типу большую устойчи-

[1]) ...путешественникъ замѣчаетъ, что „въ Тункѣ (иркут-
...населеніемъ есть образъ Николая, на
...монголовъ: онъ такъ и на-
...Астрѣвъ,
...М. 1891, стр. ...

вость, но отсутствіе школы составляло издавна, и составляетъ донынѣ, предметъ справедливыхъ жалобъ образованнѣйшей части сибирскаго общества.

Въ числѣ обстоятельствъ, способствовавшихъ образованію особаго склада сибирскихъ нравовъ и самой мѣстной народности было исключительное административное положеніе Сибири. Страна была такъ далека отъ правительственнаго центра, что сибирскіе правители, воеводы, потомъ губернаторы, становились настоящими сатрапами. Исторія сибирскаго управленія преисполнена, какъ нигдѣ въ старомъ и новѣйшемъ русскомъ государствѣ, примѣрами необузданнаго самоуправства и грабежа, которые отъ высшихъ правителей спускались ступенями до низшихъ исполнителей, и вся страна была совершенно беззащитна передъ этимъ произволомъ. Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ перваго занятія Сибири, еще предстояли труды дальнѣйшаго занятія и завоеванія, а царскій указъ 1601 г. предписываетъ, чтобы воеводы не чинили себѣ корысти, не подмѣнивали „лучшихъ соболей и куницъ и лисицъ и бобровъ и бѣлки и горностаевъ, а своихъ худыхъ соболей и бобровъ и всякіе мелкіе рухляди не клали". Въ 1602 году Сибирь имѣла уже своего перваго „мученика": это былъ торговый приказчикъ Василій, признанный богоугодившимъ „чрезъ свои жестокія мученія отъ немилостиваго игемона" (т.-е. воеводы), Савлука Пушкина; тѣло этого Василія найдено впослѣдствіи нетлѣннымъ, перенесено въ 1670 г. въ Туруханскій монастырь, и 23-го марта празднуется память блаженнаго мученика Василія Мангазейскаго. Сибирскіе „игемоны" грабятъ киргизовъ (какъ безъ сомнѣнія и другихъ инородцевъ), и этимъ дѣлаютъ ихъ надолго злѣйшими врагами русскихъ [1]).

„Игемоны" доходятъ вообще до такого безобразія, что въ 1682 году тобольскій митрополитъ отлучилъ отъ церкви младшаго тобольскаго

---

[1]) Миллеръ разсказываетъ въ своей исторіи: „Киргизскій князецъ Номча, котораго жена пріѣхала въ Томскъ съ прошеніемъ о принятіи ея въ россійское подданство, паче всѣхъ другихъ отмщенія былъ желателемъ. За отъемъ новыми томскими воеводами у жены его собольей шубы пришолъ онъ въ такое огорченіе, что онъ на чулымскихъ татаръ огнемъ и мечемъ напалъ. Сіе приключеніе чаятельно главною тому было причиною, что въ послѣдующія времена киргизовъ, сколько о томъ старанія съ россійской стороны ни прилагали, совершенно покорить не могли.—Сибирская исторія насъ удостовѣряетъ, что когда съ покоряемыми или съ покоренными народами ласково и кротко поступали, тогда они безъ труда ко всему охотными себя показывали, что̀ отъ нихъ требовано ни было. Напротивъ чего неукротимое упрямство и свирѣпость оказывали, когда имъ какія оскорбленія чинены, и воеводы болѣе отъ нихъ требовали, нежели сколько они дать были въ состояніи, или чего по силѣ царскихъ указовъ съ нихъ збирать не надлежало. Въ подтвержденіе сего послѣдняго множество примѣровъ имѣемъ", и пр. „Описаніе сибирскаго царства", 2-е изд., Спб., 1787, стр. 323.

воеводу „за презорство и гордость, за неистовое житіе, и за непристойныя и поносныя рѣчи". Такое „презорство", т.-е. буянство, и лихоимство было, кажется, свойствомъ чуть не всѣхъ сибирскихъ воеводъ—исключенія были рѣдки. Отсутствіе контроля производило и такія странныя вещи, какая случилась въ Нерчинскѣ. Былъ тамъ воеводой Аѳанасій Савельевъ, прославившійся по цѣлой Сибири своею алчностью; на его мѣсто послали Семена Полтева, который умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста, а мѣстные жители при этомъ, страшась другого Савельева, выбрали сами себѣ въ начальники сына Полтева, *ребенка*, котораго на рукахъ носили въ присутствіе; маленькій Полтевъ, подъ руководствомъ приданнаго ему въ товарищи боярскаго сына Порфирьева, управлялъ Нерчинскимъ краемъ съ 1696 по 1699 годъ, до прибытія посланнаго изъ Москвы воеводы Ивана Николаева. Когда до высшей власти доходили извѣстія о грабительствѣ сибирскихъ правителей, оно прибѣгало къ самымъ крутымъ мѣрамъ: въ 1721 г. сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ преданъ былъ въ Петербургѣ смертной казни; въ 1736 казненъ былъ въ Петербургѣ иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ. Несмотря на то, дѣла въ Сибири шли прежнимъ порядкомъ; въ сибирскихъ преданіяхъ до сихъ поръ не забылись имена старыхъ правителей, прославившихся своими грабежами и свирѣпостью, а напримѣръ въ 1758—1761, цѣлыхъ три года, производилъ всевозможныя грабительства, звѣрства и „неслыханно безнравственныя пакости" нѣкто Крыловъ, присланный изъ Петербурга слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, пока наконецъ слухи о его дѣяніяхъ достигли Петербурга и онъ былъ арестованъ. Подобные порядки продолжались даже и въ XIX-мъ столѣтіи. Ревизія Сперанскаго 1819 года была вызвана невозможнымъ управленіемъ сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля. Сперанскій нашелъ въ Сибири такую массу всяческихъ злоупотребленій, что у него опускались руки: въ самомъ дѣлѣ приходилось исправлять зло, накоплявшееся буквально цѣлыми вѣками. Новыя административныя учрежденія, бо̀льшее вниманіе, которое оказывалось теперь сибирскимъ дѣламъ со стороны правительства—сдѣлали невозможнымъ повтореніе прежнихъ страшныхъ безобразій, но привычки стараго произвола вошли въ плоть и кровь низшаго чиновничества, управлявшаго Сибирью, и еще недавно мы читали отзывъ одного изъ губернаторовъ восточной Сибири, достойнаго человѣка, который хотѣлъ вести борьбу со старыми злоупотребленіями и сознавался въ своемъ безсиліи, потому что мелкое и упорное сопротивленіе встрѣчало его на каждомъ шагу [1]).

Въ прошлое царствованіе, когда знаменательныя реформы совер-

---

[1]) Ср. Сукачева, „Иркутскъ", 1891, стр. 93 и слѣд.

шались въ самой Россіи, Сибирь осталась чужда ихъ, и только въ послѣдніе годы она до нѣкоторой степени, далеко не вполнѣ, начинаетъ получать учрежденія, давно уже дѣйствующія въ метрополіи. Между прочимъ и университетъ, учрежденіе котораго въ Сибири было высочайше признано полезнымъ еще въ 1856 году, былъ открытъ только болѣе тридцати лѣтъ спустя — въ составѣ одного факультета...

Административное положеніе, которое мы здѣсь намѣтили въ двухъ словахъ, очевидно, не могло не быть важнымъ факторомъ въ образованіи склада сибирскаго общества. Безграничный произволъ, подъ которымъ такъ долго жила Сибирь, не могъ благопріятно дѣйствовать на общественные нравы, не могъ помочь развитію самодѣятельности, общественнаго чувства, успѣхамъ просвѣщенія. Естественныя богатства Сибири вызывали, конечно, предпріимчивость, создавали большія состоянія, вносили въ жизнь богатаго круга внѣшнюю роскошь, но интересы умственные и общественные оставались по прежнему неразвиты. Сибиряки стараго закала сомнѣвались въ пользѣ реформъ Сперанскаго и находили, что Сибирью нельзя управлять по его „ученымъ способамъ"—выходило, что Сибирью надо было управлять по способамъ Пестеля и его предшественниковъ: такъ сильно было убѣжденіе, что Сибирь есть дикая страна, для которой еще ненужны понятія законности и требованія справедливости. Дѣйствительно, эта страна золотыхъ пріисковъ и другихъ естественныхъ богатствъ, страна ссылки, страна полудикаго инородческаго міра, наконецъ страна административнаго произвола и самыхъ скудныхъ средствъ образованія, создавала складъ жизни, часто слишкомъ отстававшій отъ склада жизни въ самой Россіи, хотя и этотъ послѣдній бывалъ еще весьма первобытенъ.

Если трудно соразмѣрить лучшія и худшія стороны сибирскаго общества, то не менѣе трудно опредѣлить сибирскую народную жизнь. Сибирскій народъ есть нѣчто столь сложное, что говорить о немъ какъ однородномъ цѣломъ, кажется, нельзя. Русское населеніе пересыпано инородцами и различными расовыми помѣсями; самый русскій народъ представляетъ рядъ ступеней, отъ настоящихъ русскихъ, сохранившихъ много подлинной народной старины, до тѣхъ послѣднихъ варіацій типа, гдѣ полу-забывается самый языкъ, и до обрусѣвшихъ инородцевъ, гдѣ русское является еще только поверхностстнымъ слоемъ.

Это явленіе такъ давно бросалось въ глаза, что впечатлѣнія его мы находимъ уже у путешественниковъ и писателей XVIII вѣка, которые замѣчали и даже пытались опредѣлять отличительныя черты сибирскаго типа физическаго и нравственнаго, въ сравненіи съ рус-

скимъ типомъ въ Европѣ. Но только въ послѣднее время изслѣдователи Сибири поставили вопросъ опредѣленно; сознавая громадную сложность вопроса при современныхъ требованіяхъ науки, они хотѣли по крайней мѣрѣ обратить на него вниманіе и указывали наиболѣе яркія черты различія, для которыхъ требовалось объясненіе.

Въ ряду этихъ изслѣдователей долженъ быть въ особенности названъ Щаповъ, сибирякъ родомъ, нѣкогда профессоръ русской исторіи въ Казани и въ послѣдніе годы проживавшій опять въ Сибири, личность очень оригинальная, и между прочимъ какъ своими достоинствами, такъ и недостатками, характерная для Сибири. Щаповъ (род. въ 1830 году) былъ родомъ изъ села Анги за Байкаломъ въ Иркутской губерніи; отецъ его былъ здѣсь дьячкомъ, мать была простая крестьянка, бурятка по происхожденію. Онъ учился въ иркутскомъ училищѣ, живя въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ; затѣмъ въ 1846 перешелъ тамъ же въ семинарію, гдѣ жилось ему нѣсколько лучше и гдѣ онъ усиленно работалъ; наконецъ въ числѣ лучшихъ учениковъ въ 1852 году онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ половинѣ 50-хъ годовъ. Вскорѣ затѣмъ онъ назначенъ былъ профессоромъ русской исторіи въ духовной академіи, а въ 1860 приглашенъ на ту же каѳедру и въ университетъ. Этому послѣднему приглашенію предшествовала извѣстность Щапова, какъ талантливаго профессора. Въ университетѣ, гдѣ на первой лекціи его, кромѣ университетскихъ слушателей, собралась многочисленная публика, онъ съ перваго раза произвелъ сильное впечатлѣніе, которое на долго привязало слушателей къ профессору. Онъ дѣйствовалъ на слушателей (несмотря на свое не довольно внятное произношеніе) качествомъ, которое не часто бываетъ на каѳедрѣ: онъ былъ страстно преданъ своему предмету, его мысли были его глубочайшимъ убѣжденіемъ, которому онъ отдавался со всей искренностью: — его историческіе взгляды были притомъ довольно новы.

О томъ впечатлѣніи, которое производилъ Щаповъ въ университетѣ, есть любопытный разсказъ одного изъ его слушателей. „Вступленіе въ университетъ Щапова,—разсказываетъ очевидецъ,—было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока Щаповъ занималъ у насъ каѳедру русской исторіи, — онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли; у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская пуб-

лика то же приходила въ движеніе и стремилась его послушать" и пр. [1]).

Его извѣстность въ литературѣ составлена была обширнымъ изслѣдованіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII вѣка" (Казань, 1859). Это изслѣдованіе, хотя еще не достигало полнаго опредѣленія вопроса, доставило однако много любопытныхъ разъясненій и обнаружило обширную начитанность автора, и новые пріемы изученія.

Но профессорская дѣятельность Щапова была непродолжительна. Въ 1861 году, по обнародованіи „Положенія 19 февраля", произошли между прочимъ въ казанской губерніи нѣкоторыя безпокойства между крестьянами, вслѣдствіе неправильнаго пониманія ими „Положеній". Въ Казани, увлекшіеся молодые люди, на которыхъ подѣйствовалъ исходъ этихъ событій, собрались на панихидѣ по Антонѣ Петровѣ. Щаповъ, энтузіастъ по природѣ, но абсолютно не знавшій жизни, былъ также на этой панихидѣ, увлекаемый тогдашнимъ настроеніемъ и не думая о послѣдствіяхъ, которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могли быть неблагопріятны особенно для него. Вскорѣ онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ и потерялъ профессуру. Впрочемъ, дѣло пока не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ для него послѣдствій, Щапову даже оказано было вниманіе просвѣщеннымъ начальствомъ, которое дало ему возможность продолжать въ Петербургѣ свои изслѣдованія—изученіемъ архивныхъ дѣлъ по расколу. Результатомъ было нѣсколько замѣчательныхъ и оригинальныхъ работъ.

Въ свое пребываніе въ Петербургѣ Щаповъ особенно много работалъ. Въ „Отеч. Запискахъ" появились тогда его любопытныя статьи: „Великорусскія области и смутное время, 1606—1613 г."; „Земство и расколъ" (напечатано потомъ отдѣльной книжкой). Въ журналѣ „Время" помѣщено было продолженіе этихъ статей—о сектѣ „Бѣгуновъ". Въ „Журналѣ минист. просвѣщенія", 1863: „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія—православнаго и старообрядческаго". Эти статьи между прочимъ интересны по выпискамъ изъ рукописей Соловецкой библіотеки, находящейся теперь въ Казани и которую Щаповъ внимательно изучалъ въ прежнее время. Въ „Библіотекѣ для Чтенія"—статья: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія". Позднѣе, эту же тему онъ излагалъ въ статьяхъ: „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія" въ журналѣ „Рус. Слово", 1864—1865, и проч.

---

[1]) „Первый Шагъ, провинціальный литер. сборникъ", Казань, 1876, стр. 404—413.

Но въ Петербургѣ Щаповъ остался недолго. Его крайняя практическая безпечность и неосторожность снова ему повредили. Въ 1864 или 1865 онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправиться „на мѣсто жительства“, которымъ была назначена сначала деревня, гдѣ онъ родился, потомъ городъ Иркутскъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, не выѣзжая съ мѣста,—за исключеніемъ поѣздки въ Омскъ, гдѣ привлекали его къ дѣлу о сибирскомъ сепаратизмѣ, и научной экспедиціи въ сѣверный Туруханскій край, устроенной Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества, гдѣ Щаповъ, при всѣхъ трудностяхъ путешествія, съумѣлъ собрать замѣчательный научный матеріалъ; къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ погибъ потомъ въ иркутскомъ пожарѣ, истребившемъ помѣщеніе Отдѣла. Издавна слабый здоровьемъ, Щаповъ тяжело провелъ последніе годы, въ борьбѣ съ нуждой, которая все больше его угнетала; притомъ съ удаленіемъ изъ Петербурга для него затруднялась литературная дѣятельность, составлявшая его единственное средство къ существованію... Онъ продолжалъ работать, и послѣднимъ значительнымъ его трудомъ была книга: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (Спб. 1870).

Такимъ образомъ, тревожная жизнь, тяжкія внѣшнія обстоятельства мало давали Щапову возможности къ правильной и спокойной ученой работѣ, именно въ то время, когда его силы были въ полномъ развитіи. Тѣмъ не менѣе, труды его даютъ ему неоспоримое мѣсто въ ряду писателей, которые содѣйствовали разъясненію руководящихъ началъ нашей исторіи. Главнѣйшимъ интересомъ его историческихъ разысканій была народная жизнь, съ ея исконными и пріобрѣтенными особенностями, жизнь, содержаніе которой не покрывалось государственными формами, и нерѣдко стояло съ ними въ противорѣчіи и разладѣ; онъ настоятельно указывалъ на необходимость изслѣдовать областныя дѣленія русской народности, и ихъ участіе въ историческихъ явленіяхъ, на которое обыкновенно мало обращалось вниманія; съ другой стороны, онъ былъ свободенъ отъ преувеличеній, очень нерѣдкихъ, которыя въ этомъ направленіи приводили многихъ къ исключительной мнимо-народности, и нѣсколько его работъ посвящено было исторіи умственнаго развитія русскаго народа, гдѣ онъ истинную цѣль его видѣлъ въ соединеніи народныхъ началъ съ научными результатами просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ его позднихъ работъ вызывали строгія сужденія критики; многія изъ нихъ дѣйствительно отзывались спѣшностью и неоконченностью, слѣдствіемъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ его работы; — но, взятыя въ цѣломъ, работы Щапова представляютъ много свѣт-

лыхъ мыслей объ исторической судьбѣ и содержаніи нашей народной жизни.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ складывались эти историческія воззрѣнія Щапова. Въ учебные годы между товарищами сибиряками складывался свой сибирскій патріотизмъ [1]); впослѣдствіи судьба Сибири представлялась Щапову въ тѣсной связи съ цѣлымъ народнымъ развитіемъ, такъ что движеніе русскаго народа на сибирскій востокъ Щаповъ приравнивалъ къ тому движенію, которое позднѣе выразилось Петровскою реформой. А именно, когда въ московскомъ періодѣ, дошедшемъ до своего неподвижнаго идеала, дальнѣйшее движеніе было возможно только съ разрушеніемъ сложившихся формъ и усвоеніемъ новыхъ, и когда Петръ Великій вносилъ эти новыя формы въ видѣ цивилизаціи, заимствованной на западѣ, то еще ранѣе Петра самъ народъ предпринялъ такой же переворотъ, уходя массами на востокъ, гдѣ „оторвавшись отъ общаго корня исторической жизни и традиціи великорусскаго народа", онъ сталъ вырабатывать „самобытную своеобразную народность и жизнь среди новыхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій". Отдѣленное отъ Россіи, окруженное совершенно новыми условіями природы, сибирское населеніе „больше искало *новой* жизни, чѣмъ думало о старой и вообще умственно и нравственно приспособлялось больше къ новымъ мѣстнымъ физико-географическимъ и этнографическимъ условіямъ, чѣмъ къ старымъ историко-традиціоннымъ основамъ и началамъ великорусской народной жизни". Таковъ былъ по Щапову исходный пунктъ того развитія, которое сопровождалось образованіемъ особой русско-сибирской народности. Но эта своеобразность и самобытность имѣла свои глубокія невыгодныя стороны. Петръ, разрушая старину, давалъ въ замѣнъ ея науку; сибирскіе гулящіе люди, оторвавшись отъ старины, быть можетъ еще больше, чѣмъ самъ Петръ, перезабывъ все, что̀ создало народное творчество, и даже начавъ противопоставлять себя „россейцамъ", очутились отъ науки дальше, чѣмъ были русскіе до Петра. Сибирскому населенію недоставало просвѣщенія, то-есть положительной части реформы. Сибирское общество вело до сихъ поръ безсознательную жизнь; оно какъ будто съизнова начинало тотъ трудъ, какой совершался русскимъ народомъ въ началѣ его исторіи—трудъ безсознательной закладки первой гражданственности, безъ помощи знанія и опыта другихъ народовъ.

Съ такими мыслями Щаповъ, вернувшись въ Сибирь, обращался къ изученію сибирской народности. Въ Иркутскѣ, онъ принялъ участіе въ трудахъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Геогр. Общества, въ

---

[1]) „А. П. Щаповъ", Аристова, стр. 11.

ніе дурной администраціи и ссылки. Не менѣе любопытны тѣ детальныя изслѣдованія, какія предпринималъ Щаповъ въ инородческихъ и русскихъ общинахъ въ связи съ тѣмъ же вопросомъ о складѣ сибирскаго народнаго типа: онъ бралъ небольшую территорію, добывалъ въ мѣстныхъ маленькихъ архивахъ, какіе могъ найти, документы о происхожденіи мѣстнаго населенія, слѣдилъ семьи русскія и инородческія, отмѣчалъ племенныя смѣшенія, наблюдалъ мѣстные типы, являвшіеся въ настоящее время результатомъ прошлой исторіи этихъ родовъ, собиралъ мнѣнія самихъ мѣстныхъ жителей, и былъ бы на дорогѣ чрезвычайно важныхъ выводовъ въ области этнографіи и антропологіи, еслибы ему удалось расширить свои наблюденія на нѣсколько большій районъ и обобщить въ точныхъ выводахъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ заѣхалъ въ Сибирь и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ извѣстный путешественникъ и славистъ П. А. Ровинскій. За это время опъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ съ этнографическими цѣлями въ западной и восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ и въ Иркутскомъ краѣ и въ Забайкальѣ. Результатомъ было нѣсколько статей его въ изданіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества [1]). Г. Ровинскій былъ однимъ изъ очень немногихъ сибирскихъ путешественниковъ, научно приготовленныхъ къ этнографическому изслѣдованію: наблюдательность, изощренная разнообразными странствіями, необыкновенное умѣнье сходиться съ народомъ [2]) дали ему возможность собрать много характерныхъ фактовъ о различныхъ сторонахъ сибирской народности. Во многихъ подробностяхъ его замѣчанія о свойствахъ русско-сибирскаго народа сходятся съ тѣмъ, что̀ говорилъ Щаповъ, но общій выводъ менѣе суровъ, и въ сибирскомъ характерѣ г. Ровинскій находилъ черты, ко-

---

[1]) О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. I. Иркутскъ, 1870.

— О книгѣ доктора Кашина о зобѣ и кретинизмѣ (особенно распространенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи), тамъ же.

— Отзывъ объ изданіи Иркутскаго губ. Стат. Комитета, въ „Извѣстіяхъ“, т. II. Иркутскъ, 1871.

— Сообщеніе о поѣздкѣ по Ангарѣ и Ленѣ, тамъ же.

— Между Ангарой и Леной, тамъ же.

— Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области, въ „Извѣстіяхъ“, т. III. Иркутскъ, 1872.

— Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія и словарь, въ „Извѣстіяхъ“, т. IV. Иркутскъ, 1873.

— Матеріалы для этнографіи Забайкалья, тамъ же.

— Объ этнологическихъ изслѣдованіяхъ въ восточной Сибири г. Ровинскаго, въ „Отчетахъ“ Сибирскаго Отдѣла за 1870 и 1871 г., и также въ общихъ отчетахъ Географическаго Общества за тѣ годы.

[2]) Ср. замѣчанія Орфанова, „Въ Дали“, стр. 20 и дал.

торымъ можетъ предстоять здоровое развитіе при лучшихъ условіяхъ управленія и особливо при большемъ образованіи. Особенно любопытны изслѣдованія Ровинскаго о русско-сибирскомъ нарѣчіи, которое, по его замѣчанію, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ больше искажается чужими примѣсями. Въ Нерчинскѣ ему такъ часто приходилось въ разговорахъ съ русскими обращаться за переводомъ неизвѣстныхъ ему словъ, что коренной житель спросилъ его наконецъ: „что *это такое*, вы не знаете самыхъ обыкновенныхъ *русскихъ словъ*, *словно* иностранецъ"? А эти обыкновенныя русскія слова были: *зонтуло*—отупѣвшій, остарѣвшій человѣкъ, и глаголъ *озонтулиться*; *дылбой*—напрасно; *хонзаной*—лысый (говорится о человѣкѣ и о лошади); *курагашка*—весенній барашекъ; *кантурга*—кисетъ съ табакомъ и т. п. Ровинскій старался опредѣлить особенности сибирскаго нарѣчія въ звукахъ, удареніи, словообразованіи, въ управленіи словъ, наконецъ въ словарѣ, и намѣтить историческія условія, при которыхъ образовались странныя формы, нерѣдко поражающія въ сибирскомъ нарѣчіи. Къ сожалѣнію, эти крайне интересныя изслѣдованія съ тѣхъ поръ не были подвинуты впередъ.

Вопросъ о русско-сибирской народности затронутъ былъ и г. Ядринцевымъ въ книгѣ: „Сибирь какъ колонія". Авторъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но собралъ общія положенія, какія могли быть выведены изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій, дополняя ихъ своимъ собственнымъ знаніемъ сибирскихъ племенныхъ отношеній. Сибирскій патріотизмъ не помѣшалъ автору увидѣть обѣ стороны вопроса: онъ старается объяснить, что племенныя смѣшенія, какія въ широкихъ размѣрахъ происходили въ Сибири со времени ея завоеванія и донынѣ, во многихъ случаяхъ имѣли благопріятный результатъ, какой дается взаимодѣйствіемъ племенныхъ дарованій, но соглашается, что въ другихъ случаяхъ смѣшеніе приводило къ ущербу для русской народности и къ пониженію типа [1].

Г. Анучинъ, сопоставляя наблюденія, сдѣланныя по этому предмету, приходилъ (въ 1876) къ такому выводу: „Русская народность въ Сибири, несмотря на многія неблагопріятныя условія, не только не затерялась, но удержала всѣ существенныя черты своего типа, сдѣлала еще значительные успѣхи. Множество инородцевъ, принимая русскую вѣру и русскій образъ жизни, мало-по-малу забываютъ свой родной языкъ и, вступая въ брачные союзы съ русскими, принимаютъ и русскую физіономію, хотя и удерживаютъ въ то же время нѣко-

[1] Въ прибавку необходимо указать разсказы г. Рябкова („Окраины страны Сибири", въ „Сибирскомъ Сборникѣ", 1887, стр. 1—43) о русскихъ жителяхъ Колымскаго края; авторъ признаетъ подробности, явно рисующія измѣненіе въ этихъ жителяхъ первоначальнаго русскаго типа.

торыя черты своего первоначальнаго типа. Но явленіе такого рода не есть потеря русскими своей народности, а напротивъ составляетъ торжество русской расы надъ нашими инородческими племенами. Отрекаясь отъ своей вѣры, своихъ полудикихъ воззрѣній и принимая образъ жизни и мыслей русскаго племени, инородцы, тѣмъ самымъ, получаютъ возможность достигнуть просвѣщенія, стать въ число цивилизованныхъ людей, которыми они навѣрно и будутъ, къ чести и славѣ русской народности".

За послѣднее время вопросъ былъ снова затронутъ въ книгѣ г. Астырева, выше названной, гдѣ, кажется, еще усилена пессимистическая характеристика, сдѣланная Щаповымъ—но безъ достаточныхъ доказательствъ и во всякомъ случаѣ односторонно.

Въ толкахъ о новѣйшихъ крестьянскихъ переселеніяхъ изъ Россіи также говорилось косвенно о сибирской народности, когда выдвигалась противоположность „новоселовъ" съ сибирскими старожилами, причемъ первымъ давалось значеніе новыхъ цивилизаторовъ загрубѣвшаго и отсталаго сибиряка. Здравую критику этого противоположенія читатель найдетъ въ упомянутой раньшѣ статьѣ А. А. Кауфмана [1]).

Чисто этнографическія изслѣдованія русской народности въ Сибири до сихъ поръ остаются очень скудны, чему и надо приписать противорѣчивыя о ней мнѣнія. Отдѣльныя этнографическія замѣтки о русско-сибирскомъ народѣ встрѣчаются уже у путешественниковъ XVIII-го вѣка. Начиная съ Гмелина, у всѣхъ важнѣйшихъ путешественниковъ есть упоминанія и цѣлые разсказы о характерѣ сибирскаго народа, о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, объ особенностяхъ сибирскаго языка и т. п. Собственно этнографическіе труды являются съ 30-хъ годовъ, и одной изъ первыхъ книгъ этого рода была книга Ек. А. Авдѣевой, сестры Н. А. Полевого [2]). Полевые провели первую молодость въ Сибири. Г-жа Авдѣева говоритъ, что прожила въ Сибири около 30-ти лѣтъ; поэтому она имѣла возможность узнать сибирскую жизнь, хотя, повидимому, только городскую иркутскую. Въ началѣ книги она даетъ понятіе о природѣ иркутскаго края, ея произведеніяхъ, промыслахъ жителей, торговлѣ; но главная часть

---

[1]) Сѣверный Вѣстникъ, 1891, апрѣль; его же замѣтка о книгѣ Астырева, тамъ же.

[2]) „Записки и замѣчанія о Сибири, сочиненіе ...ы ...ой. Съ приложеніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ". Москва, 1837. „Предисловіе издателя" подписано К. П., то-есть, Ксенофонтомъ Полевымъ.

Изъ сочиненій Авдѣевой (1789—1865) укажемъ еще „Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ". Спб. 1842.

пѣнія; нѣтъ театровъ, концертовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона ли училища для дѣвицъ; учатся, кто какъ можетъ; нѣкоторыя дома, угія у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку вицъ учились болѣе по знакомству русской грамотѣ и разнымъ укодѣліямъ“ (стр. 54). „Изъ всѣхъ увеселеній,—разсказываетъ г-жа дѣева,—извѣстныхъ въ столицахъ, на святой недѣлѣ только ка- ставятъ на площади. Тутъ бываютъ качели круглыя, большія, сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ, другіе смотрятъ; тѣмъ и кончится праздникъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ театра, и за даленностью не пріѣзжаютъ никогда волтижёры, балансёры и раз- е искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини звѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали тамъ стинныхъ артистовъ. Во всѣ двадцать-пять лѣтъ, которыя прожила въ Иркутскѣ, пріѣзжала туда только труппа итальянцевъ съ уче- ными собаками. Правда, это сберегаетъ карманы, но многіе *вздыхаютъ объ увеселеніяхъ столицы*“ [1]). Впрочемъ раньше г-жа Авдѣева упоминала еще объ одномъ увеселеніи — о „вертепѣ“, который во времена Гмелина былъ, кажется, еще интереснѣе. Но что̀ можно было устроить по иностранному образцу, то устроивалось; г-жа Авдѣева разсказываетъ, напримѣръ, о маскарадахъ. Добрыя старыя времена всегда представляются въ привлекательномъ видѣ, и по мнѣнію г-жи Авдѣевой сибирскіе нравы были самые наилучшіе. „Отдаленность отъ столицъ и недостатокъ въ воспитаніи кладутъ свою печать; зато въ нравственномъ отношеніи много есть похвальнаго въ семействахъ, и даже болѣе привязанности вообще между родными,... гостепріимство въ Иркутскѣ примѣрное; благонравіе уважается чрезвычайно, и даже въ простомъ народѣ женщина дурного поведенія не найдетъ себѣ мѣста нигдѣ“ [2]). Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ сходится съ показаніями другихъ писателей, по словамъ которыхъ сибирскіе нравы не были примѣрными и, между прочимъ, всеобщимъ порокомъ было пьянство, даже между женщинами.

Приводимъ въ параллель замѣчанія Кастрена: „Пьянство стало столь всеобщимъ въ Сибири, что съ нимъ не соединяется никакого безчестія. „Всѣ мы люди грѣшные“,—отвѣчаетъ сибирякъ, если его спрашиваютъ о степени трезвости какого-нибудь человѣка. Въ праздникъ даже молодыя дѣвушки могутъ пить, не навлекая на себя выговора... замужнія женщины пьютъ почти всѣ безъ исключенія. Уже это показываетъ, какъ несправедливо мнѣніе, которое приписываетъ сибирякамъ лучшіе нравы и болѣе высокое образованіе сравнительно

---

[1]) Стр. 71—72.

[2]) Стр. 35.

съ уроженцами Россіи. Правда, что въ Сибири крестьянинъ брѣется, куритъ трубку, охотно ходитъ въ сюртукѣ, ведетъ хорошую рѣчь, мало вѣритъ въ духовъ и въ привидѣнія, не любитъ религіознаго сектаторства и т. д.; зато русскій отличается бо̀льшимъ благородствомъ, болѣе прямымъ и откровеннымъ характеромъ и лучшимъ пониманіемъ. Въ Россіи [1]) уже не рѣдкость, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ, а въ Сибири встрѣчаются даже купцы, которые едва умѣютъ подписать свое имя" и т. д. [2]).

Въ сороковыхъ годахъ появляются замѣчательные труды для сибирской этнографіи извѣстнаго сибиряка, Степ. Ив. Гуляева, умершаго въ маѣ 1888 года въ Барнаулѣ на 85-мъ году. Родиной Гуляева былъ Локтевскій заводъ, алтайскаго горнаго округа. Онъ учился въ мѣстномъ горнозаводскомъ училищѣ, какъ лучшій ученикъ былъ отправленъ на службу при кабинетѣ Е. В., а потомъ переведенъ на Алтай. Некрологъ его замѣчаетъ, что онъ былъ здѣсь, кажется, единственнымъ человѣкомъ, прослужившимъ безпорочно 69 лѣтъ. Время, когда онъ работалъ на Алтаѣ, было для большинства его сослуживцевъ время легкой наживы, но Гуляевъ остался честнымъ человѣкомъ и кромѣ того былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, которому всегда были близки интересы науки. Владѣя богатыми свѣдѣніями о Сибири и въ частности объ алтайскомъ краѣ, онъ охотно дѣлился своимъ знаніемъ съ тѣми, кто въ немъ нуждался. Онъ бывалъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Географическаго, и его первымъ трудомъ по этнографіи были, если не ошибаемся, „Этнографическіе очерки южной Сибири" [3]), гдѣ помѣщено подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ, съ относящимися къ нимъ пѣснями, затѣмъ знахарскіе заговоры и заклинанія, далѣе пѣсни разнаго рода и, наконецъ, довольно обширный словарь мѣстнаго сибирскаго языка. Другіе труды Гуляева помѣщались въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ „Извѣстіяхъ" русскаго отдѣленія Академіи, въ „Русской Старинѣ" и другихъ изданіяхъ, а также въ сибирскихъ газетахъ [4]). Съ 50-хъ годовъ появляются этнографическіе труды князя Кострова [5]). Отмѣтимъ далѣе этнографическіе труды

---

[1]) Писано въ половинѣ сороковыхъ годовъ.

[2]) Nordische Reisen, II, стр. 157—158.

[3]) Библіотека для Чтенія, 1848, т. XC, двѣ большія статьи, стр. 1—142.

[4]) Краткій, весьма недостаточный некрологъ Гуляева см. въ „Сибирской Газетѣ", 1888, № 39. Нѣсколько подробнѣе, но также недостаточно, въ книгѣ Н. А. Голубева „Алтай". Томскъ, 1890, стр. 427—436. Здѣсь сказано, между прочимъ, что послѣ Гуляева остался сборникъ былинъ, записанныхъ главнымъ образомъ отъ старика-пѣвца Тупицына, около Барнаула.

[5]) Напримѣръ, „Святки въ Минусинскомъ округѣ енисейской губерніи"; „Народныя примѣты крестьянъ старожиловъ Минусинскаго округа"; „Городъ Минусинскъ";

г. Потанина [1]). Наконецъ, довольно много отдѣльныхъ этнографическихъ извѣстій, небольшихъ собраній пѣсенъ и подобнаго матеріала разсѣяно въ журналахъ и мѣстныхъ изданіяхъ [2]).

Мѣстный сибирскій языкъ, какъ мы замѣчали, давно обращалъ на себя вниманіе; даже людямъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію особенностей языка,—каковы были, напримѣръ, нѣмецкіе академическіе путешественники, — эти особенности бросались въ глаза; тѣмъ больше онѣ были замѣтны русскимъ, и эти отличія сибирскаго языка записывали, напр., г-жа Авдѣева, Гуляевъ, Кривошапкинъ и др. [3]). Наиболѣе важны, какъ мы указывали, труды П. А. Ровинскаго.

„Колдовство и порча у крестьянъ томской губерніи" въ „Запискахъ" Сибирскаго Отдѣла, кн. II, V, 1856, 1858, и въ „Запискахъ" Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. I, Омскъ, 1879; „Юридич. обычаи крестьянъ старожиловъ томской губерніи", Томскъ, 1876, и др. Выше названы его сочиненія объ инородцахъ. Біографическія свѣдѣнія о кн. Костровѣ и списокъ его сочиненій см. у Д. Языкова, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 1—2.

[1]) Юго-западная часть томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, въ „Этнографическомъ Сборникѣ" Геогр. Общ. Спб., 1864, кн. VI, и др.

[2]) Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній: „Простонародныя пѣсни Нерчинскаго округа", Ивана Юренскаго, въ „Финскомъ Вѣстникѣ" 1847, ч. XIX, смѣсь, стр. 23—25.

— Крестьянская свадьба въ Ялуторовскомъ округѣ (съ пѣснями), З. Плотникова, Тобольск. губ. Вѣдом. 1859, № 5.

— Свадебные обряды крестьянъ кузнецкаго уѣзда томской губ., Томск. губ. Вѣд. 1860, № 2—3.

— Разсказъ о поѣздкѣ въ Бухтарминскій край, А. Принтца, въ „Запискахъ по общей географіи" Геогр. Общ., т. I, Спб. 1867.

— Пословицы и поговорки жителей тобольской губ., I. Бартошевича; Тобольскія губ. Вѣд. 1866, № 49.

— Вечорка въ Нижне-Колымскѣ (съ пѣснями). Газета „Сибирь", 1874, № 29—30.

— Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула, Леонтій Гавр. Тупицынъ. Л. Майкова въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общ. 1875, № 6.

— Замѣтка о забайкальскихъ старообрядцахъ, Н. Ушарова, въ Сборникѣ газеты „Сибирь", Спб. 1876, стр. 313—333.

— Сибирскіе нищіе, въ газ. „Сибирь", 1879, № 10—14 и друг.

Указанія объ этой литературѣ собраны въ „Сибирской Библіографіи" г. Межова, т. II. Обширная библіографическая работа о сибирской этнографіи, А. А. Ивановскаго, въ московскомъ „Этнографич. Обозрѣніи", 1890—91.

Изъ литературы общихъ описаній и путешествій, гдѣ разсѣяно много этнографическихъ замѣтокъ, упомянемъ въ особенности книги г. Максимова („На Востокѣ", „Сибирь и каторга"), Пржевальскаго („Путеш. въ Уссурійскій край", гдѣ замѣтки о бытѣ сибирскихъ казаковъ), Орфанова, Астырева и пр.

[3]) Такъ какъ, впрочемъ, эти случайные наблюдатели сами не были научно знакомы съ предметомъ, то въ числѣ приводимыхъ ими „сибирскихъ" словъ находится не мало словъ обще-народныхъ и старинныхъ, неизвѣстныхъ только въ литературномъ употребленіи.

по различнымъ вопросамъ народнаго быта разсѣяна въ сибирскихъ изданіяхъ, какъ мѣстныя губернскія и епархіальныя вѣдомости, газета „Сибирь" (статьи В. И. Вагина, Щапова и пр.), „Сибирская Газета" и въ особенности „Восточное Обозрѣніе", гдѣ почти каждый нумеръ доставляетъ болѣе или менѣе важные матеріалы и подробности по этимъ предметамъ; наконецъ изданія обоихъ сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества и общіе журналы,—кромѣ собственно народнаго быта затронута была и исторія сибирской общественной жизни [1]).

Послѣднія два или три десятилѣтія представляютъ особенное оживленіе сибирскихъ изученій. Можно думать, что отнынѣ начинается новый періодъ сибирскихъ изысканій, совершаемыхъ уже въ значительной степени силами самого мѣстнаго образованнаго круга. Мы называли имена цѣлаго ряда сибиряковъ по рожденію, или по пріобрѣтеннымъ симпатіямъ, или по продолжительному пребыванію въ Сибири и изученію ея, какъ Щаповъ, Потанинъ, Поляковъ, Вагинъ, Ядринцевъ, Щегловъ, Адріановъ, Усольцевъ, Клеменцъ, Радловъ и мн. др., труды которыхъ, хотя бы иногда въ нихъ чувствовался недостатокъ научныхъ средствъ, имѣютъ важное преимущество близкаго изученія страны и людей, возможнаго только для туземцевъ, и преимущество того теплаго отношенія къ родному краю, которое шире и полнѣе поможетъ раскрыть его лучшія стороны, его внут-

[1]) Напр: „Собственность и община" (въ Сибири), Колмогорова, въ „Отеч. Запискахъ" 1858, кн. 10.

— Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Н. Флеровскаго. Спб., 1869, гдѣ рѣчь идетъ и о Сибири.

— Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Н. Ядринцева. Спб., 1872.

— Общинный бытъ у крестьянъ Забайкальской области Восточной Сибири, К. Михайлова, „Р. Мысль", 1885, № 12.

См. также програму изслѣдованія сельской общины въ Сибири, г. Ядринцева въ „Запискахъ" Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. III, Омскъ, 1881. Въ изданіяхъ Сибирскихъ Отдѣловъ, въ „Вост. Обозрѣніи", въ „Сибирскомъ Сборникѣ" и др. разсѣяно нѣсколько матеріаловъ по этому вопросу.

Укажемъ еще здѣсь: „Матеріалы для характеристики нравовъ жителей Восточной Сибири въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.", и пр., изъ мѣстныхъ архивовъ; Приб. къ Иркутскимъ епарх. Вѣдом. 1877, № 20, 25—27; Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири. Шашкова (подъ псевдонимомъ С. Серафимовича), „Отеч. Зап." 1867, кн. 20, 22; „Рабство въ Сибири", „Дѣло", 1869, кн. 1, 3; „Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка", „Дѣло", 1879, кн. 1—3.

Выше упомянута статья Щапова: „Сибирское общество до Сперанскаго" (въ „Извѣстіяхъ" Сибирскаго Отдѣла, т. IV, Ирк. 1873), гдѣ авторъ между прочимъ воспользовался мѣстной рукописной литературой изъ тѣхъ временъ. О важныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы, мы упоминали.

что съ появленіемъ мѣстныхъ изслѣдователей долженъ начаться второй періодъ изученія Азіатской Россіи, періодъ желанный и пройденный уже въ Европѣ и частью даже въ Америкѣ. „Пусть,—говорилъ г. Венюковъ [1],—будутъ мѣстные труженики снабжены достаточными, совершенно ясными и, прибавлю, дѣйствительно исполнимыми наставленіями отъ лицъ спеціальныхъ, всего лучше отъ цѣлыхъ учрежденій и съѣздовъ, пусть ихъ поддержутъ своимъ вниманіемъ лица высокопоставленныя въ наукѣ, одобрятъ въ успѣхѣ, снисходительно отнесутся къ ошибкамъ, и дѣло пойдетъ впередъ. Тогда и мы, долгіе странствователи, которые измѣряемъ свои работы десятками тысячъ пройденныхъ верстъ, но къ сожалѣнію скудными вкладами въ сокровищницу естествознанія, уступимъ мѣсто этимъ постояннымъ, туземнымъ изслѣдователямъ, которымъ легче будетъ собранный матеріалъ излагать въ систематической, а не отрывочной формѣ, въ которой по необходимости мы прибѣгаемъ теперь. Время, теряемое нынѣ на дальніе разъѣзды, будетъ сохранено, расходъ денежный также, а въ довершеніе и добываемые факты станутъ точнѣе; ибо гдѣ же требовать всегдашней точности отъ путешественника, производящаго свои наблюденія часто въ очень короткое время и при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ? Эта точность достижима только для человѣка не торопящагося и наблюдающаго свой предметъ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ... Но впереди и этого способа разработки естественной исторіи Азіатской Россіи, и выше всего, нужно поставить то средство, которое одно можетъ доставить странѣ мѣстныхъ изслѣдователей, которое уже всюду употреблено въ британскихъ колоніяхъ и которое сдѣлало изъ Калькутты, Бомбея, Таранто, Капштадта и даже недавно основаннаго Мельбурна настоящіе центры европейской цивилизаціи. Я говорю объ основаніи въ Сибири *высшаго учебнаго заведенія.* Страна эта не имѣетъ доселѣ средоточія умственной жизни своей. Сибиряку негдѣ усвоить себѣ результатовъ европейскаго знанія во всей ихъ обширности, негдѣ найти руководителей въ изученіи родной природы; изъ окружающей его почвы не бьетъ живого источника, въ которомъ онъ могъ бы свободно черпать для утоленія умственной жажды своей. Дважды сдѣланныя заявленія объ этой потребности оставались безъ отвѣта; теперь, по частнымъ слухамъ, готово и третье: пожелаемъ же успѣха ему, т.-е. возможно скораго возникновенія въ Сибири *правильно устроеннаго* центра умственной дѣятельности. И да будетъ поставлено цѣлью его не одно развитіе изящной, изворотливой діалектики... по образцамъ изъ среды, окружавшей Аристофана и Демосѳена, Ювенала и Тацита. Да избѣ-

[1]) „Труды съѣзда естествоиспытателей". Спб. 1868, стр. 55—56.

житъ сибиряка участь: терять драгоцѣнное время молодости на то, чтобы сложиться духовно на манеръ эгоистической и враждебной русскимъ началамъ жизни англійской олигархіи, современнаго поколѣнія бонапартовской Франціи или послѣдователей Лойолы. Да будетъ привито ему здоровое знаніе реальныхъ предметовъ, черпающее свою мощь въ анализѣ Ньютона, Эйлера, Лагранжа, Лапласа, въ наблюденіяхъ и выводахъ Гершеля, Лавуазье, Араго, Фаредэ, Буха, Лейеля, Дарвина, Бэра и Аристотеля нашего вѣка, Александра Гумбольдта; тогда и научное завоеваніе Сибири довершится само собою".

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Среди работы надъ исторіей русской этнографіи, въ первоначальномъ составѣ этого труда, мнѣ представлялся вопросъ о задачахъ русской этнографіи [1], для которой, при громадной обширности предстоявшихъ ей предметовъ изученія, на мой взглядъ еще долженъ былъ быть собранъ новый, многосложный матеріалъ по различнымъ отраслямъ народной жизни, собранъ сколько возможно правильно, въ системѣ, такъ какъ по многимъ существеннымъ вопросамъ этнографическаго знанія въ литературѣ оставались большіе пробѣлы, при которыхъ упомянутые вопросы по необходимости оставались безъ отвѣта. Позднѣе, на томъ же вопросѣ остановился Д. Н. Анучинъ [2], указывая, что кромѣ собиранія матеріала необходимы и возможны настоящія изслѣдованія по многимъ вопросамъ, которые представляются въ этой области знанія. Необходимость изслѣдованій не требуетъ объясненій: собираніе матеріала не можетъ имѣть другого смысла, какъ найти этому матеріалу истолкованіе въ научномъ сопоставленіи и обслѣдованіи. Во многихъ случаяхъ, которые отчасти были указаны г. Анучинымъ, этнографическое изслѣдованіе могло доставить извѣстные результаты, отчасти для общей антропологіи, отчасти въ предѣлахъ объясненія собственной русской жизни; но вообще наличныя данныя слишкомъ часто недостаточны для прочныхъ и широкихъ заключеній. Такимъ образомъ впереди предстоитъ еще большой трудъ собиранія и наблюденія, за которыми должны вступить въ свои права строгій анализъ и обобщенія науки. Чѣмъ скорѣе придетъ эта пора, тѣмъ благотворнѣе будетъ трудъ этнографическаго

[1]) „Вѣстн. Евр." 1885, апрѣль и май; въ сокращенномъ изложеніи эта статья была повторена, нѣсколько позднѣе, въ „Извѣстіяхъ" Географическаго Общества.

[2]) „О задачахъ русской этнографіи (нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній)". Москва, 1889 (Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія").

житъ сибиряка у
чтобы сложитьс
русскимъ начал
лѣнія бонапарт
детъ привито с
свою мощь въ
наблюденіяхъ
Лейеля, Дарви
больдта; тогда

туры, или въ видѣ изслѣдованій нѣмецко-русскихъ ученыхъ, на-
ются съ академическихъ экспедицій первой половины XVIII-го
лѣтія, становятся болѣе сознательными къ концу вѣка, стремятся
нять научную форму съ конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго
л., и затѣмъ, подъ вліяніемъ европейской новой филологіи и изу-
ія народнаго права, пріобрѣтаютъ дѣйствительно научный харак-
ръ, развившись особливо при параллельномъ дѣйствіи тѣхъ обще-
енныхъ условій, какія создали у насъ увлеченіе идеей „народа".
звѣстно, что возростаніе идеи „народа", совпадающее съ лучшими
жеміями въ исторіи нашей общественности, къ нашему времени
нимало съ одной стороны чисто практическій характеръ—въ стрем-
іи къ освобожденію крестьянъ, съ другой—характеръ идеалисти-
скій. Это послѣднее направленіе было въ началѣ прямой роман-
кой; потомъ оно осложняется теоріями нѣмецкой философіи, раз-
зояется на славянофильство и западничество, а еще позднѣе испы-
ываетъ воздѣйствія западнаго литературнаго и теоретическаго со-
іализма, въ родствѣ съ которымъ находится и доморощенное народ-
ничество. Но если въ нашемъ движеніи замѣчаются разнородные
отголоски европейской литературы и науки,—и послѣдняя воздѣй-
ствовала на наши этнографическія изученія самымъ очевиднымъ обра-
зомъ, — внутренняя основа дѣла создана собственными внушеніями
народнаго чувства и общественнаго сознанія, и не слѣдуетъ умень-
шать самостоятельнаго труда нашей литературы, и въ частности на-
родовѣдѣнія: какъ поэтическій реализмъ составляетъ въ большой
мѣрѣ самобытный результатъ и заслугу нашей литературы, такъ
интересъ къ изученію народа, почти неизмѣнно соединявшійся съ
участіемъ къ тяжелому матеріальному положенію народныхъ, особ-
ливо крѣпостныхъ, массъ, развивался самостоятельно и естественно,
особенно съ конца прошлаго вѣка, при первыхъ успѣхахъ просвѣ-
щенія. Въ наше время онъ дѣлался въ лучшей, наиболѣе воспріим-
чивой части общества поглощающимъ нравственнымъ интересомъ,
и „сближеніе съ народомъ", „хожденіе въ народъ", „опрощеніе"—
при всѣхъ ихъ крайностяхъ, объясняемыхъ частными условіями вре-
мени, — заставляютъ угадывать глубокій нравственный инстинктъ,
которому, быть можетъ, предстоитъ развиться въ здоровое и сильное
общественное начало.

Въ теченіе настоящаго изложенія мы видѣли, что развитіе этно-
графическаго изслѣдованія стояло вообще въ тѣсной связи, прямой
или косвенной, съ общимъ ходомъ движенія общественнаго и научно
литературнаго. Съ своей стороны этнографическое знаніе оказывало
весьма существенную поддержку этому движенію. При всѣхъ пробѣ-
лахъ нашей этнографіи въ настоящее время, она вмѣшивается

самые разнообразные интересы общественные, литературные и научные, и не разъ доставляла имъ важную опору фактическаго изученія народной жизни. Мы указывали выше слова Костомарова о связи этнографіи съ исторіей, и нѣтъ сомнѣнія, что помощь этнографіи способствовала новой, болѣе правильной постановкѣ многихъ вопросовъ прошедшаго нашей народности. Только съ успѣхами этнографическаго пониманія выясняются, хотя еще не рѣшены, вопросы о формаціи самой русской народности въ ея различныхъ варіаціяхъ; этнографія впервые указала на историческій процессъ развитія народнаго міровоззрѣнія, давала первую возможность представить наглядно и реально, опредѣленными чертами народно-поэтическаго преданія и бытового обычая, ту сущность „народности", которая въ прежнее время понималась только въ неясныхъ теоретическихъ предположеніяхъ или въ мистическихъ ожиданіяхъ, если не въ грубомъ смыслѣ неподвижности и застоя. Этнографическія изученія въ первый разъ, хотя не вдругъ, дали возможность войти въ міръ народной поэзіи и, опять, смѣнить прежнее неопредѣленное представленіе болѣе или менѣе точнымъ указаніемъ ея архаическаго содержанія и новѣйшихъ наслоеній, связи ея съ національнымъ бытомъ, а вмѣстѣ и съ запасомъ обще-европейскаго или даже европейско-азіатскаго поэтическаго преданія, о чемъ прежде даже не подозрѣвали. Очевидно, что при этомъ анализѣ, возможность котораго дана была съ одной стороны успѣхами историко-литературной критики, а съ другой новыми матеріалами этнографіи, получалось совсѣмъ иное построеніе исторіи народно-поэтическаго развитія: мы указывали въ другомъ мѣстѣ, какъ, съ развитіемъ этихъ изученій, рѣзко измѣнялась реставрація народно-поэтической старины и темный обликъ ея выступалъ въ болѣе и болѣе ясныхъ очертаніяхъ. Современная народная жизнь только съ успѣхами этнографіи становится доступной для литературнаго изображенія въ ея неподдѣльныхъ чертахъ. Чрезвычайно характеренъ фактъ той экспедиціи, гдѣ между прочимъ лучшіе писатели, работавшіе надъ изображеніемъ народнаго быта, были приглашены къ чисто этнографическому изслѣдованію одной области этого быта. Чрезвычайно знаменательно и то явленіе, когда съ освобожденіемъ крестьянъ, съ установленіемъ первыхъ зачатковъ земской самодѣятельности, открылись тѣ громадные труды, которые направлены были на изученіе народнаго экономическаго быта, или когда рядомъ съ тѣмъ началось изученіе народнаго юридическаго обычая—вмѣстѣ и для научныхъ, и для правительственныхъ цѣлей, а наконецъ первыя заботы о правильной постановкѣ народной школы. Только съ успѣхами бытовыхъ изученій могло явиться болѣе правильное и реальное пониманіе народныхъ элементовъ прежней исторіи и со-

временной народной жизни. Между прочимъ въ первый разъ могло явиться спокойное изученіе раскола: нѣкогда, и еще весьма недавно, вызывая только церковно-административныя преслѣдованія, онъ былъ почти закрытъ отъ спокойнаго изученія; теперь онъ въ первый разъ находилъ себѣ истолкованіе историческое и бытовое, въ первый разъ встрѣчалъ научный интересъ и общественное участіе. Не останавливаемся на многихъ другихъ примѣрахъ, гдѣ объясненія науки совпадали съ внушеніями общественнаго чувства и съ своей стороны развивали его: въ общественномъ пониманіи мало-по-малу уничтожается та пропасть, какая дѣлила нѣкогда „общество", „публику" отъ „народа", и все болѣе на мѣсто теоретическаго произвола становится реальное знаніе и возможность здраваго идеализма. Тѣ заслуженные дѣятели, которые совершали богатыя открытія въ этнографіи, какъ Рыбниковъ, какъ Гильфердингъ; тѣ ученые, которые, усвоивая пріемы западной науки, полагали основаніе научному объясненію народнаго преданія, какъ Буслаевъ,—не называемъ именъ другихъ достойныхъ дѣятелей и множества скромныхъ тружениковъ на поприщѣ этнографическаго знанія, — рядомъ съ пріобрѣтеніями для науки дѣлали и великое пріобрѣтеніе для уразумѣнія истинныхъ началъ и потребностей народной жизни. Въ трудахъ этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное самосознаніе, въ которомъ и заключено истинно народное дѣло.

самы
ные,
чені
связ
граф
вопр
гра
о ф
эти
род
гл
пр
пр
п
с
р

weselne (ч. I), Краковъ, 1869; St. Sw., Listy z Podlasia (Głos, 1887, № 22, 36, 45, 46).

Глава XII (стр. 393). Вопросъ о судьбѣ Кіева и кіевской земли послѣ монгольскаго нашествія поднятъ снова въ книгѣ М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія", Кіевъ, 1891 (большой томъ, изъ кіевскихъ „Универс. Извѣстій", 1891), стр. 427 и д. Авторъ склоняется на сторону взглядовъ Максимовича, В. Б. Антоновича и др., отрицая запустѣніе Кіевской земли и занятіе ея новымъ населеніемъ, и принимаетъ, напротивъ, непрерывность основвого народнаго типа, лишь осложнившагося новыми примѣсями послѣ монгольской эпохи.

Дополненія (стр. 420). 1 декабря 1891, телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ А. А. Потебни, въ Харьковѣ.

Томъ IV, отд. второй, глава I. Уже во время печатанія этого тома мы получили книгу А. А. Титова: „Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири" (изданіе Г. Юдина). Москва, 1890. Далѣе въ текстѣ упомянуты нѣкоторыя статьи этой книги; отмѣтимъ еще, что здѣсь изданъ текстъ статьи: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточнѣй странѣ и о языцѣхъ розныхъ", изслѣдованной г. Анучинымъ и напечатанной г. Титовымъ по одной изъ рукописей Погодинскаго собранія въ Публ. Библіотекѣ (стр. 1—6). Далѣе здѣсь издана вновь „Historia de Sibiria" (Крижанича), нѣкогда напечатанная въ лат. подлинникѣ и русскомъ переводѣ Г. И. Спасскимъ, который не зналъ тогда имени ея автора. Въ изданіи г. Титова статья, переизданная по латинскимъ рукописямъ Публ. Библіотеки, снабжена и новымъ русскимъ переводомъ (стр. 115—216).

Глава IX (стр. 361). Мы назвали статистическія работы, предпринятыя въ Восточной и Западной Сибири. Считаемъ нелишнимъ дать о нихъ болѣе подробное библіографическое указаніе. Первое изъ этихъ изданій называется:

„Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія". Томъ I. Ирк. 1889. 4°. Томъ II, въ 5 выпускахъ, 8°. М. 1890.

Во введеніи 1-го выпуска II тома подробно изложено происхожденіе этого замѣчательнаго труда, исполненнаго чинами министерства госуд. имуществъ совмѣстно съ лицами, спеціально приглашенными для этихъ работъ иркутскимъ ген.-губернаторомъ. Программа составлена была первоначально этими послѣдними лицами: это были Н. М. Астыревъ (по возвращеніи въ Россію замѣщенный М. М. Дубенскимъ), Л. С. Личковъ и Е. А. Смирновъ. Работы предприняты были по

ѣрѣ ихъ поступленія, не ожидая ихъ окончательной обработки ѣлому краю. До сихъ поръ явилось въ печати слѣдующее:

— „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“. Спб. 1888—91, I томовъ.

Вып. 1-й. Экономическій бытъ госуд. крестьянъ Богандинской, карской, Кашегальской, Черевишевской и Яровской волости, Тюнскаго округа, Тобольской губерніи,—С. К. Патканова.

Вып. 2-й. Такое же описаніе другихъ четырехъ волостей того же руга,—С. С. Пчелина.

Вып. 3-й, со вторымъ заглавіемъ: Экономическій бытъ государств. естьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи. Изслѣдованіе А. А. ауфмана. Часть I. 1889.

Вып. 4-й. Описаніе тринадцати волостей Тюменскаго округа,— . И. Соколова и В. Н. Горемыкина.

Вып. 5-й (продолженіе 3-го). Часть II. Спб. 1889.

Вып. 6-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тюкалинскаго округа, Тобольской губ.,—В. Я. Завадовскаго.

Вып. 7-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тарскаго округа, Тоб. губ.,—П. И. Соколова. 1890.

Вып. 8-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Курганскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Томъ I. Спб. 1890.

Вып. 9-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и осѣдлыхъ инородцевъ Туринскаго округа, Тоб. губерніи. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана. Часть I. Отдѣлъ I. Спб. 1890.

Вып. 10, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и инородцевъ Тобольскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе С. К. Патканова. Часть I. Спб. 1891.

Вып. 11-й (продолженіе 9-го, съ тѣмъ же заглавіемъ) Часть I. Отдѣлъ II. Спб. 1891.

Вып. 12-й (продолженіе 10-го, съ тѣмъ же заглавіемъ). Часть II. Спб. 1891.

Вып. 13-й (продолженіе 9-го и 11-го, съ тѣмъ же заглавіемъ). Часть II. Спб. 1891.

Вообще въ программу описанія или разслѣдованія вошли слѣдующіе предметы, которымъ обыкновенно и посвящены отдѣльныя главы: топографическій и климатическій очеркъ края; населеніе; земельное довольствіе; казенные и крестьянскіе лѣса; казенныя оброчныя статьи; отношенія крестьянъ къ лѣсамъ и землямъ частныхъ владѣльцевъ; источники благосостоянія крестьянъ и инородцевъ; податное обложе-

[illegible]

[illegible] описанiе [illegible] нѣсколькихъ семей разной сте-[illegible] [illegible] инородцевъ; наконецъ, таблицы.

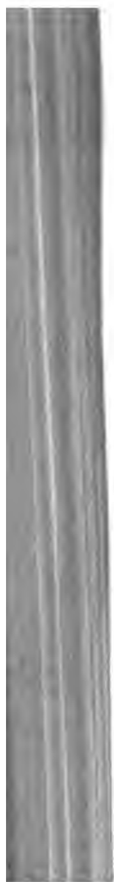
[illegible] изслѣдованіе, которое конечно [illegible] нѣкоторыя изслѣдованія [illegible] напр. въ особенности въ [illegible] это цѣлые обширные [illegible] характерѣ страны, мѣстномъ [illegible] и т. д. Изслѣдованіе эконо-[illegible] этнографическимъ, и черты по-[illegible] сповываются на внимател-[illegible]

[illegible] изслѣдованію инородцевъ укажемъ [illegible] Якутскія сказки, пѣсни, [illegible] сказки и пѣсни, записанныя [illegible] въ „Запискахъ" Во-[illegible] Сибирякова. Пр. [illegible] прежнее время не мало рабо-[illegible] [illegible] пѣсенъ". М. [illegible] „Ве-[illegible] 1861; [illegible] повѣсти". Спб. [illegible] „Русская [illegible] Спб. 1863. Безъ [illegible] вышла [illegible] За границей былъ [illegible] „Опытъ [illegible] говорахъ. Худяковъ [illegible] казан-[illegible] въ 1866 сосланъ въ Сибирь по [illegible] въ „Верх[illegible] Сбор-[illegible]

[illegible] сказки и повѣрья" и „[illegible] бу-[illegible] этнографами изъ самихъ бурятъ [illegible] изданныя на средства хамбо-ламы Д. Г. [illegible] Восточно-Сибирскаго Отдѣла. [illegible]

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 01765 2978

